This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

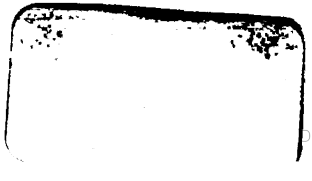
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855829 7

Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 11-ая.

НОЯБРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

КНИГА 11-ая. — НОЯБРЬ, 1868.

I. — НАТАНЪ МУДРЫЙ. — Драматическое стихотвореніе **Лессинга**, въ пяти дѣйствіяхъ. — Четвертое и пятое дѣйствія. — **В. А. Крылова** . . . . . .

II. — КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ И ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ. — 1764—80 гг. — I — VII. — **П. О. Дубровина** . . . . . .

III. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга вторая. — I - XIV. . . . . .

IV. — РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812 — 1826. — III. Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму; мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина. — Отношеніе духовенства къ библейскому дѣлу. — Интрига противъ кн. Голицына, и союзъ противъ Библейскаго Общества. — Разсказы о паденіи кн. Голицына. — Гр. Аракчеевъ, Шишковъ, митр. Серафимъ и архим. Фотій. — Госперовское дѣло . . . . . .

V. — СОБАЧІЙ ПИРЪ. — Ямбы Барбье. — **В. П. Буренина** . . . . . .

VI. — ГРАФЪ МИРАБО И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КО ДВОРУ. — По новымъ извѣстіямъ. — **И. И.** . . . . . .

VII. — ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВО ФРАНЦІИ. — Статья вторая. — III. ОКТАВЪ ФЕЛЬЕ. — IV. АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА. — **Евг. Утина** . . . . . .

VIII. — ДВА МѢСЯЦА ВЪ СЕРБІИ. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — I. — **П. А. Ровинскаго** . . . . . .

IX. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ. —

Внутреннее Обозрѣніе: Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. — «Своеволіе, пьянство» народа и стремленіе къ переселенію. — Общій результатъ хода освобожденія. — Двоякая мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній. — Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ. — Положеніе о земельномъ надѣлѣ бессарабскихъ царанъ. — За кѣмъ теперь очередь? — Крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, и «Окраины Россіи» г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты. — Обезземеленіе крестьянъ . . . . . .

Иностранное Обозрѣніе: Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 ея революцій. — Сравненіе аранжуецскаго pronunciamento 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 года и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 года и Ріэго. — Прагматическая санкція и Донъ-Карлосъ. — Регентство Маріи Христины. — Pronunciamento Эспартеро и его регентство. — Изабелла II и революція 1854 г. — 18-е сентября, и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временнаго правительства. — Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ . . . . . .

X. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — ПРУССКАЯ БЮРОКРАТІЯ. — **К.** .

XI. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ. — Хроника общественной жизни. — **о** — . . . .

XII. — НОВАЯ ПОЧТОВАЯ ТАКСА ПЕРЕСЫЛКИ ЖУРНАЛОВЪ . . . . . .

XIII. — ТЕАТРЫ. — НАЧАЛО ТЕАТРАЛЬНАГО СЕЗОНА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. — Новыя пьесы: «Воробушки», «Самодуръ», «Перемелется — мука будетъ», «Сельская школа». — **В. Т.** . . . . . .

XIV. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Октябрь. — I. Русская Литература: Русскіе на Босфорѣ. — Записки Н. Н. Муравьева. — Общественное воспитаніе въ Россіи. Ѳ. Уманца. — Сочиненія Е. А. Баратынскаго. . . . . .

XV. — ОБЪЯВЛЕНІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленіе о подпискѣ цѣны на 1869 годъ и объ увеличеніи Почтамтомъ платы пересылку отъ 1 руб. 50 к. до 2 руб. 80 к. прилагается особо.

304

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXVIII. — 1/13 НОЯБРЯ 1868.

Digitized by Google

Digitized by Google

9039

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ VI.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

PRINTED IN RUSSIA

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
522687 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1931 L

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА КІЕВСКАГО РУССКАГО КУПЕЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ*).

(1779 г.)

(Лессинга)

Introite, nam et heic dii sunt!
Apud Gellium.

Л И Ц А.

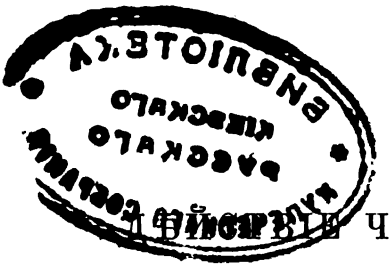
САЛАДИНЪ, султанъ.
ЗИТТА, сестра его.
НАТАНЪ, богатый еврей въ Іерусалимѣ.
РЭХА, его пріемная дочь
ДАЙА, христіанка, живущая въ домѣ еврея, какъ собесѣдница Рэхи.
МОЛОДОЙ ХРАМОВНИКЪ.
ДЕРВИШЪ.
ПАТРІАРХЪ Іерусалимскій.
МОНАСТЫРСКІЙ СЛУЖКА.
ЭМИРЪ и МАМЕЛЮКИ Саладина.

Дѣйствіе происходитъ въ Іерусалимѣ.

---

*) См. выше, т. V, стр. 493—614.

Digitized by Google



ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Въ сводчатыхъ переходахъ монастыря.

СЛУЖКА и вскорѣ потомъ ХРАМОВНИКЪ.

СЛУЖКА.

Да, да.... Онъ правъ, нашъ патріархъ.... Конечно,
Изо всего, что онъ мнѣ поручалъ,
Не удавалось многое.... Зачѣмъ же
Даетъ онъ мнѣ такія порученья?
Я не хочу быть хитрымъ, не люблю
Оспаривать, совать свой носъ повсюду,
За все, за все хвататься! И затѣмъ ли
Я для себя отъ міра удалился,
Чтобъ тутъ-то и запутаться сильнѣе
Въ дѣла мірскія для другихъ.

ХРАМОВНИКЪ — поспѣшно подходя къ нему.

А! вотъ вы!
Мой добрый братъ. Я васъ давно ищу.

СЛУЖКА.

Вы, господинъ, меня искали?

ХРАМОВНИКЪ.

Развѣ
Ужъ вы меня не узнаете?

СЛУЖКА.

Да.
О, да! — я знаю васъ; я только думалъ,
Что никогда мнѣ не придется снова
Встрѣчаться съ вами, я, какъ передъ Богомъ,
Надѣялся на это; потому что

Digitized by Google

Извѣстно Господу, какъ непріятно
Мнѣ было предложеніе, съ которымъ
Меня заставили къ вамъ обратиться.
Извѣстно Господу — желалъ ли я,
Чтобъ выслушали вы его охотно;
Какъ въ глубинѣ души я былъ доволенъ,
Когда, безъ дальнихъ размышленій, сразу
Вы оттолкнули отъ себя все то,
Что недостойно рыцаря. И что же,
Вы все-таки приходите?! Теперь
Оно-таки подѣйствовало, рыцарь?!

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ вамъ извѣстно, почему пришелъ я?
Объ этомъ я едва-ли знаю самъ.

СЛУЖКА.

Вы передумали, вы убѣдились,
Что патріархъ былъ не совсѣмъ не правъ,
Что предпріятіе его могло бы
Вамъ принести и честь и деньги? Такъ ли?
Что врагъ нашъ — все-таки нашъ врагъ, хотя бы
Намъ ангеломъ-хранителемъ онъ былъ.
Все это вы обдумали, все это
Вамъ въ плоть и кровь вошло, и вы пришли,
Чтобъ предложить.... Ахъ! Господи!...

ХРАМОВНИКЪ.

Утѣшьтесь,
Мой честный братъ, мой добрый, не затѣмъ
Я прихожу сюда, и не объ этомъ
Хочу я съ патріархомъ говорить.
Еще на этотъ счетъ своихъ воззрѣній
Я не мѣнялъ, и ни за что на свѣтѣ
Мнѣ не хотѣлось бы лишиться мнѣнья
Хорошаго, которымъ удостоилъ
Меня такой прямой, благочестивый
И добрый человѣкъ. Я прихожу,
Чтобъ только кой-о-чемъ спросить совѣта
У патріарха.

Digitized by Google

СЛУЖКА — робко оглядываясь.

Вы? у патріарха?
Вы, рыцарь, у попа?

ХРАМОВНИКЪ.

Само-то дѣло
Порядочно поповское.

СЛУЖКА.

Ну, попъ
Совѣтоваться съ рыцаремъ не станетъ,
Хотя-бъ и рыцарское дѣло было.

ХРАМОВНИКЪ.

За то скорѣй онъ смѣетъ провиниться;
Но преимуществу такому много
Завидовать иной изъ насъ не будетъ.
Конечно, еслибъ только о себѣ
Я хлопоталъ; когда-бъ я былъ обязанъ
Отчетомъ одному себѣ, не сталъ бы
Справляться съ вашимъ патріархомъ; но,
Въ извѣстныхъ случаяхъ, я поступаю
Скорѣе дурно по чужимъ желаньямъ,
Чѣмъ хорошо, — но не сносясь ни съ кѣмъ.
Притомъ, теперь я вижу это ясно,
Религія есть партія — и кто
Себя воображаетъ чуждымъ партій,
Тотъ все-таки, не замѣчая самъ,
Права своихъ отстаиваетъ только.
А если разъ оно ужъ таково,
Такъ, вѣроятно, это справедливо.

СЛУЖКА.

Я лучше промолчу. Мнѣ, господинъ мой,
Такія рѣчи не совсѣмъ понятны.

ХРАМОВНИКЪ.

И все-таки....

Про себя.

Да собственно-то что же

Digitized by Google

Мнѣ нужно? что? совѣтъ иль приговоръ?
Совѣтъ прямой и ясный — иль ученый?

Служкѣ.

Спасибо вамъ за добрый вашъ намекъ,
Мой братъ. Что патріархъ!? Нѣтъ, патріархомъ
Мнѣ будьте вы. Вѣдь патріарха больше,
Какъ христіанина хочу спросить я,
Чѣмъ христіанина, какъ патріарха, —
Такъ дѣло въ томъ....

СЛУЖКА.

Нѣтъ, нѣтъ, ни слова больше.
Зачѣмъ? Вы ошибаетесь во мнѣ.
Кто много знаетъ, у того и много
Заботъ, а я всегда хвалился только
Одной заботой.... Слушайте. Вотъ кстати!
Смотрите, какъ я счастливъ! вонъ, идетъ онъ.
Останьтесь здѣсь, ужъ онъ замѣтилъ васъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАТРІАРХЪ выходитъ изъ сводчатаго перехода, во всемъ великолѣпіи обстановки духовнаго лица, и ПРЕЖНІЕ.

ХРАМОВНИКЪ.

Отъ этого я лучше ускользнулъ бы.
Онъ не совѣтчикъ мнѣ. Румяный, толстый,
Веселенькій прелатъ. И что за роскошь!

СЛУЖКА.

Взглянули бы вы на него, когда
Онъ во дворецъ сбирается; теперь же
Ходилъ къ больному.

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ тутъ Саладина
Ему не пристыдить?!

Digitized by Google

ПАТРІАРХЪ — подходя ближе, зоветъ служку рукой.

Сюда. — Вѣдь это
Храмовникъ? Что̀ ему?

СЛУЖКА.

Не знаю.

ПАТРІАРХЪ — подходитъ къ храмовнику, свита и служка отступаютъ въ глубину.

Ну —
Я очень радъ васъ видѣть, храбрый рыцарь,
И молодой — да, очень молодой!...
Такъ съ Божьей помощью — кой-что могло бы
И выйти изъ того.

ХРАМОВНИКЪ.

Едва ли больше,
Отецъ достопочтенный, — чѣмъ ужъ есть.
Скорѣе меньше.

ПАТРІАРХЪ.

Я, по крайней мѣрѣ,
Желаю, чтобъ еще вы долго, долго,
Благочестивый рыцарь, процвѣтали —
На пользу дѣла Божьяго, — на славу
И честь любезнаго намъ христіанства.
И если только мужество младое
Совѣтамъ зрѣлымъ старости съ умѣньемъ
Послѣдуетъ, — надѣюсь, такъ и будетъ.
Но чѣмъ могу вамъ услужить?

ХРАМОВНИКЪ.

Тѣмъ самымъ,
Въ чемъ молодость пуждается: совѣтомъ.

ПАТРІАРХЪ.

Я очень радъ. — Но примутъ ли совѣтъ мой?

ХРАМОВНИКЪ.

Не слѣпо.

Digitized by Google

ПАТРІАРХЪ.

Кто же это говоритъ?!
Конечно, долженъ пользоваться всякій
Разсудкомъ, даннымъ Господомъ, — но тамъ,
Гдѣ слѣдуетъ. Всегда ли онъ умѣстенъ?
Примѣрно: если Богъ — чрезъ одного
Изъ ангеловъ своихъ — въ лицѣ, положимъ,
Служителя его святого слова —
Насъ удостоиваетъ знать то средство,
Которымъ процвѣтанье нашей церкви —
На благо христіанству — мы могли бы
Упрочить, укрѣпить, какимъ-нибудь
Особымъ способомъ, — тогда — кто смѣетъ
Изслѣдовать разсудкомъ произволъ
Того, кѣмъ созданъ былъ разсудокъ?... Кто
Осмѣлится — по правиламъ ничтожнымъ
Какой-то чести суетной — провѣрить
Законъ небеснаго величья? — вѣчный
Законъ? Но будетъ съ насъ объ этомъ. Въ чемъ же
Вы требуете нашего совѣта?

ХРАМОВНИКЪ.

Положимъ, праведный отецъ, что есть
Дитя единственное у еврея, —
Что это — дѣвушка, — что съ величайшей
Заботливостью воспиталъ еврей
Ее на все прекрасное, что любитъ
Ее онъ больше жизни, что она
Ему любовью кроткой отвѣчаетъ.
И вотъ, кому-нибудь изъ насъ доносятъ,
Что эта дѣвушка — не дочь еврея,
Что будто онъ ее еще младенцемъ
Нашелъ, купилъ, похитилъ, — что̀ хотите.
И знаютъ, будто, что она родилась
Отъ христіанъ и крещена, что только
Еврей ее воспитывалъ еврейкой,
И до сихъ поръ еврейкой оставляетъ,
Какъ дочь свою. Отецъ достопочтенный,
Скажите, что̀ тутъ дѣлать?

ПАТРІАРХЪ.

Я сраженъ!

Digitized by Google

Но прежде объяснитесь: этотъ случай —
Гипотеза иль фактъ? — Сказать иначе:
Все это такъ лишь вами, господинъ,
Сочинено, иль точно совершилось
Оно и продолжаетъ совершаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Я думалъ: если хочешь только мнѣнье,
Отъ вашего святѣйшества, узнать,
Такъ это все равно.

ПАТРІАРХЪ.

Равно? — Смотрите,
Какъ можетъ гордый разумъ человѣка
Въ духовномъ дѣлѣ ошибаться. Нѣтъ!
Коль вамъ угодно только забавляться
Игрою остроумія, не стоитъ
Труда серьезно говорить о томъ,
И я къ театру отсылаю васъ,
Гдѣ могутъ этакія pro et contra
Съ успѣхомъ представляться. Но когда
Не шутку театральную въ насмѣшку
Вы разсказали мнѣ, и этотъ случай
Есть фактъ, который совершился даже
Въ любезномъ нашемъ Іерусалимѣ,
Въ епархіи у насъ — тогда....

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, что же?

ПАТРІАРХЪ.

Жида сейчасъ подвергнуть наказанью,
Которымъ — за такое святотатство
И злодѣяніе — велятъ казнить
Законы императора и папы.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вотъ что?!

ПАТРІАРХЪ.

А помянутымъ закономъ

Digitized by Google

Повелѣно жечь на кострѣ еврея,
Коль христіанина онъ совращаетъ
Въ религіи.

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ вотъ оно?!

ПАТРІАРХЪ.

Тѣмъ больше
Еврея, — оторвавшаго насильно
Младенца христіанскаго отъ церкви,
Съ которой связанъ онъ своимъ крещеньемъ. —
И чтожъ, какъ не насиліе все то,
Что дѣлаютъ съ безпомощнымъ младенцемъ?
Ну — такъ сказать — конечно, исключая
Того, что церковь дѣлаетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

А еслибъ
Средь бѣдствій нищеты дитя погибло,
Когда-бъ надъ нимъ не сжалился еврей?

ПАТРІАРХЪ.

Вздоръ! — Ничего не значитъ! Сжечь еврея
Затѣмъ, что лучше въ бѣдствіяхъ погибнуть,
Чѣмъ къ вѣчному грѣху спастись. Притомъ же,
Зачѣмъ еврей предупреждаетъ Бога? —
Захочетъ Богъ — спасетъ и безъ него.

ХРАМОВНИКЪ.

И вопреки ему, какъ надо думать,
Богъ можетъ дать и вѣчное блаженство?

ПАТРІАРХЪ.

Не значитъ ничего — еврея сжечь.

ХРАМОВНИКЪ.

Мнѣ это жаль. Особенно, какъ слышно,
Еврей ее воспитывалъ не столько

Digitized by Google

Въ своей, какъ вовсе безо всякой вѣры.
О Богѣ же не больше и не меньше
Онъ говорилъ, какъ только то, чѣмъ разумъ
Довольствоваться можетъ.

ПАТРІАРХЪ.

Все равно!
Еврея сжечь. Да за одно за это
Онъ долженъ быть сожженъ три раза. Что?!
Безъ всякой вѣры вырастить ребенка?
Не научить его святѣйшей нашей
Обязанности вѣровать? — Ну, нѣтъ!
Ужъ это слишкомъ. Удивляюсь, рыцарь,
Какъ сами вы....

ХРАМОВНИКЪ.

Честной отецъ! — Коль Богу
Угодно будетъ, такъ объ остальномъ
На исповѣди...

Хочетъ идти.

ПАТРІАРХЪ.

Что?! — не дать мнѣ даже
Отчета? — не назвать жида злодѣя?
Его ко мнѣ не привести? — Но знаю,
Что сдѣлать. Я сейчасъ иду къ султану.
Султанъ обязанъ охранять насъ въ силу
Капитуляціи, въ которой клятву
Онъ далъ, — во всѣхъ правахъ насъ охранять,
Во всѣхъ ученіяхъ, какія только
Причислить смѣемъ къ нашей пресвятѣйшей
Религіи. Увидимъ. — Слава Богу,
Оригиналъ у насъ, и мы имѣемъ
Печать его и подпись. Мы, — притомъ,
Я объяснить ему легко съумѣю,
Какъ и для государства самого
Безвѣріе опасно, какъ всѣ узы
Гражданскія порвутся и погибнутъ,
Коль ни во что не будутъ вѣрить люди.
Прочь! прочь! съ подобнымъ святотатствомъ!

ХРАМОВНИКЪ.

Жаль,

Digitized by Google

Что недосугъ мнѣ дольше насладиться
Прекраснымъ поученьемъ. Къ Саладину
Я позванъ....

ПАТРІАРХЪ.

Да? — Итакъ — тогда — конечно....

ХРАМОВНИКЪ.

Коль вашему святѣйшеству угодно,—
Султана приготовлю я....

ПАТРІАРХЪ.

О! — знаю,
Что вы снискали милость Саладина.
Прошу васъ, у него припоминайте
Вы обо мнѣ хорошее одно.
Мной только ревность къ Богу руководитъ,
И если дѣлаю я слишкомъ много,
Такъ для него же. Взвѣсьте это, рыцарь.
Помянутый же случай объ евреѣ,
Не правда ли, была проблема? — да?
И, такъ сказать....

ХРАМОВНИКЪ.

Проблема.

Уходитъ.

ПАТРІАРХЪ.

Про себя.

Но въ которой
Я долженъ глубже розыскать основы....
И это будетъ снова порученье —
Для брата Бонафида.

Служкѣ.

Слушай, сынъ мой....

Уходитъ, разговаривая со служкой.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Комната во дворцѣ Саладина, куда рабы приносятъ множество мѣшковъ и ставятъ ихъ на полъ одинъ подлѣ другого.

САЛАДИНЪ, и вскорѣ потомъ ЗИТТА.

САЛАДИНЪ — входя.

Ну, право, и конца имъ нѣтъ.... А много
Еще осталось тамъ?

РАБЪ.

Не меньше половины.

САЛАДИНЪ.

Такъ отнесите остальное Зиттѣ.
Да гдѣ-жъ Ал-Гафи? Пусть возьметъ онъ деньги.
Иль отослать ихъ лучше всѣ къ отцу?
Здѣсь все-таки сквозь пальцы ихъ пропустишь,
Хоть, правда, станешь черствымъ наконецъ.
Теперь придется быть весьма искуснымъ,
Чтобъ у меня порядкомъ поживиться; —
И бѣдность пусть справляется, какъ хочетъ,
Пока, по крайней мѣрѣ, изъ Египта
Не пришлютъ деньги. Только сбыть бы съ рукъ
Раздачу подаянія у гроба....
Паломниковъ не отпустить съ пустыми
Руками.... Только-бъ я....

ЗИТТА.

Что-жъ это значитъ?
Мнѣ деньги принесли?

САЛАДИНЪ.

Ты заплати
Себѣ изъ нихъ мой долгъ, а остальное
Оставь въ запасѣ.

ЗИТТА.

Нàтанъ и храмовникъ
Еще не приходили?

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Натанъ ищетъ
Его вездѣ.

ЗИТТА — показывая ему маленькій рисунокъ.

Смотри, что̀ я нашла,
Перебирая старыя вещицы.

САЛАДИНЪ.

Мой братъ!!... — Таковъ онъ! Ахъ! Такимъ онъ былъ....
О милый, храбрый юноша, какъ рано
Я потерялъ тебя! — Чего-бъ мы вмѣстѣ,
Другъ подлѣ друга не свершили?! Зитта,
Оставь рисунокъ мнѣ. Я помню, братомъ
Онъ подаренъ былъ нашей Лиллѣ, старшей
Сестрѣ твоей, когда однажды утромъ
Она упорно изъ своихъ объятій
Не соглашалась отпустить Ассада.
Въ послѣдній разъ онъ выѣхалъ! — Онъ мною
Отпущенъ былъ! — одинъ! — и Лилла, съ горя
Скончавшись, никогда мнѣ не простила,
Что одного его я отпустилъ.
Онъ не вернулся.

ЗИТТА.

Бѣдный братъ!

САЛАДИНЪ.

Довольно!
Когда-нибудь и всѣхъ насъ здѣсь не будетъ.
Къ тому-жъ—кто знаетъ? Юношу такого,
Какъ онъ — не смерть одна съ пути сбиваетъ;
Враги его безчисленны, и часто
Изнемогаетъ сильный, какъ и слабый.
Объ немъ довольно. Я хочу сравнить
Съ храмовникомъ его изображенье.
Посмотримъ, много ли я былъ обманутъ
Моимъ воображеньемъ.

ЗИТТА.

Я затѣмъ-то

Digitized by Google

Портретъ и принесла. — Давай сюда.
Объ этомъ я скажу тебѣ, — на это
Нѣтъ глазъ пригоднѣй женскихъ.

САЛАДИНЪ — входящему привратнику.

Кто? Храмовникъ? —
Впустить.

ЗИТТА.

Чтобъ любопытствомъ не смущать,
Чтобъ не мѣшать вамъ...

Садится въ сторонѣ на диванъ и опускаетъ покрывало.

САЛАДИНЪ.

Хорошо. — Про себя. Послушать,
Каковъ-то голосъ? — Вѣдь и голосъ брата
Пожалуй спитъ еще въ моей душѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХРАМОВНИКЪ и САЛАДИНЪ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я — плѣнникъ твой, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Мой плѣнникъ? нѣтъ.
Кому я жизнь дарю, тому могу-ли
Не подарить свободу.

ХРАМОВНИКЪ.

Что тебѣ
Пристало дѣлать, мнѣ пристало слушать,
Не предъугадывать. Но не согласно
Съ моимъ характеромъ и положеньемъ,
Чтобъ началъ увѣрять я — что за жизнь
Тебѣ необычайно благодаренъ.
Во всякомъ случаѣ, она отнынѣ
Опять къ твоимъ услугамъ.

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Нѣтъ. Но только
Не пользуйся ты ею мнѣ во вредъ,
Хоть я врагамъ моимъ отдамъ охотно
Двѣ лишнія руки, но тяжело бы
Мнѣ было имъ отдать такое сердце.
Мой храбрый юноша, я не ошибся
Въ тебѣ: ты братъ мой и душой и тѣломъ.
Я даже могъ-бы, кажется, спросить:
Куда ты пропадалъ все это время?
Въ какой пещерѣ спалъ? въ какой чудесной
Странѣ, какой волшебницею доброй
Такой цвѣтокъ такъ сохраненъ прекрасно?
Я могъ-бы пожелать тебѣ напомнить:
Что здѣсь и тамъ мы вмѣстѣ совершали.
Поссориться съ тобою могъ бы я
За то, что отъ меня имѣлъ ты тайну,
И приключенье скрылъ. Я могъ-бы, — если-бъ
Съ тобою рядомъ я себя не видѣлъ.
Пускай! и въ этой сладостной мечтѣ —
Настолько правды все-таки найдется,
Что мнѣ приходится на осень жизни
Опять Ассада увидать цвѣтущимъ.
Вѣдь ты доволенъ этимъ, рыцарь?

ХРАМОВНИКЪ.

Все,
Что для меня рѣшается тобою —
Что-бъ ни было оно — въ моей душѣ
Хранилось, какъ желанье.

САЛАДИНЪ.

Такъ давай-же
Мы это испытаемъ. Ты-бъ остался
Здѣсь у меня? остался-бы при мнѣ?
Какъ христіанинъ или мусульманинъ —
Мнѣ все равно. Въ твоемъ плащѣ съ крестомъ —
Иль въ нашемъ платьѣ, въ шляпѣ-ли, въ чалмѣ-ли,
Какъ хочешь — все равно. Я никогда
Не требовалъ, чтобъ всѣ деревья всюду
Росли-бы съ одинаковой корой.

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

Иначе ты-бы не былъ тѣмъ, что̀ есть:
Герой, которому пріятнѣй было-бъ
Господень садъ лелѣять и ростить.

САЛАДИНЪ.

Ну, если я кажусь тебѣ не хуже,
То мы почти поладили.

ХРАМОВНИКЪ.

Совсѣмъ.

САЛАДИНЪ — протягивая руку.

И слово...

ХРАМОВНИКЪ — ударяя по рукѣ.

Мужа — неизмѣнно. Съ этимъ
Получишь больше, чѣмъ ты могъ бы взять.
Я твой душой и тѣломъ.

САЛАДИНЪ.

Слишкомъ много
Мнѣ прибыли для нѣсколькихъ часовъ.
А онъ? — съ тобой онъ не пришелъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Кто?

САЛАДИНЪ.

Нàтанъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, я одинъ пришелъ.

САЛАДИНЪ.

Какой прекрасный
Поступокъ твой! Какая мудрость въ счастьи,
Что выпалъ-же такой поступокъ въ пользу
Такого человѣка.

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

Правда — правда.

САЛАДИНЪ.

Такъ холодно?! нѣтъ, рыцарь, если Богъ
Чрезъ насъ добро являетъ, не должны мы
Не только быть холодными, но даже
Изъ скромности холодными казаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣдь вотъ—на свѣтѣ въ каждомъ дѣлѣ сыщешь
Такія стороны, что часто вовсе
Понять нельзя: что̀ общаго въ нихъ есть.

САЛАДИНЪ.

Всегда старайся лучшаго держаться
И Бога восхваляй. Онъ знаетъ, что̀
Въ нихъ общаго. Но если затрудняться
Ты будешь, такъ и мнѣ съ тобой придется
Быть осторожнымъ; и во мнѣ найдутся,
Къ несчастью, стороны, которыхъ часто
На взглядъ нельзя порядкомъ согласить.

ХРАМОВНИКЪ.

Мнѣ это слышать больно: я бываю
Такъ рѣдко подозрительностью грѣшенъ.

САЛАДИНЪ.

Скажи мнѣ, кто-жъ тебѣ ее внушаетъ?
Казалось, будто Нàтанъ? Какъ? ты можешь
Подозрѣвать его? Такъ объяснись!
Дай испытать, что ты ко мнѣ довѣрчивъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я Нàтана ни въ чемъ не обвиняю.
Я на себя сержусь.

САЛАДИНЪ.

И почему?

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

Что сдуру бредилъ: будто есть возможность
Еврею разучиться быть жидомъ,
Что бредилъ на-яву.

САЛАДИНЪ.

Но въ чемъ-же дѣло?

ХРАМОВНИКЪ.

У Нàтана есть дочь. Ты слышалъ, что̀
Я сдѣлалъ для нея. Я это сдѣлалъ
Ну—потому, что сдѣлалъ. Слишкомъ гордъ я,
Чтобъ видѣть благодарность гдѣ не стою:
И вотъ день ото дня я уклонялся
Отъ новой встрѣчи съ дѣвушкой. А Нàтанъ
Былъ далеко. Онъ пріѣзжаетъ, слышитъ,
Меня сыскалъ, меня благодаритъ,
Онъ хочетъ, чтобы дочь мнѣ полюбилась,
Болтаетъ про надежды, про веселье
Грядущихъ дней.... Ну... я развѣсилъ уши,
Иду къ нему, гляжу, и вижу, точно,
Что дѣвушка.... Стыдиться долженъ я....

САЛАДИНЪ.

Стыдиться? — Не того-ль, что впечатлѣнье
Произвела еврейка на тебя?
О! никогда!

ХРАМОВНИКЪ.

Что молодое сердце,
Плѣняясь болтовней отца, такъ мало
Противилось такому внечатлѣнью.
Я въ пламя снова бросился, безумецъ!
Я сватался—и получилъ отказъ.

САЛАДИНЪ.

Отказъ?!

ХРАМОВНИКЪ.

Отецъ-филосовъ, ужъ конечно,

Digitized by Google

Не отказалъ мнѣ нàчисто, но прежде
Онъ долженъ разузнать и пообдумать...
О!... непремѣнно!.. Я вѣдь такъ-же дѣлалъ!
Разузнавалъ, обдумывалъ вѣдь тоже
Когда она кричала изъ огня!
По истинѣ — ей Богу — это нѣчто
Прекрасное, настолько мудрымъ быть
И разсудительнымъ.

САЛАДИНЪ.

Ну!.. Будь немножко
Поснисходительнѣе къ старику.
Не можетъ онъ отнѣкиваться долго.
Не станетъ-же онъ требовать, чтобъ ты
Евреемъ сдѣлался?

ХРАМОВНИКЪ.

Кто знаетъ?

САЛАДИНЪ.

Знаетъ —
Кто лучше съ этимъ Нàтаномъ знакòмъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Вѣдь оттого, что сами мы признàемъ
То суевѣріе, въ которомъ съ дѣтства
Мы выросли, еще не потеряетъ
Оно надъ нами власти, — и не всякій
Свободенъ, кто смѣется надъ своими
Цѣпями.

САЛАДИНЪ.

Замѣчанье очень здраво,
Но ты....

ХРАМОВНИКЪ.

И худшее изъ суевѣрій:
Считать свое — терпимѣй всѣхъ.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй!
Но Нàтана....

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

И только *своему*
Тупое человѣчество довѣритъ,
Пока оно привыкнетъ къ свѣтлымъ днямъ
Безспорной правды.

САЛАДИНЪ.

Да, но эту слабость
Не встрѣтишь въ Натанѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Я такъ-же думалъ.
Что-жъ? если онъ, обманщикъ этотъ наглый,
Не что иное, какъ завзятый жидъ,
Сбирающій младенцевъ христіанскихъ,
Чтобъ ихъ жидами дѣлать? что тогда?

САЛАДИНЪ.

Кто въ этомъ упрекнетъ его?

ХРАМОВНИКЪ.

И даже
Та дѣвушка, которой заманилъ онъ
Меня, и самъ, казалось, такъ охотно
Хотѣлъ мнѣ отплатить ея надеждой,
Что для нея, какъ онъ сказалъ, не даромъ
Я сдѣлалъ, — эта дѣвушка ему
Совсѣмъ не дочь: пріемышъ! христіанка!

САЛАДИНЪ.

И все-таки не хочетъ онъ отдать
Ее тебѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Не хочетъ или хочетъ,
Но сорвана личина съ лицемѣра!
Но онъ открытъ! болтунъ вѣротерпимый!
И я съумѣю напустить собакъ —
Подъ философскою бараньей шкурой

Digitized by Google

На волка хищнаго жидовской крови...
Онѣ его взъерошатъ.

САЛАДИНЪ.

Христіанинъ!
Спокойнѣй!

ХРАМОВНИКЪ.

Христіанинъ! Какъ? — но если
И жидъ и мусульманинъ за свое
Стоятъ, — такъ вѣрно, только христіанинъ
Не смѣетъ христіаниномъ являться.

САЛАДИНЪ.

Спокойнѣй, христіанинъ! —

ХРАМОВНИКЪ.

Саладинъ!
Я въ этомъ словѣ чувствую всю тяжесть
Упрека твоего. Ахъ! — еслибъ зналъ я,
Какъ тутъ Ассадъ — Ассадъ твой поступилъ бы.

САЛАДИНЪ.

Немногимъ лучше и навѣрно съ той же
Горячностью. Но гдѣ-жъ ты научился
Такъ подкупать меня, какъ онъ, бывало,
Однимъ намекомъ? — Да, конечно, если
Все вышло такъ, какъ ты мнѣ разсказалъ,
Я Натана и самъ не понимаю.
Покамѣстъ онъ мнѣ другъ — и не должны
Мои друзья сердиться другъ на друга.
Дай разъяснить себѣ. Будь остороженъ.
Не подвергай его сейчасъ гоненью
Мечтателей народа твоего.
Смолчи о томъ, съ чѣмъ ваше духовенство
Ко мнѣ пристало бы, ему отмщая.
Не стой за христіанство — только на-зло
Жиду иль мусульманину.

ХРАМОВНИКЪ.

А скоро

Digitized by Google

Мнѣ это поздно было бы. Спасибо,
Что патріархъ такъ кровожаденъ, — ужасъ
Беретъ — ему орудіемъ служить.

САЛАДИНЪ.

Какъ? — Прежде, чѣмъ ко мнѣ, ты къ патріарху
Отправился.

ХРАМОВНИКЪ.

Меня смутила страсть
И нерѣшительность.... Прости. Боюсь я,
Что узнавать ты больше не захочешь
Во мнѣ черты Ассада твоего.

САЛАДИНЪ.

Я узнаю его въ такой боязни.
Мнѣ кажется, извѣстно, изъ какихъ
Пороковъ выростаетъ добродѣтель;
И впредь объ ней заботься, и порокъ
Въ моихъ глазахъ тебѣ вредить не будетъ.
Ступай. Ищи мнѣ Нàтана, какъ онъ
Искалъ тебя, и оба приходите.
Я долженъ вмѣстѣ вразумить васъ. Если
Ты искренно объ дѣвушкѣ хлопочешь—
Она твоя — не безпокойся. Мы
И Нàтана почувствовать заставимъ,
Что выростить дерзнулъ онъ безъ свинины
Ребенка христіанскаго. Ступай.

Храмовникъ уходитъ и Зитта встаетъ съ дивана.

ЯВЛЕНІЕ V.

САЛАДИНЪ и ЗИТТА.

ЗИТТА.

Какъ странно!

САЛАДИНЪ.

Ну, сестра! — Ассадъ мой не былъ
Прекрасный, храбрый витязь?

ЗИТТА.

Если былъ онъ

Digitized by Google

Такимъ — и тутъ въ его изображеньи
Сказался больше онъ, а не храмовникъ.
Но какъ забылъ ты выспросить: кто были
Его родители?

САЛАДИНЪ.

И особливо
Про мать его? — Была ли здѣсь она
Когда-нибудь? — Не правда ли?

ЗИТТА.

Хорошъ ты!

САЛАДИНЪ.

Возможнѣе нѣтъ ничего. Ассада
Красотки христіанскія любили,
И самъ онъ былъ до нихъ настолько падокъ,
Что даже какъ-то рѣчь была... Но полно,
Я не люблю объ этомъ говорить.
Теперь онъ снова мой, и мнѣ онъ дорогъ —
Со всѣми недостатками — со всѣми
Причудами души прекрасной, мягкой.
О! — Нàтанъ долженъ дѣвушку отдать
Ему. Не правда ли?

ЗИТТА.

Отдать? — оставить.

САЛАДИНЪ.

Конечно. — Если Нàтанъ не отецъ ей,
Какое-жъ правò на нее имѣетъ? —
Въ права того, кто далъ ей жизнь, вступаетъ
Лишь тотъ одинъ, кто такъ ей сохранить
Могъ эту жизнь.

ЗИТТА.

Чтò, если-бъ ты сейчасъ-же,
Отнявъ у незаконнаго владѣльца,
Взялъ дѣвушку къ себѣ?

САЛАДИНЪ.

Да нужно-ль это?

Digitized by Google

ЗИТТА.

Оно не то что нужно, — но одно
Ужъ любопытство милое мнѣ шепчетъ
Такой совѣтъ. Меня иной мужчина
Вотъ такъ и подстрекаетъ знать скорѣй,
Какую дѣвушку любить онъ можетъ.

САЛАДИНЪ.

Пошли за ней.

ЗИТТА.

Позволишь, братъ?

САЛАДИНЪ.

Но только
Ты Нàтана щади мнѣ. Онъ никакъ
Не долженъ думать, что хотятъ насильно
Ихъ разлучить.

ЗИТТА.

Не безпокойся.

САЛАДИНЪ.

Я же
Пойду взглянуть, куда Ал-Гафи дѣлся.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прихожая комната въ домѣ Нàтана, какъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія. Часть товара разобрана изъ тюковъ; объ немъ и идетъ рѣчь.

НАТАНЪ и ДАЙА.

ДАЙА.

Ахъ, это все прелестно! превосходно!
Такъ только вы умѣете дарить.
Серебрянная ткань-то дорога ли?
Гдѣ дѣлаютъ ее? — Вотъ это можно
Назвать вѣнчальнымъ платьемъ. Королевѣ
Не нужно лучшаго.

Digitized by Google

НАТАНЪ.

А почему бы
Вѣнчальнымъ?

ДАЙА.

Ну, конечно, вы объ этомъ
Не думали, когда вы покупали;
Но право, именно вотъ эта ткань —
Какъ по заказу платье для невѣсты:
Тутъ поле бѣлое изображаетъ
Невинность, а побѣги золотые —
Разсыпанные по полю — богатство.
Премило. — Посмотрите.

НАТАНЪ.

Остроумно.
А для какой невѣсты расписала
Ты символы такъ мудро? — Развѣ ты
Невѣста?

ДАЙА.

Я?

НАТАНЪ.

Да кто же?

ДАЙА.

Я? — Творецъ мой!

НАТАНЪ.

Кто-жъ больше? — Чье же свадебное платье?
Вѣдь это все тебѣ принадлежитъ.

ДАЙА.

Все это мнѣ? — мое? а не для Рэхи?

НАТАНЪ.

Что я привезъ для Рэхи — уложилъ я
Въ другомъ тюкѣ. Бери и уноси
Свои богатства.

Digitized by Google

ДАЙА.

Искуситель! — Нѣтъ же, —
Будь это всѣ сокровища вселенной,
Я все таки не трону ничего,
Коль вы сейчасъ же мнѣ не поклянетесь
Воспользоваться случаемъ, какого
Дважды небо не пошлетъ вамъ, Натанъ.

НАТАНЪ.

Воспользоваться случаемъ? — какимъ?

ДАЙА.

Не знаете? — Не притворяйтесь! Словомъ:
Храмовникъ любитъ Рэху, — такъ отдайте
Ему ее и прекратите грѣхъ,
Который дольше не могу скрывать я.
Пускай она вернется къ христіанамъ
И будетъ тѣмъ, что̀ есть и чѣмъ была.
Тогда на вашу голову сготовитъ
Не уголья горящіе одни —
Все доброе, чѣмъ вы такъ много, много
Насъ обязали.

НАТАНЪ.

Старая погудка
На новый ладъ. Боюсь я, чтобъ она
Въ разладъ не зазвучала.

ДАЙА.

Какъ?

НАТАНЪ.

Храмовникъ
Годился бы, и никому на свѣтѣ
Не отдалъ бы я Рэху такъ охотно.
Но.... Будемъ терпѣливы.

ДАЙА.

Терпѣливы?
Вотъ это ваша старая погудка.

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Еще немного дней терпѣнья.... Кто тамъ
Идетъ? — Смотри-ка! — Служка монастырскій!
Поди спроси, что̀ надобно ему?

ДАЙА.

Извѣстно, что̀ за надобность!

НАТАНЪ.

Подай же —
И прежде, чѣмъ попросить.
Про себя.
Если-бъ только
Я приступить къ храмовнику съумѣлъ,
Не высказавъ причины любопытства.
Сказать ему? — А если подозрѣнье
Неосновательно, тогда напрасно
Запутаю отца я въ это дѣло.
Дайѣ.
Ну что?

ДАЙА.

Онъ хочетъ съ вами говорить.

НАТАНЪ.

Зови-жъ его и уходи покамѣстъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

НАТАНЪ — про себя.

Съ какимъ бы счастьемъ, Рэха, я остался
Твоимъ отцомъ. Но развѣ не могу я
Остаться имъ, когда я перестану
Имъ называться. Ты сама, узнавши,
Какъ сильно быть отцомъ тебѣ хочу я,
Меня отцомъ считать не перестанешь.
Служкѣ.
Чѣмъ я могу служить вамъ, братъ честной?

Digitized by Google

СЛУЖКА.

Не то чтобъ многимъ! Радуюсь душевно,
Что господина Нàтана я вижу
Еще благополучнымъ.

НАТАНЪ.

Такъ меня
Вы знаете?

СЛУЖКА.

Да кто же васъ не знаетъ?
Не одному изъ насъ вы ваше имя
Съумѣли втиснуть въ руку, и моей
Оно давнымъ-давно знакомо.

НАТАНЪ — хватаясь за кошелекъ.

Такъ давайте,
Мы память освѣжимъ.

СЛУЖКА.

Благодарю васъ.
Я это у бѣднѣйшаго укралъ бы, —
Не надо ничего. Позвольте вамъ
Поосвѣжить мое мірское имя;
Я тоже вѣдь похвастаться могу,
Что кое-что, чѣмъ вы не погнушались,
Вамъ въ руки положилъ.

НАТАНЪ.

Скажите: что?
Простите! я стыжусь, я отплачу вамъ
Мой долгъ съ избыткомъ.

СЛУЖКА.

Слушайте сперва,
Кàкъ самъ сегодня только я припомнилъ —
Объ этомъ вамъ довѣренномъ закладѣ.

НАТАНЪ.

Закладѣ? — мнѣ довѣренномъ!

Digitized by Google

СЛУЖКА.

Недавно
Я жилъ еще отшельникомъ смиреннымъ
Близъ Іерихона въ Карантанѣ. Тамъ
Пришли толпой разбойники арабы,
Снесли мою часовеньку и келью —
И за собой меня угнали. Къ счастью,
Я спасся, и бѣжалъ я къ патріарху,
Чтобъ выпросить себѣ другое мѣсто,
Гдѣ можно бы мнѣ было до кончины
Въ уединеньи Господу служить.

НАТАНЪ.

Но это пытка, добрый братъ! — Кончайте
Скорѣй. Закладъ! довѣренный закладъ!

СЛУЖКА.

Сейчасъ. Ну патріархъ пообѣщалъ мнѣ,
Что поселитъ меня онъ на Ѳаворѣ,
Какъ только тамъ очистится мѣстечко,
А между тѣмъ, велѣлъ остаться служкой
Въ монастырѣ. Вотъ, господинъ, теперь
Я здѣсь живу, и въ день сто разъ навѣрно
Вздыхаю по Ѳаворѣ. Патріархъ
Мнѣ поручаетъ многое, къ чему я
Питаю отвращенье. Напримѣръ....

НАТАНЪ.

Прошу васъ!

СЛУЖКА.

Мы подходимъ къ дѣлу. Кто-то
Ему шепнулъ сегодня, будто здѣсь
Живетъ еврей, который христіанку
Воспитываетъ — какъ родную дочь.

НАТАНЪ.

Что?

СЛУЖКА.

Выслушайте. Этимъ святотатствомъ

Digitized by Google

Онъ сильно былъ разгнѣванъ; онъ призналъ
Въ немъ настоящій грѣхъ противу Духа
Святого. Мы считаемъ этотъ грѣхъ
Важнѣе всѣхъ грѣховъ, хотя порядкомъ
Не знаемъ сами, слава Богу, въ чемъ
Онъ состоитъ. Такъ патріархъ велѣлъ мнѣ
Гдѣ-бъ ни было, но выслѣдить сейчасъ же
Того еврея. Тутъ внезапно совѣсть
Моя проснулась: мнѣ пришло на умъ,
Что я и самъ способствовалъ когда-то
Незамолимому и страшному
Грѣху. Скажите, восемнадцать лѣтъ
Назадъ, не приносилъ ли нѣкій конюхъ
Вамъ дѣвочку недѣль шести?

НАТАНЪ.

Но какъ же?!
Конечно! безъ сомнѣнья.

СЛУЖКА.

Такъ вглядитесь
Въ меня получше, этотъ конюхъ — я.

НАТАНЪ.

Вы?

СЛУЖКА.

Господинъ, приславшій къ вамъ младенца
Былъ, помнится, фонъ-Фильнекъ? Вольфъ фонъ-Фильнекъ?

НАТАНЪ.

Да!

СЛУЖКА.

Такъ какъ незадолго передъ этимъ
Скончалась мать и долженъ былъ случайно
Отецъ спѣшить, мнѣ думается, въ Гаццу,
Куда съ собой малютку взять не могъ:
Онъ къ вамъ ее послалъ. Я не въ Дарунѣ-ль
Засталъ васъ?

НАТАНЪ.

Такъ!

Digitized by Google

СЛУЖКА.

Хоть не было бы чуда,
Когда-бъ меня и обманула память,
Такъ много я имѣлъ господъ отважныхъ,
А этому служилъ я слишкомъ мало:
Онъ вскорѣ палъ въ бою при Аскалонѣ,
А, впрочемъ, былъ прекрасный господинъ.

НАТАНЪ.

Прекрасный! да! Ему я много, много
Обязанъ, и не разъ изъ-подъ меча
Онъ вырывалъ меня.

СЛУЖКА.

О! превосходно!
Такъ вамъ тѣмъ болѣе пріятно было
Заботиться объ дочери его.

НАТАНЪ.

Вы это можете понять....

СЛУЖКА.

Ну, гдѣ же
Она? Не умерла? О, нѣтъ! пусть лучше
Не умерла. Коль кромѣ насъ объ этомъ
Никто не знаетъ — вы не бойтесь....

НАТАНЪ.

Такъ ли?

СЛУЖКА.

Довѣрьтесь мнѣ. Вотъ видите ли, Натанъ,
Я полагаю такъ: когда къ добру,
Которое хочу я сдѣлать, близко
Граничитъ что-нибудь весьма дурное,
Добра такого я не стану дѣлать.
Дурное мы довольно вѣрно знаемъ,
Но доброе — далеко нѣтъ. Понятно,
Что если дѣвочку какъ можно лучше
Вы воспитать хотѣли — то ее,

Digitized by Google

Какъ дочь свою родную, воспитали.
Вы это сдѣлали со всей любовью,
Со всею вѣрностью, — и отплатить вамъ
Такой наградой! — это непонятно.
Конечно, вы умнѣй бы поступили,
Когда бы христіанку христіанкой
Воспитывали чрезъ вторыя руки; —
Но вами не былъ бы тогда любимъ
Ребенокъ друга вашего, а дѣтямъ,
Въ ихъ нѣжномъ возрастѣ, по мнѣ, любовь, —
Хоть звѣря дикаго любовь — нужнѣе,
Чѣмъ христіанство. Для него всегда
Еще найдется время. Если только
Дитя взросло здоровымъ, благонравнымъ,
Предъ вашими очами, такъ ужъ вѣрно
Предъ Божьими оно осталось тѣмъ же,
Чѣмъ было. Да и все-то христіанство
Основано не на еврействѣ развѣ?
Частенько я таки-сердился, много
Я пролилъ слезъ объ томъ, что христіане
Ужъ какъ-то слишкомъ могутъ забывать,
Что самъ Господь Спаситель былъ евреемъ.

НАТАНЪ.

Вы, добрый братъ, ходатаемъ мнѣ будьте,
Коль на меня вражда и лицемѣрье
Подымутся за мой поступокъ. — Вы
Одни должны узнать объ немъ, но послѣ
Его съ собой въ могилу схороните.
Еще ни разу суетность меня
Не побуждала разсказать объ этомъ
Кому-нибудь другому. Вамъ однимъ
Я разскажу! Я буду откровененъ
Съ одной лишь простотой благочестивой.
Она одна пойметъ, въ какихъ дѣлахъ
Мы въ состояньи, съ преданностью къ Богу,
Одерживать побѣду надъ собой.

СЛУЖКА.

Вы тронуты? вы плачете?...

НАТАНЪ.

Въ Дарунѣ

Вы отдали мнѣ дѣвочку; но вѣрно
Не знаете, что въ Гатѣ христіане
Предъ этимъ незадолго всѣхъ евреевъ,
Съ дѣтьми и женщинами, истребили.
Не знаете, что въ томъ числѣ погибли
Моя жена и семь цвѣтущихъ, бодрыхъ,
И много обѣщавшихъ сыновей, —
Что въ домѣ брата, гдѣ я ихъ припряталъ,
Они всѣ вмѣстѣ были сожжены.

СЛУЖКА.

Творецъ мой правосудный!

НАТАНЪ.

Какъ пришли вы,
Три дня, три ночи я въ золѣ, во прахѣ
Предъ Богомъ пролежалъ, проплакалъ. — Плакалъ!
Я Бога укорялъ! — въ негодованьи
Въ ожесточеньи проклиналъ себя
И цѣлый міръ! — Я клялся къ христіанству
Въ непримиримой ненависти!...

СЛУЖКА.

А!
Я этому повѣрю.

НАТАНЪ.

Понемногу
Вернулся мнѣ разсудокъ; онъ пріятно
Шепнулъ мнѣ: «все-таки есть Богъ, и все,
Что сдѣлано — его опредѣленье.
Итакъ, иди, свершай, что ты постигъ
Давно, что совершить, когда захочешь,
Навѣрно не труднѣе, чѣмъ постичь.
Возстань!» — и всталъ я, къ Господу взывая:
Хочу! хочу! — была бы только воля
Твоя на то, чтобъ я хотѣлъ. Тогда-то
Явились вы и, съ лошади сойдя,
Мнѣ передали милаго ребенка,
Завернутаго въ плащъ. Что я сказалъ вамъ,
Что вы мнѣ говорили, — я не помню.

Digitized by Google

Я знаю только то, что, взявъ дитя,
Я снесъ его къ себѣ, и на колѣняхъ,
Рыдая, цѣловалъ мою малютку.
О, Господи! — изъ семерыхъ дѣтей
Хотя одно возвращено мнѣ.

СЛУЖКА.

Нàтанъ!
Вы христіанинъ! христіанинъ, Нàтанъ!
И лучшаго на свѣтѣ не бывало.

НАТАНЪ.

Да! благо намъ! Въ чемъ видите во мнѣ
Вы христіанина, въ томъ я въ васъ вижу
Еврея. Но довольно намъ другъ друга
Растрогивать. Теперь тутъ нужно дѣло!
И хоть въ семь разъ сильнѣйшая любовь
Меня давно ужъ привязала къ этой
Одной, чужой мнѣ дѣвушкѣ, хотя
Мнѣ даже мысль убійственна, что снова
Семь сыновей моихъ я долженъ буду
Въ ней потерять; но если осторожность
Изъ рукъ моихъ потребуетъ ее —
Я покорюсь.

СЛУЖКА.

И дѣло! Такъ и думалъ
Я посовѣтовать. Вамъ подсказала
Совѣтъ мой ваша дòбрая душа.

НАТАНЪ.

Но не позволю я, чтобъ первый встрѣчный
Задумалъ у меня ее отнять.

СЛУЖКА.

Конечно, нѣтъ.

НАТАНЪ.

Кто на нее не можетъ
Представить права бòльшаго, чѣмъ я,

Digitized by Google

Пусть болѣе давнишнее докажетъ, —
По мѣньшей мѣрѣ.

СЛУЖКА.

Безъ сомнѣнья.

НАТАНЪ.

Право
Природы, крови —

СЛУЖКА.

Я согласенъ съ вами.

НАТАНЪ.

Такъ назовите-жъ вы мнѣ поскорѣй
Кого-нибудь, кто братъ ей или дядя,
Иль вообще ея родной, и я
Удерживать себѣ ее не стану.
Ее! которая сотворена,
Которая взросла на украшенье
Любой семьи и вѣры! Я надѣюсь,
Что вамъ объ этомъ вашемъ господинѣ
И объ семьѣ его извѣстно больше,
Чѣмъ мнѣ.

СЛУЖКА.

Ну, это врядъ ли, добрый Натанъ.
Вѣдь вы ужъ слышали, что я служилъ
Недолго у него.

НАТАНЪ.

По крайней мѣрѣ,
Не знаете ли вы, къ какому роду
Принадлежала мать ея? Не къ Штауфенъ?

СЛУЖКА.

Возможно. Да! — мнѣ кажется.

НАТАНЪ.

У ней
Былъ братъ храмовникъ? Назывался Конрадъ
Фонъ-Штауфенъ? Да?

Digitized by Google

СЛУЖКА.

Коль я не ошибаюсь...
Постойте! Вспомнилъ: у меня осталась
Отъ господина книжечка; ее
Я снялъ съ груди его при Аскалонѣ,
Во время похоронъ.

НАТАНЪ.

Ну?

СЛУЖКА.

Въ ней молитвы.
Мы требникомъ ее зовемъ. Она,
Подумалъ я, Христову человѣку
Еще послужитъ, — хоть не мнѣ, конечно,
Я не читаю.

НАТАНЪ.

Что же въ этомъ? Къ дѣлу.

СЛУЖКА.

Въ той книжечкѣ, такъ сказывали мнѣ,
Въ началѣ и въ концѣ собственноручно
Мой господинъ записывалъ родныхъ
Супруги и своихъ.

НАТАНЪ.

Исходъ желанный!!...
Ступайте поскорѣй! — несите книжку!
Я на̀ вѣсъ золота готовъ у васъ
Купить ее! Сто разъ скажу спасибо.
Бѣгите же! — спѣшите!...

СЛУЖКА.

Радъ служить вамъ.
Но господинъ писалъ въ ней по-арабски.

Уходитъ.

НАТАНЪ.

Давайте только, все-равно. Ахъ! еслибъ

Digitized by Google

Я могъ еще себѣ оставить Рэху,
И этимъ прикупить такого зятя!
Едва ли! Ну, пусть будетъ, какъ угодно.
Но кто-жъ бы это былъ, что патріарху
Донесъ? Я долженъ распросить объ этомъ.
Что, если Дайа разглашаетъ?!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДАЙА и НАТАНЪ.

ДАЙА — входя поспѣшно, взволнованная.

Нàтанъ!
Подумайте!

НАТАНЪ.

Ну?

ДАЙА.

Бѣдное дитя
Совсѣмъ перепугалось. Присылаетъ....

НАТАНЪ.

Не патріархъ ли?

ДАЙА.

Нѣтъ. Сестра султана,
Принцесса Зитта.

НАТАНЪ.

А не патріархъ?

ДАЙА.

Нѣтъ, — Зитта! Слышите? — принцесса Зитта
За ней прислала. Требуетъ къ себѣ.

НАТАНЪ.

За Рэхой? Зитта къ намъ за ней прислала?
Ну, ежели зоветъ ее принцесса,
Не патріархъ....

Digitized by Google

ДАЙА.

Какъ вспомнился онъ вамъ?

НАТАНЪ.

Такъ ничего объ немъ ты не слыхала,
Не такъ давно? Навѣрно? Ничего ты
Ему не доносила?

ДАЙА.

Я? ему?

НАТАНЪ.

Гдѣ посланные?

ДАЙА.

Ждутъ въ передней.

НАТАНЪ.

Надо
Ихъ изъ предосторожности спросить
Мнѣ самому. И только-бъ тутъ не крылось
Чего-нибудь отъ патріарха.

Уходитъ.

ДАЙА.

Я-же
Боюсь еще другого: спорить буду,
Что мнимая единственная дочь
Такого богатѣйшаго еврея
И мусульманину годится. Мигомъ
Ее храмовникъ потеряетъ, если
Я не рѣшусь второго шага сдѣлать,
И ей самой открыть ея рожденье.
Смѣлѣй! смѣлѣй! Для этого мнѣ надо
Воспользоваться первой-же минутой,
Когда я съ ней одна, а это будетъ
Пожалуй-что теперь, какъ провожать
Ее пойду. По крайней мѣрѣ, первый
Намекъ дорогой — повредить не можетъ.
Итакъ — смѣлѣй! теперь иль никогда.

Уходитъ вслѣдъ за нимъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната во дворцѣ Саладина, въ которую принесены мѣшки съ деньгами. Они еще лежатъ на прежнемъ мѣстѣ.

САЛАДИНЪ и вскорѣ МАМЕЛЮКИ.

САЛАДИНЪ — входя.

А деньги все еще лежатъ; никто
Не можетъ дервиша сыскать, и вѣрно
Онъ гдѣ-нибудь за шахматной доской
Забылъ себя и всѣхъ, — не мудрено,
Что и меня забылъ.... Ну что-жъ? Потерпимъ!
Что новаго?

МАМЕЛЮКЪ.

Желанное извѣстье,
Султанъ! и радость!... Къ намъ благополучно
Явился изъ Каира караванъ,
И за семь лѣтъ намъ подать присылаетъ
Богатый Нилъ.

САЛАДИНЪ.

Прекрасно — Ибрагимъ!
По истинѣ ты вѣстникъ мнѣ пріятный.
А! наконецъ-то! наконецъ! спасибо
За доброе извѣстье.

МАМЕЛЮКЪ — дожидаясь, про себя.

Ну — кончай.

САЛАДИНЪ.

Чего-жъ ты ждешь? Ступай.

МАМЕЛЮКЪ.

И ничего
Такому вѣстнику?

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Чего-же больше?

МАМЕЛЮКЪ.

Не дать на хлѣбъ за доброе извѣстье?!
Такъ, наконецъ, султанъ на мнѣ на первомъ
Да выучился награждать словами.
И этимъ можно славиться! я первый,
Съ которымъ онъ скупится.

САЛАДИНЪ.

Такъ возьми
Одинъ изъ тѣхъ мѣшковъ.

МАМЕЛЮКЪ.

Теперь не надо,
Хотя-бъ ихъ всѣ дарилъ ты мнѣ.

САЛАДИНЪ.

Упрямецъ!
Вотъ два,—бери-же! Не шутя уходитъ!
Да онъ великодушнѣе меня:
Отказываться для него навѣрно
Не такъ легко, какъ для меня дарить.
Эй! Ибрагимъ! Съ чего и я то вздумалъ
Вдругъ пожелать совсѣмъ перемѣниться,
Теперь, такъ незадолго передъ смертью?
Ужъ если Саладиномъ умереть
Не хочетъ Саладинъ, такъ Саладиномъ
Не долженъ былъ и жить.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Султанъ! султанъ!

САДАДИНЪ.

Коль ты приходишь извѣстить....

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Что транспортъ
Явился изъ Египта.

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Я ужъ знаю.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Такъ опоздалъ я?...

САЛАДИНЪ.

Почему-же? нѣтъ!
Возьми себѣ за доброе желанье
Вонъ тамъ мѣшокъ иль два.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Такъ значитъ три.

САЛАДИНЪ.

Пожалуй, если сосчитать съумѣешь.
Бери.

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Придетъ еще и третій, если
Онъ сможетъ дотащиться.

САЛАДИНЪ.

Какъ?

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Пожалуй,
Сломалъ онъ шею. Видишь-ли, какъ только
Мы трое разузнали достовѣрно,
Что прибылъ транспортъ, мигомъ поскакали.
Передній съ лошади упалъ; и такъ
До города передникъ оставался
Все время—я; но тутъ ужъ Ибрагиму —
Гулякѣ, лучше улицы знакомы.

САЛАДИНЪ.

А тотъ, упавшій? другъ! упавшій? Что-жъ ты?
Скачи къ нему на встрѣчу.

Digitized by Google

ВТОРОЙ МАМЕЛЮКЪ.

Поскачу,
И ежели онъ живъ, то половину
Твоей награды я отдамъ ему.

Уходитъ.

САЛАДИНЪ.

Смотрите, что за добрый, честный малый!
Кто можетъ похвалиться лучшей стражей?
И стало быть—кто запретитъ мнѣ думать,
Что мой примѣръ такими сдѣлалъ ихъ?
Такъ прочь-же мысль, чтобъ напослѣдокъ я-же
Къ другимъ примѣрамъ сталъ ихъ пріучать.

ТРЕТІЙ МАМЕЛЮКЪ.

Султанъ!

САЛАДИНЪ.

Не ты-ль упавшій?

ТРЕТІЙ МАМЕЛЮКЪ.

Нѣтъ. Я только
Докладываю, что эмиръ твой, Мансоръ,
Слѣзаетъ съ лошади.

САЛАДИНЪ.

Веди его!
Сейчасъ! Да вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭМИРЪ МАНСОРЪ, САЛАДИНЪ.

САЛАДИ

Мой п эмиру!
Ну—какъ идутъ дѣла? Ахъ ъ, Манс
Ты долго насъ заставилъ до я.

МАНСО

Изъ этого письма узнаешь Т

Digitized by Google

Какіе безпорядки въ Θиваидѣ
Смирить пришлось Абулкассему, прежде —
Чѣмъ смѣли мы отправиться. Потомъ
Я ускорялъ, на сколько можно было,
Передвиженья наши.

САЛАДИНЪ.

Вѣрю, Мансоръ.
Возьми-же, добрый мой, возьми сейчасъ-же, —
Но только, если сдѣлаешь охотно, —
Возьми прикрытье свѣжее сейчасъ
И дальше поѣзжай. Изъ этихъ денегъ
Ты долженъ на Ливанъ, къ отцу, доставить
Часть наибольшую.

МАНСОРЪ.

Охотно.

САЛАДИНЪ.

Только
Смотри, чтобъ не было прикрытье слабо.
Теперь не такъ надежно вкругъ Ливана.
Ты слышалъ-ли? Храмовники опять
Придвинулись. Будь очень остороженъ.
Пойдемъ-ка! гдѣ остановился транспортъ?
Я на него хочу взглянуть и всѣмъ
Распорядиться самъ. А послѣ къ Зиттѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Пальмы передъ домомъ Натана. Храмовникъ ходитъ взадъ и впередъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, въ домъ я не пойду. Вѣдь, наконецъ,
Онъ долженъ выйти самъ. Меня, бывало,
Такъ скоро, такъ охотно замѣчали.
Пожалуй доживу и до того,
Что онъ попроситъ перестать усердно
Показываться передъ этимъ домомъ.
Гм! Все-таки я слишкомъ золъ и желченъ.
За что я на него такъ разсердился?

Digitized by Google

Онъ мнѣ еще ни въ чемъ не отказалъ,
И Саладинъ взялся его настроить.
Какъ? Неужли дѣйствительно гнѣздится
Во мнѣ гораздо глубже христіанство,
Чѣмъ въ немъ еврейство. Кто вполнѣ съумѣетъ
Понять себя? Иначе, какъ-же могъ я
Оспаривать ничтожную добычу,
Которую отнять у христіанъ
Ему такъ было лестно. О! конечно,
Созданье чудное — добыча эта.
Но чье созданье? Вѣрно, не раба,
Который глыбу мрамора забросилъ
На бѣдный, на пустынный берегъ моря
Житейскаго и скрылся тотчасъ; нѣтъ,
Скорѣй художника, который даже
И въ камнѣ брошенномъ задумалъ образъ
Божественный — и выполнилъ его.
Пускай отъ христіанъ родилась Рэха,
Но истинный отецъ ея на-вѣки
Останется еврей. Когда-бъ я видѣлъ
Въ ней христіанку, только христіанку,
Безо всего, что могъ ей дать одинъ
Такой еврей, какъ этотъ, — сердце! сердце,
Скажи мнѣ, что-жъ бы въ ней тебя плѣняло?
Ничто, бездѣлица! Улыбка даже,
Хотя-бъ она была красивымъ, нѣжнымъ
Движеньемъ мускуловъ, хоть было-бъ то,
Что вызвало улыбку, — недостойно
Всей прелести украсившей ее;
Улыбка даже не плѣняла-бъ. Часто
И болѣе красивую видалъ я,
Когда ее насмѣшка, пустословье
И лесть, и любострастье расточали;
Обворожала-ли она меня?
Выманивала-ли во мнѣ желанье
До самой смерти нѣжно пригрѣвать
Въ ея лучахъ мое существованье!
Нѣтъ — никогда. И все-таки сердился
Я на того, кто далъ одинъ ей это
Великое достоинство? Но какъ?
Но почему? Что если въ самомъ дѣлѣ,
Я заслужилъ насмѣшку Саладина?
Ужъ дурно-то, что могъ онъ это думать.

Digitized by Google

Какимъ ничтожнымъ и какимъ презрѣннымъ
Я долженъ былъ ему казаться. Кто-же
Всему причиной? — дѣвушка! Курдъ, Курдъ!
Не хорошо. Вернись. Быть можетъ, Дайа
Мнѣ наболтала кое-что, чему
Едва-ли доказательства отыщешь.....
А! — наконецъ-то изъ дому онъ вышелъ
И занятъ разговоромъ. Съ кѣмъ-же? съ нимъ?
Мой служка монастырскій! А! такъ вѣрно
Всѐ знаетъ! — и пожалуй патріарху
Ужъ выданъ! что надѣлалъ я, безумецъ!
Какъ сильно мнѣ разсудокъ сжечь могла
Единственная искра этой страсти.
Что-жъ дѣлать мнѣ теперь? рѣшай скорѣе!
Я пережду въ сторонкѣ, можетъ быть
Его оставитъ служка.

ЯВЛЕНІЕ IV.

НАТАНЪ и СЛУЖКА.

НАТАНЪ.

Такъ еще разъ
Большое вамъ спасибо, добрый братъ.

СЛУЖКА.

И вамъ спасибо.

НАТАНЪ.

Мнѣ? отъ васъ? за что-же?
Не за упрямство-ли, съ которымъ я
Навязывалъ вамъ то, что вамъ не нужно.
Да, еслибъ вы мнѣ уступили, еслибъ
Насильно не хотѣли быть богаче
Меня —

СЛУЖКА.

И безъ того вѣдь эта книжка
Не мнѣ, а дочери принадлежитъ —
И составляетъ все, что остается
Ей отъ отца въ наслѣдство. Но — пускай!

Digitized by Google

Она имѣетъ васъ! И дай-то Боже,
Чтобъ только никогда вамъ не пришлось
Раскаяться, что для нея такъ много
Вы сдѣлали.

НАТАНЪ.

Могу-ли? Никогда! —
Не безпокойтесь.

СЛУЖКА.

Ну — а патріархи,
Храмовники...

НАТАНЪ.

Не въ силахъ сдѣлать мнѣ
Такого зла, чтобъ я, не только въ этомъ,
Но въ чемъ нибудь раскаяваться сталъ. —
Такъ вы вполнѣ увѣрены, что это
Храмовникъ натравляетъ патріарха?

СЛУЖКА.

Едва-ли кто другой. — Съ нимъ незадолго
Передо мной бесѣдовалъ храмовникъ —
И нѣчто въ этомъ родѣ слышалъ я...

НАТАНЪ.

Да вѣдь теперь во всемъ Іерусалимѣ
Одинъ храмовникъ — и его я знаю,
Съ нимъ друженъ: юноша открытый, честный.

СЛУЖКА.

Онъ, — онъ и есть. — Но то, чѣмъ мы бываемъ —
И то, чѣмъ слѣдуетъ намъ быть на свѣтѣ, —
Одно съ другимъ согласно не всегда.

НАТАНЪ.

Къ несчастью. — Впрочемъ, дѣлай кто-бы ни былъ
И худшее, и лучшее свое. —
Я съ вашей книжкой всѣмъ пренебрегаю
И съ ней прямымъ путемъ иду къ султану.

Digitized by Google

СЛУЖКА.

Дай Богъ успѣха. — Намъ пора проститься.

НАТАНЪ.

И даже не взглянули на нее! —
Такъ приходите снова, да скорѣе,
И чаще. — Если только патріархъ
Сегодня не узнаетъ... Что за важность! —
Скажите хоть сегодня патріарху —
И что хотите.

СЛУЖКА.

Нѣтъ, не я. — Прощайте.

Уходитъ.

НАТАНЪ.

Смотрите-же, не забывайте насъ. —
О Господи! — Зачѣмъ сейчасъ-же, здѣсь-же —
Я не могу колѣни преклонить
Передъ тобой подъ этимъ чистымъ небомъ.
Какъ самъ собою вдругъ распутанъ узелъ,
Которымъ я тревожился такъ часто!
Какъ мнѣ легко, что болѣе на свѣтѣ
Мнѣ нечего скрывать, — что предъ людьми
Я наконецъ могу ступать свободно,
Какъ предъ тобою, Боже! — Ты одинъ
Не судишь человѣка по поступкамъ; —
Ты знаешь, какъ они бываютъ рѣдко
Его дѣяньями.

ЯВЛЕНІЕ V.

НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ, который идетъ къ нему на встрѣчу со стороны.

ХРАМОВНИКЪ.

Постойте, Натанъ.
Возьмите и меня съ собой.

НАТАНЪ.

Кто кличетъ? —

Digitized by Google

А — рыцарь! — это вы? — Да гдѣ-жъ вы были,
Что у султана я не встрѣтилъ васъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Мы разошлись дорогой. — Вы за это
Ужъ не прогнѣвайтесь.

НАТАНЪ.

О — я нисколько,
Но Саладинъ —

ХРАМОВНИКЪ.

Вы только-что ушли....

НАТАНЪ.

Такъ все-таки и вы съ нимъ говорили? —
Ну это хорошо.

ХРАМОВНИКЪ.

Но онъ желаетъ
Обоихъ вмѣстѣ видѣть насъ.

НАТАНЪ.

Тѣмъ лучше. —
И такъ я шелъ къ нему. — Пойдемте вмѣстѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

Позвольте мнѣ спросить васъ, Натанъ, кто
Сейчасъ прощался съ вами?

НАТАНЪ.

Вы, конечно,
Его не знаете?

ХРАМОВНИКЪ.

Не онъ-ли это —
Тотъ добрый малый, служка монастырскій,
Которымъ пользуется патріархъ
Для дѣлъ сыскныхъ.

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Да, можетъ быть. — Онъ служитъ
Во всякомъ случаѣ у патріарха.

ХРАМОВНИКЪ.

Уловка недурная поручать
Невинной простотѣ свой первый приступъ
Къ интригѣ.

НАТАНЪ.

Да. — Но простотѣ-то глупой,
А не благочестивой.

ХРАМОВНИКЪ.

Патріархи
Въ благочестивую не вѣрятъ.

НАТАНЪ.

Ну,
За этого могу я поручиться,
Что онъ ни въ чемъ порочномъ не поможетъ
Затѣямъ патріарха своего.

ХРАМОВНИКЪ.

Хоть приступаетъ къ нимъ. — Но вамъ ни слова
Онъ про меня не говорилъ.

НАТАНЪ.

Про васъ?
Нѣтъ — именно про васъ — ни слова. — Врядъ-ли
Онъ знаетъ ваше имя.

ХРАМОВНИКЪ.

Врядъ-ли.

НАТАНЪ.

Правда —
Онъ мнѣ разсказывалъ про одного
Храмовника.

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

И что? —

НАТАНЪ.

Чего, конечно,
Никакъ не могъ бы онъ про васъ подумать.

ХРАМОВНИКЪ.

Кто знаетъ?! — Что-же?

НАТАНЪ.

Будто патріарху
Храмовникъ жаловался на меня.

ХРАМОВНИКЪ.

На васъ? — и жаловался? — Какъ угодно,
Но это лгалъ онъ. Выслушайте, Натанъ! —
Не мнѣ отнѣкиваться въ чемъ нибудь:
Что сдѣлалъ я — то сдѣлалъ; — не таковъ я,
Чтобъ захотѣть отстаивать усердно —
Какъ дѣло доброе — свой каждый шагъ.
Зачѣмъ стыдиться мнѣ ошибки? — Развѣ
Я не хочу вполнѣ ее исправить? —
И развѣ я не знаю, до чего
Насъ можетъ довести желанье это? —
Итакъ — сомнѣнья нѣтъ я — тотъ храмовникъ,
Который по словамъ монаха, Натанъ,
На васъ пожаловался патріарху.
Вы знаете, что взорвало меня,
И отъ чего вся кровь моя вскипѣла: —
Безумецъ! — Я пришелъ, чтобъ всей душой,
Всѣмъ существомъ вамъ броситься въ объятья.
О — ежели хочу я оставаться
Спокойнымъ, я не смѣю даже вспомнить,
Какъ холодно вы встрѣтили меня, —
Какъ безучастно — а вѣдь это хуже
Холодности, — какъ отъ меня старались
Расчитанно отдѣлаться, — какими
Ненужными вопросами хотѣли
Отвѣтить мнѣ. Послушайте, я былъ
Взволнованъ, золъ, — какъ вдругъ подкралась Дайа

Digitized by Google

И въ голову мнѣ заронила тайну,
Которой объяснялось — такъ я думалъ —
Загадочное ваше обращенье.

НАТАНЪ.

Но какъ-же это? —

ХРАМОВНИКЪ.

Выслушайте все.
Вообразилось мнѣ, что вѣроятно —
Какъ христіанину — вы не хотите
Мнѣ уступить похищенное вами
У христіанъ. Я вздумалъ хорошенько
Къ вамъ тотчасъ приступить съ ножемъ къ груди.

НАТАНЪ.

И хорошенько?! — Такъ-ли? — Что-же въ этомъ
Хорошаго?

ХРАМОВНИКЪ.

Послушайте — согласенъ:
Я былъ не правъ. Тутъ вы не виноваты,
И эта Дайа, можетъ быть, не знаетъ,
Что говоритъ. Вы ненавистны ей,
Такъ васъ она старается запутать
Въ дурное дѣло. Можетъ — можетъ быть! —
Я сумасбродъ, и только — вѣчно крайность
Въ моихъ мечтахъ — я вѣчно поступаю,
То слишкомъ ревностно, то слишкомъ вяло.
И это можетъ быть — простите, Натанъ.

НАТАНЪ.

Конечно, если такъ вы говорите...

ХРАМОВНИКЪ.

Ну, словомъ — да, я былъ у патріарха,
Но васъ не называлъ я — это ложь.
Я только вообще ему про случай
Разсказывалъ, чтобъ знать его сужденье,
Хотя и въ этомъ не было нужды.

Digitized by Google

Какъ будто ужъ не зналъ я патріарха,
Какъ негодяя? — Развѣ я не могъ
Сейчасъ-же прямо съ вами объясниться,
И развѣ нужно было, чтобы Рэху
Я подвергалъ опасности разстаться
Съ такимъ отцомъ. Однако, что-же въ этомъ?!
Во-вѣки неизмѣнное себѣ
Одно пронырство патріарха сразу —
Ближайшею дорогою — вернуло
Меня къ моей живѣйшей мысли. Нàтанъ,
Прошу васъ, выслушайте все: — Положимъ:
Онъ знаетъ ваше имя. Что-же больше?
Ну что-же больше? — Дѣвушку отнять
У васъ онъ можетъ, если только ваша
Она — и болѣе ничья, — вѣдь только
Изъ дома вàшего ее увлечь
Онъ можетъ въ монастырь! — итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее, — тогда пускай
Приходитъ онъ! — увидимъ, какъ посмѣетъ
Онъ у меня отнять мою жену!
Отдайте мнѣ ее! — сейчасъ отдайте —
И будь она вамъ дочерью иль нѣтъ,
Жидовкой, христіанкой, чѣмъ угодно! —
Мнѣ все равно — я ни теперь, ни послѣ,
Ни разу въ жизни не спрошу объ этомъ.
Какъ будетъ — такъ и будь.

НАТАНЪ.

Вы, вѣроятно,
Считаете, что правду мнѣ скрывать
Необходимо?

ХРАМОВНИКЪ.

Будь — какъ будетъ, Нàтанъ.

НАТАНЪ.

Но я ни вамъ, ни всякому другому,
Кому объ этомъ не излишне знать,
Не отрицалъ, что Рэха христіанка,
Что мнѣ она пріемышъ, а не дочь.
А если ей самой я не открылся,

Digitized by Google

Такъ въ этомъ только передъ ней и долженъ
Я оправдаться.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, и передъ ней
Вы не должны. И впредь вы ей желайте,
Чтобъ никогда на васъ она другими
Глазами не глядѣла, и ее
Отъ этого открытія избавьте.
Еще покамѣстъ ею вы одни
Располагаете, — итакъ отдайте,
Отдайте мнѣ ее; прошу васъ, Натанъ.
Вѣдь я одинъ спасти ее для васъ
Могу вторично — и хочу.

НАТАНЪ.

Могли-бы,
Но только не теперь, — теперь ужъ поздно.

ХРАМОВНИКЪ.

Ужъ поздно? — Почему?

НАТАНЪ.

Спасибо патріарху...

ХРАМОВНИКЪ.

Спасибо патріарху? — какъ? — ему? —
Чѣмъ заслужилъ онъ благодарность вашу? —
За что спасибо?

НАТАНЪ.

Что теперь мы знаемъ
Ея родныхъ; — что знаемъ мы въ чьи руки
Ее надёжно можемъ передать.

ХРАМОВНИКЪ.

Пускай благодаритъ его за это,
Кто чѣмъ нибудь другимъ ему обязанъ.

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Изъ этихъ рукъ должны вы получить
Ее, — не изъ моихъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Бѣдняжка — Рэха! —
Чего — чего не испытала ты?! —
Что для другихъ сиротъ бываетъ счастьемъ,
Твоимъ несчастьемъ будетъ. Гдѣ они,
Ея родные?

НАТАНЪ.

Гдѣ?!

ХРАМОВНИКЪ.

И кто такіе?

НАТАНЪ.

Пока одинъ лишь братъ ея сыскался.
Вы у него посватаетесь.

ХРАМОВНИКЪ.

Братъ? —
Но кто-же этотъ братъ? — духовный? — воинъ? —
Послушаемъ — чего могу я ждать? —

НАТАНЪ.

Я думаю ни то и ни другое; —
А можетъ—и обоихъ онъ не чуждъ.
Я хорошо и самъ его не знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Но вообще? —

НАТАНЪ.

Онъ честный человѣкъ,
И Рэхѣ у него не будетъ худо.

ХРАМОВНИКЪ.

Онъ христіанинъ? — Не сердитесь, Натанъ,

Digitized by Google

Я право иногда не въ состояньи
Понять васъ. Развѣ не придется ей
Разыгрывать съ родными христіанку; —
Такъ развѣ наконецъ на самомъ дѣлѣ
Она не станетъ тѣмъ, — что представляла, —
И въ ней пшеницу, сѣянную вами,
Не заглушитъ негодная трава? —
И это васъ такъ мало безпокоитъ?
Вы сами все-таки мнѣ говорите,
Что ей у брата будетъ хорошо?

НАТАНЪ.

Я думаю, — надѣюсь. — А пришлось-бы
Ей въ чемъ-нибудь нуждаться у него,
Такъ вѣдь меня и васъ она имѣетъ.

ХРАМОВНИКЪ.

О—въ чемъ-же у него нуждаться ей?
Какъ будто братецъ не снабдитъ обильно
Сестрицу угощеньемъ и одеждой? —
Не будетъ лакомить и наряжать? —
Чтожъ болѣе сестрицѣ нужно? — Правда,
Еще ей нуженъ мужъ.—Ну, братецъ сыщетъ
Ко времени и мужа, — какъ всегда
Находятъ ихъ: изъ христіанъ вѣрнѣйшій —
И лучшій изъ людей. — Ахъ! Нàтанъ! Нàтанъ!
Какого ангела вы сотворили —
И какъ вамъ исказятъ его другіе!

НАТАНЪ.

Что нужды? — все-таки онъ будетъ вѣчно
Достоинъ нашей искренней любви.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ, про мою любовь не говорите.
Моя не дастъ похитить ничего, —
Ни даже самой малости ничтожной,
Ни даже имени! — Постойте! — Рэха
Подозрѣваетъ, что̀ съ ней происходитъ?

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Быть можетъ. — Но откуда, — я не знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

И я не больше вашего. — Теперь-же,
Во всякомъ случаѣ, она должна, —
И прежде отъ меня должна услышать,
Какой бѣдой судьба ея грозитъ.
Я не хотѣлъ съ ней говорить, встрѣчаться,
Пока не назову ее моею, —
Я передумалъ — и спѣшу.

НАТАНЪ.

Останьтесь. —

Куда вы?

ХРАМОВНИКЪ.

Къ ней! — Посмотримъ-же: довольно-ль
Въ душѣ дѣвичьей мужества, чтобъ тотчасъ
Рѣшиться на единственный исходъ
Ея достойный.

НАТАНЪ.

А какой? —

ХРАМОВНИКЪ.

Ни разу
Ужъ болѣе объ васъ, объ этомъ братѣ
Не спрашивать....

НАТАНЪ.

И?...

ХРАМОВНИКЪ.

Слѣдовать за мной.
Хотя-бы сдѣлаться пришлось при этомъ
Женою мусульманина.

НАТАНЪ.

Останьтесь.

Digitized by Google

Теперь вы не застанете ее.
Она у Зитты — у сестры султана.

ХРАМОВНИКЪ.

Зачѣмъ? — давно-ли?

НАТАНЪ.

Если вы хотите
И брата вмѣстѣ съ нею тамъ застать, —
Пойдемте.

ХРАМОВНИКЪ.

Брата Зитты или Рэхи? —

НАТАНЪ.

Обоихъ, можетъ быть, — идемте только.

Онъ его уводитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ гаремѣ Зитты.

ЗИТТА и РЭХА бесѣдуютъ между собой.

ЗИТТА.

О милая, — какъ рада я тебѣ.
Не будь-же такъ застѣнчива, печальна, —
Такъ боязлива, — будь повеселѣй —
Довѣрчивѣй.

РЭХА.

Принцесса!

ЗИТТА.

Не принцесса,
Нѣтъ, просто Зиттой называй меня, —
Своей сестрой, своей подругой. — Знаешь:
Зови ты матерью меня. — Вѣдь я
Гожусь быть матерью тебѣ. — Дружекъ мой,
Какъ молода, умна, чиста душою, —

Digitized by Google

Чего-чего не прочитала ты?
Чего не знаешь?

РЭХА.

Я читала? — Зитта,
Надъ глупенькой сестрой ты такъ смѣешься.
Вѣдь я читать едва могу.

ЗИТТА.

Едва?
Обманщица.

РЭХА.

Что мой отецъ напишетъ.
Я думала, ты говоришь про книги.

ЗИТТА.

Про книги, разумѣется.

РЭХА.

Ну, ихъ-то
Читать мнѣ тяжело.

ЗИТТА.

И ты не шутишь?

РЭХА.

Нисколько. — Мой отецъ не очень любитъ
Холодную начитанность; — она
Безжизненными знаками тѣснится
Въ разсудокъ.

ЗИТТА.

Что ты говоришь? — Но впрочемъ
Онъ не совсѣмъ не правъ. Такъ значитъ все,
Что знаешь ты?...

РЭХА.

Я отъ него узнала.
Про многое могу еще сказать:
И гдѣ, и почему, и какъ училъ онъ.

Digitized by Google

ЗИТТА.

Конечно, этакъ все усвоить легче, —
Тутъ всей душою учишься и вругъ.

РЭХА.

А Зитта вѣрно тоже очень рѣдко
Читала.

ЗИТТА.

Почему? — Я не горжусь
Начитанностью. — Но твоя основа? —
Твоя основа? — Говори мнѣ прямо.

РЭХА.

Она такъ справедлива и проста,
Такъ безъискуственна, такъ совершенна,
Своеобразна.

ЗИТТА.

Ну?

РЭХА.

А книги рѣдко
Такими оставляютъ насъ — сказалъ
Отецъ мой.

ЗИТТА.

Твой отецъ! — вотъ человѣкъ-то!

РЭХА.

Не правда-ли? —

ЗИТТА.

Какъ близко къ цѣли онъ
Всегда попасть умѣетъ.

РЭХА.

Да! — не правда-ль?
И этого отца....

Digitized by Google

ЗИТТА.

Но что̀ съ тобою?
Дружокъ мой!

РЭХА.

Этого отца....

ЗИТТА.

Ты плачешь?

РЭХА.

Оно должно-же вырваться наружу! —
Ахъ! воздухъ нуженъ сердцу моему!

Бросается въ слезахъ передъ ней на колѣни.

ЗИТТА.

Дитя мое! — да что съ тобою? — Рэха!

РЭХА.

И этого отца должна — должна я
Лишиться!

ЗИТТА.

Ты? — лишиться? — Никогда.
Нѣтъ. — Успокойся! — встань....

РЭХА.

Вѣдь не напрасно
Ты вызвалась мнѣ быть сестрой и другомъ.

ЗИТТА.

Я другъ тебѣ. — Но встань-же! — мнѣ придется
Позвать на помощь....

РЭХА — ободренная встаетъ.

Ахъ! — Прости! — Прости,
Что съ горя забывать я стала — кто̀ ты.
Отчаянье и стонъ предъ Зиттой лишни —

Digitized by Google

Одинъ холодный и спокойный разумъ
Надъ ней имѣетъ силу; — чьи дѣла
У ней ведутся имъ, тотъ побѣждаетъ.

ЗИТТА.

Ну что-же?

РЭХА.

Нѣтъ, мой другъ, моя сестра!
Ты никогда не допускай, родная,
Чтобъ навязали мнѣ отца другого.

ЗИТТА.

Тебѣ? — Отца другого? — Навязали? —
Но кто-же, милая, кто могъ-бы даже
Тебѣ другого только пожелать? —

РЭХА.

Она — и добрая и злая — Дайа
Желать мнѣ это можетъ, и желаетъ,
Чтобъ это можно было. — Да, — вѣдь ты
Не знаешь этой злой добрѣйшей Дайи.
Прости ей Богъ и награди ее.
Она мнѣ оказала много — много
Добра и зла.

ЗИТТА.

И зла? — тебѣ? — такъ вѣрно
Въ ней мало добраго?

РЭХА.

Нѣтъ, очень много.

ЗИТТА.

Но кто-же эта Дайа?

РЭХА.

Христіанка, —
Она съ младенчества меня взростила; —
И какъ взростила! — Вѣришь-ли? — Она
Мнѣ замѣняла мать; — воздай за это

Digitized by Google

Господь ей, — но не мало отъ нея-же
Я вынесла мученій и тревогъ.

ЗИТТА.

Изъ-за чего? — и почему? —

РЭХА.

Бѣдняжка, —
Какъ я тебѣ сказала, — христіанка,
И мучить изъ любви меня должна.
Она изъ тѣхъ мечтательницъ, которымъ
Вообразилось, что они узнали
Единственный и вѣрный, общій путь
Къ престолу Бога.

ЗИТТА.

А! — теперь понятно.

РЭХА.

И чувствуютъ онѣ необходимость
По этому пути направить всѣхъ,
Кто миновалъ его. — Едва-ли могутъ
Онѣ иначе дѣлать, потому-что —
Коль точно вѣренъ только этотъ путь —
Нельзя имъ видѣть равнодушно друга,
Идущаго инымъ путемъ на гибель,
На вѣчныя мученья; — какъ нельзя
Въ одно и то-же время человѣка
Любить и ненавидѣть. — Да не это
И вызываетъ, наконецъ, во мнѣ
Такія жалобы. — Охотно-бъ дольше
Я вынесла ея предохраненья,
Мольбы, угрозы, — это всякій разъ
Меня на размышленья наводило,
Въ которыхъ есть и польза и добро.
Да для кого-же въ сущности не лестно
Почувствовать себя кому-нибудь
На столько дорогимъ, что даже думать: —
Ему невыносимо, чтобъ на вѣкъ
Отъ насъ пришлось отказываться

Digitized by Google

ЗИТТА.

Правда.

РЭХА.

Но слишкомъ далеко она заходитъ.
И этому не въ силахъ ничего
Я противопоставить: ни терпѣнья,
Ни размышленій, — ничего.

ЗИТТА.

Чему?

РЭХА.

Что вздумала она открыть — какъ тайну —
Мнѣ только-что.

ЗИТТА.

Теперь открыла?

РЭХА.

Да.
Идя сюда, мы проходили мимо
Развалинъ христіанской церкви. — Вдругъ
Она остановилась и — какъ будто
Въ борьбѣ съ собою — взглядывала молча
Глазами влажными то на меня,
То на небо. — «Пойдемъ!» — она сказала
«Чрезъ этотъ храмъ пойдемъ прямой дорогой».
Она идетъ, — я слѣдую за ней,
Среди развалинъ робко озираюсь, —
Но вотъ она опять остановилась, —
И вижу я себя предъ ступенями
Полуобрушеннаго алтаря. —
Такъ посуди-же, каково мнѣ было,
Когда она къ ногамъ моимъ упала,
Горячими слезами заливаясь,
Ломая руки....

ЗИТТА.

Доброе дитя! —

Digitized by Google

РЭХА.

И ради Божества, которымъ часто
Молитвы тамъ услышаны бывали —
И чудеса свершались, — заклинала,
Съ какимъ-то непритворнымъ состраданьемъ,
Чтобъ надъ собой я сжалилась сама.
Чтобъ я, по крайней мѣрѣ, ей простила,
Но что она обязана открыть:
Какое право на меня имѣетъ
Ея религія. —

ЗИТТА — про себя.

Ну такъ и есть!
Несчастная!

РЭХА.

Что будто я родилась
Отъ христіанъ, — и будто крещена.
Что Натану не дочь! — Не онъ отецъ мнѣ! —
О Боже, не отецъ онъ мнѣ! — Я снова
У ногъ твоихъ....

ЗИТТА.

Ну, полно, Рэха, встань!
Мой братъ идетъ, скорѣе....

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и САЛАДИНЪ.

САЛАДИНЪ.

Что̀ случилось?

ЗИТТА.

Она себя не помнитъ.

САЛАДИНЪ.

Кто?

ЗИТТА.

Ты знаешь....

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Дочь Нàтана? — а что?

ЗИТТА.

Приди въ себя,
Дитя мое, — султанъ....

РЭХА — подвигаясь къ султану на колѣняхъ и склонивши голову.

Нѣтъ, я не встану.
Нѣтъ, я въ лицо султану не взгляну!
Не буду восхищаться отраженьемъ
И справедливости, и доброты —
Въ его глазахъ, въ его улыбкѣ....

САЛАДИНЪ.

Встань же!

РЭХА.

Пока не обѣщаетъ онъ....

САЛАДИНЪ.

Довольно!
Что̀-бъ ни было оно — я обѣщаю.

РЭХА.

Не больше и не меньше: только то,
Чтобъ у меня отца не отнимали —
И чтобъ меня оставили ему.
Еще не знаю, кто другой желаетъ
Мнѣ быть отцомъ, — кто можетъ пожелать;
Но не хочу я знать объ этомъ. Развѣ
Права отца даются только кровью?!...

САЛАДИНЪ — поднимая ее.

Я понимаю. Кто-жъ былъ такъ жестокъ,
Что и тебѣ, тебѣ самой въ головку
Вложилъ такія мысли? Такъ оно
Доказано? — оно неоспоримо?

Digitized by Google

РЭХА.

Должно быть. Мнѣ сказала Дайа, будто
Узнала отъ кормилицы моей.

САЛАДИНЪ.

Кормилицы?

РЭХА.

Которая скончалась
И, умирая, тайну передать
Считала долгомъ.

САЛАДИНЪ.

Даже умирая!
Ужъ не въ бреду ли? — Будь все это правда,
Но кровь одна, конечно, не даетъ
Отцовскаго значенья; мы, по крови,
Едва у звѣря узнаемъ отца, —
И много, если кровь даетъ намъ право
Добыть названье это прежде всѣхъ.
Не бойся же! — и знаешь ли, что̀ сдѣлай,
Какъ объ тебѣ отцы вдвоемъ заспорятъ,
Оставь обоихъ, — третьяго возьми:
Меня возьми отцомъ.

ЗИТТА.

О, сдѣлай это!

САЛАДИНЪ.

Отцомъ я буду добрымъ, очень добрымъ.
Постой-же! я придумалъ кое-что
Гораздо лучшее: — и вообще-то,
На что̀ тебѣ отцы? — умрутъ, пожалуй!
Ты подъищи кого-нибудь заранѣ,
Кто могъ бы спорить съ нами въ дѣлѣ жизни....
Такого нѣтъ?

ЗИТТА.

Смотри, она краснѣетъ.

САЛАДИНЪ.

На это я разсчитывалъ, пускай!

Digitized by Google

Румянецъ украшаетъ и урода,
Такъ тѣмъ прелестнѣй онъ у красоты.
Сейчасъ придетъ отецъ твой, Натанъ,—
Я звалъ его, — и кое-кто еще.
Не угадала кто? — Сюда — ты, Зитта,
Позволишь?...

ЗИТТА.

Братъ!

САЛАДИНЪ.

Ну, милая, смотри же,
При немъ изволь краснѣть какъ можно больше.

РЭХА.

Краснѣть? при комъ?

САЛАДИНЪ.

Плутовка! ну блѣднѣй!
Какъ хочешь и какъ можешь....

Входитъ раба и говоритъ съ Зиттой.

Не они ли?

ЗИТТА.

Пускай сюда введутъ ихъ. Брату. Да, они.

ПОСЛѢДНЕЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же, НАТАНЪ и ХРАМОВНИКЪ.

САЛАДИНЪ.

А! добрые друзья мои! Но прежде
Всего, ты, Натанъ, долженъ знать, что можешь
За деньгами прислать когда угодно.

НАТАНЪ.

Султанъ....

САЛАДИНЪ.

Теперь я самъ къ твоимъ услугамъ.

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Султанъ....

САЛАДИНЪ.

Къ намъ караванъ сюда пришелъ.
Богатъ я вновь, какъ не бывалъ давно.
Скажи мнѣ: сколько-жъ надобно тебѣ?
Да что-нибудь громадное задумай.
Вѣдь у купца въ наличныхъ деньгахъ тоже
Излишка не бываетъ никогда.

НАТАНЪ.

Теперь ли намъ заботиться и думать
Объ этихъ мелочахъ. Я вижу слезы —
И осушить ихъ для меня покамѣстъ
Важнѣй всего. Подходитъ къ Рэхѣ. Ты плакала? Объ чемъ же?
Дитя мое, ты все еще мнѣ дочь.

РЭХА.

Отецъ мой!

НАТАНЪ.

Мы другъ друга понимаемъ.
Довольно. Будь спокойна. Если только
Своимъ сердечкомъ ты еще владѣешь,
И не грозитъ оно другой потерей, —
Отца ты не теряешь.

РЭХА.

Кромѣ этой,
Я никакой не знаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Никакой?
Такъ я ошибся. Что терять не страшно,
Тѣмъ никогда и обладать — ни мысли,
И ни желанья не было. Прекрасно!
Прекрасно! — это все мѣняетъ, Натанъ.
Ты, Саладинъ, прійти намъ приказалъ,
Но я тебя напрасно впуталъ въ дѣло.
Теперь ужъ больше не трудись.

Digitized by Google

САЛАДИНЪ.

Опять
Такъ быстро! — юноша. Ты хочешь, вѣрно,
Чтобъ все тебѣ навстрѣчу шло? чтобъ все
Тебя угадывало?

ХРАМОВНИКЪ.

Ты вѣдь слышишь!
Ты видишь самъ, султанъ.

САЛАДИНЪ.

Конечно дурно,
Что больше не былъ ты увѣренъ въ дѣлѣ.

ХРАМОВНИКЪ.

За то теперь увѣренъ.

САЛАДИНЪ.

Кто въ надеждахъ
Разсчитываетъ на благодѣянье,
Тотъ самъ беретъ его назадъ. Спасая,
Ты въ собственность еще не получаешь
Спасеннаго; иначе и разбойникъ,
Который загнанъ жадностью въ огонь,
Герой такой же, какъ и ты.

Идетъ къ Рэхѣ, чтобы подвести ее къ храмовнику.

Пойдемъ же,
Прелестная! — не будь къ нему строга.
Когда-бъ онъ былъ другимъ, когда бы не былъ
Горячъ и гордъ, не спасъ бы онъ тебя.
Такъ за одно зачти ему другое.
Пойдемъ же, пристыди его, и сдѣлай,
Что̀ сдѣлать самъ онъ долженъ былъ давно:
Открой ему свою любовь, свой выборъ, —
И если онъ тебя отвергнетъ, если
Забудетъ хоть когда-нибудь, насколько
Ты сдѣлала неизмѣримо больше
Подобнымъ шагомъ для него, чѣмъ онъ
Когда-то для тебя... и что̀-жъ онъ сдѣлалъ?
Понюхалъ дыму — велика заслуга! —

Digitized by Google

Тогда нисколько общаго въ немъ нѣтъ
Съ моимъ Ассадомъ, — подъ личиной этой
Не бьется сердце брата моего!
Пойдемъ же, милая.

ЗИТТА.

Иди, дружокъ мой,
И все-таки признательность твоя
Еще мала, еще ничтожна будетъ.

НАТАНЪ.

Стой, Саладинъ! стой, Зитта!

САЛАДИНЪ.

Какъ? — и ты?...

НАТАНЪ.

Тутъ кой-кого еще прослушать надо.

САЛАДИНЪ.

Кто станетъ отрицать? — безспорно, Нàтанъ,
Такой, какъ ты, ей близкій воспитатель
Имѣетъ голосъ; — первый, если хочешь.
Ты видишь, все я знаю.

НАТАНЪ.

Не совсѣмъ.
Я не себя имѣлъ въ виду; далеко,
Далеко не себя. Я попрошу,
Чтобъ вы сперва прослушали другого.

САЛАДИНЪ.

Кого же?

НАТАНЪ.

Брата.

САЛАДИНЪ.

Брата Рэхи?

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Да.

РЭХА.

Такъ есть и братъ, — и братъ у вашей Рэхи?

ХРАМОВНИКЪ — слушавшій ихъ мрачно и разсѣянно, внезапно вспыхнулъ.

Да гдѣ-жъ онъ, этотъ братъ? Еще не здѣсь?
Мнѣ сказано, что здѣсь его я встрѣчу.

НАТАНЪ.

Терпѣнье.

ХРАМОВНИКЪ.

Онъ отца ей навязалъ,
Такъ отчего же брата не подыщетъ?

САЛАДИНЪ.

Недоставало этого! Какъ низко
Такое подозрѣнье, христіанинъ!
Оно никакъ бы съ языка Ассада
Не сорвалось. Прекрасно! — продолжай!

НАТАНЪ.

Прости ему. Охотно я прощаю.
Кто знаетъ, что̀ подумали бы мы
Въ его лѣта и положеньи.

Дружески подходя къ храмовнику.

Рыцарь!
Конечно, недовѣріе всегда
Рождаетъ подозрительность. И еслибъ
Вы имя настоящее свое
Сказали прямо....

ХРАМОВНИКЪ.

Что?

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Вѣдь вы не Штауфенъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Не Штауфенъ? — кто же я?

НАТАНЪ.

Вѣдь васъ зовутъ
Не Курдъ фонъ-Штауфенъ?

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ же?

НАТАНЪ.

Левъ фонъ-Фильнекъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Но....

НАТАНЪ.

Вы удивлены?

ХРАМОВНИКЪ.

Признаться! — Кто же
Все это заявляетъ?

НАТАНЪ.

Я. — И могъ
Сказать гораздо больше;—хоть во лжи
Я васъ не уличаю.

ХРАМОВНИКЪ.

Нѣтъ?

НАТАНЪ.

Быть можетъ
И то — другое имя — тоже ваше.

Digitized by Google

ХРАМОВНИКЪ.

Я думаю. Про себя. — Самъ Богъ въ немъ говоритъ.

НАТАНЪ.

Вѣдь ваша мать была изъ рода Штауфенъ,
А воспиталъ васъ братъ ея, вашъ дядя.
Родители васъ отдали ему,
Когда суровый воздухъ ихъ заставилъ
Вернуться изъ Германіи сюда.
Такъ дядю-то и звали Курдъ фонъ-Штауфенъ;
Но можетъ быть онъ васъ усыновилъ? —
Онъ живъ еще? — Давно вы съ нимъ разстались? —

ХРАМОВНИКЪ.

Не знаю, что̀ сказать. Все это правда.
Мой дядя умеръ. И сюда недавно
Пріѣхалъ я — съ послѣднимъ подкрѣпленьемъ
Храмовниковъ. Но — но какое дѣло
До этой родословной брату Рэхи?

НАТАНЪ.

Отецъ вашъ....

ХРАМОВНИКЪ.

Какъ? — вы знали и его?

НАТАНЪ.

Онъ былъ мнѣ другъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Вашъ другъ? возможно-ль? Нàтанъ.

НАТАНЪ.

Его мы называли Вольфъ фонъ-Фильнекъ,
Но былъ онъ не германецъ....

ХРАМОВНИКЪ.

Такъ и это
Извѣстно вамъ?

Digitized by Google

Digitized by Google

Не захотѣть признать такой сестры!
Ступай....

ХРАМОВНИКЪ — спокойно подходя къ нему.

Султанъ! — Зачѣмъ и ты такъ дурно
Толкуешь изумленіе мое.
Ты врядъ-ли видѣлъ твоего Ассада
Когда-нибудь въ подобную минуту.
Такъ и во мнѣ и въ немъ не ошибись.

Нàтану поспѣшно.

Вы, Нàтанъ, у меня берете много —
И много мнѣ даете. Нѣтъ! — вы больше,
Вы безконечно больше мнѣ даете.

Обнимая Рэху.

Сестра моя! — родная! —

НАТАНЪ.

Бланда Фильнекъ.

ХРАМОВНИКЪ.

Зачѣмъ же Бланда? — Отчего не Рэха? —
Не ваша Рэха? — Господи! — и вы
Хотите оттолкнуть ее? — вы снова
Ей имя христіанское даете?
Но если я причиной, такъ за что̀-же
Она должна расплачиваться, — Нàтанъ?

НАТАНЪ.

Вы оба дѣти милыя мои.
И брата дочери моей могу ли
Я не считать роднымъ, коль самъ онъ хочетъ.

Онъ обнимаетъ ихъ. Саладинъ, взволнованный и удивленный, подходитъ къ своей сестрѣ.

САЛАДИНЪ.

Ну что? — сестра.

ЗИТТА.

Я тронута до слезъ.

Digitized by Google

САЛАДИНЪ

А я почти со страхомъ жду, что больше
Придется намъ растрогаться — и ты,
Насколько можешь, будь къ тому готова.

ЗИТТА.

Но какъ же?

САЛАДИНЪ.

На два слова, Нàтанъ!

Нàтанъ подходитъ къ Саладину. Зитта отступаетъ къ молодымъ людямъ, чтобъ высказать имъ свое участье. Нàтанъ и Саладинъ говорятъ тихо.

Слушай:
Вѣдь, кажется, сейчасъ ты между прочимъ
Сказалъ намъ....

НАТАНЪ.

Что̀ такое?

САЛАДИНЪ.

Будто не былъ
Германцемъ по рожденью ихъ отецъ.
Но кто-жъ онъ былъ? — откуда онъ?

НАТАНЪ.

Объ этомъ
Ни слова отъ него я не слыхалъ.
Ни слова не хотѣлъ онъ мнѣ довѣрить.

САЛАДИНЪ.

Но вообще не западный? — не франкъ?

НАТАНЪ.

Что онъ имъ не былъ, — всѣмъ онъ сознавался.
Его языкъ любимый былъ персидскій.

САЛАДИНЪ.

Персидскій?! — такъ чего же мнѣ?! — такъ это
Навѣрно онъ! — навѣрно!

Digitized by Google

НАТАНЪ.

Кто?

САЛАДИНЪ.

Мой братъ!
Ассадъ!—

НАТАНЪ — подавая ему требникъ.

Ужъ если самъ ты догадался,
Возьми и подтвержденье въ этой книгѣ.

САЛАДИНЪ—жадно раскрывая книгу.

Его рука! — И почеркъ узнаю я!

НАТАНЪ.

Они еще не знаютъ ничего —
И отъ тебя отъ одного зависитъ
Насколько знать о томъ они должны.

САЛАДИНЪ — перелистовавъ книгу.

Чтобъ дѣти брата не были мнѣ близки,
Чтобъ за своихъ дѣтей я не призналъ
Племянниковъ?! — тебѣ ихъ что-ль оставить? —
Снова громко.
Да, Зитта, да — они родные наши!
Вотъ сынъ и дочь Ассада моего
И твоего Ассада!
Спѣшитъ обнять ихъ.

ЗИТТА — слѣдуя за нимъ.

Что я слышу?
Могло-ль оно иначе быть? — могло-ли?

САЛАДИНЪ — храня книгу.

Ну, голова упрямая, теперь
Ты долженъ полюбить меня!

Digitized by Google

Рэхѣ.

Какъ хочешь!
А все-таки же сталъ я, чѣмъ недавно
Себя навязывалъ.

ЗИТТА.

И я! — и я!

САЛАДИНЪ — опять храмовнику.

Мой сынъ! — Ассадъ!

ХРАМОВНИКЪ.

Итакъ одной мы крови?
Итакъ тѣ сны, въ которыхъ съ колыбели
Бывалъ я убаюканъ — не совсѣмъ
Пустые сны.

Падаетъ къ его ногамъ.

САЛАДИНЪ — поднимая его.

Смотри, каковъ! — Объ этомъ
Онъ зналъ ужъ кое-что — и могъ меня
Своимъ убійцей сдѣлать! — Погоди же!

Занавѣсъ падаетъ.

В. Крыловъ.

Digitized by Google

КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ

И

ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ [1]).

(1764—1780 гг.).

I.

Въ концѣ 1763 года, Петербургъ, а за нимъ вся Европа узнала, что главное управленіе дипломатическими дѣлами Россіи поручено графу Никитѣ Ивановичу Панину.

---

[1]) Настоящіе матеріалы были обязательно доставлены мнѣ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ-Прозоровскимъ, правнукомъ князя Михаила Никитича Волконскаго. Они состоятъ изъ писемъ и донесеній князя Волконскаго и отвѣтовъ на нихъ графа Никиты Ивановича Панина и самой императр. Екатерины II. Принося искреннюю благодарность владѣльцу этихъ любопытныхъ матеріаловъ, я считаю необходимымъ сказать предварительно о значеніи и важности ихъ.

Хотя исторія Польши въ ту эпоху, къ которой относятся эти матеріалы, казалось бы, и достаточно разработана, хотя мы находимъ любопытный очеркъ этой эпохи въ книгѣ С. М. Соловьева «Исторія паденія Польши», тѣмъ не менѣе, вышеупомянутые матеріалы полезны для пополненія пробѣловъ, оставшихся непоясненными за отсутствіемъ печатныхъ свѣдѣній.

Поясню примѣромъ: П. К. Щебальскій, печатавшій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» много статей о Польшѣ, въ одной изъ нихъ, (см. «Французская политика въ Польшѣ въ 1768 и 1769 г.» Русск. Вѣст. 1863 г. № 7 стр. 208), упоминая о секретной конвенціи, заключенной между Россіею и Пруссіею, и ссылаясь на иностранные источники, говоритъ, что текста конвенціи этой не нашелъ въ Пол. Соб. Зак. Конечно, конвенція эта, считавшаяся весьма секретною, не могла войти въ Пол. Соб. Закон. и до сихъ поръ нигдѣ не была напечатана. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей статьѣ «Политика Фридриха

Digitized by Google

Графъ Панинъ, если не былъ діаметрально противоположенъ своимъ предшественникамъ, относительно политическаго направленія Россіи, тѣмъ не менѣе онъ значительно отличался отъ нихъ, въ своихъ взглядахъ и видахъ на предстоявшій дипломатическій путь нашего отечества. — Онъ былъ приверженцемъ и сторонникомъ извѣстной сѣверной системы, которая одна могла, по его мнѣнію, доставить Россіи роль державы перваго класса, вмѣсто того, что Россія, при всемъ своемъ могуществѣ, не выходила изъ второго [1]).

Въ Берлинѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, радовались назначенію новаго министра иностранныхъ дѣлъ. Съ вѣнцомъ побѣднымъ, Фридрихъ II, по собственному сознанію, стоялъ одинокъ посреди Европы, окруженный со всѣхъ сторонъ завистниками и непріятелями. Истощенный семилѣтнею войною, король прусскій нуждался въ отдыхѣ и искалъ для того союза съ Россіею, какъ съ единственною державою, не имѣвшею причины ни завидовать королю, ни опасаться его.

Графъ Сольмсъ, посланникъ прускаго короля въ С.-Петербургѣ, получилъ приказаніе содѣйствовать такому сближенію обоихъ дворовъ. Еще въ январѣ 1763 года, Сольмсъ писалъ Фридриху, что гр. Панинъ сообщилъ ему о готовности императрицы сблизиться съ королемъ прусскимъ, такъ какъ сближеніе это можетъ служить залогомъ мира. Между двумя кабинетами, петербургскимъ и берлинскимъ, открылись переговоры, окончившіеся союзнымъ договоромъ, скорому заключенію котораго способствовали весьма много подоспѣвшія къ тому времени польскія дѣла.

5-го октября (нов. ст.) 1763 года, скончался польскій король Августъ III. Онъ оставилъ Польшу на прямой дорогѣ къ слабости и безсилію. Поляки глумились надъ прежними строгими нравами. Пышный дворъ Августа III, испорченный интри-

---

Великаго» (см. «Восьмнадцатый вѣкъ» изд. Бартенева), за неимѣніемъ подъ рукою подлинныхъ документовъ, основываетъ свои выводы на догадкахъ или иностранныхъ источникахъ, весьма часто не достовѣрныхъ по пристрастію или искаженію фактовъ.

Наконецъ, о дѣйствіяхъ Россіи въ Польшѣ въ 1764 г. и объ участіи ея въ возведеніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, я не нашелъ ни въ книгѣ Соловьева, ни въ другихъ русскихъ сочиненіяхъ, ни даже въ изданіяхъ русскихъ историческихъ обществъ.

Во избѣжаніе повтореній, не приводя разсказа о томъ, что было уже напечатано въ другихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, я считаю необходимымъ привести подлинныя слова нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ рескриптовъ Екатерины, и преимущественно тѣ, которыя до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалъ напечатанными. — *Авт.*

[1]) Панинъ Волконскому 30 октяб. 1769 г. Объ этомъ письмѣ мы еще скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Digitized by Google

гами, представлялъ собою борьбу партій, гдѣ король дѣйствовалъ противъ вельможъ, вельможи противъ дворянства, а дворянство противъ короля и противу вельможъ.

Въ силу существовавшаго liberum veto (свободное несогласіе) никакая общественная и полезная мѣра не могла быть проводима въ королевствѣ. Въ Польшѣ не стало болѣе правительства. Вся законодательная власть исходила изъ государственнаго сейма. Сеймъ собирался каждые два года и, для рѣшенія его, для признанія постановленій его законными, необходимо было единогласіе. Каждый отдѣльный членъ сейма, провозгласивй шій veto (свое несогласіе) уничтожалъ постановленіе сейма. Отъ этого произошло то, что ни одинъ сеймъ, изъ 47-ми бывшихъ въ послѣднее время, не могъ состояться. Крайнее развитіе личности дошло до того, что поляки не могли и не умѣли справиться со своимъ собственнымъ *я*. Каждый хотѣлъ повелѣвать, никто не хотѣлъ повиноваться. Полякъ, имѣвшій за собою нѣсколькихъ приверженцевъ, разсчитывалъ на возможность сѣсть на тронъ и сдѣлаться королемъ Польши. Надежды каждаго казались тѣмъ болѣе возможными, что престолъ польскій не былъ наслѣдственнымъ и король избирался одною шляхтою.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, кому быть королемъ, послѣ смерти Августа III, волновалъ Варшаву и поляковъ. Образовались двѣ главныя партіи: одна держала сторону саксонскихъ принцевъ и была подкрѣплена въ этомъ дворами французскимъ и австрійскимъ. Другая партія, на сторонѣ которой былъ почти весь народъ и наибольшая часть польской шляхты, была болѣе склонна къ избранію въ короли природнаго поляка и поддерживалась Россіею и Пруссіею. Во главѣ первой партіи стояли: бывшій министръ короля Брюль, зять его Мнишекъ и коронный гетманъ гр. Браницкій, а во главѣ другой были князья Чарторыскіе, искавшіе поддержки въ русскомъ правительствѣ.

Обѣ партіи, находясь во враждѣ, ссорились и спорили между собою. Саксонская партія, рѣшившаяся употребить всѣ усилія къ избранію короля изъ саксонскаго дома, думала, въ случаѣ неудачи, содѣйствовать избранію короннаго гетмана графа Браницкаго, съ тѣмъ, чтобы онъ послѣдовательно уступилъ корону саксонскому принцу или какой-либо другой особѣ, поддерживаемой Франціею и Австріею [1]). Такой исходъ былъ бы для этой партіи весьма выгоденъ, ибо гетманъ гр. Браницкій былъ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ.

---

[1]) Донесеніе императрицѣ Обрескова, нашего посла въ Константинополѣ отъ 6 марта 1764 г.

Digitized by Google

Вопросъ о томъ, кому быть королемъ Польши, занималъ всѣхъ и въ Петербургѣ. Здѣсь мнѣнія также раздѣлились; одни были въ пользу саксонскаго дома, другіе же стояли за избраніе пяста, природнаго поляка. Гр. Панинъ хотя и не участвовалъ въ этихъ совѣщаніяхъ, но, имѣя значительное вліяніе на умъ императрицы, былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, настаивавшихъ въ возведеніи на тронъ пяста. — «Въ Польшѣ король пястъ для насъ способнѣе и полезнѣе — писалъ онъ впослѣдствіи—нежели король изъ сильныхъ владѣтельныхъ князей. Пястъ, какой бы фамиліи онъ ни былъ и сколько бы ни имѣлъ богатства, партикулярный человѣкъ, не будетъ онымъ въ короляхъ богатъ, ни страшенъ націи, а еще менѣе кромѣ насъ однихъ, яко авторовъ возвышенія и цѣлости его,—зависимъ отъ посторонныхъ дворовъ въ политикѣ своей, ибо она въ тѣсныхъ предѣлахъ собственной только безопасности ограничиваться должна будетъ, буде мы сами не дозволимъ ей когда пространнѣйшихъ, смотря по обстоятельствамъ и по собственнымъ нашимъ интересамъ. Напротивъ того, король изъ владѣтельныхъ принцевъ, имѣя собственныя земли, а съ ними и силы, можетъ скорѣе сдѣлаться властительнымъ, если только имѣть будетъ искуство пользоваться выгодами своими, а покрайней мѣрѣ особливыми своими интересами заводить Польшу въ зависимость другихъ державъ» [1]).

Графъ Панинъ, одержавъ побѣду и получивъ въ свои руки управленіе дипломатическими дѣлами, направилъ ихъ къ осуществленію своихъ цѣлей. Онъ шелъ быстрыми шагами къ тѣснѣйшему сближенію съ Пруссіею и нашелъ въ этомъ поддержку въ самомъ королѣ ея, Фридрихѣ II.

31-го марта 1764 года, былъ заключенъ уже въ Петербургѣ союзный договоръ между Россіею и Пруссіею. Собственно говоря, въ этотъ день, кромѣ договора, были заключены: секретная конвенція, нѣсколько секретныхъ и самыхъ секретныхъ параграфовъ.

«Трактатъ самъ по себѣ — писала Екатерина II князю Волконскому [2]), — будучи отъ насъ разнымъ дворамъ сообщенъ, не требуетъ храненія тайны, а напротивъ того четыре секретныя и одинъ сепаратный онаго артикулы, да секретную конвенцію съ двумя ея артикулами секретнѣйшимъ и сепаратнымъ, ввѣряемъ мы не больше какъ вамъ однимъ персонально».

По союзно-оборонительному трактату, обѣ договаривающіяся стороны обязались, за себя и за своихъ преемниковъ, сохранять

---

[1]) Графъ Панинъ кн. Волконскому 30 октября 1769 г. Архивъ Волконскаго.

[2]) Въ указѣ отъ 1-го мая 1764 г. Арх. Волконскаго.

Digitized by Google

союзъ истинныхъ друзей, соблюдать взаимные интересы, устраняя все то, что̀ можетъ быть вредно другъ другу. На этомъ основаніи объявлена между обѣими державами совершенно свободная торговля, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Положивъ въ основаніе своего союза всеобщее спокойствіе и тишину, Россія и Пруссія взаимно гарантировали другъ другу безопасность своихъ владѣній въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ настоящій союзный актъ засталъ обѣ договаривающіяся стороны. Въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій съ европейскими державами, или вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи и Пруссіи, каждая изъ договаривающихся сторонъ обязалась, не далѣе какъ черезъ три мѣсяца, послѣ перваго требованія, выставить вспомогательный корпусъ изъ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 кавалеріи, съ тѣмъ, чтобы войска эти содержались на счетъ двора требующаго себѣ пособія.

Оба кабинета, петербургскій и берлинскій, обязались, безъ взаимнаго соглашенія, не только не заключать мира, но и не входить въ отдѣльныя другъ отъ друга соглашенія [1]).

Таковы были главныя основанія союзнаго трактата между Россіею и Пруссіею.

Одновременно съ заключеніемъ этого договора и въ тотъ же день, между обоими дворами была заключена секретная конвенція относительно Польши.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Берлинѣ, были теперь одинаково хорошо убѣждены, что польза обѣихъ державъ заключается въ воспрепятствованіи избранію на польскій престолъ, послѣ смерти Августа III, кого-либо изъ лицъ саксонскаго дома.

Оба союзные кабинета опасались того, чтобы польскіе короли изъ одной и той же фамиліи не уничтожили въ конецъ конституцію и основные законы польскаго королевства.

Опасеніе относительно уничтоженія правъ и вольностей поддерживалось и нѣкоторыми поляками, болѣе другихъ, какъ сказано было въ конвенціи, привязанныхъ къ своему отечеству и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Справедливыя опасенія эти заставили оба двора принять мѣры къ тому, чтобы избраніе польскаго короля было сдѣлано добровольно, согласно желанія самихъ поляковъ и непремѣнно въ пользу пяста.

Король прусскій предоставилъ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ уже прежде принявшей къ тому мѣры и согласившейся съ

---

[1]) Traité d'alliance défensive entre sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et sa Majesté le Roi de Prusse.

Digitized by Google

здравою частью народа, поддерживать того изъ кандидатовъ на польскій престолъ, котораго признаетъ она за лучшее. Обѣщая согласоваться, въ этомъ отношеніи, во всемъ съ русскимъ дворомъ, Фридрихъ II особымъ секретнымъ параграфомъ [1]) обязался поддерживать и стараться объ избраніи королемъ графа Станислава Понятовскаго, стольника литовскаго.

На этомъ основаніи берлинскій кабинетъ долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени отправить въ Варшаву своего акредитованнаго министра, для совокупнаго дѣйствія съ представителями Россіи, и «чтобы они могли доказать республикѣ (польской) солидарность мѣръ, принятыхъ обоими дворами», петербургскимъ и берлинскимъ.

Для большаго успѣха въ дѣлѣ рѣшено двинуть къ границамъ какъ русскія, такъ и прусскія войска.

Оба договаривающіеся двора обязались при этомъ соблюдать самую тщательную справедливость и принять всѣ мѣры къ поддержанію мира и тишины въ польской республикѣ. Нельзя было, впрочемъ, не предвидѣть того, что постороннія державы, которыхъ интересы далеко не сходились съ интересами договаривающихся, употребятъ всѣ свои усилія къ воспрепятствованію такого избранія и станутъ поддерживать партію противную той, которая держалась стороны Россіи. Въ Петербургѣ опасались, что противная намъ партія составитъ конфедерацію, съ цѣлію избрать короля по своему желанію и видамъ.

Поэтому, чтобы предупредить зло въ самомъ началѣ, Екате-

---

[1]) Copie d'un Article séparé et plus secret à la suite de la Convention secrète.

Comme il est dit dans l'article second de la Convention secrète faite aujourd'hui que sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies avoit déjà pris d'avance certains arrangemens avec la partie de la nation la plus considérée sur le choix d'une personne pour Candidat de la couronne de Pologne, et que sa Majesté le Roi de Prusse promêt d'y adhérer et d'y coopérer avec toute la bonne foi et cordialité imaginable, et de la manière la plus propre, pour en assurer le succès.—Ainsi pour ne laisser aucun doute dans le Concert des hautes Parties contractantes, elles sont jugé à propos d'insérer dans cet article séparé de la convention, le nom du Candidat qui est le Comte Stanislas Poniatowsky, Stolnick de Lithuanie, en faveur de qui Sa Majesté Impériale a pris les susdits arrangemens.

Les deux Parties contractantes réconnoissant en lui toutes les qualités les plus propres, pour s'assurer du répos et de l'amitié de la République de Pologne, s'engagent encore plus particulièrement et de la meilleur foi par ce présent article, de réunir de la manière la plus forte leurs bons offices et efforts, pour lui procurer l'unanimité possible des suffrages et le placer sur le trône de Pologne.

Ce présent article séparé et plus secret aura la même force, que s'il etoit inséré môt pour môt dans la convention secrète signée aujourd'hui et sera ratifié en même temps.

En foi de quoi il en a été fait deux exemplaires, que nous les ministres plenipotentiaires de Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies et de Sa Majesté le Roi de Prusse, en vertû de nos plein-pouvoirs avons signé et scellé du cachet de nos armes.

Digitized by Google

рина и Фридрихъ приказали своимъ министрамъ, находившимся въ Варшавѣ, зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ по вопросу объ избраніи короля. Имъ приказано было, какъ только узнаютъ, что избраніе состоялось въ пользу Станислава Понятовскаго, тотчасъ же объявить формальною декларацією, «что если они встрѣтятъ между націею такихъ лицъ, которыя осмѣлятся нарушить спокойствіе и образовать конфедерацію противъ ихъ короля, законно возведеннаго, то ея величество императрица и король прусскій сочтутъ ихъ непріятелями отечества и за возмутителей общественнаго спокойствія; что прикажутъ ихъ войскамъ занять Польшу и употребятъ безъ всякой пощады всѣ жестокости войны, какъ противъ ихъ особъ, такъ и противъ имущества».

Въ случаѣ, если бы объявленная декларація не произвела своего дѣйствія, и конфедерація, вызванная частными видами и интересами, все-таки состоялась, то Екатерина взяла на себя подавить ее, если представится возможность, то при посредствѣ своихъ собственныхъ силъ, не требуя отъ короля прусскаго никакой помощи ни войсками, ни дипломатическими сношеніями. Но если бы движеніе русскихъ войскъ въ Польшу возбудило опасеніе въ другихъ европейскихъ державахъ и вызвало, съ ихъ стороны, такое же движеніе, для поддержанія конфедератовъ, съ цѣлію помѣшать выбору или свергнуть короля, уже возведеннаго и признаннаго въ этомъ достоинствѣ, то тогда Фридрихъ II обязанъ былъ двинуть двадцати-тысячный корпусъ войскъ, для совокупнаго дѣйствія съ русскими войсками.

Основываясь на этомъ, если театръ военныхъ дѣйствій былъ бы перенесенъ на границы или въ самыя владѣнія Россіи, прусскій король долженъ былъ, сверхъ этого двадцати-тысячнаго корпуса, прислать другой такой же корпусъ, въ подкрѣпленіе нашихъ войскъ. Этотъ послѣдній отрядъ императрица властна употреблять по своему личному усмотрѣнію, для собственной защиты и безопасности. Равномѣрно, и точно на такомъ же основаніи, Россія обязалась дать то же число войскъ и королю прусскому, въ случаѣ, если бы онъ былъ атакованъ на границѣ или внутри своихъ владѣній.

Послѣднее вспомоществованіе могло быть одинаково тягостно для обоихъ договаривающихся; если бы войска одной державы были отправлены для дѣйствія въ очень отдаленныя провинціи другой, то оба кабинета согласились сдѣлать на такой случай исключеніе. Особымъ секретнымъ параграфомъ положено, что если военныя дѣйствія будутъ происходить для Россіи въ областяхъ пограничныхъ съ Турціею и Крымомъ, а въ Пруссіи, — въ областяхъ, расположенныхъ по ту сторону Везера, то замѣ-

Digitized by Google

нить въ этомъ случаѣ помощь войсками ежегодною денежною платою. Во избѣжаніе же всякихъ недоразумѣній приняли, разъ навсегда, плату за 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2,000 кавалеріи 400,000 руб. въ годъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 100,000 р. вносились черезъ каждые три мѣсяца [1]).

Въ заключеніе, относительно Польши, оба договаривающіеся двора, въ виду собственныхъ интересовъ, положили употребить всѣ заботы и усилія, чтобы поддержать польскую республику въ своемъ правѣ свободнаго избранія короля и не допускать никого изъ такихъ лицъ, которыя могли бы овладѣть польскимъ престоломъ по правамъ наслѣдства и сохранить его въ своей фамиліи или же сдѣлать его самостоятельнымъ. Императрица и король согласились предупредить и уничтожить въ самомъ началѣ всѣ такія желанія, какъ только открыты будутъ подобные происки и откуда бы они ни появились.

Въ случаѣ необходимости, они обязались обоюдно, силою оружія, защитить и гарантировать польскую республику отъ ниспроверженія конституцій и основныхъ ея законовъ [2]).

---

[1]) Вотъ этотъ параграфъ: Comme il pourroit devenir également onereux à l'une et à l'autre des deux hautes Parties contractantes si le secours de troupes stipulé dans le Traité d'alliance signé aujourd'hui devoit être envoyé dans des provinces trop éloignées, elle sont convénues de faire une exception à cet égard, savoir, par rapport aux provinces, de Sa Majesté l'Impératrice limitrophes de la Turquie et de la Crimée, et par rapport aux provinces de Gueldres, Clève, Ostfrise, et en général tous les états de S. M. le roy de Prusse, situés au-delà de Weser, et de convertir en ce cas le secours de trouppes en secours annuels d'argent, de manière qu'au cas que des côtés ci-dessus mentionnés, on vint à déclarer la guerre à Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies, ou que Sa Majesté le roy de Prusse fut attaqué dans les Etats ci-dessus mentionnés, Leurs dites Majestés ne s'assisteront pas en trouppes, mais en argent, et pour empêcher que cette stipulation ne puisse donner lieu à quelque discussion dans la suite, Leurs Majestés conviennent de payer pour les dix mille hommes d'infanterie et les deux mille hommes de cavalérie, quatre cents mille roubles par an, de façon, que le payement de cent mille roubles se fasse ponctuellement tous les trois mois.

Ce présent article secret aura la même force et vigueur que s'il étoit inséré môt pour môt dans le Traité Principal d'alliance défensive signé aujourd'hui et sera ratifié en même temps.

[2]) Comme il est de l'intérêt de Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies, et de Sa Majesté le roy de Prusse, d'employer tous leurs soins et efforts pour que la République de Pologne soit maintenue dans son droit de libre Election, et qu'il ne soit loisible et permis à personne de rendre le dit Royaume héréditaire dans la famille, ou de s'y rendre absolu, Sa Majesté Impériale et Sa Majesté le roy de Prusse ont promis et se sont engagés mutuellement et de la manière la plus forte, par cet article secret, non seulement à ne point permettre que qui que ce soit entreprenne de dépouiller la republique de Pologne de son droit de libre élection, de rendre ce Royaume héréditaire, ou de s'y rendre absolu, dans tous les cas où cela pourrait arriver, mais encore à prevenir et à anéantir par tous les moyens et voyes possibles et d'un commun accord les

Digitized by Google

Покончивъ переговоры относительно Польши, гр. Панинъ не остановился на этомъ, но пошелъ далѣе къ осуществленію своихъ видовъ. Онъ съумѣлъ воспользоваться союзомъ Россіи съ Пруссіею настолько, что Фридрихъ, по особымъ секретнымъ параграфамъ, обязался не только гарантировать области, которыми владѣлъ наслѣдникъ русскаго престола въ Германіи, на правахъ герцога голштинскаго, но употребить все возможное стараніе къ тому, чтобы доставить справедливое удовлетвореніе въ переговорахъ, которые могли возникнуть съ датскимъ дворомъ, по поводу недоразумѣній, касающихся шлезвигскаго герцогства [1]).

Наконецъ, Фридрихъ II обязался еще дѣйствовать совокупными силами и во всемъ согласно съ русскимъ дворомъ относительно Швеціи.

Интриги иностранныхъ державъ, при стокгольмскомъ дворѣ, заставили императрицу Екатерину, въ видахъ сохраненія общаго мира, обезпечить себя и съ этой стороны. Съ этою цѣлію императрица и король прусскій условились дать одинаковыя инструкціи своимъ резидентамъ въ Стокгольмѣ.

Почти каждая изъ болѣе или менѣе значительныхъ европейскихъ державъ имѣла свою партію въ Швеціи, и смотря по количеству и многочисленности своихъ приверженцевъ, пользовалась бо̀льшимъ или меньшимъ вліяніемъ на дѣла этого государства.

Интриги европейскихъ дворовъ и желаніе пріобрѣсти большее вліяніе на дѣла Швеціи, вели къ постоянной борьбѣ партій и къ частымъ волненіямъ, происходившимъ въ этой странѣ. Постоянное постороннее вмѣшательство во внутреннія дѣла этого государства заставляли весьма часто опасаться за сохраненіе мира. Для прекращенія волненій и для устраненія на будущее время подобныхъ опасеній, Екатерина и Фридрихъ условились приказать своимъ резидентамъ въ Стокгольмѣ взаимно стараться

---

vues et desseins qui pourroient tendre à ce bût, aussitôt qu'on les aura decouverts, et à avoir même en cas de besoin récours à la force des armes pour garantir la republique du renversement de la Constitution et de ses loix fondamentales.

[1]) Sa Majesté le Roy de Prusse pour donner à Sa Majesté Impériale une marque de sa sincère amitié, non seulement garantit de la manière la plus solemnelle, en vertû de cet article secret, les Etats que son Altesse Impériale le grand Duc de toutes Russies possede actuellement en Allemagne en qualité de Duc de Holstein, mais promet encore d'employer de son coté dans les négociations qui pourroient se faire à l'avenir avec la cour de Dannemarck, au sujet des differents qui subsistent par rapport au Duché de Slesvic, tous les bons offices possibles à la dite cour, pour procurer à son Altesse Impériale une entière satisfaction sur ses justes pretentions.

Digitized by Google

и работать надъ ослабленіемъ волнующихся партій, вмѣсто того, чтобы поддерживать тѣхъ шведовъ, которые, зная сами всю тяжесть ихъ ига, «осмѣливаются сопротивляться и думать о возвращеніи къ старому порядку вещей [1])».

II.

Союзъ Россіи съ Пруссіею крайне не нравился многимъ европейскимъ дворамъ, и въ особенности дворамъ французскому и австрійскому. Извѣстіе о кончинѣ польскаго короля Августа III привело въ движеніе почти всѣ континентальные дворы и преимущественно потому, что избраніе въ Польшѣ короля было съ давнихъ временъ дѣломъ международнымъ.

Французскій дворъ, обязанный, въ силу договора съ Австріею, заключеннаго въ 1758 году, поддерживать избраніе саксонскаго курфирста, рекомендовалъ полякамъ курфирста, поддерживалъ на-

---

[1]) Въ статьѣ «Политика Фридриха Великаго» въ разсказѣ самого короля, требованіе Россіи гарантировать тогдашній образъ правленія въ Швеціи отнесенъ въ первый разъ къ 1769 году (см. «Восемнадцатый вѣкъ» изд. Бартенева ч. I стр. 177). Вотъ что сказано въ § 2 секретнаго договора 31-го марта 1764 года:

Il est parfaitement connû aux deux parties contractantes que la forme du gouvernement établie et confirmée par les serments de tous les quatre etats du Royaume de Suède est souvent ebranlée dans les parties les plus essentielles par les différentes altérations qu'une faction dans la nation a faites à l'équilibre du pouvoir partagé entre le roy, le senat, et les susdit Etats; et comme la dite faction à été formée et entretenue par certaines puissances, et s'est acquis au moien de leur appui une grande supériorité dans les affaires de sa patrie, en travaillant principalement et sans cesse suivant leur convenance mutuelle à tenir les concitoyens dans une agitation continuelle et à les animer à le mêler dans tous les troubles du dehors, ainsi que cela se prouve par une expérience de plusieurs années, et se mettant fort peu en peine de véritables intérêts de la Suède qui lui rendent le répos si nécessaire. Sa Majesté l'Imperatrice et Sa Majesté le roy pour prévenir les facheuses suites qui pourroient en resulter, s'accordent et s'engagent par cet article secret à donner dès àprésent à Leurs ministres résidents à Stockholm desinst ructions suffisantes, pour qu'agissant en confidence et dans les mêmes principes entre eux, ils travaillent de concert tant à affaiblir ce parti turbulent par des moyens convénables, qui pourront être mieux choisis sur les lieux mêmes, qu'à appuyer et à assister ceux parmi les Suédois qui connoissant eux mêmes la pesanteur de leur joug osent encor y resister et songer à remettre les affaires dans leurs ordre naturel, afin que du moins l'équilibre puisse être maintenû entre eux et les autres. Si toutes fois la coopération de ces ministres ne suffisoit pas pour atteindre le but désiré, alors eû égard aux circonstances et particulièrement dans le cas où l'on aurait à craindre un renversement tôtal de la forme du gouvernement de la Suède; Leurs Majestés se reservent la liberté de se concerter plus particulièrement sur les moyens de détourner un événement si dangereux et de maintenir la susdite forme de gouvernement en son entière, afin de conserver par là la tranquilité générale et principalement celle du Nord».

Digitized by Google

дежды Браницкаго и въ тоже время велъ переговоры съ преданною Россіи партіею Чарторыскихъ. По своему нерасположенію Шуазель готовъ былъ на все, чтобы только уничтожить или ослабить вліяніе Россіи на дѣла Польши. Онъ отправилъ въ Варшаву своихъ агентовъ, число которыхъ доходило до тридцати двухъ человѣкъ. Представители французскаго двора при европейскихъ дворахъ получили одинаковыя приказанія Шуазеля, противодѣйствовать желанію Россіи—возвести на польскій тронъ природнаго поляка, и если бы послѣдней удалось достигнуть того, то стараться, чтобы европейскія державы не утверждали выбора и не признавали выбраннаго королемъ Польши.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ отличался особенною ревностію въ исполненіи приказаній своего министра.

Видя, что турецкое министерство согласно на избраніе польскимъ королемъ пяста, онъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать непосредственно на самого султана, когда тотъ предавался наслажденіямъ гарема. Посѣщавшій гаремъ и пользовавшій прекрасныхъ женщинъ султана, одинъ докторъ неаполитанецъ былъ подкупленъ французскимъ посланникомъ. Имѣя свободный доступъ во всякое время туда, куда не могъ входить ни одинъ смертный, докторъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ султана съ французскимъ посломъ. Послѣдній, передавая ему состояніе польскихъ дѣлъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были выгодны французскому двору, льстилъ самолюбію султана. Докторъ по наущенію французскаго посла увѣрялъ султана, что онъ можетъ безъ всякаго затрудненія поставить королемъ Польши того, кого захочетъ, «и ни которая держава всемѣрно не посмѣетъ такому его предпріятію упорствовать, а черезъ то пріобрѣтетъ онъ имени его безсмертную славу, а имперіи предастъ отличную знатность [1]).»

Повелитель Турціи колебался; онъ потребовалъ отъ своего министерства «многія объясненія на разные пункты, сходственные французскимъ видамъ». Въ тоже самое время находившійся въ Константинополѣ полякъ, полковникъ Станкевичъ, представилъ Портѣ грамату примаса къ султану и отъ короннаго гетмана верховному визирю письмо, извѣщающее о смерти Августа III и вмѣстѣ съ тѣмъ акредитующее Станкевича въ качествѣ резидента польской республики при константинопольскомъ дворѣ. 10-го февраля онъ имѣлъ аудіенцію у верховнаго визиря. Станкевичъ предъявилъ визирю прошеніе, подписанное короннымъ гетманомъ и нѣкоторыми изъ польскихъ вельможъ, въ которомъ тѣ

[1]) Донесеніе Обрѣзкова императрицѣ 28-го февраля 1764 г. Арх. князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

просили помощи и защиты «въ нынѣшнемъ республики недовѣдомомъ состояніи».

Французскій посланникъ распускалъ по Константинополю точно такіе же слухи, какіе распускали французскіе агенты въ Польшѣ, что саксонскіе принцы, какъ дѣти покойнаго польскаго короля, могутъ считаться природными поляками и имѣютъ законное право на польскій престолъ. Нашъ резидентъ Обрѣзковъ возражалъ противъ этого, и говорилъ, что природными поляками могутъ считаться только тѣ, которые родились отъ отца и матери польскаго поколѣнія; которые имѣютъ недвижимыя имѣнія и чины въ республикѣ «или натурализовану быть въ генеральной діэтѣ (сеймѣ) общими гласными голосами». Ничего этого, говорилъ Обрѣзковъ, саксонскіе принцы не имѣютъ, и хотя бы, отъ покойнаго короля ихъ родителя, даны имъ были въ Польшѣ какія помѣстья, чего однакожъ они отнюдь не имѣютъ, а оная дача діэтою (сеймомъ) неопробована, то не даетъ правъ и преимуществъ природному поляку принадлежащихъ». Въ доказательство справедливости своихъ словъ, резидентъ нашъ приводилъ изгнаніе дѣтей перваго саксонскаго министра графа Бриля изъ «залы» во время состоявшагося, въ прошломъ 1763 году, въ Гродно генеральнаго сейма.

Между тѣмъ, 7-го февраля, переводчикъ Порты, по приказанію визиря, явился къ нашему резиденту Обрѣзкову съ вопросомъ: не получилъ-ли онъ отъ своего двора, въ теченіи послѣднихъ двадцати дней, курьера съ точнымъ изложеніемъ намѣреній императрицы относительно Польши?

Обрѣзковъ удивился такому вопросу и изъ разговора съ переводчикомъ узналъ, что султанъ перемѣнилъ свой взглядъ на избраніе короля Польши и склоняется въ этомъ отношеніи на сторону Франціи.

«Я, по выслушаніи всего вышеизложеннаго — доносилъ Обрѣзковъ — узналъ черезъ экспериенцію, что въ подобныхъ случаяхъ здѣсь твердый отвѣтъ не въ примѣръ полезнѣе бываетъ мягкаго, отвѣтствовалъ, что курьеръ ко мнѣ пріѣхалъ токмо передъ четырнадцатью днями, съ которымъ о польскихъ дѣлахъ никакого наставленія не имѣю и ниже имѣть ожидаю, ибо я отъ высочайшаго вашего императорскаго величества двора достаточно уже наставленъ и повелѣніе имѣю блистательную Порту паиточнѣйше увѣрить, съ одной стороны, что ваше императорское величество въ избраніи польскаго короля пяста, сходственно регуламъ и конституціямъ республики польской, вмѣшиваться и оному избранію препятствовать отнюдь не будетъ. Съ другой же, если бы недоброхотными къ отечеству, поляками, или какою ни-

Digitized by Google

будь постороннею державою, помущенъ былъ покой республики польской, то такожъ всемѣрно съ индеферентностію смотрѣть не будете, но употребите всѣ мѣры и силы ваши, къ защищенію республики и къ возстановленію покоя въ оной».

Нашъ резидентъ объявилъ переводчику Порты, что, во всякомъ случаѣ, покушеніе султана сдѣлать польскимъ королемъ *свою креатуру* не обойдется ему такъ дешево, какъ увѣряютъ его французы. Обрѣзковъ удивлялся тому, что турецкое министерство не видитъ, откуда происходитъ перемѣна въ образѣ мыслей султана. Посланный увѣрялъ, что визирь давно уже знаетъ объ этомъ, но видя «что оный докторъ лечитъ всю императорскую фамилію и у его величества въ хорошемъ кредитѣ, визирь до удобнаго случая о томъ вызываться не смѣетъ».

Не смѣлъ и переводчикъ передать въ точности разговоръ свой съ Обрѣзковымъ. Онъ донесъ визирю—писалъ Обрѣзковъ,—«что при самомъ его отъ меня выходѣ, примѣтя меня быть весьма смутнаго, спросилъ о причинѣ, и что я, съ крѣпкимъ вздохомъ и почти со слезами въ глазахъ, отвѣтствовалъ, что весьма сожалѣю объ употребленіи всевозможныхъ раченій, черезъ цѣлые четырнадцать лѣтъ, и потеряніи всего здоровья, отъ заботы, настоящую между сими двумя имперіями дружбу наивящше укрѣпить и распространить, ибо вижу что всѣ тѣ мои труды и заботы тщетными остаются, и есть такіе люди, которые устремилися сіи имперіи до явной остуды привести».

Обрѣзкову говорили потомъ, что будто бы визирь приказалъ все сказанное ему переводчикомъ изложить на бумагѣ, которую и передалъ муфтію. На слѣдующее утро въ общемъ засѣданіи совѣта, записка эта была подана султану.

— Развѣ подлинно виды другихъ державъ клонятся къ поссориванію меня съ Россіею? спросилъ султанъ по прочтеніи ея.

Визирь и муфти отвѣчали молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Такъ разсказывали это происшествіе въ Константинополѣ, и 14 февраля стало извѣстнымъ достовѣрно, что неаполитанецъ докторъ получилъ запрещеніе ходить въ гаремъ и женскіе покои. Для лѣченія тяжко больной старшей дочери султана былъ приглашенъ другой докторъ.

Крутой поворотъ, отъ милости и довѣрія султана, къ столь сильному нерасположенію къ неаполитанцу не давалъ еще надежды Обрѣзкову возвратить султана на прежній путь, согласный совершенно съ видами русскаго и прусскаго дворовъ. Поэтому нашъ резидентъ счелъ необходимымъ убѣдить представителя послѣдняго двора подать совокупную ноту: что ни русская императрица, ни прусскій король одинаково не допустятъ на поль-

Digitized by Google

скій престолъ никого другого, кромѣ пяста, родившагося отъ отца и матери національныхъ поляковъ.

Вмѣстѣ съ этою нотою Рексинъ, посланникъ Пруссіи, представилъ письмо къ верховному визирю.

«Его величество король, мой всемилостивѣйшій государь — писалъ онъ [1]) — имѣетъ всегда обыкновеніе, въ предосторожность, присылать ко мнѣ дупликаты писемъ его. На сихъ же дняхъ получилъ я дупликаты всѣхъ тѣхъ, которые имѣлъ честь блистательной Портѣ недавно представить, а въ прибавокъ повелѣваетъ мнѣ его величество сообщить вашему сіятельству, что точное желаніе его—быть въ вѣчномъ съ блистательною Портою соединеніи, добромъ согласіи и истинной дружбѣ. Что же касается до дѣла избранія короля польскаго, то его величество навсегда постояненъ и готовъ содержать конституціи и польскую вольность, во всей ея полности, слѣдственно и избраніе короля Пяста, родившагося отъ отца и матери польскаго шляхетскаго поколѣнія, о чемъ его величество обще съ россійскимъ дворомъ польскую республику наиточнѣйше обнадежить не преминули, какъ и о томъ, что всѣми ихъ силами воспрепятствуютъ избранію принца саксонскаго дома, да и всякой другой персонѣ, принадлежащей австрійскому дому или Франціи.

«Въ тоже время получилъ я отъ нашего резидующаго въ Варшавѣ министра письма, которыми увѣдомляетъ меня, что между прочими претендентами наисильнѣйшая партія есть дѣтей покойнаго короля, то-есть принцевъ саксонскаго дома, которыхъ сестра будучи супругою дофина бо̀льшаго (старшаго) сына короля французскаго и наслѣдника оной короны, то оная принцесса, всенаивозможнѣйшими средствами и употребленіемъ великаго иждивенія, старается пріобрѣсть въ пользу оныхъ большинство голосовъ, посредствомъ французскаго министра пребывающаго въ Варшавѣ, и великаго короннаго гетмана, совсѣмъ Франціи преданнаго и креатуры саксонскаго дому. Помянутой домъ будучи прежде протестантскаго закону и напослѣдокъ для обдержанія короны польской принялъ католическій, то безъ сомнѣнія римской дворъ, со всѣмъ духовенствомъ, всѣми силами стараться не преминетъ подкрѣплять помянутый саксонскій домъ къ обдержанію короны польской, и, сходственно оному закону, имѣть оной всегда подъ своею австрійскою и бурбонскою домовъ зависимостію, потому что въ Польшѣ духовная партія гораздо сильнѣе прочихъ и архіепископъ, будучи нынѣ въ достоин-

[1]) Въ письмѣ отъ 11 (22) февраля 1764 г. Арх. князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

ствѣ примаса, и есть наипредпочтительнѣйшая особа въ республикѣ; почему оставляя разсужденію и проницанію вашего сіятельства, его величество король мой государь обще съ россійскимъ дворомъ не имѣютъ ли справедливой причины безпокоиться?

«Блистательной Портѣ довольно извѣстно, что австрійскій домъ находится соединеннымъ и въ союзѣ безъ изъятія съ бурбонскимъ дворомъ, то есть съ французскимъ, слѣдственно и съ испанскимъ и сициліанскимъ, яко родственники, почему не возможно быть, чтобъ оные не искали привести злые ихъ виды, между ими соглашенные, въ исполненіе, и явно видно что Австрія и Франція, имѣя главнымъ инструментомъ римскій дворъ, а чрезъ посредство его и все духовенство польское, не упустятъ всевозможное употребить для исполненія своихъ видовъ,—какъ уже и нынѣ посредствомъ своихъ министровъ вымышляетъ, — разныя лжи къ раздраженію тѣхъ дворовъ, которые имъ подаютъ вѣру.

«При томъ помянутый же министръ въ Варшавѣ между прочимъ увѣдомляетъ меня, что министры противной партіи, какъ и принадлежащіе Саксоніи, въ великомъ числѣ въ Варшавѣ находятся, и перемѣня свой первый штиль, начали нынѣ изъясняться такимъ образомъ, что саксонскіе принцы, яко дѣти покойнаго короля польскаго, будучи и они поляки піясты и патріоты, слѣдственно такожъ законные и правдивые претенденты короны польской. Такому образу изъясняться, несомнѣнно, подала причину принятая блистательною Портою, по сему дѣлу согласная съ его величествомъ моимъ государемъ и россійскимъ дворомъ, резолюція, и его величество мой государь ясно изъяснился, что чужестранной особы изъ помянутаго ли саксонскаго дома или какого другого отнюдь терпѣть не будетъ. Такія идеи противной партіи, уповаю столько же противны благоволенію и интересамъ блистательной Порты, сколько королю моему государю и россійскому двору; и какъ его величество желаетъ пребывать съ блистательною Портою въ вѣчномъ и крѣпкомъ соединеніи, то я за должность мою призналъ представить всѣ вышеписанныя примѣчанія прозорливости ея, дабы увидя прямые виды и умышленія противниковъ нашихъ, и безъ точнѣйшаго изслѣдованія дѣла, не подавала никакой вѣры, но полагалась бы на дружескія увѣренія его величества моего государя, какъ и его величество, полагаясь на письменное данное ему отъ блистательной Порты обнадеживаніе, иного не желаетъ какъ только жить съ нею въ совершеннѣйше искреннѣйшей дружбѣ, и сходственно желанію ея бдѣть о сохраненіи конституціи и вольности польской. Однакожъ въ случаѣ если будетъ стараніе прилагаться со

Digitized by Google

стороны французской, австрійской или отъ какой другой державы пріобрѣсть корону польскую, принцу изъ саксонскаго дома, или кому другому изъ ихъ креатуръ, въ такомъ случаѣ принужденъ блистательной Портѣ представить, что его величество мой государь, противъ своего желанія и мирной резолюціи, принужденъ будетъ препятствовать силою, всякое покушеніе предосудительное польской вольности, противное содержанію резолюціи порученной мнѣ письменно блистательною Портою, клонящейся ко вреду его величества и блистательной Порты, съ которою всегда его великое желаніе есть жить въ совершенномъ соединеніи и доброй дружбѣ.

«Ото дня въ день ожидаю новыхъ наставленій, которыя, какъ скоро получу, блистательной Портѣ сообщить не премину.»

Прочтя это письмо рейсъ-эффенди увѣрялъ Рексина, что, по дѣлу объ избраніи польскаго короля, Порта, совершенно согласная съ намѣреніями обоихъ дворовъ, будетъ стараться о сохраненіи такого согласія и на будущее время.

Дѣйствительно, совокупное представленіе обоихъ дворовъ имѣло успѣхъ настолько, что когда 17-го февраля явился къ рейсъ-эффенди переводчикъ французскаго двора Дюваль и представилъ ему «польскую меморію» о правахъ саксонскаго дома на польскую корону, то рейсъ-эффенди принялъ его весьма сухо и грубо.

— Какъ послу не стыдно, говорилъ онъ, швырнувъ ноту чуть не въ глаза переводчику, такими пустяками безпрестанно утруждать министерство. Неужели онъ считаетъ насъ за дѣтей или ничего не смыслящихъ. Порта умѣетъ отличить правду отъ неправды, и ему, послу, по сему дѣлу Порта дала свой отвѣтъ единожды и навсегда.

Послѣ такого категорическаго заявленія казалось, что взглядъ Порты на польскія дѣла окончательно опредѣлился. Въ конференціяхъ, происходившихъ въ турецкомъ министерствѣ относительно польскихъ дѣлъ, «по разнымъ разсужденіямъ заключено, что для декору и знатности оттоманской имперіи испрашиваемое вспоможеніе поляками обѣщать хотя и надлежитъ, однакоже какъ избраніе короля касается и до окружныхъ державъ и дѣло подвержено разнымъ интригамъ и недовѣдомствамъ, то всемѣрно престерегаться должно въ поведеніяхъ Порты и отзывахъ ея отнюдь не окомпрометироваться и съ сосѣдями неостудиться; да и не только не справедливо, но и закону противно было бы, чтобы для примиренія христіанъ, и возстановленія между ними покоя, жертвовать магометанами и навлещи на себя недовѣдомыя слѣдствія. Правда, блистательная Порта должна стараться о прира-

Digitized by Google

щеніи славы имперіи, однакоже безъ навлеченія на себя никакого непріятнаго обязательства, да и къ хану крымскому послать надлежитъ наиточнѣйшіе указы, чтобы и съ его стороны въ семъ случаѣ не сдѣлано было какого поступка, противнаго намѣренію блистательной Порты».

26-го февраля, переводчикъ Порты привезъ Станкевичу отвѣтныя граматы. Султанъ не согласился снизойти до того, чтобы написать собственноручный отвѣтъ примасу. Онъ поручилъ отвѣчать отъ себя визирю. «Отвѣтъ его султанова величества, писалъ верховный визирь примасу [1]), что дозволяется соблюденіе прибывающей между блистательною Портою и Польшею дружбы утвержденной карловицкимъ трактатомъ, такожъ и соблюденіе вольности ея, а притомъ его императорское величество требуетъ, чтобы такожъ и республика польская поступала сходственно соблюденію вольности ея и для оказанія склонности или угодности какой-нибудь изъ посторонніхъ державъ, не учинила бы какого такого поступка, который бы помянутой ея вольности предосудителенъ быть могъ и дабы же ваша ясневельможность о семъ его султанова величества соизволенія, были свѣдомы, написано сіе мое дружеское письмо, для увѣдомленія васъ, что въ самой истинѣ дѣло будетъ весьма удобное для республики, особливо же для подданныхъ королевства польскаго, избраніе и возстановленіе королемъ кого-нибудь между вами съ такою однакожъ кондиціею, чтобы былъ сущій и природный полякъ, и кое посылается черезъ резидента Станкевича, по полученіи котораго увѣдомится, что изобильно дозволены неоцѣненны императорскія милости поспѣшествовать къ соблюденію древней и искренней дружбы и состоянія вольности республики польской, почему и надѣемся мы, что и друзья наши поляки, соблюдая состояніе вольности ихъ, не станутъ опираться на какой-нибудь посторонней державѣ и имѣть склонность во угожденіе посторонним навести предосужденіе вольности ихъ.»

Точно такой же, отъ слова и до слова, отвѣтъ былъ написанъ и коронному гетману графу Браницкому. Такимъ образомъ Порта уклонилась отъ прямого обнадеживанія поляковъ и обѣщалась соблюдать дружбу на основаніи карловицкаго трактата, которымъ она была вовсе не связана съ Польшею никакими обѣщаніями.

Резидентъ нашъ въ Константинополѣ боялся теперь только одного, чтобы польское правительство не воспользовалось проѣздомъ черезъ Польшу, находившагося въ Берлинѣ, турецкаго посланника Ахметъ-эффендія, «ибо я опасаюсь, писалъ Обрѣзковъ,

[1]) Всеподд. донесеніе Обрѣзкова, 6-го марта 1764 г.

Digitized by Google

чтобы противная сторона подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ претекстомъ или же черезъ подкупленіе его Ахметъ-эффендія не задержала его въ Варшавѣ для импонированія противникамъ ихъ, якобы оный при генеральномъ сеймѣ и избраніи королевскомъ быть отъ Порты опредѣленъ [1]).»

Для предупрежденія этого, точно также, какъ и на случай того, чтобы французскій посланникъ вмѣстѣ съ Станкевичемъ не позадержали отвѣта визиря, съ цѣлію не обезкуражить своей партіи, Обрѣзковъ сообщилъ обо всемъ происходящемъ въ Константинополѣ нашимъ министрамъ въ Варшавѣ.

III.

«Между подданными народами вашего императорскаго величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и бѣлорусскій народъ черезъ меня подданника вашего величества всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта; состояніе, сказую, людей предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя и единовѣрныхъ но въ польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры отъ дней Владиміровыхъ зажженный блистаетъ доселѣ; у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри, во многихъ мѣстахъ, совсѣмъ прекратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь, чѣмъ кто благочестивѣе тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ стыдъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ раззореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однако, въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ вашего императорскаго величества, не хотимъ уступить имъ въ разсужденіи настоящей радости. Смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся и въ горести души торжествуемъ въ послѣднемъ утѣсненіи....»

Такъ, въ день коронаціи императрицы Екатерины II, извѣстный бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій рисовалъ положеніе православнаго населенія польскаго королевства. Положеніе это было, дѣйствительно, невыносимо и находилось гораздо въ худшемъ видѣ, чѣмъ рисовалъ его епископъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Обрѣзкова императрицѣ, 28-го февраля 1764 г.

Digitized by Google

Католическое духовенство, съ давнихъ поръ составивъ отдѣльную корпорацію, исказившую своими поступками прямое назначеніе пастырей церкви, образовало въ Польшѣ сильную политическую партію. Оно подвергло преслѣдованію послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій, и не смотря на крики и неодобреніе всей польской націи, стремилось къ отнятію у иновѣрцевъ всѣхъ правъ, какъ гражданскихъ такъ и духовныхъ.

Всѣ иновѣрцы, жившіе въ Польшѣ, получили названіе *диссидентовъ* или разномыслящихъ въ вѣрѣ (dissidentes de religione). Насчитывая въ своихъ рядахъ многихъ сенаторовъ и большинство дворянства, диссиденты протестовали противъ подобнаго насилія, сопряженнаго весьма часто съ устраненіемъ ихъ отъ гражданскихъ должностей въ Польшѣ. На сеймѣ, происходившемъ въ Вильнѣ 16-го іюня 1563 года, было постановлено, что дворянство литовское и русское, такъ какъ и они христіане, должны имѣть одинаковыя права на почести, достоинства и занятія мѣстъ въ сенатѣ; постановлено, что никто не можетъ быть наказываемъ и преслѣдуемъ за вѣру, но всѣ епископіи и церковныя имѣнія должны оставаться во владѣніи католической партіи.

Хотя постановленіе это сильно не нравилось католическому духовенству, но оно не могло возстать открыто противу диссидентовъ, значительно превышавшихъ числомъ партію католиковъ. Послѣдніе, по необходимости, въ теченіи многихъ лѣтъ и цѣлыхъ столѣтій, должны были смотрѣть недоброжелательно на то, что почти каждый изъ польскихъ королей, при своемъ восшествіи на престолъ, обязанъ былъ торжественно подтверждать права диссидентовъ.

Въ противодѣйствіе этимъ подтвержденіямъ ксендзы пріискали другой способъ дѣйствій. Они раздѣлили своихъ противниковъ по вѣроисповѣданіямъ и, стараясь поссорить одно исповѣданіе съ другимъ, обратили свое преслѣдованіе сначала на слабѣйшихъ числомъ, и кончили притѣсненіемъ сильнѣйшихъ, а затѣмъ и всѣхъ гражданъ не-католическаго исповѣданія.

Надъ диссидентами насмѣхались; что обѣщали на сеймикахъ, въ томъ отказывали на сеймахъ. Побѣда была на сторонѣ католиковъ. Дѣйствуя единодушно и стремясь къ одной цѣли, они достигли того, что перессорили между собою диссидентовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и окончательно поработили ихъ. Мало-по-малу отъ диссидентовъ начали отнимать гражданскія права, не допускали ихъ къ занятію должностей въ государствѣ, что заставило многихъ честолюбивыхъ лицъ принять католическое вѣроисповѣданіе. Католическая религія стала господствующею вѣрою при дворѣ

Digitized by Google

польскихъ королей. Диссиденты хотя и старались возстановить свои права, но дѣйствія ихъ были мало успѣшны.

Каждый польскій король при вступленіи своемъ на престолъ хотя и подтверждалъ законъ о вѣротерпимости, но диссиденты мало отъ того выигрывали.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи они нѣсколько разъ обращались съ просьбою о защитѣ къ иностраннымъ державамъ, которыя и принимали на себя обязанность слѣдить за неприкосновенностію ихъ правъ.

Такъ Оливскимъ трактатомъ въ 1660 году и черезъ 25-ть лѣтъ спустя Московскимъ договоромъ, обезпечена лицамъ православнаго населенія, свобода исповѣданія и равенство передъ закономъ.

Не смотря на то, дѣло диссидентовъ не подвигалось впередъ: обиды и притѣсненія съ каждымъ днемъ все увеличивались. Имъ дозволено совершать богослуженіе тамъ только, гдѣ они имѣли церкви; вновь же строить церкви имъ не было дозволено. Не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ силою заставляли переходить въ унію; кто не соглашался на это, того били палками и тиранили. Священниковъ заключали въ тюрьмы, раздѣвали до нага, привязывали къ четыремъ столбамъ на крестъ и мучили до тѣхъ поръ, пока несчастный не соглашался сдѣлаться уніятомъ. Георгій Коніскій насчитываетъ слишкомъ пятьдесятъ различныхъ, ему извѣстныхъ, случаевъ оскорбленій, нанесенныхъ православнымъ священникамъ. Онъ говоритъ, что священникамъ рубили пальцы на рукахъ, навязывали на шею веревку и, ведя у лошади, погоняли плетью.

Православныя церкви запечатывались; буйная шляхта входила въ нихъ и забирала силою церковную утварь и драгоцѣнныя украшенія па иконахъ. Православнымъ приказывали звонить въ колокола, при всякомъ крестномъ ходѣ католиковъ. Каждый изъ исповѣдующихъ католическую вѣру имѣлъ право, взлѣзши на колокольню, звонить сколько хотѣлъ, хотя бы то было и во время отправленія церковной службы. «Умершихъ православныхъ погребать не даютъ, для своего прибытка, но у себя погребаютъ силою; также къ исповѣди и къ вѣнчанію нагло привлекаютъ благочестивыхъ».

При церковныхъ процессіяхъ шляхта нападала на священниковъ, срывала съ нихъ ризы, вырывала изъ рукъ свѣчи и отнимала хоругви, которыя держала у себя по полугоду. Если при этомъ православные оказывали сопротивленіе, то были судимы самымъ жестокимъ образомъ. Такъ, Данило Коженникъ, за то, что не отдалъ уніятскому священнику церковныхъ сосудовъ,

Digitized by Google

былъ приговоренъ регименгаремъ украинской партіи, Вороничемъ, къ смертной казни: «живому ему руки смолою и пенькою обверчены и зажжены были, потомъ голова отрублена и на колъ воткнута, и наконецъ все тѣло сожжено» [1]).

Помѣщики силою отнимали мѣста у православныхъ священниковъ и поставляли на ихъ мѣсто поповъ-уніятовъ.

«Миссіонеры доминиканскіе, ксендзъ Овлочинскій съ помѣщиками, ѣздя по городамъ и согласясь съ властями мірскими, сгоняли народъ благочестивыхъ церквей въ города, и тутъ, заключивъ ихъ недѣль на шесть, гоняли отъ костела до костела, принудивши ихъ носить въ рукахъ большіе деревянные кресты, на головахъ вѣнцы и на шеи веревки, также исповѣдаться у себя, и ежели кто имъ сопротивлялся, на устрашеніе тѣхъ столбы вкопывали, розгъ и тернія большія кучи раскладывали, огни разводили, а на нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ то въ мѣстечкѣ Улѣ, въ самой вещи тѣми орудіями стращали, да еще матерей отъ дѣтей, а дѣтей отъ матерей разлучали.» — «Христіане отъ христіанъ угнетаемы — говорилъ Конисскій [2]) — и вѣрные отъ вѣрныхъ болѣе, нежели отъ невѣрныхъ озлоблены бываемъ. Затворяются наши храмы, гдѣ Христосъ непрестанно восхваляется: отверсты же и безнавѣтны жидовскія синагоги, въ коихъ Христосъ непрестанно поруганъ бываетъ. Что мы человѣческихъ преданій въ равной съ вѣчнымъ Божіимъ закономъ важности имѣть и землю мѣшать съ небомъ не дерзаемъ, за то раскольниками, еретиками, отступниками насъ называютъ, а что гласу совѣсти безстыдно противорѣчить страшимся,—за то въ темницы на раны, на мечъ, на огонь осуждаемы бываемъ....»

Столь стѣсненное положеніе заставило диссидентовъ православнаго исповѣданія обращаться съ мольбою о защитѣ къ единовѣрной имъ Россіи.

Въ силу Оливскаго и Московскаго трактатовъ, Екатерина не могла отказать имъ въ своемъ покровительствѣ. При заключеніи союза съ Пруссіею, императрица имѣла въ виду обезпечить существованіе и диссидентовъ въ Польшѣ.

«Видя, съ большимъ прискорбіемъ — сказано въ отдѣльномъ параграфѣ союзнаго договора Россіи и Пруссіи — тяжелое угнетеніе, въ которомъ находится населеніе Польши и Литвы, исповѣдующее греческую и лютеранскую религіи, ихъ величества согласились и обѣщаютъ покровительствовать сказанныхъ лицъ, т. е. всѣхъ тѣхъ жителей Польши и Литвы, которые исповѣ-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, объ уніи, стр. 367.

[2]) Станиславу Понятовскому, 27 іюля 1765 г.

Digitized by Google

дуютъ греческую и лютеранскую религію и извѣстны подъ именемъ диссидентовъ».

Договаривающіяся стороны обѣщались употребить всѣ ихъ усилія къ тому, чтобы склонить короля и республику возстановить права и свободу, которыя были предоставлены сначала диссидентамъ въ дѣлахъ духовныхъ и гражданскихъ, но которыя были впослѣдствіи отняты или ограничены несправедливо. Въ томъ случаѣ, еслибы представленія союзныхъ дворовъ не получили скораго и полнаго удовлетворенія, то Екатерина и Фридрихъ согласились на первый разъ довольствоваться обѣщаніемъ, что диссиденты будутъ ограждены отъ несправедливости и угнетенія, отъ которыхъ страдаютъ [1]).

IV.

Въ то время, когда въ Петербургѣ происходили переговоры между Россіею и Пруссіею, относительно заключенія оборонительнаго трактата и предстоящихъ дѣйствій въ Польшѣ, — въ Варшавѣ шла ожесточенная борьба партій и споры о томъ, кому быть королемъ польскимъ.

Во главѣ одной партіи стояли Чарторыскіе, во главѣ другой, противной имъ, были: коронный гетманъ, графъ Бранцкій, самъ мечтавшій о коронѣ, первый богачъ Литвы, кн. Карлъ Радзивиллъ и кіевскій палатинъ гр. Потоцкій. Въ Литвѣ противъ Радзивилла дѣйствовали два Масальскихъ, одинъ, отецъ—гетманъ, другой, сынъ — епископъ виленскій.

Вражда эта и споры могли быть прекращены только постороннимъ вмѣшательствомъ и иностраннымъ оружіемъ. Партія

---

[1]) Вотъ этотъ параграфъ: «Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies et sa Majesté le roi de Prusse voyant avec beaucoup de chagrin la dure oppression, où se trouvent les personnes attachées aux mêmes religions de Leurs Majestés, tant dans le Royaume de Pologne que dans le grand Duché de Lithuanie, sont convenues et s'engagent à protéger de la manière la plus avantageuse les susdites personnes savoir, tous les habitans de la Pologne et de la Lithuanie qui professent les religions grecque, réformée, et luthérienne et qui y sont connus sous le nom de dissidens; et à faire tous leurs efforts pour déterminer par des répresentations fortes et amiables le roi et la Republique de Pologne à restituer à ces personnes les droits, priviléges, libertés et prérogatives qu'elles y ont acquises, et qui leur ont été accordées par le passé tant dans les affaires Ecclesiastiques que civiles, mais lesquelles ensuite ont été pour la plupart restreintes, ou injustement enlevées. Mais s'il n'etoit pas possible d'y parvénir tout de suite à l'heure qu'il est, les deux parties contractantes se contenteront d'effectuer qu'en attendant des temps et des conjonctures plus favorables les susdites personnes soient du moins mises à l'abris des injustices et de l'oppression où elles gémissent à présent».

Digitized by Google

Чарторыскихъ и оба Масальскіе просили защиты императрицы Екатерины и призывали къ себѣ русскія войска. Екатерина согласилась удовлетворить ихъ просьбу.

«При настоящемъ въ Польшѣ междуцарствіи—писала императрица князю Волконскому [1])—государственный интересъ нашъ требуетъ необходимо, чтобъ мы приняли главное участіе, какъ во всѣхъ тамошнихъ публичныхъ дѣлахъ вообще, такъ особливо въ выборѣ новаго короля, дабы, съ одной стороны, удержать покой и тишину толь сосѣдней намъ земли въ цѣлости и безъ помущенія, а съ другой пріобрѣсть въ персонѣ будущаго коронѣ преемника сосѣда надежнаго и государя, намъ, за возвышеніе свое, обязаннаго, слѣдовательно же сердцемъ и благодарностію навсегда преданнаго. По употребленнымъ нами благовременно мѣрамъ, можно, правда, не безъ основанія предполагать, что исполненіе намѣреній нашихъ не встрѣтитъ въ одномъ и другомъ предметѣ большихъ препонъ, и что наипаче король нами желаемый, если не совсѣмъ единодушно, по крайней мѣрѣ знатныхъ голосовъ превосходствомъ, отъ здравой части народа, выбранъ и на престолъ возведенъ будетъ. Но какъ и тутъ однако могутъ еще, сверхъ чаянія, непредвидимыя случиться препятствія, па которыя нельзя было, по неизвѣстности, опредѣлить заранѣе удобныхъ къ отвращепію способовъ, то, дабы въ такомъ случаѣ не предать ничего на внезапность, разсудили мы за нужно собрать на границахъ при Смоленскѣ корпусъ войскъ нашихъ, который бы, находясь въ готовности къ выступленію въ походъ и обуздывая потому противныхъ намъ поляковъ страхомъ оружія, придавалъ собственнымъ нашимъ дѣйствіямъ большую важность и тѣмъ сугубо ободрялъ единомысленныхъ съ нами вельможъ, которые и безъ того, сами по себѣ, въ отечествѣ своемъ сильнѣйшія».

Назначивъ главнымъ начальникомъ этого корпуса князя Михаила Никитича Волконскаго, императрица поручила ему сосредоточить войска у Смоленска къ концу апрѣля 1764 года, т. е. ко времени созывательнаго сейма, «который долженъ нѣкоторымъ образомъ рѣшить тамъ сохраненіе тишины и жребій будущаго избранія» короля.

Расположившись неподалеку отъ границы, войска были приготовлены къ походу настолько, что могли выступить въ походъ въ границы польской республики не позже какъ черезъ два дня послѣ полученія приказанія. Военной коллегіи приказано снаб-

[1]) Рескриптъ отъ 26 февраля 1764 г. Архивъ Волконскаго.

Digitized by Google

дить смоленскій корпусъ всѣмъ необходимымъ и привести въ совершенную исправность.

Чтобы не было ни въ чемъ остановки, императрица приказала отпустить изъ коммиссаріата, серебряною монетою, двѣ трети жалованья, а изъ провіантской канцеляріи 100,000 руб. на покупку за границею провіанта и фуража. Волконскому лично отпущено 5,000 руб. на чрезвычайные расходы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приведена на военное положеніе сѣвская дивизія, обязанная, съ выступленіемъ смоленскаго корпуса за границу, занять его мѣста и подкрѣплять въ случаѣ нужды [1]).

Находившіеся въ Варшавѣ паши министры, дѣйств. тайный совѣтн. гр. Кейзерлингъ и генералъ-маіоръ кн. Репнинъ, получили приказаніе установить частую переписку съ княземъ Волконскимъ, какъ обязаннымъ направлять свои дѣйствія по ихъ требованіямъ, «дабы общіе ваши поступки — писала Екатерина II — всегда согласно и всегда по одинакимъ правиламъ размѣряемы быть могли». Гр. Кейзерлингу и кн. Репнину поручено склонить «друзей нашихъ на учрежденіе почты отъ Смоленска до Варшавы, по деревнямъ своимъ, или гдѣ отъ противныхъ наѣздовъ безопасность быть можетъ».

Въ мартѣ кн. Волконскій отправился въ Смоленскъ, гдѣ собирался его отрядъ.

Въ апрѣлѣ онъ получилъ новый указъ императрицы, въ которомъ Екатерина II писала, что «польскія дѣла, въ смущеніе болѣе приходя, требуютъ и требовать повидимому будутъ такихъ мѣръ, чтобы, удѣляя изъ назначенныхъ вамъ полковъ, отдѣльными корпусами въ разныя времена за границы высылать» [2]).

На первый разъ былъ отдѣленъ отрядъ въ 6,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рененкампфа, которому и приказано было сначала расположиться около Великихъ-Лукъ и Опочки, а потомъ двинуться и слѣдовать по направленію къ Вильнѣ, гдѣ въ это время составилась конфедерація.

«Мы, чины духовные и свѣтскіе, сказано въ манифестѣ, объявленномъ конфедератами 16 апрѣля 1764 года [3]), сенаторы, чиновники и урядники земскіе, градскіе и рыцарство провинціи великаго княжества литовскаго, на обыкновенную тойже провинціи конфедерацію для принятія мѣръ къ пользѣ отечества, въ Вильну собранные.

---

[1]) Указъ военной коллегіи 24 февраля 1764 г.

[2]) Указъ Волконскому 2 апрѣля 1764 г.

[3]) Изъ бумагъ кн. Волконскаго. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго. — Мы помѣщаемъ современный переводъ манифеста, оригиналъ котораго неизвѣстенъ намъ, и потому темныя мѣста остаются, по необходимости, необъясненными.

Digitized by Google

«Всѣмъ обще и каждому особливо объявляемъ, что мы, укрѣпивъ себя надеждою и терпѣніемъ ожидали, въ молчаніи и жалости, если не конца, то, по крайней мѣрѣ, облегченія въ наглыхъ нарушеніяхъ правъ, вольностей, нашу мѣрность погубляющихъ.

«Будучи удалены еще отъ послѣдней опасности, предвидя благополучную тишину, оставалися въ терпѣніи, и съ удивленіемъ только смотрѣли на начинающуюся посреди отечества послѣдовавшаго неблагополучія свирѣпость, которая свободою будучи укрѣплена, послѣднею нынѣ уже угрожаетъ насъ гибелью.

«Возвышенное надмѣнностію свободнаго народа и почитаніемъ правъ, отъ многочисленныхъ надворныхъ и гарнизонныхъ командъ людей, которые (къ вящшей жалости) на всемъ коштѣ республики были содержаны, благородному сердцу не обыкновенное и не пристойное предпріятіе собрало въ разныхъ воеводствахъ и уѣздахъ въ негодное общество своевольныхъ силу и преимущество правъ, за ничто вмѣняющихъ и больше неукротимою злобою, нежели числомъ превосходящихъ и стремящихся на жизнь человѣческую, обывателей, и какъ бы къ непріятельскому сопротивленію и бою вооруженной, среди покоя вывелъ народъ, которой, стараясь уничтожить вольной голосъ, дерзнулъ въ нарушеніе утвержденнаго многочисленными правами сеймоваго спокойствія, всѣхъ честныхъ патріотовъ, угрожать страхомъ и порочить страмнымъ ругательствомъ.

«Многократно наши братья принуждены были молчать и сносить свои обиды предъ тѣмъ народомъ, которому тогда не столько его искуство, сколько вооруженная къ тому отвага говорить позволяла.

«Въ другихъ же мѣстахъ помянутое, нарушающее права необузданныхъ мыслей, общество разрывало сеймовые дѣла, производимые въ воеводствахъ и уѣздахъ, на секретныхъ собраніяхъ отъ депутатовъ и пословъ, и многократно безчувственно устремлялось на собраніяхъ сеймовыхъ къ пролитію братской крови, къ чему способствовали ему изъ другихъ воеводствъ приглашенные, а при томъ и надворные люди, по своему неукротимому свирѣпству, которые нетокмо нарушеніемъ общаго спокойствія взбунтовали вольной народъ, но и во многихъ мѣстахъ и священные осквернили храмы.

«Симъ-то безправымъ поступкомъ пресѣчено теченіе дѣлъ, изъ котораго, какъ права на сеймахъ, такъ и дѣйствія въ трибуналахъ, первое свое имѣютъ начало, а напослѣдокъ вышепоказанное беззаконное общество устремилось на основаніе трибу-

Digitized by Google

нала верховныхъ судовъ, гдѣ одна только справедливость съ пріятною тишиною обитать должна.

«Съ жалостію мы смотрѣли на умножающіеся, въ посвященныхъ справедливости мѣстахъ, неправости, а особливо на допущеніе къ присягѣ безъ малѣйшаго вольныхъ голосовъ соизволенія тѣхъ, которые по одной наглости, и несправедливо въ чины сеймовые удостоены.

«Такъ же многократно мы смотрѣли на тѣхъ депутатовъ, которые будучи по согласію и соизволенію изъ одного воеводства или уѣзда утверждающей трибуналы юрисдикціи выбраны, раздѣлились на двѣ партіи, и одни только несогласія обывателей представляли.

«Не безъ сожалѣнія мы смотрѣли и на то, что сочиненными тайно, а на сеймахъ не бывалыми протестаціями и разно вымышленными препятствіями, отрѣшены отъ должности депутаты тѣ, которые къ тому надлежащимъ порядкомъ были выбраны.

«А особливо съ крайне чувствительною жалостію смотрѣли мы, что при учрежденіи послѣдняго предъ королевскою смертію трибунала, въ судовую палату пресѣченъ былъ путь, чрезъ постановленіе подъ виленскою крѣпостію пушекъ и опредѣленныхъ къ тому вооруженныхъ людей, которые, не только слѣдовавшихъ туда съ манифестами и декретами шляхтичей, но и многихъ, по общему согласію и правильному порядку выбранныхъ, депутатовъ не допущали.

«Сіе толь великое нарушеніе правъ отечества нашего, усмотря братья наши возбуждены ревностію, и въ первые предъ начатіемъ трибунальскаго дѣйствія, 17 апрѣля 1763 года о приготовленіи, а потомъ для лучшаго въ своемъ намѣреніи успѣха, другимъ того жъ года и мѣсяца 18 дня, о послѣдовавшихъ уже наглыхъ предпріятіяхъ, торжественно протестовали своими манифестами.

«Въ ужасное, владѣющая тамъ несправедливость, привела насъ смятеніе, когда увидѣли мы, что наглостію и боемъ принуждаемы были наши братья, къ уничтоженію депутатскаго мнѣнія, и что всѣ уже нарушены основательные отечества нашего права, а декреты трибунальскіе, ассесорскіе, маршальскіе и прочихъ приказныхъ мѣстъ, совсѣмъ стали недѣйствительными.

«Потомъ послѣдовали очевидныя преступленія тѣ, которыя не только остались безъ всякаго наказанія, но еще многократно въ судебныхъ мѣстахъ и невинностію называемы были; чѣмъ пользуясь своевольные люди, собрались многочисленно, бродили безпрестанно почти,—а особливо во время публичныхъ съѣздовъ, въ явное нарушеніе общаго покоя, — не токмо по градскимъ

Digitized by Google

улицамъ, обывательскимъ домамъ, судебнымъ палатамъ, но и по освященнымъ храмамъ съ ружьемъ и прочими воинскими припасами, и дѣлая нападеніе стрѣляли въ окна простыхъ и министерскихъ домовъ, и убивали злодѣйскимъ образомъ людей, о чемъ и главному судебному мѣсту было извѣстно; но за то оные не только ни мало ни наказываемы, но ниже словесно были когда оштрафованы.

«Намъ подали случай самимъ охранять себя. Отданные подъ судъ трибунальской, убійцы, которые мучительскимъ образомъ предали смерти сейвейскаго старосту господина Струтинскаго, да маринборгскаго старосту господина Пищалу, а при томъ и прочія въ разныхъ мѣстахъ послѣдовавшія шалости, отъ своевольныхъ же людей, которые на минскомъ сеймикѣ въ судовой палатѣ господина Богушевича, а на лицскомъ сеймикѣ господина Янковскаго, убили, и не малое число другихъ шляхтичей перестрѣляли и перерубили; прочихъ же въ разныхъ воеводствахъ и уѣздахъ находящихся шляхтичей здравія лишили, въ чести обругали, и раззорили, а церковные права и декреты, равно какъ бы отступники вѣры, совсѣмъ уничтожили.

«Пріятная всякому тишина удерживала всѣхъ всегда, съ болѣзнію воздыхающихъ обывателей, отъ принятія заблаговременно обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ бываемыхъ въ отечествѣ мѣръ, для отвращенія таковыхъ неблагополучій.

«Слѣдуетъ какъ видно уже и намъ претерпѣвать несчастіе, ибо тѣ первые худые поступки представляютъ намъ весьма худыя слѣдствія.

«Представляютъ намъ крайнее неблагополучіе послѣдовавшіе предъ конвокаціоннымъ сеймомъ происшествіи, изъ коихъ первое въ Вильнѣ на сеймѣ, по избраніи отъ показаннаго воеводства пословъ, господина Горайна, виленскаго подкомораго, и господина Гнедройца виленскаго стольника, а при томъ и каптуровыхъ судей, отозвалися нѣкоторые въ томъ же сеймикѣ показанные обыватели, и объявили избраніе другихъ пословъ и каптурныхъ судей, изъ коихъ одни подъ декретами находились, а прочіе и на томъ сеймѣ не были. Другое подобное сему въ упитскомъ уѣздѣ, гдѣ по избраніи каптурныхъ судей и пословъ, какъ-то господина Лепарскаго, упитскаго подстолія, и Шукшту, также объявлены другіе послы и судьи отъ таковыхъ людей, которые въ томъ же сеймикѣ показаны.

«Въ Оршѣ, по избраніи пословъ оршинскаго старосты господина Юзефовича, и оршинскаго-жъ старосты господина Забрижскаго, а при томъ и каптуровыхъ въ томъ же сеймѣ пока-

Digitized by Google

занныхъ судей, такое же какъ и вышепоказано дѣйствіе, а сверхъ того и пролитіе братской крови, послѣдовало.

«Въ Ржечицѣ, по избраніи пословъ подкомораго ржечицкаго господина Халецкаго, и господина Прушановскаго, а при томъ и каптуровыхъ въ томъ же сеймикѣ написанныхъ судей, толь свирѣпое отъ вооруженныхъ людей учинено нападеніе, на состоящій уже подъ правленіемъ подкомораго ржечицкаго господина Халецкаго судъ, что при томъ и человѣкоубійство послѣдовало.

«Въ Минскѣ два раза устремлялася вооруженная сила, чтобы изгнать изъ среды собранія, клятвою уже обязанныхъ, каптурныхъ судей, а на ихъ мѣста отъ себя представить другихъ. И такъ когда сіи противозаконныя дерзновенія, видимо ввергаютъ насъ въ анархію, то чего мы впредь ожидать можемъ изъ сей невоздержной, на все беззаконно стремящейся свирѣпости, которая неусыпно стараясь истребить въ отечествѣ все священное и законами утвержденное преимущество, дерзнула отъ предковъ нашихъ намъ неслыханныхъ,—а даровалъ бы Богъ, чтобы и потомкамъ нашимъ было, — неизвѣстнымъ образомъ, съ ругательствомъ нарушать честь, на превысокую по провинціи нашей степень чиномъ и достоинствомъ возвышенной особы.

«Нарушенная непріятельскимъ нападеніемъ перваго нашей провинціи сенатора власть, такъ же возмущенная чрезъ учиненное публично угроженіе на собственное здравіе и жизнь пастыря духовнаго дому вольность, и прочіе противные духовнымъ и гражданскимъ правамъ послѣдовавшіе противные происшествіи, подаютъ примѣръ всякому себя беречь, представляемымъ жалостнымъ видомъ чуждаго приключенія.

«Однако не только вышепоказанныя, требующія успокоенія и исправленія наглости, но прочіе многіе раззоренные до основанія, въ сеймахъ и другихъ поведеніяхъ отечества нашего порядки, какъ-то: оставленная въ небреженіи, и въ самыхъ источникахъ публичныхъ доходовъ испорченная, внутренняя отечества нашего экономія; долгое произвожденіе дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ; приведеніе въ нищету отечества, вывозомъ доброй, а умноженіемъ негодной монеты; чинъ рыцарской лишенной своихъ преимуществъ, и многія общія обиды, которыя умножились по причинѣ находящейся чрезъ столь долгое время безъ согласія и совѣта республики, возбуждать должны въ доброжелательныхъ сердцахъ охоту и ревность, къ изобрѣтенію конечныхъ лучшаго порядка мѣръ.

«Мы надѣялись, что чрезъ имѣющій вскорѣ быть сеймъ, сыщемъ средство къ защищенію себя отъ худыхъ случаевъ; но

Digitized by Google

какъ видно въ томъ мы обманулись, ибо чинимое для возмущенія того сейма, вездѣ явно и безъ всякаго законнаго страха, воинское приготовленіе въ Варшаву и на самихъ насъ, больше наводитъ опасности нежели спокойствія.

«Итакъ, будучи мы нынѣ въ опасности между гибелью и послѣднимъ къ защищенію себя средствомъ, взываемъ предъ Богомъ, всѣхъ нашихъ сердецъ и намѣреній свидѣтедемъ, и предъ цѣлымъ отечествомъ, что мы неумышленно и не по ненависти, но по единому къ отечеству нашему усердію, для защищенія правъ вольности, мѣрности, чести, такъ же для сохраненія жизни, здравія и имѣнія, а притомъ и для учрежденія добраго порядка, тѣсное между собою, для всегдашняго совѣтованія и охраненія, заключили согласіе, и каждой себя взаимно другъ предъ другомъ обязалъ присягою въ томъ, что какъ одинъ другого особливо, такъ и всѣ всегда каждаго до послѣдней капли крови оберегать, защищать и мужественно при правахъ и вольности стоять должны, противъ всякаго (какого бъ онъ чина и достоинства ни былъ) такого обывателя, которой только станетъ нарушать общее спокойствіе, порядокъ совѣтовъ, вольность судовъ, или какую либо намъ учинить обиду; такъ же на всякомъ преступникѣ искать справедливаго исполненія по силѣ правъ, и во всемъ такъ поступать, чрезъ что намъ защищеніе, преступникамъ же наказаніе, а отечеству тишина и благополучіе послѣдовать могли.

«А какъ имѣющій вскорѣ быть сеймъ легко можетъ намъ къ сему способствовать, то мы въ постановленіи онаго, нынѣшнею нашею конфедераціею, не только не будемъ препятствовать, но еще и рекомендовать не оставимъ нашей провинціи господамъ посламъ, чтобъ они на томъ сеймѣ и наше о томъ объявили стараніе, а для лучшаго впредь успѣха, полагаемся въ томъ на господина нашей генеральной конфедераціи маршалка, который пословъ назначить и уполномочить ихъ имѣетъ съ тѣмъ, чтобъ они почтеннымъ членамъ республики, о семъ добромъ намѣреніи и благополезномъ дѣлѣ, а притомъ и о нашемъ попеченіи, обстоятельно изъяснили, а притомъ старались бы склонить и прочихъ братій нашихъ, въ коронныхъ провинціяхъ находящихся, къ общему согласію для защищенія отечества и въ томъ ихъ утвердить присягою. Чувствительна намъ кажется цѣлому отечеству та обида, которую оно отъ малой своей части претерпѣваетъ.

«Каптуровые суды въ воеводствахъ и уѣздахъ по прежнему обыкновенію отправлять не только не воспрещаемъ, но еще силу ихъ и преимущество подкрѣплять имѣемъ.

Digitized by Google

«А чтобъ сіе наше для сохраненія и распространенія римской католической вѣры и законовъ святого храма, а притомъ для общаго добра и благополучія, учиненное согласіе, желаемой успѣхъ получить могло, то мы взаимно другъ предъ другомъ въ томъ себя обязали, чтобъ оное согласіе безъ нарушенія навсегда сохранялось, и другъ отъ друга ни въ какихъ случаяхъ не отступать; причемъ мы несомнѣнно надѣемся, что и тѣ братья наши, которые нынѣ въ отсутствіи находятся, къ сему согласятся, и въ томъ намъ вспомоществовать не оставятъ. Однако, сверхъ того, еще каждаго доброжелательнаго отечеству патріота прилежно просимъ съ нами согласиться, и принять всевозможное стараніе, для приведенія къ окончанію нами начатаго благополезнаго и потребнаго дѣла.

«А ежели кто къ сему нашему обществу несогласится, то мы такого недоброжелателемъ отечеству признавать, и при всякихъ случаяхъ яко противу непріятеля, нарушителя правъ и вольности, до потерянія нашей чести, здравія, жизни, и всего имѣнія, всегда сопротивляться будемъ.

«Воспоминая сіи евангельскія слова, кто не въ согласіи съ нами, тотъ противу насъ.

«А напослѣдокъ станемъ себя увѣрять только тѣмъ, отъ которыхъ полнаго совѣта и помоществованія ожидать и надѣяться должны.

«А для лучшаго въ семъ нашемъ предпріятомъ дѣлѣ успѣха, поручили мы господину маршалку, отправить изъ нашего общества нарочныхъ заблаговременно пословъ, къ господину гетману великаго княжества литовскаго, съ тѣмъ, чтобъ и онъ согласясь съ нами, по присяжной своей къ республикѣ вѣрности, насъ подкрѣплялъ, а худыя предпріятія всевозможно отвращалъ бы.

«По окончаніи же сей нашей по примѣру предковъ нашихъ, на основаніи законовъ, учиненной провинціальной конфедераціи, и по избранію для общаго добра и благополучія, отъ воеводствъ и уѣздовъ маршалковъ и совѣтниковъ, согласилъ бы опредѣлить къ сей нашей генеральной конфедераціи доброжелательнаго отечеству, и довольно знающаго въ исправленіи дѣлъ, Михаила Бржестовскаго, господина конюшаго великаго княжества литовскаго, а для помощи придать ему со всякаго воеводства и уѣзда по два совѣтника.

«Помянутые жъ совѣтники при засѣданіяхъ своихъ оному господину маршалку, яко главному своему президенту, во всемъ согласовать и всѣ проэкты и дѣла, къ пользѣ общаго благополучія, обращать и учреждать должны».

Для поддержанія-то этой конфедераціи и былъ сначала от-

Digitized by Google

правленъ отрядъ Рененкампфа, которому въ своихъ дѣйствіяхъ приказано соображаться съ требованіями Масальскихъ: епископа виленскаго и отца его гетмана литовскаго.

Со вступленіемъ этого отряда въ польскія границы, Екатерина приказала Рененкампфу о причинѣ его похода отзываться такимъ образомъ: «Что мы, будучи по сосѣдству и по обязательствамъ имперіи нашей интересованы въ сохраненіи вольности законовъ и тишины республики, не можемъ нынѣ видѣть оные угрожаемы возженіемъ, отъ противниковъ, гражданской войны, обойтится, чтобы для отвращенія сей крайней напасти, собственно для пользы республики не ввести часть войскъ нашихъ въ предѣлы ея и тѣмъ охранить оную отъ предстоящей гибели, которая конечно и воспослѣдуетъ, если пламя гражданскаго нестроенія и войны благовременно утушено и упреждено не будетъ.

«А какъ въ семъ самомъ и состоитъ точное наше намѣреніе, то и не оставите вы употреблять всевозможное стараніе, чтобы по насылаемымъ къ вамъ наставленіямъ, скорое и лучшее дѣлать исполненіе, имѣя всегда за первый предметъ ограду и защиту преданныхъ намъ патріотовъ и друзей, отъ насильствъ и утѣсненій противной партіи, въ которой главными предводителями: гетманъ коронный графъ Браницкой, воевода кіевскій графъ Потоцкій, а особливо въ Литвѣ воевода виленскій князь Радзивиллъ» [1]).

Гораздо прежде отряда Рененкампфа отправлены въ Варшаву отдѣльные отряды подъ начальствомъ подполковника Кашкина и вице-полковника князя Дашкова. Двѣ гренадерскія роты съ 2-мя орудіями, одинъ эскадронъ лейбъ-кирасиръ, и 40 гусаръ подъ начальствомъ подполковника Бока, составили летучій отрядъ посланный въ Вильну, въ распоряженіе виленскаго епископа Масальскаго, до прибытія туда шеститысячнаго отряда генералъ-маіора Рененкампфа. По прибытіи послѣдняго въ Вильну, подполковникъ Бокъ долженъ былъ слѣдовать далѣе на соединеніе съ отрядомъ князя Дашкова.

Князь Дашковъ выступилъ въ походъ въ самомъ началѣ апрѣля. Бывшіе въ Варшавѣ наши министры просили его поторопиться походомъ и придти въ столицу Польши не позже 24 апрѣля (5 мая), — времени, около котораго было назначено собраніе конвокаціоннаго сейма. Князь Дашковъ шелъ форсированнымъ маршемъ, дѣлая дневки черезъ пять дней въ шестой.

«Правда, доносилъ онъ, почасту виномъ вселялъ въ нихъ

---

[1]) Указъ генералъ-маіору Рененкампфу 19 апрѣля 1704 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

(солдатахъ) бодрость, къ чему много жъ мнѣ счастіемъ вашего императорскаго величества хорошая погода соотвѣтствовала».

При самомъ выступленіи изъ Гродно князь Дашковъ получилъ просьбу отъ виленскаго епископа графа Масальскаго и графа Флеминга, въ которой они просили подкрѣпить виленскій гарнизонъ хотя тремя ротами пѣхоты, ибо бывшій тамъ отрядъ подполковника Бока, по ихъ словамъ, находится въ крайней опасности отъ приближающихся къ Вильнѣ войскъ князя Радзивилла. Подполковникъ Бокъ, въ свою очередь, доносилъ, что передовой отрядъ князя Радзивилла, числомъ до 600 человѣкъ, стоитъ отъ него въ шести миляхъ, а что остальные войска, числомъ до 7,000 человѣкъ, сосредоточиваются для нападенія на Вильну.

Отправивъ тотчасъ же въ помощь Боку двѣ роты пѣхоты, въ числѣ 334 человѣкъ, князь Дашковъ самъ отправился къ гетману литовскому князю Масальскому, бывшему на этотъ разъ въ Гроднѣ.

Дашковъ представилъ ему, въ какой опасности находится сынъ гетмана, епископъ виленскій, а въ особенности при той ненависти, которую питаетъ къ нему князь Радзивиллъ.

— Для безопасности сего вамъ кровнаго, говорилъ онъ гетману, я посылаю триста человѣкъ пѣхоты и прошу только отъ литовскаго войска, — состоящаго въ полной вашей зависимости, — присоединить къ нимъ немного легкой конницы, для развѣдыванія по дорогѣ.

— Подумаю, отвѣчалъ растроганный и растерявшійся старикъ.

Лишь только князь Дашковъ оставилъ гетмана и вышелъ за двери, какъ былъ остановленъ догонявшимъ его адъютантомъ князя Масальскаго.

— Гетманъ будетъ писать о томъ примасу, сказалъ онъ, а безъ того послать своихъ войскъ не смѣетъ.

Князь Дашковъ вернулся опять къ гетману. «Съ удивленіемъ нашелъ уже его—доносилъ Дашковъ [1])—прохолодѣла, можетъ быть отъ чрезмѣрной набожности и старости, безчувствительному къ сыновней опасности, разсуждающаго о правилахъ узаконенныхъ войскамъ рѣчи посполитой, которыми онъ удерживается безъ воли примаса не только съ деташаментомъ отъ себя послать, но и находящимся въ Вильнѣ литовскимъ войскамъ обще съ нашими дѣйствовать позволить не смѣетъ».

---

[1]) Императрицѣ, 11 (22) апрѣля 1764 г. № 9. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

— Да и какъ Радзивиллъ осмѣлится, говорилъ князь Масальскій, разогнать шляхтичей собранныхъ на сеймъ?

— Вѣдь пьяный воевода виленскій, отвѣчалъ князь Дашковъ, не побоялся отбранить священную особу вашего сына, какъ пастыря церкви. Слѣдовательно, сами можете разсудить, какъ легко можно шляхтичей нашей партіи саблями изрубить!

Князь Масальскій, казалось, убѣдился въ справедливости этихъ словъ.

— Я бы радъ помочь, проговорилъ гетманъ, послѣ нѣкотораго молчанія, только точно (открыто) повелѣть непристойно. Если придумаете на то средство политическое, то можетъ быть я и соглашусь.

Политическаго средства Дашковъ не нашелъ, но видя, что на прямое содѣйствіе гетмана разсчитывать нечего, призналъ лучшимъ сообщить подполковнику Боку, чтобы онъ разгласилъ, что слѣдомъ за нимъ идетъ въ Польшу главная армія, и что онъ пришелъ въ Вильну только для того, чтобы устроить магазины для главныхъ силъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Дашковъ приказалъ капитану Батурину, посланному съ двумя ротами въ помощь подполковнику Боку, избѣгать стычки съ войсками князя Радзивилла, а въ особенности слѣдить за тѣмъ, чтобы не быть имъ отрѣзаннымъ[1]). «Нахожу за нужное—писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ [2])—симъ дополнить упомянутую инструкцію, сообщая виды ея императорскаго величества, чтобы въ здѣшней землѣ спокойство и тишина не нарушимо соблюдаема была, съ чѣмъ войско россійское въ Польшу введено, и потому надлежитъ весьма умѣренно дѣйствовать, уважая *деликатное положеніе, въ которомъ вы находитесь*, и безъ крайней опасности войскъ нашихъ и партизановъ отнюдь не извольте атаковать, развѣ въ такомъ положеніи случитесь, что со стороны князя Радзивилла оружіемъ задраны будете, тогда только въ защищеніе по необходимости атаковать позволяю, по повелѣнію епископа виленскаго. И то рекомендую съ размышленіемъ, имѣя въ предметѣ цѣлость вашего деташамента патріотическимъ правиломъ, потомъ нераздраженіе по напрасну противниковъ, а за тѣмъ вѣрность въ удачѣ, дабы не понесло стыда оружіе россійской столь славной арміи.»

Разглашеніе о немедленномъ вступленіи въ Вильну главнаго отряда подѣйствовало. Радзивиллъ не предпринялъ ничего рѣши-

---

[1]) Инструкція капитану Батурину 5-го (16-го) апрѣля. Тамъ же.

[2]) Подполковнику Боку 5-го (16-го) апрѣля 1764 г. Ibid.

Digitized by Google

тельнаго и не успѣлъ захватить въ свои руки непримиримыхъ враговъ своихъ, обоихъ Масальскихъ и графа Флеминга, искавшихъ поддержки въ русскомъ правительствѣ.

V.

Прибытіе въ Варшаву, въ самомъ началѣ апрѣля, отряда Кашкина, крайне не нравилось противникамъ Россіи и въ особенности партіи гетмана Браницкаго. Кашкинъ пришелъ туда какъ разъ въ то время, когда въ Польшѣ происходили волненія и ожесточенная борьба партій. Общій въ Грауденцѣ прусскій сеймикъ, какъ и многіе другіе, не состоялся по происканъ противной намъ партіи. Таже партія, при помощи насильствъ, воспрепятствовала продолженію генеральной литовской конфедераціи.

Графу Браницкому и его приверженцамъ хотя и удалось помѣшать собраніямъ сеймиковъ, но они видѣли однакоже, что большинство далеко не на ихъ сторонѣ. Зная, что въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ открыться конвокаціонный сеймъ; видя, что съ каждымъ днемъ усиливается число приверженцевъ Россіи и что, слѣдовательно, нельзя ожидать отъ сейма какого-либо постановленія въ пользу партіи гетмана, графъ Браницкій и его приверженцы готовы были на крайнія мѣры. Они стали изыскивать теперь всѣ средства къ тому, чтобы воспрепятствовать совершенно собранію конвокаціоннаго сейма.

Для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній, коронный гетманъ собиралъ разные полки въ Варшаву, желая «какъ будто превратить это мѣстопребываніе сейма въ поле битвы (als ob er diesen sitz der Reischstage in einem sitz des Krieges verwandeln wollten [1]).

Графъ Браницкій отправилъ приглашеніе—принять его сторону, ко всѣмъ сенаторамъ, жившимъ въ Варшавѣ и успѣлъ склонить къ тому семь человѣкъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ изъ числа 126-ти членовъ сената. Впослѣдствіи партія ихъ усилилась еще тремя лицами, а именно, къ нимъ присоединились: епископъ кіевскій, палатинъ и кастелянъ Потоцкіе.

Сговорившись вмѣстѣ, и сопровождаемые многочисленною свитою, они внезапно явились къ примасу и потребовали отъ него: 1) На мѣстѣ, не теряя ни минуты времени, подписать приготовленныя уже ими письма для отправленія къ иностраннымъ дворамъ, касательно вступленія русскихъ войскъ въ предѣлы коро-

[1]) Реляція гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, отъ 9-го (10-го) апрѣля 1764 г.

Digitized by Google

левства. 2) Отложить до другого времени собраніе конвокаціоннаго сейма; и 3) Призвать къ оружію все дворянство, для чего и выпустить особыя письма, извѣстныя у поляковъ подъ названіемъ: Wici [1]).

Пораженный новостію этихъ требованій, примасъ старался внушить имъ, что такая поспѣшность неумѣстна въ дѣлахъ подобной важности, и что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу никакъ не можетъ быть сочтено за нападеніе или за непріязненныя дѣйствія со стороны Россіи. Примасъ находилъ болѣе сообразнымъ спросить сначала объясненія у русскихъ посланниковъ, чѣмъ писать письмо къ императрицѣ, которое не могло быть отправлено иначе, какъ черезъ тѣхъ же пословъ.

— Было-бы несоотвѣтственно моему званію, прибавилъ примасъ королевства, присоединиться къ заявленіямъ такого малаго числа сенаторовъ, въ дѣлахъ столь близко касающихся до цѣлой республики.

Тогда отъ него потребовали отложить собраніе конвокаціоннаго сейма.

— Не отъ меня зависитъ—отвѣчалъ примасъ—ни перенести на другое мѣсто, ни отсрочить до другого времени конвокаціонный сеймъ. Собраніе чиновъ республики само можетъ исполнить это, если оно пожелаетъ продлить то несчастное время, когда королевство находится безъ короля.

— Я не могу быть убѣжденъ—отвѣчалъ примасъ на третье предложеніе—примѣромъ конфедераціи 1733 года, которая дала право, при совершенно другихъ обстоятельствахъ, всѣмъ тѣмъ, которые не послѣдовали за тогдашнимъ примасомъ, призывать дворянство къ оружію—право, которымъ и сами короли не всегда могутъ пользоваться. Въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ, не было бы причины предоставлять королю этого права, на всякомъ генеральномъ сеймѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ пользовался имъ до послѣдующаго сейма.

Слова примаса, какъ и слѣдовало ожидать, вызвали полное неодобреніе со стороны посѣтившихъ его лицъ. Разгоряченный сопротивленіемъ, кіевскій палатинъ, надѣвъ шляпу на голову, кричалъ, что онъ *одинъ совмѣщаетъ въ себѣ всю польскую республику*, и что тѣ лица, которыя не подписываютъ предлагаемыхъ ими писемъ, не имѣютъ никакого понятія о чести. Столь рѣзкій

---

[1]) Relation de la manière de proceder de quelques sénateurs envers le Primat relativement aux lettres à expedier aux cours etrangères et à d'autres propositions de l'année 1764. — Приложеніе къ реляціи гр. Кейзерлинга и кн. Репнина отъ 9-го (20-го) апрѣля 1764 г.

Digitized by Google

приговоръ вызвалъ возраженія. Палатинъ подляхскій Годцкій (Godzcki) выказался особенно задѣтымъ подобными возраженіями.

— Примасъ, а также и я самъ—говорилъ Годцкій—считаемъ себя людьми честными и въ силу этого-то мы никогда не подпишемъ этихъ писемъ.

Отвѣтъ этотъ при упорствѣ примаса далъ наконецъ понять сенаторамъ, что они теряютъ время понапрасну. Они ушли съ своими письмами, не подписанными примасомъ.

На слѣдующій день, епископъ каменецкій съ нѣсколькими лицами снова явились къ примасу. Съ большею умѣренностію чѣмъ наканунѣ, они пробовали еще разъ убѣждать примаса подписать письма, но получили отъ него тотъ же отвѣтъ, причемъ онъ не скрылъ своего неудовольствія на епископа каменецкаго. Упорство примаса заставило одуматься многихъ сенаторовъ, и ихъ предводителямъ съ большимъ уже трудомъ удалось получить подписи, и то отъ каждаго порознь, нося письма по домамъ. Это послѣднее затрудненіе ясно обнаруживается самою неурядицею подписей, изъ которыхъ видно, что подписи сдѣланы не обращая вниманія ни на достоинство, ни на чины различныхъ личностей. При другихъ условіяхъ ни одинъ полякъ не согласился бы подписать имя послѣ того, который стоялъ ниже его по достоинству или чину, но теперь объ этомъ не заботились, а торопились изъ боязни, чтобы кто-нибудь не одумался. Такъ, подпись епископа кіевскаго, котораго принудилъ къ тому французскій посланникъ угрозою, что, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ лишиться аббатствъ, находящихся во Франціи,—очутилась ниже подписи епископа каменецкаго и кастеляна краковскаго. Подпись референдарія указывала на отсутствіе варшавскаго секретаря (du secretaire de Varsovie), тогда какъ всѣмъ извѣстно было, что онъ находится на лице.

Заручившись подписями, партія Браницкаго протестовала противъ вступленія русскихъ войскъ въ Польшу и требовала того же отъ примаса, какъ человѣка обязаннаго, по своему званію, «соблюдать, чтобы въ теченіи настоящаго междуцарствія не случилось ничего предосудительнаго законамъ и національной вольности». Примасъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ уступить обстоятельствамъ. Находясь въ необходимости—какъ самъ писалъ—онъ, 5-го (16-го) апрѣля, передалъ графу Кейзерлингу и князю Репнину ноту, въ которой просилъ только успокоить націю относительно цѣли и намѣреній, съ которыми двинуты русскія войска въ Польшу, послѣ столь точныхъ и часто повторяемыхъ заявленій, что императрица не желаетъ ограничивать ни въ чемъ свободу и за-

Digitized by Google

коны республики, а что, напротивъ того, намѣрена ихъ поддерживать.

«Ея величество императрица россійская, отвѣчали на это наши послы [1]), весьма далека отъ того, чтобы нарушать покой республики и ограничивать законы, привилегіи и ея свободныя избранія, которыя она намѣрена защищать и поддерживать отъ всѣхъ нападеній, какъ и объявила о томъ предъ лицемъ всей Европы. Выводъ корпуса Салтыкова, въ прошедшемъ году, служилъ тому доказательствомъ. За тѣмъ, по настояніямъ примаса, ея величество императрица рѣшилась, въ прошломъ году, вызвать изъ территоріи республики корпусъ войскъ, бывшій подъ начальствомъ генерала Хомутова, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тоже самое было сдѣлано и другими иностранными державами. Изъ уваженія къ правамъ и вольности независимаго народа, Россія не стѣсняла собраніе дворянства на сеймикахъ, какъ въ Польшѣ такъ и въ Литвѣ, сознавая, что они должны быть свободными. Императрица никогда не старалась вооруженною рукою содѣйствовать къ устройству кантуральныхъ судовъ, потому что это бы значило попирать законы республики. Совершенно въ такомъ же духѣ поступалъ и генералъ Хомутовъ. Онъ очистилъ всѣ мѣста, гдѣ должны были засѣдать прусскіе сеймики, и городъ Грауденцъ, назначенный подъ генеральное собраніе, былъ имъ очищенъ отъ войскъ, за нѣсколько дней прежде открытія собранія, и въ немъ оставлены даже всѣ его магазины. Все это нисколько не подѣйствовало однако же на тѣхъ, которые стали выше законовъ. Послѣдніе положительно запрещаютъ присутствіе войскъ на сеймикахъ, а между тѣмъ войскъ тамъ много и для того, чтобы дѣйствовать силою тамъ, гдѣ нельзя получить большинствомъ свободныхъ голосовъ (par la pluralité de libres suffrages). Было бы безполезно и излишне приводить тому примѣры; они слишкомъ часты и сеймикамъ извѣстны. Вступленіе русскихъ войскъ въ королевство не имѣетъ другой цѣли, какъ поддержаніе спокойствія, правъ и свободныхъ выборовъ республики. Только и думаютъ о томъ, чтобы потушить искры, прежде чѣмъ они обратятся въ пожаръ.

«Точно также мы далеки отъ того, чтобы мѣшать преніямъ на сеймахъ, какъ это дѣлали относительно сеймиковъ».

Партія гетмана Браницкаго, не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, нашла, что теперь самое удобное время передать на-

---

[1]) Приложеніе къ реляціи гр. Кейзерлинга и кн. Репнина отъ 9-го (20-го) апрѣля 1764 г. Арх. кн. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

шимъ посланникамъ то письмо, на имя императрицы, о которомъ мы говорили выше.

«Торжественною декларацiею—писали они—ваше императорское величество объявили рѣшенiе поддерживать польскую республику во всѣхъ ея правахъ, свободѣ, конституцiи и владѣнiяхъ. Ваше величество, объявивъ, что не потерпите, чтобы кто-нибудь посягнулъ на нихъ, подали тѣмъ надежду всѣмъ патрiотамъ свободы на полное спокойствiе въ предстоящихъ республиканскихъ преніяхъ, которыхъ требуютъ законы.

«Съ большимъ прискорбiемъ увидѣли мы, что надежды эти, столь хорошо основанныя, исчезли. Генеральный сеймикъ въ Пруссiи прерванъ присутствiемъ войскъ вашего императорскаго величества, которыя позволили себѣ поступки не совмѣстимыя съ свободою; другiя войска распространяются по Литвѣ съ одной стороны, а съ другой приближаются къ столицѣ, и часть ихъ уже заняла выгодныя позицiи въ ея окрестностяхъ. Это заставило насъ справедливо опасаться за предстоящее собранiе сейма, который не можетъ состояться до тѣхъ поръ, пока иностранныя войска будутъ въ государствѣ. Попытки, которыя были сдѣланы передъ лицемъ вашего императорскаго величества, чтобы вывести войска, остались до сихъ поръ безъ послѣдствiй, не смотря на ихъ увѣренiя, данныя даже письменно объ ихъ удаленiи. Намъ не остается ничего болѣе, какъ обратиться прямо къ вашему императорскому величеству съ полнымъ довѣрiемъ, которое внушаетъ ваша справедливость, правосудiе и чувство дружбы, которыя вы благоволили всегда показывать къ нашей республикѣ, и просить самымъ настоятельнымъ образомъ, вывести войска, которыхъ присутствiе должно неминуемо задерживать публичныя пренія республики [1]).

Узнавъ о передачѣ этого письма, партiя Чарторыскихъ, искавшая поддержки въ русскомъ правительствѣ, также составила свое письмо, которое и было отправлено, въ свою очередь, къ императрицѣ Екатеринѣ II.

«Ревнуя о званiи патрiота (Jaloux du titre de patriote)—писали они—ревностно заботясь о нашемъ отечествѣ и въ такой же степени о каждомъ гражданинѣ, мы съ прискорбiемъ узнали, что находятся между нами такiя лица, которыя думаютъ отличиться неудовольствiемъ, выказываемымъ къ приходу войскъ вашего императорскаго величества въ наше отечество, и что они нашли даже приличнымъ принести вамъ жалобы особымъ письмомъ.

---

[1]) Письмо императрицѣ, отъ 2-го (13-го) апрѣля 1764 г.

Digitized by Google

«Мы съ грустью видимъ уже давно, что законы нашего отечества были недостаточны для того, чтобы воздержать попытки мнимыхъ радѣтелей въ тѣхъ предѣлахъ, кои предписываются законами. Съ собственною опасностію, мы испытали съ ихъ стороны притѣсненія нашей свободы на послѣднихъ сеймикахъ, гдѣ во многихъ случаяхъ, противъ точнаго смысла законовъ, военная сила мѣшала избирательнымъ голосамъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Мы были угрожаемы, что злоупотребленіе этой власти будетъ простираться до слѣдующихъ собраній конвокаціоннаго сейма и выборовъ, во время которыхъ у насъ не было бы войска, могущаго опозировать коронному войску (которое угнетаетъ, вмѣсто того, чтобы защищать насъ), какъ вдругъ увидѣли вступленіе войскъ вашего императорскаго величества, въ силу деклараціи, которыми вамъ угодно было обезпечить самымъ точнымъ образомъ наши конституціи и вольности. Цѣль, съ которою они явились, и образъ ихъ поведенія не могутъ не возбудить благодарности самой искренней всѣхъ благонамѣренныхъ поляковъ, заботящихся о сохраненіи законовъ и спокойствія ихъ отечества.

«Мы считали своимъ долгомъ заявить это вашему императорскому величеству, вмѣстѣ съ нашею почтительнѣйшею благодарностію, за тотъ дѣйствительно дружескій образъ дѣйствія, съ которымъ вы до сихъ поръ поступали въ отношеніи Польши, присоединяя къ этому наши живыя и усиленныя просьбы, чтобы вы соблаговолили его продолжить до полнаго счастливаго окончанія междуцарствія. Великое Княжество Литовское составило конфедерацію, которая не желаетъ никакой другой помощи, ни опоры, кромѣ войскъ вашего императорскаго величества.

«Въ ожиданіи того времени, когда обстоятельства позволятъ гражданамъ короны выразить вашему величеству ихъ чувства самымъ формальнымъ образомъ, и съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, да позволено намъ будетъ заявить теперь наши чувства и увѣдомить, что съ давняго времени коронный гетманъ настоятельно приглашалъ въ Варшаву, ко времени своего пріѣзда, всѣхъ тѣхъ, кого онъ считалъ принадлежащимъ своей партіи. Такимъ образомъ, онъ собралъ туда всѣхъ тѣхъ, кои подписали письмо вашему императорскому величеству отъ 13-го числа этого мѣсяца. Одинъ только случай собралъ въ Варшаву раньше сейма тѣхъ, которые имѣютъ честь подписывать настоящее письмо, съ тѣмъ чувствомъ почтенія и преданности, въ которомъ мы полагаемъ свою славу [1])».

Графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ, получившіе почти одно-

[1]) Письмо императрицѣ, отъ 9 (20) апрѣля 1764 г.

Digitized by Google

временно оба письма, отвѣчали: что конституціи 1632, 1648, 1669 и 1674 года говорятъ, что только на разстояніи трехъ миль отъ Варшавы, какъ мѣста выборовъ, не должны находиться ни иностранныя, ни другія войска.

«Отсюда естественнымъ образомъ слѣдуетъ—говорили они—что иностранныя войска могутъ находиться на бо̀льшемъ разстояніи отъ мѣста выборовъ».

Во время перваго выбора королемъ Станислава, шведскій король стоялъ съ своею арміею близъ Блони (Błonie), отстоящей отъ Варшавы только на четыре мили.

Когда Августъ II опять занялъ тронъ, тогда русскія войска находились въ Польшѣ. Трактатъ 1717 года, заключенный при медіаціи Россіи, и послѣдовавшій затѣмъ въ 1718 году сеймъ, были счастливо окончены, когда русскія войска не покидали польскихъ границъ.

Избраніе и восшествіе на престолъ Августа III и воспослѣдовавшіе затѣмъ сеймы происходили при тѣхъже условіяхъ. Съ 1756 г. и до 1762 года были въ Польшѣ многочисленныя иностранныя арміи. Въ теченіи этого времени собирались сеймы, которые не могли бы имѣть мѣста, еслибы присутствіе иностранныхъ войскъ было противно свободѣ. «Какъ въ то время, вышесказанныя обстоятельства не противорѣчили свободѣ сейма, такъ будетъ и теперь.» Оба представителя Россіи, бывшіе въ Варшавѣ, не соглашались на выводъ русскихъ войскъ, которыя вступили съ единственною цѣлію огражденія спокойствія и свободы. Партія Браницкаго требовала вывода войскъ съ желаніемъ самой нарушить спокойствіе страны и попрать ногами права и привилегіи дворянства, надѣясь силою заставить ихъ говорить и дѣлать то, что̀ ей захочется. Браницкій и его сообщники хотѣли продлить деспотію, введенную въ прошлое царствованіе и, очень естественно, желали, чтобы имъ не препятствовала въ томъ посторонняя сила. «Какимъ же образомъ, спрашивали графъ Кейзерлингъ и князь Репнинъ, можетъ устоять свобода народа противъ напора такого противузаконнаго господства?»

— Стѣсненная свобода, говорили они, останется всегда стѣсненной, будетъ ли это происходить отъ чужой или отечественной силы.

Противники русской партіи повторяли, что присутствіемъ русскихъ войскъ считаютъ оскорбленными законы, свободу и честь республики, за которую готовы положить свою жизнь. Князь Репнинъ и графъ Кейзерлингъ отвѣчали, что, «конечно, пріятно умирать за отечество, *но въдъ еще пріятнѣе жить для него* [1])».

[1]) Копія съ реляціи пословъ графа Кейзерлинга и князя Репнина, 9 (20) апрѣля 1764 г.

Digitized by Google

«Приближеніе корпуса войскъ русской императрицы—писали наши послы въ декларації [1])—не можетъ и не должно причинять недовѣрія республикѣ, ни произвести безпокойства за свободу и спокойствіе. Ихъ число не настолько велико, чтобы они въ состояніи были посягнуть на права и прерогативы націи, столь же свободныя и могущественныя, какъ и польская нація.

«Это служитъ, въ тоже время, убѣдительнымъ доказательствомъ, что намѣренія ея величества императрицы русской чисты и не заключаютъ ничего, кромѣ желанія сохранить національную свободу, на которую всѣ сограждане, безъ различія, имѣютъ равныя и неоспоримыя права.

«Границы, которыя отдѣляютъ Польшу отъ Россіи, простираются свыше 200 миль. Что́же можетъ быть болѣе естественнымъ и болѣе выгоднымъ для Россіи, какъ не пещись объ устраненіи всего того, что можетъ поколебать свободу и нарушить внутреннее спокойствіе республики?

«Ея величество русская императрица желала бы имѣть возможность обойтись безъ движенія войскъ, которое она приказала сдѣлать, но въ этомъ случаѣ ей не слѣдовало уступать обстоятельствамъ, когда ни законы, ни голосъ разсудка, ни любовь къ родинѣ, ни желаніе общественнаго спокойствія, не производили болѣе вліянія надъ умами.

«Войска республики, которыхъ прямое назначеніе состоитъ въ защитѣ и обезпеченіи границъ отечества, были употреблены на сеймикахъ для того, чтобы препятствовать свободѣ избирательныхъ голосовъ и чтобы установить основанія каптуральныхъ судовъ твердою рукою. Все, что произошло въ Грауденцѣ, еще слишкомъ свѣжо для того, чтобы быть забытымъ. Приказанія, которыя были даны войскамъ республики приблизиться къ Варшавѣ, даютъ мѣсто опасеніямъ, что они желаютъ предпринять теперь то же, что было ими предпринято прежде. Ея величество императрица не желаетъ ничего, кромѣ сохраненія общественнаго спокойствія, и не допуститъ никогда, чтобы какая-либо партія, какова бы она ни была, угнетала другую превосходствомъ силъ, которое можетъ служить предлогомъ къ оправданію насилія.

«Почему, мы подписавшіеся—чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ,—именемъ ея величества императрицы увѣряемъ и объявляемъ, самымъ торжественнымъ образомъ, примасу и высокой республикѣ, что русскія войска не окажутъ никакого препятствія свободѣ республики; что они не вмѣшаются ни во

[1]) Отъ 4 мая 1764 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

что, что касается до конвокаціоннаго сейма, и что они не приступятъ къ дѣйствію до тѣхъ поръ, пока членамъ республики угодно будетъ воздержаться отъ всякаго насилія, направленнаго противъ общественнаго спокойствія и безопасности каждаго.»

Заявленій этихъ оказалось недостаточно. Волненія въ Польшѣ все болѣе и болѣе усиливались, такъ что Екатерина вынуждена была двинуть въ Польшу новыя войска, съ цѣлью потушить волненія и ободрить преданныхъ намъ поляковъ.

VI.

Между тѣмъ, императрица, все еще надѣявшаяся на мирное и успѣшное окончаніе избранія польскаго короля, начинала разубѣждаться въ возможности такого исполненія.

«Фамиліи князей Чарторыскихъ,—писала Екатерина Кейзерлингу и князю Репнину,—[1]) и ихъ друзьямъ имѣете вы равномѣрно засвидѣтельствовать особливое удовольствіе наше, и сильнѣйше увѣрить ихъ притомъ, что какъ мы и прежде, зная ихъ патріотическія мнѣнія, всегда съ охотою подавали имъ существительные опыты нашего благоволенія и покровительства, тѣмъ паче нынѣ намѣрены усугубить имъ оныя, видя крайность, къ которой доводятъ ихъ утѣсненія и насильства противниковъ; что мы теперь довольны настоящею ихъ реквизиціею, доколѣ дѣла въ отечествѣ ихъ не объяснятся, и доколѣ не придутъ они въ состояніе повторить намъ ея въ свое время торжественнымъ образомъ и со всѣми обрядами законной формы; что на первомъ началѣ, какъ прежде уже повелѣли мы 6-тыс. корпусу войскъ нашихъ, подъ командою генералъ-маіора Рененкампфа, со всевозможною поспѣшностію идти къ Вильнѣ, на подкрѣпленіе начатой въ Литвѣ конфедераціи, которая, конечно, сею защитою одержитъ поверхность, а особливо когда и гетманъ литовскій Масальскій умножитъ оную, по обѣщанію своему, арміею сего великаго княжества. Такъ нынѣ, по поводу реквизиціи ихъ, предписали мы и генералу князю Волконскому вступить со всею его арміею немедленно въ границы республики, что, конечно, по принятымъ на всѣ случаи благовременнымъ и достаточнымъ мѣрамъ, отъ сего числа въ двѣ, а по большой мѣрѣ, въ три недѣли послѣдовать имѣетъ, и что впрочемъ мы отъ нихъ взаимно ожидаемъ, что они какъ сами собою всѣми силами стараться будутъ утверждать себя въ кредитѣ любви и довѣренности у сограж-

[1]) Въ рескриптѣ отъ 22 апрѣля 1764 г. Арх. кн. А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

данъ своихъ, дабы главное дѣло, сколько можно, народнымъ согласіемъ къ желаемому концу приводить, такъ съ другой стороны и о томъ попеченіе свое прилагать будутъ, дабы войска наши, по извѣстному предварительному плану, въ деревняхъ ихъ потребное пропитаніе находить, и тѣмъ меньше въ походѣ останавливаемы быть могли.

«Мы не сомнѣваемся, что всѣ сіи увѣренія друзьямъ нашимъ весьма пріятны будутъ, и что они теперь, полагаясь надежно на скорую и сильную отъ арміи нашей помощь, возьмутъ съ своей стороны всѣ потребныя мѣры, дабы не токмо литовская конфедерація доброе свое начало съ успѣхомъ продолжать могла, но чтобы и въ коронѣ духи совершенно приготовлены были къ соединенію себя съ нашими войсками, коль скоро оныя вступятъ съ предѣлы отечества ихъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица сообщала князю Волконскому [1]):

«По неудачливомъ обращеніи въ Грауденцѣ—писала она—гетманъ коронный и сообщники его, видя, что всѣ ихъ замыслы и предпріятія остаются тщетны, и что такимъ образомъ конечно не будутъ имѣть на сеймѣ конвокаціи равенства голосовъ, коего для содержанія партіи своей, толь много всякими непозволительными средствами искать принуждены были, выдумали употребить послѣднее, т. е. стараться обратить самый сеймъ въ пользу свою, во что-бы то ни стало; почему, не находя въ народѣ склонности, начали собирать къ Варшавѣ всѣ свои войска, не только домовыя, но и коронныя, вопреки точной силѣ законовъ республики и присяги гетманской, дабы по крайней мѣрѣ исторгнуть у согражданъ своихъ, оружіемъ и насильствомъ, то, чего они доброю волею отъ нихъ получить не могли.

«Сіи, напротивъ того, усмотря наступающую грозу и не полагаясь на собственныя свои силы, прибѣгли къ намъ съ прошеніемъ о защитѣ ихъ персонъ и вольности отечества ихъ, нѣкоторымъ числомъ войскъ нашихъ, кои бы, противниковъ въ дерзости обуздывая, сохраняли при будущихъ ихъ государственныхъ совѣтахъ порядокъ и тишину.

«Въ семъ намѣреніи повелѣли мы, какъ вамъ уже отчасти извѣстно, деташаментомъ генералъ-маіора Хомутова, вице-полковника князя Дашкова и подполковника Кашкина приближиться къ Варшавѣ, которые теперь всѣ уже тамъ и быть должны.

«Противники, увидя тутъ паки новыя замысламъ своимъ препоны, и воздерживаясь можетъ быть не столько дѣйствительнымъ

[1]) Въ указѣ отъ 1-го мая 1764 г.

Digitized by Google

началомъ нашего, истиннымъ патріотамъ покровительства, и послѣдующимъ за онымъ вступленіемъ большаго числа войскъ нашихъ, хватились нынѣ за другія, не меньше однако намъ досадительныя мѣры.

«Главный ихъ теперь видъ состоитъ въ томъ, чтобы удалить на нѣсколько времени сеймъ конвокаціи, подъ предлогомъ близости войскъ нашихъ и выигравъ черезъ то больше свободы, натянуть вновь разстроенныя свои струны.

«Первое ихъ покушеніе было привлечь примаса къ своей сторонѣ, дабы онъ 1) подписалъ обще съ ними къ намъ письмо съ просьбою о выводѣ войскъ нашихъ отъ земель республики; 2) чтобы онъ всему дворянству велѣлъ сѣсть на коня и сбираться для службы отечества; 3) чтобы онъ отсрочилъ сеймъ конвокаціи. Но какъ сей благонамѣренный вельможа не допустилъ уловить себя представленіями и ухищреніями противниковъ, то они и безъ примаса сами собою прислали къ намъ вышеупомянутое свое письмо за подписомъ малаго числа сенаторовъ, отправя въ тоже время другія съ просьбами, а именно къ королю прусскому о употребленіи его при нашемъ дворѣ посредства, а къ императрицѣ королевѣ (австрійской), королю французскому и Портѣ оттоманской о поданіи имъ помощи.

«Симъ оскорбительнымъ поступкомъ гетмана Браницкаго и его сообщниковъ, кои, въ удовлетвореніе прихотямъ своимъ, на всѣ крайности безразсудно отваживаются, весьма удостовѣряемся мы, что теперь наступило время, отмѣнивъ но перемѣнѣ дѣлъ и послѣдній нами принятый планъ дѣйствованія, сначала удѣльными въ разныхъ мѣстахъ корпусами, принять рѣшительную резолюцію о введеніи корпуса вашего въ польскія границы тѣмъ больше, 1-ое, что противная сторона, непремѣнно настоя въ упорствѣ своемъ, готовится испытать силы свои и конечно не прежде уступитъ, какъ по усмотрѣніи невозможности противиться съ успѣхомъ; 2-ое, что она никакого больше не заслуживаетъ менажемента, пренебрегши къ намъ всѣ мѣры уваженія: ибо явнымъ уже образомъ старается подвигнуть на насъ вѣнской и французскій дворы, а особливо Порту оттоманскую, которой всѣ наши дѣйствія описываетъ ненавистными красками; 3-е что въ самомъ дѣлѣ угрожается въ Польшѣ тишина и цѣлость законовъ крайними бѣдствіями, а благонамѣренные граждане и именно друзья наши — явною для персонъ ихъ опасностію; напослѣдокъ 4-ое, что мы интересами имперіи нашей и собственными нашими, съ достоинствомъ и славою короны, сопряженными деклараціями точно обязаны не допускать ни того, ни другого.

«Къ симъ натуральнымъ побужденіямъ присовокупляются

Digitized by Google

нынѣ важнѣйшія еще политическія, ибо какъ съ одной стороны предъусматриванная въ Литвѣ генеральная конфедерація возъимѣла уже начало свое, такъ съ другой и преданные намъ поляки, въ соотвѣтствіе поступку противниковъ, а особливо убѣдясь и предстоящею имъ опасностію, прислали къ намъ формальное прошеніе, о вящшемъ и сильнѣйшемъ защищеніи ихъ и отечества ихъ войсками нашими, которое и даетъ уже намъ неоспоримое передъ свѣтомъ право ввести корпусъ арміи нашей въ земли республики.

«Для подкрѣпленія литовской конфедераціи, повелѣли уже мы генералъ-маіору Ренненкампфу идти прямо въ Литву, къ Вильнѣ, гдѣ центръ ея обращеній и быть тамъ подъ приказами министровъ нашихъ въ Варшавѣ, а вамъ черезъ сіе равномѣрно повелѣваемъ:

1) Какъ можно скорѣе по полученіи сего указа, исправя въ корпусѣ вашемъ всѣ потребности, вступить съ онымъ въ земли республики польской.

2) По вступленіи вашемъ за границы имѣете вы о причинахъ похода отзываться словесно, что какъ теперь въ Польшѣ тишина, порядокъ и цѣлость законовъ, да и самая вольность дворянства повреждаются въ драгоцѣннѣйшихъ своихъ частяхъ, насильствами нѣкоторой отечеству своему недоброжелательной факціи, которая на сеймикахъ употребляла всевозможныя наглости и насильства, для обращенія ихъ въ свою пользу, вопреки собственнымъ вольнаго дворянства склонностямъ, которая тамъ, гдѣ капturные законно избранные суды не согласовали ея прихотямъ, установляла самовластно силою оружія другихъ себѣ слѣпо преданныхъ судей; которыя мѣста, для общихъ совѣтовъ и справедливости опредѣленныя, обагрила кровію гражданъ; которая въ Грауденцѣ, при бывшемъ генеральномъ прусскомъ сеймикѣ, тѣ же бѣдствія истиннымъ патріотамъ готовила, еслибъ не воспрепятствовала ей случайная тутъ бытность россійскихъ войскъ, и которая напослѣдокъ нынѣ, употребляя во зло ввѣренную нѣкоторымъ изъ членовъ ея власть, собираетъ при Варшавѣ, т. е. въ центрѣ общихъ государственныхъ совѣтовъ, при собственныхъ своихъ и коронныя войска, дабы способомъ оныхъ уничтожить дѣйствія сейма конвокаціи, толь нужнаго для республики, при нынѣшнемъ ея осиротѣломъ состояніи, утѣснить тѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ, кои за цѣлость законовъ и пользу отечества бодрствуютъ еще противъ насильствъ и на разореніи ихъ утвердить удачу своихъ корыстливыхъ и властолюбивыхъ намѣреній, то мы какъ ближайшимъ сосѣдствомъ и собственными имперіи нашей отъ онаго существительными интересами, такъ особливо формальными

Digitized by Google

трактатами и всегдашнимъ нашимъ о сохраненіи республики польской въ законномъ ея положеніи прилагаемомъ попеченіемъ, будучи обязаны не допускать до того, чтобы одна часть гражданъ другую по своимъ страстямъ утѣснять, а народную тишину произвольно помущать могла, — не могли при настояніи всѣхъ опасныхъ случаевъ обойтиться, чтобъ не ввести часть войскъ въ границы польскія, не для того, чтобъ общіе республики совѣты о благѣ и будущемъ выборѣ новаго престолу преемника сколько ни есть ограничивать, но единственно для того, чтобъ ненавистниковъ отечества своего, если они не уймутся въ насильствахъ, сокращать, истинныхъ патріотовъ защищать, разгарающее въ пеплѣ пламя гражданской войны въ самомъ началѣ утушить, возстановить силу законовъ и вольность вольнаго народа; словомъ охранять республику отъ угрожаемыхъ ей напастей и конечной гибели.»

Отправляя свои войска въ Польшу, Екатерина не связывала рукъ князю Волконскому. Она предоставила ему самому избрать тотъ путь для похода, который найдетъ онъ болѣе удобнымъ, но приказала располагать однакоже движеніемъ такъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою литовскую конфедерацію и быть въ состояніи подкрѣплять, въ случаѣ нужды, отрядъ генералъ-маіора Рененкампфа.

Екатерина поручила кн. Волконскому отправить впередъ, въ видѣ авангарда, отрядъ въ 3 или 4000 человѣкъ войска, всѣхъ родовъ оружія, которому приказать слѣдовать какъ можно скорѣе въ Варшаву, гдѣ и поступить въ распоряженіе нашихъ пословъ, дабы они могли имѣть при себѣ больше войска, а слѣдовательно и опоры противъ противной намъ партіи гетмана Браницкаго.

За авангардомъ императрица приказала идти и главнымъ силамъ Волконскаго, не торопясь, не изнуряя по напрасну войскъ и платя за все наличными деньгами, «дабы поляки прибытіемъ войскъ не только не отревожены, но паче обрадованы были и ихъ за своихъ защитителей почитать могли.»

Со вступленіемъ въ Польшу, князю Михаилу Никитичу приказано принять начальство надъ всѣми войсками тамъ расположенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленію Волконскаго и по просьбѣ фамиліи кн. Чарторыскихъ, Екатерина рѣшилась, вслѣдъ за его корпусомъ, отправить изъ нашей Украины въ польскую украину до 2 тысячъ человѣкъ войска. Этотъ послѣдній отрядъ назначался для занятія деревень: воеводы кіевскаго Потоцкаго, надворнаго короннаго маршала гр. Мнишка, брацлавскаго—князя Яблоновскаго и подстолія короннаго кн. Любомирскаго, «который

Digitized by Google

представилъ себя недавно кандидатомъ къ коронѣ, по наущенію противной стороны.»

Занятіе этихъ деревень признавалось необходимымъ для «удержанія тамошнихъ казаковъ, дабы оныя инако оттуда взяты и въ срединѣ Польши, противу нашихъ войскъ или по крайней мѣрѣ противу доброжелательныхъ намъ поляковъ употреблены быть не могли» [1]).

Преданная намъ партія поляковъ просила, чтобы отрядъ кн. Волконскаго вступилъ въ Польшу восемью колоннами, обѣщаясь заготовить для нихъ провіантъ и фуражъ. Князь Репнинъ сообщалъ ему же [2]), что отъ нихъ писано «какъ во свои собственныя деревни, такъ и въ пріятельскія, чтобы хлѣбъ тамъ всякій сберегали и готовымъ имѣли для поставленія туда, куда ваше сіятельство, черезъ передовыя свои команды прикажете, однако отвѣтовъ еще объ исполненіи сего учрежденія не получено». Получивъ указъ 1 мая, Волконскій 8 мая составилъ передовой отрядъ подъ начальствомъ ген.-маіора князя Долгорукаго. Въ составъ этого отряда вошли с.-петербургскій и апшеронскій пѣхотные полки, рязанскій карабинерный, 1 эскадронъ гусаръ и 3 орудія [3]).

Мая 20, Долгоруковъ былъ уже въ Оршѣ, гдѣ остановился для заготовленія себѣ провіанта и фуража, въ которыхъ ощущалъ значительный недостатокъ. Запасшись всѣмъ необходимымъ, кн. Долгорукій доносилъ, что пойдетъ уже безостановочно въ Варшаву.

Самъ кн. Волконскій съ главными силами также выступилъ изъ Смоленска. Пройдя шестьдесятъ верстъ, онъ остановился у Шелеговскаго форпоста, находившагося на самой границѣ Польши. Здѣсь онъ получилъ приказаніе остановиться и не двигаться далѣе. Политическія дѣла и поворотъ происшествій въ Польшѣ въ нашу сторону измѣнили намѣренія императрицы и заставили ее остановить движеніе своихъ войскъ въ границы польской республики. Волконскій съ отрядомъ оставался у Шелеговскаго форпоста и простоялъ тамъ все время до самаго роспуска войскъ по своимъ постояннымъ квартирамъ.

---

[1]) Указъ Волконскому, мая 1-го 1764 г.

[2]) Въ письмѣ, отъ 14 (25) мая 1764 г.

[3]) Всеподд. рап. Волконскаго, 9 мая 1764 г.

Digitized by Google

VII.

26-го апрѣля (7-го мая нов. ст.) въ Варшавѣ былъ открытъ конвокаціонный сеймъ.

Не смотря на значительныя замѣшательства въ началѣ и борьбу партій, онъ былъ доведенъ до окончанія безъ всякаго кровопролитія. Коронный гетманъ и его приверженцы приготовили манифестацію и вновь протестовали, противъ нарушенія правъ свободы засѣданіямъ сейма, въ виду непріятельскихъ орудій. Манифестація была обнародована генераломъ Макроновскимъ и возставала противъ продолженія сейма.

«Мы, сенаторы, сказано въ манифестѣ [1]), короны и герцогства литовскаго, духовные и свѣтскіе, прибывшіе, по приглашенію примаса, на конвокаціонный сеймъ 7-го мая, протестуемъ и жалуемся передъ Богомъ, всею вселенною и республикою, а также передъ лицемъ иностранныхъ державъ, что мы нашли не только наши законы, но и постановленія всѣхъ націй, попранными русскими войсками, которыя явились въ виду Варшавы и вступили туда сегодня съ артиллеріею. Такъ какъ по всѣмъ законамъ и обычаямъ королевства и великаго герцогства литовскаго, равно какъ и всѣхъ другихъ націй, не дозволяется держать совѣтъ (tenir des Conseils) подъ вліяніемъ посторонняго оружія, то существованіе такимъ образомъ сейма не законно и не обычно. Такъ какъ присутствовавшіе сенаторы еще прежде написали и подписали письма къ дружественнымъ державамъ, въ которыхъ они жаловались на вступленіе русскихъ войскъ, — то мы всенародно объявляемъ теперь нашу справедливую жалобу. Мы возлагаемъ несомнѣнную надежду, что вся Европа, узнавши о притѣсненіи свободной націи и презрѣніи къ нашимъ законамъ и вольностямъ, не останется равнодушною и не откажется помочь нашей отчизнѣ, — чтобы показать всему свѣту и нашей милой родинѣ, которая подавлена вмѣстѣ съ нами, нашу невинность съ одной стороны, а съ другой наши желанія и стремленія, избавиться отъ чрезвычайнаго опасенія, видѣть наши законы попранными и нашу свободу превращенную такъ-сказать въ рабство. Прежде всего объявляемъ передъ всею нашею родиною, что мы сами не призывали русскихъ, не просили никого, чтобы они пришли и не благодарили за ихъ приходъ (que nous n'avons point fait venir ici les Russes, ni n'avons prié qu'on

---

[1]) Manifeste fait à Varsovie 7 May 1764. — Арх. кн. Александ. Ѳедор. Голицына-Прозоровскаго.

Digitized by Google

les fit venir, ni n'avons remercié de leur arrivée). Мы протестуемъ передъ всѣми сосѣдними державами, также передъ тѣми, которыя находятся съ нами въ союзѣ и даже передъ лицемъ самой императрицы, что мы не подавали ей никакого повода къ вступленію ея войскъ въ наши границы. Объявляемъ передъ Богомъ, — который знаетъ всѣ человѣческіе помыслы, — что мы не имѣемъ никакой другой цѣли, какъ защитить нашу свободу, отечество, и готовы пожертвовать, по примѣрамъ нашихъ предковъ, богатствомъ, имѣніемъ и самою жизнію для поддержки нашего отечества и вѣры.

«Впрочемъ, многіе изъ сенаторовъ и уполномоченныхъ лицъ (personnes en charge), равно какъ и другіе уважаемые (très dignes) граждане великаго герцогства литовскаго, намъ заявляютъ за достовѣрный фактъ (nous annoncent pour nouvelle sure et certaine), что русскія войска, тамъ находящіяся, заставили и принудили нашихъ собратій подписать заявленіе опасное (dangereux) для націи и вредное для старшинства фамилій (à l'ancienneté des familles) относительно услугъ, которыя они оказали родинѣ и службѣ, которую они приносили отечеству.

«Вотъ причина, почему мы возстаемъ противу сказанныхъ насилій, а также и противу тѣхъ насилій, которыя дѣлались въ другихъ мѣстахъ, также какъ и противъ декларацій Россіи, преимущественно противъ объявленной 4-го мая и переданной примасу, въ которой коронная армія, ни во что не вмѣшивавшаяся, противъ всякой справедливости, скомпрометирована и очернена.

«На основаніи всего этого мы протестуемъ. И такъ какъ черезъ присутствіе русскихъ войскъ генеральный сеймикъ въ Грауденцѣ не состоялся, и слѣдовательно мы не можемъ надѣяться, чтобы прибыли сюда земскіе прусскіе депутаты (des Nonces de Prusse), для принятія участія въ настоящемъ сеймѣ, то мы приглашаемъ этихъ господъ, которые пріѣдутъ сюда, не отдѣляясь отъ корпуса республики, быть соединенными съ нею умственно и душевно. Вотъ чего тѣмъ болѣе ожидаемъ, ибо знаемъ, что они чувствуютъ оскорбленія и несправедливости, которыя они испытали въ Грауденцѣ».

Манифестація Макроновскаго привела всѣхъ представителей, бывшихъ на сеймѣ, въ такое волненіе и ярость, что они обнажили сабли. Самому Макроновскому грозила явная опасность. Благодаря только заступничеству кн. Любомирскаго и другихъ друзей Чарторыскихъ, старавшихся избѣжать кровопролитія, Макроновскій остался цѣлъ и невредимъ.

Засѣданія сейма, не смотря на манифестацію, продолжались.

Digitized by Google

Конвокаціонный сеймъ отличался отъ прочихъ сеймовъ тѣмъ, что въ немъ не имѣло мѣста столь извѣстное liberum veto. Поэтому, на конвокаціонномъ сеймѣ, гдѣ преобладало большинство голосовъ, простая манифестація не могла задержать засѣданій сейма, ибо, въ противномъ случаѣ, большинство голосовъ не имѣло бы никакого значенія.

Пренія, происходившія въ собраніи сейма, были весьма шумны.

«Счастье еще, доносили гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, что кн. Дашковъ во-время подоспѣлъ со своимъ отрядомъ. Такъ какъ люди и лошади его были въ отличномъ состояніи, то и можно было употребить ихъ тотчасъ же въ дѣло для поддержанія спокойствія».

Противная Россіи партія поляковъ утверждала, при помощи манифестацій, что существованіе сейма и его продолженіе обезпечиваются единственно только прибытіемъ нашихъ войскъ въ Варшаву. Какъ бы то ни было, но сеймъ приступилъ къ избранію маршала и выборъ палъ единодушно на князя Адама Чарторыскаго.

«Со времени открытія конвокаціоннаго сейма—писали наши послы [1])—который имѣетъ желаемый ходъ, дѣла здѣсь перемѣнились значительно къ лучшему. Республика удалила отъ командованія арміею короннаго гетмана графа Браницкаго и вручила ихъ кн. Чарторыскому, воеводѣ русскому. Этимъ распоряженіемъ силы республики находятся въ рукахъ тѣхъ, на которыхъ мы можемъ смотрѣть, какъ на главныхъ представителей нашей партіи.

«Направленіе дѣлъ, измѣнившееся вслѣдствіе такой перемѣны, не дѣлаетъ необходимымъ вступленія нашей арміи въ Польшу, какъ казалось то въ началѣ. Въ настоящее время будетъ достаточно, если В. П. отдѣлите три или четыре тысячи войскъ, которыя должны будутъ служить авангардомъ для вашей арміи».

Графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ говорили, что они въ состояніи теперь удержать въ повиновеніи поляковъ тѣми войсками, которыя были въ ихъ распоряженіи. Число это состояло въ шести тысячахъ бывшихъ въ Литвѣ, и десяти тысячахъ, — въ Подоліи [2]).

Сосредоточеніе всевозможныхъ войскъ въ Варшавѣ было причиною того, что враждебныя партіи сознали невозможность борьбы и шаткость своего положенія.

8-го мая, коронный гетманъ, воевода виленскій, воевода кра-

---

[1]) Кн. Волконскому, 14 (25) мая 1764 г.

[2]) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина Волконскому, 19 (30) мая 1764 г.

Digitized by Google

ковскій и другіе ихъ приверженцы, вмѣстѣ съ своими войсками оставили Варшаву.

За два дня до открытія засѣданій сейма прибылъ въ столицу Польши посланный крымскаго хана.

— Вы видите, въ какихъ обстоятельствахъ мы находимся, сказалъ ему коронный гетманъ гр. Браницкій, не поможетъ ли намъ крымскій ханъ?

— Когда состоится выборъ, отвѣчалъ татаринъ, тогда только видно будетъ, стѣснена ли была ваша свобода и была ли дѣлаема вамъ какая-либо несправедливость [1]).

«Поверхность нашихъ партизановъ, писалъ кн. Репнинъ [2]), на настоящемъ созывательномъ сеймѣ обстоятельства здѣсь весьма перемѣнило. Гетманъ коронный, лишившись команды черезъ повелѣніе сейма, бѣжитъ къ сторонѣ Львова, удерживая однако при себѣ, насильствомъ, нѣкоторую часть коронныхъ войскъ, тожъ и нѣсколько своей партіи собственныхъ. Вслѣдъ ему посланы какъ здѣшніе деташаменты, такъ и часть корпусовъ кн. Дашкова и Кашкина, которые между Казимиромъ и Сендомиромъ, достигнувъ гетманскій арріергардъ, небольшую стычку съ нимъ имѣли, обратившуюся въ совершенный нашъ успѣхъ. У нихъ взято 24 человѣка улановъ и товарищей при одномъ ротмистрѣ въ полонъ, между коими 7 раненыхъ и нѣсколько на мѣстѣ осталось убитыхъ. Съ нашей стороны ни одного не убито, ни ранено, ни въ полонъ не взято. Я самъ нечаянно свидѣтелемъ тому былъ, ѣздивши туда изъ любопытства посмотрѣть того деташамента.

«Ваше сіятельство посему изволите видѣть, что и малое число россійскихъ войскъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, намъ преимущества даютъ, и тако довольно-бъ кажется весьма было вступленія авангарднаго В. С. корпуса, которымъ однимъ, съ тѣмъ, что мы въ Литву и на Подолъ отъ высочайшаго двора требовали, всѣ дѣла уповаю успѣхъ возьмутъ, если какихъ новыхъ и неожидаемыхъ препятствій не произойдетъ. Въ томъ же случаѣ смотря по онымъ мѣры свои принять будетъ нужно, и заранѣе установить ихъ невозможно».

Такимъ образомъ, для достиженія видовъ русскаго правительства не было болѣе нужды въ отправленіи значительнаго числа новыхъ войскъ въ Польшу. Въ Литвѣ составилась генеральная конфедерація, которая, по выраженію кн. Репнина, *все то вели-*

---

[1]) Всеподд. реляція гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, 28 апр. (9 мая) 1764 г.

[2]) Волконскому, 14 (25) мая 1764 г.

Digitized by Google

кое княжество въ нашу партію привела. Конвокаціонный сеймъ продолжался съ желаемымъ успѣхомъ и согласно съ видами нашего правительства.

«Титулъ императорскій нашей всемилостивѣйшей государыни, писалъ Репнинъ [1]), онымъ (сеймомъ) торжественно признанъ; тожъ герцогъ курляндскій Бирон и его наслѣдники во владѣніи томъ рѣшительно утверждены, а принцъ Карлъ саксонскій отъ того герцогства отрѣшенъ».

Получивъ такія свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Варшавѣ, Екатерина тотчасъ же остановила движеніе отряда Волконскаго въ Польшу.

«Изъ приложенной здѣсь копіи, писала она [2]), съ одной изъ послѣднихъ реляцій министровъ нашихъ въ Варшавѣ, усмотрите вы, что сеймъ конвокаціи, не смотря на всѣ вопреки, противной стороны происки, приведенъ въ законное положеніе и дѣйствительность, такъ что гетманъ коронный графъ Браницкій и сообщники его, видя надъ собою превосходство благонамѣренной стороны, принуждены были для укрытія стыда своего удалиться отъ Варшавы, оставя тамъ по себѣ общую ихъ протестацію, которая однако по законамъ республики не можетъ препятствовать теченію и совершенію сейма, ибо рѣшенія онаго зависятъ отъ большинства голосовъ.

«Сіе доброе начало отмѣняетъ, нѣкоторымъ образомъ, нужду поспѣшнаго вашего выступленія въ границы польскія, ибо можетъ быть и однихъ удѣльныхъ деташаментовъ достаточно будетъ къ одержанію друзей нашихъ, при ихъ поверхности; и для того съ одной стороны, чтобъ не изпурять напрасно войскъ и миновать еще большихъ убытковъ, а съ другой и въ разсужденіи новыхъ пынѣ, хотя изъ далека открывающихся обстоятельствъ, нѣкотораго отъ хана крымскаго движенія, повелѣваемъ мы вамъ, въ случаѣ если вы не перешли еще границы, остановиться на оныхъ со всѣмъ корпусомъ, а если уже переступили, то какъ можно ближе къ нашимъ и стараться въ обоихъ случаяхъ довольствовать людей и лошадей изъ смоленскихъ магазейновъ, а не покупкою, отправляя однако, гдѣ бы вы ни стали, въ слѣдствіе послѣдняго нашего указа отъ 1-го числа сего мѣсяца, деташаментъ до трехъ тысячъ человѣкъ, подъ именемъ авангарда, къ прежде опредѣленному предмету, т. е. къ Варшавѣ, въ диспозицію нашихъ тамъ министровъ, съ такимъ однако командиру

---

[1]) Волконскому, 28 мая (8 іюня) 1764 г.

[2]) Въ секретномъ указѣ, отъ 10 мая 1764 г.

Digitized by Google

онаго предписаніемъ, чтобы онъ идучи отъ васъ небольшими маршами, размѣрялъ потомъ поспѣшность похода своего, по насылаемымъ къ нему въ дорогѣ отъ помянутыхъ министровъ приказамъ, и для того бы не только вамъ обо всемъ подробно рапортовалъ, но и съ ними имѣлъ нужную переписку.

«Вамъ же самимъ оставаясь при границахъ надлежитъ по часту посылать для рекогносцированія въ тѣ мѣста, на которыя бы собственному вашему походу быть, нарочныхъ офицеровъ, показывая черезъ то видъ, что и сами вы скоро за авангардомъ слѣдовать имѣете, а особливо содержать съ министрами нашими въ Варшавѣ частую, откровенную и надежную переписку, дабы вы о всѣхъ ихъ намѣреніяхъ и подвигахъ благовременно свѣдомы быть и по онымъ согласное съ вашей стороны исполненіе чинить могли, не ожидая отъ насъ, въ случаѣ ихъ требованія, новаго къ походу указа, чѣмъ натурально много времени выиграно будетъ, если бы новыя въ дѣлахъ перемѣны и новыя въ намѣреніяхъ нашихъ препоны, принудили ихъ употребить сіе послѣднее средство».

Одновременно съ этимъ, гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ получили точно такое же распоряженіе относительно движенія отряда кн. Волконскаго. Между тѣмъ дѣла шли весьма удовлетворительно, и, не смотря на происки и интриги посторонних европейскихъ дворовъ, подвигались къ концу.

Французское правительство сколько ни хлопотало о томъ, чтобы не допустить на сеймѣ превосходства русской партіи, не успѣло въ этомъ. Французскій посланникъ, 28 мая, оставилъ съ неудовольствіемъ Варшаву. Наканунѣ онъ словесно заявилъ примасу, что король Франціи, получивши извѣстія о томъ, что нѣкоторая часть сенаторовъ и земскихъ пословъ оставили Варшаву, «не можетъ въ семъ сеймѣ собранные штаты республики признать, и тако посла своего отзываетъ» [1]).

— Если посолъ, отвѣчалъ примасъ, не признаетъ республику въ семъ созывательномъ сеймѣ, то и я не могу признать его за посла и никого въ ихъ званіяхъ изъ французскихъ акредитованныхъ лицъ.

Разговоръ этотъ кончили неудовольствіемъ съ обѣихъ сторонъ. Примасъ назвалъ посланника маркизомъ де-Польміемъ и при отъѣздѣ его не приказалъ своему караулу бить въ барабанъ.

— Прощай, M-r L'archeveque, проговорилъ оскорбленный и разгоряченный посланникъ.

---

[1]) Кн. Репнинъ Волконскому, 28 мая (8 іюня) 1764 г.

Digitized by Google

Вскорѣ за тѣмъ всѣ лица, акредитованныя французскимъ дворомъ, были отозваны. Посолъ и резидентъ цесарскаго (австрійскаго) двора также располагали въ непродолжительномъ времени оставить Варшаву. Резидентъ намѣренъ былъ ѣхать черезъ Венгрію, для того, чтобы на пути повидаться съ гетманомъ Браницкимъ [1]).

12 (23) іюня кончился конвакоціонный сеймъ. Заключеніемъ его было объявленіе коронной генеральной конфедераціи, маршаломъ которой былъ избранъ кн. Чарторыскій, воевода русскій. Надѣясь соединить въ одно цѣлое конфедераціи коронную и литовскую генеральную, графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ ожидали отъ такого соединенія еще бо̀льшаго успѣха для нашихъ дѣлъ.

Хотя полная побѣда осталась на сторонѣ партіи, преданной Россіи, тѣмъ не менѣе противники этой партіи пытались еще разъ заявить о своемъ существованіи въ Польшѣ. Такъ, князь Радзивиллъ, воевода виленскій, долго сидѣвшій безъ дѣйствія въ своемъ мѣстечкѣ Бялѣ, въ іюнѣ вышелъ оттуда съ своими войсками и разорилъ нѣсколько окружныхъ деревень. Болѣе другихъ досталось въ этомъ отношеніи Терасполю. Имѣніе это, принадлежавшее графу Флемингу, непримиримому врагу кн. Радзивилла, было разграблено до основанія.

Великій коронный гетманъ, гр. Браницкій, съ бывшими при немъ людьми и войсками, находился въ воеводствѣ русскомъ, неподалеку отъ венгерскихъ границъ, между м. Замборъ и Дукла.

Имѣя въ своемъ распоряженіи войска, состоящія преимущественно изъ легкой кавалеріи, кн. Радзивиллъ и гр. Браницкій обладали всѣми средствами къ внезапному нападенію на разные пункты, тогда какъ въ распоряженіи нашихъ министровъ въ Варшавѣ не было такихъ легкихъ войскъ, которыя могли бы ихъ преслѣдовать и предупреждать.

Поэтому, они просили кн. Волконскаго прислать къ нимъ тысячу казаковъ, направивъ ихъ изъ Чернигова, черезъ волынское воеводство, къ мѣстечку Хелму [2]).

Въ Черниговѣ стоялъ отрядъ генералъ-поручика Штофельна. Въ его распоряженіи было только 400 человѣкъ казаковъ. Кн. Волконскій, отправивъ отъ себя 500 человѣкъ, приказалъ Штофельну изъ его отряда выслать 300 человѣкъ. Эти послѣдніе казаки не были, однакоже, отправлены, потому что самъ Што-

[1]) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина Волконскому, отъ 12 (23) іюля 1764 г.
[2]) Письмо Репнина и Кейзерлинга Волконскому, 14 (25) іюня.

Digitized by Google

фельнъ, со всѣмъ своимъ корпусомъ, по приказанію императрицы, выступилъ въ Польшу 23 іюня [1]).

«Вы не можете быть неизвѣстны вообще — писала ему Екатерина [2]) — какое, по существительному интересу нашей имперіи, мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ республики польской при настоящемъ ея междуцарствіи. Введенные въ тамошніе предѣлы войскъ нашихъ корпусы, а именно: одинъ подъ командою генералъ-маіора Ренненкампфа, а другой подъ командою нашего камеръ-юнкера и вице-полковника кн. Дашкова, съ деташаментомъ легкихъ войскъ, перемѣнили уже тамошнія дѣла въ пользу общихъ патріотическихъ намѣреній той республики, — такимъ образомъ, что теперь вооружившіеся противу правъ и вольности своего отечества, злонамѣренные и постороннимъ видамъ преданные поляки, принуждены оставить спокойному по законамъ теченію дѣлъ настоящаго въ Варшавѣ созывательнаго сейма, а сами, съ имѣющими при себѣ войсками, ретировалися въ отдаленныя отъ той столицы мѣста, къ границамъ венгерскимъ и украинскимъ.

«Но дабы съ тѣмъ сеймомъ узаконенную національную поверхность нашихъ тамошнихъ друзей и благонамѣренныхъ партизановъ укрѣпить и обнадежить до времени избранія польскаго короля, слѣдовательно, до самаго окончанія тамъ настоящихъ дѣлъ, мы за нужно разсудили дать указъ нашей военной коллегіи, о немедленномъ васъ отправленіи въ польскіе предѣлы, съ корпусомъ отъ семи до девяти тысячъ человѣкъ разнаго нашего войска.

«А какъ главное намѣреніе отправленія вашего туда въ томъ состоитъ, чтобы дать помощь и подкрѣпленіе тѣмъ мѣрамъ и операціямъ, въ которыхъ нынѣ находятся уполномоченный отъ сейма, подъ именемъ генеральнаго региментара, командиръ коронныхъ войскъ, воевода русскій кн. Чарторыскій, для приведенія не только польскими теперь, въ диспозиціи его находящимися войсками, но и способомъ чужестранныхъ помочныхъ, каковыми названы отъ республики наши, въ собственное къ себѣ послушаніе тѣхъ, кои, вопреки сеймовому опредѣленію, послѣдовали гетману коронному Браницкому. То какъ для сего перваго предмета, такъ и для того, чтобы противники, напримѣръ самъ гетманъ, воевода кіевской Потоцкій, подстолій князь Любомирскій, воевода виленской князь Радзивиллъ, коронный надворный маршалъ гр. Мнишекъ и протчія, имѣя по близости нашихъ границъ знат-

---

[1]) Письмо Штофельна Волконскому, 28 іюня 1764 г.

[2]) Указъ Штофельну, 9 іюня 1764 г.

Digitized by Google

нѣйшія свои деревни, не могли изъ оныхъ умножать своихъ войскъ, и, получая еще оттуда способы къ продолженію своего упорства, утвердиться гдѣ ни есть въ скрытномъ мѣстѣ, и тѣмъ протянуть надолго нужное для нихъ въ отечествѣ ихъ нестроеніе, повелѣваемъ мы вамъ, съ ввѣреннымъ командѣ вашей корпусомъ, какъ можно скорѣе вступить въ польскія границы и именно въ воеводство подольское, волынское и брацлавское, учреждая въ оныхъ походъ вашъ на городъ Лемберхъ или Львовъ».

Не зная, какое направленіе въ дальнѣйшемъ примутъ польскія дѣла, Екатерина приказала Штофельну въ его дѣйствіяхъ согласоваться съ требованіями нашихъ пословъ, бывшихъ въ Варшавѣ *и съ политическими ихъ операціями*. Генералу Штофельну предписано исполнять все то, что̀ сами послы «или съ вѣдома ихъ польскіе наши друзья, а особливо региментарь, кн. Чарторыскій, отъ васъ когда-либо требовать будутъ, ибо общему ихъ па мѣстѣ усмотрѣнію и опредѣленіямъ предоставили мы главное дѣло руководство и употребленіе разныхъ войскъ нашихъ корпусовъ».

Во время похода, генералу Штофельну приказано соблюдать строгую дисциплину въ войскахъ, принимать мѣры къ тому, чтобы жителямъ не было дѣлаемо никакихъ обидъ и притѣсненій, и чтобы войска платили за все чистыми деньгами.

«О причинѣ похода ваше́го — писала ему Екатерина — отзываться, что какъ нѣкоторые неспокойные и хвастливые граждане, жертвуя благополучіемъ отечества страстямъ своимъ и посторонним видамъ, начали утѣснять силою истинныхъ патріотовъ, да и всю республику въ драгоцѣннѣйшихъ вольнаго народа правостяхъ, то мы, снисходя, какъ по дружбѣ и праву сосѣдства, такъ особливо и по свойственнымъ имперіи нашей обязательствамъ, на прошеніе самой республики, объ огражденіи ея нашею помочью, не хотѣли, да и не могли оставить, чтобы не внести въ польскія границы, съ разныхъ сторонъ, гдѣ нужда потребовала, части нашихъ войскъ, не въ обиду жителямъ, но въ защиту тѣмъ, кои, бодрствуя за общій покой и благосостояніе, подвигли на себя ненависть и гоненіе нарушителей законовъ и вольности; что при всемъ томъ, вы, равно какъ и прочіе наши генералы, не имѣете повелѣнія кого-либо озлоблять, развѣ кто самъ васъ атакуетъ или же дерзнетъ уничтожать законную власть нынѣшняго созывательнаго сейма, противиться законнымъ его опредѣленіямъ и помущать общую безопасность и тишину, кои ввѣрены попеченію вашему, и что, впрочемъ, уполномочены вы отъ насъ защищать и охранять всѣхъ тѣхъ, кои, признавая дѣйстви-

Digitized by Google

тельность сейма и генеральную литовскую конфедерацію, возъимѣютъ иногда въ помощи и защищеніи вашемъ нужду.

«Если ханъ крымскій, по легкомыслію своему, отревожась дѣйствительно, а скоряе и притворно, вступленіемъ вашимъ въ границы польскія, станетъ у васъ требовать изъясненія, въ такомъ случаѣ имѣете вы отвѣтствовать ему, что введеніе войскъ нашихъ воспричинствовано многими и явными насильствами нѣкоторыхъ польскихъ вельможъ, кои не уважая сущей отечества своего пользы, но слѣпо руководствуясь странными своими и посторонними видами, дерзнули не только отщепиться отъ республики, сеймомъ конвокаціи законно соединенной, но и возжечь еще пламя гражданской войны; что для пресѣченія сего зла въ самомъ корени, дабы оно послѣ и на прочія окрестныя земли не распространилося, не могли мы уклониться, чтобъ, какъ по точнымъ нашимъ съ республикою польскою обязательствамъ, такъ и по формальному ея намъ о помощи и защищеніи нашемъ учиненному прошенію, не принять въ нестроеніи ея дѣйствительнаго участія; что мы имѣемъ удовольствіе видѣть, что исполненіе такой просьбы почитаетъ себѣ республика, на сеймѣ собранная, за величайшее отъ насъ одолженіе; что равномѣрно блистательная Порта отдаетъ непорочнымъ нашимъ намѣреніямъ и поступкамъ совершенную справедливость, будучи удостовѣрена, что сохраненіе Польши при ея правахъ, вольности и формѣ правительства, оба императорскіе двора равно интересуемы, и что напослѣдокъ мы надѣемся, что и его свѣтлость ханъ крымскій, похвальному примѣру Порты подражать будетъ» [1]).

Штофельнъ вступилъ въ границы Польши тогда, когда партія князя Радзивилла значительно уменьшилась числомъ. Большая часть его приверженцевъ перешла на нашу сторону, а тѣмъ болѣе тогда, когда приказано было имѣнія противниковъ секвестровать и продовольствовать въ нихъ войска безденежно.

Воевода равскій, два князя Любомирскихъ: одинъ подстолій, а другой мечникъ коронные, сдѣлались вдругъ нашими партизанами, изъ боязни лишиться своихъ деревень. «Да и другіе многіе колеблются — писали гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ [2]) — и вскорѣ, можетъ быть, также къ намъ приступятъ, въ которомъ числѣ и воеводу кіевскаго считаемъ. Итакъ, чтобы суровостью кого не отвратить, оставляемъ непріятельскій трактаментъ учинить до совершеннаго познанія ихъ мнѣнія, которое совсѣмъ объявится на сеймикахъ de relation и на сеймѣ избранія».

---

[1]) Волконскому, отъ 12 (23) іюля.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

Кн. Радзивиллъ, преслѣдуемый между тѣмъ отрядомъ кн. Дашкова, отступалъ черезъ Волынь къ Молдавіи. Генералъ Ренненкампфъ овладѣлъ главною его резиденціею Несвижемъ [1]). Такимъ образомъ, послѣдній противникъ партіи Чарторыскихъ былъ уничтоженъ. Русское правительство могло считать, что польскія дѣла окончены согласно его желаніямъ. Дѣйствительно, 27 августа (7 сентября), со всѣми предписанными законными порядками, единогласно и безъ всякаго прекословія выбранъ былъ королемъ польскимъ графъ Станиславъ Понятовскій. «Согласіе и единодушіе — писали наши послы въ Варшавѣ [2]) — были въ семъ случаѣ столь совершенны, что тому въ исторіяхъ польскихъ примѣру не имѣется».

«Единогласный выборъ короля польскаго мало противниковъ оставляетъ въ здѣшней землѣ, а которыя и есть, то по малу приходятъ въ надлежащее повиновеніе» [3]).

Съ окончаніемъ королевскаго выбора, по мнѣнію пословъ нашихъ въ Варшавѣ, присутствіе значительнаго числа войскъ въ Польшѣ, кромѣ ненадобности, могло быть оскорбительно для тамошняго дворянства, которое теперь *«не усиливать, но ласкать надлежитъ»*. Тѣхъ войскъ, которыя были въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, признавалось достаточнымъ. Король требовалъ отъ графа Кейзерлинга и кн. Репнина, чтобы по крайней мѣрѣ корпусъ князя Волконскаго былъ выведенъ изъ польскихъ границъ. Понятовскій говорилъ, что оставленіе отряда этого въ Польшѣ повлечетъ за собою оскорбленіе народа и можетъ обратиться ему во вредъ, а впослѣдствіи будетъ служить препятствіемъ къ достиженію видовъ русскаго правительства. Король говорилъ со словъ своихъ дядей, князей Чарторыскихъ, которые, одержавъ побѣду надъ противниками, не нуждались уже болѣе въ поддержкѣ Россіи. Преслѣдуя личные свои интересы, они впослѣдствіи тяготились этою поддержкою и были весьма недовольны вмѣшательствомъ Россіи въ дѣла Польши. Король же, съ первыхъ дней возведенія своего на престолъ, попалъ во власть своихъ тонкихъ дядей, говорилъ и думалъ по ихъ совѣтамъ. По ихъ желанію, онъ и требовалъ вывода русскихъ войскъ изъ Польши. Графъ Кейзерлингъ и кн. Репнинъ, надѣясь, что съ избраніемъ короля установится покой и тишина въ королевствѣ,

---

[1]) Волконскому, отъ 12 (23) іюля.

[2]) Волконскому, отъ 2 (13) и 4 (15) сент.

[3]) Письмо гр. Кейзерлинга и кн. Репнина къ кн. Волконскому, 4 (15) сентября 1764 г.

Digitized by Google

согласились на требованіе короля и писали о томъ императрицѣ [1]).

«Вамъ прямо изъ Польши — писала Екатерина кн. Волконскому [2])—несумнѣнно уже извѣстно о учиненномъ тамъ, по нашему желанію, спокойномъ и единодушномъ избраніи короля. Почему мы, не находя болѣе надобности для нашихъ интересовъ, какъ въ вашемъ пребываніи, такъ и въ содержаніи на границахъ оставшихъ при васъ войскъ корпуса вашего, повелѣваемъ вамъ, если вы при полученіи сего нашего указа, не имѣете какихъ-либо особливыхъ изъ Варшавы, отъ нашихъ министровъ, увѣдомленій, о которыхъ здѣсь предвидѣть невозможно и которыя-бъ требовали дальнѣйшаго вашего при командѣ пребыванія, и другихъ особливыхъ распоряженій войскамъ вашимъ: то оныя войска отпустить съ границъ въ ихъ обыкновенныя квартиры, а вамъ, распорядя все къ тому потребное, возвратиться къ нашему двору, для исправленія другихъ на васъ положенныхъ должностей».

Поручивъ командованіе войсками генералъ-поручику Нумерсу, и сдѣлавъ всѣ распоряженія, Волконскій отправился въ Петербургъ и возвратился въ Варшаву снова только въ 1769 году.

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Въ указѣ, отъ 16 сент. 1764 г.

Digitized by Google

ДАЧА НА РЕЙНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА I*).

УТРО ВЪ ЭДЕМѢ.

По рѣкѣ внизъ и вверхъ ходятъ суда; издали, по обѣимъ сторонамъ, видны катящіеся поѣзды, и глядятъ на все это, глядятъ съ наслажденіемъ люди изъ всякихъ странъ, люди различныхъ состояній. «Вотъ тутъ или тамъ — думаетъ не одинъ изъ зрителей — славно было бы жить, жизнью ровною, въ созерцаніи природы, работая на свободѣ,—славно бы со своими, хорошо бы и одному».

Берега Рейна — благословенное мѣсто отдыха, но въ то же время это — нѣчто вѣчно-движущееся. Передъ порогомъ вашего дома разостлалась скатертью великая дорога всесвѣтныхъ сообщеній; изъ уединенія, въ каждый часъ, легко примкнуть къ непрестанному движенію, и оно тотчасъ унесетъ васъ съ собою.

По берегамъ чистенькіе города и села, съ ихъ замками и виноградниками, а между ними густо набросаны, заботливо обдѣланные, выхоленныя виллы; онѣ идутъ цѣпью, которая почти не прерывается.

---

*) См. выше, т. V, 5-56, и 615-640.

Digitized by Google

Отъ города до города, отъ дома до дома можно бы много разсказать о судьбахъ живущихъ тутъ людей; какъ одни силою твердой воли спаслись изъ пучины, или послѣднимъ, напряженнымъ усиліемъ выплыли къ берегу; какъ другіе не своею, грубою силою были выброшены на-берегъ.

Незнакомый, всѣмъ чужой человѣкъ, который здѣсь поселится, можетъ быть увѣренъ, что онъ воленъ завязать сосѣдскія отношенія съ коренными жителями или остаться уединеннымъ; непрерывное теченіе прибывающихъ и отбывающихъ не нарушитъ себялюбиваго одиночества.

— Чья это красивая дача съ башнею, что̀ виднѣется издалека плывущему по рѣкѣ? Точно бѣлая лебедь расположилась въ зелени.

Вопросъ этотъ часто слышится на тѣхъ судахъ, которыя поднимаются или спускаются по рѣкѣ. Отвѣчаютъ на него, примѣрно, такъ:

«Эта вилла называется «Эдемъ», и она заслуживаетъ свое названіе; только Эдемъ этотъ можно видѣть не иначе, какъ извнѣ. Все заперто, и вдоль стѣны, которою обнесенъ садъ, устроены капканы и самострѣлы. Только во время отсутствія владѣльца, прислугѣ дозволено впускать постороннихъ въ домъ и паркъ, и прислугѣ это доставляетъ порядочныя деньги. Хозяинъ виллы—богатый американецъ; домъ этотъ онъ выстроилъ самъ, онъ же устроилъ и тѣнистый паркъ, а изъ луга, который прежде тянулся къ берегу,—заброшеннаго, заплеснѣвѣвшаго въ болотѣ, сдѣлалъ фруктовый садъ. Теперь въ этомъ саду созрѣваютъ такіе фрукты, что, по величинѣ и вкусу, ничего подобнаго прежде здѣсь и не видывали. А замокъ, что̀ тамъ, наверху, онъ отстроилъ вновь изъ развалины.

«А какъ зовутъ этого человѣка?

«Зонненкампъ. Прислуга у него почти вся изъ другихъ мѣстъ, а самъ онъ посѣщаетъ очень немногихъ, и гости бываютъ у него рѣдко. Никто хорошенько не знаетъ, кто̀ онъ такой, что̀ онъ за человѣкъ. У него отличныя лошади, но и самъ онъ, и его жена, и компаньонка, если иногда и выѣдутъ на открытую дорогу, то сейчасъ же поворачиваютъ назадъ....»

Въ то утро, когда Эрихъ направился къ виллѣ верхомъ, тамъ, на половинѣ, обращенной къ западу, слуги, въ утренней ливреѣ, вынесли большой и толстый коверъ на широкое, усыпанное пескомъ, мѣсто. Подлѣ душистой, богатой красками пирамиды изъ цвѣтовъ, поставленъ былъ круглый столъ, накрытый штофною скатертью, на которую помѣстили сперва большую вазу

Digitized by Google

изъ граненаго хрусталя, полную артистически-смѣшанныхъ цвѣтовъ и вѣтвей, а затѣмъ четыре прибора.

На сторонѣ, возлѣ цвѣтущаго кустарника и разноцвѣтной сирени, установили столъ съ серебрянымъ самоваромъ, и слуга затѣмъ зажегъ спиртовую лампочку. Вскорѣ тонкое облачко пара поднялось надъ самоваромъ. Потомъ были еще принесены два большія, качельныя кресла.

Молодой человѣкъ стоялъ тутъ же, но не прикасался ни къ чему, а смотрѣлъ вдаль, черезъ фруктовый садъ и прудъ съ фонтаномъ и двумя парами лебедей, черезъ луга и пастбища, туда, гдѣ открывался видъ внизъ, по теченію рѣки. Онъ перенесъ, наконецъ, взглядъ на предметы ближайшіе, осмотрѣлъ оконченныя приготовленія въ саду, и сказавъ: «хорошо», ушелъ вмѣстѣ со слугами.

Самоваръ кипѣлъ, столы и кресла какъ-будто ждали общества. На спинку одного изъ качельныхъ креселъ присѣлъ смѣльчакъ-зябликъ и сталъ насвистывать. Точно разсказывалъ подругѣ, сидѣвшей на деревѣ, что все это очень комфортабельно, и что онъ тоже имѣетъ въ виду, современемъ, обзавестись такимъ хозяйствомъ.

Но смѣлаго и домовитаго зяблика скоро спугнули; послышались шаги; зябликъ взлетѣлъ, но неосторожно направился какъ разъ на самоваръ; тутъ его, должно быть, обдало паромъ, онъ сдѣлалъ острый уголъ назадъ, и пролетѣлъ совсѣмъ близко надъ головою подходившаго господина, чуть не задѣвъ его шляпы.

Это былъ широкоплечій, высокаго роста мужчина, въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, съ бѣлымъ галстукомъ и стоячимъ воротничкомъ на рубашкѣ, по-англійски.

Казалось, онъ сдѣлалъ все, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить впечатлѣніе, какое должна была произвести его геркулесовская фигура, чтобы умалить и укротить себя. Изящность одежды достигала этой цѣли, хотя и несовсѣмъ. Соломенная шляпа съ широкими полями оттѣняла его лицо, такъ что на нѣкоторомъ разстояніи оно даже почти не было видно. Онъ прихрамывалъ на правую ногу, но этотъ недостатокъ обратился у него какъ бы въ особенность походки, и онъ воспользовался имъ все для той же цѣли смягченія своего богатырскаго вида, способнаго внушить нѣчто въ родѣ страха.

За нимъ шелъ тотъ молодой человѣкъ, который только-что одобрилъ приготовленія; въ рукахъ у него былъ большой портфель. Господинъ въ соломенной шляпѣ сѣлъ на одно изъ качельныхъ креселъ, а молодой человѣкъ сталъ передъ нимъ въ выжидательномъ положеніи.

Digitized by Google

Господинъ снялъ шляпу и молодой человѣкъ.... назовемъ его по имени — камердинеръ Іозефъ.... поспѣшно принялъ ее отъ него. Тогда сидѣвшій провелъ нѣсколько разъ мясистою рукою по своему гладко выбритому, крѣпко изваянному подбородку. Страннымъ образомъ носилъ онъ на толстомъ пальцѣ руки кольцо, простое кольцо, какъ бы изъ цѣпи, золотое, а посрединѣ желѣзное.

Человѣкъ этотъ — господинъ Зонненкампъ. Лицо его было красновато, лобъ широкъ и на лбу гладко причесана прядь посѣдѣвшихъ волосъ. Темныя брови стояли щетинами и въ замѣчательно-большомъ разстояніи одна отъ другой; казалось, будто онѣ насильственно раздвинуты. Кто видѣлъ это лицо разъ, уже не забывалъ его.

Водянисто-голубые, глубоко лежавшіе глаза его, пожалуй, свидѣтельствовали о рѣшительности характера, пожалуй и о хитрости; широкія скулы нѣсколько выдавались впередъ. Носъ его былъ великъ, но довольно-благородной формы. Въ губахъ, своевольно-стянутыхъ, отражалась повелительность. Все лицо представляло нѣчто увядшее, но заботливость о себѣ сохранила за нимъ выраженіе повелительной энергіи. Съ перваго взгляда на него можно было сказать себѣ, что имѣть его врагомъ не желательно.

— Дайте сюда, сказалъ онъ вдругъ, и вынулъ изъ жилетнаго кармана кольцо съ крохотнымъ ключемъ. Камердинеръ ловко подставилъ ему портфель, который Зонненкампъ тотчасъ открылъ; затѣмъ камердинеръ вынулъ изъ портфеля и подалъ Зонненкампу нѣсколько писемъ, которыя тотъ началъ располагать въ порядкѣ. Онъ отложилъ особо письма съ заграничными марками, а остальныя собралъ въ кучу. Тогда Іозефъ, положивъ шляпу и портфель на другое кресло, началъ надрѣзывать каждый конвертъ съ двухъ угловъ.

Зонненкампъ бѣгло просмотрѣлъ открытыя письма, и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были изъ-заграницы, осмотрѣлъ только печать и почеркъ на адресахъ; потомъ велѣлъ всѣ такія письма положить назадъ, въ портфель. Изъ заграничныхъ же писемъ два онъ взялъ къ себѣ, а другія самъ сунулъ въ портфель и опять его заперъ.

Въ эту минуту отворились обѣ боковыя двери, выходившія на террасу; Зонненкампъ поднялся со стула и взялъ въ руки свою широкую шляпу. На террасу явились двѣ женскія фигуры. Одна изъ вошедшихъ была стройная женщина, съ продолговатымъ, блѣднымъ лицемъ, носившимъ отпечатокъ страданія; на ней былъ утренній чепчикъ съ ярко-красными лентами и ярко-

Digitized by Google

красная шаль; другая—была небольшая, гладенькая фигурка, съ лицомъ угловатымъ и совсѣмъ какъ бы безкровнымъ, съ гладко-причесанными, черными какъ смоль, волосами, съ глазами темными, проницательными.... Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, очевидно, никогда не бывали молоды, но на которыя зато и приближающаяся старость остается безъ вліянія. На ней было черное шелковое платье, а на шеѣ висѣлъ плотно повязанный перламутровый крестъ, который блисталъ на самомъ верху груди.

Зонненкампъ приблизился навстрѣчу этимъ дамамъ до самой лѣстницы, благосклонно кивнулъ той, которая была одѣта въ черномъ, а другой, въ красной шали, подалъ руку и спросилъ ее о здоровьи, по-англійски.

Дама въ шали — это была госпожа Церера Зонненкампъ — повидимому, сочла лишнимъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Она подошла прямо къ своему мѣсту за столомъ, приготовленнымъ для завтрака; камеристка положила ей на колѣни салфетку, а лакей подставилъ ей подъ ноги обитую скамейку.

Дама въ черномъ — это синьора Боромея Пэрини — приблизилась къ чайному столу; лакей подалъ ей чайницу, откуда она черпнула ложкою горсточку чаю.

— А гдѣ Роландъ? спросила утомленнымъ голосомъ Церера.

— Сейчасъ придетъ, отвѣчалъ Зонненкампъ и далъ знакъ позвать его.

Госпожа Пэрини подала первую чашку госпожѣ Зонненкампъ, которая, и то какъ-будто съ трудомъ, налила туда капли двѣ сливокъ. Голосомъ, полнымъ подобострастія, Зонненкампъ обратился къ ней:

— Скушай же что-нибудь, мой другъ.

Церера поднесла къ губамъ ложку чаю, потомъ еще полложки, и посмотрѣла кругомъ себя, какъ бы скучая. Ей, казалось, надоѣдало даже глотать.

— Гдѣ же Роландъ? — спросила она еще разъ. Непростительно, что онъ никакъ не можетъ привыкнуть къ порядку. Что-о, M-lle Пэрини? Вы, кажется, что-то сказали.

— Нѣтъ-съ.

Тутъ Зонненкампъ обратился къ Церерѣ, и опять мягкимъ, покорнымъ голосомъ просилъ ее имѣть еще немного терпѣнія, такъ какъ Роландъ получитъ теперь, надо надѣяться, такого воспитателя, который пріучитъ его къ порядку. Затѣмъ, онъ снова разсказалъ ей о письмѣ Отто фонъ-Пранкена. Когда было произнесено это имя, то дѣвица Пэрини вдругъ упустила свой сухарь въ чай и потомъ принялась добывать его ложкою. Въ это

Digitized by Google

время Зонненкампъ объявилъ, что онъ рѣшился даже и не читать предложеній другихъ лицъ, пока не повидается съ тѣмъ, кого рекомендовалъ г. Пранкенъ.

— Онъ — дворянинъ? — спросила Церера.

— Не знаю, — отвѣчалъ Зонненкампъ — хотя очень хорошо зналъ; — онъ — капитанъ.

Церера продолжала глядѣть въ пространство, какъ бы въ ожиданіи все-таки узнать, дворянинъ-ли тотъ господинъ, о которомъ шла рѣчь.

Дѣвица Пэрини, должно быть, отгадала, что думала Церера, и обратясь къ ней съ улыбкою, какъ бы желая выразить ея мысль, замѣтила:

— Трудно встрѣтить такого истиннаго кавалера, какъ баронъ фонъ-Пранкенъ, — въ Германіи едва-ли есть равные ему; у него еще почти больше, чѣмъ у графини Беллы...

— Прошу никого не хвалить насчетъ графини, — прервалъ Зонненкампъ, и лицо его приняло такое выраженіе, какъ бываетъ у бульдога, если бы онъ сталъ нѣжничать... дамы увлекаются г. фонъ-Пранкеномъ, а я — графинею Вольфсгартенъ.

Церера сдѣлала едва замѣтное движеніе плечами; золотую ложку она прижала къ губамъ и на минуту задумалась. Навѣрно она думала: вотъ хвастается, будто увлеченъ, и все это дѣлаетъ только съ цѣлью сказать любезность.

— Да гдѣ же это, наконецъ, Роландъ?... вдругъ спохватилась она и толкнула ногами скамейку, такъ что покачнулся столъ и посуда зазвенѣла.

Вошедшій въ эту минуту слуга доложилъ, что Роландъ совсѣмъ не хочетъ придти къ завтраку, а желаетъ остаться у Норки, которая въ прошлую ночь выкинула пятерыхъ щенятъ.

— Такъ скажи же ему, — вмѣшался Зонненкампъ, и лицо его побагровѣло до самой пряди волосъ на лбу, — что если онъ не будетъ здѣсь сію же минуту, я велю тотчасъ утопить въ Рейнѣ всѣхъ этихъ щенятъ.

Слуга поспѣшно ушолъ, и скоро затѣмъ показался необыкновенно-красивый мальчикъ, одѣтый въ голубой бархатъ; онъ былъ блѣденъ, и его чудно обрисованныя губы дрожали. Видно было, что онъ только что вынесъ тяжкую борьбу.

Это былъ стройный мальчикъ, съ лицомъ такой необычайной красоты и чистоты контуровъ, что невольно приходилъ на мысль рѣзецъ скульптора. Онъ снялъ свою жокейскую фуражку, и тогда стали видны его изящно причесанные темные волосы, расположенные густыми кудрями вокругъ лба.

Digitized by Google

— Поди ко мнѣ, — позвала его мать, — поцѣлуй меня, Роландъ. Ты такъ блѣденъ, что̀ съ тобою?

Мальчикъ поцѣловалъ мать, покачалъ головою отрицательно и произнесъ голосомъ, занимавшимъ средину между дѣтскимъ сопрано и возмужавшимъ органомъ:

— Я такъ же здоровъ, какъ мои маленькія собачки? При этомъ, въ щекахъ его показалась едва замѣтная краска, но губы окрасились въ пурпуръ.

— Ну, ужъ не хочу тебя наказывать въ день пріѣзда твоего новаго воспитателя, — сказалъ Зонненкампъ, уловивъ взглядъ жены.

— Моего? Еще новый воспитатель? Не хочу его; а если ты дашь его мнѣ, то я ужъ такъ устрою, что онъ поскорѣе уберется.

Зонненкампъ улыбнулся. Ясно было, что ему, въ сущности, нравилась эта слишкомъ смѣлая выходка.

Роландъ не хотѣлъ ѣсть ничего, однакоже принялся за завтракъ очень исправно, а тогда и мать, съ радости, что у дѣтища такой славный аппетитъ, послѣдовала его примѣру.

Тутъ г-жа Пэрини не утерпѣла, чтобы не замѣтить:

— Вотъ видите ли, г. Роландъ, вамъ бы уже для маменьки слѣдовало акуратнѣе приходить къ столу. Она можетъ кушать только тогда, когда и вы кушаете.

Мальчикъ бросилъ на нее странный взглядъ и ничего не отвѣчалъ ей; видно было, что между нимъ и компаньонкою его матери отношенія не были удовлетворительны. Тѣмъ неменѣе, дѣвица Пэрини продолжала свою любезность къ Роланду, и вызвалась сходить, послѣ завтрака, взглянуть на щенятъ.

— Не знаете-ли, отчего собаки родятся слѣпыми? — спросилъ ее мальчикъ.

— Потому, что такъ это устроилъ Богъ.

— Да для чего же Богъ устроилъ такъ?

Г-жа Пэрини нѣсколько смутилась, но г. Зонненкампъ вывелъ ее изъ этого положенія, замѣтивъ, что кто все спрашиваетъ зачѣмъ, да зачѣмъ, — тотъ ничего не узнаетъ порядкомъ, и что Роландъ привыкъ постоянно задавать вопросы потому именно, что не хочетъ учиться путемъ.

Мальчикъ сталъ смотрѣть въ землю; въ выраженіи его лица появилось нѣчто въ родѣ жесткости или тупости, пожалуй то и другое.

Г-жа Зонненкампъ вышла изъ-за стола, сѣла на одно изъ качельныхъ креселъ и стала разсматривать свои ногти, обдѣланные въ форму орѣховой скорлупы, съ длинными, прозрачными кончиками.

Digitized by Google

Мужъ сталъ разсказывать, какъ много писемъ, на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, онъ получилъ въ отвѣтъ на свою публикацію. Вызывавшіеся по большей части даже приложили свои фотографическія карточки, что, по мнѣнію Зонненкампа, было резонно, такъ какъ внѣшность тоже не послѣднее дѣло.

Церера слушала его будто сонная и, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ закрывала глаза. Зонненкампъ распространился насчетъ того,. какъ много на свѣтѣ бѣдныхъ людей, вѣчно выжидающихъ счастливой судьбы, и притомъ всегда думающихъ, что для этого достаточно имѣть деньги; тутъ Церера, полуоборотясь, посмотрѣла на него, какъ бы съ удивленіемъ, что вотъ живутъ же люди, у которыхъ нѣтъ средствъ къ жизни.

Дѣвица Пэрини была полезною посредницей въ разговорахъ. Такъ какъ Церера, какъ казалось, или и въ самомъ дѣлѣ, была вообще безучастна къ ходу разговора, то г-жѣ Пэрини приходилось поддерживать его краткими замѣчаніями или заявленіями участія; при этомъ она только изрѣдка поднимала взглядъ съ вышиванья, которымъ была занята... Взглядъ этотъ былъ монастырскій, изподлобья, робкій и добродушный. Это давало Церерѣ возможность слушать, не вмѣшиваясь въ разговоръ.

Отношеніе между г. Зонненкампомъ и г-жею Пэрини были отмѣчены крайней вѣжливостью. Можно, пожалуй, сказать, что она служила ему для упражненій въ вѣжливости. Впрочемъ, сказать правду, онъ давно отослалъ бы ее, но она пристала къ нему также плотно, какъ-то кольцо «противъ ревматизма», которое онъ носилъ на пальцѣ. При ней можно было имѣть увѣренность, что за Церерой постоянно кто-нибудь ухаживаетъ. Когда они выѣзжали втроемъ, то дѣвицу Пэрини г. Зонненкампъ сажалъ рядомъ съ женою, а самъ садился на переднюю скамейку. Онъ не могъ отъ нея отдѣлаться, а потому старался быть какъ можно вѣжливѣе и обходился съ нею съ наружнымъ уваженіемъ. Надо, однако сказать, что у нея были въ самомъ дѣлѣ хорошія качества, и едва ли не лучшимъ изъ нихъ было полное отсутствіе капризовъ. Она была всегда одинакова, ровна, никогда не выскакивала впередъ, не навязывалась, но когда ее спрашивали, у ней всегда оказывалось мнѣніе, именно такое, которое ничего не разстроивало. Еще ни разу она не обижалась; если на нее не обращали вниманія, то она умѣла такъ держать себя, какъ будто вовсе того не замѣчаетъ; если съ ней вступали въ разговоръ, она вела его пріятно, даже остро; она постоянно трудилась, старалась для другихъ, а о себѣ не говорила вовсе.

Каждое утро, лѣтомъ и зимою, она ходила въ церковь и

Digitized by Google

всегда была одѣта, готова, хоть къ отъѣзду. Дома она знала все, гдѣ что̀ лежитъ, на дорогѣ не дѣлала никакихъ хлопотъ. Она постоянно что-нибудь вязала или вышивала, и скоро, въ районѣ часа ходьбы, не осталось ни одной церкви, гдѣ бы не было какой-нибудь ея работы, для алтаря или для ризницы.

Она прекрасно говорила на всѣхъ главныхъ языкахъ европейскаго континента, но увѣряла, что все еще не можетъ совладать съ нѣмецкимъ. Зонненкампъ, однако, былъ убѣжденъ, что она отлично понимала и по-нѣмецки, а только притворялась, будто не понимаетъ, съ цѣлью легко понятною.

Относительно Роланда, она держала себя холодно; она обращалась съ нимъ, какъ съ сыномъ хозяина, но не шла далѣе; даже отказалась исполнить желаніе Зонненкампа, чтобы давать мальчику уроки изъ иностранныхъ языковъ. Она не хотѣла выходить изъ роли, которая была ей назначена; она была воспитательницей Манны, а затѣмъ сдѣлалась компаньонкою Цереры; она была этимъ, не хотѣла быть ничѣмъ больше, и это-то давала ей прочное и почтенное положеніе.

Итакъ, чѣмъ дальше распространялся Зонненкампъ о воспитателѣ, котораго рекомендовалъ Пранкенъ, тѣмъ внимательнѣе слушала его госпожа Пэрини; при этомъ, она однакоже не произнесла ни слова, и только на вопросъ Зонненкампа, что̀ она подумала въ то время, когда въ первый разъ, въ Ниццѣ, представлялась ихъ семейству, — она сказала:

— Я была такѣ счастлива, что меня представилъ мой почтенный опекунъ, соборный пріоръ.

Роландъ выказывалъ нетерпѣніе и давалъ г-жѣ Пэрини знаки, чтобы она шла съ нимъ. Но Зонненкампъ попросилъ ее остаться у жены, и желая выказать сыну участіе къ его удовольствію, самъ пошелъ съ нимъ.

Собака подпускала къ дѣтенышамъ только Роланда; когда хотѣлъ подойти къ ней Зонненкампъ, то она заворчала и показала ему зубы. Онъ разсердился, но нечего было дѣлать, какъ пойти прочь.

Тогда Роландъ сбѣгалъ за своимъ лукомъ и сталъ стрѣлять во дворѣ по голубямъ и воробьямъ.

Вдругъ онъ остановился. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и ловко остановилъ своего коня.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

ПОЙМАННАЯ СТРѢЛА.

— Стрѣляй, мой милый! не бойся, я поймаю стрѣлу, крикнулъ всадникъ съ лошади. Мальчикъ остановился, какъ бы пораженный чудомъ.

Эрихъ много слышалъ о красотѣ Роланда, но все-таки былъ удивленъ при видѣ этого прелестнаго мальчика.

Какъ лукъ былъ натянутъ въ его рукахъ, такъ самъ мальчикъ стоялъ въ напряженномъ чувствѣ боязни и волненія. Всадникъ любовался этой картинкой. Мальчикъ стоялъ съ непокрытою головой, и фуражка его была брошена на большую собаку, которая лежала у его ногъ и въ эту минуту повернула голову къ нему, точно спрашивая, не слѣдуетъ-ли вскочить и прогнать этого незнакомца.

— Ну, чтожъ? Понудительно сказалъ пріѣзжій, стоя у воротъ; спускай же стрѣлу! Трусишь, что-ли?

Стрѣла взвизгнула съ лука, пріѣзжій наклонился въ сторону и поймалъ ее на-лету вѣрнымъ махомъ.

— Ты или плохой стрѣлокъ, или нарочно промахнулся, сказалъ онъ.

Мальчикъ смотрѣлъ на него въ удивленіи, и неподвижно держалъ предъ собою лукъ. Пріѣзжій подъѣхалъ ближе и слѣзъ съ лошади. Тогда мальчикъ спросилъ его:

— Ты не богатырь-ли Зигфридъ?

— Что-о, возразилъ Эрихъ весело; такъ ты знаешь о немъ? Нѣтъ, братъ. Онъ подалъ Роланду руку и тотъ взялъ ее. — Богатырь Зигфридъ, продолжалъ онъ, не ходилъ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ. Однако, помоги-ка мнѣ пристроить куда-нибудь лошадь.

— А лошадь эта похожа на верховую графа Вольфсгартена...

— Она и есть.

— Иванъ! крикнулъ мальчикъ, и на его зовъ появился конюхъ, который повелъ лошадь въ конюшню. Вслѣдъ за нею пошли Эрихъ съ Роландомъ. Скоро изъ ближняго сарайчика послышался имъ визгъ и что-то въ родѣ попытки лаять.

— У тебя тутъ гдѣ-то вблизи молодыя сен-бернардскія собаки, сказалъ Эрихъ.

— Да; а ты узналъ ихъ по визгу?

— Ну нѣтъ; по визжанью не узнаешь породы; я сейчасъ

Digitized by Google

видѣлъ здѣсь такую собаку; но по визгу я слышу, что онѣ еще слѣпы, и имъ должно быть менѣе двухъ сутокъ.

Мальчикъ посмотрѣлъ на Эриха, какъ будто бы тотъ былъ колдунъ; потомъ онъ отворилъ сарайчикъ и подозвалъ Эриха, но предупредилъ его не подходить слишкомъ близко, такъ какъ самка очень зла, и щенята теперь сосутъ ее.

Эрихъ все-таки подошелъ близко, и собака, посмотрѣвъ на него, не заворчала.

Мальчикъ опять удивился.

— Вотъ ты, вѣрно, можешь сказать мнѣ, отчего собаки родятся слѣпыми? спросилъ онъ.

Эрихъ улыбнулся. Охота задавать вопросы свидѣтельствуетъ о любознательности и понятливости ребенка; надо только чаще наводить его на такіе предметы, которые вызываютъ на вопросъ.

— Слѣпыми родятся, отвѣчалъ онъ, не однѣ собаки, а также кошки, орлы, коршуны. Можетъ быть у тѣхъ именно животныхъ, которымъ нужно особенно-проницательное зрѣніе, оно и развивается не вдругъ, такъ что про нихъ нельзя сказать, что они прямо родятся на свѣтъ. Да и человѣкъ, когда только-что родился, хоть и открываетъ глаза, но не видитъ.

На мальчика объясненіе незнакомца произвело сильное впечатлѣніе, тѣмъ сильнѣе, что незнакомецъ говорилъ какимъ-то особеннымъ, непосредственно захватывавшимъ вниманіе голосомъ.

Эрихъ и самъ находился уже нѣсколько дней въ состояніи напряженномъ, и теперь ему самому казалось, какъ будто онъ видитъ сонъ, именно одинъ изъ тѣхъ сновъ, въ которыхъ человѣкъ сознаетъ свое усыпленіе и говоритъ себѣ: это я во снѣ; надо проснуться! Все, что онъ видѣлъ, конечно, было дѣйствительность, однако ему казалось, будто онъ самъ, среди всего этого, только зритель. Онъ преодолѣлъ это чувство, такъ сказать отрезвился и спросилъ:

— Ты сынъ г. Зонненкампа, не правда-ли? Тебя зовутъ Роландъ?

— Роландъ-Франклинъ Зонненкампъ. А тебя?

— Эрихъ Дорнэ.

Мальчикъ задумался. Ему казалось, что имя это онъ уже слышалъ, и слышалъ недавно, но онъ не помнилъ хорошенько, какъ и когда.

— Вы капитанъ артиллеріи? спросилъ онъ, указывая на мундиръ Эриха.

— То-есть, я былъ. А ты знаешь мундиры?

— Да, знаю... а г. фонъ-Шранкенъ говоритъ мнѣ *вы*.

— Ну, а мы съ тобой, я думаю, ужъ будемъ на *ты*, какъ

Digitized by Google

начали, только и ты говори мнѣ также, сказалъ Эрихъ, и подалъ мальчику руку.

Рука эта была холодна; ясно было, что кровь прилила къ его сердцу. Онъ былъ удивленъ, покоренъ, независимо отъ своей воли.

— Если хочешь, началъ опять мальчикъ, я и тебѣ уступлю одну изъ моихъ собакъ. Двухъ я оставлю себѣ, одну буду выкармливать для сестры моей, Манны, четвертую дамъ барону Пранкену, а пятая, если хочешь, достанется тебѣ.

Эрихъ взглянулъ на мальчика съ удовольствіемъ. Эта охота дарить обнаружила хорошую натуру.

— Ты вѣрно помнишь обычай гомеровскаго времени давать всякому гостю почетный подарокъ на память? спросилъ онъ.

— Ничего я не знаю о Гомерѣ.

— Развѣ никто изъ учителей не говорилъ тебѣ о немъ?

— Они не только-что говорили, но еще ужасно хвалили его; только это — скучно.

Эрихъ перемѣнилъ разговоръ на прежнее, спрашивая:

— А кто тебѣ помогаетъ выкармливать собакъ?

— Есть ужъ такой мастеръ, егерь Клаусъ, который смотритъ за собаками; онъ будетъ доволенъ, когда я скажу ему, что ты по голосу щенковъ узналъ, сколько имъ дней.

Эрихъ на это кивнулъ. Ему казалось, что мальчика, который такъ сознательно усвоиваетъ себѣ новый фактъ, легко расположить къ пріобрѣтенію свѣдѣній, лишь бы только завладѣть его вниманіемъ.

Наконецъ, Эрихъ попросилъ мальчика, чтобы онъ велъ его къ отцу. Когда они выходили изъ конюшни, — одна пони, бѣлоснѣжной масти, наклонила голову и заржала.

— Это — мой Пукъ, сказалъ мальчикъ. Ясно, что онъ былъ въ восхищеніи отъ случая показывать незнакомому человѣку всѣ свои сокровища, какъ ребенокъ, который всегда приноситъ любимому «большому» свои игрушки, чтобы тотъ любовался ими. Эрихъ могъ только похвалить красивое животное, которое смотрѣло на него своими большими, добродушно-глуповатыми глазами.

Дорнэ взялъ мальчика за руку, и они пошли такъ черезъ большой садъ.

— А ты знаешь различать растенія? спросилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ не умѣю.

— Ну, и я тоже! воскликнулъ мальчикъ, точно радуясь, что и умный товарищъ его все-таки чего-нибудь не зналъ. Это общее незнаніе одного предмета какъ-будто сближало ихъ еще болѣе.

Digitized by Google

Когда они шли мимо одной гряды, на которой очищалась и подготовлялась земля для цвѣтовъ, — работавшій тутъ старичокъ, съ подслѣповатыми, но хитрыми глазами, снялъ шапку и поклонился.

— Не видалъ ли ты папеньки? спросилъ Роландъ.

— Онъ — вотъ тамъ, отвѣчалъ садовникъ, указывая въ ту сторону, гдѣ находились оранжереи.

Вотъ они и у длинныхъ оранжерей, сдѣланныхъ изъ матово-голубыхъ стеколъ. Въ открытую дверь былъ видѣнъ фонтанъ, бившій посреди бассейна, обложеннаго сѣрымъ мраморомъ и усѣяннаго камнями въ видѣ скалъ, обросшихъ водорослями. Деревья, зимовавшія въ оранжереѣ, стояли еще тутъ; спереди видны были нѣкоторыя захирѣвшія, заботливо обвязанныя по стволу и вѣтвямъ. Слышенъ былъ чей-то голосъ.

— Вонъ онъ тамъ, въ холодной оранжереѣ, сказалъ Роландъ.

Теперь Эрихъ попросилъ его, чтобы онъ шелъ назадъ, такъ какъ надо переговорить съ отцомъ его наединѣ. Мальчикъ стоялъ какъ вкопанный. Но тутъ Эрихъ велѣлъ ему идти, съ такимъ твердымъ выраженіемъ въ голосѣ, что Роландъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Когда Дорнэ пошелъ далѣе,—мальчикъ все еще стоялъ неподвижно; но скоро онъ повернулся, щелкнулъ пальцами и засвисталъ.

На минуту Эрихъ остановился, чтобы собраться съ мыслями, и протяжно дохнулъ. Что, если этотъ мальчикъ былъ ему родной? Если онъ встрѣтитъ тутъ пропавшаго дядю? Тихими, задумчивыми шагами направился онъ далѣе и вошелъ въ открытую дверь холодной оранжереи.

ГЛАВА III.

ПОДНЯТО ЗНАМЯ.

— Кто тамъ? Что вамъ угодно? спросила какая-то фигура, поднимаясь съ гряды чернозема. Отъ шеи до ногъ она была облечена въ блузу изъ сѣрой парусины, нѣчто въ родѣ мѣшка, похожее на одежду арестантовъ или умалишенныхъ.

— Что вамъ угодно? Кто вы? Къ кому вы? повторялъ вопрошающій.

— Мнѣ бы нужно господина Зонненкампа.

— А что вамъ угодно отъ него?

— Хочу ему представиться.

Digitized by Google

— Ну, такъ это — я. А кто же вы?

— Мое имя Эрихъ Дорнэ. Господинъ фонъ-Пранкенъ былъ такъ обязателенъ, третьяго дня вамъ....

— А! Вотъ вы кто! произнесъ Зонненкампъ, переводя дыханіе съ нѣкоторымъ усиліемъ. Руки его дрожали, когда онъ растегивалъ свою блузу. Принужденно улыбаясь, онъ сказалъ:

— Вы застали меня врасплохъ, въ моей рабочей одеждѣ. Онъ сложилъ блузу сверткомъ и бросилъ ее отъ себя; потомъ спросилъ:

— Развѣ не было по близости никого изъ слугъ? А вы постоянно бываете въ мундирѣ?

Стало быть, мундиръ испугалъ его? мелькнуло въ умѣ Эриха, и вглядываясь въ этого человѣка, онъ убѣждался, что это не можетъ быть его дядя.

— Мнѣ очень жаль, что я вамъ такъ помѣшалъ, началъ Эрихъ; онъ сознавалъ, что первое впечатлѣніе было неудачно, и это было ему непріятно.

— Убѣдительно прошу извинить меня, продолжалъ онъ, запинаясь; графъ Вольфсгартенъ, у котораго я гостилъ и который вручилъ мнѣ письмо къ вамъ, говорилъ мнѣ....

— Письмо отъ графа Вольфсгартена? Очень пріятно. Милости просимъ, сказалъ Зонненкампъ, принимая письмо. Наша первая встрѣча сопровождалась нѣкоторымъ испугомъ, но между нами, мужчинами, это не подастъ повода къ предчувствіямъ — я хотѣлъ сказать предразсудку, неловкому чувству....

При этихъ словахъ Зонненкампъ совсѣмъ перемѣнилъ тонъ; онъ говорилъ вкрадчиво, любезно, нѣжнымъ, даже какъ-будто умоляющимъ голосомъ.

Быстро пробѣгая строки Клодвига, онъ бормоталъ вполголоса: «очень радъ, очень пріятно»! Потомъ онъ поднялъ глаза съ письма на Эриха, и сдѣлавъ нѣчто въ родѣ поклона, сказалъ ему тономъ увѣренности, что мнѣнія ихъ будутъ согласны:

— Вотъ дворянинъ, — да; графъ Вольфсгартенъ именно таковъ, каковъ долженъ бы быть дворянинъ. Графиня Белла также, какъ и онъ, благоволитъ къ вамъ?

Въ послѣднихъ словахъ уже былъ оттѣнокъ ироніи.

Эрихъ отвѣчалъ ему съ нѣкоторою строгостью въ тонѣ и во взглядѣ:

— Оба супруга почтили меня любезнымъ вниманіемъ въ равной степени.

— Прекрасно, очень хорошо, заговорилъ снова Зонненкампъ. Однако выйдемте на воздухъ. Вы не знатокъ ли въ растеніяхъ?

Digitized by Google

Эрихъ выразилъ сожалѣніе, что пропустилъ время сколько-нибудь ближе ознакомиться съ ботаникою.

Когда они вышли изъ оранжереи, Зонненкампъ еще разъ осмотрѣлъ посѣтителя съ головы до ногъ. Тутъ только Эрихъ замѣтилъ, что, забывъ о своемъ мундирѣ, онъ снялъ фуражку. Осмотръ, которому его подвергалъ Зонненкампъ, заставилъ его почувствовать, что̀ значитъ, однако, частная служба, предоставленіе всей своей личности въ подчиненность одному человѣку.

Во взглядѣ Зонненкампа было нѣчто такое, что Эриху показалось, будто онъ стоитъ на невольничьемъ рынкѣ. Сознаніе это проявилось въ немъ еще опредѣленнѣе, когда Зонненкампъ вытянулъ руку и вдругъ какъ-то особенно сжалъ ее; Эриху подумалось, что этотъ человѣкъ вдругъ возьметъ его за подбородокъ, раздвинетъ губы, да и удостовѣрится, всѣ ли зубы цѣлы.

Но вскорѣ Эрихъ покачалъ головой, подумавъ, откуда это взялись такія странныя фантазіи, и съ гордостью выпрямилъ станъ; онъ видѣлъ, что передъ этимъ человѣкомъ нужно поддержать себя.

Зонненкампъ тотчасъ кликнулъ лакея и приказалъ приготовить завтракъ у фонтана.

— Вы пріѣхали верхомъ? спросилъ онъ.

— Да. Графъ Вольфсгартенъ любезно одолжилъ мнѣ лошадь.

— Съ сыномъ моимъ вы уже говорили?

— Да.

— Я радъ, что вы пріѣхали въ мундирѣ, замѣтилъ Зонненкампъ, и не счелъ нужнымъ спрашивать, каковъ Эриху показался мальчикъ.

Затѣмъ, Зонненкампъ, относясь къ Эриху, какъ-будто бы тотъ былъ не кто иной, какъ почетный, хорошо рекомендованный гость, сталъ показывать ему важнѣйшее свое сокровище, именно, рѣдкую по полнотѣ коллекцію вересковъ. Онъ толковалъ Эриху о разновидностяхъ, и въ концѣ прибавилъ:

— Я былъ тамъ, откуда происходитъ большая часть этихъ вересковъ; именно на Столовой-горѣ, на мысѣ Доброй-Надежды.

— Жалѣю, сказалъ Эрихъ, что вмѣсто меня здѣсь не стоитъ моя матушка; она бы полюбовалась на это великолѣпіе.

— А матушка ваша интересуется растеніями?

— Нашъ профессоръ ботаники хвалилъ ея познанія, но сама она всячески старается отклонить отъ себя и тѣнь ученой женщины. А вѣдь должно быть трудно содержать вмѣстѣ эти произведенія разныхъ климатовъ.

— Да, тѣмъ болѣе, что верески требуютъ умѣренной темпе-

Digitized by Google

ратуры и вмѣстѣ ровной степени влажности. Вамъ, вѣроятно, случалось замѣчать, что это растеніе, съ его нѣжными цвѣтами, засыхаетъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ его пересадятъ въ горшокъ, для подарка дамѣ. Растеніе это не сноситъ сухого комнатнаго воздуха.

Однако Зонненкампъ вдругъ остановился и улыбнулся про себя. Гость, повидимому, прибѣгалъ къ обыкновенному пріему, чтобы понравиться: онъ предоставлялъ богачу говорить о любимомъ предметѣ и выказывать познанія. «На такую грубую приманку меня не поймаешь», подумалъ Зонненкампъ.

— Сдѣлайте милость, снимите этотъ горшокъ съ подставки на землю, сказалъ онъ, указывая на вереск, имѣвшій видъ деревца.

Быстрый взглядъ Эриха упалъ на него, взглядъ, который показалъ Зонненкампу, что Эрихъ проникъ его мысль — испытать, умѣетъ ли Эрихъ служить, готовъ ли онъ покоряться.

Эрихъ исполнилъ просьбу съ большой готовностью, но Зонненкампъ уже рѣшилъ въ умѣ не принимать его къ себѣ въ домъ, несмотря на горячую рекомендацію Вольфсгартена. На это были двѣ причины. Незнакомецъ видѣлъ его въ чрезвычайномъ испугѣ, чѣмъ едва ли могъ похвалиться кто-нибудь другой; уже поэтому надо было сбыть его; но сверхъ того, оказывалось еще, что онъ претендовалъ на такое уваженіе, которое было бы стѣснительно.

Но во вниманіе къ отличной рекомендаціи, онъ хотѣлъ оказать Эриху у себя самый почетный пріемъ, какъ гостю. Онъ уже впередъ радовался при мысли, что подвергнетъ Эриха всестороннему испытанію, дастъ ему надуться сознаніемъ вѣрнаго успѣха и потомъ безъ всякаго объясненія отпуститъ его.

Вотъ что происходило въ умѣ Зонненкампа, въ то время, какъ онъ пошелъ назадъ и сталъ вставлять въ замокъ затворку двери отъ оранжереи. Рѣшеніе это было также крѣпко въ умѣ Зонненкампа, какъ ручка двери въ замкѣ.

— Вы, конечно, говорите по-англійски? спросилъ Зонненкампъ Эриха, когда увидѣлъ свою жену, сидѣвшую въ качельномъ креслѣ. Красной шали на ней уже не было; она была въ одномъ платьѣ, изъ блестящаго, золотистаго атласа.

— Капитанъ, докторъ... Виноватъ, какъ же ваше имя? спросилъ Зонненкампъ, представляя Эриха.

— Дорнэ.

Церера поклонилась едва замѣтно и, какъ будто бы Эриха тутъ и не было, замѣтила мужу досаднымъ тономъ, что онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, не сказалъ ни слова о ея новомъ платьѣ. Въ безпомощномъ недоумѣніи стоялъ Зоннен-

Digitized by Google

кампъ; онъ не могъ понять, что̀ бы значило это внезапное обращеніе жены. Считала ли она хорошимъ тономъ выказать такимъ образомъ свое пренебреженіе къ незнакомцу? Но такой искусной манерницей она не была. Какъ бы желая извинить эту выходку, Зонненкампъ обратился къ Эриху съ сообщеніемъ, что жена его любитъ яркіе цвѣта.

Эрихъ отвѣчалъ, въ тонѣ строгой правдивости, что онъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ г-жею Зонненкампъ; что и среди природы умѣстны яркіе цвѣта, что человѣкъ долженъ одѣваться яркими лучами, какъ цвѣты.

Церера улыбнулась на эту любезность, и Эрихъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, что однимъ изъ печальныхъ послѣдствій свѣтской манеры выражаться, онъ считаетъ склонность людей видѣть одну вѣжливость и лесть, въ выраженіяхъ правдивыхъ, когда они сколько нибудь пріятны. Онъ замѣтилъ, что такимъ образомъ слова лишались своей полной цѣны. Языкъ свѣта онъ сравнилъ съ запиской, приглашающей на вечеръ, въ которой зовутъ къ восьми часамъ, разумѣя въ половинѣ десятаго, такъ что тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ явился бы въ восемь, только привелъ бы хозяевъ въ замѣшательство.

Взглядъ Цереры переходилъ съ мужа на Эриха и опять на мужа, и такъ какъ никто не говорилъ ничего, то Эрихъ продолжалъ въ краткихъ, но характеристичныхъ словахъ излагать свое мнѣніе о естественности гармоніи между цвѣтами одежды человѣка и окружающей его природы. Однакоже вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ изложеніи своемъ зашолъ слишкомъ далеко, особенно, когда у него вырвалось сравненіе между легкими, облачными тканями, въ которыя одѣваются женщины, и одеждою птицъ.

Вдали показался Роландъ, и мать знàкомъ подозвала его къ себѣ. Приближаясь, мальчикъ показалъ на башню. Мать посмотрѣла вверхъ и улыбнулась; отецъ тоже посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, что на башнѣ развѣвалось знамя Сѣвероамериканскихъ Штатовъ.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ Зонненкампъ.

— Я, — отвѣчалъ Роландъ, улыбаясь съ выраженіемъ полнаго самодовольства.

— А когда?

Тутъ физіономія мальчика быстро измѣнилась, и онъ указалъ, мигая глазами, украдкою, на Эриха. Зонненкампъ сжалъ свою нижнюю губу между большимъ и указательнымъ пальцами руки, вытянулъ ее въ полукругъ, и кивнулъ самъ себѣ.

Взглядъ Роланда былъ замѣченъ Эрихомъ и сердце его радостно шевельнулось. Онъ спросилъ мальчика:

Digitized by Google

— Ты вѣрно гордишься тѣмъ, что ты — американецъ?

— Да.

Въ эту минуту явилась дѣвица Пэрини; когда ей представили Эриха, она взяла въ лѣвую руку свой перламутровый крестъ и сжала его, сама между тѣмъ очень церемонно кланяясь. По приглашенію Цереры, обѣ онѣ пошли въ домъ, а Зонненкампъ, Эрихъ и Роландъ остались одни.

ГЛАВА IV.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ И СПРОСЪ.

— Дай мнѣ руку, Роландъ, —.сказалъ Эрихъ. Мальчикъ протянулъ руку, обращая на Эриха довѣрчивый и веселый взглядъ.

— Мой юный другъ, продолжалъ Эрихъ, — благодарю тебя за то, что ты былъ такъ милъ; но теперь оставь насъ вдвоемъ; твоему отцу нужно переговорить со мною.

Отецъ и сынъ .съ удивленіемъ посмотрѣли на этого человѣка, который распоряжался такъ свободно и незастѣнчиво. Мальчикъ пошолъ, еще разъ кивнувъ Эриху на прощанье.

Зонненкампъ и Эрихъ, оставшись одни, довольно долго молчали. Хозяинъ предложилъ гостю большую, темную, кривую сигару; .сигары у него всегда лежали непосредственно въ карманѣ. Эрихъ взялъ сигару, и когда Зонненкампъ предложилъ ему огня, — онъ не взялъ спички у него изъ руки, а прямо поспѣшилъ закурить. Едва потянувъ дымъ, онъ сказалъ:

— Вы вѣрно согласитесь, что вѣжливость, побуждающая человѣка просить передать ему зажженную спичку, неумѣстна; изъза нея обыкновенно обжигаютъ себѣ пальцы.

Какъ ни незначительно само по себѣ было это замѣчаніе, оно, повидимому, должно было вести къ дальнѣйшему объясненію, а потому Зонненкампъ развалился въ креслѣ, подержалъ дымъ долго во рту, потомъ сложилъ губы въ кругъ и сталъ пускать дымъ на воздухъ правильными кольцами, которые, постепенно расширяясь, наконецъ исчезали.

— Вы уже теперь имѣете немалое вліяніе на мальчика, — сказалъ онъ наконецъ.

— Мнѣ кажется, что мы нравимся другъ другу, а это подаетъ мнѣ надежду, что я здѣсь могъ бы быть воспитателемъ. Только любовь можетъ воспитывать, какъ одна любовь создаетъ и образуетъ. Если художникъ не любитъ свое искусство, то онъ не создастъ ничего живого. Можетъ быть, иной способенъ полю-

Digitized by Google

бить всякаго ребенка потому именно, что его учитъ, но я могъ бы учить только того, кого полюбилъ.

— Прекрасно, превосходно, благородно. Но съ Роландомъ нужна строгость.

— Любовь строгости не исключаетъ, а напротивъ, включаетъ ее въ себя; кто любитъ, тотъ требуетъ совершенства и отъ себя, и отъ того, кого любитъ, стало-быть бываетъ очень требователенъ.

Зонненкампъ очень любезно кивнулъ на это, но въ выраженіи его лица проглядывало нѣчто саркастическое. Онъ положилъ руки на колѣни и, устремивъ глаза въ землю, сказалъ:

— О подобныхъ вещахъ найдемъ время поговорить и послѣ; теперь коснемся ближе личнаго вопроса. Итакъ, вы?..

— По спеціальности, я — филологъ, но посвятилъ себя преимущественно педагогикѣ.

— Знаю, знаю, — сказалъ Зонненкампъ, продолжая говорить какъ бы въ землю; но я просилъ бы коснуться именно личнаго вопроса.

Онъ не подымалъ глазъ и Эриху было крайне тяжело возвращаться къ описыванію самого себя. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ чувствуетъ себя человѣкъ, который сѣ бесѣды съ близкими товарищами, разгоряченный виномъ, приходитъ къ другому, совсѣмъ трезвому, да еще пытливому. Вчера онъ изложилъ свое положеніе Вольфсгартену свободно и отъ всей души, сегодня же ему приходилось дѣлать тоже самое для того, чтобы найти покупщика на рынкѣ. И оно такъ и есть! Продавцу всегда приходится болѣе заявлять и выставлять себя, чѣмъ покупщику. Сила богатства представлялась тутъ совсѣмъ въ новомъ видѣ, какъ тиранническая власть.

Эрихъ взглянулъ на широкій затылокъ и шею этого человѣка, который даже не удостоивалъ его взгляда, но скоро успѣлъ одолѣть почти обидное сознаніе, что долженъ просить работы. Вѣдь въ дѣйствительности не онъ искалъ, а онъ могъ дать. Гордость, самосознаніе выразились въ его тонѣ, когда онъ сказалъ коротко:

— Я предлагаю вамъ мой свободный трудъ.

При этихъ словахъ, Зонненкампъ, не перемѣняя своего положенія, быстро поднялъ голову и устремилъ на собесѣдника взглядъ, впрочемъ только на одно мгновеніе; потомъ онъ опять наклонилъ голову.

— Я хочу сказать, — продолжалъ Эрихъ, — что предлагаю вамъ и вашему сыну силу всего того, что во мнѣ есть, что я до сихъ поръ старался усвоить себѣ изученіемъ и опытомъ. При

Digitized by Google

этомъ, я думаю прежде всего только о томъ вознагражденіи, которое найду въ удовлетвореніи моей потребности дѣйствовать, и сознаю себя свободнымъ, такъ какъ то, что я могу здѣсь сдѣлать, я дѣлаю и для себя, стараясь осуществить все, къ чему я стремился, и на что признаю себя способнымъ.

— Мнѣ извѣстно, что такое свободный трудъ, — проговорилъ Зонненкампъ, смотря опять въ землю. Потомъ онъ выпрямился и сказалъ, съ улыбающимся лицомъ:

— Передъ вами — человѣкъ неученый. Полагаю, что мы скорѣе придемъ къ цѣли, если вы обратитесь ко мнѣ, какъ къ человѣку простому, которому прежде всего желательно знать сторону фактическую.

— Я надѣялся, — прервалъ его Эрихъ, — что рекомендація графа Вольфсгартена...

— Графа Вольфсгартена я цѣню высоко, болѣе чѣмъ кого-либо, — возразилъ Зонненкампъ, — однако...

— Вы правы, — согласился Эрихъ, — я разскажу вамъ все.

Была ли тому причиною сигара или непріятное положеніе, въ какомъ онъ находился, но Эрихъ почувствовалъ, что на лбу у него выступилъ потъ томленія. На всякій случай, онъ отложилъ сигару и теперь опять какъ будто съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ въ мундирѣ. Итакъ, онъ снова началъ разсказывать, что мундиръ онъ надѣлъ сегодня только потому, что такъ посовѣтовалъ графъ.

Тутъ Зонненкампъ опять совсѣмъ выпрямился; онъ чувствовалъ, что приготовился дать отпоръ этому человѣку, который, явившись незнакомымъ, попытался подчинить себѣ и жену его, и сына и даже его самого, такъ что самъ онъ, Зонненкампъ, казалось, былъ чужой въ своемъ домѣ. Но ему хотѣлось, чтобы проситель наговорился вдоволь, до утомленія.

— Продолжайте, г. капитанъ, — сказалъ онъ, кладя на столъ руку съ полусогнутыми пальцами и тотчасъ отнимая ее назадъ, какъ будто положилъ ставку въ игрѣ.

Эриху въ это время уже удалось призвать къ себѣ всю свою энергію и продолженіе его рѣчи было оттѣнено бойкимъ юморомъ, запечатлѣно совсѣмъ другимъ тономъ.

— Извините во мнѣ — началъ онъ — трудность для ученаго выйти изъ его привычныхъ пріемовъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ развитію характера самого героя всегда предшествуетъ описаніе положенія его родителей; хоть я не герой, и дѣло мнѣ предстоящее не требуетъ особенной доблести, но, съ вашего позволенія, я все-таки предложу вамъ свѣдѣніе о моемъ отцѣ и матери.

Digitized by Google

Затѣмъ Эрихъ коротко и ясно изложилъ еще разъ свою біографію. Помня совѣтъ Вольфсгартена, онъ не коснулся своего влеченія къ воспитанію арестантовъ, но за то ему припомнился теперь случай изъ жизни, про который онъ, непонятно почему, совсѣмъ было забылъ. Онъ разсказалъ, что однажды ему случилось испросить себѣ назначеніе состоять при приготовленіи пороха на заводѣ...

— И я ушелъ оттуда, потому что былъ возмущенъ слѣдующею выходкою моего начальника: когда вслѣдствіе какой-то, и до сихъ поръ неизслѣдованной причины, взорвало мельницу и при этомъ погибло четыре человѣка, то какъ вы думаете, что̀ сказалъ мой начальникъ? Онъ ни словомъ не выразилъ сожалѣнія объ участи погибшихъ, а сказалъ только: какъ жаль, порохъ былъ отличный!

— А какъ зовутъ его? спросилъ Зонненкампъ. Эрихъ назвалъ фамилію одного изъ знатнѣйшихъ людей въ княжествѣ. Къ немалому его удивленію Зонненкампъ произнесъ:

— Чудный человѣкъ; замѣчательная и сильная личность! Послѣ этого перерыва, Эрихъ съ трудомъ могъ спокойно продолжать свой разсказъ. Кончивъ его, онъ прибавилъ:

— Прошу только не счесть меня за человѣка вѣчно-колеблющагося, нигдѣ не находящаго спокойствія, на томъ основаніи, что я такъ часто мѣнялъ свое призваніе.

— Наоборотъ, замѣтилъ Зонненкампъ. Я довольно пожилъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, и могъ убѣдиться, что наиболѣе дѣльными людьми и бываютъ тѣ, которые сами создаютъ себѣ назначеніе. Кто мѣняетъ дѣятельность, тотъ побуждается или дѣйствительнымъ призваніемъ къ иному, или внѣшнею необходимостью... Позволите мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: считаете-ли вы возможнымъ, чтобы человѣкъ, который въ сущности изъ нужды или скажемъ, пожалуй, изъ покорности къ судьбѣ, принимаетъ такое положеніе—мнѣ бы не хотѣлось сказать положеніе служащаго, скажу — зависимость... Я ужъ нѣсколько разучился по-нѣмецки... то есть подобное мѣсто, думаете-ли вы, чтобы такой человѣкъ былъ способенъ къ занятію его? Не будетъ-ли онъ всегда чувствовать себя слишкомъ связаннымъ, тяготиться службою, сознавать себя несчастнымъ?

— Ваше открытое возраженіе дѣлаетъ мнѣ честь, отвѣчалъ Эрихъ; мнѣ хорошо извѣстно, что роль воспитателя связана съ готовностью къ услугамъ, отъ пробужденія и до новаго сна. Мнѣ особенно пріятно, что вы смотрите на это дѣло такъ глубоко и серьёзно.

Опять что-то мелькнуло въ лицѣ Зонненкампа, но Эрихъ, по-

Digitized by Google

видимому, не замѣтилъ этого, такъ какъ продолжалъ говорить голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе:

— Меня побуждаетъ искать мѣста воспитателя въ вашемъ домѣ не покорность судьбѣ. Я согласенъ съ вами, что тотъ, кто принялъ бы такую должность изъ нужды, не могъ бы исполнять ее, хотя этимъ я все-таки не хочу безусловно отрицать, что изъ самой нужды можетъ возникнуть и искреннее влеченіе, или, какъ говорятъ, и нужда обращается въ добродѣтель. Мои познанія не велики, но я учился такъ, какъ слѣдуетъ учиться, а потому считаю себя способнымъ учить. Въ доброй волѣ я не уступлю никому, и насколько могу судить самъ о себѣ, полагаю, что будь я поставленъ и въ самыя лучшія обстоятельства, я все-таки избралъ бы съ радостью для свободнаго труда именно преподаваніе.

— Почтенныя чувства, очень почтенныя; продолжайте, вставилъ Зонненкампъ и почти испугалъ Эриха: ему еще какъ бы слышалось эхо его собственныхъ, глубоко-прочувствованныхъ словъ, которыя были неожиданно прерваны такимъ образомъ. Зонненкампъ прибавилъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго тріумфа:

— Трудъ по влеченію, трудъ любительскій — хорошая вещь, но я предпочитаю педагога по ремеслу.

— Я въ этомъ убѣжденъ, возразилъ Эрихъ, и только удивляюсь такой практической увѣренности, которую, конечно, можно пріобрѣсть только въ Новомъ Свѣтѣ.

Съ принужденною развязностью онъ началъ снова:

— Въ интересѣ дѣла, я хотѣлъ бы выразить только одно желаніе, одно требованіе.

— То есть?

Зонненкампъ опять положилъ руку на столъ, какъ будто предстояло пустить ставку.

— Я бы желалъ, чтобы вы согласились, если это вамъ не будетъ непріятно, видѣть во мнѣ сперва, на нѣсколько дней, только гостя въ вашемъ домѣ.

Эрихъ замолчалъ. Онъ надѣялся, что Зонненкампъ тотчасъ отвѣтитъ утвердительно, но тотъ вынулъ изъ кармана новую сигару, и такъ какъ она трудно закуривалась, съ сердцемъ сломалъ ее и бросилъ въ кусты. На лицѣ его снова выступила краска и на губахъ его прошла ѣдкая усмѣшка. Онъ думалъ: какая самоувѣренность! этотъ молодой человѣкъ думаетъ, что если ему только удастся пріютиться въ гнѣздѣ на нѣсколько дней, то онъ обворожитъ всѣхъ, такъ что ужъ невозможно будетъ его и уволить. Посмотримъ.

Такъ какъ онъ упорно молчалъ, то Эрихъ прибавилъ:

Digitized by Google

— И для васъ, и для меня было бы всего удобнѣе до положительнаго соглашенія ближе познакомиться другъ съ другомъ; въ особенности же я желалъ бы этого по отношенію къ Роланду.

Зонненкампъ улыбнулся и сталъ слѣдить за двумя бабочками, которыя гонялись другъ за другомъ съ одного цвѣтка на другой; онъ едва слушалъ то, что Эрихъ говорилъ далѣе; а тотъ объяснялъ, что, какъ ему кажется, мальчикъ въ нѣкоторомъ смыслѣ не по лѣтамъ зрѣлъ, а въ другихъ отношеніяхъ еще слишкомъ не зрѣлъ, чтобы можно было допустить какое-либо его участіе, въ особенности же его голосъ въ выборѣ воспитателя. Поэтому, какъ доказывалъ Эрихъ, надо было, чтобы мальчикъ видѣлъ въ немъ сперва только гостя, а потомъ уже узналъ учителя; сверхъ того, Эрихъ выразилъ желаніе, чтобы для Роланда оставалось всегда тайною денежное вознагражденіе учителя, или, по меньшей мѣрѣ—самая цифра этого вознагражденія.

Какъ только упомянуто было о деньгахъ, Зонненкампъ, повидимому, тотчасъ пробудился отъ своего наблюденія за бабочками.

— А какую сумму вы бы потребовали? спросилъ онъ, и зажегъ новую сигару, которая уже давно была у него въ рукѣ.

Эрихъ отвѣчалъ, что опредѣлить цифру дѣло не его, а отца ученика. Зонненкампъ сталъ быстро раскуривать сигару, такъ что на концѣ ея вспыхнулъ даже огонекъ, и тутъ же объявилъ въ тонѣ умиленія, что, по его убѣжденію, въ сущности никакая сумма не можетъ быть признана достаточною платою за трудную должность воспитанія и ученія. Потомъ, углубившись въ кресло, онъ лѣвою рукою приподнялъ лѣвую ногу, переложилъ ее черезъ правую, и продолжалъ поддерживать ее, повидимому наслаждаясь самъ проявленіемъ своего великодушія.

— Не можете-ли вы объяснить мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, какого принципа и какой методы вы намѣрены держаться при воспитаніи моего сына?

— Какой методы буду держаться, этого я пока и самъ не знаю.

— Какъ? Вы еще сами не знаете?

— Методу укажетъ мнѣ самъ Роландъ, такъ какъ метода опредѣляется свойствами воспитанника. Позвольте мнѣ объяснить сравненіемъ, которое я заимствую изъ окружающей насъ обстановки: видите рѣку—чтобы управлять на ней судномъ, лоцманъ долженъ знать свойства ея дна и всѣ въ ней мели, тогда онъ можетъ избѣгать ихъ. Такъ и мнѣ предстоитъ прежде всего изслѣдовать буквально, каково у Роланда нравственное русло.

Эрихъ осмотрѣлся кругомъ, и продолжалъ:

Digitized by Google

— Или возьмемъ примѣръ еще больше близкій. Если вы замѣтите, что ваши слуги, ходя между вашимъ домомъ и службами, охотнѣе направляются прямо по двору черезъ лужайку, выложенную дерномъ, то вѣроятно вы — если только есть возможность — уступите этому естественному пути, а не станете своевольно и упорно настаивать на охраненіи формы вашей лужайки, какъ бы она ни соотвѣтствовала правиламъ садоустройства. По всей вѣроятности, вы воспользуетесь этою природною тропинкою и обратите ее въ правильную. Такова именно та метода, которую внушаютъ сами факты. А въ человѣкѣ есть тоже такіе пути.

Зонненкампъ усмѣхнулся; ему самому стоило сперва не мало труда и строгихъ подтвержденій охранять клумбу, усаженную кустарниками, посреди перваго двора, пока онъ, наконецъ, дѣйствительно, не провелъ тамъ дорожку.

— Согласенъ съ методою, отвѣчалъ онъ; — но принципъ?

При этомъ онъ самодовольно улыбнулся, сознавая всю проницательность своего анализа; противникъ далъ ему весьма удобный случай показать, что и самъ онъ довольно силенъ для умственной борьбы.

— Тутъ мнѣ придется начать нѣсколько издалека, отвѣчалъ Эрихъ. Та великая борьба, которая тянется чрезъ всю исторію человѣчества и чрезъ всю жизнь человѣка, нигдѣ не проявляется такъ рѣзко, какъ именно въ воспитываніи одного человѣка другимъ. Элементарныя силы, между которыми идетъ эта борьба, здѣсь являются одна передъ другой въ живыхъ лицахъ. Назовемъ это мы правомъ индивидуальности и авторитетомъ, или природою и исторіею...

— Я понимаю, понимаю, проговорилъ Зонненкампъ, когда Эрихъ немного остановился, боясь, не слишкомъ ли далеко зашелъ онъ въ общіе взгляды. Продолжайте, ободрилъ его Зонненкампъ. Эрихъ продолжалъ:

— Воспитатель долженъ представлять собою авторитетъ, воспитанникъ является тутъ какъ личность, одаренная отъ природы. Итакъ, задача въ томъ, чтобы постоянно установлять соглашенія, перемирія между обѣими борющимися силами, съ тѣмъ, чтобы изъ соглашеній этихъ возникла гармонія. Воспитывать ребенка совершенно индивидуально, значило бы ставить его внѣ условій общественной жизни и, ради свободы, лишать его солидарности въ жизни съ обществомъ или затруднять ему доступъ къ такой солидарности; поставить его безусловно подъ вліяніе дѣйствующихъ законовъ общества — значило бы лишить его прирожденныхъ ему правъ. Каждый человѣкъ, когда родится,

Digitized by Google

приноситъ съ собою свой законъ, но сверхъ того самъ поступаетъ подъ прежніе законы. Жанъ-Жакъ Руссо и французская революція сдѣлали именно ту большую ошибку, что, изъ отвращенія къ противо-разумнымъ преданіямъ, сочли возможнымъ, чтобы отдѣльный человѣкъ и отдѣльный періодъ могли все создать себѣ сами изъ себя. Человѣкъ-ребенокъ не вмѣщаетъ въ себѣ всего, что̀ ему нужно, но и не можетъ все заимствовать извнѣ. Вотъ почему я полагаю необходимымъ, чтобы постоянно, ежечасно, дѣйствовала смѣсь обоихъ элементовъ; именно природнаго и историческаго, и дѣйствовала незамѣтно. Дѣло въ томъ, что человѣкъ есть продуктъ природы и исторіи вмѣстѣ. Только послѣднимъ онъ и отличается отъ животныхъ и назначается наслѣдникомъ всей силы, выработанной и собранной до него.

Зонненкампъ наклоненіемъ головы выразилъ удовольствіе. Этотъ человѣкъ уже очень свободно пересаживаетъ сегодня ту мудрость, которой вчера наслушался съ каѳедры,—подумалъ онъ въ то время, какъ Эрихъ говорилъ далѣе:

— Только человѣкъ въ природѣ — наслѣдникъ; а наслѣдовать съ пользою — это самое трудное для человѣка искусство.

— Это мнѣ ново, позвольте попросить объясненія.

— Позвольте мнѣ изложить эту мысль подробнѣе: животное не получаетъ отъ природы и отъ произведшихъ его на свѣтъ ничего кромѣ личной силы и вѣчно-одинаковой степени способностей. Человѣкъ же получаетъ, кромѣ того, отъ родителей и человѣчества, силу, выработанную для него прежде его появленія на свѣтъ, силу, которая не тождественна съ его личностью, но которую онъ усвоиваетъ, въ которую онъ вступаетъ. Итакъ, одинъ человѣкъ наслѣдуетъ. И здѣсь, позвольте мнѣ сказать вамъ прямо, что я не знаю, чѣмъ — напримѣръ, вашему сыну — труднѣе распорядиться разумно: тѣмъ ли, что принадлежитъ ему какъ человѣку, или тѣмъ, что переходитъ къ нему наслѣдственно, какъ къ вашему сыну. А вѣдь значеніе большинства людей опредѣляется именно только тѣмъ, чѣмъ они обладаютъ. Какъ вы видите, я не мало цѣню и послѣднее, но...

— Богатство не преступленіе и бѣдность — не добродѣтель, прервалъ Зонненкампъ. Я хорошо понимаю, какъ глубоко и прекрасно вы разбираете все это. Признаюсь, мнѣ это воззрѣніе ново, и я полагаю, что вы рѣшаете вопросъ вѣрно, но спрашивается, можете ли вы, съ этими убѣжденіями, примѣниться къ воспитанію даннаго мальчика...

— Разумѣется, успокоилъ его Эрихъ, при воспитаніи я не стану безусловно замыкаться въ общіе принципы; тутъ все должно прійти само собою. Въ то время, когда заряжаешь ружье,

Digitized by Google

прицѣливаешься и стрѣляешь, конечно, не толкуешь себѣ теоретическихъ законовъ, которые обусловливаютъ все это, но надо быть знакомымъ съ ними, чтобъ операція была вѣрна.

Это изъясненіе утомило Зонненкампа, которому подобныя вещи были непривычны, и который, сверхъ того, находился подъ непріятнымъ сознаніемъ, что ему не только не удалось заявить себя съ особеннымъ достоинствомъ передъ гостемъ, но что тотъ даже порядочно умалилъ его.

— Извините, прервалъ тутъ конюхъ, появившись какъ разъ въ минуту, когда Эрихъ снова хотѣлъ подняться высоко. Зонненкампъ быстро всталъ, сказавъ, что это — часъ его прогулки верхомъ, и съ барской важностью простившись съ Эрихомъ, сдѣлалъ знакъ рукою, означавшій, что дальнѣйшее онъ откладываетъ до другого времени.

Затѣмъ онъ поспѣшно ушелъ. Въ эту минуту показался Роландъ и крикнулъ:

— Папаша, вѣдь мнѣ можно поѣздить верхомъ съ г. Дорнэ?

Зонненкампъ махнулъ утвердительно головою, и вскорѣ было видно, какъ онъ на бодрой лошади поѣхалъ по бѣлой дорогѣ вдоль берега. На конѣ онъ казался въ полной силѣ лѣтъ. Слѣдомъ за нимъ ѣхалъ конюхъ.

ГЛАВА V.

НОВЫЙ БАЛОВНИКЪ И НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ.

По распоряженію Роланда, для него и Эриха были осѣдланы пони и другая верховая лошадь. Они тотчасъ сѣли и поѣхали сперва шагомъ мимо деревни, которая начиналась тутъ же. На самомъ краю ея стоялъ домикъ съ закрытыми ставнями. Эрихъ спросилъ, чей это домъ и почему онъ запертъ. Роландъ разсказалъ, что домъ этотъ принадлежитъ его отцу; здѣсь жилъ архитекторъ, который строилъ виллу, а порою и самъ Зонненкампъ, когда пріѣзжалъ изъ Швейцаріи или Италіи во время постройки виллы и устройства парка.

— Ну, теперь скорою рысью! сказалъ Эрихъ; бери поводья лучше въ лѣвую руку. Вотъ такъ.

Весело неслись они рядомъ другъ съ другомъ. Вдругъ, лошадь Эриха испугалась и поднялась на дыбы, Роландъ вскрикнулъ, но Эрихъ его успокоилъ, и прибавивъ: «я съ нею слажу!» выпустилъ стремена и задалъ лошади такую работу, что отъ нея

Digitized by Google

повалилъ паръ; лошадь смирилась. Тогда онъ опять подъѣхалъ къ Роланду, который со страхомъ ждалъ на дорогѣ.

— Зачѣмъ же ты опустилъ стремена? спросилъ онъ.

— Потому, что я не хотѣлъ повиснуть на нихъ, еслибы лошадь бросилась на-земь.

Послѣ этого они опять спокойно поѣхали рядомъ. Эрихъ спросилъ:

— Какую поѣздку ты любишь больше: когда ѣдешь съ цѣлью, или когда просто скачешь, чтобы опять вернуться назадъ?

Роландъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ты не понялъ моего вопроса?

— Понялъ.

— Ну, что-жъ ты думаешь?

— Я лучше люблю ѣздить куда-нибудь въ гости.

— Я такъ о тебѣ и думалъ.

— Представь себѣ, сказалъ Роландъ, мнѣ опять хотятъ дать гувернера.

— Ага!

— Да мнѣ его не надо.

— А что-жъ тебѣ надо?

— Мнѣ хочется вонъ изъ дому, вонъ отсюда — въ кадетскій корпусъ. Отчего же Манну пустили въ монастырь? Они все толкуютъ, что маменька не станетъ ничего кушать, когда меня не будетъ; но вѣдь должна же она кушать и тогда, когда я буду офицеромъ.

— А ты хочешь быть офицеромъ?

— Да, а то чѣмъ же?

Эрихъ промолчалъ.

— А что, ты — дворянинъ? вдругъ спросилъ мальчикъ послѣ этой паузы.

— Нѣтъ.

— А тебѣ тоже хотѣлось бы сдѣлаться дворяниномъ?

— Сдѣлаться дворяниномъ нельзя.

Мальчикъ игралъ длинной гривою своей лошади; тутъ онъ оглянулся и увидѣлъ, что на башнѣ спускали флагъ. Онъ показалъ это Эриху и прибавилъ съ гордостью, что опять-таки поднимутъ его. Тонкія, пластически-прекрасныя и безцвѣтныя, казавшіяся порою истомленными, черты мальчика оживились напряженіемъ и краскою. Лицо его приняло вызывающее выраженіе.

Не касаясь обнаруженной имъ склонности къ своеволію, Эрихъ похвалилъ, что Роландъ гордится своимъ званіемъ американца.

— Въ Германіи я отъ тебя перваго слышу, что я въ этомъ

Digitized by Google

правъ! воскликнулъ мальчикъ въ живѣйшей радости. Господинъ фонъ-Пранкенъ и госпожа Пэрини постоянно насмѣхаются надъ Америкою; только ты.... Но извини меня, вѣдь это въ самомъ дѣлѣ не годится, что говорю вамъ — ты.

— Ну, ничего, говори ужъ по-прежнему, будемъ друзьями.

Мальчикъ протянулъ ему руку, и Эрихъ пожалъ ее съ теплымъ участіемъ.

— Вотъ и наши лошади — тоже друзья между собою, продолжалъ Роландъ. А что, у тебя дома много лошадей?

— У меня нѣтъ ни одной; я бѣденъ.

— Тебѣ хотѣлось бы быть богатымъ?

— Конечно; въ богатствѣ большая сила.

Роландъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ. Этого не говорилъ мальчику ни одинъ изъ его воспитателей. Всѣ они или выставляли богатство ничтожною, даже какъ-будто предосудительною вещью, или выхваляли его съ подобострастіемъ.

Послѣ молчанія, которое продолжалось не мало,—ясно, что мальчикъ усиленно думалъ объ Эрихѣ. Онъ опять обратился къ нему съ вопросомъ:

— По имени, ты, должно быть, французъ?

— Нѣтъ, я нѣмецъ. Мои предки переселились изъ Франціи. А сколько тебѣ было лѣтъ, когда ты пріѣхалъ въ Европу?

— Четыре года.

— Ты помнишь что-нибудь объ Америкѣ?

— Нѣтъ, но Манна помнитъ много. Мнѣ только помнится, точно какое-то жужжанье, пѣсня одного негра; но вспомнить ее хорошенько я не могу, и никто здѣсь не можетъ пропѣть мнѣ ее.

Они поднимались по горной дорогѣ, и тутъ имъ встрѣтился тотъ человѣкъ, котораго Эрихъ замѣтилъ еще прежде, когда тотъ работалъ надъ садовою землею. Человѣкъ этотъ сошелъ съ дороги и поклонился очень почтительно.

Они пріостановились, и Роландъ спросилъ Николая — такъ звали садовника — зачѣмъ онъ такъ рано возвращается домой.

Садовникъ отвѣчалъ, что онъ идетъ теперь домой только къ обѣду и потомъ пойдетъ въ лѣсъ, чтобы принесть той новой земли, которую нашелъ г. Зонненкампъ. Онъ разсказалъ далѣе, что тамъ, наверху, въ лѣсу, есть желѣзистый ключъ, у котораго г. Зонненкампъ велѣлъ раскопать почву и нашелъ желѣзистую землю. Въ эту-то землю онъ садитъ теперь гортензіи, и цвѣты ея перемѣняютъ свою тѣлесную краску на небесно-лазоревую. Садовникъ не могъ нахвалиться, что за необыкновенный человѣкъ г. Зонненкампъ: все-то онъ знаетъ и изъ всего умѣетъ

Digitized by Google

извлечь пользу; вотъ такъ-то немудрено сдѣлаться богатымъ, разсуждалъ садовникъ, потому что остальные, глупые люди ходятъ-себѣ по-бѣлу свѣту, въ которомъ разбросаны милліоны, да не знаютъ, гдѣ они лежатъ.

Когда они поѣхали дальше, и Эрихъ сталъ выражать свое удивленіе къ человѣку, который въ этомъ, какъ кажется, уже исчерпанномъ свѣтѣ, все еще дѣлаетъ открытія, точно Колумбъ. Узнавая такимъ образомъ изъ одного примѣра значеніе своего отца въ этомъ смыслѣ, Роландъ даже приподнялся въ стременахъ отъ удивленія; никогда еще ему не случалось слышать, чтобы кто-нибудь именно такъ хвалилъ его отца.

— Можетъ быть, ты хотѣлъ бы заѣхать къ кому-нибудь по близости? спросилъ Эрихъ.

— Нѣтъ, то-есть — да, я бы хотѣлъ повидать майора, но онъ теперь въ замкѣ. Смотри — вонъ, тамъ, наверху, въ деревнѣ, живетъ егерь Клаусъ, его называютъ также собачникомъ; у него наши собаки. Хочешь къ нему? Мнѣ надо же сказать ему, каковы щенки у Норки; за часъ передъ тѣмъ, какъ ты пріѣхалъ, онъ былъ у меня.

Эрихъ охотно согласился, и они, мелкою рысью, стали взбираться по отлогому склону, потомъ повернули въ сторону, остановились подлѣ небольшого домика и сошли съ лошадей.

Къ нимъ выбѣжали собаки разныхъ породъ и стали подскакивать къ Роланду. У Пука также оказались здѣсь знакомые, онъ сталъ заигрывать съ однимъ бурымъ терріеромъ. Изъ дому вышелъ старикъ и приложилъ руку къ фуражкѣ, по военному. На немъ была короткая, свѣтлосѣрая, шерстяная куртка, какую обыкновенно носитъ народъ на Рейнѣ, и которая даетъ прирейнскимъ жителямъ свободный и развязный видъ. Онъ курилъ изъ фарфоровой трубки, на которой яркими красками изображено было нѣчто въ родѣ апоѳеоза Наполеона.

Пріемъ, употребленный Роландомъ для представленія собачнику новаго своего друга, показалъ, что онъ съ подчиненными людьми умѣлъ обращаться повелительно.

— Ну-ка, снимай шапку еще разъ! сказалъ онъ егерю; представь себѣ, вотъ господинъ капитанъ тотчасъ узналъ, по одному виду, какой породы щенки Норки и сколько имъ времени.

— Это можно! Лай и визгъ собакъ бываетъ различенъ, смотря по тому, какова порода: умная или глупая; глупые люди тоже кричатъ и плачутъ совсѣмъ иначе, чѣмъ умные.

Сказавъ это, егерь самодовольно посмотрѣлъ на Эриха, держа трубку въ рукѣ.

Digitized by Google

— Вы правы, сказалъ Эрихъ, и, какъ мнѣ сдается, не мало испытали въ жизни, не мало и продумали про себя.

— Тоже можетъ быть, отвѣчалъ старикъ.

Онъ ввелъ посѣтителей въ комнату, и засмѣялся на вопросъ Эриха, какого святого былъ образъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— У меня только и есть одинъ святой, сказалъ онъ; это — святой Рохъ, изъ тамошней стороны, за рѣкою; люблю я его потому, что при немъ собака.

Въ комнатѣ было много птицъ въ клѣткахъ; щебетанье и пѣнье на разные лады было такъ громко, что едва можно было разслышать свой собственный голосъ. Съ видимымъ удовольствіемъ старикъ сталъ разсказывать Эриху, какъ онъ умѣетъ пріучать птицъ, живущихъ насѣкомыми, къ зерновому корму, какъ онъ разводитъ мучныхъ и другихъ червей для корма; наконецъ, онъ сталъ ворчать на Роланда за то, что тотъ не интересовался птицами.

— Да, я не люблю птицъ, — подтвердилъ мальчикъ.

— А я знаю почему, — сказалъ Клаусъ.

— Знаешь? Ну, почему-жъ?

— Тебя не занимаютъ птицы, когда онѣ летаютъ на волѣ, и не принадлежатъ тебѣ, а держать ихъ взаперти ты тоже не любишь. Вотъ собаки тебѣ нравятся больше, потому что онѣ бѣгаютъ на волѣ, а все-таки привязаны къ намъ.

Клаусъ кивнулъ Эриху, какъ будто хотѣлъ сказать: мы тоже не совсѣмъ глупы.

— Да, вы мнѣ нравитесь больше! — обратился Роландъ къ двумъ молодымъ лягавымъ собакамъ, которыхъ держалъ у себя на колѣняхъ, въ то время, какъ ихъ матка стояла подлѣ прижимаясь къ нему головою, и другія собаки тоже тѣснились къ нему.

— Все-таки, первое свойство собакъ — зависть и ревность, — замѣтилъ Эрихъ; — приласкай одну, тотчасъ и другія требуютъ ласки.

— Вонъ тамъ одна такая, что ей до этого и дѣла нѣтъ, — сказалъ Клаусъ, смѣясь.

Въ углу лежала маленькая собачка бурой шерсти; она только изрѣдка открывала глаза и мигала. Эрихъ замѣтилъ, что, судя по наружности, это должна быть гончая для лисицъ.

— Дѣло! Да, онъ знаетъ толкъ въ собакахъ! — воскликнулъ Клаусъ, обращаясь къ Роланду. Дѣло! Этого лѣсовика я вытащилъ изъ лисьей норы; невѣрный и недобродушный звѣрь; ему вѣрить нельзя; что ему ни давай, онъ никогда не будетъ благодаренъ и привязанъ.

Digitized by Google

Собака, лежавшая въ углу, тутъ опять открыла глаза, мигнула, и снова закрыла ихъ, какъ будто выказывая полное равнодушіе къ людскимъ толкамъ.

Роландъ вынулъ изъ клѣтки своихъ африканскихъ хорьковъ, чтобы показать ихъ Эриху; они, повидимому, узнали своего хозяина. Про одного изъ нихъ, золотисто-желтаго, онъ сказалъ, что это отчаянный бездѣльникъ; ему онъ далъ кличку Буханань. Клички другого онъ не хотѣлъ сказать; онъ въ самомъ дѣлѣ звался Кнопфъ; но на этотъ разъ Роландъ сказалъ только, что онъ зовется «Магистръ», и объяснилъ это тѣмъ, что онъ всегда надумывается прежде чѣмъ войдетъ въ клѣтку и подергиваетъ губами, точно собирается прочесть длинное нравоученіе.

Когда они вышли въ садъ, собачникъ показалъ Эриху свои колоды съ ульями. Потомъ, оборотясь къ Роланду, онъ прибавилъ:

— Да, Роландъ, цвѣты твоего папеньки служатъ и для моихъ пчелъ; жаль только, что добрымъ пчеламъ приходится летать такъ далеко, въ вашъ садъ. Дурного тутъ нѣтъ; мое стадо кормится на чужой пастьбѣ, а вѣдь до того еще не дошло на свѣтѣ, чтобы богатые могли запретить пчеламъ бѣднаго человѣка сосать медъ изъ своихъ цвѣтовъ.

Онъ сказалъ это съ рѣзкимъ взглядомъ, взглядомъ, въ которомъ выразилось все озлобленіе бѣднаго на богатаго. Потомъ онъ сталъ жаловаться, что Зонненкампъ держитъ только соловьевъ. Соловьи, правда, поютъ хорошо, но съѣдаютъ у пчелъ медъ, то-есть съѣдаютъ пчелъ вмѣстѣ съ медомъ; Клаусъ назвалъ соловья, къ которому люди такъ благоволятъ, свирѣпымъ убійцей пчелъ.

— Но, — возразилъ Эрихъ, — соловей не знаетъ, что пчелы даютъ медъ, и его нельзя обвинять за то, что онъ считаетъ пчелу вредной тварью, за истребленіе которой люди должны-молъ благодарить его. А впрочемъ, онъ пожираетъ пчелъ не намъ въ угоду, а себѣ въ сласть.

Клаусъ взглянулъ нѣсколько разъ то на Эриха, то на Роланда, и наконецъ кивнулъ, какъ будто соглашаясь, что оно пожалуй и такъ.

Тутъ Роландъ спросилъ, какъ идетъ дрессировка водолаза «Грейфа», и получилъ въ отвѣтъ, что онъ будетъ хорошо ходить на человѣка, но покамѣстъ еще слишкомъ дикъ и скачетъ неправильно, хотя уже хватаетъ. Роланду хотѣлось попробовать, но поденьщика, который служилъ для этого испытанія, не было дома. Тутъ Роландъ вспомнилъ, что старикъ садовникъ пошелъ домой и что онъ тоже согласится на пробу. Онъ побѣжалъ и привелъ съ собою садовника.

Digitized by Google

Въ то время, когда Роланда не было, Клаусъ быстро схватилъ Эриха за руку и сказалъ:

— Я хочу помочь вамъ, вы приберете его къ рукамъ, я ловко отдамъ вамъ его.

Эрихъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и тутъ старикъ сталъ объяснять, что онъ очень хорошо понялъ, зачѣмъ Эрихъ явился сюда, и что, взявшись за дѣло съ умѣньемъ, можно еще сдѣлать изъ Роланда порядочнаго человѣка. Онъ кончилъ, намекнувъ, съ хитрымъ взглядомъ, что Эрихъ вѣрно отблагодаритъ его за помощь.

Прежде, чѣмъ Эрихъ успѣлъ возразить что-нибудь, возвратился Роландъ съ садовникомъ, который далъ навязать себѣ на шею подушку и сталъ къ забору сада, взявшись за рѣшетины обѣими руками. Затѣмъ выпустили изъ кануры большую ньюфаундлендскую собаку, которая начала тяжело прыгать туда-сюда, но на свистокъ Клауса стала позади его.

Тутъ Клаусъ крикнулъ:

— Бери! Хватай!.. На его!

Собака въ нѣсколько прыжковъ пронеслась черезъ садъ къ человѣчку, стоявшему у забора, подскочила на него, схватила зубами за подушку на его шеѣ и стала теребить несчастнаго до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ; тогда она встала правою лапою ему на грудь и посмотрѣла назадъ, на Клауса.

— Браво, браво! — закричалъ тотъ; — ишь какой, настоящій сатана!

— Правда! — воскликнулъ Роландъ. — Сатана!... вотъ ему самое настоящее имя... Пусть онъ такъ и зовется! Сатана! Теперь во всемъ околодкѣ будутъ меня бояться.

Эрихъ испугался этой смѣлой самоувѣренности и этой способности быстро схватывать каждый случай. Поэтому онъ присоединился къ Клаусу, когда тотъ сталъ доказывать, что собакѣ, у которой уже есть всѣ зубы, нельзя перемѣнять клички.

— Это точно, — прибавилъ Клаусъ; — собака, которой перемѣняютъ имя, не слушаетъ клика.

— Къ тому же, — замѣтилъ Эрихъ, — такъ называть собаку и неправильно. Въ кличкѣ собаки долженъ быть звукъ «э» и названіе должно быть по возможности односложное; «э» удобно кричать громко.

— Вы ученый знатокъ, такой ученый, какого я еще не встрѣчалъ; вы знаете все, — умилялся Клаусъ въ похвалахъ Эриху, и при этомъ чрезвычайно самодовольно и немного украдкою кигалъ.

Между тѣмъ «Сатана» — Роландъ все-таки настаивалъ на этомъ имени — не хотѣлъ оставить упавшаго садовника, несмо-

Digitized by Google

тря на призывы Клауса и Роланда. Это было не въ порядкѣ, и собака отстала, но только тогда, когда ей показали плетку.

Роландъ наградилъ садовника деньгами, такъ что тотъ былъ очень доволенъ, униженно благодарилъ, и высказывалъ желаніе, чтобы ему по три раза въ день приходилось подвергаться такому нападенію собаки. Съ раздумьемъ смотрѣлъ на это Эрихъ. Можетъ ли такой богатый мальчикъ научиться любить людей, трудиться и дѣйствовать для свѣта, когда свѣтъ съ такою готовностью повергаетъ себя на его распоряженіе?

Когда Эрихъ съ Роландомъ уходили изъ избы, Клаусъ провожалъ ихъ нѣкоторое время, съ цѣлою сворой собакъ. Лошадей они вели на поводьяхъ, а Клаусъ обращался исключительно къ Эриху и выкладывалъ передъ нимъ всю свою премудрость въ воспитаніи собакъ.

Онъ считалъ себя чрезвычайно умнымъ, а всѣхъ ученыхъ—глупыми. Съ плутовскою миною, онъ принялся поучать самого Эриха. Поучительный разсказъ его состоялъ въ томъ, что съ собакою стоитъ заниматься только тогда, когда она уже вполнѣ владѣетъ своими членами и не спотыкается о собственныя свои лапы. По словамъ учителя, въ воспитаніи собаки очень важная статья, чтобы обращаться къ ней только съ короткими словами, просто кричать ей: пошолъ! сюда! — а никакъ не баловать ее длинными рѣчами; не слѣдуетъ пріучать ее, чтобы она думала, что она что-нибудь значитъ, цѣлые дни надо оставлять ее безъ вниманія и не принимать ея ласкъ; потому что какъ только начнешь слишкомъ возиться съ собакой, она точчасъ станетъ надоѣдливою. Онъ прибавилъ, что на охотѣ собакѣ можно внушить уваженіе только удачною стрѣльбою, и это необходимо особенно на первый разъ, когда берешь съ собою собаку на охоту; если вы подстрѣлите что-нибудь и собакѣ есть что принести, она станетъ привязана, вѣрна; если же будете давать промахи, то собака никогда не станетъ уважать васъ.

— Вы знакомы съ господиномъ Кнопфомъ? вдругъ спросилъ Клаусъ. Эрихъ отвѣчалъ отрицательно.

— Да, вотъ г. Кнопфъ, воскликнулъ Клаусъ, онъ говаривалъ мнѣ разъ сто, что школьные учителя всѣ должны бы идти ко мнѣ въ ученье. Собаки и люди схожи между собою, только собаки честнѣе; онѣ даютъ дрессировать себя и кусаются только тогда, когда хозяинъ приказываетъ.

Эрихъ съ удивленіемъ на него поглядѣлъ. Въ этомъ человѣкѣ проглядывала какая-то странная горечь, казавшаяся загадочной, и въ тоже время онъ-то именно и былъ другомъ мальчика. Эрихъ повернулъ лошадь назадъ, а Клаусъ съ улыбкой

Digitized by Google

слушалъ, какъ онъ ему говорилъ, что на животныхъ отчасти отражается разумъ тѣхъ людей, съ которыми они живутъ.

Клаусъ былъ очень доволенъ. Дойдя до равнины, онъ сталъ прощаться и, отведя Роланда въ сторону, сказалъ ему:

— Слушай, ты, шалунъ! Всѣ твои крѣпкоголовые учителя да наставники никуда не годятся. Вотъ для тебя человѣкъ! Такого слѣдовало бы твоему отцу пріобрѣсти, тогда изъ тебя, пожалуй, еще могло бы что-нибудь выдти. Но его вамъ, конечно, ни за какія деньги не добыть!

Клаусъ, повидимому, говорилъ это одному Роланду, но съ явнымъ намѣреніемъ быть услышаннымъ Эрихомъ, для того, чтобъ тотъ зналъ, что онъ долженъ быть ему благодаренъ.

Пока садились на лошадей, Клаусъ еще сказалъ:

— Извѣстно ли тебѣ, что твой отецъ покупаетъ вонъ всю ту гору? Проклятое стремленіе округлять свои владѣнія! Твой отецъ покупаетъ еще и всю Поповскую улицу. Черезъ сто лѣтъ ни одинъ клочекъ земли на этихъ покрытыхъ виноградомъ горахъ не останется во власти тѣхъ, которые теперь тамъ роютъ и гребутъ. Должно ли быть такъ? Справедливо ли это?

И онъ указалъ на далеко растилающіяся прибрежья Рейна.

Они легкой рысью поѣхали обратно къ виллѣ. Эрихъ рѣшился.

Онъ себѣ говорилъ: — Не слѣдуетъ болѣе покидать мальчика! — какъ вдругъ въ саду обвитаго виноградными лозами домика передъ нимъ мелькнула женская фигура и мгновенно скрылась за угломъ.

Увидѣлъ ли онъ въ дѣйствительности свою мать, или только живо себѣ ее вообразилъ? Въ немъ внезапно возникла мысль, что здѣсь непремѣнно должны жить его мать и тетка; этотъ домикъ съ садикомъ, кустарниками и прекраснымъ видомъ на далекій ландшафтъ, — все было какъ будто для нихъ приготовлено.

— Видѣлъ ты тамъ, въ саду, женщину? спросилъ онъ Роланда.

— Да, это фрейленъ Мильхъ.

— Кто такая фрейленъ Мильхъ?

— Ключница маіора.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

ЗАРАВОТАННЫЙ КУСОКЪ ХЛѢБА И ГУГЕНОТСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Возвратясь съ прогулки, Эрихъ и Роландъ узнали о пріѣздѣ Пранкена. Чемоданъ Эриха былъ уже отнесенъ въ его комнату. Камердинеръ Іозефъ отрекомендовался Эриху, какъ сынъ университетскаго слуги при анатомическомъ кабинетѣ, и въ выраженіяхъ трогательной благодарности разсказалъ, какъ отецъ Эриха подарилъ ему французскую грамматику, по которой онъ, состоя при бильярдѣ академическаго казино, въ свободныя минуты, заучивалъ вокабулы. То было первымъ шагомъ къ его настоящему положенію, и онъ изъявлялъ радость, что могъ наконецъ высказать свою признательность сыну человѣка, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ.

Іозефъ, помогая Эриху устроиться въ его комнатѣ, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія объ установленномъ въ домѣ порядкѣ. Обѣдъ, между прочимъ, считался главнымъ событіемъ дня, и къ нему всѣ являлись парадно одѣтыми, собираясь—лѣтомъ въ *Pleasurground*, а весной въ *Nizza*: такъ называлась прилегавшая къ террасѣ галлерея со сводами, куда солнце ударяло съ особенной силой.

Эрихъ снялъ мундиръ и отправился въ галлерею, гдѣ уже засталъ Пранкена, гуляющаго взадъ и впередъ съ фрейленъ Пэрини. Пранкенъ дружески подошелъ къ Эриху и привѣтствовалъ его ласковой улыбкой, съ одинаковой быстротой появлявшейся и исчезавшей на его лицѣ. Исполненный сознанія своего высокаго положенія въ свѣтѣ, онъ умѣлъ, когда хотѣлъ, выказывать безукоризненную учтивость, какъ будто даже не лишенную извѣстной доли добродушія. Но вскорѣ онъ опять присоединился къ фрейленъ Пэрини и возобновилъ съ ней прогулку и разговоръ.

Эрихъ стоялъ одинъ, и въ немъ боролась гордость съ сознаніемъ, что онъ, въ качествѣ наемщика, не долженъ быть слишкомъ взыскателенъ и легко обижаться. Къ тому же молчаніе Пранкена на счетъ того, въ какомъ положеніи находится дѣло Эриха о занятіи имъ желаемой должности, могло быть съ его стороны только утонченной деликатностью.

Вскорѣ явился и Роландъ, тоже въ другомъ костюмѣ; увидя Эриха въ статскомъ одѣяніи, онъ очень удивился.

— Твою сестру дѣйствительно зовутъ Манной? спросилъ Эрихъ.

Digitized by Google

— Да, то-есть ея настоящее имъ Германна, но обыкновенно всѣ называютъ ее Манной. А что?

Эрихъ хотѣлъ отвѣтить, что слышалъ, какъ это имя безпрестанно упоминалось въ разговорѣ Пранкена съ фрейленъ Пэрини, но не успѣлъ. Въ комнату вошелъ господинъ Зонненкампъ въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и туго натянутыхъ палевыхъ перчаткахъ. Онъ бодро, какъ-то особенно благодушно, раскланивался на всѣ стороны, точно намѣреваясь сказать: желаю вамъ хорошаго аппетита! Никогда не бывалъ господинъ Зонненкампъ такъ веселъ, какъ въ теченіи четверти часа, предшествовавшей обѣду.

Общество отправилось въ столовую — прохладную, четырехугольную со сводами комнату, которая освѣщалась сверху. Рѣзная, дубовая мебель здѣсь отличалась преимущественно прочностью. Въ большомъ буфетѣ красовались старинныя чаши и кубки, изящное венеціянское стекло и прекрасное массивное серебро. Что же касается до слуховъ, будто господинъ Зонненкампъ ѣстъ не иначе, какъ съ золотыхъ тарелокъ, то были чистыя сказки.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, въ столовой растворились настежъ обѣ половинки дверей. Два лакея въ кофейнаго цвѣта ливреяхъ, какъ почетная стража, остановились на порогѣ, черезъ который, съ величіемъ принцессы, переступила госпожа Церера. Она нѣсколько принужденно поклонилась присутствующимъ, а Пранкенъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и повелъ ее къ столу.

На каждаго гостя было по лакею, который, когда тотъ намѣревался сѣсть, пододвигалъ ему стулъ. Фрейленъ Пэрини на минуту остановилась у своего мѣста, облокотилась на спинку стула и, сжимая въ сложенныхъ рукахъ перламутровый крестъ, произнесла про себя молитву, перекрестилась и тогда уже сѣла.

Госпожа Церера и за обѣдомъ не снимала своихъ палевыхъ перчатокъ. Она едва прикасалась къ блюдамъ и вообще держала себя такъ, какъ будто явилась къ столу только затѣмъ, чтобъ не разстроить обѣда. При каждой новой перемѣнѣ она ожидала, чтобъ господинъ Зонненкампъ сказалъ:

— Скушай же что-нибудь, дитя мое.... прошу тебя!

Въ тонѣ, какимъ онъ это произносилъ, звучалъ двойной смыслъ, который не легко было опредѣлить. Иногда въ немъ слышался суровый укротитель звѣрей, дозволяющій укрощенному звѣрю насытиться лежащей передъ нимъ пищей, — а иногда заботливый отецъ, ласково уговаривающій своенравное дитя отвѣ-

Digitized by Google

дать кушанья, ради собственной пользы. Госпожа Церера ѣла только жаркое, да пирожное.

Пранкенъ велъ себя за столомъ, какъ прилично почетному гостю, на обязанности котораго лежитъ быть снисходительнымъ и сообщительнымъ съ хозяиномъ дома. Онъ живо описалъ Мангеймскую конную ярмарку, гдѣ купилъ бѣлую кобылу, которую теперь съ удовольствіемъ соглашался уступить господину Зонненкампу. Затѣмъ онъ нашелъ способъ сдѣлать пріятное и госпожѣ Церерѣ. Она питала сильную ненависть къ семейству «кавалера бутылки», которое вело себя очень сдержанно въ отношеніи къ ея дому. Пранкенъ разсказалъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ изъ жизни этого господина, гдѣ чванство и хвастливость играли главную роль, что̀, однако, не помѣшало ему избрать его себѣ въ спутники. Пранкенъ еще обладалъ способностью подражать голосу и манерамъ нѣкоторыхъ людей, и такъ смѣшно изображалъ ихъ особенности, что даже вызвалъ легкую веселость на утомленное лицо госпожи Цереры и раза два заставилъ ее улыбнуться.

Разговоръ шелъ на италіянскомъ языкѣ, довольно хорошо знакомомъ Пранкену, но на которомъ Эрихъ не совсѣмъ свободно изъяснялся.

Въ первый разъ въ жизни приходилось Эриху сидѣть за столомъ и молчать, почти наравнѣ со слугами.

Наконецъ, госпожа Церера, вѣроятно считая своей обязанностью не оставлять совсѣмъ безъ вниманія новаго гостя за своимъ столомъ, обратилась къ Эриху съ вопросомъ, живы ли еще его родители?

Пранкенъ поспѣшилъ съ покровительственной похвалой отозваться о личностяхъ отца и матери Эриха, особенно напирая на то обстоятельство, что послѣдняя происходила изъ древняго рода.

— Судя по вашей фамиліи, я приняла бы васъ за француза, замѣтила фрейленъ Пэрини.

Эрихъ еще разъ повторилъ, что его предки уже два столѣтія тому назадъ, какъ переселились въ Германію, и онъ самъ чувствуетъ себя вполнѣ нѣмцемъ, что̀, однако, не мѣшаетъ ему радоваться своему происхожденію отъ гугенотовъ.

— Что значитъ гугеноты?... Ахъ, да — это тѣ, что поютъ! воскликнула госпожа Церера, дѣтски радуясь тому, что сама съумѣла отвѣчать себѣ на свой вопросъ.

Всѣ съ трудомъ удержались отъ смѣха.

— Вы какъ будто гордитесь тѣмъ, что происходите отъ гугенотовъ? сказалъ Зонненкампъ.

Digitized by Google

— Горжусь, — не есть настоящее слово, возразилъ Эрихъ. Но вамъ извѣстно, что отъ пуританъ, гонимыхъ за вѣру, произошли доблестные граждане, нынѣ населяющіе Новый Свѣтъ. Подобно тому, какъ въ древнія времена греки, поселяясь въ Сициліи и Италіи, приносили туда съ собой и водворяли тамъ свое образованіе, такъ точно и пуританскіе выходцы распространили въ Новомъ Свѣтѣ свою цивилизацію.

Способъ, какимъ выражался Эрихъ, смѣлость, съ какой онъ коснулся одного изъ важнѣйшихъ историческихъ событій, дали разговору совершенно новое направленіе. Изъ легкой, шутливой, блестящей остроумными выходками и наполненной личностями, рѣчь внезапно перешла въ серьезную и коснулась вопросовъ важныхъ и общихъ. Роландъ понялъ это, съ гордостью посмотрѣлъ на Эриха и былъ счастливъ тѣмъ, что образъ мыслей и возвышенное настроеніе духа его друга имѣли такое вліяніе на всѣхъ.

Зонненкампъ, со своей стороны, призналъ въ Эрихѣ натуру исключительную, которая привыкла вращаться въ высшихъ сферахъ ума; онъ почти невольно почувствовалъ къ нему уваженіе и спросилъ:

— Но что же, по вашему, есть общаго между переселившимися въ Америку пуританами и гугенотами?

— Позвольте мнѣ сдѣлать еще одно коротенькое замѣчаніе, возразилъ Эрихъ. Новѣйшее время уничтожило строгое разграниченіе между національностями; такъ, напримѣръ, мы видимъ, что евреи, разсѣянные по всѣмъ странамъ, мало-по-малу входятъ въ составъ различныхъ народностей. Гордый, деспотическій король изгналъ изъ Франціи гугенотовъ, и гугеноты переселились въ Германію. Англійскіе переселенцы внесли въ Америку свое образованіе, — переселенцы изъ гугенотовъ, поселяясь среди образованнаго народа, должны были подчиниться образованію своего новаго отечества. Вы мнѣ позволите, господинъ Зонненкампъ, привести здѣсь въ примѣръ васъ самихъ?

— Меня? Какимъ образомъ?

— Вы — нѣмецъ и переселились въ Америку: переселяющіеся нѣмцы въ Новомъ Свѣтѣ становятся членами своего новаго отечества, и ваши дѣти сдѣлались американцами.

У Роланда заблистали глаза. За то Пранкенъ, — считалъ ли онъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что внезапное вмѣшательство въ разговоръ Эриха, его самого какъ бы отодвинуло на второй планъ, или онъ просто хотѣлъ смутить молодого человѣка, только, со смѣсью мнимаго добродушія и сожалѣнія въ голосѣ, онъ воскликнулъ:

Digitized by Google

— Съ вашей стороны очень любезно ставить евреевъ на одну ногу съ гугенотами, большинство которыхъ къ тому же было знатнаго происхожденія.

— Были мои предки знатны, или нѣтъ — мнѣ рѣшительно все равно, возразилъ Эрихъ: гугеноты посвятили себя торговлѣ и ремесламъ, и не далѣе, какъ мои предки, были золотыхъ дѣлъ мастерами. Но моя параллель между евреями и гугенотами требуетъ объясненія. На каждомъ обществѣ, гонимомъ за вѣру и переселяющемся на чужбину, лежатъ двѣ обязанности. Оно прежде всего должно выше всякой національности ставить интересы всего человѣчества, стремиться къ объединенію его и потому самому всѣми силами противодѣйствовать фанатизму или какому бы то ни было распаденію. Нѣтъ въ мірѣ религіи, которая сама по себѣ давала бы людямъ святость, такъ точно нѣтъ и національности, которая одна, сама по себѣ, дѣлала бы людей лучше и счастливѣе.

Пранкенъ и фрейленъ Пэрини въ изумленіи переглянулись, госпожа Церера ничего не поняла, а Зонненкампъ въ недоумѣніи покачалъ головой на гостя, который въ легкую застольную бесѣду съ такой смѣлостью внесъ свои широкіе, историческіе взгляды и идеи. Тѣмъ не менѣе имъ все сильнѣе овладѣвало впечатлѣніе, что передъ нимъ находится человѣкъ, далеко не дюжинный и привыкшій къ серьёзнымъ размышленіямъ.

— Вы мнѣ послѣ растолкуете это яснѣе, сказалъ онъ, стараясь отклонить дальнѣйшія пренія о томъ же предметѣ. Но Роландъ спросилъ:

— Людовикъ XIV, преслѣдовавшій твоихъ предковъ, тотъ же самый, который разорялъ города на Рейнѣ?

— Точно такъ.

Казалось разговору не суждено было возвратиться въ прежнюю колею, какъ вдругъ онъ былъ прерванъ появленіемъ на столѣ какого-то кушанья съ очень острой приправой. Роландъ хотѣлъ его взять, но отецъ ему запретилъ. Мать, замѣтивъ это, вдругъ рѣзко произнесла:

— Оставь его ѣсть, что онъ хочетъ!

Но взглядъ Эриха остановилъ мальчика; онъ положилъ на тарелку кусокъ, который уже подносилъ ко рту и сказалъ:

— Я лучше не стану ѣсть.

Зонненкампъ сдѣлалъ знакъ лакею, чтобъ онъ вторично наполнилъ стаканъ Эриха виномъ, какъ будто этимъ хотѣлъ выразить благодарность, которую въ настоящую минуту къ нему чувствовалъ.

Разговоръ послѣ этого шелъ вяло. Пранкенъ молчалъ, по-

Digitized by Google

тому-ли, что не находилъ болѣе ничего сказать, или потому, что хотѣлъ своимъ молчаніемъ внушить Эриху, какъ неумѣстна была его педантическая рѣчь, нарушившая всеобщую веселость.

Обѣдъ кончился. Фрейленъ Пэрини опять тихо помолилась про себя. Всѣ встали, лакеи быстро отодвинули стулья, и общество отправилось на веранду пить кофе изъ крошечныхъ чашекъ.

Церера покормила бисквитомъ своего бѣлаго попугая, который пронзительно вскрикнулъ: «На здоровье, на здоровье»! а затѣмъ опустилась въ кресло. Пранкенъ помѣстился на низенькомъ табуретѣ, почти у самыхъ ногъ ея.

Фрейленъ Пэрини выбрала себѣ мѣсто достаточно близкое къ нимъ, чтобъ въ случаѣ, если они того пожелаютъ, принять участіе въ ихъ разговорѣ, и настолько отдаленное, чтобъ въ противномъ случаѣ не мѣшать имъ бесѣдовать наединѣ.

Зонненкампъ знакомъ вызвалъ Эриха въ садъ, а Роландъ, не дожидаясь приглашенія, послѣдовалъ за ними.

Пришелъ слуга и доложилъ, что полевой сторожъ Клаусъ, находившійся въ эту минуту при недавно родившихся щенятахъ, проситъ молодого барина пожаловать къ нимъ.

— Иди! сказалъ отецъ.

— Я хотѣлъ бы остаться съ вами, произнесъ Роландъ съ дѣтской мольбой въ голосѣ и во взглядѣ, и быстро схватилъ Эриха за руку.

— Когда отецъ приказываетъ, ты долженъ повиноваться, спокойно замѣтилъ Эрихъ.

Роландъ пошелъ прочь отъ нихъ медленными шагами, по временамъ останавливался, но тѣмъ не менѣе все-таки оставилъ ихъ.

ГЛАВА VII

ЭКЗАМЕНЪ, ОКАНЧИВАЮЩІЙСЯ СМѢХОМЪ.

Оба въ теченіи нѣсколькихъ минутъ шли молча. Эрихъ былъ недоволенъ самимъ собой; онъ еще слишкомъ много жилъ въ своихъ мечтахъ и не умѣлъ сопротивляться побужденію, которое заставляло его со всѣми и каждымъ дѣлиться своими мыслями, стараясь при этомъ излагать ихъ какъ можно яснѣе и доступнѣе для своихъ собесѣдниковъ. Онъ дѣлалъ это подъ впечатлѣніемъ минуты, съ неподдѣльной наивностью, которая, однако, не исключала въ немъ сознанія своихъ богатыхъ мыслительныхъ силъ. Но въ слушателяхъ, вслѣдствіе всего этого, неизбѣжно должны были возникать сомнѣнія на счетъ степени приготовленности къ

Digitized by Google

жизни молодого человѣка, а также и подозрѣнія въ навязчивости.

Такъ полагалъ, по крайней мѣрѣ, самъ Эрихъ и минуту спустя послѣ своего увлеченія всегда впадалъ въ уныніе, а затѣмъ все-таки опять принимался за старое, опять выставлялъ себя въ двусмысленномъ свѣтѣ и мучился своей несостоятельностью. Какъ по волшебству угадывалъ Эрихъ, что нѣчто подобное теперь бродило въ головѣ у Зонненкампа, но при всемъ томъ онъ еще не зналъ, до какой степени казался Зонненкампу забавнымъ молодой мечтатель, который такъ усердно всѣхъ угощалъ своей вновь испеченной университетской ученостью. А впрочемъ и ему самому все это отчасти было знакомо. Восторженные юноши, сидя въ маленькихъ университетскихъ городкахъ и не имѣя передъ собой живыхъ людей, по неволѣ предаются фантастическимъ воззрѣніямъ на человѣчество и являются въ собственныхъ глазахъ великими мудрецами, способными управлять міромъ, но не призываемыми къ этой дѣятельности только вслѣдствіе неблагодарности. Подобно имъ и шедшій теперь съ нимъ рядомъ капитанъ-докторъ, казалось, долженъ былъ имѣть въ своемъ распоряженіи только ограниченный кругъ идей.

Зонненкампъ шелъ, тихо посвистывая, — такъ тихо, что никто, кромѣ его самого, не слыхалъ его свиста. И онъ умѣлъ при этомъ такъ складывать губы, что даже по движенію ихъ нельзя было угадать, что онъ свиститъ.

На небольшомъ возвышеніи онъ сѣлъ самъ и указалъ Эриху на стулъ возлѣ себя.

— Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, сказалъ онъ — что фрейленъ Пэрини ревностная католичка, да и весь домъ мой принадлежитъ къ одному съ ней исповѣданію. Смѣю васъ спросить, къ чему вы такъ настойчиво выставляли на показъ ваше гугенотское происхожденіе?

— Для того, чтобы съ самаго начала вполнѣ высказаться передъ вами; никто не долженъ во мнѣ ошибаться.

Зонненкампъ снова довольно долго помолчалъ, потомъ сказалъ, опрокидываясь на спинку стула:

— Я господинъ въ своемъ домѣ и объявляю, что ваша исповѣдь не воспрепятствуетъ вамъ вступить въ него. Но — онъ опять наклонился впередъ, сложилъ руки на колѣняхъ и устремилъ на Эриха пристальный взглядъ — но сегодня со мной случилось то, чего еще никогда не случалось: я чуть не свалился съ лошади, обдумывая во время прогулки все, что вы мнѣ передали..... словомъ, главный вопросъ. Какъ, вы полагаете, слѣдуетъ воспитывать мальчика, который уже знаетъ, что ему нѣтъ на-

Digitized by Google

добности ни къ чему готовиться, такъ какъ онъ со временемъ будетъ обладателемъ цѣлаго, — или лучше сказать, — нѣсколькихъ милліоновъ?

— На это я вамъ могу отвѣчать самымъ положительнымъ образомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я васъ слушаю.

— Отвѣтъ очень простъ: такого мальчика совсѣмъ нельзя воспитывать.

— Какъ! совсѣмъ нельзя?

— Да. Его воспитать можетъ одна судьба. Намъ же остается только упражнять его и пріучать настоящимъ образомъ распоряжаться и управлять своей силой.

— Распоряжаться и управлять, — повторилъ про себя Зонненкампъ. Такъ и я долженъ сказать, что вы не болѣе, какъ подтверждаете заключеніе, къ которому я уже не разъ приходилъ. Только боецъ, — человѣкъ выработавшій въ себѣ мужество и энергію, одинъ можетъ въ наше время произвести что-нибудь значительное: проповѣдями да книгами ничего не пріобрѣтешь, не одолѣешь стараго и не создашь новаго порядка вещей.

Измѣнившимся, почти вкрадчивымъ голосомъ Зонненкампъ продолжалъ:

— Вамъ можетъ показаться забавнымъ, что я, человѣкъ съ малыми свѣдѣніями, посреди тревогъ дѣловой жизни неимѣвшій времени пріобрѣсти прочныхъ познаній, повидимому, экзаменую васъ. Но будьте увѣрены, я васъ распрашиваю гораздо болѣе въ видахъ собственной пользы. Я уже вижу, что мнѣ самому придется учиться у васъ даже больше чѣмъ Роланду. Сдѣлайте милость, скажите, какъ бы вы... вообразите себя отцемъ въ моемъ положеніи... Какъ бы вы воспитали вашего сына?

— Я полагаю, — возразилъ Эрихъ — что мы, съ помощью воображенія, многое можемъ себѣ представить, но положеніе, созданное таинственнымъ процессомъ природы, возможно постигнуть только однимъ опытомъ: на это не хватитъ никакой фантазіи. Позвольте же отвѣчать вамъ съ точки зрѣнія человѣка посторонняго.

— Извольте.

— Отецъ мой былъ воспитателемъ принцевъ, и я нахожу, что его задача была легче.

— Однако вы не ставите богатства выше власти?

— Нисколько. Но въ каждомъ принцѣ уже съ самаго ранняго возраста пробуждается сознаніе долга, и то гордость, то чувство чести побуждаютъ поступать сообразно съ его высокимъ саномъ. Представительность, играющая столь важную роль въ жизни го-

Digitized by Google

сударей, съизмала является имъ обязанностью, а потомъ превращается у нихъ въ привычку. Подчиняющееся силѣ, въ свою очередь становится силой.... Простите студенческую привычку.... улыбаясь сдѣлалъ оговорку Эрихъ.

— Продолжайте пожалуста: мнѣ очень любопытно...

Зонненкампъ снова откинулся назадъ и приготовился слушать дальнѣйшее развитіе идей Эриха съ такимъ же вкусомъ, съ какимъ люди ѣдятъ лакомыя блюда. Поневолѣ человѣкъ станетъ фантазировать, когда не можетъ назвать своимъ ни стула, на которомъ сидитъ, ни клочка земли, на которомъ стоитъ. Другое дѣло онъ, Зонненкампъ: онъ съ гордостью называетъ своею всю окружную мѣстность и, по словамъ собачника, въ состояніи скупить всѣ берега Рейна.

— Продолжайте, — сказалъ онъ, закуривая сигару.

— Какъ оно ни странно съ перваго взгляда — началъ опять Эрихъ — а то обстоятельство, что принцамъ уже въ колыбели даютъ военные чины, далеко не лишено смысла. Лишь только въ ребенкѣ пробуждается сознаніе, онъ уже видитъ отца, всегда покоряющагося предписаніямъ долга. Я не намѣренъ опровергать, что этотъ долгъ иногда принимается очень легко, если не вовсе оставляется безъ вниманія, — но тѣмъ не менѣе онъ существуетъ, и хоть тѣнь его постоянно на виду. Иное дѣло сынъ богатаго человѣка: ему обязанности, налагаемыя богатствомъ, не представляются съ такой неотразимой силой. Онъ видитъ благотворительность, стремленіе къ общему благу, гостепріимство, но все это въ его глазахъ не имѣетъ значенія непремѣнныхъ обязанностей, а является только въ видѣ личныхъ наклонностей.

— Вы... вступаете на почву историческихъ обязанностей.... У васъ положительный талантъ воспитателя: я это испытываю на себѣ и мнѣ только остается благодарить васъ и графа Клодвига.

Зонненкампъ съ наслажденіемъ—было задался задачей вполнѣ выпытать у Эриха его образъ мыслей и тѣмъ самымъ доставить ученому идеалисту случай высказаться. Его пріятно щекотало то, что Эрихъ все это говоритъ единственно для его удовольствія, а не потому, чтобы онъ, Зонненкампъ, въ этомъ нуждался. Онъ былъ не прочь заглянуть въ страну идеаловъ: тамъ все такъ чисто и прибрано, — но для этого достаточно было одного часа, пожалуй, половины дня. И вдругъ онъ, сверхъ всякаго ожиданія, почувствовалъ себя заинтересованнымъ. Онъ взялъ Эриха за руку и сказалъ:

— Вы дѣйствительно отличный учитель!

Эрихъ оставилъ похвалу безъ отвѣта и продолжалъ:

Digitized by Google

— Я высоко цѣню богатство; оно громадная сила, доставляющая свободу и самостоятельность.

— Вы правы — отвѣчалъ Зонненкампъ. — Но знаете ли вы, чего можно всего сильнѣе желать и чего нельзя купить ни за какія деньги?

Эрихъ отрицательно покачалъ головой. Зонненкампъ продолжалъ:

— Вѣры! Третьяго дня здѣсь хоронили одного бѣднаго виноградаря. Я отдалъ бы половину моего состоянія, чтобъ пріобрѣсти на послѣдніе годы моей жизни вѣру, подобную той, какая воодушевляла его. Сначала я недовѣрчиво слушалъ доктора, когда тотъ утверждалъ, будто бѣдный виноградарь представляетъ изъ себя цѣлый лазаретъ болѣзней, но потомъ убѣдился. И посреди всѣхъ этихъ страданій онъ неизмѣнно твердилъ: — Спаситель нашъ еще болѣе моего страдалъ, и Господь вѣдаетъ, къ чему мнѣ все это посылаетъ! — Такая вѣра не стоитъ ли всѣхъ милліоновъ въ мірѣ? А затѣмъ я васъ спрашиваю: чувствуете ли вы себя въ состояніи внушить ее моему сыну, не дѣлая его въ тоже время рабомъ обрядовъ и поповъ?

— Едва-ли. Но есть другого рода душевное спокойствіе, которое достигается посредствомъ разума.

— Вы думаете? Въ чемъ же оно состоитъ?

— По моему мнѣнію—въ счастливомъ сознаніи, что по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствуешь благосостоянію ближнихъ.

— Какимъ счастіемъ было бы для меня имѣть въ дѣтствѣ наставника, подобнаго вамъ! — воскликнулъ Зонненкампъ уже совсѣмъ другимъ тономъ.

Эрихъ отвѣчалъ:

— Вы не могли мнѣ сказать ничего пріятнѣе, — ничего, что могло бы меня болѣе ободрить.

Быстрое движеніе рукой, какъ будто онъ отъ себя что-нибудь отталкиваетъ, служило знакомъ, что Зонненкампомъ овладѣвало не совсѣмъ-то пріятное расположеніе духа. Постоянныя возраженія Эриха утомляли его: онъ ни къ чему подобному не привыкъ, и самолюбіе его начинало страдать отъ этой игры, въ которой Эрихъ никогда не оставался у него въ долгу, но постоянно держалъ его въ ожиданіи сдачи.

Въ теченіи довольно долгаго промежутка времени слышно было только журчанье ручья, тихій плескъ волнъ Рейна и щелканье соловьевъ, которые неутомимо пѣли въ кустахъ.

— Были вы когда-нибудь игрокомъ? — неожиданно спросилъ Зонненкампъ?

— Нѣтъ.

Digitized by Google

— Или страстно влюблены?.. Вы удивляетесь, что я допрашиваю васъ съ цѣлью узнать, откуда у васъ эта зрѣлость?

— Можетъ быть, я обязанъ заботливому воспитанію и серьезному занятію наукой тѣмъ, что вы такъ снисходительно называете во мнѣ зрѣлостью.

— Такъ. Но вы болѣе нежели воспитатель.

— Если это правда, то мнѣ остается только радоваться. Я полагаю, лишь тотъ человѣкъ можетъ произвести что-нибудь дѣйствительно дѣльное и полезное, который видитъ нѣсколько дальше, чѣмъ того требуетъ непосредственно ближайшій кругъ его дѣятельности.

Опять легкая тѣнь пробѣжала по лицу Зонненкампа, и онъ сдѣлалъ прежнее движеніе рукой. Столь быстрые и прямо идущіе къ цѣли отвѣты изумляли и смущали его.

Вдругъ въ боковой аллеѣ послышались голоса Пранкена и фрейленъ Пэрини.

— Вы должны постараться, — сказалъ Зонненкампъ, поднимаясь съ мѣста — стать въ хорошія отношенія съ фрейленъ Пэрини. Она тоже.... она особа съ вѣсомъ, и ее не легко узнать. Къ тому же она имѣетъ одно важное преимущество надъ большинствомъ мнѣ извѣстныхъ людей, — а именно: она обладаетъ въ высшей степени ровнымъ характеромъ.

— Къ сожалѣнію, я не могу тѣмъ же похвастаться и заранѣе прошу извиненія, если....

— Не надо. Но вашъ другъ Пранкенъ отлично умѣетъ ладить съ фрейленъ Пэрини.

Эриху показалось нечестнымъ скрыть отъ Зонненкампа то, что онъ не считаетъ себя вправѣ называться другомъ Пранкена. Они, правда, сначала въ корпусѣ, а потомъ въ гарнизонѣ были довольно близки между собой, но никогда не сходились вполнѣ во мнѣніяхъ и взглядахъ, и стремленія его, Эриха, далеко не соотвѣтствовали стремленіямъ наслѣдника маіоратства. Онъ чувствовалъ доброту, съ какой Пранкенъ облегчилъ ему вступленіе въ домъ господина Зонненкампа, но истина всегда должна имѣть преимущество надъ благодарностью.

Зонненкампъ снова про себя засвисталъ: онъ былъ до крайности пораженъ такого рода искренностью и началъ подозрѣвать въ Эрихѣ опытнаго дипломата, который считаетъ мудрымъ отвергать всякую благодарность. Этотъ человѣкъ или благороднѣйшій изъ идеалистовъ, или тончайшій изъ хитрецовъ.

Эрихъ мгновенно почувствовалъ всю несвоевременность своего признанія, но какъ было ему предвидѣть, что этимъ онъ уничто-

Digitized by Google

жить благопріятное впечатлѣніе, которое передъ тѣмъ успѣлъ произвести на Зонненкампа.

Между тѣмъ они встрѣтились съ Пранкеномъ и съ фрейленъ Пэрини. Зонненкампъ дружески взялъ перваго подъ руку и отошелъ съ нимъ въ сторону.

Эрихъ остался вдвоемъ съ фрейленъ. Она держала въ рукахъ миніатюрную работу и, съ помощью крошечныхъ инструментовъ и тончайшей нитки, съ изумительной быстротой выводила кружевную гирлянду. Эрихъ говорилъ съ ней въ первый разъ и въ первый же разъ замѣтилъ, съ какой любовью она занималась своей работой. Вообще они держали себя въ отношеніи другъ друга какъ по взаимному договору: мы будемъ по возможности другъ друга избѣгать, а когда случай столкнетъ насъ, сдѣлаемъ видъ, будто никогда прежде не встрѣчались.

Въ противоположность полному, звучному голосу Эриха, фрейленъ Пэрини говорила нѣсколько глухо и хрипло. Замѣтивъ при этомъ выразившееся на лицѣ Эриха удивленіе, она сказала:

— Я вамъ очень благодарна, что вы у меня не спрашиваете, не охрипла ли я? Вы себѣ представить не можете, до какой степени мнѣ надоѣло всѣмъ и каждому съизнова объяснять, что я такъ говорю съ самаго дѣтства.

Эрихъ отвѣчалъ въ томъ же дружелюбномъ тонѣ и разсказалъ анекдотъ объ одномъ изъ своихъ друзей, который родился 28-го февраля. Всякій, кто объ этомъ узнавалъ, непремѣнно замѣчалъ ему: «Счастье ваше, что вы родились не 29-го февраля, а то вамъ приходилось бы праздновать день вашего рожденія только разъ въ четыре года». Другъ, наконецъ, самъ привыкъ говорить при каждомъ удобномъ случаѣ: «Я родился двадцать восьмого февраля: счастье для меня, что не двадцать девятаго, а то мнѣ приходилось бы праздновать день моего рожденія только разъ въ четыре года».

Фрейленъ Пэрини отъ души захохотала, и Эрихъ послѣдовалъ ея примѣру.

— О чемъ вы смѣетесь? спросилъ Зонненкампъ, подходя къ нимъ. Ничего въ мірѣ не любилъ онъ такъ, какъ смѣхъ.

Фрейленъ Пэрини повторила ему разсказъ Эриха о его другѣ, и Зонненкампъ въ свою очередь разсмѣялся.

Такимъ образомъ день былъ вышелъ какъ будто веселый.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

ГЛАЗА РАСКРЫВАЮТСЯ.

Пока Эрихъ съ Зонненкампомъ разговаривали въ саду, Роландъ съ Клаусомъ сидѣлъ у щенятъ. Клаусъ спросилъ, все ли уже покончено съ капитаномъ? Роландъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Клаусъ про себя усмѣхнулся и подумалъ, что можетъ изо всего этого извлечь себѣ двойную выгоду.

— Что ты мнѣ дашь, если я устрою такъ, что капитанъ останется здѣсь въ качествѣ твоего пріятеля и учителя?.. — У-у! внезапно прервалъ онъ себя: у него лицо точно у собакъ, когда они въ первый разъ открываютъ глаза.... Ну, говори.... что ты мнѣ дашь?

Роландъ молчалъ; въ мысляхъ его все смѣшалось и перепуталось, а щенята вокругъ запрыгали и завертѣлись.

Между тѣмъ, подошелъ Іозефъ; онъ отозвался о родителяхъ Эриха какъ о святыхъ, и въ заключеніе сказалъ:

— Вы правы гордиться, господинъ Роландъ: отецъ Эриха былъ воспитателемъ принцевъ, а самъ онъ будетъ — вашимъ.

Роландъ все еще не могъ говорить.

— Скорѣй затвори ставни! вдругъ закричалъ Клаусъ.

Іозефъ исполнилъ его приказаніе. Клаусъ взялъ въ руки одного изъ щенятъ, приподнялъ ему вѣки и воскликнулъ:

— Теперь я видѣлъ: у нихъ только-что открылись глаза! Не надо впускать сюда свѣта, иначе собаки испортятся.

Занявшись собаками, Клаусъ забылъ свой двойной и хитрозадуманный планъ. Онъ вмѣстѣ съ Роландомъ и Іозефомъ вышелъ на дворъ, а Роландъ вскорѣ совсѣмъ ихъ оставилъ. Онъ увидѣлъ отца, сидящаго съ Эрихомъ, и ему стало досадно на послѣдняго. Зачѣмъ онъ ему съ самаго начала не сказалъ, кто онъ такой?

Но досада его скоро разсѣялась, и онъ охотно поспѣшилъ бы къ Эриху, чтобъ обнять его, однако превозмогъ свое желаніе и показался только послѣ того, какъ услышалъ смѣхъ.

Довѣрчиво подошелъ мальчикъ къ Эриху, и взглядъ его какъ-бы говорилъ:

— Благодарю тебя: я знаю кто ты.

Эрихъ не понялъ взгляда. Наконецъ, Роландъ не утерпѣлъ:

— Довольно былъ ты съ другими, сказалъ онъ, теперь пойдемъ со мной.

Онъ проводилъ Эриха въ его комнату и ожидалъ, чтобъ тотъ

Digitized by Google

съ нимъ заговорилъ, но Эрихъ только попросилъ мальчика оставить его одного. Имъ овладѣла страшная усталость. Тяжестью лежало у него на сердцѣ его зависимое положеніе. Человѣкъ, взявшій на себя обязанность воспитывать, сдерживать и руководить другого — думалъ онъ — теряетъ право жить для себя: онъ не смѣетъ говорить: «оставь меня».... ему предстоитъ всегда думать о другомъ.

Измученный видъ Эриха сильно опечалилъ Роланда. Мальчикъ не могъ знать, что Эрихъ страдалъ отъ недовольства самимъ собой. То не было утомленіе послѣ тяжелыхъ объясненій, не рѣдко оставляющихъ по себѣ душевную пустоту,—но настоящая скорбь отъ того, что онъ допустилъ себя увлечься слишкомъ обширной программой, имѣя цѣлью воспитаніе одного ребенка. Болѣе всего тревожило Эриха сомнѣніе насчетъ своей собственной несостоятельности; онъ чувствовалъ, что прежде, чѣмъ другому внушать твердость и мужество, онъ самъ долженъ нѣсколько болѣе сосредоточиться. Терзаемый такого рода мыслями, онъ едва замѣчалъ присутствіе мальчика, который безъ умолку болталъ о необыкновенной понятливости собакъ и въ то же время, съ любовью и вопросомъ въ глазахъ, безпрестанно взглядывалъ ему въ лицо.

Явился слуга и доложилъ, что подана карета.

Эрихъ просто испугался. Что же это за жизнь?! Прогуливаться по саду, ѣздить верхомъ и въ экипажѣ, ѣсть, потомъ опять гулять, наслаждаться.... Когда же углубиться въ самого себя и собраться съ мыслями? Возможно ли при такихъ условіяхъ дать молодому уму правильное развитіе и поддержать его всегда на одинаковой высотѣ?

Гордость заговорила въ Эрихѣ: не къ тому онъ себя готовилъ. Не для того онъ такъ много трудился и подвергалъ себя лишеніямъ, чтобъ теперь наполнять свое время однѣми прогулками, да лакомыми обѣдами. Онъ находилъ это невозможнымъ и хотѣлъ самъ распредѣлить свое время такъ, чтобъ это соотвѣтствовало его наклонностямъ.

Эрихъ вышелъ съ Роландомъ на дворъ и въ учтивыхъ выраженіяхъ попросилъ освободить его отъ прогулки, говоря, что чувствуетъ потребность въ нѣсколькихъ часахъ уединенія.

Эти слова были встрѣчены различно. Господинъ Зонненкампъ рѣзко сказалъ, что онъ никогда не налагаетъ на своихъ гостей никакого рода принужденій; Пранкенъ и фрейленъ Пэрини быстро обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ выражалась злая радость по случаю того, что Эрихъ своеволіемъ, доведеннымъ до безтактности, самъ себѣ вредилъ.

Digitized by Google

Роландъ поспѣшилъ сказать, что онъ останется дома съ Эрихомъ, но Пранкенъ съ торжествомъ въ голосѣ возразилъ:

— Господинъ Дорнэ хочетъ быть одинъ, если вы останетесь съ нимъ, милый Роландъ, вы ему помѣшаете.

Слово «господинъ» онъ произнесъ съ особеннымъ удареніемъ.

Одинъ экипажъ приказали отложить, въ другой сѣли фрейленъ Пэрини, Пранкенъ и Роландъ. Зонненкампъ помѣстился на козлахъ. Онъ очень любилъ самъ править, и ничто не могло доставить ему бо̀льшаго удовольствія, какъ одной рукой сдерживать четырехъ лошадей. Многіе видѣли въ этомъ хвастовство и смѣялись надъ его четверней, въ сущности же ему просто нравилось такъ ѣздить. Церера тоже оставалась̀ дома: она въ этотъ день уже довольно сдѣлала для общежитія.

Эрихъ подождалъ, пока они уѣхали, а затѣмъ вернулся къ себѣ въ комнату.

Онъ сидѣлъ одинъ; вокругъ все было тихо. Не мудрено, если онъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Весь настоящій день прошелъ для него въ усиліяхъ принаровиться къ совершенно новому порядку вещей, и казалось почти невѣроятнымъ, чтобъ столько различныхъ впечатлѣній могло умѣститься въ такомъ короткомъ промежуткѣ времени.

Чего онъ только сегодня не пережилъ! Не далѣе еще, какъ утромъ, онъ былъ у Клодвига и разсматривалъ римскія древности, — но ему казалось, будто съ тѣхъ поръ прошли цѣлые годы. Затѣмъ онъ попалъ въ совершенно чуждую для него сферу, впервые вкусилъ трудового хлѣба, испыталъ чувство обманутой дружбы и неблагодарности, — но все это, равно какъ и нѣчто загадочное, поразившее его въ Зонненкампѣ, Роландѣ, фрейленъ Пэрини и госпожѣ Церерѣ, являлось ему какъ бы въ далекомъ прошломъ, лишь только онъ вспоминалъ о матери.

Имъ начала овладѣвать тоска по родинѣ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и не поддался ей. Привычка къ военной дисциплинѣ помогла ѐму въ этомъ: стой на своемъ посту, внимательно слѣди за всѣмъ, что̀ у тебя происходитъ передъ глазами и не смѣй уставать!...

— Не смѣй уставать! громко произнесъ онъ, и сознаніе въ себѣ молодыхъ силъ подкрѣпило его. Онъ чувствовалъ, что на завтра будетъ въ состояніи дать мужественный отпоръ всякаго рода загадкамъ. Всего болѣе успокоивала и утишала его мысль, что онъ остался вѣренъ истинѣ. Онъ давалъ себѣ обѣщаніе и впередъ, никогда ей не измѣнять, понимая, что это единственная почва, на которой онъ не могъ быть ни униженъ, ни побѣжденъ.

Digitized by Google

Вдали, на другомъ берегу Рейна, на станціи желѣзной дороги слышалось пыхтѣніе локомотива, изъ котораго выпускали пары. Онъ свистѣлъ и шипѣлъ, какъ какое-нибудь чудовище, а Эрихъ думалъ: эта машина сегодня тащила за собой вагонъ, а въ нихъ сотни людей; теперь ее отпускаютъ на покой и освобождаютъ отъ паровъ. Онъ улыбнулся и въ головѣ у него мелькнуло сравненіе самого себя съ этимъ локомотивомъ, который теперь охлаждали, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро снова нагрѣть.

Вдругъ его пробудили отъ сна: онъ самъ не замѣтилъ, какъ заснулъ.

Передъ нимъ стоялъ слуга и докладывалъ, что хозяйка дома желаетъ съ нимъ говорить.

ГЛАВА IX.

ЗАГАДКА ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Солнце уже зашло, но на долинѣ, на рѣкѣ и на горахъ лежала еще жаркая полоса свѣта, когда Эрихъ, идя съ лакеемъ по корридору, выглянулъ въ окно.

Его провели черезъ нѣсколько комнатъ; въ послѣдней изъ нихъ, гдѣ висѣла зажженная лампа подъ матовымъ колпакомъ, онъ услышалъ голосъ, говорившій:

— Благодарю васъ. — Садитесь.

Онъ увидалъ госпожу Цереру на диванѣ, а передъ ней кресло.

Эрихъ сѣлъ.

— Я собственно для васъ осталась дома, начала госпожа Церера. У нея былъ нѣжный, робкій голосъ, и она видимо съ трудомъ говорила. Эрихъ не зналъ что̀ ей отвѣчать. Вдругъ она выпрямилась и спросила:

— Вы знакомы съ моей дочерью?

— Нѣтъ.

— Однако вы были въ монастырѣ на островѣ?

— Да. Я отвозилъ настоятельницѣ поклонъ отъ моей матери.

— Я вѣрю вамъ. Не я причиной тому, что она будетъ монахиней, — не думайте этого.

Эрихъ молчалъ, не зная, что̀ ему отвѣчать. А госпожа Церера, снова опускаясь на подушки, продолжала:

— Не оставайтесь у насъ, капитанъ, — предупреждаю васъ...

Digitized by Google

Я ничему не училась, — онъ не далъ мнѣ ничему выучиться, — но не оставайтесь у насъ, если только вы имѣете возможность иначе существовать. Зачѣмъ хотите вы поступить въ нашъ домъ?

— Затѣмъ, что я думалъ, — не далѣе еще какъ часъ тому назадъ, — что могу быть хорошимъ наставникомъ для вашего сына.

И Эрихъ разсказалъ ей о возникшихъ въ немъ сомнѣніяхъ и о томъ, какъ онъ не считаетъ себя достаточно готовымъ для роли руководителя. Впрочемъ, осмѣливался онъ думать, врядъ ли и кто другой болѣе для нея годенъ, а развѣ только легче посмотритъ на дѣло. Онъ открылъ передъ ней всю душу, жалуясь на то, какъ быстро разбиваются о дѣйствительность всѣ идеальныя воззрѣнія на жизнь и дѣятельность.

— Я ничему не ученà и васъ не понимаю, возразила госпожа Церера. Но вы такъ прекрасно говорите.... у васъ такія хорошія слова.... я вѣкъ бы васъ слушала.... нужды нѣтъ, что не понимаю.... Вы ему не скажете, что я васъ къ себѣ звала, не правда-ли?

— Кому ему? — хотѣлъ спросить Эрихъ, но госпожа Церера опять быстро привстала и сказала:

— Онъ иногда бываетъ ужасенъ.... онъ опасный человѣкъ.... Никто этого не знаетъ и не подозрѣваетъ. Да, онъ опасный человѣкъ!.... А вы меня полюбили?

Эрихъ задрожалъ. Что̀ все это означаетъ?

— Ахъ, я сама не знаю, что̀ говорю, продолжала госпожа Церера. — Онъ правъ: я полуумная.... Зачѣмъ я васъ сюда позвала?.... Ахъ, да, помню! Разскажите мнѣ что̀-нибудь о вашей матушкѣ. Дѣйствительно ли она такъ умна и знатна, какъ говорятъ? Я тоже когда-то была знатной дамой, — право была!

Эриха бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Возможно ли, чтобъ это странное, послусонное существо дѣйствительно было не въ полномъ разсудкѣ, и только посредствомъ неутомимой бдительности до нѣкоторой степени обуздывалось въ присутствіи людей постороннихъ.

Еще утромъ собирался онъ писать матери, что попалъ въ какую-то сказочную страну, — и вотъ страна эта является ему все болѣе и болѣе населенною чудесами.

Съ безпристрастіемъ, какое только доступно сыну, Эрихъ изобразилъ свою мать, ея нравы и привычки, говоря, что она счастлива, потому что постоянно заботится о счастіи другихъ. Затѣмъ онъ описалъ смерть отца, брата и разсказалъ о величіи души, съ какимъ она перенесла всѣ эти испытанія.

Госпожа Церера зарыдала и вдругъ воскликнула:

Digitized by Google

— Благодарю васъ, благодарю!

Она протянула ему свою бѣлую, тонкую руку и не переставала повторять:

— Благодарю васъ!.... Со всѣми своими деньгами онъ не могъ дать мнѣ слезъ: я думала, что уже совсѣмъ разучилась плакать!.... О, какъ меня это облегчаетъ!.... Останьтесь съ нами.... останьтесь при Роландѣ!.... Онъ не можетъ плакать.... не говорите ему ничего.... Какъ желала бы я тоже имѣть мать!... Останьтесь у насъ!.... Я всегда буду это помнить.... благодарю васъ!.... А теперь, идите, идите прочь, пока онъ еще не вернулся!.... Идите!.... Доброй ночи!....

Эрихъ возвратился въ свою комнату. Все это казалось ему сномъ. Таинственность, окружавшая въ его глазахъ домъ Зонненкампа, когда онъ смотрѣлъ на него отъ Вольфсгартена, все болѣе и болѣе сгущалась. Здѣсь происходили самыя странныя вещи.

Роландъ явился съ прогулки бодрый и свѣжій. Короткая разлука заставила его и Эриха свидѣться съ новымъ удовольствіемъ.

Роландъ приставъ къ Эриху, чтобъ тотъ ему разсказалъ что-нибудь о гугенотахъ: безъ сомнѣнія, о нихъ шла рѣчь во время прогулки. Эрихъ отказался, говоря, что ему еще рано знать всю жестокость, съ какой люди преслѣдуютъ другъ друга изъ-за религіозныхъ вопросовъ.

Роландъ сообщилъ Эриху, что Пранкенъ на слѣдующій день отправляется въ монастырь къ его сестрѣ Маннѣ.

Эрихъ колебался: запретить мальчику передавать ему все слышанное, значитъ испугать его довѣрчивость и положить границы его искренности, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ему не приходится выслушивать вещи, которыя, можетъ быть, желаютъ отъ него скрыть. Наконецъ, онъ рѣшился, въ случаѣ своего дальнѣйшаго пребыванія въ домѣ, попросить Зонненкампа не говорить въ присутствіи Роланда о такихъ предметахъ, которые не должны быть извѣстны его наставнику.

Эриха пригласили кушать чай. Церера болѣе не выходила изъ своей комнаты.

Эрихомъ овладѣло безпокойство. Слѣдуетъ ему, или нѣтъ разсказать Зонненкампу о своемъ свиданіи съ его женой? Въ такомъ случаѣ, ему надо передать и свой разговоръ съ ней. Правда, въ немъ не много заключалось: глухой намекъ, отдѣльныя слова, между которыми даже почти не существовало никакой связи.

Роландъ, съ своей стороны, все смотрѣлъ на Эриха съ какой-то мольбой въ глазахъ. Мальчикъ чувствовалъ, что въ его

Digitized by Google

новомъ другѣ происходитъ что-то грустное, и желалъ всячески разсѣять его. Между тѣмъ, къ любви Эриха къ нему присоединилось еще состраданіе. Здѣсь явно существовали тяжелыя семейныя отношенія, отъ которыхъ мальчикъ неизбѣжно долженъ былъ пострадать. Счастье еще, что онъ не успѣлъ утратить юношеской бодрости духа.

Эриху безпрестанно приходило на память то, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ смирительномъ домѣ. Самые закоренѣлые преступники съ торжествующимъ видомъ утверждали, что величайшимъ для нихъ удовольствіемъ было скрывать свои преступленія. Менѣе закоренѣлые, напротивъ, признавались, что рады были скорѣй подвергнуться наказанію, такъ какъ страхъ быть открытымъ и усилія скрыть свой проступокъ хуже всякаго наказанія.

Теперь на душѣ Эриха тоже лежала тайна. Что, если слуга выдастъ его, и онъ явится въ глазахъ другихъ недостойнымъ довѣрія?

Когда Эрихъ ложился спать, къ нему опять зашелъ Роландъ освѣдомиться, не имѣетъ ли онъ что-нибудь ему сказать?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и мальчикъ печально пожелалъ ему доброй ночи.

ГЛАВА X.

СВѢТЛЫЙ ДЕНЬ И МРАЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

Утренняя роса блистала на травѣ, цвѣтахъ и кустарникахъ, птицы весело пѣли, когда Эрихъ вышелъ въ паркъ. Всюду господствовалъ духъ порядка и заботливости.

На берегу Эрихъ услышалъ разговоръ двухъ женщинъ, которыя выгружали лодку съ черноземомъ.

— Благодареніе Богу, говорила одна, за то, что у насъ поселился такой человѣкъ. Теперь во всей окрестности не найдешь нуждающагося, если только кто можетъ работать.

— Да, отвѣчала другая: — а злые-то люди чего-чего о немъ не говорятъ!

— А что?

— Да вонъ, толкуютъ, будто онъ былъ портнымъ.

Эрихъ съ трудомъ удержался отъ смѣха. Тутъ подошла третья женщина и сказала гнусливымъ голосомъ.

— Портнымъ! нѣтъ, не портнымъ былъ онъ, а морскимъ разбойникомъ, и укралъ у султана въ Африкѣ золотой корабль.

— Пусть такъ, возразила первая, у людоѣдовъ еще много

Digitized by Google

золота осталось, да къ тому же они язычники, а господинъ Зонненкампъ со своими деньгами только добро дѣлаетъ.

Эрихъ слушалъ ихъ съ улыбкой, но въ тоже время ему было грустно отъ мысли, что богатство всегда вызываетъ злые толки.

Онъ пошелъ дальше. Остановясь на небольшомъ возвышеніи, Эрихъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какая гармонія существовала между главнымъ корпусомъ зданія, флигелями, паркомъ и садомъ. Близъ самаго дома, выстроеннаго во вкусѣ renaissance, росли деревья съ темною зеленью, липы и вязы, на фонѣ которыхъ особенно отчетливо выдавалось все зданіе. Со всѣхъ сторонъ шли тѣнистыя аллеи и примыкали къ дому, который самъ казался здѣсь какимъ-то чудомъ, вызваннымъ изъ среды окружающей его природы. Каменныя галлереи съ колоннами, зеленыя лужайки, деревья, пригорки,—все какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало одно другому. Веранды казались корзинами съ вьющимися растеніями, а все вмѣстѣ составляло мастерское произведеніе сельской архитектуры, поэтическое цѣлое, вполнѣ согласное съ законами искусства. На всемъ лежалъ оттѣнокъ свѣжести и чистоты, какъ будто зданіе только-что вышло изъ рукъ работниковъ: все дышало дѣятельностью и довольствомъ, каждое дерево, каждый листокъ, каждый колышекъ въ заборѣ свидѣтельствовали, что находятся во власти человѣка богатаго и заботливаго.

Эрихъ не долго оставался одинъ; къ нему присоединился камердинеръ Іозефъ и любезно вызвался, въ качествѣ земляка, познакомить его со всѣмъ, что касалось домашняго быта его господъ.

Эрихъ молчалъ, и Іозефъ снова повторилъ разсказъ о томъ, какъ въ университетѣ его звали Генрихомъ XXXII на томъ основаніи, что будто-бы всѣ маркёры называются Генрихами. Затѣмъ онъ былъ кельнеромъ въ одной изъ бернскихъ гостинницъ, гдѣ Зонненкампъ прожилъ почти два лѣта сряду, занимая весь первый этажъ или, какъ говорилъ Іозефъ, самыя лучшія компаты въ мірѣ. Тамъ онъ впервые увидѣлъ его, понравился ему и поступилъ къ нему въ услуженіе. Не безъ юмора разсказывалъ Іозефъ, что прислуга Зонненкампа, который очень много путешествовалъ, представляла образчики всѣхъ націй, подобно тому, какъ его птичій дворъ заключалъ въ себѣ всевозможныя породы птицъ, не исключая и павлина. Кучеръ у него былъ англичанинъ, первый конюхъ — полякъ, поваръ — французъ, первая каммеръ-юнгфера—богемская изгнанница, а фрейленъ Пэрини полуфранцуженка, полуитальянка изъ Ниццы. Самъ баринъ отличался строгостью: садовникамъ крѣпко на-крѣпко запрещалось курить въ паркѣ, а конюхамъ свистать на конюшнѣ,

Digitized by Google

чтобъ не тревожить лошадей, привыкшихъ только къ свисту своего господина. Но во всемъ остальномъ Зонненкампъ любилъ, чтобъ слуги его, какъ можно менѣе, походили на слугъ и не имѣли въ себѣ ничего подобострастнаго. Онъ только недавно уступилъ желанію своей жены одѣть нѣкоторыхъ изъ лакеевъ въ ливрею. Слугамъ предписывалось мало говорить; господинъ Зонненкампъ обращался къ нимъ только съ извѣстными вопросами, на которые у тѣхъ ужъ были заготовлены извѣстные отвѣты, а впрочемъ ихъ содержали очень хорошо.

Въ заключеніе, Іозефъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ, что уже распустилъ въ людскихъ молву о томъ, кто такіе родители Эриха. Это не лишнее, прибавилъ онъ, когда люди знаютъ кто вы, они всегда имѣютъ къ вамъ больше уваженія. Но настоящей главой хозяйства была мадамъ Пэрини: она въ сущности дѣвица, но госпожа Церера всегда называетъ ее мадамой.

— Ловчій правъ, — продолжалъ Іозефъ — утверждая, что фрейленъ Пэрини обладаетъ силой семи кошекъ.

Эрихъ попытался-было остановить этотъ потокъ откровенности, но Іозефъ упросилъ его дозволить ему высказаться и быть къ нему снисходительнымъ, ради ихъ университетскаго родства. Онъ сообщилъ еще, между прочимъ, что Пранкенъ собирается жениться на его молодой барышнѣ.

— А ужъ какая она красавица! Какая добрая и ласковая! И что за веселая была она прежде! Для нея не существовало ни слишкомъ бѣшеной лошади, ни слишкомъ сильной бури на Рейнѣ. Она охотилась не хуже любого браконьера, но за то теперь сдѣлалась такая печальная... все груститъ...

Эрихъ обрадовался, когда болтливый слуга вдругъ схватился за часы и воскликнулъ:

Черезъ минуту баринъ встанетъ: мнѣ надо идти къ нему. Онъ точенъ, какъ часы, — прибавилъ Іозефъ уже на-ходу.

Какъ отрывистые звуки отдаленной мелодіи, слагались въ мысляхъ Эриха всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ о хозяйской дочери. Не та ли это самая дѣвушка, которая съ крыльями третьяго дня явилась ему въ монастырѣ? Онъ стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на плетень, а передъ нимъ рисовалась картина цѣлой жизни. Тамъ, въ монастырѣ, далеко отъ свѣта и людей, воспитывается дѣвочка. Ей вдругъ говорятъ: ты баронесса Пранкенъ! Она счастлива и съ восторгомъ готова слѣдовать за прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, черезъ котораго получаетъ доступъ ко всѣмъ удовольствіямъ свѣта. Весьма вѣроятно, она и не знаетъ, что̀ за человѣкъ ея мужъ, — да и лучше, если она никогда этого не узнаетъ.

Digitized by Google

Эрихъ покачалъ головой: какое ему, дѣло до маленькаго монастырскаго цвѣтка?

Всѣ прелести парка стушевались въ глазахъ Эриха. Опустивъ глаза въ землю, онъ быстрыми шагами безъ цѣли ходилъ по аллеямъ, пока, выйдя изъ чащи деревъ къ пруду, не наткнулся на Зонненкампа. Едва можно было узнать его въ коротенькой, сѣрой, выложенной снурками курткѣ. Подойдя къ Эриху, онъ изъявилъ удовольствіе, что видитъ его уже гуляющимъ, и предложилъ показать ему всѣ свои владѣнія.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе молодого человѣка на огромный кустъ папоротника и съ улыбкой слушалъ, какъ Эрихъ воображалъ себѣ укрывающагося тамъ буйвола. При этомъ онъ самъ, сопровождая свои слова сильными тѣлодвиженіями, разсказалъ, какъ ему не разъ случалось ловить буйволовъ съ помощью аркана.

Затѣмъ онъ повелъ Эриха на возвышеніе, усаженное великолѣпными кленами, и которое онъ считаетъ центромъ всего парка. Онъ очень гордился этими прекрасными, раскидистыми деревьями и замѣтилъ, что такое тѣнистое мѣстечко особенно пріятно имѣть для укрытія отъ лѣтняго зноя въ странѣ виноградниковъ, гдѣ обыкновенно не бываетъ защиты отъ солнца.

— Видите ли, — сказалъ онъ — я красоту своего парка перенесъ и на чужія владѣнія. Вонъ тамъ, на верху, есть группа деревьевъ: я ее купилъ, расчистилъ, провелъ къ ней дороги, устроилъ новые разсадники, и все это только для того, чтобъ получить хорошій видъ. Свой домъ я строилъ съ цѣлью доставить удовольствіе собственнымъ глазамъ, а не чужимъ. Эта хижина внизу выстроена по моему плану, что̀, конечно, не обошлось мнѣ даромъ, а тамъ, далѣе, зеленая изгородь скрываетъ каменоломни. Вонъ, ту изящную колокольню въ селѣ, на вершинѣ горы, выстроилъ тоже я. Меня за то не мало восхваляли и курили передо мной ѳиміамъ, но, — вамъ это можно сказать, — мною руководило единственно желаніе устроить себѣ хорошій видъ. Я хочу дать новый характеръ всей странѣ, но это не легко, такъ какъ приходится ежеминутно бороться съ корыстолюбіемъ людей. Вонъ теперь внизу одинъ корзинщикъ строитъ себѣ домъ и вздумалъ покрыть его отвратительной красной черепичной кровлей, которая мнѣ колетъ глаза всякій разъ, какъ я на нее взгляну. Я никакъ не могу сговориться съ этимъ молодцомъ: онъ требуетъ за свой домикъ слишкомъ высокую цѣну... но, — что̀ станете дѣлать? онъ ее получитъ, лишь бы согласился подчиниться моимъ предписаніямъ.

Зонненкампъ выражался съ энергіей, которая напомнила

Digitized by Google

Эриху отзывъ о немъ Беллы, назвавшей его завоевателемъ. Въ такомъ человѣкѣ всегда бываетъ доля деспотизма, побуждающая его устроивать свѣтъ по собственному произволу и управлять имъ согласно съ своими личными вкусами. Села, церкви, горы, лѣса существовали для него только, какъ части ландшафта, въ отношеніи которыхъ онъ ставилъ себя одного зрителемъ, который любуется ими съ той или другой точки зрѣнія.

Зонненкампъ повелъ своего гостя далѣе по парку, вездѣ объясняя его расположеніе. Онъ, въ одномъ мѣстѣ, пользовался тѣмъ, что̀ давала ему природа и только украшалъ и возвышалъ ее, а въ другомъ—самъ, посредствомъ насыпей и прорытій, сообщалъ мѣстности болѣе оживленный характеръ. Онъ указывалъ на искусное сочетаніе свѣта и тѣней. Кое-гдѣ возвышалась группа, цѣлая рощица, изъ деревъ одной и той же породы, которые не рѣзко, не вдругъ исчезали, а постепенно мельчали и потомъ уже не замѣтно пропадали, какъ-то бываетъ въ природѣ. Зонненкампъ любезно улыбался, слушая Эриха, когда тотъ говорилъ, что чѣмъ менѣе въ устройствѣ парка даютъ чувствовать свое присутствіе руки и умъ человѣческій, чѣмъ съ бо̀льшей простотой и естественностью онъ расположенъ, тѣмъ выше и чище является тамъ искусство.

Маленькій ручеекъ бѣжалъ съ горы и впадалъ въ рѣку. Онъ то исчезалъ, то снова, какъ бы невзначай пробивался сквозь землю и, казалось, говорилъ своимъ журчаніемъ: — я здѣсь.

Въ расположеніи мѣстъ для отдыха, виднѣлась особенная заботливость. Подъ одной плакучей ивой, густая зелень которой составляла непроницаемый сводъ, стоялъ стулъ для одной особы, какъ бы предупреждая, что здѣсь разсчитано на одного. Но стулъ былъ опрокинутъ и прислоненъ къ дереву.

— Это любимый уголокъ моей дочери, — сказалъ Зонненкампъ.

— И вы опрокинули стулъ, чтобъ въ ея отсутствіе никто на немъ не сидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Зонненкампъ,—это случайность, но вы правы, и впередъ пусть будетъ по вашему.

Оба пошли далѣе, но Эрихъ едва замѣчалъ удобныя скамейки, встрѣчавшіяся здѣсь въ большомъ количествѣ, и разсѣянно слушалъ Зонненкампа. А тотъ объяснялъ ему, что не всегда ставитъ скамьи на открытой мѣстности, а иногда прячетъ ихъ въ лѣсной чащѣ, предоставляя, такимъ образомъ, желающимъ — наслаждаться уединеніемъ.

Подъ великолѣпнымъ вязомъ стоялъ столъ съ двумя скамьями— одна противъ другой. Зонненкампъ сказалъ, что мѣсто это называется «школой», отъ того, что Роландъ часто беретъ здѣсь

Digitized by Google

уроки. Эрихъ замѣтилъ, что онъ никогда не занимается преподаваніемъ на воздухѣ. Можно, совершенно естественно, кое-чему научиться гуляя, но настоящее, серьезное ученіе, требующее строгой сосредоточенности ума, непремѣнно должно происходить въ замкнутомъ пространствѣ, гдѣ бы не терялся голосъ.

Зонненкампу представился тутъ удобный случай объявить Эриху свое рѣшеніе насчетъ главнаго вопроса, но онъ ничего не сказалъ. Подобно тому, какъ художникъ радуется проницательности воспріимчиваго зрителя, указывающаго ему на достоинства, сокрытыя въ его произведеніи, но существованіе которыхъ онъ самъ едва допускалъ, — такъ точно Зонненкампъ наслаждался яснымъ пониманіемъ, съ какимъ Эрихъ оцѣнивалъ его разнообразныя творенія и искусную сопостановку деревъ и кустарниковъ.

Долго стояли они передъ одной группой изъ кедровъ и сосенъ; легкій, утренній вѣтерокъ игралъ въ вѣтвяхъ бальзамной сосны, серебристая зелень которой струилась въ воздухѣ, точно блестящая зыбь на спокойной поверхности моря.

Вблизи лежалъ небольшой прудъ съ фонтанами, а нѣсколько далѣе, на пригоркѣ виднѣлась бесѣдка изъ розовыхъ кустовъ. Зонненкампъ разсказалъ, какъ она была выстроена вслѣдствіе сна, видѣннаго его женой, Церерой.

— Это было еще въ то время, — прибавилъ онъ, останавливаясь, — когда я, послѣ нашего переселенія сюда, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, и все вокругъ меня сохраняло спокойное, трезвое настроеніе.

Эрихъ опять подумалъ про себя: не разсказать ли ему Зонненкампу о странномъ вчерашнемъ приключеніи. Зонненкампъ продолжалъ стоять неподвижно и произнесъ, какъ-то особенно переводя духъ, точно медленно и осторожно раздувая огонь:

— У моей жены часто бываютъ странныя фантазіи, но если ей не противорѣчить, она скоро забываетъ ихъ.

Вдругъ онъ какъ будто спохватился, что сказалъ лишнее и заговорилъ съ необыкновенной поспѣшностью:

— Теперь пойдемте, я вамъ покажу все, что составляетъ мою гордость. Но прежде — еще одинъ вопросъ. Вы — философъ, скажите же, не ужасно ли, что мы должны со всѣмъ этимъ разстаться, что намъ предстоитъ умереть и мы это знаемъ? Все здѣсь по прежнему будетъ зеленѣть и цвѣсти, а тотъ, кто это насадилъ и завоевалъ для этого средства, исчезнетъ, перестанетъ существовать?

— Не думалъ я, чтобъ васъ занимали подобныя мысли!

— Вы правы, давая мнѣ такого рода отвѣтъ. Не слѣдуетъ

Digitized by Google

дѣлать вопросовъ, на которые никто не можетъ отвѣчать, съ горечью произнесъ Зонненкампъ.

— Но еще одно слово: я хочу, чтобъ Роландъ получилъ вѣрное понятіе о томъ, что̀ мною здѣсь сдѣлано. Онъ долженъ продолжать мое дѣло. Такого рода садъ не то, что произведеніе скульптуры или живописи, для выполненія котораго достаточно одного художника. Онъ ростетъ и требуетъ постояннаго ухода. Для чего, по крайней мѣрѣ, не дана намъ увѣренность, что все нами созданное и завоеванное достанется въ наслѣдство нашему потомству, а не перейдетъ въ руки людей постороннихъ, которые, пожалуй, все это разорятъ?

— Если вы того мнѣнія, что я не съумѣлъ бы отвѣчать на вашъ первый вопросъ, то я долженъ сознаться, что второго вовсе не понимаю.

— Хорошо, хорошо, мы послѣ еще объ этомъ поговоримъ... а не то такъ и совсѣмъ оставимъ этотъ разговоръ, перебилъ его Зонненкампъ: — а теперь пойдемте, я вамъ покажу все то, что̀ составляетъ мою гордость.

ГЛАВА XI.

ПРЕДМЕТЪ ГОРДОСТИ ЗОННЕНКАМПА.

Изъ тѣнистаго, густо насаженнаго парка, окаймленнаго толстыми и высокими пихтами, внезапно открывался входъ въ настоящій лабиринтъ плодовыхъ деревъ, которые занимали пространство нѣсколькихъ десятинъ и представляли въ полномъ смыслѣ слова волшебный видъ. Гряды были усажены грушами и яблонями, такими низенькими, что онѣ походили на тисовые кустарники. Стволъ едва достигалъ двухъ футовъ вышины, но отъ него шли по ту и другую сторону тщательно подвязанныя вѣтви въ тридцать футовъ, длинныя и буквально осыпанныя цвѣтомъ. Все это было въ высшей степени регулярно расположено и свидѣтельствовало о несокрушимости человѣческой воли, перехитрившей даже самую природу.

Деревья всевозможныхъ геометрическихъ формъ стояли, гдѣ кругами, гдѣ длинными рядами. Тамъ было, между прочимъ, одно дерево съ остроконечной верхушкой, украшенное всего четырьмя вѣтками съ равными между ними промежутками и изъ которыхъ каждая смотрѣла въ одну изъ четырехъ странъ свѣта. У стѣны стояли деревья, точь-въ-точь напоминавшія канделя-

Digitized by Google

бру о двухъ ручкахъ, у другихъ стволъ и вѣтви какъ бы составляли косой уголъ.

Эрихъ внимательно слушалъ, какъ Зонненкампъ ему толковалъ о необходимости подстригать деревья, для того, чтобы соки не разливались по стволу и вѣтвямъ, а всѣ уходили въ плоды.

— Вамъ какъ будто жаль этихъ подстриженныхъ вѣтвей? спросилъ Зонненкампъ.

— Не то, чтобы жаль, но натуральная и знакомая намъ форма плодовыхъ деревьевъ...

— Да, да, перебилъ его Зонненкампъ. До какой, право, степени люди подвержены предразсудкамъ! Вѣдь никто не находитъ жестокимъ и неестественнымъ, что виноградную лозу каждое лѣто трижды подстригаютъ? Никто не ожидаетъ отъ нея красоты, а всѣ требуютъ вкуснаго, сочнаго плода. Тоже самое и съ другими плодовыми деревьями. Съ прививкой деревъ ясно обозначился путь, по которому слѣдуетъ идти, и я только хочу быть послѣдовательнымъ! Садовое дерево имѣетъ одно назначеніе, фруктовое — другое. Эти яблони должны имѣть только такое количество вѣтвей, какое необходимо для произведенія наиболѣе крупныхъ плодовъ. Отъ фруктового дерева я ничего и не требую, кромѣ плодовъ.

— Но природа...

— Природа!.... Природа!... быстро заговорилъ Зонненкампъ. Девять десятыхъ изъ того, что мы называемъ природой, суть не что иное, какъ дрессировка, изобрѣтеніе нашей фантазіи. Природа и народъ — вотъ два идеала, которыхъ вы, философы, себѣ создали. А по моему нѣтъ ни природы, ни народа, а если они и существуютъ, то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ!

Эрихъ былъ пораженъ энергіей, съ какой все это говорилось. Но изумленіе его еще усилилось, когда Зонненкампъ продолжалъ:

— Настоящимъ воспитателемъ человѣчества назвалъ бы я того, кто съумѣлъ бы воспитывать людей такъ, какъ я воспитываю эти деревья: для ближайшей цѣли, отвергая все излишнее и постороннее. То, что называютъ природой—миѳъ. Природа не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, ея очень мало на свѣтѣ. А у насъ, у людей — все дѣло привычки, воспитанія, обычая. Да, природы нѣтъ!

— Все это для меня въ высшей степени ново, замѣтилъ наконецъ Эрихъ: — люди традиціи называютъ насъ, людей науки, богоотступниками; но человѣка, отрицающаго природу, я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ, да и никогда не слышалъ, чтобъ такой существовалъ. Вы, безъ сомнѣнія, шутите.

Digitized by Google

— Конечно, я шучу! съ горечью возразилъ Зонненкампъ. Эрихъ былъ совершенно сбитъ съ толку; онъ нерѣшительно сказалъ:

— О тѣхъ, которые законы нашей жизни выводятъ изъ откровенія, пожалуй, и можно бы сказать, что они отрицаютъ природу, да и то не отрицаютъ, а только объявляютъ ее недѣйствительной...

— Я не ученый, а еще менѣе того богословъ, быстро перебилъ его Зонненкампъ. Всѣмъ управляетъ судьба. Въ лѣсу появляются гусеницы; рядомъ стоятъ два дуба: одинъ изъ нихъ весь изъѣденъ, другой совершенно цѣлъ — почему? мы не знаемъ. Вездѣ судьба. Вы видите эти деревья? Я изучилъ ихъ экономію, то, что̀ называютъ природой. Оказывается, что тысячу растительныхъ жизней въ зародышѣ должны погибнуть, чтобъ дать вполнѣ развернуться одной. Тоже самое и въ человѣческой жизни.

— Понимаю, сказалъ Эрихъ — все живущее, по отношенію своему къ погибающему, составляетъ аристократію. Цвѣтъ, превращающійся въ плодъ—богачъ; тотъ, изъ котораго ничего не выходитъ, бѣднякъ. Такъ ли я васъ понимаю?

— Отчасти, отвѣчалъ Зонненкампъ нѣсколько утомленнымъ голосомъ. Я хотѣлъ только вамъ сказать, что болѣе не вѣрю въ возможность найдти человѣка, который могъ бы воспитать моего сына такъ, какъ я того желаю, и потому я пересталъ искать.

Оба долгое время молча ходили по саду. Вокругъ все цвѣло и жужжали пчелы. Эрихъ подумалъ—это пчелы Клауса.

Страненъ міръ! въ немъ совершаются такія удивительныя вещи!

Солнце сіяетъ, цвѣты благоухаютъ, а на душѣ у Эриха мрачно и боязливо. Глаза его встрѣтили доску, прибитую къ стѣнѣ и онъ прочелъ:

«Предостереженіе: въ этомъ саду разставлены западни».

Онъ взглянулъ на Зонненкампа. Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Вашъ взглядъ спрашиваетъ, правду ли гласитъ эта надпись. Такъ: люди считаютъ невозможнымъ, чтобъ на это могло хватить духу. Однако совѣтую вамъ держаться поближе ко мнѣ.

Зонненкампъ, казалось, наслаждался смущеніемъ Эриха. Но онъ говорилъ неправду: въ саду не было ни одной западни.

На стѣнѣ виднѣлись геометрическія фигуры въ видѣ звѣздъ, круговъ и квадратовъ. Зонненкампъ положилъ руки на плечо Эриха, пока тотъ ему говорилъ, что цифра и геометрическая форма составляютъ исключительно принадлежность человѣка. Геометрическая форма есть базисъ всякаго явленія, которое никогда не представляется голой линіей, но всегда существуетъ въ

Digitized by Google

связи съ человѣкомъ. Это входитъ въ составъ таинственнаго ученія Пиѳагора.

— Я уже давно догадывался, замѣтилъ Зонненкампъ, смѣясь: что я послѣдователь Пиѳагора. Благодарю васъ за то, что вы меня удостоили этого названія. Итакъ, мы новѣйшее искусство садоводства окрестимъ Пиѳагоровымъ.

Тонъ его былъ шутливый, но въ тоже время въ немъ слышалось и удовольствіе.

Между тѣмъ они черезъ колоннаду въ Помпеевскомъ стилѣ, которая глубоко вдавалась во вторую террасу фруктоваго сада, пришли въ такъ-называемую «Ниццу».

— Теперь я вамъ покажу мой домъ, сказалъ Зонненкампъ, толкнулъ маленькую дверь, ведущую въ подземный ходъ, и повелъ своего гостя въ жилой домъ.

ГЛАВА XII.

ВНУТРЕННОСТЬ ДОМА И СЕРДЦА.

Внезапное появленіе Зонненкампа и Эриха въ подземномъ царствѣ испугало слугъ и служанокъ. Зонненкампъ, не обращая на нихъ вниманія, сказалъ Эриху по-англійски:

— Двѣ вещи, на которыя человѣкъ, подобно мнѣ удалившійся отъ дѣлъ, всего больше обращаетъ вниманія — это кухня и конюшня.

Онъ привелъ его въ кухню. Тамъ были цѣлыя дюжины различныхъ очаговъ, и каждое кушанье, мясо или зелень, имѣло свою отдѣльную сковороду или кострюлю, которыя ставились или прямо въ большой огонь или въ боковыя печурки. Физіологія приготовленія соусовъ и сироповъ была здѣсь возведена на высшую степень повареннаго искуства. Эрихъ не могъ на все это достаточно налюбоваться.

Тамъ же въ подземномъ пространствѣ Зонненкампъ сообщилъ своему гостю, что каждая печка въ домѣ имѣетъ свою отдѣльную трубу. Онъ считалъ это весьма важнымъ потому, что такимъ образомъ сдѣлалъ себя независимымъ отъ различнаго направленія вѣтра. Архитекторъ сначала сильно противился этому, и кромѣ того, это стоило большого труда и искусства, но за то доставило совершенно новыя удобства.

По всему дому проходили электрическія проволоки для звонковъ. Лѣстницы были устланы дорогими коврами и уставлены канделябрами; въ спальняхъ стояли вездѣ широкія кровати. Все

Digitized by Google

устройство отличалось роскошью и вкусомъ; позолота, мраморъ и шелкъ являлись въ искусномъ сочетаніи; ничто не бросалось въ глаза, но все было изящно и имѣло жилой видъ. Мебель не стояла такъ, какъ будто не зная гдѣ ей пріютиться, но вездѣ вполнѣ соотвѣтствовала остальному убранству комнатъ, казалась прочной и повидимому только ожидала людей, которые дѣйствительно тамъ жили, а не являлись на минуту, чтобъ посмотрѣть и уйдти.

Тяжелыя, шелковыя занавѣсы были одного цвѣта съ коврами; большіе часы въ залахъ шли вѣрно, а изящныя бездѣлушки на каминахъ и горкахъ стояли въ порядкѣ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ, однако, оказывалось, что убранство дома не выражало собой характера владѣтеля, но было просто дѣломъ искуснаго обойщика. Особенно чувствовалось здѣсь отсутствіе всего наслѣдственнаго, что говорило бы о прошломъ. Эрихомъ овладѣло впечатлѣніе, что здѣсь, въ собственномъ домѣ, живутъ какъ въ наемномъ, и ему все казалось, что за нимъ слѣдомъ идетъ Роландъ, въ душу котораго ему надлежитъ вглядываться; а мальчикъ между тѣмъ уже знастъ, что все это рано или поздно онъ назоветъ своимъ.

Зонненкампу казалось смѣшнымъ, когда люди отдѣлывали свои дома на средневѣковой ладъ и такимъ образомъ строили ихъ болѣе на показъ, нежели для собственнаго удобства. Когда Эрихъ замѣтилъ ему, что Гёте былъ такого же мнѣнія, онъ сказалъ:

— Мнѣ это очень пріятно. Я полагаю, Гёте хорошо понималъ жизнь.

Зонненкампъ произнесъ эти слова снисходительнымъ тономъ, который самъ собой давалъ уразумѣть, что всякій, заслужившій одобреніе господина Зонненкампа, долженъ считать себя счастливымъ.

Въ сѣверной части дома находилась огромная зала, посреди которой стоялъ великолѣпный малахитовый столъ, со стульями вокругъ него. Четыре окна въ человѣческій ростъ освѣщали ее, а между ними, въ половину ихъ вышины, были вдѣланы въ стѣну мраморныя фигуры, работы Ритчеля, изображающія четыре времени года. Потолокъ былъ украшенъ превосходной лѣпной работой. Спускавшаяся съ него серебряная лампа, казалось, сама собой держалась на воздухѣ. Она состояла изъ летящаго Амура, который держалъ въ рукѣ факелъ, гдѣ, пояснилъ Зонненкампъ, и зажигался газъ.

— Это единственная комната, прибавилъ онъ улыбаясь: — гдѣ у меня есть произведенія искусства..... Я не хочу лгать ни

Digitized by Google

себѣ, ни другимъ..... У меня нѣтъ вкуса къ скульптурѣ. Вы, въ качествѣ сына профессора эстетики, назовете это варварствомъ?

— Нисколько. Это только честно, и вы, сколько мнѣ кажется, имѣете на то право!

— Честность есть обязанность, а не право.

— Извините: я дурно выразился. Я хотѣлъ только сказать, что искусства ревнивы. Кто имѣетъ такую опредѣленную способность къ искусству садоводства, тотъ долженъ довольствоваться ею и можетъ легко обойдтись безъ другихъ искусствъ.

Зонненкампъ усмѣхнулся: молодой человѣкъ всегда умѣлъ выдти ивъ затруднительнаго положенія.

Далѣе, Зонненкампъ ввелъ своего гостя въ концертную залу. Здѣсь не было ни золота, ни бархата. Лѣпная работа на потолкѣ и зеленые обои на стѣнахъ составляли главное украшеніе комнаты. Въ нишахъ, между двумя маленькими каминами, стояли, съ выпуклыми спинками, кресла и диваны, обитые шелковой матеріей коричневаго цвѣта.

Зонненкампъ съ улыбкой выслушалъ замѣчаніе Эриха, который выразилъ свое одобреніе простотѣ, съ какой была убрана концертная зала. Отсутствіе въ ней излишнихъ украшеній, не развлекая глазъ, позволяло внимательнѣе слушать.

Удовольствіе Зонненкампа ежеминутно возрастало.

— Кто изъ вашего семейства занимается музыкой? спросилъ Эрихъ.

— Эта зала приготовлена для моей дочери.

— Чудесно! воскликнулъ Эрихъ. Тамъ, въ саду, ее ожидаетъ опрокинутый стулъ, а здѣсь — концертная зала.

Зонненкампъ, привычнымъ ему движеніемъ, взялъ нижнюю губу между указательнымъ и большимъ пальцемъ, какъ бы что-то припоминая или раздумывая.

— Кстати зашла рѣчь о моей дочери, я вамъ покажу ея жилище, сказалъ онъ внезапно, и отворилъ боковую дверь.

Они вошли въ маленькую комнатку, съ опущенными сторами. Зонненкампъ живо ихъ поднялъ, и изъ оконъ открылся видъ на галлерею изъ виноградныхъ лозъ и на гористые берега Рейна. Комната была безъ всякихъ украшеній, но очень мила. На стѣнѣ висѣлъ рядъ фотографическихъ изображеній, голубой лентой прикрѣпленныхъ къ вѣнку, посреди котораго помѣщался большой портретъ папы. Бѣлыя занавѣски у кровати были откинуты, и изъ-за нихъ выглядывало изящной работы распятіе изъ слоновой кости. Нѣсколько ниже висѣла раскрашенная литографія, родъ диплома Германны, называемой Манной Зонненкампъ, удостовѣрявшій, что она принята въ «союзъ непорочнаго дѣтства».

Digitized by Google

Письменный столикъ, маленькая полочка для книгъ, изящные стулья,—все говорило, что здѣсь жилище молодой дѣвушки, которая живетъ религіозной, самой въ себѣ замкнутой жизнью. Въ комнатѣ какъ-будто вѣялъ духъ молитвы. Вступая въ нее, всякій невольно оглядывался, ожидая, что вотъ войдетъ сама ея обитательница, взглянетъ своимъ невиннымъ дѣтскимъ взглядомъ и затѣмъ быстро опуститъ глаза при видѣ людей, которые осмѣлились проникнуть въ ея святилище.

Взоръ Эриха остановился на прекрасномъ каминѣ изъ зеленоватаго мрамора, полукруглая доска котораго была обвита плющемъ. Въ углубленіи стояли цвѣты и растенія. Горшки отъ нихъ были такъ искусно скрыты, что зелень и цвѣты, казалось, росли тамъ какимъ-то чудомъ.

— Вамъ это нравится? спросилъ Зонненкампъ. Дочь моя всегда лѣтомъ украшаетъ каминъ цвѣтами, и фрейленъ Пэрини, въ память ея, постоянно ихъ тамъ поддерживаетъ.

Эрихъ продолжалъ смотрѣть неподвижно: онъ надѣялся угадать характеръ молодой дѣвушки. Вдругъ Зонненкампъ положилъ ему на плечо свою тяжелую руку и сказалъ:

— Отвѣчайте мнѣ честно: вы сюда пріѣхали не ради моего сына, а ради моей дочери.

— Я васъ не понимаю.... началъ Эрихъ.

— Вы были въ монастырѣ? Вы видѣли мою дочь?

— Да. Но я тогда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о васъ, ни о вашей дочери, ни о вашемъ сынѣ.

— Я вамъ вѣрю. Но не воображаете ли вы себѣ, что вамъ, оставаясь въ моемъ домѣ, удастся пріобрѣсти любовь моей дочери?

— Благодарю васъ за вашу откровенность, возразилъ Эрихъ. Мой отвѣтъ будетъ не менѣе искрененъ. Я счелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ полюбилъ вашу дочь.

— Почему?

— Потому, что я считаю несчастіемъ любить такую богатую дѣвушку, не говоря уже о ея католическихъ убѣжденіяхъ. Никогда дѣвушка, обладающая такимъ богатствомъ, не будетъ моей женой, хотя бы мнѣ пришлось разбить сердце. Прошу васъ.... со-временемъ въ васъ, пожалуй, опять могутъ возникнуть подобнаго рода подозрѣнія.... и потому я васъ прямо прошу: не давайте мнѣ мѣста при вашемъ сынѣ. Пусть я все это время былъ вашимъ гостемъ, и мнѣ останется только благодарить васъ за ваше дружелюбіе.

— Молодой человѣкъ, вы не уѣдете!... Я вамъ вѣрю и вполнѣ на васъ полагаюсь. Благодарю васъ: вы мнѣ доказали,

Digitized by Google

что на свѣтѣ есть еще люди, которымъ можно вѣрить и которыхъ можно уважать. Останьтесь! Дайте мнѣ руку.... Останьтесь! Мы все порѣшимъ спокойно. Къ тому же, дочь моя.... и пусть это вамъ служитъ ручательствомъ моего довѣрія.... дочь моя уже почти помолвлена за барона фонъ-Пранкена.... Ну, теперь пойдемте въ мой кабинетъ.

Тамъ все было направлено къ тому, чтобъ достигнуть какъ можно болѣе удобствъ. Для каждаго настроенія духа, для каждаго времени года были свои отдѣльные стулья и диваны, а передъ ними столы. Казалось, что эта одна комната заключала въ себѣ нѣсколько другихъ. Въ ней въ большомъ пространствѣ, чувствовалось совершенно уютно. Окна выходили на югъ, и изъ нихъ, на первомъ планѣ, виднѣлись буки и клены, скрывавшіе нѣсколько обнаженный видъ холмовъ съ виноградниками. Далѣе шли лѣсистыя вершины горъ, и посреди нихъ, прямо противъ выхода на балконъ, возвышались развалины крѣпости, возведенныя, какъ вскорѣ узналъ Эрихъ, по распоряженію самого Зонненкампа и подъ непосредственнымъ надзоромъ маіора.

Здѣсь висѣла всего одна только, но очень хорошая картина. То былъ портретъ Роланда въ настоящую величину. Мальчикъ сидитъ на обломкѣ опрокинутой колонны; онъ смотритъ вдаль, а рука его покоится на головѣ красиваго водолаза. Пока Эрихъ осматривался, Зонненкампъ растворилъ двѣ двери въ стѣнѣ и ввелъ его въ комнату, которую называлъ своей библіотекой. Но тамъ не было ни одной книги, а всюду стояли ящички, глиняные и стеклянные сосуды, точно въ хорошо-снабженной аптекѣ. Зонненкампъ объяснилъ, что здѣсь у него хранятся сѣмена всевозможныхъ растеній въ мірѣ. Изъ этой комнаты вела прямо въ садъ лѣстница, поросшая китайскимъ глициномъ, на которомъ гроздами висѣли голубые цвѣтки, похожіе на бабочекъ. Затѣмъ Зонненкампъ и Эрихъ вернулись въ кабинетъ. Зонненкампъ заговорилъ о томъ, какъ его всегдашнимъ желаніемъ было, чтобъ Роландъ вступилъ въ тотъ обширный кругъ дѣятельности, изъ котораго онъ самъ только-что вышелъ. Рѣчь зашла, такимъ образомъ, о торговлѣ, и Эрихъ былъ пораженъ широтой взгляда Зонненкампа на этотъ предметъ. Онъ не допускалъ возможности отдѣльнаго существованія той или другой дѣятельности, той или другой производительности. Каждая часть свѣта, по его мнѣнію, существовала только съ помощью другой и въ связи съ ней; весь міръ являлся въ его глазахъ однимъ обширнымъ рынкомъ. Производства желѣза, табаку, шерсти и хлѣба, онъ одновременно разсматривалъ въ Швеціи, Шотландіи, Остъ-Индіи и Гаваннѣ, и вездѣ противопоставлялъ ихъ одно другому.

Digitized by Google

Зонненкампъ, казалось, хотѣлъ теперь отплатить Эриху за все, что онъ прежде отъ него слышалъ. Эриха все болѣе и болѣе изумляли въ немъ быстрота соображенія, энергія, точность выраженій и какая-то спокойная самоувѣренность. Каждое свое мнѣніе и воззрѣніе онъ излагалъ съ необыкновенной полнотой. Онъ смотрѣлъ на свѣтъ съ зоркостью англичанъ и американцевъ, которые менѣе всѣхъ прочихъ народовъ употребляютъ очки. Онъ схватывалъ сущность дѣла, не затрудняясь подробностями и не стѣсняясь излишними мудрствованіями, а замѣчанія его отличались рѣдкой опредѣленностью, касались ли они того, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ, или того, что онъ перенесъ къ себѣ.

Зонненкампъ очень хорошо зналъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на Эриха, и съ улыбкой кивнулъ головой, когда тотъ замѣтилъ, какъ много счастія въ томъ, чтобъ не только пріобрѣтать, но и владѣть, и жить.

— Подумайте же хорошенько, сказалъ Зонненкампъ, о томъ, что намъ сдѣлать изъ Роланда?... Вы настолько уже видѣли, прибавилъ онъ съ торжествующимъ взглядомъ, чтобъ убѣдиться, что, взявъ на себя воспитаніе моего сына, вы не измѣните ни меня, ни моего дома?

Это послѣднее замѣчаніе значительно разсѣяло впечатлѣніе, какое Зонненкампъ произвелъ-было на Эриха. Оно доказывало, что хозяинъ все показывалъ и говорилъ съ умысломъ.

Явился слуга и передалъ порученіе барона Пранкена, который желалъ передъ отъѣздомъ проститься съ господиномъ Зонненкампомъ.

ГЛАВА XIII.

САТАНУ ДѢЛАЮТЪ РУЧНЫМЪ.

На дворѣ стояла осѣдланная лошадь Пранкена, и самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ, помахивая хлыстомъ. Съ любезной поспѣшностью и весело встрѣтилъ онъ Зонненкампа, говоря, что желаетъ съ нимъ проститься. Зонненкампъ замѣтилъ, что всѣ дѣйствія Пранкена отличаются неожиданностью; собираясь въ дорогу, онъ объ этомъ всегда объявляетъ только въ самую минуту отъѣзда. А Пранкенъ на это съ лукавой скромностью возразилъ, что онъ надѣется въ этомъ отношеніи заслужить одобреніе своего друга, Зонненкампа, такъ какъ ничто не можетъ быть непріятнѣе и ничто не дѣлаетъ жизнь такой блѣдной и скучной, какъ мелочные о ней толки и пренія, — однимъ сло-

Digitized by Google

вомъ, какъ переливаніе изъ пустого въ порожнее. Его, Пранкена, дѣло убить зайца, а приготовить его къ столу онъ предоставляетъ ученому повару.

Слова эти Пранкенъ произнесъ съ своей обычной развязностью, подергивая себя за кончики бѣлокурыхъ усовъ. Съ Эрихомъ онъ простился очень холодно и сказалъ, что надѣется, возвратясь изъ своего коротенькаго путешествія, еще застать его здѣсь.

— Вслучаѣ же, если вы отсюда раньше уѣдете, прибавилъ онъ, то прошу васъ передать мое почтеніе вашей матушкѣ.

Прощаясь съ Зонненкампомъ, онъ снялъ одну перчатку; теперь же снова ее надѣлъ, и тогда уже подалъ руку Эриху. Онъ это сдѣлалъ открыто и, видимо, не безъ намѣренія. Но Эриху такая холодность почти пришлась по сердцу: она снимала съ него часть благодарности. Чѣмъ болѣе Пранкенъ станетъ его чуждаться, тѣмъ независимѣе и миролюбивѣе могутъ быть ихъ отношенія въ будущемъ.

Пранкенъ еще разъ подозвалъ къ себѣ Зонненкампа и сказалъ, что хотя онъ ему и рекомендовалъ молодого ученаго, — слова: «молодой ученый» онъ произнесъ съ аристократической небрежностью, — однако проситъ его не слишкомъ скоро рѣшаться, чтобъ послѣ не упрекать себя.

— Господинъ баронъ, возразилъ Зонненкампъ, я тутъ купецъ.... и онъ остановился, — я знаю, что бываютъ отношенія.... что часто бываешь принужденъ.... и потому, объявляю вамъ, что я снимаю съ васъ всякую отвѣтственность. Что же касается до упрековъ самому себѣ.... то, господинъ баронъ, я — покупатель (новая остановка), молодой человѣкъ продавецъ, а продавцу всегда приходится больше высказываться, чѣмъ покупщику, особенно еще, если его товаръ заключается въ немъ самомъ.

Пранкенъ улыбнулся и назвалъ это самой тонкой дипломатіей. Онъ подошелъ къ лошади, вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ галопомъ. Зонненкампъ закричалъ ему еще вслѣдъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ, принялась ли магнолія на монастырскомъ дворѣ. Пранкенъ въ отвѣтъ снялъ шляпу, помахалъ ею въ воздухѣ и быстро скрылся изъ виду.

— Какой славный, милый наѣздникъ! Всегда бодръ и веселъ! сказалъ Зонненкампъ вслѣдъ Пранкену и распространился о его веселомъ, беззаботномъ нравѣ.

Эрихъ молчалъ. Онъ зналъ Пранкена, зналъ, что такое постоянно-оживленное обращеніе нравится, но находилъ, что въ основаніи его лежитъ ложь. Невозможно, безъ особенныхъ усилій, во всѣ часы дня находиться въ подобномъ настроеніи, ко-

Digitized by Google

торое какъ бы заставляетъ человѣка постоянно хвастаться своей энергіей и сознательно или безсознательно лгать.

Спокойно слушалъ Эрихъ дальнѣйшія разсужденія Зонненкампа, пока тотъ у него не спросилъ: не находитъ ли онъ, что только человѣкъ, съ дѣтства сознающій преимущества своего дворянскаго происхожденія, можетъ пріобрѣсти такой беззаботный взглядъ на жизнь? Тогда онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, и другимъ сословіямъ не отказано ни въ одной изъ радостей жизни.

Зонненкампъ одобрительно кивнулъ головой. Между тѣмъ ему тоже подвели лошадь, онъ сѣлъ на нее и уѣхалъ.

Эрихъ пошелъ отыскивать Роланда и нашелъ его у собакъ.

— Вообрази себѣ, сказалъ ему мальчикъ: одна поденьщица мнѣ сейчасъ разсказала, что «Сатана» укусилъ бѣднаго садовника. По дѣломъ дураку! Зачѣмъ берется за то, чего не умѣетъ!

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Возможно ли, чтобы такое молодое сердце уже до такой степени зачерствѣло? Онъ началъ доказывать Роланду, какъ жестоко видѣть въ человѣкѣ только игрушку, которую, поигравъ съ ней, оставляютъ безъ вниманія. Онъ говорилъ съ жаромъ. Роландъ съ досадой тряхнулъ головой.

— Отчего ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? спросилъ Эрихъ.

— Я не зналъ, что ты тоже умѣешь читать нравоученія.

Сначала красота мальчика и его отвага плѣнили Эриха и побудили его посвятить себя ему. Въ эту минуту рѣшимость его нѣсколько поколебалась, но вслѣдъ за тѣмъ возвратилась къ нему еще тверже. Ему захотѣлось во что бы то ни стало смягчить эту, черствую отъ природы, или зачерствѣлую отъ воспитанія, натуру.

Молча шелъ Роландъ возлѣ Эриха, а потомъ вдругъ попросилъ его съ нимъ поѣхать верхомъ. Они направились къ деревнѣ. Но Роландъ ни за что ни согласился навѣстить садовника, котораго Эрихъ засталъ больнымъ въ постелѣ; бѣдняга кряхтѣлъ и стоналъ. Зайдя потомъ къ Клаусу, Эрихъ уже не нашелъ тамъ Роланда. Мальчикъ ушелъ съ «Сатаной» въ лѣсъ на гору. Клаусъ встрѣтилъ Эриха не слишкомъ-то почтительно. Онъ, правда, снялъ шапку, но тотчасъ же снова надѣлъ ее на бекрень и приблизился къ нему съ тѣмъ довѣрчивымъ видомъ, который такъ свойственъ жителямъ верхняго Рейна: точно они собираются чокнуться стаканами и хотятъ побрататься.

— Господинъ капитанъ, вы покончили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Могу ли я вамъ сказать одно дѣло?

— Почему нѣтъ, если это хорошее дѣло.

— Все зависитъ отъ того, какъ взглянешь на него. Вонъ,

Digitized by Google

живущій тамъ, внизу, онъ указалъ пальцемъ по направленію къ виллѣ — собирается скупить всѣ берега Рейна. Но видите ли, собака.....

— Довольно! воскликнулъ Эрихъ и рѣшительнымъ тономъ объявилъ Клаусу, что тотъ не имѣетъ права съ нимъ такъ говорить, да еще злословить.

Эрихъ почувствовалъ, что обращеніе его съ Клаусомъ было до тѣхъ поръ слишкомъ просто и дружелюбно, иначе тотъ никогда не посмѣлъ бы съ нимъ такъ довѣрчиво изъясняться. Поэтому онъ счелъ нужнымъ выговорить ему даже строже, чѣмъ самъ того желалъ.

Клаусъ съ особенной энергіей затянулся изъ своей наполеоновской трубки, а потомъ сказалъ:

— Да, да, я вижу, вы тамъ сами съумѣете справиться, а я для васъ недостаточно уменъ. Вы не хотите быть мнѣ благодарнымъ, но я не требую никакого вознагражденія.

И онъ тихонько пробормоталъ, что всѣ приближающіеся къ богатымъ непремѣнно портятся. Эриху пришлось снова поворотить въ другую сторону, такъ какъ Клаусъ одинъ могъ оспаривать у него вліяніе надъ Роландомъ. Смягченный опять новымъ дружелюбнымъ обращеніемъ Эриха, Клаусъ однако оставался молчаливъ.

Когда Роландъ вернулся, Эрихъ ему ни слова не сказалъ ни о его прогулкѣ въ лѣсъ, ни о своемъ посѣщеніи больного садовника. Онъ хотѣлъ, чтобъ Роландъ самъ у него о немъ освѣдомился, но мальчикъ ничего не спрашивалъ, и оба молча пришли домой.

Эрихъ немедленно отправился къ Зонненкампу и сказалъ, что отношенія его къ Роланду должны наконецъ быть приведены въ извѣстность.

— Значитъ, вы тоже находите Роланда отличнымъ юношей?

— Въ немъ много отваги и рѣшимости, но..... Я знаю, отцамъ бываетъ тяжело выслушивать нѣкоторыя вещи..... однако, соображаясь съ вашими вчерашними словами, я полагаю въ васъ настолько благоразумія.....

— Конечно, конечно! Говорите прямо.

— Я нахожу въ немъ какую-то черствость сердца и удивительное въ его возрастѣ равнодушіе ко всему чисто человѣческому, сказалъ Эрихъ и передалъ ему слова Роланда о приключеніи съ садовникомъ. Улыбка пробѣжала по лицу Зонненкампа, и онъ сказалъ:

— А вы беретесь облагородить его испорченный характеръ?

— Извините, я не говорилъ, что характеръ его испорченъ. Роландъ теперь стоитъ на перепутьи; характеръ его долженъ

Digitized by Google

окончательно опредѣлиться, и потому онъ требуетъ особенно осмотрительнаго съ нимъ обращенія.

— А какого вы мнѣнія о талантахъ Роланда?

— У него, сколько мнѣ кажется, ихъ вовсе нѣтъ. Способности его не переходятъ за черту обыкновенныхъ. У него природный, прямой умъ, онъ все легко схватываетъ, но на сколько удерживаетъ схваченное..... это еще остается для меня вопросомъ. Я уже замѣтилъ, что сначала у него все идетъ гладко, затѣмъ мыслительныя силы у него вдругъ останавливаются, и онъ болѣе не двигается впередъ. Я еще не вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ такого рода умственномъ устройствѣ. Если намъ не удастся его улучшить, то, я боюсь, Роландъ никогда не будетъ счастливъ. Радости его всегда будутъ кратковременны, а удовольствіе и обязанность продолжать начатое дѣло останутся имъ непоняты... Но все это могутъ быть только мои фантазіи.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы правы. Я не имѣю ни малѣйшаго довѣрія къ характеру моего сына. Онъ живетъ только настоящимъ. Дѣло, надъ которымъ надо потрудиться, чтобъ позже вкусить плоды, кажется ему тягостнымъ и скучнымъ.

— Это свойство всѣхъ дѣтей вообще.

— Нѣтъ, изъ такихъ дѣтей никогда не выходятъ сильные люди. Поэтому-то мнѣ такъ и хочется, чтобъ Роландъ полюбилъ растенія и убѣдился въ томъ, что на свѣтѣ есть вещи, съ которыми нельзя обращаться небрежно, и которыхъ никогда не слѣдуетъ забывать.

— Меня радуетъ, что вы сами указываете на главные пункты. Богачъ и сынъ богача въ одномъ отношеніи похожи на принца и на сына принца: они имѣютъ около себя только услужливыхъ друзей. Я противъ моей воли сдѣлался товарищемъ въ играхъ и удовольствіяхъ Роланда, — когда настанетъ очередь серьезнаго дѣла, оно непремѣнно произведетъ на него отталкивающее дѣйствіе.

— А развѣ нельзя соединить серьезное съ пріятнымъ?

— Я надѣюсь этого достигнуть; однако необходимо пріучать и къ строго-серьезному.

Эрихъ замолчалъ, а Зонненкампъ спросилъ:

— Вы имѣете еще что-нибудь сказать?

— Да, и я уже объ этомъ упоминалъ. Необходимо, чтобы между Роландомъ и предметами внѣшняго міра установились постоянныя, такъ сказать родственныя отношенія: только тогда онъ почувствуетъ себя чѣмъ-то въ жизни. У кого нѣтъ воспоминаній дѣтства, глубокой привязанности къ прошлому, тотъ лишенъ настоящихъ радостей жизни. Спросите у самого себя и вы увидите..... ваше возвращеніе въ Германію служитъ тому до-

Digitized by Google

казательствомъ.....что главной пищей вашей души были именно эти воспоминанія дѣтства и юности.

Зонненкампъ пришелъ въ волненіе, а Эрихъ продолжалъ:

— У вашего сына нѣтъ родины, и это омрачаетъ его душу.

— Нѣтъ родины! въ изумленіи воскликнулъ Зонненкампъ. Онъ съ трудомъ сдержалъ въ себѣ негодованіе и произнесъ съ принужденной кротостью.

— Такъ ли я попялъ? Нѣтъ родины?

— Такъ точно. Для внутренней жизни ребенка необходимы привычки. Путешествіе, если оно не вредитъ ребенку, то во всякомъ случаѣ не приноситъ ему пользы, и онъ относится къ нему равнодушно. Быстрая перемѣна ландшафта не производитъ на ребенка должнаго впечатлѣнія; его радуетъ видъ локомотива на желѣзной дорогѣ, вѣтренной мельницы на горѣ. Только глубокія привязанности даютъ душѣ силу и твердость. Если людямъ необходимо имѣть цѣль въ жизни, то имъ не менѣе того нужна и исходная для нея точка, которую именно и составляетъ родина. Вы говорили мнѣ, да я и самъ это вижу, что Роланда ничто не радуетъ. Не отъ того ли это, что у мальчика нѣтъ родины, что онъ дитя постоялыхъ дворовъ и гостинницъ, — что ему негдѣ было пустить корней, что у него нѣтъ въ прошломъ картинъ, которыми бы онъ жилъ, и къ которымъ бы воображеніе всегда могло его переносить? Онъ мнѣ разсказывалъ, что, играя въ римскомъ Колизеѣ, въ парижскомъ Луврѣ, въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ, на Женевскомъ озерѣ, и живя въ Европѣ, онъ всегда съ гордостью называлъ себя американцемъ. Скажите сами, развѣ не должно это поднимать въ душѣ безпокойства, которое всегда бываетъ причиною всѣхъ неудачъ?

— Я вижу, возразилъ Зонненкампъ, что вы воплощенный нѣмецъ, который можетъ въ воображеніи или дѣйствительности изъѣздить весь свѣтъ и постоянно будетъ съ самодовольствомъ приговаривать:—Ахъ, мнѣ такъ хорошо, а у васъ ни у кого этого нѣтъ..... Ба! А я вамъ скажу, что если я доставилъ моему сыну что-нибудь хорошее, такъ это, по моему мнѣнію, именно то, что онъ не будетъ имѣть сентиментальной, такъ называемой осѣдлости на родинѣ. Свистъ локомотива спугнулъ и прогналъ нѣкогда пресловутую тоску по родинѣ. Мы граждане міра, и въ американскихъ нравахъ именно и есть высокаго то, что они не признаютъ національныхъ ограниченій. Любовь къ родинѣ есть старое зло и предразсудокъ. Пусть Роландъ будетъ свободнымъ человѣкомъ!

Эрихъ долго молчалъ.

— Я полагаю, сказалъ онъ наконецъ, — что для насъ обоихъ

Digitized by Google

не хорошо и утомительно вдаваться въ столь общіе вопросы. Я только хотѣлъ сказать, что, подобно тому, какъ путешествіе, предпринимаемое безъ цѣли, доставляетъ мало удовольствія, такъ точно и жизнь, не имѣющая передъ собой никакой задачи, никакого сознательнаго дѣла или наслажденія, не можетъ дать человѣку ни счастія, ни удовлетворенія. Еслибъ у Роланда былъ къ чему-нибудь особенный талантъ.....

— Но вы находите, что его нѣтъ?

— По крайней мѣрѣ я до сихъ поръ еще ни одного не открылъ, да и не надѣюсь открыть: еслибъ онъ родился при другихъ условіяхъ, изъ него могъ бы выдти хорошій слесарь или конюхъ.... надѣюсь, что вы меня, какъ слѣдуетъ, поймете.... Я вижу лучшее доказательство равенства людей въ томъ, что вообще, или по бо́льшей части, одни обстоятельства ставятъ ихъ въ то, или другое положеніе. Сотни судей, напримѣръ, при иныхъ условіяхъ, были бы уличными гуляками, и наоборотъ. Повторяю: въ этомъ я вижу полноту способностей, по-ровну распредѣленныхъ на все человѣчество. Только весьма немногимъ достается въ удѣлъ геній, который опредѣляетъ, чѣмъ именно человѣкъ долженъ быть.

— Понимаю, понимаю. И вы не колеблетесь взять на себя воспитаніе мальчика, о которомъ вы такого ничтожнаго мнѣнія?

— Я ничуть не ничтожнаго мнѣнія ни объ умѣ, ни о сердцѣ Роланда. Я даже полагаю, что онъ способенъ любить, только любовь для него наслажденіе, а не долгъ. Онъ обладаетъ качествами, которыя круглымъ числомъ выпадаютъ на долю каждаго человѣка, не выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей. И этого вполнѣ достаточно, чтобъ посредствомъ разумнаго и добросовѣстнаго воспитанія сдѣлать изъ него человѣка дѣльнаго, честнаго, счастливаго самого и доставляющаго счастіе другимъ. Болѣе того: я почти радуюсь, что не нахожу въ Роландѣ ничего геніальнаго.

— Я уважаю и цѣню вашу искренность, сказалъ Зонненкампъ: — но мнѣ теперь некогда. Потрудитесь сами объявить Роланду, кто вы.

Зонненкампъ казался раздосадованнымъ; онъ передвигалъ сигару изъ одного угла рта въ другой и началъ перебирать бумаги, какъ будто Эриха уже тамъ не было.

Выйдя отъ Зонненкампа, Эрихъ отправился къ Роланду. Мальчикъ жевалъ куски почти совсѣмъ сырой говядины и пережеванные давалъ ихъ вновь дрессированной собакѣ Сатанѣ. Это, по словамъ Клауса, должно было до такой степени привязать къ нему собаку, что она сдѣлается съ нимъ неразлучной.

Digitized by Google

Съ минуту Эрихъ смотрѣлъ молча, затѣмъ велѣлъ Роланду отослать собаку, такъ какъ онъ имѣетъ ему что-то сообщить.

— Развѣ нельзя при собакѣ?

Эрихъ не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что ему прежде всего надо было отстранить всякое соперничество съ собакой. Когда же онъ вторично и очень серьезно взглянулъ на Роланда, тотъ сказалъ:

— Пойди, Сатана, и жди у дверей, а затѣмъ, обратясь къ Эриху, прибавилъ: — «Ну, теперь говори».

Эрихъ взялъ Роланда за руку и разсказалъ ему, что онъ сюда пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ сдѣлаться его воспитателемъ. Роландъ положилъ свою прелестную головку на слегка сжатую лѣвую руку и смотрѣлъ на говорившаго своими большими, блестящими, но нѣсколько блуждающими глазами.

— Я это зналъ, проговорилъ онъ наконецъ.

— А кто тебѣ сказалъ?

— Клаусъ и Іозефъ.

— Отчего же ты мнѣ этого не сказалъ?

Роландъ не далъ никакого отвѣта, но только взглянулъ на Эриха, какъ бы желая сказать: — Я могу ждать. Тогда Эрихъ объяснилъ ему, что онъ хотѣлъ прежде испытать самого себя и убѣдиться, годенъ ли онъ для этого дома. Роландъ все молчалъ. Собака начала царапаться въ двери, Роландъ обернулся, но не рѣшался отворить. Эрихъ сдѣлалъ это за него. Собака бросилась въ комнату, приласкалась къ Роланду, а затѣмъ приблизилась къ Эриху и стала лизать ему руки. Она какъ будто хотѣла служить между ними посредницей.

— Она *тоже* тебя полюбила! воскликнулъ Роландъ съ дѣтской радостью.

Слово: *тоже*—до сихъ поръ одно выразило то, что происходило въ Роландѣ. Вдругъ онъ вскочилъ и бросился на шею къ Эриху, который крѣпко обнялъ его. Собака лаяла и прыгала вокругъ нихъ.

— Мы будемъ съ тобой друзьями! воскликнулъ Эрихъ, освобождаясь изъ объятій мальчика. У меня былъ братъ твоихъ лѣтъ, теперь ты займешь его мѣсто.

Роландъ молча сжималъ въ обѣихъ рукахъ правую руку Эриха.

— Итакъ, мы весело и бодро немедленно начнемъ нашу новую жизнь.

— Да, отвѣчалъ Роландъ, — мы пошлемъ Сатану въ воду: онъ отлично умѣетъ вытаскивать разныя вещи.

— Нѣтъ, милый братъ, намъ надо работать. Покажи мнѣ все, чему ты до сихъ поръ учился.

Digitized by Google

Эрихъ замѣтилъ, что Роландъ изо всѣхъ предметовъ болѣе успѣлъ въ географіи. Онъ началъ его въ ней экзаменовать, и мальчикъ радъ былъ, что можетъ удовлетворительно отвѣчать. Мало-по-малу они перешли и на другіе предметы; въ нихъ Роландъ былъ очень слабъ, а къ латыни питалъ самую непримиримую вражду.

— Мы понемножку научимся всему необходимому, утѣшалъ его Эрихъ: — и въ тоже время будемъ гулять, ѣздить верхомъ, ходить на охоту, удить рыбу и кататься въ лодкѣ.

Въ виду столькихъ удовольствій, мальчикъ развеселился. На башнѣ пробили часы и онъ воскликнулъ:

— Черезъ часъ Пранкенъ будетъ у Манны. Какъ ты думаешь, могу ли я научиться ѣздить верхомъ, фехтовать и стрѣлять также хорошо, какъ Пранкенъ?

— Конечно, можешь.

— Я черезъ Пранкена послалъ письмо Маннѣ.

— На какомъ языкѣ?

— Конечно, на англійскомъ. Ахъ, мнѣ пришло въ голову.... Всѣ такъ хорошо говорятъ о твоей матери, скажи ей, чтобъ она также сюда пріѣхала. Она могла бы жить въ нашемъ виноградномъ домикѣ....

Мальчикъ ничего болѣе не успѣлъ сказать: Эрихъ приподнялъ его, обнялъ и крѣпко прижалъ къ сердцу. Мальчикъ высказалъ его собственное желаніе, то самое, которое возникло въ немъ при первомъ взглядѣ на домикъ. Къ тому же оказывалось, что мальчикъ охотно уступалъ, былъ способенъ дѣлать добро и доставлять радости. Жестокость его въ отношеніи къ тому садовнику стушевалась.

Тутъ пришли сказать, что поданъ обѣдъ, и Эрихъ съ Роландомъ рука объ руку отправились въ столовую.

ГЛАВА XIV.

СОПЕРНИКЪ.

Обѣдъ былъ такой же торжественный, какъ и наканунѣ. Хозяйка Церера опять присутствовала за нимъ, но ни словомъ, ни взглядомъ не дала замѣтить о своей вчерашней бесѣдѣ съ Эрихомъ. Она по временамъ обращалась къ нему съ коротенькими замѣчаніями, но разговоръ постоянно сбивался на одно: на упрашиванія ее что-нибудь скушать. Эрихъ удивлялся терпѣнію, съ какимъ Зонненкампъ опять и опять возвращался къ тому же.

Digitized by Google

Послѣ обѣда, за кофе, Зонненкампъ сказалъ Эриху, что у него появился соперникъ, котораго сильно рекомендовалъ послѣдній наставникъ Роланда, кандидатъ Кнопфъ. При этомъ онъ далъ замѣтить Эриху, что не всякаго, безъ разбора, допускаетъ къ своему столу, и затѣмъ приказалъ Іозефу пригласить къ нему незнакомца.

Въ комнату вошелъ худощавый, сильно загорѣлый мужчина. Его представили всему обществу, а Эриха отрекомендовали ему просто капитаномъ, на время оставивъ въ сторонѣ его докторское званіе. Незнакомецъ,—его звали профессоръ Крутіусъ,—былъ университетскимъ товарищемъ кандидата Кнопфа. Онъ не мало помыкался по свѣту и послѣднее время, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ въ West-point, близъ Ньюйорка. Онъ все это разсказалъ очень развязно, но съ оттѣнкомъ горечи въ тонѣ.

Зонненкампъ собирался доставить себѣ послѣ обѣда зрѣлище. Онъ хотѣлъ устроить между соперниками турниръ и самъ присутствовать при немъ, спокойно покуривая сигару. Ловко угадавъ пункты, на которыхъ ихъ можно было свести, онъ не мало удивился, когда Эрихъ, не вступая еще въ борьбу, сложилъ передъ противникомъ оружіе, говоря, что завидуетъ его обширной опытности и знанію свѣта. Самъ же онъ никогда не оставлялъ родины, постоянно вращался только въ тѣсномъ кругу и имѣлъ дѣло съ однѣми книгами.

Крутіусъ очень скоро открылъ, что фрейленъ Пэрини была главной спицей въ колесѣ всего домашняго устройства, и быстро нашелъ съ ней общія воспоминанія. Онъ сопровождалъ въ Италію одно американское семейство, съ которымъ и самъ пріѣхалъ изъ Новаго Свѣта. Съ большой искренностью и съ явнымъ знаніемъ дѣла изобразилъ онъ особенности американскаго мальчика образованнаго круга и изложилъ свои мнѣнія на счетъ того, какъ съ нимъ слѣдуетъ обращаться. Дѣлая видъ, что онъ говоритъ на-обумъ, безъ всякой цѣли, онъ, однако, видимо предназначалъ свои замѣчанія Роланду, который съ изумленіемъ на него смотрѣлъ.

Эрихъ стоялъ возлѣ Зонненкампа, облокотясь о перила балкона, и говорилъ ему, что сознаетъ себя далеко не готовымъ для дѣла, которое, было, хотѣлъ на себя взять, и указывалъ на вновь явившагося кандидата, какъ на человѣка, гораздо болѣе способнаго.

Зонненкампъ ничего не отвѣчалъ и быстро пускалъ въ воздухъ клубы сигарнаго дыма. — «Великодушіе! думалъ онъ про себя: — Великодушіе.... не болѣе, какъ одинъ чадъ и дымъ!»

Крутіусъ между тѣмъ усердно поддерживалъ разговоръ съ

Digitized by Google

госпожей Церерой и съ фрейленъ Пэрини. Роландъ подошелъ къ отцу и сказалъ ему тихо, но рѣшительно:

— Отошли его прочь... я не хочу его.

— Почему?

— Потому что у меня уже есть Эрихъ, а этого прислалъ Кнопфъ.

— Иди въ свою комнату, не твое дѣло здѣсь разсуждать, приказалъ ему Эрихъ. Мальчикъ взглянулъ на него, широко раскрывъ глаза и повиновался.

Эрихъ объяснилъ Зонненкампу, что одна изъ особенностей Роланда заключается въ горечи, какую онъ питаетъ ко всѣмъ своимъ бывшимъ учителямъ. Мальчикъ не успѣлъ самъ объяснить почему, но видимо желалъ себѣ въ наставники человѣка совершенно посторонняго.

Зонненкампъ былъ удивленъ дружескимъ соглашеніемъ между Роландомъ и Эрихомъ. Послѣдній замѣтилъ еще, какъ грустно должно быть мальчику постоянно переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Крутіусъ распрашивалъ фрейленъ Пэрини о томъ, нѣтъ ли у Зонненкампа родственниковъ и часто ли онъ получаетъ письма. Онъ старался выпытать, что въ этомъ домѣ думаютъ объ Америкѣ. Зонненкампъ энергически замѣтилъ, что желаетъ Америкѣ диктатора, который уничтожилъ бы въ ней безбожіе. Крутіусъ поспѣшилъ на это сказать, что въ Новомъ Свѣтѣ есть много людей, которые стремятся сдѣлать изъ нея монархическое государство; они не смѣютъ открыто выражать свои желанія, но въ душѣ питаютъ надежду на ихъ сбыточность.

Зонненкампъ кивнулъ головой и втихомолку засвисталъ.

— Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ вдругъ у Крутіуса. Тотъ назвалъ гостинницу въ маленькомъ городкѣ.

— Тамъ отличное помѣщеніе.

Лице Крутіуса передернуло. Онъ явно ожидалъ, что немедленно пошлютъ за его вещами, а его самого пригласятъ остаться въ домѣ въ качествѣ гостя. Но Зонненкампъ вмѣсто того учтиво поблагодарилъ профессора за его посѣщеніе и попросилъ у него адресъ, чтобъ можно было къ нему написать. Крутіусъ, дрожащей рукой, вынулъ изъ кармана сильно потертый бумажникъ и подалъ свою карточку. Онъ распростился съ принужденной учтивостью.

Зонненкампъ попросилъ Эриха проводить Крутіуса часть дороги и, такъ какъ онъ, повидимому, нуждался, вручить ему поделикатнѣе нѣсколько золотыхъ монетъ.

Digitized by Google

— Что это—довѣріе, или обращеніе какъ съ слугой? задалъ себѣ вопросъ Эрихъ.

Онъ догналъ Крутіуса у стѣны парка и отрекомендовалъ себя тоже учителемъ. Обращеніе профессора мгновенно измѣнилось и онъ воскликнулъ!

— А! Вы тоже учитель и, безъ сомнѣнія, мой соперникъ?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно. Крутіусъ злобно на него взглянулъ. Онъ былъ пріятно пораженъ привѣтливымъ обращеніемъ капитана, котораго принялъ за друга дома, чувствовалъ къ нему благодарность за его похвалы, и теперь оказывалось, что онъ тоже учитель. Онъ заскрежеталъ зубами отъ того, что могъ вдаться въ такой обманъ.

Съ большой осторожностью вручилъ ему Эрихъ деньги. Онъ поставилъ себя совершенно на одну ногу съ нимъ, признался ему въ собственной бѣдности и сказалъ, что часто бываютъ случаи, когда ничего болѣе не остается, какъ принять подарокъ отъ тѣхъ, кто богаче насъ.

— Ха, ха! захохоталъ Крутіусъ: — онъ меня знаетъ, хочетъ меня связать одолженіемъ и такимъ образомъ отъ меня откупиться.

Эрихъ замѣтилъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, къ чему относятся эти слова.

— Въ самомъ дѣлѣ? со смѣхомъ сказалъ Крутіусъ: — Такъ значитъ, и невинность въ капитанскомъ чинѣ тоже можно подкупить? Весь міръ есть не что иное, какъ старая лавка съ ветошью. Чтожъ изъ этого? Логовище, въ которомъ тигръ пожираетъ свою добычу, очень красиво, съ большимъ вкусомъ убрано. Каменьщики и обойщики могутъ многое скрыть!... Извините меня, я утромъ выпилъ вина.... и къ этому не привыкъ.... Хорошо, давайте сюда деньги! Мой нижайшій поклонъ виллѣ Эдемъ!... Ха, ха, славное имячко!

И не сказавъ болѣе ни слова въ объясненіе, профессоръ схватилъ деньги, дотронулся до шляпы и удалился быстрыми шагами.

Эрихъ задумчиво возвратился къ Зонненкампу. Тотъ ласково попросилъ его сѣсть и спросилъ:

— Взялъ онъ деньги?

Эрихъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— И, конечно, едва, едва поблагодарилъ? продолжалъ Зонненкампъ.

Эрихъ повторилъ признаніе Крутіуса на счетъ того, что онъ утромъ пилъ вино, и что это было для него вовсе непривычнымъ дѣломъ.

Digitized by Google

Указывая на большую пачку писемъ, Зонненкампъ сказалъ, что въ нихъ заключаются все предложенія занять мѣсто, о которомъ было напечатано объявленіе. Онъ сдѣлалъ при этомъ очень забавныя замѣчанія на счетъ того, какъ много существованій всегда разсчитываютъ на одну и ту же добычу, посылаемую имъ судьбой. Стоитъ только открыть горшокъ съ медомъ и къ нему вдругъ слетится куча пчелъ, осъ и шмелей, которыхъ за минуту передъ тѣмъ никто не видалъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Я могу прибавить одно новое свѣдѣніе къ вашему знанію людей.

— По поводу профессора Крутіуса?

— Нѣтъ, по поводу того бѣднаго садовника, о которомъ вы такъ сожалѣли. Весело право становится, когда подумаешь, какіе есть на свѣтѣ славные плуты. Я уже давно знаю, что онъ преловко воруетъ черноземъ изъ лѣсу на горѣ; теперь же оказывается, что укушеніе собаками во время ихъ дрессировки — чистая ложь. Я уже разсказалъ объ этомъ Роланду и меня радуетъ, что онъ съ дѣтства получаетъ вѣрное понятіе о лживости и негодности людей.

— Вы, конечно, послѣ этого не станете держать этого человѣка въ вашемъ услуженіи? спросилъ Эрихъ.

— Напротивъ. Мнѣ очень пріятно видѣть въ этомъ садовникѣ такъ много плутовства. Я люблю играть съ плутами и мошенниками и желалъ бы всегда имѣть ихъ съ полдюжины подъ рукой, чтобъ научить Роланда, какъ слѣдуетъ съ ними обращаться.

— Я бы его этому не училъ, сказалъ Эрихъ.

— И не надо. Вы здѣсь нужны для другого.

Съ грустными мыслями вышелъ Эрихъ отъ Зонненкампа. Слуга передалъ ему, что Роландъ ожидаетъ его на берегу рѣки. Онъ пошелъ туда, и Роландъ встрѣтилъ его просьбой покататься съ нимъ по Рейну. Мальчикъ отцѣпилъ отъ берега красивую лодку, ловко принялся грести, и они поплыли по рѣкѣ, которая теперь была ярко-зеленаго цвѣта; изъ изумрудныхъ волнъ ея безпрестанно выростали передъ глазами острова, покрытые виноградниками.

Свѣжій вѣтеръ поднялъ на рѣкѣ легкую зыбь. Роландъ былъ вполнѣ счастливъ. Онъ опустилъ парусъ и радовался, что можетъ показать свою ловкость. Въ каждомъ его движеніи было столько граціи, что Эрихъ не могъ имъ достаточно налюбоваться.

Эрихъ совсѣмъ не умѣлъ править лодкой и, къ великому удовольствію Роланда, просилъ его ему показать, какъ слѣдуетъ съ ней обращаться, чтобъ по произволу направлять ее. Лице Роланда дышало радостью, какой Эрихъ на немъ еще не видалъ.

Digitized by Google

Они плыли съ распущенными парусами, вокругъ лодки пѣнились и журчали волны, а Роландъ разсказывалъ, что своимъ искусствомъ въ управленіи лодкой обязанъ кандидату Кнопфу. Грести, спускать и подбирать паруса, править рулемъ и заставлять лодку описывать круги, Кнопфъ умѣлъ лучше самаго искуснаго лоцмана — нѣтъ, даже лучше самой лоцманши. Лоцманша была высокая, сильная женщина, которая ихъ въ эту самую минуту окликнула. Она правила большой лодкой, на которой вела буксирное судно, а мужъ ея, такой же рослый и сильный на видъ, стоялъ, прислонившись къ мачтѣ.

Роландъ обогнулъ буксирное судно и прицѣпилъ свою лодку къ той, которою правила лоцманша. Она съ нимъ весело болтала, но въ тоже время зорко слѣдила за направленіемъ, по какому плыло судно. Спустя нѣсколько времени, Роландъ опять отцѣпилъ свою лодку, и они понеслись обратно, внизъ по теченію рѣки.

Роландъ началъ забавно разсказывать о томъ, какъ лоцманша командуетъ своимъ мужемъ, но Эрихъ свелъ рѣчь на кандидата Кнопфа. Роландъ, однако, отказался болѣе говорить о немъ, равно какъ и своихъ другихъ учителяхъ, къ которымъ ко всѣмъ относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Они точно были для него не больше, какъ кельнера въ гостинницахъ, которые сегодня вамъ служатъ, а завтра вами отпускаются. Кому же интересно говорить объ отставленныхъ слугахъ? Только изъ нѣсколькихъ словъ Роланда можно было заключить, что кандидатъ Кнопфъ очень любилъ своего воспитанника.

Рѣчь зашла о садовникѣ, но и тутъ Роландъ высказалъ полное равнодушіе къ плутнямъ этого человѣка. Онъ былъ того мнѣнія, что всѣ бѣдные люди — плуты.

Во время этой прогулки Эрихъ ближе познакомился съ мальчикомъ и если еще больше полюбилъ его, то и почувствовалъ къ нему еще сильнѣйшее состраданіе. Роландъ уже научился презирать людей; у него, казалось, не было въ мірѣ существа, мысль о которомъ была бы ему особенно дорога и пріятна. Сестру, повидимому, онъ любилъ больше всѣхъ и когда они подходили къ виллѣ, онъ сказалъ:

— Какъ я теперь съ тобой иду, такъ Манна ходитъ теперь съ Пранкеномъ. Я увѣренъ, что когда Манна пріѣдетъ сюда, ты тоже ее полюбишь.

Б. Ауэрбахъ.

(Окончаніе первой части слѣдуетъ.)

Digitized by Google

РОССІЙСКОЕ
БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

III *).

Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму: мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина. — Отношенія духовенства къ библейскому дѣлу: два противоположные взгляда и двѣ партіи; неудовольствія противъ кн. Голицына; его гоненія на приверженцевъ старины. — Интрига противъ кн. Голицына, и союзъ противъ Библейскаго Общества. — Разсказы о паденіи кн. Голицына.—Гр. Аракчеевъ, Шишковъ. митр. Серафимъ, архиман. Фотій.— Госнеровское дѣло.

Перечисляя обстоятельства, въ которыхъ совершалась у насъ библейская дѣятельность и складывался самый ея характеръ, мы должны упомянуть еще одно обстоятельство, одно изъ худшихъ и опять принадлежавшее чисто самой русской жизни. Это было совершенное *отсутствіе и невозможность критики.* Какъ скоро за Обществомъ утвердился оффиціальный авторитетъ, то общественному мнѣнію, или мыслящимъ людямъ какого бы то ни было оттѣнка понятій, уже не было возможности высказаться объ его дѣятельности, — если ихъ сужденія не сходились съ тѣмъ, что говорило о себѣ само Библейское Общество. Это отсутствіе гласной критики, столь обычное въ нашей жизни и литературѣ, и здѣсь принесло тѣже плоды, какіе приноситъ всегда. Библейская дѣятельность шла безъ всякихъ обсужденій и возраженій; ея недостатки и ошибки оставались неуказанными; ея противники должны были молчать, и потому ихъ неудовольствіе и мо-

*) См. выше, т. IV, стр. 629—712, и т. V, стр. 231—297

Digitized by Google

гло наконецъ возрасти до такой степени, что превратилось въ озлобленную вражду, не гнушавшуюся никакими средствами, и самимъ властямъ приходилось прекращать то, что̀ недавно называлось «видимымъ благословеніемъ Промысла». Накопилось только лицемѣріе и оффиціальная ложь... непривычка слышать свободныя сужденія и правду.

Возражать противъ дѣятельности Общества было трудно при господствовавшихъ нравахъ: высшая власть все покрывала своимъ сочувствіемъ; притомъ цензура была именно въ рукахъ князя Голицына. Обскурантизмъ библейскихъ дѣятелей легъ тяжелымъ камнемъ на литературу и науку.

Сдѣлаемъ впрочемъ одинъ разъ оговорку. Понятно, что не все Общество цѣликомъ отличалось этой тенденціей въ такихъ формахъ, какія мы указывали въ Магницкомъ. Даже въ пору сильнѣйшаго вліянія его дикаго мракобѣсія, онъ былъ непріятенъ самимъ членамъ министерства и Общества, напр. гр. Ливену — не смотря на весь его методизмъ, или Фусу—не смотря на всю его чрезмѣрную академическую осторожность. А. И. Тургеневъ, вообще, кажется, лавировавшій между противоположностями тогдашнихъ мнѣній, до самаго паденія кн. Голицына и своего собственнаго, оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и членами Арзамаса, очень непохожими на ту компанію, среди которой онъ занимался библейской пропагандой. Такихъ примѣровъ было, конечно, много: личные характеры, извѣстная порядочность, бо̀льшая степень образованія, дѣлали, въ этомъ пунктѣ, большую разницу между различными членами Библейскаго Общества и не допускали общей солидарности. Чтобы взять частный образчикъ,—извѣстно, наприм., какія добродушныя отношенія существовали между Пушкинымъ и И. Н. Инзовымъ, генераломъ и библейскимъ дѣятелемъ, къ которому онъ присланъ былъ подъ надзоръ, и какъ съ другой стороны смотрѣлъ на него Адеркасъ, псковской губернаторъ и библейскій дѣятель, у котораго онъ былъ подъ надзоромъ послѣ.

Въ самомъ Библейскомъ Обществѣ, въ его основной мысли, какъ мы видѣли, было много идей дѣйствительно благотворныхъ и просвѣтительныхъ, и эта сторона его дѣятельности не могла не возбуждать тогда сочувствія въ людяхъ образованныхъ, хотя бы сами они были очень далеки отъ мистическихъ воззрѣній и не отличались особымъ религіознымъ жаромъ. Эта лучшая сторона Общества, конечно, и не могла встрѣтить никакой вражды въ образованныхъ людяхъ того времени; но она была не единственная, и рядомъ съ ней Общество обнаружило свойства совсѣмъ иного рода, или иначе сказать, основную просвѣтитель-

Digitized by Google

ную идею Общество стало часто выражать и примѣнять такими странными способами, и присоединять къ ней такія дикія добавленія, которыя должны были оттолкнуть отъ него людей порядочныхъ.

Главнѣйшіе дѣятели, дававшіе тонъ и правившіе въ министерствѣ и въ цензурѣ—кн. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, Лабзинъ и проч., были именно таковы, что время ихъ вліянія было истиннымъ бѣдствіемъ для науки и литературы. Гоненіе, воздвигнутое противъ Германа, Арсеньева, Галича, Раупаха, и еще раньше, гоненіе противъ Куницына достаточно характеризуютъ отношеніе библейскихъ дѣятелей къ университетамъ и литературѣ, въ которой упомянутые профессоры были представителями серьезнаго научнаго труда и благороднаго интереса къ общественному благу. Эти преслѣдованія, дошедшія до самой безобразной наглости и крайняго безстыдства, были одною изъ самыхъ печальныхъ невзгодъ, какія случалось и случается выносить русскому просвѣщенію, едва становящемуся на ноги, и они, конечно, надломили не мало силъ и уничтожили не мало благихъ начинаній, которыя могли бы быть благотворны для дѣла русскаго образованія.

Время съ 1819 года (или еще раньше) и до 1824 года—высшій пунктъ развитія библейскихъ обществъ, было и временемъ несноснѣйшей цензуры, въ царствованіе императора Александра. Въ настоящую минуту мы имѣемъ еще немного свѣдѣній о цензурныхъ порядкахъ этого времени: изуродованныя книги молчатъ о томъ, какъ ихъ уродовали, но частныя подробности, въ мемуарахъ и письмахъ того времени, теперь напечатанныхъ, даютъ уже нѣкоторое понятіе о свирѣпствахъ цензуры. Не только Пушкинъ приходилъ отъ нея въ отчаяніе; но и совсѣмъ умѣренные писатели, какъ Жуковскій, кн. Вяземскій, Дмитріевъ, Карамзинъ, самъ А. И. Тургеневъ, — находили, что литература становится невозможна, и жаловались съ одной стороны на крайнюю подозрительность и суровость цензурной полиціи, съ другой — на несказанное тупоуміе нѣкоторыхъ ея исполнителей. Цензура временъ кн. Голицына заставляла многихъ радоваться назначенію Шишкова въ министерство: Шишкова считали либеральнымъ!! Въ самомъ дѣлѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, былъ безхитростенъ... Съ самимъ кн. А. Н. Голицынымъ Карамзинъ былъ, кажется, въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ съ человѣкомъ, по его мнѣнію, добрымъ и искреннимъ, но въ то время думали однако, что тогдашнія журнальныя вылазки противъ Карамзина дѣлались не безъ тайныхъ желаній и внушеній князя Голицына; масонскимъ обскурантамъ Карамзинъ былъ непріятенъ. Дмитріевъ,

Digitized by Google

упоминая въ своихъ запискахъ объ этихъ нападеніяхъ на Карамзина (особенно въ московскомъ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Казанскомъ Вѣстникѣ»), дѣлаетъ негодующее замѣчаніе: «Со временемъ выйдетъ и у насъ исторія нашей словесности: пускай же авторъ ея знаетъ, что въ это время министромъ просвѣщенія былъ князь А. Н. *Голицынъ*, попечителемъ въ Московскомъ университетѣ князь *Оболенскій*, а въ Казанскомъ *Магницкій;* ректорами—въ первомъ *Прокоповичъ-Антонскій*, а во второмъ *Никольскій*» [1]). Дмитріевъ передавалъ имена этихъ людей на осужденіе потомства.

Это негодованіе Дмитріева даетъ понятіе о томъ, какъ должны были смотрѣть на библейскихъ дѣятелей разсудительные люди даже самаго умѣреннаго разряда, каковъ былъ Дмитріевъ...

Какъ цензура ни давила свободной мысли въ литературѣ, образованные люди общества высказывали однако свою оппозицію—тѣми путями, какіе для нихъ оставались. Негодованіе выростало по мѣрѣ безобразій обскурантизма и еще съ тѣхъ поръ заклеймило многія имена, на которыхъ исторія конечно и оставитъ это клеймо. Такое негодованіе должны были чувствовать всѣ, кѣмъ не овладѣвала мистика и въ комъ сохранялся здравый смыслъ. Разсудительные люди понимали весь страшный вредъ, какимъ грозила владычествовавшая система обскурантизма, возмущались презрѣннымъ способомъ его дѣйствій, и, сколько могли, заявляли объ этомъ... Когда произошло знаменитое скандальное нашествіе обскурантовъ на петербургскій университетъ, то бывшій попечитель его Уваровъ счелъ своею обязанностью высказаться объ этомъ дѣлѣ въ письмѣ къ императору Александру: Уваровъ долженъ былъ видѣть, что вся интрига, устроившая это нашествіе, была направлена противъ него. Это письмо [2]) — одинъ изъ самыхъ сильныхъ протестовъ, какіе были тогда поданы противъ инквизиціоннаго обскурантизма тогдашняго министерства. Университетъ (т. е. и самъ его попечитель) обвиненъ былъ въ распространеніи *обдуманной системы невѣрія*, понятій, *противныхъ христіанству* и *разрушительныхъ* для *общественнаго порядка* и благосостоянія [3]). Обвиненіе явнымъ образомъ выходило изъ обдуманныхъ плановъ библейскаго министерства, или точнѣе, плановъ Магницкаго. Уваровъ зналъ силу этой пар-

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 103.

[2]) Напечатанное г. Сухомлиновымъ, въ его «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го», въ Журн. Министерства Нар. Просв. 1865—66.

[3]) Эти обвиненія любопытны: впослѣдствіи *въ той же самой формѣ* они поданы были противъ самого министерства Голицына и Библейскаго Общества.

Digitized by Google

тіи и тогдашнее расположеніе императора, но въ своемъ письмѣ, объясняя дѣло, не усумнился поставить имп. Александру вопросъ о томъ, гдѣ надо скорѣе искать людей, угрожающихъ установленному порядку, — въ преслѣдуемомъ ли университетѣ, или среди самихъ преслѣдователей:

«...Нужно ли искать ихъ въ рядахъ людей глубоко религіозныхъ и монархическихъ, привязанныхъ къ сохраненію существующаго всѣми узами принциповъ, чувствъ, патріотизма, національной гордости, просвѣщенія, собственности и семьи, людей, которые могутъ знать только *одну дорогу* и, будучи вѣрны Богу безъ хвастовства и вашему императорскому величеству безъ холопства, готовы отдать за васъ свою жизнь,.... — или виновники безпорядка скорѣе эта горсть людей sans aveu, которые, съ злобой въ душѣ и съ человѣколюбіемъ на словахъ, исконные враги *всякаго положительнаго порядка* и слѣдовательно *друзья мрака*, присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи; эти хладнокровные фанатики, поочередно то заклинатели злыхъ духовъ, то иллюминаты [1]), квакеры, масоны, ланкастерьянцы, методисты, наконецъ все, что угодно, только не люди и не граждане, — которые утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ тоже время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона; — искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы и которые теперь создаютъ вокругъ себя воображаемыя опасности, чтобы продолжить нѣсколькими минутами свое эфемерное существованіе?»...

Эта характеристика не могла быть пріятна императору Александру, — письмо Уварова и не имѣло успѣха. На первый взглядъ эти обратныя обвиненія Уварова могутъ показаться слишкомъ преувеличенными; но въ нихъ было однако не мало рѣзкой правды и смѣлости: въ этихъ «холодныхъ фанатикахъ» и «ловкихъ актерахъ», запугивающихъ воображаемыми опасностями и спасающими троны и алтари отъ небывалыхъ нападеній, нельзя было не узнавать пошлыя черты тѣхъ библейскихъ дѣятелей, которые всего больше отличались инквизиціоннымъ обскурантизмомъ. Эти слова могли быть вѣрны напр. относительно преслѣдованій, какимъ подвергся арх. Иннокентій отъ кн. Голицына (мы скажемъ объ этомъ дальше), и опять могли быть поразительно истинны въ ту минуту, когда шло гнусное дѣло

[1]) Уваровъ употребляетъ это слово въ томъ смыслѣ, какой давало ему употребленіе во французскомъ языкѣ: религіозные фантасты.

Digitized by Google

петербургскаго университета, систематически задуманное Магницкимъ и съ отвратительной наглостью выполненное его клевретами. «Это — государственный злодѣй»! говорилъ о Магницкомъ немного времени спустя Сперанскій [1]), который хорошо его зналъ. Общество было безсильно противъ этихъ дикихъ нашествій обскурантизма, и Магницкій, какъ ни былъ презрѣненъ и ничтоженъ самъ по себѣ, могъ казаться страшенъ по вреду, какой онъ имѣлъ возможность нанести и дѣйствительно нанесъ.

Письмо Уварова было только личной защитой отъ нападенія этихъ людей. Но императору Александру представлено было и болѣе систематическое и объективное обличеніе ужасной системы, которую вводило министерство народнаго просвѣщенія. Это была записка извѣстнаго дерптскаго профессора Парротa (Coup d'oeil moral sur les principes actuels de l'instruction publique). Парротъ пользовался особеннымъ дружескимъ расположеніемъ императора Александра и рѣшился открыто указать императору на страшное извращеніе понятій и на презрѣнное лицемѣріе, которыми проникнуты были составленныя въ министерствѣ знаменитыя инструкціи ректору и директору казанскаго университета. Парротъ писалъ свою записку еще при министерствѣ кн. Голицына и вѣрно предсказалъ непремѣнный результатъ этого фанатическаго и лицемѣрнаго мракобѣсія. «По внѣшности,—говорилъ онъ, — университетъ сохранитъ нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе» [2]). Парротъ вспоминаетъ о подвигахъ императора, освободившаго Европу, давшаго Польшѣ конституцію, сказавшаго нѣкогда слова: «Я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также, какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ», — и въ противоположность этому указываетъ на людей, которые, прикрываясь религіей, поставили себѣ задачей сдѣлать русскихъ рабами, — рабами въ правленіе государя, который всегда хотѣлъ царствовать надъ людьми, а не надъ машинами... Кн. Голицынъ, по мнѣнію Парротa, дѣйствовалъ, самъ того не зная, въ пользу іезуитовъ; своей системой народнаго просвѣщенія онъ приготовлялъ имъ путь къ возвращенію въ Россію, и какъ скоро система принесетъ свои плоды, они не замедлятъ низвергнуть его и во главѣ народнаго просвѣщенія поставятъ автора инструкцій, Магницкаго.

---

[1]) В. Евр. 1867, т. IV, отд. I, стр. 99.—Замѣтимъ, что эти слова были сказаны о Магницкомъ, уже тогда, когда онъ служилъ Шишкову и врагамъ Голицына.

[2]) *Феокт.*, Магницкій, стр. 148 и далѣе.

Digitized by Google

Записка Паррота, проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ и спокойной правдивостью, осталась также безъ успѣха. Онъ напрасно старался разъяснить великія понятія религіи, истиннаго народнаго блага и просвѣщенія; господство осталось по прежнему за тѣми извращеніями этихъ понятій, какія проповѣдывала іезуитская программа Магницкаго, принятая министерствомъ.

Въ кругу просвѣщенныхъ людей все это мракобѣсіе, какъ мы сказали, должно было возбуждать только негодованіе. Библейскіе обскуранты уже съ первыхъ годовъ Общества составили свою клику, или даже цѣлую партію, которая старалась давать ходъ людямъ своихъ мнѣній и, имѣя въ рукахъ власть, притѣсняла все, державшееся независимо. Люди, не надѣвавшіе на себя лицемѣрнаго благочестія и мистическаго фанатизма, по-неволѣ становились врагами этой партіи. Обращаясь къ запискамъ и письмамъ того времени, мы можемъ теперь видѣть мнѣнія людей, которые не могли открыто говорить тогда, за полной невозможностью. Нѣсколько фразъ изъ писемъ Карамзина достаточно покажутъ намъ, при всей сдержанности этихъ писемъ, какое презрѣніе чувствовалъ онъ къ фанатической библейской компаніи.

«Я засмѣялся, читая о Кошелевѣ (пишетъ онъ въ 1817 году къ Дмитріеву): онъ будетъ министромъ развѣ *вышняго* просвѣщенія [1])! Соединеніе двухъ министерствъ [2]) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... *Немудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ*»... Оно дѣйствительно и умножилось.

Въ томъ же году, онъ пишетъ о кн. Голицынѣ и Кошелевѣ: «Князь Голицынъ хорошій человѣкъ... но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; *даже и текстами не промышляю*. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ»...

О мистической литературѣ (въ 1819 году):—«Читаешь ли *Инвалида?* Въ послѣднемъ нумерѣ издатель пишетъ, что и Евангеліе не совсѣмъ хорошо, а хороша мистическая книга, переведенная Карнеевымъ: Philosophie divine. Многіе сердятся и *предсказываютъ бѣды нашему просвѣщенію*» [3])...

Издателемъ «Инвалида» былъ тогда основатель его Пезаровіусъ, секретарь и директоръ библейскаго комитета, мистикъ по

---

[1]) Былъ, конечно, слухъ о назначеніи Р. А. Кошелева министромъ народнаго просвѣщенія.

[2]) Народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

[3]) «Письма Карамзина къ Дмитріеву», стр. 204, 218, 258.

Digitized by Google

своимъ мнѣніямъ. «Божественная философія», о которой идетъ здѣсь рѣчь, есть одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ мистической фантастики; авторомъ ея былъ одинъ изъ самыхъ крайнихъ и знаменитыхъ мистиковъ прошлаго вѣка, Дютуа-Мамбрини, а переводчикомъ уже извѣстный намъ Карнѣевъ, нѣкогда розенкрейцеръ, а тогда одинъ изъ вице-президентовъ Библейскаго Общества и попечитель харьковскаго университета.

Въ 1822 г., кіевскій митрополитъ Евгеній пишетъ къ типографщику Селивановскому: «Если наименованный вами ревизоръ [1]) пріѣдетъ въ вашъ университетъ, то *будутъ хлопоты*. Нравъ его и владычествующій нынѣ вкусъ извѣстенъ. *Дожили мы время*» [2])!.. Рѣчь идетъ конечно о «вкусѣ» библейскихъ обскурантовъ, и слова замѣчательны въ письмѣ митрополита Евгенія.

Для кружковъ литературныхъ, всѣхъ сколько-нибудь здравомыслящихъ оттѣнковъ, господство библейскихъ дѣятелей было господствомъ дикой цензуры, которое угнетало и кастрировало литературу до невозможности. До чего простиралось это угнетеніе литературы, можно судить по тому, что впослѣдствіи даже молодое, весьма либеральное поколѣніе съ радостью встрѣчало назначеніе защитника стараго слога и самаго тяжеловѣснаго классика Шишкова въ министерство народнаго просвѣщенія; это давало надежду на освобожденіе отъ вавилонскаго плѣненія: «Съ перемѣною министерства — писалъ Пушкинъ въ іюнѣ 1824 г.—ожидаю и перемѣны цензуры. А *жаль... la coupe était pleine*» [3])... Пушкина, такимъ образомъ, тогда начинало уже интересовать— до чего могло наконецъ дойти это безобразіе. Говорить о немъ было уже нечего: вещи говорили за себя сами, и молодая литература Арзамаса, Пушкинскаго кружка, Полярной Звѣзды находила для нихъ только эпиграммы. Вспомнимъ напр. «Второе посланіе къ Аристарху» (1824), гдѣ послѣ извѣстныхъ стиховъ о Шишковѣ:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года, —

Пушкинъ продолжаетъ:

Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ...
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ [4]),
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,

---

[1]) Т. е. изъ министерства народнаго просвѣщенія.
[2]) Библ. Зап. 1859, ст. 73.
[3]) Библ. Записки 1858, ст. 45.
[4]) Конечно, кн. Голицынъ.

Digitized by Google

Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный...

Желчныя эпиграммы Пушкина: «Полу-фанатикъ, полуплутъ», — «Вотъ Хвостовой покровитель», не вошедшія и до сихъ поръ въ собранія сочиненій Пушкина, и др. достаточно рисуютъ отношеніе новаго литературнаго поколѣнія къ кружку или партіи кн. Голицына [1]).

Такимъ образомъ, библейскіе дѣятели окончательно возстановляли противъ себя лучшую образованную часть общества; но эта часть общества, заподозрѣнная тогда императоромъ Александромъ въ крайнемъ либерализмѣ, была совершенно безсильна противъ кн. Голицына; и какъ ни справедливо было ея негодованіе противъ обскурантизма, она ничего не могла сдѣлать противъ него. Представленія Паррота и Уварова были напрасны, потому что аргументы этого рода, вообще, имѣли и имѣютъ за собой слишкомъ мало вліянія въ русскомъ обществѣ.

Успѣшнѣе боролась противъ Библейскаго Общества другая сила, — изъ другихъ общественныхъ сферъ и понятій. Это были приверженцы старины. Имъ ненавистно было все Библейское Общество: и то, что̀ людямъ просвѣщеннымъ казалось обскурантизмомъ, и то, что̀ было въ Обществѣ хорошаго и полезнаго, представлялось этимъ людямъ совсѣмъ съ особой точки зрѣнія. Они возопили о *низверженіи вѣры* и о *революціи!*..

По всѣмъ, извѣстнымъ теперь разсказамъ, виной паденія Общества были съ одной стороны—личная интрига Аракчеева противъ кн. Голицына, вліянію котораго онъ завидовалъ и котораго желалъ свергнуть; съ другой—вражда одной части духовенства,

---

[1]) Одну эпиграмму на Магницкаго читатель найдетъ въ запискахъ Панаева. Вотъ другая, написанная княземъ Вяземскимъ и относящаяся, конечно, къ нему́ же:

NN, вертлявый по природѣ,
Модницкій, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,
То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

Р. Архивъ, 1866, № 11—12. Въ современныхъ рукописяхъ встрѣчаются еще другія эпиграммы на Магницкаго, Рунича и проч.

Digitized by Google

представителемъ которой явился въ особенности извѣстный архимандритъ Фотій. Голосъ этого духовенства имѣлъ за себя и всѣ ультра-консервативные элементы, всѣхъ людей, которымъ всякое нововведеніе съ самаго начала казалось «развратомъ» и подкопомъ подъ церковь, престолъ и отечество. Самому Аракчееву, по всей вѣроятности, не было ни малѣйшаго дѣла до Библейскаго Общества; но ненависть къ Обществу отъ приверженцевъ старины показалась Аракчееву удобнымъ средствомъ для низверженія кн. Голицына. Чтобы объяснить ближе важную роль, которую играла въ паденіи Библейскаго Общества упомянутая часть духовенства, приписывавшая себѣ храненіе и защиту православія, — Фотій, митр. Серафимъ, митр. Евгеній, — мы остановимся нѣсколько на отношеніи духовенства къ библейскому дѣлу.

Это отношеніе было весьма различно, смотря по складу понятій и личному развитію разныхъ членовъ этого сословія.

Библейское Общество явилось къ намъ совершенно нежданно. По своей непосредственной религіозной цѣли, оно, собственно говоря, прежде всего должно бы стать дѣломъ духовенства, которому, повидимому, должны быть всего ближе духовные интересы народа; на дѣлѣ, первые приверженцы Общества явились не въ средѣ духовенства, и едва ли можно сомнѣваться, что наше духовенство, въ цѣломъ, не было приготовлено къ той библейской дѣятельности, какъ она открывалась въ Обществѣ. Задача религіознаго воспитанія націи, посредствомъ обширнаго распространенія Библіи въ народной массѣ и разъясненія самыхъ источниковъ христіанской вѣры, — такая грандіозная задача не могла представиться ему сама собой. Чтобы она могла явиться, для этого нужна была бо́льшая степень образованія и умственнаго развитія, чѣмъ владѣло тогда большинство духовенства. Это образованіе было дѣйствительно не велико. Люди, дѣйствовавшіе теперь, воспитались въ XVIII-мъ столѣтіи на той школьной схоластикѣ, которая отжила свой вѣкъ и уже давно не была сколько-нибудь дѣйствительнымъ знаніемъ при тѣхъ успѣхахъ мысли, какіе сдѣланы были скептическимъ XVIII-мъ вѣкомъ. Наше духовное образованіе давало, правда, извѣстную выдержку умамъ, давало большія схоластическія свѣдѣнія, но по общему развитію понятій оно все болѣе и болѣе отставало отъ умственнаго движенія въ другихъ классахъ общества. Какъ въ началѣ Петровской реформы, старые представители духовенства отнеслись къ преобразованію враждебно, такъ и послѣ въ духовенствѣ продолжалось враждебное отношеніе къ тѣмъ нововведеніямъ, какія приносило дальнѣйшее развитіе реформы и европейскія вліянія.

Digitized by Google

Его собственная школа, продолжавшая традиціи XVII-го вѣка, постоянно оставалась назади новой литературы и новыхъ научныхъ свѣдѣній. Духовенство замѣчало наконецъ, что это умственное движеніе идетъ въ какія-то новыя страны, напр., въ скептицизмъ, но не могло противопоставить этому ничего, кромѣ схоластическихъ возраженій или голословнаго порицанія; и то, и другое, конечно, не было убѣдительно для тѣхъ, кого оно хотѣло исправлять. Всего чаще, впрочемъ, оно и не пыталось на исправленіе и смотрѣло безучастно на то, что̀ дѣлалось въ жизни. Умственное движеніе шло мимо. Въ XVIII-мъ столѣтіи, напр., нѣкоторые возражали на Коперникову систему, — но Коперникова система вошла въ школьное образованіе даже безъ тѣхъ споровъ, какіе были въ школахъ католическихъ... Правда, въ этомъ общемъ положеніи дѣла были исключенія: были отдѣльныя лица, стоявшія надъ общимъ уровнемъ по уму и свѣдѣніямъ, лица, которыя съ интересомъ слѣдили за общественнымъ движеніемъ, сочувствовали успѣхамъ образованія и литературы, даже сами въ нихъ участвовали и вообще были свободны отъ вражды къ тому новому, что̀ другимъ казалось отступничествомъ и ересью. Еще Петръ В. находилъ себѣ сподвижниковъ въ средѣ духовенства; но это были исключенія.

Наконецъ, въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ явился и религіозно-нравственный вопросъ: развивалось масонство, началась дѣятельность Новикова. Одинъ изъ умнѣйшихъ представителей духовенства, митр. Платонъ вполнѣ сочувствовалъ образовательнымъ тенденціямъ масонскаго кружка и если самъ не одобрялъ крайностей мистики, то все-таки находилъ возможнымъ не обвинять мистиковъ въ ереси, и даже уважать ихъ. Мистическое движеніе нашло въ духовенствѣ отголосокъ, который продолжался и теперь, въ періодъ Библейскаго Общества. Правда, сочувствіе къ мистицизму, собственно говоря, вовсе не было большимъ пріобрѣтеніемъ для духовнаго образованія, но сравнительно съ прежней схоластикой и это былъ нѣкоторый успѣхъ, какъ начало нѣкоторой пытливости и какъ сближеніе съ нравственно-религіозными интересами, занимавшими общество.

Но этотъ успѣхъ сдѣланъ былъ, конечно, только немногими. Людямъ стараго вѣка и старыхъ преданій, новый мистицизмъ не нравился; это было слишкомъ мудреное нововведеніе, неизвѣстное отцамъ и дѣдамъ; притомъ нововведеніе почерпалось изъ иноземныхъ источниковъ, которые казались подозрительны, и потому оно тѣмъ скорѣе могло быть обвинено въ неправославіи. Этимъ людямъ не могла быть понятна и библейская дѣятельность, которая, какъ и мистическое движеніе, открылась опять не въ

Digitized by Google

средѣ духовенства. При тѣхъ ограниченныхъ понятіяхъ и образованіи, какими отличалось большинство [1]), мысль о распространеніи Библіи для религіознаго воспитанія народа должна была казаться еще болѣе страннымъ нововведеніемъ... До сихъ поръ какое-нибудь особенное религіозное воспитаніе народа и въ голову никому не приходило; обычное обрядовое благочестіе считалось для него совершенно достаточнымъ воспитаніемъ,—какія бы невообразимыя суевѣрія ни скрывались подъ этимъ обрядовымъ благочестіемъ... Мысль библейской дѣятельности могла быть вполнѣ доступна только для лучшихъ, наиболѣе развитыхъ членовъ духовенства: для людей старыхъ преданій она была вреднымъ вольнодумствомъ, даже измѣной православію.

Эти мнѣнія, за или противъ распространенія Библіи, были конечно слишкомъ противоположны одно другому; но самое существованіе этого вопроса и этого разнорѣчія по его поводу не высказалось однако ни въ литературѣ, ни въ дѣятельности духовенства. Когда заявлено было объ основаніи Библейскаго Общества, духовенство приняло его какъ совершившійся фактъ, безъ возраженій, какъ будто всѣ мнѣнія были въ этомъ согласны. Объясненіе этого заключается въ общественномъ положеніи духовенства.

Со временъ Петра Великаго и съ уничтоженія патріаршества, духовенство, какъ сословіе, стало въ извѣстное подчиненное государственной власти положеніе. У него не было той силы, какая нѣкогда давала церкви властительную роль въ государствѣ. Нѣсколько попытокъ оппозиціи, заявленныхъ въ теченіе XVIII-го вѣка, при Аннѣ, Елизаветѣ, Екатеринѣ, кончались самымъ неблагопріятнымъ образомъ для интересовъ духовенства, какъ сословія, и въ пользу свѣтской администраціи. Духовенство отвыкло отъ самостоятельности и наравнѣ со всѣмъ остальнымъ обществомъ подчинялось правительственнымъ вліяніямъ, которыя иной разъ касались и вопросовъ спеціально духовныхъ. Такъ случилось и въ библейскомъ дѣлѣ. Хотя, повидимому, библейское дѣло должно бы особенно вызвать самостоятельныя рѣшенія духовенства, — воля императора предрѣшила вопросъ и для духовенства, точно также какъ и для другихъ людей общества. Высшіе представители іерархіи наполнили вдругъ библейскій комитетъ, наряду съ иновѣрцами, когда оказалось, что библейское учрежденіе не только соотвѣтствуетъ взглядамъ императора Александра, но какъ будто даже выполняетъ прямую его волю. Правда, не всѣ члены духовенства вступали въ Общество вслѣдствіе однихъ

[1]) См. примѣры въ книгѣ «Іезуиты въ Россіи», стр. 268—269.

Digitized by Google

подобныхъ побужденій, и между ними были люди, по собственному убѣжденію принимавшіе принципы Библейскаго Общества; но самый тотъ фактъ, что съ одного опредѣленнаго момента духовенство почти поголовно стало вступать въ библейскіе комитеты, — этотъ фактъ показываетъ, что упомянутыя побужденія имѣли здѣсь большое участіе. Вопросъ о распространеніи Библіи въ народѣ, о переводѣ ея на народный языкъ, — вопросъ, который потомъ былъ не только спорнымъ, но представляемъ былъ даже возмутительнымъ, — теперь принимался какъ рѣшенный, просто потому, что онъ уже былъ рѣшенъ высшею свѣтской властью.

Понятно, что когда библейское дѣло принято было въ Петербургѣ высшими представителями іерархіи, оно принято было и остальной массой духовенства. Она также точно пошла вслѣдъ за іерархіей, какъ эта послѣдняя исполнила желанія императора, или, можетъ быть, только оберъ-прокурора св. синода. Такимъ образомъ не обнаруживалось ни споровъ, ни партій, и дѣло казалось прочнымъ и единодушнымъ. Но, въ другихъ обстоятельствахъ, очевидно, такимъ же образомъ могло явиться и новое направленіе и вести опять въ другую сторону. Такъ это и случилось въ ту пору, когда дѣла Библейскаго Общества приняли дурной оборотъ и противъ него открыта была формальная война. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ духовныхъ членовъ Общества были тогда поставлены въ очень тяжелое и соблазнительное недоумѣніе: имъ мудрено было понять, почему прежде имъ «ставилось въ обязанность» распространеніе Библіи, а теперь это же самое ставилось въ преступленіе.....

Понятно также и то, что на первый разъ большинство не имѣло яснаго представленія о характерѣ библейскаго дѣла, которое теперь всѣмъ рекомендовали. Эти неясныя представленія у многихъ остались и послѣ: вся библейская дѣятельность у многихъ вѣроятно сводилась на одно исполненіе приказаній начальства и механическое распространеніе книгъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что пропаганда Библейскаго Общества производила и болѣе серьезное дѣйствіе. Самое дѣло представляло столько простыхъ и естественныхъ понятій, что оно уже вскорѣ пріобрѣло, въ средѣ духовенства высшаго и низшаго, искреннихъ и преданныхъ ревнителей. Для людей съ дѣйствительнымъ благочестіемъ, не страдавшихъ старовѣрческимъ фанатизмомъ, должны были казаться совершенно естественными самыя основанія библейскаго дѣла: желаніе имѣть книги писанія на вразумительномъ языкѣ, желаніе доставить эти книги всѣмъ вѣрующимъ, и особенно тѣмъ, кто всего больше нуждается въ религіозномъ на-

Digitized by Google

ставленіи или утѣшеніи, бѣднякамъ, несчастнымъ, заключеннымъ и т. п. Разъ искренно и разсудительно понятая библейская дѣятельность должна была доставлять глубокое удовлетвореніе людямъ религіознымъ, и особенно духовнымъ лицамъ, для которыхъ самое пренебреженіе этимъ дѣломъ въ прежнее время, должно было придавать ему новую привлекательность теперь. Рядомъ съ собственной библейской дѣятельностью, имѣла успѣхъ и мистическая литература: религіозное возбужденіе и пытливость нашли здѣсь пищу, завлекательную по своей новости, туманной возвышенности и апокалипсической фантазіи.

Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ отчеты Общества говорили о появленіи св. писанія на русскомъ языкѣ; и нѣтъ сомнѣнія, что они въ большой мѣрѣ говорили правду, и что всѣ лучшіе люди въ духовенствѣ приняли его съ радостью. Нечего говорить о томъ, съ какимъ убѣжденіемъ въ своемъ дѣлѣ должны были работать сами переводчики св. писанія, во главѣ которыхъ стоялъ Филаретъ. Русская іерархія выражала переводу полное сочувствіе: она радовалась, что переводъ сдѣлалъ писаніе понятнымъ для всѣхъ и устранилъ причину, «мѣшавшую полному его дѣйствію на сердца»; это важное явленіе въ русской церкви сравнивали съ «занимающейся зарей славнаго дня свѣта», и находили его нужнымъ не только для народа, но и для самого духовенства; говорили (Амвросій, архіеп. казанскій), что его одобряютъ даже старовѣры, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать самаго сильнаго сопротивленія; что переводъ объясняетъ славянскій текстъ и принесетъ очевидную пользу тѣмъ, кто хочетъ идти по пути вѣчнаго спасенія, и т. д. [1]). Эти, случайно нами взятые примѣры, можно было бы легко увеличить множествомъ другихъ такихъ же выраженій сочувствія къ переводу писанія, изъ библейскихъ отчетовъ, современныхъ проповѣдей и т. д. Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ. Гендерсонъ разсказываетъ, что во время своего путешествія по Россіи онъ между прочимъ посѣтилъ въ Бѣлгородѣ Евгенія, епископа курскаго и бѣлгородскаго [2]). «Когда я представилъ епископу экземпляръ (вышедшихъ тогда) Евангелій, Апостольскихъ Дѣяній

---

[1]) Это — мнѣнія Анатолія, архіеп. минскаго; Амвросія, еп. курскаго; Евгенія, архіеп. псковскаго (впосл. митр. кіевскаго); Амвросія, архіеп. казанскаго; архіеп. архангельскаго. Они собраны у Пинкертона, стр. 128—130.

[2]) Этотъ Евгеній (Казанцовъ) нѣкогда любимецъ митр. Платона, вызванный въ одно время съ другимъ его любимцемъ, Филаретомъ, въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ связанный съ Филаретомъ тѣсной дружбой, въ настоящую минуту есть старѣйшій изъ русскихъ іерарховъ. Онъ родился въ 1778 г., и въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе его архіерейства. Біографическая замѣтка о немъ была помѣщена въ «Моск. Вѣдом.»

Digitized by Google

и десяти Посланій на русскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, его радость была такъ велика, что онъ не могъ удержаться, и тотчасъ призвалъ на этотъ трудъ божіе благословеніе, и торжественно объявилъ, что если бы только ему удалось держать въ рукахъ полный переводъ Св. Писанія на родномъ языкѣ, какъ нѣкогда Симеонъ держалъ въ рукахъ благословенный предметъ ихъ свидѣтельства, то онъ, подобно ему, сказалъ бы: «Господи! нынѣ отпускаешь ты раба своего съ миромъ, потому что глаза мои видѣли твое спасеніе». Уже тридцать лѣтъ, по словамъ Евгенія, онъ усердно молился, чтобы сдѣланъ былъ такой переводъ, такъ какъ въ древнемъ славянскомъ переводѣ есть много мѣстъ совершенно непонятныхъ» [1]).

Этотъ успѣхъ библейскаго дѣла поражалъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла и терпимость русскаго духовенства, и вообще отсутствіе духа преслѣдованія, отличавшее православную церковь сравнительно съ другими исповѣданіями. Все это казалось имъ слѣдствіемъ большой чистоты ученія, сохранившагося въ восточной церкви. Пинкертонъ, говоря объ упомянутыхъ выше изданіяхъ кн. Мещерской (взятыхъ въ особенности изъ англійскихъ религіозныхъ книгъ), замѣчаетъ: «Большая часть этихъ изданій были утверждены духовными цензорами, — замѣчательное доказательство того, въ *какой* большой *чистотѣ христіанское ученіе* до сихъ поръ *сохраняется въ русской церкви*. Въ самомъ дѣлѣ, если только вы удерживаетесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвы за умершихъ, и пр., вы можете выставлять всѣ жизненныя ученія Евангелія, безъ опасенія, чтобы вашъ трудъ былъ отвергнутъ духовными властями» [2]). Англійскіе миссіонеры испытывали это и въ частныхъ бесѣдахъ съ духовными лицами. — Ихъ свидѣтельства едва ли можно заподозрить, или, едва ли можно занодозрить искренность этихъ духовныхъ лицъ. Дѣло только въ томъ, что эти духовныя лица были тогда подъ вліяніемъ времени и его настроенія, либеральной терпимости и мистическихъ стремленій, удалявшихъ отъ догматическихъ препирательствъ, и не боялись тогда высказывать своихъ мыслей, которыхъ не рискнули бы обнаруживать въ другое время; — а миссіонеры англійскіе ошибались въ томъ, что эти отдѣльные (хотя, вѣроятно, въ то время и многочисленные) примѣры принимали за общій характеръ духовенства, и временную

---

[1]) Henderson, Biblical Researches, стр. 157.

[2]) Russia, стр. 359.

Digitized by Google

терпимость и сочувствіе къ тогдашнему религіозному движенію приняли за обыкновенный порядокъ вещей.

Дѣйствительно, въ средѣ духовенства и тогда были противники библейскаго дѣла, но они теперь молчали. Это были люди, стоявшіе за чистоту того, что̀ сами они считали старыми православными традиціями, хотя на дѣлѣ это была иногда только упрямая приверженность къ старой формѣ и буквѣ. Съ формальной церковной стороны, библейское дѣло могло достаточно обезпечиваться тѣмъ, что въ библейскомъ комитетѣ занимали мѣста лица высшей православной іерархіи, и русскія изданія св. писанія утверждались авторитетомъ синода. Но крайніе ревнители старины находили, что библейское дѣло нарушаетъ преданія. Новыя понятія,—до того времени совершенно неизвѣстныя въ русской жизни, особенно для массы,—которыя дѣйствительно вносило Библейское Общество, подвергались осужденіямъ ихъ уже потому, что старина не знала этихъ нововведеній. Имъ казалось профанаціей святыни переложеніе писаній на простонародный языкъ на которомъ онѣ еще никогда прежде не излагались; имъ казалось непозволительнымъ, что православные іерархи сидятъ въ библейскомъ комитетѣ рядомъ съ иновѣрцами, которыхъ старая церковная традиція считала прямо еретиками и отщепенцами; и они забывали, что это общее дѣло, которое русское духовенство дѣйствительно вело здѣсь вмѣстѣ съ иновѣрцами, не касалось вовсе православныхъ догматовъ и стояло на совершенно нейтральной почвѣ. Имъ странно было и то, что вопросами религіи занимаются свѣтскіе люди. Далѣе, людямъ стараго обрядоваго благочестія и мистики традиціонной были непонятны, а потому казались совсѣмъ недозволительны произведенія той новой мистической литературы, которыхъ появилось теперь очень много на русскомъ языкѣ и, наконецъ, имъ особенно были ненавистны тѣ сектаторскія нововведенія, которыя проводилъ новѣйшій мистицизмъ, религіозная экзальтація мистиковъ, ихъ квакерскія моленія, — чего, впрочемъ, невозможно было смѣшивать со *всѣмъ* Библейскимъ Обществомъ. Какъ ни было бы глупо смѣшивать пляски у Татариновой съ библейской дѣятельностью вообще — ревнители постоянно и намѣренно ихъ смѣшивали, и потому нерѣдко могли казаться правыми въ глазахъ простодушныхъ людей, которые въ ихъ фанатическихъ доносахъ и находили потомъ защиту православія и отечества. Дѣло въ томъ, что эти ревнители защищали старину во что̀ бы ни стало и во всемъ ея составѣ, а эта старина, какъ извѣстно, въ числѣ своихъ качествъ, отличалась и большой степенью невѣжества, считавшаго своимъ идеаломъ совершенную

Digitized by Google

неподвижность всѣхъ понятій и всѣхъ формъ жизни. Въ такомъ смыслѣ, съ этой стариной невозможно было не придти въ столкновеніе, и приверженцы старины собирали свои сплетни и обвиненія противъ Библейскаго Общества, отвергая въ немъ все, съ начала до конца; не умѣя или намѣренно не желая отличить въ библейскомъ дѣлѣ отдѣльныя слабости и крайности его приверженцевъ отъ того, что было въ немъ живымъ религіозно-человѣколюбивымъ чувствомъ и потребностью времени, они возставали и доносили на все, что превышало ихъ понятія. Неразумная ревность ихъ отличалась въ сущности тѣмъ же фанатизмомъ и обскурантизмомъ, какими отличались ихъ библейскіе противники, — быть можетъ, еще худшимъ.

Оттого эта борьба принимаетъ такой характеръ, что въ концѣ концовъ мы затрудняемся выбирать—къ которой изъ двухъ сторонъ можно имѣть сочувствіе.

Другой поводъ къ неудовольствію доставляли дѣйствія кн. Голицына. Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по словамъ современниковъ, возбудило въ духовенствѣ «негодованіе» и «ропотъ» [1]). Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ, дѣла православныя вѣдались на ряду съ дѣлами католическими, протестантскими, наконецъ магометанскими и еврейскими: — этотъ порядокъ, конечно, вовсе не былъ придуманъ съ какой-нибудь задней зловредной цѣлью, но онъ подавалъ поводъ говорить объ униженіи господствующей церкви, которая ставилась за урядъ съ иновѣрными исповѣданіями, даже нехристіанскими. Главныя мѣста въ двойномъ вѣдомствѣ князя Голицына были, конечно, заняты библейскими дѣятелями, и если Библейское Общество само по себѣ казалось слишкомъ либеральнымъ вмѣшательствомъ въ церковное дѣло, то для духовенства старыхъ понятій тѣмъ непріятнѣе было находиться подъ властью свѣтскихъ библейскихъ дѣятелей. Въ житейскомъ ходѣ вещей недружелюбныя отношенія возникали здѣсь совершенно естественно, и должны были еще больше усиливаться, когда свѣтскіе правители духовныхъ дѣлъ имѣли неосторожность обнаружить высокомѣрныя притязанія. А въ такихъ притязаніяхъ недостатка не было: аколиты кн. Голицына, надѣясь на его силу, позволяли себѣ рѣзкія слова и поступки, неоправдываемые благоразуміемъ и раздражавшіе противную партію. Въ вещахъ религіи библейскіе мистики выдавали себя за истинныхъ истолкователей религіи (какъ Лабзинъ) и слишкомъ пренебрегали господствующими нравами, когда отправлялись

[1]) Зап. Вигеля, III, ч. V, стр. 67.

Digitized by Google

слушать либеральныхъ католическихъ проповѣдниковъ въ родѣ Госнера, или устроивали свой особый культъ у Татариновой, или черезъ мѣру наводняли литературу мистическимъ туманомъ, въ которомъ проповѣдывалось объ основаніи какого-то новаго Христова царства. Самъ кн. Голицынъ подавалъ всему этому первый примѣръ. По общему обычаю сильнаго вельможества, онъ отличался деспотическими замашками, которыя здѣсь — въ церковныхъ дѣлахъ — могли гораздо скорѣе компрометтировать его, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ вѣдомствѣ. Мы разскажемъ дальше одинъ случай подобнаго рода — преслѣдованіе арх. Иннокентія, въ которомъ очень рѣзко выразился характеръ его дѣйствій и которое сильно вооружило противъ него многихъ. Исторія тѣхъ временъ еще мало извѣстна, и намъ приходится только упомянуть безъ дальнѣйшихъ подробностей другой разсказъ — объ его отношеніяхъ къ митр. Михаилу.

Говорятъ именно, что этотъ достойный и уважаемый человѣкъ даже умеръ отъ огорченій, причиненныхъ ему кн. Голицынымъ, вслѣдствіе ихъ личныхъ столкновеній. Разсказываютъ, что «при церемоніи выноса тѣла покойнаго митрополита даже гласно раздавались въ толпѣ голоса, что Голицынъ — убійца митрополита». Ихъ столкновеніе произошло, кажется, по тѣмъ же поводамъ, которые давали оружіе противъ кн. Голицына потомъ, — по библейскому дѣлу и религіознымъ нововведеніямъ. Не задолго передъ смертью митр. Михаилъ писалъ письмо къ императору, находившемуся тогда въ Лайбахѣ. Какъ разсказываютъ, «въ письмѣ своемъ митрополитъ Михаилъ, съ откровенностію изобразивъ опасности, которымъ подвергается православная церковь отъ слѣпотствующаго министра, въ заключеніи говоритъ: ««Государь, когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего, кромѣ истины, не вѣщалъ я людямъ; наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Высшему Судіи!»». Черезъ двѣ недѣли по полученіи этого письма государь получилъ извѣстіе о смерти митрополита. Аракчеевъ воспользовался внутреннимъ настроеніемъ государя и присовѣтовалъ избрать преемникомъ Михаилу московскаго митрополита Серафима. Его назначеніе было началомъ паденія Голицына»[1]).

Понятно, что въ подобныхъ столкновеніяхъ самовластіе Голицына должно было оскорблять не только отдѣльныя лица духовенства, а самый сословный духъ его, слѣд. тѣмъ больше умножать число его враговъ. И эта вражда могла становиться тѣмъ серьезнѣе, что своимъ покровительствомъ религіозному ли-

[1]) О. Морошкинъ, въ Р. Арх. 1868, ст. 1389 примѣч.

Digitized by Google

берализму, мистикѣ и сектаторскимъ затѣямъ, Голицынъ въ особенности былъ открытъ обвиненіямъ въ неправославіи, — обвиненіямъ, слишкомъ неудобнымъ для министра духовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, какъ всегда случается въ такихъ случаяхъ, различный взглядъ на вещи бывалъ просто слѣдствіемъ побужденій чисто-личныхъ: разсчеты честолюбія и самолюбія заставляли однихъ искать успѣха въ одномъ лагерѣ, другихъ—въ другомъ, или покидать одну партію и присоединяться къ другой. Исторія русской іерархіи временъ императора Александра представляетъ не мало примѣровъ этого рода; тоже происходило, кажется, въ кругу отношеній Библейскаго Общества. Мы будемъ имѣть случай видѣть, что дѣйствія партіи, враждебной Обществу, далеко не были руководимы однимъ убѣжденіемъ; что въ нихъ слишкомъ много имѣли мѣста или чистая интрига у однихъ, или безхарактерность и робость, желаніе угодить сильнымъ людямъ, у другихъ. Средства, которыя пускались въ ходъ для «защиты православія», далеко не соотвѣтствовали возвышенности такого предпріятія, и главнѣйшіе ревнители, какъ Фотій, возбуждаютъ слишкомъ мало сочувствія....

Такова была почва, на которой должна была разъиграться интрига, приведшая къ закрытію Библейскаго Общества.

Прежде, чѣмъ разсказывать о ходѣ этой интриги, мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ того враждебнаго отношенія, въ какое стали защитники старины къ кн. Голицыну и Библейскому Обществу, и которое превратилось потомъ въ ожесточенную борьбу.

Эта вражда прежде всего обратилась, кажется, на тѣ мистическія тенденціи, которыя уже вскорѣ стали специфически отличать библейскихъ дѣятелей, и которыя уже давно не нравились консервативному духовенству и хранителямъ старыхъ нравовъ и обычаевъ. Какъ мы уже не разъ замѣчали, новый мистицизмъ былъ продолженіемъ мистицизма Новиковской школы. Непосредственный ученикъ Новикова, Лабзинъ, съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія императора Александра началъ длинный рядъ своихъ мистическихъ изданій, и въ 1806 г. основалъ особый органъ для распространенія своихъ любимыхъ идей, «Сіонскій Вѣстникъ». Журналъ былъ, впрочемъ, скоро запрещенъ, но Лабзинъ продолжалъ издательскую дѣятельность въ томъ же духѣ, и издаваемыя имъ книги продолжали плодить любителей мистицизма. Открытіе Библейскаго Общества, въ которомъ Лабзинъ уже вскорѣ сталъ играть дѣятельную роль; расположеніе къ ми-

Digitized by Google

стицизму самого императора; рѣзкіе мистическіе вкусы очень сильнаго тогда кн. Голицына, дали этой литературѣ такія выгодныя условія, какихъ она не имѣла еще никогда. Мистическія книги чрезвычайно размножились; Лабзинъ, главный ихъ поставщикъ, выказывалъ неутомимую дѣятельность, и въ 1817 г. возобновилъ изданіе «Сіонскаго Вѣстника». Быть можетъ, для соблюденія приличій или избѣжанія столкновеній, книги эти стали миновать духовную цензуру и разрѣшаемы были свѣтскими цензорами, которые, въ угоду начальству, очень благопріятствовавшему этой литературѣ, не думали дѣлать ни малѣйшихъ возраженій, хотя въ книгахъ нерѣдко попадались вещи, непривычныя для слуха людей, воспитанныхъ на обиходномъ русскомъ чтеніи. Быть можетъ, впрочемъ, цензора, не сильные въ догматическихъ тонкостяхъ, и не замѣчали этого, или же считали свое вмѣшательство излишнимъ, когда книги поощрялись самимъ начальствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ мистицизмъ, искавшій «внутренней» церкви, нерѣдко нападалъ на то, что онъ называлъ внѣшней или наружной церковью, осуждалъ ея недостатки и т. п., и эти осужденія можно было истолковать какъ осужденіе церкви православной. Эти книги большей частью были протестантско-мистическаго происхожденія: протестантскія мнѣнія, которыя сохранялись цѣликомъ въ русскихъ переводахъ, возмущали православныхъ ревнителей, которые не только заподозривали русскихъ издателей въ злонамѣренности, но утверждали иногда, что и самыя книги (нѣмецкія или французскія) написаны были именно для потрясенія православія. Лабзинъ и другіе переводчики, конечно, не имѣли въ виду этой цѣли, которую впослѣдствіи имъ стали упорно приписывать: ихъ вообще занимала больше мистическая, чѣмъ протестантская сторона дѣла, и ихъ заботы о «внутренней» церкви совершенно мирились съ ихъ православіемъ; они хотѣли только поднять религіозное развитіе общества, расширить (по своему, правда) пониманіе религіозныхъ вопросовъ, въ большинствѣ дѣйствительно довольно грубое. Но для людей, которымъ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ», достаточно было нѣсколькихъ фразъ, не совсѣмъ обычныхъ, нѣсколькихъ смѣлыхъ выраженій протестантскаго автора, чтобы обвинить русскаго переводчика въ явномъ намѣреніи подрыть православіе и ввести въ Россіи реформацію. Такія обвиненія начались уже въ первые годы Библейскаго Общества, и вызвали первые доносы противъ него.

Мы видѣли прежде, что отчеты Библейскаго Общества уже съ первыхъ годовъ начинаютъ обличать людей, не хотящихъ понимать цѣли Общества и осуждающихъ его намѣренія и дѣй-

Digitized by Google

ствія.... Эти враги Общества прежде всего, кажется, возстали на литературную дѣятельность библейскихъ ревнителей, — ихъ мистическія книги. Доносы въ этомъ смыслѣ начинаются еще въ то время, когда личный интересъ императора Александра къ библейскому мистицизму не давалъ пока надежды на успѣхъ.

Такой доносъ былъ поданъ императору въ августѣ 1816 г. [1]). Авторомъ доноса былъ нѣкто Степанъ Смирновъ, губернскій секретарь, императорской московской медико-хирургической академіи переводчикъ,—по всей вѣроятности лицо, выдвинутое и поощренное другими.

Поводъ къ доносу составляютъ мистическія и другія книги, изданныя въ 1815—1816 годахъ, въ которыхъ доносчикъ видѣлъ отступничество отъ православія и крайнюю опасность для государства. «Не попусти въ богоспасаемой Россіи владычествовать завѣту беззаконниковъ,—обращается онъ къ императору,—съ вѣрою къ Богу исчезнетъ вѣрность и къ гражданскимъ уставамъ. Хаосъ смятеній и разстройство поглотитъ тогда народное благо. Появленіе *богоотступныхъ* и *возмутительныхъ* книгъ пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ твоихъ подданныхъ»..... Книги, противъ которыхъ ратуетъ Смирновъ, были: «Побѣдная Повѣсть» Юнга Штиллинга; «Агаѳоклесъ или письма изъ Рима и Греціи», сочиненіе (романъ) г-жи Пихлеръ; «Наука числъ», Эккартсгаузена; «Приключенія по смерти», Юнга Штиллинга; «Угрозъ Свѣтовостоковъ», изъ его же сочиненій; «О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей»; наконецъ «Мученики», Шатобріана; — всего больше доносчикъ останавливается на первой и на послѣдней изъ этихъ книгъ. Изъ «Мучениковъ» онъ выписываетъ слова *язычниковъ* о христіанствѣ и указываетъ въ нихъ униженіе христіанской вѣры; также поступаетъ онъ съ «Агаѳоклесомъ». Въ мистическихъ книгахъ онъ находитъ хулу противъ Бога и отрицаніе догматовъ православной церкви. Но сильнѣе всего онъ вооружается противъ «Побѣдной Повѣсти», которая казалась ему верхомъ еретичества. Въ ней, по словамъ доноса, «подъ видомъ изъясненія Апокалипсиса, содержатся *оскорбительныя хуленія христіанства*, наипаче *греческаго* исповѣданія. Всѣ *древнія ереси нагло проповѣдуются* въ сей книгѣ, именно: отрицается Божество Іисуса Христа, приписуя ему невѣдѣніе будущаго; христіанскіе храмы называются языческими, святыя иконы идолами, вселенскіе соборы и учители церкви почитаются преобразователями христіанства въ язычество. Сверхъ того, отвергается вѣчность мученій, магометанство смѣшивается съ христіанствомъ,

[1]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1858 г., кн. 4, стр. 139—142.

Digitized by Google

предвозвѣщаются революціи всему христіанству, подобныя французской; наконецъ, въ противность запрещенію Господа, назначается годъ, именно 1836, въ которой, якобы, воспослѣдуетъ второе пришествіе Господа; это доказывается коварными, но, по разсмотрѣнію, живыми (?) выкладками; а поелику сочинитель оказался деистомъ, то это прорицаніе есть одно посмѣяніе (?); всѣ важнѣйшіе гіероглифы Апокалипсиса Штиллингъ приспособилъ къ злонамѣреннымъ цѣлямъ своимъ».

Источникомъ этихъ зловредныхъ книгъ доносчикъ указываетъ *тайныя общества*, ведущія къ потрясенію христіанства, *а потому* и престоловъ. Обвиненіе, впрочемъ, совершенно неопредѣленно: «*Адская гордость* породила тайныя общества, кои, подъ видомъ братолюбія и самоотверженія, стремятся надъ всѣмъ владычествовать тайнымъ образомъ». Пророкъ Даніилъ называетъ ихъ беззаконниками; Апокалипсисъ — звѣремъ, имѣющимъ рога агнчи, а глаголъ змія; Христосъ — лжепророками, которые хотятъ, если можно, прельстить и избранныхъ. «Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную».

Доносчикъ объясняетъ при этомъ, что онъ сочинилъ опроверженіе противъ хуленій «Побѣдной Повѣсти», гдѣ онъ занялся также изъясненіемъ нѣкоторыхъ пророчествъ, которыя, «бывъ соображены и пояснены на основаніи св. писанія, *очевидно* указываютъ сами собой на *событія временъ нашихъ*, а по точному смыслу проявляютъ знаменіе *близкой кончины вѣка*». Такимъ образомъ и самъ доносчикъ ожидалъ скораго свѣтопреставленія [1]).

Итакъ, противъ дѣятелей Библейскаго Обществъ аподнято было то самое обвиненіе въ потрясеніи религіи и престоловъ, какое они сами подняли потомъ противъ либеральнаго образованія. Такъ дешева была фраза и такъ легко ея употребленіе.

Донось Смирнова, повидимому, остался безъ всякаго дѣйствія,— императору Александру были еще слишкомъ близки первыя возбужденія мистицизма, и онъ еще очень недавно выражалъ свое благоволеніе автору этой самой «Побѣдной Повѣсти». Но эта

---

[1]) Тотъ же Смирновъ является и послѣ однимъ изъ мелкихъ прислужниковъ партіи, возставшей противъ Библ. Общества. «Смирновъ, послуживъ подъ начальствомъ кн. Голицына, вышелъ въ отставку, переселился въ Москву и сталъ сильнѣе производить свои набѣги и на переводъ Библейскимъ Обществомъ Новаго Завѣта и на проповѣдь, о которой упоминается въ письмѣ моск. архіепископа (къ Серафиму) и на катихизисы его» и пр. Сушк., 145; Прил., стр. 51. См. о немъ также Филарета Черниговскаго, «Обзоръ рус. дух. литер.» кн. 2. Черниговъ, 1863, стр. 238.

Digitized by Google

книга,—впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ библейскихъ дѣятелей, — уже теперь сильно возбуждала многихъ противъ мистицизма и между прочимъ произвела раздоръ между Филаретомъ и арх. Иннокентіемъ, въ средѣ самого Библейскаго Общества, въ которомъ они оба были дѣятельными членами.

Архимандритъ Иннокентій (Смирновъ), впослѣдствіи епископъ Пензенскій (ум. 1819), въ то время ректоръ петербургской семинаріи, имѣлъ уже тогда большую славу, какъ проповѣдникъ и ученый (онъ составилъ «Начертаніе Церковной Исторіи», «Дѣятельное Богословіе» и др.). Еще молодымъ человѣкомъ, онъ наравнѣ съ Филаретомъ обращалъ на себя вниманіе своимъ дарованіемъ, строгостью жизни и трудами; и тотъ и другой имѣли много ревностныхъ почитателей; оба славились какъ «искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо церкви», какъ выражается потомъ архим. Фотій, бывшій тогда ихъ ученикомъ. Съ 1815 г. Иннокентій былъ уже однимъ изъ директоровъ Библейскаго Общества, и участвовалъ въ комитетѣ, разсматривавшемъ переводы св. писанія, гдѣ засѣдали также митр. Михаилъ, Серафимъ, Филаретъ (тогда ректоръ академіи), Лабзинъ и Поповъ [1]). Такимъ образомъ онъ стоялъ у самаго средоточія библейской дѣятельности. Онъ былъ тогда въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ Филаретомъ, пользовался, кажется, и расположеніемъ кн. Голицына, который приглашалъ его къ участію въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія [2]); онъ и Филаретъ нерѣдко проповѣдывали въ домовой церкви кн. Голицына. Но мнѣнія его, кажется, уже рано приняли иное направленіе, чѣмъ у его друга. Иннокентій не одобрялъ мистическихъ тенденцій библейскаго кружка; и «Побѣдная Повѣсть» Штиллинга дала поводъ къ столкновенію, которое на первый разъ обошлось довольно мирно, а впослѣдствіи, повторившись, навлекло на Иннокентія гоненіе со стороны кн. Голицына.

По позднѣйшему разсказу Филарета, переданному въ книгѣ г. Сушкова [3]), онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Иннокентіемъ и, когда можно, предостерегалъ его, но часто «ревность увлекала Иннокентія за предѣлы осторожности». Когда вышла «Побѣдная Повѣсть или истолкованіе Апокалипсиса», Иннокентій (онъ былъ также духовнымъ цензоромъ) «возревновалъ» про-

---

[1]) Сушк., стр. 75. См. также отрывокъ изъ Записокъ Фотія, въ «Чтеніяхъ въ Моск. Общ. любителей дух. просвѣщенія», М. 1868, Прилож., стр. 104—111.

[2]) Воронова, Ист.-статист. Обозрѣніе Уч. Зав. Спб. Уч. Округа. Спб. 1849, стр. 196.

[3]) Стр. 109 — 111.

Digitized by Google

тивъ этой книги, находя ее противной православію; но Филаретъ успокоивалъ его тѣмъ, что книга пропущена была свѣтской цензурой и слѣдовательно находится не на ихъ отвѣтственности. Самъ Филаретъ судилъ о книгѣ снисходительнѣе (онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ издателемъ этой книги, Лабзинымъ) и находилъ еще впослѣдствіи, что сдѣланныя въ ней «изъясненія первыхъ пяти печатей были дѣйствительно замѣчательны, хотя вообще книга и была проникнута духомъ протестантства». Между тѣмъ Смирновъ, авторъ упомянутаго доноса, представилъ въ цензуру возраженіе на эту книгу, весьма рѣзкое, но по словамъ Филарета, мало толковое, подъ названіемъ «Вопль жены, облеченной въ солнце» [1]). Иннокентій хотѣлъ пропустить книгу, но Филаретъ удержалъ его, чтобы «не произвести напраснаго волненія», и митрополитъ одобрилъ его мнѣніе. Черезъ нѣсколько времени — въ отсутствіе Филарета — Иннокентій, вновь раздраженный нѣкоторыми статьями «Сіонскаго Вѣстника», Лабзина, написалъ рѣзкое письмо къ князю Голицыну и совѣтовалъ ему стараться «залечить раны, которыми онъ самъ уязвилъ церковь». Кн. Голицынъ принесъ письмо къ митрополиту, который только съ трудомъ убѣдилъ Иннокентія извиниться; но это конечно должно было разстроить отношенія Иннокентія съ кн. Голицынымъ, а вмѣстѣ и съ Филаретомъ, который, по словамъ Сушкова, съ Голицынымъ «жилъ душа въ душу». Новый поводъ къ несогласію представился скоро.

Возвратимся къ «Побѣдной Повѣсти».

Лабзинъ зналъ, конечно, какого рода мнѣнія породила эта книга и отвѣчалъ обвинителямъ въ томъ же 1816 г. въ предисловіи къ изданной имъ тогда «Жизни Генриха Штиллинга [2])». Упомянувъ о томъ, что Штиллингъ извѣстенъ повсюду своимъ благочестіемъ и уважается самими государями, русскій издатель говоритъ, что «нѣкто изъ нашихъ читателей, и въ глаза его (Штиллинга) не видавшій, благоизволилъ поставить его на ряду съ величайшими злодѣями; называетъ его вольтеріанцомъ и революціонистомъ, и приписываетъ ему злой умыселъ, изпровергнуть нашу Греко-Россійскую Церковь». Затѣмъ Лабзинъ опровергаетъ обвиненія, взведенныя этимъ «прозорливцемъ» на Штиллинга. По всей вѣроятности, это были тѣ самыя обвиненія, какія собраны были Смирновымъ въ его книгѣ «Вопль жены, облеченной въ солнце», а потомъ, когда книга не была дозволена,

---

[1]) Этотъ символическій образъ заимствованъ изъ Апокал. XII. 1.

[2]) Жизнь Генриха Штиллинга. Истинная повѣсть. Спб. 1816, 2 части.

Digitized by Google

повторенье въ его доносѣ; — быть можетъ также, что Лабзинъ имѣлъ въ виду и письмо Иннокентія къ кн. Голицыну.

Штиллинга обвиняютъ за то, говоритъ Лабзинъ, что онъ «въ *Побѣдной* своей *Повѣсти* призналъ за Апокалипсическую жену, облеченную въ солнце, не греческую церковь, и что онъ, изъясняя, кто, по его мнѣнію, принадлежитъ прямо къ церкви, названной въ Апокалипсисѣ Филадельфійскою (*Братолюбскою*), между прочимъ, на страницѣ 46, говоритъ: ««Не имѣешь ли ты какого предразсужденія противъ какой либо христіанской религіи, или церкви, или общества? И всѣ ли члены всякой секты тебѣ любезны, какъ скоро они окажутся истинными христіанами? Имѣя всѣ прочіе признаки, ежели ты не имѣешь сего послѣдняго, ты не принадлежишь еще къ филадельфійской церкви; ибо, не имѣя первой христіанской добродѣтели — братолюбія — ты будешь яко мѣдь звенящая, или кимвалъ звяцаяй»». Вотъ неоспоримая улика, что Штиллингъ есть вольтеріанецъ, революціонистъ, и имѣетъ намѣреніе изпровергнуть православную греко-каѳолическую церковь» (пред., IV—V).

Такимъ образомъ, столкновеніе двухъ взглядовъ произошло на томъ пунктѣ, который былъ однимъ изъ главнѣйшихъ положеній новой религіозной школы — на братской терпимости ко всѣмъ христіанскимъ сектамъ: одни видѣли въ этомъ необходимое условіе самого христіанства, другіе находили явное униженіе и подкапываніе православія.....

Дальше, Лабзинъ очень резонно указываетъ, что если уже «прозорливый испытатель» хотѣлъ обвинять кого-нибудь, то долженъ былъ обвинить переводчика, принадлежащаго къ греко-россійской церкви; а авторъ принадлежитъ — «по внѣшности» — къ реформатской церкви и естественно предпочитаетъ ее другимъ, такъ что, по здравому смыслу, отъ него и нельзя ожидать «такого же заключенія о нашей церкви, какое имѣетъ о ней нашъ прозорливецъ». Притомъ, книга писана для нѣмцевъ, а вовсе не для русскихъ; а протестанты вообще мало думаютъ о нашей церкви, и если спорятъ противъ другихъ исповѣданій, то развѣ противъ западнаго, а не восточнаго: «о нашемъ же авторѣ, кромѣ сочиненія его, издатель изъ бывшихъ къ нему отъ него писемъ по чести увѣряетъ, что онъ весьма уважаетъ греко-россійскую церковь, и ожидаетъ отъ нея много необыкновеннаго добра, когда она — (такъ писалъ авторъ къ издателю *лѣтъ за десять* предъ симъ)—*отъ сна воспрянетъ*». Наконецъ, Лабзинъ замѣчаетъ, какъ не по-христіански видѣть въ авторѣ только лицемѣріе и коварство, и что «обращать лучшія дѣянія другаго, по самомнѣнію, въ злые и гнусные умыслы, и по своимъ мечта-

Digitized by Google

ніямъ включать другаго въ число злодѣевъ, описанныхъ въ *Волтеріанцахъ*» [1])—очень грѣшно, особенно когда дѣло идетъ о 77-тилѣтнемъ старцѣ, который «болѣе 40 лѣтъ извѣстенъ цѣлой публикѣ, въ самыхъ молодыхъ своихъ лѣтахъ сильною своею вѣрою и благочестіемъ плѣнялъ и невѣрующихъ,»—въ чемъ Лабзинъ ссылается на свидѣтельство Гёте [2]).

Изъ этого эпизода объясняется отчасти различіе двухъ сталкивавшихся тенденцій: съ одной стороны — желаніе внести въ обращеніе новыя религіозныя понятія, какъ болѣе соотвѣтствовавшія потребностямъ времени; съ другой — сопротивленіе, не хотѣвшее въ старыхъ религіозныхъ понятіяхъ никакой перемѣны. Это сопротивленіе было конечно болѣе или менѣе сознательно въ людяхъ, какъ арх. Иннокентій; но въ тоже время оно приняло и другой колоритъ, который выразился въ доносахъ Смирнова и который потомъ почти исключительно господствовалъ въ доносахъ на Библейское Общество. Нововводители не очень стѣснялись старыми понятіями, потому что въ издаваемыхъ ими (большей частью переведенныхъ съ нѣмецкаго) мистическихъ книгахъ встрѣчались иногда довольно рѣзкія нападенія на оффиціальную, «внѣшнюю» церковь; и хотя, собственно говоря, это были нападенія нѣмецкихъ мистиковъ на протестантскую ортодоксію, но русскій читатель могъ приложить эти нападенія и къ русскому православію. Наши приверженцы старины такъ это и дѣлали; съ ихъ стороны, конечно, нелѣпо и смѣшно было нападать, какъ дѣлалъ Смирновъ, на «Мучениковъ» и «Агаѳокле-са»,—но въ другихъ случаяхъ они имѣли и болѣе основательные поводы смущаться за интересы своихъ убѣжденій. Противъ мистиковъ все-таки нечего было бы сказать, еслибы ихъ противники имѣли возможность тоже высказать свои мнѣнія; но, къ сожалѣнію, этого не было, и мистики были очень неправы въ томъ, что, чувствуя себя сильными въ данную минуту, не давали противникамъ даже этой возможности, и — *запрещали* ихъ возраженія. Эти возраженія — какъ книга Смирнова —

---

[1]) «Волтеріанцы, или Исторія о Якобинцахъ, открывающая всѣ противу-христіанскія злоумышленія и таинства Масонскихъ ложъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ Европейскія державы,» соч. Барруеля; пер. съ франц. 12 частей. М. 1805 — 1809 (Смирд. № 908; другое изданіе № 914). Это—знаменитый въ свое время сборникъ всевозможныхъ обвиненій противъ якобинства, масонства, иллюминатства, будто бы произведшихъ французскую революцію и всѣ европейскія смуты.

[2]) Отзывъ Гёте приведенъ на стр. 277—285, примѣч. Здѣсь опять говорится:

«И сего-то практическаго христіанина, котораго *просвѣщенные* нѣмцы почитаютъ почти помѣшавшимся въ умѣ на вѣрѣ, нѣкоторые изъ нашихъ *православныхъ* называютъ противникомъ вѣры, имѣющимъ въ намѣреніи ниспровергнуть оную», и проч.

Digitized by Google

могли, пожалуй, быть «мало толковы», но это конечно не былъ резонъ для запрещеній; за «мало толковымъ» могло бы явиться и болѣе толковое возраженіе. Понятно, что запрещенія должны были только еще болѣе раздражить противную партію. Если вслѣдъ за запрещеніемъ своей книги Смирновъ написалъ доносъ, наполненный самыми дикими обвиненіями, то библейскіе дѣятели не могли на это претендовать: они сами указывали эту дорогу... Впослѣдствіи, эти запрещенія возвратились имъ сторицею.

Нѣсколько времени спустя представился новый случай подобнаго рода.

Въ 1818 году явилась книга нѣкоего Станевича, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души». Эта книга написана была въ обличеніе тогоже новаго мистицизма, противъ котораго ратовалъ Смирновъ. По разсказу Филарета, приведенному у г. Сушкова, исторія этой книги, надѣлавшая тогда много шуму и бросившая между прочимъ нѣкоторую тѣнь на Филарета, происходила такъ. Опровергая мистиковъ, книга Станевича заключала въ себѣ «много выраженій слишкомъ оскорбительныхъ для предержащей власти, и вообще для *духа правленія* того времени». Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и, въ то время больной, онъ, по словамъ Филарета, мало обратилъ вниманія на книгу; самъ Филаретъ видѣлъ рукопись только мелькомъ. Черезъ нѣсколько дней она вышла, пропущенная Иннокентіемъ, и произвела тревогу. «Въ тотъ самый день», когда Филаретъ получилъ ее отъ автора, кн. Голицынъ потребовалъ Филарета къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ ему экземпляръ, весь исчерченный замѣтками: кто-то успѣлъ доставить ему такой экземпляръ. Кн. Голицынъ былъ очень вооруженъ противъ книги, «исполненной непріязненныхъ мнѣній», и хотѣлъ доложить о ней государю. Филаретъ старался извинить Иннокентія его нездоровьемъ и просилъ, чтобы кн. Голицынъ не дѣлалъ доклада, далъ время просмотрѣть книгу и исправить ошибки, перепечатавъ листы. Взглянувъ на книгу, Филаретъ «изумился тому, что нашелъ въ ней», но когда началъ говорить о ней съ Иннокентіемъ, тотъ отвѣчалъ коротко, что «готовъ претерпѣть за правду всякое гоненіе». Филаретъ обратился къ митрополиту (Михаилу); митрополитъ также осуждалъ ее, но пока онъ разсматривалъ книгу и медлилъ, кн. Голицынъ сдѣлалъ докладъ имп. Александру, а въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе арх. Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ. Это было почетное удаленіе; только по заступничеству митр. Михаила, Иннокентію, тогда уже очень больному, дана была епархія болѣе благопріятная по климату, и онъ назначенъ былъ въ

Digitized by Google

Пензу. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, была запрещена и отобрана; авторъ, Станевичъ, былъ высланъ изъ города. Тогда было мнѣніе, приписывавшее удаленіе Иннокентія Филарету; по словамъ самого Филарета, Иннокентію, «кажется, внушили нѣкоторое чувство недовѣрчивости» къ нему, и княгиня Мещерская была тогда неблагосклонна къ Филарету, потому что подозрѣвала его въ гоненіи противъ Иннокентія. Въ запискахъ Фотія сказано прямо: «Дабы удалить его (Иннокентія), подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ духовной стороны Филаретъ, ректоръ академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ» [1]).

Какъ бы то ни было, мнѣнія двухъ сторонъ опять столкнулись очень рѣзко, и споръ опять кончился насиліемъ и преслѣдованіемъ, которое въ этомъ случаѣ было еще тѣмъ болѣе неблаговидно, что Иннокентій пользовался вообще большимъ уваженіемъ.

Въ тотъ же день Богоявленія, когда объявлено было назначеніе Иннокентія въ Оренбургъ, кн. Голицынъ далъ коммиссіи духовныхъ училищъ, завѣдывавшей духовною цензурою, предложеніе, въ которомъ выразилъ свое мнѣніе о книгѣ Станевича и волю императора Александра. Въ этомъ предложеніи кн. Голицына предметъ спора двухъ направленій является въ такомъ видѣ:

Кн. Голицынъ выражалъ удивленіе, что книга, такого содержанія, могла быть одобрена духовной цензурой. «Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца, привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ никто на нее не нападаетъ. Церковь *не имѣетъ нужды*, чтобъ *частный человѣкъ* бралъ ее подъ свое покровительство, особливо *съ той точки*, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе *наружной* церкви противъ *внутренней* наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви, есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную. Между прочимъ упоминается о извѣстной распрѣ *между Боссюетомъ и Фенелономъ*, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. *Однимъ словомъ*, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство, по гражданской и духовной части». По представленію кн. Голицына, императоръ Александръ выразилъ большое неудовольствіе и велѣлъ объявить строжайшій выговоръ архим. Иннокентію за его неосмотрительность

---

[1]) Зап. Фотія въ Чтеніяхъ М. Общ. Ист. и Др. 1868, I, Смѣсь, стр. 264; Сушкова, Зап. стр. 109—111; Зап. Шишкова, стр. 18.

Digitized by Google

и внушить коммиссіи духовныхъ училищъ, «чтобъ подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуры, находящейся въ ея вѣдомствѣ» [1]).

Но, какова бы ни была книга, логика кн. Голицына опять была неудовлетворительна. Станевичу, конечно, нельзя было ставить въ упрекъ, что онъ, какъ *частный человѣкъ*, взялся защищать церковь, когда другіе *частные* же люди, какъ Лабзинъ и другіе библейскіе друзья кн. Голицына, сами брались разсуждать о той же церкви и притомъ, что̀ едвали можно было скрыть, отзывались о ней не совсѣмъ благосклонно. Вмѣсто опроверженія, мистическая школа предпочла употребить насиліе, чтобъ заставить молчать своихъ враговъ. Кн. Голицынъ (или тотъ критикъ, замѣчаніями котораго онъ руководился) не безъ основанія замѣтилъ, что Станевичъ подъ церковью понимаетъ духовенство; Станевичъ дѣйствительно бралъ сторону той части духовенства, которая не была согласна съ новыми тенденціями — и книга его едва ли не была преднамѣреннымъ протестомъ именно въ этомъ смыслѣ. Авторъ поставилъ на книгѣ стихотворное посвященіе митрополиту Михаилу,—объ отношеніяхъ котораго къ князю Голицыну мы выше упоминали,—и въ этомъ посвященіи говорилъ о своемъ желаніи обличить «ереси» [2]).

Библейскіе дѣятели должны были бы понять, что при своихъ свободолюбивыхъ тенденціяхъ въ религіи, они должны бы дать свободу и мнѣніямъ противной стороны: но у нихъ не доставало для этого не только терпимости, но и обыкновенной порядочности.... Странно наконецъ видѣть въ предложеніи русскаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, что онъ ставитъ въ преступленіе автору книги его мнѣнія о Фенелонѣ.

Мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ самой книги: эти выдержки еще разъ дадутъ понятіе о предметахъ и тонѣ самаго спора двухъ партій [3]).

Вопросъ о безсмертіи души послужилъ Станевичу поводомъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ мистицизма, которыми книга дѣйствительно переполнена. Общая точка зрѣнія книги состоитъ

---

[1]) «Чтенія», 1861, кн. I, Смѣсь, стр. 201—202: «Запрещеніе одной книги».

[2]) Станевичъ, по словамъ Записокъ Фотія, служилъ прежде подъ начальствомъ статсъ-секретаря Кикина, который вообще былъ противъ мистиковъ, и въ этомъ дѣлѣ особенно вступался за Иннокентія.

[3]) Выписки приведены по 2-му изданію, вышедшему безъ перемѣнъ въ 1825 г.; исторію этого 2-го изданія мы упомянемъ дальше. Первое, какъ говорятъ, было уничтожено совершенно, кромѣ одного экземпляра, принадлежавшаго митр. Михаилу.

Digitized by Google

въ защитѣ обычныхъ понятій о церкви и церковныхъ догматахъ; нападая на хитросплетенія мистиковъ, авторъ иногда удачно, и всегда рѣзко изображаетъ ихъ слабыя стороны, — хотя и его собственный тонъ вовсе не способенъ возбудить къ себѣ сочувствіе: о мистикахъ онъ говоритъ не иначе, какъ о разорителяхъ церкви, слугахъ и ученикахъ дьявола, лжехристахъ и т. п. Правда, онъ говоритъ о мистикахъ и мистицизмѣ въ общихъ словахъ, и только два или три раза въ цѣлой книгѣ ссылается на русскія мистическія изданія, но русскіе мистики должны были видѣть, что слуги дьявола были именно они.

Станевичъ на первыхъ же страницахъ объясняетъ, что нельзя отдѣлять вѣры отъ церкви, что церковь и *послушаніе ей* необходимы—и обличаетъ библейскихъ мистиковъ, ставившихъ «внутреннюю» церковь выше внѣшняго раздѣленія различныхъ вѣроисповѣданій и церквей. «Отдѣляющій вѣру отъ церкви, можетъ имѣть вѣру, не споримъ, токмо *не вѣру Христову*. Сказано, и *бѣсы* вѣруютъ (Іак. II, 19), только они вѣруютъ по своему. О! и бѣсы обходятъ церковь истинную, и они желали бы не видѣть и слѣдовъ ея на лицѣ земли. Нѣтъ такихъ средствъ, коихъ бы они не употребляли на сокрушеніе ея. *Міръ и адъ ревутъ съ ними на святыню ея*: но она не подвижется... Спаситель въ Евангеліи повелѣваетъ грѣшника приводить къ церкви, когда уже всѣ средства, употребленныя на обращеніе его, окажутся безплодны по упорству его воли; но *къ какой церкви* приведутъ его, когда о церкви *воленъ всякой судить, какъ кто похочетъ*?» (стр. 9 — 10).

Внѣ церкви нельзя знать закона Господа. «Когда царь возбраняетъ излагать по своемыслію разумъ его закона, и не смотря на извѣстную ложь міра, избираетъ отъ среды онаго блюстителей законныя правды, имъ же ввѣряетъ судьбу и жребій подданныхъ своихъ: нечестивецъ ли станетъ посреди сыновъ церкви увѣрять, что каждый изъ нихъ *воленъ разсуждать о словѣ Божіемъ* по основанію своего разума? Что сего злоковарнѣе могъ бы придумать и *самъ ветхій змій* на разореніе слова животнаго въ душахъ человѣческихъ? О! не внимайте такой *лести нечестія*, и не давайте себѣ свободы инаковой на уразумѣніе истины, какъ по наставленію церкви»... (стр. 33).

«О Содомъ, о Египетъ уховнѣ нарицаемый; о градъ, исполненный смѣшенія христіанскаго прелюбодѣянія съ зміиною мудростію, подъ личиною лжемистики появляющеюся!»

«Не плѣняйтесь и вы духовною свободою, нынѣ въ нѣкоторыхъ мистическихъ книжкахъ проповѣдуемою. Подражайте Христу, который въ томъ первѣе явилъ духъ свободы, что покорилъ

Digitized by Google

себя закону. Духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ церковь, и подъ предлогомъ очищенія вѣры низвратить таинства ея, уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служеніемъ смерти, примѣнить церковь капищу, христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругаться ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ, хотя они *досель* молитвами своими *ограждали* (!) насъ отъ всякаго вражескаго навѣта.....» (стр. 36—37).

Все это, по мнѣнію автора, дѣлали мистики. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ ближе излагаетъ ихъ мнѣнія, замѣтивъ предварительно, что «лжемудрые мистики не имѣютъ всѣмъ имъ общаго начала, но каждая сторона держится своего, какъ и своихъ учителей и защитниковъ. Общее у нихъ у всѣхъ то одно, чтобы разными путями идти къ одному концу, то есть, потрясти церковь, и низвратить истинное христіанство» (стр. 46, прим.).

Истинное безсмертіе даетъ только истинная церковь. Но нѣкоторые мистики, отвергая наставленія и предписанія церкви, увѣряютъ себя въ безсмертіи души однимъ внутреннимъ сознаніемъ, *совѣстію*, которая есть тотъ же Христосъ. «На что тогда (истинный) Христосъ, когда дѣло и безъ него обойтиться можетъ? Въ этомъ-то и состоитъ вся развязка хитрой мистики». Недавно и «самые гнуснѣйшіе по мерзости души своей философы» увѣряли не только себя, но и другихъ въ чистотѣ своей души. «Слѣдовательно, и мистику при всей своей *духовной мерзости* стоитъ только увѣрить себя въ правотѣ своей и воззвать: Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ: но ужели съ сими словами Богъ содѣлается для него въ самой вещи Богомъ его сердца и частію его во вѣкъ? *Что сего безстыдства срамнѣе, и что несмысленнѣе, какъ вѣрить таковымъ баснямъ?*» (стр. 46—48).

«Всякое мистическое сліяніе образовъ и видовъ добродѣтелей духовныхъ (т. е. мистическіе идеалы Божества и религіознаго совершенства) есть не добраго духа изобрѣтеніе: хотятъ остановить наше вниманіе на какой-то безобразной свѣтлости, но это будетъ свѣтлое ничто, чѣмъ точно и есть Божество у лжемудрыхъ мистиковъ. Это сліянная изъ всѣхъ цвѣтовъ свѣтлость, не имѣющая ни имени, ни образа, ни вида»... Это хитрость демона, которою онъ уловляетъ людей съ лукавой и робкой совѣстью: «подъ видомъ мнимаго совершенства вѣры, (демонъ) учитъ ихъ, всѣ ими не отвергаемыя вещи не уничтожать самихъ по себѣ, но сливать въ бездонной свѣтлости божества такъ, чтобы онѣ для нихъ были вовсе непримѣтны. Иной говоритъ откровенно, я не

Digitized by Google

признаю святыхъ за святыхъ, и сему подобное... Но онаго рода люди страшатся быть такъ наглы, а чтобы увѣрить себя въ привязанности къ церкви, то все признаютъ словомъ, но не сердцемъ». Діаволъ уже устроилъ однажды такую хитрость съ человѣческими понятіями «въ сердцахъ философовъ истекшаго вѣка: онъ слилъ у нихъ всѣ добродѣтели въ свѣтлое ничто», — изъ чего и произошли повсемѣстныя потрясенія (т. е. революція). «*Страшусь*, чтобы еще горшаго чего-нибудь не воспослѣдовало съ безъимянною свѣтлостію лжемудраго мистическаго христіанства, и когда небо обносится на языкѣ, *адъ* не изрыгнулъ бы себя изъ сердецъ ихъ» (стр. 51—55).

«Цари ничѣмъ не причиняли толико бѣдъ народу, какъ забвеніемъ и уничиженіемъ должнаго въ лицѣ ихъ величія Божія». Ослабленіе вѣры (т. е. церкви) и нравовъ ставитъ всякое царство на край гибели. «А настоящія событія громогласно свидѣтельствуютъ, сколь дорого заплатили государи за то, что въ этомъ дѣлѣ повѣрили болѣе зміямъ философамъ, чѣмъ правдѣ Божіей», т. е. церкви (или духовенству, которое авторъ, по замѣчанію кн. Голицына, понимаетъ подъ этимъ словомъ).

Къ послѣдней своей фразѣ авторъ прибавляетъ примѣчаніе: «Нынѣ *змій* сбросилъ съ себя кожицу, или личинку философіи, и *облекся въ мистическое христіанство*, почему и дѣйствіе *яда* его будетъ толико же опаснѣйшее, *казнь* Божія толико же *ужаснѣйшая*, колико христіанство есть выше философіи. Горестно слышать и читать, съ какою недоброю ревностію похваляются и у насъ сочиненія Дютуа и Сен-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ *Христіанская философія*, и еще обѣщаютъ передать и его Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ *о Заблужденіяхъ и истинѣ*. *Не неизвѣстенъ* мнѣ духъ настоящаго времени, почему *очень знаю*, какъ многіе вознегодуютъ за такой отзывъ мой о сихъ нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ, но... чувствуя лесть оныхъ писателей, уже-ли должно мнѣ быть столько безстыдну, чтобы убоясь человѣковъ, забыть судъ Божій, и измѣнить церкви и Богу?... Оные писатели превращаютъ ученіе Христово.... ибо они совсѣмъ разумѣютъ *не то* подъ тѣми рѣченіями, заимствованными изъ Библіи, что мы, христіане. У нихъ подъ тѣми словами совсѣмъ особенная духовность, чуждая церкви и Христу. Они дѣлаютъ одно злоупотребленіе изъ Библіи... Поелику же они совсѣмъ противнаго духа, то во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе, прямо или косвенно, примѣчается *нѣкая потаенная ненависть противъ церкви и освященныхъ проповѣда-*

Digitized by Google

телей слова Божія, которая ненависть въ ихъ ученикахъ и того болѣе оказывается» (стр. 73—75).

«Съ того времени, какъ начали появляться христіанскія книги, написанныя мистиками,.. христіанство у многихъ стало *не тѣмъ*, чѣмъ оно есть по существу своему, но чѣмъ кому угодно, смотря по тому, у кого какое сердце. О церкви же и говорить не для чего; *у всякаго стала своя внутренняя*, гдѣ молятся какому-то Господу, о которомъ, ежели судить по наружнымъ ихъ дѣйствіямъ, производящимъ однѣ опустошенія, то сей Господь долженъ быть духомъ разрушенія и разоренія» (стр. 151—152).

Указавъ еще разъ, какимъ образомъ мистики пользуются словами и выраженіями св. писанія,—давая имъ другое значеніе, совсѣмъ противное христіанству, и отвергая указанія церкви,—авторъ находитъ, что мистики дѣломъ Божіимъ называютъ «темную въ себѣ *работу діавола*» (стр. 176).

«Мистики наполняютъ столицы, города, почти всѣ званія и состоянія, отъ высшихъ до низшихъ: но за то и *мерзость* въ народахъ *прибавляется*»... (стр. 247). «Нѣтъ церкви, нѣтъ и образа, нѣтъ и правила, нѣтъ потому и судіи, ибо не по чему судить: а священное писаніе можетъ учиниться игрушкою духа обѣихъ сторонъ»... «Безумные мистики тако нынѣ посмѣваются царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы церковь была нѣчто наружное, не имущая своей внутренности, когда и древесная кожа не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда она сама не изъ ничего взята, а изъ того же внутренняго. Можно ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую царскую власть возбуждать на разореніе церквей и *потребленіе священства*» (стр. 248 — 250). Авторъ приводитъ при этомъ какіе-то нѣмецкіе стихи, но, нѣтъ сомнѣнія, онъ имѣлъ въ виду и русскія обстоятельства.

Эти фанатическія обвиненія противъ мистиковъ достаточно показываютъ, съ какимъ озлобленіемъ уже въ это время извѣстная часть духовенства относилась къ библейскому мистицизму и какіе аргументы она приводила противъ него. Это были тѣ самыя обвиненія, которыя враги Библейскаго Общества выставили противъ него впослѣдствіи, когда получили верхъ и когда очередь преслѣдованія дошла до него самого. Но теперь мистики были сильны. Они должны были крайне раздражиться обвиненіями Станевича, и это раздраженіе очевидно въ отзывахъ кн. Голицына и въ принятыхъ имъ рѣзкихъ мѣрахъ, которыя справедливо можно было назвать гоненіемъ. Между тѣмъ самая книга Станевича могла бы указать мистикамъ, какія мнѣнія господствовали въ извѣстной части общества и духовенства относительно

Digitized by Google

ихъ тенденцій, и внушить нѣкоторую терпимость къ возраженіямъ. Но нравы не пріучали къ терпимости.

Ссылка Иннокентія должна была, конечно, еще больше ожесточить людей, мнѣнія которыхъ онъ представлялъ, и заставляла думать о «спасеніи церкви». Арх. Фотій, считавшій себя его ученикомъ, писалъ къ нему въ этомъ смыслѣ въ Пензу и, повидимому, очень сильно возставалъ противъ совершавшихся событій; Иннокентій въ своемъ отвѣтѣ совѣтуетъ ему умирить сперва себя и ближнихъ, чтобы умирилась и церковь, раздираемая раздорами [1]). Въ томъ же 1819 году Иннокентій умеръ въ своей Пензенской епархіи.

Запрещенія не давали выходить на свѣтъ мнѣніямъ противниковъ, но конечно не уничтожали ихъ; они продолжались на словахъ и въ рукописяхъ. Цѣлый сборникъ подобныхъ обличеній противъ мистической школы и министерства князя Голицына мы встрѣтили въ числѣ рукописей Публичной библіотеки. Это рядъ статей, принадлежащихъ, кажется, одному автору и писанныхъ въ 1817 — 1821 годахъ. Мы приводимъ въ приложеніи подробное обозначеніе этихъ статей и замѣтимъ здѣсь только, что онѣ написаны въ томъ же духѣ, какъ обличенія Станевича. Авторъ возстаетъ противъ мистическихъ книгъ, наполненныхъ вредными ученіями, вооружается противъ масоновъ, которымъ приписываетъ это «поруганіе истинной вѣры», обвиняетъ ихъ въ революціонныхъ замыслахъ, и наконецъ молится, чтобы «язвы церкви» открылись взору первороднаго ея сына, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи [2]).

Одинъ изъ людей александровскаго времени, испытавшій одно изъ тѣхъ крушеній общественной идеи, какихъ не мало произошло въ тотъ періодъ, замѣчаетъ въ своей апологіи, что «въ русской жизни, гдѣ все дѣлается по интригѣ и таинственно, гдѣ солнце публичности освѣщаетъ только результаты, никогда не проникая до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ тѣхъ, кто беретъ на себя составить ему ее» [3]). Можно безъ преувеличенія прибавить, — даже репутація цѣлаго многочисленнаго общества, цѣлаго учрежденія. Съ Библейскимъ Обществомъ пало вмѣстѣ цѣлое обширное общественное учрежденіе, репутація его была подорвана, но дѣло его покрылось такимъ мракомъ, что общественное мнѣніе никогда не имѣло возможности видѣть актовъ изслѣдованія и обвиненія. Намѣреваясь те-

[1]) Письмо напечатано въ Р. Арх. 1868, ст. 945.

[2]) См. ниже, Приложеніе.

[3]) La Russie et les Russes. Paris, 1847, I, 151.

Digitized by Google

перь собрать сколько возможно факты его исторіи за послѣднее время его существованія, мы вынуждены почерпать ихъ изъ отрывочныхъ документовъ, или изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и только предположительно опредѣлять истинный ходъ дѣла.

Всѣ разсказы согласно указываютъ, что рѣшительныя дѣйствія противъ Библейскаго Общества, нанесшія ему окончательный ударъ, главнымъ образомъ были дѣломъ Аракчеева. Извѣстны отношенія, въ какихъ стоялъ къ императору Александру этотъ ужасный человѣкъ. Онъ, конечно, былъ преданъ императору, но это была преданность дикаго фанатика, для котораго казалось удобнымъ средствомъ всякое насиліе. Человѣкъ мало образованный, не умѣвшій даже правильно написать нѣсколько строкъ, этотъ «безъ лести преданный» человѣкъ могъ своимъ деспотическимъ способомъ дѣйствій вводить извѣстную внѣшнюю дисциплину, въ своей собственной спеціальности—сдѣлать нѣкоторыя улучшенія; но это былъ человѣкъ совершенно неспособный понимать, и вѣроятно даже мало интересовавшійся тѣмъ, чтобы понимать тѣ проявленія общественной жизни, въ которыхъ тѣмъ или другимъ образомъ замѣшивалась идея: отвлеченные интересы были недоступны его разумѣнію, и до Библейскаго Общества ему, собственно говоря, не было вѣроятно ни малѣйшаго дѣла. Онъ только воспользовался враждой, которую питала къ Обществу одна часть духовенства, для чисто личныхъ цѣлей.

Эти личныя цѣли состояли въ желаніи подорвать значеніе кн. Голицына. Въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ, утомленный правленіемъ, разочарованный въ своихъ идеалахъ и надеждахъ, нравственно усталый, все больше и больше поддавался вліяніямъ Аракчеева; но это вліяніе ограничивалось еще довѣренностью императора къ тремъ лицамъ, въ управленіи которыхъ были три важныя части—финансы, военное управленіе, и министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Это были графъ Гурьевъ, кн. П. М. Волконскій и кн. А. Н. Голицынъ. Первый долженъ былъ передать свое мѣсто Канкрину; второй замѣненъ былъ въ званіи начальника главнаго штаба Дибичемъ. Противъ князя Голицына дѣйствовать было труднѣе, потому что онъ пользовался особымъ и давнишнимъ довѣріемъ императора; притомъ, Аракчееву трудно было приступиться къ нему и по той причинѣ, что онъ ничего не разумѣлъ ни въ просвѣщеніи, ни въ духовныхъ дѣлахъ. Но Аракчеевъ съумѣлъ, по крайней мѣрѣ, найти себѣ помощниковъ, которые могли очень успѣшно служить его планамъ. Этими помощниками были: митрополитъ Серафимъ, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій и Магницкій.

Digitized by Google

«Какъ послѣдовало это соединеніе — покрыто мракомъ неизвѣстности (говоритъ одинъ современникъ и свидѣтель многихъ событій). Оно тѣмъ болѣе удивительно, что всѣ сказанныя три лица пользовались благорасположеніемъ и милостями князя Голицына, а послѣдній, т. е. Магницкій, былъ осыпанъ его благодѣяніями...

«Митрополитъ, человѣкъ ума ограниченнаго, учености недальней, придерживавшійся старины, давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на первенство въ дѣлахъ духовныхъ лица свѣтскаго, на покровительство, оказываемое Голицынымъ представителямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, на участіе ихъ въ библейскихъ обществахъ, на учрежденіе евангелическаго епископа (въ лицѣ г. Сигнеуса), на изданіе нѣкоторыхъ книгъ съ разрѣшенія министра.

«Архимандритъ Фотій, недоучившійся студентъ с.-петербургской академіи, былъ полудикій изступленный фанатикъ, совершенный старообрядецъ, еще болѣе не терпящій нововведеній и духовенства другихъ исповѣданій» [1]).

Разсказчикъ въ особенности изумляется неблагодарности Магницкаго, но отъ Магницкаго нельзя было конечно и ждать другого способа дѣйствій, и самъ Панаевъ, нѣсколько ниже, объясняетъ эту неблагодарность слѣдующимъ образомъ: «Предательство Магницкаго объяснить не трудно. Онъ постигалъ постепенно возрастающую силу Аракчеева, зналъ, что ему хотѣлось низвергнуть Голицына, видѣлъ, что мѣста графа Гурьева и кн. Волконскаго замѣщены людьми, хотя даровитыми, но незначительными по происхожденію, по чинамъ, по занимаемымъ предъ тѣмъ должностямъ, и могъ надѣяться, что Аракчеевъ, за оказанную услугу, возведетъ его въ званіе министра. Онъ однакожъ ошибся въ своемъ преступномъ разсчетѣ»... [2]).

Назвать ли этотъ союзъ «заговоромъ» или «соглашеніемъ», какъ предпочитаютъ другіе, это кажется все равно: это была во всякомъ случаѣ заранѣе обдуманная и подготовленная интрига, какъ можно видѣть по всему ходу дѣла. Какъ именно и кѣмъ составленъ былъ первоначальный планъ, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: всего скорѣе онъ былъ дѣломъ Аракчеева, Магницкаго и Фотія. Митр. Серафимъ повидимому стоялъ въ сторонѣ отъ самой завязки дѣла, и вовлеченъ былъ только послѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что и Фотій, этотъ «изступленный», «полупомѣшанный» фанатикъ (по словамъ того же Панаева) дѣйствовалъ по внутрен-

[1]) Зап. Панаева, въ В. Евр. 1867, т. IV, стр. 79—80.
[2]) Тамъ же, стр. 84.

Digitized by Google

нему убѣжденію и прирожденной нетерпимости, былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, а не прямымъ соучастникомъ въ самомъ планѣ интриги. Мы предоставимъ читателю судить по дальнѣйшему разсказу, насколько можно приписать дѣйствія Фотія въ этомъ дѣлѣ одному чистому убѣжденію, — намъ эта чистота кажется сомнительной; — но относительно Серафима слѣдуетъ, кажется, принять, что его роль, по крайней мѣрѣ въ началѣ дѣла, была болѣе страдательная. По своимъ понятіямъ, онъ не сходился съ Голицынымъ, но самъ едва ли былъ бы способенъ придумать и исполнить интригу, въ которой ему пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ. Источникомъ его дѣйствій была крайняя слабость и безхарактерность. Онъ только послѣ крайнихъ колебаній, почти противъ воли далъ союзникамъ свою поддержку въ началѣ дѣла, и потомъ не вдругъ уступалъ ихъ настояніямъ; правда, онъ наконецъ уступилъ совсѣмъ. — Другіе отзывы о личныхъ свойствахъ митр. Серафима довольно согласны съ приведенной выше характеристикой [1]).

О Фотіи существуютъ различныя мнѣнія. Многіе считаютъ его истиннымъ подвижникомъ, и полагаютъ, что въ немъ «Провидѣніе избрало для защиты православія орудіе, хотя тяжелое и не очень шлифованное, но чистое отъ мірской ржавчины». «Архим. Фотій былъ не лицемѣръ; онъ былъ постникъ и подвижникъ до излишества; грудь его была изранена въѣвшимися мѣдными веригами, которыя потомъ извлекли или вырѣзали врачи; его нельзя было купить и милліонами графини Орловой»·(?). «О. Фотій, по своей дѣтской, семинарской простотѣ, не зналъ вовсе цѣны мірскихъ сокровищъ и принималъ жемчуги и яхонты, какъ принялъ бы блюдо земляники». Но по словамъ тогоже защитника Фотія, «никто не станетъ спорить, что онъ, какъ человѣкъ, погрѣшилъ *рабольпствомъ Аракчееву*, слишкомъ восхваляя этого злонравнаго временщика» и т. д. [2]). Вигель, въ «Запискахъ», называетъ Фотія человѣкомъ грубо-чистосердечнымъ, умнымъ и дальновиднымъ [3]). Но въ томъ, что̀ извѣстно изъ его писаній и его дѣйствій, ума вовсе не видно; дальновидности его доставало только на нелѣпые доносы, и на готовность служить Аракчееву; «грубое чистосердечіе» его кажется бывало часто поддѣльное. При всей ревности къ православію, онъ имѣлъ и ту особенную «услуж-

[1]) Ср. Сушкова, стр. 54—55.

[2]) Р. Инвалидъ, 1868, № 192.

[3]) «Одинъ умный архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и *золотомъ* графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душею заговора противъ него» (кн. Голицына). Зап., III, ч. VI, стр. 52.

Digitized by Google

ливость», по которой самая защита православія была имъ сдѣлана тогда, когда это понадобилось по соображеніямъ, совершенно чуждымъ православію,—по заказу патрона и по данному знаку [1]). Наконецъ, что касается «фанатизма и обскурантизма», отъ обвиненія въ которыхъ старается оправдать его упомянутый выше защитникъ, то эти свойства, конечно, нѣтъ никакой возможности отнять у юрьевскаго архимандрита: читатель убѣдится въ этомъ изъ послѣдующихъ данныхъ. Его логики не одобряетъ даже писатель, какъ авторъ «Обзора русской духовной литературы», питающій впрочемъ большое уваженіе къ дѣяніямъ Фотія [2]).

Для положительной характеристики Фотія недостаетъ еще полнаго изданія его записокъ. Г. Сушковъ, читавшій ихъ, нашелъ въ нихъ—«и молитвы и клеветы, и ханжество и буйство, и самонадѣянность и лжесмиреніе» [3]). Этому немудрено повѣрить.

Объ его отношеніяхъ къ кн. Голицыну г. Сушковъ, вѣроятно довольно справедливо, говоритъ, что Фотій ненавидѣлъ Голицына, завидуя Филарету, съ которымъ Голицынъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Это объясненіе кажется намъ весьма нравдоподобнымъ. Фотій былъ самолюбивый фанатикъ; репутаціей суроваго аскета онъ пріобрѣлъ себѣ множество поклонниковъ, между прочимъ въ высшемъ обществѣ. У него не было средствъ ни ума, ни образованія, чтобы играть какую-нибудь иную роль, а между тѣмъ ему, кажется, именно хотѣлось играть роль въ дѣлахъ церкви; тонъ, въ которомъ онъ писалъ свои записки къ императору Александру, едва ли не выдаетъ этой самолюбивой затѣи Фотія. Филаретъ въ то время именно пріобрѣталъ такое господствующее положеніе, и по личнымъ талантамъ, и по связямъ съ Голицынымъ. Фотій думалъ съ своей стороны выиграть черезъ Арак-

---

[1]) Ср. о Фотіѣ у Сушкова.—*Eynard*, II, p. 355—360, между прочимъ говоритъ (со словъ русскихъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія): «Toujours plus avide de satisfaire sa haine contre le prince Galitzin, il (Аракчеевъ) cherchait à lui opposer un adversaire hardi parce qu'il n'aurait rien à perdre, mais assez complaisant pour s'inspirer des conseils d'un patron; il choisit Photius. Aussi intrigant qu'obstiné Photius se montra digne d'un tel protecteur», etc. Укажемъ еще одну подробность. Современники разсказываютъ, съ выраженіемъ крайняго негодованія, что въ день похоронъ старой любовницы Аракчеева, Настасьи (письма которой напечаталъ недавно «Русскій Архивъ»), которая была убита ненавидѣвшею ее прислугой и за которую Аракчеевъ мстилъ страшнымъ истязаніемъ своей дворни, — «Фотій въ надгробной рѣчи утѣшалъ Аракчеева *предвѣстіемъ*, что зарѣзанная поступила въ сонмъ *великомученицъ*» (!!).

[2]) «Говорить, что сужденія Фотія о сочиненіяхъ и сочинителяхъ (обличаемаго имъ мистицизма) вездѣ были логически вѣрны и отчетливы, значило бы *оскорблять правду*». Обзоръ, кн. 2, стр. 233. О степени его развитія достаточно говорятъ записки, писанныя имъ къ имп. Александру, о которыхъ мы упомянемъ дальше.

[3]) Сушк., стр. 105.

Digitized by Google

чеева. Изувѣрство, соотвѣтствовавшее степени его развитія, самолюбіе, усиливаемое недостаткомъ образованія, и наконецъ достаточный запасъ энергіи или дерзости, вмѣстѣ съ угодливостью сильнымъ, кажется, опредѣляютъ роль его въ этой исторіи....

Въ началѣ 1824 года, союзники кажется уже рѣшили и самый способъ дѣйствій. Еще въ мартѣ этого года до людей, близкихъ къ кн. Голицыну или Библейскому Обществу, дошли слухи и подозрѣнія, что противъ кн. Голицына составленъ заговоръ упомянутыми четырьмя лицами, что они для рѣшительнаго удара ждутъ только выхода одной книги пастора Госнера, которая переводилась на русскій языкъ, какъ говорили, по желанію Голицына. Кн. Голицынъ въ это время, повидимому, и не подозрѣвалъ о грозившей ему опасности [1]).

Прежде всего поручено было, кажется, начать рѣшительныя дѣйствія Фотію. Онъ долженъ былъ попробовать надъ кн. Голицынымъ силу своего краснорѣчія и своихъ заклятій. Дѣло разсказывается съ нѣкоторыми варіантами [2]).

Фотій въ запискахъ разсказываетъ съ своей точки зрѣнія такъ. Кн. Голицынъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1824) пришелъ къ Фотію. Между ними произошелъ будто бы такой разговоръ: Фотій «умолялъ» кн. Голицына остановить революціонныя книги, изданныя въ теченіе его министерства, или доложить объ нихъ императору. Кн. Голицынъ будто бы отвѣчалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія *сформированы уже для революціи*» (!!).

— Но ты, какъ оберъ-прокуроръ, сперва, а теперь министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, могъ бы исправить.

— Не я, а государь виноватъ, — отвѣчалъ, по разсказу Фотія, Голицынъ: — онъ, будучи такого же духа, *желалъ сего* (!!).

— Но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить.

— Поздно уже остановить, все уже *въ большой силѣ* (!!).

Черезъ нѣсколько дней, 25 апрѣля, кн. Голицынъ пожелалъ

---

[1]) Такъ объ этомъ говорилъ Панаеву тогда же И. И. Ястребцовъ, извѣстный своимъ переводомъ Массильона; онъ состоялъ сначала при кн. Голицынѣ, въ это время управлялъ дѣлами коммиссіи духовныхъ училищъ, и съ 1819 г. былъ директоромъ въ петербургскомъ комитетѣ Библейскаго Общества. — Такія же подозрѣнія передавалъ ему свящ. Маловъ, также бывшій директоромъ библ. комитета. Вѣстн. Европы, 1867, т. IV, стр. 82.

[2]) Хронологическая послѣдовательность этихъ событій еще недостаточно ясна по извѣстнымъ теперь документамъ, и мы принимаемъ порядокъ ихъ приблизительно. Записки Фотія, изъ которыхъ мы беремъ здѣсь свѣдѣнія, изданы пока только въ отрывкахъ «Чтенія М. Общ. Ист. и Др.» 1868, I, Смѣсь, стр. 262—273; другой отрывокъ въ «Чтеніяхъ М. Общ. любителей духовн. просвѣщ.» М. 1868, мы указывали выше.

Digitized by Google

еще видѣться съ Фотіемъ; а по другимъ свѣдѣніямъ, Фотій именно пригласилъ его къ графинѣ Орловой-Чесменской, гдѣ его ожидала напередъ подготовленная сцена. Фотій стоялъ у святыхъ иконъ, съ запасными дарами, съ раскрытой Библіей на налоѣ. Фотій не далъ князю благословенія и, указывая Библію, требовалъ отъ него покаянія и отреченія отъ лукавыхъ лжепророковъ подобныхъ Госнеру, и грозилъ ему страшнымъ судомъ. «Со злобою отвратился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверьми. Фотій же, отворивъ двери, воззвалъ громко: ««Если ты не покаешься, что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и сполна не откроешь царю, — не узришь царствія небеснаго и внидешь во адъ»»!

Такъ разсказываетъ Фотій. По другимъ свѣдѣніямъ, его послѣднія слова были нѣсколько безцеремоннѣе.

Шишковъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что Фотій долгое время (около двухъ лѣтъ или больше, какъ это указываетъ и самъ Фотій) былъ въ связи и въ сношеніяхъ съ кн. Голицынымъ, «въ намѣреніи, какъ *сказываютъ*, отвратить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и зловреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его выпускаются къ поколебанію нашей вѣры». Когда это не удалось, онъ рѣшился «употребить надъ нимъ духовную строгость»,—для чего и устроена была вышеописанная сцена. Шишковъ положительно говоритъ: «съ симъ намѣреніемъ пригласилъ *онъ* (Фотій) его (кн. Голицына) въ домъ графини Орловой, гдѣ поставя налой и положа на немъ евангеліе и крестъ, *приготовился* его встрѣтить»... Когда князь Голицынъ, разсердившись на требованія Фотія, спросилъ его, какое право имѣетъ онъ говорить съ нимъ такимъ повелительнымъ голосомъ, Фотій сталъ грозить ему проклятіемъ. «Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ и сказалъ ему: «увидишь, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ: *анаѳема! да будешь ты проклятъ*» [1]).

Эта послѣдняя версія, конечно, вѣрнѣе. Да и изъ того, какъ передаетъ Фотій свой первый разговоръ съ кн. Голицынымъ, достаточно видно, что въ *этой* формѣ разговоръ происходить не могъ: князь Голицынъ не могъ же сказать о себѣ, что онъ «формировалъ революцію».

Что сцена была заготовлена впередъ по плану союза, заключеннаго противъ кн. Голицына, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

---

[1]) Зап. Шишкова, стр. 96 — 97.

Digitized by Google

Какъ бы то ни было, Фотій, предавши кн. Голицына анаѳемѣ (на что, конечно, не имѣлъ никакого права), устроилъ скандальную сцену, послѣ которой должна была произойти рѣшительная борьба. Онъ не терялъ времени: онъ описалъ происшедшую сцену и въ тотъ же день представилъ описаніе императору Александру — вѣроятно при содѣйствіи гр. Орловой или Аракчеева. По словамъ Шишкова, «вскорѣ государь позвалъ Фотія къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, но и несообразнымъ съ христіанскою покорностію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва» [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ проклятія кн. Голицына, Фотій представилъ императору Александру особенную подробную записку, въ которой излагалъ съ своей точки зрѣнія опасности, грозившія вѣрѣ и государству отъ революціонныхъ замысловъ кн. Голицына и его партіи. Устроивая сцену съ кн. Голицынымъ, Фотій, повидимому, надѣялся, что обратитъ кн. Голицына однимъ своимъ краснорѣчіемъ или, настращавши его анаѳемой и адомъ, заставитъ его самого отказаться отъ министерства; когда это ему не удалось, записка должна была довершить начатое.

Эта записка Фотія, первое формальное обвиненіе противъ Библейскаго Общества и кн. Голицына, есть верхъ безсмысленнаго и безсовѣстнаго доноса. По словамъ Фотія, Россіи и всему свѣту грозитъ страшная опасность отъ какихъ-то *иллюминатовъ*, общество которыхъ «всячески старается къ 1836 году [2]) сдѣлать приготовленія» къ учрежденію единаго царства Христова: въ это время по ихъ замыслу «всѣ царства, церкви, религіи, гражданскіе законы и всякое устройство должны быть уничтожены» (!!) и должна начаться новая религія. Глава общества преобразователей, или *филадельфійской* церкви [3]), въ Россіи есть Кошелевъ, иллюминатъ и заклятый врагъ церкви и го-

---

[1]) Зап., стр. 97. Въ запискахъ Фотія (Чтен., стр. 269) указано вообще пять случаевъ бесѣды его съ импер. Александромъ «о дѣлахъ вѣры и отечества», въ Петербургѣ: 1822 г., 5 іюня; 1824, 20 апрѣля, 14 іюня и 6 августа; 1825, 12 февраля, и разъ въ Юрьевскомъ монастырѣ 1825, 5 іюля.—Но если, какъ слѣдуетъ по Шишкову, настоящая бесѣда происходила послѣ сцены съ Голицынымъ (описанной у Фотія подъ 25 апрѣля), то 20-е число поставлено здѣсь невѣрно; или же невѣрно 25-е. — Подъ 29-мъ апрѣля поставлены у Фотія записка и письмо къ импер. Александру, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Другая записка упомянута еще подъ 12 апрѣля, но въ какой связи находятся эти разновременныя записки, намъ неясно.

[2]) Указаніе этого года взято изъ мистическихъ мечтаній Юнга Штиллинга въ «Побѣдной Повѣсти».

[3]) Объясненіе этой филадельфійской церкви мы приводили выше, изъ предисловія Лабзина къ «Жизни Штиллинга».

Digitized by Google

сударства [1]). Онъ прельстилъ Голицына *подъ видомъ набожности* приготовить все для ниспроверженія самодержавія и вѣры. Для смѣщенія всѣхъ религій, и чтобы духовенство не мѣшало, введено министерство духовныхъ дѣлъ, и министру подчинены православные рядомъ съ жидами и магометанами. Для удобнѣйшаго распространенія новаго ученія устроено Библейское Общество, основатели котораго — методисты, «которыхъ и римская и лютеранская церковь называютъ отступниками отъ вѣры» [2]). Въ пособіе Обществу издаются вредныя книги, которыя Голицынъ распространяетъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, свѣтскимъ и духовнымъ; для тайны сношеній онъ беретъ себѣ и почтовое вѣдомство. Попечители въ университетахъ, директоры въ министерствѣ посажены изъ единомышленниковъ [3]). «Не находя въ русскомъ духовенствѣ усердныхъ орудій», вызвали изъ Германіи Госнера, Фесслера, «который хуже Пугачова» [4]), приняли подъ покровительство Лабзина, Татаринову, Крюднеръ, Линделя [5]) и пр., «и еще какого-то попа еретика для сего отыскали... и онъ составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ» (?). «Чтобы правительство не вдругъ усмотрѣло», зло посѣвается въ отдаленныхъ мѣстахъ, на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ [6]) и пр. Подъ вѣдѣніемъ министерства дѣйствуютъ типографіи (!) и цензура; есть единомышленники и здѣсь: «Гречъ первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій» [7]). Бываетъ и тайное печатаніе. Духъ реформы и революціи распространяется такъ, что многихъ приводитъ въ ужасъ. «Дабы унизить слово Божіе,

---

[1]) О враждѣ Фотія къ Р. А. Кошелеву, не разъ упомянутому нами ученику Сенъ-Мартена, ср. Сушк., стр. 106.

[2]) Эту самую фразу мы встрѣтимъ дальше и въ обвиненіяхъ Шишкова.

[3]) Здѣсь перечислены: Руничъ, Оболенскій, Карпѣевъ, арх. Ѳеофилъ (въ Одессѣ), Тургеневъ, Поповъ, — но *не названъ* Магницкій.

[4]) Фесслеръ вызванъ былъ не Голицынымъ, а Сперанскимъ, и еще задолго до основанія Библ. Общества.

[5]) Замѣтимъ, что къ этому времени импер. Александръ былъ уже холоденъ къ г-жѣ Крюднеръ; Линдель былъ давно высланъ, и Лабзинъ — также, послѣдній по поводу, постороннему для Библ. Общества и его литературной дѣятельности.

[6]) Это относится, кажется, къ нѣкоторымъ раскольничьимъ движеніямъ этого времени, которыя были приписаны дѣйствіямъ Библ. Общества; о нихъ мы упомянемъ дальше.

[7]) Гречъ былъ въ связяхъ съ Библ. Обществомъ, между прочимъ и какъ типографщикъ, печатавшій библейскія и мистическія книжки. Тимковскій — цензоръ, памятный литературѣ необузданностью краснаго карандаша и, вмѣстѣ съ Бируковымъ, пропускавшій, въ угоду начальству, мистическія книги. — Гречъ въ свое время слылъ за ужаснаго либерала. Благонамѣренные люди, въ родѣ Воейкова, благодарили Промыслъ Божій, что онъ не приводилъ имъ «проповѣдывать, какъ Гречъ, свободу и равенство». Въ письмѣ 1824 года; Библ. Записки 1858, стр. 262.

Digitized by Google

которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ читается, *предписано* продавать его даже въ аптекахъ съ микстурами и склянками».

Но этимъ еще не кончилось. Въ упомянутой личной бесѣдѣ съ Фотіемъ, императоръ, повидимому, предложилъ ему прямой вопросъ: какъ остановить ту революцію, которая, по словамъ Фотія, такъ неминуемо грозила Россіи. Фотій, кажется, ссылался на необходимость особеннаго божественнаго откровенія, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ; и черезъ нѣсколько времени, въ особомъ письмѣ къ императору (поставленномъ въ запискахъ подъ тѣмъ же 29 апрѣля), онъ разрѣшаетъ вопросъ, получивши нужное откровеніе. Начавъ письмо напыщеннымъ славословіемъ императора и заявивъ о себѣ, что онъ, Фотій, рабъ его и служитель святой церкви, служитъ Богу и ему вѣрой и правдой, по закону Божію и гражданскому, по любви евангельской (!) и по присягѣ, Фотій продолжаетъ: «...На вопросъ твой: *какъ пособить, дабы остановить революцію?* молился Господу Богу, и *вотъ что открыто* (!), *только дѣлать немедленно* (!!). Способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы [1]). 2) Библейское Общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ [2]), что уже много напечатано Библій, и онѣ теперь *не нужны*. 3) Синоду быть по прежнему, и *духовенству надзирать* при случаяхъ *за просвѣщеніемъ*, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера *выгнать*, Феслера *выгнать* и методистовъ *выгнать*, хотя главныхъ. *Провидѣніе* Божіе теперь ничего болѣе дѣлать *не открыло* (!). Повелѣніе *Божіе* я возвѣстилъ, исполнить же въ тебѣ состоитъ»... Дальше: «Отъ 1812 года до сего 1824 года прошло *ровно 12 лѣтъ* (?). Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты одною чертою пера».

Шишковъ, разсказавъ о сценѣ Фотія съ кн. Голицынымъ и разговорѣ Фотія съ императоромъ, замѣчаетъ, что «въ тоже время подоспѣло Госнеровское дѣло». Оно подоспѣло слѣдующимъ образомъ. Мы замѣтили выше, что союзники ожидали только окончанія книги Госнера, выходившей тогда въ русскомъ переводѣ, чтобы приступить къ своимъ дѣйствіямъ: эта книга должна была доставить имъ оружіе противъ кн. Голицына. Го-

---

[1]) Т. е. министерство просвѣщенія и почтовое вѣдомство также отнять у князя Голицына.

[2]) *Предлогъ*, какъ видимъ, также былъ *открытъ свыше!*

Digitized by Google

снеръ, какъ прежде Линдль, свободно проповѣдовалъ въ Петербургѣ, при покровительствѣ Голицына, и имѣлъ не мало приверженцевъ даже между православными. «Слушателями ихъ — разсказываетъ Гречъ — были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не находившіе достойной духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ, но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости покровителю ихъ Голицыну.... *Магницкій*, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Незаровіусъ (основатель «Инвалида»), кн. К. А. Ливенъ, Адеркасъ, директоръ петровской школы Шубертъ, Сѣровъ, окружали ихъ каѳедры, вздыхали, плакали, становились на колѣни».... Религіозный либерализмъ этихъ проповѣдниковъ былъ ненавистенъ настоящимъ католикамъ, которые считали ихъ предателями и еретиками; православное духовенство тѣмъ больше должно было не терпѣть ихъ, что они увлекали овецъ и изъ его паствы.

Въ 1823—24 г. Госнеръ издалъ по-нѣмецки книгу, заключавшую толкованія Новаго Завѣта, подъ названіемъ: «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа». Книга была одобрена къ печати фонъ-Полемъ, однимъ изъ библейскихъ дѣятелей и почитателемъ Госнера [1]). Другой почитатель его, отставной генералъ-маіоръ Брискорнъ, вздумалъ перевести книгу на русскій языкъ и, при помощи нѣсколькихъ сотрудниковъ, началъ изданіе; но онъ умеръ въ томъ же 1823 году, и продолженіе изданія взялъ на себя Госнеръ, а В. М. Поповъ взялся кончить переводъ. Цензоръ Бируковъ одобрилъ книгу къ печати, кажется, даже не читавши ея.

Между тѣмъ, Магницкій передался Аракчееву и придумалъ воспользоваться книгой Госнера противъ кн. Голицына, надѣясь легко отыскать въ ней безбожіе и революцію. Дѣло устроивалось по способу, который былъ уже разъ употребленъ, во время раздоровъ митр. Амвросія и Филарета съ Ѳеофилактомъ [2]). Надо было выкрасть изъ типографіи отпечатанные листы и предварить выходъ книги донесеніемъ императору. Въ типографію Греча, гдѣ печаталась книга, подсылали шпіоновъ, старались подкупить мальчиковъ, чтобы получить желаемые листки. Наконецъ, помогъ нѣкто Степановъ, чиновникъ 5-го класса. Узнали, что Брискорнъ давалъ корректурные листы книги одному доктору, также любителю Госнера. Степановъ притворился больнымъ, пригласилъ къ себѣ этого доктора, успѣлъ выманить у него нѣсколько корректурныхъ листовъ, ссылаясь на тяжкіе грѣхи и желаніе усладить

[1]) Фонъ-Поль впослѣдствіи былъ директоромъ канц. мин. внутр. дѣлъ при Блудовѣ.

[2]) «Р. Вѣстн.», 1868 г. № 4, 510—511.

Digitized by Google

себя духовной пищей. Получивъ листки, Степановъ тотчасъ же свезъ ихъ оберъ-полиціймейстеру, а этотъ передалъ ихъ Магницкому, которому, конечно, и принадлежалъ весь планъ дѣйствій. Магницкій немедленно отыскалъ въ листкахъ богохульство и безбожіе и передалъ дѣло Аракчееву. Добывъ корректуру, желали обыть также нѣсколько экземпляровъ отпечатанныхъ листовъ, чтобы предъявленіемъ ихъ подтвердить придуманную (конечно, тѣмъ же Магницкимъ) ложь, будто бы книга была уже въ большомъ количествѣ распространена въ публикѣ [1]). Кромѣ корректурныхъ листковъ, выкраденъ былъ, кажется, и полный отпечатанный экземпляръ.

Тогда былъ выдвинутъ митр. Серафимъ. Аракчеевъ и его кліенты насильно заставили митрополита отправиться во дворецъ, гдѣ онъ долженъ былъ лично представить императору весь вредъ, проистекающій для православія отъ кн. Голицына, или «открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро предъ нимъ дотолѣ скрываемыя», — какъ говоритъ объ этомъ современный историкъ этой партіи [2]). По разсказамъ близкихъ свидѣтелей дѣла, Серафимъ только послѣ долгихъ увѣщаній, просьбъ, и послѣ долгаго колебанія рѣшился отправиться во дворецъ. Время для этого, какъ говорятъ, нарочно было выбрано необыкновенное, — шесть часовъ вечера, чтобы этой самой необычайностью встревожить императора. Митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза возвращался. «Наконецъ, въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ (синодскій чиновникъ, изъ враждебной Голицыну партіи), Фотій и Орловъ, и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до Зимняго дворца, и крикнулъ: пошелъ!» Не обошлось при этомъ и безъ Магницкаго. Разсказываютъ, что Магницкій ѣхалъ вслѣдъ за каретою на дрожкахъ, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу [3]).

---

[1]) Эта исторія подробно разсказывается въ напечатанномъ недавно отрывкѣ изъ Записокъ Греча, Р. Арх. 1868 г., ст. 1403 и слѣд.

[2]) См. чрезвычайно любопытную «Записку о Крамолахъ враговъ Россіи», въ Р. Арх. 1868 г., ст. 1387.

[3]) Р. Арх. 1868 г., ст. 1390. Въ Зап. Панаева, Вѣстн. Евр. стр. 84, передается по разсказамъ самого Магницкаго, что онъ вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ и прошелъ къ подъѣзду дворца, гдѣ уже столпилось довольно народа, привлеченнаго каретой митрополита. Магницкій хотѣлъ видѣть, съ какимъ лицомъ выйдетъ изъ дворца митрополитъ,—съ веселымъ или печальнымъ. По довольному лицу его Магницкій увидѣлъ, что дѣло идетъ хорошо, и тотчасъ отправился въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ.

Digitized by Google

Подробности разговора митр. Серафима съ императоромъ до сихъ поръ мало извѣстны. Упомянутый выше современный историкъ, авторъ «Записки о крамолахъ», передаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Митрополитъ Серафимъ со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ, предсталъ лицу императора.... Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и святѣйшему синоду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся. Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, митрополитъ представилъ императору книгу Госнера о Евангеліи Матѳея [1]), которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клобукъ его, сказалъ: Преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены» [2]).

Такимъ образомъ пущены были въ ходъ всѣ средства: скандальное проклятіе, обращеніе къ императору о спасеніи церкви, самые необузданные доносы и, наконецъ, выкраденная книга, какъ corpus delicti. Дѣйствіе оказалось очень скоро.

Прежде всего послѣдовало высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера. Это разсмотрѣніе поручено было адмиралу и президенту россійской академіи А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому [3]). Впрочемъ, Ланской

---

[1]) «О Евангеліи отъ Матѳея»—было второе частное заглавіе книги Госнера, или заглавіе 1-го тома. Общаго заглавнаго листа, вѣроятно, еще не успѣли напечатать.

[2]) Варіантъ разсказа у Панаева, стр. 84. Г. Сухомлиновъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., кн. I, стр. 7, примѣч., упоминаетъ объ этомъ разговорѣ по извѣстіямъ лица, слышавшаго разсказъ о немъ митр. Филарета, но самаго разсказа не приводитъ. Переданный нами текстъ, вѣроятно, нѣсколько прикрашиваетъ «святое дерзновеніе» Серафима. Въ подобныхъ встрѣчахъ онъ былъ вообще робокъ (ср. «Обзоръ» Филарета Черниг., стр. 246), и крайняя нерѣшимость его отправиться во дворецъ, не показываетъ твердости. Какъ мало были извѣстны подробности этого событія, можно судить по тому, что Шишковъ, такъ много ревновавшій по дѣлу Госнера, не зналъ, какимъ образомъ доведено было до свѣдѣнія императора Александра объ этой книгѣ. (Зап., стр. 119).

[3]) Зап. Шишкова, 119. По Зап. Фотія, высочайшее повелѣніе отнесено опять къ 25-му апрѣля («Чтенія», стр. 266). Панаевъ говоритъ о «комитетѣ», къ которому при-

Digitized by Google

только подписалъ докладъ, составленный Шишковымъ. Первыя распоряженія послѣдовали очень скоро: той же весной Госнеръ былъ высланъ за границу, книгу велѣно было сжечь,—всѣ лица, прикосновенныя къ изданію, переводчики (въ особенности В. М. Поповъ), два цензора (фонъ-Поль и Бируковъ), типографщики (Край и Гречъ) отданы были подъ судъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приняты были первыя мѣры противъ Библейскаго Общества. 15 мая, кн. Голицынъ пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и президентомъ Общества. Министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами, однихъ *иностранныхъ исповѣданій*, сдѣланъ былъ Шишковъ; но православная часть отошла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же синода должны были представляться черезъ Аракчеева. Президентомъ Библейскаго Общества сталъ митрополитъ Серафимъ, — и хотя въ высочайшемъ рескриптѣ, опредѣлявшемъ это назначеніе, сказано было, чтобы доклады по Обществу вносимы были къ императору черезъ посредство кн. Голицына, — но это, кажется, съ самаго начала осталось только фразой ему въ утѣшеніе. Доклады Серафима по Обществу были уже вскорѣ такого свойства, что кн. Голицыну невозможно было вносить ихъ.

Общество пока еще продолжало существовать, но это существованіе — съ предсѣдателемъ, участвовавшимъ въ низверженіи кн. Голицына въ союзѣ съ Фотіемъ—было слишкомъ натянутое и не могло длиться долго....

Новый министръ народнаго просвѣщенія и главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій систематически и съ жаромъ принялся за искорененіе того, что̀ дѣлалось прежнимъ министерствомъ, за уничтоженіе Библейскаго Общества и его зловредныхъ тенденцій. Несчастье было только въ томъ, что ревность Шишкова задѣла при этомъ и самое просвѣщеніе, которое онъ долженъ бы былъ устроивать.... Люди, надѣявшіеся, что съ Шишковымъ пойдутъ лучше дѣла просвѣщенія и литературы, должны были разочароваться.

Шишковъ, конечно, не участвовалъ въ заговорѣ противъ Голицына, — онъ былъ слишкомъ прямодушенъ и наивенъ, — но его ревность противъ голицынскаго вольнодумства была такъ усердна, его старость и простодушіе такъ велики, что Аракчеевъ не могъ

числяетъ и гр. Милорадовича; но послѣдній, въ качествѣ генералъ-губернатора, производилъ только полицейское дознаніе.

Digitized by Google

найти лучшаго исполнителя своихъ желаній и лучшаго человѣка для вакантнаго министерства [1]). Для самого Шишкова назначеніе его было совершенно неожиданно. Но, разъ назначенный, онъ началъ дѣйствовать съ великой ревностью, — въ полной покорности у Аракчеева, не оправдавши упомянутыхъ ожиданій и не внушивши къ себѣ уваженія....

Отзывы современниковъ достаточно рисуютъ положеніе дѣла: по выраженію одного изъ нихъ, Шишковъ былъ только «трупъ, гальванизированный Магницкимъ [2])», и это фигурное сравненіе довольно вѣрно. Магницкій овладѣлъ имъ совершенно, и Шишковъ даже не подумалъ о той роли, какую игралъ Магницкій при его предшественникѣ! [3]) Онъ понялъ его только тогда, когда самъ нѣсколько разъ былъ также нагло и грубо обманутъ.

Первымъ дѣломъ, привлекшимъ особенное вниманіе Шишкова, было госнеровское, которое началось еще до вступленія его въ министерство и окончилось уже при имп. Николаѣ.

Книга Госнера называлась: «Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus [4])», т. е. «Духъ жизни и ученія Іисуса Христа, въ размышленіяхъ и замѣчаніяхъ о всемъ Новомъ Завѣтѣ». Въ русскомъ переводѣ, безъ заглавнаго листа, книга называлась: «О Евангеліи отъ Матѳея». Шишковъ, которому вмѣстѣ съ Ланскимъ поручено было разсмотрѣть ее, 20-го мая читалъ уже свой отзывъ о книгѣ въ комитетѣ министровъ. Общій смыслъ этой книги представленъ былъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: «По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи евангельскихъ текстовъ вездѣ *подъ видомъ наставленія* въ вѣрѣ, *внушаются противныя ей правила*, основанныя на *ложныхъ* умствованіяхъ, *смѣшанныхъ* однако съ *истинными* и *скрытыхъ* подъ оными, дабы сею *хитростію омрачить* умъ читателя или слушателя и понемногу *отводить* его отъ *Вѣры* своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ *обязанностей* къ небесному и земному *царю*».

Все это онъ старается подтвердить въ своемъ разборѣ [5]).

[1]) Зап. Вигеля III, VI, 53. «Изъ четырехъ министровъ троимъ,—военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ,—было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около восьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію».

[2]) Ibid. VII, 5.

[3]) Зап. Панаева, В. Евр. 1867, т. IV, стр. 88, примѣч.

[4]) Печатано, по указанію Шишкова (стр. 30), въ Петербургѣ, 1824, у Края. Другое изданіе было, кажется, сдѣлано Госнеромъ въ Лейпцигѣ, 1824.

[5]) Записки, стр. 30—49.

Digitized by Google

Не останавливаясь на этомъ разборѣ, замѣтимъ только, что онъ написанъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ переданная нами выше книга Станевича или доносъ Фотія: тоже злостное перетолкованіе самыхъ обыкновенныхъ мистическихъ выраженій, такое же желаніе видѣть подъ этими выраженіями скрытый революціонный смыслъ. Шишковъ могъ бы, конечно, указывать на протестантскій характеръ книги Госнера, могъ бы находить неумѣстными подобныя изданія на русскомъ языкѣ, указать въ книгѣ преувеличенное резонерство, — и это была бы часто правда. Но онъ этимъ не довольствовался, и выдавалъ Госнера за хитраго безбожника и революціонера, подкапывающаго алтари и престолы. Это было уже нелѣпо. Странно было бы думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы Госнеръ, самъ фанатикъ въ своемъ родѣ, былъ какимъ-нибудь злонамѣреннымъ безбожникомъ, старающимся подрывать религію. На дѣлѣ это былъ совершенно искренній піэтистъ, только перехитрившій свои умствованія по поводу историческихъ сказаній и нравственныхъ ученій Евангелія: его книга (судя по выпискамъ Шишкова) была не умна, въ иныхъ случаяхъ пожалуй довольно нелѣпа и безвкусна, но революціонной называть ее смѣшно [1]). Но Шишковъ былъ именно убѣжденъ въ этомъ и, понятно, что даже въ самыхъ рутинныхъ фразахъ обыкновенныхъ проповѣдническихъ наставленій онъ сталъ находить тайный возмутительный смыслъ [2]), а нѣсколькихъ выраженій, не важныхъ вовсе въ сущности, но слишкомъ неосторожно раціоналистическихъ и протестантскихъ для книги, выходившей на русскомъ языкѣ, достаточно было Шишкову, чтобы указывать въ книгѣ Госнера несомнѣнное стремленіе «къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ».

---

[1]) Это замѣтилъ тогда даже неопытный въ богословіи Панаевъ, которому Шишковъ прочелъ однажды отрывокъ изъ своего разбора (Зап. Пан., стр. 87). Впрочемъ мы не имѣли въ рукахъ подлинника и не можемъ съ точностью судить о характерѣ изложенія въ книгѣ Госнера; видно только, что цитаты, вырываемыя Шишковымъ изъ контекста, очень натянуты.

[2]) Напримѣръ, у Госнера сказано: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ, нерѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія». Шишковъ: «Что такое предубѣжденіе къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ? Кто такія сіи лица? *Не угодники ли Божіи* (!), которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? *Не земныя ли власти*, которымъ мы для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинуемся и уважаемъ ихъ? Почему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе несовмѣстное съ христіанствомъ?» и проч. Но Госнеръ объ этомъ вовсе и не говоритъ, и Шишковъ подставляетъ ему свои собственныя толкованія. У Госнера дальше идетъ рѣчь просто о житейскихъ разсчетахъ и внѣшнемъ блескѣ, которые не должны отвращать человѣка отъ исполненія его христіанскихъ обязанностей, о необходимости смиренія и т. п.

Digitized by Google

Въ концѣ своего разбора онъ предлагалъ уже общія мѣры для искорененія опаснаго зла, распространившагося въ послѣдніе годы и грозившаго государству. Онъ предлагалъ учредить высшій цензурный комитетъ изъ нѣсколькихъ духовныхъ и государственныхъ особъ, которому, кромѣ цензуры книгъ русскихъ и привозныхъ иностранныхъ, принадлежало бы и наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ *университетахъ* и училищахъ:.... «Надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессоры и учители преподавали науки *по извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но *собственнымъ своимъ* правиламъ и мыслямъ (!)». «Всѣ другія мѣры (указанныя имъ выше: высылка частныхъ лицъ, наказаніе цензоровъ и т. п.) окажутся недостаточными». Кромѣ того, должно быть строго изслѣдовано все зло, происшедшее отъ прежняго духа, не только въ столицахъ, но и въ *отдаленнѣйшихъ краяхъ* Россіи. Наконецъ, вѣроятно въ образчикъ этого «строгаго изслѣдованія», Шишковъ выписываетъ изъ Франкфуртской газеты извѣстіе (присланное изъ Петербурга) о томъ, что Фесслеръ, лютеранскій супер-интендентъ въ Саратовѣ, объѣзжалъ недавно свой округъ, гдѣ заключается больше 600,000 нѣмецкихъ колонистовъ, — и восклицаетъ: «Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, *изгнаннымъ* изъ ихъ отечества, или по крайней мѣрѣ признаваемымъ за людей *худыхъ правилъ*, и *можетъ быть нарочно посылаемымъ* къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо долженствовали, какъ и *слышно*, произвесть не малые плоды посѣяніемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства (!!)». Онъ требовалъ строжайшихъ мѣръ къ потушенію этого огня, «безпрестанно поджигаемаго иностранцами», и который, по его мнѣнію, легко могъ стать «неугасимымъ [1])».

Такимъ образомъ общее представленіе Шишкова объ этихъ предметахъ было того же свойства, какъ у Фотія: ему тоже мерещились какіе-то неизвѣстные враги (у Фотія «иллюминаты»), которые нарочно присылаютъ въ Россію возмутителей для уни-

---

[1]) Главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій не зналъ,— что Фесслера никто не присылалъ и не выгонялъ изъ-за границы, а что его вызвали сами русскіе, именно Сперанскій; что Фесслеръ ничего не разсѣвалъ въ русскомъ народѣ, а просто объѣзжалъ свою лютеранскую паству, т. е. нѣмецкихъ колонистовъ, къ которымъ русское правительство назначило его суперъ-интендентомъ, и которымъ нужно же было свое церковное управленіе. Шишковъ не знаетъ ничего этого и, между тѣмъ, самоувѣренно забрасываетъ инсинуаціями Фесслера, человѣка очень почтеннаго, и приписываетъ ему *худыя* правила, не только не имѣя понятія о *правилахъ* Фесслера, но кажется не разумѣя и того, какія вообще бываютъ правила лютеранина.

Digitized by Google

чтоженія въ ней вѣры и престола. Понятно, что сюда онъ причислялъ и все Библейское Общество, и въ этомъ также совершенно соглашаясь съ Фотіемъ; но, на первое время, онъ пока еще умалчивалъ объ этомъ....

Въ комитетѣ министровъ, куда Шишковъ и Ланской представили свой разборъ, повидимому или мало интересовались внимательнымъ изслѣдованіемъ этого случая, или впередъ соображались съ предполагаемымъ на ту минуту невыгоднымъ мнѣніемъ императора объ этомъ дѣлѣ, или тамъ вообще господствовали тѣже мнѣнія, только «члены комитета всѣ безъ изъятія утвердили мнѣніе» Шишкова и Ланского [1]). Вслѣдствіе того императоръ и повелѣлъ выслать Госнера за границу, книгу его сжечь, а тѣхъ, кто хотѣлъ издать ее по-русски, отдать подъ судъ.

Первое слѣдствіе произведено было оберъ-полиціймейстеромъ, причемъ В. М. Поповъ былъ «изобличенъ въ поправленіи книги своею рукою», — потому что нашлось, что *нѣсколько листковъ* перевода было исправлено Поповымъ. Отъ оберъ-полиціймейстера дѣло перешло въ сенатъ....

Между тѣмъ Госнеръ былъ уже въ Берлинѣ. Хотя онъ прибылъ туда изгнанникомъ,—разсказываетъ его біографъ Бетманъ-Гольвегъ, знавшій его еще въ тѣ времена [2]), — но министръ Альтенштейнъ отклонилъ всякія преслѣдованія. «Мы нашли въ этомъ любимомъ нами человѣкѣ немалую перемѣну. Вмѣсто нѣжной сердечности и мягкости, которая заставила одного высокопоставленнаго друга сказать, что онъ хоть сейчасъ можетъ явиться ко двору, подъ вліяніемъ суровыхъ испытаній въ немъ выказывалась бо́льшая мѣра духа,.... но и *болѣе грубая форма*. Глубоко пораженный печалью насильственной разлуки съ любимой общиной, онъ походилъ на медвѣдицу, у которой отняли дѣтенышей. Въ чертахъ его можно было прочесть: никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ (Гал. VI, 17). Прежде всего ему нужно было спокойствіе.... Но дѣйствовать, особенно для его петербургскихъ дѣтей, скоро стало для него потребностью». Поэтому Госнеръ отправился въ Лейпцигъ, гдѣ, при содѣйствіи своего пріятеля, книгопродавца Таухница, сталъ издавать благочестивыя книжки. «Въ это время составлены были и еще напечатанныя (въ 1858), драгоцѣнныя Goldkörner, предназначенныя вполнѣ для петербуржцевъ».

Выписанное нами мѣсто можетъ дать образчикъ того, какъ должны были относиться къ Госнеру его тогдашніе почитатели

---

[1]) Записки, стр. 119.
[2]) Joh. Gossner, стр. 21—22.

Digitized by Google

въ Берлинѣ или Лейпцигѣ, и въ Петербургѣ. Госнеръ дѣйствительно пересылалъ въ Петербургъ свои поученія, вѣроятно эти самыя Goldkörner; полиція или доносъ слѣдили ихъ, и это дало Шишкову новый поводъ вооружиться противъ заразы [1]).

19-го сентября, Шишковъ писалъ Аракчееву, что генералъ-губернаторъ Милорадовичъ и оберъ-полиціймейстеръ сообщили ему нѣмецкіе стихи съ нотами, присланные въ Петербургъ отъ Госнера, и въ которыхъ Шишковъ видѣлъ неслыханное злочестіе, предательство Іудино и хитрость змія, прельстившаго Адама. Въ приведенныхъ имъ цитатахъ [2]) опять нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ выраженія печали о разлукѣ и ободреній перенести преслѣдованіе, что было естественно при тогдашнемъ положеніи Госнера и его петербургскихъ друзей. Этихъ стиховъ прислано было, по словамъ оберъ-полиціймейстера, до сорока экземпляровъ. Нѣсколько позже, Шишковъ доносилъ объ этомъ и императору: «Госнерово *осиротѣлое стадо*, какъ онъ самъ въ присланной сюда пѣсенкѣ своей пишетъ, продолжаетъ свои собранія. Татаринова тожъ по прежнему представляетъ жрицу, между вакханками, и *Попова*, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возьмутся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся» [3]).

Во всемъ этомъ Шишкову мерещилась революція. О Татариновой мы уже упоминали. Что касается наконецъ Попова, то, по словамъ Вигеля, это былъ «кроткій изувѣръ, смирный, простой человѣкъ, котораго однакожъ именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія [4])». Впрочемъ, особыхъ злодѣяній за

---

[1]) Читателю, можетъ быть, не безъинтересна будетъ дальнѣйшая судьба этого человѣка. Въ Лейпцигѣ Госнеръ пробылъ около двухъ лѣтъ. Полиція и здѣсь не оставила его въ покоѣ; она усумнилась въ его пропагандѣ и предложила ему свои вопросы. Въ его благочестивыхъ тенденціяхъ была значительная доля раціонализма, и стремленіе къ практическому христіанству, которыми ему кажется хотѣлось уподобиться христіанамъ первобытной церкви. Но, конечно, это не былъ человѣкъ, такой опасный для цѣлости алтарей и престоловъ, какъ считалъ Шишковъ и отчасти, кажется, лейпцигская полиція. На вопросъ полиціи въ Лейпцигѣ: какого онъ исповѣданія? онъ отвѣчалъ: что онъ христіанинъ; но полиція не удовольствовалась и спрашивала дальше: католикъ ли онъ, лютеранинъ и т. д. Госнеръ замѣтилъ въ отвѣтъ, что «теперь онъ по крайней мѣрѣ оффиціальнымъ путемъ узнаетъ, что въ христіанствѣ недостаточно быть христіаниномъ». Впослѣдствіи, этотъ первобытный христіанинъ окончательно поселился въ Берлинѣ и сталъ формально лютеранскимъ проповѣдникомъ. Онъ и здѣсь имѣлъ много почитателей въ піэтистическихъ кружкахъ, и вводилъ практическую религіозность, основывая благотворительныя общества, школы для малолѣтнихъ дѣтей и кромѣ того цѣлое миссіонерское заведеніе для обращенія язычниковъ.

[2]) Зап., стр. 26—29.

[3]) Зап., стр. 67.

[4]) Зап. Вигеля, III, V, 67.

Digitized by Google

нимъ не было, кромѣ того, что онъ участвовалъ въ переводѣ книги Госнера и слишкомъ былъ приверженъ къ обрядамъ Татариновской религіи, къ которымъ послѣ сталъ принуждать своихъ дочерей. Шишковъ преслѣдовалъ Попова съ особеннымъ ожесточеніемъ, и это понятно: это былъ человѣкъ очень близкій къ кн. Голицыну, одинъ изъ главныхъ вожаковъ библейскаго дѣла, и это его преступленіе увеличивалось еще тѣмъ, что онъ былъ лицомъ оффиціальнымъ, директоромъ департамента въ министерствѣ просвѣщенія, — хотя, по словамъ Вигеля, онъ этимъ департаментомъ занимался мало, и слѣд. тѣмъ меньше компрометтировалъ свое оффиціальное положеніе. Шишковъ называетъ его [1]) «ревностнымъ старателемъ промѣнять церковь нашу на протестантскую, гернгутерскую или какую-либо иную, и который въ библейскихъ обществахъ представлялъ послѣ министра своего лице первенствующее въ синодѣ свѣтско-духовной особы». Въ особое преступленіе онъ ставитъ Попову еще то, что тотъ, между прочимъ, ѣздилъ за границу, подъ предлогомъ болѣзни, а на самомъ дѣлѣ,—говоритъ Шишковъ, — для совѣщаній съ англійскими методистами. Теперь, хотя онъ и отданъ былъ подъ судъ и вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ устраненъ изъ Библейскаго Общества, но Голицынъ перевелъ его въ оставленный ему Почтовый департаментъ, — «со всѣми прежними выгодами (замѣчаетъ Шишковъ) и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судѣ старались его оправдать» [2]). Это еще увеличивало досаду Шишкова.

Сенатское производство этого дѣла извѣстно теперь по двумъ напечатаннымъ мнѣніямъ сенаторовъ Муравьева-Апостола и Сумарокова [3]). Эти мнѣнія весьма характеристичны и представляютъ взгляды обѣихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Обвиненіе противъ Попова собрано было въ три пункта: 1) что онъ не только поправлялъ своей рукой книгу Госнера, но въ томъ же духѣ излагалъ (въ книгѣ) и свои мысли; 2) что, зная о заключеніи правительства относительно Госнера и его сочиненіи, позволилъ себѣ въ отзывѣ полиціймейстеру, какъ будто въ *охужденіе* этого заключенія, говорить о книгѣ, что она хорошаго духа, а о Госнерѣ, что онъ человѣкъ истинно христіанскихъ правилъ и образа мыслей; и въ особенности 3) что въ качествѣ директора департамента въ министерствѣ, которому подчинены цензоры, ему не слѣдовало поправлять никакихъ сочи-

[1]) Стр. 97.
[2]) Зап., стр. 98.
[3]) Чтенія Моск. Общ. 1859, кн. 4, Смѣсь, стр. 37—48.

Digitized by Google

неній или переводовъ, а что своимъ участіемъ и покровительствомъ Госнеру онъ ввелъ цензоровъ въ заблужденіе, такъ-что они приняли къ разсмотрѣнію книгу, не подлежавшую гражданской цензурѣ, и вѣроятно по этому своему вліянію «одобрилъ оную къ напечатанію», т. е. получилъ это одобреніе.

Поповъ отвѣчалъ на эти обвиненія; что самъ отъ себя онъ въ книгѣ ничего не писалъ, а только поправлялъ нечистый слогъ перевода; относительно 2-го пункта, онъ ссылался на подлинный свой отзывъ оберъ-полиціймейстеру, гдѣ никакого охужденія нѣтъ, а только говорится, какъ онъ думалъ о Госнерѣ и его книгѣ тогда, когда дѣлался ея переводъ; наконецъ говорилъ, что самое печатаніе книги началось въ то время, когда онъ былъ за границей, что Госнеръ проповѣдовалъ публично при большомъ стеченіи слушателей (такъ что Поповъ могъ не считать его такимъ зловреднымъ человѣкомъ, какъ теперь говорили), и что цензоры не знали о его поправкѣ, такъ что не было и его вліянія на одобреніе книги. Все это потомъ оказалось справедливо [1]).

Но обвиняющая сторона тѣмъ не менѣе изображала Попова величайшимъ преступникомъ и выставляла обвиненіе самымъ рѣзкимъ образомъ.

Дѣло первоначально разбиралось въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, потомъ, по разногласію членовъ, перешло въ общее собраніе. Здѣсь ревностнымъ обвинителемъ Попова явился сенаторъ Сумароковъ. «Голосъ» Сумарокова, по отзыву Шишкова «весьма благонамѣренный и справедливый» [2]), долженъ былъ совершенно приходиться къ его вкусу, потому что понятія, которыми руководился этотъ сенаторъ, были понятія самого Шишкова и Фотія. Не приводя его инкриминацій, только повторяющихъ и усиливающихъ первоначальное обвиненіе, мы остановимся на тѣхъ общихъ основаніяхъ, которыми онъ мотивируетъ свое мнѣніе. Эти общія понятія чрезвычайно любопытны, какъ образчикъ мнѣній партіи, споривщей противъ Библейскаго Общества, и также конечно мнѣній значительной части тогдашней публики [3]). Сумароковъ начинаетъ ab ovo, историческимъ обзоромъ того зла, котораго послѣднимъ пунктомъ былъ переводъ книги Госнера. Дѣло идетъ издалека:

«Въ самомъ концѣ XVII и въ теченіи XVIII столѣтія *пока-*

---

[1]) Ср. также въ Зап. Греча, Р. Арх. 1868, стр. 1405.

[2]) Зап., стр. 92.

[3]) Впрочемъ, также и нынѣшней. Авторъ «Обзора русской дух. литературы» (кн. 2, стр. 234) говоритъ, что отзывъ сенатора Сумарокова есть «энергическій и *дѣльно* составленный».

Digitized by Google

залась въ одномъ изъ полуденныхъ государствъ (?) *стая людей*, явно порицавшихъ правовѣріе. Одни изъ нихъ были зараженные въ душахъ богоотступники, другіе слѣпые, безразсудные подражатели новизнѣ, мечтавшіе тѣмъ придать себѣ нѣкое отличіе, большая же изъ нихъ часть взалкала потрясеніе вѣры употребить въ свою пользу и испровергнуть власти, и чтобы, освободясь изъ толпы народной (?) предстать на поприще почестей къ управленію заблудшими, всѣ они развратили умы, подготовили страшныя послѣдствія.

«Отродилась революція, сокрушился престолъ владыки, провозгласилось уставомъ безвѣріе, и рѣки человѣческой крови, рѣки слезъ страдальцевъ-жертвъ угасили тотъ пагубный пожаръ.

«Совсѣмъ тѣмъ зароненныя искры все тлились подъ пепломъ, вспыхивали по мѣстамъ, и потребны были брани, вооруженія къ усмиренію бунтующихъ послѣдователей».

Это зараженное поколѣніе исчезло наконецъ съ лица земли, но на смѣну его явились новые *бичи человѣчества*, которые продолжали начатое уже другими средствами. «Они, надѣвъ на себя благовидныя личины, стали уже проповѣдывать, лжеучить, дабы, *подъ предлогомъ святости*, убить, истребить святость. Глаголы ихъ казались быть основанными на священныхъ преданіяхъ, слогъ дышалъ смиренномудріемъ, христіанскими правилами, но, минуя цвѣтность словъ, прямый ихъ смыслъ отрыгалъ тоже самое ухищреніе, тѣ же пагубные подкопы. *Чудовища* для своей *корысти* искали лишить согражданъ истиннаго душъ услажденія, единственной опоры въ семъ мірѣ». Появились соблазнительныя книги, читатели «упитывались чернымъ ядомъ», умножились расколы. Наконецъ, правительства во многихъ странахъ (?) «постигли ковы, обозрѣли гнѣзда изверговъ» и рѣшили очистить «прокаженныя» училища, изгнать вредныхъ наставниковъ, и тогда «апостаты» старались вторгнуться въ нашу твердо стоящую имперію. «Уже изувѣры устроивали страшные свои *вертепы*, уже мелькала и у насъ зарница нечестія, но, благодаря Провидѣнію, мудрыми мѣрами нашего государя императора изощренныя стрѣлы отразились на самихъ искусителей», т. е. книга Госнера была сожжена, а сочинитель высланъ. «Теперь достигли мы до искомаго корня, и съ сего-то мѣста начинается судъ г. Попову».

На такой дикой путаницѣ понятій и фактовъ основывали эти люди свой *судъ*. Сумароковъ не сомнѣвается, что книга предназначалась къ «очевидному низложенію христіанства» и «съ содроганіемъ только» указываетъ нѣкоторыя ея страницы. Онъ соглашается допустить, что Поповъ участвовалъ въ этомъ преступленіи безъ злого умысла, но въ такомъ важномъ дѣлѣ Поповъ,

Digitized by Google

по мнѣнію сенатора, все-таки долженъ отвѣчать и за ошибку. Въ заключеніе Сумароковъ указываетъ, что опредѣляютъ наши законы за подобныя вины. Онъ приводитъ Уложеніе, Воинскій Уставъ, Морской Уставъ, разные указы съ 1683 и до 1800 года,— гдѣ за хулу на Господа І. Х., Богородицу и т. д., за «легкомысленіе въ богохуленіи», за «слышаніе богохуленія, безъ извѣта объ ономъ», за «молчаніе о тѣхъ, кто, запершись, пишетъ, и отъ того послѣдуетъ какое повреждение Е. И. В. чести» и т. п., назначается сожженіе, лишеніе живота или пожитковъ, гнаніе шпицрутеномъ, отсылка въ сенатъ за карауломъ и т. д. «Вотъ приличные законы», — восклицаетъ сенаторъ Сумароковъ; но впрочемъ онъ принималъ въ соображеніе «дѣйствія къ прекращенію пагубнаго лжеученія» и не настаивалъ на особомъ усиленіи того наказанія, которое было уже постановлено въ приговорѣ 5-го департамента [1]).

Такимъ образомъ Попову приходилась трудная задача: расплачиваться за все, что только не нравилось противной партіи въ прежнемъ порядкѣ вещей. Вооружаясь на лжеученіе и «низложеніе христіанства», обвинители конечно имѣли въ виду и всю дѣятельность кн. Голицына и библейскихъ обществъ; и свойство настроенія этихъ обвинителей достаточно указывается тѣмъ, какіе *приличные* законы они отыскали на такіе случаи въ Уложеніи, Морскомъ Уставѣ (!) и указахъ 1683 года. Но при всемъ озлобленіи, эти обвинители были достаточные трусы и лицемѣры, чтобы говорить о дѣлѣ яснѣе и ближе: они не осмѣливались припоминать, когда и какъ началось и дѣйствовало то направленіе идей, которое они представляли въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, и въ которомъ книга Госнера была только однимъ, далеко не самымъ важнымъ явленіемъ; они не осмѣливались припоминать, кѣмъ и какъ былъ призванъ и принятъ въ Петербургѣ Госнеръ, кто поощрялъ могущественнѣе всего библейскія общества, какъ стояли они еще недавно во мнѣніи того самаго правительства, «мудрыя мѣры» котораго (изгнаніе Госнера и т. д.) они теперь восхваляли. Они предпочитали умолчать обо всемъ этомъ и храбрились теперь надъ Поповымъ... Шишкову надо по крайней мѣрѣ отдать справедливость, что онъ высказывалъ свои мнѣнія ясно во всемъ ихъ объемѣ, и напр. убѣждалъ императора Александра признать открыто свое прежнее *заблужденіе*...

Иного рода было мнѣніе Муравьева-Апостола. Останавливаясь прямо на сущности обвиненій, онъ говорилъ, что 1) послѣ рачительнаго сличенія перевода съ подлинникомъ, онъ нашелъ, что

[1]) Въ чемъ состояло это наказаніе, по извѣстнымъ теперь свѣдѣніямъ не видно.

Digitized by Google

Поповъ дѣйствительно поправлялъ только слогъ перевода, не измѣняя смысла подлинника и ничего къ нему не прибавляя, и если онъ и написалъ «цѣлыя страницы» на полѣ перевода, то потому только, что иначе невозможно было исправить германизмовъ переводчика; и что въ сущности переводъ—буквальный, сколько это возможно по свойствамъ русскаго языка. Кромѣ того тетрадь перевода, исправленная Поповымъ, *еще не была* въ рукахъ цензора, и все исправленное Поповымъ мѣсто такъ не велико, что составляетъ едва 57-ю долю всѣхъ отпечатанныхъ листовъ; 2) что въ отзывѣ оберъ-полиціймейстеру Поповъ говорилъ въ *прошедшемъ* времени, что почиталъ Госнера человѣкомъ христіанскихъ правилъ въ *то* время, и слѣд. этимъ выраженіемъ нисколько не охуждаетъ нынѣшняго заключенія правительства; 3) относительно *вѣроятнаго* вліянія его на цензоровъ Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что судъ не можетъ утверждаться на такихъ предположеніяхъ и вѣроятіяхъ, когда идетъ дѣло о судьбѣ человѣка. Муравьевъ именно указывалъ тѣ факты, что Поповъ еще въ мартѣ 1823 года выѣхалъ изъ Петербурга больной и тогда вовсе не зналъ о книгѣ Госнера; что рукопись пропущена была цензурой въ маѣ, а къ сентябрю 1823, когда Поповъ вернулся изъза границы, ея было уже отпечатано больше 50 листовъ; и если даже не дать ему вѣры въ томъ, что онъ не зналъ о книгѣ, то во всякомъ случаѣ онъ первыхъ листовъ книги не поправлялъ, и эти первые листы, и именно больше 50 листовъ, были отпечатаны въ его отсутствіе, а поправленная имъ тетрадь (въ концѣ книги) еще не была въ рукахъ цензора, и слѣд. Поповъ не могъ оказывать на него вліянія. Притомъ цензоръ Бируковъ, привлеченный къ отвѣтственности, предпочелъ истину своей безопасности и объявилъ, что со стороны Попова не имѣлъ никакихъ внушеній ни за, ни противъ книги. Относительно того, что Поповъ, по своему должностному положенію, не долженъ былъ браться за подобное дѣло, Муравьевъ-Апостолъ говорилъ, что не знаетъ закона, который бы запрещалъ директорамъ народнаго просвѣщенія такія занятія. Наконецъ, если просвѣщенные министры, разсматривавшіе книгу, находили, что цензора можно оправдать тѣмъ, что онъ «могъ не имѣть достаточнаго проницанія во вредъ, прикрытый въ книгѣ мнимою пользою наставленія въ вѣрѣ и просвѣщеніи», то этого проницанія также могъ не имѣть и директоръ; что̀ можетъ оправдывать одного, можетъ оправдывать и другого. Точно также, ставя «директора» вмѣсто «цензора», Муравьевъ-Апостолъ продолжаетъ выписку изъ мнѣнія министровъ (т. е. Шишкова и Ланскаго): «*публичное проповѣданіе* и *печата-*

Digitized by Google

ніе книгъ сихъ [1]) въ здѣшней столицѣ могли отвлечь *директора* отъ сомнѣнія; и еслибъ онъ увидѣлъ что-либо сомнительное, то опасался бы изъявить сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ». Муравьевъ-Апостолъ заключалъ, что такъ какъ ничто не подтверждаетъ взведенныхъ на Попова обвиненій, то законъ запрещаетъ считать его умышленнымъ преступникомъ; но относительно самаго поступка Попова, т. е. поправленія перевода книги Госнера, Муравьевъ полагалъ, что «не пріемля въ уваженіе господствовавшаго тогда духа въ нашей литературѣ», Поповъ долженъ быть однако признанъ неспособнымъ занимать то служебное мѣсто, какое ему принадлежало.

Этотъ судъ въ общемъ собраніи сената происходилъ уже въ маѣ 1825 года, но Шишковъ еще не успокоивался, и съ такимъ же рвеніемъ напалъ теперь на Муравьева-Апостола, который, по его мнѣнію, защищалъ враговъ вѣры, престола и отечества: о виновности Попова, по его мнѣнію, не могло быть рѣчи, когда комитетъ министровъ нашелъ книгу Госнера и «согласныя съ нею проповѣдыванія» зловредными и когда, съ утвержденія его величества, книга сожжена и Госнеръ высланъ. Юридическія понятія Шишкова не уступали богословскимъ и литературнымъ.

Такимъ образомъ дѣло Попова все еще оставалось пунктомъ борьбы между враждебными партіями. У Голицына, хотя и удаленнаго со сцены, было много вліянія, и много друзей, раздѣлявшихъ его мнѣнія, и главное—сохранилось расположеніе императора Александра. Шишковъ разсказываетъ, что партія Голицына еще до суда принимала мѣры, чтобы пріобрѣсти оправданіе Попова, и одинъ сенаторъ сказывалъ Шишкову, что Тургеневъ (А. И.) и нѣкоторые другіе нарочно пріѣзжали къ нему и уговаривали пристать къ тѣмъ, которые оправдываютъ Попова, а въ противномъ случаѣ «грозили» даже худыми послѣдствіями [2]). Въ обществѣ дѣло Госнера и спорныя мнѣнія двухъ сенаторовъ произвели различное впечатлѣніе: о мнѣніи Сумарокова, сообщаетъ Шишковъ, многіе говорили «съ нѣкоторымъ кощунствомъ» (т. е., конечно, смѣялись надъ его несомнѣнными нелѣпостями); мнѣніе Муравьева-Апостола «превозносили похвалами» (оно и дѣйствительно было очень здравое); мѣры, принимаемыя противъ книгъ и людей, называли инквизиціей; въ сенатѣ къ Муравьеву пристала большая часть сенаторовъ [3]).

[1]) Т. е. мистическихъ и распространявшихъ новую религіозность, какъ книга Госнера.

[2]) Стр. 112.

[3]) Стр. 93, 101.

Digitized by Google

Даже при дворѣ многіе защищали Госнера, а обвиненія Шишкова ставили ему «въ злорѣчіе и фанатизмъ». Отголосокъ мнѣній публики мы найдемъ и въ запискахъ Греча [1]). Онъ говоритъ о мнѣніи Муравьева-Апостола: «Разсмотрѣвъ и обсудивъ дѣло со вниманіемъ и чистою совѣстью, онъ написалъ свое рѣшительное и основанное на здравомъ смыслѣ и на законахъ мнѣніе, въ которомъ доказывалъ несправедливость обвиненія и невинность прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, особенно Попова, подлежавшаго непосредственному суду сената... Докладная записка о дѣлѣ была напечатана и разошлась въ публикѣ. *Изумленіе* и *негодованіе* было всеобщее. Дошло и до государя».

Верхомъ сокрушенія для Шишкова было то, что онъ не находилъ и въ самомъ императорѣ поддержки своимъ усерднымъ хлопотамъ о спасеніи государства и вѣры отъ Госнера и Попова. Еще при первыхъ его докладахъ, разсказываетъ Шишковъ [2]), императоръ говорилъ ему о Поповѣ съ похвалою (дѣло тогда уже началось) и, повидимому, принималъ въ немъ большое участіе. Шишковъ жалуется на это и вообще на измѣнчивость мнѣній императора, связывавшую его собственное усердіе противъ враговъ вѣры и отечества. Онъ доходитъ даже до строгихъ осужденій.

«Истина — говоритъ Шишковъ — долго не могла возгремѣть противъ гласа лжи», т. е. при прежнемъ министерствѣ; теперь онъ считалъ обстоятельства иными. Образъ мыслей императора измѣнился: «ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе государя императора въ Австріи перемѣнили во многомъ образъ мыслей его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи вольности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей всѣ связи обществъ, и другихъ *подобныхъ сему* мечтаніяхъ [3]). Случай, подавшій поводъ къ перемѣнѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ онъ съ такою ревностью. Благосклонное вниманіе его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіяній противъ учрежденій и книгъ, имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и препятствуя возрастать имъ. Но вскорѣ уви-

---

[1]) Р. Арх. 1868, ст. 1411.

[2]) Зап. 101.

[3]) Эти выраженія характеризуютъ, между прочимъ, собственныя понятія Шишкова о томъ, въ чемъ состояли прежнія мнѣнія и желанія императора Александра.

Digitized by Google

дѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность или какъ бы нѣкая страсть его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не взирая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться, такъ что, казалось, онъ самъ съ собою борясь увлекался поперемѣнно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательствъ и сильныя мои настоянія принуждали его согласиться на предпріемлемыя мною мѣры, но онъ разрушалъ ихъ *тайнымъ образомъ*». Шишковъ приводитъ примѣры этихъ колебаній императора. Такъ, отдавъ Попова подъ судъ, онъ уговаривалъ Милорадовича, чтобы тотъ постарался оправдать его. Тоже повторилось и въ слѣдующемъ случаѣ. По вступленіи въ министерство, Шишковъ представлялъ императору о назначеніи того же самаго сенатора Муравьева-Апостола въ попечители московскаго университета; но императоръ отозвался о немъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; тѣмъ не менѣе, по просьбѣ Шишкова, онъ согласился на опредѣленіе его членомъ въ главное правленіе училищъ. Потомъ Шишковъ узналъ Муравьева ближе, и оказалось, что онъ вовсе не подходилъ къ его вкусамъ, и когда однажды императоръ спросилъ его, доволенъ ли онъ вновь опредѣленными имъ членами правленія училищъ, Шишковъ сказалъ, что Муравьевымъ весьма недоволенъ.—«А! подхватилъ онъ; не говорилъ-ли я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ». «Таковъ былъ—разсказываетъ Шишковъ—разговоръ нашъ тогда, когда ему (т. е. императору Александру) письменная моя съ симъ сенаторомъ распря [1]) была уже извѣстна. Ктожъ послѣ сего повѣритъ, что онъ тихимъ образомъ призывалъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ сенатѣ голосъ!» [2]).

На дѣлѣ, это происходило, кажется, проще. Мы упоминали выше, что дѣло было извѣстно въ публикѣ; докладная записка разошлась по рукамъ, и возбуждала «изумленіе и негодованіе». Гречъ разсказываетъ, что когда толки дошли и до государя, то онъ встревожился и хотѣлъ узнать правду; но не желалъ сдѣлать этого явно, конечно, чтобы не подать повода къ новымъ толкамъ. Поэтому онъ дѣйствительно желалъ видѣть Муравьева-Апостола не оффиціально, и они, какъ будто невзначай, встрѣтились въ одной аллеѣ на Каменномъ Острову. Императоръ заговорилъ о сенатѣ и производившихся тогда дѣлахъ. Муравьевъ, между прочимъ, назвалъ дѣло Попова. «Императоръ пожелалъ

---

[1]) Мнѣніе Муравьева-Апостола о дѣлѣ Попова и возраженія, написанныя Шишковымъ, о чемъ мы упомянемъ далѣе.

[2]) Зап. Шишк., стр. 110 — 113.

Digitized by Google

узнать подробности, и Муравьевъ разсказалъ все откровенно, смѣло и справедливо. Александръ поблагодарилъ его, но *не изъявилъ своего мнѣнія*».

Единственнымъ вѣрнымъ прибѣжищемъ оставался у Шишкова графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Онъ писалъ къ нему обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, просилъ совѣтовъ и помощи, жаловался на неуспѣшный ходъ дѣла и съ прискорбіемъ говорилъ о своемъ безсиліи уничтожить «злѣйшее покушеніе на церковь, престолъ и отечество». «Мнѣ извѣстно было — замѣчаетъ Шишковъ—что графъ Аракчеевъ *всегда* письма мои къ нему *показывалъ* его величеству» [1]).

Изъ сената дѣло Попова поступило въ государственный совѣтъ. Здѣсь Шишковъ представилъ подробное опроверженіе мнѣнія Муравьева-Апостола. Онъ самъ читалъ его, и при чтеніи ему казалось, что всѣ были съ нимъ согласны, потому что никто не дѣлалъ возраженій; но когда стали собирать голоса, то оказалось, что и здѣсь, какъ въ сенатѣ, многіе члены совѣта были на сторонѣ Муравьева—«иные по собственному своему въ томъ участію, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны» [2]). Мнѣнія раздѣлились пополамъ.

Шишковъ опять пишетъ къ императору, опять повторяетъ прежнія жалобы и зловѣщія предсказанія, прибавляетъ новые примѣры зловреднаго «духа времени». Но дѣло не измѣнялось и нерѣшеннымъ перешлю въ слѣдующее царствованіе. Шишковъ обратился съ тѣми же жалобами и предостереженіями (15 января 1826 года) и къ императору Николаю [3]); но и на этотъ разъ его патріотическія заботы остались безплодны: «письмо сіе—замѣчаетъ онъ—не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостолъ, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе краи» [4]).

---

[1]) Стр. 97.

[2]) Стр. 103—104, 113. Шишковъ особенно изумляется тому, что за Муравьева были даже Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ. Его опроверженіе противъ Муравьева, читанное въ госуд. совѣтѣ, находится въ Зап., стр. 135—149.

[3]) Письмо къ имп. Николаю, въ Зап., стр. 118—123.

[4]) Поповъ, впрочемъ, не уцѣлѣлъ впослѣдствіи. Когда Татаринова, еще при императорѣ Александрѣ, была выслана изъ Инженернаго замка, она устроилась на дачѣ по царскосельской дорогѣ. Секта, въ которой Поповъ продолжалъ быть ревностнымъ адептомъ, пріобрѣтала послѣдователей, въ числѣ которыхъ извѣстенъ былъ Дубовицкій, человѣкъ очень богатый (отецъ покойнаго президента мед.-хирург. академіи). Наконецъ, жалобы дочерей Попова на тиранское обращеніе отца, принуждавшаго ихъ присоединиться къ сектѣ, открыли правительству ея существованіе. Татаринова и Дубовицкій разосланы были по монастырямъ; Поповъ сосланъ былъ въ Зилантовскій монастырь близъ Казани (В. Евр. 1867, т. IV, стр. 85). Въ «Сборникѣ» г. Кельсіева напе-

Digitized by Google

Такъ кончилось это дѣло. Оно любопытно не столько само по себѣ, — потому что самая книга Госнера, переведенная при участіи Попова, была не лучше и не хуже множества другихъ произведеній мистической литературы, католическаго и протестантскаго толка, переведенныхъ въ то время,—сколько потому, что въ немъ характеристически отразилось смутное состояніе общественныхъ и правительственныхъ тенденцій того времени. Историку, который ищетъ въ жизни движенія идей и между спорящими сторонами отдаетъ сочувствіе той, которая носитъ въ себѣ залогъ дальнѣйшаго развитія, мудрено выбрать здѣсь сочувственную сторону. И библейскіе дѣятели и ихъ противники могли выставлять свои логическія основанія, но на дѣлѣ обѣ стороны доходили до самыхъ странныхъ крайностей и самыхъ дикихъ нарушеній здраваго смысла: фанатизмъ и мистика Лабзина или Попова выходили ничѣмъ не лучше и не хуже фанатизма Фотія, и литературныя гоненія, произведенныя кн. Голицынымъ, совершенно равняются гоненіямъ, какія производилъ Шишковъ; Магницкій могъ быть, и былъ, одинаково другомъ и того и другого.

Дальнѣйшія дѣйствія противниковъ Библейскаго Общества убѣждаютъ въ этомъ еще больше.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. стр. 255)

Рукописи, о которыхъ мы упоминали въ текстѣ, находятся въ Публ. Библіотекѣ, по каталогу III, F. 45—46.

Первая, на 133 листахъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, заключающихъ въ себѣ полемику противъ масонско-библейскаго мистицизма. Статьи эти слѣдующія:

Л. 1—49. *Примѣчанія на книгу: «Наставленіе ищущимъ премудрости».* Эта книга, какъ то указываетъ и авторъ этихъ «Примѣчаній», имѣетъ и другое заглавіе, именно: «Пастырское Посланіе къ истиннымъ и справедливымъ философамъ древней системы». Это есть переводъ книги: Hirten-Brief an die wahren und ächten Freymäurer alten Systems, 5785 (т. е. 1785), составляющей одну изъ главнѣйшихъ *орденскихъ* книгъ розенкрейцерства. Въ старыхъ рукописяхъ существуетъ не одинъ ея переводъ. Подъ именемъ «Наставленія» и пр. она была переведена или издана Лабзинымъ, Спб. 1806.—Авторъ «Примѣчаній» сурово обличаетъ и эту книгу и масонство; онъ называетъ каменьщиковъ «матеріалистами», «поругателями истинной вѣры», приписываетъ имъ революціонные умыслы и въ заключеніе предаетъ ихъ анаѳемѣ.

чатана «адамитская» пѣсня, съ именемъ этого Попова и Татариновой. Имя Попова привязывается къ происхожденію секты «скакуновъ», основанной на пріемахъ, подобныхъ тому, какъ было въ сектѣ Татариновой.

Digitized by Google

об. л. 49—96. *Безпристрастное мнѣніе православнаго христіанина о Сіонскомъ Вѣстникѣ 1817 года.* Авторъ приходитъ къ заключенію, что «Сіонскій Вѣстникъ, не взирая на обольстительное имя его, есть сочиненіе душепагубное, зловредное, злоумышленное и постыдное для временъ нашихъ.»

об. л. 96—116. *О книгопечатаніи.* Т. е. о печатаніи духовно-мистическихъ книгъ, которыя авторъ находитъ зловредными. По уставу 1804 г., эти книги должны бы издаваться не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной цензуры; между тѣмъ, въ 1813—1816 годахъ много подобныхъ книгъ было напечатано по разрѣшенію одной гражданской цензуры. Эти книги—слѣдующія: «Жизнь Штиллинга», «Побѣдная Повѣсть», «Таинство Креста», «Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей», «Мученики» (Шатобріана), «Вліяніе истиннаго свободнаго каменьщичества» (Плуменека), «Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ», «Путь ко Христу» (Як. Бема) — всѣ эти книги впослѣдствіи и были формально запрещены, по стараніямъ Шишкова и митр. Серафима; на нѣкоторыя изъ этихъ книгъ доносилъ уже и Степанъ Смирновъ

об. л. 116—128. Статья безъ заглавія; на заглавномъ листѣ обозначено такъ: «Письмо о словѣ какого-то губернатора.» Дѣло идетъ о рѣчи одного губернатора, произнесенной при открытіи отдѣленія Библейскаго Общества. Авторъ негодуетъ, разсматривая, «что свѣтская особа провозглашаетъ съ каѳедры о предметахъ вѣры», и опять находитъ въ этомъ каменьщическія заблужденія, которыя и обличаетъ.

л. 129 — 133. *Слово на новый 1821 годъ.* Начин. «Естьли жизнь для насъ безцѣнное благо, естьли засыпая подъ сѣнію ночи съ радостію ждемъ утра» и проч.

Вся книга проникнута одной мыслью и наполнена полемикой противъ мистико-масонскаго вольнодумства.

Вторая рукопись, на 148 листахъ, заключаетъ въ себѣ одно сочиненіе (безъ сомнѣнія, того же самаго писателя, которому принадлежитъ и предыдущій сборникъ) подъ заглавіемъ:

Отозваніе души моей на книгу: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова».

Это «Воззваніе», о которомъ намъ придется упоминать дальше, было переведено однимъ изъ библейскихъ дѣятелей, названнымъ выше И. П. Ястребцовымъ, Спб. 1820, и было потомъ одной изъ наиболѣе обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ книгъ библейскаго мистицизма. Авторъ «Отозванія» отзывается на нее съ крайнимъ ожесточеніемъ. Книга «Воззваніе» названа переводомъ съ французскаго подлинника 1790 г., но первое изданіе ея указывается гораздо раньше, именно въ 1727 году. Критикъ сомнѣвается въ этомъ и находитъ, что предувѣдомленіе книги какъ будто писалъ не французъ, «а нѣкіе иной націи и притомъ позже того времени, нежели въ какомъ сказуется быть изданіе французскаго подлинника издателями онаго»,—потому что, по словамъ этихъ издателей, книга, вышедшая первоначально будто бы въ 1727 году, удивительнымъ образомъ предсказывала событія французской революціи. А по мнѣнію критика, этого сказать было нельзя въ 1790 г., потому что революція произошла только въ 1792.

По мнѣнію критика, книга заключаетъ въ себѣ прямое воззваніе къ революціи и продолжаетъ дѣло Вольтера. Она оскорбляетъ русское благочестіе: она призываетъ къ какой-то новой религіи послѣднихъ временъ, возставая противъ старой, т. е. противъ истиннаго христіанства, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ погубить цѣлыя царства въ случаѣ сопротивленія этой новой вѣрѣ послѣднихъ временъ.

Между прочимъ, критикъ приводитъ изъ «Воззванія» (стр. 114) одну фразу,

Digitized by Google

гдѣ находитъ открытое нападеніе на христіанскую религію, и выразивъ свое негодованіе, прибавляетъ: «Невольно приходятъ на мысль оныя слова Сіонскаго Вѣстника 1817 года: «Тотъ кого нетерпѣливость влечетъ ударить ножемъ, да, молится: Господи, даруй сердцу моему твое терпѣніе! Будемъ, братья, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на побіеніе Вааловыхъ жрецовъ»» (Сіон. Вѣстн. 1817 года книжк. 4, стран. 44, строк. 3; стран. 45 строк 19. 20)».

Это мѣсто изъ «Сіонскаго Вѣстника» (въ статьѣ: «Бдите и молитеся»), по обычаю подобнаго рода комментаторовъ вырванное изъ контекста, не разъ подавало его противникамъ поводъ къ самымъ ужаснымъ обвиненіямъ. См. напр. въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія, въ «Чтеніяхъ» 1868, кн. I, Смѣсь, стр. 263.

На л. 56 рукописи находятся: *Ученія новой вѣры послѣднихъ временъ, представленныя книгою «Воззваніе къ человѣкамъ»*, въ 33 пунктахъ. Критикъ выбираетъ изъ нея, по своему, зловредныя положенія мистической религіи, и затѣмъ—

На об. л. 59 идетъ по пунктамъ обличеніе, озаглавленное такъ: *Пагубы гангрены послѣднихъ временъ* (т. е. упомянутыя положенія) и рядомъ, en regard,—*Врачеванія отъ тука дому Божія*, слѣдующія до конца рукописи.

Въ заключеніе, говоритъ авторъ, «замѣтимъ, что дерзости крамольниковъ (т. е. библейскихъ мистиковъ) не должны нарушать довѣренности подданныхъ къ правительствамъ, хотя сіе-то и есть главнѣйшій предметъ вводителей странныхъ новизнъ, стремящихся къ разрушенію настоящаго порядка вещей. Предлежащія власти не имѣютъ потребы поддерживать ученіе богоотступничества и разврата, которое во-первыхъ устремляетъ стрѣлы свои именно на ихъ личность: ибо отступниковъ отъ всякаго закона, внемлющихъ точію необузданности сердецъ своихъ, кто и что удержитъ въ предѣлахъ повиновенія и вѣрности властямъ предержащимъ?

«И такъ вопли крамольниковъ и соблазны отступниковъ совершенно приписуя собственному ихъ самовольству, дерзаемъ во имя Господа Іисуса Христа надѣяться, что онъ, Богъ-Слово, во плоти пришедшій и ими толико поругаемый, яко державный побѣдитель ада, положитъ вскорѣ конецъ ихъ неистовствамъ.....

«А ты, Владычица вселенныя, божественная и препрославленная Вѣра отецъ нашихъ! Яви не обинулся язвы на руку твоею, ими же уязвлена еси въ дому возлюбленнаго твоего россійскаго Израиля (Захар. гл. 13, ст. 6); яви язвы твои благодатному взору первороднаго сына твоего вѣнчаннаго и превознесеннаго, благочестивѣйшаго Вѣнценосца Россіи! Онъ державнымъ маніемъ своимъ упразднитъ стрѣлы супостатовъ твоихъ и утвердитъ колеблемыя ограженія Сіона твоего!»

Въ концѣ приписка: «Положено начало сему сочиненію 16-го августа 1820 года, въ день празднества Нерукотворенному образу Господа нашего Іисуса Христа, а окончано сіе сочиненіе того же года ноября 8-го дня, въ день Архистратига Михаила. Кто яко Богъ!»—Затѣмъ: «Переписано сіе 1823 года и Богу слава».

Обличенія написаны вообще въ томъ же духѣ, какъ всѣ другія, писанныя противниками Библейскаго Общества и его мистики: образчиковъ читатель найдетъ достаточно въ текстѣ. Эти обличенія (можетъ быть Фотіевы) любопытны, какъ предшествіе дальнѣйшихъ, уже оффиціальныхъ, нападеній на Библейское Общество и мистическую литературу, поднятыхъ Шишковымъ и митр. Серафимомъ.

(*Окончаніе въ слѣдующей книгѣ*)

Digitized by Google

ЯМБЫ БАРБЬЕ

I.

СОБАЧІЙ ПИРЪ.

(Писано въ августѣ 1830 г.)

I.

Ложился солнца лучъ по городскимъ громадамъ
И плиты улицъ тяжкимъ зноемъ жегъ;
Подъ звонъ колоколовъ свистѣли пули градомъ
И рвали воздухъ вдоль и поперегъ.
Какъ въ морѣ валъ кипитъ, лучамъ покорный луннымъ,
Шумѣлъ народъ мятежною толпой,—
И пушекъ голосамъ зловѣщимъ и чугуннымъ
Пѣснь Марсельезы вторила порой.
Средь узкихъ улицъ здѣсь и тамъ мелькали
Мундиры, каски и штыки солдатъ,
И чернь, подъ рубищемъ храня сердца изъ стали,
Встрѣчала смерть на грудахъ баррикадъ;
Тамъ люди, сжавъ ружье рукой отъ крови склизкой,
Патронъ скусивши задымлённымъ ртомъ,
Что издавать привыкъ лишь крики брани низкой,
Взывали: граждане, умремъ!

Digitized by Google

II.

Гдѣ-жъ были вы, тогда въ кокардахъ разноцвѣтныхъ,
Въ батистѣ тонкомъ, родины сыны,
Вожди бульварные, герои битвъ паркетныхъ,
Чьи лица женской красотой полны?
Что дѣлали вы въ день, когда средь страшной сѣчи
Святая «сволочь», бѣдняки, народъ
Подъ сабли и штыки, подъ пули и картечи,
Презрѣвши смерть, бросалися впередъ?
Въ тотъ день, когда Парижъ былъ полонъ чудесами,
Смотря тайкомъ на зрѣлище борьбы,
Отъ страха блѣдные, съ заткнутыми ушами,
Дрожали вы, какъ подлые рабы!

III.

О, это потому, что Вольность не маркиза,
Одна изъ тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ,
Что падаютъ безъ чувствъ отъ каждаго каприза
И пудрятся, чтобъ свѣжесть дать щекамъ!
Нѣтъ, это женщина съ могучими сосцами,
Съ громовой рѣчью, съ грубою красой,
Съ огнемъ въ глазахъ, проворными шагами
Ходящая предъ шумною толпой.
Ей любъ народа крикъ и вопль кровавой схватки,
И барабановъ боевой раскатъ,
И запахъ пороха, и битвы безпорядки,
И въ мракѣ ночи воющій набатъ!
Она лишь съ тѣмъ предастся сладострастью,
Тому простретъ объятія любви,
Кто черни сынъ родной, кто полонъ мощной властью,
Кто обоймет ее рукой въ крови!

IV.

Дитя Бастиліи, топча ногою троны,
Горячей дѣвой къ намъ пришла она
И весь народъ пять лѣтъ, любовью распаленный,
Съ ней тѣшился безъ отдыха и сна!

Digitized by Google

Но ей наскучило быть грубыхъ ласкъ приманкой
И сбросила она подъ громъ побѣдъ
Фригійскій свой колпакъ и стала маркитанткой,
Любовницей капрала въ двадцать лѣтъ!
И вотъ теперь она, прекрасная, нагая
Съ трехцвѣтнымъ нарфомъ, къ намъ опять пришла,
И слезы бѣдняковъ несчастныхъ отирая,
Въ ихъ души силу прежнюю влила.
Въ три дня ея рукой низвергнута корона
И брошена къ народу съ высоты,
Въ три дня раздавлено величье трона
Подъ грудой мостовой плиты!

V.

И чтожъ? — О, стыдъ! — Парижъ великій и свободный,
Парижъ, столь чудный въ гнѣвѣ роковомъ
Въ тотъ бурный день, когда грозы народный
Надъ властью грянулъ безпощадный громъ;
Парижъ съ священными минувшаго гробами,
Съ великолѣпіемъ печальныхъ похоронъ,
Со взрытой мостовой, съ пробитыми стѣнами —
Подобіемъ изорванныхъ знаменъ;
Парижъ, обвитый лаврами свободы,
Кому дивится съ завистію міръ,
Предъ кѣмъ съ почтеніемъ склоняются народы,
Чье имя чтутъ какъ дорогой кумиръ, —
Увы! онъ нынѣ сталъ зловонной грязи стокомъ,
Вертепомъ зла безстыднаго онъ сталъ,
Куда всѣхъ мерзостей чернѣющимъ потокомъ
Сливается разврата мутный валъ;
Салонныхъ шаркуновъ онъ сдѣлался притономъ:
Къ пустымъ чинамъ и почестямъ жадна —
Толпа ихъ бѣгаетъ изъ двери въ дверь съ поклономъ,
Чтобъ выпросить обрывокъ галуна!
Торгуя честію и тѣша черни страсти,
Въ немъ нагло ходитъ алчности порокъ,
И каждая рука лохмотьевъ павшей власти
Окровавленный тащитъ клокъ!

Digitized by Google

VI.

Такъ издыхающій далеко отъ берлоги,
Сраженъ свинцомъ безжалостнымъ стрѣлка,
Лежитъ кабанъ; подъ жгучимъ солнцемъ ноги
Онъ вытянулъ и пѣна съ языка
Струится съ кровію.... Ужъ онъ не рветъ капкана,
Онъ замеръ въ немъ.... вздрогнулъ послѣдній разъ
И умеръ, пасть открывъ кровавую какъ рана....
И вотъ труба побѣдно раздалась:
Тогда, какъ волнъ ряды, собакъ свирѣпыхъ стая
Рванулась вдругъ и слышенъ тамъ и тутъ
Въ долинѣ рѣзкій гулъ ихъ смѣшаннаго лая,
Какъ будто псы пронзительно зовутъ:
Пойдемъ, пойдемъ! Кабанъ лежитъ сраженный въ полѣ,
Теперь насталъ побѣды жданный мигъ,
Насъ цѣпь охотника не сдерживаетъ болѣ,
Онъ нашъ, онъ нашъ! точите острый клыкъ!
И бросившись на трупъ въ порывѣ алчной злобы,
И когтемъ и клыкомъ готовая терзать,
Вся свора роется внутри его утробы
И каждый песъ спѣшитъ кусокъ урвать;
Чтобъ встрѣтившись потомъ на псарнѣ съ самкой жадной,
Открывъ въ крови дымящуюся пасть,
Ей бросить кость, издавши вой злорадный:
«Вотъ и моя въ добычѣ часть!»

В. Бурнинъ.

Digitized by Google

ГРАФЪ МИРАБО

и

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КО ДВОРУ.

(По новымъ извѣстіямъ).

Mémoires de Malouet, publiés par son petit-fils le baron Malouet, 2 vols. Didier. Paris. 1868.

Correspondances entre le comte de Mirabeau et le comte de la Marck, pendant les années 1789, 1790 et 1791. 3 vols. Paris. 1851.

Какъ ни громадна литература, возбужденная большою французскою революціею, но самое историческое слѣдствіе надъ этою эпохою не окончено до сихъ поръ, свидѣтели далеко еще не всѣ выслушаны, и къ числу такихъ новыхъ свидѣтелей нужно отнести Малуэ. Появившіеся недавно въ свѣтъ его «Мемуары», изданные внукомъ автора, и въ достовѣрности которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, — представляютъ собою весьма наглядное изображеніе, и весьма отчетливое, одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ, и вмѣстѣ мало освѣщенныхъ, общаго положенія дѣлъ во Франціи, въ послѣдній моментъ паденія стараго порядка. Малуэ, не думая въ своихъ мемуарахъ изобразить всего послѣдовательнаго хода революціи, сосредоточился главнымъ образомъ надъ разъясненіемъ потомству той задачи, которая составляла предметъ его собственной дѣятельности, въ бурный періодъ борьбы королевской прерогативы съ требованіями перваго національнаго

Digitized by Google

собранія (конституанты). Задача Малуэ состояла въ примиреніи, въ соглашеніи двухъ борющихся сторонъ, и она нѣсколько разъ видоизмѣнялась сообразно съ воззрѣніями Малуэ на данныя обстоятельства, въ свою очередь столь быстро измѣнявшіяся въ то время.

Основанная въ началѣ на надеждѣ взаимныхъ уступокъ, особенно со стороны роялизма, эта задача сводилась въ концѣ на боязливое стремленіе охранить роялизмъ отъ совершеннаго паденія, избавить самую династію отъ опасности. Въ высшей степени интереснымъ и поучительнымъ является обстоятельное ознакомленіе съ тѣмъ, какія средства предполагалось употребить для такихъ цѣлей, какія мѣры имѣлись въ виду и чрезъ какихъ людей искали ихъ осуществленія. Малуэ объяснитъ намъ, насколько еще возможно было сохраненіе стараго порядка, насколько зависѣло отъ его собственныхъ ошибокъ совершившееся паденіе, или насколько оно лежала въ сущности самыхъ обстоятельствъ, самаго содержанія той эпохи. Свидѣтельство Малуэ въ данномъ случаѣ является особенно интереснымъ: Малуэ нельзя заподозрить въ отсутствіи искренности — а это, конечно, главное условіе для свидѣтеля. Малуэ поражаетъ своей скромностью. Вопреки многимъ другимъ, писавшимъ о своей дѣятельности въ революціи и восхвалявшимъ свои неоцѣненныя заслуги, — Малуэ заботится не столько о себѣ и о томъ, какого мнѣнія будутъ о немъ, сколько о разъясненіи всего предпринятаго имъ сообща съ другими, съ цѣлью спасенія бурбонской монархіи. Изъ этого ясно, что Малуэ не думаетъ, подобно многимъ другимъ, хитрить и скрывать свое тайное участіе въ замыслахъ двора и его приверженцевъ; — онъ не носится неумѣстно съ именемъ свободы въ смыслѣ тогдашнихъ революціонеровъ; онъ прямо и наивно объявляетъ, что для него свобода являлась мыслимою и возможною только подъ ферулою бурбонской монархіи. Короче, Малуэ сознавалъ, что не ему выпала главная роль;—онъ желалъ спасенія монархіи, и, не бывъ самъ поставленъ въ положеніе спасающаго, онъ искалъ ей спасителей.

Съ другой стороны, онъ никогда не разыгрывалъ роли популярнаго революціонера, подобно Лафайету и другимъ; поэтому и въ мемуарахъ онъ можетъ говорить искренно и прямо, не оправдываясь ни въ чемъ, не обходя щекотливыхъ положеній и вопросовъ. — «Такъ какъ вполнѣ извѣстно — говоритъ онъ (т. I, стр. 297), что я не принадлежалъ ни къ какой интригѣ, ни къ какой партіи, что у меня было, можетъ быть, болѣе, чѣмъ у другихъ, путей къ наблюденію,—то я смѣю считать свое свидѣтельство имѣющимъ значеніе и не боюсь противоставить его

Digitized by Google

всему тому, что̀ я читалъ и слышалъ, всякимъ ложнымъ догадкамъ, лживымъ увѣреніямъ и бурнымъ страстямъ».

На первомъ планѣ, почти съ перваго же момента дѣятельности предпринятой Малуэ — является человѣкъ, неожиданно идущій ему на встрѣчу. Человѣкъ этотъ — Мирабо, загадочная личность котораго получаетъ совершенно новый свѣтъ при чтеніи мемуаровъ, — и наводитъ на цѣлый рядъ размышленій въ вопросѣ о паденіи бурбонской монархіи.

Загадочность, противорѣчія въ личности Мирабо вовсе не разрѣшаются еще тѣмъ, получалъ ли онъ деньги отъ двора и былъ ли онъ подкупленъ, продался ли онъ двору? Съ строгой точки зрѣнія, приговоръ исторіи произнесенъ надъ нимъ: человѣкъ, являвшійся адвокатомъ свободы, строгимъ противникомъ ея враговъ, въ то же время обращался къ видимому центру ея антагонистовъ и торговался келейнымъ образомъ. Изъ какихъ бы видовъ онъ ни поступалъ такъ, все же онъ одинаково осужденъ обѣими сторонами, какъ одинаково обманутыми. Но, помимо того представляется вопросъ иной важности, для сужденія объ общемъ положеніи этого перваго періода и разыгрывавшейся драмы; и въ вопросѣ этомъ двѣ стороны. Одна, относящаяся болѣе къ самой личности Мирабо и заключающаяся въ разъясненіи, насколько было искренне предложеніе Мирабо двору своихъ услугъ, насколько онъ дѣйствительно считалъ благомъ для Франціи служеніе двору и измѣну чрезъ то своему первому служенію свободѣ? Говоря иными словами, — насколько онъ былъ истинно преданъ благу своей страны и въ чемъ видѣлъ онъ такое благо? Отъ разрѣшенія этой стороны вопроса зависитъ сужденіе о честности, о политической нравственности и политическомъ геніѣ человѣка, безспорно, игравшаго громадную роль въ катастрофѣ, наполнявшаго молвою о себѣ не только всю Францію, но и всю Европу.

Другая сторона вопроса, тѣсно связанная съ первой, — насколько мѣры, предложенныя Мирабо къ спасенію отъ катастрофы — были возможны и дѣйствительны? Важность этого разъясненія указана выше. Мы здѣсь же можемъ заранѣе сказать, что эта послѣдняя сторона разрѣшается легче, нежели первая. Мы вполнѣ можемъ судить теперь о бывшей полезности или непригодности извѣстныхъ, предлагавшихся мѣръ, и мы все еще, не смотря на всевозможные новые документы, не можемъ утверждать вполнѣ положительно и опредѣленно о характерѣ посредничества Мирабо. Сомнѣніе и противорѣчія, очевидно, имѣвшія большое мѣсто и значеніе въ самой его личности, прорываются невольно въ историческое сужденіе о немъ. Тѣмъ не менѣе,

Digitized by Google

рядомъ съ опубликованной въ 1851 году перепиской Мирабо съ графомъ Ламаркомъ — записки Малуэ представляютъ одинъ изъ документовъ наиболѣе полно очерчивающихъ шаткую, полную колебанія роль Мирабо въ революціи.

I.

По своей бурной, страстной природѣ Мирабо былъ созданъ для борьбы. Его положеніе въ семьѣ, его отношенія къ отцу, строгому фамильному автократу старыхъ временъ, должны были сформировать и закалить его строптивый, непокорный нравъ. Живой и смѣлый, умный и буйный, онъ вызвалъ въ одномъ изъ заботившихся о немъ старцахъ очень оригинальную характеристику: «Этотъ юноша, господинъ аббатъ — чертовски живой; но онъ добрый юноша, у котораго ума столько же, сколько у трехъ тысячъ чертей, и, parbleu, это человѣкъ весьма смѣлый».

Отецъ полагалъ, что любитъ сына и именно потому неумолимо преслѣдовалъ его. Юношу наказывали за его самовольныя продѣлки, за его стремленіе къ независимости — ссылками и заточеніемъ; а онъ увозилъ изъ ссылки чужихъ женъ, укрывался въ вольную Голландію съ своей знаменитою Софіей и пробовалъ въ изгнаніи, каково бываетъ существовать труженическою, зарабатывающею себя жизнью. Его писанія и переводы, — для заработка — не пропали даромъ; онъ научился еще болѣе владѣть перомъ и языкомъ, которыми впослѣдствіи столь грозно платилъ своимъ врагамъ. И его долгое заключеніе въ крѣпости Винсенской не прошло даромъ. Далеко не все время посвящалъ онъ страстнымъ письмамъ своей Софіи; это тѣмъ болѣе вѣрно, что, какъ оказалось, самыя письма часто заимствовались влюбленнымъ узникомъ изъ разныхъ книжекъ.

Такимъ образомъ, насильственное одиночество давало ему много времени на размышленіе, и невольно должно было сосредоточивать его мысли на тѣхъ предметахъ, которые являлись ему причинами, источникомъ его произвольнаго заключенія. Въ его краснорѣчивомъ протестѣ противъ административнаго произвола, слышится голосъ человѣка слишкомъ прочувствовавшаго на себѣ, на своей личности все невыразимое оскорбленіе, всю жгучую обиду насилія; оттого-то этотъ протестъ и производилъ по всей Европѣ громадное впечатлѣніе, и былъ тяжелымъ камнемъ, брошеннымъ въ обличенное зданіе стараго порядка.

«Когда Богъ создалъ людей, онъ хотѣлъ, чтобъ они существовали; мы не можемъ существовать иначе, какъ удовлетворяя по-

Digitized by Google

требностямъ, которыя вложилъ въ насъ Творецъ нашего бытія; физическія способности, полученныя нами отъ него, очевидно, назначены для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, а нашъ разумъ — для помощи этой работѣ, самопринадлежность, собственность нашей личности, — служитъ къ тому необходимымъ орудіемъ, потому-то эта собственность неотъемлема и священна; ее нельзя похитить, или лишить насъ ея, безъ уничтоженія насъ: покуситься на это право, значитъ покуситься на нашу жизнь, которую Богъ беретъ отъ насъ, когда ему угодно, чтобъ мы лишились ея. Такимъ образомъ, законъ собственности или, что тоже самое, законъ свободы есть законъ божественный». (Des lettres de cachet).

Гоненіе на Мирабо и его борьба перенеслись съ семейной среды на арену дворянской касты, не хотѣвшей терпѣть въ своей средѣ свободолюбиваго оратора. Только Мирабо отплатилъ своей кастѣ гораздо жестче, чѣмъ своей семьѣ. Каста не знала, какого врага раздражала; а Мирабо, становясь все смѣлѣй и рѣзче на неуклонномъ пути своей непрестанной борьбы, только окончательно увидѣлъ всю немощь, всю затхлость своей касты, и, отрѣшившись отъ нея, явился на созванные Генеральные Штаты въ качествѣ представителя третьяго сословія,—общинъ, служившихъ въ то время выраженіемъ народной воли и требованій. И первое, грозное заявленіе этой воли — возвратить самой странѣ право устроивать свою судьбу,—первый торжественный протестъ въ собраніи противъ произвола роялизма сказался громовымъ голосомъ Мирабо [1]).

Но если часто передовые люди томятся медленностью событій, не идущихъ съ достаточной быстротой впередъ по пути ихъ надеждъ и желаній, то съ другой стороны, когда наступаютъ исключительныя, разрушительныя и въ то же время творческія эпохи,—то событія, совершающіяся въ нихъ, оставляютъ далеко позади себя даже тѣхъ, которые жаждали и призывали ихъ, которые служили ихъ подготовкѣ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли представить себѣ въ конкретномъ, жизненномъ выраженіи того, о чемъ они мечтали въ идеальной формѣ. Это жиз-

---

[1]) Въ королевскомъ засѣданіи Собранія, 23-го іюня 1789 года, когда послѣ ухода короля церемоніймейстеръ Горезе явился съ требованіемъ, чтобъ собраніе разошлось, Мирабо отвѣчалъ: «Идите сказать тѣмъ, кто послалъ васъ, что мы собраны здѣсь по волѣ народа, и что мы не разойдемся иначе, какъ разогнанные штыками!» Слова эти были часто ошибочно измѣняемы въ выраженіяхъ: «Идите объявить *вашему господину*, т. е. Лудовику XVI-му», какъ будто бы Мирабо хотѣлъ противопоставить волю народа волѣ короля. Но это не болѣе, какъ риторическое украшеніе, и Мирабо, бывъ монархистомъ, не думалъ произносить подобной фразы.

Digitized by Google

ненное выраженіе пугаетъ самые сильные умы своей новизной, своимъ негаданнымъ теченіемъ: бурное и своевольное,—оно идетъ иначе и даже въ разрѣзъ съ предполагавшимся въ умѣ плавнымъ и мирнымъ теченіемъ. — Такое размышленіе должно примѣнить къ весьма многимъ, къ большей части быстро смѣнявшихся дѣятелей французской революціи.

Поворотъ, отступленіе назадъ, такъ сказать психологическая реакція свойственна большей части актеровъ великой драмы. Такъ было съ Неккеромъ и Лафайетомъ прежде всего; такъ было съ друзьями Малуэ — каковъ Мунье, и съ самимъ Малуэ; такъ позже то же явленіе повторяется съ ярымъ въ началѣ Барнавомъ и его единомышленниками — либеральными конституціонистами; также произошло позже съ жирондистами, — то же наконецъ должно было постигнуть неутомимаго соперника ихъ, — Робеспьера и его сподвижниковъ. Всѣ они устаютъ, останавливаются въ недоумѣніи предъ своимъ дѣломъ; всѣми ими охватываетъ въ извѣстную минуту дрожь и овладѣваетъ ужасъ, — подобно тому, какъ случилось съ главнымъ, почти автоматическимъ прокуроромъ гильотины, — съ публичнымъ обвинителемъ Фукье - Тенвилемъ, когда онъ осклабился и зашатался, увидя предъ собою, при переходѣ моста чрезъ Сену, окровавленныя тѣни казненныхъ имъ! — Можетъ быть, было бы вѣрно видѣть причину такого явленія—въ неопредѣленности, въ мало сознанной ясности ихъ общей задачи; — мы ограничиваемся указаніемъ на фактъ и, обращаясь къ Мирабо, находимъ и въ немъ слишкомъ громкое подтвержденіе такой реакціонной неремѣны въ отношеніи къ революціи и ея ходу.

Появленіе голодной толпы женщинъ въ Версали 5-го и 6-го октября 1789 г., вторженіе ихъ въ залу національнаго собранія и въ залы дворца — повело къ пріобрѣтенію королевской фамиліей двухъ знаменитыхъ адвокатовъ предъ разъяреннымъ народомъ: народъ увидѣлъ на балконѣ Лафайета, цѣлующаго руку оскорбленной Маріи-Антуанеты; женщины услышали суровый голосъ Мирабо, попрекавшаго ихъ за шумъ и вторженіе. — Первая встрѣча лицомъ къ лицу съ массою, съ народомъ въ дѣйствительности, а не въ мечтаніи, сильно пошатнула краснорѣчиваго трибуна. Не смотря на то, что народная толпа такъ же терпѣливо выслушала брань своего любимца, какъ и простодушно умилилась галантности Лафайета, — Мирабо, повидимому, почувствовалъ сильный страхъ предъ неожиданнымъ появленіемъ незванной депутаціи изъ самого народа. Современники и историки приписываютъ Мирабо большую политическую прозорливость: «Мирабо — говоритъ Малуэ, — былъ, можетъ быть, единственнымъ

Digitized by Google

человѣкомъ, которому революція представлялась съ самого начала въ ея истинномъ смыслѣ: въ смыслѣ полнаго, общаго переворота». А такого переворота Мирабо вовсе не желалъ. Въ то время, предъ тѣми людьми еще не было того опыта, который они же сами завѣщали слѣдующимъ поколѣніямъ,—революція въ то время была явленіемъ небывалымъ, потому что, не смотря на иллюзіи нѣкоторыхъ англомановъ, очевидно было только одно,—что революція на континентѣ, и прежде всего во Франціи, пойдетъ другимъ путемъ, чѣмъ въ Англіи за вѣкъ передъ тѣмъ [1]), и этотъ-то иной путь, полный неизвѣстности, устрашалъ даже такіе сильные умы и такія страстныя бурныя натуры, какъ Мирабо.

Мирабо, какъ и другіе, въ первые годы революціи жаждалъ свободы, но подъ нею разумѣлось освобожденіе отъ административнаго произвола и поставленіе, на мѣсто его, представительства, легальности, опредѣленнаго узаконенія всѣхъ мѣръ и всего вмѣшательства власти, чрезъ избирательное представительство. Но въ такомъ стремленіи не было и тѣни борьбы противъ самого принципа королевской власти, и тѣмъ людямъ свобода не представлялась иначе, какъ въ связи съ королевской властью, подъ ея сѣнью и покровомъ. Только позже, при упорствѣ двора, при тѣхъ открытыхъ и тайныхъ поступкахъ его, которые считались самими партизанами его за ошибки, усложнявшія сохраненіе королевской неприкосновенности, стали образовываться и искать сплоченія различныхъ партій, на которыя раздробились депутаты.

Между двумя крайними партіями, между людьми, которые видѣли гибель феодальнаго роялизма въ малѣйшей уступкѣ требованіямъ національнаго представительства, и между людьми, которые стали считать неизбѣжнымъ и необходимымъ полное паденіе феодальнаго роялизма, даже въ конституціонной формѣ,—стояли среднія партіи, партія конституціонистовъ, льстившихъ себя надеждою склонить роялизмъ на искреннее принятіе своихъ конституціонныхъ началъ, и партія людей разочаровавшихся въ своихъ мечтаніяхъ о мирно шествующей свободѣ и готовыхъ употребить рѣшительно всякія мѣры для того, чтобъ спасти династію и ея прерогативы, чтобъ повернуть движеніе обратно, чтобъ произвести искусственно *контръ-революцію*. А для этого требовалось заставить народъ забыть все недовѣріе, вызванное дворомъ, возбудить къ нему вѣру и исключительную надежду на него, вза-

[1]) Въ этомъ сознается даже Малуэ: «Je ne voyais dans l'histoire d'aucun peuple rien d'analogue à ce qui se préparait... (I, 294).

Digitized by Google

мѣнъ возлагавшейся народомъ на національное собраніе, которое слѣдовало бы представить въ невыгодномъ свѣтѣ разрушителя и виновника всѣхъ народныхъ бѣдъ.

Къ злополучнымъ и неблагонадежнымъ качествамъ этой послѣдней партіи относилось, конечно, то неудобство, что къ ней примыкали люди безъ всякихъ принциповъ, предлагавшіе просто свое участіе и служеніе за минутныя почетныя отличія, или денежныя вознагражденія. И съ такой партіей связаны имена Малуэ и Мирабо. Мы можемъ основательно думать, что самыя грозныя выходки съ трибуны собранія совершались Мирабо, столько же вслѣдствіе несдержаннаго темперамента, сколько и вслѣдствіе систематическаго намѣренія устрашить дворъ, подѣйствовать на короля и окружающихъ его совѣтниковъ способомъ устрашенія, для вызова уступокъ либерализму. Точно также въ соображеніе Мирабо могло входить исканіе и пріобрѣтеніе своими грозными рѣчами популярности: популярность должна была придавать его личности блескъ и силу, къ которой дворъ отнесся бы съ уваженіемъ, съ которой дворъ нашелъ бы полезнымъ считаться. На такія предположенія наводитъ насъ все поведеніе Мирабо уже въ первое время; позже могли прибавиться другія побужденія у Мирабо, и объ нихъ рѣчь впереди. Теперь же остановимся на весьма любопытномъ разсказѣ Малуэ о первой попыткѣ Мирабо къ сближенію съ властью и къ союзному дѣйствію.

Разсказъ относится къ іюню 89 г., за нѣсколько времени до торжественной клятвы въ залѣ Мяча (serment du jeu de Paume). Къ Малуэ явились съ визитомъ два женевца, секретари Мирабо, изъ которыхъ одинъ Дюмонъ — извѣстенъ интересными воспоминаніями о Мирабо [1]), и выразили ему желаніе Мирабо повидаться для серьезнаго дѣла. Малуэ не любилъ буйнаго оратора; онъ считалъ его причастнымъ ко всѣмъ конспираціямъ и кознямъ противъ спокойствія власти, которое для Малуэ означало тоже самое, что и вообще общественное спокойствіе. Малуэ былъ немало удивленъ такимъ шагомъ къ сближенію и рѣшился повидаться съ Мирабо на нейтральной почвѣ, въ квартирѣ Дюмона. Еще болѣе возрасло удивленіе Малуэ, когда предъ нимъ предсталъ самъ Мирабо и, сразу приступивъ къ дѣлу, заговорилъ неожиданнымъ для Малуэ языкомъ. «Ваши мнѣнія — пояснялъ Мирабо свое поведеніе—которыя болѣе близки къ моимъ чѣмъ вы думаете, побуждаютъ меня къ моему поступку. Я знаю, что вы одинъ изъ благоразумныхъ друзей свободы, и я самъ такой же; вы устрашены тѣми бурями, которыя собираются надъ нами,

[1]) *Dumont.* Souvenirs sur Mirabeau.

Digitized by Google

и я самъ не менѣе васъ; между нами находится не одна горячая голова, не одинъ опасный человѣкъ. Въ первыхъ двухъ сословіяхъ, въ аристократіи, все, что владѣетъ умомъ, лишено вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго здраваго смысла; а между глупцами я знаю многихъ, способныхъ бросить огонь въ порохъ. Надо рѣшить и знать, перенесутъ ли монархъ и монархія бурю, которая готовится, или же, сдѣланныя ошибки и тѣ, которыя, конечно, будутъ сдѣланы еще — поглотятъ насъ всѣхъ?»

Цѣлью свиданія была просьба къ Малуэ объ устройствѣ совѣщанія между Мирабо и двумя главными министрами — Неккеромъ и Монморено̀мъ: «Я не люблю ни того, ни другого — объяснялъ Мирабо прямо—но это для меня все равно, лишь бы мы могли понять другъ друга. Я желаю знать ихъ намѣренія; у нихъ долженъ быть цѣлый планъ принятія или оппозиціи извѣстнымъ началамъ, и если такой планъ разуменъ для монархическаго порядка, я обязуюсь поддерживать его всѣми средствами и всѣмъ вліяніемъ моимъ, чтобъ помѣшать вторженію демократіи, которая напираетъ на насъ... Намъ не нужно болѣе общихъ фразъ; я требую отъ министровъ опредѣленнаго плана дѣйствій; иначе, если они хотятъ шутить съ нами и провести насъ, они всегда найдутъ насъ готовыми къ борьбѣ».

Конференцію съ министрами было устроить не совсѣмъ легко. Они считали Мирабо политическимъ интриганомъ, для котораго нѣтъ ничего святого, ни своего обѣщанія, ни даже министерскаго сана, который способенъ только осмѣять ихъ и не окажетъ никакой помощи. Напыщенное тщеславіе и самообожаніе Неккера не хотѣло признать силы въ комъ-либо другомъ; онъ воображалъ себя призваннымъ спасителемъ монархіи даже и тогда, когда встрѣтился лицомъ къ лицу съ представителями общественныхъ требованій, удовлетворенія которымъ бурбонская монархія не хотѣла и не могла дать. Обольщенный мнимымъ, эфемернымъ успѣхомъ своихъ искусственныхъ займовъ, Неккеръ воображалъ, что съумѣетъ справиться съ генеральными штатами и устроить ихъ по своему, разными искусственными продѣлками, въ которыхъ онъ могъ доходить до крайне смѣшного и нелѣпаго. Такъ, чтобъ удержать депутатовъ трехъ сословій отъ безразличнаго соединенія, котораго требовало третье сословіе, и отъ котораго отказывались первыя два, Неккеръ хотѣлъ прибѣгнуть къ извѣстному разрушенію громадной залы, въ которой могли свободно помѣститься всѣ три сословія и множество зрителей; такъ, позже, въ нерѣшительности, какъ поступить съ штатами, разогнать ли ихъ прямо или употребить средства для подчиненія ихъ безусловной волѣ двора—придумывается такая жал-

Digitized by Google

кая мѣра, какъ закрытіе залы (20-го іюня 89 г.), подъ предлогомъ необходимаго приготовленія для убранства залы, для королевскаго сеанса, назначеннаго на 23-е іюня. А именно это приготовленіе едва не повело къ тому, что королевскаго сеанса вовсе не понадобилось бы! Оскорбленные насиліемъ депутаты укрылись отъ дождя въ старинной залѣ игры Мяча (jeu de Paume) и произнесли знаменитую клятву—не расходиться до установленія свободной конституціи во Франціи, въ силу народнаго порученія, обязавшаго ихъ, при избраніи въ депутаты, благоустройствомъ страны.

Понятно, что люди, обрекавшіе себя на изобрѣтенія жалкихъ преградъ для остановки шедшей имъ на встрѣчу могучей силы, не могли быть способны трезво отнестись къ новому положенію вещей, признать въ немъ явленіе въ высшей степени серьезное, требующее къ себѣ и отношенія серьезнаго, и широкаго пониманія. Въ то время, какъ Неккеръ полагался самоувѣренно на свои обычные пріемы, которые никогда не представляли изъ себя цѣлостной системы, Мирабо считалъ необходимымъ установленіе положительной опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ между властью, оказавшеюся несостоятельною и представительствомъ, заявлявшимъ себя требовательнымъ, не смотря на свою разрозненность и неясное сознаніе: чего именно и въ какой формѣ можетъ оно требовать отъ высшей власти.

Теперь, зная прошедшее, мы могли бы сказать, что въ сущности конечно никакой планъ, никакое опредѣленное поведеніе, никакая система реорганизаціи сверху, при скромной помощи представительства не были возможны, и феодальная монархія была осуждена на паденіе своей собственной немощью. Но тогда, при началѣ генеральныхъ штатовъ, разъ, что иниціатива являлась офиціяльною, власть тѣмъ самымъ принимала на себя самое всю отвѣтственность за дальнѣйшее веденіе дѣла, и требованіе Мирабо опредѣленности и извѣстности казалось столь же трезвымъ и реальнымъ, сколь ложною и тщетною надежда Неккера съумѣть господствовать надо всѣмъ, при помощи тѣхъ или другихъ случайныхъ мѣръ.

Въ 8 часовъ утра 11 іюня, Мирабо всходилъ по лѣстницѣ главнаго министра. Неккеръ встрѣтилъ Мирабо съ своей обычной аффектаціей, съ своей величаво-натянутой осанкой. Они поклонились молча и измѣрили другъ друга. Мирабо приступилъ прямо и просто къ дѣлу: «Г. Малуэ увѣрилъ меня, что вы поняли и сочувствуете побужденію того объясненія, которое я желаю имѣть съ вами». — «Г. Малуэ — прервалъ его Неккеръ своимъ искусственно вѣжливымъ голосомъ, — г. Малуэ сказалъ мнѣ, что

Digitized by Google

вы хотите сдѣлать мнѣ предложенія: какія это *предложенія*»? Холодный и вопросительный тонъ, самое слово «предложенія», которое звучало металлическимъ смысломъ, — взорвали Мирабо. Онъ всталъ быстро съ мѣста, едва сдерживая свой гнѣвъ, свое оскорбленіе, и произнесъ министру въ поученіе свой лаконическій отвѣтъ: «Мое *предложеніе* состоитъ въ томъ, чтобъ пожелать вамъ добраго утра». И съ этими словами повернулся и оставилъ министра, изумленнаго неожиданнымъ и быстрымъ исходомъ объясненія. Не менѣе лаконично было сообщеніе Мирабо объ этомъ свиданіи Малуэ: еще разгоряченный, весь красный отъ негодованія, Мирабо перелѣзъ въ собраніи черезъ скамью и, подойдя къ Малуэ, проговорилъ: «Вашъ Неккеръ — дуракъ, онъ еще узнаетъ обо мнѣ (Votre homme est un sot, il aura de mes nouvelles)...»

Такъ кончилась первая попытка къ сближенію. Ея неудачѣ умѣренные роялисты, каковымъ былъ тогда Малуэ, приписываютъ неизмѣримое зло въ дѣлѣ паденія монархіи. «Напрасно — говоритъ Малуэ — Неккеръ имѣлъ простоту полагать, что Мирабо является къ нему за полученіемъ нѣсколькихъ тысячъ ливровъ для исполненія его приказаній. Мирабо не былъ человѣкомъ, который сталъ бы продаваться подло и пошло. Онъ любилъ свободу столько же по интересу, по разсчету, сколько и по страсти».

II.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ первой попытки, и обстоятельства измѣнились. Мы пополнимъ свѣдѣнія Малуэ другими источниками, изъ которыхъ узнаемъ, что Мирабо очень удачно перемѣнилъ свою тактику, и вмѣсто того, чтобъ стать сообщникомъ министровъ, рѣшился вступить въ прямое сношеніе съ королемъ, стать его тайнымъ совѣтникомъ, посредствомъ корреспонденціи и помощи одного изъ приближенныхъ при дворѣ.

Въ сентябрѣ того же 89 года, Мирабо явился разъ рано утромъ къ графу Ламарку [1]) съ весьма озабоченнымъ видомъ: «Другъ мой, отъ васъ зависитъ оказать мнѣ большую услугу. Я не знаю, что дѣлать, у меня нѣтъ ни гроша, одолжите мнѣ сколько-нибудь». Ламаркъ отдалъ ему бывшіе у него 50 золо-

[1]) Извѣстный до 1790 г. подъ именемъ графа Ламарка, а потомъ принявшій наслѣдственный титулъ князя д'Аренберга; онъ умеръ только въ 1833 г. и завѣщалъ своему другу, Бакуру, свою знаменитую корреспонденцію съ Мирабо, которою мы и пользуемся здѣсь.

Digitized by Google

тыхъ. Мирабо былъ очень благодаренъ: «Я не знаю когда я ихъ вамъ отдамъ; я еще и думать не успѣлъ о наслѣдствѣ отца, а ужъ родные затѣваютъ процессъ со мной». Этими нѣсколькими словами опредѣлялось все финансовое положеніе Мирабо, вѣчно съ большими требованіями, съ неумѣніемъ ограничиваться скромной жизнью, съ увлеченіемъ роскошью, пиршествомъ и нѣгою, и потому вѣчно попадавшаго въ нужду и долги. Этою ли сценою, или другими разговорами былъ наведенъ Ламаркъ на мысль воспользоваться Мирабо для служенія двору и его цѣлямъ, — во всякомъ случаѣ Ламаркъ, пользовавшійся благосклонностью королевы, указалъ Маріи Антуанетѣ на возможность полезнаго пріобрѣтенія. «О, воскликнула гордая австрійка, — я надѣюсь, мы никогда не будемъ столь несчастны, чтобъ быть вынужденными тяжелою крайностію — обратиться за помощью къ Мирабо».

Но событія 5 и 6 октября пошатнули отношенія всѣхъ другъ къ другу; — съ одной стороны гордости и спѣсивости королевы нанесенъ былъ жестокій ударъ въѣздомъ плѣнницей въ Парижъ, по хотѣнію и настоянію голодной толпы; съ другой стороны, пошатнулась въ тѣ дни смѣлость Мирабо; онъ увидѣлъ впереди кровавую гибель многихъ; октябрьскія сцены явились ему прообразомъ народнаго мщенія и негодованія, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, соединиться съ королевской фамиліей, съ цѣлью, при ея помощи, подъ ея прикрытіемъ провести свои планы, сводившіеся въ то время на уничтоженіе произвола и его орудій, на ограниченіе королевской власти опредѣленнымъ закономъ, на уничтоженіе феодальныхъ привилегій и сословныхъ злоупотребленій. Въ этомъ видѣлъ Мирабо весь предметъ, все содержаніе революціи. Позже онъ измѣнилъ и такому взгляду, и его политика, какъ увидимъ, сосредоточилась только на удержаніи отъ паденія бурбонской династіи какими бы то ни было средствами, цѣною какихъ бы то ни было покушеній на завоеванія, добытыя свободою съ его же помощью. Если восклицаніе Маріи Антуанеты было гордое и надменное при тогдашнихъ обстоятельствахъ, то пророчество, вызванное у Мирабо тѣми же обстоятельствами, было тѣмъ болѣе мрачно и трагично, чѣмъ скорѣе суждено было ему сбыться: «О чемъ думаютъ эти люди, — говорилъ взволнованный Мирабо устрашенному Ламарку, — неужели они не видятъ, какъ земля ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ, какъ подводятся мины подъ нихъ? Все потеряно! и король и королева погибнутъ, вы увидите это; и чернь будетъ бить ихъ трупы! и мы всѣ погибнемъ».

Мирабо добился, наконецъ, того, что его, повидимому, захотѣли слушать. Пятнадцатаго октября 1789 г. онъ адресуетъ

Digitized by Google

оказалась опасною! Мирабо еще не кончилъ своего адвокатства въ пользу феодальнаго роялизма, за удержаніе иниціативы войны за королемъ, какъ уже въ отвѣтъ ему неслись съ улицы угрозы — веревки и пистолеты! «Открытіе великаго предательства графа Мирабо» — кричали на другое утро мальчишки-разносчики брошюръ и памфлетовъ. Мирабо сохранилъ, однако, спокойствіе, и къ этому случаю относятся его знаменитыя слова: «Мнѣ не надо было этого урока, чтобъ знать, какъ близко отъ Капитолія до Тарпейской скалы!»

III.

Съ Мирабо произошло то, что происходитъ въ большей части подобныхъ случаевъ. Разъ вступивъ на скользкій путь, онъ все болѣе сталъ утрачивать ясное пониманіе и общаго положенія и своего личнаго; онъ все ошибочнѣе сталъ относиться къ общественной силѣ, къ силѣ общественнаго движенія, и къ своей личной силѣ,—къ силѣ своего вліянія на общее положеніе дѣлъ. Онъ выигралъ дѣло роялизма въ національномъ собраніи, въ вопросѣ о войнѣ, и забылъ, какое пораженіе наносилъ себѣ въ общественномъ мнѣніи, въ средѣ собранія, въ народной молвѣ. Онъ перенесъ свои соображенія и помыслы на иную арену, на арену двора и министерства, и утратилъ истинное мѣрило силы въ революціи. Такое увлеченіе и ослѣпленіе съ его стороны тѣмъ болѣе было неосновательно, что даже дворъ и династическіе представители его,—люди, которые никогда не помышляли о народѣ и о его значеніи, которые никогда не принимали въ разсчетъ народнаго элемента въ борьбѣ, которые, слѣдовательно могли остановиться на Мирабо, какъ на силѣ, вслѣдствіе его побѣды въ собраніи, тѣ люди вовсе не увлекались имъ до конца и вовсе не отдавали своей судьбы довѣрчиво въ его руки. Крайне характеристично рисуетъ это взаимное отношеніе двухъ сторонъ, сошедшихся на тайный союзъ—свиданіе Мирабо съ Маріей Антуанетой. Они встрѣтились (3-го іюля 1790 г.) тайно отъ любопытныхъ взоровъ и злыхъ языковъ въ великолѣпномъ саду Сенъ-Клу (St.-Cloud), въ одномъ изъ его отдаленныхъ угловъ, въ уединенной бесѣдкѣ. Странное, полное смущенія свиданіе! Могли ли они думать о возможности тайной встрѣчи,—она, которая долго считала его скрытымъ участникомъ октябрьскихъ сценъ [1]); онъ, который громилъ династію въ своихъ филиппикахъ

[1]) Мирабо дѣйствительно содѣйствовалъ, въ большей или меньшей степени, воз-

Digitized by Google

противъ двора! Время измѣнило положеніе и свело ихъ для обсужденія общей взаимной безопасности. Измѣнило время и ихъ самихъ. Ей всего тридцать пять лѣтъ, но уже волосы бѣлѣютъ сѣдиною: болѣзнь унесла у нея ребенка, въ то время какъ иная болѣзнь уносила ея корону; ея стройный высокій станъ не погнулся еще и не сбросилъ съ себя, какъ позже, пышнаго наряда, но въ ея поступи уже болѣе сдержанности, чѣмъ надменности; беззаботное выраженіе ея смѣлаго лица помрачилось слѣдами тревожныхъ думъ; въ ея гордой рѣчи слышится срывающаяся нота оскорбленнаго достоинства и едва скрытаго уничиженія; ея глаза, полные тяжелой мысли и борющагося чувства, вовсе не сухи, а только осушены, и не одна безсонная ночь выпала имъ на долю въ этотъ годъ и не одинъ кружевной платокъ смочили они! Но врядъ-ли когда даже въ этотъ годъ смотрѣли эти глаза вокругъ себя съ такимъ удивленіемъ, какъ теперь, на фигуру, стоявшую предъ ними. Полная, исполинская фигура Мирабо, къ изумленію самой Маріи-Антуанеты, не внушала ей ужаса и страха, а даже внушила бы ей сожалѣніе, если бы она могла вглядѣться въ нее пристальнѣе и еслибъ знала его раньше. Въ этомъ лицѣ, испещренномъ и обезображенномъ оспою, — будто нарочно помѣтившею нѣсколькихъ главныхъ вождей революціи [1]), — вовсе нѣтъ и признака злобы, напротивъ много доброты и вызывающаго рас-

---

бужденію въ народѣ ненависти къ королевѣ. Когда, наканунѣ октябрьскихъ сценъ, въ Собраніи поднялся шумъ изъ-за разсказа Петіона о пиршествѣ національной и королевской гвардіи въ Версалѣ, на которомъ присутствовала сама королева съ ребенкомъ, и поощряла офицеровъ и солдатъ въ заявленіяхъ вѣрности королю, смѣшанныхъ съ насмѣшками и угрозами противъ національнаго собранія, Мирабо поддержалъ Петіона, бросивъ обвиненіе прямо въ Марію Антуанету: онъ вызывался подписать показаніе и представить доказательства, если собраніе декретируетъ, что никакое лице въ королевствѣ, кто бы оно ни было, *кромѣ одного короля*, не пользуется неприкосновенностью. Позже, парижскій судъ *Шатле* хотѣлъ преслѣдовать Мирабо, вмѣстѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ (отцемъ Луи-Филиппа I) какъ тайныхъ зачинщиковъ октябрьскаго возмущенія. Но въ изслѣдованіи суда, напечатанномъ и опубликованномъ, не оказалось никакихъ обвинительныхъ уликъ и данныхъ противъ Мирабо и герцога. Собраніе отказало суду въ преслѣдованіи, и Мирабо разразился въ свою очередь въ обвиненіяхъ противъ суда, противъ интриги привилегированныхъ классовъ, противъ ихъ мщенія, и грозился судомъ исторіи: «вотъ гдѣ весь секретъ этого адскаго дѣлопроизводства, и таковымъ будетъ онъ изображенъ въ исторіи самымъ справедливымъ и самымъ безпощаднымъ мщеніемъ». Позже, когда Мирабо вступилъ въ сношенія съ Ламаркомъ, и когда Ламаркъ однажды напоминалъ ему, какъ королевѣ трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія его въ бывшемъ заговорѣ противъ нея, «онъ измѣнился въ лицѣ, онъ вдругъ пожелтѣлъ и позеленѣлъ и принялъ страшно дикое выраженіе. Ужасъ, который онъ почувствовалъ при такомъ подозрѣніи, былъ поразителенъ.» (Correspondance, I, 148).

[1]) Мирабо, Робеспіеръ, Дантонъ.

Digitized by Google

положеніе; мутный сѣрый цвѣтъ, которымъ болѣзнь покрыла это лице, еще болѣе уничтожаетъ смѣлость или дерзость, казавшуюся въ немъ прежде; въ самыхъ глазахъ трудно прочесть что-нибудь опредѣленное,—воспаленіе, доставшееся ему почти единственнымъ фамильнымъ наслѣдствомъ—раздуло ихъ и налило кровью: а опавшія щеки и высокій морщинистый лобъ, на который нависли длинныя, черныя кудри, говорятъ о безсонныхъ ночахъ, подѣленныхъ между общественными тревогами и обдумываніемъ своей роли въ нихъ, и между томленіемъ и этихъ тревогъ и своихъ южныхъ страстей въ неоплатныхъ оргіяхъ.

Въ эту минуту, когда Мирабо стоялъ предъ Антуанетою, — самозванное воплощеніе непонятой революціи предъ никогда не хотѣвшею признать силы и смысла дѣйствительной революціи— въ немъ было ничего отталкивающаго для нея, они долго говорили другъ съ другомъ, и что говорили — осталось тайной, только извѣстенъ финалъ, по которому можно судить о всемъ свиданіи. Уходя, Мирабо обратился почтительно къ королевѣ съ неожиданной просьбой: «Государыня, когда ваша августѣйшая мать удостоивала кого-либо изъ своихъ подданныхъ чести ея присутствія, то никогда не отпускала его, не давъ поцѣловать своей руки». Королева протянула свою руку, и Мирабо, наклонившись и поцѣловавъ ее, поднялъ гордо голову и самоувѣренно воскликнулъ: «Государыня, монархія спасена»! А Марія-Антуанета писала одному изъ своихъ довѣренныхъ въ Германію, что дворъ пользуется услугами Мирабо, но что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего серьезнаго, и потому не разъ повторяла: «Я все же убѣждена, что погибну только послѣ него». Въ этихъ послѣднихъ словахъ, если и была тѣнь личнаго довѣрія къ искренности Мирабо, то во всякомъ случаѣ въ концѣ концовъ оставалась мысль и о погибели.

Оставляя въ сторонѣ всю наивность, всю увѣренность Мирабо въ свои силы «спасти монархію,» какъ будто отъ одного человѣка могъ зависѣть весь ходъ событій, мы напомнимъ о всемъ дальнѣйшемъ поведеніи Мирабо и о тѣхъ средствахъ его, которыя должны были вести къ спасенію монархіи.

Вступая въ окончательный союзъ съ дворомъ, Мирабо не хотѣлъ, не считалъ нужнымъ жечь свои корабли,—свою популярность, свою роль грознаго оратора свободы. Борьба между противорѣчіями его инстинктовъ и его политическихъ отношеній продолжала совершаться и вѣроятно была мучительна для него самого. Мирабо чувствовалъ въ себѣ ораторскую силу [1]); три-

[1]) Ce penchant pour les effets éloquents était le funeste ennemi que j'avais sans

Digitized by Google

буна возбуждала его творчество; присутствіе толпы волновало его страстную натуру, раздражавшуюся при всякомъ противорѣчіи, шло ли оно съ правой или съ лѣвой стороны въ собраніи. Его нетерпѣливой раздражительностью, связанною съ рѣдко покидавшей его увѣренностью, если не въ силу свою, то въ свое впечатлѣніе, производимое имъ—вызывалось не одно восклицаніе, подобное знаменитому: «Молчать, тридцать голосовъ!» (Silence aux trente vois). Это восклицаніе было обращено къ лѣвой, крайней сторонѣ собранія, съ намѣреніемъ изобличить ея численную ничтожность. Но ничуть не менѣе, а гораздо болѣе рѣзко и сурово обращался Мирабо къ правой сторонѣ, и это было вполнѣ понятно. Правая сторона заключала въ себѣ рьяныхъ роялистовъ, которые, бывъ, по извѣстной поговоркѣ, plus royalistes que le roi,—только портили и въ конецъ губили дѣло спасенія монархіи, составлявшее предметъ всѣхъ усилій и помысловъ Мирабо.

Одинъ изъ наиболѣе памятныхъ и видныхъ случаевъ такого отношенія Мирабо къ правой сторонѣ, происходилъ въ октябрѣ 1790, по поводу трехцвѣтнаго національнаго знамени—при разборѣ въ собраніи возмущенія моряковъ въ Брестѣ.—Правая сторона, въ лицѣ Казалеса и другихъ, требовала сохраненія во флотѣ бѣлаго знамени, «ибо съ нимъ связаны славнѣйшія воспоминанія». Мирабо молчалъ нѣсколько дней; даже К. Демуленъ помѣтилъ это въ своемъ журналѣ (les Révolutions de France et de Brabant) и острилъ на Мирабо свое ѣдкое перо: «Гдѣ же ты былъ въ это время, Мирабо»? Поднялся наконецъ съ своего мѣста Мирабо—и разразился грозными укоризнами ультра-роялистамъ: «Здѣсь смѣютъ говорить вамъ самимъ, предъ лицомъ народа, который васъ слышитъ, что существуютъ древніе предразсудки, которые надо почитать; какъ будто ваша и народная слава не заключается именно въ уничтоженіи тѣхъ предразсудковъ!.. Однимъ словомъ, предъ вами смѣютъ холодно и спокойно говорить рѣчи, которыя, обстоятельно разобранныя, означаютъ: мы считаемъ себя достаточно сильными, чтобъ воздвигнуть бѣлый цвѣтъ, т. е. *цвѣтъ контръ-революціи*, на мѣсто ненавистныхъ цвѣтовъ свободы. Это замѣчаніе, конечно, любопытно, но его результатъ не страшенъ. Конечно, они слишкомъ много вообразили! Вѣрьте мнѣ, не убаюкивайтесь столь опасной надеждой, потому что пробужденіе было бы быстро и ужасно!»

Можно себѣ представить, какое грустное впечатлѣніе произ-

---

cesse à combattre en lui. Il ne pouvait se détacher des engagements qu'il avait pris en public au nom de cette liberté séduisante et illusoire qui lui avait fourni de si beaux mouvements oratoires. (Correspondance I, 208).

Digitized by Google

вела эта демократическая выходка Мирабо при дворѣ. Люди, хотѣвшіе разсчитывать на помощь Мирабо, снова терялись въ недоумѣніяхъ и боязни, — что̀ означаетъ его поведеніе, и не хочетъ ли онъ играть ими вмѣсто того, чтобъ предоставить имъ играть собою? — Даже вѣрный адвокатъ бурнаго союзника, Ламаркъ явился къ своему другу съ упреками, и между ними произошло очень непріятное объясненіе. Мирабо на этотъ разъ упорно защищалъ свой поступокъ и горячился не на шутку, и это тѣмъ болѣе было серьезно, что обыкновенно въ своихъ сношеніяхъ съ Ламаркомъ онъ былъ очень мягокъ. «Во многихъ обстоятельствахъ — вспоминаетъ самъ Ламаркъ — когда я былъ раздраженъ его революціоннымъ языкомъ на трибунѣ, я горячился и нападалъ на него очень рѣзко. И у него тогда лились слезы, какъ у ребенка и онъ безъ всякаго униженія высказывалъ свое раскаяніе съ такой искренностью, что нельзя было бы не вѣрить [1])». Въ этотъ же разъ личное объясненіе, вѣроятно, порвалось на крупныхъ словахъ, потому что Мирабо счелъ нужнымъ продолжать объясненіе письменно (22 октября 1790 г.), и этому мы обязаны сохраненіемъ одной изъ самыхъ интересныхъ страницъ для сужденія о нашемъ героѣ.

Письмо начиналось съ упрека въ томъ, что Ламаркъ судилъ о своемъ другѣ по отзывамъ и навѣтамъ другихъ. «Дорогой графъ! Я заслужилъ отъ васъ, чтобъ вы меня судили только по своему собственному мнѣнію. Вчера, я вовсе не былъ демагогомъ, напротивъ того, я былъ великимъ гражданиномъ и можетъ быть искуснымъ ораторомъ. Какъ! эти пошлые наглецы (ces stupides coquins), опьяненные совершенно случайнымъ успѣхомъ, предлагаютъ вамъ не болѣе не менѣе какъ контръ-революцію, и они воображаютъ, что я не буду громить ихъ! По правдѣ, мой другъ, я вовсе не имѣю охоты отдать кому то ни было мою честь, и двору — мою голову... Я честный гражданинъ, который прежде всего любитъ славу, честь и свободу; господа, тянущіе насъ назадъ всегда встрѣтятъ меня готовымъ бичевать ихъ. Вчера я могъ сдѣлать, чтобъ они были избиты на смерть; и если они будутъ продолжать идти по той же дорогѣ, то заставятъ меня желать того, хотя бы то было для спасенія небольшого числа честныхъ людей изъ нихъ. Однимъ словомъ, я человѣкъ, стоящій за возстановленіе порядка, но не за возстановленіе стараго порядка.

---

[1]) Correspondance I, 108. «Нужно—прибавляетъ Ламаркъ — было состоять съ подобнымъ человѣкомъ въ столь частыхъ и интимныхъ отношеніяхъ, каковы были наши, чтобъ узнать все, что мысль заключаетъ въ себѣ наиболѣе возвышеннаго и сердце наиболѣе привлекательнаго.»

Digitized by Google

У васъ есть легкій способъ выйти изъ затруднительнаго положенія (о которомъ вы мнѣ говорили и которое я не вполнѣ понимаю, — это показать мое письмо [1]). Vale et me ame».

Ламаркъ дѣйствительно показалъ это письмо архіепископу тулузскому и тотъ возвратилъ обратно, выражая весь свой ужасъ при чтеніи его, говоря о смѣлости, которою надо обладать для продолженія отношеній съ подобнымъ фантастомъ и демагогомъ! Всему этому случаю придана была такая важность, что даже королева, которая намѣревалась еще разъ свидѣться съ Мирабо, рѣшительно отказалась отъ своего намѣренія, не смотря на желаніе Мирабо. А Мирабо, не желая разрыва, возвращался къ болѣе умѣренному тону, увѣрялъ короля, что всѣ его дѣйствія и слова клонятся только къ поддержанію и защитѣ монархической власти, и потомъ снова колебалъ довѣріе и согласіе, бросаясь въ бурный бой съ своими закоснѣлыми врагами правой стороны, дразнившими его и не понимавшими или не хотѣвшими признать его роли.

— Какъ же мы можемъ вѣрить такому человѣку и его дѣйствіямъ? восклицалъ въ ужасѣ архіепископъ тулузскій.

— Нужно умѣть лавировать въ бурѣ, когда нѣтъ достатка въ силахъ и когда силу приходится замѣнять ловкостью, это одно изъ моихъ главныхъ положеній, основанныхъ единственно на наблюденіи человѣческихъ вещей, потому что иначе оно совершенно и до конца противно и моему характеру и моей природѣ. — Такъ объяснялъ двору свою борьбу Мирабо, невольно сознаваясь въ трудности и неблаговидности своего положенія.— «И другое мое мнѣніе—продолжаетъ онъ — для того, чтобъ добыть право вступить съ успѣхомъ въ споръ, въ видахъ защиты *истинныхъ интересовъ* трона, — я долженъ предварительно приготовить народъ слушать мой голосъ безъ недовѣрія; я долженъ отдалить отъ моей личности всякое сомнѣніе, я долженъ считаться между вѣрнѣйшими друзьями народа, и съ этой точки зрѣнія моя популярность должна представляться двору не предметомъ страха, а наоборотъ, одною изъ его вѣрнѣйшихъ поддержекъ.»

Увѣреніе это двора въ своемъ исключительномъ стремленіи служить ему, Мирабо представлялъ по случаю новой бури, разразившейся въ собраніи 13-го ноября 1790 года. Ультра-роялистъ и феодалъ, герцогъ Кастри вызвалъ на дуэль одного изъ братьевъ Ламетовъ, и ранилъ Ламета. Толпа хотѣла отмстить

---

[1]) Затрудненіе Ламарка заключалось въ его неловкомъ положеніи предъ озлобленнымъ дворомъ, гдѣ онъ являлся главнымъ посредникомъ и другомъ Мирабо.

Digitized by Google

ему за своего любимца и разнести его дворецъ. Правая сторона тотчасъ же подняла дѣло въ національномъ собраніи, и среди разгара спора столкнулись между собой Мирабо и оставленный нами немного въ сторонѣ Малуэ. Разсказъ о происшедшемъ столкновеніи передаетъ самъ Малуэ во II-мъ томѣ вышедшихъ мемуаровъ. Въ то время, какъ поступокъ народа, хотѣвшаго выразить свое негодованіе противъ ультра-роялистовъ за ихъ юнкерское разрѣшеніе спора съ либеральными представителями, — въ то время, какъ этотъ поступокъ находилъ себѣ одобряющихъ защитниковъ, — Малуэ, въ качествѣ представителя умѣренныхъ конституціонистовъ, бросился къ трибунѣ, чтобъ требовать кары виновниковъ непристойной расправы; на трибунѣ онъ столкнулся съ Мирабо.—«Я вошелъ на трибуну, чтобъ говорить въ томъ же духѣ какъ вы—(обратился Мирабо къ Малуэ); я—въ негодованіи; вамъ не безъизвѣстно, что я пользуюсь большей благосклонностію собранія, чѣмъ вы, уступите мнѣ ваше право». Малуэ уступилъ ему слово только по обѣщаніи Мирабо «потребовать справедливости противъ бунтовщиковъ».—На-бѣду Малуэ, его пріятели оказали ему медвѣжью услугу: видя, что онъ оживленно говоритъ съ Мирабо, они рѣшились защищать своего представителя и съ ихъ скамей поднялся ревъ и крики: «Долой! долой злодѣя!» (à bas le scélérat). Мирабо вспыхнулъ при такой брани, и забывъ свое обѣщаніе, обратилъ всю ярость свою на правую сторону, обвиняя ее самоё въ возмущеніи, едва упоминая о нападеніи на домъ Кастри и требуя очереднаго порядка (ordre du jour), что̀ и было декретировано. «Я оставался,—говоритъ Малуэ,—на трибунѣ, когда Мирабо кончилъ, я сказалъ ему: то, что̀ вы сдѣлали — отвратительно; вы не сдержали своего слова»!—«Вы правы, отвѣчалъ онъ мнѣ, мнѣ очень совѣстно, но обвиняйте въ томъ вашихъ господъ: вы слышали ихъ!»

Разсказывая про эту сцену, Малуэ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, выставляющее предъ нами на видъ двойственную роль Мирабо, сообразно съ указанной выше цѣлью его — пріобрѣсти довѣріе народа, но только для успѣшнаго служенія королю. Правая сторона, среди своей разъяренности и воплей, лѣвая въ нетерпѣливомъ ожиданіи исхода спора,—не замѣтили, какъ Мирабо, защищая народъ, провозглашалъ свою монархическую преданность [1]). «Какимъ образомъ — гремѣлъ Мирабо, — какимъ образомъ народъ будетъ повиноваться закону, когда его законо-

[1]) Самъ Мирабо, въ тайныхъ объясненіяхъ, обращалъ вниманіе и ставилъ себѣ въ заслугу свои двуличныя рѣчи: Il faisait valoir.... ses différentes déclarations royalistes dont il avait parsemé ses philippiques. *Malouet*, т. II, стр. 12.

Digitized by Google

датели безпрестанно попираютъ ногами основныя правила общественнаго порядка? Знаете-ли вы, что народъ отвѣчалъ сегодня одному изъ командующихъ военной силой, когда тотъ предъ домомъ герцога Кастри, говорилъ объ уваженіи къ закону? Слушайте же отвѣтъ народа, во всей его энергической простотѣ: «Почему — говорилъ онъ — сами депутаты не уважаютъ законъ»? Говорите же, что могъ бы возразить наиболѣе разъяренный изъ васъ? Если вы припоминаете все что виновно, взвѣсьте и все то, что извиняетъ. Знаете ли вы, что этотъ народъ въ своемъ гнѣвѣ на человѣка, на котораго онъ смотритъ какъ на врага одного изъ своихъ полезнѣйшихъ друзей, знаете ли вы, что среди разрушенія (никто не можетъ сказать — среди *разграбленія* вещей этого осужденнаго дома), народъ религіозно остановился предъ ликомъ монарха? что портретъ главы націи, верховнаго исполнителя закона, былъ, въ тѣ минуты великодушнаго негодованія, предметомъ народнаго благоговѣнія и неусыпныхъ заботъ?»....

IV.

Скоро, однако, и самъ Малуэ убѣдился, что Мирабо готовъ стоять за королевскую прерогативу, и это повело къ новому сближенію между ними, и на этотъ разъ, при посредствѣ министра, — Монморена. Дѣло шло снова о попыткѣ вывести изъ затрудненія и спасти монархію и династію. Насколько считалось, извѣстной партіею людей, важною новая попытка, видно изъ словъ Малуэ, съ которыми онъ приступаетъ къ разсказу о ней [1]). «Я далъ теперь отчетъ въ послѣдней, важной попыткѣ, сдѣланной, чтобъ помѣшать совершенному разрушенію монархіи. Самый злой ея врагъ, повидимому, — человѣкъ, имя котораго смѣшано со всѣми крайностями, со всѣми факціями, и который не есть ни наиболѣе виновный, ни чистый человѣкъ революціи, Мирабо, силою таланта и интригъ, сталъ ея героемъ».

Въ засѣданіи собранія 11 февраля 1791 г. Малуэ подали записку отъ Мирабо: «Я уже давно держусь вашего образа мыслей, болѣе нежели вы думаете; я хочу наконецъ доказать вамъ это. Есть ли у васъ какое-нибудь возраженіе противъ совѣщанія, которое я предлагаю вамъ у одного изъ вашихъ друзей, г. Монморена, завтра въ 10 часовъ вечера»? Малуэ отвѣтилъ согласіемъ и въ тотъ же день, наканунѣ свиданія, поспѣшилъ справиться у Монморена о свойствѣ и серьезности новыхъ от-

[1]) II-й томъ, глава XV,—*Смерть Мирабо.*

Digitized by Google

ношеній. Министръ вручилъ Малуэ одну длинную записку (меморіумъ) Мирабо, которая, извѣстная королю и вполнѣ одобренная имъ — представляла цѣлый планъ, предложенный Мирабо, для спасенія монархіи.

Малуэ былъ пораженъ, прежде всего, строгостью, съ которой Мирабо судилъ всѣ партіи, «кромѣ *нашей*, обвинявшейся только въ неумѣлости». Онъ ярко начертилъ всѣ противорѣчія и безсмыслія, творившіяся, по его мнѣнію, всѣми сторонами, и не щадилъ въ своей критикѣ ни двора, ни духовенства, ни дворянства, ни партіи, считавшейся народною; всюду онъ видѣлъ глупость, тщеславіе и невѣжество, непониманіе обстоятельствъ рѣшительно всѣми классами націи и всѣми ея представителями. И рядомъ съ этимъ, объясняя свое значеніе и свою роль, онъ напоминалъ о своей готовности, съ самаго начала, сблизиться съ дворомъ (свиданіе съ Неккеромъ), указывая на свои частыя роялистскія заявленія съ трибуны, на необходимость личной защиты отъ нападковъ недобросовѣстныхъ враговъ, и наконецъ выставлялъ еще «то побужденіе своего поведенія, которое честность осуждаетъ, но которымъ не всегда гнушались политики всѣхъ временъ [1])»: оно заключалось въ томъ, чтобъ вызвать окончательное всеобщее разстройство и безпорядокъ для того, чтобъ заставить всѣхъ желать *возвращенія порядка*, и чрезъ то уничтожить все созданное въ революціонномъ смыслѣ. Затѣмъ, планъ его состоялъ въ слѣдующемъ: распущеніе конституанты, по требованію департаментовъ; выборъ депутатовъ между людьми наиболѣе благоразумными въ столицѣ и провинціи; новое созданіе конституціи, широкая, полная исполнительная власть въ рукахъ короля, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго должны находиться департаменты, муниципалитеты и національныя гвардіи; королю же возвращается абсолютное *veto* (наложеніе запрета на рѣшенія собранія) и право отсрочки и распущенія штатовъ; затѣмъ слѣдовала отвѣтственность министровъ и исключительное допущеніе въ національное собраніе собственниковъ, безъ возмездія. Благодѣянія, которыя сулились подобными измѣненіями, выражались въ немногихъ словахъ: изъ имущества духовенства бралась третья часть для покрытія національнаго долга; всему обществу обѣщалось уничтоженіе произвольныхъ арестовъ (lettres de cachet), а народу — уничтоженіе обременительныхъ привилегій! И все это въ то время, когда даже самая крѣпость, хоронившая въ себѣ произвольно заключенныхъ — Бастилія, была давно разрушена народомъ, и когда феодальныя привилегіи и имущество духовен-

[1]) Слова Малуэ.

Digitized by Google

ства давно уже были обречены національнымъ собраніемъ на конфискацію и уничтоженіе.

Мѣры для исполненія подобнаго плана предлагались, по свидѣтельству Малуэ, очень незамысловатыя. Все было основано на выборѣ 5 — 6-ти лицъ, преданныхъ интересамъ монархіи, и пользующихся полнымъ довѣріемъ короля; а уже эти шесть лицъ должны были назначать повсюду, во всѣ департаменты, округи и кантоны, ловкихъ коммиссаровъ, «составлявшихъ главный рычагъ машины», и долженствовавшихъ дѣйствовать по самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ инструкціямъ. Имѣлось въ виду составленіе списка всѣхъ разумныхъ и просвѣщенныхъ лицъ во всѣхъ департаментахъ; учрежденіе во всѣхъ департаментахъ «коммиссій безопасности», которыя были бы составлены изъ людей способныхъ печатать записки о положеніи дѣлъ, объ ошибкахъ собранія, о средствахъ къ поправленію всего. И наконецъ полагалось, во что бы то ни стало и какой бы цѣны ни стоило, измѣнить постепенно, чтобъ не было сразу замѣтно, духъ и тонъ двухъ-трехъ журналовъ, наиболѣе пользовавшихся общимъ довѣріемъ и вниманіемъ. Поводомъ и началомъ для выполненія всего плана переворота должно было послужить предложеніе Мирабо въ собраніи объ изслѣдованіи общаго состоянія націи, о всѣхъ безпорядкахъ и общемъ разстройствѣ, и о приведеніи въ порядокъ и исполненіе всѣхъ конституціонныхъ декретовъ, не подверженныхъ пересмотру. Отсюда Мирабо надѣялся перейти къ требованію всеобщаго, полнаго пересмотра всѣхъ декретовъ и всѣхъ дѣйствій собранія, а это, въ свою очередь, при тайномъ предварительномъ сговорѣ депутатовъ, на которыхъ можно было положиться, должно было повести къ окончательному распущенію конституанты, вслѣдствіе обнаруженія ея дѣйствій въ невыгодномъ свѣтѣ и вызваннаго негодованія на нее.

Таково было содержаніе записки, переданной министромъ г. Малуэ; и любопытно то, что Малуэ прямо называетъ проектъ Мирабо—*проектомъ контръ-революціи*, и при этомъ вполнѣ искренно признается, что «эта записка ему очень понравилась, не превзойдя однако его ожиданія»; а между тѣмъ Мирабо никогда не хотѣлъ сознаться, что его дѣйствія имѣютъ цѣлью контръ-революцію, и на его языкѣ цѣль его обозначалась «союзомъ революціи или свободы съ роялизмомъ».

Слова и выраженія получаютъ здѣсь большое значеніе. Не было ничего естественнѣе, какъ желаніе дворомъ контръ-революціи; но выставлять своей цѣлью союзъ свободы и роялизма и потомъ ошибиться въ ея достиженіи,—было со стороны Мирабо опрометчивой и плохой услугой роялизму; если такова была дѣй-

Digitized by Google

ствительная его цѣль, и если она не удалась при томъ умѣ, который за нимъ всѣ признавали, при его талантахъ, энергіи и смѣлости — значитъ самая цѣль была невозможною, — и должны были пасть всѣ надежды на мирное существованіе свободы рядомъ съ феодальнымъ роялизмомъ, и взаимное отношеніе между двумя системами — между старою и новою, могло выражаться, къ общему страху и печали, только въ непримиримой враждѣ и ожесточенной борьбѣ, — борьбѣ за существованіе того или другого начала. Дальнѣйшія событія показали, что если борьба была тяжела и опасна для тѣхъ началъ, въ которыхъ искала себѣ выраженія свобода, то съ другой стороны, борьба была въ конецъ гибельна для феодально-абсолютистскаго порядка. Въ такой постановкѣ вопроса, полнаго тяжелыхъ послѣдствій для роялизма, Мирабо былъ тѣмъ болѣе неосторожень и виноватъ, что въ сущности онъ не могъ не сознавать истиннаго положенія дѣлъ, и только самообольщеніе и упрямство заставляли его настаивать на различіи своихъ плановъ отъ общихъ плановъ контръ-революціи, о которыхъ мечтали люди, какъ Малуэ и ему подобные.

Если бы планъ Мирабо, изображенный по разсказу Малуэ, не былъ достаточенъ для высказаннаго здѣсь обвиненія Мирабо, то другая записка Мирабо, не находящаяся у Малуэ и не включающая въ себѣ того, что̀ приведено у Малуэ—вполнѣ свидѣтельствуетъ, что Мирабо шелъ къ полной и совершенной *контрэ-революціи*. Мы говоримъ о 47-й запискѣ, помѣщенной въ изданіи корреспонденціи Мирабо съ Ламаркомъ и помѣченной 23 декабря 1790 [1]). Здѣсь Мирабо прямо предлагаетъ двору устройство цѣлаго тайнаго заговора противъ національнаго представительства и противъ всей французской націи. Все представительство, вся нація должна быть оплетена желѣзными сѣтями заговора, который будетъ дѣйствовать въ видахъ двора, при помощи нѣсколькихъ, такъ сказать, заготовительныхъ мастерскихъ (ateliers)! Фантасмагорія, конспираціонная утопія Мирабо, осѣненная покровительствомъ и иниціативою династическихъ представителей роялизма — создастъ своеобразную мастерскую полиціи, мастерскую корреспонденціи, мастерскую прессы; эти мастерскія будутъ имѣть всюду свои тайныя вѣтви, всюду будутъ ихъ эмиссары подъ скромнымъ именемъ «путешественниковъ», всюду будутъ тѣ эмиссары вносить раздоръ и разладъ, отовсюду будутъ они слать свои соображенія въ центральныя мастерскія для того, чтобъ тамъ распорядились какимъ образомъ, при помощи какой мастерской, — при по-

[1]) Aperçu de la situation de la France et des moyens de concilier la liberté publique avec l'autorité royale.

Digitized by Google

мощи ли мастерской полиціи, т. е. шпіоновъ и агентовъ, при помощи ли мастерской прессы, т. е. подкупленной журналистики и продажныхъ составителей книжекъ, или же наконецъ при помощи мастерской корреспонденціи, т. е. тайной переписки — должно вліять заговорное общество на тѣ или другіе элементы для возбужденія общаго недовольства, общаго разстройства, которое выразилось бы ничѣмъ инымъ, какъ гражданской войной.

Вотъ какими средствами думалъ Мирабо спасать монархію! Чрезъ 80 лѣтъ послѣ происшедшихъ событій, читая подобное сказаніе, не знаешь чему удивляться: жалкой наивности или дерзкой смѣлости автора подобнаго изображенія, грубой несостоятельности или преступному вѣроломству? Могъ ли Мирабо не сознавать, какъ безпощадно оскорблялись имъ обѣ враждебныя стороны? онъ не задумывался ввергнуть всю страну въ кровопролитный хаосъ, связанный съ потерею всякой надежды на возможность лучшаго быта, съ утратою даже уже добытыхъ ею правъ и гарантій отъ произвола; и въ тоже время, идя на такое покушеніе на цѣлую страну, во имя провозглашаемаго имъ спасенія монархіи, т. е. точнѣе феодальнаго, средневѣкового роялизма, онъ произносилъ самый страшный смертный приговоръ этой монархіи. Признавая неизбѣжность, необходимость дѣйствовать тайнымъ путемъ и заговорными средствами, онъ тѣмъ самымъ признавалъ полнѣйшую несостоятельность, немощь бурбонской монархіи, приглашалъ ее подать въ отставку, отказаться отъ своихъ офиціальныхъ мѣръ и пріемовъ и прибѣгнуть къ заговору противъ того общества, огражденіе котораго составляло сущность и причинность самаго существованія роялизма.

Не меньшая несостоятельность оказывалась и съ другой точки зрѣнія. Еслибъ предположить, что Мирабо искренно не желалъ контръ-революціи и предлагалъ ее, самъ не понимая того, что̀ предлагаетъ, и желалъ все же примиренія двухъ враждебныхъ лагерей въ *конституціонализмъ*,—то и тогда поведеніе Мирабо представляется неосновательнымъ. Мирабо могъ быть правъ, считая въ тотъ моментъ, что своевременное принятіе конституціонализма могло бы еще надолго отдалить паденіе бурбонской монархіи и, во всякомъ случаѣ, значительно уменьшить кровавую обстановку переворота и спасти отъ гибели династію; но и тогда врядъ ли онъ могъ бы вѣрить въ искреннюю готовность двора принять конституціонализмъ. При дворѣ не понимали конституціонализма, да и не хотѣли понимать, и большей частью относились къ нему враждебно и боязливо. Даже вѣрный другъ Мирабо, Ламаркъ, отзывался о конституціонныхъ стремленіяхъ Мирабо, какъ о невозможной мечтѣ:—«Этотъ человѣкъ, не смотря

Digitized by Google

на свои монархическія чувства, и даже аристократическія, повидимому, не предвидѣлъ, что его теорія, осуществленная въ дѣйствительности, неминуемо потопила бы тронъ въ разливѣ демократіи». Тотъ же Ламаркъ характеризуетъ состояніе короля въ нѣсколькихъ словахъ: — «Король лишенъ всякой энергіи. Г. Монморенъ сказалъ мнѣ надняхъ съ грустью, что когда онъ говоритъ королю про его дѣла и его положеніе, то онъ имѣетъ видъ, какъ будто бы ему говорили о дѣлахъ, касающихся китайской имперіи». Точно также и самъ Малуэ разсказываетъ о беззаботности короля еще при началѣ революціонной бури; и отъ такой-то беззаботности, связанной съ нѣкоторыми привычками, зависѣла, можетъ быть, судьба монархіи или, во всякомъ случаѣ, династіи. Случай, о которомъ передаетъ Малуэ, относится къ августу 89-го года. Малуэ, вмѣстѣ съ другими единомышленниками, въ согласіи съ Монморономъ и Неккеромъ, пришли къ мысли о необходимости перенесенія собранія куда-нибудь подальше отъ Парижа; они надѣялись, что король согласится на ихъ предложеніе, и тогда всѣ избавятся отъ ужасающей возможности такихъ сценъ, которыя дѣйствительно произошли немного позже, въ октябрѣ. Медлить въ рѣшеніи нельзя было ни одного дня; въ то время событія шли быстро, и круто мѣняли общее положеніе дѣлъ. Въ назначенный день совѣта министровъ дѣло должно было быть доложено, но король возвратился съ охоты очень усталый и отложилъ совѣтъ до другого дня. Министры, однако, успѣли добиться отъ короля аудіенціи и возвратились отъ него съ вытянутыми лицами. Король изволилъ спать во все время совѣщанія, потомъ открылъ глаза, произнесъ роковое «*нѣтъ*», что̀ означало нежеланіе оставить Версаль, и этимъ кончились всѣ великіе планы!

Вотъ при какихъ условіяхъ думалъ вести дѣло Мирабо; мы можемъ прибавить къ этому только, что судя по нѣкоторымъ письмамъ и разнымъ рѣчамъ Мирабо, можно заключить, что онъ не всегда увлекался, что онъ не разъ сознавалъ всю немощь, всю недоброжелательность и неискренность той обстановки, въ которой обрекалъ себя дѣйствовать, — и подобное сознаніе, конечно, приводило его въ трагическое состояніе, полное обиднаго негодованія и накипѣвшей желчи. Со времени бывшаго свиданія Мирабо съ королевой, они почти помѣнялись ролями, и если королева стала часто забывать объ опасности, то Мирабо началъ чаще понимать возможность гибели, и потому-то, между прочимъ, прибѣгалъ къ своимъ легкомысленнымъ проектамъ, ища всюду исхода. Другіе его сподвижники въ спасеніи монархіи были большими оптимистами; Мирабо же оста-

Digitized by Google

вался оптимистомъ только по отношенію къ своей личной силѣ; здѣсь имъ овладѣло полное самообольщеніе; себя и себя одного онъ считалъ всесильнымъ еще для всякаго поворота и переворота, и этимъ тоже объясняется та дерзкая увѣренность въ успѣшности своего предпріятія, которую мы видимъ въ его проектахъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ Мирабо обольщеніе его личностью дѣлили всѣ его сподвижники, всѣ умѣренные либералы, стремившіеся прежде къ свободѣ, а потомъ, устрашенные ея бурными проявленіями, сосредоточившіеся на спасеніи бурбонской монархіи. Подтвержденіе тому мы наглядно увидимъ, возвращаясь къ разсказу Малуэ о происходившемъ свиданіи у Монморена. Оно продолжалось съ 10-ти часовъ вечера до 2-хъ утра. Мирабо былъ взволнованъ и измученъ; смертельная болѣзнь очевидно ломила его организмъ; воспаленные глаза горѣли кровью. «Онъ былъ страшенъ, но никогда еще не видалъ я его съ большей энергіей и никогда не слышалъ его болѣе краснорѣчивымъ».

— Теперь нѣтъ времени — говорилъ онъ Малуэ — соображать неудобства. Если вы не удовлетворены тѣмъ, что я предлагаю, дѣлайте лучше, но дѣлайте скорѣе; потому что мы не можемъ существовать долго. Въ ожиданіи, мы погибнемъ отъ истощенія или отъ насильственной смерти. Чѣмъ болѣе вы настаиваете на злѣ, которое существуетъ, тѣмъ настоятельнѣе потребно исправленіе. Оспариваете ли вы мои средства? Назовите тогда того, который, съ такой же волей какъ я, находится въ лучшемъ положеніи для дѣйствованія. *Вся здоровая часть народа и даже часть сволочи* (une portion de la canaille) *со мною.* Пусть меня подозрѣваютъ, пусть обвиняютъ меня въ продажности двору; что мнѣ за дѣло! Никто не повѣритъ, чтобъ я продалъ двору свободу моей страны, что я готовлю своей странѣ оковы! Я скажу имъ, да, я скажу: Вы видѣли меня въ вашихъ рядахъ, ратующимъ противъ тираніи, и противъ нея сражаюсь я и теперь; но что касается законной власти, конституціонной монархіи, опекательной власти монархіи — я всегда сохранилъ за собой право и обязанность защищать ихъ. Помните, что я только одинъ изъ всей этой патріотической шайки могу говорить такимъ образомъ, не представляя измѣны. Я никогда не принималъ на себя ни ихъ романа, ни ихъ метафизики, ни ихъ безполезныхъ преступленій».

Малуэ признается, что голосъ Мирабо, гремѣвшій какъ на трибунѣ, оживленные жесты, обиліе и вѣрность мыслей электрически подѣйствовали на него самого и унесли всѣ его сомнѣнія и предубѣжденія. «Да, воскликнулъ Малуэ, вы сами поправляете лучше, чѣмъ кто бы то ни было, зло, которое вы причинили.» —

Digitized by Google

Мирабо поднялъ въ волненіи голову и отрицательно покачалъ ее. «Нѣтъ, произнесъ онъ, нѣтъ, я не сдѣлалъ своевольно зла; я подвергся игу обстоятельствъ, въ которыхъ я очутился не по моей волѣ. Великое зло, которое совершено, принадлежитъ всѣмъ, кромѣ преступленій, принадлежащихъ нѣкоторымъ»...

На этомъ свиданіе должно было порваться. «Нашъ интересный разговоръ продолжился бы до утра, еслибы мы не видѣли, что Мирабо истощенъ отъ усталости; онъ весь былъ покрытъ потомъ, лихорадка мучила его, и онъ не могъ болѣе говорить... Мы разстались съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, и слѣдующее совѣщаніе было отложено на недѣлю, потому что Мирабо нуждался, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ дняхъ отдыха: онъ настолько нуждался, что на другой же день слегъ въ постель, и уже болѣе не могъ оправиться»....

V.

Свиданіе происходило въ половинѣ февраля; а черезъ полтора мѣсяца послѣ того Мирабо не стало. Но прежде, чѣмъ сойти съ бурной сцены, на которой онъ до конца оставался главнымъ актеромъ и въ тайной и въ явной своей роли, онъ долженъ былъ испытать еще страшное пораженіе. Въ тотъ моментъ власть, сила и вліяніе выпали не только изъ рукъ двора, они ускользали и изъ рукъ національнаго собранія. Страшными людьми представлялись тогда якобинцы благоразумнымъ гражданамъ. «Общее зрѣлище ихъ производило страшное впечатлѣніе и иностранцы ужасались ихъ»—говоритъ Неккеръ. И секретарь Мирабо, Дюмонъ, указывая на ихъ силу, честитъ ихъ несносными и буйными крамольниками. Они не останавливались ни предъ какими крайними мѣрами, и не задумывались сбросить съ пьедестала кого бы то ни было изъ ими же возведенныхъ на него любимцевъ. Мирабо напрасно стремился сохранить относительно ихъ свою независимость; напрасно онъ выказывалъ, что не принадлежитъ къ нимъ и не хочетъ подчиняться имъ; когда дѣло доходило до порицанія его въ самомъ клубѣ, онъ былъ на лицо и покупалъ снисхожденіе ихъ краснорѣчивымъ высказываніемъ своей привязанности къ клубу: «Я останусь между вами, пока вы не изгоните меня остракизмомъ».

Нечего и говорить, какъ трудно было Мирабо и какъ не ловко было ему улаживать дѣла съ дворомъ вслѣдствіе сношеній съ якобинцами. Дворъ былъ назойливъ и требователенъ, и Мирабо не разъ стоило многихъ усилій увѣрить придворную подо-

Digitized by Google

зрительность въ необходимости связей съ клубомъ. Но уже въ ноябрѣ 90 г., мѣсто Мирабо въ клубѣ пошатнулось, въ тотъ самый моментъ, когда онъ былъ его президентомъ. Твердымъ, медленнымъ шагомъ шелъ на смѣщеніе его Робеспьеръ [1]), — зеленый и молчаливый, подозрительный и завистливый. Камиль-Дюмуленъ оповѣщалъ въ печати неудачу Мирабо въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ: «Мирабо не зналъ, что еслибъ идолопоклонство было дозволено народу, то только предъ добродѣтелью».

28-ое февраля 91 года—было днемъ окончательнаго пораженія Мирабо. Въ собраніи шли дебаты о законѣ объ эмиграціи. Трудная задача предстояла Мирабо; онъ несъ на себѣ непосильную, неблагодарную ношу своей популярности; въ то время, какъ другіе могли избирать благую долю и молчать, отъ Мирабо требовалось высказыванье, его слова ждали друзья для поддержки, враги — для нападенія. Мирабо высказался наконецъ за свободное право эмиграціи и противъ него поднялась цѣлая злобная буря, посыпались удручающія обвиненія, сразу способныя разрушить все его вліяніе — о подкупѣ, о служеніи двору; для его враговъ ясно было, что онъ говоритъ за эмиграціонное право, чтобъ открыть легальную дорогу придворнымъ интригамъ; — тетки короля не даромъ вздумали эмигрировать! Но Мирабо бился до конца, не уступая ни шагу, и смѣло шелъ на встрѣчу положенію. Не успѣвъ отдохнуть, измученный лихорадкою, онъ спѣшилъ изъ собранія прямо въ Якобинскій клубъ, и здѣсь, среди непроходимой толпы, онъ былъ встрѣченъ въ упоръ привѣтствіемъ Дюпорта: «Врата свободы не далеко отъ васъ!» и единственныя зловѣщія рукоплесканія предостерегали Мирабо отъ пропасти, въ которую онъ бросилъ свою славу и свое вліяніе, хотя якобинцы и не знали, что уже было слишкомъ поздно, что для Мирабо не было возврата! Но и на этотъ разъ Мирабо собралъ свои послѣднія силы и потрясъ своимъ краснорѣчіемъ суровыхъ якобинцевъ; отдѣльныя рукоплесканія раздались въ похвалу ему, и среди ихъ онъ покинулъ клубъ, — этотъ памятникъ его силы и его униженія—для того, чтобъ болѣе никогда не возвращаться. Въ этотъ послѣдній разъ, онъ не обольщался своимъ успѣхомъ, онъ не даромъ сказалъ своей сестрѣ: «Я произнесъ себѣ смертный приговоръ. Я пропалъ. Они убьютъ меня.» Не даромъ жаловался онъ даже Ламарку на свою печальную участь, на уси-

[1]) Въ то время шелъ вопросъ о національной гвардіи, и Робеспьеръ возставалъ противъ раздѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, желая признанія за всѣми одинаковаго права носить оружіе и быть въ національной гвардіи. Мирабо былъ противъ такого демократическаго начала.

Digitized by Google

леніе якобинцевъ, вслѣдствіе его отстраненія и соединенія между собой другихъ вожаковъ. И Мирабо былъ осужденъ выслушивать утѣшенія отъ Ламарка.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Здоровье Мирабо быстро уносилось тревожною, сладострастною жизнью; болѣзнь безпощадно ломила его. 27-го марта, не смотря на полное истощеніе, Мирабо счелъ нужнымъ отправиться въ собраніе, изъ побужденій дружбы къ Ламарку, для того, чтобъ защищать его интересы въ предполагавшемся новомъ законодательствѣ о рудникахъ. Въ послѣдній разъ собраніе рѣзко огласилось рѣчью Мирабо, и въ послѣдній разъ собраніе покорилось силѣ его убѣдительности и краснорѣчія. —«Ваше дѣло выиграно, сказалъ онъ Ламарку, возвратившись изъ собранія, а я умираю.» И онъ слегъ въ постель окончательно и началась страшная мучительная агонія, длившаяся нѣсколько дней. Весь Парижъ смутился, когда пронеслась вѣсть объ опасности, въ которой находится Мирабо. Цѣлыя толпы смѣнялись безъустанно у его дверей; самъ Якобинскій клубъ растрогался и послалъ къ нему торжественную депутацію съ Барнавомъ во главѣ. Мысли о революціи, о монархіи не покидали его среди мученій. «О, я еще много заботъ далъ бы Питу, еслибъ жилъ!».... «Я уношу съ собою въ гробъ трауръ о кончинѣ монархіи; послѣ моей смерти, мятежники подѣлятъ межъ собой ея останки.... Что это, крикнулъ онъ, услышавъ внезапный пушечный выстрѣлъ! развѣ уже пришло погребеніе Ахилла?.... Другъ мой, обратился онъ къ своему доктору и другу, извѣстному Кабанису, я умру теперь. Мнѣ болѣе ничего не остается дѣлать, какъ окружить себя цвѣтами, и пусть музыка проводитъ меня на сонъ, отъ котораго не просыпаются....»

Послѣднія титаническія страданія охватили изнеможенное тѣло; онъ не могъ болѣе говорить, онъ попросилъ знакомъ бумагу и карандашъ, и дрожащая рука начертила: «Спать» — то была просьба объ опіумѣ. Онъ умеръ 2-го апрѣля въ $8^1/_2$ ч. утра. Пронесся слухъ объ отравленіи его; было произведено вскрытіе тѣла, и дѣло оставлено неразъясненнымъ, хотя пріемный сынъ Мирабо утверждаетъ, что всѣ доктора нашли въ трупѣ несомнѣнные признаки яда. 3-го апрѣля, національное собраніе, по просьбѣ парижскаго департамента, декретировало, чтобъ церковь св. Женевьевы (Пантеонъ) была посвящена праху великихъ людей,-и чтобъ на ея дверяхъ была начертана надпись: «Великимъ людямъ, благодарное отечество.»

Громадная, небывалая процессія провожала Мирабо на его новое жилище, отведенное ему національнымъ представительствомъ; весь Якобинскій клубъ, все собраніе сопровождало трупъ «ве-

Digitized by Google

ликаго революціонера» до самаго Пантеона. У гроба человѣка, вызывавшаго бури въ собраніи, мирились враги, и Сійесъ протягивалъ руку Ламету. Только одинъ человѣкъ, одинъ депутатъ собранія отказался присутствовать при похоронной процессіи — будущій меръ Парижа, будущій жирондистъ *Петіонъ*, прахъ котораго былъ обреченъ не на славу Пантеона, а на съѣденіе волкамъ. Говорятъ, Петіонъ сказалъ, что читалъ планъ заговора, писанный рукою Мирабо. Еслибъ Петіонъ вздумалъ явиться на похороны и вмѣсто произнесенной похвальной рѣчи выразилъ свое сомнѣніе въ величіи и честности Мирабо, толпа народа могла бы устроить два погребенія за-разъ, т. е. разорвать Петіона на куски....

VI.

Прошло три года съ того дня. Цѣлыя рѣки крови пролились напрасно и безполезно; партіи топились въ той крови одна за другой; гильотина рубила безъ разбору и интригу и дряхлость, и силу и надежду Франціи. Погибли конституціоналисты, и сметенъ бурбонскій тронъ. Сбылось предсказаніе Мирабо: «Я совершенно увѣренъ, что она (Марія Антуанета) не сохранитъ своей жизни, если не сохранитъ своей короны!» Погибли жирондисты съ другой героиней—Маріей Роланъ; близка была наконецъ и гибель якобинцевъ; красный терроръ мечталъ о своей справедливости и неподкупности и, неудовлетворенный живыми жертвами, обратился къ мертвымъ: осенью 94-го года совершилась иная процессія отъ Пантеона, странная, суровая процессія—прахъ Мирабо былъ изгнанъ изъ Пантеона и брошенъ на кладбище, въ предмѣстьи Сенъ-Марсо. Кара, постигшая останки Мирабо, была вызвана открытіемъ подкупа, измѣною революціи, служеніемъ двору и продажнымъ заговоромъ противъ націи! Два слова въ заключеніи будутъ достаточны для того или другого сужденія о продажности. Уже въ октябрѣ 89-го г. Ламаркъ уговаривалъ Мирабо принять деньги: «Примите! Ваши враги принуждены будутъ болѣе считаться съ вами. Ваши дѣла не будутъ болѣе мѣшать вамъ мелкими затрудненіями; тогда вы весь будете тѣмъ, чѣмъ вы должны быть по своему содержанію, т. е. превосходнѣе всѣхъ другихъ.» Мирабо колебался, но черезъ двѣ недѣли послѣ увѣщанія друга, жаловался ему на смѣшную присылку Лафайета, не хватающую на уплату долга Ламарку и на необходимое перемѣщеніе.

Бо́льшихъ показаній въ «Корреспонденціи» искать напрасно; но при этомъ не лишне будетъ напомнить читателю, какъ самъ Мирабо относился къ характеру переписки: дѣло въ томъ, что

Digitized by Google

онъ придавалъ ей большое значеніе; онъ часто возвращался къ мысли о необходимости сбереженія переписки для потомства, чтобъ по ней оно могло судить о его величіи и геніальности, и о его искреннемъ служеніи дѣлу союза между свободой и роялизмомъ; и только иногда ему являлось желаніе сожженія переписки. Понятно отсюда, что Мирабо могъ оставаться въ письмахъ и запискахъ вовсе не искреннимъ и довѣрчивымъ, а политикомъ и дипломатомъ.... Другое показаніе мы находимъ у Малуэ. Онъ разсказываетъ свое объясненіе съ Монмореномъ о подкупѣ Мирабо. Въ ящичкѣ, изъ котораго Монморенъ, при свиданіи съ Малуэ, досталъ планъ Мирабо, находились его письма и вмѣстѣ съ тѣмъ вексель для Мирабо отъ короля въ два милліона, для врученія по выполненіи плана. Вексель этотъ уменьшилъ довѣріе Малуэ, и онъ сталъ распрашивать министра, самъ ли Мирабо просилъ денегъ въ награду за услугу, потому что «еслибъ въ обращеніи Мирабо на истинный путь былъ только денежный разсчетъ, то я не представлялъ себѣ возможнымъ поддержаніе его популярности. Уже и безъ того стали замѣчать его большіе расходы и роскошь, и какъ могъ бы онъ избѣгнуть подозрѣній, розысковъ и обличеній якобинцевъ?»

Монморенъ объяснилъ Малуэ, что король самъ, по собственному влеченію, послѣ прочтенія проекта, написалъ вексель въ два милліона, съ тѣмъ, чтобъ министръ сохранилъ его, пока дѣла примутъ дѣйствительно лучшій оборотъ. Король обѣщалъ въ то же время Мирабо полное довѣріе и выражалъ надежду, что онъ съумѣетъ поправить зло. Мирабо былъ очень радъ услышать о расположеніи къ нему короля; но векселя ему министръ не показалъ, а только сказалъ, что онъ можетъ надѣяться на блестящее выраженіе благодарности его величества, «и безъ всякаго разговора между мной и имъ о деньгахъ, я приказалъ доставлять ему десять тысячъ франковъ въ мѣсяцъ.» Уже изъ этого получается понятіе о человѣкѣ, которому министръ позволяетъ себѣ безъ спору посылать ежемѣсячную плату. Панегиристы Мирабо говорятъ, что подобныя деньги требовались вовсе не для его личной жизни, а для его тайныхъ дѣйствій въ видахъ спасенія монархіи. Но даже Малуэ былъ болѣе взыскателенъ и проницателенъ, и не остановился предъ лаконическимъ объясненіемъ министра, а прямо высказалъ ему подозрѣніе, что Мирабо было заплачено за проведеніе нѣкоторыхъ декретовъ, какъ напр. о правѣ войны и мира и т. п., и министръ призналъ справедливость подозрѣній, оправдывая Мирабо тѣмъ, что «то, что мы дали ему, онъ не требовалъ отъ насъ; низость и неблаговидность торга, которыя вы предполагаете, не существуютъ.»

Digitized by Google

На этомъ поясненіи мы можемъ остановиться. Роль Мирабо, не смотря на всю краткость нашего бѣглаго очерка, — довольно ясна, и каждый самъ легко можетъ вывести о ней то или другое заключеніе. Она была во всякомъ случаѣ мрачна и безполезна, если не вполнѣ вредна для обѣихъ враждовавшихъ сторонъ. Неудачная попытка Мирабо, пресѣченная смертью, повергла въ уныніе самыхъ преданныхъ слугъ монархіи; Монморенъ утратилъ всякую вѣру въ спасеніе и твердилъ, что всѣмъ предстоитъ гибель. Люди, какъ Малуэ, стали искать новыхъ спасителей и въ своей растерянности, при утратѣ всякаго спокойствія и яснаго сознанія, прибѣгали къ такимъ траги-комическимъ изобрѣтеніямъ какимъ явился вызовъ изъ Марселя стараго аббата Райналя (знаменитаго своей философской исторіей Индіи,) и исторія съ его увѣщевательнымъ посланіемъ національному собранію, чтобъ оно опомнилось и преклонилось предъ вѣковымъ старымъ порядкомъ. Страшные крики раздались въ собраніи при чтеніи посланій: «Наглость! Мщеніе!» И не менѣе страшенъ былъ призывъ Робеспьера къ успокоенію: «Я умоляю собраніе успокоиться.... Посмотрите, какъ враги свободы, не смѣя нападать на нее прямо, должны употребить хитрость. Несчастные идутъ отыскивать у порога могилы почтеннаго старца, и злоупотребляя его слабостью, заставляютъ его отречься отъ своихъ воззрѣній и отъ тѣхъ началъ, которыя создали его славу». Мы можемъ только избавить и дворъ и всю партію стараго порядка отъ такого упрека Робеспьера: отысканіе Райналя и выставленіе его на посмѣяніе принадлежатъ исключительно одному Малуэ, добросовѣстность котораго не задумывается сама признаться въ томъ.

Какимъ образомъ враги двора—конституціоналисты, и во главѣ ихъ Барнава, внезапно захотѣли, въ свою очередь, явиться спасителями бурбонской монархіи, какъ дворъ и его героиня, стойкая и отважная Марія-Антуанета, даже и въ этомъ случаѣ, не хотѣла поступиться ни однимъ изъ своихъ воззрѣній и уступить, что бы то ни было, требованіямъ времени и мольбамъ ея новыхъ, обманувшихся союзниковъ—все это относится къ другому періоду кровавой драмы, и, можетъ быть, намъ представится еще случай говорить объ этомъ особо.

И. Н.

Digitized by Google

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

ВО

ФРАНЦІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

ОКТАВЪ ФЕЛЬЕ И АЛЕКСАНДРЪ ДЮМА.

III.

Переходя отъ Сарду и Барьера къ другимъ современнымъ представителямъ драматическаго искусства во Франціи, мы, собственно, должны были бы говорить о такомъ писателѣ, какъ Октавъ Фелье, не болѣе какъ мимоходомъ, потому что онъ стоитъ особнякомъ, не отдавшись вполнѣ господствующему направленію реализма, а колеблясь между нимъ и своею первою юношескою наклонностью — романтическою школою. Когда Октавъ Фелье выступилъ на литературную сцену, романтическая школа только-что сошла съ нее. Она припиблена была внезапно, въ полномъ цвѣтѣ жизни, во всей силѣ ея молодости. Но, все же ея могила была еще свѣжа, цвѣты, брошенные на нее, не успѣли еще засохнуть, воздухъ былъ полонъ еще романтизмомъ, и его невольно вдохнулъ въ себя и Фелье. На талантъ, въ которомъ чувствительность, даже сантиментальность играетъ такую большую роль, какъ у Фелье, нѣтъ болѣе могущественнаго вліянія, какъ первыя впе-

---

*) См. выше, т. V, стр. 806—844.

Digitized by Google

чатлѣнія юности, какъ видъ той среды, въ которой проходятъ молодые годы жизни: его воображеніе невольно пропитывается всѣмъ тѣмъ, что̀ его окружаетъ, что̀ онъ видитъ и слышитъ. Вліяніе на Фелье было двойственное. Съ одной стороны, литературная атмосфера полна была фантастическими образами Жоржа Санда, Альфреда де-Мюссе; они вносили съ собою какой-то потокъ страсти, увлеченія, они не довольны были мелкими волненіями ежедневной жизни, они чувствовали необходимость возвыситься надъ нею, и всѣмъ тѣломъ и всею душею отдавались области воображенія, пламенной фантазіи, гдѣ они забывали все то, что̀ звалось ими буржуазнымъ долгомъ, буржуазною нравственностью и добродѣтелью. Въ томъ мірѣ, гдѣ они летали, страсть была идоломъ, которому приносилась въ жертву вся жизнь, она всегда была побѣдительницею, всегда торжествовала надъ всѣми своими врагами, всѣ герои были пропитаны ею и дѣйствовали только сообразно съ нею. Реальная жизнь была для нихъ только аксесуаромъ фантазіи. Авторъ «Роллы» и «Намуны» воспламенялъ воображеніе Фелье, разгорячалъ показывавшуюся въ немъ страсть, увлекалъ его красотою своихъ формъ и образовъ. Его молодость жаждала насладиться этою нѣгою забытья, ему тоже хотѣлось отдаться этимъ страстнымъ и чувственнымъ мечтаніямъ. Октавъ Фелье не могъ не втягивать въ себя струю этого горячаго воздуха, и врядъ ли онъ совсѣмъ не отдался бы фантастическому направленію, если бы рядомъ съ этимъ вліяніемъ не было другого вліянія того круга, въ которомъ онъ родился и который былъ свидѣтелемъ его первыхъ артистическихъ шаговъ. Кругъ, гдѣ выросъ и развился Фелье, принадлежалъ провинціальной буржуазіи, перемѣшанной съ деревенскимъ дворянствомъ, и съ тою полузнатью, которая спряталась въ своихъ удаленныхъ отъ центра замкахъ. Жизнь въ этомъ кругу была совершенною противоположностью тѣмъ фантастическимъ представленіямъ, которыя рисовались воображенію очень еще молодого автора; она текла мирно, спокойно, безъ всѣхъ тѣхъ волненій, порывовъ, пропастей, подвертывавшихся на каждомъ шагу героямъ романовъ Санда, и разсказовъ, маленькихъ комедій и поэмъ Альфреда де-Мюссе. Онъ видѣлъ на каждомъ шагу и слышалъ кругомъ себя слова: долгъ, обязанность, святость разъ даннаго обѣщанія, борьба не на жизнь, а на смерть противъ пагубнаго увлеченія страсти; въ его ушахъ звучала хвала тѣмъ, которые ее побѣждали, и проклятія тѣмъ, которые уступали ей. Такое двойное вліяніе, съ одной стороны фантастической литературной атмосферы и съ другой очень положительной буржуазной, не могло не отозваться на произведеніяхъ Октава Фелье,

Digitized by Google

и нигдѣ оно такъ сильно не сказывается, какъ на его первой манерѣ. Къ этой первой манерѣ относятся всѣ небольшія комедіи, всѣ тѣ небольшія вещи, которыя составляютъ его «Scènes et Proverbes», а ко второй принадлежатъ его крупныя и лучшія пьесы, какъ «Dalila» и «Montjoye». Когда на сценѣ появились его первыя маленькія, но граціозныя произведенія, публика сейчасъ увидѣла, что молодой авторъ далеко не самостоятеленъ, что въ немъ живетъ и дышетъ другой писатель, и не кто иной, какъ авторъ столькихъ талантливыхъ пьесъ: «On ne badine pas avec l'amour», «Caprices de Marianne», «Fantasio» и т. д., однимъ словомъ Альфредъ де-Мюссе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если всякій былъ пораженъ сходствомъ формы, стараніемъ подражать во всей внѣшней обстановкѣ сцены, копированіемъ изящнаго разговорнаго языка, то не трудно было все-таки видѣть, что внутреннее содержаніе, канва этихъ вещей совершенно другая, чѣмъ у автора «Ночей». Въ нѣсколько лѣтъ цѣлый градъ крошечныхъ сценъ Октава Фелье посыпался на различные театры, между которыми нѣсколько пьесъ имѣли довольно большой успѣхъ. Неудача съ «Bourgeois de Rome», «Palma», «Vieillesse de Richelieu»; полууспѣхъ «Echec et Mat» —были совершенно вознаграждены рукоплесканіями, которыхъ удостоились «la Partie de Dames», «la Clé d'or», «le Village», «le Pour et le Contre», «la Crise», «le Cheveu Blanc» и т. д. и т. д., все очень легкія, граціозныя и изящныя по формѣ произведенія. Внѣшнее сходство этихъ произведеній было до того велико съ комедіями Мюссе, что Октавъ Фелье получилъ имя Мюссе, но только съ прибавленіемъ «des familles». Названіе было придумано не дурно, потому что, въ самомъ дѣлѣ, его произведенія были какъ бы нарочно созданы для того, чтобы вечеромъ, за чайнымъ столомъ, ихъ можно было читать въ семейномъ кружкѣ, чтобы они производили успокоивающее впечатлѣніе, оставляли по себѣ мягкое, нѣжное воспоминаніе, чтобы они не безпокоили ночью молодую женщину горячими образами, не разшевеливали бы ея усыпленныхъ чувствъ и не возбуждали, какъ это дѣлаютъ пьесы Мюссе, ея затаенныхъ страстей.

Какъ у Мюссе все было направлено къ торжеству страсти, такъ у Фелье все клонится къ ея уничтоженію и побѣдѣ долга. Онъ заимствовалъ у романтической школы элегантность формы, любовь къ оригинальнымъ образамъ, отвращеніе къ тому, что зовется вульгарностію, стремленіе не столько говорить разуму, сколько сердцу, затрогивать фантазію человѣка, и всѣ подобныя заимствованія онъ перенесъ и вложилъ въ тѣсную рамку тихой семейной жизни. Ограничившись тѣмъ кругомъ,

Digitized by Google

въ которомъ онъ выросъ, тѣми нравами и привычками, которыя онъ встрѣчалъ въ немъ, онъ, неизбѣжно, долженъ былъ обрѣзать крылья своего воображенія, и вмѣсто того, чтобы погрузиться въ бездну страстей и сдѣлаться живописцемъ всего того, что общество зоветъ «незаконнымъ», онъ сдѣлался изящнымъ ваятелемъ всего провинціальнаго міра, съ его честной и тупой буржуазіей, съ его обществомъ хорошаго тона, съ его гордыми владѣльцами и прекрасными владѣтельницами старыхъ замковъ. Поэтому, прежде всего, онъ сдѣлался любимцемъ этого слоя общества, которое стало баловать его, какъ свое собственное дитя; да и какъ ему было не баловать его, когда Октавъ Фелье едва ли не первый съ такимъ умѣньемъ сталъ увѣрять его, что въ ихъ жизни есть столько же волненій, столько же поэзіи, столько же фантастической прелести, какъ и въ той бурной заоблачной средѣ, которую показывалъ имъ Мюссе. На произведенія послѣдняго общество, выростившее Фелье, смотрѣло съ наружнымъ негодованіемъ и скрытою завистью, и конечно не разъ говорило про себя тайно: «да, это вотъ жизнь, это молодость, а мы что, мы только умѣемъ спокойно и уныло влачить нашу юность». Произведенія же Фелье точно отгадали эту тайную мысль, и общество обрадовалось, когда услышало, что и въ его жизни есть всѣ тѣже ощущенія, только болѣе чистыя, болѣе благородныя, болѣе подходящія ко всей его жизненной обстановкѣ. Онъ имѣлъ въ этомъ мірѣ быстрый успѣхъ, потому что «овладѣлъ искусствомъ—говоритъ Sainte-Beuve—превратить супружество въ интригу, волокитство: пикантная манера, и можетъ быть единственная, чтобы придать ему снова свѣжесть, жизнь, упоительный запахъ». Онъ ввелъ въ брачныя отношенія все кокетство, встрѣчающееся между любовникомъ и любовницею, и, главное, такое тонкое, невинное кокетство, что трудно даже допустить мысль, чтобы этотъ мужъ и эта жена были въ дѣйствительности хоть разъ въ своей жизни мужемъ и женою. Желая рисовать опредѣленный міръ, понятно, что онъ долженъ былъ болѣе остановиться на изученіи, если не вообще человѣческаго сердца, то по крайней мѣрѣ сердца воспроизводимаго имъ общества; внося фантазію, всегда умѣренно-элегантную, въ людскія отношенія, онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ ихъ наблюдать, и въ этомъ сказывается также разница между Мюссе и его подражателемъ. Мюссе не стѣснялся ничѣмъ, онъ говорилъ, что онъ знаетъ «свое человѣческое сердце», и что до другихъ, слѣдовательно, ему нѣтъ дѣла; онъ былъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой субъективнымъ поэтомъ. Фелье не могъ сказать того же, потому что выводимые имъ образы онъ бралъ не изъ своего воображенія, а

Digitized by Google

изъ окружавшей его среды, и фантазію вводилъ только въ ихъ отношенія между собою. Въ этомъ есть и выгода и невыгода. Въ созданіяхъ Мюссе, часто лишенныхъ всякой реальности, выброшенной изъ всѣхъ условій обыкновенной жизни, не стѣсненныхъ никакими преградами дѣйствительности, мы находимъ прелесть поэтическихъ, чисто идеальныхъ образовъ; въ произведеніяхъ же Фелье, претендующихъ на изображеніе дѣйствительной жизни, мы обязаны, и онъ самъ велитъ намъ искать будничную правду, но въ сущности же, если мы и находимъ въ его лицахъ, взятыхъ изъ жизни, болѣе правды чѣмъ въ поэтическихъ фигурахъ Мюссе, который вовсе и не знаетъ ее, то, тѣмъ не менѣе, правда у Октава Фелье, благодаря фантазіи, окутывающей его лица, настолько же похожа на правду реальной жизни, насколько фигурка, сдѣланная изъ сахара, похожа на настоящаго живого человѣка. Такому впечатлѣнію помогаетъ утрированіе того, что онъ заимствовалъ хорошаго изъ романтической школы; какъ его пристрастіе и любовь къ красивой литературной формѣ очень часто заставляетъ его забывать естественность и простоту, такъ точно отвращеніе его къ вульгарному языку, къ вульгарнымъ манерамъ и даже къ вульгарнымъ людямъ принуждаетъ его переходить въ противоположную сторону и вдаваться въ аффектацію чувствъ, въ искусственность языка, натяжку въ манерахъ и въ созданіе полулюдей, полукуколъ.

Не выходя изъ этой среды, живя ея интересами, не заглядывая далѣе за предѣлы маленькой жизни, Октавъ Фелье долженъ былъ внести съ собою огромный запасъ оптимизма. Его вездѣ такъ хорошо принимали, всѣ такъ мило и добродушно улыбались, что ему не могло прійти въ голову что такая жизнь есть только самое ничтожное исключеніе, а совсѣмъ не общее правило. Поэтому его первыя составившіяся понятія, мнѣнія и убѣжденія, имѣющія такое огромное вліяніе на произведенія человѣка, были всѣ самаго яркаго розоваго цвѣта, и онѣ должны были быть еще укрѣплены его первыми шагами на пути артистической дѣятельности. Съ самаго начала, его юношескія произведенія имѣли въ обществѣ успѣхъ, и когда слухъ о немъ долетѣлъ до него изъ Парижа въ провинцію, то врядъ ли даже онъ могъ быть имъ удивленъ. Вопросъ: да какъ же могло быть иначе? безъ всякаго въ немъ самолюбія—совершенно естественно долженъ былъ явиться въ его головѣ. Въ жизни, говорилъ онъ себѣ, вѣдь все такъ хорошо! Это оптимистическое къ ней отношеніе со всею яркостью бросается въ глаза во всѣхъ его произведеніяхъ первой манеры, и нужно сказать правду, она очень гармонируетъ съ его нѣжными, тонкими, граціозными эскизами полубуржуазной, полуари-

Digitized by Google

стократической среды. Не смотря однако ни на какія достоинства его «Scènes et Proverbes», если бы даже они были написаны еще болѣе изящнымъ языкомъ, если бы въ нихъ было еще болѣе тонкаго анализа великосвѣтскихъ не то серьезныхъ, не то шуточныхъ чувствъ, если бы на нихъ еще болѣе рѣзко лежала печать вкуса и таланта автора, ни въ какомъ случаѣ однако они не дали бы ему достаточнаго права, чтобъ быть записаннымъ въ число первоклассныхъ современныхъ писателей. Правда, что тогда, когда кто-нибудь говорилъ о мѣстѣ, занимаемомъ въ литературномъ мірѣ Октавомъ Фелье, всегда думали не объ однихъ только его литературно-сценическихъ произведеніяхъ первой манеры, но также и объ его нѣсколькихъ романахъ, какъ «Bellah» «la Petite Comtesse» и т. д., имѣвшихъ въ обществѣ большой успѣхъ; но мы, разсматривая исключительно драматурговъ, не могли бы принять во вниманіе его дѣятельности по другимъ отраслямъ искусства. Къ счастью, Октавъ Фелье не остановился на своей первой манерѣ, ему удалось откинуть ее, расширить свою задачу и, въ концѣ концовъ, сдѣлаться болѣе серьезнымъ драматическимъ писателемъ, продолжая оставаться талантливымъ романистомъ.

Пріѣхавъ изъ провинціи въ Парижъ, попавъ сразу въ центръ человѣческой дѣятельности, дурной или хорошей, прійдя въ столкновеніе съ бо́льшимъ кругомъ людей, и съ бо́льшими интересами, чѣмъ онъ находилъ въ отдаленныхъ зáмкахъ, естественно, что Октавъ Фелье не могъ скоро не замѣтить, что его «Scènes et Proverbes» были не чѣмъ инымъ, какъ милою и доказывавшею талантъ забавою, которая не могла оставить по себѣ никакого слѣда въ этомъ страшномъ круговоротѣ полной парижской жизни. Онъ отлично понялъ, что для того, чтобы здѣсь пріобрѣсти себѣ имя, нужно затронуть, и глубоко затронуть какую-нибудь серьезную сторону жизни, нужно задаться болѣе важною задачею, чѣмъ изображеніе ссоръ и примиреній маркизъ и графинь съ ихъ мужьями; ему должно было сдѣлаться ясно, что для того, чтобы попасть въ желаемый имъ рядъ драматурговъ, ему нельзя было остаться при его узкомъ кругозорѣ, съ его давно принятымъ и освященнымъ кодексомъ нравственности, съ его боязнію отнестись какъ-нибудь иначе, чѣмъ съ укоромъ къ человѣческой страсти, къ сильнымъ порывамъ души. Когда онъ пробуетъ писать большую драму «Rédemption», прилагая къ ней тѣ же воззрѣнія, тотъ же блѣдный идеалъ, который онъ заимствовалъ у своей неразвитой и тѣсной провинціальной среды, ту же манеру своихъ первыхъ пьесокъ, драма его падаетъ, и въ этомъ паденіи онъ долженъ обвинять только себя. Онъ убѣж-

Digitized by Google

дается, что то, что̀ можетъ быть мило и граціозно въ маленькой сценѣ, становится скучно, вяло, какъ только дѣйствіе продолжается болѣе четверти часа. Для драмы нужны серьёзные и сильные характеры, серьёзныя и сильныя положенія, нужна большая, широкая жизнь, затрогивающія душу столкновенія, а не тѣ бури въ маленькихъ рюмочкахъ, которыя онъ описывалъ въ своихъ «Сценахъ». Огромнымъ, гигантскимъ шагомъ послѣ его первыхъ произведеній была драма «Dalila», которою начинается его вторая манера.

Какой тяжелый вздохъ долженъ былъ вырваться у автора «Scènes et Proverbes» въ ту минуту, когда онъ рѣшился приняться за «Dalila». Кажется цѣлая пропасть отдѣляетъ теперь Октава Фелье отъ того времени, когда онъ писалъ свои разсказы и сцены; повязка упала съ его глазъ, и онъ увидѣлъ, что въ жизни не все одинъ розовый цвѣтъ. Онъ смотритъ теперь трезво на міръ, онъ откинулъ свой оптимизмъ, и понялъ, что бури бываютъ не только въ изящныхъ хрустальныхъ бокалахъ, а что они свирѣпствуютъ и въ томъ безконечномъ океанѣ, который носитъ имя: человѣческія страсти. Къ нимъ не пристала бы его грація и нѣжность, они требуютъ для воспроизведенія себя твердости, энергіи, силы, и Октавъ Фелье, по счастью, нашелъ все это затаеннымъ внутри себя. Онъ открылъ этотъ кладъ и показалъ, что онъ способенъ затрогивать самыя высокія и раздирательныя струны человѣческаго сердца, нарисовавъ намъ цѣльные характеры Карніоли и Леоноры, двухъ героевъ его «Dalila». Онъ взялъ свой сюжетъ, свою главную героиню изъ того же міра, въ которомъ онъ такъ привыкъ вращаться, но освѣтилъ совершенно противоположнымъ свѣтомъ. До сихъ поръ онъ странствовалъ только по великолѣпнымъ и чиннымъ гостиннымъ, гдѣ встрѣчалъ всегда нѣжныя и добродѣтельныя созданія, которымъ не иначе протягивалъ свою руку, какъ обтянутую перчаткою «gris-perle», теперь онъ попалъ въ салонъ, стѣны котораго могли бы разсказать о тысячи перипетіяхъ, и гдѣ подъ мягкою улыбкою женщина скрываетъ хищность гіены. Во всѣхъ сценахъ, представляющихъ намъ еще почти юношу, но юношу полнаго таланта, почти геніальности, композитора Росвейна, нѣжно любящаго дочь своего учителя Серторіуса, отъ которой отрываетъ его покровитель Карніоли, устрашенный, что семейное счастье убьетъ талантъ отысканнаго имъ генія; онъ отрываетъ его, чтобы бросить его въ страстныя объятія своей бывшей любовницы, принцессы Леоноры; во всѣхъ сценахъ, въ которыхъ онъ представилъ намъ, какъ эта неумолимая богиня зла сначала привлекаетъ, влюбляетъ въ себя эту талантливую

Digitized by Google

натуру, играетъ имъ какъ кошка мышкой, покамѣстъ она не выжала изъ него всего сока, и не бросаетъ его полуумирающаго, чтобы насладиться новою связью съ какимъ-то пѣвцомъ, во всѣхъ этихъ сценахъ коварства, истинной любви, разлито столько страсти, столько драматичности и силы, что съ трудомъ вѣрится, чтобы авторъ «Dalila» былъ тотъ самый нѣжный и модный писатель, имя котораго подписано подъ «Scènes et Proverbes». Быть можетъ и тутъ въ основаніи пьесы лежитъ, какъ во всѣхъ остальныхъ его вещахъ, нравственная сентенція, хотя бы въ такомъ родѣ, что для развитія таланта необходима спокойная, честная любовь, семейная жизнь, и что талантъ разбивается, когда онъ попадаетъ на бурное, полное страсти чувство; но такая мораль, если она и была въ головѣ автора, настолько скрыта, что она нисколько не колетъ намъ глаза. Она не выходитъ наружу въ нравственныхъ тирадахъ, горячихъ проповѣдяхъ самого автора, который имѣлъ счастіе оставить своихъ дѣйствующихъ лицъ свободными, не вмѣшиваясь ни въ ихъ слова, ни въ ихъ поступки. Во всѣхъ характерахъ, выведенныхъ въ «Dalila», за исключеніемъ, можетъ быть, артиста Росвейна, который слишкомъ блѣденъ и слишкомъ много терзается, нельзя не удивляться ихъ выдержанности, силѣ и даже оригинальности. Если Марта, это любящее созданіе, умирающая съ горя, потерявъ своего Росвейна, и все-таки благословляющая его, если она очевидно напоминаетъ собою Миньону, Маргариту, если она признаетъ ихъ за своихъ старшихъ сестеръ, если ея отецъ, старикъ Серторіусъ, напоминаетъ нѣсколько этихъ старыхъ дѣтей-музыкантовъ, для которыхъ вся жизнь—одни звуки, и которыхъ мы встрѣчали уже довольно часто на сценѣ, но за то характеръ Леоноры, этотъ типъ рѣшительной, надменной красавицы, чувствующей свою волшебную власть, основанной на жестокости, вѣроломствѣ, на соблазнительныхъ прелестяхъ, которыми она такъ искусно пользуется, принадлежитъ вполнѣ Октаву Фелье. Леонора, это воплощеніе холодной, разсчитанной страсти, которой она отдается совершенно сознательно, сохраняя полную свѣжесть головы, она ни передъ чѣмъ не остановится, лишь бы утолить свою жажду животныхъ наслажденій, она пожертвуетъ не только одною такою натурою, какъ Росвейнъ, но она двадцать такихъ броситъ на добычу смерти, лишь бы наслажденіе ея было полнѣе. Съ какимъ мастерствомъ, съ какимъ умѣньемъ мучитъ Росвейна эта аристократка чистой крови; не одна Аспазія позавидовала бы ей. Насколько сильно созданъ типъ Леоноры, настолько же твердо начерченъ другой типъ — Карніоли, этого музыкальнаго мецената. Для него все трынъ-трава, онъ не знаетъ въ жизни пре-

Digitized by Google

пятствій, его ничего никогда глубоко не задѣвало, онъ ни надъ чѣмъ никогда серьёзно не задумывался; любовь для него только интрига, препровожденіе времени, веселье, забава; истинное чувство — глупая сантиментальность, способная убить все живое, всякій талантъ. Это какой-то демонъ, вырвавшійся изъ ада, честный, искренній, неспособный съ умысломъ сдѣлать ничего дурного, но только заставляющій дрожать передъ своимъ веселымъ, сатанинскимъ смѣхомъ. Октавъ Фелье долженъ былъ сдѣлать надъ своимъ талантомъ страшное насиліе, онъ долженъ былъ вооружиться геройскимъ мужествомъ, чтобы создать эти два прекрасные типа. Эта драма была бы вполнѣ замѣчательнымъ произведеніемъ, еслибы молодой Росвейнъ, Серторіусъ и его дочь Марта были бы по выдержкѣ одинаковой силы съ Леонорой и Карніоли; не награди онъ ихъ нѣсколькими банальными добродѣтелями, не снабди онъ ихъ условною нравственностью, не поставь онъ ихъ иногда въ академическія позы, имъ нельзя было бы сдѣлать никакихъ упрековъ. Рука Октава Фелье ни разу не дрожала, когда онъ писалъ эту драму; скрѣпя сердце и съ тяжело доставшимся ему спокойствіемъ, онъ смотрѣлъ на возраставшую борьбу страстей, въ которой погибъ дорогой ему образъ Марты и симпатичный Росвейна и восторжествовалъ ненавистный ему порокъ, воплотившійся въ Леонорѣ; онъ заглянулъ въ самыя сокровенныя тайники ея сердца, и пробѣжавшая по немъ дрожь прорвалась только въ голосѣ Росвейна. Глядя на живыя фигуры Карніоли и Леоноры, кто захочетъ упрекать Фелье за нѣкоторыя сантиментальныя мѣста его пьесы, остатки его первой манеры; вдохновеніе, проходящее черезъ всю драму, настоящая страсть, брошенная въ дѣйствіе и небывалая до сихъ поръ въ немъ сила, искупаютъ такого рода слабости. Романтическая струя, пропущенная въ пьесу, и отъ которой не могъ удержаться Фелье, не портитъ общаго впечатлѣнія, напротивъ, она даетъ даже ей теплоту, какую-то лихорадочную дрожь, переходящую въ зрителя, и недопускаетъ автора вдаться въ излишнюю подробность при изображеніи, легко поддающейся утировкѣ, страсти Леоноры и Росвейна. Изящный, изысканный языкъ Октава Фелье какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ внѣшнимъ приличіемъ и даже величіемъ Леоноры, и бросаетъ еще бо́льшій свѣтъ на ту бездну, которая отдѣляетъ въ ней то, что́ только кажется и что́ есть на самомъ дѣлѣ.

Его первая проба отбросить свою первую манеру была настолько удачна, что, казалось, ему не было бы надобности опять обращаться къ ней; разъ, что онъ сдѣлалъ шагъ къ реализму и разъ, что этотъ шагъ былъ успѣшенъ, онъ не долженъ

Digitized by Google

бы былъ возвращаться къ только-что покинутому мѣсту. Но привычка — вторая натура, и потому Октавъ Фелье, въ слѣдующей своей пьесѣ, вырѣзанной изъ романа, опять болѣе или менѣе вернулся на прежнюю дорогу. Не смотря на очень большой успѣхъ «Le roman d'un jeune homme pauvre», эта пьеса несравненно слабѣе, чѣмъ «Dalila». Кромѣ нѣкоторыхъ удачныхъ сценъ въ первомъ и второмъ актѣ, все остальное — декламація, сантиментальность, неестественныя положенія, невыдержанные характеры и высокія нравственныя сентенціи. То, что объяснено, развито въ романѣ, безъ сомнѣнія болѣе интереснымъ, чѣмъ пьеса, то тутъ сжато, скомкано, фантастично. Если «Le roman d'un jeune homme pauvre» имѣлъ такой большой успѣхъ, то для насъ рѣшительно остается загадкой, отчего провалилась другая его пьеса «la Belle au bois dormant», безъ сомнѣнія, нисколько не уступающая, по достоинству, первой. Мы не станемъ останавливаться и на ней, потому что въ ней точно также, какъ и въ предъидущей пьесѣ, нѣтъ ни одного новаго положенія, ни одной самостоятельной мысли, ни одного оригинальнаго характера. Она принадлежитъ къ тому разряду пьесъ, о которыхъ мы упоминали, говоря о Сарду, именно: тенденціозная пьеса съ цѣлію примиренія двухъ лагерей буржуазіи и аристократіи, съ главнымъ героемъ инженеромъ и т. д. и т. д., однимъ словомъ, знакомая пѣсня.

Другое произведеніе, стоящее на-ряду съ «Dalila» и заслуживающее полнаго вниманія, это: «Montjoye». Въ этой комедіи онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ, чтобы приблизиться къ реальному направленію остальныхъ драматурговъ, и шагъ этотъ былъ такъ великъ, что въ этой пьесѣ, или, вѣрнѣе, въ первыхъ четырехъ актахъ, онъ совершенно слился съ ними. Какой тернистый путь разрушенныхъ иллюзій долженъ былъ пройти авторъ «la Crise,» «le Pour et le Contre» и т. п., чтобы создать живую фигуру Montjoye! Montjoye — это совершенный, законченный типъ современнаго человѣка торжествующей партіи. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ, для него хороши всѣ средства, чтобы достигнуть только своей цѣли, которая сводится къ двумъ пунктамъ: богатство и вліяніе. Montjoye, это — воплощеніе самаго тупого эгоизма, презирающаго все и всѣхъ, и, безъ сомнѣнія, такого рода эгоизмъ даетъ большую силу человѣку. У него передъ глазами всегда живой примѣръ, какъ тѣ люди, которые, по выраженію Montjoye, находятся «dans le bleu», что значитъ въ переводѣ — люди, посвятившіе свою жизнь безкорыстному служенію обществу, жертвовавшіе ему всѣмъ, что у нихъ было дорогого и близкаго, предпочитавшіе общественную пользу своей

Digitized by Google

личной выгодѣ,—какъ эти люди были раздавлены, побиты, уничтожены тѣми, которые ставили свое личное благосостояніе выше всего остального міра. «Эти раздавленные люди, говоритъ Montjoye, внушили мнѣ самое глубокое презрѣніе, и я рѣшился во что бы то ни стало не быть имъ подобнымъ», или иначе: «Я видѣлъ, что честные люди гибли въ борьбѣ и оставались ни при чемъ, мерзавцы торжествовали, и я предпочелъ быть лучше въ числѣ торжествующихъ, а не побѣжденныхъ». Такова теорія Montjoye, и онъ не замедлилъ приложить ее къ практикѣ. Онъ строитъ свое громадное состояніе на мошенничествѣ, разоряя своего друга и компаньона, который пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; онъ обманываетъ женщину, обѣщая на ней жениться; она бѣжитъ изъ дому своихъ родителей, и онъ не женится, чтобы всегда держать ее въ зависимости и подъ страхомъ, что онъ ее броситъ, а общество, принявъ его сторону, закидаетъ ее каменьями; онъ не хочетъ усыновить своихъ дѣтей, чтобы не быть связаннымъ передъ ними закономъ и всегда быть свободнымъ распорядиться своимъ состояніемъ такъ или иначе; однимъ словомъ, основнымъ его правиломъ служитъ презрѣніе ко всему, что не клонится къ его личной выгодѣ. Характеръ этого человѣка, отъ начала до конца четвертаго акта, выдержанъ съ замѣчательною силою, ни на одну секунду онъ не слабѣетъ, никогда не говоритъ ни одного слова, которое не было бы согласно съ его характеромъ, всегда онъ одинъ и тотъ же, ничто его не можетъ тронуть, заставить разчувствоваться, и въ самую трудную минуту своей жизни, когда всѣ его покидаютъ, когда обманъ, надувательство его относительно застрѣлившагося друга выходятъ наружу; когда женщина, жившая съ нимъ двадцать лѣтъ, наконецъ выведенная изъ терпѣнія его оскорбленіями, бросаетъ его; когда дочь, сынъ уходятъ вмѣстѣ съ матерью; когда онъ остается одинъ съ своею мошенническою жизнію, у него вырывается изъ груди одинъ крикъ: «все это вздоръ, будемъ человѣкомъ». Октавъ Фелье до того боится въ этой пьесѣ своей наклонности къ сантиментальности, онъ такъ опасается вдаться въ излишнія черты, что нѣкоторыя сцены даже носятъ на себѣ отпечатокъ большей или меньшей сухости, недостатокъ, никогда не встрѣчавшійся у Фелье. Онъ не могъ избѣгнуть въ этой пьесѣ еще одного недостатка, это—сравнительной съ самимъ Montjoye слабости и блѣдности всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Характеръ Montjoye до того поглощаетъ собою всѣ остальные, что кажется, въ пьесѣ есть только одно дѣйствующее лицо. Помимо этихъ недостатковъ, четыре акта Montjoye вполнѣ хороши, дѣйствіе идетъ быстро, одно событіе слѣдуетъ за другимъ, столкновенія возра-

Digitized by Google

стаютъ и не допускаютъ никакой растянутости; по всей пьесѣ проходитъ большая сила, спрятанная подъ самою изящною формою, грубые и жесткіе удары наносятся рукою въ лайковой перчаткѣ. Сила эта не сказывается въ одной какой-нибудь выходкѣ или тирадѣ, нѣтъ, она равномѣрно распредѣлена по всѣмъ положеніямъ драмы. Пятый актъ долженъ быть совершенно исключенъ, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ современныхъ французскихъ пьесъ. Тутъ авторъ совершенно уничтожаетъ всякую послѣдовательность, всякую выдержанность главнаго героя пьесы, Montjoye, который съ руками и ногами отдается сладенькому сантиментальничанью. Пятый актъ—это торжество Фелье первой манеры, возвращеніе къ розовому цвѣту, къ самому неумѣстному оптимизму, отъ котораго ему такъ тяжело было отдѣлаться. Безъ него, типъ Montjoye полонъ; казалось бы, что онъ созданъ желѣзною рукою, и, безъ сомнѣнія, этотъ характеръ, вмѣстѣ съ двумя другими характерами Леоноры и Карніоли, останутся навсегда главною заслугою Октава Фелье. Такъ какъ на всѣ вообще произведенія Октава Фелье общество привыкло смотрѣть больше какъ на защиту того или другого нравственнаго тезиса, то и въ этотъ разъ оно спросило, противъ чего направлена пьеса, кого хотѣлъ наказать авторъ типомъ Montjoye? Отвѣтъ былъ одинъ: вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ! и эти слова произносились тѣмъ высшимъ, торжествующимъ обществомъ, какъ бы въ укоръ тѣмъ, которые не раздѣляютъ только ихъ предразсудковъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, могли отвѣтить этому обществу словами: да, вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ, но принциповъ-то именно нѣтъ у васъ, потому люди, подобные Montjoye, у васъ попадаются сплошь и рядомъ; еслибы у насъ не было принциповъ, мы вѣроятно не были бы въ числѣ побѣжденныхъ. Въ своемъ глазу вы не видите бревна, а у насъ подмѣчаете маленькую спицу! Замѣтимъ мимоходомъ, что Октавъ Фелье вообще любитъ героевъ, подобныхъ Montjoye, Camors — герою его послѣдняго и надѣлавшаго столько шума романа «Monsieur de Camors», изъ которыхъ можно было бы вывести мораль: «вотъ что значитъ быть человѣкомъ безъ принциповъ»! Къ несчастью, только онъ никакъ не попадаетъ на указаніе принциповъ, безъ которыхъ въ самомъ дѣлѣ нельзя обойтись, а ограничивается требованіемъ такихъ, безъ которыхъ человѣкъ можетъ отлично и очень честно прожить свою жизнь.

Въ заключеніе мы можемъ спросить: отчего, не смотря на безспорный талантъ Октава Фелье, не смотря на большой успѣхъ нѣкоторыхъ его произведеній, онъ остается исключительнымъ лю-

Digitized by Google

бимцемъ только высшаго буржуазнаго и элегантнаго аристократическаго общества, и отчего въ массѣ вообще образованнаго общества онъ не пользуется популярностью, и пьесы его никогда не вызываютъ такого любопытства и такихъ горячихъ споровъ, какъ пьесы Барьера, Сарду, Ожьé и Александра Дюма? Отвѣтъ простъ, причина ясна; у него есть и талантъ и большое искусство, но онъ не имѣетъ дара выбирать именно тѣ вопросы, которые захватывали бы все общество за живое; въ его драмахъ нѣтъ никогда того животрепещущаго интереса, той жилки, электризующей все общество, и которая такъ свойственна другимъ талантамъ, какъ Эмиль Ожье, не говоря уже объ Александрѣ Дюма, къ которому мы теперь и обратимся.

IV.

Пока всѣ остальные драматурги колебались между различными школами и направленіями, пока они бросались, какъ изъ огня въ полымя, изъ области романтизма въ область «здраваго смысла», одинъ Александръ Дюма смѣло и безъ боязни вышелъ на дорогу реализма. То, что̀ теперь преобладаетъ, то, что̀ теперь проникло и обняло всѣ роды сценическаго искусства, тогда не имѣло себѣ еще ни одного защитника, несмотря на то, что почва была приготовлена и зародышъ долженъ былъ выйти уже на свѣтъ божій. Эмиль Ожье, Октавъ Фелье и даже Барьеръ открещивались и отрекались отъ реализма, и какъ одинъ писалъ «la Ciguë» и «L'Aventurière», такъ другой набрасывалъ «Scènes et Proverbes», а третій сочинялъ самыя невозможныя мелодрамы и фарсы. Среди этой общей распутицы, среди неизвѣстности и колебанія, выступилъ на сцену очень молодой писатель съ однимъ изъ самыхъ тогда громкихъ именъ — именемъ своего отца Александра Дюма, и съ перваго же раза отказался отъ всѣхъ прежнихъ родовъ, отъ всѣхъ старыхъ направленій и безъ всякаго желанія создать новую школу, сталъ работать для театра съ одною мыслію: всегда и во всемъ уважать и соблюдать правду, и искать ее не въ древнемъ классическомъ мірѣ, не въ мірѣ своей фантазіи, а заимствовать ее изъ того, что̀ даетъ окружающая его среда, что̀ бросаетъ ему въ глаза дѣйствительность.

Состояніе французскаго общества неминуемо толкало Александра Дюма на эту дорогу; только изображеніемъ дѣйствительности можно было привлечь его вниманіе, отъ всего остального оно отворачивалось, какъ бы говоря: довольно мы мечтали и въ нашей политической и въ нашей соціальной жизни, пора и пе-

Digitized by Google

рестать, а то мы домечтаемся не только до 52 года; но до чего нибудь и получше! Время, въ которое началъ писать Александръ Дюма, было самое невыгодное не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Общество, разгромленное нѣсколькими революціями, распалось какъ бы на касты, сомкнулось и такъ съежилось, что едва-едва только подавало признаки жизни. Общественная жизнь образованныхъ слоевъ точно уничтожилась, блестящіе салоны, собиравшіе въ себя всѣ знаменитости, всѣ громкія имена литературы, науки, искусствъ, пропали. Парижъ пересталъ созывать со всего міра представителей цивилизаціи, и вмѣсто нихъ заманилъ къ себѣ представителей разгула, веселья, грубаго разврата. Но если пропали эти центры образованности, ума, остроумія, куда привлекали такъ тѣ женщины, которыя ведутъ свою родословную отъ M-me de Sevigné и продолжаютъ свой родъ въ замѣчательномъ рядѣ фигуръ M-me de Longueville, de Sablé, de Chevreuse, du Chatelet, du Deffand, Rolland и M-me de Stall, то не пропала та молодежь, тотъ кругъ артистовъ, художниковъ, начинающихъ писателей, жаждущихъ общества, нуждающихся въ немъ и отыскивающихъ его во что бы то ни стало. Общество не можетъ быть живо, когда оно лишено женскаго элемента, и потому когда свѣтскія, образованныя женщины ушли въ свою внутреннюю, семейную жизнь и отказались отъ всякой общественной роли, тогда на мѣсто ихъ должны были явиться другія женщины, модель которыхъ слѣдуетъ искать не въ M-me de Sevigné и M-me Rolland, а развѣ только, и то на очень далекомъ разстояніи, въ какой-нибудь M-me de Pompadour. Такъ и случилось. Когда всѣ образованные кружки, всѣ дѣятельные центры, составляющіе именно общественную жизнь, пропали, когда всѣ тѣ, которые были еще слишкомъ молоды, чтобы сосредоточиться только въ самихъ себѣ, стали искать себѣ общества и въ потьмахъ не находили его, тогда они, мало-по-малу, сами составили его себѣ и власть надъ нимъ передали, за неимѣніемъ другихъ, тѣмъ женщинамъ, которыя какъ нельзя лучше воспользовались своею ролью, чтобы упрочить свое могущество. Фаланга ихъ все росла и росла, съ каждымъ годомъ онѣ прилагаютъ все большія старанія, чтобы стереть и смѣшаться съ порядочными женщинами, которыя, въ свою очередь, тоже сдѣлали не одинъ шагъ, чтобы съ ними слиться. Этотъ громадный, не игравшій до сихъ поръ никогда такой роли, классъ падшихъ, продажныхъ женщинъ даетъ цѣлому обществу какой-то особенный отпечатокъ, на который драматургъ не могъ не обратить вниманія. Закрыть притворно глаза и дѣлать видъ, что не видишь, какимъ новымъ элемен-

Digitized by Google

томъ обогатилось общество, походило бы только на неумѣстную игру въ жмурки, и потому драматическій писатель не могъ и не долженъ былъ упустить этотъ элементъ, не закричавъ имѣющимъ уши: «ей, берегитесь, тутъ есть новый феноменъ, новая соціальная опасность!» Александръ Дюма сдѣлалъ этотъ классъ своимъ драматическимъ достояніемъ, и въ недавно вышедшемъ первомъ томѣ полнаго собранія его театра [1]), онъ, въ предисловіи къ своей пьесѣ «la Dame aux Camélias» съ большою силою, энергіею и, главное, откровенностью, объясняетъ, какія причины побудили его обратиться къ этому вопросу, сдѣлать изъ него основаніе почти всѣхъ, и безъ исключенія всѣхъ лучшихъ его пьесъ, и почему онъ отнесся къ падшимъ женщинамъ съ такимъ человѣколюбіемъ и мягкостью. Предисловіе это, могущее насъ руководить при оцѣнкѣ всей его дѣятельности, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько минутъ.

Первый вопросъ, который дѣлаетъ себѣ Дюма, заключается въ томъ: имѣлъ ли онъ или нѣтъ, нравственно, право бросить свѣтъ на этотъ классъ женщинъ и представить ихъ на сценѣ? «Разумѣется да, отвѣчаетъ онъ, я имѣлъ это право. Всѣ классы общества принадлежатъ театру, и главнымъ образомъ тѣ, которые, въ переходныя эпохи, вдругъ появляются на поверхности общества и придаютъ ему какой-то исключительный характеръ. Въ эти классы необходимо нужно зачислить женщинъ на содержаніи, которыя имѣютъ неоспоримое вліяніе на современные нравы». Другой совершенно вопросъ, какъ долженъ былъ онъ отнестись къ этому явленію, долженъ ли онъ былъ превратиться въ общественнаго карателя, въ какого-то Юпитера громовержца, какъ многіе требовали отъ него и продолжаютъ требовать, или онъ имѣлъ основаніе быть безпристрастнымъ и часто требовать имъ прощенья? Для Александра Дюма этотъ вопросъ не представляетъ сомнѣнія, онъ доказалъ это всѣми своими произведеніями, и потому онъ никого не долженъ былъ удивить, высказывая прямо, что всегда будетъ горячимъ адвокатомъ этого класса женщинъ, потому что зло, имъ изображаемое, должно найти себѣ извиненіе въ нищетѣ, голодѣ, отсутствіи образованія, въ дурныхъ примѣрахъ, въ фатальной наслѣдственности порока, въ общественномъ эгоизмѣ, наконецъ въ этомъ вѣчномъ аргументѣ—любви. Та, которая уступаетъ пороку, заслуживаетъ поэтому гораздо болѣе общественной помощи, сожалѣнія, нежели наказанія и проклятія. «Ея преступленіе, говоритъ Дюма, есть наше преступленіе, и мы не можемъ быть хо-

[1]) Théatre complet, 1-r vol. 1868. Ed. Michel Lévy.

Digitized by Google

рошими судьями тамъ, гдѣ мы оказались такими дурными совѣтниками.» Вся вина падшей женщины заключается въ одномъ: она продается. Одного этого слова слишкомъ достаточно, чтобы «непродающееся» общество бросило въ нее камнемъ. Но нужно въ самомъ дѣлѣ знать, что̀ значитъ это слово: непродающееся? Продается или нѣтъ та дѣвушка, которая принадлежитъ хорошему дому, имѣетъ достаточно, чтобы жить внѣ бѣдности, и которая выходитъ замужъ за старика, старшаго ее вдвое, втрое, человѣка могущаго быть ея отцемъ или даже дѣдомъ, только потому, что у этого старца въ подвалахъ лежатъ милліоны? Нисколько; она сдѣлала прекрасную партію, и общество ее носитъ на рукахъ. Продается или нѣтъ тотъ юноша, который, вмѣсто того, чтобы работать, предпочитаетъ получить наличными деньгами за свое аристократическое имя нѣсколько милліоновъ отъ дѣвушки, на которой онъ женится безъ любви, безъ увлеченія, часто презирая ея плебейское происхожденіе? Нисколько; это дѣлается сплошь и рядомъ и общество ничего не находитъ сказать противъ этого. Между тѣмъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, какая причина руководила поступкомъ дѣвушки или молодого человѣка? Одна — деньги. Очевидно, что этотъ процессъ есть не что иное, какъ продажа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда такую точно продажу дѣлаетъ несчастная дѣвушка, у которой часто на рукахъ старуха мать, маленькіе братья или сестры, тогда еѐ тотчасъ записываютъ въ полицію и она теряетъ даже свое имя — человѣка. Поступки той и другой тожественны, причина другая, но весь міръ въ пользу послѣдней, и между тѣмъ, одна окружается общественнымъ уваженіемъ, другая клеймится позоромъ. Если въ одномъ случаѣ деньги даютъ право на почетъ, то въ другомъ онѣ, по крайней мѣрѣ, должны давать право на прощеніе. Но зачѣмъ же ей продаваться, возражаетъ «непродающееся» общество, она можетъ работать, она можетъ своимъ трудомъ содержать и себя и семейство, а остаться все-таки честною женщиною? Не всегда сплошь и рядомъ женщина не находитъ себѣ работы, женскій рынокъ слишкомъ великъ, предложенія больше чѣмъ спроса, а ей во что̀ бы то ни стало нужны деньги потому, что даромъ хлѣба нигдѣ не даютъ, а милостыни она просить не хочетъ, и тяжело и мало, нѣсколькихъ су недостаточно. Но, предполагая даже, что она нашла работу, предполагая даже, что она рѣшилась бороться, работать по ночамъ скорѣе, чѣмъ продаться, что̀ она выигрываетъ? Кусокъ хлѣба, нѣсколько картофелинъ, да по праздникамъ тонкую, какъ листъ бумаги, пластинку говядины, и больше ничего, кромѣ развѣ еще болѣзни и затѣмъ въ перспективѣ смерть въ негостепріимной

Digitized by Google

больницѣ. Нѣтъ, отвѣтятъ на это, не только это, но, что̀ гораздо важнѣе, она будетъ пользоваться всеобщимъ людскимъ уваженіемъ. Кто не знаетъ, на что̀ сводится такъ называемое людское уваженіе; его можно измѣрить, если подслушать отвѣтъ любой порядочной матери или порядочнаго отца своему сыну, который захотѣлъ бы жениться на такой пользующейся уваженіемъ работницѣ: «Сдѣлай изъ нея свою любовницу, скажутъ они, но зачѣмъ быть сумашедшимъ и дѣлать ее своею женою.» Другого уваженія она никогда не добьется. Всякая женщина, рѣшающаяся продавать себя, знаетъ это все очень хорошо, часто она прошла и черезъ честный трудъ и черезъ честную любовь, и вынесла одно изъ своего опыта жизни: ея трудъ привелъ ее въ госпиталь, ея любовь оставила ей въ воспоминаніе безполезнаго ребенка на груди, отецъ котораго разъѣзжаетъ въ коляскѣ, запряженной парой рысаковъ. Что̀ можетъ возразить такой женщинѣ моралистъ, упрекающій ее за паденіе? Станетъ ли онъ продолжать свое бичеваніе, обвиняя въ погибели эту женщину, или онъ обратится съ укоромъ къ цѣлому обществу породившему это зло, и съ горечью скажетъ ему, какъ говоритъ Александръ Дюма: «Когда народъ на каждомъ шагу взываетъ революцію 89 года, когда онъ хочетъ справедливости, свободы, равенства, не только для самого себя, но и для другихъ народовъ; когда нація, которая нашла возможность заставить прозвать себя самою смѣлою, рыцарскою, самою остроумною изъ всѣхъ націй, настолько лицемѣрна, настолько подла и настолько тупоумна, чтобы допустить, чтобы тысячи молодыхъ дѣвушекъ, красивыхъ, здоровыхъ, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать разумныхъ помощницъ, вѣрныхъ супругъ, плодородныхъ матерей, сдѣлались бы годны только на то, чтобы быть презрѣнными, опасными и безплодными развратными женщинами,—этотъ народъ заслуживаетъ, чтобы проституція совершенно поглотила его, и это именно то, что̀ случится.» Чего же удивляться, если женщины, безъ образованія, безъ воспитанія, женщины, не слышавшія никогда, что̀ такое добро и зло, часто не зная, гдѣ выпросить себѣ кусокъ хлѣба, разъ, что онѣ попали на эту дорогу, дѣлаютъ все на свѣтѣ, пользуются всѣми орудіями, чтобы вылѣзть на верхъ, вздохнуть свободнѣе и отомстить всѣмъ тѣмъ, которые съ презрѣніемъ относятся къ нимъ. Разумѣется, онѣ не задумываясь, безъ всякаго сожалѣнія, увлекаютъ и соблазняютъ мужей, сыновей, отцовъ, растраиваютъ ихъ семейныя отношенія, разоряютъ ихъ до конца, и потомъ, выжавъ изъ нихъ весь сокъ, бросаютъ какъ апельсинныя корки. Онѣ сдѣлались мало-по-малу особеннымъ классомъ, получили могущество, и вмѣсто того, чтобы

Digitized by Google

укрывать въ тишинѣ свой стыдъ, онѣ, съ понятною совершенно наглостью, вывѣшиваютъ его на-показъ, какъ яркое знамя. Онѣ оттѣснили честныхъ женщинъ, которыя, не чувствуя за собою достаточно силы бороться съ ними на своей почвѣ, оставаясь въ своемъ кругу, перенесли борьбу на ихъ дорогу и столкнулись съ ними въ общей свалкѣ. Онѣ стали соперничать съ ними въ роскоши, издержкахъ, эксцентрическихъ выходкахъ, такъ, что скоро оба враждующіе лагеря имѣли «не только однѣ и тѣ же туалеты, но имѣли тотъ же языкъ, тѣ же танцы, тѣ же похожденія, тѣ же любовныя интриги, скажемъ даже, одинаковыя спеціальности.» Какъ одна спрашиваетъ: сколько ты мнѣ дашь за такой-то срокъ за недѣлю, за мѣсяцъ, за годъ, такъ другая дѣлаетъ первый вопросъ, когда ей говорятъ о женихѣ: сколько у него дохода? Въ томъ и въ другомъ случаѣ, весь вопросъ заключается въ деньгахъ, тутъ и тамъ мы видимъ одно: торгъ. Какъ женщина, отдавшаяся въ первый разъ по любви, и обманутая, ищетъ вознагражденія въ деньгахъ, богатствѣ, такъ женщина, отдавшись въ первый разъ за деньги, ищетъ сплошь и рядомъ послѣ брака вознагражденія въ новой любви. Въ чемъ ищетъ себѣ извиненія послѣдняя? Въ увлеченіи, въ страсти, въ истинной любви, подъ которою очень часто скрывается скука, тоска, любопытство, бездѣлье, желаніе сильныхъ ощущеній, однимъ словомъ, причины скорѣе осуждающія ее, чѣмъ извиняющія. Между тѣмъ продажная женщина приводитъ для своего оправданія, дѣйствительно много прощающія извиненія: невѣжество, недостатокъ воспитанія, дурные примѣры, отсутствіе всякихъ принциповъ, о которыхъ ей не отъ кого было слышать. И не смотря на все различіе между этими двумя родами причинъ, общество отдѣляетъ такія двѣ женщины цѣлою непроходимою бездною, нечего говорить, въ пользу которой изъ двухъ, и безъ сомнѣнія оно смотритъ, какъ на безумца, на того, который посмѣетъ между ними провести параллель. Не воюя противъ общества, которое заставляетъ смотрѣть на свои вѣковые предразсудки, какъ на вѣчные законы, и принуждаетъ гнуть передъ ними всѣ шеи, не соглашаясь даже, можетъ быть и противъ совѣсти, съ Александромъ Дюма, мы не можемъ не указать на его рѣшительныя слова: «Я не вижу различія между женщиною, которая внѣ брака отдается другому человѣку ради забавы своего тѣла, и тою, которая отдается, чтобы пропитать и рядить себя, исключая развѣ того, что одна располагаетъ только собою, никого не обманываетъ, въ то время, какъ другая нарушаетъ произнесенную клятву, обманываетъ своего мужа, компрометтируетъ своихъ дѣтей и играетъ легкомысленно въ дѣтоубійство. «Это не есть — говоритъ Але-

Digitized by Google

ксандръ Дюма — вопросъ кринолина и роскоши, это вопросъ соціальный. Давно уже женщина жалуется, кричитъ, зоветъ себѣ на помощь. Никто не отвѣтилъ ей. Она совершаетъ теперь свою революцію, при бѣломъ днѣ, съ помощью орудій, полученныхъ ею отъ природы,—хитрости и красоты. Она переворотила алтарь, чтобы сдѣлать изъ него алькòвъ. Она замѣнила бога какою-то позолоченною гильотиною и казнитъ человѣка среди смѣха и пляски.» Разъ только, что кто-нибудь приписываетъ извѣстное зло не какой нибудь мѣстной причинѣ, не какому нибудь одному лицу, не винѣ того или другого, а видитъ въ общественномъ бѣдствіи тайный, глубокій корень, вырвать который не зависитъ отъ воли одного человѣка, — тогда понятно, что всякое личное обвиненіе кажется ему мелкимъ, недостойнымъ и несправедливымъ.

Какое лучшее возраженіе могъ сдѣлать Александръ Дюма всѣмъ тѣмъ, которые обвиняли его, что онъ, защищая падшую женщину, покровительствуетъ разврату, какъ сказавъ всѣмъ своимъ противникамъ: вы клеймите раскаленнымъ желѣзомъ падшихъ женщинъ, потому что полагаете, что причина зла лежитъ въ нихъ самихъ; вы думаете спасти общество, извергая проклятіе надъ его частью, не подозрѣвая вовсе, что не часть виновата въ томъ, что цѣлое дурно, а цѣлое преступно въ этой гнилой части,—взгляните глубже, расширьте вашъ взглядъ и вы увидите, что дѣло идетъ вовсе не о нѣсколькихъ тысячахъ погибшихъ созданій, а о цѣломъ соціальномъ вопросѣ; что вы должны заботиться не объ исправленіи общества, а объ его спасеніи, для котораго нужны не ваши горячія проповѣди и анаѳемы пороку, а иное устройство, иныя условія труда, который создастъ и другую нравственность. Зданіе, въ которомъ до сихъ поръ жила женщина, сгнило, нужно строить другое, въ которомъ было бы мѣсто не только для ея обязанностей, но и для ея правъ. Иначе «мы дойдемъ, говоритъ Александръ Дюма, до всемірной проституціи.» Ничто ее не останавливаетъ, все, напротивъ, ей помогаетъ, начиная отъ самого верха и кончая послѣднимъ полицейскимъ служителемъ, который ничѣмъ не отвѣчаетъ за брошенную женщину, за брошеннаго ребенка. Зачѣмъ вы кричите, — такъ можно резюмировать слова Дюма — противъ проституціи, когда вы сами потакаете ей? Понимаете ли, что̀ вы дѣлаете, когда вы обязываете каждаго человѣка отъ 18 до 28 лѣтъ, время военной службы и три года до начала ея, не жениться ни подъ какимъ предлогомъ? Вы идете противъ природы, которая, не разсчитывая на конскрипцію, устроила такъ, что человѣкъ именно въ эти годы своей полной силы долженъ былъ бы

Digitized by Google

производить людей на свѣтъ, а не уничтожать ихъ. Не позволяя жениться, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не оскопляя всѣхъ подвергнутыхъ военной службѣ, само правительство должно было позаботиться о томъ, чтобы устроить мѣсто для отлива неизбѣжной эротической страсти молодыхъ и сильныхъ натуръ. Оно и позаботилось, устроивъ «законную» проституцію. Нужно отдать справедливость Дюма, онъ смотритъ прямо въ лицо пороку, и ничто не способно заставить его, какъ отвернуться самого, такъ и отвернуть глаза другихъ. Онъ не боится обвиненія въ цинизмѣ, онъ примиряется съ самою грубою рѣчью, когда дѣло идетъ объ указаніи всей публикѣ того зла, противъ котораго онъ борется, и когда онъ хочетъ уяснить ту человѣческую мысль, которая кроется въ его произведеніяхъ. Вы создаете проституцію, говоритъ онъ правительству, потому, что «за небольшую сумму, которая идетъ отъ 10 франковъ и до 4 су, каждый человѣкъ, военный или нѣтъ, можетъ имѣть тѣло живой женщины, которую онъ вовсе не знаетъ, на все время необходимое для его потребности, для его удовольствія, для его страсти, для его скотскаго чувства. (Посмотрите прямо, что̀ за уродливость!). Эта женщина записана въ префектурѣ; она имѣетъ номеръ, она подчинена извѣстнымъ полицейскимъ правиламъ. О ея душѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Если она дѣлается матерью, то, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи госпиталь или дѣтоубійство; но физіологи и статистики говорятъ, что проституція порождаетъ безплодіе.» И рядомъ съ этимъ Александръ Дюма прибавляетъ: «А нравственность, стыдливость, и всѣ добродѣтели, которыя вы проповѣдуете въ вашихъ храмахъ, въ вашихъ собраніяхъ, и которыя вы хотите насъ заставить проповѣдывать даже на сценѣ,—значитъ это правда, что надъ всѣмъ этимъ вы только смѣетесь?» Изъ его словъ очевидно слѣдуетъ одно, что если женщина будетъ оставлена въ такомъ положеніи, если само государство будетъ покровительствовать проституціи, организуя ее для своей арміи, то общество неминуемо будетъ доведено до крайняго паденія. Чтобы остановить разложеніе, нужно торопиться выйти изъ такого анормальнаго состоянія, нужно рѣшиться высвободить женщину изъ ея оковъ, дать ей другое соціальное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ она находится, нужно, чтобы она не имѣла необходимости для своего существованія обращаться къ разврату, или къ смерти, если хочетъ сохранить свою честность. Какія же для этого средства?

Александръ Дюма превращается даже иногда изъ драматурга въ общественнаго реформатора и предлагаетъ нѣкоторыя мѣры для болѣе человѣческаго устройства судьбы женщины. Мѣры эти,

Digitized by Google

хотя онъ за нихъ и не стоитъ, соглашаясь на всякія другія, лишь бы добиться тѣхъ же результатовъ, заключаются въ организаціи національныхъ мастерскихъ, и строгомъ наказаніи пятью и десятью годами тюремнаго заключенія всякаго человѣка, разъ что будетъ доказано, что онъ растлилъ дѣвушку или имѣлъ отъ нея ребенка. Первую мѣру онъ формулируетъ такимъ образомъ: Каждая дѣвушка пятнадцати лѣтъ должна будетъ доказать, что она имѣетъ средства къ существованію, или въ доходѣ или въ какомъ-нибудь ремеслѣ. «Та, которая не будетъ имѣть ихъ, если она обучена ремеслу, будетъ имѣть право работать въ мастерскихъ государства, которыя будутъ трудовыми казармами, и которыя никогда не будутъ стоить также дорого какъ армія, потому что онѣ будутъ что-нибудь приносить. Если дѣвушка не будетъ знать никакого ремесла, она войдетъ въ мастерскую какъ ученица вмѣсто того, чтобы войти, какъ работница». Другую свою мѣру строгаго наказанія онъ ставитъ подъ защиту слѣдующихъ словъ: «Фактъ добровольнаго произведенія на свѣтъ одного изъ себѣ подобныхъ, безъ всякой гарантіи нравственности, воспитанія и матеріальныхъ средствъ, представляетъ по отношенію къ обществу болѣе важное преступленіе, нежели ночное воровство, со взломомъ и равное убійству. Дать жизнь—въ извѣстныхъ условіяхъ есть большее варварство, чѣмъ дать смерть».

Александръ Дюма въ первый разъ выступилъ на драматическую сцену, пятнадцать лѣтъ назадъ, съ пьесою «La Dame aux Camélias», которая своимъ успѣхомъ тотчасъ выдвинула его впередъ. Успѣхъ этой пьесы объясняется гораздо легче ея содержаніемъ, нежели дѣйствительными достоинствами драмы. Публику увлекла фигура Маргариты Готье, не смотря на то, что она была для нея далеко не нова. Падшая женщина, перерожденная любовью, имѣла уже два образа, и два прекрасныхъ образа, именно Манонъ Леско и Маріонъ де-Лормъ, но эти два созданія были до того идеальны, до того возвышенны надъ обыкновенною жизнію, что Маргарита Готье, далеко не лишенная поэтичности, представляла, по сравненію съ двумя своими старшими сестрами, настолько реальный типъ, что казалось, будто бы онъ никогда не былъ выведенъ на сценѣ. Пьеса эта имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе въ исторіи французскаго театра, какъ грань, отъ которой начинается и новое направленіе, воспроизводимое на сценѣ. Направленіе это—реализмъ, а новый элементъ—женщина, принадлежащая къ полу-свѣту, который сдѣлалъ въ первый разъ рѣшительное вторженіе, утвердился, и породилъ собою цѣлую область драматической литературы. Въ какихъ образахъ не являлась съ тѣхъ поръ на сцену падшая женщина!

Digitized by Google

то она была украшена ореоломъ истинной любви и страсти, то она представлена была покрытая грязью, то она умирала какъ прощенная Магдалина, вызывая кругомъ сожалѣніе, слезы, рыданія, то она умирала какъ преступница, убитая какъ гада. Тысячи превращеній въ ея судьбѣ на театрѣ, ни одинъ драматургъ, чувствовавшій въ себѣ силу, не проходилъ мимо безъ того, чтобы не сдѣлать изъ нея своей возвеличенной или униженной героини. Если бы «La Dame aux Camélias» не имѣла вовсе никакихъ достоинствъ, то одного того факта, что Дюма почувствовалъ инстинктомъ, что пришло время вывести на сцену этотъ классъ, одного того, что онъ понялъ, какую ему суждено играть роль, и того, что его пьеса стоитъ первою въ тысячѣ драмъ, посвященныхъ этому новому общественному элементу, было бы слишкомъ довольно для перваго дебюта Александра Дюма. Помимо этого трудно, чтобы кто-нибудь рѣшился сказать, что она лишена всякихъ достоинствъ, не смотря на то, что самъ Дюма говоритъ, что это единственная его пьеса, написанная безъ любви и уваженія къ искусству, состряпанная всего въ восемь дней, гораздо больше вслѣдствіе денежной необходимости, чѣмъ святого вдохновенія [1]). Въ этой пьесѣ, чтобы ни говорилъ самъ авторъ, очень сильно сказался его талантъ, и именно та сторона, въ которой ему такъ упорно отказываютъ. Въ этой пьесѣ менѣе всего сухости, той неестественной сдержанности, которая, къ сожалѣнію, попадается довольно часто, и слишкомъ рѣзко бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ другихъ его произведеніяхъ. Мы находимъ тутъ, наоборотъ, мягкость, теплоту, рѣзкость, на которую далеко не щедръ Дюма, но которую, тѣмъ не менѣе, мы встрѣчаемъ у него вовсе не въ послѣдній разъ. Когда аббату Прево или Виктору Гюго хочется тронуть читателя или зрителя, когда они желаютъ вырвать у него слезы, они ничѣмъ не стѣснены, они уносятъ его въ свой фантастическій міръ горя и несчастія, они переносятъ свою героиню за океанъ, бросаютъ ее въ пустыни, хоронятъ ее въ чужой, непривѣтной землѣ, заставляютъ присутствовать при казни любовника, при его страданіяхъ, дѣлаютъ все и, главное, могутъ все дѣлать, чтобы надорвать сердце публики. Положеніе реалиста во сто разъ труднѣе, онъ приковался къ дѣйствительной жизни, онъ боится хотя бы на одну черту переступить границу случающагося, опасаясь заслужить упрекъ: это невѣроятно. Зритель въ сто разъ снисходительнѣе къ міру фантазіи, чѣмъ къ міру дѣйствительности, потому что въ одномъ онъ часто по совѣсти признаетъ себя некомпетентнымъ судьею, въ

[1]) Au lecteur—Théatre complet.

Digitized by Google

другомъ онъ считаетъ, что все ему понятно, и что онъ все способенъ цѣнить. Передъ зрителями идетъ сцена, развивается какое-нибудь положеніе, которое понятно одному, потому что онъ или самъ испыталъ его или былъ его свидѣтелемъ, и непонятна другому, потому что онъ никогда не слышалъ о немъ; одинъ махаетъ головою и говоритъ—прекрасно, другой разводитъ руками и говоритъ: это вздоръ, поэтому задача реалистическаго произведенія крайне тяжела, оно должно тронуть публику, пропустить электрическій токъ, такимъ образомъ, чтобы онъ одинаково отозвался во всѣхъ мѣстахъ разношерстой залы и вмѣстѣ съ тѣмъ ни на одну минуту не вдаться въ такое положеніе, которое показалось бы невозможнымъ кому-нибудь изъ присутствующихъ въ ней. Александръ Дюма достигъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей первой пьесы. Не переходя область дѣйствительной жизни, не вдаваясь въ фантазію, онъ тронулъ зрителя и показалъ большое чувство во всѣхъ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ рисуетъ эту несчастную женщину, брошенную всѣми, именно въ тотъ моментъ, когда она старается сдѣлаться честною; страданіе, слабость, горе нашли въ немъ такое искреннее, неподдѣльное сочувствіе, что онъ съумѣлъ размягчить сердце не одного строгаго судьи, изображая ихъ олицетворенными въ фигурѣ Маргариты Готье, старающейся искупить свое прошедшее безконечною любовью въ настоящемъ. Онъ возбуждаетъ къ ней въ зрителяхъ сожалѣніе, онъ вырываетъ у нихъ прощеніе, чего, разумѣется, онъ никогда бы не достигъ, если бы его душу не согрѣвало самое теплое чувство, въ которомъ отказываютъ всѣ тѣ, которые упрекаютъ его въ сухости и кричатъ противъ безнравственности пьесы. Признавая, что въ этой пьесѣ сказались нѣкоторыя изъ хорошихъ сторонъ его таланта, нельзя не признать, что тутъ же обрисовались и нѣкоторые изъ недостатковъ, которые попадаются во всѣхъ почти его произведеніяхъ. Безъ сомнѣнія, большія, длинныя разсужденія, къ которымъ такъ склонны всѣ вообще его дѣйствующія лица, нигдѣ такъ не неумѣстны, какъ на языкѣ Маргариты Готье, этой любящей и страдающей женщины, но тѣмъ не менѣе лишенной всякаго образованія и потому неспособной къ такой логичности мысли, къ такому ясному пониманію вещей. Она совершенно права, когда говоритъ: «Мы кажемся счастливыми и намъ завидуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ любовниковъ, которые разоряются, но не для насъ, какъ они говорятъ, а ради своего тщеславія. Мы стоимъ первыми въ ихъ самолюбіи и послѣдними въ ихъ уваженіи.... Все кругомъ насъ—одно разореніе, стыдъ и ложь...» Всѣ эти слова безукоризненно вѣрны, они могли вырваться изъ груди Маргариты, но не такъ хорошо сгруппирован-

Digitized by Google

ными, не такъ хорошо вдѣланными въ искусную рѣчь. Говоря о недостаткахъ пьесы, конечно, слѣдовало бы сказать и о томъ, что Александръ Дюма не потрудился указать, какъ развилась эта страсть, какъ произошелъ процессъ перерожденія, а это совершенно позволительно требовать отъ автора. Если бы онъ взялъ готовое положеніе, еслибы въ первомъ актѣ мы бы уже видѣли эту женщину полною любви, тогда нельзя спрашивать у драматурга, какъ это случилось; но тутъ въ первомъ актѣ мы видимъ одну женщину, во второмъ совершенно другую, и потому любопытство, что̀ случилось съ нашей знакомой въ антрактѣ, совершенно законно. Точно также справедливо будетъ сдѣланъ ему упрекъ, что онъ обратился къ такому мелодраматическому средству, какъ чахотка Маргариты. Этимъ самымъ онъ лишилъ свою мысль той силы, которую она имѣла бы, еслибы сочувствіе было вызвано одною любовію героини безъ примѣси болѣзни. Ея нравственное состояніе, ея страданіе отъ разбитой любви, уничтоженной, забрызганной грязью, должно было бы быть начерчено болѣе ярко, съ большею подробностью и глубиною, но за то тогда никто бы не могъ сказать—что не Маргарита Готье, не любовь ея, не ея «мнимыя» страданія вызываютъ сочувствіе и слезы публики, а только ея кашель, ея смертельная болѣзнь. Если сознаніе самого Дюма въ слабости своей пьесы должно обезоружить всякаго критика, настаивающаго на недостаткахъ, то оно все-таки не мѣшаетъ отдать справедливость тѣмъ не многимъ достоинствамъ, которыя есть въ «La Dame aux Camélias». Эти достоинства сходятся на мысль, теплоту чувства и на двѣ-три сцены, полныя поэтической страсти, которую мы находимъ лучше выраженною въ его второй пьесѣ, стоящей по достоинству выше первой, хотя и не имѣвшей такого успѣха, а именно, «Diane de Lys». Въ то время, когда появилась эта драма, успѣхъ «la Dame aux Camélias» еще продолжался, хотя и продолжался рикошетомъ. На той же сценѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцовъ назадъ умирала Маргарита Готье, умиралъ теперь юноша полный таланта, Рафаэль Дидье, жертва другой падшей женщины Маркò, которая выведена была не для чего иного какъ для обвиненія Маргариты, какъ будто бы Регана или Ганфилья могутъ бросать тѣнь на Корделію, оттого только, что онѣ сестры. Главное достоинство «la Dame aux Camélias» заключалось и въ томъ, что она дотронулась до больного мѣста французскаго общества, и какъ живое и мѣткое слово, она не могла не вызвать самаго страстнаго противорѣчія. Какъ, вскрикнулъ Барьеръ, вы утверждаете, что эти женщины способны любить, способны жертвовать собою, что въ

Digitized by Google

нихъ не погибла всякая человѣчность, вы имѣете духу курить ѳиміамъ тому классу, который составляетъ язву, бичъ, горе и стыдъ нашего общества, вы дѣлаетесь льстецомъ разврата и грязи! Знайте же, что тѣ ангелы, которыхъ вы рисуете, не что иное, какъ гіены, виперы, онѣ способны только на то, чтобы убить всякое хорошее чувство, задушить всякую мысль, уничтожить умъ, талантъ, геній, онѣ отравляютъ самый чистый, кристальный ручей, ихъ нужно отмѣтить желѣзомъ, раскаленнымъ желѣзомъ! Съ потрясенными нервами, съ пѣною у рта, по своему обыкновенію, вылилъ авторъ «les Parisiens» всю свою злобу и негодованіе въ пьесѣ, служащей, какъ pendant къ «la Dame aux Camélias» и вызванной исключительно ею. Барьеръ былъ бы пораженъ, уничтоженъ, если бы кто-нибудь тогда сказалъ ему, что его «les Filles de marbre» стоятъ ниже, не только по исполненію, но и по своему нравственному значенію, чѣмъ пьеса Дюма, что этотъ глубоко проникъ въ общественную рану, между тѣмъ, какъ онъ остался на поверхности, что у того есть мысль, въ то время, какъ у него ея нѣтъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ сказать Барьеръ своею драмою? что публичныя женщины погрязли въ развратѣ, что у нихъ нѣтъ обыкновенно возвышенныхъ чувствъ, что у нихъ нѣтъ ни честныхъ правилъ, ни благородныхъ стремленій? Да кто же этого не зналъ, откуда имъ и быть, когда общество, вмѣсто того, чтобы научить ихъ различать добро и зло, научило ихъ только и принудило торговать собою. Кто болѣе правъ изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Маркò ли, эта женщина на содержаніи, которая съ 16-ти, можетъ быть 15-ти лѣтъ была втянута въ это ремесло, которая привыкла къ разгульной жизни, уничтожающей всякій слѣдъ сердца, всякое чувство, не умѣющая можетъ быть читать, Маркò, рѣшившаяся тѣмъ не менѣе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ уединеніи съ своимъ влюбленнымъ Дидье, и говорящая ему теперь: «Развѣ это моя вина, что я скучаю? Уединеніе, мечтанія, солнце... и опять тоже солнце, тоже уединеніе и тѣже мечтанія; можно погибнуть съ тоски. Я здѣсь въ тюрьмѣ и вы тоже....» Какъ понять Рафаеля Дидье, этого пламеннаго юношу, предлагающаго женщинѣ, которая не любитъ его, женщинѣ, пріученной къ роскоши, бѣжать съ нимъ, бѣднякомъ, бросить Парижъ, Францію и сдѣлать изъ ихъ «счастія» «новую родину» и какъ онъ, человѣкъ съ талантомъ, съ образованіемъ не понимаетъ урока, который даетъ ему Марко, и не слушается ее, когда ему говорятъ: отчего вы больше не дѣлаете статуй, дѣлайте ихъ, занимайтесь, работайте! Кто не чувствуетъ, что Desgenais, этотъ Альцестъ Барьера, дѣлающій въ этой пьесѣ свое

Digitized by Google

первое появленіе, говоритъ самыя банальныя мѣста, вскрикивая: «Женщины, какъ Марко, усыпляютъ душу, которую онѣ наполняютъ; онѣ прогоняютъ самые благородные инстинкты, онѣ уничтожаютъ божественныя вдохновенія»? Барьеръ откровенно бросаетъ камень въ огородъ Александра Дюма, когда заставляетъ говорить своего Діогена: «Я больше не Desgenais, я зовусь Разумомъ... Такія женщины демоны для такихъ людей, какъ ты (Рафаель Дидье)... И этихъ женщинъ воспѣвали, восхваляли, поэтизировали, честное слово, можно умереть со смѣха... довольно это длится. Пора уходить въ тѣнь, сторонитесь съ вашими каретами! Мѣсто честнымъ женщинамъ, которыя ходятъ пѣшкомъ»! Я ни воспѣвалъ, ни поэтизировалъ, могъ бы отвѣтить ему Дюма, женщинъ подобныхъ Марко, не моя вина, что вы не поняли моей пьесы. Между тѣмъ, чтобы восхвалять ихъ и тѣмъ, чтобы вызвать къ нимъ сожалѣніе и сказать: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не погибло еще все человѣческое, онѣ способны чувствовать и любить, вырвите этихъ женщинъ и не давайте другимъ, невиннымъ еще, падать такъ низко; между этими двумя манерами смотрѣть на вещи есть большая разница, и вся въ пользу Дюма. Но, нападая за мотивъ «les Filles de marbre» на Барьера, мы не можемъ не отдать ему справедливости, что главная фигура пьесы, Марко, написана съ большою силою, твердостью, характеръ ея выдержанъ до конца, она также умна, какъ Desgenais, если еще не умнѣе, и разумѣется Дидье не что иное, какъ ребенокъ по сравненію съ нею; она характеризуетъ его, говоря: «Ахъ, послушайте Рафаель, вы просто смѣшны»! что̀ значитъ: принимайте меня такъ, какъ я есть, или убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ! Ни «la Dame aux Camélias», ни «les Filles de marbre» далеко не исчерпали, разумѣется, этого богатаго сюжета: класса падшихъ женщинъ, и мы могли бы посмотрѣть теперь, что̀ за лепту принесъ въ свою очередь Эмиль Ожье; но лучше прежде сказать о другихъ пьесахъ Александра Дюма, имѣющаго способность почти всегда вызывать себѣ, если не такіе рѣзкіе отвѣты, какой далъ ему Барьеръ, то по крайней мѣрѣ, пьесы, продолжающія какъ бы и развивающія тронутый имъ сюжетъ.

Взявъ въ «La Dame aux Camélias» падшую женщину въ самомъ низкомъ слоѣ общества, онъ взялъ теперь въ «Diane de Lys» въ самомъ высшемъ, аристократическомъ кругѣ, и старался показать въ прекрасно задуманномъ характерѣ Діаны, что̀ ведетъ къ гибели свѣтскую женщину, которая не можетъ найти себѣ извиненія во всемъ томъ, въ чемъ находила его Маргарита Готье; какіе бы упреки ни вызывала эта драма, на какія

Digitized by Google

неестественности мы бы ни натыкались, въ этой пьесѣ есть одно драгоцѣнное достоинство, искупающее всѣ недостатки. Достоинство это заключается въ типѣ Діаны, который рисуетъ собою не одинъ какой-нибудь исключительный характеръ, а служитъ представителемъ цѣлой огромной женской среды, незнающей никакого истиннаго горя, никакихъ различныхъ бѣдствій, не испытывающей никакихъ несчастій, но страдающей однимъ зломъ — это скукой и бездѣльемъ. Очевидно, Александръ Дюма долженъ былъ спросить себя, откуда происходитъ это громадное количество любовныхъ интригъ, откуда является въ женщинахъ эта легкость къ измѣнѣ своему мужу, эти ежедневныя «паденія», и онъ долженъ былъ отвѣтить себѣ, что причина ихъ лежитъ вовсе не въ истинной любви, на которую постоянно сваливаютъ женщины всѣ свои несчастія, не въ настоящей страсти, которая такъ рѣдка, а просто въ отсутствіи образованія, въ невѣжествѣ, не позволяющемъ женщинѣ искать себѣ другого выхода изъ пустоты, какъ въ любовной связи, убивающей незанятое время. Ді-Что̀, кажется, нужно Діанѣ, чего ей недостаетъ, въ своей жизни она не испытала ни горя, ни несчастія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, она скучаетъ, хандритъ, ей все чего-то хочется, она чего-то добивается, находясь во власти тысячи безотчетныхъ желаній, мечтаній, стремленій. При такомъ лихорадочномъ, неестественномъ состояніи не трудно предсказать, какой врагъ долженъ погубить ее, и какой въ самомъ дѣлѣ и губитъ ее. Бездѣлье и скука, вотъ что̀ нужно ей было побѣдить. Сколько женщинъ должны были узнать въ Diane de Lys свой портретъ и сколько еще узнаютъ его. Слово: «я скучаю» заставляетъ Діану отправляться на свиданіе съ человѣкомъ, котораго она вовсе не любитъ, правда, она не одна, она ѣдетъ съ подругою, но тѣмъ не менѣе первый шагъ сдѣланъ: она узнала дорогу. Это слово заставляетъ ее принимать къ себѣ въ первомъ часу ночи одного молодого человѣка, о которомъ она слышала много интереснаго; она принимаетъ его безъ того, чтобы какая-нибудь дурная мысль прошла у ней въ головѣ, такъ, просто, безъ всякой причины, отъ скуки. Этотъ человѣкъ сказалъ ей нѣсколько не банальныхъ фразъ, высказалъ нѣсколько мыслей, которыхъ она не слышала въ своемъ свѣтѣ, онъ показалъ чувство и этого часового разговора достаточно, чтобы она влюбилась... благодаря скукѣ. Она до того ясно это показываетъ, она такъ не сознаетъ своего положенія, что этотъ человѣкъ съ перваго раза говоритъ ей: «Я васъ понялъ въ одну минуту; я понялъ, что ваша праздная душа оставляетъ все дѣлать вашему уму», который не перестаетъ работать ни на одну минуту, но который, къ несчастію, для такихъ женщинъ не на-

Digitized by Google

ходитъ въ самомъ себѣ никакой здоровой пищи. Разъ, что она достигла своего, разъ, что она напала на такое ощущеніе, которое заставляетъ ее забывать своего главнаго врага, она болѣе ничего не помнитъ, она вся отдается страсти, которая дожидалась только, чтобы хлынуть наружу; на все, что ей говоритъ ея подруга, на всѣ совѣты, увѣщанія, она отвѣчаетъ однимъ: «ты сумасшедшая»! это вѣчное слово на губахъ женщины въ ту минуту, когда замѣшивается въ дѣло страсть. Сколько силы, оригинальности, смѣлости показываетъ Diane de Lys въ минуты борьбы съ своимъ мужемъ и со свѣтомъ изъ-за своей любви. Тутъ, безъ сомнѣнія, типъ Діаны возвышается надъ обыкновенными свѣтскими женщинами. Она отдается своей страсти вся, безъ разсчета, всѣмъ жертвуетъ, все забываетъ, кромѣ своего чувства! она идеализирована, она опоэтизирована. Свѣтская женщина, но не Diane de Lys, которая точно также разыскиваетъ, бредитъ сильными ощущеніями, натыкаясь очень скоро разумѣется на человѣка, всегда готоваго удовлетворить ея требованію, тотчасъ послѣ того, что первый пылъ ея страсти проходитъ съ первымъ поцѣлуемъ, быстро вспоминаетъ и о всемъ томъ, чѣмъ часъ тому назадъ она хотѣла жертвовать. Мужъ, свѣтъ, молва, положеніе въ обществѣ все опять получаетъ въ ея глазахъ цѣну и она начинаетъ раскаяваться въ сдѣланномъ шагѣ.... отсюда проистекаетъ ложь, обманъ, недостойный дѣлежъ между мужемъ и любовникомъ, однимъ словомъ все то, что называется паденіемъ женщины, и что ставитъ ее на ту же доску, гдѣ написано имя и несчастной Маргариты Готье и наглой Марко. Если начало, источникъ страсти Діаны такой же, какъ у массы свѣтскихъ женщинъ, т. е. скука и бездѣлье, то за то страсть находитъ въ ней исключительную натуру. Діана, это еще идеалъ женщины современнаго свѣтскаго общества, она, по крайней мѣрѣ, умѣетъ любить и умѣетъ жертвовать своей страсти всѣмъ, что у нея есть, всею своею жизнію. Что же хотѣлъ сказать своею драмою Александръ Дюма, какая мысль была у него, когда онъ наказываетъ Діану смертью ея любовника, умирающаго отъ руки ея мужа? Не думаетъ ли онъ исключить изъ жизни любовь, страсть, незаконную связь и т. д.? Нѣтъ, онъ не хочетъ ничего этого, онъ только желаетъ, чтобы эта любовь не имѣла бы своимъ основаніемъ скуку, чтобы эта страсть не была въ зародышѣ бездѣльемъ, чтобы незаконная связь не давала мужу право убивать любовника *по закону* [1]). Что онъ не врагъ истинной любви, будь она

[1]) Французскій кодексъ предоставляетъ мужу право, если онъ найдетъ жену свою вмѣстѣ съ любовникомъ и застанетъ ихъ въ минуту преступленія, убить и того и дру-

Digitized by Google

двадцать разъ незаконна по правиламъ общества, онъ это ясно высказываетъ въ предисловіи къ «la Dame aux Camélias»: «Я не отрицаю, чтобы внѣ брака не было тѣхъ непреодолимыхъ фатальныхъ страстей, съ которыми не могутъ бороться никакіе законы, которыхъ не могутъ побѣдить никакія разсужденія, которыя уносятъ тѣхъ, которые находятся въ ихъ власти не только за свѣтскія правила, но за границы земли. Эти страсти въ самихъ себѣ носятъ свои катастрофы, свое наказаніе, свою славу, свое прощеніе. Онѣ берутъ всю жизнь своихъ жертвъ..... Любовь на этой степени почти равняется добродѣтели. Но я говорю только о той ходячей любви, которая разъѣзжаетъ въ каретѣ на балы, спектакли, которая смѣется пока она продолжается и жалуется послѣ, которая черезъ нѣсколько времени снова возобновляется и которая подъ двойною формою — проституціи, прелюбодѣянія — подкапываетъ мало-по-малу семейство, какъ крысы подкапываютъ домъ безъ того, чтобы замѣчали жильцы.» Онъ хочетъ еще и того, чтобы женщина, въ которой, если эта случайно зародившаяся любовь, эта первоначальная простая интрига, благодаря сильному характеру, привилегированной натурѣ, переходитъ въ истинную страсть, въ настоящую любовь, чтобы эта женщина имѣла возможность соединиться навсегда съ своимъ любовникомъ, безъ того, чтобы онъ подвергался каждую минуту своей жизни опасности быть законно убитымъ ея мужемъ. Однимъ словомъ онъ требуетъ развода [1]) Въ «Demi-Monde» одно названіе достаточно ясно говоритъ, къ какому міру принадлежатъ главныя дѣйствующія лица пьесы. Александръ Дюма не покинулъ и тутъ темной среды падшихъ женщинъ. Какъ въ «la Dame aux Camélias», онъ нарисовалъ паденіе являющееся результатомъ нищеты, голода и невѣжества, какъ въ «Diane de Lys» онъ представилъ его какъ послѣдствіе пустоты и бездѣлья скучающихъ свѣтскихъ женщинъ, такъ въ «Demi-Monde» онъ изобразилъ едва ли не самое отвратительное паденіе, такъ какъ оно проистекаетъ изъ грязнаго источника: алчности, страсти къ роскоши, блеску, который онѣ рѣшаются покупать не только продажей себя, но обманомъ, мошенничествомъ, словомъ всѣми правдами и неправдами, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, хотя бы нужно было даже жертвовать человѣческою жизнію. Какъ въ одномъ случаѣ онъ нарисовалъ женщину, вырванную изъ самаго низшаго класса общества, какъ

гого. Поэтому, когда мужъ Діаны въ 4 актѣ застаетъ ее съ любовникомъ, онъ говоритъ ему: «Я даю вамъ честное слово, что если еще разъ я найду васъ около моей жены въ тѣхъ же условіяхъ какъ теперь, то я воспользуюсь правомъ предоставленнымъ мнѣ закономъ и убью васъ.»

[1]) A propos de la Dame aux Camélias—Théatre complet. p. 47.

Digitized by Google

въ другомъ самаго высшаго, великосвѣтскаго, такъ теперь представилъ онъ женщинъ не принадлежащихъ собственно ни къ какому классу, а составляющихъ особенный слой, никуда плотно не прилегающій, а постоянно находящійся въ броженіи. «Женщины, окружающія васъ, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, объясняя другому, въ какого рода міръ онъ попалъ, всѣ имѣютъ какую-нибудь ошибку въ своемъ прошломъ, какое-нибудь пятно на своемъ имени, онѣ жмутся другъ къ другу, чтобы оно меньше было замѣтно, и съ тѣмъ же происхожденіемъ, съ тою же внѣшностью, съ тѣми же предразсудками, какъ и свѣтскія женщины, онѣ не принадлежатъ къ обществу и составляютъ то, что мы называемъ полу-свѣтомъ, который не есть ни аристократія, ни буржуазія, но который двигается какъ плывучій островъ на парижскомъ океанѣ, и который созываетъ, собираетъ, принимаетъ все, что падаетъ, все, что эмигрируетъ, все, что спасается съ одного изъ двухъ материковъ, не считая случайно попадающихся, потерпѣвшихъ крушеніе, и которые являются неизвѣстно откуда».

Ни одна изъ пьесъ Александра Дюма не имѣла такого большого и притомъ такого законнаго успѣха, какъ «Demi-Monde». Самые заклятые враги реализма сложили свое оружіе и признали комедію Дюма однимъ изъ лучшихъ произведеній современнаго драматическаго искусства. Успѣху этому, безъ сомнѣнія, сильно помогло то удивленіе, которое вызвала эта пьеса у общества. Оно не могло прійти въ себя въ первую минуту, и должно было спрашивать другъ у друга, откуда взялъ авторъ этотъ новый для него міръ, гдѣ онъ откопалъ этихъ женщинъ, этотъ цѣлый слой, потерянный въ парижскомъ населеніи, слой, который дышетъ и живетъ одною ложью, въ языкѣ, въ нравахъ, во всей обстановкѣ, который сегодня богатъ, завтра нищенствуетъ, потомъ опять богатѣетъ, и который подъ наружнымъ блескомъ часто скрываетъ чуть не лохмотья? Какъ, когда, въ какую эпоху, всякій долженъ былъ задавать себѣ вопросъ, образовался этотъ странный, особенный міръ, живущій подъ кодексомъ обмана и хитрости? Дѣло въ томъ, что никто до Александра Дюма не указывалъ на него обществу, онъ первый напалъ на него, проникъ въ самыя сокровенныя его тайны и во всей наготѣ передалъ его главные типы. Удивленіе было тѣмъ больше, что никто ни на минуту не могъ сказать: это неправда, этого міра не существуетъ. Всѣ напротивъ чувствовали, что тутъ одна только правда, и кромѣ нея ничего нѣтъ. Выведенныя лица «Demi-Monde» такъ живы, такъ натуральны, что никакое воображеніе не могло ихъ выдумать. Манеры, нравы, слова, жесты, все такъ кидалось въ глаза своею отталкивающею истиною, что нужно было бы приписать

Digitized by Google

автору слишкомъ большую честь, допуская, что этотъ міръ доставленъ Александру Дюма воображеніемъ. Нѣтъ, онъ подслушалъ и подсмотрѣлъ, онъ записалъ въ свою памятную книжку всѣ выраженія, всѣ фразы, счертилъ всѣ позы, всѣ взгляды, и потомъ только сильною рукою связалъ это все однимъ крѣпкимъ узломъ. Но наблюдательность у Дюма — она точно пропадаетъ или по крайней мѣрѣ много теряетъ своей силы, когда онъ направляетъ ее на другой слой, на другую часть общества, а не на классъ падшихъ женщинъ въ различныхъ его проявленіяхъ. Изъ этого слоя общества онъ сдѣлалъ какъ бы свою спеціальность, и хотя онъ достигъ въ ней огромнаго мастерства, но тѣмъ не менѣе для такого большого таланта, какимъ обладаетъ Дюма, этого еще мало, онъ не долженъ былъ бы довольствоваться своимъ заколдованнымъ кругомъ, и долженъ бы напрячь всѣ свои усилія, чтобы съ успѣхомъ переступить его черту. Тѣ нѣсколько попытокъ, которыя онъ дѣлалъ, были удачны только на половину, и онъ, вмѣсто того, чтобы упорствовать и добиться,—что, безъ сомнѣнія, въ его средствахъ,—предпочелъ снова возвратиться къ своему любимому міру. Задача, цѣль истиннаго драматурга должна быть изображеніе общества вообще, а не отдѣльной какой-нибудь его частицы, искусство не должно подчиниться этому господствующему стремленію XIX-го вѣка, все съуживать, все спеціализировать, потому что иначе оно изсушитъ его и лишитъ всякой жизни. Дѣлая Александру Дюма упрекъ, что онъ ограничиваетъ свою дѣятельность однимъ замкнутымъ кругомъ, и что онъ посвящаетъ себя разработкѣ одного только вопроса, нужно сказать все-таки, что на этомъ пути онъ не встрѣчаетъ себѣ соперниковъ, и что врядъ ли можно съ бо̀льшимъ знаніемъ, ловкостью и талантомъ изображать тотъ классъ женщинъ, въ которомъ онъ встрѣтилъ такіе сильные и оригинальные характеры, какъ характеръ баронессы d'Ange. Изъ всего театра Дюма едва ли эта фигура не есть самая выдающаяся по законченности и цѣльности характера, и не самая интересная по своей новизнѣ. Баронесса д'Анжъ представляетъ собою типъ интригантки и куртизантки, прикрывающейся наружнымъ приличіемъ, типъ женщины, въ которой есть какая-то дьявольская сила, таскающая ее для достиженія своей цѣли, черезъ какія бы средства ни нужно было для этого пройти. Она съ молоду видѣла кругомъ себя успѣхъ обмана и наглости, и потому рѣшилась хорошо воспользоваться урокомъ, и точно также, благодаря ряду гнусныхъ поступковъ, добиться себѣ имени, почести и уваженія. Время, эпоха нашла въ ней достойную ученицу, и она заимствовала отъ нея всѣ пороки, отбросивъ въ сторону то хоро-

Digitized by Google

шее, что̀ существуетъ въ обществѣ помимо всякой воли, и что̀ никакая сила не въ состояніи уничтожить. Баронесса д'Анжъ— это вполнѣ созрѣвшій нарывъ, но не лопающійся сразу, а распускающій свой гной мало-по-малу, при каждомъ удобномъ случаѣ. Типъ этотъ никогда прежде не существовалъ, онъ только, что успѣлъ сформироваться, какъ Александръ Дюма подмѣтилъ его. Онъ ничего къ нему не прибавилъ своего, потому что къ такому типу нечего прибавлять, онъ какъ нельзя болѣе цѣленъ, и каждая лишняя черта, какъ бы она ни была ничтожна, испортила бы только его, сдѣлала бы фальшивымъ. Онъ только насквозь проникся имъ, изучилъ его малѣйшее движеніе, самую тайную мысль и перевелъ его на сцену во всей его природной красотѣ, которая тутъ представляется исполинскимъ нравственнымъ уродствомъ. Эта женщина живетъ, нѣтъ ни одного слова, ни одного жеста, который можно было бы упрекнуть въ нереальности. Она даетъ собою возможно полное олицетвореніе зла, закутаннаго въ мантію, украденной у его побѣжденнаго врага. Откуда, что, когда, какъ она появилась на свѣтъ, — этого никто не знаетъ, не знаетъ даже самъ Ал. Дюма, онъ нашелъ ее уже хитрою любовницею одного маркиза, у котораго она успѣла выманить состояніе въ 15, 20 тысячъ франковъ годового дохода. Съ этой минуты, заимствовавъ чужое имя и фальшивый титулъ, она рѣшается пролѣзть на самый верхъ общества. Тутъ-то она развиваетъ всю свою силу, показываетъ свои когти и удивляетъ всѣхъ своими геніальными наполеоновскими стратегическими планами. Она бьетъ все и всѣхъ, разбиваетъ и уничтожаетъ враговъ, торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ, и тогда, когда, кажется, наступаетъ великая минута осуществленія ея плановъ, когда осталось сдѣлать одинъ шагъ, — вдругъ разгромъ Ватерлоо. Какую сочную картину далъ своему обществу Дюма, представивъ баронессу d'Ange, окруженною обществомъ ея пріятельницъ, M-me de Santis и M-me de Vernières. Когда попадаешь въ этотъ міръ и слушаешь ихъ разговоры, когда глазъ начинаетъ ясно различать, сколько лжи во всей ихъ атмосферѣ, сколько вѣроломства въ ихъ взглядахъ, сколько напрасныхъ усилій, тотчасъ же опровергаемыхъ ими самими, чтобы прослыть за честныхъ женщинъ, какъ на всемъ отзывается какой-то смрадъ, какъ все завѣшано блестящими лохмотьями, которыя позволяютъ сквозь дыры видѣть дѣйствительность, тогда слово «полусвѣтъ» невольно навертывается на губы. Да, это полусвѣтъ, это тотъ классъ, который созданъ послѣдними двадцатью годами, это настоящій, существующій общественный слой, который не могъ быть выдуманъ авторомъ «Demi-Monde». Еслибы мужскіе характеры отвѣ-

Digitized by Google

чали по силѣ женскимъ, тогда трудно было бы найти въ этой пьесѣ серьёзные недостатки. Конечно, типъ Olivier Jalin, человѣка, ясно понимающаго всѣ плутни «полусвѣта», всѣ его продѣлки, вертящагося здѣсь, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «это побочное общество очень пріятно для молодыхъ людей», такъ какъ тутъ собираются замужнія женщины безъ мужей, человѣка безъ всякихъ нравственныхъ стремленій, а просто честнаго малаго, еще болѣе удаченъ, чѣмъ всѣ остальные герои Дюма, но тѣмъ не менѣе, этого недостаточно, чтобы гармонировать съ такими законченными типами, какъ баронесса d'Ange и M-me de Santis. Вообще нужно сдѣлать общее замѣчаніе, относящееся ко всѣмъ произведеніямъ Дюма, что у него преимущественно, чтобы не сказать исключительно, удаются женскіе характеры, и насколько эти типичны, сильны, своеобразны, вырваны какъ бы изъ жизни, настолько же мужскіе характеры слабы, блѣдны, безжизненны и банальны. Что можно противоставить его Маргаритѣ Готье, Діанѣ, д'Анжъ? едва набросанные и какъ бы затушеванные ими образы Армана Дюваля и Поля Обри—двухъ героевъ «la Dame aux Camélias» и «Diane de Lys». Въ послѣдующихъ его пьесахъ мы находимъ всегда тотъ же недостатокъ: дисгармонію между женскими и мужскими типами. Если женскіе характеры Дюма требовали бы иногда большей глубины, бо́льшаго анализа, разработки, то все-таки концепція того или другого типа всегда хороша; мужскіе же характеры не только не бываютъ хорошо выполнены, но рѣдко даже удачно задуманы. Вотъ отчего, говоря о его пьесахъ, мы вынуждены ограничиваться разборомъ женскихъ типовъ. Помимо этого общаго недостатка всѣмъ произведеніямъ Александра Дюма, «Demi-Monde» почти не заслуживаетъ никакого упрека. Главные характеры, драматическія положенія, языкъ дѣйствующихъ лицъ,—все, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ другъ другу, какъ нельзя болѣе вѣрно и мастерски подмѣчено.

Пьесы Александра Дюма многіе сравнивали иногда съ геометрическими теоремами, которыя онъ начинаетъ доказывать съ первой сцены перваго акта, и которымъ онъ даетъ рѣшеніе въ послѣднихъ словахъ послѣдняго дѣйствія. Если въ этомъ сравненіи есть, безъ сомнѣнія, много преувеличеннаго, то въ немъ все-таки есть и доля правды, а этого нельзя, кажется, особенно ставить въ вину автору «Demi-Monde». Кто не предпочтетъ этой ясности, строгой послѣдовательности въ разговорахъ, въ поступкахъ, въ сценахъ, въ цѣломъ ходѣ пьесы, которая отъ начала и до конца ведется въ виду одной мысли, — разбросанность, несвязность, сопоставленіе сценъ, неизвѣстно для чего при-

Digitized by Google

плетенныхъ, что̀ такъ часто встрѣчается даже въ произведеніяхъ хорошихъ и талантливыхъ драматурговъ? Въ пьесахъ Дюма мы встрѣчаемъ, благодаря этой логикѣ, одно достоинство, которое мы рѣдко находимъ у другихъ современныхъ драматурговъ; въ большинствѣ его пьесъ послѣдній актъ связанъ съ первымъ, его нельзя ни отбросить, ни измѣнить, онъ не является случайной придѣлкой, нужной только для того, чтобы закончить какъ-нибудь пьесу. Къ нему все направлено, все приготовляется для него, сюда стекаются всѣ событія, онъ резюмируетъ положенія, характеры, мысль пьесы. Чтобъ придумать новый конецъ, нужно придумать новое начало, новую середину и т. д., однимъ словомъ, нужно передѣлать цѣлую пьесу; между тѣмъ у всѣхъ другихъ, что̀ мы видимъ? не говоря уже о Сарду, Барьерѣ, Октавѣ Фелье, у которыхъ они никуда не годны, даже у Эмиля Ожье, главный недостатокъ заключается большей частью въ послѣднихъ актахъ, не клеющихся до такой степени со всей пьесой, и до того ложныхъ по отношенію къ ходу цѣлой пьесы, что часто послѣ тридцати, сорока представленій, онъ беретъ назадъ свою драму или комедію и пишетъ новое заключеніе. Такъ было съ его «Contagion», такъ случилось теперь съ послѣдней его пьесой «Paul Forestier». Такого рода процедура доказываетъ, разумѣется, одно, что вся пьеса не бралась въ головѣ съ одного раза, что въ ней нѣтъ мысли, которая пронизывала бы ее отъ начала до конца. Но это не единственная заслуга, которую логика оказываетъ Александру Дюма. Благодаря ей, всѣ драматическія положенія получаютъ необыкновенную ясность, они наглядно группируются около одной главной мысли пьесы, она придаетъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ удивительную опредѣленность, которая не позволяетъ смѣшивать одну фигуру съ другою; каждой она налагаетъ свою оригинальную печать. Рядомъ съ этимъ, безднѣ положеній логика придаетъ большую силу, рельефность, вытекающихъ изъ прямоты и простоты, съ которою рисуетъ ихъ Дюма. Самые большіе удары, самые сильные толчки авторъ даетъ безъ всякихъ приготовленій и церемоній, однимъ какимъ-нибудь словомъ, падающимъ съ его губъ. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ, въ самыя тяжелыя и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныя минуты, когда невольно спрашиваешь себя, какъ можетъ изъ нихъ выбраться авторъ съ успѣхомъ, когда все, кажется, клонится къ тому, чтобы онъ залѣзъ въ такой густой лѣсъ, изъ котораго нѣтъ выхода, Александръ Дюма приводитъ маленькое логическое разсужденіе, вкладываетъ иногда два-три слова, ясныхъ какъ день, въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ, и при помощи такого удачнаго маневра однимъ ударомъ разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ.

Digitized by Google

Да, разсѣкаетъ, другого слова мы не можемъ употребить, потому что Александръ Дюма, разъ что логика подсказала ему, что то или другое должно быть такъ и не иначе, не останавливается больше, не колеблется, какъ поступить, не спрашиваетъ себя, приметъ-ли такое рѣшеніе публика или нѣтъ, а идетъ прямо къ своей цѣли, и безъ замѣшательства разрѣшаетъ свою задачу. Общество апплодируетъ—хорошо; нѣтъ,—у Александра Дюма всегда на языкѣ вертятся слова: тѣмъ хуже для тебя! Но если логика часто помогаетъ Александру Дюма, то иногда также она и вредитъ ему, и вредитъ именно каждый разъ въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ главную роль должно играть чувство. Эта опредѣленность, строгая послѣдовательность не даютъ ему развиваться и высказаться, чувство стѣсняется этою сжатою фразою, этою точностью языка, которая не позволяетъ зрителю пополнять впечатлѣніе извѣстной сцены своимъ собственнымъ воображеніемъ. Александръ Дюма не допускаетъ никакого сомнѣнія, каждое слово имѣетъ свой смыслъ, не позволяющій толковать его иначе, что̀, разумѣется, придаетъ чувству извѣстную холодность. Чувство требуетъ свободы, ширины, которою оно, правда, иногда пользуется, чтобы перейти въ сантиментальничанье и лиризмъ, и потому разъ, что его подчиняютъ строгому и суровому языку, оно съеживается, стушевывается и перестаетъ трогать людей, что и заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ, который такимъ образомъ обращается съ чувствомъ, нѣкоторую сухость и черствость сердца и ума. Вотъ почему въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ чувство должно имѣть большое значеніе, логика — это преобладающее качество Дюма, мѣшаетъ ему и дѣлаетъ все произведеніе натянутымъ и холоднымъ, какъ это можно видѣть въ «le Fils naturel». Тамъ же, гдѣ чувство, какъ въ «Demi-Monde», стоитъ совершенно на второстепенномъ планѣ и гдѣ оно даже было бы неумѣстно, тамъ оно помогаетъ Дюма создать въ полномъ смыслѣ слова хорошее произведеніе. Не слѣдуетъ думать, чтобы точность, мѣшающая развитію чувства, сколько-нибудь мѣшала жизненности его языка, напротивъ, мы не знаемъ никого изъ современныхъ драматурговъ, у кого въ діалогахъ было бы больше остроумія и соли; ни на одно мгновеніе онъ не ослабѣваетъ, не блѣднѣетъ, умъ его никогда не изсякаетъ въ немъ, искусство его почти-что доведено до конца. Понятно, что когда всѣ эти качества соединяются въ одной пьесѣ, то она должна очень близко приближаться къ тому, что зовется замѣчательнымъ произведеніемъ. Французское общество такъ и смотритъ на «Demi-Monde», которому принадлежитъ еще и та честь, что она заставила написать Ожье двѣ пьесы: «Le mariage d'Olympe» и «les Lionnes pauvres». Одна изъ

Digitized by Google

нихъ служитъ какъ бы началомъ «Полусвѣта», другая продолженіемъ. Въ одной Ожье спросилъ себя, откуда же берутся баронессы d'Ange, какъ онѣ рождаются, какой классъ поставляетъ ихъ? И въ «les Lionnes pauvres» онъ прекрасно отвѣтилъ на это, нарисовавъ въ Séraphine Pommeau женщину, которая, благодаря своей страсти къ роскоши, къ великолѣпнымъ туалетамъ, къ вѣчнымъ выѣздамъ, баламъ и театрамъ, и не находя возможности удовлетворить эту страсть тѣмъ честнымъ, но небольшимъ состояніемъ, которое даетъ ей трудъ мужа, начинаетъ дѣлать долги, брать въ кредитъ, давать векселя, и когда видитъ приближеніе скандала, когда отъ нея требуютъ уплаты, она ищетъ денегъ, новаго дохода и находитъ его, уступая «любви» и дѣлаясь любовницею какого-нибудь господина. Въ другой пьесѣ Ожье сдѣлалъ себѣ вопросъ, что̀ сталось бы съ баронессой d'Ange, еслибы она не натолкнулась на Ватерлоо, а успѣла бы въ своихъ планахъ и вышла бы замужъ за честнаго человѣка и попала бы въ честное семейство? Результатомъ этого вопроса была очень смѣлая и хорошая драма «le Mariage d'Olympe», въ которой онъ находитъ, что еслибы даже баронесса d'Ange или Olympe и успѣли въ своихъ цѣляхъ, то только на свою бѣду, потому что въ честномъ кругу ихъ ожидало бы разочарованіе, безвыходная тоска и безцвѣтная жизнь, которая кончилась бы тѣмъ, что ихъ развращенная натура взяла бы верхъ надъ ихъ желаніемъ казаться «порядочными женщинами», и онѣ, силою своей испорченности, были бы снова сброшены въ пропасть. Обѣ эти пьесы, написанныя съ большою силою, отвагою и смѣлостію и съ обычнымъ талантомъ Ожье, должны быть поставлены въ заслугу Дюма и его «Полусвѣту.

Послѣ «Demi-Monde», въ драматической дѣятельности Александра Дюма, проходитъ, если не со всѣмъ темная, то во всякомъ случаѣ довольно темная полоса. Изъ всѣхъ послѣдующихъ его пьесъ, какъ: «la Question d'Argent», «le Père prodigue», «le Fils naturel», ни одна не имѣла большого успѣха, и хотя, конечно, онѣ не лишены достоинствъ и въ нихъ попадаются иногда очень сильныя положенія, прекрасные эскизы нравовъ, мѣткія, типическія черты характеровъ, и не рѣдко богатая мысль, тѣмъ не менѣе, они не имѣютъ той цѣльности и законченности, которая сдѣлалась для Александра Дюма обязательною послѣ его «Полу-Свѣта». «Le fils naturel» долженъ былъ показать автору «Diane de Lys», насколько неудобно строить всю пьесу на одномъ законѣ и дѣлать его не только главнымъ, но почти и исключительнымъ своимъ орудіемъ. Совершенно соглашаясь, что законъ и, главное, дурной законъ, можетъ давать очень

Digitized by Google

часто поводъ къ самимъ драматическимъ положеніямъ, которымъ очень удачно воспользовался самъ же Дюма въ своей «Diane de Lys», и которымъ еще болѣе удачно пользовался Бальзакъ, показавшій первый, какія драмы порождаютъ законы, нужно все-таки сказать, что закону нельзя жертвовать ни изображеніемъ характеровъ, ни борьбою страстей. Въ «le Fils naturel» они совершенно пожертвованы, главное вниманіе обращено вовсе не на игру страстей, которыя возбуждаетъ законъ, а просто на тѣ странныя положенія, въ которыя онъ ставитъ людей. Эта темная полоса, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, исчезла, наконецъ, годъ тому назадъ, когда на свѣтъ появилось новое произведеніе Дюма, достойное занять мѣсто рядомъ съ «Полусвѣтомъ». Сколько разъ и кто не дѣлалъ упрека Александру Дюма, что въ цѣломъ рядѣ жесткихъ типовъ, которые вывелъ онъ на сцену, нѣтъ ни одного, на который онъ указалъ какъ на большее или меньшее приближеніе къ своему идеалу. Онъ отвѣтилъ на этотъ упрекъ, написавъ «les Idées de M-me Aubray», пьесу, въ которой, рядомъ съ тѣми достоинствами, которыя мы видѣли въ «Demi-monde», мы снова встрѣчаемъ еще одно, давно забытое и заброшенное Александромъ Дюма,—это поэтичность двухъ характеровъ M-me Aubray и Жанины. M-me Aubray представляетъ собою совершенно новый типъ въ театрѣ Дюма, типъ женщинъ, рѣдко попадающихся въ обществѣ, даже можетъ быть типъ одной только женщины — собственнаго идеала автора. Жанину же мы болѣе или менѣе знаемъ, она есть только видоизмѣненіе Маргариты Готье послѣднихъ актовъ, однимъ словомъ, это безсознательно падшая женщина, перерожденая любовью. Съ какою ловкостью, съ какимъ знаніемъ, съ какою увѣренностію въ своемъ талантѣ вошелъ онъ опять въ свою первую и обычную тему — женскій вопросъ, и съ какимъ мастерствомъ написалъ онъ фигуру Жанины и ея спасительницы M-me Aubray. Что за типъ этой женщины, какъ опредѣлить ея характеръ? Въ ней есть одна отличительная черта, изъ которой проистекаетъ все остальное—это огромная, безконечная любовь ко всему человѣчеству. Чтобы ни попадалось ей на этой дорогѣ, чтобы ни преграждало ей путь къ совершенію добра, она все отталкиваетъ, всѣмъ пренебрегаетъ, ей нѣтъ дѣла ни до условной морали общества, ни до мнѣній и предразсудковъ свѣта, ни до законовъ, ни до всего установленнаго, разъ что ей кажется оно дурно. У ней есть своя мораль, свои мнѣнія, свои законы, которые она находитъ готовыми въ своемъ умѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей добродѣтели, въ своей безконечной симпатіи ко всему страждущему, ко всему несчастному, въ своей твердой рѣшительности спасать погибаю-

Digitized by Google

щихъ и поднимать тѣхъ, которые упали. Александръ Дюма даетъ такое опредѣленіе M-me Aubray, вкладывая его въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ: M-me Aubray, это честная женщина въ самомъ широкомъ и самомъ благородномъ значеніи этого слова. У нея есть одинъ недостатокъ: «она не совсѣмъ принадлежитъ этому свѣту, она слишкомъ вѣритъ въ добро», и, можетъ быть, къ нему можно прибавить еще одинъ, она черезъчуръ увѣрена въ своей собственной силѣ. Ей мало того, что она подаетъ руку помощи всякому, кто нуждается въ ней, она сама отыскиваетъ несчастныхъ, и ей нѣтъ высшаго блаженства, какъ возвратить къ истинной жизни тѣхъ, которые отклонились отъ нея. Въ ней живетъ какая-то лихорадка добра, ей хочется дѣйствовать и дѣйствовать, она на все готова, всѣмъ хочетъ жертвовать ему, «пусть, вскрикиваетъ она, явится борьба—я жду ее, призываю, и какія испытанія, какіе бы примѣры, какихъ бы жертвъ ни потребовали мои сумасшедшія идеи, я дамъ одни и совершу другія». Она не признаетъ, что люди могутъ быть злы, что они бываютъ преступны, ея философія сердца сходится съ самою высокою философіею разума, когда она говоритъ: «Въ мірѣ есть только больные, слѣпые или безумные. Когда кто-нибудь дѣлаетъ зло, то дѣлаетъ его безъ преднамѣренія, а по увлеченію. Люди думаютъ, что дорога болѣе пріятна на лѣво, чѣмъ на право, берутъ на лѣво, и когда попадаютъ на тернистую дорогу или въ грязь, тогда зовутъ на помощь,—и обязанность тѣхъ, которые стоятъ на хорошемъ пути, посвятить себя, чтобы спасти другого». Она не только сама отдается спасенію людей, ей этого мало, она хочетъ, чтобы и другіе спасали ихъ. Какое большее поле для своей дѣятельности она могла найти, какъ возрожденіе падшихъ женщинъ? она отдается ему всею душею, и нужно слышать, съ какою страстью проповѣдуетъ она, что честный человѣкъ не только можетъ, но долженъ жениться на женщинѣ, которая пала, но у которой есть сила, рѣшительность подняться и сдѣлаться честною. Что изъ того, что на ея прошедшемъ лежитъ пятно, что у нея былъ любовникъ, что она имѣетъ отъ него ребенка, когда теперь, въ эту минуту, она сдѣлалась честною! Съ какою силою она уговариваетъ человѣка жениться на этой женщинѣ, что только женитьбой онъ можетъ загладить свое прошедшее поведеніе, по отношенію къ женщинамъ, изъ которыхъ не одну можетъ быть онъ поставилъ въ такое же положеніе, какъ эту. «А, говоритъ она, то, что для васъ зовется шалостью, для женщины, потому только, что она женщина, то самое зовется преступленіемъ». Отчего же не жениться, что можетъ остановить честнаго человѣка? Мнѣніе свѣта, ошибка въ

Digitized by Google

прошломъ, другой человѣкъ, который стѣсняетъ, воспоминаніе, которое жжетъ? «Имѣйте силу дѣлать добро, какъ вы имѣли силу дѣлать зло, и я вамъ говорю, что честные люди будутъ на вашей сторонѣ». Съ какимъ восторгомъ въ эти минуты, когда она съ жаромъ это проповѣдуетъ, сынъ ея, воспитанный въ тѣхъ же принципахъ, какъ и она, глотаетъ и наслаждается ея словами. Она не подозрѣваетъ, что падшая женщина, на которой она хочетъ женить другого, любима ея собственнымъ сыномъ, и что черезъ нѣсколько часовъ онъ придетъ къ ней и скажетъ: я женюсь на ней! Вотъ, когда пришла та борьба, которую она такъ страстно желала и призывала съ такою увѣренностью! Она поражена, она не можетъ прійти въ себя, она слабѣетъ, начинаетъ сомнѣваться въ себѣ, въ своихъ принципахъ и убѣжденіяхъ, она отказывается на минуту отъ всего своего прошлаго, ея теорія расходится съ практикой, но хорошая, исключительная натура беретъ свое, ея любовь къ человѣчеству торжествуетъ надъ всѣмъ остальнымъ, и она вскрикиваетъ: женись на ней! Нужно было много смѣлости, чтобы произнести это слово: женись! будь оно сказано кѣмъ другимъ, а не такимъ авторитетнымъ именемъ, какъ имя Александра Дюма, оно, вѣроятно, вызвало бы такую насмѣшку, что общество освистало бы пьесу. Эта комедія именно имѣетъ то большое достоинство, что, помимо изображенія нравовъ, она поучаетъ общество, она рисуетъ ему идеалъ, которому оно должно изъ всѣхъ силъ стараться подражать. Никакая другая эпоха такъ не нуждается въ распространеніи широкихъ и хорошихъ идей, какъ та, которую переживаетъ современная Франція. Драматическое искусство умалило бы свое значеніе, еслибы оно отказалось давать, помимо картины и образчиковъ нравовъ, отъ своего другого высокаго назначенія — поученія общества, народа, съ которымъ оно находится въ прямомъ сношеніи, въ самой непосредственной связи. Ихъ ничто не раздѣляетъ, между ними нѣтъ никакихъ преградъ. Мысль, идея, поученіе прямо сообщается съ массою, и если они не способны исправить отдѣльное лицо, то они имѣютъ власть надъ цѣлымъ обществомъ; не уничтожая индивидуальнаго зла, театръ останавливаетъ его заразу. Разбирая главныхъ современныхъ драматурговъ, мы всегда спрашивали у нихъ одного—идеала, потому что въ немъ главнымъ образомъ скрывается поучительная сторона драматическаго искусства. У однихъ, какъ у Сарду, мы его вовсе не нашли, у другихъ, какъ у Барьера и Ожье — мы нашли его скрытымъ, разбросаннымъ, укрывающимся въ самихъ авторахъ, которые говорятъ иногда за своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ M-me Aubray Александръ Дюма представилъ

Digitized by Google

положительный идеалъ современной женщины, и если однимъ онъ кажется слишкомъ неземнымъ, другимъ—недостаточнымъ, неполнымъ и неудовлетворительнымъ, то это все-таки не уменьшаетъ его заслугу. Онъ представилъ его такъ, какъ онъ его понимаетъ, и французское общество будетъ счастливо, для него настанетъ золотой вѣкъ, когда французскія женщины приблизятся къ такому идеалу и будутъ больше походить на M-me Aubray, чѣмъ на M-me Бенуатонъ. Не говоря о другихъ достоинствахъ «les Idées de M-me Aubray», потому что намъ пришлось бы повторять то, что̀ мы уже говорили по поводу другихъ пьесъ, скажемъ только, что и въ этой комедіи, какъ и во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ Александра Дюма, надъ всѣми его хорошими качествами, надъ всѣми его достоинствами безспорно возвышается одно, и самое лучшее, это глубокая любовь и высокое уваженіе къ своему искусству. Онъ не пишетъ произведеніе какъ попало, лишь бы оно имѣло успѣхъ, онъ не эксплуатируетъ свою славу, онъ обращается съ нимъ съ тою нѣжностью и страстью, съ которою долженъ обходиться съ своимъ дѣтищемъ каждый истинный артистъ; онъ долго носится съ нимъ, прежде чѣмъ выпуститъ его изъ своихъ рукъ, онъ изучаетъ каждый характеръ, каждую черту его, онъ ищетъ и придумываетъ новыя и простыя положенія, онъ, какъ никто, обработываетъ свой стиль и оставляетъ время созрѣть и окончательно сложиться въ головѣ своему плану. Если Александръ Дюма не даетъ еще болѣе замѣчательныхъ произведеній, то во всякомъ случаѣ не потому, чтобы онъ съ недостаточнымъ уваженіемъ и любовію обращался съ своимъ богомъ. Искусство, въ свою очередь, не осталось у него въ долгу, оно наградило его большою популярностью, которую онъ употребляетъ на то, чтобы съ пользою служить обществу.

Закончивъ обзоръ главныхъ современныхъ драматурговъ, мы не станемъ дѣлать никакихъ заключеній. Конечно, мы не встрѣчаемъ въ современной Франціи ни Шекспира, ни Кальдерона, ни Шиллера, ни Мольера; но при общемъ положеніи страны, нужно удивляться не тому, что въ странѣ нѣтъ геніевъ, а гораздо скорѣе другому, что тамъ все же не вымерли серьезные таланты, какихъ можно пожелать другимъ литературамъ. Во Франціи само общество находится въ переходной эпохѣ, а время переходныхъ эпохъ никогда еще не было временемъ полнаго процвѣтанія литературы и искусствъ.

Евг. Утинъ.

Digitized by Google

ДВА МѢСЯЦА

въ

СЕРБІИ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній.)

I.

На Дунаѣ.—Отъ Пешта до Бѣлграда.—Оговорка автора.—«Сербія».—Канница.—Сербскія сочиненія о Сербіи.

Изъ Пешта я отправился на пароходѣ внизъ по Дунаю.

Все помѣщеніе нашего парохода дѣлилось на двѣ равныя половины, между двумя весьма неровными частями его пассажировъ: кормовую половину его занималъ 1-й классъ, въ которомъ было не больше 10 персонъ, а носовую—2-й и 3-й классы, въ которыхъ было по крайней мѣрѣ сто человѣкъ. Между обѣими половинами не существовало никакой перегородки, но, изображенные на бортахъ по серединѣ, указательные пальцы обращали вниманіе каждаго на грозную надпись, что—кто изъ низшаго класса перейдетъ эту грань, тотъ заплатитъ за 1-й. Оба низшіе класса имѣютъ въ своемъ распоряженіи рубку (общую каюту на палубѣ), которая разгорожена на два отдѣленія стѣнкой, и помѣщеніе на трапѣ (т. е. платформѣ надъ рубкой), которое также раздѣлено, но только перилами, такъ что переходить изъ одного отдѣленія въ другое весьма легко, и никакая надпись того не воспрещаетъ. По палубѣ можно только прохаживаться, потому что скамеекъ нѣтъ, но и прохаживаться трудно, такъ какъ вся она загромождена грузомъ, по преимуществу бочками и боченками съ пивомъ, отправляемымъ въ значительномъ количествѣ изъ Австріи въ Сербію. Второй классъ передъ третьимъ имѣетъ то преимущество, что владѣетъ еще каютой внизу: это общій залъ, въ которомъ вдоль стѣнъ разставлены

Digitized by Google

скамейки, длинные столы и нѣсколько складныхъ стульевъ. Здѣсь вы можете сидѣть только тогда, когда спросите чего-нибудь ѣсть или пить; иначе вы все время должны толочься на ногахъ, если не успѣли заблаговременно захватить мѣстечко. Сѣсть на полъ невозможно, потому, вопервыхъ, что васъ затопчутъ (такъ много людей), а во вторыхъ, потому что онъ весь загаженъ, чѣмъ только возможно, такъ что палуба волжскаго парохода, сравнительно съ нимъ, все равно, что полъ любой гостиной. Сюда же для кормленія допускается и третій классъ. Итакъ, въ сущности разница между вторымъ и третьимъ классомъ состоитъ только въ томъ, что въ одномъ вы платите 10 гульд. (6 р. сер.), а въ другомъ 6 гульд. (3 р. 60 к.). Конечно, разсчетъ былъ бы заплатить только 6 гульд.; вы однако 3-го класса не получите: онъ существуетъ только для солдатъ и рабочихъ; но и послѣдніе большею частью не получаютъ билетовъ 3-го класса: и такимъ образомъ большинство, волей-неволей, платитъ за 2-й классъ, который отъ того набивается биткомъ.

За то какая роскошь въ первомъ классѣ! Мягкость бархата и блескъ золота! Намъ привелось побывать тамъ, когда пароходъ на всемъ ходу налетѣлъ на мель. Чтобъ поднять носъ, нужно было загрузить корму, и вотъ въ этихъ видахъ, насъ всѣхъ, въ видѣ живого груза, перегнали въ первый классъ. Цѣль была тотчасъ достигнута: масса перетянула корму, носъ поднялся, и пароходъ сначала поползъ назадъ, потомъ ходомъ двинулся впередъ, а масса опять отправилась въ свое тѣсное, грязное помѣщенье.

Еслибъ пароходъ сѣлъ на мель кормой, что также случается, хоть гораздо рѣже, тогда завезли бы якорь, и таже масса, работая воротомъ, двинула бы пароходъ впередъ. Чтоже это за масса, которая, какъ машина въ рукахъ мастера, тамъ гдѣ не помогаютъ обыкновенныя средства, служитъ двигателемъ впередъ и назадъ? Что касается той массы, къ которой временно принадлежалъ и я, ѣхавши вмѣстѣ на пароходѣ, то она представляла собою, по большей части, избытокъ чернорабочихъ силъ западной Европы, преимущественно Австріи и еще спеціальнѣе—части ея, Богеміи. Это были фабричные и ремесленники разныхъ родовъ. Между прочимъ, тутъ была одна партія слесарей, состоявшая изъ 27 человѣкъ и отправлявшаяся на оружейный заводъ въ Бухарестъ; большинство ея составляли чехи. Другіе также отправлялись на разные заводы въ Молдавію, Валахію, Сербію и въ турецкія земли.

Это были все люди молодые, весьма порядочно и чисто одѣтые, умѣющіе держать себя съ достоинствомъ и безъ всякихъ угловатыхъ манеръ. По наружному виду они напоминаютъ нашу учащуюся молодежь, да и по духу это что-то близкое къ студенчеству. И не удивительно: за границей студенчество и работники стоятъ такъ близко одинъ

Digitized by Google

къ другому, что всѣ почти демонстраціи и разнаго рода исторіетки съ политическимъ оттѣнкомъ они устраиваютъ вмѣстѣ, а въ 48 г. они такимъ образомъ, дѣйствуя за одно, сочинили цѣлую исторію. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ учились въ технологическомъ институтѣ, а иные немного слушали лекціи въ университетѣ, но по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, большею частію по недостатку средствъ, должны были въ первый же годъ окончить свою ученую карьеру и искать заработка. Пѣніе, разсказы разнаго рода, анекдоты, декламація и иногда представленіе какой-нибудь сцены двоими, троими, продолжались почти всю дорогу. Особенно пріятно было это общество ночью, когда спать рѣшительно не было никакой возможности по недостатку мѣста, и оставалось одно—стараться какъ-нибудь убить время. Всѣ почти они знакомы съ гимнастикой и потому у всѣхъ хорошо развита мышечная система. Любо было смотрѣть на этотъ народъ свѣжій, крѣпкій физически, бодрый и веселый духомъ, работящій и дѣятельный, но странно было подумать, что это все лишніе, ненужные люди, что отечество ихъ гонитъ, и они должны искать заработка на чужой сторонѣ. При этомъ невольно приходитъ мнѣ на память чешская земля, гдѣ мнѣ встрѣтились громадныя панскія имѣнія, въ которыхъ одного лѣсу, валяющагося и на мѣстѣ согнивающаго, цѣлыя массы, множество луговъ, прудовъ и пустопорожнихъ мѣстъ, которыя особенно поражаютъ своею пустынностью, находясь рядомъ съ густо заселенными и до послѣдняго клочка обработанными землями сельскихъ и городскихъ общинъ; такихъ имѣній тамъ много, и все-таки народу тѣсно, ему негдѣ и нечѣмъ жить: и онъ расползается по цѣлому свѣту, ища клочка земли и работы. Такъ неточны слова—*лишній, ненужный человѣкъ*.

Были тутъ прасолы, торгующіе свиньями и рогатымъ скотомъ, скупщики хлѣба, ѣдущіе въ Сербію и Дунайскія Княжества, и лѣсопромышленники, отправляющіеся въ Боснію. Интересную личность представлялъ средняго роста кряжистый банатскій цыганъ, почему-то называвшій себя римляниномъ. Онъ нагуливаетъ рогатую скотину, сбываетъ ее въ Пештѣ, Вѣнѣ и въ Италіи, и получаетъ отъ того большіе барыши. Ему видимо хотѣлось похвастаться, и съ этой цѣлью онъ то и дѣло вынималъ изъ кармана бумажникъ, набитый ассигнаціями, и порядочный мѣшечекъ съ червонцами, потомъ онъ кликалъ всѣхъ, не хочетъ ли кто поиграть съ нимъ въ карты; когда охотника не находилось, тогда онъ подсѣлъ къ ѣхавшему тутъже еврею съ рыжеватыми локонами и бородкой: то предлагалъ ему показать за деньги какой-то фокусъ на картахъ, то просилъ его размѣнять золото на ассигнаціи или ассигнаціи на золото. Послѣдняя операція сильно занимала еврея: онъ припосилъ уже шкатулочку, отпиралъ её и доставалъ деньги; но цыганъ шутилъ надъ нимъ, хотѣлъ только подра-

Digitized by Google

знать, предлагалъ совершенно не подходящія условія. Еврей видѣлъ это, сердился и, заложивши руки назадъ, отходилъ прочь, и ходилъ такъ, будто не обращая никакого вниманія на предложенія цыгана, но черезъ нѣсколько времени подходилъ опять и начиналась прежняя исторія. Эта сцена долго занимала публику.

Тутъ же ѣхали два серба, бѣлградскіе торговцы, въ общеевропейскомъ костюмѣ, и съ красными фесками на головахъ. Они все время держались особнякомъ и дѣлали какіе-то разсчеты. Познакомившись со мной, много говорили мнѣ о народномъ войскѣ, а за обѣдомъ очень претендовали на то, что всѣ кушанья были безъ краснаго перцу.

Среди этого, болѣе или менѣе однообразнаго общества, рѣзко выдѣлялась необыкновенная фигура граничара [1]). Высокій ростъ, широкія плечи, длинные, спускающіеся почти до груди русые усы, красная чалма на головѣ, за широкимъ поясомъ ножъ такой длины, что человѣку средняго роста былъ бы до колѣнъ, все это придавало ему необыкновенный и грозный видъ; но этому совершенно противорѣчило то добродушіе, которое въ крупныхъ чертахъ его почти мѣдно-краснаго лица выражалось спокойнымъ взглядомъ и улыбкой, съ какой онъ смотрѣлъ на оглядывающую его съ ногъ до головы мелкую публику. Его завербовалъ одинъ мадьяръ, посадилъ за столъ, поилъ виномъ и, то и дѣло чокаясь, кричалъ: «эльенъ мадьяръ,» «живіо србъ!»

Относительно народности численный перевѣсъ былъ на сторонѣ славянъ — сербовъ, хорватовъ, словаковъ и чеховъ; по языку преобладали нѣмцы, а импонирующимъ элементомъ былъ мадьярскій. Замѣчательно, что нѣмецъ и еврей, свысока третирующіе славянина, весьма смиренно держатся передъ мадьяромъ, одѣваются въ его костюмъ, стараются говорить по-мадьярски и называютъ себя венграми. Все это разнохарактерное населеніе отправлялось эксплуатировать еще малоисчерпанныя богатства Балканскаго полуострова.

Оставимъ, наконецъ, людей и обратимся къ неодушевленной природѣ, въ которой также совершаются свои жизненные процессы, которая также вѣчно къ чему то стремится, вѣчно борется, вѣчно создаетъ и разрушаетъ.

Начало марта. Передъ нами Дунай въ полномъ разливѣ.

Если вы воспитывались на книжкахъ, то вѣрно въ часы досуга съ увлеченіемъ читали повѣсти, сказки и баллады Пушкина и Жуковскаго; вѣрно, когда-нибудь, то помирали со смѣху, то замирали отъ

---

[1]) Такъ называются сербы и хорваты, живущіе на южной австрійской границѣ, которые прежде оборонялн эти границы отъ турокъ, а теперь составляютъ даровое войско, среднее нѣчто между нашими казаками и военными поселеніями.

Digitized by Google

страху, читая Гоголя, смотря по тому, вводилъ ли онъ васъ въ обыденную жизнь съ ея мелкими страстями и смѣшными сторонами, или уносилъ въ міръ мрачной фантазіи, въ міръ чудесъ и страшныхъ привидѣній. И при названіи Дуная вамъ, конечно, вспомнится Ундина, то веселая и рѣзвая, какъ чистая струя горнаго потока, то задумчиво-печальная и строго-серьезная; вспомнится и мирный уголокъ рыбака, и страшный Струй, и храбрый, но суевѣрный рыцарь Гуно-брандъ и злая Бертольда. Но, скажу вамъ, исторія Ундины относится не къ той части Дуная, она относится къ той части его, гдѣ стоитъ замокъ Рингштетенъ, гораздо выше Вѣны, гдѣ множество рыцарскихъ замковъ; а здѣсь, т. е. внизъ отъ Пешта, я видѣлъ всего только одинъ замокъ; да и строить ихъ здѣсь негдѣ, потому что нѣтъ такихъ, какъ тамъ, высокихъ горъ и неприступныхъ скалъ, на которыхъ древніе рыцари любили громоздить свои разбойничьи гнѣзда.

Совсѣмъ другія воспоминанія являются у того, кто выросъ посреди народа. Ему припоминается русскій хороводъ. Взявшись за руки, дѣвушки и молодицы становятся въ кругъ и запѣваютъ: «Посадили молодца, посадили удальца»—и въ средину круга вступаетъ парень, садится на скамейку и начинается лицедѣйствіе, т. е. исполненіе того, что̀ поется. Молодецъ роняетъ шляпу, проситъ кого-нибудь изъ дѣвушекъ поднять, но никто не хочетъ; онъ плачетъ и уходитъ. На его мѣсто является другой, третій и т. д., покуда не явится такой, который былъ-бы имъ по сердцу, и тогда одна изъ дѣвушекъ поднимаетъ шляпу, надѣваетъ ему на голову, а пожалуй, тутъ же они и поцѣлуются, и начнутъ плясать въ серединѣ. Во все время припѣваютъ: «*Ой Дунай, сынъ Ивановичъ Дунай!*» Эта пѣсня пѣлась, въ годы моего дѣтства, въ южной части саратовской губерніи; теперь она уже тамъ не поется. Есть другія пѣсни съ припѣвомъ «*Веселый Дунай*», и эти поются по цѣлой Россіи, по крайней мѣрѣ, я знаю отъ Саратова до Казани. Есть еще одна свадебная малороссійская пѣсня, въ которой недавно вышедшая замужъ молодица, тоскуя въ мужниной семьѣ, идетъ къ «*тихому Дунаю*», расчесываетъ надъ нимъ свои русыя косы и проситъ живущую тутъ сѣрую утицу поклониться отцу, матери и сказать имъ, какъ тоскуетъ ихъ дочь на чужой сторонѣ.

Кромѣ этихъ отрывковъ изъ народныхъ воспоминаній, есть цѣлыя сказанія о Дунаѣ въ сѣверно-русскихъ былинахъ, въ которыхъ онъ является русскимъ богатыремъ, вмѣстѣ съ Добрыней Никитичемъ, Алёшей Поповичемъ, Чурилой Пленковичемъ и др. Почему же русскій народъ въ своихъ самыхъ древнихъ пѣсняхъ, не поетъ ни про Волгу, ни про Донъ, ни про Днѣпръ, а по сю пору поетъ про Дунай, и разнесъ воспоминанія объ немъ по цѣлому обширному русскому царству, на сотни и тысячи верстъ, можетъ быть, до береговъ Великаго океана? На это отвѣчаютъ намъ наивныя сказанія несторовой лѣто-

Digitized by Google

шеи. Въ ней говорится, что славяне когда-то жили на Дунаѣ, откуда были вытѣснены какими-то нашельниками, волохами. Съ тѣхъ поръ, стало быть, и ведутся эти воспоминанія.

Покуда мы предаемся воспоминаніямъ и справляемся съ исторіей, Дунай все несется и прибываетъ. Вода уже не помѣщается въ своемъ руслѣ; она рвется вонъ, ища простора; но правый берегъ — высокій и крутой—отбрасываетъ ее въ сторону, и она всею массой устремляется на лѣвый, низменный берегъ, топитъ его и обваливаетъ, или сама дѣлится на рукава и потоки, которые, встрѣчаясь, крутятся въ видѣ воронки и вмѣстѣ несутся, издавая глухое рокотаніе. Все пространство представляетъ или множество острововъ, или сплошной разливъ. На островахъ и по незатопленному берегу стоятъ голыя, безъ листьевъ деревья, и сквозь этотъ прозрачный береговой лѣсъ, вы видите дальше ровное, безконечное пространство, не отдѣляющееся отъ горизонта ни стѣною горъ, ни темною каймою лѣса, только кое-гдѣ виднѣется шпицъ колокольни, дающій знать о существованіи селенія. Иногда, неподалеку отъ берега, между деревьями, смѣшиваясь съ ихъ сѣрымъ фономъ, попадаются такія же сѣренькія избёнки, кое-какъ слѣпленныя изъ бревенъ, обмазанныя глиной и покрытыя крупною кукурузною соломой. Около копошатся люди, двигаясь туда и сюда и, повидимому, что-то дѣлая: одинъ тащитъ какое-то бревно, другой возится у телѣги. Все это движется медленно, какъ будто не успѣло еще очнуться послѣ долгой спячки; а иной просто, ничего не дѣлая, сидитъ на берегу и, повидимому, безъ всякой мысли глядитъ на проходящіе передъ нимъ суда и пароходы, беззаботно покуривая свою маленькую, на короткомъ чубукѣ, трубочку. На немъ бѣлый съ черными кантами по швамъ кафтанъ, на груди однобортный жилетъ со множествомъ въ одинъ рядъ кругленькихъ металлическихъ пуговокъ, изъ-подъ жилета выпущена бѣлая рубашка и бѣлые же портяные штаны, на ногахъ поршни (въ родѣ башмаковъ изъ сыромятной кожи, безъ твердыхъ подошвъ), на головѣ черная шляпа съ широкими полями, изъ-подъ которой спускаются на плеча темные волосы. Мадьяръ это или сербъ—трудно угадать. Рядомъ съ этимъ человѣкомъ, съ такимъ же беззаботнымъ видомъ стоитъ корова, медленно пережевывающая жвачку, и надо всей этой безжизненной картиной разстилается сѣрое мокрое небо. Дождь не падаетъ каплями, а въ видѣ мокраго воздуха проникаетъ вездѣ: онъ забирается подъ зонтикъ, который вы напрасно распускаете надъ собою, и залѣзаетъ за шею подъ пальто, какъ вы ни стараетесь застегнуть его плотнѣе.

Странная здѣсь весна. Она начинается рано, съ наступленіемъ февраля: снѣгу, кромѣ горъ, нигдѣ не видать; рѣки разливаются; земля хочетъ зазеленѣть, на деревьяхъ почка надулась и пытается лопнуть и развернуться, но все это цѣпенѣетъ, будто чего-то боится и

Digitized by Google

не смѣетъ. И періодъ такого оцѣпенѣнія длится иногда цѣлыхъ два мѣсяца. Какая разница съ нашей весной, которая начинается поздно, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, но совершаетъ свое дѣло быстро: тепло разомъ достигаетъ 20° Реом., и горячіе лучи солнца безжалостно гонятъ снѣгъ съ лица земли; вы всюду слышите гремячіе потоки, видите, какъ наливаются рѣки и лиманы, едва освободившіеся изъ-подъ зимняго гнета, земля дышетъ паромъ и быстро застилается зеленью; вы видите, какъ вмѣстѣ съ играющею водою, вмѣстѣ съ дымящеюся землею также играетъ, дрожитъ и волнуется воздухъ; слышите надъ собою мягкую трель жаворонка, который не летитъ еще въ безконечную высь, какъ будто жалѣя разстаться съ теплою землей; съ радостнымъ блеяньемъ и мычаньемъ выходитъ на поле стадо, ища свѣжаго корма; горячо хватается человѣкъ за работу, которую должно совершить въ двѣ-три недѣли, потому что наша весна не ждетъ: она оканчивается скоро и тогда настаетъ жаркое, сухое лѣто.

Сколько разъ, я думаю, всякому изъ насъ приводилось видѣть наши жалкія избушки, едва укрытыя, почти свалившіяся на бокъ; сколько есть на Руси селеній, которыя представляютъ собою группу какихъ-то сѣрыхъ, безобразныхъ кучъ. Тамъ онѣ будто на своемъ мѣстѣ и насъ не поражаетъ ихъ видъ; но попавши за границу, мы забываемъ ихъ, и, встрѣчая гдѣ-нибудь на пути, не привѣтствуемъ, какъ нѣчто знакомое, родное, а съ какимъ-то недоумѣньемъ смотримъ на нихъ, не понимая, какъ они могли попасть сюда, и спрашиваемъ, что это за постройки, не рѣшаясь назвать ихъ домами, чтобъ не подать другимъ повода думать, что у насъ живутъ въ такихъ жалкихъ лачугахъ. Съ такимъ почти чувствомъ и съ такимъ вопросомъ обратился я къ своему сосѣду, стоя на палубѣ и глядя на эти избушки, тамъ-сямъ попадающіяся по лѣвому берегу Дуная. »Это *танья* или *салашъ*» — отвѣтилъ мнѣ господинъ въ венгеркѣ, обложенной шнуркомъ, опушенной чернымъ барашкомъ, въ высокихъ сапогахъ съ узкими лакированной кожи голенищами, въ которыя вправлены были узкія въ обтяжку брюки; на головѣ у него черная барашка шапочка; смуглое съ кругловатымъ носомъ лицо опушено было густою, но короткою черною бородою; усы были закручены кверху, маленькіе уши нѣсколько оттопырены. Это былъ типъ мадьяра мирнаго свойства и сообщительнаго нрава, съ которымъ легко было вступить въ разговоръ при посредствѣ нѣмецкаго языка. Я дѣлаю эти замѣчанія, потому что въ Пештѣ мнѣ попадались личности, которыя, когда я обращался къ нимъ по-нѣмецки, отвѣчали мнѣ по-мадьярски и, судя по мимикѣ, въ тонѣ весьма недружелюбномъ. Это изъ крайности. Со многими мнѣ приводилось сходиться совершенно по-пріятельски, и я увѣренъ, что всѣ ихъ эксцентричесыя

Digitized by Google

выходки противъ славянства непремѣнно прекратятся, когда одержитъ верхъ истинно либеральная партія; а та, которая господствуетъ теперь, полу-бюрократическая, полу-боярская и еще нѣкоторыхъ оттѣнковъ, о которыхъ теперь не мѣсто говорить, не имѣетъ будущности. — Итакъ, бесѣдуя на пароходѣ съ мадьяромъ, я узналъ, что ниже Пешта по лѣвую сторону Дуная начинается уже извѣстная венгерская низменная равнина, которая туземцами называется *альфельдъ*, и на этомъ альфёльдѣ разбросаны *таньи* или *салаши*, отвѣчающіе нашимъ хуторамъ и зимовникамъ, какихъ множество вы найдете у насъ по Дону, по низовьямъ Волги, въ южной и Новой-Россіи. Обширность участковъ заставляетъ хозяевъ заводить эти легкія постройки, въ которыхъ они живутъ во время уборки хлѣба и сѣна, и оставляютъ на зиму не нужную при домѣ скотину. Тутъ у мадьяра и гумно, на которомъ онъ тотчасъ же, какъ только сожнетъ, обмолачиваетъ весь свой хлѣбъ; тутъ и склады сѣна и соломы, чѣмъ онъ зимою кормитъ всю свою скотину. Лѣтомъ почти все семейство, кромѣ самыхъ старыхъ, слабыхъ и малыхъ, живетъ въ этой таньѣ; а на зиму остается кто-нибудь изъ сыновей, которые наблюдаютъ въ этомъ случаѣ очередь, или дѣло поручаетъ надежному работнику подъ наблюденіемъ кого-нибудь изъ членовъ семьи. Разсказы этого господина о мѣстности, о способѣ хозяйства и о характерѣ мадьяръ напомнили мнѣ наши приволжскія и придонскія степи. Я почувствовалъ это сходство еще больше, когда читалъ книгу Дица: «Венгерское сельское хозяйство.» Въ одномъ мѣстѣ напр., онъ характеризуетъ мадьяра такими чертами, въ которыхъ вы совершенно узнаете русскаго человѣка: «Онъ не знаетъ средины; въ немъ замѣчательна склонность къ крайностямъ: онъ или совершаетъ разомъ громадный трудъ, или предается совершенному бездѣйствію. Это совершенно гармонируетъ съ громадными селами, за которыми простираются на цѣлыя мили *пусты* съ громадными рѣками, рядомъ съ совершенно безводными степями; съ необыкновенной роскошью и изобиліемъ одного растенія при совершенномъ отсутствіи и недостаткѣ другого» [1]). Или вотъ его характеристика мѣстности: [2]). «Великая равнина Венгріи, во всѣхъ своихъ явленіяхъ, на иностранца производитъ впечатлѣніе, въ которомъ чувство какой-то неловкости смѣшивается съ ощущеніемъ величія природы. Эта громадность, можно сказать, безконечность, производящая на насъ подавляющее впечатлѣніе, составляетъ для туземцевъ всю прелесть его альфельда. Массивность здѣсь преобладаетъ надъ разчлененіемъ и разнообразіемъ видовъ.» Тоже самое онъ почувствовалъ бы конечно и въ русскомъ альфельдѣ, въ нашихъ степяхъ. Многія замѣчанія Дица о хозяйствѣ и торговлѣ

---

[1]) *Ditz*, Die Ungarische Landwirtschaft. 1867, стр. 75.

[2]) Тамъ-же, стр. 62.

Digitized by Google

Венгріи буквально примѣнимы къ нашимъ краямъ. Это придаетъ еще больше интереса его книгѣ, полной очень важныхъ свѣдѣній и статистическихъ данныхъ.

Сходство придунайскихъ странъ съ поволжьемъ и Дономъ не ограничивается общимъ характеромъ мѣстности и нѣсколькими частными явленіями, которыя вызваны этими мѣстными условіями; они совершенно сходны и по той экономической задачѣ, которую выполняютъ по отношенію въ западной Европѣ.

Если Россію отдѣлить отъ остальной Европы, тогда придунайская равнина, съ окружающими ее горными кряжами и возвышенными странами въ западной Европѣ, составитъ то ядро, ту континентальную часть ея, къ которой остальныя относятся, какъ придатки. Такому естественному положенію вполнѣ соотвѣтствуетъ и экономическое: эти страны по преимуществу кормятъ Европу хлѣбомъ и мясомъ. Дунай въ этомъ случаѣ играетъ въ западной Европѣ точно такую-же роль какую Волга въ восточной, составляя главный путь, съ тѣмъ однако преимуществомъ, что вслѣдствіе климатическихъ условій онъ открытъ для судоходства несравненно бо́льшее время, чѣмъ Волга. Еще особенность его та, что въ то время, какъ на Волгѣ, рядомъ съ большими торговыми пунктами, каковы Саратовъ, Самара, Нижній и Рыбинскъ, возникаетъ множество мелкихъ пристаней, которыя также растутъ, на Дунаѣ вся торговая дѣятельность, особенно въ послѣднее время, сосредоточивается почти въ одномъ Пештѣ, что́ придаетъ ему громадное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ, такъ-что онъ становится опаснымъ соперникомъ Вѣны. Надобно при этомъ замѣтить, что на Дунаѣ и его притокахъ до сихъ поръ сдѣлано чрезвычайно мало для того, чтобъ усилить ихъ торгово-экономическую дѣятельность, и причина этого заключается въ политическихъ условіяхъ: именно въ парализующемъ вліяніи двухъ уродливыхъ монархій—австрійской и турецкой, которыя, стѣсняя народное развитіе, ослабляютъ духъ предпріимчивости и самодѣятельности. Отдѣленіе придунайскихъ княжествъ отъ Турціи и та доля самостоятельности, которую оттянули у Австріи венгерскія земли, успѣли уже оказать нѣкоторое благопріятное вліяніе. Довершить это дѣло можетъ только полная политическая самостоятельность ихъ, свободныя, основанныя на автономіи отдѣльныхъ частей, учрежденія и вполнѣ дружественныя, преслѣдующія однѣ и тѣже культурныя и экономическія цѣли, отношенія всѣхъ прилежащихъ къ этой области земель. Въ рукахъ мадьяръ находится теперь рѣшеніе весьма важнаго вопроса: конституировать венгерское королевство совершенно на новыхъ началахъ, т. е. на началахъ личной и національной свободы и территоріальной автономіи, или продолжить, конечно на весьма короткое время, исторію австрійской имперіи, и подвергнуть свое королевство, подобно ей, политическому разложенію. Въ первомъ случаѣ

Digitized by Google

это государство сдѣлается сильнымъ конкуррентомъ Россіи и будетъ импонировать въ цѣлой западной Европѣ; въ послѣднемъ должно будетъ передать эту роль другому, болѣе юному государству, именно тому, которое дастъ больше гарантій свободному развитію, и въ этомъ отношеніи, какъ по физическому положенію, такъ и по политическимъ комбинаціямъ; такую великую задачу могло бы выполнить княжество Сербія.

Впрочемъ, я захожу, кажется, совершенно въ чужую область, въ область политики, тогда какъ задача путешественника только наблюдать и описывать. И мнѣ хочется обратить вниманіе еще на одну особенность Дуная, напоминающую мой родной край, на его пловучія мельницы. Устройство ихъ такое: берутся двѣ большія лодки, которыя ставятся по теченію параллельно одна другой, на разстояніи 5 — 6 аршинъ и укрѣпляются цѣпями на якоряхъ неподвижно; между ними кладется валъ, на которомъ устроено маховое или водяное колесо, весьма широкое; на одной изъ лодокъ, которая по-больше, устраивается снасть, то-есть зубчатое колесо на одномъ валу съ водянымъ, приводящее въ движеніе шестерню, а шестерня эта вертитъ находящіяся на одной съ нею оси жернова; подъ жерновами ставится ковшъ, изъ котораго на нихъ падаетъ зерно, надъ всею снастью строится анбаръ, и мельница готова. Такихъ мельницъ множество на Дунаѣ и на Савѣ, и точно такого же устройства множество и на Дону, гдѣ онѣ называются *байдаками*.

Я кончилъ и, оглядываясь назадъ, невольно задаю самому себѣ вопросъ: что же извлечетъ для себя читатель изъ моихъ поверхностныхъ наблюденій, безсвязныхъ замѣтокъ и впечатлѣній, перемѣшанныхъ съ воспоминаніями, мечтами и личными соображеніями? и что я могу, наконецъ, обѣщать, предлагая свои статьи о Сербіи? Конечно, не больше того, что сказалъ о Дунаѣ, поэтому я и началъ съ предисловія, по которому читатель могъ бы судить, чего ожидать отъ слѣдующихъ статей, и впередъ рѣшить, читать ихъ или не читать. Говорю откровенно: двухмѣсячное пребываніе въ Бѣлградѣ и менѣе чѣмъ четырехнедѣльное путешествіе по внутренности Сербіи дало мнѣ только самое поверхностное понятіе о странѣ и народѣ, оно указало мнѣ только на нѣкоторые предметы и задало нѣкоторые вопросы, требующіе изученія и разрѣшенія или по крайней мѣрѣ болѣе серьезнаго обдумыванія и множества справокъ, что можетъ быть, удастся мнѣ впослѣдствіи. Теперь же предлагаю просто краткія путевыя наблюденія и замѣтки, которыя пишу подъ живыми, такъ сказать, неостывшими еще впечатлѣніями. Цѣль моя единственно обратить вниманіе на тѣ предметы и стороны народной жизни, которые попадались мнѣ и могли быть пропущены другими, затронуть какой-нибудь вопросъ, бросить другой свѣтъ, — не стѣсняясь ни системой, ни опредѣленнымъ содер-

Digitized by Google

жаніемъ. Можетъ быть, въ этихъ статьяхъ больше выкажется субъективность автора, чѣмъ самый предметъ; можетъ быть, въ нихъ слишкомъ ярко будетъ выступать взглядъ національный и мѣстный.... Все это можетъ быть, но одно то, что я не скрываю своей субъективности, избавляетъ читателя отъ заблужденія. Я старался обозрѣть все, что возможно, не хотѣлъ пропустить ни одного предмета, какъ бы онъ ни былъ далекъ отъ моихъ личныхъ цѣлей и воззрѣній; но не ручаюсь, что весьма часто пропускалъ факты крупные, и напротивъ, отмѣчалъ самые мелкіе и ничтожные, которые имѣли какое-нибудь соотношеніе съ моимъ субъективнымъ настроеніемъ, съ той средой и съ той мѣстностію, которой я весь принадлежу. Отрѣшившись, насколько возможно, отъ всякой тенденціи и предубѣжденія, я смѣло могу сказать, что относился ко всему безпристрастно, старался передать каждое явленіе со всевозможною точностію, но оцѣнивалъ ихъ конечно съ своей точки зрѣнія, которая легко опредѣляется сама собою, потому, повторяю, что я её не скрываю.

Полное, всестороннее изученіе и изображеніе страны и народа возможно только для туземца или для того иностранца, который по крайней мѣрѣ не одинъ годъ жилъ въ той странѣ и средп того народа, и отнюдь невозможно для путешественника, который пробылъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и бо́льшую часть странъ видѣлъ мимоходомъ. Туземцу не нужно ориентироваться въ своей странѣ, онъ знаетъ тамъ все, какъ въ своей комнатѣ, знаетъ, гдѣ что́ можетъ найти, гдѣ что́ взять. Посторонняго наблюдателя встрѣчаетъ множество случайностей, которыхъ онъ никакъ не могъ предвидѣть и которыя стацятъ его въ затрудненіе; а сколько обычныхъ встрѣчъ, разспросовъ, пытаній должно пройти прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу! Въ каждомъ городѣ и селѣ вы повторяете одну и туже процедуру знакомствъ, рекомендацій, объясненій, разнаго рода неизбѣжныхъ церемоній, отъ которыхъ зависитъ ваше путешествіе; сколько должны переслушать разсказовъ, совершенно вамъ не интересныхъ единственно изъ деликатности, чтобъ не оскорбить чужого самолюбія; а между тѣмъ все это требуетъ времени, котораго у васъ весьма мало. Все это васъ страшно утомляетъ, путаетъ, развлекаетъ и совершенно притупляетъ способность наблюдать. Туземецъ этого рода неудобствъ не знаетъ. — Но за то изученія мѣстныхъ памятниковъ и произведеній искусствъ и литературы, собираніе разныхъ статистическихъ данныхъ,—все это опять несравненно доступнѣе для туземца.

Такимъ образомъ, я прихожу къ тому выводу, что путешественникъ-иностранецъ, принимающійся за полное и систематическое описаніе страны, гдѣ есть свои ученые и путешественники, берется не за свое дѣло. Онъ можетъ только пользоваться тѣми данными, которыя ему представляетъ туземная наука и литература, и весь этотъ матеріалъ

Digitized by Google

переработывать въ томъ объемѣ и направленіи, въ какомъ это необходимо для его спеціальной цѣли или для его собственнаго отечества, выбирать факты и освѣщать ихъ своимъ свѣтомъ сообразно съ его тенденціями и субъективными воззрѣніями. Такого рода путешествіе имѣетъ характеръ спеціальный и субъективный; въ немъ вы или отыскиваете извѣстнаго только рода явленія, которыя нужны лично вамъ или вашему отечеству, и которыя совершенно не имѣютъ значенія для туземца, или изъ своеобразнаго наблюденія дѣлаете свои собственные выводы, до которыхъ туземецъ не могъ дойти. Однимъ словомъ, иностранецъ путешествуетъ для себя и для своего народа. Это однако не исключаетъ возможности, что подобныя описанія иностранцевъ часто могутъ открывать вещи, неизвѣстныя туземцамъ, и всегда помогаютъ имъ видѣть свою жизнь съ той именно стороны, которая имъ недоступна. «Кто входитъ въ комнату со двора, тотъ чувствуетъ тотчасъ, какая въ ней температура и воздухъ. А кто сидитъ тамъ уже давно, тотъ этого не чувствуетъ, хотя бы со статистическою точностію зналъ, сколько положено въ печку дровъ и сколько открывалось окно для вентиляціи»—Дицъ говоритъ между прочимъ.

Предлагая свои замѣтки и наблюденія о Сербіи, такъ сказать субъективное описаніе ея, для желающихъ познакомиться съ нею ближе и основательнѣе, я намѣренъ указать здѣсь на тѣ сочиненія, которыя вышли въ нынѣшнемъ и прошломъ году и вѣроятно еще мало извѣстны нашему читающему обществу. Первое мѣсто по объему и по впередъ составившейся репутаціи занимаетъ сочиненіе иностранца, именно Ф. Каница: «Сербія—Историко-этнографическіе этюды во время путешествія съ 1859 — 1868 г., съ 40 иллюстраціями, 20 картинами и одною картою». Это весьма роскошно изданная и очень объемистая книга въ 744 страницы въ большую осьмушку.

Г. Каницъ извѣстенъ уже своими сочиненіями: «Византійскіе памятники», «Болгарскіе отрывки», «Путешествіе по южной Сербіи и южной Болгаріи» и другими статьями о болгарахъ и сербахъ, помѣщавшимися въ разныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ мнѣ извѣстны статьи его въ «Gartenlaube» и въ «Вѣнскомъ обозрѣніи». Всѣ эти труды въ свое время обратили на себя вниманіе просвѣщенной публики, которая оцѣнила ихъ и ожидала съ нетерпѣніемъ обѣщаннаго авторомъ обширнаго сочиненія о Сербіи.

На сторонѣ этого сочиненія всѣ преимущества: во-первыхъ Каницъ, появляясь съ нимъ послѣ всѣхъ, имѣя возможность воспользоваться всѣми указаніями, даже ошибками своихъ предшественниковъ; во-вторыхъ, никто не путешествовалъ по Сербіи такъ много, какъ онъ, и врядъ ли другіе располагали тѣми средствами, какія были у него въ рукахъ; наконецъ, онъ много подготовлялся къ этому труду отдѣльными монографіями, и Сербію избралъ спеціальною цѣлію своихъ изслѣдованій.

Digitized by Google

Дѣйствительно, взглянувъ на объемъ и пробѣжавъ оглавленіе, мы впередъ готовы признать, что, каковы бы ни были внутреннія достоинства этой книги, относительно полноты содержанія, она должна удовлетворить даже самымъ строгимъ требованіямъ.

Обратимъ вниманіе прежде всего на задачу, которую поставилъ себѣ авторъ въ своемъ сочиненіи, и на объемъ его, чтобъ читатель зналъ, что́ онъ можетъ въ немъ найти; потомъ на тѣ средства, которыми авторъ располагалъ, чтобъ имѣть понятіе о его важности и такимъ образомъ оцѣнить его достоинство сравнительно съ другими, и наконецъ, для ознакомленія съ выполненіемъ, приведемъ нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ можно бы было видѣть его личный взглядъ и отношеніе къ предмету, обусловливающія тотъ свѣтъ, въ какомъ онъ изображаетъ Сербію.

Авторъ отчасти выполняетъ это самъ въ своемъ предисловіи, которымъ поэтому мы и воспользуемся, чтобъ какъ-нибудь не стать по отношенію къ нему на ложную точку зрѣнія и не быть къ нему несправедливыми.

Указавъ на то, что въ послѣднее время всѣ обращаютъ большое вниманіе на Сербію, авторъ говоритъ: «Важная роль, которая выпала маленькому сербскому государству на иллирійскомъ треугольникѣ, такимъ образомъ вполнѣ оправдываетъ то великое участіе, съ какимъ образованный міръ слѣдитъ за его соціальнымъ и политическимъ развитіемъ. Но, въ то время, какъ классическая почва Греціи, благодаря многимъ ревностнымъ фанатикамъ и ученымъ, была изучена со всѣхъ сторонъ—по сю пору нѣтъ обширнаго изображенія Сербіи и ея жителей, ея исторіи и памятниковъ, ея народной и городской жизни, равно какъ развитія ея соціальныхъ, политическихъ, церковныхъ и военныхъ отношеній.» Прилагая такой обширный масштабъ къ трудамъ своихъ предшественниковъ, въ особенности къ сочиненіямъ Убичини и Дентона, авторъ конечно не удовлетворяется ими. «Главною цѣлью этихъ публикацій — говоритъ онъ — было подогрѣть участіе Англіи и Франціи къ христіанамъ на европейскомъ Востокѣ, и они ее выполнили. Однако послѣ, равно какъ и прежде ихъ появленія богатая будущностью почва Сербіи съ ея мало извѣстными отношеніями, полными оригинальности и способности къ образованію, требуетъ глубокаго историко-этнографическаго изслѣдованія.»

Задавшись такою громадною задачею, онъ написалъ обширное сочиненіе, о которомъ самъ говоритъ такъ: «Одинъ взглядъ на оглавленіе этого произведенія показываетъ уже, въ какомъ обширномъ размѣрѣ авторъ слѣдовалъ этому призванію. Ни одинъ изъ 17-ми округовъ этой страны не остался непосѣщеннымъ мною, а нѣкоторые въ разные годы я объѣхалъ по нѣскольку разъ.—Я искалъ сербскій народъ въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, наблюдалъ его характеръ,

Digitized by Google

его нравы и обычаи, подслушивалъ его сказанія и пѣсни и изучалъ его соціально-политическія отношенія.» Такія же ученыя путешествія по австрійской Сербіи, по Герцеговинѣ, Черногоріи и Болгаріи дали ему возможность, путемъ сравненія, найти по возможности точный масштабъ для измѣренія успѣховъ сербскаго народа въ культурѣ, для опредѣленія его стремленій и надеждъ въ будущемъ. Наконецъ, авторъ съ торжествомъ говоритъ: «Разрѣшеніе вопроса о сербскихъ крѣпостяхъ, послѣдовавшее въ то время, когда печаталась эта книга, *удовлетворительно говоритъ въ пользу высказанныхъ въ ней взглядовъ.* Предлагаемое произведеніе содержитъ постепенно созрѣвшіе плоды многократныхъ путешествій по Сербіи съ 1859 по 1867 г.»

Конечно, г. Каницъ не имѣетъ претензіи на всеобъемлющій широкій взглядъ Гумбольдта; но тѣмъ не менѣе онъ совмѣстилъ въ себѣ чрезвычайно многостороннія качества: историка, филолога, натуралиста, политика, стратега, художника и т. д. и написалъ, такъ сказать, цѣлый микрокосмъ. Почерпнулъ онъ также кое-что и изъ устъ народа; но эти народныя произведенія, передаваемыя не въ оригиналѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ и при томъ видоизмѣненныя субъективностію автора, совершенно теряютъ свой народный колоритъ и чрезъ то лишаются своего истиннаго смысла и значенія. Если смотрѣть, что въ его книгѣ преслѣдовалась не столько ученая цѣль, сколько популяризація въ нѣмецкой публикѣ и проведеніе извѣстной идеи тенденціи, тогда и въ этомъ случаѣ мы отказываемся отъ всякихъ требованій. Къ числу такихъ неудачныхъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ передачъ, относится сказаніе о царѣ Траянѣ, которое авторъ передаетъ словами сербскаго разсказчика при самыхъ развалинахъ, такъ называемаго Траянова-града, въ западной Сербіи. Вотъ онъ: «Много столѣтій тому назадъ, этою землею владѣли латиняне, и въ то время тамъ наверху жилъ ихъ царь Траянъ. Онъ былъ сильный государь и владѣлъ также швабскою землею. На Савѣ въ Митровицѣ была у него любовница, которую онъ посѣщалъ днемъ. Замѣтьте, я говорю — *днемъ*, а вы знаете, что туда далекій путь. Но для него это было легко, потому что онъ имѣлъ три головы и крылья. Однако непріятели однажды захватили его въ Митровицѣ у любовницы. Раннимъ утромъ они заперли двери и отворили только въ полдень; царю Траяну пришлось очень плохо; потому что, когда онъ кинулся летѣть, его восковыя крылья отъ солнечнаго жара растопились, и такимъ образомъ онъ погибъ.» Здѣсь вы не видите ни тѣхъ подробностей, съ какими народъ обыкновенно передаетъ свои сказанія, ни того чарующаго, волшебнаго колорита, который сербъ придаетъ даже разсказамъ о современныхъ событіяхъ. Этотъ голый, давно извѣстный миѳъ, сложившійся на основаніи какой-то были, ничего не выигрываетъ отъ того, что авторъ влагаетъ его въ уста народнаго разсказчика.

Digitized by Google

Вообще надобно замѣтить, что г. Каницу не удается изображеніе живыхъ предметовъ; онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ тамъ, гдѣ нельзя ограничиться однимъ сухимъ описаніемъ внѣшняго очертанія, гдѣ требуется выразить ту жизнь, тотъ внутренній процессъ, который совершается подъ внѣшнею оболочкой и придаетъ предмету то особенное выраженіе, которые мы называемъ характеромъ и физіономіей. Даже рисунки его не помогаютъ тексту. Они до того безхарактерны, что вы узнаете въ нихъ сербовъ единственно по тексту и по костюмамъ. На одномъ, напр., рисункѣ, представляющемъ группу поселянъ и священника, при освященіи яствъ во время праздника «славы», онъ придалъ всѣмъ такое выраженіе лицъ и положеніе корпуса, какого они никогда не принимаютъ. Вы въ этихъ лицахъ можете видѣть японцевъ, или пожалуй нѣмецко-католическій клиръ, съ выраженіемъ умиленія въ лицахъ и смиренія въ цѣлой позѣ, но отнюдь не сербовъ. Не смотря на подробное описаніе народнаго костюма, жилищъ, домашней утвари, обычаевъ, обрядовъ и сценъ изъ народной жизни, вы не находите въ цѣлой книгѣ именно того, чего ищете и что̀ повидимому имѣлъ въ виду и авторъ — не находите изображенія народа, какъ живущаго и дѣйствующаго организма. Это, можно сказать, описательная анатомія: вы видите кости и мускулы, но не видите ихъ связи и движенія.

Недьзя не замѣтить и не пожалѣть, что авторъ, имѣя чрезвычайно обширное поле для наблюденій, но только не передаетъ ихъ съ возможною живостію, но имѣетъ особенную способность или наклонность выставлять наблюдаемыя явленія въ ложномъ свѣтѣ и придавать имъ ложное толкованіе. Для образчика наблюдательности и воззрѣній автора, наудачу отыщемъ по оглавленію во 2 отд. въ концѣ 1 главы рубрику: «Сербское правило — *ничему не удивляться* (nil admirari)» на стр. 66. Авторъ отправляется изъ Бѣлграда на пароходѣ вверхъ по Савѣ въ г. Шабацъ. Между обществомъ было нѣсколько солдатъ, которые отправлялись домой въ отпускъ. Они съ любопытствомъ смотрятъ на машину, а авторъ съ неменьшимъ любопытствомъ наблюдаетъ ихъ. «Разсматривая внимательно и съ удивленіемъ, эти *дѣти природы* — говоритъ авторъ — по правильному подниманью и опусканью цилиндровъ хотятъ постигнуть движущую ихъ таинственную силу. Иной изъ нихъ воображаетъ, что онъ постигъ все, и уже задумалъ создать что-нибудь подобное, а можетъ быть еще лучше. Въ Шабацѣ послѣ показывали мнѣ модель лодки съ остроумнымъ механизмомъ, который долженъ замѣнить собою паровую машину. Это было изобрѣтеніе человѣка, который никогда не учился техникѣ. Характеристично же, что сербъ, полный самоувѣренности, воображаетъ, что онъ даже въ совершенно чуждой ему области можетъ все сдѣлать, можетъ всѣмъ быть. «Ничему не удивляться»—его девизъ. Появленіе

Digitized by Google

самоучекъ тамъ, гдѣ мало средствъ для того, чтобъ научиться чему-нибудь, попытка простого человѣка произвести усовершенствованія и открытія въ области техники и другихъ наукъ, все это такъ повсемѣстно и обще, что не составляетъ особенной черты сербскаго народа; а между тѣмъ отсюда авторъ дѣлаетъ нелишенное нѣкоторой проніи замѣчаніе о сербской самоувѣренности.

Дѣйствительно, сербъ самоувѣренъ, но не въ этомъ видна его самоувѣренность, и онъ имѣетъ на это право. Сербъ увѣренъ, что онъ все долженъ самъ себѣ добыть, самъ все сдѣлать, что ему нечего ждать помощи ни отъ нѣмцевъ, ни отъ другого кого-нибудь, и потому дѣйствуетъ самостоятельно, не терпитъ посторонняго вмѣшательства въ его дѣло, которое всегда было только ко вреду его; не выноситъ опеки, подъ которой никогда и не жилъ. Увѣренный въ себѣ, разумно разсчитавши и измѣривши свои силы, сербъ выступаетъ на всякій подвигъ смѣло и рѣшительно. Это свидѣтельствуетъ вся его жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился своихъ царей и деспотовъ. Въ силу этой самоувѣренности онъ возставалъ противъ своихъ враговъ, при всякомъ благопріятномъ случаѣ, и при этомъ не искалъ чужой помощи, а выдвигалъ героевъ изъ своей собственной среды—Чернаго Георга, Милоша и другихъ борцовъ свободы. Этого г. Каницъ не замѣтилъ. И мало-ли чего онъ не замѣтилъ?...

Г. Каницъ ни на минуту не можетъ забыть о томъ громадномъ разстояніи, которое находится между нимъ, человѣкомъ высшей цивилизаціи, и полуварварскимъ сербомъ. Онъ смотритъ слишкомъ свысока, и потому именно не видитъ весьма много вещей или видитъ ихъ въ туманѣ; а иногда какая-то фата-моргана заставляетъ его видѣть все въ обратномъ положеніи. Возьмемъ опять для примѣра, на выдержку, изъ 3-го отд. XIV г. подъ заглавіемъ: «Въ домѣ сельскаго кмета (старшины).—Довольство и счастье», стр. 165: «Я не могъ отказать себѣ въ желаніи бросить взглядъ на домъ кмета, самаго богатаго человѣка въ Магличѣ (селеніе). Я приглашаю любезнаго читателя слѣдовать за мною въ это большое пространство — комнатой его нельзя назвать, потому что здѣсь все вмѣстѣ, и кухня, и кладовая. Больше, чѣмъ всякое описаніе, говоритъ оно о томъ довольствѣ этихъ бѣдныхъ, горныхъ жителей, указываетъ ту степень, которую *по нашимъ понятіямъ* занимаютъ эти *добрые люди* на лѣстницѣ просвѣщенія и соціальнаго земного счастія. И однако эти люди счастливы и любятъ эту скудную груду, на которой судьбѣ угодно было, чтобъ они родились. Сопровождая игрой на гуслѣ, поютъ они о своемъ прошедшемъ, о бываломъ величіи ихъ отечества. Они любятъ своего князя и отъ него *ожидаютъ національнаго возрожденія своей жизни.* По истинѣ, въ то время всякій нѣмецъ позавидовалъ бы имъ въ этомъ пунктѣ ихъ довѣрія».

Digitized by Google

Тонъ снисходительности и сантиментальнаго умиленія на счетъ ограниченности потребностей бѣдняка и сознаніе своей высоты предъ полудикимъ сербомъ такъ и пробиваются въ каждой фразѣ, и оттого проистекаетъ ложь, будто сербъ такъ глупъ, что всѣмъ доволенъ и считаетъ себя счастливымъ. Недавно, бывши въ той самой мѣстности, я напротивъ слышалъ только жалобы и недовольство. Да и вообще я не встрѣчалъ у сербовъ глупо-довольныхъ физіономій. Отличительная черта сербскаго характера серьезность, доходящая въ нѣкоторыхъ субъектахъ до суровости, и не дающая постороннему человѣку подмѣтить ни счастья, ни горя. Сербъ не скрытенъ, но и не сообщителенъ. А что касается низкой степени государственности этого народа, то какимъ образомъ онъ могъ усвоить идею *національнаго возрожденія*, о которой говоритъ авторъ? И какимъ образомъ объяснить то, что въ этотъ самый годъ, когда вышла книга г. Каница, собраніе этихъ дикарей вотировало за отвѣтственность министровъ, за расширеніе своихъ правъ, за судъ присяжныхъ, за свободу печати и изъявило недовольство и недовѣріе прежнему правительству, въ числѣ главныхъ его представителей министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи, тогда, какъ г. Каницъ этому правительству во всей книгѣ расточаетъ похвалы? Въ комъ же послѣ этого больше политическаго смысла и кто больше развитъ?

Не пускаясь въ дальнѣйшій разборъ частностей книга Каница потому, что для этого потребовалось бы слишкомъ много писанія, что не входитъ въ мой планъ, я долженъ сдѣлать еще два-три замѣчанія.

Величайшій грѣхъ на свою душу принялъ г. Каницъ, написавши цѣлую главу о сербской литературѣ, съ которою онъ также мало знакомъ, какъ (я не хочу дѣлать никакого обиднаго для него сравненія) и съ народною жизнью.

Не говоря уже о томъ, что это литературное обозрѣніе представляетъ только реестръ именъ авторовъ и названій ихъ сочиненій, при чемъ каждому почти имени, въ видѣ снисходительной любезности, придается какой-нибудь ничего не опредѣляющій эпитетъ,—онъ взводитъ на новую сербскую литературу такую клевету, которой никакъ нельзя извинить — сдѣлана ли она вообще по слабости человѣческой, т. е. изъ лицепріятія, или по какимъ-нибудь другимъ видамъ и соображеніямъ, нельзя извинить, потому что льстя слишкомъ безсовѣстно одному, онъ оскорбляетъ тѣмъ другого, и этотъ другой въ данномъ случаѣ — весь сербскій народъ.

Привожу здѣсь эту клевету буквально, во всей наготѣ: «Какъ основатель сербской политической журнальной прессы *въ европейскомъ смыслѣ*, здѣсь съ похвалой долженъ быть упомянутъ г. Милошъ-Поповичъ (рожд. въ Новомъ-Саду [1]). До начала его многосторонней

[1]) Примѣч. Каница, а въ другихъ случаяхъ мои.

Digitized by Google

литературной дѣятельности, оффиціальная мѣстная газета, редакцію которой онъ принялъ въ 1841 году и съ небольшими перерывами продолжалъ до 1861 года, представляла реперторіумъ оффиціальныхъ извѣстій и самыхъ обыкновенныхъ замѣтокъ. Не смотря на постоянную борьбу (противъ кого?) и разнаго рода гоненія, (т. е. презрѣнія со стороны честныхъ людей: участь общая всѣмъ доносчикамъ) его жизнь постоянно направлена была на облагороженіе и укрѣпленіе національной идеи. Князь Михаилъ, вступивши на престолъ, далъ возможность основать оффиціозный органъ, который тогда представилъ свободное поле для публицистской дѣятельности Поповича. При содѣйствіи болѣе молодой силы, хорошо извѣстнаго въ публицистскихъ кругахъ своими литературными трудами доктора Розена, «Видовданъ» дѣятельностью этихъ обоихъ писателей поставленъ былъ на степень органа, который могъ бы сдѣлать честь періодической литературѣ государствъ, стоящихъ на гораздо высшей степени развитія, чѣмъ Сербія» (стр. 705—6). Другими словами: если такой журналъ другимъ государствамъ, гораздо болѣе развитымъ, чѣмъ Сербія, дѣлаетъ честь, то Сербія ниже этой чести, ниже его уровня, слѣдовательно, не стоитъ его. Лесть г. Каница господамъ Поповичу и Розену, съ которыми онъ, повидимому, раздѣляетъ одну душу,—его личное дѣло; но унизить сербскій народъ до того, чтобъ надъ уровнемъ его духовнаго развитія поставить «Видовданъ», который былъ органомъ Николы Христича, бывшаго на несчастіе Сербіи ея первымъ министромъ и на гибель покойнаго князя его самымъ довѣреннымъ лицомъ, того самого, который угнеталъ прессу, гналъ просвѣщеніе, преслѣдовалъ все, что́ было честно и благородно, выше всего ставя самую гнусную, держащуюся на подкупахъ и шпіонствѣ, полицейскую систему, и наконецъ былъ главнымъ виновникомъ постыдной катастрофы—имя котораго омерзѣло всѣмъ, отъ простолюдина и до образованнаго, — поставить на такую высоту «Видовданъ», который, какъ паразитъ, существовалъ только правительственною субсидіей и былъ, такъ сказать, прибѣжищемъ *юродивыхъ и убогихъ духомъ*, — это тяжелая обида сербскому народу.

Что г. Каницъ совершалъ свои путешествія по Сербіи и другимъ славянскимъ землямъ вовсе не съ ученой цѣлью,—это видно на каждой страницѣ его книги, а какія именно тенденціи и воззрѣнія руководили имъ, это онъ самъ объясняетъ въ своемъ предисловіи такъ: «Восточный вопросъ и его разрѣшеніе, часто отодвигаемый на задній планъ, чтобъ потомъ еще сильнѣе выступить впередъ, въ настоящее время составляетъ самый горячій вопросъ дня. Періодически повторяющіяся возстанія на греческихъ островахъ и на Балканѣ, въ Босніи и Албаніи, кровавыя битвы въ Черныхъ Горахъ, бомбардированіе мирныхъ городовъ, низведеніе князей съ престоловъ и возведеніе представляютъ отдѣльныя вспышки того горючаго матеріала, который на-

Digitized by Google

полняетъ востокъ нашей части свѣта, и окончательное воспламененіе котораго угрожаетъ ей страшнымъ потрясеніемъ. Рядомъ съ фаталистическимъ, вѣрующимъ въ неотразимость рѣшеній судьбы османліемъ, райя пробуетъ уже свои силы, готовясь на послѣдній бой. Греки, албанцы, романы, сербы и болгары, послѣ много-вѣковой политической смерти, ходомъ исторіи призванные къ новой жизни, все болѣе выдвигаются впередъ. Пестрая мозаика изъ національностей, религій, политическихъ преданій и различныхъ *нелѣпыхъ стремленій* выступаютъ передъ удивленнымъ зрителемъ. *Какъ ихъ оцѣнить, соединить, политически организовать? Какая исполинская задача для нашей политической дѣятельности, для дипломаціи,—и меча»!*

Слова эти, конечно, не нуждаются въ поясненіяхъ, и высказанная въ нихъ тенденція проводится по всему сочиненію. Зная, такимъ образомъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло и какая цѣль г. Каница, мы можемъ при строгой критикѣ воспользоваться его книгой, какъ матеріаломъ, но не больше; переводить же ее на другой какой-нибудь языкъ не стóитъ, и потому примѣчаніе, что «право перевода на иностранные языки авторъ удерживаетъ за собою» совершенно лишнее.

Считаемъ долгомъ замѣтить, что лучшую часть въ сочиненіи Каница составляютъ историческія замѣтки по поводу различныхъ историческихъ памятниковъ, поэтому описаніе восточной Сербіи, богатой этими памятниками, чрезвычайно интересно; «двѣ главы — *о романахъ* и *о цинцирахъ (македоно-влахахъ)*, — составленныя по другимъ сочиненіямъ и освѣщенныя собственными наблюденіями автора, представляютъ законченные отдѣльные этюды, вполнѣ удовлетворяющіе читателя. Въ нихъ видна даже неподдѣльная симпатія автора къ описываемымъ предметамъ, которой вы напрасно будете искать въ изображеніи сербской народной жизни.

Обращаясь къ новѣйшей туземной литературѣ, прежде всего обратимъ вниманіе на вышедшія въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ «Путевыя письма о Сербіи изъ всѣхъ странъ Сербіи» Миличевича, который, въ качествѣ секретаря министерства просвѣщенія, каждый годъ разъѣзжаетъ по Сербіи, осматривая училища. Понятно, что ему представляется возможность изучить сербскую жизнь весьма близко, и потому сочиненіе его для насъ имѣетъ большой интересъ. Дѣйствительно, его небольшая книжечка представляетъ весьма много наблюденій и любопытныхъ замѣчаній. Многія черты изъ жизни народа, изъ его соціальныхъ и экономическихъ отношеній, его умственнаго и нравственнаго состоянія, характеристики нѣкоторыхъ типовъ и историческихъ личностей, разные эпизоды изъ исторіи края, — схвачены и представлены весьма удачно; въ немъ найдете много данныхъ отно-

Digitized by Google

сительно училищъ и народонаселенія, и вообще, не смотря на отсутствіе системы, сочиненіе это захватываетъ сербскую жизнь довольно всесторонне. Одно только можно замѣтить: авторъ впередъ поставилъ себѣ задачу показать, что при настоящемъ правительствѣ Сербія значительно подвинулась впередъ, что прежде все было не хорошо, а теперь благоденствіе народа идетъ прогрессивно. Эта тенденція выдается такъ рѣзко, что невольно относишься къ нему съ недовѣріемъ, потому что, задавшись такою мыслію впередъ, авторъ дѣлается односторонникъ: желая представить все въ лучшемъ свѣтѣ, онъ не видитъ, или скорѣе, не хочетъ видѣть другую, темную сторону. При повѣркѣ дѣйствительно оказывается много натяжекъ, и отъ того, въ цѣломъ, сочиненіе его получаетъ отпечатокъ полуоффиціальнаго доклада, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ на читателя.

Описательная часть страдаетъ также нѣкоторою оффиціальностію, напоминаетъ сухіе учебники географіи: какъ ни точно говоритъ онъ, откуда и какъ течетъ рѣка, какіе ея притоки, насколько срезовъ дѣлится округъ и сколько жителей, вы все-таки не получаете характеристики страны, ея физіономіи.

Съ характеромъ болѣе спеціальнымъ является другое сочиненіе того же автора: «Жизнь сербскаго поселянина» [1]). Это описаніе внутренней, домашней жизни сербскаго народа: раздѣленіе временъ дня и года и сообразное съ тѣмъ распредѣленіе сельскихъ занятій, посты и праздники и соединенныя съ ними торжества, обычаи и повѣрья, описаніе свадебныхъ обрядовъ, костюма и жилища; наконецъ разные суевѣрные обряды, молитвы и заговоры отъ разныхъ болѣзней и въ разныхъ случаяхъ жизни. Вездѣ обозначено къ какой мѣстности относится то или другое явленіе народной жизни. Вмѣстѣ съ «пѣснями» и «сказками» — изданными Вукомъ Стеф. Караджичемъ — сочиненіе это представляетъ весьма важный матеріалъ для изученія народной жизни.

Вообще, въ послѣднее время, сербы стали обращать большое вниманіе на свое отечество и принялись за серьезное изученіе его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ «Гласникъ», журналъ «Сербскаго Ученаго Общества» въ Бѣлградѣ, собираетъ и разработываетъ матеріалы для исторіи, географіи и этнографіи Сербіи, естественное отдѣленіе бѣлградскаго лицея поставило себѣ задачу—изучить Сербію со стороны естествознанія. Съ этой цѣлью профессора, пользуясь лѣтними феріями, совершаютъ свои экскурсіи, и результаты ихъ представляютъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Между ними особенно важны труды профессора Панчича по части зоологіи и ботаники. Недовольствуясь ученою дѣятельностью профессоровъ, ли-

[1]) Въ «Гласникѣ» 1867 г. кн. V, стр. 79—208 и отдѣльное изд. 1868 г.

Digitized by Google

цей призвалъ къ этой дѣятельности своихъ воспитанниковъ. Съ этой цѣлью опредѣлено, чтобъ каждый третій годъ воспитанники высшаго курса отправлялись внутрь Сербіи для естественно-научныхъ изслѣдованій, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Такихъ экспедицій до сихъ поръ было три. Первая была въ 1856 г. по западной сухой границѣ, вторая 1859 г. внизъ по Дунаю, и третья 1863 [1]). Что сдѣлала первая экспедиція, неизвѣстно; вторая помѣстила свои извѣстія въ «Сербскихъ Новинахъ» 1859 г., а работы третьей изданы въ прошломъ (1867 году) «Сербской Омладиной» въ отдѣльной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Путешествіе воспитанниковъ лицея естествовѣдѣнія по Сербіи въ 1863 г.»

Не говоря уже о томъ, какую огромную пользу приносятъ эти экспедиціи воспитанникамъ въ учебномъ отношеніи, открывая имъ возможность на практикѣ провѣрять и повтореніемъ еще болѣе укрѣплять свои теоретическія свѣдѣнія, пріучая ихъ къ ученымъ пріемамъ и наблюденіямъ, онѣ поднимаютъ ихъ нравственный и, такъ сказать, гражданскій уровень, давая возможность внести долю своей самостоятельной, личной дѣятельности на пользу своего отечества. Эта молодежъ, предаваясь своимъ ученымъ студіямъ, имѣетъ въ виду не личную карьеру, не теплое мѣстечко и корыстную службу, а успѣхъ науки и пользу своего отечества. «Задачу нашу и цѣлой омладины—говорятъ воспитанники лицея — составляетъ изученіе нашего отечества, чтобъ мы его больше полюбили и, познакомившись съ его положеніемъ, могли бы всегда быть ему полезными. Правда, наша молодежъ отправляется въ Вѣну, Парижъ, Швейцарію, — того требуютъ интересы нашего общества. Мы же здѣсь преслѣдуемъ интересъ государственный и говоримъ: Сербія есть самая близкая намъ страна, которую мы должны прежде всего узнать, тогда намъ уже легко будетъ познакомиться и съ остальнымъ свѣтомъ. *Неужели мы вѣчно будемъ чужими въ своемъ домѣ*» [2])?!...

Ничто не можетъ такъ парализовать дѣятельность человѣка, какъ горькое сознаніе, что онъ *въ своемъ домѣ чужой;* и напротивъ ничто такъ не поощряетъ его, какъ убѣжденіе, что и его посильный малый трудъ имѣетъ свою цѣну и значеніе на ряду съ трудами тѣхъ, которые считаются главными органами народной жизни. «Наше правительство — продолжаютъ они — скоро увидитъ, какъ полезны эти научныя экспедиціи, потому что до сихъ поръ ни одна изъ нихъ не осталась безъ пользы для науки. А молодежъ, преданная своему правительству, не будетъ щадить труда, чтобъ и время отдыха употреблять

---

[1]) Слѣдовало быть 1862 г., но вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ отложена; все равно, какъ и въ нынѣшнемъ году не состоялась вслѣдствіе происшествія 29 мая.

[2]) Пут. лиц. пит., стр. 172.

Digitized by Google

на пользу науки, путешествуя по нашему отечеству и знакомясь съ нашею землею» [1]).

Какъ поняли свою научную задачу молодые ученые путешественники, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ ихъ предисловія: «До сихъ поръ Сербія нашему обществу извѣстна была со стороны естествознанія только по сочиненіямъ иностранцевъ: Ами Буэ, барона Гердера и другихъ, которые меньше писали. Но хотя и ими оказана большая услуга нашей почти несуществующей по этой отрасли наукѣ, однако отъ этихъ работъ иностранцевъ не можетъ быть такой пользы народной литературѣ и народу, какую могли бы принести своими трудами домашніе дѣятели, которые соприкасаются со своимъ народомъ и со своею землею даже въ самыхъ мелкихъ частностяхъ».

Вотъ къ какимъ серьезнымъ взглядамъ и цѣлямъ пришла сербская молодежь, именно вслѣдствіе того, что правительство открыло поприще и ихъ самостоятельной дѣятельности. Не можемъ, наконецъ, не указать еще на очень важную сторону подобныхъ экспедицій, на сближеніе науки и образованности съ невѣжествомъ и простотою, на проведеніе тѣхъ началъ, которыми живетъ просвѣщенное общество, въ неосвѣщенную знаніемъ и наукой массу. Эту миссію взаимнаго сближенія, конечно, никто не въ состояніи такъ выполнить, какъ молодежь, чуждая общественныхъ предразсудковъ, мягкая, снисходительная и любящая человѣчество, не по его заслугамъ и разнымъ достоинствамъ, а просто по чувству гуманности, неутомимая и одушевленная сознаніемъ своего высокаго назначенія. Сербская «Омладина» стоитъ именно въ такихъ отношеніяхъ къ своему народу, который въ нее больше вѣруетъ, чѣмъ въ свое чиновное начальство. Бюрократія старалась всѣми средствами очернить и оподозрить передъ народомъ его молодежь, этотъ единственно способный къ прогрессу элементъ государственной и народной жизни; но эти усилія остались безуспѣшными. Въ послѣднее время сближеніе это стало еще сильнѣе, а наконецъ и само правительство сознало, повидимому, что у молодежи сила и будущность, и смотритъ теперь на омладину, какъ на связующее звѣно между собою и народомъ. Только отъ этого тройственнаго союза — правительства, подъ которымъ мы разумѣемъ совокупность лицъ, имѣющихъ власть, образованной молодежи и народомъ, подъ которымъ мы здѣсь разумѣемъ необразованную массу, можно ожидать правильнаго развитія и успѣховъ страны въ гражданской жизни и просвѣщеніи.

Обращаясь къ вышеупомянутому сочиненію, можемъ сказать, что оно, не смотря на его малый объемъ и скромную задачу, удовлетворяетъ читателя вполнѣ, давая ему точное физическое описаніе страны и оживляя его свѣдѣніями по этнографіи, исторіи и нелишенными

[1]) Тамъ же.

Digitized by Google

интереса путевыми приключеніями. Они не оставляли безъ вниманія ни одного предмета: черты народнаго быта, замѣчательное по чему-нибудь зданіе, древняя надпись, особенности нарѣчія, физіономіи и образа жизни народа, все было наблюдаемо съ такимъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, какое вы встрѣтите у весьма немногихъ. Отсутствіе какой-бы то ни было тенденціи, кромѣ чисто научнаго и общечеловѣческаго интереса, составляетъ одно изъ важныхъ его достоинствъ, недостающихъ другимъ сочиненіямъ подобнаго рода. И въ тоже время оно далеко отъ индиферентизма, напротивъ, въ немъ все обнаруживаетъ въ наблюдателяхъ весьма горячее участіе къ описываемымъ предметамъ и явленіямъ. «Мы обошли нѣсколько округовъ нашего отечества, наблюдали землю, производство, народъ» — въ этихъ словахъ авторовъ резюмировано все содержаніе ихъ книжекъ въ 173 стр. in—8°.

Я не могу здѣсь перечислить всѣхъ статей, помѣщавшихся въ послѣднее время въ разныхъ сербскихъ періодическихъ изданіяхъ, преслѣдующихъ туже цѣль, т. е. всесторонее изученіе Сербіи: замѣчу только, что это стремленіе къ болѣе полному и широкому изученію своего отечества во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ характеристическую черту въ современномъ направленіи сербской литературы. Прежнее историческое и археологическое направленіе начинаетъ уступать направленію болѣе реальному; теперь на первый планъ выходятъ естественныя богатства, экономическія и соціальныя отношенія, все то, отъ чего зависитъ матеріальное и нравственное развитіе народа.

Однимъ словомъ, кто хочетъ познакомиться съ сербскимъ народомъ и съ современною народною жизнію, не путешествуя, тотъ пусть читаетъ сочиненія самихъ сербовъ, а не иностранныхъ путешественниковъ. Иностранцы большее вниманіе обращаютъ на памятники прошлаго, на нѣмую природу, а не на народъ, войти въ жизнь котораго они не имѣютъ ни охоты, ни способности. Они на всѣ явленія народной жизни смотрятъ издалека и свысока, схватываютъ ихъ поверхностно и даютъ имъ толкованіе по своему вкусу или по своимъ субъективнымъ воззрѣніямъ, а часто подъ сильнымъ напоромъ какой-нибудь политической тенденціи. И такою тенденціозностію въ особенности отличается сочиненіе Каница, которое однако, въ тоже время, есть самое полное сочиненіе о Сербіи.

Предлагая этотъ краткій отчетъ о новѣйшихъ сочиненіяхъ о Сербіи, я имѣлъ въ виду не строгую ихъ критику и полную оцѣнку, а хотѣлъ только дать извѣстіе о томъ, что въ послѣднее время по этой части явилось, и по возможности опредѣлить ихъ характеръ и точку зрѣнія, чтобъ читатель зналъ такимъ образомъ, какъ къ нимъ относиться.

П. РОВИНСКІЙ.

Digitized by Google

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го ноября, 1868.

Внутреннее обозрѣніе.

Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. — «Своеволіе, пьянство» народа и стремленіе къ переселенію. — Общій результатъ хода освобожденія. — Двоякая мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній. — Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ. — Положеніе о земельномъ надѣлѣ бессарабскихъ царанъ. — За кѣмъ теперь очередь? — Крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, и «Окраины Россіи» г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты. — Обезземеленіе крестьянъ.

«Мы должны предостерегать; мы должны говорить съ почтительною твердостію.... воротитесь, воротитесь назадъ.... Надо передѣлать.... да... передѣлать все сдѣланное.... И девятнадцатое февраля — насколько это возможно». Такія слова вложилъ нашъ художникъ-писатель въ уста «молодого генерала», ораторствующаго о пользахъ отечества, въ Баденъ-Баденѣ. Что мысль, выраженная въ этихъ словахъ—не вымыселъ, что она схвачена живьемъ изъ числа наличныхъ мыслей, обращающихся въ нашей дѣйствительности и даже могущихъ имѣть на нее нѣкоторое вліяніе — намъ нѣтъ надобности завѣрять читателя.

Конечно, мысль эта можетъ формулироваться такъ открыто только въ интимномъ кружкѣ; внѣ его она заявляется иначе, какъ подъ разными болѣе или менѣе либеральными предлогами и мягкими формами или, по меньшей мѣрѣ, высказывается не такъ точно, расплавляется въ потокѣ общихъ разсужденій о распущенности народа, съ добавкомъ плачевныхъ примѣровъ изъ исторіи западной Европы. Такъ, въ прежнемъ петербургскомъ земскомъ собраніи съ нѣкоторою торжественностью напоминалось однимъ членомъ объ ужасахъ французской революціи. Такъ, въ періодической печати легко найти цѣлый рядъ сѣтованій на разстройство, какому подверглось все наше народное хозяйство, на пьянство, своеволіе и разореніе народа, на примѣръ послѣдняго времени, будтобы неоспоримо доказывающій, что народъ не дозрѣлъ до

Digitized by Google

сознательной воли и т. д. Пьянство и наклонность къ переселенію приводятся тутъ въ числѣ существенныхъ доказательствъ. Въ заключеніе доказывается необходимость «ограничительныхъ» мѣръ, которыя всѣ сводятся къ возстановленію, въ какомъ бы то ни было видѣ, опеки одного сословія надъ другимъ.

Намъ кажется не совсѣмъ практично поступаютъ тѣ органы печати, которые относятся къ подобнымъ внушеніямъ свысока, какъ къ вздорнымъ попыткамъ ничтожнаго будто бы кружка, какъ къ тщетнымъ проявленіямъ единичной злобы, безсильной противъ великаго, осуществленнаго дѣла освобожденія. Правда, мнѣніе, выказанное печатно, само по себѣ еще невсегда представляетъ силу. Въ настоящемъ случаѣ мы далеки отъ того, чтобы предположить за печатными заявленіями такого рода правильно-организованную партію, всѣ члены которой приняли на себя обязательство всегда и вездѣ отстаивать свою программу. Мы, напротивъ, убѣждены, что большинство предполагаемыхъ членовъ этой партіи, если бы ихъ вызвать на объясненіе не только въ одиночку, но и въ собраніи, рѣшительно уклонились бы отъ искренней манифестаціи тургеневскаго «молодого генерала».

Но все это нисколько не успокоиваетъ насъ насчетъ возможности существованія въ самомъ дѣлѣ стараній о передѣлкѣ по программѣ «возвращенія назадъ», стараній именно *партіи*, хотя и не организованной, но дѣйствительной, даже единственной *реальной* партіи, какая у насъ существуетъ. Чтобы знать это, не надо быть непремѣнно въ Петербургѣ. Можно не знать никого изъ людей, которые составляютъ эту неорганизованную, но дѣятельную партію, и все-таки быть убѣжденну въ ея существованіи. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ есть прямой интересъ, способный сгруппировать вокругъ себя партію, партія непремѣнно явится. Міромъ общественнымъ управляютъ общіе законы природы.

Игнорировать эту партію или относиться къ ней съ небреженіемъ побѣдителя, опирающагося на совершившійся фактъ, общественному мнѣнію не слѣдуетъ. Во-первыхъ, фактъ еще только совершается, побѣда еще не полна, а во-вторыхъ, одно изъ главныхъ стратегическихъ правилъ—никогда не презирать силу врага, уступивъ ему поле. Чѣмъ лучше онъ скрылся, тѣмъ онъ опаснѣе; смотрите, онъ можетъ быть близокъ, сидитъ въ засадѣ и готовится ударить вамъ въ тылъ. Скрытые его маневры, тайные подходы — они-то именно и опасны. Ежедневно, ежечасно онъ дѣлаетъ свое дѣло. Чѣмъ меньше стройности въ его движеніяхъ, тѣмъ менѣе они кажутся подозрительны; чѣмъ меньше сговору, тѣмъ поразительнѣе единодушіе.

Въ борьбѣ общественныхъ стремленій, изъ которыхъ одно одержало побѣду и выразилось въ законѣ, а другому осталось только спрятаться подъ законъ и подтачивать втайнѣ его основы,—надо прежде

Digitized by Google

всего стараться вытѣснить противника въ открытое поле, добиться того, что́ англичане называютъ a fair play. Недостаточно обзывать своихъ противниковъ презрительно крѣпостниками, слѣдуетъ отнимать у нихъ всѣ предлоги, въ которые они прячутся какъ въ засады, не оставлять имъ ни одного притворнаго аргумента, но тѣснить ихъ прямо на главное поле борьбы. Пусть крѣпостники выступятъ открыто со своею истинной мыслью. Пусть они не прячутся за пьянство и страсть къ переселенію въ народѣ, и не скромничаютъ съ стыдливыми *частными* мѣрами, какія они предлагаютъ. Пусть они доведены будутъ до сознанія, что имъ нужны не одна, не двѣ детальныя мѣры, а цѣлая совокупность мѣръ такихъ, которыя, въ связи одна съ другой, составили бы фактическую отмѣну личной свободы и земельнаго обезпеченія крестьянъ, отмѣну духа, сущности 19-го февраля 1861 г., какъ въ томъ признавался «молодой генералъ» въ Баденѣ. Тогда они не будутъ опасны. Въ одной изъ предшествующихъ хроникъ мы имѣли случай разбирать пресловутый вопросъ о пьянствѣ и старались доказать, что прискорбные результаты въ этомъ отношеніи, если и падаютъ на отвѣтственность рабочаго люда, то явились вовсе не какъ послѣдствія освобожденія, и что именно въ волѣ и въ школѣ вся надежда на исправленіе. Мы говорили и о мѣрахъ, которыми можно было бы содѣйствовать перемѣнѣ къ лучшему, и безъ всякой фальшивой застѣнчивости либеральничанья, допускали необходимость опеки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отрицали всякую возможность опеки сословной, и даже отъ усиленія опеки правительственной не ожидали многого.

На этотъ разъ, мы обратимся къ вопросу о переселеніи крестьянъ, такъ какъ въ сильномъ стремленіи къ переселенію, охватившемъ нѣкоторыя мѣстности, крѣпостники находятъ новое орудіе, чтобы подтачивать кредитъ всей мѣры освобожденія. Самый вопросъ о правѣ переселенія связанъ съ вопросомъ о правѣ отказа крестьянъ отъ надѣла, о правѣ выхода изъ общества, объ общинѣ и круговой порукѣ. Эти вопросы разсмотрѣны, въ ихъ взаимной связи, въ статьѣ г. Колюпанова, помѣщенной въ нашей октябрьской книгѣ. Къ его статьѣ мы должны теперь возвратиться, какъ потому, что она даетъ намъ нѣсколько фактовъ для доказательства нашего мнѣнія, такъ и потому, что съ нѣкоторыми выраженными въ ней взглядами мы согласиться не можемъ, и оговоркою, помѣщенною при печатаніи этой статьи, предоставили себѣ право возраженія нашему уважаемому сотруднику.

Но прежде всего, поставимъ вопросъ какъ можно болѣе общимъ и прямымъ образомъ, въ виду тѣхъ нареканій, которыми стараются вызвать разочарованіе, какъ исходную точку реакціи.

Оправдалъ ли, въ обширномъ смыслѣ, ходъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, державный починъ этого дѣла и надежды мыслящихъ и безпристрастныхъ людей? Всякіе нападки съ боку и недоговоренныя

Digitized by Google

сѣтованія мы вправѣ считать самопризнаніемъ обвинителей въ безсиліи ихъ аргументаціи. Если они сознаютъ свое дѣло раціонально-правымъ, то имъ слѣдуетъ ставить тезисъ именно въ видѣ того общаго вопроса, который мы только-что предложили. Неоспоримо, что если все дѣло повело къ результатамъ неблагопріятнымъ, то они должны были отразиться прежде всего на немъ самомъ. Въ дѣлѣ освобожденія, правительство опредѣлило условія, установило правила и сроки. Но затѣмъ, осуществленіе этого дѣла въ дѣйствительности, въ жизни выпало все-таки на долю самого народа. Теперь, если вы будете доказывать, что, напримѣръ, пьянство развилось послѣ объявленія свободы, то этимъ вы все-таки ничего не докажете относительно главнаго вопроса. Останется все-таки несомнѣннымъ, что народъ, который съумѣлъ спокойно принять реформу всего своего быта и смогъ исполнить всѣ постановленныя условія для этого чрезвычайнаго, великаго напряженія, способенъ къ самостоятельности и въ обыкновенной гражданской жизни.

Мы имѣемъ полное право отрицать утвержденіе крѣпостниковъ, что крестьяне, вслѣдствіе освобожденія, стали своевольны и лѣнивы во вседневной жизни, такъ какъ мы видимъ, что сознательнаго своеволія они не проявили въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ оно могло бы даже показаться до нѣкоторой степени естественнымъ. Высказалъ ли, напримѣръ, гдѣ народъ мщеніе, для котораго вѣка собирали въ его сердцѣ поводы и основанія? Мы имѣемъ право не вѣрить, что крестьяне проявляютъ во вседневной жизни поголовную, неизлѣчимую лѣнь, такъ какъ мы знаемъ, что они исправно несутъ исключительныя тягости выкупа, наложенныя на нихъ великою реформою.

Еслибы въ крестьянахъ преобладали тѣ качества (несовмѣстныя съ гражданскою полноправностью), которыя взводятъ на нихъ реакціонеры, то прежде всего самый процессъ освобожденія не удался бы; попытка къ освобожденію произвела бы только путаницу.

Между тѣмъ, мы видѣли совершенно противоположное. Самый процессъ освобожденія, съ участіемъ этого народа, пошелъ такъ правильно и удачно, какъ будто вѣками совершалось то, что здѣсь дѣлалось годами. Если же народъ показалъ въ этомъ великомъ напряженіи отсутствіе тѣхъ качествъ, которыя приписываются, какъ преобладающія черты его вседневной дѣятельности, то мы имѣемъ полное право не вѣрить тѣмъ, кто обронеными щепками хочетъ доказать неспособность плотника, построившаго избу.

Полная состоятельность, выказанная крестьянами въ самомъ дѣлѣ освобожденія доказывается лучше всего цифрами. Возьмемъ цифры выкупныхъ платежей, поступившихъ съ крестьянъ-собственниковъ, за первую половину 1867 года, когда на народномъ хозяйствѣ еще не сказывался

Digitized by Google

неурожай, дошедшій въ прошломъ году на большомъ пространствѣ до размѣровъ народнаго бѣдствія, и потому, разумѣется, нарушившій правильность всѣхъ экономическихъ отправленій. Цифры первой половины 1867 года мы можемъ принять за нормальныя.

Изъ этихъ цифръ, помѣщенныхъ въ «Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ», заимствуемъ общіе результаты:

Окладъ съ крестьянъ-собственниковъ по 46 губерніямъ (съ бывшихъ крѣпостныхъ, а также и удѣльныхъ крестьянъ) за 1-ю половину 1867 года исчисленъ былъ въ . . .	12.405,038
Поступило въ дѣйствительности	11.925,703
Недополучено	479,335

Принявъ круглую цифру 480 т. р., увидимъ, что недоборъ составилъ ровно 4% всего оклада.

Выкупные платежи поступали, разумѣется, неравномѣрно по разнымъ мѣстностямъ, что̀ зависѣло отъ разности экономическихъ обстоятельствъ. Но оффиціальныя цифры доказываютъ, между прочимъ, что бывшіе крѣпостные крестьяне, гдѣ могли, вносили даже больше противъ оклада. Въ двадцати губерніяхъ внесено 714,119 р. сверхъ оклада, а крестьяне удѣльные внесли даже въ общей сложности болѣе чѣмъ исчислено было съ нихъ по окладу, именно по 46 губерніямъ поступленіе отъ нихъ превысило окладъ на 26,778 р. (въ общемъ счетѣ этотъ излишекъ нами зачисленъ и уменьшаетъ процентъ общаго недобора).

Въ статьѣ г. Колюпанова мы находимъ указанія на факты, не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствующіе, что крестьяне, гдѣ могутъ, стремятся къ улучшенію своего быта и пользуются для этого именно освобожденіемъ. «Въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ—говоритъ г. Колюпановъ»—какъ въ восточной, такъ и въ западной и въ юго-западной полосѣ, общій выводъ таковъ: цѣны за сдачу земель повысились, повысились также вообще цѣны на хлѣбъ и земледѣльческіе продукты, а цѣны *на наемъ рабочихъ* значительно упали. Эти два факта рядомъ неопровержимо доказываютъ, что прежнее отвращеніе крестьянъ къ земледѣлію, напоминавшему имъ барщину и крѣпостное владѣніе—прошло». Въ другомъ мѣстѣ, онъ указываетъ на чрезвычайно важный и, какъ онъ говоритъ, повсемѣстный фактъ, что мелкое дворянское землевладѣніе вездѣ переходитъ въ руки другихъ сословій, и *преимущественно* крестьянъ; въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, почти вся мелкая помѣщичья собственность перешла къ *крестьянамъ*.

Не краснорѣчивы ли эти факты?! Они свидѣтельствуютъ, что дѣло освобожденія совершается правильно, и освобождаемые крестьяне, гдѣ

Digitized by Google

могутъ, не только «не разоряются огуломъ», какъ утверждаютъ наши крѣпостники, но напротивъ, являются завоевательнымъ, прогрессивнымъ экономическимъ элементомъ. Да и можетъ ли быть иначе? Возможно ли, чтобы люди, когда имъ представляется возможность улучшить свое положеніе, въ большинствѣ увлекались какою-то фатальною силою прямо въ противную сторону? Факты, на которые мы указали, необходимо допустить уже по одному умозрѣнію; тутъ и доказательства, въ сущности, не нужны. Да мы и не потребовали бы ихъ, если бы рѣчь была о какой угодно странѣ, кромѣ Россіи. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что французскій крестьянинъ, ставъ изъ taillable et corvéable à merci земельнымъ собственникомъ, не спился и не разорился. Едва ли сами наши крѣпостники рѣшатся утверждать, что въ Ирландіи, если будутъ даны льготы мелкимъ съемщикамъ земли, сельскимъ рабочимъ, если за ними законъ обезпечитъ пользованіе производимыми ими на почвѣ улучшеніями и долгосрочные контракты, которые охраняли бы ихъ отъ опасенія быть завтра согнанными съ поля, на которомъ они работаютъ, — то въ Ирландіи народъ пропьется и эмиграція изъ нея приметъ усиленные размѣры. Едва ли сами крѣпостники рѣшатся преподнесть такую нелѣпость нашей публикѣ, уже потому, что они не найдутъ въ англійской публицистикѣ ни одного голоса, на который могли бы сослаться въ подтвержденіе такой уродливой ипотезы.

Отчего же она возможна по отношенію къ Россіи? Не оттого ли только, что истиннаго, простого, человѣческаго довѣрія въ насъ къ своему народу, къ самимъ себѣ нѣтъ; что у насъ постоянно двоякіе вѣсы для взвѣшиванія своего и иностраннаго и что мы свое непремѣнно или захвалимъ, преувеличимъ, или же согласимся признать чѣмъ-то особенно низкимъ, согласимся, напримѣръ, что наши крестьяне составляютъ особую породу, къ которой непримѣнимы законы, управляющіе дѣятельностью всего человѣчества?

Повторяемъ, кому приходило объяснять громадную цифру ежегодной эмиграціи изъ Ирландіи—неизлѣчимою природною наклонностью ирландцевъ къ кочевой жизни, къ бродяжничеству, неспособностью ихъ къ гражданской самостоятельности, наконецъ, хотя бы невѣжествомъ?

Между тѣмъ, когда у насъ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая въ нѣсколькихъ губерніяхъ проявилось неудержимое стремленіе къ переселенію, — то крѣпостники не преминули и это обстоятельство вставить, какъ лишнюю строфу, въ свою іереміаду о грозящей намъ погибели.

Стремленіе къ переселенію, въ самомъ дѣлѣ, проявилось очень сильно во многихъ мѣстностяхъ; тамъ крестьяне осаждали волостныя конторы съ требованіемъ паспортовъ и, подъ видомъ отправленія на заработки, уходили искать себѣ новой осѣдлости. Манили переселенцевъ

Digitized by Google

особенно губерніи юго-восточныя, самарская, астраханская, оренбургская. Въ иныхъ мѣстахъ власти принуждены были принять мѣры для «обратнаго водворенія на родинѣ» переселенцевъ, собиравшихся въ далекія страны.

Если повѣрить инымъ людямъ, то въ русскомъ человѣкѣ не могутъ дѣйствовать причины и побужденія общечеловѣческія. Никто не сомнѣвается у насъ, что эмиграцію изъ Ирландіи и Германіи долженъ объяснять голодъ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ въ продовольствіи, недостатокъ земли и заработковъ. Но натура русскаго человѣка какъ будто сложена не изъ обыкновенныхъ нуждъ и соотвѣтственныхъ имъ стремленій, а только изъ такъ-называемыхъ *характеристическихъ чертъ*. Характеристическія черты русскаго крестьянина извѣстно-де какія: невѣжество, наклонность къ пьянству и буйству. Когда онъ дѣйствуетъ, то побуждается-де только этими свойствами своей натуры. Нѣмецъ бѣжитъ изъ Нассау потому, что тамъ ему дѣлать нечего, и стало быть нечего и ѣсть; ирландецъ бѣжитъ въ Америку потому, что у него на родинѣ нѣсколько лѣтъ не уродился картофель, но русскій крестьянинъ бѣжитъ потому что, по невѣжеству, неправильно понялъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ, самый этотъ циркуляръ, очевидно, былъ вызванъ предвидѣніемъ вѣроятности переселеній и имѣлъ цѣлью напомнить о томъ, какія условія противопоставляетъ переселенію Положеніе 19-го февраля.

Нѣтъ сомнѣнія, что ближайшимъ поводомъ стремленія къ переселенію былъ именно неурожай, голодъ. Въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ бѣдствіемъ, стремленіе это выразилось особенно сильно. Что крестьяне при этомъ большею частью даже не отдавали себѣ яснаго отчета, куда они пойдутъ—это понятно, но и это зависѣло не столько отъ невѣжества, сколько отъ крайности положенія, отъ такой крайности, отъ которой и самый высоко-цивилизованный, хотя и доморощенный тори, на мѣстѣ мужика, бѣжалъ бы безъ оглядки и безъ справокъ съ положеніями.

Газета «Москва» приводитъ слѣдующее мѣсто изъ донесенія порѣчьскаго исправника:

«Вслѣдствіе затруднительнаго въ настоящемъ году положенія по продовольствію крестьянъ государственныхъ имуществъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, верховской, кастлинской, лоинской и иньковской волостей, крестьяне *одиночки*, обремененные семействами, распродали на покупку продовольствія скотъ и другое имущество; не удовлетворивъ же этимъ своихъ нуждъ по продовольствію, приступили къ распродажѣ засѣяннаго хлѣба, построекъ, и всего остальнаго своего хозяйства, и подъ предлогомъ заработковъ, забираютъ свои семейства съ цѣлью переселиться въ другія губерніи....»

Смоленскій вице-губернаторъ пишетъ, что крестьяне, которыхъ онъ пріѣхалъ отговаривать отъ переселенія, рѣшительно объявляли ему,

Digitized by Google

что на мѣстѣ они съ семействами умрутъ съ голоду и что, если ихъ на пути къ переселенію посадятъ въ тюрьму, то такъ будетъ лучше. Наконецъ, тотъ же порѣчьскій исправникъ доносилъ: «Въ Порѣчьѣ можно пріобрѣсти въ настоящую пору покупкою не болѣе 100 четвертей ржи». Понятно, что въ такомъ положеніи, и безъ невѣжества, не станешь справляться съ статистическими свѣдѣніями о Самарской губерніи.

Конечно, не одна эта, ближайшая и временная причина вызываетъ среди крестьянства, въ разныхъ мѣстностяхъ, стремленіе къ переселенію. Но это стремленіе къ переселенію въ русскомъ крестьянствѣ менѣе всего можетъ служить аргументомъ именно для приверженцовъ возстановленія чего-нибудь, въ родѣ крѣпостной опеки. Пусть они вспомнятъ, чѣмъ было вызвано громадное переселеніе, населившее новороссійскій край. Оно было вызвано именно крѣпостнымъ правомъ, и новороссійскій край заселился бѣглыми.

Мало того. Если потребность въ переселеніи долго еще будетъ сказываться въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, если даже необходимо облегчить этой потребности исходъ, то и въ этомъ едва ли не главную вину несетъ на себѣ опять-таки крѣпостное право. Развѣ можно сказать, что распредѣленіе населенія по Россіи, въ томъ видѣ, какъ его застало 19-е февраля, было результатомъ свободнаго, естественнаго дѣйствія экономическихъ законовъ?

Нѣтъ, въ распредѣленіи населенія по Россіи и въ особенности именно по губерніямъ сѣвернымъ и восточнымъ, съ почвою неблагодарною, участвовала совершенно посторонняя, внѣшняя сила—крѣпостная власть владѣльцевъ. И вотъ, эта-то доля нераціональности, неестественности въ распредѣленіи населенія и будетъ сказываться еще долгое время стремленіемъ къ переселенію съ почвы бѣдной на болѣе плодородную, съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ крестьяне держались насильно, въ прикрѣпленіи къ фабрикамъ, въ иныя мѣста, пока не убудетъ изъ фабричныхъ округовъ часть населенія, и не возвысится, вслѣдствіе того, заработная плата.

Вопросъ о переселеніи возвращаетъ насъ къ статьѣ г. Колюпанова, по поводу которой мы предоставили себѣ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Г. Колюпановъ является защитникомъ права переселенія «въ извѣстной мѣрѣ», и хочетъ согласить Положеніе, созданное 19-го февраля, съ этой потребностью.

Съ основной мыслью, которую авторъ проводитъ, нельзя не согласиться; за указаніе имъ неточностей въ томъ положеніи, которое предоставится временно-обязаннымъ крестьянамъ съ 1870 года, слѣдуетъ быть благодарными ему. Намъ предстояло бы просто оговориться насчетъ нѣсколькихъ частныхъ его возрѣній и ограничиться этимъ, если бы намъ не казалось, что отчасти сущность предлагаемыхъ авто-

Digitized by Google

ромъ мѣръ могла бы привесть къ результатамъ, несогласнымъ съ тою либеральною цѣлью, на которую онъ указываетъ.

При составленіи Положенія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній вовсе пропущенъ былъ вопросъ о правѣ крестьянъ отказываться отъ земли послѣ первыхъ 9-ти лѣтъ цѣлымъ обществомъ, а для отдѣльныхъ лицъ право это оговорено и условія, его ограничивающія—не особенно трудно исполнимы. Г. Колюпановъ представляетъ въ своей статьѣ полный текстъ новыхъ постановленій, которыми право отказа отъ земли и соединенное съ нимъ право переселенія предоставлялось бы обществамъ. Но нельзя не замѣтить, что условіе, поставляемое авторомъ пользованію такимъ правомъ, именно предварительное пріобрѣтеніе въ другомъ мѣстѣ количества земли на все общество по высшему надѣлу (почему же именно по высшему?), дѣлаетъ невѣроятнымъ примѣненіе самого права. Мысль отказаться отъ нынѣшняго надѣла, переселиться въ другое мѣсто, является именно вслѣдствіе непроизводительности отведенной крестьянамъ земли и тягости недоимокъ; можетъ ли общество въ такомъ положеніи думать о покупкѣ земли на весь свой составъ въ другомъ мѣстѣ? Неизбѣжность этого возраженія не могла не представиться самому автору, и въ самомъ дѣлѣ представилась ему. Въ виду такого возраженія, онъ объясняетъ, что значеніе его системы заключается въ томъ, что она дастъ *исходъ* недоимщикамъ, сидящимъ на безплодной почвѣ, а для человѣка очень важно, прибавляетъ авторъ, уже и одно то, когда ему извѣстенъ какой либо «исходъ» изъ «безвыходнаго» положенія». Хотя исходъ, указанный выше, и похожъ нѣсколько на то, какъ еслибы человѣку бѣдному, живущему въ сырой и темной квартирѣ, указывали на возможность улучшить свое положеніе наймомъ квартиры сухой и свѣтлой, но не будемъ оспоривать безусловно возможности отдѣльныхъ случаевъ исхода по системѣ, рекомендуемой авторомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ тутъ же поясняетъ, его система предполагаетъ еще основаніе съ этой цѣлью правительственныхъ крестьянскихъ банковъ. Не будемъ останавливаться и на очевидномъ фактѣ, что, такимъ образомъ, дѣло сводится въ сущности къ основанію банковъ, къ устройству крестьянскаго кредита, что уже совсѣмъ другой вопросъ. Но насъ занимаетъ преимущественно главный результатъ, какой можетъ имѣть система, предлагаемая авторомъ для удовлетворенія признаваемой имъ самимъ потребности въ переселеніи, — независимо отъ открытія крестьянамъ доступа къ государственному или земскому кредиту.

Предлагаемую имъ редакцію закона, г. Колюпановъ считаетъ облегченіемъ права переселенія вообще потому, во-первыхъ, что она простирается и на крестьянъ-собственниковъ, а не только на временно обязанныхъ, которымъ однимъ предоставлено нынѣ право отказа отъ земли; во-вторыхъ, потому, что она предоставляетъ такое

Digitized by Google

право цѣлымъ обществамъ. Но между *правомъ* и возможностью имъ воспользоваться, т. е. тѣми результатами, какихъ можно ожидать отъ дарованія права на дѣлѣ,—есть разница. Нѣтъ сомнѣнія, во-первыхъ, что крестьяне—собственники не такъ легко поднимутся съ надѣловъ, за которые уже внесли часть платежей; нѣтъ сомнѣнія также, что временно-обязаннымъ крестьянамъ нелегко будетъ закупать земли на цѣлое общество, тѣмъ болѣе, что переселиться пожелали бы именно недоимщики. Затѣмъ остается одинъ, вполнѣ ясный и очень положительный новый фактъ, вводимый въ положеніе: безусловное запрещеніе отказа отъ земли отдѣльныхъ лицъ. Г. Колюпановъ, какъ видно, не хочетъ допустить такого единичнаго переселенія даже съ единодушнаго согласія общества; онъ допускаетъ такое переселеніе только съ условіемъ, чтобы отдѣльный хозяинъ, желающій отказаться отъ земли, вносилъ полное вознагражденіе владѣльцу.

Но не трудно убѣдиться, что въ этомъ измѣненіи заключалось бы такое стѣсненіе переселенія — стѣсненіе собственно въ пользу владѣльцевъ—что оно болѣе чѣмъ уравновѣшивало бы остальныя, льготныя измѣненія, предлагаемыя авторомъ. Это измѣненіе стѣснило бы переселеніе именно въ томъ пунктѣ, гдѣ оно представляется наиболѣе реально-возможнымъ. Такимъ образомъ, расширяя условія переселенія въ правѣ, въ теоріи, предлагаемая система стѣснила бы его въ дѣйствительности.

Почему авторъ не хочетъ оставить права переселенія для отдѣльныхъ лицъ съ согласія двухъ третей общества? Такое условіе вполнѣ устранило бы осуществленіе того парадокса, котораго онъ опасается, именно, что въ одиночку изъ общества выйдутъ всѣ или почти всѣ.

Въ предлагаемомъ стѣсненіи едва ли у автора, мимо его воли, не играла главную роль слѣдующая причина: предоставленіе права отказа отъ земли отдѣльнымъ лицамъ «нарушаетъ совершенно несправедливо и односторонне интересы владѣльца». Въ самомъ дѣлѣ, не мудрено, что помѣщики смотрятъ на 19 февраля 1870 года именно съ этой точки: ну что, какъ отъ насъ уйдутъ самые лучшіе, т. е. зажиточные крестьяне, которые теперь, силою круговой поруки, обезпечиваютъ исправное поступленіе нашего дохода? Интересы землевладѣльцевъ почтенны, но едва ли они одни могутъ служить основаніемъ для направленія дальнѣйшаго хода освобожденія. Вѣдь по этой логикѣ можно было и не начинать всего дѣла, такъ какъ оно очевидно нарушало, и притомъ «совершенно односторонне», интересы землевладѣльцевъ.

Наши фабриканты также не могутъ не взирать съ нѣкоторымъ опасеніемъ на 19 февраля 1870 года, и на переселеніе, именно потому, что фабрики и существуютъ преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ почва бѣдна, гдѣ земля не можетъ обезпечить крестьянина, а

Digitized by Google

потому онъ и остается фабричнымъ рабочимъ, состоящимъ всецѣло въ рукахъ фабриканта. Понятно, что право отказа отъ земли, облегченіе переселенія не можетъ быть пріятно и фабрикантамъ. Мы понимаемъ, какую логическую связь авторъ находитъ между «свободою въ извѣстной степени переселенія» и «необходимостью въ извѣстной степени протекціонизма». Но мы не сомнѣваемся также, что фабриканты были бы довольны, если бы къ «протекціонизму въ извѣстной степени» еще присоединилась такая степень свободы переселенія, при которой оно въ теоріи представлялось бы облегченнымъ, а на дѣлѣ было бы затруднено.

Что касается самаго протекціонизма, то это здѣсь, все-таки, совершенно посторонній вопросъ. Интересы фабрикантовъ почтенны настолько же, какъ и интересы землевладѣльцевъ, но какъ послѣдніе не были приняты за безусловное препятствіе *свободѣ труда*, такъ и первые не должны бы считаться безусловнымъ препятствіемъ *свободѣ торговли*, которая подняла бы и наше земледѣліе, и благосостояніе потребляющей массы, то-есть всего народа, да и насъ избавила бы отъ торговаго крѣпостного права, защищаемаго протекціонистами.

Вотъ соображенія, которыя, какъ намъ кажется, почтенный нашъ сотрудникъ упустилъ изъ виду въ своемъ тщательномъ и въ высшей степени дѣльномъ изслѣдованіи.

Великое дѣло освобожденія еще далеко не кончилось у насъ, ни во времени, но въ пространствѣ. Во времени — по всей Россіи, гдѣ предстоитъ близкій срокъ новаго измѣненія отношеній, изслѣдованнаго г. Колюпановымъ; въ пространствѣ—на немногихъ *окраинахъ* Россіи, которыхъ еще не касалась благотворная мѣра передачи хоть части почвы изъ рукъ рентьеровъ въ руки рабочихъ.

Новый шагъ въ этомъ смыслѣ сдѣлало недавно законодательство, распространивъ великую реформу на царанъ, т. е. сельскихъ рабочихъ въ Бессарабіи. Бессарабскіе поселяне de jure пользовались личною свободою; въ Бессарабіи есть поселяне владѣющіе землей; они называются резеши. Царанами же называются собственно безземельные поселяне, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, монастырей, экономій духовнаго вѣдомства, и у самихъ резешей, въ качествѣ батраковъ. Въ силу новаго положенія, царанинъ будетъ уже хозяиномъ на томъ участкѣ земли, которымъ пользуется и можетъ выкупить его.

Положеніе царанъ доселѣ было самое печальное. Барщина, безземельность и сверхъ того—кабала у евреевъ-ростовщиковъ тяготѣли надъ ними еще болѣе, чѣмъ надъ крестьянами нашего западнаго края. Въ Молдавіи евреи вообще составляютъ элементъ не только многочисленный, но очень сильный; въ ихъ рукахъ и помѣщики, и крестьяне. Еврейскій вопросъ въ Молдавіи имѣетъ спеціальное значеніе. Гражданское уравненіе евреевъ тамъ потому именно встрѣчаетъ

Digitized by Google

такую сильную оппозицію, что при немъ всѣ земли молдавскихъ бояръ въ непродолжительномъ времени очутились бы въ рукахъ евреевъ.

Въ нашей части Бессарабіи крестьяне были совершенно беззащитны подъ гнетомъ какъ владѣльцевъ, такъ и евреевъ. Въ первомъ отношеніи положеніе ихъ теперь улучшается, но во второмъ—остается въ прежнемъ видѣ. Едва ли здѣсь не выпадаетъ на обязанность правительственной опеки приведеніе въ извѣстность нынѣшнихъ долговъ царанъ евреямъ и опредѣленіе порядка погашенія ихъ. Но это, конечно, не предупредило бы дальнѣйшее закабаленіе поселянъ ростовщиками, если бы въ дополненіе къ такой мѣрѣ не было найдено возможнымъ организовать для крестьянъ менѣе тягостный и разорительный кредитъ.

Русская общественная реформа, надѣленіе землею рабочихъ ее обрабатывающихъ, распространилось на царство польское, на Грузію, на Бессарабію. Неужели же она, эта великая идея нынѣшняго времени, остановится, какъ безсильная волна, передъ пергаментными привилегіями горсти людей на одной изъ окраинъ Россіи? Прибалтійскій край—единственный теперь во всей русской имперіи—остается замкнутымъ, неприступнымъ для величайшей мысли, какую выработала русская исторія. Очередь за нимъ.

Мы не намѣрены разбирать теперь такъ-называемаго нѣмецкаго вопроса въ Россіи; признаемся, онъ даже далеко не кажется намъ важнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что государственный языкъ для всѣхъ мѣстностей Россіи долженъ быть общій; нѣтъ сомнѣнія, что всѣ граждане русскаго государства должны знать его языкъ. Наконецъ, не подлежитъ также сомнѣнію, что русскому правительству нѣтъ никакого разсчета, ни обязанности помогать остзейскимъ нѣмцамъ въ германизаціи эстовъ и латышей.

Но все это не важно въ сравненіи съ настоятельнымъ, неизбѣжнымъ вопросомъ: неужели именно тамъ, гдѣ русскій элементъ встрѣчаетъ враждебное и успѣшное противодѣйствіе со стороны дѣйствительно высшей культуры, онъ будетъ лишенъ могущественнѣйшаго, главнаго культурнаго начала, имъ выработаннаго? Введеніе въ остзейскій край судебной реформы приготовляется, но о предположеніи ввести наконецъ и въ этотъ уголъ Россіи реформу земельную не слышно.

Неужели же мы, въ противорѣчіе обновленной жизни всего государства, оставимъ «Мекленбургъ въ Курляндіи», какъ выразился одинъ нѣмецкій публицистъ, и пребудемъ здѣсь на вѣки связаны «страннымъ запретомъ нами самими на себя положеннымъ»—по выраженію другого русскаго публициста, автора «Окраинъ Россіи».

Въ книгѣ г. Самарина есть положенія недоказанныя и полемическій

Digitized by Google

характеръ ея требуетъ осторожнаго обращенія съ его выводами [1]); но положеніе крестьянъ въ остзейскомъ краѣ и результаты, къ какимъ привели правительственныя начинанія въ пользу остзейскаго крестьянства, изложены въ ней документально и представляютъ достаточно данныхъ для выводовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Начинанія правительства привели, подъ вліяніемъ мѣстныхъ «обстоятельствъ» къ положенію, прямо противоположному тому смыслу, въ какомъ была направлена великая реформа въ остальныхъ областяхъ Россіи. Дѣло шло не къ надѣлу крестьянъ землею, а именно къ обезземленію ихъ; не къ регулированію ихъ обязанностей, т. е. повинностей и оброковъ, а именно къ предоставленію этого дѣла на полный произволъ сильнѣйшей стороны. Результатъ тотъ, что крестьянинъ не только не огражденъ отъ произвола, но поставленъ подъ двойной гнетъ средневѣкового «принципа произвола» и новѣйшаго принципа «конкурренціи труда». Оба эти, разновременные принципы помогаютъ одинъ другому и производятъ въ остзейскомъ краю явленіе, которое, поистинѣ, слѣдуетъ признать чудовищнымъ, когда его сопоставить съ основною мыслью новѣйшаго русскаго законодательства. Изъ всего этого возможенъ только одинъ выводъ: необходимость рѣшительной, радикальной реформы положенія крестьянъ въ остзейскомъ краѣ и порученіе этого дѣла особому, русскому учредительному комитету.

Послѣднее условіе необходимо потому, что мѣстное дворянство доказало долгимъ и вполнѣ убѣдительнымъ опытомъ, что всякое начинаніе правительства въ этомъ смыслѣ, пройдя чрезъ плотную тузенную привилегированную среду, произведетъ результаты прямо противоположные основной своей мысли. Ждать тутъ нечего. Не войны ли съ Пруссіею ожидать, чтобы приняться *тогда* за крестьянское дѣло въ балтійскихъ провинціяхъ?

Остзейское дворянство и его публицисты то и дѣло ссылаются на мѣстныя привилегіи. Отчего же они никогда не ссылаются на введенное въ Эстляндіи и Лифляндіи шведскимъ правительствомъ положе-

---

[1]) Мы не будемъ спорить съ г. Самаринымъ и потому, что насъ могутъ смѣшать съ фалангой его возражателей, въ родѣ автора «Письма» къ г. Самарину, изданнаго на дняхъ въ Баденѣ, на французскомъ языкѣ: «Lettre á M-r J. Samarine, sur ses brochures: «Окраины Россіи». Baden-Baden. 6 сентября, 1863 г.» Вотъ образчикъ баронской полемики: «Vous n'ignorez point, Monsieur, que dans les provinces (Baltiques), comme dans beaucoup d'autres localités, les institutions judiciaires nationales russes passent pour mauvaises grâce aux personel qui les fait marcher» etc. Авторъ, по видимому игнорируетъ всю нашу судебную реформу, или, быть можетъ, имѣетъ въ виду нѣкоторыя назначенія въ судебныя должности, напоминающія ту эпоху, когда, напр. директорами гимназій дѣлались отставные капитаны и майоры,—но и это не давало бы ему права говорить неуважительно о самомъ учрежденіи.

Digitized by Google

ніе, которое опредѣляло для крестьянъ неотъемлемость наслѣдственнаго пользованія землею? Но нѣтъ: это положеніе пришло въ забвеніе. «Право забвенія» — вотъ стало-быть особый видъ историческаго права, какъ его понимаютъ привилегированные остзейцы. Не худо бы, если бы и русское правительство воспользовалось этимъ «коррективомъ» историческаго права, по отношенію именно къ остзейскимъ сословнымъ привилегіямъ.

Еще въ началѣ царствованія императора Александра I, правительство убѣдилось, что упадокъ остзейскихъ крестьянъ произошолъ именно отъ неисполненія этого, шведскаго, положенія, и возобновило его въ главныхъ чертахъ. Такимъ образомъ, вопросъ былъ поставленъ правильно, именно на почвѣ обезпеченія крестьянъ наслѣдственнымъ пользованіемъ землею. Но впослѣдствіи, къ концу царствованія Александра I, остзейскимъ привилегистамъ удалось, подъ предлогомъ «большей» уступки, именно признанія *личной* свободы крестьянъ, провесть отмѣну истиннаго для нихъ обезпеченія—права наслѣдственнаго пользованія землею. Отмѣнено было также и всякое ограниченіе закономъ размѣра крестьянской барщины. Итакъ, крестьянинъ сталъ «свободенъ», будучи поставленъ подъ неопредѣленную, произвольную барщину.

Только волненія, бывшія въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда остзейское крестьянство ухватилось, какъ за спасительную доску, за переходъ въ православіе, и привилегіи были поддержаны жестокими экзекуціями, правительство убѣдилось въ невыносимости положенія этого несчастнаго народа и, въ 1845 году, ограничило размѣръ барщины высшею нормою. Затѣмъ, вопросъ объ устройствѣ быта остзейскихъ крестьянъ разрѣшился въ Лифляндіи введеннымъ въ видѣ опыта на 6 лѣтъ, въ 1849 году, проектомъ, которымъ разрѣшалось помѣщикамъ прирѣзать къ ихъ мызнымъ землямъ около трети земли крестьянской. При составленіи этого проекта признано было совершенно невозможнымъ когда-либо опредѣлить размѣръ повинностей на основаніи поземельной оцѣнки потому именно, что «Лифляндія слишкомъ обширна и имѣетъ слишкомъ разнообразную почву».

„Иными словами — говоритъ г. Самаринъ—наше правительство не только не разрѣшило, но заявило себя навсегда несостоятельнымъ когда-либо разрѣшить въ *одной* губерніи ту задачу, которая, въ XVII вѣкѣ была разрѣшена правительствомъ шведскимъ, была разрѣшена или разрѣшалась почти по всей Германіи, наконецъ, спустя девять лѣтъ была возбуждена нашимъ же правительствомъ въ примѣненіи *къ цѣлой Россіи* и разрѣшена имъ спустя двѣнадцать лѣтъ".

Здѣсь особенно замѣчательна та оговорка, которою правительство стѣснило себя и въ будущемъ, устраняя навсегда установленіе нормы повинностей на основаніи оцѣнки. Въ этомъ самоограниченіи, прави-

Digitized by Google

тельству конечно не нужнымъ, слишкомъ ясно проглядываетъ чья-то заботливость, и вмѣстѣ отражается все вліяніе привилегированной балтійской среды на самыя законоположенія, и не малый интересъ въ книгѣ г. Самарина представляетъ дѣятельность спеціальнаго комитета по остзейскимъ дѣламъ, въ Петербургѣ, комитета, чрезъ который проходили при прошломъ царствованіи законоположенія, вводимыя въ балтійскомъ краю въ видѣ опыта, помимо государственнаго совѣта.

И вотъ, дальнѣйшія законоположенія остались вѣрны началамъ проекта 1849 года. Однако въ 1860 году, въ Лифляндіи былъ возстановленъ maximum для барщины. Въ Эстляндіи «онъ былъ поднятъ до такой высоты — какъ выражается г. Самаринъ — что ея не было физической возможности достигнуть.»

Но рядомъ съ этими постановленіями шли постановленія, которыми предоставлялись помѣщикамъ новыя льготы для отрѣзыванія частей крестьянской земли въ 1856 г. въ Эстляндіи, а въ 1865 году — на Эзелѣ. Итакъ, дѣло обезземеленія крестьянъ здѣсь могло подвигаться безпрепятственно. Въ Курляндіи, между тѣмъ, не было установлено максимума повинностей, а обезземеленіе крестьянъ втеченіи послѣднихъ лѣтъ пятнадцати совершалось тамъ въ громадныхъ размѣрахъ.

Общественное устройство въ крестьянскомъ сословіи остзейскаго края представляетъ идеалъ для нашихъ ревнителей сословной опеки. Устройство это, опредѣленное положеніемъ 19-го февраля 1866 года, составляетъ успѣхъ, въ сравненіи съ прошлымъ, но каково же было это прошлое, когда и теперь волостная власть подчинена *наблюденію* власти вотчинной, помѣщичьей, которая аппелируетъ на первую ко власти полицейско-административной, всецѣло зависящей отъ дворянства по выборамъ. Мало того, вотчинная, помѣщичья власть имѣетъ право и непосредственно принимать всѣ полицейскія мѣры въ небытность волостного старшины. А волостной старшина, понятно, не можетъ *быть* въ одно время вездѣ. Отмѣна почти произвольнаго «обращенія съ палкою» помѣщиковъ, произведенная этимъ положеніемъ, благодѣтельна, спору нѣтъ. Но почему же за нѣмецкимъ помѣщикомъ сохранена гораздо бо́льшая степень власти надъ крестьяниномъ, чѣмъ за помѣщикомъ русскимъ? Не потому ли, что остзейскій крестьянинъ считается «свободнымъ» уже полвѣка, но свободнымъ умереть съ голоду?

Во всѣхъ вопросахъ, касающихся остзейскаго края, прежде-чѣмъ перейдешь къ дѣлу, надо заняться съ вопросомъ-призракомъ, съ вопросомъ о «привилегіяхъ». Быть можетъ и намъ слѣдовало бы заняться здѣсь этимъ вопросомъ-призракомъ по поводу вопроса крестьянскаго, вопроса вопіющей реальности. Нѣмецкіе публицисты заимствовали изъ программы Деака выраженіе «билатеральное обязатель-

Digitized by Google

ство» и принципъ facio ut facias, за которымъ не трудно угадать modus conjunctivus: Si non — non. Но какъ бы ни была странна претензія выставлять привилегіи остзейскаго дворянства, условно сохраненныя правительствомъ, — въ видѣ государственнаго права, Landesverfassung, — страннѣе всего ставить эти пресловутыя «права» на дорогѣ крестьянскаго вопроса, послѣ того, какъ онъ уже разъ десятокъ былъ рѣшаемъ различнымъ образомъ. Redivivae virginitatis pacta!

Иностранное обозрѣніе.

Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 ея революцій. — Сравненіе аранжуецкаго pronunciamento 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 года и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 года и Ріэго. — Прагматическая санкція и Донъ-Карлосъ. — Регентство Маріи Христины. — Pronunciamento Эспартеро и его регентство. — Изабелла II и революція 1854 г. — 18-ое сентября, и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временного правительства. — Прогрессъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ.

Заканчивая наше послѣднее обозрѣніе извѣстіемъ о революціи въ Испаніи, мы выражали сомнѣніе и задавали себѣ вопросъ, будетъ ли новое pronunciamento похоже на всѣ остальныя, ограничится ли оно опять смѣной одного министерства другимъ, нѣкоторыми болѣе или менѣе либеральными уступками, или на этотъ разъ начатое движеніе самымъ радикальнымъ образомъ измѣнитъ положеніе дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ? Подобныя сомнѣнія и вопросы были крайне законны: не даромъ же говорится cosas de Espana; онѣ оправдывались исторіею послѣднихъ семидесяти годовъ въ этой несчастной странѣ. Начиная съ возстанія въ небольшомъ городкѣ Аранжуецѣ въ 1808 году, имѣвшемъ своимъ результатомъ отреченіе Карла IV въ пользу его сына Фердинанда VII, едва ли съ той поры и до настоящей минуты проходило пять, шесть лѣтъ безъ того, чтобы въ Кадиксѣ или Саррагосѣ, Мадридѣ или Барцелонѣ не разыгрывалась одноактная комедія, носившая всегда имя pronunciamento.

Мы не случайно упомянули дворцовую революцію Аранжуеца. Только припомнивъ этотъ безконечный рядъ всевозможныхъ попытокъ какъ со стороны либеральной партіи, такъ и со стороны консервативной, — однихъ, чтобы добиться порядка болѣе согласнаго съ выработанными началами XIX вѣка, другихъ, чтобы не отказаться отъ произвола и абсолютизма, завѣщаннаго испанскимъ Бурбонамъ Людовикомъ XIV, только воскресивъ въ своей памяти смутную эпоху двухъ послѣднихъ царствованій, мы поймемъ вполнѣ, какъ неизбѣжно было, и почти необходимо, для спасенія Испаніи, низверженіе Изабеллы II.

Digitized by Google

Нельзя не подмѣтить нѣкотораго сходства между событіями и дѣйствовавшими лицами перваго pronunciamento съ событіями и лицами нынѣшняго, стоившаго Бурбонамъ ихъ послѣдняго трона. По характеру, уму и роли Карлъ IV, внукъ Филиппа V, перваго Бурбона въ Испаніи, которымъ наградилъ ее Людовикъ XIV, очень близко подходитъ къ Франциску д'Ассизу—мужу Изабеллы II, которая точно старалась подражать въ своей жизни Маріи-Луизѣ—главной виновницѣ аранжуецкой катастрофы. Какъ теперь, такъ и въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нашего, Испанія находилась подъ однимъ изъ самыхъ невыносимыхъ правительствъ. Интересы народа стояли на самомъ заднемъ планѣ, и только личныя выгоды королевы и ея фаворитовъ, и ихъ общіе капризы принимались въ разсчетъ при управленіи страною. У Маріи-Луизы были такіе же вкусы, какъ и у Изабеллы; ее точно также, какъ и эту послѣднюю, окружали фигуры, дѣлавшія невыносимою жизнь ея и мужу Карлу IV, и всѣмъ тѣмъ, которые какимъ-нибудь образомъ соприкасались съ дворомъ, а къ двору ближе всѣхъ обыкновенно стоитъ и до послѣдней минуты стояла въ Испаніи армія съ ея начальниками, генералами, офицерами и т. д. и т. д. Около 1808 года Испаніею управлялъ почти-что явный любовникъ королевы Годоа (Godoy) и власть, данная ему развратной Маріей-Луизой была такова, что онъ притѣснялъ не только однихъ придворныхъ, но простиралъ свое нецеремонное обращеніе и на самого короля и на его сына и наслѣдника Фердинанда. Фердинанду не трудно было воспользоваться не только общею ненавистью къ королевскому любовнику, но также и тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, которое навлечено было на монархію Филиппа II войною съ французскою республикою, чтобы отнять престолъ у своего отца Карла IV, который, собственно говоря, и не сидѣлъ на немъ. Но за нѣсколько мѣсяцевъ еще до возстанія въ Аранжуецѣ, Фердинандъ былъ арестованъ за участіе въ заговорѣ для сверженія Карла IV, и выпущенъ только тогда, когда выдалъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ и соучастниковъ. Однако ни арестъ, ни преслѣдованія множества лицъ не помогли королевѣ и ея любовнику Годоа; катастрофа, случившаяся въ Аранжуецѣ, начавшая собою въ Испаніи рядъ революціонныхъ вспышекъ XIX столѣтія, низвергла короля, королеву и могущественнаго «Prince de la Paix». Карлъ IV долженъ былъ отказаться отъ короны, и его сынъ Фердинандъ вступилъ на престолъ. Съ перваго же дня своего вступленія онъ выказалъ себя какъ самый недостойный потомокъ гордаго Людовика XIV. Вмѣсто того, чтобы смѣло стать во главѣ преданнаго династіи народа, и повести его противъ вступленія въ сѣверную Испанію Наполеона, Фердинандъ отправился къ нему на поклонъ въ Байонну, гдѣ засталъ также и своего отца и свою мать. Карлъ IV Бурбонъ жаловался плебею-императору Бонапарту на своего сына и про-

Digitized by Google

силъ его о возстановленіи его на престолъ. «Властитель міра» рѣшилъ иначе. Онъ приказалъ Фердинанду возвратить корону Карлу IV, а этого послѣдняго принудилъ отказаться отъ нея въ пользу своего брата Іосифа Бонапарте. Фердинандъ VII склонилъ покорно свою голову и отправился въ ссылку въ одинъ изъ французскихъ городовъ и оттуда слалъ поздравленія новому королю Испаніи Іосифу I. Въ то самое время, когда Фердинандъ VII давалъ цѣлому свѣту доказательство своей ничтожности, испанскій народъ убѣждалъ Европу, что отвага и геройство не погибли въ странѣ Сида. Въ 1808 году начинается славная война за независимость, во время которой вся Испанія встала какъ одинъ человѣкъ, чтобы не допустить только чужеземнаго господства. Нѣсколько лѣтъ къ ряду безплодно дрался Наполеонъ и его войска противъ испанскаго народа, никакія битвы, никакія побѣды не смущали его и не заставляли падать его духомъ. Онъ крѣпъ, онъ росъ въ этой боробѣ съ великаномъ, и какъ доказательства его быстраго развитія и обновленія должны служить кортесы, это собраніе депутатовъ, которые начертали знаменитую конституцію 1812 года. Дикая, завоевательная война французовъ періода имперіи не мѣшала однако испанскому народу заимствовать у тѣхъ же французовъ, только періода Республики, всѣ тѣ великія начала, которыя провозглашены были въ національномъ собраніи. Конституція 1812 года до сихъ поръ является такимъ недосягаемымъ идеаломъ, какимъ-то историческимъ миѳомъ, который на секунду озарилъ яркимъ лучемъ свободы геройски защищавшуюся страну. Великодушіе и преданность династіи были таковы, что кортесы, составившіе самую либеральную изъ конституцій, не воспользовались отсутствіемъ Фердинанда VII и не пожелали лишить его престола. Онъ оставался незанятымъ и дожидался возвращенія Фердинанда. Путеводная звѣзда Наполеона закатилась, и онъ, чувствуя уже свою слабость и невозможность продолжать оспоривать у испанцевъ ихъ права, отпустилъ Фердинанда, который и не замедлилъ явиться въ Испанію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Наполеонъ палъ, островъ Эльба замѣнилъ ему обширную имперію, революціонный духъ вызвалъ реакцію, легитимизмъ врывался черезъ всѣ поры политическаго тѣла Европы. Фердинандъ VII почувствовалъ возможность возвратиться къ затхлой политикѣ своихъ отцовъ, и нарушеніемъ конституціи 1812 года и самымъ деспотическимъ правленіемъ отблагодарилъ испанскій народъ за претерпѣнныя имъ бѣдствія, за перенесенныя страданія и добровольныя жертвы кровавой пятилѣтней войны не только за независимость, но и за спасеніе Бурбонской династіи. Но не долго продолжалось торжество Фердинанда, нашлось много такихъ, которые не могли и не хотѣли примириться съ его абсолютнымъ правленіемъ, и въ этомъ числѣ нѣсколько генераловъ, начальниковъ арміи, пропитав-

Digitized by Google

шихся идеями французскаго переворота. Составился заговоръ, преимущественно военный, и хотя нѣкоторые изъ генераловъ-заговорщиковъ были арестованы, тѣмъ не менѣе остался одинъ, который поднялъ въ Кадиксѣ знамя бунта, и за тѣмъ быстро взволновалъ всю Андалузію. Имя этого генерала осталось однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ Испаніи — его звали Ріэго. Онъ провозгласилъ конституцію 1812 года, заставилъ согласиться на нее Фердинанда VII, давшаго свое согласіе съ цѣлью какъ можно скорѣе нарушить его. 1820-й годъ обѣщалъ быть снова годомъ возрожденія и освобожденія отъ деспотическаго правительства, но тѣ, которые совершили революцію, разсчитывали безъ возможнаго вмѣшательства Франціи эпохи реставраціи. Случилось наоборотъ, Фердинандъ VII Бурбонъ обратился за помощью къ другому Бурбону Лудовику XVIII, который послалъ для его защиты, въ 1823 году, герцога Ангулемскаго—будущаго короля Франціи Карла X. Абсолютизмъ еще разъ торжествовалъ. Фердинандъ VII уничтожилъ опять либеральную конституцію, войска революціи были разсѣяны французскою арміею, и народный вождь Ріэго сложилъ свою голову на эшафотѣ. Но имя его не умерло, оно сохранилось и навсегда сохранится въ потомствѣ, благодаря сочиненному имъ революціонному гимну — этой марсельезѣ испанскаго народа. Гимнъ Ріэго—самый популярный изъ испанскихъ гимновъ. Напрасно однако призывалъ Фердинандъ VII чужеземную помощь для борьбы противъ своего народа, напрасно посылалъ онъ умирать на эшафотъ лучшихъ людей Испаніи—ему не суждено было пользоваться спокойно своею безграничною властью. Не имѣя въ живыхъ никого отъ своихъ первыхъ трехъ женъ, и видя беременною свою четвертую жену Марію-Христину, онъ поспѣшилъ обнародовать рѣшеніе кортесовъ 1789 г., которое хранилось до сихъ поръ въ архивахъ, для всѣхъ оставаясь тайнымъ, рѣшеніе, по которому отмѣнялся салическій законъ, исключавшій изъ престолонаслѣдія женщинъ. Законъ этотъ былъ внесенъ въ Испанію въ 1713 году первымъ Бурбонскимъ королемъ Филиппомъ V, и отмѣненъ по настоянію Карла IV, который, видя слабое здоровье Фердинанда и его брата, и опасаясь, что мужская линія пресѣчется, желалъ обезпечить престолъ за своею дочерью. Когда же здоровье принца Астурійскаго, Фердинанда, поправилось, всѣ забыли и думать о рѣшеніи кортесовъ 1789 года. Фердинандъ VII теперь вспомнилъ о немъ и въ 1830 году обнародовалъ его. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ у него родилась дочь Изабелла. Съ этой минуты въ Испаніи начинается движеніе, которое проходитъ почти черезъ все царствованіе Изабеллы, и даже до сихъ поръ имѣетъ много сторонниковъ — движеніе карлистовъ. Братъ Фердинанда VII Донъ-Карлосъ, питавшій все время надежду украсить себя короной, и видя, что съ рожденіемъ Изабеллы эта надежда закоснымъ путемъ до-

Digitized by Google

стигнуть власти рушилась, нашелъ себѣ партизановъ, объявилъ рѣшеніе кортесовъ, уничтожавшее салическій законъ, незаконнымъ и поднялъ возстаніе за свои права. Фердинандъ VII, разслабленный болѣзнію, согласился снова признать его права въ ущербъ своей дочери, но потомъ, поправившись, снова возвратился къ своему первому рѣшенію. Среди этой двойной борьбы съ либеральной партіей съ одной стороны, и съ карлистами съ другой, умеръ Фердинандъ VII, никѣмъ не помянутый добромъ, и на испанскій тронъ, 29 сентября 1833 года, вступила трехлѣтняя Изабелла II. Ея мать, Марія Христина, приняла регенство. Если царствованіе Фердинанда VII было полно политическихъ безурядицъ и волненій, то какими же тогда словами можно охарактеризовать эту несчастную эпоху регентства и за тѣмъ эти длинные, полные смутъ годы правленія Изабеллы II? Не вдаваясь въ частности, которыя увлекли бы насъ слишкомъ далеко, едва ли есть какая-нибудь возможность начертить нѣсколькими линіями то бѣдственное положеніе страны, которое явилось результатомъ грубаго, невѣжественнаго, деспотическаго правленія Изабеллы, любившей окружать себя исключительно фаворитами, интриганами и іезуитами. И только минутами, секундами либерализмъ того или другого лица, того или другого генерала вносилъ отъ времени до времени мимолетные лучи свѣта въ этотъ непроницаемый мракъ абсолютизма и клерикализма. Съ самой первой минуты вступленія на престолъ Изабеллы и регентства ея матери, Маріи-Христины, на сѣверѣ Испаніи загорѣлась гражданская война между карлистами и защитниками Изабеллы, война безостановочно продолжавшаяся до 1839 года, когда возстаніе карлистовъ было подавлено молодымъ еще генераломъ Эспартеро, и самъ Донъ-Карлосъ принужденъ имъ былъ навсегда покинуть Испанію. Но гражданская война между партизанами Донъ-Карлоса и партизанами Изабеллы на предохраняла страну отъ другой, еще можетъ быть болѣе упорной, войны между одною военною партіею и другою, между всегда готовымъ къ реакціи правительствомъ и небольшою группою людей, не забывшихъ конституціи 1812 года. Во время возстанія карлистовъ побѣда надъ ними правительства всегда ознаменовывалась усиленіемъ реакціи, уничтоженіемъ тѣхъ или другихъ вольностей, а пораженіе его всегда сопровождалось дарованіемъ болѣе либеральной конституціи, какъ напр. въ 1837 году, когда возвращена была, но не на долго, конституція 1812 года. Въ этой борьбѣ съ карлистами выступили на сцену всѣ тѣ дѣйствующія лица, которыя во все царствованіе Изабеллы, въ продолженіи 35 лѣтъ, не переставали по очереди играть роль то побѣдителей, то побѣжденныхъ въ безконечномъ ряду дворцовыхъ революцій. Эспартеро, Нарваэцъ, О'Доннель, Олозага, Примъ, Серрано—вотъ имена, изъ которыхъ нѣкоторыя сошли уже съ исторической сцены, а другія и до сихъ поръ

Digitized by Google

продолжаютъ играть на ней главную роль. Всѣ подобныя дворцовыя революціи совершались тѣмъ или другимъ генераломъ при помощи того или другого полка, и торжествующій смѣнялъ обыкновенно побѣжденнаго въ роли перваго министра, и какъ одинъ велъ за собою рядъ реакціонерныхъ мѣръ, такъ другой—рядъ либеральныхъ. Народъ большею частію оставался пассивнымъ зрителемъ этихъ частныхъ военно-дворцовыхъ переворотовъ, и только можетъ быть два-три раза примѣръ войска дѣйствовалъ и на другихъ жителей, и они принимали въ движеніи участіе, хотя и второстепенное. Такъ возстала, напр., вся Барцелона и весь Мадридъ въ 1841 году, вызванные крутымъ правленіемъ Маріи-Христины, которая принуждена была бѣжать, оставивъ регентство Эспартеро, который, въ свою очередь, не позже какъ черезъ два года, т. е. 1843 году, принужденъ былъ бѣжать въ Англію, уступая снова свое мѣсто Нарваэцу и Маріи-Христинѣ. Каждые два, три года слѣдовало новое pronunciamento, которое своимъ raison d'être имѣло ни больше ни меньше какъ личный вкусъ королевы, желавшей имѣть около себя такого или другого фаворита, или просто сознаніе одного изъ военныхъ начальниковъ, что онъ имѣетъ достаточно силы и значенія въ арміи, чтобы импонировать свою волю правительству. Всѣ эти распри однако не оставались безъ пагубнаго вліянія на страну, которая молча и терпѣливо переносила бѣдствія безпутнаго правительства. Она стремилась видѣть регенство Маріи-Христины поскорѣе оконченнымъ, приписывая ему все зло, и неизвѣстно отчего возлагала самыя сладкія надежды на Изабеллу. Въ 1843 году, послѣ двухлѣтняго регентства Эспартеро, подкопаннаго интригами королевы-матери и нѣсколькихъ генераловъ, Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею. Ей не было еще 14 лѣтъ. Но сколько бы ни объявляли разумъ 14-ти-лѣтняго ребенка достаточно созрѣлымъ, чтобы управлять государствомъ, дѣвочка этихъ лѣтъ болѣе способна играть куклами, чѣмъ людьми. Населеніе было право, когда оно продолжало во всѣхъ своихъ бѣдахъ обвинять не королеву, а ту, которая снова стала за нее управлять—Марію-Христину. Изабелла же вызывала повсюду только любовь и сочувствіе. Но недолго пользовалась она популярностью. Выйдя замужъ за своего двоюроднаго брата Франциска д'Ассиза, послѣ большого шума и тысячи затрудненій, которыми забавлялись кабинеты западной Европы, сдѣлавъ изъ ея брака важный вопросъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ вопроса объ испанскихъ бракахъ, такъ какъ дѣло тутъ шло не только о ея бракѣ, но и о бракѣ ея младшей сестры, вышедшей замужъ, къ счастью Луи-Филиппа и гордаго своею удачною политикою его министра Гизо, за герцога Монпансье — сына короля французовъ, королева Изабелла скоро приняла правленіе въ свои руки. Съ этой минуты всѣ грѣхи стали справедливо скопляться на головѣ молодой, но уже не безвинной королевы. Инстинкты ея матери слиш-

Digitized by Google

комъ рано проявились въ королевѣ. Вмѣстѣ съ позоромъ, которымъ она покрыла свое правленіе, она покрыла имъ и своего несчастнаго и вмѣстѣ ограниченнаго мужа. Ни таланты человѣка, ни его государственная опытность, никакія способности не были причинами быстраго возвышенія того или другого генерала, а только его личныя физическія качества, да покровительство какой-нибудь ханжи-кликуши или какого-нибудь брата Лойолы, которыми окружила себя молодая королева. Искать въ ея политикѣ какого-нибудь строгаго плана, какой-нибудь одной линіи, нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она слишкомъ подчинялась ея капризамъ, но тѣмъ не менѣе мы видимъ, что тѣ минуты въ ея правленіи, которыя были относительно большею частью господствовавшаго абсолютизма, до извѣстной степени либеральны, вызывались какъ и при Фердинандѣ VII и Маріи-Христинѣ исключительно необходимостью. Не перечисляя тѣхъ мелкихъ вспышекъ, маленькихъ pronunciamiento, въ которыхъ положительно теряешься, такъ быстро онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ, нужно упомянуть одно крупное движеніе, случившееся въ 1854 году и бывшее результатомъ самаго крутого, деспотическаго поворота во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства. Революція 1854 года была похожа на начало нынѣшней; тогда, точно также какъ и теперь, реакція неслась на всѣхъ парахъ, грозя унести на своемъ ходу и самихъ машинистовъ; подозрѣніе, недовѣріе, преслѣдованія простирались не только на враговъ абсолютизма, но и на прежнихъ защитниковъ его, попавшихъ только на время въ немилость; нѣсколько генераловъ были сосланы, пресса почти уничтожена, кортесы разогнаны, не только политическія, но даже чисто-гражданскія и муниципальныя вольности потерпѣли страшный ударъ. На всѣ эти свирѣпыя и ничѣмъ не вызванныя мѣры, армія отвѣтила крикомъ негодованія, возстаніе вспыхнуло и во главѣ его стали генералы О'Доннель, Росъ-де-Олано, Дулче, Серрано и нѣкоторые другіе. Революція торжествовала уже во многихъ мѣстахъ, предводители ея призывали къ возстанію всю Испанію, народное движеніе стало распространяться въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ Андалузія, Каталонія, династіи угрожалъ уже рѣшительный ударъ; Марія Христина бѣжала во Францію, и вѣроятно королева должна бы была послѣдовать за нею, если бы она не обратилась съ мольбою къ Эспартеро, чтобы онъ спасъ ее и инфанту. Эспартеро вмѣстѣ съ О'Доннелемъ составили кабинетъ, кортесы были созваны и занялись составленіемъ еще новой конституціи, разумѣется, болѣе либеральной. Къ несчастью, урокъ 1854 года не оставилъ глубокаго слѣда въ умѣ королевы, и не прошло и двухъ лѣтъ, какъ партія реакціи снова возвысила свою голову, и новая реакція вызвала опять новое pronunciamento.

Какъ ни часто случались и послѣ 1854 года подобныя военныя революціи въ Испаніи, они оставались безплодны для страны, и скорѣе

Digitized by Google

даже имѣли бѣдственное вліяніе, потому что постоянно держали сѐ въ какомъ-то тревожномъ, лихорадочномъ состояніи, никто не могъ быть увѣренъ, что́ будетъ завтра, страна нравственно была подчинена военному элементу и зависѣла отъ расположенія и вліянія того или другого генерала. Значеніе каждаго изъ нихъ едва ли есть возможность опредѣлить, нельзя сказать почти ни про одного изъ нихъ, что такой-то либераленъ, такой-то реакціонеръ, потому что всѣ они, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ разсчетамъ, дѣлались то красными, то черными. Одна партія только никогда не измѣняла своему посту, это клерикальная партія іезуитовъ, которая постоянно стремилась и въ послѣднее время совершенно съумѣла поставить Испанію въ полную зависимость отъ двора святого отца въ Римѣ. При такомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ, роль и значеніе Испаніи въ Европѣ съ каждымъ днемъ становились всѣ ничтожнѣе, и та страна, которая три вѣка тому назадъ управляла еще чуть не цѣлымъ міромъ, теперь находилась во всеобщемъ презрѣніи. Подъ гнетомъ абсолютнаго правительства и подъ еще бо́льшимъ гнетомъ полновластнаго католичества, казалось бы, что и въ нравственномъ положеніи страны должно было бы оказаться такое же паденіе, какъ и въ политическомъ. Очевидно, что испанцы поняли наконецъ, гдѣ кроется причина всѣхъ бѣдъ: сорокъ пять революцій, отъ 1808 до 1868, дали имъ нѣкоторую опытность. Дѣйствительно, никогда со времени войны за независимость весь народъ не былъ воодушевляемъ такою страстью, такою готовностью къ перенесенію всевозможныхъ жертвъ, лишь бы помочь преобразованію страны. Какъ популярно, какъ желанно было это возстаніе, можно видѣть изъ того, какою любовью, почти обожаніемъ пользуются два главные его герои, Примъ и Серрано, и въ особенности первый. Конечно, этому помогаетъ вся прежняя жизнь Прима, изъ которой горячее воображеніе южнаго народа дѣлаетъ какую-то эпопею. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и во всѣхъ переворотахъ своего несчастнаго отечества: сначала онъ принялъ участіе въ войнѣ противъ карлистовъ, потомъ сталъ на сторону Маріи-Христины, ведя дворцовую войну противъ Эспартеро, который обвинилъ его въ возмущеніи Саррагосы и приговорилъ къ тюремному заключенію. Приму удалось бѣжать во Францію и оттуда онъ продолжалъ свою аттаку противъ регентства Эспартеро, и когда этотъ послѣдній палъ, онъ снова вернулся въ Испанію. Министерство Нарваэца его удовлетворяло также мало какъ и регентство Эспартеро, и какъ противъ послѣдняго онъ старался поднять Каталонію, такъ и противъ перваго онъ уже приготовлялъ pronunciamento, когда внезапно былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Послѣ шести мѣсяцевъ заключенія ему удалось ускользнуть за границу и девять лѣтъ сряду онъ скитался по свѣту, отыскивая себѣ какое-нибудь дѣло. Онъ нашелъ его, когда загорѣлась

Digitized by Google

война между Турціей и Россіей, онъ бросился въ 1853 году въ Турцію и принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ. Въ турецкомъ лагерѣ онъ узналъ о революціи, случившейся въ Испаніи въ 1854 году, и тотчасъ же поспѣшилъ вернуться на свою родину. Тутъ до 1859 года, когда Испанія стала воевать съ Марокко, онъ продолжалъ принимать участіе въ мелкой борьбѣ между различными военными партіями. Въ 1859 г., онъ отправился въ Марокко, и тамъ доказалъ свои военныя способности своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ веденіи войны. За сраженіе при Марабутѣ онъ получилъ титулъ маркиза de Castillejos и въ 1861 году сдѣланъ испанскимъ грандомъ. Въ этомъ же году онъ былъ посланъ какъ начальникъ экспедиціоннаго корпуса въ Мексико, и тамъ, увидѣвъ съ одной стороны всѣ трудности борьбы противъ мексиканцевъ, съ другой стремленіе французскаго корпуса къ преобладанію, онъ сдѣлалъ крайне ловкое отступленіе, объявивъ, что не намѣренъ продолжать войны, и громко протестовалъ противъ нарушенія независимости Мексико, за которое такъ дорого заплатило французское правительство. Выказавъ такимъ образомъ и свои способности какъ военачальникъ и свою политическую проницательность какъ государственный человѣкъ, онъ вернулся въ Испанію, въ которой реакція усиливалась съ каждымъ днемъ. Его либерализмъ привелъ его къ изгнанію, онъ оставилъ Испанію съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться туда при другихъ обстоятельствахъ, и живя во Франціи и въ Англіи, дѣятельно работалъ надъ приготовленіемъ революціи. Попытка его произвести возстаніе въ 1866 году не увѣнчалась успѣхомъ, онъ снова бѣжалъ за границу, откуда и вернулся 18-го сентября, провозглашая при своемъ вступленіи въ Кадиксъ низверженіе династіи Бурбоновъ.—Жизнь Серрано была несравненно спокойнѣе, въ ней мало такого, что бы говорило народной фантазіи, онъ меньше заставлялъ о себѣ толковать, а потому вѣроятно и пользуется меньшею популярностью, чѣмъ Примъ. Онъ началъ свое поприще въ войнѣ за независимость, потомъ продолжалъ отличаться въ войнѣ противъ карлистовъ и затѣмъ перешелъ, какъ и другіе генералы, въ дворцовую войну интригъ. Онъ былъ во главѣ того pronunciamento въ Барселонѣ, которое объявило, что регентство Эспартеро окончено, и что самъ онъ лишается всѣхъ своихъ достоинствъ. Въ 1846 году имя его сдѣлалось слишкомъ извѣстно, благодаря тому обстоятельству, что молодая королева, только-что вышедшая замужъ, слишкомъ приблизила къ себѣ молодого, краснваго и храбраго генерала, что сдѣлало гласнымъ раздоръ между ею и королемъ. Онъ сдѣлался первымъ министромъ, и только тогда, когда общественное мнѣніе слишкомъ громко заговорило противъ его близости къ королевѣ, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, Нарваэцъ сталъ очевидно одолѣвать его въ расположеніи Изабеллы, онъ перешелъ на сторону прогрессистовъ,

Digitized by Google

вызвалъ изъ ссылки Эспартеро и Олозагу, и затѣмъ скоро уступилъ министерство Нарваэцу. Замѣшанный въ возстаніи Саррагосы, которое предшествовало революціи 1854 года, онъ былъ сосланъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился и сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ либерализма. Съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты, когда онъ побѣдителемъ возвратился изъ ссылки съ Канарскихъ острововъ, онъ никогда не переставалъ принадлежать къ лагерю прогрессистовъ, и даже послѣ смерти О'Доннеля, сдѣлался его главою. Самое большое достоинство этихъ двухъ генераловъ, ставшихъ во главѣ возстанія, безспорно то, что они выказываютъ крайнюю умѣренность ихъ власти. Ни тотъ ни другой не спѣшили поскорѣе захватить ее въ свои руки, они даже держались первые дни въ сторонѣ отъ нея, не торопились войти въ Мадридъ, и тогда, когда они поставлены были во главѣ временного правительства, они не замедлили обратиться къ престарѣлому и больному герцогу Эспартеро, чтобы онъ сдѣлался президентомъ его. Когда Эспартеро отказался, извиняясь болѣзнію и выказывая свое полное сочувствіе революціи, они стали просить Олозагу, одного изъ самыхъ знаменитыхъ ораторовъ партіи прогрессистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ немногихъ гражданскихъ министровъ, которые были въ царствованіе Изабеллы.—Олозага сдѣлался министромъ послѣ паденія Эспартеро въ 1843 году, если вѣрить тому разсказу, который приводитъ Гизо въ одномъ изъ томовъ своихъ мемуаровъ, объясняя причину паденія его министерства, то Олозага долженъ быть крайне смѣлымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ. Разсказываютъ, что когда Олозаго увидѣлъ, что въ кортесахъ большинство обратилось противъ него, онъ явился къ королевѣ и просилъ ее подписать декретъ о распущеніи кортесовъ.—Что это? спросила королева, когда Олозаго давалъ ей подписывать какую-то бумагу.—Распущеніе кортесовъ, отвѣчалъ Олозаго.—Я боюсь это подписать, вскрикнула королева. Олозаго настаивалъ, королева сопротивлялась, и наконецъ встала, чтобы выйти изъ комнаты. Олозаго бросился и заперъ дверь на замокъ; тогда королева кинулась въ другую дверь, но Олозаго еще разъ предупредилъ ее, такъ что волею-неволею она должна была остаться въ комнатѣ. Королева возвратилась къ своему столу и сѣла, скрестивъ себѣ руки. Олозага подошелъ къ ней, обвилъ ее своими руками и произнесъ улыбаясь: «О! ваше величество подпишетъ». — Она отвѣтила отрицательно, и тогда онъ съ силою взялъ ея руку и вложивъ ей перо, произнесъ: необходимо, чтобы ваше величество подписали. Она испугалась и подписала. Таково еще одно изъ дѣйствующихъ лицъ, которому суждено играть видную роль въ дѣлѣ преобразованія страны. Если Олозага и отказался участвовать въ томъ тріумвиратѣ, который Примъ и Серрано думали устроить на первое время, то это все-таки не доказываетъ, чтобы

Digitized by Google

онъ думалъ или желалъ вовсе отстранить себя отъ политической дѣятельности. Напротивъ, онъ уже оставилъ Парижъ и возвратился въ Мадридъ, гдѣ и на его долю выпала часть овацій, тріумфальныхъ арокъ, торжествъ, рукоплесканій и виватовъ, которыми щедро были награждены Серрано и Примъ. За отсутствіемъ Эспартеро и Олозаги, министерство было составлено изъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ партіи прогрессистовъ, и если въ спискѣ временныхъ министровъ нѣтъ ни одного человѣка, принадлежащаго къ крайней демократической партіи, если въ немъ не встрѣчаются такія имена, какъ Мадоза, Ривера или маркиза Орензе, то вовсе не потому, чтобы они не желали принимать участія или не желали бы ихъ. Они занимаютъ другіе посты, не менѣе важные, какъ напр., мера города Мадрида, президента и вице-президента юнты и т. д. Вообще нужно сказать, что среди людей, стоящихъ во главѣ правленія господствуетъ полное единство, и если существуетъ разногласіе относительно нѣкоторыхъ, крайне ложныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о формѣ правленія, то всѣ члены новаго правительства не перестаютъ давать увѣренія, что какъ люди одной партіи, такъ и люди другой подчиняются въ этомъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ голосу народному, рѣшенію учредительныхъ кортесовъ. «Между нами всѣми существуетъ полное единство»—вотъ фраза, которую уже много разъ высказывали и Примъ и Серрано въ своихъ рѣчахъ, которыя они произносили и въ Мадридѣ и въ Кадиксѣ и въ Барцелонѣ и Саррагосѣ; даже въ одной изъ своихъ рѣчей Серрано пошелъ дальше и высказалъ свое желаніе, чтобы образовалось министерство Риверо-Олозага. Желаніе это должно быть, кажется, раздѣляемо всѣми, кто только желаетъ, чтобы въ Испаніи окончилась наконецъ эпоха преобладанія, если даже не господства, военнаго элемента, пагубнаго для всякой страны. Примъ, точно также какъ и Серрано, въ каждой рѣчи настаиваетъ на единствѣ, какъ на главной гарантіи успѣха революціи, какъ на ея краеугольномъ камнѣ. Они всѣ видѣли у своихъ сосѣдей, чѣмъ кончается дѣло, когда несогласіе и вражда другъ противъ друга врываются въ ходъ революціи. «Все временно, говорилъ Примъ, пока не прозвучитъ послѣднее слово, произнесенное могущественнымъ голосомъ цѣлаго народа. Тогда исчезнутъ различія, партіи перестанутъ существовать, онѣ будутъ имѣть одно имя — большая либеральная партія! она привела Испанію къ высшей славѣ — приведетъ и къ вѣчной свободѣ. Разъединеніе причиняетъ смерть....»

Слова Прима, его увѣщанія имѣютъ для испанской націи тѣмъ большее значеніе, что программа временнаго правительства весьма широко и глубоко измѣняетъ основы общественной жизни; дурныя инстинкты реакціонеровъ будутъ очень довольны посѣять раздоръ въ минуту кризиса. Но тѣмъ не менѣе, провозглашеніе религіозной сво-

Digitized by Google

боды рядомъ съ пріобрѣтеніемъ права всеобщей подачи голосовъ, составляютъ два огромныя достоянія нынѣшней испанской революціи, и энергическое приведеніе въ исполненіе, приложеніе къ жизни и того и другого останутся большою заслугою временнаго правительства. Рядомъ съ этими крупными мѣрами, принятыми правительствомъ, и вызвавшими такой восторгъ во всей Испаніи, оно дѣятельно продолжаетъ работать, замѣщая старыхъ людей новыми, заботясь о доставленіи работъ народу, и главное, декретируя свободу преподаванія. Народное образованіе въ Испаніи находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ что страну эту справедливо называли одною изъ самыхъ невѣжественныхъ земель западной Европы. Помимо того, что процентъ учащихся относительно населенія крайне ничтоженъ, по сравненію съ другими цивилизованными націями, и на всю Испанію въ 1860 году (съ тѣхъ поръ дѣла не измѣнились) считалось всего 24,353 народныя школы, которыя имѣли 1,101,000 учениковъ, школы эти почти исключительно находились въ рукахъ католическаго духовенства, не столько заботившагося о наученіи читать и писать, сколько «о спасеніи ихъ душъ». Результатомъ такого состоянія народнаго образованія было то, что на 16 милліоновъ жителей едва можно насчитать около четырехъ милліоновъ грамотныхъ. Понятно поэтому, что временное правительство, провозглашая прежде всего общую подачу голосовъ, провозгласило тоже и свободу преподаванія, безъ котораго немыслимо разумное пользованіе политическими правами. Безъ сомнѣнія, возрожденная Испанія провозгласитъ также начало обязательнаго и дарового образованія. Правительство, юнты, которыя теперь уже замѣняются правильными муниципалитетами, не забываетъ въ своей лихорадочной дѣятельности никого, оно не ограничивается реформами на европейскомъ полуостровѣ, оно заботится и о своихъ колоніяхъ, которыя, при первой вѣсти о революціи въ метрополіи, поспѣшили послать увѣреніе, что все, что произошло тутъ, одобряется и тамъ. На-дняхъ въ Мадридѣ происходило многолюдное собраніе подъ предсѣдательствомъ Олозаги, въ которомъ обсуждался вопросъ объ уничтоженіи существующаго еще невольничества въ испанскихъ колоніяхъ. Собраніе постановило сдѣлать правительству предложеніе объ объявленіи свободными, тѣхъ дѣтей, которые родились послѣ 18 сентября 1868 года, т. е. со дня провозглашенія революціи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что правительство декретируетъ это желаніе испанскаго народа.

Но счастливы были бы народы, если бы въ тѣ великія минуты, когда они чувствуютъ въ себѣ пробужденіе всей своей силы, всей энергіи,— предоставленныя имъ средства отвѣчали бы рѣшимости ихъ уничтожить все старое и создать все новое. На бѣду оно не совсѣмъ такъ. Съ прошедшимъ нельзя разстаться такъ легко, оно опутываетъ народъ,

Digitized by Google

и долго мѣшаетъ его свободному развитію. Двадцать разъ народъ спотыкается, двадцать разъ падаетъ онъ и снова подымается, прежде чѣмъ удастся ему окончательно разрушить ту стѣну, которая, казалось, должна пасть отъ перваго дуновенія вѣтра свободы. Стѣна, которая защищала въ Испаніи деспотизмъ отъ противоположной ему формы, очень толста, и напрасно сталъ бы обманывать себя народъ, что ему стоитъ только привстать, чтобы враги его скрылись подъ землю: оно далеко не такъ, народъ долженъ отвѣчать и всегда до сихъ поръ отвѣчалъ за всѣ тѣ насилія, совершавшіяся надъ свободнымъ развитіемъ его жизни, которыя онъ безмолвно переносилъ цѣлые вѣка. Нѣтъ ни одной стороны, которая не была бы заражена прошедшимъ Испаніи, все находится въ страшномъ запущеніи и растлѣніи, ко всему почти приходится прилагать героическія средства для исцѣленія. Образованіе, торговля, земледѣліе, промышленность, фабричное производство, все это для своего оживленія потребуетъ слишкомъ значительныхъ средствъ, которыми въ данную минуту Испанія такъ бѣдна. Всѣ источники народнаго богатства были парализованы исчезнувшимъ правительствомъ, такъ что экономическое положеніе страны должно сдѣлаться одною не изъ послѣднихъ заботъ новаго правительства. Состояніе близкое къ голоду въ прошедшемъ году, и страшная засуха нынѣшняго лѣта, служатъ предвозвѣстниками тяжелой зимы, которая, при совершенно пустой казнѣ, оставленной правительствомъ Бурбоновъ, можетъ породить тысячу затрудненій, въ которыхъ новое правительство будетъ ничуть не повинно. Теперь уже въ Мадридѣ число рабочихъ значительно увеличилось, такъ что временное правительство нашло себя вынужденнымъ немедленно начать работы, для доставленія жизненныхъ средствъ рабочимъ, опредѣливъ каждому изъ нихъ по $7\frac{1}{2}$ реаловъ въ сутки. Рядомъ съ этимъ, какъ ни бѣдственно финансовое состояніе страны, оно временно должно будетъ еще ухудшиться, благодаря принятымъ уже мѣрамъ, необходимымъ для лучшаго будущаго, но тяжелымъ для настоящаго, какъ отмѣна нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ, пониженіе тарифа, предпринятыя работы въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи, и т. д. и т. д. Правда, благодаря революціи, нѣкоторыя расходныя статьи испанскаго бюджета будутъ значительно облегчены, и теперь уже высчитываютъ тѣ 500 милліоновъ реаловъ, отъ которыхъ избавленъ будетъ народъ, какъ отъ самой непроизводительной платы. Эти 500 милліоновъ шли на всякаго рода пансіоны, и главнымъ образомъ, лицамъ духовнаго вѣдомства, на помощь Риму въ видѣ ежегодныхъ пожертвованій церкви св. Петра и св. Іоанна Латеранскаго, на содержаніе папскаго нунція, на пенсіи тѣмъ монахамъ и монахинямъ, монастыри которыхъ были закрыты и, наконецъ, главнымъ образомъ на значительный liste civile.

Въ виду всѣхъ этихъ трудностей, съ которыми придется скоро бо-

Digitized by Google

роться, нужно желать—и временное правительство, безъ сомнѣнія, понимаетъ это какъ нельзя лучше—чтобы оно было замѣнено окончательнымъ, прочнымъ порядкомъ, который не далъ бы возможности и времени всѣмъ старымъ, вымершимъ нравственно, но не вымершимъ физически, партіямъ снова подымать свою голову, пытаясь поселять въ странѣ раздоръ и смятеніе. Но самая эта замѣна временнаго постояннымъ представляетъ, какъ оказывается, вовсе не самое послѣднее изъ затрудненій. Какая форма правленія должна замѣнить собою тотъ абсолютный порядокъ, который нѣсколько вѣковъ уже какъ тяготѣлъ надъ Испаніей? Передовые люди Испаніи, стоящіе во главѣ совершающейся революціи, раздѣляются здѣсь на два лагеря, одинаково готовые жертвовать своимъ убѣжденіемъ для блага націи. На знаменіи одного изъ нихъ написана конституціонная монархія, на знаменіи другого: федеральная республика. Защитниками первой являются прогрессисты, приверженцами второй—демократическая партія. Первыя двѣ-три недѣли послѣ сверженія бурбонской династіи, вопросъ о будущей формѣ правленія оставался въ тѣни, никто кажется не желалъ высказывать своего мнѣнія, всѣ довольствовались тѣмъ, что сдѣлано, и на вопросъ—кто замѣнитъ изгнанную Изабеллу, всякій спѣшилъ отвѣчать: это рѣшитъ нація и ея представители—учредительные кортесы. Но тѣ, которые отвѣчали подобнымъ образомъ, забывали, что именно и они составляютъ націю, что если каждый изъ нихъ, взятый въ отдѣльности, не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, то не въ состояніи будутъ отвѣтить и учредительные кортесы, которымъ не на кого уже больше ссылаться. Наконецъ, прошли первые часы восторга, и мало-по-малу, очень тихо, но все-таки всѣ стали высказываться. Первый примѣръ подалъ Примъ, написавъ въ одномъ опубликованномъ письмѣ, что, при помощи учредительнаго собранія, онъ надѣется, что Испанія «достигнетъ до обладанія политическаго идеала современной Испаніи, то есть до обладанія настоящей конституціонной монархіи, построенной на самыхъ широкихъ либеральныхъ основаніяхъ, которыя способны только выносить такого рода правительство». За Примомъ слѣдовали и другіе. Высказался въ такомъ же духѣ и Серрано, и Оловаго и еще нѣкоторые, которыхъ голосъ слышнѣе другихъ. Вслѣдъ за ними стала говорить и пресса; но во всѣхъ журналахъ, чтобы они ни защищали—монархію или республику, общій тонъ крайне умѣренъ, они разсуждаютъ объ этомъ вопросѣ безъ слѣпой страсти, безъ ожесточенія, какъ это всегда дѣлали ихъ сосѣди, заканчивая каждый разъ словами: мы подчинимся волѣ націи! Эти же самыя слова произносятся и предводителями революціи, которые въ дѣлахъ своихъ уже не разъ говорили: мы защищаемъ конституціонную монархію, мы находимъ, что она имѣетъ больше корней, больше задатковъ въ странѣ;

Digitized by Google

но если нація рѣшитъ иначе, если она выскажется за республику, мы, забывъ наше первое убѣжденіе, будемъ трудиться для ея торжества.

Мы не станемъ дѣлать никакихъ соображеній относительно того вопроса, какой кандидатъ имѣетъ болѣе шансовъ, какой имѣетъ менѣе, какой совсѣмъ не имѣетъ, потому что подобныя соображенія въ настоящемъ случаѣ были бы совершенно безплодны, да притомъ строго говоря, даже мало и интереса кто войдетъ на престолъ, такой принцъ или другой, разъ, что существуетъ увѣренность, что если и будетъ уже монархія, то она будетъ строго конституціонная, въ смыслѣ монархіи англійской или даже итальянской, но никакъ ни въ какомъ другомъ. Изъ всѣхъ выставленныхъ кандидатовъ, начиная съ одиннадцатилѣтняго сына Изабеллы II, принца астурійскаго, молодого Донъ-Карлоса, герцога Монпансье, орлеанскаго принца, Альфреда англійскаго, принца Амедея итальянскаго, принца Наполеона французскаго, серьезнаго вниманія заслуживаетъ одна только кандидатура—именно короля португальскаго или отца его Фердинанда. Португальская кандидатура заслуживаетъ, разумѣется, вниманія, не потому, что тотъ или другой изъ португальскихъ принцовъ пользуется извѣстными качествами и добродѣтелями, а только потому, что съ именемъ, какъ короля португальскаго Дона-Луи, такъ и съ именемъ Дона-Фердинанда соединяется серьезная идея, именно сліянія Испаніи съ Португаліей, идея иберійскаго единства.

Всѣ европейскія правительства, одни выражая искреннюю радость, и сочувствіе случившемуся перевороту, другіе скрывая тщательно свою злобу, ожесточеніе и страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ испанскаго народа, громко проповѣдуютъ въ одинъ голосъ полное невмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи.

Нельзя не признать, что значительный прогрессъ сдѣланъ въ послѣднія нѣсколько лѣтъ въ международныхъ отношеніяхъ. Верховная власть цѣлаго народа стала повсемѣстно признаваться, и никто болѣе не рискуетъ утверждать, или оспаривать, чтобы онъ не имѣлъ права устроивать свои внутреннія дѣла такъ, какъ ему кажется лучше. Случись испанская революція нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кто̀ знаетъ, какъ бы отвѣтили абсолютныя правительства на крикъ народа: долой Бурбоновъ! кто можетъ отвѣчать, что на поляхъ Андалузіи или Каталоніи не были бы пролиты цѣлыя рѣки крови за народную независимость, за право націи рѣшать свою участь по своему произволу. Цѣлые года прошли бы прежде, чѣмъ новый порядокъ вещей былъ бы признанъ другими правительствами, и то послѣ тысячи всевозможныхъ дипломатическихъ усилій и уловокъ.

Самая близкая къ Испаніи держава — Франція, и потому правительство ея, разсчитывавшее на тѣсную связь съ собою Бурбоновъ, естественно, опечалено ихъ изгнаніемъ. Оффиціальные органы, какъ

Digitized by Google

ни стараются скрыть свое озлобленіе, не могутъ не быть въ негодованіи при видѣ революціи, затронувшей нѣкоторыя политическія комбинаціи владыки Франціи. Помимо же оказанной ею помѣхи, правительственныя лица во Франціи, долгимъ опытомъ убѣдившіяся въ легкомысліи французскаго народа и въ его необычайной подвижности, не могутъ смотрѣть спокойно на революцію испанцевъ, которая служитъ самымъ горькимъ упрекомъ французской націи, и разумѣется, опасаются заразительности этой повальной болѣзни.

Рядомъ съ оффиціальною прессою стоитъ тутъ и клерикальная, съ которою сдѣлались отчаянныя судороги при первомъ слухѣ о революціи въ католической Испаніи, и о крушеніи того трона, который такъ недавно еще заслужилъ отъ папы золотую розу, какъ символъ невинности. На помощь, на помощь! кричала она Наполеону III, и требовала отъ него, чтобы онъ далъ новую Ментану.

Италія представляетъ картину совершенно противоположную Франціи; тутъ, начиная отъ самыхъ радикальныхъ органовъ и до самыхъ оффиціальныхъ, всѣ поютъ въ одинъ голосъ, торжествуя испанскую революцію. Юная Италія какъ нельзя лучше понимаетъ, что съ паденіемъ Бурбоновъ у нея сдѣлалось однимъ старымъ врагомъ меньше, и что въ обновленной Испаніи она найдетъ себѣ, вмѣсто вражды, дружбу и опору противъ тѣхъ, которые препятствуютъ довершенію ея единства. Насколько французское императорское правительство потеряло, настолько же выигралъ итальянскій народъ; какъ прежде Испаніею стращали итальянское правительство, такъ это послѣднее можетъ стращать теперь французское. Точно такую же радость, какъ и Италія, испытываетъ и Пруссія, на которой, какъ часто утверждаетъ она сама, лежитъ святая миссія объединенія Германіи. Испанскія дѣла направили вниманіе ея недоброжелателей въ другую сторону и служатъ ей ручательствомъ, что Франція, имѣя въ своемъ тылу испанскую революцію, не посмѣетъ начать противъ нея наступательной войны. Испанія развязываетъ ей руки въ ея южно-германской политикѣ, какъ же не радоваться ей изгнанію Изабеллы.

Англія, вся поглощенная своими внутренними дѣлами, предстоящими выборами, съ жаромъ слѣдящая за каждымъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Дизраэли или Гладстона, только урывками отвлекаетъ свое вниманіе отъ краснорѣчивыхъ рѣчей главы оппозиціи, увлекающаго Англію на рѣшительный и самый прямой путь къ господству демократіи, тѣмъ не менѣе посылаетъ свой привѣтъ Испаніи, даже въ знакъ искренней дружбы предлагаетъ ей одного изъ своихъ принцевъ — подарокъ, отъ котораго Испанія вѣроятно убережется.

Если Англія настолько поглощена своими дѣлами, что ей некогда какъ слѣдуетъ слѣдить за Испаніей, то, что́ же сказать про Австрію, на которую снова стали рушиться одна бѣда за другою. Она можетъ

Digitized by Google

быть и не слышала, что произошло на Пиринейскомъ полуостровѣ, до такой степени ее оглушили удары, направленные на нее поляками и чехами. Отъ этихъ ударовъ у нея потемнѣло въ глазахъ, и она, можетъ быть, не прійдя еще въ сознаніе, рѣшилась на печальную всегда мѣру, какими бы обстоятельствами она ни была вызвана — на объявленіе осаднаго положенія Праги и ея окрестностей. Она не подаетъ своего голоса въ испанскихъ дѣлахъ, на рукахъ у нея слишкомъ много своихъ заботъ; прошло навсегда то время, когда Испанія и Австрія были соединены почти одною короною, прошло и то время, когда Австрія могла еще претендовать давать Испаніи въ короли своихъ герцоговъ. Австрія стоитъ теперь въ сторонѣ отъ движенія въ Испаніи, она почти не касается ее.

Есть еще одна страна, которая далеко стоитъ отъ Испаніи, страна, которая въ эту минуту страдаетъ самою страшною политическою горячкою, обуреваемая страстями двухъ противоположныхъ партій, но которая, не смотря на это, благодаря своимъ учрежденіямъ, политическому устройству, все-таки возвышается надъ старою Европою, и въ испанскомъ вопросѣ, какъ и во всякомъ другомъ, спѣшитъ дать ей урокъ и вмѣстѣ примѣръ. Мы разумѣемъ оффиціальное уже признаніе новаго правительства въ Испаніи Сѣверо-Американскими Штатами, которые, надо надѣяться, скоро возвѣстятъ намъ о торжествѣ генерала Гранта надъ Симуромъ, — въ этомъ спорѣ о президентствѣ между республиканскою партіею и прикрывающеюся либерализмомъ партіею рабовладѣльцевъ. Примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, повидимому, не остался безъ вліянія: если вѣрить частнымъ извѣстіямъ иностранной прессы, то признаніе новаго правительства въ Испаніи Франціею, Англіею, Португаліею и Голландіею—есть уже совершившійся фактъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

10 (22) сентября *).

Въ одной изъ знаменитыхъ драмъ Карла Гуцкова: «Uriel Acosta», которая, появясь на сцену лѣтъ 25 (въ 1842 г.) тому назадъ, быстро обошла всѣ театры Германіи, вездѣ удовлетворяя, по своимъ просвѣ-

*) Мы должны извиниться передъ нашимъ почтеннымъ кореспондентомъ, что его статья, отправленная изъ Берлина 10 сентября, для октябрьской книги, печатается только въ ноябрьской. Но это одинъ изъ случаевъ, вполнѣ независящихъ отъ насъ. Мы, въ свое оправданіе, можемъ сохранить у себя одну обертку посылки съ почтовыми штемпелями, откуда явствуетъ, что рукопись, пересланная страховымъ письмомъ, была

Digitized by Google

тительнымъ и либеральнымъ стремленіямъ, тогдашнему настроенію общества, да и теперь, держась въ репертуарѣ до настоящаго времени—что́ служитъ превосходнымъ доказательствомъ ея художественнаго достоинства,—въ этой драмѣ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, раввинъ Бенъ-Акиба, выражалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, весь результатъ своей жизненной мудрости въ двухъ—трехъ словахъ: «Все это бывало и прежде». Эти слова стали съ тѣхъ поръ общимъ достояніемъ всей нѣмецкой націи, и нѣмцы до того часто употребляли ихъ впродолженіи слишкомъ 25-ти лѣтъ, что еслибъ каждый давалъ поэту по грошу за каждое пользованіе этою фразою, то Гуцковъ былъ бы теперь не сѣдымъ нѣмецкимъ поэтомъ въ бѣдности, а могъ бы самъ снисходительно смотрѣть даже на Ротшильда. Но, если подобная фраза пріобрѣтаетъ столь обширную и продолжительную популярность, то, значитъ, это—полновѣсная фраза, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствительно соотвѣтствуетъ духу и характеру своего времени. Философическое смиреніе, въ ней заключающееся и напоминающее намъ о вѣчномъ круговоротѣ вещей, дѣйствительно соотвѣтствуетъ всего лучше, какъ успокоивающее и уравновѣшивающее средство, временамъ безпокойнымъ и бурнымъ. Если не всякому человѣку удавалось нападать на такія оригинальныя фразы, какъ поговорка раввина Бена-Акибы, то все-таки всякій можетъ вывесть изъ опыта своей жизни какое-нибудь правило, которое онъ считаетъ важнѣе и выше всѣхъ другихъ. «Греческіе мудрецы» тоже избирали по одному правилу; извѣстныхъ правилъ или девизовъ держались и средневѣковые рыцари; несомнѣнно, что и мудрецы и рыцари находили въ этихъ правилахъ твердую точку опоры относительно всего, что́ ихъ окружало, ихъ мѣрило, подъ которое они подводили всякій предметъ. При нѣкоторомъ упражненіи, человѣкъ легко доходитъ до того, что ему ничего не значитъ перешагнуть разомъ черезъ нѣсколько посредствующихъ звеньевъ, лишь бы воскликнуть съ торжествомъ: «что́ и требовалось доказать»! Если спросить теперь того, кто лѣтъ 20-ть наблюдаетъ надъ современною политическою и государственною жизнью, какое

принята Берлинскимъ почтамтомъ *10 сентября* (22 нов. ст.), помѣчена полученною въ С.-Петербургскомъ почтамтѣ *23 сентября* (!), и слѣдовательно могла попасть въ руки редакціи не ранѣе 25 сентября. Однимъ словомъ, страховое письмо шло *отъ Берлина до Петербурга* почти *двѣ недѣли*, не смотря на то, что почтовое разстояніе между этими городами не достигаетъ и двухъ сутокъ. Около 25-го числа печатаніе книгъ журнала всегда приходитъ уже къ окончанію, а потому настоящая корреспонденція по необходимости является мѣсяцемъ позже. Какимъ образомъ, при существованіи желѣзной дороги, Берлинъ иногда такъ далеко уходитъ отъ насъ, мы не можемъ себѣ объяснить, какъ мы не можемъ себѣ объяснить и многое другое; напр., почему удвоеніе платы за пересылки русскихъ журналовъ, 1869 года, совпадаетъ у насъ именно съ чрезвычайнымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ? — *Ред.*

Digitized by Google

онъ можетъ вывести послѣднее заключеніе относительно ея, то, безъ сомнѣнія, мы услышимъ, что самымъ выдающимся качествомъ послѣдняго періода является его забывчивость. Карлъ Фогтъ, въ своихъ лекціяхъ, никогда не упускаетъ случая упомянуть о томъ фактѣ (справедливомъ или нѣтъ—не знаю), что измѣреніе череповъ, собранныхъ съ тѣхъ старыхъ кладбищъ въ Парижѣ, на которыхъ, какъ извѣстно, хоронили однихъ лишь знатныхъ людей, доказало, что тогдашнее поколѣніе людей обладало меньшими мозгами, чѣмъ нынѣшнее, или, какъ онъ самъ выразительно восклицаетъ: «что бароны XII-го столѣтія имѣли меньше мозга, чѣмъ буржуа XIX-го вѣка». Но если мозгъ человѣческій дѣйствительно увеличился въ объемѣ, онъ могъ, однако, увеличиться не въ той мѣрѣ, насколько бы слѣдовало, судя по увеличившимся до крайней степени потребностямъ. При современномъ положеніи вещей и настроеніи людей, всякій *девизъ* имѣетъ непреодолимую силу до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ моды, то-есть, пока не замѣнится другимъ. Девизомъ настоящаго времени служитъ: *самоуправленіе!* Когда, два мѣсяца тому назадъ, я писалъ вамъ на эту же тему, но въ примѣненіи лишь къ управленію въ городахъ,—въ то время замѣтны были только предвѣстники того движенія, которое совершается теперь по всей Пруссіи. Всѣ кричатъ о самоуправленіи. Оно должно стать панацеею противъ всѣхъ политическихъ бѣдствій и затрудненій, оно должно разомъ и навсегда устранить всѣ политическіе споры, возбуждавшіе одну партію противъ другой и безполезные для государства; оно должно создать ту основу для внутренняго развитія государства, мѣсто для которой подготовлено и расчищено событіями 1866 года. О самоуправленіи мечтаетъ консерваторъ, и самоуправленія же требуетъ либералъ. Всѣ дѣйствуютъ и говорятъ теперь такъ, какъ будто дѣло идетъ о какомъ-то новомъ открытіи, какъ будто всѣ они забыли, что споръ между бюрократіею и самоуправленіемъ длится съ самаго начала прусской исторіи, и что прогрессъ Пруссіи обусловливался то посредствомъ бюрократіи, то посредствомъ самодѣятельности народа. Въ соединеніи и правильномъ уравновѣшиваніи этихъ обѣихъ силъ и лежитъ будущность крупныхъ цивилизованныхъ государствъ, всякое же одностороннее развитіе котораго либо изъ этихъ элементовъ, какіе бы блестящіе результаты оно ни дало въ первое время своего преобразованія, всегда поведетъ за собою реакцію.

Не трудно объяснить, откуда взялось настоящее настроеніе въ Германіи. Всѣ кричатъ о самоуправленіи не оттого, однако, что въ нынѣшней Пруссіи ощутительно стало излишнее преобладаніе бюрократіи, а оттого, что результаты историческихъ изслѣдованій объ Англіи и Франціи проникаютъ въ общество все шире и глубже. Относительно Англіи, несомнѣнно высокое значеніе ея самоуправленія доказано Гнейстомъ до того убѣдительно, что за величіемъ этого самоуправле-

Digitized by Google

нія несправедливо стушевалось важное значеніе *политическихъ* учрежденій Англіи. Относительно Франціи, лучшіе изъ молодыхъ писателей единодушно утверждаютъ, что ее можетъ спасти не политическая революція, но лишь ограниченіе централизаціи, разросшейся до невѣроятныхъ размѣровъ. Извѣстный историкъ Трейчке (Treitschke) изобразилъ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Preussische Jahrbücher», необыкновенно оживленную картину этой централизаціи и направленнаго противъ нея движенія. Онъ увѣряетъ, что переходъ къ парламентарному образу правленія во Франціи былъ бы въ настоящее время шагомъ назадъ. Неволя Франціи была бы только закрѣплена парламентомъ. Во всѣхъ своихъ политическихъ переворотахъ, французское государство двигалось въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, выходъ изъ котораго возможенъ лишь путемъ преобразованій, идущихъ снизу. Мысль о самоуправленіи подвергалась осмѣянію, какъ химера, даже во время іюльской монархіи; теперь, напротивъ, децентрализація стала уже лозунгомъ громадной школы публицистовъ. Подъ вліяніемъ централизаціи вся жизнь тянется въ столицу, которая несоразмѣрно растетъ насчетъ провинціи. Въ департаментѣ Сены издерживается цѣлая треть государственныхъ доходовъ. Вся сѣть желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ создана главнымъ образомъ для Парижа; одинъ взглядъ на карту желѣзныхъ дорогъ во Франціи лишаетъ бюрократію возможности представить себѣ такого француза, который не могъ бы побывать въ Парижѣ. Здѣсь нѣтъ политической аристократіи, пользующейся уваженіемъ въ народѣ; генеральные совѣты департаментовъ имѣютъ право налагать, для покрытія мѣстныхъ нуждъ, не болѣе четырехъ процентовъ, общинные совѣты въ городахъ и селахъ засѣдаютъ не гласно и могутъ быть уничтожены или распущены правительствомъ во всякую данную минуту. Во французскомъ среднемъ сословіи нѣтъ твердой воли и серьезнаго желанія управлять своими общественными дѣлами. Всѣ они гонятся лишь за ленточкою почетнаго легіона, жалованьемъ въ разныхъ вѣдомствахъ; всѣ бѣгутъ прочь отъ почетныхъ должностей въ судѣ присяжныхъ, національной гвардіи, общинахъ. Но самымъ сильнымъ препятствіемъ къ самоуправленію во Франціи служитъ господство четвертаго сословія. Демократизованныя массы рѣдко цѣнятъ общинную свободу, все участіе ихъ въ которой проявляется лишь мимолетно, во время общихъ выборовъ, — обыкновенно онѣ повинуются гораздо охотнѣе наемнымъ чиновникамъ, которые находятся, повидимому, внѣ сословныхъ распрей, чѣмъ почетному чиновнику изъ имущихъ классовъ. Трейчке полагаетъ поэтому, весьма справедливо, что объ уничтоженіи бюрократической системы во Франціи и думать нечего, и что нужно лишь постараться объ ограниченіи ея всемогущества. Самоуправленіе нельзя ввести однимъ почеркомъ пера; тамъ, гдѣ оно въ духѣ народа, истребить его можно лишь мало-по-

Digitized by Google

малу,—также точно, гдѣ оно не въ духѣ народа, войти въ него оно можетъ лишь шагъ за шагомъ. Въ политикѣ теперь, какъ въ естественныхъ наукахъ, пріобрѣло право гражданства то основное положеніе, что формализмъ законовъ противорѣчитъ всякому развитію. Теперь мы понимаемъ уже, что нельзя обходиться ни съ отдѣльными личностями ни съ народомъ по разъ заведенному порядку, что, напротивъ, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ желаютъ достигнуть какого-нибудь успѣха необходимо разъяснить и оцѣнить по достоинству особенныя свойства лицъ или народа. Нѣтъ ничего ни безусловно хорошаго, ни безусловно безполезнаго. Въ каждомъ человѣческомъ учрежденіи есть свои преимущества и недостатки, и приверженность къ первымъ не должна, въ нашихъ глазахъ, замѣнять собою послѣднихъ. Это можно сказать и о двухъ главныхъ системахъ управленія, а именно, бюрократической и коллегіальной.

Обѣ системы имѣютъ своихъ защитниковъ и противниковъ. Коллегіальная система, говоритъ Пёцль (Pözl), представляетъ прежде всего то преимущество надъ бюрократическою, при всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ, что данный предметъ обсуждается ею многосторонѣе и приводится въ дѣйствіе, поэтому, основательнѣе. Другое преимущество ея заключается въ томъ, что дѣятельность отдѣльнаго чиновника, какъ члена коллегіи, подлежитъ здѣсь, по самой природѣ вещей, болѣе дѣйствительному контролю, что произволъ его или пристрастіе заключено въ болѣе узкую рамку, и что, наконецъ, неспособность лицъ не можетъ принести такого огромнаго вреда, какъ тамъ, гдѣ оно облечено исключительною властью. Далѣе, и самыя рѣшенія одного и того же бюро въ коллегіальной системѣ, по одинаковымъ дѣламъ, не могутъ быть столь противорѣчивыми, какъ случается въ бюрократической системѣ, гдѣ при каждой смѣнѣ чиновника является возможность и новаго способа веденія дѣлъ; въ коллегіи развиваются и поддерживаются преданія. Но вмѣстѣ съ этимъ преимуществомъ, въ коллегіальной системѣ есть немало важныхъ недостатковъ. Изъ нихъ прежде всего бросается въ глаза замедленіе хода дѣлъ,—коллегія всегда препятствуетъ быстрому и энергическому исполненію дѣлъ. Она ослабляетъ, сверхъ того, отвѣтственность отдѣльныхъ чиновниковъ, а это значительно вредитъ дѣятельности самого учрежденія, такъ какъ общая отвѣтственность со многими другими лицами далеко не служитъ такимъ импульсомъ къ дѣятельности, какъ отвѣтственность личная. Наконецъ, при коллегіальной системѣ, на производство всякаго дѣла тратится гораздо больше времени и силъ, чѣмъ это въ дѣйствительности нужно, и она, поэтому, оказывается дороже системы личнаго чиновничества. Обыкновенно господствующая правительствующая система опредѣляется духомъ и сущностью государственнаго уложенія, при чемъ коллегіальная система идетъ всегда объ руку

Digitized by Google

съ представительными политическими учрежденіями, а бюрократическая связана съ самодержавнымъ началомъ,—Велькеръ различаетъ, поэтому представительную коллегіальную систему отъ самодержавно-бюрократической. Въ Германіи, съ древнѣйшихъ временъ, преобладаетъ представительно-коллегіяльная система, господствующая въ Англіи до настоящаго времени; всѣ ограниченія ея въ Германіи состоялись отчасти подъ вліяніемъ римскаго права и воспитанныхъ на этомъ правѣ юристовъ, но еще болѣе, вслѣдствіе превращенія средневѣкового государства въ новѣйшее, что произошло въ теченіи XVIII вѣка. Недостатокъ средневѣкового государства заключался въ томъ, что тогда *правили слишкомъ мало*; въ новомъ государствѣ правятъ не мало, но *слишкомъ много*, и въ него прокрадываются, поэтому, всѣ дурныя стороны бюрократіи. Какъ во всякомъ сложномъ веденіи дѣлъ въ частной жизни, такъ и въ управленіи государствомъ, говоритъ одинъ изъ умѣреннѣйшихъ критиковъ, Братеръ, необходимо соблюдать опредѣленныя формальности. Но бюрократія отличается отъ *здраваго* порядка вещей лишь тѣмъ, что въ ней дѣло приносится въ жертву формѣ, и форма считается сама по себѣ дѣломъ, между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ дѣлу всегда придаютъ его настоящее значеніе и соблюдаютъ форму лишь для пользы дѣла. Извѣстный юристъ Пухта разсказываетъ, въ своей автобіографіи, слѣдующее происшествіе въ Анспахѣ, во время управленія маркграфа бранденбургскаго, весьма хорошо характеризующее то, что слѣдуетъ разумѣть подъ здравымъ бюрократическимъ порядкомъ вещей. Правительственному совѣтнику, назначенному для испытанія юридическихъ кандидатовъ, пришлось экзаменовать молодого человѣка, пользовавшагося хорошею репутаціею въ наукахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне робкаго и застѣнчиваго. Когда этотъ кандидатъ посѣтилъ совѣтника, за день до экзамена, экзаменаторъ вступилъ съ юношею въ дружескую бесѣду о личныхъ отношеніяхъ молодого человѣка и сталъ распрашивать о ходѣ его частныхъ занятій, отъ которыхъ они незамѣтно перешли, при помощи разсказовъ экзаменатора о своей собственной университетской жизни, къ преніямъ объ отдѣльныхъ предметахъ права и о юридическихъ наукахъ вообще. Кандидатъ давалъ отвѣты довѣрчиво и рѣшительно, и разговоръ между нимъ и совѣтникомъ продолжался до тѣхъ поръ, пока послѣдній, наконецъ, не замѣтилъ, къ крайнему изумленію молодого человѣка, что экзаменъ уже оконченъ и притомъ весьма благополучно. Въ бюрократическихъ учрежденіяхъ нынѣшняго управленія подобныя уклоненія отъ формы (чѣмъ, впрочемъ, можно было и злоупотреблять) не имѣютъ мѣста.

Когда бюрократическое управленіе встрѣчается съ сопротивленіемъ, противодѣйствующимъ давленію его излишне-правительствующей дѣятельности, то оно стремится разбить это сопротивленіе тѣмъ, что на-

Digitized by Google

чинаетъ править *еще больше*. Когда оно старается усовершенствовать свои учрежденія, то весь прогрессъ его заключается въ усиленіи формальной службы. Когда чиновники утомляются подъ давленіемъ этихъ усиленныхъ требованій, то оно стремится достигнуть своего путемъ многочисленныхъ контролей, и тѣмъ подымаетъ свои требованія еще выше. Вторымъ признакомъ бюрократіи служитъ кастовое отчужденіе отъ гражданскаго общества. Государство привлекаетъ къ себѣ чиновниковъ отовсюду, изъ всѣхъ состояній и сословій; оно даетъ одни и тѣ же мѣста всѣмъ сыновьямъ дворянъ, разночинцевъ и крестьянъ. При здравомъ порядкѣ вещей, это обстоятельство облегчаетъ чиновникамъ исполненіе ихъ обязанностей, такъ какъ имъ легко тогда удовлетворять просьбамъ людей всѣхъ сословій. Другое дѣло бываетъ при господствѣ бюрократическаго духа; чиновникъ-бюрократъ считаетъ себя особымъ сословіемъ, поставленнымъ внѣ остального общества и не имѣющаго съ другими сословіями никакихъ равныхъ интересовъ, и у него нѣтъ, поэтому, и стремленія служить ихъ общему благу,— между нимъ и остальнымъ обществомъ невозможна тогда ни малѣйшая естественная связь.

Весьма остроумное сужденіе о бюрократіи и о средствахъ, необходимыхъ для уничтоженія ея недостатковъ, высказано было еще въ 1848 году, то-есть, прежде обнародованія замѣчательныхъ, по своимъ руководящимъ, свѣтлымъ идеямъ изученій Гнейста, о конституціи и самоуправленіи въ Англіи;— я говорю о сочиненіи Фридриха Ромера (Rohmer): «Deutschlands alte und neue Bureaucratie» (старая и новая бюрократія въ Германіи). Бюрократія, говоритъ этотъ писатель, только тогда достигнетъ полнаго господства, когда во главѣ управленія будутъ находиться или личности, ей самой принадлежащія, или чиновники безъ всякихъ государственныхъ способностей, и готовые терпѣть ее. Господство бюрократіи невозможно прервать посредствомъ тѣхъ или другихъ преобразованій существующихъ учрежденій, такъ какъ всѣ новыя учрежденія, вошедшія въ жизнь при бюрократическомъ строѣ государства, сами тотчасъ становятся бюрократическими. Даже самыя широкія конституціонныя гарантіи подлежатъ той же участи, такъ какъ ни одно конституціонное собраніе не можетъ ни управлять само по себѣ, ни господствовать надъ духомъ управленія. Это зло можетъ быть ослаблено посредствомъ ограниченія государственной власти кругомъ такихъ отправленій, которыя дѣйствительно подлежатъ ея вѣдѣнію, и установленіемъ той доли самоуправленія, которая соотвѣтствуетъ данной степени просвѣщенія народа. Освободить государственную жизнь вполнѣ отъ бюрократіи возможно при всякомъ образѣ правленія, но не иначе, какъ посредствомъ передачи высшаго управленія въ руки государственныхъ людей, ибо такая верховная власть *уничтожаетъ* бюрократію, *подымая* значеніе человѣка. Когда государ-

Digitized by Google

ственные люди стоятъ у кормила правленія, тогда чиновникъ пріобрѣтаетъ то, чего никогда не даетъ бюрократія,—то-есть, увѣренность въ томъ, что все способное можетъ достигнуть принадлежащаго ему мѣста, и что есть возможность излагать правду высшему начальству и даже разсчитывать на его сочувствіе. Чиновникъ знаетъ тогда, что онъ дѣйствительно полезное лицо, что онъ не осужденъ уже на работу Данаидъ переливать безконечные потоки чернилъ черезъ слои безжизненныхъ резолюцій, но что его труды дѣйствительно достигаютъ цѣли и приносятъ пользу обществу.

Въ этомъ взглядѣ на бюрократію, среди большой правды есть и ложное. Учрежденіе, требующее для хорошаго отправленія своихъ обязанностей, чтобы во главѣ его находился государственный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—такое учрежденіе, само по себѣ, негодно, такъ какъ въ дѣйствительности мы можемъ разсчитывать лишь на людей съ средними способностями. Если же требуется непремѣнно геній, то за эпохою блеска и совершенства послѣдуетъ неизбѣжно эпоха упадка. Однимъ изъ неоспоримыхъ примѣровъ этого рода представляется эпоха Фридриха Великаго, такъ какъ подъ его руководствомъ прусское уложеніе и управленіе (онъ стоялъ во главѣ обоихъ) стали въ Европѣ образцовыми; но исчезъ *его духъ*, и все образцовое оказалось до того слабымъ и жалкимъ, что, впродолженіи одного поколѣнія послѣ смерти великаго короля, все его государство вполнѣ *сникло*.

Есть еще другія средства устранить бюрократическій духъ, въ злѣйшемъ смыслѣ этого слова, изъ чиновническаго быта. Во-первыхъ, увѣренность въ прочности своего положенія;—она возбуждаетъ въ человѣкѣ такое чувство чести, которое отзывается весьма выгодно на всякомъ званіи. Съ окончанія войны за освобожденіе и до 1848 года, впродолженіи тѣхъ 30-ти лѣтъ, чиновничество въ Пруссіи было—все. Даже армія, которая положительно занимала первое мѣсто, отступила назадъ передъ чиновничествомъ. Чиновникъ считалъ себя первою властью въ государствѣ, и сословное чувство развилось въ немъ до крайности. Получая умѣренное жалованье (которое удовлетворяло въ тѣ времена лучше нынѣшняго повышеннаго жалованья, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ повышеніемъ повысилась цѣнность денегъ), чиновникъ находилъ утѣшеніе во внѣшнемъ почетномъ положеніи. Большинство чиновниковъ было далеко не раболѣпно; всѣ они трудились изъ уваженія къ своему званію. Матеріалистическій духъ былъ тогда еще мало распространенъ въ Пруссіи. Погоня за богатствомъ еще не начиналась; нынѣшнее искусство набивать карманы относится къ тогдашнему, такъ какъ желѣзно-дорожное сообщеніе къ почтовому добраго стараго времени. Еще съ тѣхъ поръ чиновничество питаетъ глубокое отвращеніе къ военному сословію. Долгій миръ заставилъ

Digitized by Google

забыть, на что́ необходима армія; чиновники считали ее совершенно безполезнымъ бременемъ, и дай имъ полную волю, они отмѣнили бы ее окончательно. Но наступилъ 1848 годъ, когда сложилась поговорка: «противъ демократовъ помогутъ лишь солдаты»—«Gegen Democraten—helfen nur Soldaten!» Революція была быстро подавлена, но миръ въ Европѣ возстановленъ не былъ; армія все увеличивалась, да увеличивалась—чиновники почувствовали себя, наконецъ, обиженными и бросились отчасти въ оппозицію, между тѣмъ какъ правительство, чтобы уничтожить эту оппозицію, прибѣгло къ цѣлому ряду мѣръ, посредствомъ которыхъ независимость и самостоятельность чиновничества подверглась разрушенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезло и главнѣйшее преимущество прежняго чиновничества—его энергическое сословное чувство чести.

Въ вышеприведенномъ опредѣленіи Ромера было упомянуто, что бюрократія только тогда достигаетъ господства, когда во главѣ управленія находится лицо, ей самой принадлежащее. Въ Англіи этого никогда не бываетъ, такъ какъ тамъ министры почти никогда не бываютъ спеціалистами въ дѣлахъ государственнаго управленія. Одинъ лишь лордъ-канцлеръ, который избирается обыкновенно изъ числа знаменитыхъ юристовъ, составляетъ исключеніе изъ этого правила. Другія вѣдомства поручаются лицамъ, заслужившимъ министерское мѣсто своими рѣчами въ парламентѣ. Эти начальники должны, поэтому, предоставить дѣйствительное управленіе дѣлами своимъ секретарямъ и другимъ постояннымъ чиновникамъ. Сами они заняли лишь руководящія положенія по дѣламъ управленія. Такимъ образомъ, рутина управленія никогда не нарушается въ Англіи; даже перемѣна партій въ кабинетѣ тоже не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на управляющихъ чиновниковъ. Съ замѣною одного министерства другимъ, на это послѣднее переходитъ лишь право замѣщать вакантныя должности, потому что всѣ политическія партіи въ Англіи питаютъ столь глубокое уваженіе къ потребностямъ управленія, что не прибѣгаютъ къ смѣнѣ чиновниковъ изъ-за личныхъ политическихъ убѣжденій, какъ это постоянно случается въ Соединенныхъ Штатахъ, къ крайнему вреду для государства. Относительно политическихъ партій, англійскую правительственную машину—говоритъ Фишель—слѣдуетъ представлять себѣ въ видѣ твердаго, мѣднаго пьедестала, на который можно ставить того или другого руководствующаго министра.

Въ нынѣшнемъ прусскомъ министерствѣ существуетъ отчасти такое же отношеніе, и графъ Бисмаркъ лично склоняется въ пользу англійскаго порядка вещей. Такъ какъ онъ вообще стремится къ тому, чтобы вызвать аристократію къ политической жизни, то онъ не можетъ не находить удобнымъ такого положенія кабинета, при которомъ министры вступали бы въ свои мѣста прямо съ парламентскихъ

Digitized by Google

скамеекъ. Онъ уже не разъ отпускалъ въ парламентѣ ядовитыя остроты насчетъ «тайныхъ совѣтниковъ» въ министерствахъ; между тѣмъ, эти совѣтники и составляютъ, какъ здѣсь, въ Берлинѣ, такъ и вездѣ, верхушку того твердаго пьедестала управленія, о которомъ сказано выше, и который въ большей или меньшей степени существуетъ повсюду. Самъ Бисмаркъ, какъ извѣстно, не продѣлывалъ чиновничьей карьеры, а министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, столь мало знакомъ съ порядкомъ государственнаго управленія, что, разговаривая однажды, спустя долгое время послѣ вступленія въ министерство, съ предсѣдателемъ депутатовъ города Берлина, спросилъ его, большое ли получаетъ онъ жалованье. Онъ не зналъ даже того, что все городское представительство состоитъ изъ почетныхъ, неоплачиваемыхъ должностей!

Какъ бы то ни было, положеніе всего чиновничества въ государствѣ опредѣляется рѣшительнымъ образомъ двумя пунктами; во-первыхъ, объемомъ его отправленій, предѣломъ которыхъ должно служить самоуправленіе, и во-вторыхъ, прочностью положенія каждаго чиновника въ отдѣльности.

Поговорю сперва о первомъ пунктѣ. Такъ какъ въ прусскомъ законодательствѣ различіе между юстиціею и администраціею проведено довольно строго, то и различіе между судейскими и не-судейскими чиновниками почти становится принципіознымъ и рѣшительнымъ. Независимость судовъ требуетъ, чтобы администрація не имѣла на судейское сословіе такого сильнаго вліянія, какимъ пользуется она относительно другихъ чиновниковъ. Ибо независимость судовъ обусловливается не только исключеніемъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства государства, особенно въ образѣ кабинетной юстиціи, въ отправленіи правосудія, но и тѣмъ еще, чтобы положеніе судьи было обезпечено противъ всякаго внѣшняго произвола. Поэтому-то прусское законодательство опредѣляетъ, что судьи должны назначаться пожизненно и могутъ быть удалены съ своихъ мѣстъ не иначе, какъ по судебному приговору, основанія котораго предусмотрѣны закономъ; даже временное удаленіе отъ должности или недобровольное перемѣщеніе на другую должность совершаются тоже не иначе, какъ по судебному приговору. Съ другой стороны, надъ не-судейскимъ чиновникомъ тяготѣетъ весьма значительная дисциплинарная власть правительства. Дисциплинарный законъ 21 іюля 1852 года опредѣляетъ, что погрѣшностями по службѣ слѣдуетъ считать неисполненіе обязанностей, возложенныхъ на чиновника его мѣстомъ, и такое поведеніе во время или внѣ службы, которое унижаетъ достоинство того довѣрія, уваженія и почтенія, которыя присвоены чиновническому званію. Это опредѣленіе, которое съ перваго взгляда можетъ показаться весьма благоразумнымъ и справедливымъ, сдѣлалось источникомъ обширнаго

Digitized by Google

политическаго преслѣдованія противъ всѣхъ почему-либо непріятныхъ правительству чиновниковъ, ибо его истолковали такимъ образомъ, что всякое оппозиціонное дѣйствіе чиновника противъ существующаго въ данное время министерства унижаетъ достоинство чиновника и лишаетъ его того почтенія, уваженія и довѣрія, которыя ему необходимы для исполненія обязанностей своего призванія. Подобное истолкованіе было бы, во всякомъ случаѣ, невозможно, еслибы законъ не сдѣлалъ просителя и судью своего собственнаго дѣла. Дисциплинарный процессъ ведется сперва или въ провинціальныхъ вѣдомствахъ, къ которымъ причисленъ обвиняемый чиновникъ, или въ дисциплинарномъ судѣ, но противъ нихъ возможна всегда апелляція, которая въ концѣ концовъ доходитъ до государственнаго министерства. Такимъ образомъ, это министерство оказывается единственнымъ дисциплинарнымъ судьею чиновника, и оно можетъ всегда, если хочетъ, принудить чиновника, по крайней мѣрѣ, къ внѣшнему благоговѣнію передъ политическими убѣжденіями своей собственной партіи,—и это-то принужденіе и есть тотъ источникъ раболѣпія и лицемѣрія, который отравляетъ чиновничество и государственную жизнь до самаго корня. Въ этомъ отношеніи Пруссія, въ послѣднія 30 лѣтъ, значительно подвинулась назадъ, и главнымъ виновникомъ этого прискорбнаго положенія является консервативная партія, какъ бы нѣжно и красно ни говорила она про нѣмецкую самостоятельность и самоуправленіе. Сами консерваторы, между тѣмъ, старались перенесть сюда изъ Франціи всѣ учрежденія, которыя послужили тамъ основою самой строгой централизаціи, и стремились обратить каждаго чиновника въ безсильное орудіе въ рукахъ его начальства. Чиновничество этого рода способно, конечно, спокойно переходить изъ монархіи Луи-Филиппа въ республику, изъ республики въ имперію; несомнѣнно также, что такое чиновничество весьма удобно для господствующей партіи, но при немъ невозможно достигнуть прочнаго положенія вещей. Приниженіе чиновниковъ ведетъ за собою еще то неизбѣжное послѣдствіе, что лучшіе и талантливые молодые люди отказываются идти по этой неблагодарной стезѣ, а это обстоятельство тѣмъ ужаснѣе для Пруссіи, что она обращается къ кандидатамъ въ гражданскую службу съ такими широкими требованіями, какихъ не предъявляютъ нигдѣ. Чтобы занять высшую должность по юстиціи, необходимо сдать три экзамена: аускультаторскій, на референдарія и на ассесора. Допущеніе къ первому изъ нихъ требуетъ уже гимназическаго курса и академическаго трехлѣтія. До третьяго экзамена проходитъ, по меньшей мѣрѣ, четыре года, впродолженіе которыхъ юристъ обязанъ проводить время въ практическихъ занятіяхъ при различныхъ судахъ. Выдержавъ третій, такъ-называемый государственный экзаменъ (Staats-Examen), кандидатъ назначается въ судебные ассессоры, но это ассессорство долго еще не

Digitized by Google

даетъ никакого жалованья. Тоже самое полагается и для тѣхъ юношей, которые посвящаютъ себя высшей административной службѣ. За симъ приходится держать экзаменъ на аускультатора, и потомъ въ этомъ новомъ званіи работать при какомъ-нибудь судѣ; выдержавъ затѣмъ экзаменъ на референдарія, они должны вступить въ то или другое правленіе, гдѣ они «практикуютъ» довольно долгое время и, наконецъ, сдаютъ третій экзаменъ. Безъ этихъ трехъ испытаній никто не можетъ достигнуть высокой карьеры, которая, впрочемъ, можетъ быть вовсе невысокою, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ кандидаты не подымаются выше окружного судьи или правительственнаго совѣтника (Regierungsrath). На третьемъ экзаменѣ проваливаются многіе; они становятся, однако, первыми кандидатами на второстепенныя должности перваго класса; простымъ кандидатомъ въ эти должности можетъ являться лишь тотъ, кто кончилъ курсъ гимназіи или высшаго училища. Изъ всего этого очевидно, что прусское «образованіе»—дѣло дѣйствительно серьезное, и что усилія ретроградовъ, желавшихъ прежде всего унизить уровень образованія въ народной школѣ, парализуются стремленіемъ, истекающимъ изъ внутренней сущности самого государства. Странно сказать, что то самое преобразованіе арміи, о которомъ столь много кричали, оказало образованію гораздо бо́льшую услугу, чѣмъ весь вредъ, который могутъ оказать какія бы то ни было «ограниченныя» системы народнаго образованія. Ибо, если новая организація арміи фактически осуществляетъ общую воинскую повинность, такъ какъ все юношество, способное носить оружіе, можетъ быть ежегодно призываемо къ ружью, — за то вопросъ объ *однолѣтней* службѣ пріобрѣтаетъ колоссальную важность.

Однолѣтній волонтеръ (einjährig-Freiwillige) долженъ, по крайней мѣрѣ, быть воспитанникомъ перваго класса гимназіи или сдать соотвѣтствующій этому классу экзаменъ. По окончаніи его годовой службы, этотъ волонтеръ пріобрѣтаетъ унтеръ-офицерскій чинъ и получаетъ возможность, при помощи новаго, сравнительно легкаго экзамена, сдѣлаться офицеромъ, что́ весьма важно на случай войны, когда снова могутъ призвать его подъ знамена. Различіе между однолѣтнею службою и трехлѣтнею крайне важно само по себѣ при такой высокой степени культуры, какую мы находимъ въ Германіи. Различныя массы въ обществѣ съ каждымъ днемъ сливаются между собою все тѣснѣе и тѣснѣе, и если есть какая-нибудь возможность провесть между ними рѣзкую пограничную линію, то развѣ между однолѣтними волонтерами и обыкновенными рекрутами. Эта линія отдѣляетъ *высшіе* классы отъ *низшихъ*, повелѣвающихъ отъ повинующихся, ибо если волонтеръ пріучается сперва *повиноваться*, то онъ пріобрѣтаетъ за то право принадлежать къ числу повелѣвающихъ. И это различіе не основано ни на происхожденіи, ни на состояніи, но единственно и исключительно на

Digitized by Google

образованіи. Вотъ почему каждый юноша стремится теперь пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, ту степень образованности, которая даетъ ему право замѣнять трехлѣтній срокъ службы однолѣтнимъ; въ тоже самое время совершенствуются и школы,—всѣ онѣ стараются пріобрѣсть право выдавать своимъ ученикамъ такіе дипломы, которые могли бы сами по себѣ служить доказательствомъ тому, что предъявитель его достоинъ однолѣтней службы. Въ послѣднее время союзный канцлеръ уже распространилъ такую привилегію на нѣсколько сотъ школъ; сотни другихъ въ новыхъ прусскихъ провинціяхъ ждутъ, чтобы и на нихъ распространили то же право. «При испытаніи волонтеровъ легко убѣдиться въ томъ, что уровень школьнаго образованія въ Пруссіи дѣйствительно выше, чѣмъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Требованія, которымъ подвергаются волонтеры въ Пруссіи, ниже тѣхъ, которые предъявляются волонтерамъ въ новыхъ провинціяхъ, и не смотря на то, значительный процентъ экзаменующихся все-таки проваливается, при чемъ обнаруживаются невѣроятные примѣры невѣжества.

Я нарочно показалъ эти свѣтлыя стороны прусскихъ учрежденій, чтобы, рисуя темныя стороны ихъ, не произнесть надъ ними несправедливаго приговора. Прусское государство особенно замѣчательно тѣмъ, что его вліяніе на всю Германію основано именно на томъ, что противорѣчія въ немъ рѣзко и сильно бьются другъ о друга, и что изъ ихъ взаимнаго тренія возникаетъ вѣрный и прочный прогрессъ. Независимость судейскаго сословія уже успѣла однажды преодолѣть сильное нападеніе. 29-го марта 1844 года, законодательное собраніе обнародовало законъ о судебныхъ и дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ чиновниковъ;—этотъ законъ переносилъ значительное большинство всѣхъ проступковъ судей по службѣ въ число дисциплинарныхъ погрѣшностей, и установлялъ, сверхъ того, недобровольное перемѣщеніе судей и отставку съ пенсіею, то-есть удаленіе изъ должности безъ предварительнаго судебнаго приговора. Противъ этого закона возсталъ *одинъ* человѣкъ, судебный совѣтникъ (Gerichtsrath) въ городѣ Бреславлѣ, Генрихъ Симонъ, въ своемъ классическомъ сочиненіи: «Прусскіе судьи и законы 29-го марта 1844 года» (Die preussischen Richter und die Gesetze vom 29 März 1844). Хотя Симонъ и подвергся за свою книгу такимъ преслѣдованіямъ, которыя принудили его выйти въ отставку, однако онъ все-таки могъ найти удовлетвореніе въ томъ, что ненавистные законы встрѣтили повсюду самое упорное сопротивленіе, такъ что не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ ихъ пришлось отмѣнить. Книга Симона содержала въ себѣ не только ѣдкую критику упомянутыхъ законовъ, но и блестящія доказательства тому, что прусское судейское сословіе, пріобрѣтшее добрую славу подъ покровомъ полной независимости, непремѣнно падетъ и лишится своего высокаго достоинства подъ вліяніемъ новыхъ законовъ. Прусскіе правители всегда призна-

Digitized by Google

вали великую важность правосудія. Великій курфирстъ писалъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, изданныхъ незадолго до его смерти, что «послѣ слова Божія, правосудіе есть наилучшій и драгоцѣннѣйшій клейнодъ всѣхъ странъ, и самая твердая опора царскаго престола». Фридрихъ Вильгельмъ I видѣлъ въ ней «основной столпъ государства». Фридрихъ Великій, занимавшійся впродолженіи всего своего царствованія преобразованіемъ юстиціи, признавалъ многократно необходимость независимости ея, однако, къ несчастію, часто позволялъ себѣ, увлекаясь горячностью своего темперамента, насильственное вмѣшательство въ обычное теченіе правосудія. Судьи, въ большинствѣ этихъ случаевъ, оказывали сопротивленіе, что́ дѣлаетъ имъ великую честь. Разскажу здѣсь одинъ изъ превосходныхъ фактовъ судейскаго мужества. Король потребовалъ однажды, чтобы кредиторъ извѣстнаго дворянина, попавшаго вслѣдствіе мотовства подъ конкурсъ, давалъ своему должнику опредѣленную сумму на содержаніе. Не смотря на повторявшіеся нѣсколько разъ приказы, судъ медлилъ рѣшеніемъ, такъ какъ по закону подобная льгота дозволяется лишь лицамъ, попадающимъ подъ конкурсъ не за долги. Наконецъ король пожелалъ, чтобы министръ юстиціи Мюнхаузенъ призналъ, въ своемъ собственномъ министерскомъ рескриптѣ, состоятельность дворянина. Министръ отвѣчалъ, что изъ его рукъ, какъ главы всей юстиціи въ государствѣ, не можетъ выйти такой указъ, который противорѣчитъ всѣмъ законнымъ предписаніямъ. Затѣмъ послѣдовала слѣдующая королевская резолюція: «Мой любезный министръ юстиціи фонъ-Мюнхаузенъ—онъ весьма честный человѣкъ, но крайне грубый оселъ!» Мюнхаузенъ отвѣчалъ благодарственнымъ письмомъ. Сказавъ, что онъ всегда ожидалъ, что сердце короля обратится наконецъ въ пользу справедливости, министръ продолжаетъ такимъ образомъ: «Составитель королевской резолюціи употребилъ въ ней весьма непристойныя выраженія противъ перваго слуги короля, и я живу въ томъ убѣжденіи, что его величество сдѣлаетъ ему серьезный выговоръ за всѣ непристойности». Долго послѣ этого письма ждалъ Мюнхаузенъ приглашенія короля. Наконецъ, пришло приглашеніе присутствовать въ совѣтѣ министровъ. Увидѣвъ Мюнхаузена, король обратился къ нему съ словами: «Ну, любезный Мюнхаузенъ, я сказалъ моему секретарю!» Изъ этого факта съ Фридрихомъ Великимъ Симонъ прямо выводитъ то положеніе, что лучшія намѣренія и лучшіе законы, установляющіе свободную юстицію, не достигаютъ своей цѣли, если нѣтъ учрежденій, охраняющихъ правосудіе. Министры юстиціи: Мюллеръ (отецъ нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія) и Уденъ (теперешній предсѣдатель верховнаго суда), слѣдовавшіе въ то время быстро другъ за другомъ, сдѣлали, на основаніи новыхъ законовъ, два выговора вольнодумному судьѣ и начали преслѣдовать его всевозможными мелочными придирками, вслѣдствіе

Digitized by Google

которыхъ онъ и подалъ въ отставку, написавъ послѣднему министру юстиціи письмо, исполненное благороднаго мужества. Объяснивъ всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался и изложивъ различіе между его взглядомъ и взглядомъ министра на положеніе судьи, Симонъ заключилъ свое посланіе слѣдующими словами, которыя служатъ теперь памятникомъ того духа, которымъ проникнуты были судьи въ прежней Пруссіи: «Итакъ, я выхожу въ отставку — писалъ онъ — потому что должность судейскаго чиновника не представляетъ мнѣ тѣхъ личныхъ правъ, которыхъ я ожидалъ; потому что положеніе судьи, обусловливаемое новыми законами и нынѣ господствующими воззрѣніями на государственную службу, противорѣчитъ независимости моего образа мыслей; потому что не всякій способенъ находить убѣжище отъ безпрестанныхъ оскорбленій въ одномъ лишь сознаніи справедливости своихъ поступковъ, потому что, во всѣхъ случаяхъ, когда глупо было бы надѣяться на перемѣну обстоятельствъ посредствомъ личныхъ страданій, никто не обязанъ наказывать самого себя, — и потому, наконецъ, что чиновническое званіе, при нынѣ господствующихъ обстоятельствахъ, измѣнить которыя я не въ силахъ, препятствуетъ мнѣ служить интересамъ общества. Я выхожу въ отставку какъ чиновникъ, чтобы остаться гражданиномъ, и я надѣюсь и въ будущемъ оказывать отечеству не меньше услугъ, какъ прежде. Я не сожалѣю о томъ, что принадлежалъ большую часть моей сознательной жизни къ прусскому судейскому сословію, и я не сожалѣю о моемъ побужденіи выйти изъ него. Моя оппозиція противъ этихъ законовъ основана на юридическихъ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ мною во время государственной службы, и эта оппозиція уже принесла хорошіе плоды, такъ какъ зародыши того чрезмѣрнаго вліянія администраціи на судей, которое заключено въ новыхъ законахъ, уже обнаружены и, осужденные общественнымъ мнѣніемъ страны, развиваться болѣе не могутъ;— поэтому, и самые законы, по моему твердому убѣжденію, будутъ отмѣнены раньше пли позже. Такая выгода, купленная цѣною такъ-называемой карьеры одного единственнаго человѣка, достается странѣ весьма дешево и съ радостью уступается отдѣльною личностью».

Этотъ гордый духъ независимости и теперь еще не вымеръ въ судейскомъ сословіи, но постоянная борьба утомила, ослабила его, такъ что теперь все еще существуетъ опасность, о которой пророчески говорилъ Симонъ, 24-года тому назадъ, въ концѣ своей книги: «Эти законы не въ состояніи были ниспровергнуть разомъ независимость прусскихъ судей и независимость прусскаго правосудія, такъ какъ въ томъ-то и заключается важность такихъ дѣйствительно историческихъ учрежденій, какъ основанная у насъ впродолженіи многихъ поколѣній полная независимость правосудія, что они переходятъ наконецъ въ сознаніе народа и уже не нуждаются въ опорѣ, защитѣ закона;—дѣй-

Digitized by Google

ствительно, живое учрежденіе можетъ существовать долго послѣ того, какъ исчезнутъ всѣ его законныя основы. Но неисторическій новый законъ производитъ также, *мало по малу*, свое вліяніе, и въ концѣ концовъ окажется, что наше зданіе не можетъ продолжать свое существованіе безъ этой опоры. Оно падетъ, это до сихъ поръ благородное прусское судейское сословіе, которымъ гордился всякій пруссакъ. Недовѣрчивыя насмѣшки исчезнутъ скоро, когда прусскіе коллегіяльные суды поддадутся шопоту высшихъ вліяній, и когда развалины этого славнаго учрежденія низвергнутся на прусскій тронъ и на гражданскую свободу прусскаго народа».

Какъ бы то ни было, законодательство окружило независимость судейскаго сословія нѣкоторыми новыми гарантіями, но непрерывное стремленіе замѣстить всѣ высшія должности людьми консервативнаго образа мыслей, покровительство консерваторамъ и гоненіе либераловъ оказали страшное вліяніе, о которомъ только потому мало говорятъ, что говорить о немъ крайне непріятно. Между тѣмъ, всѣ партіи, даже умѣренные консерваторы, начинаютъ сознавать необходимость реформы. Съ большимъ тактомъ агитація послѣдняго времени обратила всѣ свои усилія на одинъ пунктъ, именно на освобожденіе юстиціи отъ цѣлаго ряда обязанностей, которыя слѣдовало бы возложить или на свободную адвокатуру, или на администрацію, или на самоуправленіе, какъ то развито весьма обстоятельно въ новой брошюрѣ Кардорфа: Präfectur oder Selbstverwaltung. Berlin 1868».

Если наши преобразователи и задались, повидимому, весьма широкими планами, то съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что путь преобразованій облегчается постояннымъ развитіемъ общественныхъ отношеній. Объединеніе и сокращеніе дѣлъ въ вѣдомствахъ—справедливо говоритъ Летте—заключается главнымъ образомъ въ возможно большемъ ограниченіи бюрократической полипрагмазіи (многодѣланія) и связаннаго съ нею вмѣшательства въ личныя, семейныя и общественныя отношенія гражданъ. Еще недавно въ рукахъ ландратовъ и правленій находилась безполезная и вредная масса мельчайшихъ дѣлъ, которыя обусловливались отмѣненными теперь законами о цеховомъ устройствѣ ремеслъ, о барщинѣ и отлученіи отъ церкви, о переходѣ учениковъ отъ одного хозяина къ другому, объ евреяхъ, о дѣленіи страны на различные таможенные округа, о тарифахъ отдѣльныхъ провинцій, о паспортной системѣ и т. п. Но какое множество еще другихъ дѣлъ должно прекратиться при помощи успѣховъ политико-экономическихъ изслѣдованій, и съ распространеніемъ гражданской свободы! Пора уже уничтожить всѣ эти концессіи и диспенсаціи, контрольныя и опекунскія права!

Упомянувъ о ландратахъ, мнѣ нельзя не коснуться этого совершенно особаго, *прусскаго* учрежденія, и тѣмъ болѣе, что недавно

Digitized by Google

вышло особое сочиненіе объ этомъ предметѣ (Das Institut der Landräthe in Preussen. Historisch, juristisch und national-ökonomisch skizzirt. Berlin 1868, у книгопродавца Фридриха Корткампфа), авторъ котораго, Машеръ (Mascher), изложилъ свой предметъ во всѣхъ подробностяхъ. Подъ ландратомъ разумѣется высшій административный чиновникъ въ *округѣ* (Kreis), то-есть, въ низшей единицѣ или, говоря физіологическимъ языкомъ, въ клѣточкѣ правительственнаго организма. Дѣленіе государствъ на округа существуетъ въ дѣйствительности лишь съ 1815 года. Въ то время всю страну раздѣлили на 25 правительственныхъ областей (Bezirke), а эти послѣднія на одинъ исключительный округъ (Берлинъ) и на 322 ландратныхъ, изъ которыхъ шесть городскихъ, то-есть такіе города, которые составляютъ особые округа совокупно съ ихъ ближайшими окрестностями. Характеристическая особенность въ положеніи ландрата состоитъ въ томъ, что онъ, какъ слуга государства, какъ правительственный органъ, обязанъ исполнять всѣ требованія правительства, и что, съ другой стороны, по историческому значенію этой должности, долженъ служить посредникомъ между государствомъ и населеніемъ округа. Въ прежней Пруссіи ландратами назывались избиравшіеся мѣстными чинами (Stände) сочлены для взиманія налоговъ и веденія другихъ сословныхъ дѣлъ. Мало по малу эта должность обратилась въ чисто государственную, но такъ какъ лица, избиравшіяся въ нее по общему приговору мѣстныхъ чиновъ, изъ дворянъ-помѣщиковъ округа, отъ которыхъ требовался особый экзаменъ или доказанная опытность въ отправленіи какой-либо другой подобной должности, — то эти лица становились вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями тѣхъ чиновъ, изъ среды которыхъ они выходили. Такъ какъ должность ландрата есть въ нѣкоторой степени микрокозмъ государственнаго управленія, и требуетъ отъ своего исполнителя почти идеальнаго всевѣдѣнія, то уже въ прошломъ столѣтіи она сдѣлалась разсадникомъ для высшихъ гражданскихъ должностей, и ландраты призывались на мѣста предсѣдателей въ коллегіяхъ (то-есть правительственныхъ вѣдомствахъ), и даже во главу управленія — на мѣста министровъ. Не смотря на высокую важность своей должности, ландраты получали весьма скудное содержаніе, такъ что еще въ 1806 году оно не превышало 300 талеровъ, и должность ландрата была, слѣдовательно, скорѣе почетная, чѣмъ наемная. Образованіе этаго института въ Пруссіи состоялось въ то время, когда въ другихъ государствахъ управленіе находилось въ рукахъ юристовъ, воспитанныхъ на римскомъ правѣ, и вліянію которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать паденіе нѣмецкой имперіи. Всегда находились люди, зажиточные и независимые, которые не боялись принимать на себя трудныя и несносныя обязанности ландрата и которые, сверхъ того, обладали такими способностями, познаніями и здравымъ смысломъ,

Digitized by Google

что могли входить въ личныя дѣла жителей своего округа, и помогать имъ дѣломъ и словомъ. Это учрежденіе до того сильно укрѣпилось въ странѣ, что когда, въ 1812 году, либеральный государственный канцлеръ Гарденбергъ, преемникъ Штейна, задумалъ ввести новое окружно-общинное управленіе по французскому образцу, заключавшее въ себѣ весьма много хорошаго и проникнутое либеральнымъ духомъ, но которое отличалось вообще чисто бюрократическимъ характеромъ и ставило во главѣ округовъ государствомъ назначаемыхъ окружныхъ директоровъ, то его законъ встрѣтилъ въ обществѣ такія затрудненія, что не могъ осуществиться въ дѣйствительности. Во время французскихъ войнъ ландраты проявили много патріотизма и искусства въ управленіи, но высшей степени популярности достигли они въ промежуточный періодъ между окончаніемъ войны и революціею. Такъ какъ они сами должны обладать вотчиною (Rittergut) въ своемъ округѣ, то ихъ интересы сливаются отчасти съ интересами окружнаго населенія. Хорошо мѣстнымъ землевладѣльцамъ, хорошо и ландрату. Новое законодательство отмѣнило, существовавшее издавна, ограниченіе въ обладаніи вотчинными помѣстьями, что было исключительною привилегіею дворянскаго сословія, и распространило эту привилегію и на остальныхъ гражданъ, такъ что теперь ландраты могутъ быть и не изъ дворянъ, да они существуютъ и въ дѣйствительности. Когда революція 1848 года дала ходъ демократическому движенію, то противъ должности ландрата поднялась новая буря, такъ какъ въ глазахъ демократіи эта должность была дурна уже потому одному, что она отличается аристократическимъ и феодальнымъ характеромъ. Новѣйшая демократія требуетъ равенства. Если это отвлеченное понятіе довести до его послѣднихъ предѣловъ, то можно, конечно, и въ области государственныхъ наукъ достигнуть точности математической логики, но только при этой операціи тѣло лишится оживляющей его души и станетъ трупомъ, которое можетъ подлежать испытаніямъ подъ ножемъ анатоміи, но не поддастся законодательной мудрости государственнаго человѣка. Желая обратить должность ландрата въ чисто государственную, либерализмъ забылъ о томъ, что поземельная собственность — источникъ независимости. Въ независимости коренится свобода, которая не допуститъ себя ни до подчиненія сверху, ни до лести передъ чернью, которая и теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, кричитъ сегодня «Помоги ему, Богъ»!—а завтра: «Распни его!» Независимость, обусловливаемая имуществомъ, представляетъ за себя ту гарантію, что лицо, принимающее на себя почетную должность, не станетъ унижаться до жалкаго попрошайничества съ цѣлью пріобрѣсть лучшее жалованье или лучшее мѣсто, или раболѣпствовать передъ низшимъ и высшимъ, и не впадетъ, слѣдовательно, въ то состояніе грубости, праздности и безхарактерности, которое создаетъ политичес-

Digitized by Google

кихъ хамелеоновъ, не умѣющихъ держаться разъ принятаго положенія, но безпрестанно вращающихся то въ ту, то въ другую сторону, смотря по настроенію минуты, — а вѣдь въ такія колебанія впадаютъ часто весьма талантливые люди!

Революціонная буря не снесла учрежденія ландрата, но оно все-таки, по выраженію древняго поэта «угодило въ Сциллу, желая спастись отъ Харибды». Дисциплинарный законъ 21-го іюля 1852 года коснулся и ландратовъ, при чемъ всѣ ландраты получили отставку въ силу королевскаго приказа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый законъ поставилъ ландратовъ въ зависимость отъ всякой политической системы, господствующей въ министерствѣ, и превратилъ ихъ въ политическихъ чиновниковъ въ полномъ (французскомъ) значеніи этого слова. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что они подверглись недовѣрію со стороны тѣхъ жителей въ округѣ, которые придерживаются противныхъ министерской партіи политическихъ убѣжденій. Поэтому-то, со времени введенія обновленныхъ ландратовъ, между ними и окружнымъ населеніемъ никогда не прекращались безпрестанные раздоры, которые доходятъ теперь до крайнихъ предѣловъ раздраженія, такъ какъ ландраты постоянно агитируютъ въ пользу правительствъ, во время выборовъ въ палату депутатовъ, въ сѣверо-германскій парламентъ и т. п. Имѣя въ виду всѣ эти несообразности, Летте требуетъ, чтобы основаніемъ реформы окружнаго управленія, которая должна сохранить должность ландрата, служила мысль дать ландрату нейтр[illegible] и безпристрастное въ политическомъ отношеніи положеніе относи[illegible] окружныхъ жителей. Уже старые преподаватели государств[illegible] права въ Пруссіи высказывались въ пользу того, что «чинов[illegible] слѣдуетъ отказываться отъ своихъ религіозныхъ и политическихъ [illegible] деній передъ порогомъ своего департамента», а Штейнъ даже [illegible] вилъ, въ одной изъ инструкцій, данныхъ въ 1808 году всѣмъ правленіямъ, что «правленіе не должно унижать свои отношенія къ вѣрнымъ и честнымъ чиновникамъ до степени наемнаго контракта, или считать чиновниковъ прямо наемными людьми—что, напротивъ, оно должно помнить, что такъ какъ каждый чиновникъ обязанъ способствовать, смотря по должности, имъ занимаемой, охраненію и развитію общаго блага, то онъ есть членъ самой націи.»

Такія же прекрасныя мысли высказалъ недавно австрійскій министръ Гискра въ своемъ циркулярѣ къ намѣстникамъ и предсѣдателямъ земствъ (Landespräsidenten), которымъ онъ вмѣняетъ въ обязанность «уважать и оживлять, поддерживать, укрѣплять и вести къ успѣшнымъ результатамъ» автономію общинъ, основанную новымъ австрійскимъ закономъ. «Я признаю непростительнымъ поведеніе тѣхъ чиновниковъ,— говоритъ министръ въ другомъ мѣстѣ своего циркуляра—«которые примутъ завистливое или горделивое положеніе относительно органовъ

Digitized by Google

самоуправленія, и вмѣсто того, чтобы помогать имъ, станутъ подготовлять противъ нихъ разныя мелкія затрудненія. Государственный чиновникъ не долженъ полагать, что его авторитетъ сохраняется посредствомъ замкнутости и формализма. Это мнимый авторитетъ. Свое дѣйствительное достоинство чиновникъ можетъ сохранить и проявить лишь тогда, когда населеніе видитъ его работающимъ сообразно съ долгомъ службы и повиновеніемъ передъ закономъ, въ конституціонномъ духѣ. Понятны также всѣ требованія министра, когда онъ приказываетъ въ введеніи къ циркуляру: «наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, являющіяся съ просьбами въ правительственныя вѣдомства, получали удовлетвореніе по возможности безъ всякой напрасной траты времени. Въ этомъ отношеніи особенно указываю я на то нарушеніе долга службы, которое случалось нерѣдко прежде, когда чиновники или просто изъ собственнаго удобства, или строго придерживаясь должностного времени, даже въ исполнительной службѣ, безцеремонно обращались съ временемъ приходившихъ къ нимъ крестьянъ. Я нашелъ далѣе, что часто весьма простыя правительственныя дѣла ведутся съ излишнею щепетильностью, при чемъ обнаруживается много формализма. Публика, всякій разъ, когда она нуждается въ помощи департаментовъ, должна встрѣтить въ нихъ вѣжливое обращеніе и быстрое производство дѣлъ, и слѣдуетъ положить конецъ тому порядку вещей, при которомъ гражданинъ справедливо опасается прибѣгать къ помощи департаментовъ, несмотря на то, что онъ имѣетъ естественное право на эту помощь.»

Такъ говоритъ Гискра. Къ несчастію, самые благонамѣренные и превосходно написанные циркуляры не заключаютъ въ себѣ всего, что необходимо. Чтобы эти циркуляры перешли въ жизнь, нужна не только добрая воля и сочувствіе чиновниковъ, но также сознаніе своихъ собственныхъ правъ со стороны гражданъ, иначе граждане не поймутъ чиновниковъ, а чиновники не съумѣютъ принять приличнаго ихъ дѣятельности положенія въ государствѣ. Недавно въ Пруссіи былъ случай, который можетъ пояснить только-что сказанное;—случай этотъ оказалъ весьма глубокое впечатлѣніе на общество и заслуживаетъ названіе историческаго факта. Голова кенигсбергскаго купечества (эта должность, разумѣется, самоуправительная, почетная—безъ жалованья, каждая купеческая корпорація сама выбираетъ своего голову — Vorsteheramt) представилъ, какъ это дѣлается во всѣхъ корпораціяхъ этого рода, отчетъ о торговлѣ за 1867 годъ. Эти торговые отчеты даютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для полученія всѣхъ отраслей обмѣна. Кенигсбергскій голова коснулся въ своемъ отчетѣ и прошлогодняго голода восточной Пруссіи, при чемъ онъ жалуется на то, что правительственныя вѣдомства не обратили своевременнаго вниманія на его раннія предостереженія. Этотъ упрекъ палъ сперва, по извѣстному іерархическому порядку прусской администраціи, на оба мѣст-

Digitized by Google

ныя правленія, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ — на кенигсбергское и на гумбиненское, затѣмъ онъ коснулся оберъ-предсѣдателя всей провинціи восточной Пруссіи (такъ какъ онъ служитъ предсѣдателемъ администраціи и въ Кенигсбергѣ), и наконецъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ. Кенигсберское правленіе постаралось сложить съ себя вину, которую приписалъ ему голова, и утверждало, что оно нисколько не медлило своими мѣрами; оберъ-предсѣдатель, Эйхманнъ, просившійся уже прежде въ отставку по своей глубокой старости, тоже оправдывался весьма прилично; министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ защищать себя въ оффиціальныхъ органахъ. Все шло хорошо, и всѣ эти оправданія, тотчасъ обнародованныя и распространенныя газетами, были написаны въ вѣжливомъ тонѣ; одно лишь гумбиненское правленіе дозволило себѣ неприличныя выходки противъ купеческаго головы,— въ особомъ посланіи къ этому почтенному лицу правленіе обращается къ нему, точно учитель къ школьнику, и совѣтуетъ ему не вмѣшиваться ни въ какія дѣла, которыя до него не касаются. Голова не оставилъ этого посланія безъ отвѣта и высказалъ правленію такія вещи, о какихъ давно уже не говорили въ Пруссіи. Привожу здѣсь лишь слѣдующій отрывокъ изъ этого замѣчательнаго письма: «Королевское правленіе въ Гумбинненѣ—пишетъ голова—приняло въ своемъ посланіи такой тонъ, который живо напоминаетъ о томъ времени, когда ученіе объ ограниченности ума подданныхъ находилось въ полномъ цвѣтѣ, и когда всѣ, сидѣвшіе за зеленымъ столомъ, считали себя вполнѣ способными поучать и наставлять на путь истины. Но это время уже давно прошло, и если во внутреннемъ состояніи нашего государства и есть многое такое, что не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, мы достигли той истины, что непогрѣшимость правительственныхъ вѣдомствъ принадлежитъ къ истинамъ сомнительнымъ. Поэтому, мы откровенно объявляемъ королевскому правленію, что его посланіе, по нашему мнѣнію, не достигло своей цѣли ни по формѣ, ни по содержанію, что заключающіяся въ немъ попытки къ оправданію не касаются сущности дѣла, и что подробное перечисленіе его собственныхъ мѣръ доказываетъ лишь то, что правленіе дѣйствительно не знало ужасныхъ размѣровъ нужды.»

Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали, что за этимъ письмомъ послѣдуетъ что нибудь необыкновенное, но за нимъ ничего не послѣдовало, и только гумбиненское правленіе спокойно заявило, что оно не желаетъ продолжать споръ далѣе. Предсѣдатель правленія въ Гумбинненѣ, Маурахъ, получилъ потомъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ для поправленія здоровья, и полагаютъ, что онъ уже не вернется на свой прежній постъ. Для полной оцѣнки этого дѣла необходимо знать, впрочемъ, что правительственныя мѣста въ Восточной Пруссіи были дѣйствительно неправы, ибо теперь уже не можетъ быть

Digitized by Google

никакого сомнѣнія въ томъ, что они встрѣтили голодъ далеко не съ достаточною энергіею,—депутаты этой провинціи представляютъ, въ слѣдующемъ съѣздѣ прусскаго парламента, неопровержимые доказательства и документы противъ правительственныхъ властей.

Въ своей майской корреспонденціи, я писалъ вамъ о новомъ сочиненіи боннскаго профессора Гюффера: «Отношеніе Австріи и Пруссіи къ французской революціи» (Hüffer—Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution), въ которомъ есть попытка развить результатъ такъ называемыхъ «мало-нѣмецкихъ» (kleindeutschen) историческихъ изслѣдованій. Вліятельная историческая школа, въ рядахъ которой считаются такіе люди, какъ покойный Гейссеръ (Häusser), преждевременно сошедшій въ могилу, и Генрихъ Зибель (Sybel), давно уже поставила себѣ цѣлью доказать, что, даже въ самые печальные періоды прусской исторіи прусскіе государственные люди никогда не отступались вполнѣ отъ національной идеи. Плодотворнѣйшею областью для споровъ этого рода являлось постоянно отношеніе обѣихъ крупныхъ нѣмецкихъ державъ къ французской революціи, при чемъ Базельскій миръ служилъ всегда, до послѣднихъ изслѣдованій Гейссера, несмываемымъ пятномъ прусской политики. Гейссеръ доказалъ тогда, что Пруссія дѣйствовала подъ давленіемъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Гюфферъ старался, напротивъ, оправдать Австрію (см. «Вѣстникъ Европы», іюнь, стр. 862). Гюфферу отвѣчалъ Зибель въ сочиненіи: «Австрія и Германія во время революціонной войны» (Oesterreich und Deutschland im Revolutionskrieg. Ergänzungsheft zur Geschichte der Revolutionszeit, 1789—95. Dusseldorf 1868). Весьма мягкое по своей формѣ сочиненіе Гюффера встрѣтило хорошій пріемъ даже со стороны національныхъ писателей въ Пруссіи, но Зибель не поддался уловкамъ Гюффера и, принявъ этотъ споръ горячо къ сердцу, обличилъ противника въ стремленіи возвеличить Австрію на счетъ Пруссіи. Вооружившись новыми историческими документами, Зибель доказываетъ теперь, что австрійскіе государственные люди того времени не разъ защищали въ словахъ общее національное дѣло, но они никогда не имѣли къ нему серьознаго сочувствія, и что, напротивъ, они предавали «имперію» (Reich) весьма хладнокровно. Переговоры, которые привели къ кампоформійскому миру, извѣстны въ своихъ главныхъ чертахъ. Австрія обезпечивала за собою прежде всего извѣстныя пріобрѣтенія и округленія въ Адріатическомъ морѣ, и обѣщала за то содѣйствовать присоединенію къ Франціи нѣкоторой части лѣваго берега Рейна. Австрія, въ этомъ случаѣ, трудилась въ своихъ исключительныхъ интересахъ, но, тѣмъ не менѣе, старалась придать дѣлу такой видъ, какъ будто она хлопочетъ объ интересахъ

Digitized by Google

нѣмецкаго государства. Она изъявляла желаніе поэтому, во время предварительныхъ переговоровъ, принять на себя обязанность, если Франція не примирится съ Германіею, выдвинуть свой контингентъ, но участвовать въ войнѣ онъ не хотѣлъ. Зибель вынесъ, сверхъ того, на свѣтъ до сихъ поръ никому неизвѣстную инструкцію австрійскаго министра Тугута, въ которой этотъ послѣдній, съ изумительною наивностью, высказываетъ, между прочимъ, такія вещи: «Но при редакціи такого договора, уполномоченные должны стараться придать ей такой оборотъ рѣчи, *чтобы* казалось, что Австрія *не только не оставляетъ имперію на произволъ судьбы*, но напротивъ, какъ бы даетъ новое доказательство своей вѣрности и своей точности въ исполненіи своихъ государственныхъ обязанностей».

Какъ бы то нибыло, всѣ эти разоблаченія не только не весьма назидательны, но, къ несчастію, и не поучительны вовсе, такъ какъ до сихъ поръ все еще нѣтъ никакого дѣйствительнаго средства подвесть дипломатію подъ надзоръ общественнаго мнѣнія; этотъ недостатокъ не замѣчается только тогда, когда подобные грѣхи становятся рѣшительно невозможными, благодаря сильно развитому національному чувству въ государствѣ. Въ Австріи подобное національное чувство никогда не существовало.

Въ беллетристической литературѣ я могъ бы указать на одну важную новость, но она уже перестала быть новостью для читателей «Вѣстника Европы,» такъ какъ они знаютъ о ней столько уже, сколько и я; я говорю о новомъ романѣ Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ», который, по увѣреніямъ всѣхъ, кто уже прочелъ его, есть самое лучшее произведеніе этого сочинителя сельскихъ разсказовъ. Судя по первымъ напечатаннымъ главамъ, онъ обѣщаетъ быть произведеніемъ весьма интереснымъ, богатымъ по содержанію, и касающимся высшихъ вопросовъ. Въ Германіи, этотъ романъ печатается сперва въ вѣнской газетѣ »Presse», которая пріобрѣла его за неслыханный въ Германіи гонорарій въ 12,000 талеровъ. Предшествовавшій романъ Ауэрбаха: «На высотѣ» былъ обнародованъ сперва тоже въ вѣнской газетѣ: «Neue Freie Presse», и принесъ ей такую значительную пользу, что во время печатанія его газета расходилась въ 15 тысячахъ экземплярахъ. Нынѣшній разъ редакція не сошлась съ авторомъ, и обѣ соперничествующія газеты даже обмѣнялись полемическими ударами по этому поводу. Газета «Presse», объявившая о своемъ пріобрѣтеніи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, не могла удержаться отъ нѣсколькихъ горделивыхъ замѣчаній относительно того, что Ауэрбахъ предпочелъ ее всѣмъ другимъ. «Neue Freie Presse», съ своей стороны, воздержалась отъ прямыхъ нападеній на Ауэрбаха, и утверждала только, что печатавшійся на ея столбцахъ романъ Шпильгагена: «In Reih' und Glied» понравился ея читателямъ гораздо лучше ауэрбаховскаго романа: «Auf der Höhe»

Digitized by Google

(На высотѣ), и что она, поэтому, и теперь украситъ столбцы своего фельетона новымъ романомъ Шпильгагена. Я далеко не сомнѣваюсь въ великомъ талантѣ Шпильгагена. Въ его «Загадочныхъ натурахъ» (Problematische Naturen) и «In Reih' und Glied», онъ берется за такія задачи, которыя ставятъ передъ всякимъ мыслящимъ человѣкомъ современное развитіе жизни. Онъ глубокій мыслитель, отлично образованъ, обладаетъ могучею фантазіею, которая придаетъ его романамъ высокій матеріяльный интересъ, онъ превосходный стилистъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ауэрбахъ превосходитъ его по силѣ поэтическаго духа, то есть, именно тѣмъ, что дѣлаетъ поэта. Поэтическій геній есть, правда, нѣчто неизмѣримое, но тѣмъ не менѣе онъ реаленъ. Самъ Шпильгагенъ высказался объ этомъ предметѣ въ своемъ превосходномъ очеркѣ о Гомерѣ, во второмъ только что появившемся томѣ его «Разныхъ сочиненій» («Vermischte Schriften», Berlin, у Отто Янке), нѣсколько дѣльныхъ мыслей. Изобразивъ вліяніе Гомера на міръ впродолженіи трехъ тысячелѣтій, которое прерывалось лишь во времена варварства, и указавъ на вновь оживленное почитаніе Гомера въ блестящій періодъ нѣмецкой литературы, слѣдовавшій за періодомъ безвкусія,—на почитаніе, которое оказывали пѣвцу Иліады и Одиссеи Гете и Шиллеръ, Шпильгагенъ старается приковать вниманіе читателя къ тому обстоятельству, что среди изумленія передъ поэтомъ древности выплываетъ наружу и чувство разочарованія, такъ какъ всѣ попытки подражать Гомеру показали только, что онъ неподражаемъ. Отчего это — спрашивали себя его почитатели и особенно Гете, — отчего къ этому древнему пѣвцу, при всемъ его величіи, нельзя даже приблизиться? каждая индивидуальная величина должна же подлежать какому-нибудь измѣренію, отчего же въ этомъ случаѣ, какъ бы мы ни прицаравливались, мы постоянно попадаемъ въ нѣчто недостижимое, неизмѣримое, безконечное? Эти проблемы, неразрѣшенныя для поэтовъ, рѣшены однако въ кабинетѣ филолога. Фридрихъ Августъ Вольфъ (Wolff) не наслаждался Гомеромъ, подобно Гете, сидя на берегу Сициліи, однако онъ понялъ «что этотъ несравненный пѣвецъ, царь всѣхъ поэтовъ, былъ не кто иной, какъ самъ могущественный народъ, воспѣтый въ пѣснѣ. Такъ-то наконецъ (предоставляю вести рѣчь самому Шпильгагену, который въ политическомъ отношеніи придерживался демократическихъ убѣжденій) объяснилось чудо; теперь наконецъ узнали, почему, измѣряя эту величину масштабомъ индивидуальной силы отдѣльнаго поэта, приходили къ тому заключенію, что эта величина просто неизмѣримая, теперь наконецъ поняли прежде непонятное. Поняли безконечное богатство словъ, неизмѣримую сокровищницу языка, собранныя въ гомеровыхъ сочиненіяхъ, и въ сравненіи съ которыми запасъ одного индивидуальнаго поэтическаго генія, будь онъ даже искуснѣйшимъ мастеромъ въ употребленіи и знаніи языка, оказывается

Digitized by Google

крайне скуднымъ. Понятнымъ становилось это изобиліе величественныхъ и прелестнѣйшихъ изобрѣтеній, когда припомнили, что въ немъ проявилъ себя цѣлый народъ, богатый духомъ и фантазіею. Понятною стала прежде всего та безусловная точность, съ какою предстаютъ передъ насъ тѣ образы, о которыхъ нельзя сказать (какъ о герояхъ нашихъ сказокъ), что они изобрѣтены, ибо они суть не что иное, какъ идеальные представители народа, облеченные самимъ же народомъ этою идеальною миссіею».

Отъ древнѣйшаго эпическаго поэта перейду разомъ къ новѣйшему, Германну Линггу (Lingg), который составилъ себѣ почетное имя своими лирическими стихотвореніями. Въ его широко задуманномъ эпосѣ: «Переселеніе народовъ» (Volkerwanderung), третья и послѣдняя часть котораго напечатана недавно на столбцахъ «Аугсбургской всеобщей газеты» (Ausburge Allgemeine Zeitung), Линггъ дошелъ до дѣйствительно тайнаго (такъ какъ публика все еще не поняла его) классика. Книгопродавецъ Котта (издающій Аугсбургскую газету) полагаетъ, вѣроятно, что если онъ можетъ издать Гете и Шиллера, то онъ можетъ и создать новаго классика, при чемъ онъ горячится не въ мѣру и иногда весьма комично, стараясь доказать въ своей газетѣ, что Линггъ дѣйствительно эпическій поэтъ. Легко понять, какъ жалки и безсильны подобныя усилія. Вообще говоря, Линггъ поэтъ весьма почтенный, но поэтъ рефлектирующій и романтическій, неспособный написать одной страницы, которая нашла бы отголосокъ въ народѣ. Что за дѣло нынѣшнему міру до переселенія народовъ? Что намъ за дѣло до той агоніи 4 или 5-ти столѣтій, впродолженіи которыхъ постоянно повторяются все однѣ и тѣ же ужасныя картины страданій, и на которыхъ только изрѣдка вырывается свѣтлый лучъ человѣческаго чувства? Можно изумляться *искусству* поэта, съумѣвшаго сдѣлать изъ подобной темы нѣчто сносное, можно изумляться смѣлымъ картинамъ, блестящимъ періодамъ, мастерскому употребленію языка, изящности пафоса, но вы остаетесь все-таки равнодушнымъ до глубины души.

Съ послѣднихъ дней августа, въ залахъ зданія здѣшней академіи открыта ежегодная художественная выставка, и все, что въ Берлинѣ имѣетъ претензію на образованіе, стремится теперь побывать въ академіи. Прежде всего очевидно, что всѣ жалобы на преобладаніе матеріалитическихъ интересовъ въ обществѣ не имѣютъ никакихъ основаній, хотя живопись—самое матеріальное изъ всѣхъ художествъ. Во всякомъ случаѣ, пріятно видѣть, какъ многочисленная публика выходитъ изъ пошлостей вседневной жизни и развиваетъ свой вкусъ въ самосозерцаніи и оживленныхъ преніяхъ. Всего важнѣе то, что любознательность, заявленная публикою, не ограничивается одними сло-

Digitized by Google

вами, и это очевидно не только потому, что многія картины присланы на выставку изъ частныхъ галлерей, но и потому еще, что въ короткій промежутокъ времени со дня открытія выставки уже продано значительное число картинъ. Съ давнихъ поръ проявляютъ здѣшніе богатые бюргеры нѣкоторое рвеніе поддержать искусство, и это рвеніе принесло не малую пользу нашимъ художникамъ. Есть много частныхъ лицъ (купцовъ, банкировъ, фабрикантовъ), обладающихъ весьма порядочными картинными галлереями. Почти каждое богатое семейство считаетъ необходимымъ, по своему положенію въ обществѣ, пріобрѣсти хотя нѣсколько хорошихъ картинъ, что обходится въ нѣсколько тысячъ талеровъ. Если бы такое же (приблизительно) значеніе придавали хорошей библіотекѣ, то и писатели могли бы улучшить свое положеніе, хотя и теперь имъ жаловаться нечего, такъ какъ при возрастающемъ нынѣ значеніи фельетоновъ запросъ на романы почти преувеличиваетъ предложеніе.

По общему приговору, нынѣшняя выставка одна изъ лучшихъ, какія когда-либо бывали въ Берлинѣ, какъ по среднему уровню достоинства картинъ, такъ и по сравнительному числу замѣчательныхъ произведеній. Большихъ историческихъ картинъ мало, и нѣкотораго вниманія заслуживаютъ лишь тѣ, которыя имѣютъ предметомъ эпизоды изъ прусской исторіи. Семилѣтняя война остается и теперь героическою эпохою пруссаковъ, а Фридрихъ Великій — ихъ національнымъ героемъ. Въ нынѣшній разъ эпоха Фридриха послужила только для двухъ замѣчательныхъ художниковъ, Оскара Бегаса и Кампгаузена. Кампгаузенъ представляетъ Фридриха Великаго подлѣ трупа фельдмаршала Шверина, послѣ битвы въ монастырѣ Маргариты близъ Праги. Техника—мастерская, но фигура короля нѣсколько мала, и выраженіе лица недостаточно характеристично. Въ этомъ отношеніи побѣда остается за Оскаромъ Бегасомъ. По окончаніи семилѣтней войны король поѣхалъ, до пріѣзда въ столицу, въ Шарлоттенбургъ, гдѣ онъ приказалъ исполнить въ дворцовой капеллѣ «Te Deum» (Тебе Бога хвалимъ) Грауна, которую и прослушалъ самъ одинъ. Король изображенъ на картинѣ въ настоящую величину, сидящимъ на стулѣ; дѣйствіе обозначено изображеніемъ мѣста и двухъ пѣвцовъ. Художнику удалось вложить въ лице короля такое выраженіе, что въ немъ дѣйствительно открываешь цѣлое море мыслей, которыя должны были волновать короля въ подобную минуту.

Блейбтрей (Bleibtreu) изобразилъ переходъ на Альзенъ, изъ шлезвигъ-гольштейнской войны, весьма живописно, съ прелестными эффектами красокъ, но вся картина состоитъ изъ жанровъ. Картины изъ прошлой войны всѣ на одинъ образецъ: король съ неизбѣжною свитою изъ Бисмарка, Роона и Мольтке, руку монарха цѣлующій офицеръ, и т. п., или встрѣча наслѣднаго принца съ принцомъ Фридрихъ-

Digitized by Google

Карломъ въ сраженіи подъ Кёнигстрецомъ — невозможности вѣрная копія встрѣчи Блюхера съ Веллингтономъ въ день ватерлооской битвы, — вотъ всѣ сюжеты, намалеванные съ большими претензіями на достоинство и тщательною обстановкою, но вовсе не искусно.

Въ ландшафтной живописи, юная реалистическая школа, снабженная техникой въ совершенствѣ, пріобрѣла множество поклонниковъ. Блестящій представитель ея, Карлъ Шерресъ, изображаетъ сѣверные ландшафты въ такомъ стилѣ, который всего лучше опредѣляется, если мы скажемъ, что онъ даетъ намъ, по своей вѣрности и гладкости, *изображеніе природы въ зеркалѣ*. Часть глинистой улицы въ деревнѣ, въ которой каждый конскій слѣдъ продавилъ лужу, и каждое проѣхавшее колесо образовало полосу, лучъ, въ которомъ блестятъ дождевыя капли, густыя, мрачныя тучи, непремѣнно крестьянская изба, прудъ съ утками—вотъ его любимыя изображенія, которыя онъ исполняетъ съ изумительною вѣрностью и очаровательностью. Эдуардъ Гильдебрандъ, составляющій прямую противоположность реалистамъ, главное достоинство которыхъ заключается *въ настроеніи*, дѣйствуетъ на васъ красками; и нынѣшній разъ онъ далъ намъ нѣсколько смѣлыхъ очерковъ. Кромѣ двухъ картинъ, вся сила которыхъ заключается въ солнечномъ свѣтѣ, распространенномъ по всему ландшафту столь блестящими лучами, что трудно представить себѣ, откуда взялись краски на изображеніе ихъ,— Гильдебрандъ доставилъ еще картину: «Crossing the line», которая вся почти основана на эффектѣ красокъ. Онъ изображаетъ часть дальняго моря, почти безъ неба; въ срединѣ совершенно незначительный корабль съ тонкою мачтою и бѣлыми парусами, которыя блестятъ отъ солнечнаго свѣта такимъ же живымъ цвѣтомъ, какъ и бѣлая пѣна гребней высокихъ, ультра-марино-голубыхъ волнъ. Эти волны изображены синѣйшими изъ синихъ, и не смотря на то художникъ успѣлъ-таки представить и прозрачность воды. Нужно видѣть эту картину, чтобы вполнѣ оцѣнить ея техническую отдѣлку, которая, по мнѣнію многихъ, является самою вопіющею погрѣшностью противъ рутинныхъ требованій искусства.

Предметомъ оживленныхъ споровъ служитъ также картина Геннеберга (Henneberg): «Погоня за счастьемъ». Къ какому бы окончательному результату ни пришолъ критикъ-спеціалистъ объ этой картинѣ, самъ критикъ пріобрѣтетъ, по всей вѣроятности, всемірную извѣстность. Юноша, въ средневѣковой одеждѣ, далъ шпоры фыркающему подъ нимъ коню и мчится черезъ мостъ; при въѣздѣ на мостъ лежитъ женщина, которая, вѣроятно, раздавлена юношею, и черезъ которую онъ безпощадно промчался. Въ дикой скачкѣ, съ него слетѣла шапка, правая рука его вытянута далеко впередъ, и онъ, кажется, вотъ-вотъ захватитъ волшебное видѣніе, передъ нимъ парящее, но подъ передними ногами коня разобранъ мостъ и всадникъ летитъ,

Digitized by Google

безъ всякой надежды на спасеніе, въ зіяющую пропасть, а смерть, несущаяся возлѣ охотника за счастьемъ, радуется уже, оскаливъ зубы, новой добычѣ. О художественномъ произведеніи этой аллегоріи можно спорить сколько угодно, но если художникъ оказываетъ на людей такое сильное впечатлѣніе, какое производитъ здѣсь его картина, то ему нечего заботиться объ эстетическихъ категоріяхъ, посредствомъ которыхъ желаютъ отнять у его таланта право на жизнь и на дѣятельность.

Во внутренней политикѣ не произошло ничего особенно замѣчательнаго. Король почти безпрерывно разъѣзжалъ по государству, дѣлая смотры въ новыхъ провинціяхъ, министры перебывали въ отпускѣ. Всѣ готовятся уже къ будущимъ занятіямъ въ парламентѣ. Ходъ ихъ опредѣлится всего вѣрнѣе и очевиднѣе тѣмъ положеніемъ, которое приметъ правительство относительно либеральной партіи въ ея рѣзкихъ и, нельзя сказать, чтобы неудачныхъ нападкахъ на обоихъ министровъ, составляющихъ крайнюю правую сторону въ кабинетѣ: графа Эйленбурга, министра внутреннихъ дѣлъ, и Мюллера, министра народнаго просвѣщенія. Самъ графъ Бисмаркъ желаетъ, вѣроятно, удаленія обоихъ министровъ, но король питаетъ слишкомъ большое уваженіе къ этимъ лицамъ, сослужившимъ ему хорошую службу въ самыя тяжкія времена конституціонной борьбы, и ему трудно будетъ рѣшиться, безъ особенной крайней необходимости, дать имъ отставку.

Въ слѣдующемъ письмѣ, мнѣ, по всей вѣроятности, уже придется говорить о томъ, въ какую сторону рѣшительно повернулся этотъ министерскій вопросъ, останется-ли министерство о двухъ душахъ: одной либеральной, которая воплощается въ графѣ Бисмаркѣ, и другой реакціонерной, представителями которой служатъ выше упомянутые два министра, или всѣ члены министерства будутъ имѣть только одно сердце и одну душу. Пророчить то или другое я не стану, ибо я не желаю, чтобы ко мнѣ примѣнили латинскую пословицу:

Si tacuisses, philosophus mansisses!

К.

Digitized by Google

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Въ сокровищницѣ нашей народной ходячей мудрости, есть оригинальная поговорка: «Мягко стелетъ,—да жестко спать». Мы увѣрены, что даже Вл. В. Стасову не удалось бы разложить этотъ элементъ нашей народной практической философіи, въ той критической ретортѣ, жáра которой не выдержалъ самъ Илья Муромецъ. «Мягко стелетъ—да жестко спать»—мысль совершенно самобытная, продуктъ нашихъ мѣстныхъ, почвенныхъ свойствъ, и мы надѣемся, что г. Орестъ Миллеръ, обрушившійся Аяксомъ I-мъ на редакцію нашего журнала за напечатаніе труда В. В. Стасова о русскихъ былинахъ,—проститъ ее за то, что теперь эта же редакція позволяетъ мнѣ принять на себя защиту народности вышеупомянутой поговорки. Моя защита основывается на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною надъ ходомъ реформъ у насъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей.

Возьмите примѣръ любой страны, въ которой вводится какая-нибудь важная реформа; что же вы видите? Вы видите, что партія, которой интересамъ угрожаетъ реформа, дѣйствительно всѣми силами противится ея введенію, отрицаетъ не только ея пользу, но и ея возможность. При этомъ, каждый изъ противниковъ реформы не только не стыдится своего нерасположенія къ ней, но, напротивъ, гордится имъ и громко провозглашаетъ его всегда и вездѣ, въ собраніяхъ своей партіи, на митингахъ, или въ одиночку, въ преніяхъ домашнихъ—все равно. Наконецъ, реформа проходитъ. Тогда партія побѣжденная покоряется, потому именно, что всякія дальнѣйшія попытки противъ совершившагося факта становятся безнадежными. Дѣло въ томъ, что осуществленіе реформы стоило слишкомъ большой борьбы, чтобы можно было надѣяться передѣлать сдѣланное; партія побѣдившая, которой успѣхъ достался плодомъ отчаянныхъ и долговременныхъ усилій, зорко блюдетъ за своимъ дѣломъ и не выпуститъ его изъ рукъ. Обмануть ее нѣтъ возможности, уговорить ее или испугать—нечего и думать, потому что всѣ эти средства были уже истощены въ предварительной борьбѣ.

Такимъ образомъ, въ Англіи, тори сдѣлали въ свое время все, что могли, чтобы воспрепятствовать пилевской отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ.

Digitized by Google

Но съ тѣхъ поръ, какъ она прошла, слыхалъ ли кто-нибудь о попыткахъ съ торійской стороны къ уничтоженію этого дѣла на практикѣ, посредствомъ введенія ряда ограничительныхъ мѣръ? Напротивъ, тори даже открыто заявили, что отказываются отъ своего экономическаго знамени. Съ пораженіемъ протекціонизма *исчезла партія* протекціонистовъ.

Тори сдѣлали въ свое время все, что могли противъ парламентской реформы, предложенной Греемъ и Росселемъ. Но когда реформа эта была проведена, заявили ли они когда-нибудь, хотя бы намѣреніе, предложить рядъ такихъ дополненій, которые на практикѣ уничтожили бы смыслъ реформы? Нѣтъ. При обсужденіи послѣдней парламентской реформы, Дизраэли уступалъ шагъ за шагомъ, весь проектъ его былъ въ сущности не что иное, какъ отсрочка на неопредѣленное время всякаго сколько-нибудь значительнаго расширенія избирательнаго права. Когда у него стали вызывать уступку за уступкой, онъ всячески старался ограничить практическое значеніе этихъ уступокъ. Когда же, наконецъ, все это неудалось—онъ самъ сталъ приводить въ исполненіе то, чего онъ не хотѣлъ сдѣлать, но что его сдѣлать заставили. Подите теперь въ Англію и спросите у любого шопкипера, не замышляютъ ли лорды — торійской партіи, какъ нибудь исковеркать на дѣлѣ великую реформу, которая вошла въ законодательство и входитъ въ жизнь? Шопкиперъ засмѣется.

О революціонныхъ перемѣнахъ правленія, мы не говоримъ; тутъ остается всегда партія враждебная самому государству, даже и въ новой его формѣ.

Въ нашихъ реформахъ мы замѣчаемъ нѣчто своеобразное: «мягко стлать» всѣ любятъ; кого ни спроси, особенно если спросить при свидѣтеляхъ, въ собраніи, всѣ выражаютъ убѣжденіе, что слѣдуетъ «стлать мягко», потому что того требуетъ гуманность. У насъ — всѣ либералы; это одна изъ нашихъ бѣдъ; сами чиновники, чѣмъ суровѣе родъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, тѣмъ представляются либеральнѣе. У насъ бывали даже такіе случаи: одинъ изъ прежнихъ нашихъ министровъ финансовъ славился либеральными выходками насчетъ министерства военнаго; одинъ изъ прежнихъ морскихъ министровъ сочинилъ нѣсколько, извѣстныхъ всей Россіи, весьма либеральныхъ остротъ на счетъ предпріятій вѣдомства путей сообщенія, и т. д. въ безконечность. Заграницею, оффиціальный органъ нашего военнаго министерства считается и теперь чисто-радикальною газетой. Даже жандармъ, который везъ г. Кельсіева въ Петербургъ, проповѣдывалъ по дорогѣ столь либеральныя начала, что самъ г. Кельсіевъ не мало отъ него позаимствовался.

Что касается сословія землевладѣльцевъ, — то они — рѣшительно

Digitized by Google

всѣ либералы, потому что они именно, какъ извѣстно, представляютъ просвѣщенное сословіе.

Въ Россіи есть *только два человѣка*, которые были достаточно смѣлы, чтобы открыто объявить себя не-либералами; это гг. Скарятинъ и Аскоченскій. Оба они въ послѣднее время пострадали за твердость своихъ убѣжденій. Г. Аскоченскій, проповѣдующій совершенно логично «дьявольскую идею», пострадалъ потому, что у насъ даже миссіонеры захотѣли быть либеральны (въ смыслѣ libéralisme и въ смыслѣ libéralité).

Г. Скарятинъ пострадалъ потому, что смоленское сословіе землевладѣльцевъ хотѣло показать себя просвѣщеннымъ сословіемъ, показать свой либерализмъ. Вмѣсто того чтобы накормить обѣдами голодающихъ крестьянъ порѣчьскаго уѣзда, гг. смоляне предпочли не дать г. Скарятину пообѣдать спокойно. Послѣднее легче.

О, дайте намъ консерваторовъ, отчаянныхъ, неуступчивыхъ, но искреннихъ консерваторовъ. Такихъ, которые не «мямлили» бы либерально при введеніи реформы, но зато послѣ не подставляли бы ей ножку, такихъ, которые не хвалили бы калачъ, когда его только что показываютъ, но зато послѣ уже не пѣли бы на всѣ лады Донъ-Базиліо — сперва piano piano, terra a terra, и потомъ qual terribile tempesta, come un colpo di cannone — что калачъ этотъ испеченъ-молъ изъ такой муки, которая въ Боровичахъ «пріобрѣталась» для голодающихъ, и что калачъ этотъ необходимо подвергнуть на пересмотръ медицинскаго совѣта.

Дайте намъ консерваторовъ и возьмите въ обмѣнъ реакціонеровъ! Когда перестанутъ быть либералами *всѣ* въ Россіи, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ двухъ человѣкъ, можно будетъ сказать, есть ли у насъ либералы.

«Но» — скажутъ намъ — «будто крестьянская реформа прошла у насъ безъ сопротивленія, будто консервативные элементы не заявили себя во время самаго составленія проекта?» Хорошо, очень хорошо, отвѣтимъ мы; но нерасположеніе проявилось безконечно слабѣе, чѣмъ оно чувствовалось въ дѣйствительности. Желчь не была выкинута, потому именно, что это считалось не либеральнымъ; она только разлилась, а потому и дѣйствуетъ до сихъ поръ; до сихъ поръ лелѣются реакціонныя мечтанія.

Когда обнародована была судебная реформа, всѣ въ одинъ голосъ только расхваливали принципъ самостоятельности суда, принципъ общественной совѣсти въ присяжныхъ, принципъ гласности судопроизводства. Это нисколько не мѣшаетъ тому, что въ настоящее время какъ только состоится судебное рѣшеніе, которое сколько-нибудь подлежитъ оспариванію, тотчасъ раздается знаменитый концертъ la calunnia.

Digitized by Google

Послѣ памятнаго дѣла о Протопоповѣ, нанесшемъ обиду своему начальнику, «черный хоръ» этихъ maestri di musica disciplinaria начиналъ уже

Prender forza a poco, a poco
Scorrer già in ogni loco.

Усиленіе тона съ тѣхъ поръ продолжалось непрерывно, и хотя до завѣтнаго colpo di cannone еще не дошло, но очевидно идетъ къ нему.

А colpo di cannone состоялъ бы въ томъ, чтобы «институтъ присяжныхъ» если не отмѣнить совершенно, то прировнять его въ правахъ и преимуществахъ съ какими нибудь другими институтами, напримѣръ съ институтомъ слѣпыхъ, или съ институтомъ глухонѣмыхъ. Выборъ не труденъ и за справками ходить не далеко. Первый помѣщается, по сосѣдству, на Литейной, не далеко отъ судебной палаты; второй — ближе къ кассаціонному департаменту.

«Черный хоръ» въ послѣдніе дни не преминулъ возопіять по поводу двухъ судебныхъ рѣшеній: по дѣлу г. Бильбасова, въ Петербургѣ, и по дѣлу г. Колзакова, въ Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ эти два дѣла сопоставляютъ и выводятъ изъ сопоставленія разныя необходимости, которыхъ сущность состоитъ въ томъ чтобы «на мягкой постели да было жестко спать». Ихъ сопоставляютъ не потому, чтобы полное оправданіе г. Бильбасова и строгое осужденіе полковника Колзакова были удивительны въ равной степени, но именно для того только, чтобы сказать за тѣмъ: что же это такое, *наконецъ?!*

Полное оправданіе г. Бильбасова удивило многихъ; онъ самъ былъ удивленъ и бросился обнимать своего защитника, хотя едва ли можно сказать, что защита г. Лохвицкаго была ловче, если позволено такъ выразиться—самыхъ обстоятельствъ этого дѣла. Что самъ г. Бильбасовъ—юристъ очень талантливый, объ этомъ даже г. прокуроръ счелъ нужнымъ упомянуть въ своей рѣчи. Что касается таланта г. Лохвицкаго, то онъ обнаружился во всемъ блескѣ. Изъ такихъ слабыхъ доводовъ, какіе имѣлись въ дѣлѣ, создать полный успѣхъ — для этого нужно имѣть больше чѣмъ адвокатскія способности, нужно имѣть въ нѣкоторомъ родѣ стратегическій геній. Матеріялъ, предлежавшій защитѣ былъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно слабъ. Показаніе двухъ свидѣтелей, что Дмоховскій не передавалъ Бильбасову нѣсколькихъ документовъ у Доминика, когда имѣлись въ виду согласныя показанія противъ Бильбасова десятка лицъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло — вотъ сильнѣйшій изъ этихъ слабыхъ доводовъ.

Оспариваніе того обстоятельства, что Бильбасовъ дѣйствительно велъ переговоры о возвращеніи г-жи Засѣцкой всего долга князя Гагарина, когда самъ князь Гагаринъ и его повѣренный съ одной стороны утверждали, что онъ велъ переговоры именно объ этомъ, и самъ подсудимый только замѣнилъ слово «переговоры» словомъ «разгово-

Digitized by Google

ры» — былъ также доводъ не особенно сильный. Прокуроръ, еслибы онъ былъ убѣжденъ въ виновности Бильбасова и въ такомъ убѣжденіи почерпалъ бы больше энергіи, чѣмъ сколько онъ выказалъ, могъ указать на то обстоятельство, что исходъ, какой далъ самъ г. Бильбасовъ дѣлу, намекая на возможность виновности г. Дмоховскаго, былъ исходъ совершенно неудовлетворительный. Люди двухъ сторонъ, люди имѣвшіе между собой даже денежныя затрудненія, князь Гагаринъ, графъ Шуваловъ, г-жа Засѣцкая, баронъ Меллеръ-Закомельскій, надзиратель Юнгъ и всѣ стоявшіе у г. Засѣцкой, за перегородкой, свидѣтели второго ея объясненія съ г. Бильбасовымъ, по поводу неполученія капитала,—сдѣлали такія показанія, которыя представляли нѣчто цѣльное и независимо отъ того, что могъ сдѣлать г. Дмоховскій. По этимъ показаніямъ двухъ сторонъ, между которыми стачка немыслима, можно было вывесть заключеніе, что дѣло шло именно о капиталѣ, что росписка полученная графомъ Шуваловымъ была та, которую ему показывалъ г. Бильбасовъ, росписка, которой ложность обнаружена, что г. Бильбасовъ объявилъ намѣреніе самъ лично заплатить г-жѣ Засѣцкой 30.000 рублей другими документами, и что стало быть....

Вотъ что толкуютъ иные. Но критикуя слабость рѣчи прокурора, всѣ признаютъ весьма талантливою защиту г. Лохвицкаго. Нельзя не замѣтить, что онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался тѣмъ поводомъ, который ему подалъ прокуроръ, признавъ самымъ существеннымъ пунктомъ въ дѣлѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли передалъ Дмоховскій документы Бильбасову. Обстоятельство это можетъ быть очень существенно для г. Дмоховскаго, такъ какъ если невиновность г. Бильбасова основать главнымъ образомъ на томъ, что г. Дмоховскій документовъ ему не передалъ, то тогда логика требуетъ обвиненія самого г. Дмоховскаго.

Но для дѣла, во всей его общности, фактъ передачи или не передачи документовъ Бильбасову у Доминика совсѣмъ не самый существенный вопросъ. Мы уже показали выше, что и безъ него достаточно было матеріяла. Ловкость г. Лохвицкаго въ томъ и состояла, что онъ тотчасъ воспользовался промахами обвиненія, которое признало *самымъ существеннымъ* именно тотъ, единственный во всемъ дѣлѣ фактъ, по которому Бильбасовъ имѣлъ за себя двоихъ свидѣтелей, а обвиненіе—ни одного, кромѣ Дмоховскаго, между тѣмъ, какъ по всѣмъ другимъ фактамъ, Бильбасовъ имѣлъ противъ себя многочисленныя свидѣтельства отъ лицъ самыхъ различныхъ по положенію, а въ свою пользу ни одного, кромѣ своего же кучера, да еще нѣсколькихъ разнорѣчій.

Правда, г. Лохвицкій, съ обычнымъ своимъ талантомъ, убѣждалъ присяжныхъ, что кучера всегда очень хорошо помнятъ тѣ мѣста, въ

Digitized by Google

которыя возятъ своихъ господъ. Но такъ какъ кучеръ, очевидно, барина своего помнитъ еще лучше, чѣмъ тѣ мѣста, въ какія онъ его возилъ, то этотъ аргументъ г. Лохвицкаго, какъ и всѣ прочіе его аргументы, *всѣ безъ исключенія*, кромѣ употребленія въ дѣло промаха прокурора, ничего не стоилъ.

Такъ какъ намъ пришлось говорить о г. Лохвицкомъ, то воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать замѣчаніе объ одной сторонѣ его краснорѣчія. Какъ извѣстно, во Франціи, откуда заимствованы наши судебныя учрежденія, адвокаты разбираютъ себѣ разныя спеціальности краснорѣчія. Есть адвокаты - спеціалисты цицероновскаго пафоса, есть адвокаты - спеціалисты юмора, есть адвокаты ругательные, которыхъ берутъ, чтобы на всякій случай «отдѣлать» противную сторону, каковъ бы ни былъ исходъ процесса. Въ процессахъ, какіе велъ до сихъ поръ г. Лохвицкій, обнаружилось, что талантливый докторъ юриспруденціи избралъ себѣ спеціальность юмора. Юморъ— вещь, имѣющая свои достоинства. Даже въ ученыхъ статьяхъ г. Лохвицкаго, напримѣръ, въ его полемикѣ съ К. Д. Кавелинымъ, юморъ составляетъ украшеніе, безъ котораго онѣ много потеряли бы. Но въ уголовномъ дѣлѣ, во всякомъ судебномъ дѣлѣ, юморъ едва ли имѣетъ цѣнность, едва ли даже всегда бываетъ умѣстенъ. Сверхъ того, адвокатъ юмористическій стоитъ на скользкомъ склонѣ къ тому довольно низкому мѣсту, какое занимаетъ адвокатъ ругательный. Когда г. Лохвицкій сказалъ: «присяжнымъ предстоитъ рѣшить, стóитъ ли физіономія Дмоховскаго того чтобы въ нее вглядываться... впрочемъ, это— дѣло вкуса», то онъ очень хорошо зналъ, что говоритъ пустяки, но быть можетъ не сознавалъ, куда можетъ увлечь адвоката подобная наклонность. Думаемъ оказать почтенному доктору услугу, предупреждая его объ опасности, которой онъ не видитъ.

О послѣднихъ словахъ подсудимаго мы говорить не будемъ; что онъ ссылался на жену и дѣтей, и на воскресный день, и напоминалъ присяжнымъ, что они не только присяжные, но въ сущности и судьи, все это конечно не имѣло юридическаго значенія, но могло тронуть присяжныхъ. Слово человѣка въ такомъ положеніи нельзя подвергать критикѣ. Замѣтимъ только, что всѣ были удивлены, почему г. прокуроръ не счелъ нужнымъ воспользоваться своимъ правомъ опровергнуть защиту и воздержался отъ возраженія. Впрочемъ, такъ какъ талантливая защита г. Лохвицкаго поколебала въ присяжныхъ увѣренность въ виновности г. Бильбасова (увѣренность эту они могли почерпнуть изъ прежняго приговора, которымъ Бильбасовъ былъ признанъ виновнымъ), то общество должно преклониться передъ ихъ рѣшеніемъ и принять ихъ приговоръ «нѣтъ, невиновенъ», въ томъ смыслѣ, въ какомъ его испрашивалъ самъ защитникъ, а именно: «Въ присяжныхъ должно явиться сомнѣніе въ виновности Бильбасова, а

Digitized by Google

при этомъ сомнѣніи, они непремѣнно обязаны отвѣчать отрицательно, признать Бильбасова невиновнымъ; дѣло это чрезвычайно темное, а законъ требуетъ отъ присяжныхъ, чтобъ они произносили обвинительный приговоръ только тогда, когда виновность подсудимаго представляется положительно доказанною».

Теперь спрашивается вотъ что: послѣ того, какъ Россія вѣка прожила подъ судомъ закрытымъ, послѣ того, какъ административный судъ, судъ безъ участія присяжныхъ, наполнялъ города и веси россійской имперіи лицами, оставленными въ сильномъ или сильнѣйшемъ подозрѣніи, можно ли возвышать голосъ противъ всего учрежденія присяжныхъ зато, что, не имѣя такого ресурса — оставлять въ подозрѣніи, — присужденные или осудить человѣка или освободить его отъ суда, они въ данномъ случаѣ не могли рѣшиться на первое, не повторили прежняго рѣшенія теперь, когда свидѣтельства, по прошествіи долгаго времени, уже не были такъ опредѣлительны, какъ въ первый разъ? Или лучше было при старомъ судѣ, когда виновные въ такомъ родѣ, въ какомъ представлялся г. Бильбасовъ, почти *всегда* ускользали отъ наказанія, а сверхъ того, въ иныхъ деревняхъ половина люда состояла «въ подозрѣніи», кто по обыкновенію въ поджогѣ, кто въ убійствѣ, кто въ пристанодержательствѣ, кто въ кражѣ?

А между тѣмъ, иные такъ *удивлены* исходомъ дѣла Бильбасова, что бросаютъ своимъ удивленіемъ, какъ булыжникомъ, въ самое учрежденіе присяжныхъ, до котораго мы — изволите-ли видѣть, еще не созрѣли.

Чему вы такъ удивляетесь, господа? Концу этого дѣла?! Право, въ немъ начало гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія, чѣмъ конецъ. Начало его состояло въ томъ, что князь Гагаринъ и графъ Шуваловъ сочли возможнымъ и справедливымъ торговаться о томъ, въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ дѣйствительно возвратить сумму занятую и опредѣленную въ заемныхъ письмахъ. Я занимаю у васъ деньги и по прошествіи нѣкотораго времени предлагаю вамъ понизить сумму моего вамъ долга. Вы конечно не согласитесь. Тогда я буду угрожать вамъ, что начну съ вами дѣло за лихвенные проценты, такъ какъ вы получали съ меня по 10%, что по буквѣ закона признается лихвою. Однимъ словомъ, я съ угрозами буду требовать, чтобы вы согласились получить менѣе, чѣмъ я обязался, менѣе чѣмъ показано въ цифрѣ, которую я подписалъ своей баронскою и кавалерскою подписью, а еще лучше — своимъ человѣческимъ именемъ?

А вѣдь самое дѣло возникло, по показанію Дмоховскаго, ходатая по дѣлу князя Гагарина, собственно изъ того, что князь признавалъ справедливымъ заплатить по заемнымъ письмамъ не 30.000 р., какъ слѣдовало, а 22.000 р. И такъ, вотъ получивъ 200 тысячъ рублей, и имѣя благое желаніе расплатиться съ долгами, можно предлагать 22 т.

Digitized by Google

вмѣсто 30 т., и склонять кредитора къ сдѣлкѣ угрозою начать съ нимъ дѣло о лихвѣ. И какая же это лихва: 10 процентовъ! Но пусть была лихва, пусть деньги въ дѣйствительности были выданы не всѣ (это бываетъ; не знаемъ какъ было тутъ), все-таки нельзя не признать страннымъ, когда лицо считаетъ необязательнымъ для себя исполненіе тѣхъ условій, на которыхъ оно *брало деньги*.

Даже говорили про угрозы, къ которымъ прибѣгнулъ г. Дмоховскій, конечно, не безъ вѣдома кн. Гагарина и гр. Шувалова. Вѣдь не могли же они думать, что безъ сильнаго *побужденія* можно склонить кого-нибудь получить меньше, чѣмъ слѣдуетъ, напримѣръ, 22 т. р. вмѣсто 30 т. р., или выкупныя свидѣтельства вмѣсто денегъ, т. е. 70 или 75 коп. за рубль.

Вотъ это удивительно въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь здѣсь, пожалуй, гораздо болѣе выказывается оригинальность нашихъ нравовъ, чѣмъ въ увольненіи человѣка отъ наказанія присяжными по недоказанности его виновности. Не присяжныхъ дѣло *доказывать* виновность, а потому и ропщите не на нихъ въ томъ или другомъ случаѣ, а на тѣхъ, кто не имѣетъ достаточно средствъ къ обвиненію.

Оригинальность нашихъ нравовъ, гораздо болѣе замѣчательная, выказывается въ процессѣ полковника Колзакова въ Москвѣ, по продажѣ негодныхъ лошадей. Здѣсь, совсѣмъ не то, что въ дѣлѣ Бильбасова: здѣсь сомнѣній въ виновности подсудимаго никакихъ нѣтъ. Что на растрекавшихся копытахъ лошадей были сдѣланы склепки—не подлежитъ сомнѣнію; что лошади къ ѣздѣ негодны — также сомнѣнію не подлежитъ. Менѣе всего подлежитъ сомнѣнію то, что за негодныхъ лошадей г. Колзаковъ получилъ деньги исправно. Здѣсь, въ противность бильбасовскому примѣру, даже кучеръ показывалъ противъ своего бывшаго господина, показывалъ, что склепки онъ самъ замазывалъ по приказанію барина.

Итакъ, чему же удивляться въ приговорѣ присяжныхъ, чѣмъ присяжные виноваты, въ комъ обнаруживается «незрѣлость нашего общества» въ присяжныхъ ли, которыя обманъ назвали мошенничествомъ или въ г. Колзаковѣ, который «искусно» продавалъ лошадей?

— Да помилуйте, послѣ этого всѣ *всадники*..... Тѣ-то и есть! Но неужели же привычки конной площади облагораживаются званіемъ всадниковъ? Неужели правда, что на лошади, въ особенности, «не обманешь не продашь»?

О милые кавалерскіе обычаи родной старины! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ осуждены исчезнуть? Неужели какіе-то присяжные и мировые судьи, gens de peu et de chicane, призваны истребить ту широкую развязность, которая на долги, на куплю и продажу смотритъ какъ на низкія детали, которыя нельзя же принимать á la lettre; въ кредиторѣ видитъ все еще Mr. Dimanche, и на продажу негод-

Digitized by Google

ныхъ, но благородныхъ животныхъ, честнымъ, но простымъ людямъ, какъ на честь, оказываемую послѣднимъ?

Не ясно ли, что необходимы *жертвы?* Не ясно ли, что изъ «мягкой постели» необходимо повыбить пухъ? А то вѣдь житья не будетъ иному кавалеру. И куда, къ какой безднѣ мы, такой дорогою, придемъ?! О, таинственные, грозные вопросы!

Между тѣмъ испанское временное правительство объявило народу что «порядокъ въ государствѣ долженъ быть созданъ на основаніи свободы религіи, свободы преподаванія, свободы печати и свободы сходокъ». Вотъ что значитъ растворить двери настежь: сколько вдругъ вопросовъ проскакиваетъ.

Да, у царствующаго вѣка въ прихожей толпится много просителей—вопросовъ. Но обыкновенно ихъ стараются впускать неиначе, какъ поодиначкѣ, и то только заслуженныхъ, такихъ, которымъ уже подписано рѣшеніе, и которые отъ перезрѣлости едва уже стоятъ на ногахъ. Въ прихожей тѣснота, ибо просители пропускаются въ залу ареопага съ осторожностью, а прибываютъ во множествѣ. Какая давка, какая суматоха происходитъ, когда какой-нибудь проситель помоложе, посильнѣе, проталкивается не въ очередь — трудно описать. Порою вся толпа начинаетъ ломиться въ дверь. Прорубить окно, и то уже считается великою перестройкою; представьте же какой эффектъ, когда настежь разверзается дверь, и прихожая, на дѣлѣ, упраздняется...

Испанское правительство въ своемъ манифестѣ многократно употребляетъ слово «свобода» не потому только, что bis repetita placent. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, большинство вопросовъ, не въ одной Испаніи, а повсемѣстно, просятъ именно о *свободѣ* чего-нибудь, Напр. о свободѣ торговли, о свободѣ Кандіи, о свободѣ пѣть русскія оперы безъ разрѣшенія г. Стелловскаго и т. д. Но въ числѣ ихъ есть такой вопросъ, который, въ сущности, всѣмъ имъ—голова: это вопросъ о свободѣ, о самой свободѣ.

Что такое свобода? Вопросъ это метафизическій, но интересный. Не намъ отвѣчать на него. Мы только указываемъ, что вотъ и онъ все еще дожидается въ прихожей философовъ-публицистовъ.

Вопросъ этотъ интересовалъ насъ еще въ дѣтствѣ. Въ то время, правда, изъ всѣхъ различныхъ видовъ свободы у насъ существовала только «свобода въ обращеніи» съ мужикомъ. Но само слово все-таки существовало.

— «Г. Б...., спросили мы своего учителя: что есть свобода?

— «А то, отвѣчалъ онъ, что не спрашивай пустяковъ».

Подвизаясь далѣе на поприщѣ знанія, мы въ учебникахъ не находили объясненія слову «свобода». Попадалось иногда выраженіе: «всѣ ужасы анархіи»; но это, думалось намъ, конечно не то. «Всѣ ужасы анархіи», какъ мы видѣли изъ учебника исторіи, происходятъ тогда,

Digitized by Google

когда какое-нибудь обидчивое правительство, желая наказать непослушный народъ, возьметъ да уѣдетъ; тогда народъ остается на жертву всѣмъ ужасамъ анархіи.

Но свобода, казалось намъ, Богъ знаетъ почему, должно быть скорѣе что-нибудь хорошее, выпадающее человѣчеству не въ наказаніе, а совсѣмъ напротивъ. Вотъ, если народъ ведетъ себя дурно, бываетъ непочтителенъ, тогда приходятъ на него «бичъ божій», или всѣ ужасы анархіи. Ну, а когда народъ постоянно ведетъ себя хорошо, постоянно бываетъ почтителенъ, тогда что? Быть можетъ тогда-то онъ получаетъ эту таинственную вещь, свободу, съ надписью: «за благонравіе».

Но ребяческія догадки исчезли впослѣдствіи, въ жизни. И слово свобода утеряло для насъ свою таинственность, хотя все еще заключаетъ въ себѣ что-то такое, отчасти электрическое, отчасти неопредѣленное. Слово свобода весьма часто попадалось намъ въ программахъ партій и газетныхъ разсужденіяхъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь свобода не являлась одна, спокойная, величественно-задумчивая, въ томъ видѣ, какъ люди бываютъ у фотографовъ. Напротивъ, она постоянно суетилась и играла. Такъ, она играла въ чехарду съ порядкомъ: то «порядокъ, основанный на свободѣ», то «свобода, основанная на порядкѣ». Или она играла въ прятки со своеволіемъ: «свобода не есть своеволіе, тю-тю!» «своеволіе—не есть свобода; тю-тю!»

А потому мы отъ всей души были признательны г. Градовскому, благодаря которому вопросъ о свободѣ, о самой сущности свободы, наконецъ, былъ поставленъ на самомъ жертвенникѣ науки, на торжественной каѳедрѣ изъ краснаго дерева, въ большой залѣ университета.

Предметомъ диссертаціи докторанта былъ собственно «уѣздъ московскаго государства». Казалось бы, такой предметъ не необходимо наводитъ на мысли о сущности свободы. Но г. Градовскій возбудилъ его въ своей книгѣ, очевидно, изъ желанія послужить обществу. Г. Градовскій, какъ видно, изъ возникшей впослѣдствіи переписки—человѣкъ обидчивый. Но на насъ онъ не посѣтуетъ; мы выпишемъ его опредѣленіе буквально: «Слово *свобода* означаетъ *или* независимость лица отъ государства въ сферѣ его индивидуальной дѣятельности, *или* участіе гражданъ въ государственномъ управленіи». Еслибы здѣсь стоялъ просто союзъ *и*, вмѣсто *или... или*, то опредѣленіе было бы совершенно ясно, и никакого недоразумѣнія не могло бы произойти. Еслибы г. Градовскій сказалъ: «независимость лица.... *и* участіе гражданъ...», то во-первыхъ мы имѣли бы опредѣленіе свободы, во-вторыхъ, знали бы, какого принципа держится въ политическихъ наукахъ самъ докторантъ. Но «*или... или*» все испортило. Оно превратило приведенную фразу въ разграниченіе видовъ свободы, а опредѣленія свободы

Digitized by Google

не дало. Что есть разныя стороны или виды свободы: политическая, экономическая, религіозная, и проч., кто же этого не зналъ и стоило ли это доказывать? Всѣ мы знаемъ, что есть Сатурнъ—богъ-времени, Нептунъ богъ морей, Марсъ богъ войны, и т. д. очень много. Но потому-то мы и считаемъ ихъ идолами. А вотъ вы отвѣтьте на вопросъ: что есть Богъ? Тогда мы узнаемъ, какой вы держитесь вѣры.

Но г. Градовскій, самъ возбудивъ вопросъ о свободѣ, отнесся къ нему неискренно. Вотъ еслибы онъ съ самаго начала сказалъ, что свобода это — всѣ ужасы анархіи, тогда мы бы прекрасно поняли, предположивъ, что намъ извѣстно, что́ такое анархія. А то посудите, докторантъ утверждаетъ вотъ что: «Въ древности степень не только политической, но и всякой свободы гражданина опредѣлялась участіемъ его въ народномъ собраніи, въ судѣ и администраціи. Изъ политической свободы *вытекали* всѣ остальные ея виды. *Но* въ новомъ государствѣ для человѣка явилась возможность быть свободнымъ, не участвуя въ политической жизни страны; не участвуя въ земскомъ управленіи, не подавая голоса въ законодательствѣ и судѣ; современный гражданинъ можетъ быть свободенъ какъ отецъ, какъ промышленникъ, какъ членъ религіознаго общества, какъ писатель, ученый... «Но», которое мы поставили въ курсивѣ, даетъ намъ право вывесть изъ словъ докторанта такое заключеніе: *но* въ новомъ государствѣ возможна свобода личная безъ всякой гарантіи, кромѣ буквы тѣхъ законовъ, которые даютъ разныя позволенія. Что свобода сдѣлаться отцомъ мыслима безъ всякой государственной гарантіи, что свобода сдѣлаться ученымъ не нуждается въ такой гарантіи, это еще пожалуй можно доказывать. Напримѣръ, «Большая медвѣдица» рѣшительно доступна для изученія, безъ гарантіи. Впрочемъ, и тутъ, если вамъ надоѣла «Большая медвѣдица» и желательно посмотрѣть «Южный крестъ», а г. Пинаръ находитъ, что именно вамъ путешествіе за границу не можетъ принесть, кромѣ вреда, никакой пользы!

Что вы можете быть свободны, какъ писатель и какъ членъ религіознаго общества, не участвуя лично даже въ земскомъ управленіи—съ этимъ легко согласиться. Изъ всѣхъ писателей, участвовавшихъ въ здѣшней городской думѣ, извѣстенъ одинъ А. А. Краевскій. Но нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что А. А. Краевскій именно и есть самый свободный изъ нашихъ писателей. Полагаемъ, онъ самъ не принялъ бы такого названія. Но можетъ ли писатель быть дѣйствительно свободенъ въ такой странѣ, гдѣ, напримѣръ, выборнаго земскаго управленія—вовсе нѣтъ?

Г. Градовскій, въ печатномъ отвѣтѣ на одну рецензію проговорился яснѣе: «Новое общество пишетъ онъ, устроилось такъ, что въ немъ нѣтъ необходимости *непосредственно* участвовать въ политической жизни, для того, чтобы быть свободнымъ.» Мы полагаемъ, даже

Digitized by Google

членъ американскаго конгресса свободнѣе тогда, когда лежитъ у себя въ постели, чѣмъ когда непосредственно участвуетъ въ конгрессѣ.

Еще сильнѣе высказалъ свою мысль г. Градовскій, когда, на возраженіе профессора Андреевскаго относительно солидарности видовъ свободы, возразилъ нѣчто въ родѣ того, что такъ можно дойти до всѣхъ ужасовъ анархіи.

Итакъ, наконецъ, осенью 1868 года, въ петербургскомъ университетѣ, отъ доктора in petto услышали мы тотъ выводъ, который отвергался нѣкогда нашимъ недозрѣлымъ, нелогическимъ смысломъ въ дѣтствѣ.

Но что же сказалъ г. Градовскій о самомъ предметѣ своей диссертаціи, объ уѣздѣ московскаго государства? — Очень много. Въ книгѣ его страницъ болѣе четырехъсотъ. Но такъ какъ прочтеніе диссертаціи въ 400 стр. не можетъ не быть утомительно, то г. Градовскій употребилъ весьма ловкій маневръ, чтобы завлечь читателя: онъ прибѣгнулъ къ загадкѣ, и до самаго конца книги такъ и не говоритъ, что̀ такое собственно былъ уѣздъ въ московскомъ государствѣ, какія были его границы, могло ли быть въ немъ нѣсколько городовъ или только одинъ городъ, однимъ словомъ, сказалъ объ уѣздѣ все что угодно, но не сказалъ что̀ такое былъ уѣздъ, въ чемъ заключались его существенныя и опредѣлительныя черты. Это — ребусъ. Читатель, дойдя до послѣдней страницы, съ веселою улыбкою возбужденнаго любопытства заглядываетъ на обложку, думая найти тамъ «обѣщанное слово». Но тамъ стоитъ только цифра 2 рубля.

Въ напечатанномъ письмѣ своемъ, г. Градовскій говоритъ, что онъ очень благодаренъ г. Андреевскому за его возраженія. Это очень вѣроятно, такъ какъ возраженія г. Андреевскаго не помѣшали произнесенію факультетскаго «dignus est intrare». Но едва ли во время самаго диспута г. Градовскій чувствовалъ большую благодарность къ профессору за ту пытку, которой тотъ безжалостно подвергалъ его.

Здѣсь, для краткости и вмѣстѣ полноты описанія этого любопытнаго диспута, мы позволимъ себѣ отъ формы повѣствовательной перейти къ формѣ разговорной, ручаясь за вѣрность не выраженій, конечно, но смысла рѣчей.

Г. Градовскій. То-есть какъ—что̀ такое уѣздъ?

Г. Андреевскій. Да такъ, просто, что же такое былъ уѣздъ въ московскомъ государствѣ? Я этого-то и не нахожу въ вашей диссертаціи.

Г. Градовскій. Какъ! Да я только и говорю объ уѣздѣ....

Г. Андреевскій. Вы говорите, но не объясняете въ чемъ именно состоялъ уѣздъ, чѣмъ онъ обусловливался.

Г. Градовскій. Однако, я право не понимаю....

Г. Андреевскій. Дѣло очень просто. Я знаю, напримѣръ, что̀ та-

Digitized by Google

кое была волость, знаю, что было воеводство; ну, а уѣздъ московскаго государства былъ мнѣ до сихъ поръ не ясенъ. Вотъ я съ удовольствіемъ ожидалъ найти это объясненіе въ вашей диссертаціи, и его то и не нашелъ.

Г. Градовскій. Позвольте, когда я говорю объ уѣздѣ, когда я столько говорю о немъ.... Я право не понимаю, чего вы отъ меня хотите....

Г. Андреевскій. Хочу, чтобы вы объяснили то именно, чему вы посвятили ваше разсужденіе. Что составляло уѣздъ, что было въ уѣздѣ?

Г. Градовскій. Однакожъ, я право не понимаю....

Это былъ не диспутъ, это была хирургическая операція и на паціента жалко было смотрѣть. Хорошо, что второй оппонентъ, г. Михайловъ, занялся уже только наложеніемъ крахмальной перевязки, какъ и слѣдовало послѣ операціи.

Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ обычнаго вопроса, обращеннаго деканомъ къ публикѣ, позади г. декана поднялся частный оппонентъ, магистръ, имени мы не разслышали. Произошла слѣдующая сцена:

Магистръ N. Вы говорите въ вашемъ введеніи, что «единство религіи и языка должно быть осуществлено прежде всего въ законодательствѣ и государственномъ управленіи».... Вы говорите, какъ объ одной изъ задачъ новаго государства, объ «ассимилированіи различныхъ племенъ и языковъ».... Такія положенія идутъ совсѣмъ наперекоръ наукѣ въ ея современномъ развитіи.

Г. Градовскій. Какой наукѣ? Гдѣ ея представители?

Магистръ N. Да вотъ, хоть Милль....

Г. Градовскій. А знаете, что Милль говоритъ, между прочимъ, въ своей политической экономіи? Позвольте, это мѣсто у меня выписано....

Магистръ N. Да что тамъ искать! Не можетъ Милль говорить ничего подобнаго....

Г. Градовскій. Быть можетъ, кто-нибудь изъ членовъ факультета потрудится послать за книгою Милля, я вамъ сейчасъ бы нашелъ....

Магистръ N. И не зачѣмъ; Милль не можетъ говорить ничего для подкрѣпленія васъ....

Г. Градовскій. Однако, я знаю....

Магистръ N. Да ужъ я навѣрное лучше знаю Милля, чѣмъ вы. (Смѣхъ. Деканъ, повидимому, дѣлаетъ внушеніе оппоненту.)

Магистръ N. (продолжая). Ну и насчетъ національности.... (Деканъ прерываетъ оппонента какимъ-то неслышнымъ увѣщаніемъ.)

Магистръ N. (къ декану, громко). Да, я буду остороженъ.... Тутъ ничего такого нѣтъ.

Digitized by Google

Диспутъ вскорѣ кончается лишеніемъ магистра слова. Но того что́ онъ сказалъ, было достаточно для уясненія одной изъ сторонъ ученаго взгляда г. Градовскаго.

Третій оппонентъ выступилъ въ ту самую минуту, когда докторантъ, только-что испивъ воды, пряталъ графинъ обратно подъ каѳедру. Оппонентъ что-то робко сказалъ докторанту. Докторантъ не понялъ возраженія и обратился съ вопросомъ. Оказалось, что оппонентъ только просилъ у него воды, напиться. У каѳедры на минуту происходитъ снабженіе водою. Это было великодушно со стороны г. Градовскаго. Во-первыхъ, онъ не побоялся утолить жажду противника и тѣмъ придать ему новыя силы; во-вторыхъ, онъ не побоялся, что оппонентъ, испивая изъ того же стакана можетъ отгадать его мысль—что́ именно есть уѣздъ?—и за тѣмъ, сообщивъ ее во всеуслышаніе, лишитъ диссертацію всей ея пикантности.

Оглушительные аплодисменты раздались, особенно съ хоровъ, когда деканъ провозгласилъ паціента докторомъ. О господа! Вы рукоплескали г. Градовскому. Означала ли ваша демонстрація сочувствіе къ его взглядамъ? Или она означала, что вы даже и не знаете что́ такое демонстрація? Будемъ надѣяться, что вѣрно только послѣднее, и что «демонстрація въ храмѣ науки» вамъ столь же неизвѣстная вещь, какъ и «уѣздъ» московскаго государства.

Почти въ тоже самое время раздавались на другомъ берегу Невы рукоплесканія въ «храмѣ Ѳемиды», по поводу благополучнаго исхода процесса г. Бильбасова; но аплодировавшія, при напоминовеніи имъ закона, обратились въ бѣгство, забывъ калоши и пальто; принимаемъ послѣднее за порывъ раскаянія, и въ виду насморка и кашля, отъ котораго они могли пострадать, прогуливаясь безъ пальто осенью, произнесемъ надъ ними оправдательный приговоръ.

Есть другой «храмъ», гдѣ рукоплесканія составляютъ условіе жизни самого дѣла, и потому мы обратимъ свои наблюденія отъ университета и суда на театральную сцену, гдѣ аплодисментъ рисуетъ такъ часто и сцену, и партеръ.

На русской сценѣ появилась «Прекрасная Елена», пьеса не только иностранная, но еще спеціально-парижская, да и то спеціально d'un *certain* Paris. Быть можетъ, по общепринятому обычаю, намъ слѣдовало бы выразить прежде всего, въ похвалахъ, проникнутыхъ горькою ироніею, поздравленія нашему театру, который «созрѣлъ» до Belle Hélène, и ввернуть нѣсколько глубоко-публицистическихъ мыслей относительно развратныхъ старцевъ и вѣтрогонной молодежи, плѣняющейся подобными перезрѣлыми трюфелями «французской драматической кухни» (это — принятое у насъ выраженіе). Къ сожалѣнію, мы не понимаемъ, какое отношеніе можетъ имѣть къ публицистикѣ фарсъ и даже представленіе, разсчитанныя на не совсѣмъ возвышенныя че-

Digitized by Google

ловѣческія чувства. Мы знаемъ напримѣръ, что балетъ давно процвѣтаетъ въ Парижѣ и Лондонѣ, процвѣтаетъ и въ Петербургѣ, а въ городѣ Захолустьѣ не процвѣтаетъ; и все-таки, отказываемся произнести, на основаніи этого факта, сужденіе, что общественная зрѣлость и всякое человѣческое развитіе въ Захолустьѣ стоитъ выше, чѣмъ въ названныхъ городахъ, даже что нравы въ Захолустьѣ чище. Мы не думаемъ, что существованіе балета или оффенбаховскаго фарса несовмѣстно съ новыми судебными учрежденіями или можетъ повредить развитію самодѣятельности путемъ земства.

Относительно «воспитательнаго» назначенія театра мы также далеко не предаемся пылкимъ надеждамъ.

«Прекрасная Елена», какъ извѣстно, переведена на главные языки и пользуется огромною популярностью не въ одной Франціи, а вездѣ; даже степенные нѣмцы играютъ ее, и играютъ съ большимъ успѣхомъ. При такихъ данныхъ, какъ бы ни былъ пустъ этотъ фарсъ съ точки зрѣнія мысли серьезной, наблюдателю простой общественной жизни стóитъ заняться опредѣленіемъ составныхъ элементовъ этого успѣха. Постараемся дать возможно-полное опредѣленіе знаменитой пьесы Оффенбаха, Мельяка и Галеви.

«Прекрасная Елена», какъ и «Орфей въ аду», прежде всего пародія. Это пародія не простая, а такъ сказать двойная, пародія съ ироническимъ отношеніемъ авторовъ къ своимъ собственнымъ намѣреніямъ. Главная мысль—пародировать классическихъ боговъ и героевъ (боговъ въ «Орфеѣ», героевъ въ «Еленѣ»). На Западѣ, и особенно во Франціи и Англіи, гдѣ классицизмъ до сихъ поръ рѣшительно преобладаетъ чуть не въ первоначальномъ образованіи, боги Олимпа и герои Эллады близки всей массѣ публики, и ироническая обработка того самого матеріала, который въ школѣ представлялся вѣчнымъ идеаломъ красоты и величія—должна затрогивать публику за живое; тамъ, на Западѣ, въ этой пьесѣ видятъ не только глумленіе, но даже нѣкотораго рода кощунство — мотивъ, которымъ всегда легко производится эффектъ, мотивъ, который въ массѣ и особенно во французской массѣ всегда популяренъ. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ, насмѣшка бьетъ и въ ту собственно таинственную, мистическую обстановку, которою окружало ханжество Олимпъ во всѣ времена, а въ «Еленѣ», сверхъ того, бьетъ и клерикальную касту, которая питалась насчетъ Олимпа, касту, съѣдавшую жертвоприношенія, неудобоваримыя для боговъ.

Но, смотря на эту пародію, вы скоро замѣчаете, что передъ вами не миѳологическіе боги, а герои парижскаго полусвѣта, что этотъ Олимпъ, собственно говоря—Монмартръ. Вы видите, что авторы сами глумятся надъ своими литературными намѣреніями, что въ прозѣ гг. Мельяка и Галеви ни одного слова нельзя понимать въ его прямомъ

Digitized by Google

значеніи, что даже когда они острятъ, то острятъ «нарочно», т. е. намѣренно-глупо.

Итакъ, тутъ происходитъ двойная, или если хотите, тройная пародія, и всему этому радуется, надъ всѣмъ этимъ хохочетъ веселая и блестящая музыка Оффенбаха, которая ко всѣмъ видамъ пародіи, внесеннымъ авторами либретто, прибавляетъ еще одинъ: пародію на серьезную оперу, со всѣми ея псевдо-торжественными и условно-страстными пріемами. Такъ въ шутовскомъ тріо послѣдняго акта, гдѣ требуютъ отъ Менелая жертвы, два вступительные такта взяты изъ знаменитаго тріо «Вильгельма Телля», гдѣ также требуется жертва. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ элементамъ вѣрнаго успѣха, къ этой шутовской и сознательно глупой путаницѣ, авторы прибавили еще одинъ несомнѣннѣйшій элементъ успѣха: соблазнительную сцену, слишкомъ игривые намеки и тѣлодвиженія; составивъ olla podrida изъ всякихъ пикантныхъ насмѣшекъ, они посыпали это кушанье кайенскимъ перцомъ извѣстнаго свойства.

Вотъ что такое «Belle Hélène», въ сущности пустой фарсъ, но такой фарсъ, въ которомъ играютъ въ мячики авторитетами и вмѣстѣ льстятъ грубымъ чувствамъ. Могла ли такая пьеса не понравиться?

Она понравилась. Она понравится даже на александринскомъ театрѣ. Успѣхъ ея при первомъ представленіи, гдѣ составъ публики былъ обусловленъ высокимъ цензомъ, доказалъ, что исполненіе вышло недурно; успѣхъ при слѣдующихъ представленіяхъ обусловится именно только пикантностью низшаго разряда.

Вся остроумная сторона фарса, всѣ пародистическія намѣренія авторовъ частью пропадаютъ въ самой игрѣ русскихъ актеровъ, частью пропадаютъ даромъ для массы русской публики, для которой боги Олимпа и герои Эллады вовсе нефамильярные, старые знакомые, идеалы дѣтства, а просто индифферентныя сказочныя существа. Спеціально-парижская жизнь ей вовсе незнакома. Напримѣръ, сцена ссоры за игрою, которая скопирована съ извѣстной исторіи парижскаго полусвѣта, въ которой попались директоръ оперы Кальзадо и Гарсія, остается у насъ безъ смысла; послѣдній актъ, представляющій полусвѣтъ aux eaux—у насъ также ничего не значитъ. Остается веселость музыки Оффенбаха и привлекательность грубыхъ выходокъ. Вся пародія и весь chic улетучиваются.

Большинство публики шло на первое представленіе съ явнымъ намѣреніемъ полюбоваться, какъ-то россійскіе актеры будутъ уродовать парижскую пьесу. Публика обманулась. Переводъ оказался вовсе не такъ плохъ, какъ слѣдовало ожидать; актеры не всѣ преувеличивали пошлости, какъ то казалось неизбѣжнымъ. Сама «Прекрасная Елена», г-жа Лядова была очень мила. Оказалось даже, что поетъ она пріятно. Впрочемъ, что танцовщица пріятно поетъ—это всего менѣе уди-

Digitized by Google

вительно именно на Руси, гдѣ покойный Мартыновъ готовился въ балетмейстеры. Русскій «Парисъ» не уступалъ ни въ чемъ французскому «Парису».

Артистъ, игравшій Кальхаса, нѣсколько утрировалъ свою роль; онъ даже обращалъ иногда въ каррикатуру свой французскій образецъ. Вообще, эта роль на русской сценѣ теряетъ смыслъ, потому что греческій костюмъ, который одинъ могъ бы придать ей то значеніе, какое ей даетъ на французской сценѣ лысина — католическая тонзура Кальхаса — былъ бы неумѣстенъ.

Зато артистъ, представлявшій Ахилла, создалъ типъ мѣстный, близко знакомый намъ изъ *нашихъ* нравовъ, и очень хорошо проводилъ свою каррикатуру.

Въ заключеніе, ко всему ряду апплодисментовъ, которымъ покрылась наша общественная жизнь въ прошедшемъ мѣсяцѣ, когда такъ усердно рукоплескали г. Градовскому, гг. Бильбасову и Лохвицкому, «Прекрасной Еленѣ», намъ слѣдовало бы перейти къ рукоплесканіямъ г. Оресту Миллеру въ засѣданіи отдѣленія Географическаго Общества, гдѣ нашъ ученый поражалъ Вл. В. Стасова за пораженіе, нанесенное имъ героямъ нашей древности, при чемъ, какъ читатели знаютъ, досталась и редакціи того журнала, которая осмѣлилась напечатать «Русскія Былины». Но все это можетъ отвлечь насъ отъ современнаго и перенести въ XVIII-ый вѣкъ, когда происходило нѣчто подобное между Ломоносовымъ и тоже Миллеромъ, съ тою только разницею, что Миллеръ XVIII-го вѣка игралъ обратную роль сравнительно съ Миллеромъ, нашимъ почтеннымъ современникомъ и нашимъ преслѣдователемъ. —о—

НОВАЯ ПОЧТОВАЯ ТАКСА ПЕРЕСЫЛКИ ЖУРНАЛОВЪ.

Бо́льшая или мéньшая плата за пересылку журналовъ и газетъ, по почтѣ, свидѣтельствуетъ о состояніи почтоваго дѣла въ каждой странѣ, о степени его развитія и успѣха, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ выгодное или невыгодное вліяніе на распространеніе образованія въ обществѣ, дѣлая чтеніе болѣе или менѣе доступнымъ. Само по себѣ это положеніе неоспоримо, и мы можемъ только затрудняться примѣненіемъ его къ новой мѣрѣ почтоваго вѣдомства, относительно измѣненія пересылочной платы за журналы и газеты съ 1869 года. Мы не говоримъ о томъ, что эта мѣра явилась довольно внезапно, когда многіе журналы и газеты объявили уже о подпискѣ на 1869 г. на

Digitized by Google

прежнемъ основаніи; что этой реформѣ, несравненно болѣе важной, нежели какъ то можно подумать съ перваго раза,—этой реформѣ не предшествовало, сколько намъ извѣстно, совѣщаніе съ экспертами и людьми, прямо заинтересованными въ этомъ дѣлѣ; все это мы оставляемъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе такого обыкновеннаго пріема обнаружится скоро на результатахъ, къ которымъ приведетъ новая мѣра. Весьма ошибаются тѣ, которые полагали бы, что дѣло кончится уменьшеніемъ запроса, т. е., въ настоящемъ случаѣ, уменьшеніемъ числа читающаго класса; могутъ даже найтись люди, которые не считаютъ такое обстоятельство большимъ зломъ. Эта мѣра, какъ мы увидимъ, должна нанести вредъ даже тѣмъ, которые разсматривали бы его исключительно съ точки зрѣнія почтамтскихъ интересовъ. Мы, конечно, не поставлены наблюдать за послѣдними, но указываемъ на то, какъ на новое доказательство, что мѣра, предпринятая не практически, поражаетъ не только интересы тѣхъ, противъ кого она направлена, но даже и тѣхъ, которые направили ее.

Вотъ какъ было до сихъ поръ, и вотъ какъ будетъ съ 1869 года. До сихъ поръ, такса за пересылку журналовъ и газетъ, издаваемыхъ въ Россіи, была слѣдующая: 1) за журналы и газеты, выходящіе четыре, два или одинъ разъ въ мѣсяцъ, взималось 1 р. 50 к. съ полнаго годового экземпляра; 2) за журналы и газеты, выходящіе до 3 разъ въ недѣлю — 2 руб.; и 3) за ежедневныя газеты — 3 рубля. Съ 1869 г. всѣ журналы и газеты платятъ однообразно 20% съ подписной цѣны. Наприм., нашъ журналъ, выходя одинъ разъ въ мѣсяцъ, платилъ прежде 1 р. 50 к.; съ 1869 г., этотъ же журналъ, не увеличивая объема, т. е. почтоваго вѣса, ни сроковъ выпуска, т. е. числа разъ сдачи журнала въ почтамтѣ, другими словами, не увеличивая ни тяжести перевоза, ни работы по пріему книгъ, будетъ платить почтамту 2 р. 80 к.,—что̀ и составитъ 20% съ подписной цѣны на журналъ безъ доставки, а именно 14 рублей.

Изъ самаго изложенія факта видно, что Почтамтъ, при назначеніи прежней платы за пересылку журналовъ и газетъ руководился, весьма справедливо, чисто почтовыми данными: чѣмъ больше періодическое изданіе представляетъ вѣсу, т. е. тяжести для перевозки, и чѣмъ чаще происходитъ его сдача, т. е. чѣмъ большей работы и рукъ онъ требуетъ въ Газетной Экспедиціи, тѣмъ выше пересылочная плата. Однимъ словомъ, это такое было раціональное основаніе, противъ котораго нельзя ничего сказать, и на которомъ зиждется и до сихъ поръ вся остальная почтовая операція, въ отношеніи писемъ, посылокъ и т. д. Теперь принято другое основаніе, а именно, *подписная цѣна*: чѣмъ выше подписная цѣна, тѣмъ выше пересылочная плата. Для лицъ, не имѣющихъ понятія о значеніи подписной цѣны, эта мѣра представляется съ перваго раза весьма справедливою и раціональною; и оно было бы такъ, еслибы

Digitized by Google

подписная цѣна выражала степень дохода. Между тѣмъ подписная цѣна выражаетъ только *стоимость* изданія, т. е. величину расхода и соотвѣтствующее ему иногда качество матеріала. Представьте себѣ газету, которая не только не платитъ гонорарія своимъ сотрудникамъ, но иногда сама получаетъ гонорарій, или вся состоитъ изъ однихъ объявленій, за помѣщеніе которыхъ платятся редакціи деньги; и возьмите другую газету, которой фундаментальныя статьи обходятся ей очень дорого. Первая газета найдетъ возможнымъ объявить подписную цѣну въ 2 руб., а вторая едва возвратитъ затраченное при 12 руб. подписной цѣны. По новой системѣ, первая газета заплатитъ поэтому 40 коп. въ годъ за пересылку, какова бы ни была масса, пересылаемая ею, по своей тяжести, и сколько бы разъ она ни сдавала въ Почтамтъ свое изданіе; вторая газета заплатитъ 2 руб. 40 коп. не потому, чтобы она представляла бóльшій грузъ для перевозки или болѣе частую сдачу, но только потому, что ея подписная цѣна 12 рублей. Однимъ словомъ, Почтамтъ хочетъ принимать въ соображеніе, при назначеніи пересылочной цѣны, не то, чтó его дѣйствительно касается, именно тяжесть годового экземпляра и сроки сдачи, а то, чтó до него вовсе не касается, какъ наприм., подписная цѣна. Чтó бы сказали, еслибъ Почтамтъ назначилъ пересылочную плату соотвѣтственно шрифт и съ цицеро брали бы больше, чѣмъ съ корпуса или боргеза; а между тѣмъ такое основаніе было бы нисколько не хуже подписной цѣны: подписная цѣна столько же касается сущности почтовой операціи, какъ и шрифтъ. — Чтобы понять все значеніе новаго основанія, приложимъ его къ письменной корреспонденціи: до сихъ поръ Почтамтъ беретъ 10 к. съ лота, при пріемѣ письма; представьте себѣ распоряженіе—брать 20%, смотря по цензу, къ которому можетъ принадлежать податель письма. Или, напримѣръ, пересылку книгъ пріурочимъ къ объявленной на нихъ продажной цѣнѣ, какъ теперь сдѣлано съ журналами, и чтó же мы получимъ?! За пересылку извѣстнаго изданія «Les peuples de la Russie», цѣною въ 200 р., наприм. въ Гатчину, придется, считая по 20% съ подписной цѣны, 40 рублей серебромъ—сумма, достаточная почти для найма экстреннаго поѣзда для одного экземпляра. Года два тому назадъ, издавалась въ Петербургѣ газета, если не ошибаемся, «Коммиссіонеръ», наполненная одними объявленіями, за которыя издателю платилось, и потому возможно было раздавать ее на улицѣ даромъ; другими словами, подписная цѣна на эту газету равнялась *нулю*. Любопытно знать, какимъ образомъ Почтамтъ взялъ бы за пересылку этой газеты 20% съ нуля, и много ли онъ получилъ бы за свою операцію по разсылкѣ этой газеты? Не доказываетъ ли все это, что принципъ взиманія пересылочной платы, сообразно подписной суммѣ, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и что для Почтамта существуетъ одна правильная мѣра—вѣсъ и сроки сдачи?

Digitized by Google

Лучше всего справедливость этого обнаружилась на таксѣ относительно журналовъ. Газета ежедневная печатаетъ въ годъ около 700 листовъ, потому что каждый, такъ-называемый нумеръ газеты заключаетъ въ себѣ *два* печатныхъ листа, въ чемъ легко удостовѣриться, сложивъ нумеръ газеты на подобіе журнала: окажется въ нумерѣ 32 страницы, тогда какъ въ журнальномъ листѣ всего 16 страницъ. Газета сдаетъ свое изданіе 360 разъ въ годъ. Журналъ же печатаетъ въ годъ около 350 листовъ и сдаетъ 12 разъ въ годъ. Если предположить, что эти 350 листовъ, составляющихъ 12 книжекъ въ годъ, вѣсомъ около 25 фунтовъ, то годовой экземпляръ газеты вѣситъ 50 фунтовъ. Другими словами, газета даетъ Почтамту перевозной тяжести около пуда, а журналъ около полупуда; газета въ тридцать разъ чаще занимаетъ Экспедицію сдачею, и не смотря на то, по нынѣшнему принципу, газета платитъ за пересылку годового экземпляра 2 р. 40 к.; а журналъ, потому что онъ представляетъ вдвое менѣе тяжести и въ 30 разъ рѣже сдается въ почтамтъ—2 р. 80 коп. Вотъ къ чему приводитъ принципъ, если онъ утверждается людьми, полагающими, что подписная цѣна выражаетъ доходъ редакціи, и которые вовсе не подозрѣваютъ, что дешевое изданіе несравненно доходнѣе дорогого, по причинамъ объясненнымъ выше.

Какой же изъ всего этого выводъ? Новая система является налогомъ на чтеніе болѣе капитальныхъ изданій, конечно, помимо воли тѣхъ, которые составляли проектъ, но которые были увлечены новымъ принципомъ. Тѣ изданія, которыя выиграли отъ новой системы, какъ оказывается, не всѣ перемѣнили подписную цѣну съ пересылкой, слѣдовательно выигрышъ достался не въ руки публики, а редакцій: многія газеты, которыя стоили прежде съ пересылкою 16 руб., болѣе не платятъ 3 руб. за пересылку, но и не сбавляютъ цѣны: подписная цѣна ихъ 12 руб., съ которой онѣ платитъ 20% за пересылку, а съ пересылкою остались по прежнему 16 руб., какъ будто бы на пересылку приходится 4 руб., между тѣмъ какъ теперь взимается съ нихъ всего 2 р. 40 к. Однимъ словомъ, читатели газетъ остались обложенными какъ прежде, а читатели журналовъ должны уплачивать высшую пошлину. Но принялъ ли въ соображеніе почтамтъ, что при этомъ, нанеся вредъ читающей публикѣ, онъ нанесъ ударъ и собственнымъ средствамъ: цифра подписчиковъ на журналы ничтожна сравнительно съ цифрою газетныхъ подписчиковъ. На одного журнальнаго подписчика придется по крайней мѣрѣ 20 газетныхъ: Почтамтъ получитъ теперь $1\frac{1}{2}$ рубля больше прежняго съ одного журнальнаго подписчика и не досчитается 12 рублей съ двадцати подписчиковъ газетныхъ! По приблизительному вычисленію, недоборъ Почтамта долженъ теперь равняться 50.000 руб., не считая вообще умепьшенія подписки на журналы, такъ какъ они возвысились въ цѣнѣ; а увели-

Digitized by Google

ченія подписки на газеты нельзя предвидѣть, такъ какъ многія редакціи газетъ согласились платить Почтамту меньше, но подписную цѣну съ пересылкою удержали прежнюю.

Говоря такъ, мы вовсе не сожалѣемъ объ уменьшеніи почтовой таксы на газеты; но несправедливо приравнять полпуда пересылки къ цѣлому пуду, и не только приравнять, но взять за полпуда дороже чѣмъ за пудъ. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы газеты могли сдѣлаться дешевле; это составляетъ предметъ нашихъ желаній, но мы не видимъ, почему изданія менѣе эфемерныя, какъ журналы, должны быть обложены высшимъ налогомъ. Мы не понимаемъ даже, почему въ наше время, когда желѣзныя дороги развились въ такомъ размѣрѣ, что перевозная плата понизилась на все, понадобилось возвышеніе платы на перевозку журналовъ. Неужели насъ хотятъ заставить пожалѣть о «телѣжной эпохѣ», когда Почтамтъ возилъ журналы за 1 р. 50 к. и не оставался въ накладѣ?! Большая часть нашихъ ежедневныхъ органовъ печати отозвались съ радостью о новой реформѣ, хотя не всѣ вспомнили при этомъ понизить цѣну съ пересылкою. Положимъ, изъ вышесказаннаго читатель пойметъ причину тѣхъ радостныхъ отзывовъ; но мы желали бы, чтобы почтовое начальство не придало особой цѣны тѣмъ отзывамъ и не видѣло въ нихъ доказательства совершенства новой системы. Невысокая пересылочная такса есть всегда лучшій знакъ хорошаго состоянія почтоваго дѣла, а постепенное ея пониженіе есть лучшее свидѣтельство о новыхъ его успѣхахъ. Налогъ на чтеніе хотя и не такъ непосредственно обременителенъ, какъ налогъ на хлѣбъ или соль, но результаты перваго въ глазахъ государственнаго человѣка не менѣе чувствительны для интеллигенціи страны, въ ходѣ которой прежде всего заинтересовано высшее Правительство. Нѣтъ сомнѣнія, такой важный законъ, какъ законъ объ измѣненіи таксы на журналы, былъ предварительно обсужденъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, и потомъ удостоился высочайшаго утвержденія; но въ настоящемъ случаѣ, мы хотѣли только показать, что хотя мотивъ закона о новой таксѣ могъ имѣть великодушную мысль обложить высшимъ сборомъ высшую подписную цѣну; но оказывается на дѣлѣ, что подписная цѣна выражаетъ собою не доходъ, а расходъ, и вслѣдствіе того почтамтъ долженъ, въ противность всякой ариѳметикѣ, утверждать, что полпуда тяжелѣе пуда, и находить, что 12 разъ пріема журнала дѣлаютъ больше работы, нежели 365 разъ. Можетъ быть, издавая такой законъ, ожидали отъ него благихъ результатовъ, но, какъ мы скоро увидимъ, онъ ограничится обремененіемъ читающаго міра, который у насъ и безъ того ограниченъ и числомъ, и средствами. Sapienti sat!

Digitized by Google

ТЕАТРЫ.

Начало театральнаго сезона.

Бенефисы гг. Горбунова, Малышева и Зуброва: «Воробушки», «Самодуръ», «Перемелется—мука будетъ», и «Сельская Школа».

Начало театральнаго сезона никогда не бываетъ особенно блистательно. Артисты точно не спѣлись еще и не вошли въ свои роли; новыя произведенія ждутъ болѣе оживленной минуты, разгара зимы, чтобы появиться на сцену; вездѣ и во всемъ чувствуется какая-то вялость, точно драматическая сцена не успѣла совсѣмъ пробудиться послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ лѣтняго сна. Мы не безъ умысла дѣлаемъ такое вступленіе, мы желаемъ, обманывая и себя и читателей, чтобы оно хоть сколько-нибудь ослабило, стушевало то неудовлетворенное чувство, отъ котораго мы не могли освободиться, почти каждый разъ, возвращаясь изъ русскаго театра. Русскій театръ, само-собою разумѣется, интересуетъ насъ и дорогъ намъ болѣе всѣхъ остальныхъ; съ него мы и начнемъ, къ нему мы, можетъ быть, будемъ и строже, чѣмъ къ другимъ сценамъ, какъ всегда бываешь къ тѣмъ, кого искренно любишь, кому искренно желаешь добра.

Прошло передъ нами нѣсколько новыхъ пьесъ, поставленныхъ для двухъ или трехъ бенефисовъ, прошло нѣсколько и старыхъ, изъ пьесъ репертуара, и прежде, чѣмъ обратиться къ первымъ, скажемъ хоть одно слово объ этихъ послѣднихъ. Репертуаръ составляется, если мы не ошибаемся, изъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ, изъ произведеній самыхъ талантливыхъ авторовъ, а тѣ пьесы, которыя имѣютъ только значеніе минуты, одного дня, написанныя на какую-нибудь идейку, бѣгавшую какъ ртуть по обществу, или на извѣстную тему, тенденцію, тѣ обречены, такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлается во всемъ мірѣ, на вѣчный сонъ и вѣчное забвеніе. Такія пьесы могутъ съ успѣхомъ быть играны мѣсяцъ, два, цѣлый сезонъ пожалуй, но никакимъ образомъ не должны попадать въ постоянный репертуаръ театра. Намъ совершенно невольно приходитъ это на умъ, когда на русской сценѣ, рядомъ съ такими безсмертными произведеніями репертуара, какъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ»—рядомъ съ нашею главною драматическою силою—комедіями Островскаго и новымъ пріобрѣтеніемъ—историческою драмою, какъ «Смерть Іоанна Грознаго», мы видимъ, рядомъ съ этими относительными великанами, пьески, родившіяся какъ грибы послѣ дождя и исчезающія вмѣстѣ съ дождемъ.

Digitized by Google

Отъ «Горя отъ ума» въ томъ видѣ, какъ дается оно на сценѣ Александринскаго театра вѣетъ такою допотопною стариною, такою безжизненностью, что просто дѣлается страшно, и если не бѣжишь изъ театра, то только потому безсознательному чувству уваженія, которое съ молоду питаемъ мы къ имени автора. Ошиблись бы однако тѣ, которые бы отвѣтили намъ: да что жъ тутъ удивительнаго, что «Горе отъ ума» на васъ дышетъ стариною, вѣдь въ самомъ дѣлѣ эта вещь устарѣла, она на тысячу верстъ отстоитъ отъ нашего времени, она имѣетъ значеніе только какъ историческій памятникъ. Нѣтъ, такое мнѣніе было бы невѣрно, и если мы вовсе не думаемъ да и не желаемъ утверждать, чтобы «Горе отъ ума» было совершенно современнымъ и сценическимъ произведеніемъ, то мы не думаемъ быть далеко отъ истины, говоря, что «Горе отъ ума» все-таки во сто разъ ближе къ намъ, чѣмъ многія изъ такъ называемыхъ современныхъ пьесъ, которыя обставляются съ такою тщательностью. Оно ближе намъ, потому что въ немъ есть та общечеловѣческая сторона, которая всегда нова, въ немъ есть то внутреннее содержаніе, которое всегда намъ будетъ близко, въ то время, какъ современныя пьесы, построенныя на одной внѣшности, на однихъ подмѣченныхъ фразахъ, но не на уловленныхъ характерахъ, годныя для нѣсколькихъ представленій, оставляютъ насъ совершенно холодными, какъ только минуетъ извѣстное повѣтріе. Если «Горе отъ ума» наводитъ на зрителей унылое расположеніе духа, то вовсе не потому, чтобы изображаемые тутъ нравы были такъ далеки отъ насъ, что стали намъ чудными и непонятными; нѣтъ, наши общественные нравы вовсе не сдѣлали такого сильнаго скачка, и почти все, въ чемъ тогда упрекалъ Чацкій, могъ бы онъ упрекать и теперь,—но только потому, что «Горе отъ ума» исполняется невыносимо. Мы рѣшительно не можемъ назвать ни единаго лица, кромѣ развѣ старика Сосницкаго, который сколько нибудь удовлетворилъ бы насъ. Мы не станемъ толочь воду, говоря о Скалозубѣ, Молчалинѣ, Фамусовѣ, потому что всѣ эти роли вовсе не подъ силу тѣмъ, которые ихъ играютъ, и вѣроятно они играютъ только потому, что другіе, какъ гг. Самойловъ и Васильевъ *не хотятъ* ихъ играть; но мы спросимъ только г. Нильскаго, которому нѣтъ возможности отказать въ талантѣ, зачѣмъ онъ не постарается вникнуть въ роль Чацкаго (онъ доказалъ то въ ролѣ Іоанна Грознаго), зачѣмъ онъ не создастъ его, зачѣмъ онъ читаетъ или отвѣчаетъ стихи, а не играетъ ихъ? Артистъ, у котораго есть талантъ, или вовсе не долженъ браться за роль, если онъ не чувствуетъ себя къ ней способнымъ, или ужъ если берется то не долженъ исполнять ее такъ, какъ г. Нильскій исполняетъ роль Чацкаго.

Говоря о мужскихъ роляхъ, порицая очень многое и многихъ, мы все-таки можемъ съ удовольствіемъ остановиться на нѣсколькихъ име-

Digitized by Google

нахъ; переходя же къ женскимъ, мы просто опускаемъ руки. Большая часть главныхъ ролей распредѣляется между госпожами Владиміровой и Струйской, и какъ ни грустно это сказать, ни одна изъ нихъ не можетъ удовлетворить мало-мальски эстетическому чувству. Госпожа Владимірова играетъ роль Софьи Павловны въ «Горѣ отъ ума», а госпожа Струйская роль жены Іоанна Грознаго—и та и другая, какъ нельзя болѣе не на мѣстѣ, обѣ портятъ пьесы, одна своею жеманною, однообразно-скучною игрою, другая своимъ поразительнымъ непониманіемъ маленькой исторической роли. Мы вовсе не нападаемъ ради удовольствія нападать, мы не критиковали бы постановки и исполненія хорошихъ русскихъ драматическихъ произведеній, если бы не думали, что они могутъ быть лучше, и несравненно лучше исполнены, если бы положеніе русскаго артиста было бы уравнено съ иностранными, и еслибы свободная конкурренція была допущена для театровъ, какъ напр., уже допущены частныя газеты рядомъ съ правительственными органами.

Но обратимся къ новымъ пьесамъ, которыя были поставлены въ бенефисы гг. Горбунова, Малышева и Зуброва, и постараемся воздать «каждому свое». «Воробушки», «Самодуръ», «Перемелется—мука будетъ», «Сельская Школа», таковы заглавія новыхъ четырехъ комедій. Слѣдуя порядку представленія ихъ, нужно начать, кажется, съ «Воробушекъ» и «Самодура». Хотя на афишкѣ и не выставлено, что «Воробушки» передѣланы съ французскаго, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ и каждому; ихъ заграничное происхожденіе, — нужно прежде всего отдать справедливость скромному автору, столь удачно передѣлавшему пьесу, и не выставившему свое имя,—нисколько не портитъ того пріятнаго впечатлѣнія, которое оставляетъ по себѣ эта милая комедія. Эпитетъ «милой», какъ нельзя болѣе подходитъ и къ сюжету, и къ дѣйствующимъ лицамъ и къ самому ходу «Воробушекъ». Если въ дѣйствительной жизни рѣдко встрѣчаются такія добродѣтельныя, милыя и симпатичныя натуры, какъ Николай Ильичъ Телятевъ, его безукоризненно добрая жена и его безукоризненно добрый сынъ, то за то сплошь и рядомъ попадаются такіе «кулаки», какъ Евстафій Сергѣевичъ Берендѣевъ, сводный братъ добряка Телятева. Вся комедія вертится около этихъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ прекрасно розыгранныхъ гг. Самойловымъ и Васильевымъ 2-мъ. Николай Ильичъ Телятевъ, какъ говоритъ самое имя его и какъ мы успѣли то сказать, представляетъ собою нѣсколько фантастическій типъ добряка, который ко всѣмъ имѣетъ безграничное довѣріе, но который, въ тоже время, терпѣть не можетъ этого имени добряка и постоянно старается увѣрить всѣхъ и каждаго, что онъ вовсе не добръ и не довѣрчивъ, что онъ строгъ и даже жестокъ. Онъ души не слышитъ въ своей женѣ, въ своемъ сынѣ, которые платятъ ему тою же

Digitized by Google

монетою, и только изрѣдка упрекаютъ его, что онъ черезъ чуръ уже слабъ. Противуположный ему типъ — его сводный братъ Берендѣевъ, какъ снѣгъ на голову падаетъ въ домъ Телятева и все переверты-ваетъ вверхъ дномъ. Онъ забрасываетъ въ невинную душу своего свод-наго брата сѣмя сомнѣнія въ человѣческомъ родѣ, объясняетъ ему, что міръ состоитъ изъ двоякаго рода людей — тѣхъ, которые водятъ за носъ, и тѣхъ, которыхъ проводятъ, что онъ, Берендѣевъ, принадле-житъ къ первымъ, а тотъ къ послѣднимъ. Берендѣевъ проповѣдуетъ Телятеву, чтобы онъ никому не довѣрялъ, что весь свѣтъ состоитъ изъ однихъ мошенниковъ, что всякое доброе чувство, въ сущности, не доброе, что доброта—вздоръ, глупость, что нужно быть твердымъ и непреклоннымъ, и не оказывать ни малѣйшаго сочувствія чужому горю, чужимъ бѣдамъ, чужимъ несчастіямъ, потому что все это «стара штука», одинъ обманъ и надувательство. Берендѣеву удается такъ обработать Телятева, что этотъ, не смотря на страшныя мученія, которыя онъ испытываетъ отъ этого, становится подозрителенъ, недовѣрчивъ, скры-тенъ, ревнивъ и глухъ къ несчастію другого до того, что отказался выручить изъ бѣды своего пріятеля Торстона, на дочери кото-раго хочетъ жениться его сынъ. Если бы на афишкѣ не стояло слово комедія, мы могли бы опасаться, что съ этой минуты начнетъ разви-ваться какая-нибудь страшная драма, въ которой только послѣ мно-гихъ слезъ и всевозможныхъ бѣдъ герой былъ бы раздавленъ добро-дѣтелью, хотя и сильно потерпѣвшею въ бою; но тутъ не такъ. Лишь только подозрительность и недовѣріе Телятева достигаютъ своей апо-геи, какъ начинается поворотъ въ другую сторону, именно къ счастли-вому окончанію и развязкѣ. Въ то время, какъ Берендѣевъ обработы-валъ Телятева въ одну сторону, сынъ Берендѣева обращаетъ своего отца въ другую. Онъ рисуетъ своему отцу-деспоту, до какого поло-женія онъ довелъ его, какъ, благодаря своему мѣткому слову «стара штука», Берендѣевъ бросилъ его на ту широкую дорогу, на которой погибалъ не одинъ бѣдный сынъ богача-родителя. Берендѣевъ тро-нутъ разсказомъ сына, прощаетъ ему, платитъ за него всѣ долги и бросается ему на шею. Разумѣется, еслибы кто вздумалъ раз-бирать «Воробушекъ», какъ серьезную комедію, тотъ долженъ былъ напасть на такой оборотъ дѣла и на такое быстрое торжество добра надъ зломъ; но мы вѣдь съ самаго начала дали «Воробуш-камъ» только эпитетъ «милой». Въ это самое время, когда съ Бе-рендѣевымъ происходитъ превращеніе, распространяется слухъ, что Телятевъ разорился, и тогда всѣ тѣ, которыхъ онъ сталъ подозрѣ-вать, что они обманываютъ его, являются къ нему на помощь, пода-вая руку спасенія. Телятевъ тронутъ, уничтоженъ ихъ великодушіемъ, глубоко раскаявается въ своей перемѣнѣ и къ общему удовольствію и дѣйствующихъ лицъ «Воробушекъ», и всей публики, снова дѣлается

Digitized by Google

добрякомъ и снова начинаетъ проповѣдывать, что на всѣ человѣческія дѣла нужно смотрѣть сквозь пальцы, рискуя даже иногда и быть обманутымъ и проведеннымъ. Таково содержаніе этой комедіи, плавающей на розовой водѣ, но тѣмъ не менѣе, производящей далеко не дурное впечатлѣніе. Причина того, что оптимистическій взглядъ на жизнь автора «Воробушекъ» не дѣйствуетъ непріятно, можетъ быть, скрывается въ томъ, что онъ очевидно и не претендуетъ на строгую правду. Фальшивая нота въ этой пьесѣ берется такъ искренно, такъ непритворно, съ такимъ очевиднымъ умысломъ, что нельзя претендовать на автора, сказавшаго себѣ, принимаясь за перо: жизнь скверна, тяжела, каждый день, каждый часъ мы видимъ одно и тоже зрѣлище, какъ Берендѣевы торжествуютъ надъ Телятевыми, и какъ послѣдніе послѣ «опыта жизни» превращаются въ первыхъ и остаются на новой дорожкѣ, правда, усѣянной мошенничествами всякого рода, но за то въ сто кратъ болѣе выгодной; отчего же, хоть на-зло правдѣ, позабывъ ее, не отвести свою душу на сценѣ и не показать, какъ хорошо жилось бы людямъ, если бы торжествовали не Берендѣевы, а Телятевы. «Ложь, нелѣпость» скажутъ болѣе строгіе судьи, глядя на «Воробушекъ». «Иллюзія, розовая вода» произнесутъ болѣе снисходительные, «милая фантазія», скажемъ мы, выполненная безъ всякой вычурности и грубости. Помимо того, что концепція комедіи очень удачна, въ ней есть простота въ исполненіи, въ завязкѣ и развязкѣ, есть даже если не характеры, то намеки на нихъ, контуры двухъ типовъ, и за это одно уже нельзя не отозваться съ похвалою о «Воробушкахъ», этой комедіи, не чуждой водевиля. Безъ сомнѣнія, если бы «Воробушки» были исполнены дурно или даже посредственно, комедія эта не имѣла бы и половины того успѣха, которымъ она пользуется въ эту минуту. Но г. Самойловъ, въ роли Телятева, и г. Васильевъ 2, въ роли Берендѣева, были, какъ нельзя болѣе, хороши, и они участвовали по крайней мѣрѣ на половину въ успѣхѣ пьесы. Намекамъ они придали настоящій смыслъ, контурамъ они сообщили тѣло и рѣзко заставили выступить всѣ удачные, типичные штрихи автора. Въ этой же пьесѣ мы замѣтили одного молодого актера г. Сазонова, исполнявшаго роль Сергѣя, сына Берендѣева, который, безъ сомнѣнія, не лишенъ таланта. Онъ обладаетъ молодостью въ игрѣ, жаромъ, развязностью, которая иногда даже, и этого онъ долженъ какъ можно болѣе остерегаться, переходитъ въ распущенность. Его дикція очень пріятна, и если только онъ не перестанетъ трудиться, можно тогда надѣяться, что изъ него выйдетъ хорошій комикъ.

Вмѣстѣ съ «Воробушками» въ бенефисъ г. Горбунова шла его собственная пьеса «Самодуръ», названная картинами въ трехъ отдѣленіяхъ. Талантъ г. Горбунова, хотя и ограниченный, своею спеціальностью, тѣмъ не менѣе очень симпатиченъ, и когда онъ писалъ свои сцены изъ на-

Digitized by Google

роднаго быта и разсказывалъ ихъ самъ на театрѣ, намъ кажется, что онъ былъ какъ нельзя болѣе на своей дорогѣ. Вотъ почему, смотря на «Самодура», уже большую пьесу, намъ было досадно, что онъ вышелъ изъ своей колеи, потому что «Самодуръ» вовсе не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, которыми обладаютъ его крошечныя сцены. Въ нихъ всегда есть и юморъ, и остроуміе, онѣ не утомляютъ васъ ни своею длинностью, ни своимъ однообразіемъ, въ чемъ такъ грѣшитъ «Самодуръ». Въ сценахъ г. Горбуновъ является оригинальнымъ авторомъ, въ своемъ «Самодурѣ» только слабымъ подражателемъ А. Н. Островскаго, послѣ котораго никто, не внося совершенно новой какой-нибудь стороны, не долженъ затрогивать «области русскихъ самодуровъ», этой собственности автора «Грозы». Не будемъ, впрочемъ, долѣе останавливаться, на «Самодурѣ» г. Горбунова, ошибка въ грѣхъ не ставится — и надо надѣяться, что послѣ первой попытки, крайне неудачной, написать большую пьесу, г. Горбуновъ снова возвратится къ своимъ маленькимъ сценамъ, въ которыхъ, на русскомъ театрѣ, онъ не встрѣчаетъ себѣ соперниковъ.

Пьеса, поставленная послѣ «Воробушекъ» и «Самодура», называется «Перемелется — мука будетъ», и принадлежитъ, точно также, какъ и «Самодуръ», перу одного актера, именно одному изъ любимцевъ московской публики—г. Самарину. Если мы назвали «Самодура» крайне неудачной попыткой, то затрудняемся, какимъ безобиднымъ для г. Самарина терминомъ можемъ мы характеризовать его пьесу. Г. Самаринъ — талантливый артистъ, и намъ очень жаль, что онъ не захотѣлъ довольствоваться завиднымъ титуломъ хорошаго актера, и пожелалъ присоединить къ нему еще и званіе автора. Сохраняя репутацію г. Самарина и вмѣстѣ соблюдая выгоду читателей, мы не станемъ передавать сюжета «Перемелется—мука будетъ». Достаточно будетъ сказать, что комедія эта принадлежитъ къ тѣмъ безчисленнымъ тенденціознымъ пьесамъ, которыя терзаютъ зрителей безконечными монологами о работѣ, трудѣ, о честности, которыя показываютъ публикѣ все ту же юную дѣву, которая влюбляется въ учителя, и все того же учителя-плебея, влюбляющагося въ дѣвушку-аристократку. Родительская власть торжествуетъ, дѣва умираетъ въ чахоткѣ, юноша, разбитый любовью, ищетъ излѣченія въ работѣ, трудѣ, въ проповѣди честности и каранія порока. Вотъ содержаніе «Перемелется — мука будетъ» и всѣхъ подобныхъ пьесъ, которыя становится крайне трудно отличить одну отъ другой. Мы назвали эти пьесы тенденціозными и теперь чувствуемъ необходимость сдѣлать маленькое объясненіе. Читатель не долженъ думать, что когда говорится «тенденціозная», что тутъ всегда разумѣется тенденція въ одну сторону, именно тенденція либеральная, прогрессивная, отсвѣчивающая стремленія будущаго поколѣнія или того, что́ звалось или зовется молодымъ поко-

Digitized by Google

лѣніемъ. Нисколько. Тенденція во всѣхъ этихъ пьесахъ совершенно иная и даже довольно оригинальная: выставлять юношей, молодыхъ людей, всегда какими-то глупыми, почти идіотами, и очень часто даже людьми просто нечестными. Вотъ истинная тенденція всѣхъ этихъ скучныхъ, тоскливыхъ «гражданскихъ» пьесъ. Когда-то приведетъ Богъ отдѣлаться отъ этого театральнаго мусора, только запружающаго гнилью несчастную русскую сцену. Герои г. Самарина нисколько не отличаются отъ всѣхъ подобныхъ имъ героевъ. Юная дѣва, молодая графиня Шитвинская, влюбляется, ходитъ на свиданія и кашляетъ не хуже другихъ дѣвъ; ея отецъ-старикъ также уменъ, также добръ и также хорошо умѣетъ соблюдать свое собственное достоинство и жертвовать ему даже жизнію своей дочери, какъ и всѣ остальные ходульные представители стараго поколѣнія, и юноша-учитель, Рѣшетовъ, нисколько не умнѣе всѣхъ другихъ юношей ему подобныхъ. Но за то онъ великолѣпенъ, когда ночью, въ саду, во время свиданія при лунномъ освѣщеніи, съ дѣвушкою, которая его боготворитъ и которую онъ страстно любитъ, и, вдобавокъ еще, пойманный лакеемъ стараго графа, объясняетъ и долго толкуетъ ей о значеніи науки, о правдѣ, о знаніи! Нельзя не подивиться у г. Самарина глубокому пониманію человѣческаго сердца! Искренно пожелавъ г. Самарину отбросить далеко въ сторону желаніе сдѣлаться авторомъ и ограничиться именемъ, которое слишкомъ хорошо, чтобы имъ брезгать,—талантливаго и полезнаго актера, мы перейдемъ къ послѣдней изъ названныхъ нами пьесъ, именно къ «Сельской школѣ», шедшей въ бенефисъ г. Зуброва.

«Сельская школа» переведена съ итальянскаго и принадлежитъ перу Кастельвеккіо, автора, который не пользуется большою репутаціею даже въ Италіи. Мы не станемъ останавливаться на этой комедіи по двумъ причинамъ: во-первыхъ, это пьеса не оригинальная, и потому, поставленная на русской сценѣ, имѣетъ только половину интереса, а во-вторыхъ, — и это главное — пьеса не имѣетъ сама по себѣ никакихъ особенныхъ достоинствъ. Написанная въ минуту сліянія Италіи въ одно цѣлое, изгнанія австрійцевъ, въ минуту народнаго энтузіазма, когда все дышало радостью и счастьемъ, пьеса эта, основанная на политическомъ фактѣ, съ подкладкою изъ самой баиальной любовной интриги, имѣла бы успѣхъ въ Италіи даже и тогда, когда въ ней не было бы ровно ничего, кромѣ одного крика: да здравствуетъ свобода! крика, который несовсѣмъ вѣрно переведенъ переводчикомъ: да здравствуетъ освобожденіе! Еще хорошо, что автору не вздумалось перевести такъ: да здравствуетъ улучшеніе быта Италіи! Если пьеса эта, написанная ради извѣстной минуты, могла нравиться въ свое время итальянцамъ, то спрашивается: какой интересъ представляетъ эта пьеса, поставленная на русской сценѣ? Ровно

Digitized by Google

никакого, кромѣ развѣ того, что показываетъ, до какой степени неразборчивы бываютъ у насъ переводчики. Мы далеки отъ того, чтобы имѣть вообще что-нибудь противъ переводныхъ пьесъ. Совершенно напротивъ, мы будемъ всегда только радоваться, когда увидимъ, что на русскую сцену ставятся серьезныя и хорошія пьесы, откуда бы онѣ къ намъ ни являлись, изъ Франціи или Англіи, Италіи или Германіи. Но ставить пьесы, не имѣющія никакого значенія, не отличающіяся никакими достоинствами, пьесы самаго банальнаго свойства—этого мы никогда не поймемъ, а всегда будемъ горько жалѣть и публику и еще болѣе тѣхъ талантливыхъ артистовъ, которые, какъ г. Самойловъ, даютъ себѣ трудъ не только разучивать, но создавать цѣлыя роли. Если мы это говоримъ по поводу «Сельской школы», то что же должны мы сказать, когда на сцену Александринскаго театра ставятся такія переводныя произведенія, какъ «la Belle Hélène». Жалко и грустно! у насъ нѣтъ другихъ словъ, обидно и больно, что мы, не довольствуясь паденіемъ нашей собственной сцены, и у другихъ-то умѣемъ заимствовать только то, и интересоваться только тѣмъ, что составляетъ и въ ихъ сферѣ искусства самую низкую и самую недостойную сторону, свидѣтельствующую не о томъ, что въ эпохѣ есть хорошаго, а о томъ, что можетъ служить признакомъ ея паденія.

Поставленная на сцену Александринскаго театра, надо надѣяться, что «la Belle Hélène» сойдетъ со сцены Михайловскаго, который болѣе не нуждается въ Оффенбахѣ, чтобы привлекать къ себѣ публику. Михайловскій театръ пріобрѣлъ себѣ въ Маріи Делапортъ такой магнитъ, который не позволитъ ему оставаться пустымъ никогда, если только будетъ играть эта высокоталантливая артистка. Г-жа Делапортъ дебютировала въ умной пьесѣ Александра Дюма: «les Idées de M-me Aubray», и дебютировала въ ролѣ Жанины съ такимъ успѣхомъ и талантомъ, что мы не считаемъ себя въ правѣ говорить о ея игрѣ мимоходомъ; остановиться же на ея игрѣ и разобрать ее болѣе подробно мы предпочитаемъ въ другой разъ, когда увидимъ ее еще и въ другихъ роляхъ, хотя и не сомнѣваемся, что и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ дебютахъ она выкажетъ себя тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т. е. артисткою, для которой театръ не есть ремесло, а высокое и истинное призваніе. В. Т.

Digitized by Google

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОКТЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Русскіе на Босфорѣ. Записки *Н. Н. Муравьева.* Москва. 1869. Стр. 459 и 692, съ указателемъ.

Біографическое извѣстіе о Н. Н. Муравьевѣ, помѣщенное издателями его записокъ, такъ коротко, что мы можемъ привести его въ цѣлости:

«Покойный ген.-ад. Н. Н. Муравьевъ (Карскій) съ раннихъ лѣтъ постепенно велъ памятныя записки, въ видѣ дневника. Важнѣйшіе эпизоды своей служебной дѣятельности, на основаніи этого дневника, онъ распространялъ потомъ, въ свободное время, въ отдѣльныя большія сочиненія. Таково его «Путешествіе въ Туркменію и Хиву», изданное въ Москвѣ въ 1822 г.; таковъ еще не напечатанный обширный трудъ его объ осадѣ Карса въ 1855 году. Книга, нынѣ издаваемая, также есть распространенный дневникъ. Она была приготовлена къ печати самимъ авторомъ и не вышла въ свѣтъ при его жизни единственно потому, что встрѣтились внѣшнія препятствія. Здѣсь она напечатана съ подлинной рукописи, которая перешла во владѣніе къ зятю его, Г. А. Черткову».

1833-й годъ остался памятнымъ въ новѣйшей исторіи европейской дипломатіи: никогда ни прежде, ни послѣ, не была Оттоманская имперія такъ близка къ паденію, а слѣдовательно и восточный вопросъ такъ близокъ къ своему разрѣшенію. Въ 1849-мъ году, Австрія была въ положеніи весьма сходномъ, когда Венгрія угрожала ей погибелью, какъ Египетъ возставшій противъ султана, угрожалъ въ 1833 году Турціи. Роль наша въ отношеніи Австріи и Турціи была одинакова; мы явились спасителями Турціи въ 1833 г., и спасителями Австріи въ 1848 г. Записки Н. Н. Муравьева принимавшаго дѣятельное дипломатическое участіе въ примиреніи египетскаго паши Ибрагима съ султаномъ Махмудомъ, должны представлять и дѣйствительно представляютъ самый живой интересъ, увеличивающійся и близостью эпохи и самымъ безпристрастнымъ, спокойнымъ изложеніемъ автора - очевидца. Никто не могъ бы намъ, наприм., изложить съ такою ясностью и отчетливостью мотивы, руководившіе нашимъ правительствомъ заботиться о спасеніи Турціи, какъ именно Н. Н. Муравьевъ, бесѣдовавшій

Digitized by Google

ично съ государемъ, отправлявшимъ его въ ктябрѣ 1832 года, съ цѣлью остановить дви-ѣніе Ибрагима-Паши, одерживавшаго на каж-омъ шагу новыя побѣды, и вмѣстѣ успокоить ултана, опасавшагося всякаго вмѣшательства ъ нашей стороны. Изъ показаній автора вид-о, что всѣ окружавшіе Николая Павловича ыли противъ того, чтобы подавать помощь Турціи: «Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣ-ія, увидѣлъ необходимость совершенно из-ѣнить относительно Турціи политическую си-тему, существовавшую со временъ Петра еликаго», т. е. вредить всѣми силами Турціи наносить ей ударъ за ударомъ. Николай авловичъ постигъ, что, послѣ Адріанополь-каго трактата, завоеваніе Турціи такимъ ли-омъ, какъ Ибрагимъ-Паша, было бы не паде-іемъ Турціи, а ея возрожденіемъ, и потому р. Нессельроде передавалъ Н. Н. Муравьеву ъ слѣдующихъ выраженіяхъ объясненіе новой олитики Россіи въ восточномъ вопросѣ:

«Завоеваніе Турціи Мегметъ-Али-Пашею огло бы, съ возведеніемъ новаго лица на пре-олъ турецкій, возродить новыя силы въ семъ падающемъ царствѣ и отвлечь вниманіе и силы аши отъ дѣлъ Европы (въ то время бельгій-кій вопросъ волновалъ Западъ), и потому осударя особенно занимало *удержаніе сул-тана на колеблющемся престолѣ его*».

Такой характеръ новой политики дѣлалъ иссію Муравьева весьма деликатною; султанъ олженъ былъ знать только одинъ мотивъ ашего участія, а именно, что государь, по ичнымъ наклонностямъ, «врагъ всякаго воз-ущенія и вѣрный другъ Султана», какъ было то аписано въ письмѣ къ султану; Мегметъ-Али олженъ былъ видѣть въ нашемъ вмѣшательствѣ амѣреніе остаться вѣрными Адріанопольскому ракгату. Прежде всего необходимъ былъ вели-айшій секретъ, чтобы дѣйствовать внезапно; о у насъ, по замѣчанію Н. Н. Муравьева, «въ олицѣ и министерствахъ ничего не можетъ статься въ тайнѣ, и самыя важныя государ-твенныя дѣла вскорѣ становятся извѣстными; сего болѣе надобно было опасаться отъ Мини-терства Иностранныхъ Дѣлъ, наполненнаго ноземцами.»

Наканунѣ отъѣзда, государь самъ лично ринялъ Муравьева въ кабинетѣ, еще разъ сло-есно изложилъ ему содержаніе инструкціи, и ъ заключеніе спросилъ, все ли Муравьеву вразумительно и не имѣетъ ли онъ что спро-сить у него лично. Отвѣтивъ утвердительно, Муравьевъ просилъ позволенія изложить госу-дарю мысли свои о средствахъ остановить египетскую армію, не приводя въ дѣйствіе на-шихъ войскъ.

— «Какія, какія, говори! сказалъ государь, такъ записываетъ авторъ въ своихъ мемуарахъ свой памятный и въ высшей степени любо-пытный разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ.

— «Можно склонить персіянъ къ войнѣ съ египтянами, — отвѣчалъ я, — и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ дать султану оправиться.

— «У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить ме-жду собой *сосѣдей* своихъ».

Въ эту минуту, конечно, мы становились на другую точку зрѣнія и разсматривали Мег-мета-Али не какъ мятежнаго подданнаго, воз-сталаго противъ султана, но какъ сосѣда. Однако Н. Н. Муравьевъ отвѣчалъ такимъ образомъ:

— «Это не было бы въ видѣ ссоры, Ваше Величество; я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ при-знательностію предостереженіе такого рода; ибо, нѣтъ сомнѣнія, что Мегметъ-Али своими побѣдами пріобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возра-женіемъ, — прибавляетъ Н. Н. Муравьевъ — думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, не кстати.

— «Это справедливо, отвѣчалъ государь; Аббасъ-Мирза предлагалъ уже мнѣ свои услуги, но онъ теперь занятъ въ Хорассанѣ.»—Потомъ, повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, онъ продолжалъ: «Тебѣ я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твер-дость котораго я совершенно полагаюсь; я бы не хотѣлъ посылать войскъ и желаю, чтобы распря ихъ кончилась. Султанъ Магмудъ корчитъ Петра Великаго, да неудачно.... Мнѣ очень выгодно, чтобъ онъ сидѣлъ на турецкомъ пре-столѣ. Онъ мнѣ нынѣ пожаловалъ свой пор-третъ, за что я ему крайне благодаренъ (сказалъ государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ). Султанъ ко мнѣ очень милостивъ, и я хочу ему показать свою дружбу; надобно защитить Константинополь отъ нашествія Мегметъ-Али. Вся эта война не что иное, какъ послѣдствіе

Digitized by Google

возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ (въ 30-хъ годахъ) Европою и въ особенности Франціею. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царьграда (Мегметомъ-Али) мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ, они нынѣ окружаютъ Мегмета-Алипашу, наполняютъ армію и флотъ его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока...»

Продолжая развивать свои мысли, Николай Павловичъ замѣтилъ: «Помни же, какъ можно болѣе вселять турецкому султану довѣренности, а египетскому пашѣ страху; я еще хотѣлъ сообщить тебѣ одну вещь, которую ты долженъ хранить въ большой тайнѣ; когда у меня былъ, послѣ войны, съ посольствомъ Галиль-паша, мнѣ показалось изъ словъ его, что султанъ склоненъ къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры. Не говорю тебѣ о томъ, какъ о вещи рѣшенной; но мнѣ такъ казалось, и предваряю тебя на случай—еслибъ ты въ разговорахъ съ султаномъ услышалъ или замѣтилъ что либо подобное.... Конечно, трудно получить согласіе султана на участіе мое въ дѣлахъ его. Мнѣ также предлагали постороннее участіе, когда Польша взбунтовалась; но я не принялъ ничьихъ предложеній, и самъ управлялся. Если султанъ будетъ въ крайности, онъ, можетъ быть, и согласится на примиреніе, чего бы я однако на его мѣстѣ не сдѣлалъ; въ такомъ случаѣ избѣгай посредничества. Мнѣ недавно писалъ князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ быть, настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства.»

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ не могъ запомнить отъ слова до слова такой длинный разговоръ и цѣлыя рѣчи императора, обращенныя къ нему; это только одна литературная форма, къ которой прибѣгнулъ авторъ для выраженія главныхъ мыслей государя, въ первомъ лицѣ, какъ онъ слушалъ его лично. Но по всему видно, что авторъ не старался сочинить разговоръ и украсить его, а передавалъ слышанное по возможности тѣми же словами, какія удержались у него въ памяти. Подобными живыми сценами наполнены всѣ записки отъ начала до конца; личность графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова очерчена въ особенности ясно, и вообще для исторіи 30-хъ годовъ записки Н. Н Муравьева останутся всегда драгоцѣннымъ документомъ и свидѣтельствомъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и писавшаго съ полнымъ авторитетомъ непосредственнаго наблюдателя.

Общественное воспитаніе въ Россіи, *Ѳ. Уманца.* Dresden, 1867.

Мы имѣли уже случай сдѣлать краткое библіографическое указаніе на книгу г. Уманца. Обращаемся къ ней еще разъ съ цѣлью остановиться на предметѣ ея подробнѣе. Предметъ ея заслуживаетъ, дѣйствительно, вниманія, не смотря на то, что о немъ было уже не мало толковъ въ русской литературѣ за послѣдніе годы. Кромѣ предисловія, объясняющаго цѣль книжки, содержаніе ея составляютъ статьи: I. Лицеи и университеты; II. Задача университетскихъ экзаменовъ; III. Церковь и воспитаніе (эта глава исключена цензурою); и IV. Уставъ гимназій и прогимназій 1864 года.

Книжка г. Уманца исполнена благихъ намѣреній; онъ скорбитъ о современномъ состояніи нашего общественнаго воспитанія, которое кажется ему (и справедливо) очень плохимъ и недостаточнымъ, и очень желаетъ успѣховъ этому воспитанію, отъ котораго зависитъ благо будущихъ поколѣній и цѣлой націи,—желаетъ этому воспитанію народнаго смысла и самобытности, въ которыхъ видитъ залогъ его прочности и процвѣтанія.

«Понятно,—говоритъ авторъ,—что всѣ предпринятыя въ послѣднее время преобразованія сдѣлаютъ свое дѣло только вполовину или вовсе ничего не сдѣлаютъ, если ихъ развитіе не найдетъ своей поддержки въ системѣ нашего общественнаго воспитанія. Слѣдовательно, начала децентрализаціи, самоуправленія и личной свободы, вносимыя теперь въ жизнь русскаго народа, должны вызвать соотвѣтствующія явленія и въ системѣ русскихъ учебныхъ заведеній. Въ противномъ случаѣ, или общественное воспитаніе будетъ идти въ разладъ съ требованіями общественной жизни, или самая благодѣтельная реформа заглохнетъ среди неспособнаго поддержать ее общества. Она должна заглохнуть, потому что «одинъ въ полѣ не воинъ».

Digitized by Google

«Итакъ, мы смотримъ на наши учебныя заведенія какъ на политическія учрежденія нашего отечества, которымъ ввѣрена будущность носимыхъ въ современную русскую жизнь преобразованій, частные интересы безчисленнаго множества семействъ и вся судьба русскаго народа».

Послѣдніе выводы автора состоятъ въ слѣдующемъ:

«Мы неизбѣжно приходимъ къ такому заключенію: развитіе нашей педагогіи должно заключаться не въ подражаніи иностраннымъ образцамъ и не въ стараніи прислушаться къ модничимъ мнѣніямъ Европы, но въ твердомъ и неуклонномъ стремленіи выработать *національную систему общественнаго воспитанія*.

«Не слѣдуетъ однако предрѣшать въ подробностяхъ вопросъ о томъ, въ чемъ должна заключаться эта народность нашего общественнаго воспитанія. Можно найти много частныхъ недостатковъ въ устройствѣ того или другого учебнаго заведенія, на многое можно смотрѣть съ произвольной точки. И потому нельзя сомнѣваться въ томъ, что для достиженія народности въ дѣлѣ воспитанія, недостаточно самыхъ подробныхъ и обдуманныхъ опредѣленій закона и самаго безукоризненнаго гуманизма, сочиняемыхъ въ кабинетѣ уставовъ. Было бы слишкомъ *не народно* создавать модель «народности» для русской школы...

«Но нашъ вѣковой историческій опытъ можетъ привести насъ къ одному, правда, не многосложному, но совершенно положительному выводу,—никакія педагогическія комбинаціи, никакія улучшенія въ обстановкѣ, преподаваніи и распредѣленіи уроковъ не могутъ замѣнить двухъ условій, существенно необходимыхъ для жизни русской школы: ея корпоративной самостоятельности подъ высшимъ контролемъ Земства и Государства и тѣснаго союза съ Православной Церковью. *Первое* возбудитъ въ ней струю свободной исторической жизни и неразлучнаго съ ней стремленія къ совершенствованію. Въ энергіи корпоративныхъ учрежденій заключается неистощимый запасъ народныхъ силъ, отвергаемыхъ до сихъ поръ, но готовыхъ сдѣлаться «главою угла». *Второе* не только сольетъ наше общественное воспитаніе со всей массой духовной жизни народа, но подниметъ его на уровень мірового значенія, неотъемлемо принадлежащаго Восточному Исповѣданію. Оставаясь чисто русскимъ, наше общественное воспитаніе могло бы тогда опереться на великое историческое начало, сочетавшее (?) строгость религіознаго догмата съ свободой религіозной и политической и полное уваженіе церковнаго и государственнаго преданія съ широкими началами раціонализма (?).»

Въ этихъ заключительныхъ словахъ достаточно высказывается основная мысль автора, проходящая въ его книгѣ, хотя мы не можемъ сказать, чтобъ книга особенно доказательно вела къ этому выводу. Авторъ старается разъяснить, что русской школѣ нужна, во-первыхъ, корпоративная самостоятельность, подъ прямымъ вліяніемъ и контролемъ общественнаго мнѣнія; во-вторыхъ, союзъ свѣтскаго образованія съ духовнымъ. Но мы не найдемъ въ книгѣ аргументаціи, которая доказывала бы то и другое какимъ нибудь однимъ теоретическимъ принципомъ, и фактами изъ исторіи русскаго общества и его образованія. Значительная доля книги и всѣхъ аргументовъ автора заключается въ описаніи англійскаго школьнаго устройства, которое кажется автору высшимъ идеаломъ, достигнутымъ въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Англійская школа имѣетъ корпоративную автономію; она зависитъ отъ общественнаго мнѣнія и связана съ обществомъ; она находится въ тѣсномъ союзѣ съ духовенствомъ и церковью, поэтому она совершенно *народна*;—того же самаго желаетъ авторъ и для русской школы.

Въ послѣднихъ, приведенныхъ выше, словахъ его заключенія читатель замѣтитъ повтореніе довольно извѣстныхъ славянофильскихъ мотивовъ. Но и здѣсь эти мотивы также не ясны, какъ и въ подлинникѣ, у Кирѣевскаго и Хомякова: какимъ образомъ «историческое начало», указываемое авторомъ, сочетаетъ въ себѣ *строгость догмата* съ религіозной и политической *свободой*, и сохраненіе *преданія* съ широкими началами *раціонализма*—мы совершенно не понимаемъ... Если автору это *желательно*, если бы онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы имѣть въ *будущемъ* для русской школы мирное развитіе новыхъ идей, не подавляемое насильственно старыми,—его слова можно было бы понять, но такъ, какъ они говорятся теперь, въ ихъ положительной формѣ, какъ будто такое начало уже существуетъ,—

Digitized by Google

ти слова составляютъ кажется очень странное недоразумѣніе.

Между тѣмъ, авторъ понимаетъ ихъ именно въ этой положительной формѣ: въ этомъ убѣждаютъ слова его на другихъ страницахъ его книги. Авторъ думаетъ, что въ прошедшемъ русской исторіи уже *была* та форма школы, какой онъ желаетъ для русскаго общества въ настоящую минуту.—Вотъ какъ говоритъ онъ объ этомъ прошедшемъ:

«Вызванные политическими обстоятельствами, русскіе люди должны были не разъ принимать мѣры противъ католической пропаганды. Въ дѣятельности князей Острожскихъ, въ заботахъ объ устройствѣ школъ Петра Могилы и Петра Сагайдачнаго, въ болѣзненныхъ «писаніяхъ» Курбскаго, въ основаніи Заиконоспасской академіи, даже въ абсурдахъ Стоглава кроется *также общественная потребность*, которая и въ настоящее время тревожитъ русское общество: намъ надо имѣть православное духовенство, которое могло бы стать въ уровень *общечеловѣческой истины, называемой восточнымъ исповѣданіемъ*, надобенъ классъ людей, который могъ бы всей своей массой, а не исключительными личностями, поддержать впередъ человѣчествомъ здравый смыслъ своего церковнаго устройства... Но *титаническая* работа нашихъ патріотовъ XVI и XVII вѣка осталась пока недоконченной»...

Авторъ разумѣетъ здѣсь, какъ видимъ, ту историческую дѣятельность, которая вызвана была необходимостью противодѣйствовать католичеству, въ западной и южной Руси въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ. Тогда основывались тѣ братства и тѣ школы, въ которыхъ авторъ видитъ проявленіе чисто народныхъ началъ общественнаго воспитанія, образчикъ той связи общественной образовательной дѣятельности съ духовными интересами народа, какой онъ желаетъ для настоящаго времени. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

....«Союзъ господствующей православной церкви съ русской школой и союзъ русской школы съ господствующей церковью составляетъ для насъ не роскошь, но существенную необходимость. Хаосъ и безпрестанныя перемѣны въ системѣ нашего общественнаго воспитанія начинаются съ того времени, когда XVIII-й вѣкъ *насильственно передѣлалъ наши древнія общеобразовательныя церковно-гражданскія школы*(?), служившія всѣмъ классамъ общества, въ двѣ параллельныя системы воспитанія: дворянскую и духовную. Общее недовольство этими обѣими системами воспитанія и безпрестанныя въ нихъ перемѣны ясно доказываютъ несостоятельность современнаго раздѣленія училищъ на свѣтскія и духовныя. Обѣ категоріи одинаково не достигаютъ общихъ цѣлей воспитанія и одинаково не народны»...

Историческое положеніе, высказанное въ этихъ словахъ, какъ нельзя болѣе произвольно. Автору нужно было, во что бы то ни стало чтобы XVIII-й вѣкъ, т. е. собственно реформа Петра, были виноваты и въ недостаткахъ нашего нынѣшняго общественнаго воспитанія, какъ считаются виноватыми во многомъ другомъ. Но, въ настоящемъ случаѣ, объясненіе выходитъ слишкомъ странно. Какія это были, до XVIII-го вѣка, наши *древнія общеобразовательныя* церковно-гражданскія школы, которыя будто бы насильственно передѣлывалъ XVIII-й вѣкъ? До-Петровская Русь, къ сожалѣнію, слишкомъ знаменита отсутствіемъ почти всякихъ школъ, и винить Русь Петровскую за уничтоженіе этихъ не существовавшихъ школъ можно только рѣшившись выставлять въ защиту своихъ фантазій историческія небывальщины. Подъ этими «древними общеобразовательными школами» авторъ очевидно можетъ разумѣть только школы юго-западной Руси, въ подражаніе которымъ основана была потомъ Заиконоспасская академія въ Москвѣ; но эти школы довольно мудрено приписать до-Петровской, т. е. Московской Руси. Эти школы основались независимо отъ Москвы, основались подъ самыми прямыми вліяніями латинской школы, существовавшей тогда въ Польшѣ и послужившей образцомъ для основателей Кіевской Академіи. Общественное значеніе этихъ учрежденій, ихъ «церковно-гражданскій» характеръ, точно также были результатомъ тѣхъ спеціальныхъ условій, какія представляла тогда жизнь юго-западной Руси въ ея тогдашнихъ обстоятельствахъ. Русь московская здѣсь опять не при чемъ, потому что въ ея школахъ (когда онѣ были переняты съ юга) этого «церковно-гражданскаго» характера уже далеко не было въ той степени, какъ это было въ самой Кіевской Академіи. Однимъ словомъ, выставлять эти юго-западныя школы «древней» принадлежностью собственной, т. е. московской

Digitized by Google

Руси XVI-XVII-го вѣка совершенно невозможно, тѣмъ больше еще, что въ Москвѣ даже прямо питали немалое недовѣріе къ юго-западной школѣ и сомнѣвались отчасти въ ея православіи. Конечно, и то и другое была Русь, но эти двѣ Руси были очень непохожи одна на другую, одна была уже нѣсколько тронута хотя схоластическимъ образованіемъ, другая не тронута нисколько, и сливать ихъ, говоря о XVII-мъ вѣкѣ, не позволяетъ здравый историческій смыслъ.

Что же сдѣлалъ съ этой школой (потому что другой до XVIII-го вѣка и не было) XVIII-й вѣкъ? Онъ съ ней не дѣлалъ ровно ничего. Когда по образцу юго-западной учредилась школа и въ Москвѣ, то эта школа еще въ томъ же XVII-мъ столѣтіи получила здѣсь характеръ нѣсколько отличный отъ того, какою была она на югѣ. Ея «общественный», «церковно-гражданскій» характеръ здѣсь былъ замѣтенъ гораздо меньше или даже не существовалъ вовсе; правда, за неимѣніемъ другихъ учебныхъ заведеній, въ этихъ школахъ учились и свѣтскіе люди, не предназначавшіе себя къ духовному званію, но тѣмъ не менѣе школа уже и въ это время,—независимо отъ какихъ нибудь новыхъ давленій XVIII-го вѣка, а просто вслѣдствіе привычныхъ московскихъ нравовъ,—стала пріобрѣтать тотъ исключительно церковный характеръ, который отличалъ потомъ духовныя академіи и семинаріи. Содержаніе того образованія, какое они давали, шло по преданію отъ XVII-го вѣка: въ этой «нашей древней», «общеобразовательной» школѣ, къ удивленію, стала безраздѣльно царствовать схоластическая латынь... Петръ Великій предоставилъ ей существовать, какъ она знаетъ, и *насилій*, на которыя жалуется г. Уманецъ, никто этой школѣ не дѣлалъ; но для Петра эта школа казалась, и совершенно справедливо, весьма недостаточной для «общественнаго воспитанія», потому что общественныя потребности, выражавшіяся дѣятельностью самого Петра, требовали совсѣмъ иныхъ, новыхъ знаній, о которыхъ эта школа не имѣла понятія.—Какъ потомъ упали эти духовныя заведенія—извѣстно; онѣ оставались неизмѣнно въ рукахъ того же духовенства, которому принадлежали еще съ XVII-го вѣка, и слѣд., отъ его доброй воли зависѣло устроивать ихъ такъ или иначе.

Такимъ образомъ, тотъ XVIII-й вѣкъ, который г. Уманецъ обвиняетъ въ «насильственной передѣлкѣ» нашей «древней» школы, ничего тутъ не дѣлалъ. Онъ просто увидѣлъ, что «древняя» школа не давала того, что было очень нужно по обстоятельствамъ общественнаго и государственнаго положенія, и рядомъ съ духовной основалъ свою свѣтскую, реальную школу. Если свѣтская и духовная школа разошлись, то здѣсь виновато было не какое-нибудь зловредное удаленіе отъ народныхъ началъ, какъ должно слѣдовать по г. Уманцу, а неизбѣжная необходимость въ здравыхъ реальныхъ свѣдѣніяхъ, которыя въ свѣтской школѣ были все-таки ближе къ уровню тогдашней *науки*, чѣмъ семинарская и академическая схоластика.

До настоящей минуты, или, по крайней мѣрѣ, до очень недавняго времени, разладъ между свѣтскимъ и духовнымъ образованіемъ, указываемый авторомъ, главнымъ образомъ зависѣлъ отъ той же самой причины. Духовныя заведенія (внѣ своей богословской спеціальности, имъ исключительно принадлежащей) доставили только самое ограниченное, часто крайне отсталое «общеобразовательное» воспитаніе, и это было, какъ мы замѣтили, не только въ нынѣшнемъ, но уже и въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе, котораго требуетъ г. Уманецъ между свѣтской и духовной школой, для развитія *народнаго* воспитанія,—возможно только на томъ условіи, если духовныя училища останутъ свою старую программу; свѣтскимъ уступать свое—было бы окончательнымъ паденіемъ всякой сколько-нибудь здравой школы...

Другія разсужденія г. Уманца также представляютъ много странныхъ недоразумѣній.

Онъ нѣсколько разъ заявляетъ свою антипатію, къ тѣмъ безпрестаннымъ передѣлкамъ и реформамъ, какимъ подвергается наше общественное воспитаніе, съ пренебреженіемъ отзывается о копированіи европейскихъ взглядовъ, которыми руководятся преобразователи. Но онъ едва ли достаточно серьезно и искренно вникнулъ въ это положеніе дѣла, и едва ли правильно оцѣнилъ тѣ стремленія, которыя вообще руководились и руководятся многіе, желающіе преобразованія русской школы... Притомъ, самъ авторъ также копируетъ европейскіе взгляды: его усердныя рекомендаціи англійскаго школьнаго устройства, по нашему мнѣнію, очень мало клеятся съ пламенными сп

Digitized by Google

мѣніями къ «народной русской школѣ, которыя наполняютъ его книгу.

Аттрибуты русской истинно «народной» школы,—какую мы можемъ пока представлять только въ идеальномъ будущемъ,—едва ли будутъ похожи на то, что представляетъ англійская школа и что рекомендуетъ г. Уманецъ.—Не останавливаясь на этомъ, слишкомъ обширномъ сюжетѣ, замѣтимъ, напр., только, что г. Уманецъ, пересчитывая достоинства англійской школы, по его мнѣнію, желательныя для русской, на многихъ страницахъ перебираетъ вопросъ о превозмутомъ классическомъ образованіи, которое кажется ему верхомъ педагогической мудрости, «художественнымъ» (!) ея созданіемъ. Мы не станемъ опровергать мнѣній автора объ этомъ предметѣ, уже достаточно набившемъ оскомину отечественной литературѣ, и замѣтимъ только, что англичане сами наскучили этимъ «художественнымъ» произведеніемъ педагогіи, и въ средѣ ихъ общества и самой воспитательной корпораціи въ послѣднее время поднялось много авторитетныхъ голосовъ противъ этого классицизма, въ которомъ они начинаютъ видѣть прямой ущербъ національному «капиталу»—разумѣя капиталъ умственный и нравственный, а затѣмъ также и матеріальный.—Эта защита классицизма для русскихъ гимназій нѣсколько запоздала у г. Уманца; уставъ гимназій и прогимназій 1864 г., по поводу котораго авторъ возстаетъ противъ реализма въ пользу классическаго образованія, подвергся уже новой передѣлкѣ, и классицизмъ господствуетъ нынѣ въ гимназіяхъ въ очень обильной дозѣ. Но мы все-таки думаемъ, что нашей педагогіи и г. Уманцу грозитъ опасность потерять здѣсь oleum et operam: истинно-классическое воспитаніе, въ томъ широкомъ объемѣ, въ какомъ понимаютъ его лучшія школы и лучшіе мыслители въ Германіи и Англіи,—и въ какомъ оно только и имѣетъ смыслъ,—это истинно-классическое воспитаніе есть слишкомъ нѣжный и слишкомъ тонкій плодъ европейской циливизаціи, чтобы онъ могъ теперь, въ настоящую минуту, привиться на русской почвѣ. Въ русской жизни некуда дѣвать идей и стремленій, которыя должно сообщать истинно-классическое образованіе: для того, чтобы они могли послужить къ чему-нибудь, имъ нуженъ извѣстный просторъ, свобода мысли, литературное развитіе, которыми еще не можетъ похвалиться русское общество. Но,—какъ говоритъ самъ г. Уманецъ (стр. 2—8), «народная жизнь, послѣдовательная вообще, отличается неумолимой логикой въ дѣлѣ общественнаго воспитанія и потому на этомъ пути нельзя ошибаться безнаказанно»,—и русская школа дѣйствительно не могла усвоить себѣ настоящаго классицизма: во времена Уварова, этотъ классицизмъ, столь усердно распространяемый въ массѣ, не принесъ иныхъ плодовъ, кромѣ плохого знанія греческихъ аористовъ...

Но, не смотря на эти и подобныя странности, въ книжкѣ г. Уманца есть замѣчанія чрезвычайно справедливыя, о томъ, что нужно для «народной» русской школы, и этимъ замѣчаніямъ нельзя не сочувствовать. Таковы въ особенности мысли о необходимости автономіи, безъ которой дѣйствительно никогда не будетъ возможна вполнѣ здравая и истинно народная школа, заслуживающая подобнаго названія.

«Одно изъ самыхъ дурныхъ преданій нашей школьной администраціи — говоритъ г. Уманецъ — заключается въ привычкѣ *безпрестаннаго вмѣшательства* и перемѣнъ въ дѣлѣ народнаго образованія... Подъ гнетомъ *бюрократической инціативы* исчезаетъ инціатива учебнаго заведенія и самая задача воспитанія превращается въ простое исполненіе бумагъ за нумерами. Такое учебное заведеніе можетъ отличиться на публичномъ экзаменѣ, блеснуть на ревизіи, но въ немъ никогда не найдется корпоративной силы, которая могла бы возбудить въ обществѣ неограниченное довѣріе къ своему духу, выработать хорошее преданіе, *пріобрѣсти нравственное вліяніе* на воспитанниковъ и освободиться отъ недостатковъ своего вѣка».

«Общественное воспитаніе только тогда можетъ влить въ націю освѣжающія силы здороваго молодого поколѣнія, когда школа развивается независимо отъ періодическаго колебанія народной жизни. Другими словами: народное воспитаніе, чтобы быть источникомъ народнаго самосовершенствованія, должно стоять независимо отъ хорошихъ и дурныхъ администрацій. Оно не должно подчиняться ни революціямъ, ни реакціямъ...»

«Существованіе самостоятельной школы до такой степени необходимо для нормальнаго развитія народной жизни, что, въ видахъ поддержанія этой самостоятельности, никогда нельзя сдѣлать слишкомъ много. Недостаточно одной только независимости по уставу, на клочкахъ

Digitized by Google

мертвой бумаги защищающей школы отъ внѣшняго наплыва случайныхъ преобразованій. Необходимо болѣе существенное — независимость матеріальная...»

Это о внѣшнемъ положеніи школы въ обществѣ. Объ ея внутреннемъ содержаніи, объ отношеніи ея къ народности, авторъ, между прочимъ, говоритъ:

«Чтобы быть органомъ народнаго самосовершенствованія, русская школа должна сродниться *каждое новое поколѣніе* со *всей* народной жизнью: ея страданіями и прирожденной исторической идеей, ея *славой и горемъ*. Она должна научить его понимать величіе судебъ русской земли, *даже* въ поучительномъ безобразіи нѣкоторыхъ ея свойствъ и историческихъ моментовъ...»

Во всемъ этомъ чрезвычайно много справедливаго, и эти желанія г. Уманца для русской школы конечно, очень, благія желанія. Но въ своей постановкѣ и опредѣленіи вопроса авторъ, кажется, не достаточно думалъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстоятъ и вѣроятно еще долго будутъ предстоять подобному развитію русской школы. Онъ думаетъ исправлять общество исправленіемъ школы; но онъ слишкомъ забываетъ, что самое исправленіе школы возможно только тогда, когда его допуститъ цѣлое состояніе общества.

Далѣе, опредѣляя свои основанія народной школы, авторъ понимаетъ ее такъ отвлеченно,— какъ она едва ли можетъ существовать въ жизни. Авторъ считаетъ крайне вредными для «высоко нравственнаго и художественнаго (?) назначенія» школы тѣ «минутные порывы», «отрывочныя направленія», которыя представляетъ общественная жизнь, хотя, по мнѣнію автора, эти минутные порывы и «могутъ сдѣлать много хорошаго на поприщѣ общественной дѣятельности, подъ знаменемъ противоположныхъ убѣжденій.» Авторъ думаетъ, что эти движенія общественной жизни не должны совсѣмъ касаться школы, потому что «цѣль учебнаго заведенія выше временныхъ цѣлей того или другаго поколѣнія», что школа должна «стоять выше своего вѣка», что «въ ней зачатокъ вѣковъ грядущихъ...»

Мы затрудняемся, какъ это понимать. Школа, конечно, готовитъ людей для будущаго (для «вѣковъ грядущихъ»—какъ выражается авторъ, — слишкомъ уже много), но какимъ образомъ она можетъ совсѣмъ уединяться отъ движенія жизни?—потому что «минутные порывы» и «отрывочныя направленія», конечно, составляютъ только эпизоды и отдѣльные шаги этого движенія. Кто же былъ бы въ состояніи дать школѣ такую отвлеченно-чистую и вполнѣ законченную программу, гдѣ бы она стала совсѣмъ независимою отъ общественныхъ движеній?

Исторія школы, напротивъ, находится въ слишкомъ тѣсной связи съ исторіей цѣлаго общественнаго просвѣщенія, и если это послѣднее стремится дѣйствовать на школу, и на оборотъ школа ищетъ сближенія съ умственными интересами и движеніемъ минуты, это совершенно хорошій признакъ ея жизненности. Авторъ, кажется, не разъяснилъ себѣ достаточно этого пункта: выражая приведенное выше свое желаніе, чтобы школа осталась совершенно свободна отъ «минутныхъ порывовъ» и «отрывочныхъ направленій», онъ кажется смущался тѣми неудовлетворительными свойствами, какія имѣютъ эти порывы и направленія въ русской жизни. Мы понимаемъ возможность смущаться этимъ; но пусть авторъ подумаетъ однако хорошенько — кто или что виновато въ неполнотѣ, неудовлетворительности, часто нелѣпости этихъ направленій и порывовъ: имѣли ли когда нибудь эти самыя направленія возможность правильнаго развитія и выраженія? Могли ли они достаточно высказаться? Не подвергались ли особенно тѣ порывы, которые стремились къ новому раціональному содержанію и реформѣ прежняго, — не подвергались ли они всевозможнымъ обвиненіямъ и клеветамъ? Невозможно спорить противъ того, что въ этихъ «порывахъ» и «направленіяхъ» русское общество еще слишкомъ молодо и что, увлекаясь ими, многіе впадаютъ въ большія ребячества и нелѣпости,—вслѣдствіе этой самой молодости и неопытности общества во всякихъ подобныхъ, т. е. общественныхъ интересахъ и предпріятіяхъ. Этими частными ребячествами и нелѣпостями у насъ постоянно и пользуются такъ-называемые консерваторы, чтобы клеветать и доносить на всякую новую мысль и новое стремленіе. Судя по его книгѣ, г. Уманецъ способенъ судить безпристрастно, и потому онъ, вѣроятно, согласится, что это дѣлалось и дѣлается не совсѣмъ справедливо. Если бы шелъ вопросъ объ относительномъ количествѣ нелѣпостей, которыя дѣлались обѣими сторонами, старой и новой, — то еди

Digitized by Google

ли можетъ быть вопросъ о томъ, на которой сторонѣ этихъ нелѣпостей больше. Извѣстно, притомъ, что крайности и безобразія старины и бываютъ именно виноваты въ томъ, что и оппозиція, представленная нынѣ новыми направленіями, сама впадаетъ въ преувеличенія и крайности. Но разница между ними бываетъ та, что недостатки старины освящаются временемъ и обычаемъ точно также, какъ и ея достоинства; и какіе бы аргументы ни выставлялись противъ этихъ недостатковъ новыми направленіями, всегда находятся защитники старины, которые будутъ вопіять о нарушеніи этого освященія. У насъ бывали систематическіе противники желѣзныхъ дорогъ; до сихъ поръ есть систематическіе противники освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и т. д. и т. д.

Справедливо ли дѣлаетъ и г. Уманецъ, когда забываетъ обо всемъ этомъ невыгодномъ положеніи новыхъ «порывовъ» и «направленій», осуждая ихъ въ своей книгѣ. Имѣетъ ли онъ, напр., право говорить о «дешевомъ реализмѣ», когда на самомъ дѣлѣ, этотъ реализмъ, котораго желаетъ отъ нашей школы значительная часть общества, не успѣлъ даже имѣть ни достаточно времени, ни сколько-нибудь достаточнаго простора, чтобы быть примѣненнымъ въ школьномъ устройствѣ и преподаваніи? О «дешевомъ классицизмѣ» есть полная возможность говорить, потому что въ исторіи нашего просвѣщенія былъ уже цѣлый длинный административный періодъ, въ теченіе котораго этотъ классицизмъ игралъ большую роль въ русской школѣ. Но, конечно, критикъ русской школы въ настоящую минуту не имѣетъ еще никакого права свысока отзываться о реализмѣ, который до сихъ поръ еще не имѣлъ въ этой школѣ никакого дѣйствительнаго значенія; а смѣшивать его въ своемъ словоупотребленіи съ спеціализмомъ кадетскихъ корпусовъ, съ обученіемъ сахарному производству и т. п., какъ дѣлаетъ отчасти авторъ,—значитъ, имѣть очень неясное представленіе о томъ, чего хочетъ педагогическое направленіе, защищающее реализмъ...

Разставаясь съ книжкой г. Уманца, нельзя не пожалѣть, что авторъ, взявшись очевидно съ большой доброй волей за такой важный предметъ, какъ общественное воспитаніе, мало вникнулъ въ сущность положенія этого вопроса въ нашей общественной жизни и литературѣ; употребивши на это больше вниманія, онъ понялъ бы дѣло вѣрнѣе и принесъ бы больше пользы своимъ читателямъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго Съ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, его письма и біографическими о немъ свѣдѣніями. Москва, 1869.

Баратынскій былъ однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ поэтовъ Пушкинской школы и Пушкинскаго кружка, и для читателей, интересующихся прошедшимъ русской поэзіи, изданіе его сочиненій должно быть пріятнымъ явленіемъ. Въ исторіи поэзіи Пушкинскаго кружка Баратынскій, безъ сомнѣнія, долженъ занять важное мѣсто, и его сочиненія доставятъ много разъясненій ея лучшихъ и ея слабыхъ сторонъ. Этюдъ о Баратынскомъ могъ бы имѣть немалый историческій интересъ, и мы ожидали-было встрѣтить таковой при новомъ изданіи...

Издатели настоящаго собранія, повидимому, прилагали къ своему дѣлу большое стараніе. Изданіе сдѣлано на хорошей бумагѣ, первыя буквы стихотвореній украшены виньетками (впрочемъ, только въ началѣ книги), корректура внимательна; «по примѣру изданій, появившихся въ послѣднее время», къ стихотвореніямъ приложено множество варіантовъ (отчасти важныхъ, но большею частью неважныхъ); приложенъ портретъ,—или впрочемъ не портретъ, а рисунокъ бюста, намъ кажется очень невыразительный и безжизненный, какъ всѣ рисунки съ бюстовъ...

Но мы очень пожалѣли, что издатели не обратили своихъ стараній на другую сторону дѣла, которая важнѣе бумаги, виньетокъ и, пожалуй, даже многихъ варіантовъ. Мы говоримъ о совершенномъ отсутствіи какой-нибудь характеристики литературной дѣятельности Баратынскаго, и о слишкомъ недостаточной біографіи. И тому и другому посвящено въ книгѣ десять страничекъ, и то пересыпанныхъ выписками изъ его стихотвореній; въ этомъ вся біографія. Правда, дальше слѣдуютъ письма Баратынскаго, изъ которыхъ читателю самому предоставляется извлекать что ему угодно,—но намъ кажется, что долгъ издателей былъ бы дать читателю болѣе обстоятельную біографію поэта, которому сами они придаютъ, кажется, большую цѣну. Въ самой перепискѣ читатель принужденъ—на свой страхъ—разъяснять различныя буквы, которыми обозна-

Digitized by Google

ваются упоминаемыя въ письмахъ лица. Мы не знаемъ, стоятъ ли эти буквы въ самомъ подлинникѣ писемъ, или они поставлены издателями. Въ послѣднемъ случаѣ мы не можемъ отыскать никакого смысла въ этихъ умолчаніяхъ. Заставляя читателя самого соображать по этимъ письмамъ отношенія Баратынскаго, его связи съ тѣми или другими современниками, издатели ставятъ здѣсь читателю препятствія, полагаемъ, совершенно ненужныя. Они, напротивъ, обязаны были бы скорѣе сами сколько возможно разъяснить подобныя буквы, еслибы они находились въ подлинникѣ. Что извлечетъ читатель изъ такихъ, напримѣръ, данныхъ:

„Поцѣлуй за меня П..... и Р.... въ лобъ“ и проч. (въ письмѣ Дельвига).

„....Таково положеніе М..... и мое и большей части молодыхъ людей нашего времени“ (въ письмѣ Баратынскаго къ Н. В. Путятѣ).

Кто *М....* и что съ нимъ случилось?

„.... Успѣлъ повидаться съ Р..... и съ М.... (id.).

„Любезнаго Б....ва, нѣжнаго обожателя Ѳ. В. Б.....на, благодарю за замѣчаніе (id.), и такъ далѣе.

Неужели издатели опасались назвать даже Ѳ. В. Булгарина?

Кромѣ того, въ письмахъ являются еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ точки, повидимому, не принадлежащія автору, а поставленныя издателями по ихъ видамъ,—напр. въ особенности на стр. 414. Если не ошибаемся, въ этихъ точкахъ должна идти рѣчь именно о такихъ вещахъ, отношеніе къ которымъ существенно опредѣляетъ взгляды корреспондентовъ. Послѣ этихъ точекъ идетъ нѣсколько очень неодобрительныхъ фразъ, относящихся къ декабристамъ. Въ томъже родѣ, кажется, точки на стр. 416, 417,— а можетъ быть еще и во многихъ другихъ мѣстахъ, не знаемъ.

Вѣроятно, по особымъ же видамъ издатели не упомянули совсѣмъ разсказовъ о той юношеской шалости въ Пажескомъ корпусѣ, которая имѣла такое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Баратынскаго, и между прочимъ вызвала теплое заступничество Жуковскаго. Неужели издатели думали, что ребяческая шалость можетъ набросить какую-нибудь тѣнь на личность Баратынскаго? По крайней мѣрѣ, слѣдовало бы указать, гдѣ можно было бы читателю найти эти свѣдѣнія.

Наконецъ, если у издателей не нашлось возможности составить болѣе отчетливой біографіи, почему бы они не могли, по крайней мѣрѣ, собрать и указать біографическій матеріалъ, котораго они не могли разработать сами? Такія указанія были бы гораздо важнѣе, чѣмъ напр., очень многіе изъ собранныхъ издателями варіантовъ, занимающихъ цѣлые печатные листы.

Очень жаль, вообще, что издатели поняли такъ свою задачу въ этомъ собраніи сочиненій Баратынскаго. Они позаботились только объ однихъ варіантахъ, и въ этомъ отношеніи, — «по примѣру изданій, появлявшихся въ послѣднее время» — примѣнили къ Баратынскому способъ изданія, приложимый въ сущности только къ классическимъ первостепеннымъ писателямъ, и наполнили книгу варіантами, не позаботившись о болѣе существенныхъ принадлежностяхъ изданія. Намъ кажется, что и тѣ изданія, которыя служили образцомъ этому, слишкомъ преувеличиваютъ заботу о собираніи каждаго чернового листка, который брошенъ былъ самимъ писателемъ въ корзину, но былъ спасенъ изъ нея для потомства какимъ-нибудь благодѣтельнымъ случаемъ. Такой листокъ можетъ быть «драгоцѣненъ» когда онъ принадлежитъ Пушкину или Лермонтову; но даже и въ такомъ случаѣ онъ «драгоцѣненъ» не всегда.

Стасюлевичъ.

БИБЛІОТЕКА ...ВСКАГО ...ССКАГО КУПЕЧЕСКАГО СОБРАНІЯ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

мыцкая степь Астраханской губерніи, по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи. Изд. Мин. госуд. имущ. Спб. 1868. Ц. 5 р.

ѣло идетъ о пространствѣ земли, между Вол- и Дономъ, занимающемъ 8 милліоновъ десятинъ, предѣлахъ котораго кочуетъ около 120.000 ъ обоего пола. По выраженію автора, эти 8 л. десятинъ европейской Россіи составляютъ чти неизвѣстную страну", состоявшую въ вѣ- іи министерства государ. имуществъ. Въ 1860 г., нистерство назначило экспедицію для ознаком- ія съ этимъ краемъ, въ геологическомъ и итико-экономическомъ отношеніи. Предъ нами ерь результатъ занятій экспедиціи, представ- щій много весьма любопытныхъ данныхъ; изда- богато снабжено картами, планами и рисун- и. Къ сожалѣнію, экспедиція не могла (!) въ іи найти для себя натуралиста, какъ жалуют- на то издатели (см. стр. 5), и удобный случай изученію богатствъ природы Калмыцкой степи ъ потерянъ. Потому отсутствіе естественныхъ дѣній о краѣ составляетъ чувствительный не- атокъ изданія и вызываетъ печальныя мысли остояніи естествовѣдѣнія у насъ. Пусть обра- ъ на это вниманіе, кому то слѣдуетъ, и проч- ъ, какимъ образомъ экспедиція искала для себя уралиста, и какъ она не нашла никого. Это ма любопытно и назидательно!

ружныя силы Россіи. Соч. *Р. Фадѣева.* Мо- сква, 1868. Стр. 314. Ц. 1 р. 50 к.

рудъ г. Фадѣева весьма извѣстенъ по первому изданію въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Нынѣ этотъ ъ является не только отдѣльною книгою, но ъ большими измѣненіями и дополненіями. Ав- ъ съумѣлъ сдѣлать общедоступнымъ предметъ себѣ весьма спеціальный, не пожертвовавъ ни- лько основательностью изслѣдованія и сужденія. имѣемъ въ виду познакомить читателей ближе содержаніемъ и выводами труда г. Фадѣева, а ому ограничимся теперь однимъ указаніемъ на выходъ въ свѣтъ.

ои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Исторія Греціи въ біографіяхъ, *Г. В. Штолля.* Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Г. Васильевскаго. Спб. 1868. Стр. 435. Ц. 2 р.

то—первый томъ извѣстнаго сочиненія Штолля: торія Греціи и Рима въ біографіяхъ". Какъ острація класснаго преподаванія исторіи, рус- переводъ Штолля будетъ, вѣроятно, принятъ благодарностью преподавателями, тѣмъ болѣе, онъ исполненъ довольно тщательно и добро- стно. Можно жаловаться только на высокую у книги переводной, въ составъ которой не итъ авторскій трудъ; едва ли учащіеся и уча- назовутъ подобное изданіе общедоступнымъ, слѣдовало бы желать книгѣ, предназначенной ючительно для класснаго употребленія.

Воспоминанія Слѣпаго. Путешествіе вокругъ свѣта *Жака-Араго.* Перев. Л. Муратова и Ф. Отто. Два тома. Москва, 1868. Стр. 449 и 400.

Жакъ Араго, братъ знаменитаго натуралиста Франсуа Араго, сдѣлалъ кругосвѣтное плаваніе, состоя при экспедиціи, въ качествѣ туриста и секретаря съ 600 франк. годового жалованья. Впослѣдствіи, лишившись зрѣнія, онъ продиктовалъ свои воспоминанія, въ высшей степени разнообразныя, и наполненныя интересными разсказами, драматическими приключеніями, историческими воспоминаніями и поэзіею. Въ особенности, занимательно его описаніе Новой Голландіи. Такое произведеніе, во всякомъ случаѣ, заслуживало бы лучшаго перевода и болѣе тщательнаго изданія: между тѣмъ, въ русскомъ переводѣ мы встрѣчаемъ чуть не на каждомъ шагу рѣдкія безсмыслицы въ родѣ слѣдующихъ: „Араго будетъ очень жалѣетъ", или: „Авторъ хотѣлъ захватить, то чѣмъ никто еще недѣлалъ (?) весь міръ мореплавателей". Трудно повѣрить, до чего можетъ доходить небрежность изданія, а едва ли приведенныя безсмыслицы можно отнести на счетъ переводчиковъ.

Сѣверный полюсъ и земля Ялмакъ. Путевыя записки. Сочин. Ю. И. Кушелевскаго. Спб. 1868. Стр. 121. Ц. 2 р. 25 к.

Авторъ издаетъ свои замѣтки, сдѣланныя во время его пребыванія по службѣ въ Обдорскѣ въ 1852—54, и во время экспедицій на сѣверъ 1862—65 гг. Изданіе снабжено рисунками и русско-самоѣдскимъ словаремъ. Авторъ самъ проситъ извинить его „за нецвѣтистое изложеніе" этихъ записокъ; но это не главный ихъ недостатокъ; болѣе важно то, что въ авторѣ незамѣтно предварительной подготовки, и потому его наблюденія надъ страною и людьми остались весьма поверхностны, а выводы и замѣтки — наивны.

Мѣсяцесловъ на 1869 годъ. Съ портретомъ королевы Эллиновъ Ольги Константиновны. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Ц. 1 р. въ папкѣ.

Академическій календарь поставилъ съ 1868 г. цѣлью снабжать свою общую часть публикаціею данныхъ, источники которыхъ не всегда бываютъ доступны для другихъ. Такъ, въ 1868 г. были помѣщены таблицы государственнаго долга; въ нынѣшнемъ изданіи мы встрѣчаемъ таблицы, составленныя В. П. Безобразовымъ, объ исполненіи росписи за 1866 г., и таблицы внѣшней торговли, составленныя Ѳ. Г. Тернеромъ. Укажемъ также на статью Б. С. Якоби о единообразіи мѣръ, вѣсовъ и монетъ, цѣлый новый географическій отдѣлъ его же, и особую статью П. П. Нейгардта о движеніи населенія въ Петербургѣ. Къ числу недостатковъ мы отнесли бы составленіе некролог, который состоитъ почти изъ указаній дня и года смерти лицъ, между тѣмъ, какъ не составило бы большого труда вить этотъ отдѣлъ до фактическихъ біограф

Digitized by Google

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЪ 1869 ГОДУ

ВЫХОДИТЪ 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ: шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ:

С.-Петербургъ и Москва. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . . „ **17** „ — „ **9** „

Примѣчаніе. — Подписная цѣна съ пересылкою увеличена на одинъ рубль, вслѣдствіе увеличенія Почтамтомъ таксы за пересылку журнала: вмѣсто прежнихъ 1 руб. — 2 руб.

За-границу, подписка принимается только *на годъ*, съ приложеніемъ къ цѣнѣ, установленной за пересылку по почтѣ въ бандеролях: **1** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію*; **2** руб. въ *Бельгію*; **3** руб. во *Францію* и *Данію*; — **4** руб. въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію* и *Португалію*; — **5** руб. въ *Швейцарію*; — **6** руб. въ *Италію* и *Римъ*.

Городская подписка принимается, *въ Петербургѣ:* въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (на Невскомъ пр., у Казан. моста; открытъ по будн. отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ и воскреснымъ днямъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается *по почтѣ*, съ надписью: *Въ Редакцію журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20)*. Только въ такомъ случаѣ редакція принимаетъ жалобы отъ подписчиковъ. Подписывающіеся *лично* обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ редакціи журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтѣ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ редакціи журнала «Вѣстникъ Европы».*

☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго почтою, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи. ☜

ПОДПИСКА ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

305

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

И ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-ая.

ДЕКАБРЬ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

PRINTED IN RUSSIA

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
522688A
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS
R 1931 L

КНИГА 12-ая. — ДЕКАБРЬ, 1868.

Стр

I. — ПАДЕНІЕ СПЕРАНСКАГО. — **М. И. Богдановича.** 495

II. — ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДІИ: «ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ». — **Гр. А. К. Толстаго.** 506

III. — КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ И ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ. — 1764 — 1770 гг. — VIII - XIII. — **И. Ѳ. Дубровина.** 543

IV. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга третья.—I-XIII. (Конецъ первой части) 595

V. — НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ. — I. Востокъ: I. Китай. II. Египетъ. III. Ассирія и Вавилонъ. IV. Финикія.—**С. М. Соловьева.** 676

VI. — РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812—1826. — IV. Личное настроеніе имп. Александра. — Дѣйствія Шишкова. — Положеніе дѣлъ Общества за послѣднее время и окончательное его закрытіе, 12 апрѣля 1826 г. — Обвиненія противъ Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи». — Приложенія. (Окончаніе). — **А. Н. Пыпина** 708

VII. — ПОКИНУТЫЙ ДОМЪ. — Стих. **Я. П. Полонскаго.** 769

VIII. — ТУРЕЦКІЯ РЕФОРМЫ И БЮРОКРАТІЯ. — **Л. А-въ.** 773

IX. — МОЛОКАНЕ И ДУХОБОРЦЫ ВЪ УКРАИНѢ И НОВОРОССІИ. (XVIII-й в.).— VI-X. Нравы и обычаи молоканъ; молоканство въ Таврической губерніи; Молочныя-воды; молокане Астраханской губерніи; астраханское духоборство; исповѣданіе вѣры молоканъ села «Пришибъ»; правительственный отзывъ о молоканахъ астраханскихъ. (Окончаніе). **О. Либанова.** 809

X. — МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ И КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ. — **Н. Х — въ.** 837

XI. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ. —

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отношенія народа у насъ къ дѣлу образованія. — Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія. — Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія.—Примѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати. — Новый проектъ податей. — Оффиціальная печать и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ» 852

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ: Положеніе партій и временнаго правительства въ Испаніи. — Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы государствъ. — Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія. — Книга Тенэ и дѣло Бодена. — Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители. — Австрійскій рейхсратъ. — Прусскій парламентъ и рѣчь короля. — Италія и ея кошмаръ. — Вопросъ о министерствѣ въ Англіи. — Грантъ 868

XII. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ. — Хроника общественной жизни. — **о** — 888

XIII. — ТЕАТРЫ. — БЕНЕФИСЪ г. БУРДИНА: Новая комедія А. Н. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты». — **В. Т.** 901

XIV. — КРИТИКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ ГЕРМАНІИ. — «Иванъ Тургеневъ», Юл. Шмидта. — **Л. П.** 909

XI. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.—Ноябрь.—I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія профессора Роммеля. **К-ій.** — Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. И. Галкина. — Окраины Россіи. Юр. Самарина. — Богословскія сочиненія А. С. Хомякова. — Галичина и Молдавія. В. Кельсіева. **Д.** — II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА: The invasion of Crimea, by Kinglake. — Journal humoristique du siége de Sébastopol, par un artilleur. **И. И.** 917

XVI. — АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1868 годъ 957

XVII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Прилагаются объявленія о русской и иностранной книжной торговлѣ:
1) А. Ѳ. Базунова; 2) Я. А. Исакова; 3) А. А. Черкесова; — и объ изданіи въ 1869 году: 1) „Вѣстникъ Европы“; 2) „Космосъ“; 3) „Учитель“; и 4) „Русскій“.

Digitized by Google

БИБЛІОТЕКА КІЕВСКАГО РУССКАГО КУПЕЧЕСКАГО СОБРАНІЯ

ПАДЕНІЕ

СПЕРАНСКАГО

Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе въ нашей администраціи — паденіе Сперанскаго [1]).

Со времени преобразованія государственнаго совѣта, Сперанскій, нося званіе государственнаго секретаря и директора коммиссіи составленія законовъ, былъ душею всѣхъ нововведеній, по административной, законодательной и финансовой частямъ, состоялъ въ званіи канцлера Абоскаго университета, членомъ главнаго правленія училищъ, занимался по дѣламъ ново-присоединенныхъ областей, Бѣлостокской и Тарнопольской, и проч. Награды, ему пожалованныя, соотвѣтствовали трудамъ его. Въ началѣ 1812 года, Сперанскій—послѣ пятнадцати-лѣтней службы — уже тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, пользовался довѣренностью императора Александра, которая, при склонномъ къ увлеченію характерѣ государя, имѣла видъ дружбы, насколько это возможно при отношеніяхъ монарха къ подданному. Императору Александру было пріятно держать при себѣ человѣка даровитаго, обязаннаго ему всѣмъ, исключительно ему преданнаго. Сперанскій, стремясь оправдать благосклонность государя новыми заслугами, посвящалъ все свое время общественнымъ дѣламъ, ведя бытъ отшельника, удѣляя лишь немногіе часы отдыху, въ кругу своего семейства и нѣсколькихъ лицъ къ нему близкихъ, и не заботясь о связяхъ, пріобрѣтеніе коихъ было-бы нетрудно для человѣка, ласкаемаго фортуною. Самъ онъ, говоря впослѣдствіи о своей невзгодѣ,

[1]) Изъ III тома неизданнаго сочиненія М. И. Богдановича: *„Исторія императора Александра I и Россіи въ его время“.*

Digitized by Google

прибавлялъ: «Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло-бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца». Весьма естественно, что быстрое возвышеніе Сперанскаго возбудило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не сознавали, что таланты—даръ Божій—не даются каждому, что Сперанскій достигъ наградъ и почестей тяжкими трудами; никто изъ нихъ не подумалъ о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ имъ въ заботѣ о пользѣ общей. Сперанскаго ненавидѣли почти всѣ: одни за то, что онъ, по ихъ понятіямъ, занялъ принадлежащее имъ мѣсто; другіе, за то, что предложенными имъ нововведеніями нарушилъ ихъ интересы.

Преобразованія государственныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ усиліями Сперанскаго уменьшить расходы по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества. Не менѣе нажилъ онъ себѣ непріятелей двумя проектами указовъ, утвержденныхъ государемъ въ 1809 году: однимъ о придворныхъ званіяхъ—и другимъ, объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Императоръ Александръ всегда смотрѣлъ неблагопріятно на придворные чины, если съ ними не были соединены другія обязанности; въ особенности же не жаловалъ онъ молодыхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, служащихъ для внѣшняго блеска придворныхъ выходовъ и баловъ, и называлъ ихъ полотёрами. Онъ не могъ хладнокровно видѣть, какъ сыновья знатныхъ людей, получивъ едва не въ колыбели камеръ-юнкерскія и камергерскія званія, дававшія прямо чинъ: первыя 5-го, а вторыя—4-го класса, проводили жизнь въ праздности, а когда рѣшались вступать на дѣйствительную службу, не были приготовлены ни къ чему дѣльному и занимали высшія мѣста, къ огорченію служакъ, своихъ подчиненныхъ, и въ ущербъ принятыхъ на себя обязанностей. Это вопіющее злоупотребленіе было прекращено высочайшимъ повелѣніемъ: камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоящимъ въ военной и гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; на будущее время, эти званія, пожалованныя кому-либо по уваженію къ заслугамъ предковъ, считать отличіями, не приносящими никакого чина: наконецъ, всякому, получившему такія званія, продолжать, вмѣстѣ съ исполненіемъ придворныхъ обязанностей, дѣйствительную службу, наравнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ [1]).

[1]) Именной указъ сенату, 3 апрѣля 1809 года. (Полн. собр. закон. т. XXX, № 23,559).

Digitized by Google

Казалось бы, что такое постановленіе, заграждавшее путь къ чинамъ и отличіямъ только лишь неспособнымъ людямъ, долженствовало быть встрѣчено общимъ одобреніемъ. Вышло иначе: порицали Сперанскаго, упрекая его, какъ человѣка новаго, вышедшаго изъ ничтожества, въ зависти и недоброжелательствѣ къ лицамъ знатнаго происхожденія, въ республиканскомъ направленіи, въ вольнодумствѣ. Говорили, будто бы императоръ Александръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожалъ дотолѣ сохранившійся у насъ призракъ аристократіи и стремился къ водворенію въ Россіи такого порядка, какой существуетъ въ Турціи, гдѣ сынъ верховнаго визиря не пользуется никакими преимуществами предъ сыномъ простолюдина, и проч. [1]).

Еще болѣе шума надѣлалъ другой указъ, въ составленіи котораго вмѣстѣ съ Сперанскимъ участвовалъ графъ Завадовскій.

При Петрѣ Великомъ, на основаніи табели о рангахъ 1722 года, чины означали самыя мѣста: коллежскій регистраторъ былъ регистраторъ коллегіи; коллежскій секретарь—секретарь коллегіи, и т. д., точно также, какъ прапорщикъ — субалтернъ-офицеръ, поручикъ—помощникъ и заступающій мѣсто ротнаго командира, капитанъ—ротный, и полковникъ—полковой командиры. Но впослѣдствіи, при императрицѣ Екатеринѣ II-й, для производства въ чины по статской службѣ, до коллежскихъ ассесоровъ, были назначены сроки выслуги [2]), а императоръ Павелъ распространилъ такое производство по срокамъ до статскихъ совѣтниковъ [3]). Молодые люди, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ, проживая въ Петербургѣ и проводя время весело и праздно (по большей части въ Англійскомъ клубѣ), достигали повышенія въ чины, дававшіе имъ почетное положеніе въ обществѣ. Другіе чиновники, дѣльцы, въ совершенствѣ изучившіе канцелярскій порядокъ, но весьма часто невѣжды во всемъ прочемъ, выслуживъ положенные сроки, также повышались на равнѣ съ своими товарищами, получившими хорошее образованіе. Такой порядокъ дѣлъ противорѣчилъ обнародованному въ 1803 году указу *объ устройствѣ училищъ*, коимъ постановлено, чтобы, чрезъ пять лѣтъ со времени указаннаго образованія учебной части, никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ курса въ общественномъ или частномъ училищѣ [4]). Учрежденіе четырехъ но-

[1]) Воспоминанія Вигеля (рукопись). Часть 3-я.

[2]) Указъ 16 декабря 1790 года (Полн. собр. закон. № 16,930-й).

[3]) Указъ 9 декабря 1799 года (Полн. собр. закон. № 19,219-й).

[4]) Именной указъ сенату, 26 генваря 1803 года (Полн. собр. закон. т. XXVII, № 20,597-й).

Digitized by Google

выхъ университетовъ и многихъ гимназій позволяло надѣяться, что всѣ свободныя состоянія, въ особенности же дворянство, поспѣшатъ воспользоваться новыми средствами для образованія своихъ дѣтей. Но правительство находило, что число учащихся въ новооткрытыхъ заведеніяхъ не вполнѣ соотвѣтствовало просвѣщеннымъ его видамъ, и что дворянство, въ сравненіи съ прочими сословіями, не выказало достаточно готовности содѣйствовать мѣрамъ, принятымъ для народнаго образованія. Надлежало, повидимому, на пользу науки, не понятую въ обществѣ, употребить понудительныя мѣры [1]).

Императоръ Александръ, въ концѣ лѣта 1809 года, страдая отъ ушиба ноги (слѣдствія котораго, какъ извѣстно, по временамъ чувствовалъ государь до самой кончины своей), оставался нѣсколько дней безвыходно въ Петергофѣ. Тамъ былъ составленъ и подписанъ указъ 6-го августа, о правилахъ производства въ чины по гражданской службѣ. О предстоявшемъ изданіи его зналъ одинъ только графъ Аракчеевъ, который тогда же поспѣшилъ исходатайствовать нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника [2]).

Находя главнымъ поводомъ равнодушія къ образованію удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, а однимъ лишь пребываніемъ на службѣ, правительство признало нужнымъ постановить, чтобы: во-1-хъ, впредь не производить никого въ коллежскіе ассесоры, хотя бы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ, въ успѣшномъ окончаніи тамъ курса, либо въ выдержаніи установленнаго испытанія; во-2-хъ, такое же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ, и въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ дѣйствительно: совѣтникомъ, прокуроромъ, правителемъ канцеляріи, или начальникомъ экспедиціи. Къ указу была приложена программа для испытанія въ университетахъ чиновниковъ на производство въ помянутые чины, по коей требовалось: «грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ иностранныхъ языковъ и удобность переводить съ него на русскій; основательное знаніе правъ: естественнаго, римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству, и свѣдѣнія въ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля.

[2]) Бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I, 178.

Digitized by Google

государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіей; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ, знаніе, по крайней мѣрѣ, начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ физикѣ» [1]).

Это постановленіе, какъ и должно было ожидать, возбудило горькія жалобы въ многочисленной средѣ чиновниковъ, не хотѣвшихъ и неспособныхъ пріобрѣсти требуемыя отъ нихъ познанія. Трудно, почти невозможно было ожидать, чтобы люди, живущіе однимъ жалованьемъ и не имѣющіе почти вовсе свободнаго времени, могли удѣлять часть его для занятія науками. Изъ этого выходило, что даже самые способные изъ нихъ были осуждены оставаться весь вѣкъ въ однихъ и тѣхъ же чинахъ. Что̀ оставалось имъ дѣлать? Безкорыстные люди, имѣющіе насущный хлѣбъ, могли бросить службу, не удовлетворявшую ихъ честолюбію, а недобросовѣстные и неимущіе были вынуждены вознаграждать себя казнокрадствомъ и взятками за потерю надежды улучшить свое состояніе усердною службою. Нельзя не сознаться, что въ этихъ жалобахъ была нѣкоторая доля справедливости: конечно — не служба создана для чиновниковъ, а чиновники существуютъ для службы; тѣмъ не менѣе однакоже люди, посвятившіе себя извѣстнаго рода дѣятельности, по вызову правительства, имѣли нѣкоторыя права на участіе общества. Но такова большею частію судьба преобразованій: въ началѣ они нарушаютъ частные интересы; впослѣдствіи же дѣло улаживается, и они обращаются къ пользѣ всѣхъ и каждаго. Указъ 6 августа 1809 года имѣлъ цѣлью открыть дорогу образованнымъ людямъ и имѣть на службѣ способныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ понятъ, или правильнѣе сказать, перетолкованъ въ превратномъ смыслѣ. Противъ него кричали не одни подъячіе. Самъ Карамзинъ, замѣтивъ, что въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ требовались отъ чиновниковъ только необходимыя по ихъ службѣ свѣдѣнія: отъ инженера — инженерная наука, отъ судьи — законовѣдѣніе, и проч. пишетъ: «У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сената — свойства оксигена и всѣхъ газовъ [2]), вице-губернаторъ — пифагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — римское право, или умрутъ коллежскими и титу-

[1]) Полн. собр. закон. т. XXX, № 23,771-й.

[2]) *О древней и новой Россіи.* Въ программѣ для испытанія чиновниковъ не было ни греческаго языка, ни химіи.

Digitized by Google

лярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя»... Издѣваясь надъ постановленіемъ о гражданскихъ чинахъ, знаменитый исторіографъ упустилъ изъ вида пользу общихъ энциклопедическихъ свѣдѣній для умственнаго развитія; никто не станетъ спорить, что чиновнику, прежде всего, нужно основательное знаніе всего того, что прямо требуется для исполненія его обязанностей, но не подлежитъ также сомнѣнію, что человѣкъ, получившій не одностороннее образованіе и при томъ обладающій спеціальными свѣдѣніями, либо опытностію по своей части, можетъ, при одинаковыхъ способностяхъ, принести болѣе пользы, нежели тотъ, котораго весь умственный запасъ ограничивается тѣснымъ кругомъ его служебныхъ обязанностей. Конечно—никакой экзаменъ въ наукахъ не можетъ быть вѣрнымъ мѣриломъ для сужденія о будущихъ дѣловыхъ способностяхъ чиновниковъ, потому что подобныя испытанія недостаточны для оцѣнки дѣятельности, силы воли и другихъ качествъ, которыя гораздо полезнѣе школьныхъ свѣдѣній и могутъ проявиться неиначе, какъ впослѣдствіи, на дѣйствительной службѣ. Недостатки помянутаго указа не замедлили обнаружиться, что заставило сперва сдѣлать въ немъ нѣкоторыя изъятія, а потомъ и вовсе отмѣнить его. Но онъ принесъ несомнѣнную пользу, заставя учиться [1]).

Извѣстно было также, что Сперанскій считалъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ улучшеній государственной администраціи и предполагалъ образовать среднее сословіе, ограничить число дворянъ и создать изъ крупныхъ собственниковъ аристократію, подобную той, какая существуетъ въ Англіи. Упрекали также Сперанскаго въ томъ, что онъ позволилъ напечатать сочиненіе графа Стройновскаго: *Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.* Его же обвиняли въ плохомъ состояніи нашихъ финансовъ, приписывая упадокъ курса мѣрамъ, принятымъ по его совѣту; а народъ считалъ его виновникомъ тогдашняго увеличенія налоговъ. Въ числѣ враговъ Сперанскаго были люди благомыслящіе, но пристрастные къ прежнимъ уставамъ и недовѣрявшіе нововведеніямъ, заимствованнымъ у иностранцевъ. Самъ онъ возбуждалъ сомнѣніе въ своемъ патріотизмѣ, расточая похвалы чужеземнымъ учрежденіямъ, порицая все русское, изъявляя удивленіе къ ненавистному тогда въ Россіи Наполеону. Какъ Сперанскій, по самому положенію своему, не былъ откровененъ, то причиною его скрытности полагали

[1]) Бар. Корфъ. I. 184—186.

Digitized by Google

необходимость таить преступные замыслы. Только лишь тѣ, которые имѣли случай сблизиться съ нимъ, — а такихъ было немного — отдавали ему должную справедливость; прочіе же всѣ не довѣряли ему, толковали въ дурную сторону каждый его поступокъ, приписывали ему и то, въ чемъ не имѣлъ онъ ни малѣйшаго участія, и даже сомнѣвались, либо, по крайней мѣрѣ, изъявляли сомнѣніе въ его способностяхъ, находя все сдѣланное имъ вреднымъ для Россіи. Въ числѣ петербургскихъ недоброжелателей Сперанскаго были люди, занимавшіе важныя мѣста и имѣвшіе вѣсъ въ обществѣ. Графъ Аракчеевъ, завидуя благосклонности государя къ Сперанскому, ненавидѣлъ въ немъ человѣка образованнаго, либеральнаго. Министръ полиціи Балашовъ смотрѣлъ на него враждебно, какъ на противника всякихъ произвольныхъ дѣйствій. Баронъ (впослѣдствіи графъ) Армфельдъ соперничалъ съ нимъ по дѣламъ Финляндіи. Министръ финансовъ Гурьевъ досадовалъ на него за сокращеніе штатовъ своего вѣдомства и за вмѣшательство по ввѣренной ему части. Не мало было враговъ у Сперанскаго и въ Москвѣ, тогда наполненной падшими сановниками, праздными барами и всякаго рода старовѣрами, ополчившимися на реформатора, во славу предразсудковъ и мраколюбія [1]). Но, кромѣ ихъ, возстали противъ Сперанскаго болѣе для него опасные, Карамзинъ и Растопчинъ. Первый, въ поднесенной государю запискѣ: «О древней и новой Россіи», высказалъ порицаніе многихъ дѣйствій Сперанскаго. Сама великая княгиня Екатерина Павловна, преданная отечеству всѣми возвышенными чувствами души своей, видя презрѣніе Сперанскаго ко всему русскому и пристрастіе къ Франціи, считала его измѣнникомъ, готовымъ предать государя, своего благодѣтеля, и при всякомъ случаѣ старалась остеречь обожаемаго ею брата отъ замысловъ его любимца. Ежедневно, государь слышалъ отъ ближайшихъ къ нему лицъ одни и тѣже извѣты; вездѣ — и въ дворцахъ, и въ хижинахъ, ходила молва объ измѣнѣ Сперанскаго. Александръ долго не обращалъ вниманія на эти толки, но, наконецъ, былъ увлеченъ общимъ мнѣніемъ. Чтобы устоять противъ голоса всей Россіи, въ тотъ часъ, когда нашествіе Наполеона требовало отъ царя, болѣе нежели когда-либо, сродниться душою съ народомъ, чтобы устоять тогда и прикрыть невиннаго щитомъ дарованной Богомъ власти — надлежало стать выше человѣчества, и... Александръ рѣшился наказать Сперанскаго, какъ преступника, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ преступленію. Не разъ уже оскорбленный до глу-

[1]) Графъ Сперанскій. Соч. М. Н. Лонгинова.

Digitized by Google

бины души неблагодарностью близкихъ людей, государь не могъ обсудить хладнокровно дѣйствія Сперанскаго, хотѣлъ предать его смертной казни, и только лишь великодушное вмѣшательство Паррота спасло монарха отъ поступка, котораго послѣдствіями были бы собственное раскаяніе и порицаніе исторіи.

Еще въ 1802 году, при обозрѣніи императоромъ Александромъ дерптскаго университета, проректоръ Парротъ обратилъ на себя вниманіе государя замѣчательною рѣчью, произнесенною по случаю этого событія. Сочувствуя всему прекрасному, юный монархъ пожелалъ видѣть Паррота у себя и поставилъ его въ самыя близкія отношенія къ своей особѣ. Парротъ, исполняя волю государя, весьма часто писалъ ему, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о предметахъ правительственныхъ и домашнихъ, и получалъ отъ него весьма искреннія — можно сказать — задушевныя письма; а пріѣзжая въ Петербургъ, шелъ прямо въ государевъ кабинетъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ императоромъ, довѣрявшимъ ему свои государственныя и частныя тайны. Въ то время, когда гроза монаршаго негодованія готовилась разразиться надъ Сперанскимъ, Парротъ, проведя нѣсколько дней въ Петербургѣ, и собравшись ѣхать обратно въ Дерптъ, посѣтилъ государя въ послѣдній разъ, ввечеру 15 (27) марта, и услышавъ отъ него строгій приговоръ Сперанскому, рѣшился, на слѣдующій день, послать монарху письмо, въ которомъ старался отклонить его отъ принятаго имъ въ пылу гнѣва намѣренія [1]). Вотъ эти замѣчательныя строки, дѣлающія столько же чести подданному, написавшему ихъ, сколько и государю, благосклонно принявшему отзывъ своего друга:

«Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ.... Въ минуту, когда вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а еслибъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то вамъ ли его судить; всякая же коммисія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперан-

[1]) Бар. Корфъ. II. 12—13.

Digitized by Google

скаго ненавидятъ за то, что вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами, кромѣ васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то все же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются, между прочимъ, и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій другого своего благодѣтеля. Докажите умѣренностію вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на васъ дѣйствовать. На нее же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною вашего характера, чтобы овладѣть вами» [1]).

17-го (29-го) марта, въ воскресенье, Сперанскій обѣдалъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, г-жи Вейкардтъ. Туда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ Сперанскому явиться къ государю, въ 8-мь часовъ вечера. Сперанскій, котораго не требовали съ докладомъ уже болѣе мѣсяца, поспѣшилъ домой, чтобы приготовить и взять съ собою бумаги по важнѣйшимъ дѣламъ, и прибывъ во дворецъ въ назначенное время, нашелъ въ секретарской комнатѣ пріѣхавшаго также съ докладомъ князя Александра Николаевича Голицына. Сперанскаго позвали прежде. Государь долго занимался съ нимъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ докладъ и уложивъ на-скоро бумаги въ портфель, Сперанскій ожидалъ приказанія уйти, но императоръ, быстро вставъ съ кресла, отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, и принявъ свойственную ему величественную позу, сказалъ: «Подождите, Михаилъ Михайловичъ, мнѣ нужно еще поговорить съ вами», и за тѣмъ сталъ упре-

[1]) Бар. Корфъ. II, 13—14.

Digitized by Google

кать своего бывшаго любимца — въ нарушеніи государственной тайны, въ порицаніи дѣйствій правительства, въ стремленіи ниспровергнуть издавна существующій порядокъ управленія и поколебать государство разстройствомъ финансовъ. «Вы хотѣли даже уничтожить сенатъ — созданіе Петра Великаго», сказалъ онъ. Изливъ свое неудовольствіе, государь, видимо тронутый, кончилъ рѣчь словами: «Послѣ смерти отца моего, я сегодня перенесъ наибольшее огорченіе. Прощайте, Михаилъ Михайловичъ». Сперанскій, откланявшись и уже притворяя за собою дверь, замѣтилъ смущеніе государя и невольно увлеченный волновавшими его самого чувствами, опять вошелъ въ кабинетъ и бросился цѣловать руку своего вѣнчаннаго благодѣтеля, но Александръ, не дозволилъ того, обнялъ Сперанскаго, сказавъ: «Прощайте! Я дамъ вамъ знать, кому вы должны передать ваши обязанности» [1]). Выйдя отъ государя, уже въ десять часовъ, Сперанскій, съ заплаканными глазами, почти въ безпамятствѣ, сталъ убирать въ секретарской свои бумаги, оборотясь къ князю Голицыну спиною, чтобъ скрыть свое смятеніе, и замкнувъ портфель, ушелъ изъ комнаты; но потомъ, какъ-бы придя въ себя, отворилъ дверь, сказалъ князю: «прощайте, ваше сіятельство», и удалился. Спустя нѣсколько минутъ, государь выслалъ сказать князю Голицыну, что не можетъ его принять и проситъ пріѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

Вотъ все, что можно сказать достовѣрнаго на счетъ послѣдней аудіенціи Сперанскаго у государя въ 1812 году; самъ онъ избѣгалъ говорить о томъ, и даже на вопросы своей дочери отвѣчалъ, что «про-то вѣдаетъ и долженъ быть судьею — одинъ Богъ» [2]).

Изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ Магницкому [3]), гдѣ засталъ жену его въ слезахъ и узналъ, что Магницкаго, въ тотъ же вечеръ, увезли въ Вологду. Возвратясь къ себѣ (въ домъ у Таврическаго сада), Сперанскій нашелъ у подъѣзда почтовую кибитку, а въ передней частнаго пристава Шипулинскаго. На вопросъ Сперанскаго: «что вамъ нужно?» приставъ указалъ дверь въ его кабинетъ. Тамъ нашелъ онъ одного изъ главныхъ недоброжелателей своихъ, министра полиціи Балашова и правителя канцеляріи министерства де-Санглена, завѣдывавшаго всѣми дѣлами по тайной полиціи. Балашовъ объявилъ Сперанскому волю

---

[1]) Слышано отъ Г. Л., долго служившаго при Сперанскомъ.

[2]) Бар. Корфъ II. 15—16.

[3]) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, съ 1803 года сдѣлавшійся извѣстнымъ Сперанскому, впослѣдствіи былъ ближайшимъ сотрудникомъ его. *Русск. Вѣстникъ* 1864. VI. Магницкій—Е. М. Ѳеоктистова.

Digitized by Google

государя — опечатать его кабинетъ, а его самого отправить въ Нижній-Новгородъ. Сперанскій, желая оградить себя отъ новыхъ извѣтовъ, просилъ позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ въ особый пакетъ, за своею печатью, для передачи, вмѣстѣ съ нѣсколькими строками, имъ тогда же написанными, прямо государю. Балашовъ согласился. Въ числѣ бумагъ, запечатанныхъ въ пакетѣ на имя государя, были двѣ дешифрированныя депеши, присланныя отъ нашего посла при копенгагенскомъ дворѣ и взятыя Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ высочайшаго на то разрѣшенія, за что впослѣдствіи былъ посаженъ въ крѣпость выдавшій ихъ чиновникъ министерства Бекъ. По поводу этого дѣла, императоръ Александръ сказалъ министру юстиціи Дмитріеву: «Сперанскій до того былъ наглъ, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ» [1]).

По передачѣ бумагъ Балашову, надлежало ѣхать. Сперанскій не имѣлъ духа разбудить тещу и дочь, чтобы съ ними проститься, и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ дверь ихъ спальни, оставилъ записку, въ которой, извѣщая ихъ о своемъ отъѣздѣ на время въ Нижній-Новгородъ, приглашалъ обѣихъ пріѣхать къ нему весною. За тѣмъ, уже послѣ полуночи, онъ, въ сопровожденіи пристава, отправился въ ссылку [2]).

Неожиданная вѣсть о паденіи Сперанскаго, быстро разнесшаяся по всей Россіи, была встрѣчена общею радостью. Никто не сожалѣлъ о немъ, и напротивъ того, многіе, удивляясь милосердію государя, роптали на его кротость, спасшую измѣнника отъ заслуженной кары; общая ненависть къ изгнанному временщику была такъ сильна, такъ распространена въ народѣ, что Сперанскій, пожелавъ взглянуть на Макарьевскую ярмарку, едва не былъ убитъ въ гостиномъ дворѣ разъяренною чернью [3]).

Еще и теперь не вполнѣ разъясненъ вопросъ: дѣйствительно-ли былъ виновенъ Сперанскій? Быть можетъ, онъ былъ небезупреченъ, но, конечно, не въ томъ, въ чемъ обвиняли его въ смутную эпоху 1812 года, когда пристрастіе къ Наполеону и Франціи было, въ понятіяхъ русскаго народа, государственною измѣною. Что Сперанскій не былъ измѣнникомъ, доказательствомъ тому служитъ довѣріе къ нему впослѣдствіи императора Александра и его преемника.

М. Богдановичъ.

---

[1]) И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. 193—194 и 196.
[2]) Бар. Корфъ. II. 19.
[3]) Воспоминанія Вигеля.

Digitized by Google

ПРОЕКТЪ ПОСТАНОВКИ

НА СЦЕНУ

ТРАГЕДІИ: „ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ІОАННОВИЧЪ“.

Хотя въ настоящую минуту мнѣ еще неизвѣстно, будетъ ли дана эта драма [1]), но я нахожу не лишнимъ изложить мои объясненія теперь же, въ надеждѣ, что нѣкоторыя изъ нихъ окажутся не безполезными для драматическихъ артистовъ вообще, и что, во всякомъ случаѣ, они могутъ пригодиться на частномъ театрѣ.

«Царь Ѳедоръ» есть особая, замкнутая въ себѣ драма, но вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ продолженіемъ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго», и составляетъ слѣдующее за ней звено. Многое въ немъ связано съ предшествующимъ, и потому, разбирая «Царя Ѳедора», мнѣ прійдется иногда оглядываться на «Смерть Іоанна».

Въ проектѣ о постановкѣ послѣдней пьесы, я, въ самомъ концѣ, очень осторожно упомянулъ о необходимости всѣмъ исполнителямъ знать свои роли наизусть. Опытъ показалъ, что не только напоминаніе не было лишнимъ, но что я не довольно на немъ настаивалъ.

Въ виду этого факта, я считаю весьма важнымъ поставить теперь въ самой главѣ настоящей статьи энергическое заявленіе о томъ, что первое условіе порядочнаго исполненія — есть знаніе ролей *совершенно буквально.*

У каждаго автора, какъ выборъ выраженій, такъ и порядокъ размѣщенія словъ, составляютъ его особенность и физіономію.

---

[1]) Текстъ ея напечатанъ въ майской книгѣ «Вѣстника Европы», 1868 г.

Digitized by Google

Измѣнять этотъ порядокъ—значитъ отнимать у него его физіономію, давать его рѣчи чуждый ей колоритъ. Если такое обращеніе не допускается въ прозѣ, то въ стихахъ оно двояко непозволительно, ибо посягаетъ не только на колоритъ автора, но и на слухъ публики. Не все равно сказать:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха,

или:

Охъ, шапка Мономаха, ты тяжела,

Въ первомъ случаѣ, это пятистопный ямбъ, во второмъ — вовсе не стихъ.

Какое же впечатлѣніе сдѣлаетъ на публику актеръ, который, не довольствуясь перестановкой словъ, вмѣсто:

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха,

скажетъ:

Охъ, какъ меня давитъ Рюрикова фуражка!

А искаженія, довольно близко подходящія къ этому примѣру, можно, къ сожалѣнію, слышать иногда на нашей сценѣ.

Итакъ, если трагедія «Царь Ѳедоръ» будетъ дана, то прежде всего *надобно выучить ее наизусть.*

Приступаю къ ея разбору.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ.

Двѣ партіи въ государствѣ борются за власть: представитель старины, князь Шуйскій, и представитель реформы, Борисъ Годуновъ. Обѣ партіи стараются завладѣть слабонравнымъ царемъ Ѳедоромъ, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Ѳедоръ, вмѣсто того, чтобы дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, или же подчинить себѣ ту и другую, колеблется между обѣими, и чрезъ свою нерѣшительность дѣлается причиной: 1) возстанія Шуйскаго и его насильственной смерти, 2) убіенія своего наслѣдника, царевича Димитрія и пресѣченія своего рода. Изъ такого чистаго источника, какова любящая душа Ѳедора, истекаетъ страшное событіе, разразившееся надъ Россіей долгимъ рядомъ бѣдствій и золъ.

Трагическая вина Іоанна было попраніе имъ всѣхъ человѣческихъ правъ въ пользу государственной власти; трагическая вина Ѳедора — это исполненіе власти, при совершенномъ нравственномъ безсиліи.

Digitized by Google

АРХИТЕКТУРА ТРАГЕДІИ.

Построеніе «Царя Ѳедора» — не знаю, къ выгодѣ или ко вреду его — есть совершенно исключительное, и не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, ни въ какой другой драмѣ. Борьба происходитъ не между главнымъ героемъ и его оппонентами (Spiel- und Gegenspiel), какъ во всѣхъ драмахъ, но между двумя вторыми героями; главный же герой, на которомъ эта борьба вертится, какъ на своей оси, вовсе въ ней не участвуетъ; онъ, напротивъ, всѣми силами старается прекратить ее, но самымъ своимъ вмѣшательствомъ рѣшаетъ ея трагическій исходъ.

Въ отношеніи Шуйскаго и Годунова Ѳедоръ играетъ роль древней греческой судьбы, толкающей своихъ героевъ все впередъ къ неизбѣжной катастрофѣ, съ тою разницей, что Ѳедоръ не отвлеченная идея, но живое лицо, имѣющее само свою судьбу, которая истекаетъ изъ его характера и дѣйствій. Такимъ образомъ, трагедія является какъ бы сплетенною изъ двухъ отдѣльныхъ драмъ, изъ коихъ одна имѣетъ предметомъ фактическую борьбу Шуйскаго съ Годуновымъ, другая моральную борьбу Ѳедора съ окружающимъ его міромъ и съ самимъ собою.

Если представить себѣ всю трагедію въ формѣ треугольника, то основаніемъ его будетъ состязаніе двухъ партій, а вершиною весь душевный микрокосмъ Ѳедора, съ которымъ событія борьбы связаны какъ линіи, идущія отъ основанія треугольника къ его вершинѣ, или наоборотъ. Изъ этого естественно выходитъ, что одна сторона трагедіи выдержана болѣе въ духѣ романской школы, а другая болѣе въ духѣ германской[1]).

КОЛОРИТЪ ТРАГЕДІИ.

Царь Иванъ умеръ. Гроза, свирѣпствовавшая надъ русской землей, утихла; небо прояснилось, вся природа оживаетъ. Ожи-

[1]) Особенность романской школы состоитъ въ преимущественной отдѣлкѣ *интриги*, тогда какъ германская преимущественно занимается анализомъ и развитіемъ *характеровъ*. Названіе свое получили онѣ отъ предпочтенія двухъ западныхъ народностей, каждой одному изъ двухъ направленій, которыя лежатъ въ самомъ существѣ драмы и исключаютъ обыкновенно одно другое. Прошу прощенія у поборниковъ *русскихъ началъ искусства*, но кромѣ этихъ двухъ направленій, я не знаю другого, равно какъ въ противоположность часто упоминаемой *европейской* драмы, не знаю драмы ни *азіятской*, ни *африканской*.

Отвергать же въ русскомъ драматическомъ искусствѣ европейскую технику—все равно, что отвергать въ русской живописи европейскую перспективу.

Digitized by Google

ваютъ и тѣ могучія силы, которыя сдерживала желѣзная рука царя Ивана, какъ шлюзы сдерживаютъ напирающую воду. Въ государствѣ являются политическія партіи, дѣйствующія смѣло и открыто. Всѣ сословія принимаютъ участіе въ ихъ борьбѣ; жизнь, со всѣми ея сторонами, свѣтлыми и темными, снова заявляетъ свои права.

Въ «Смерти Іоанна» господствующимъ колоритомъ было давленіе власти на всю землю; въ настоящей трагедіи господствующій колоритъ есть пробужденіе земли къ жизни и сопряженное съ нимъ движеніе. Оно должно сразу почувствоваться въ первой сценѣ перваго акта, которая служитъ драмѣ изложеніемъ. Свѣтлый колоритъ проходитъ черезъ всю трагедію, до четвертаго акта; всѣ лица держатъ себя свободнѣе, чѣмъ въ «Смерти Іоанна», темпъ общей игры идетъ живѣе.

ХАРАКТЕРЫ.

Царь Ѳедоръ.

Не отступая отъ указаній исторіи, но пополняя ея пробѣлы, я позволилъ себѣ изобразить Ѳедора не просто слабодушнымъ, кроткимъ постникомъ, но человѣкомъ, надѣленнымъ отъ природы самыми высокими душевными качествами, при недостаточной остротѣ ума и совершенномъ отсутствіи воли. Природная неспособность его къ дѣламъ еще умножена гнетомъ его отца и постояннымъ страхомъ, въ которомъ онъ находился до 27 лѣтъ, эпохи смерти царя Ивана.

Доброта Ѳедора выходитъ изъ обыкновенныхъ границъ. Она такъ велика, что можетъ иногда достичь высоты, гдѣ чувство и умъ, составляющіе на низшихъ степеняхъ отдѣльныя свойства, сходятся вмѣстѣ и смѣшиваются въ нераздѣльномъ сознаніи правды. Поэтому, Ѳедоръ, не смотря на свою умственную ограниченность, способенъ иногда имѣть взгляды, не уступающіе мудростью государственнымъ взглядамъ Годунова. Такъ, въ сценѣ доклада о боярахъ, бѣжавшихъ въ Литву, оба приходятъ къ тому же заключенію, Годуновъ умомъ, а Ѳедоръ — сердцемъ.

Но эта способность замѣнять умъ чувствомъ не всегда присуща Ѳедору. Она въ обыкновенныхъ случаяхъ затемняется нѣкоторыми недостатками, неразлучными со слабостью характера. Онъ, напримѣръ, не любитъ сознаваться, что онъ слабъ, ни передъ другими, ни передъ самимъ собой, и это часто приводитъ его къ неумѣстному, хотя скоро проходящему, упрямству. Ему

Digitized by Google

хочется иногда показать, что онъ самостоятеленъ, и ничѣмъ нельзя такъ польстить ему, какъ упрекнувъ его въ непреклонности или въ суровости.

Онъ большой хлопотунъ во всемъ, что̀ не касается государственныхъ дѣлъ; никто, по его мнѣнію, не знаетъ такъ, какъ онъ, человѣческое сердце; для него примирить враждующихъ — есть не только долгъ, но и наслажденіе. Набожность его происходитъ отъ природнаго расположенія; но она перешла въ постничество вслѣдствіе ранняго протеста противъ разврата и жестокости его отца; впослѣдствіи постничество стало ему привычкой, но онъ нисколько не сдѣлался педантомъ; онъ не смотритъ на мірское веселіе какъ на грѣхъ; онъ любитъ медвѣжью травлю, и не видитъ въ представленіяхъ скомороховъ служенія сатанѣ. Какъ всѣ люди робкіе, онъ чувствуетъ большое уваженіе къ смѣлости; геройскій характеръ князя Шуйскаго и удальство купца Красильникова затрогиваютъ въ немъ тѣ же сочувственныя струны.

Великодушіе Ѳедора не имѣетъ предѣловъ. Личныхъ обидъ для него не существуетъ, но всякая обида, нанесенная другому, способна вывести его изъ обычной кротости, а если обида касается кого-нибудь особенно имъ любимаго, то негодованіе лишаетъ его всякаго равновѣсія; онъ кричитъ и шумитъ, ничего не видя, кромѣ совершенной несправедливости. Попавъ въ такую колею, онъ спѣшитъ воспользоваться своимъ настроеніемъ, и зная, что оно не долго продолжится, онъ на-скоро предписываетъ строгія мѣры, справедливыя, по его убѣжденію, но несогласныя съ его характеромъ.

Когда Ѳедоръ взошелъ на престолъ, онъ не обманывался насчетъ своей неспособности, и передалъ Годунову полное управленіе царствомъ, съ намѣреніемъ самъ ни во что̀ не вмѣшиваться. Но въ разсчетъ Годунова не входило взять на первыхъ порахъ всю отвѣтственность на себя. Онъ нашелъ полезнымъ прикрыться авторитетомъ Ѳедора, сохранилъ ему весь наружный видъ неограниченнаго владыки, докладывалъ ему обо всемъ, испрашивалъ на все его рѣшеній, и Ѳедоръ, мало-по-малу, при содѣйствіи неизбѣжныхъ придворныхъ льстецовъ, увѣрился, что онъ не такъ неспособенъ, какъ полагалъ. На этомъ періодѣ застаетъ его трагедія. Лѣнь и природное отвращеніе продолжаютъ удалять его отъ дѣлъ; но онъ уже привыкъ думать, что Годуновъ дѣйствуетъ по его инструкціямъ. Только въ важныхъ кризисахъ жизни, когда воля Годунова прямо противорѣчитъ благости Ѳедора, какъ, напримѣръ, когда Годуновъ грозитъ его оставить, если онъ не выдастъ ему Шуйскаго, самообольщеніе Ѳе-

Digitized by Google

дора исчезаетъ; онъ убѣждается въ независимой силѣ Годунова, и не умѣя бороться съ нимъ въ качествѣ царя, даетъ ему отпоръ какъ человѣкъ и христіанинъ. На этой почвѣ онъ стоитъ всегда неизмѣримо выше и Годунова, и самого Шуйскаго, и всѣхъ его окружающихъ. Ошибка Ѳедора состоитъ въ томъ, что онъ не постоянно держится своего призванія быть человѣкомъ, а пытается иногда играть роль царя, которая не указана ему природой. Этой роли онъ не выдерживаетъ, но отъ нея не отказывается; не можетъ обойтись безъ руководителя, но ему не подчиняется. Такое ложное положеніе рождаетъ безпрестанное противорѣчіе между его природой и обязанностями его сана. Въ этомъ его и трагическая и комическая стороны.

Роль Ѳедора очень многосложна, и проходитъ черезъ самыя разнообразныя состоянія души, отъ добродушной веселости, когда онъ шутитъ съ Ириной, до изступленія, когда онъ узнаётъ о смерти Шуйскаго. Изъ всѣхъ лицъ, какъ первой трагедіи, такъ и этой, лицо Ѳедора, по моему мнѣнію, самое трудное. Оно требуетъ большого изученія и большой тонкости, уже потому, что въ немъ трагическій элементъ и оттѣнокъ комизма переливаются одинъ въ другой, какъ радужные цвѣта на раковинѣ. Съ этимъ комизмомъ сценическій художникъ долженъ обращаться чрезвычайно осторожно и никакъ не доводить его до яркости. Это не что иное, какъ фольга, слегка окрашивающая чистую душу Ѳедора, прозрачную какъ горный кристалъ. Прибавлять послѣ этого, что въ его роль не слѣдуетъ вмѣшивать каррикатурности — я считаю излишнимъ. Одно предположеніе такой возможности было бы для исполнителя оскорбленіемъ, ибо заключало бы въ себѣ самое низкое мнѣніе о его пониманіи искусства.

Первое появленіе Ѳедора, въ короткой сценѣ со стремянным, съ Ириной и съ Годуновымъ, есть вступительный аккордъ въ его характеръ, и должно быть именно такъ понято исполнителемъ. Ребяческій гнѣвъ на вздыбившагося коня, заблужденіе на счетъ своей физической силы, добродушное поддразниваніе Ирины, скорбь о раздѣленіи царства на партіи, жадно схваченный намекъ Годунова, что онъ не прочь отъ мира съ Шуйскимъ, увѣренность въ знаніи человѣческаго сердца, и равнодушіе къ дѣламъ—все это, проникнутое добротой и хлопотливостью, заключаетъ въ себѣ зародыши полнаго характера, которые должны быть съ разу и гармонически переданы.

Когда, въ слѣдующемъ актѣ, Ѳедоръ является примирителемъ Годунова съ Шуйскимъ, зритель долженъ быть уже настолько знакомъ съ Ѳедоромъ, чтобы его интересовало узнать, какъ этакая личность возьмется за такое дѣло? Въ приготовле-

Digitized by Google

ніяхъ Ѳедора, въ наставленіяхъ его Годунову, Иринѣ, духовнымъ лицамъ и боярамъ, видна виртуозность человѣка, который чувствуетъ себя въ своемъ элементѣ, которому пріятно взяться за трудное дѣло, гдѣ онъ, по своему мнѣнію, мастеръ. Но, по мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, Ѳедоромъ овладѣваетъ робость, и когда онъ начинаетъ увѣщевать Шуйскаго, застѣнчивость его такъ велика, что онъ не находитъ словъ и передаетъ рѣчь Годунову. Во все продолженіе спора обоихъ противниковъ Ѳедоръ слѣдитъ за ними съ бьющимся сердцемъ. На лицѣ его написаны напряженіе и безпокойство до той минуты, когда противники берутся за руки. Тутъ радость его проявляется взрывомъ, какъ то бываетъ у добрыхъ дѣтей, получившихъ, наконецъ, чего они давно желали, но на что не смѣли надѣяться. Дѣтская сторона Ѳедора должна особенно быть видна въ его разговорѣ съ выборными. Я не опасаюсь того рода смѣха, который возбудятъ въ публикѣ перебивки старика Курюкова, разсказъ Ѳедора о медвѣдѣ, или его совѣты Шаховскому, какъ биться на кулачкахъ. Это будетъ смѣхъ добрый, не умаляющій нисколько уваженія къ высокимъ достоинствамъ Ѳедора; и когда онъ уйдетъ отъ выборныхъ, затыкая уши, то при хорошей игрѣ, публика успѣетъ достаточно полюбить его, чтобы надъ нимъ не смѣяться, а развѣ только улыбнуться неловкому положенію, въ которое онъ себя поставилъ. Есть большая разница между тѣмъ, что смѣшно (drôle) и тѣмъ, что достойно осмѣянія (ridicule). Первое совмѣстно съ любовію и съ уваженіемъ, второе исключаетъ эти чувства. На русскомъ языкѣ оба понятія выражаются тѣмъ-же словомъ, но они отъ этого не менѣе различны. Ребенку часто подобаетъ эпитетъ: *drôle*, но ему не можетъ подобать эпитетъ: *ridicule*. Ѳедоръ же въ этой сценѣ долженъ быть изображенъ ребенкомъ въ самомъ хорошемъ значеніи слова. Впослѣдствіи онъ покажетъ, что можетъ быть и чѣмъ-нибудь инымъ; но еслибы, несмотря на свою благость, онъ кому-нибудь представился не довольно достойнымъ, мы того попросили бы подождать до третьяго акта. Вообще въ искусствѣ бояться выставлять недостатки любимыхъ нами лицъ—не значитъ оказывать имъ услугу. Оно, съ одной стороны, предполагаетъ мало довѣрія къ ихъ качествамъ, съ другой, приводитъ къ созданію безукоризненныхъ и безличныхъ существъ, въ которыя никто не вѣритъ. Здѣсь кстати замѣтить, въ отвѣтъ на нѣкоторыя опасенія объ униженіи царскаго достоинства въ лицѣ Ѳедора, что значеніе каждой пьесы опредѣляется общимъ ея впечатлѣніемъ, а не отдѣльными частями, тѣмъ менѣе отдѣльными фразами, или словами. Общее впечатлѣніе Ѳедора не должно быть иное,

Digitized by Google

какъ сочувственное; а сочувствія нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ правдоподобія, которое исчезнетъ, когда отнять у Ѳедора его слабыя стороны. Если роль будетъ сыграна хорошо, то отвлеченная идея царскаго достоинства не пострадаетъ отъ того, что публика увидитъ на сценѣ подтвержденіе факта, извѣстнаго ей изъ исторіи, то-есть, что послѣдній государь изъ династіи Рюриковичей былъ слабъ и ограниченъ. Царское достоинство можетъ развѣ пострадать отъ плохой игры, и то не въ одной роли Ѳедора, но и въ роли всякаго вѣнценосца, хотя бы онъ былъ Августъ.

Итакъ, отъ драматическаго артиста зависитъ передать Ѳедора какъ онъ понятъ авторомъ, то-есть, исполненнымъ высокихъ душевныхъ достоинствъ, далеко превышающихъ его недостатки.

Послѣ сцены доклада, характеръ Ѳедора является съ новой стороны. Желая выписать царевича Дмитрія изъ Углича, онъ бунтуется противъ Годунова, не соглашающагося на эту мѣру, и старается сбросить его иго. Эта попытка ему не удается потому, что онъ противуставитъ Годунову свою самую слабую сторону, свое качество неограниченнаго царя. За то въ слѣдующей сценѣ, гдѣ Годуновъ требуетъ выдачи Шуйскаго, Ѳедоръ остается побѣдителемъ, потому, что, вмѣсто царской власти, опирается на свою самую сильную сторону, на качество человѣка и христіанина. Онъ уже не спрашиваетъ съ сердцемъ:

Я царь, или не царь?

но откровенно и кротко говоритъ:

Какой я царь! Меня во всѣхъ дѣлахъ
И столку сбить и обмануть не трудно!

Эти двѣ сцены нарочно сопоставлены вмѣстѣ, чтобы первая усиливала вторую своимъ съ ней контрастомъ, и чтобы Ѳедоръ, внезапно сознающійся въ неспособности быть царемъ, выросъ во мнѣніи зрителя, какъ человѣкъ.

Переходъ Ѳедора отъ несостоятельнаго царя къ человѣку сильному однимъ человѣческимъ чувствомъ, его исканіе и обрѣтеніе убѣжища отъ собственной слабости въ христіанскомъ смиреніи — должны быть ярко и выпукло выставлены. Когда, по удаленіи Годунова, Ѳедоръ бросается на шею Иринѣ, зритель долженъ видѣть, какого усилія стоилъ ему разрывъ съ правителемъ и какъ дорого онъ ему обошелся. Лице Ѳедора измѣнилось какъ послѣ болѣзни, но оно преображено сознаніемъ, что онъ поступилъ по совѣсти; оно выражаетъ теперь его полное

Digitized by Google

согласіе съ самимъ собой, и когда онъ, сломанный физически своей моральной побѣдой, опирается на руку Ирины,—его прежніе недостатки, его ограниченность, его комизмъ, должны представиться зрителю въ иномъ значеніи, и онъ долженъ понять, что они были нужны, дабы Ѳедоръ явился великъ, не какими-нибудь блестящими качествами, но именно христіанскимъ смиреніемъ, лишеннымъ всякаго блеска.

Еслибы Ѳедоръ могъ удержаться на этой высотѣ, онъ бы заслуживалъ быть причисленнымъ къ лику святыхъ, но человѣческая слабость беретъ свое. Въ четвертомъ актѣ онъ, сидя за кипою бумагъ, которыхъ не можетъ понять, сожалѣетъ о своей ссорѣ съ Годуновымъ, и готовъ сдѣлать ему уступки. Клешнинъ приноситъ ему ультиматумъ правителя, но Годуновъ требуетъ слишкомъ много, Ѳедоръ не соглашается и, по прежнему, не вѣритъ измѣнѣ Шуйскихъ — слѣдуетъ очная ставка Клешнина съ Шуйскимъ. Непроницательность Ѳедора, смѣшанная съ великодушіемъ и упрямствомъ, выказывается здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Когда онъ, добиваясь отъ Шуйскаго оправдательнаго отвѣта, тѣмъ самымъ вынуждаетъ у него признаніе въ измѣнѣ, этотъ неожиданный оборотъ приводитъ его въ такой испугъ, что не Шуйскій, а онъ кажется попавшимъ въ западню. Чтобы выручить Шуйскаго, Ѳедоръ не находитъ лучшаго средства, какъ увѣрять, что Шуйскій, по его приказанію, объявилъ царемъ Дмитрія. Комизмъ этой уловки не долженъ мѣшать зрителю быть тронутымъ великодушіемъ Ѳедора и согласиться съ Шуйскимъ, когда онъ говоритъ:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него!

Задача исполнителя въ этомъ трудномъ мѣстѣ — заставить публику улыбаться сквозь слезы.

Если оно удастся, то публика пойметъ, въ какомъ раздраженіи находятся нервы Ѳедора, когда онъ узнаётъ изъ бумаги, поданной ему Шаховскимъ, что тотъ самый Шуйскій, котораго онъ только что спасъ, за котораго поссорился съ Годуновымъ—хотѣлъ развести его съ женою, такъ нѣжно и горячо имъ любимой.

Возстаніе Шуйскаго, какъ обида личная, не возбудило въ Ѳедорѣ ни малѣйшаго гнѣва. Онъ не принялъ это возстаніе ни какъ государственное преступленіе, ни какъ обиду; оно представилось ему только съ точки зрѣнія опасности, которой подвергался глубоко чтимый имъ воевода, тотъ, кому земля обязана спасеньемъ. Но когда Шуйскій затронулъ его Ирину, Ѳедоръ сперва плачетъ, потомъ выходитъ изъ себя. Онъ

Digitized by Google

не соображаетъ хронологическаго отношенія измѣны, имъ только что прощенной, съ челобитней о разводѣ, не поданной Шуйскимъ; не соображаетъ, что челобитня предшествовала измѣнѣ, а измѣна исключаетъ челобитню; поступокъ Шуйскаго представляется ему, какъ черная неблагодарность, и ничего не разбирая, ничего не видя, кромѣ оскорбленія своей Ирины, онъ яростно кричитъ:

Въ тюрьму! Въ тюрьму!

и прихлопываетъ печатью заготовленный Клешнинымъ приказъ.

Не смѣю утверждать, что поспѣшность Ѳедора происходитъ отъ одного негодованія, и что къ ней не примѣшивается облегчительнаго чувства, что онъ можетъ теперь, не грѣша противъ совѣсти, исполнить требованіе правителя и съ нимъ помириться. Во всякомъ случаѣ, Ѳедоръ уже смотритъ на возстаніе иначе, чѣмъ за нѣсколько минутъ, ибо чувство его къ Шуйскому измѣнилось, а въ природѣ человѣческой окрашивать чужіе поступки нашимъ личнымъ расположеніемъ къ ихъ совершителямъ.

Въ пятомъ актѣ нѣтъ вовсе комизма; заключительный аккордъ долженъ быть чисто трагическій. Обращеніе Ѳедора къ усопшему родителю, послѣ панихиды, есть послѣднее его усиліе выдержать неподобающую ему роль. Его изступленіе при вѣсти о смерти Шуйскаго, его возгласъ:

Палачей!

не должны возбуждать улыбки. Это слово, хотя не имѣетъ въ устахъ Ѳедора того значенія, какое имѣло бы въ устахъ его отца — должно быть произнесено съ неожиданной, потрясающей энергіей. Это высшій пароксизмъ страданія, до котораго доходитъ Ѳедоръ, такъ что силы его уже истощены, когда онъ узнаетъ о смерти Дмитрія, и эта вторая вѣсть дѣйствуетъ на него уже подавляющимъ образомъ. Подозрѣніе на Годунова, мелькнувшее въ немъ по поводу Шуйскаго, еще разъ промелькиваетъ, какъ молнія, относительно Дмитрія:

Ты, кажется, сказалъ:
Онъ удавился? Митя-жъ закололся?
Арина — а? Что если —

Послѣднюю строку Ѳедоръ произноситъ съ испугомъ, чтобы зритель понялъ, какая ужасная мысль его поразила. Годуновъ устраняетъ ее предложеніемъ послать въ Угличъ Василія Шуйскаго, племянника удавленнаго князя; Ѳедоръ бросается ему на шею, прося прощенія, что мысленно оскорбилъ его — и совершенно теряется. Онъ хочетъ дать наставленія Василію Шуй-

Digitized by Google

скому, но рыданія заглушаютъ его слова. Теперь онъ сознаетъ, что по его винѣ погибли Шуйскій и Дмитрій, а царство осталось безъ преемника, и въ первый разъ постигаетъ, до какой степени было несостоятельно его притязаніе государить. Почва царственности проваливается подъ нимъ окончательно, онъ окончательно отказывается отъ всякой попытки на ней удержаться. Отнынѣ онъ уже ни во что не вмѣшивается, онъ умеръ для міра, онъ весь принадлежитъ Богу.

Это отреченіе отъ жизни, этотъ разрывъ съ прошедшимъ, должны быть символически ознаменованы обстановкой Ѳедора въ послѣдней сценѣ трагедіи. Всѣ окружавшія его лица удалились. Осталась одна Ирина, да толпа нищихъ, да, пожалуй, два, три стольника съ царской стряпней, чтобы не слишкомъ отступать отъ этикета. Въ этомъ скромномъ окруженіи Ѳедоръ произноситъ свой заключительный монологъ, а нищая братія въ тоже время затягиваетъ вполголоса псаломъ, и на его «покаянномъ» напѣвѣ слова Ѳедора вырѣзываются, какъ старинная живопись на золотомъ полѣ.

Мы видѣли изъ предшествующаго обзора, что въ характерѣ Ѳедора есть какъ-бы два человѣка, изъ коихъ одинъ слабъ, ограниченъ, иногда даже смѣшонъ; другой же, напротивъ, великъ своимъ смиреніемъ, и почтенъ своей нравственной высотой. Но эти два человѣка рѣдко являются отдѣльно; они бо́льшею частію слиты въ одну цѣльную личность, и воплощеніе этой *цѣльности* составляетъ главную задачу драматическаго исполнителя.

Наружность Ѳедора уже описана въ постановкѣ «*Смерти Іоанна*». Онъ былъ малъ, дряблъ, склоненъ къ водяной болѣзни, и почти безбородъ. Цвѣтъ лица его блѣдно-желтоватый (sallowe complexion, по выраженію Флетчера), ноги слабы, поступь неровна, носъ соколиный, губы улыбающіяся. Это очевидно не *мой* Ѳедоръ. *Моему* Ѳедору можно отъ его исторической наружности сохранить только малый ростъ, отсутствіе бороды, неровность поступи и улыбающіяся черты лица. Портретъ Ѳедора надъ его гробницей въ Архангельскомъ соборѣ, воспроизведенный Солнцевымъ въ «*Русскихъ Древностяхъ*», не имѣетъ никакого значенія, ибо это не портретъ, а просто человѣческое лицо безо всякой физіогноміи, въ родѣ тѣхъ, какія рисуютъ дѣти. Воззрѣніе на эти черты профессора Снегирева для меня непонятно.

Въ трагедіи я придалъ Ѳедору болѣе живости, чѣмъ у него было на дѣлѣ, но она проявляется только въ его хлопотливости, когда онъ хочетъ что-нибудь *устроить*; обыкновенно же онъ скорѣе лѣнивъ и вялъ; но какъ у меня онъ почти всегда

Digitized by Google

занятъ желаніемъ кого-нибудь помирить, или оправдать, или спасти, то онъ почти безпрерывно хлопочетъ. Пріемы его робки, видъ застѣнчивъ, голосъ и взглядъ чрезвычайно кротки, при большомъ желаніи казаться твердыми и рѣшительными.

Черезъ всю роль Ѳедора проходитъ одна черта, дающая ему особенный колоритъ: это его любовь къ Иринѣ. Она ему и другъ, и опора, и утѣшительница въ скорбяхъ. Мысль о ней не покидаетъ его ни на мигъ и примѣшивается ко всѣмъ его душевнымъ движеніямъ. Все, что съ нимъ случается, онъ относитъ къ ней; горе-ли съ нимъ приключится, или обрадуется онъ чему, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Иринѣ и дѣлится съ ней своимъ впечатлѣніемъ. Также, если онъ что-нибудь затѣетъ, Ирина непремѣнно должна ему помогать.

Особенно же онъ разсчитываетъ на поддержку Ирины, когда Годуновъ требуетъ отъ него чего-нибудь противнаго его благодушію. Но бываетъ, что онъ и не соглашается съ Ириной, особенно въ мелочахъ, потому, что ему хочется показать, что онъ все-таки царь и господинъ въ своемъ домѣ. Иногда онъ любитъ и подразнить Ирину, но это дѣлается очень добродушно и только съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же выказать къ ней еще бо́льшую нѣжность.

Для передачи Ѳедора требуется не только тонкій умъ, но и сердечное пониманіе. Если же исполнитель, сверхъ того, еще и полюбитъ его, сживется съ нимъ и войдетъ къ нему въ душу, то въ его роли можетъ оказаться много оттѣнковъ, не тронутыхъ въ этомъ обзорѣ, и много эффектовъ, мною не предвидѣнныхъ. Изъ всѣхъ нашихъ артистовъ я никого такъ не желалъ бы видѣть въ роли Ѳедора, какъ Сергѣя Васильевича Шумскаго.

Годуновъ.

Въ проектѣ о постановкѣ моей первой трагедіи, я описалъ подробно его характеръ, и потому ограничусь здѣсь только тѣми особенностями, которыя принадлежатъ ему, какъ правителю царства.

Получивъ верховную власть, Годуновъ, вѣрный своимъ правиламъ, остается наружно на второмъ планѣ. Онъ всегда держитъ себя съ Ѳедоромъ чрезвычайно почтительно; съ Ириной же, при свидѣтеляхъ, даже преувеличиваетъ свое благоговѣніе, ибо хочетъ подавать примѣръ другимъ, и возвышая свою сестру въ общемъ мнѣніи, самъ дѣлается сильнѣе. Мы видимъ изъ исторіи, что онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы окружить Ирину царскою пышностью и упрочить ей любовь народа. Онъ умно-

Digitized by Google

жилъ число ея боярынь, далъ ей цѣлый полкъ личныхъ тѣлохранителей, и въ торжественные дни, особенно въ день ея рожденія, издавалъ граматы о прощеніи виновныхъ однимъ ея именемъ, не упоминая о Ѳедорѣ. Въ сношеніяхъ съ иностранными державами онъ выставлялъ Ирину, какъ участницу въ управленіи царствомъ, такъ, что Елисавета англійская почла нужнымъ писать лично къ Иринѣ, чтобы этой любезностью расположить ее къ себѣ въ дѣлѣ объ уменьшеніи пошлинъ съ англійскихъ купцовъ. Дѣйствуя на тщеславіе бояръ, Годуновъ завелъ званые царскіе обѣды, на которые иногда самъ не былъ приглашаемъ; но кто въ такой день обѣдалъ у царя, тотъ завидовалъ гостямъ Годунова. Въ думѣ онъ сидѣлъ не на первомъ, а на четвертомъ мѣстѣ.

Эта сдержанность, умѣренность и наружное смиреніе видны во всѣхъ его пріемахъ, но теперь сознаніе власти просвѣчиваетъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ *«Смерти Іоанна»*. Годуновъ, при случаѣ, умѣетъ быть гордымъ, даже съ Ѳедоромъ.

Когда Шуйскій приноситъ на него жалобу, а Ѳедоръ его спрашиваетъ:

То правда-ль, шуринъ?

онъ отвѣчаетъ: Правда! съ такимъ видомъ, изъ котораго ясна его увѣренность, что не Ѳедоръ, а онъ—настоящій господинъ царства.

Тоже чувство сквозитъ въ его обращеніи къ Иринѣ:

Не дѣльно ты, сестра,
Вмѣшалася во что не разумѣешь!

равно какъ и въ его замѣчаніи на удостовѣреніе Ѳедора Шуйскому, что Дмитрій будетъ перевезенъ въ Москву:

А я на то отвѣтилъ государю,
Что въ Угличѣ остаться долженъ онъ.

Но Годуновъ обнаруживаетъ сознаніе своей власти только въ исключительныхъ случаяхъ. Обыкновенно же онъ скрываетъ его подъ видомъ полной зависимости отъ Ѳедора:

Твоему желанью
Повиноваться долгъ мой, государь!

говоритъ онъ въ сценѣ примиренія, такъ скромно, какъ будто оно не имъ самимъ возбуждено, а принято изъ покорности къ Ѳедору. Въ продолженіи своего спора съ Шуйскимъ, онъ держитъ себя чрезвычайно достойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромно, и умѣренность его составляетъ контрастъ съ кипучею гордостью Шуйскаго.

Digitized by Google

Когда онъ объявляетъ Ѳедору о необходимости взять Шуйскаго подъ стражу, въ его невозмутимомъ спокойствіи слышится непреклонность. Онъ знаетъ чего хочетъ, и не останавливается передъ послѣдствіями. Неожиданный отказъ Ѳедора поражаетъ его удивленіемъ, ибо онъ не привыкъ ошибаться въ людяхъ, и думалъ доселѣ, что знаетъ Ѳедора насквозь. Но здѣсь случилось, что̀ случается иногда съ людьми, привыкшими играть другими, какъ пѣшками: они, въ своихъ смѣтахъ, слишкомъ дешево ставятъ нравственное чувство человѣка — и разсчетъ ихъ бываетъ невѣренъ.

Монологъ Годунова, въ четвертомъ актѣ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ отрѣшеніи, долженъ быть произнесенъ съ непривычнымъ ему волненіемъ. Зритель долженъ видѣть, что въ немъ, какъ и въ Шуйскомъ, произошелъ переворотъ рѣшающій направленіе всей его жизни.

Сцена съ Клешнинымъ, гдѣ рѣчь идетъ о Волоховой, очень трудна. Годуновъ не велитъ убить Дмитрія. Онъ, напротивъ, три раза сряду говоритъ Клешнину: «*Скажи ей, чтобъ она царевича блюла!*» и не смотря на то, Клешнинъ долженъ понять, что Дмитрій осужденъ на-смерть. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ исполнителю предоставляется обширное поле для его художественныхъ соображеній. Троекратное: *Чтобы она блюла царевича* — должно каждый разъ быть сказано иначе. Мысль Годунова, противорѣчащая его словамъ, сначала едва сквозитъ; потомъ она какъ будто самого его пугаетъ, и онъ готовъ отъ нея отказаться; въ третій же разъ, послѣ словъ:

Убитъ, но живъ —

эта мысль является установившеюся, и наставленіе блюсти царевича должно звучать, какъ смертный ему приговоръ.

Отказъ Годунова увидѣть Волохову, также долженъ быть сказанъ знаменательно: Годуновъ, съ одной стороны, отклоняетъ отвѣтственность на случай нескромности Волоховой; съ другой, чувствуетъ невольное содроганіе вступить въ личные переговоры съ своимъ гнуснымъ орудіемъ. Всѣ эти подробности должны быть въ дѣйствіи такъ отчеканены, чтобы онѣ подготовили зрителя къ тому чувству чего-то недобраго, которое, при хорошей игрѣ, исполнитъ его въ слѣдующей сценѣ, Клешнина съ Волоховой.

Послѣ разговора съ Клешнинымъ, Годуновъ является въ началѣ пятаго акта, сперва въ сценѣ съ Василіемъ Шуйскимъ, потомъ въ сценѣ съ Ириной. Первая сцена не важна въ отношеніи характеристики Годунова; цѣль ея только подготовить отправку Василія Шуйскаго на углицкое слѣдствіе; но вторая имѣетъ особенную важность. Она, по положенію своему въ экономіи

Digitized by Google

драмы, принадлежитъ къ разряду замедляющихъ; ибо драматическое движеніе быстро спѣшитъ къ концу, а ему бросаютъ на встрѣчу препятствіе, чтобы, опрокинувъ его, оно тѣмъ неудержимѣе ринулось въ катастрофу. По содержанію своему, эта сцена синтетическая, ибо она въ своемъ фокусѣ собираетъ весь характеръ Годунова, опредѣляетъ значеніе Ѳедора и заставляетъ зрителя оглянуться на пройденную имъ дорогу. Сверхъ того, въ ней полнѣе опредѣляется характеръ Ирины. По формѣ, эта сцена лирическая, и въ этомъ качествѣ должна быть играна съ нѣкоторымъ пафосомъ. Ирина проситъ Годунова пощадить Шуйскаго; онъ ей отказываетъ—вотъ и все внѣшнее содержаніе. Но въ немъ, съ обѣихъ сторонъ, много психическихъ движеній, а непреклонность Годунова является теперь въ строгой формѣ государственной необходимости. Какъ ни жестоки его мѣры, зритель долженъ видѣть, что онѣ внушены ему не однимъ честолюбіемъ, но и болѣе благородною цѣлью, благомъ всей земли; и если не простить ему приговора Дмитрія, то понять, что Дмитрій есть дѣйствительно препятствіе къ достиженію этой цѣли. Свой монологъ:

Высокая гора
Былъ царь Иванъ...

Годуновъ произноситъ внятно, не спѣша, какъ-бы погруженный въ самого себя. Когда онъ доходитъ до мѣста:

Семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, кладя за камнемъ камень....

голосъ его одушевляется, и въ немъ слышатся гнѣвъ и скорбь, а послѣднія слова:

Имъ мѣста нѣтъ, быть мѣста не должно!

онъ выговариваетъ съ рѣшительностью, не допускающей возраженія. Но Ирина не считаетъ себя побѣжденной. Она истощаетъ всѣ доводы въ пользу Шуйскаго. Годуновъ ихъ всѣ опровергаетъ, и переходя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, требуетъ отъ Ирины, чтобы она сама помогла ему погубить Шуйскихъ. Ирина отвергаетъ это требованіе, и братъ и сестра расходятся какъ достойные противники, знающіе другъ друга и не теряющіе лишнихъ словъ, а зритель остается въ недоумѣніи, кому изъ двухъ будетъ принадлежать побѣда.

Эта сцена должна усилить ожиданіе развязки, и на нее нельзя не обратить главнаго вниманія.

Въ концѣ пятаго акта, Годуновъ, въ числѣ прочихъ бояръ, выходитъ съ Ѳедоромъ изъ собора.

Когда Ѳедоръ, узнавъ объ умерщвленіи Шуйскаго, обращается къ Годунову со словами:

Ты вѣдалъ это?

Digitized by Google

а Годуновъ отвѣчаетъ:

Видитъ Богъ — не вѣдалъ!

въ его отвѣтѣ есть и правда, и ложь; онъ дѣйствительно не зналъ, что Шуйскій удавленъ, но приставивъ къ нему его смертельнаго врага, Туренина, онъ имѣлъ поводъ ожидать, что дѣло именно такъ кончится.

При извѣстіи о смерти Дмитрія, Годуновъ не можетъ казаться равнодушенъ. Его волненіе видно сквозь наружное спокойствіе; но онъ скоро оправляется, и съ невозмущеннымъ видомъ предлагаетъ послать на слѣдствіе Василія Шуйскаго.

Слова свои, обращенныя вполголоса къ Иринѣ:

Пути сошлися наши!

онъ произноситъ съ сдержаннымъ торжествомъ, и ставъ подъ начало Мстиславскаго (фактъ историческій), покидаетъ сцену съ эффектомъ, но безъ напыщенности, оставляя зрителю искупающее впечатлѣніе человѣка, которому участь земли дороже всего, и который умѣетъ не только повелѣвать, но и подчиняться другому, когда благо государства того требуетъ.

Темпъ его роли въ концѣ пятаго акта идетъ очень быстро, какъ и всѣхъ прочихъ ролей, ибо дѣйствіе напираетъ на катастрофу, нѣтъ болѣе мѣста для анализа, и событія изображены *подъ титлами, или en racourci.*

Подобно какъ въ «*Смерти Іоанна*», такъ и въ этой драмѣ, судьба Годунова ею не оканчивается, но, пронизывая насквозь обѣ трагедіи, теряется въ будущемъ.

Насчетъ его наружности и пріемовъ отсылаю исполнителя къ «Постановкѣ: *Смерти Іоанна*».

Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій.

Этотъ врагъ, соперникъ и жертва Годунова представляетъ разительную съ нимъ противуположность. Отличительныя качества его — прямота, благородство и великодушіе; отличительные недостатки — гордость, стремительность и односторонность. Къ этому присоединяется нѣкоторая мягкость сердца, нечуждая сильному характеру, но всегда вредная для достиженія политическихъ цѣлей.

Зѣло онъ мягкосердъ,

говоритъ про него благовѣщенскій протопопъ.

Младенецъ сущій!

говоритъ его племянникъ, Василій Шуйскій.

Digitized by Google

Скоръ больно князь Иванъ!

говоритъ Дмитрій Шуйскій.

Трудно кривить душой!

говоритъ онъ самъ про себя.

Понятно, что такой человѣкъ не могъ выдержать борьбу съ Годуновымъ, который не былъ ни одностороненъ, ни мягкосердъ, ни стремителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни разборчивъ въ средствахъ, и которому ничего не стоило кривить душой для достиженія своихъ цѣлей. Но на сторонѣ Шуйскаго, какъ главы партіи, были такія преимущества, которыхъ не доставало Годунову. Воинская слава князя Ивана Петровича гремѣла не только по всей Россіи, но и въ цѣломъ образованномъ мірѣ, читавшемъ еще недавно, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, описанія знаменитой осады Пскова и восторженныя хвалы его защитнику. Его великодушный, доблестный нравъ, съ оттѣнкомъ западнаго рыцарства, былъ вѣдомъ друзьямъ и недругамъ. Вызовъ его Замойскому на единоборство, на который намекаетъ Шаховской въ первой сценѣ трагедіи, есть фактъ историческій. Гейденштейнъ и русская хроника разсказываютъ, что, во время псковскаго обложенія, Шуйскій получилъ изъ литовскаго стана письмо отъ одного нѣмца, Моллера, изъявлявшаго желаніе перейти на нашу сторону. При этомъ Моллеръ послалъ Шуйскому тяжелый ящикъ съ просьбой вынуть изъ него казну и блюсти до его прибытія. Изъ предосторожности Шуйскій поручилъ искусному мастеру открыть ящикъ, и въ немъ оказалось 24 заряженные ствола со взведенными курками, которые произвели бы взрывъ, еслибъ ящикъ былъ открытъ неумѣючи.

Приписывая это варварство, быть можетъ ошибочно, Замойскому, Шуйскій послалъ ему письменный укоръ, что онъ поступилъ нечестно, и предложилъ ему, вмѣсто того, помѣряться съ нимъ на сабляхъ, лицомъ къ лицу. Одна эта черта освѣщаетъ всего Шуйскаго со стороны его благородства и будущей несостоятельности, какъ руководителя заговора. Воевода, имѣвшій подъ своей отвѣтственностью многія тысячи людей, и согласившійся играть жизнью въ личномъ дѣлѣ, изъ одного чувства прямоты—есть тотъ самый человѣкъ, который, впослѣдствіи, на очной ставкѣ съ Клешнинымъ, предпочтетъ погубить свою голову, чѣмъ отвѣтить неправду на вопросъ царя, сдѣланный ему именемъ его чести. И Ѳедоръ, съ вѣрнымъ чутьемъ высокой души, узнающей другую высокую душу, не ошибается въ Шуйскомъ, когда не требуетъ отъ него ни клятвы, ни цѣлованія иконы, а говоритъ:

Digitized by Google

Скажи по чести мнѣ, по чести только,
И слова твоего съ меня довольно!

Вообще причина любви Ѳедора къ Шуйскому — это испытанная прямота и благородство послѣдняго: они два родственные характера. Имѣй Ѳедоръ силу и умъ, онъ былъ бы похожъ на Шуйскаго.

Какъ въ роли Ѳедора, такъ и въ роли Шуйскаго, главныя основанія изложены во вступительной сценѣ. Изъ первыхъ словъ Шуйскаго мы узнаемъ его ненависть къ Годунову, и упорную привязанность къ старинѣ; изъ возраженія Василію Шуйскому — его честность съ самимъ собой; изъ отвѣта Головину — его доселѣ неколебимую вѣрность Ѳедору; а изъ заключительнаго монолога — его отвращеніе отъ кривыхъ путей. Сверхъ того, въ этой сценѣ разсѣяно, въ разговорахъ разныхъ лицъ, много рефлексовъ, объясняющихъ другія стороны Шуйскаго, такъ, что при помощи этихъ данныхъ, исполнителю будетъ не трудно воплотить его личность и сдѣлать ее для зрителя несомнительною.

Въ сценѣ примиренія прежде всего бросается въ глаза гордость Шуйскаго. Слова:

Государь,
Мнѣ въ думѣ дѣлать нечего, и т. д.

должны быть сказаны даже съ нѣкоторою суровостью. Она продолжаетъ являться и во всѣхъ возраженіяхъ его Годунову, и въ первомъ отвѣтѣ царицѣ. Только послѣ монолога Ирины, когда она, кланяясь ему, говоритъ:

Моимъ большимъ поклономъ
Прошу тебя, забудь свою вражду!

— ледяной панцырь, которымъ Шуйскій обложилъ свое сердце, растаиваетъ, и въ голосѣ его слышится дрожаніе, когда онъ отвѣчаетъ:

Царица-матушка, ты на меня
Повѣяла какъ будто тихимъ лѣтомъ!

Этотъ переходъ отъ суровости къ умиленію, это преклоненіе мужественнаго характера передъ женскою благостью — лучше всего обрисовываютъ Шуйскаго, и драматическій артистъ сдѣлаетъ хорошо, если обратитъ большое вниманіе на это мѣсто.

Со словами Шуйскаго:

Вотъ моя рука!

которыя онъ выговариваетъ съ откровенною рѣшимостью, все враждебное исчезаетъ изъ его сердца и съ его лица. Онъ ис-

Digitized by Google

кренно помирился съ Годуновымъ, искренно вѣритъ его обѣщаніямъ, и съ полнымъ чистосердечіемъ произноситъ свою клятву. Къ выборнымъ, дерзающимъ сомнѣваться, что правитель сдержитъ свое слово, Иванъ Петровичъ обращается съ гнѣвнымъ упрекомъ, въ то самое время, какъ Годуновъ шепчетъ Клешнину:

Замѣть ихъ имена,
И запиши!

Здѣсь особенно видѣнъ контрастъ между характерами Годунова и Шуйскаго. Оба исполнителя должны, на репетиціяхъ, усвоить себѣ: первый — благозвучную убѣдительность голоса и невозмутимое спокойствіе пріемовъ; другой — сначала гордую суровость, потомъ стремительную довѣрчивость въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ примиренному врагу.

Въ третьемъ актѣ, при вѣсти о вѣроломствѣ Годунова, Шуйскій сперва не можетъ ей повѣрить, потомъ вскипаетъ негодованіемъ. Когда же братья его хлопотливо предлагаютъ каждый свою мѣру, онъ молчитъ, сдвинувъ брови, погруженный самъ въ себя, и вдругъ, какъ будто опомнившись и удивляясь, что они такъ долго ищутъ исхода, восклицаетъ:

Вы словно всѣ въ бреду!

и рѣшается идти къ царю, увѣренный, что прямой путь самый лучшій. Его слова:

И можемъ нынѣ мы,
Хвала Творцу, не погрѣшая сами,
Его низвергнуть чистыми руками!

должны звучать увѣренностью въ успѣхѣ, а слѣдующія затѣмъ:

Наружу ложь! И згинетъ Годуновъ
Лишь солнце тамъ, въ востокѣ засіяетъ —

торжествомъ побѣды, какъ звуки бранной трубы.

Младенецъ! замѣчаетъ, пожимая плечами, Василій Шуйскій, когда дядя его удалился. И въ самомъ дѣлѣ, князь Иванъ Петровичъ въ этомъ случаѣ такой же младенецъ, какъ и самъ Ѳедоръ, такой же какъ и всякій чистый человѣкъ, не вѣрящій, что наглая неправда можетъ взять верхъ надъ очевидной правдой.

Опытъ доказываетъ, что онъ слишкомъ много разсчитывалъ на Ѳедора. Эта слабая опора подъ нимъ подламывается, и когда онъ уходитъ съ негодующими словами:

Прости, великій царь!

зритель долженъ видѣть и слышать, что въ немъ произошелъ

Digitized by Google

одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые измѣняютъ всю жизнь человѣка.

Свои распоряженія насчетъ возстанія онъ дѣлаетъ стремительно, и отдаетъ свои приказанія отрывисто, съ лихорадочною рѣшимостью. Ему не легко отказаться отъ долголѣтней вѣрности царю, отъ тѣхъ началъ законности, во имя которыхъ онъ жилъ доселѣ; но онъ думаетъ, что того требуетъ благо земли, а оскорбленная гордость ему поддакиваетъ. Но, если бы Ѳедоръ еще одумался и смѣнилъ Годунова, Шуйскій отказался бы отъ возстанія. Поэтому, когда Ѳедоръ за нимъ посылаетъ, онъ повинуется, предполагая, что Ѳедоръ хочетъ дать ему удовлетвореніе.

Вмѣсто того, происходитъ сцена очной ставки, и Шуйскій, изъ чувства чести, выдаетъ себя головой. Здѣсь, быть можетъ, не безполезно сдѣлать возраженіе на ошибочное мнѣніе, что чувство чести въ XVI вѣкѣ было исключительною принадлежностью Запада. Къ прискорбію, мы не можемъ скрыть отъ себя, что въ московскій періодъ нашей исторіи, особенно въ цареніе Ивана Грознаго, чувство это, въ смыслѣ охраненія собственнаго достоинства, значительно пострадало, или уродливо исказилось; и что если мы обязаны московскому періоду нашимъ внѣшнимъ величіемъ, то купивъ его внутреннимъ своимъ униженіемъ, мы дорого за него заплатили. Но въ смыслѣ долга, признаваемаго человѣкомъ надъ самимъ собой, и обрекающаго его, въ случаѣ нарушенія, собственному презрѣнію, чувство чести, слава Богу, у насъ уцѣлѣло. Древняя юридическая формула: *Да будетъ мнѣ стыдно!* была отмѣнена и забыта, но духъ ея не вовсе исчезъ изъ народнаго сознанія. Чему приписать иначе столько случаевъ, именно въ цареніе Грознаго, гдѣ его жертвы предпочитали смерть *студному дѣлу?* Чему приписать поступокъ князя Репнина, умершаго, чтобы не плясать передъ царемъ? Или поступокъ нашихъ пушкарей подъ Венденомъ, лишившихъ себя жизни, чтобы не быть взятыми въ плѣнъ? Или (если не ограничиваться одними мужскими примѣрами) поступокъ боярынь княгини Старицкой, жены князя Владиміра Андреевича, избравшихъ казнь и мученія, чтобы не принять царскихъ милостей? Солгать же изъ желанія спасти свою жизнь — безъ сомнѣнія, считалось не менѣе постыднымъ, чѣмъ отдаться живымъ непріятелю.

Связь съ Византіей и татарское владычество не дали намъ возвесть идею чести въ систему, какъ то совершилось на Западѣ, но святость слова осталась для насъ столь же обязательною, какъ она была для древнихъ грековъ и римлянъ. Довольно потеряли мы нашего достоинства въ тяжелый московскій періодъ, довольно

Digitized by Google

приняли униженій всякаго рода, чтобы не было нужно отымать у нашихъ лучшихъ людей того времени еще и возможности *религіи честнаго слова*, потому только, что это чувство есть также западное [1]).

Какъ ни извѣстна Шуйскому благость Ѳедора, но послѣ своего признанья, онъ не ожидалъ того оборота, который Ѳедоръ дастъ его дѣлу. Послѣднее усиліе Шуйскаго выдержать свой характеръ выражается въ словахъ:

Не вздумай, государь,
Меня простить! Я на тебя бы снова
Тогда пошелъ!

Слова эти онъ выговариваетъ гордо и сурово, какъ бы для того, чтобы отнять у Ѳедора всякую возможность его помиловать. Но съ Ѳедоромъ сладить не легко, когда онъ взялъ себѣ въ голову спасти утопающаго. Онъ, какъ неустрашимый пловецъ, бросается за нимъ въ воду, хватаетъ его за-руки, хватаетъ за-волосы, хватаетъ за что попало, и противъ воли тащитъ на-берегъ. Суровость Шуйскаго разбивается въ дребезги объ это безпредѣльное великодушіе. Онъ побѣжденъ имъ теперь, какъ прежде былъ побѣжденъ благостью Ирины; слезы брызнули изъ его глазъ, и со словами:

Нѣтъ, онъ святой!
Богъ не велитъ подняться на него!

онъ упалъ бы на колѣни передъ Ѳедоромъ, еслибъ тотъ не вытолкалъ его изъ покоя, говоря:

Ступай, ступай! Раздѣлай, что ты сдѣлалъ!

Послѣ этой сцены, мы видимъ Шуйскаго въ послѣдній разъ, въ кандалахъ, подъ стражею, ведомаго въ тюрьму его заклятымъ врагомъ, Туренинымъ, назначеннымъ ему въ приставъ. Онъ принялъ свой приговоръ, какъ заслуженное наказаніе, и въ его осанкѣ, въ его голосѣ должны чувствоваться раскаяніе, участіе къ народу, достоинство и преданность судьбѣ. Совѣсть уже не позволяетъ ему идти противъ Ѳедора, но онъ не можетъ

[1]) Это равняется отверженію въ русской драмѣ общихъ законовъ искусства потому, что эти законы признаны всею Европой. Странная боязнь быть европейцами! Странное исканіе русской народности въ сходствѣ съ туранцами, и русской оригинальности въ клеймахъ татарскаго ига! Славянское племя принадлежитъ къ семьѣ индо-европейской. Татарщина у насъ есть элементъ наносный, случайный, привившійся къ намъ насильственно. Нечего имъ гордиться и имъ щеголять! И нечего *становиться спиной къ Европѣ*, какъ предлагаютъ нѣкоторые псевдо-руссы. Такая позиція доказывала бы только необразованность и отсутствіе историческаго смысла.

Digitized by Google

пристать къ Годунову; ему остаются только—тюрьма или смерть. Его слова къ народу суть его послѣднія въ трагедіи; исполнитель произнесетъ ихъ какъ можно проще, но съ большимъ чувствомъ, такъ, чтобы они сдѣлали впечатлѣніе на зрителя.

Разобравъ роль Шуйскаго, мы приходимъ къ заключенію, что это человѣкъ гордый и сильный, способный даже къ мѣрамъ суровымъ, сознательно совершающій несправедливости, когда онѣ, по его убѣжденію, предписаны общею пользой, но слабый противъ движеній своего сердца. Такіе люди могутъ пріобрѣсти восторженную любовь своихъ согражданъ, но они не созданы осуществлять перевороты въ исторіи. На это нужны не Шуйскіе, а Годуновы.

Лѣтописи не сохранили намъ наружности Ивана Петровича, но въ трагедіи она должна быть представительна. Мы можемъ вообразить его человѣкомъ высокаго роста, лѣтъ шестидесяти, съ просѣдью. Осанка его благородна, голосъ рѣзокъ, поступь тверда, пріемы съ равными повелительны, съ низшими благосклонны.

Съ купцомъ, со смердомъ ласковъ,
А съ нами гордъ!

говоритъ про него Клешнинъ, и этотъ оттѣнокъ не долженъ пропасть въ исполненіи.

Ирина.

Какъ ангелъ-хранитель Ѳедора, какъ понуждающее, сдерживающее и уравновѣшивающее начало во всѣхъ его душевныхъ проявленіяхъ, стоитъ возлѣ него царица Ирина.

Это одна изъ свѣтлыхъ личностей нашей исторіи. Русскіе и иностранцы удивлялись ея уму и восхищались ея красотой. Ее сравнивали съ Анастасіей, первой женой Ивана Грознаго, той, кому Россія обязана краткими годами его славы. Послѣ смерти Ѳедора, она была единодушно признана его преемницей, и хотя тогда же постриглась подъ именемъ Александры, но таково было къ ней уваженіе земли, что боярская дума нашла нужнымъ издавать граматы не иначе, какъ отъ имени *царицы Александры*, до самаго избранія Годунова.

Рѣдкое сочетаніе ума, твердости и кроткой женственности составляютъ въ трагедіи ея основныя черты. Никакое мелкое чувство ей недоступно. У нея всѣ великія качества Годунова, безъ его темныхъ сторонъ. Все ея честолюбіе обращено на Ѳедора. Ей больно, что онъ такъ слабъ; ей хотѣлось бы пробудить въ немъ волю; она не только не выставляетъ наружу свое

Digitized by Google

вліяніе на него, но тщательно его скрываетъ, стараясь всегда оставаться въ тѣни, а его выказывать въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Она бережно обращается съ его слабостями; знаетъ его желаніе казаться самостоятельнымъ, и никогда ему не перечитъ. Любовь ея къ Ѳедору есть любовь материнская; она исполняетъ его капризы, поддается его поддразниванью, занимаетъ его, нянчится съ нимъ, но не пропускаетъ случая напомнить ему, что онъ царь, что онъ имѣетъ право и обязанность повелѣвать, гдѣ того требуетъ его совѣсть. Нѣтъ сомнѣнія, что Годуновъ преимущественно обязанъ ей своей силой; но она поддерживаетъ брата не изъ родственнаго чувства, а по убѣжденію, что онъ единственный человѣкъ, способный править царствомъ. Тѣмъ не менѣе, ее оскорбляетъ слишкомъ полное подчиненіе ему Ѳедора. Ей хотѣлось бы, чтобы онъ не только казался, но дѣйствительно былъ господиномъ въ своемъ домѣ. Она, наперекоръ брату, напоминаетъ Ѳедору, что выписать Дмитрія изъ Углича—есть дѣло не государственное, но семейное, въ которомъ онъ долженъ быть судьею. Съ ея высокимъ умомъ, съ ея благородствомъ сердца, она не могла не оцѣнить Ивана Петровича Шуйскаго, и хотя не раздѣляетъ его политическихъ мнѣній, но понимаетъ его оппозицію, и находитъ, что братъ ея долженъ бы склонить Шуйскаго на свою сторону, а не стараться его погубить. Она, какъ и Ѳедоръ, хотѣла бы согласить все разнородное, примирить все враждующее, но когда это невозможно, она, не колеблясь, становится на ту сторону, гдѣ, по ея убѣжденію, правда.

Хотя роль Ирины не ярко проходитъ черезъ трагедію, но она освѣщаетъ ее всю своимъ индивидуальнымъ свѣтомъ, ибо всѣ нити событій сходятся въ Ѳедорѣ, а Ѳедоръ неразрывно связанъ съ Ириной.

Въ Иринѣ характеръ не выказывается сразу, какъ въ Ѳедорѣ и въ Шуйскомъ. Она въ своей первой сценѣ видна только со стороны своей кротости, заботливости о Ѳедорѣ и готовности попасть въ тонъ его шутливаго настроенія. Это сцена интимная, гдѣ Ирина не царица, а добрая, любящая жена.

Въ слѣдующемъ актѣ качество это отступаетъ на второй планъ и даетъ мѣсто, въ сценѣ примиренія, другому качеству: оффиціальной представительности. Здѣсь Ирина не иначе относится къ Ѳедору, какъ къ государю. Къ Шуйскому она обращается какъ царица, и даже даетъ ему, хотя косвенно и осторожно, почувствовать разстояніе, ихъ раздѣляющее. Тѣмъ сильнѣе она дѣйствуетъ на Шуйскаго, когда, напомнивъ ему, что онъ слуга и подданный, она кланяется ему въ поясъ и проситъ его забыть свою вражду къ Годунову. Этотъ поклонъ и предше-

Digitized by Google

ствующій ему монологъ Ирины должны быть проникнуты такимъ чувствомъ и достоинствомъ, чтобы всѣмъ стало понятно, что Шуйскому невозможно противостоять имъ.

Въ концѣ третьяго акта, Иринѣ предстоитъ довольно трудная нѣмая игра, съ того мѣста, гдѣ Годуновъ отрекается отъ правленія, до того, гдѣ Ѳедоръ, давъ ему уйти, бросается къ ней на шею. Всѣ страданія Ѳедора, его изнеможеніе, борьба съ самимъ собой, и, наконецъ, побѣда надъ собственной слабостью, отражаются на лицѣ Ирины участіемъ, боязнью, состраданіемъ и радостью. Нѣжность ея къ Ѳедору, когда она обнимаетъ его, со словами:

Нѣтъ, Ѳедоръ, нѣтъ, ты сдѣлалъ такъ, какъ должно!

имѣетъ характеръ сердечнаго порыва, и производитъ тѣмъ полнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ сдержаннѣе будетъ передъ этимъ исполнительница.

Въ четвертомъ актѣ, въ сценѣ очной ставки, Ирина съ перваго появленія Шуйскаго догадалась, что въ немъ таится враждебный замыселъ. Она слѣдитъ съ безпокойствомъ за его выраженіемъ, и когда Ѳедоръ требуетъ отъ него отвѣта, она, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа, чтобы спасти Шуйскаго и вмѣстѣ обязать его въ вѣрности, проситъ Ѳедора не спрашивать его о прошедшемъ, но только взять съ него слово за будущее. Во всей этой сценѣ, а равно и въ слѣдующей, гдѣ Ѳедоръ, узнавъ о челобитнѣ Шуйскихъ, посылаетъ ихъ въ тюрьму, Ирина, своимъ благоразуміемъ, спокойствіемъ и присутствіемъ духа представляетъ контрастъ съ хлопотливостью и растерянностью Ѳедора.

Въ пятомъ актѣ Ирина является вмѣстѣ съ княжной Мстиславской. Чувство ревности, которое такъ легко западаетъ въ сердце даже великодушной женщины, не коснулось Ирины. Въ ласковомъ обращеніи съ своей невольной соперницей она не выказываетъ преувеличенья, какъ сдѣлала бы на ея мѣстѣ другая, побѣдившая свою ревность. Съ заботливой добротой и съ женской солидарностью она поправляетъ разстроенныя поднизи Мстиславской, и не думаетъ показать этимъ великодушіе; ея участіе и солидарность разумѣются для нея сами собою. Колѣнопреклоненіе Ирины передъ Ѳедоромъ, ея просьба за Шуйскаго — все должно быть просто и естественно, безъ малѣйшей торжественности. Вѣсть о смерти Шуйскаго, а потомъ о смерти Дмитрія поражаютъ ее сильно, но не лишаютъ присутствія духа, и утѣшая Ѳедора, она не упускаетъ изъ вида участи государства. Ея соболѣзнованіе проникнуто несказанною горестью, а ея отвѣтъ

Digitized by Google

Годунову, торжествующему, что ихъ пути сошлись, тяжелымъ сознаніемъ, что дѣйствительно оба страшныя событія ихъ сблизили. Ея восклицаніе:

О, еслибъ имъ сойтись не довелось!

которымъ оканчивается ея роль, есть болѣзненный крикъ, вырвавшійся изъ самой глубины ея сердца.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ портретовъ Ирины. Одежда ея всегда богата, а въ торжественныхъ случаяхъ великолѣпна. Архіепископъ элассонскій, Арсеній, бывшій въ 1588 году въ Москвѣ вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, видѣлъ ее въ длинной мантіи, поверхъ бархатной одежды, осыпанной жемчугомъ. На груди у нея была цѣпь изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, а на головѣ корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами. Одежда ея боярынь была бѣлая, какъ снѣгъ. Англичанинъ Горсей также говоритъ, что Ирина, въ день вѣнчанія Ѳедора, сидѣла на престолѣ, у открытаго окна, въ коронѣ, вся въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Въ трагедіи она перемѣняетъ одежду нѣсколько разъ, смотря по обстановкѣ, въ которой находится.

Самое задушевное желаніе Ирины—было имѣть дѣтей, и въ своемъ свиданіи съ константинопольскимъ патріархомъ она такъ трогательно просила его молить о томъ Бога, что патріархъ заплакалъ. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, и единственный ребенокъ Ирины, дѣвочка, названная Ѳеодосіею, умерла вскорѣ послѣ рожденія.

Во всей наружности Ирины разлито скромное достоинство. Взглядъ ея уменъ, улыбка добра и привѣтлива; каждое ея движеніе плавно; голосъ ея тихъ и благозвученъ, скорѣе контральто, чѣмъ сопрано. Атмосфера спокойствія ее окружаетъ; при ней каждый невольно становится на свое мѣсто, и ему отъ этого дѣлается легко; ея присутствіе вызываетъ въ каждомъ его лучшія стороны; при ней дѣлаешься добрѣе, при ней дышется свободнѣе; отъ нея, по выраженію Шуйскаго, вѣетъ тихимъ лѣтомъ.

Князь Василій Шуйскій.

Объ этомъ хитромъ, но не глубокомъ человѣкѣ я говорилъ подробно въ моемъ первомъ «Проектѣ», такъ что не много прійдется здѣсь прибавить. Онъ представленъ у меня изобрѣтателемъ и зачинщикомъ сложной козни противъ Годунова. Мастеръ въ такого рода дѣлахъ, онъ чрезвычайно остороженъ, и не суется въ опасность, не упрочивъ себѣ возможности отступленія. Онъ

Digitized by Google

не прочь и свергнуть Ѳедора, чтобы посадить на царство Дмитрія, но находитъ, что это дѣло недостаточно подготовлено, и говоритъ Головину:

Такъ, зря, нельзя!

По этой причинѣ, а не изъ вѣрности Ѳедору, онъ и дядю отговариваетъ отъ возстанія. Держать-же въ своихъ рукахъ нити замысловатой интриги, имѣющей за собой вѣроятіе успѣха— ему очень пріятно. Ему улыбается мысль, что духовенство и граждане, подписавъ челобитню о разводѣ, попались въ западню и должны, хотя, или нехотя, идти вмѣстѣ съ Шуйскими. Онъ выказываетъ большую виртуозность въ уговариваньи Мстиславскаго отказать Шаховскому и сдѣлать изъ сестры своей царицу.

Когда его приводятъ, арестованнаго, къ Годунову, онъ не показываетъ смущенія, но говоритъ очень спокойно, что затѣялъ челобитню ему-же въ услугу. При этомъ онъ нисколько не ожидаетъ, что Годуновъ ему повѣритъ, но употребляетъ этотъ изворотъ только для благовидности, чтобы перейти на сторону Годунова не въ качествѣ переметчика, но давнишняго его приверженца. И Годуновъ, знающій его насквозь, не тратитъ съ нимъ лишнихъ словъ, но принимаетъ его увѣреніе въ преданности, и вѣритъ ей теперь, потому, что она въ интересахъ Шуйскаго. Нѣкоторые критики замѣтили мнѣ, что Василій Шуйскій, сдѣлавшись такъ легко орудіемъ Годунова, играетъ невыгодную для себя роль — и я не могу съ ними не согласиться.

Нельзя дать драматическому артисту лучшаго совѣта, какъ играть Шуйскаго такъ, какъ играетъ его г. Зубровъ въ «*Дмитріи Самозванцѣ*» Чаева, и въ моей «*Смерти Іоанна*».

Головинъ.

Этотъ также интриганъ, и въ томъ-же самомъ дѣлѣ, но съ особеннымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Онъ заносчивѣе Шуйскаго. Ставя свою цѣль выше, онъ болѣе рискуетъ, и надѣясь на свою находчивость, не подготовляетъ себѣ задней двери на случай неудачи. Въ немъ болѣе дерзости, чѣмъ хитрости.

Лупъ-Клешнинъ.

Этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Это типъ мошенника, преимущественно русскій; по крайней мѣрѣ, его рѣдко встрѣчаешь между иностранцами. Можно-бы назвать его

Digitized by Google

мошенникомъ сугубымъ, или мошенникомъ съ перехватомъ. Каждую свою плутню онъ совершаетъ не просто, а посредствомъ другой, предварительной плутни. Такъ, напримѣръ, когда льститъ, онъ не просто льститъ, но посредствомъ грубости, заключающей въ себѣ похвалу; и на людей, не особенно тонкихъ, такая лесть дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе ея оболочка. Образчикомъ тому служитъ его упрекъ Ѳедору, «что онъ пошелъ весь въ батюшку». Насъ рѣдко оскорбляетъ обвиненіе въ порокахъ, которыхъ мы рѣшительно чужды, тѣмъ менѣе обвиненіе въ излишней силѣ. А Ѳедору такой упрекъ настоящая лафа. Какъ ему не согласиться, что онъ дѣйствительно суровъ и крутъ, когда его обвиняетъ въ томъ его дядька, старый, испытанный слуга, извѣстный своей простотой и откровенностью? Мало по малу этотъ пріемъ перешелъ Клешнину въ привычку, и онъ грубитъ даже безкорыстно. Для Годунова, такой человѣкъ—находка. Когда ему нужно, чтобы что-нибудь было высказано, чего онъ самъ не хочетъ высказать, по принятому правилу сдержанности и скромности, то высказываетъ Клешнинъ безъ обиняковъ, а Годунову остается только извинять его простоту. Клешнинъ-же преданъ Годунову столько-же изъ личныхъ выгодъ, сколько отъ скрытаго презрѣнія къ Ѳедору. Онъ не въ состояніи понять Ѳедоровой благости, и откровенно предпочитаетъ ему батюшку Ивана Васильича, который ни съ кѣмъ долго толковать не изволилъ. Клешнинъ человѣкъ очень рѣшительный, ничѣмъ не стѣсняющійся, безъ совѣсти и предразсудковъ, не бѣлоручка и большой циникъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые говорятъ: «Мы люди простые; люди русскіе! Рукъ не моемъ, ковшей не полощемъ! То все про большихъ господъ, про бояръ, да про нѣмцовъ; а нашъ братъ по простотѣ: морду зоветъ рыломъ, а пощечину—оплеухой!» И за этой простотой, за этой грубостью, таится цѣлый механизмъ кознодѣйства. Впрочемъ, Клешнинъ мало кого обманываетъ; онъ для этого недовольно изворотливъ; да оно ему и не нужно; съ него довольно чтобы его боялись какъ Годуновскаго человѣка, и сторонились отъ него, какъ отъ быка.

Въ его роли два важныя мѣста: вербованіе Василисы Волоховой и очная ставка съ княземъ Иванъ Петровичемъ. Оба мѣста сами по себѣ понятны и не требуютъ поясненій.

Предложеніе его ѣхать въ Угличъ, на слѣдствіе, исполнитель долженъ сказать, обдумавши его хорошенько; оно знаменательно для всей трагедіи и намекаетъ на историческій фактъ.

Наружность Клешнина грубая, циническая, а взглядъ его волчій. Онъ впослѣдствіи, убояся огня адова, пошелъ въ монахи, и посхимился подъ именемъ отца Левкея.

Digitized by Google

Князь Туренинъ.

Это роль не трудная, заключающаяся только въ непримиримой враждѣ ко князю Ивану Шуйскому, которая должна быть выставлена какъ можно ярче. Такъ какъ между его первымъ и вторымъ появленіемъ есть большой промежутокъ, то наружность его должна быть очень замѣтна, дабы, когда онъ ведетъ Ивана Шуйскаго въ тюрьму, зритель тотчасъ его припомнилъ, и узналъ, что это именно Туренинъ, а не кто другой, кому теперь поручается участь Шуйскаго. Выраженіе Туренина мрачное и мстительное.

Василиса Волохова.

Роль очень эффектная и не совсѣмъ легкая, если не брать ее съ одной внѣшней стороны. Изъ разныхъ ея проявленій зритель долженъ, еще до сцены съ Клешнинымъ, составить себѣ полное понятіе о характерѣ Волоховой, такъ чтобы ея готовность совершить преступленіе его не удивила. Клешнинъ опредѣляетъ ее вѣрно, говоря про нее:

На всѣ пригодна руки:
Гадальщица, лекарка, сваха, сводня,
Усердна къ Богу, съ чортомъ не въ разладѣ.

Единственный двигатель всѣхъ дѣйствій Волоховой — это деньги. Изъ-за нихъ она пускается на всевозможныя ремесла, и какъ Протей, принимаетъ всевозможные виды. У нея, какъ у Клешнина, нѣтъ ничего святого, но она съ большою готовностью подлаживается подъ всѣ вкусы. Цинизмъ ея не менѣе безстыденъ, чѣмъ цинизмъ Клешнина, но онъ гораздо наивнѣе, ибо она судитъ обо всѣхъ по себѣ, и высказываетъ часто самыя рискованныя убѣжденія, полагая, что кто не дуракъ, у того и быть иныхъ не можетъ. Въ молодости она была баба веселая, не строгая къ добрымъ молодцамъ, когда къ ней обращались не съ пустыми руками; теперь-же она принимаетъ большое участіе въ сердечныхъ дѣлахъ другихъ: кого посватаетъ, кому и такъ доставитъ свиданіе. Ея мнѣніе о людяхъ самое низкое; она полагаетъ, что нѣтъ человѣка, который за деньги не сдѣлалъ-бы всего на свѣтѣ, не отравилъ-бы отца и матери; но это, по ея словамъ, отъ немощи человѣческой, и быть иначе не можетъ, стало тутъ нѣтъ ничего и дурного, а глупъ тотъ, кто ближняго не бережется, а паче всего, собственныхъ дѣтей; на то и разумъ человѣку данъ.

Она большая богомолка, охотница прикладываться къ ико-

Digitized by Google

намъ, знаетъ всѣхъ московскихъ игуменій и игумновъ, и вхожа въ лучшіе дома. Боярыни отъ нея души не чаятъ; она имъ и солитъ, и варитъ, и лѣтники кроитъ, и ферязи шьетъ; а боярышнямъ про суженыхъ гадаетъ; а боярамъ отъ разныхъ скорбей нашептываетъ; а всѣмъ вмѣстѣ переноситъ сплетни изъ дома въ домъ; однихъ поссоритъ, другихъ помиритъ, и съ обѣихъ сторонъ выпроситъ себѣ подарокъ. Самые сложные обряды она знаетъ наизусть, и нѣтъ свадьбы, и нѣтъ помолвки, и нѣтъ крестинъ, и нѣтъ именинъ, и нѣтъ похоронъ, гдѣ-бы она не играла роли. За каждый свой совѣтъ, за каждую услугу, она получаетъ, отъ кого ширинку, отъ кого пару соболей, отъ кого деньги, и все это прячется подъ замокъ, отъ котораго ключъ она носитъ на шеѣ, вмѣстѣ съ образками и ладонками. Она любитъ говорить про свою нищету и вдовье сиротство, но она не робкаго свойства, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, и, при случаѣ, великая мастерица ругаться. Бываетъ, что иной бояринъ, который нравомъ покруче, велитъ за какую-нибудь продѣлку согнать ее со двора; но она, вышмыгивая изъ воротъ, успѣетъ, при всей дворнѣ, насулить ему такую кучу разныхъ бѣдъ, что, узнавъ о томъ, бояринъ призадумается. А если вскорѣ захвораетъ въ домѣ ребенокъ, или начнется пожаръ, то, на представленія жены, бояринъ скажетъ: Ну, ну, добро, пошли этотъ кошель чортовой бабѣ, чтобъ она порчи у насъ не чинила!

Типъ ея, съ неизбѣжными измѣненіями, сохранился до нашего времени, и потому наружность ея и пріемы не требуютъ описанія. Не думаю, чтобы кто-либо могъ передать Волохову лучше нашей заслуженной, необыкновенно умной и тонкой артистки, г-жи Линской.

Князь Шаховской и княжна Мстиславская.

Эти два лица играютъ хотя краткую, но необходимую роль въ трагедіи, по ихъ органической связи съ ея механизмомъ: безъ Мстиславской не было-бы отказа Шаховскому; безъ Шаховского Ѳедоръ не послалъ-бы Шуйскихъ въ тюрьму. Но оба лица, какъ эпизодическія, особенно Мстиславская, едва очерчены и не даютъ времени исполнителямъ углубиться въ ихъ характеры. Мстиславская—красивая дѣвушка, привязанная къ своему дядѣ и воспитателю, Ивану Шуйскому, котораго она очень боится; жениха-же своего, Шаховского, она любитъ и сильно съ нимъ кокетничаетъ.

Шаховской — красивый, удалой молодецъ, благородный, отважный, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но не легко

Digitized by Google

связывающій двѣ идеи вмѣстѣ. Отличительная его черта — необдуманность, и критики, порицая его за этотъ недостатокъ, доказали свою проницательность, равно какъ и открытіемъ, что Иванъ Петровичъ Шуйскій неспособенъ быть главою политической партіи.

Митрополитъ Діонисій, архіепископъ Іовъ, архіепископъ Варлаамъ, и прочія духовныя лица.

Хотя ни одному изъ нихъ не суждено явиться на сцену иначе, какъ *инкогнито*, но для полноты обзора, не мѣшаетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Діонисій былъ человѣкъ достойный, всѣми уважаемый, заслужившій отъ современниковъ, своею ученостью и краснорѣчіемъ, прозваніе *мудраго грамматика*. Главной его заботою было расширеніе церковныхъ правъ. Онъ не поддавался Годунову, которому не разъ приходилось его задобривать, и грамата, врученная ему во второмъ актѣ, есть фактъ историческій. Когда начался процессъ Шуйскихъ, онъ и крутицкій архіепископъ Варлаамъ, оба энергически протестовали противъ ихъ осужденія, и оба были сведены съ престоловъ. Іовъ же, напротивъ, архіепископъ ростовскій, всегда держалъ сторону Годунова, и былъ возведенъ въ санъ патріарха всея Руси. Роль его въ дѣлѣ объ убіеніи царевича Дмитрія — очень незавидная. Экономія трагедіи не допускала развитія святительскихъ характеровъ, но въ ней сохранены самостоятельность Діонисія и подобострастіе Іова. На сценѣ они могутъ показаться только въ условномъ видѣ *стариковъ*, равно какъ и благовѣщенскій протопопъ и чудовскій архимандритъ. Духовника-же Ѳедора можно и вовсе исключить.

Богданъ Курюковъ и прочіе купцы.

Роль перваго требуетъ нѣкотораго поясненія; другіе только способствуютъ колориту трагедіи. Курюковъ — человѣкъ минувшаго вѣка, когда еще значеніе удѣльныхъ князей было только побѣждено, а не вовсе уничтожено. Въ его время народъ принималъ еще участіе въ дѣлахъ земли, и сочувствіе его давало перевѣсъ той, или другой сторонѣ. На него опирались политическія партіи съ успѣхомъ, не такъ какъ попытался опереться Шуйскій, когда уже царь Иванъ истолокъ, какъ въ ступѣ, всѣ историческія отношенія, связывавшія народъ съ удѣльнымъ княжествомъ. Курюковъ еще помнитъ эти отношенія и держится ихъ свято. Другіе купцы привержены къ Шуйскимъ болѣе по

Digitized by Google

тождественности ихъ интересовъ и по личному сочувствію; но для Курюкова Шуйскіе представляютъ знамя, которому онъ служитъ по преданію, и за которое умираетъ. Это одна изъ тѣхъ богатырскихъ фигуръ до-петровскаго времени, про которыя полякъ Пасекъ говоритъ, что когда онѣ стояли въ сомкнутомъ строю, съ бердышами въ рукахъ, то казалось, что идешь «на отцовъ родныхъ.» Но въ трагедіи Курюковъ является уже какъ развалина былого, навсегда прошедшаго времени. Онъ сталъ слабъ и болтливъ, и часто заговаривается. Только когда дѣло идетъ о Шуйскихъ, онъ находитъ свою прежнюю ясность и прежнюю энергію. Лицо его умно и добродушно, ростъ высокъ, вся фигура живописна.

Иванъ Красильниковъ и Голубь-сынъ, оба дюжіе молодцы, особенно второй. Ихъ ролей не слѣдуетъ давать щедушнымъ статистамъ, иначе выйдетъ смѣшное противорѣчіе между ихъ наружностью и приписываемой имъ силой. Одно изъ назначеній обоихъ — это показать неизгладившіяся еще, или возобновившіяся послѣ Іоанна, отношенія взаимнаго довѣрія между народомъ и боярствомъ.

Князь Андрей, Дмитрій и Иванъ Шуйскіе; князь Мстиславскій и князь Хворостининъ.

Всѣ три Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и сосланы въ заточеніе, гдѣ, одновременно съ Иваномъ Петровичемъ, удавлены также Иванъ Ивановичъ и Андрей Ивановичъ. Послѣдній, настаивающій въ третьемъ актѣ на убіеніи Годунова, былъ признанъ главнымъ преступникомъ.

Желательно, чтобы у всѣхъ троихъ, въ осанкѣ и пріемахъ, была видна родственная черта гордой независимости, которой они, вмѣстѣ съ Иваномъ Петровичемъ, отличаются въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе бояре, ихъ сторонники.

О Хворостининѣ и Мстиславскомъ не могу сказать ничего, кромѣ, что первый былъ извѣстенъ умомъ и воинскою доблестью, а второй, подобно своему отцу, постриженному Годуновымъ, одною доблестью. У Мстиславскаго есть сцена, требующая большой живости въ исполненіи, именно сцена, гдѣ онъ даетъ отказъ Шаховскому.

Ѳедюкъ Старковъ.

Этотъ шпіонъ, слуга князя Ивана Петровича и его предатель, почти вовсе не говоритъ, но является въ трехъ важныхъ

Digitized by Google

мѣстахъ трагедіи. Чтобы придать ему нѣкоторую оригинальность, я предлагаю представить его сѣдымъ человѣкомъ, самаго почтеннаго вида, котораго одна наружность вселяетъ довѣріе. Онъ какъ будто ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей должности дворецкаго; но, когда на него не смотрятъ, глаза его бѣгаютъ какъ мыши, а уши такъ и навастриваются. Если за эту роль возьмется умѣющій, она дастъ ему случай къ интересной нѣмой игрѣ.

Гусляръ.

Онъ долженъ быть молодъ, а не старъ, чтобы его наружность составляла контрастъ съ Курюковымъ. Пѣсня его о Шуйскомъ передѣлана изъ настоящей народной пѣсни и бо́льшая часть стиховъ сохранена. Очень важно подобрать подъ нихъ приличный напѣвъ, чтобы несвѣдующій въ археологіи исполнитель не вздумалъ угостить публику какимъ-нибудь романсомъ. Худшей услуги онъ бы не могъ оказать народной сценѣ на Яузскомъ мосту.

Въ собраніи Стаховича онъ найдетъ характерные и подходящіе мотивы. Одежда гусляра бѣдна, но опрятна.

Нищіе.

Эти должны быть въ лохмотьяхъ, и чѣмъ они будутъ оборваннѣе, тѣмъ живописнѣе выйдетъ послѣдняя картина. Когда Годуновъ со Мстиславскимъ уходятъ со сцены, а бояре и народъ спѣшатъ за ними, нищіе затягиваютъ псаломъ, но такъ тихо, что онъ только слышится сквозь послѣдній монологъ Ѳедора, но его не заглушаетъ. Нѣкоторыя особенности одежды, а главное, оригинальный народный напѣвъ можно найти въ «*Калѣкахъ перехожихъ*» г. Безсонова.

ДЕКОРАЦІИ.

Бо́льшая часть декорацій «*Смерти Іоанна Грознаго*» годится и для «*Царя Ѳедора*», но если онъ будетъ данъ, то надобно сдѣлать три новыя:

Первую, въ началѣ третьяго акта:

Садъ князя Ивана Петровича Шуйскаго.

На первомъ планѣ кусты смородины и большіе подсолнечники; въ сторонѣ заборъ съ калиткой; въ глубинѣ прудъ, съ отраженіемъ въ немъ звѣзднаго неба, и крыльцо княжескаго

Digitized by Google

дома, по которому сходятъ дѣйствующія лица. Сначала ночь, потомъ занимающаяся заря.

Вторую, въ концѣ четвертаго акта:

Мостъ черезъ Яузу.

Онъ долженъ идти отъ зрителей въ глубину сцены, немного наискось, чтобы все на немъ происходящее было видно. За рѣкой уголъ укрѣпленія съ воротами, черезъ которыя выводятъ Шуйскихъ на-мостъ. Вдали рощи и монастыри.

Третью, въ концѣ пятаго акта:

Площадь передъ Архангельскимъ соборомъ.

Церковныя врата должны находиться на первомъ планѣ, справа, или съ лѣва, ибо вся сцена происходитъ у самаго собора.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

При неустановившейся еще у насъ театральной критикѣ, при отсутствіи общепризнанной теоріи драматической игры, артисты наши бываютъ постоянно сбиваемы самыми разнородными взглядами, не только на ихъ исполненіе, но и на основныя правила искусства.

Да будетъ же мнѣ позволено, не вдаваясь въ подробную теорію, которой здѣсь не мѣсто, заявить только о коренномъ законѣ, долженствующемъ руководить исполнителей всякой серьезной драмы. Законъ этотъ для нихъ тотъ же самый, какъ и для драматическаго поэта: онъ предписываетъ взаимное проникновеніе идеализма и реализма, или, простыми словами: соединеніе правды съ красотой.

Полная и голая правда есть предметъ науки, а не искусства. Искусство не должно *противурѣчить* правдѣ, но оно не принимаетъ ее въ себя *всю, какъ она есть*. Оно беретъ отъ каждаго явленія только его типическія черты, и отбрасываетъ все несущественное. Этимъ живопись отличается отъ фотографіи, поэзія отъ исторіи, и, въ частности, драма отъ драматической хроники. Иллюзія, производимая искусствомъ, не должна быть иллюзіей полнаго обмана. Удовольствіе, ощущаемое нами при видѣ художественнаго портрета, есть иное чувство, чѣмъ созерцаніе оригинала въ зеркалѣ. Напротивъ, оригиналъ часто бываетъ намъ непріятенъ, а воспроизведеніе насъ привлекаетъ. Причина тому, что живопись (когда она достойна этого имени) отбрасываетъ

Digitized by Google

все, что въ оригиналѣ случайно, незнаменательно, *индоффферентно*, и сохраняетъ только его сущность. Она возводитъ единичное явленіе природы въ типъ, или въ идею, другими словами, она его *идеализируетъ*, и тѣмъ придаетъ ему красоту и значеніе. Тоже дѣлаетъ драматургъ съ историческимъ событіемъ; тоже должны дѣлать съ нимъ и драматическіе исполнители, которыхъ обязанность: облекать въ плоть и кровь идею драматурга. Какъ его фигуры въ драмѣ не суть повторенія живыхъ личностей, но идеи этихъ личностей, очищенныя отъ всего, что не принадлежитъ къ ихъ сущности, такъ и драматическій артистъ долженъ, въ исполненіи, воздерживаться отъ всего, что не составляетъ сущность его роли, но тщательно отыскивать и воспроизводить всѣ ея типическія черты. Его игра должна быть согласна съ природой, но не быть ея повтореніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Юлію Кесарю случалось иногда кашлять и чихать, какъ и всѣмъ другимъ смертнымъ, и художникъ, который, въ его роли, вздумалъ бы кашлять и чихать, не отступилъ бы отъ природы, но онъ своимъ реализмомъ умалилъ бы идею Юлія Кесаря, ибо его сущность состояла не въ чиханьи, которое онъ раздѣлялъ и съ другими римлянами, но въ чертахъ ему одному принадлежащихъ. Исполнитель серьезной роли не долженъ забывать, что, при ограниченности драматической рамы, каждое его движеніе, каждая его интонація, имѣютъ значеніе; онъ не долженъ позволять себѣ ничего лишняго, и не долженъ упускать ничего существеннаго: однимъ словомъ, онъ долженъ проникнуться *идеей*, имъ представляемой, и постоянно держаться на ея высотѣ, имѣя въ виду *идеальную*, а не реальную правду. Я настаиваю на этомъ законѣ такъ положительно потому, что онъ найденъ не мной, а Аристотелемъ. Къ нему же пристали всѣ великіе критики нашего времени, въ томъ числѣ Лессингъ и Гёте, и въ этомъ смыслѣ онъ можетъ, по справедливости, назваться закономъ европейскимъ. Хотя многіе у насъ находятъ, что мы не обязаны подчиняться этимъ законамъ «потому, что мы не европейцы»;— подождемъ, чтобы Азія, или Новая Голландія выслали намъ болѣе вѣрную эстетику, или же, чтобы явились особенные русскіе законы искусства, которые еще не открыты, но скоро должны открыться; а до того, за неимѣніемъ лучшаго, будемъ держаться, какъ въ техникѣ драмы, такъ и въ ея исполненіи, законовъ европейскихъ, подъ опасеніемъ попасть въ беззаконность.

Если бы кто нашелъ, что все сказанное мною разумѣется само собой, и что я, по французскому выраженію, взламываю незамкнутую дверь, — я тому отвѣчу, что совершенно съ нимъ согласенъ, но, въ оправданіе себѣ, укажу на распространив-

Digitized by Google

шуюся доктрину о какихъ-то *русскихъ началахъ*, на которыхъ должны у насъ развиваться наука и искусство.

Есть русскіе нравы, русская физіогномія, русская исторія, русская археологія; есть даже русское искусство—но нѣтъ *русскихъ началъ искусства*, какъ нѣтъ русской таблицы умноженія. Нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, и *европейскихъ началъ*, а есть начала абсолютныя, общія, вѣчныя. Можно сомнѣваться въ вѣрности ихъ опредѣленія, но не ихъ существованія; можно спорить о ихъ сущности, но не о ихъ примѣнимости. И если бы даже которое-нибудь изъ этихъ началъ не было достаточно уяснено, то съ минуты своего уясненія, оно станетъ обязательно для всѣхъ націй безъ исключенія. Которое же изъ нихъ признано годнымъ для одного народа, то годно для всѣхъ народовъ, ибо передъ законодательствомъ искусства нѣтъ привилегированныхъ классовъ.

Съ этими абсолютными началами не слѣдуетъ смѣшивать ни ту національную физіогномію, которую *невольно* выказываетъ каждый драматургъ и каждый исполнитель, и которая, въ иныхъ случаяхъ, бываетъ недостаткомъ; ни тѣ національныя особенности, которыя принадлежатъ *по праву* всѣмъ драматическимъ лицамъ, смотря по ихъ народности, и съ которыми соображаться есть долгъ и обязанность. Мы требуемъ, какъ отъ драматурга, такъ и отъ исполнителя, чтобы каждое лицо дѣйствовало въ нравахъ своей націи (русская ли она, или другая — все равно), и несоблюденіе этого правила заслуживаетъ порицанія; но иное грѣшить противъ національности, иное противъ законовъ искусства, и каждый изъ этихъ проступковъ подлежитъ особой подсудности. Спутывать *національные нравы* съ небывалыми *національными началами искусства* — значитъ вносить неясность въ понятія не только артистовъ и публики, но и самихъ писателей. Такъ-называемая живая струя, «которая бьетъ изъ самобытнаго родника русскаго творчества», если она рождаетъ дѣйствительно художественныя произведенія, бьетъ, безъ сомнѣнія, изъ родника общаго всему художеству, какъ бы ни были національны ея краски. Если же она бьетъ изъ другого источника, то, при всей національности красокъ, никогда ничего не произведетъ истинно художественнаго. Туманныя выраженія въ родѣ: «Своеобычная форма историческаго развитія русскаго народа», или «Родовыя черты бытового начала», или «Условія родовыхъ отличій русской жизни» и такъ далѣе, которыя выдаются намъ за предтечи новыхъ, оригинальныхъ законовъ творчества, переводятся очень просто словами: *Русскіе нравы, русская физіогномія*. Само собою разумѣется, что держаться этихъ условій на

Digitized by Google

русской сценѣ есть долгъ, какъ драматурга, такъ и исполнителя; но нѣтъ причины давать этому простому правилу какой-то глубокій, таинственный смыслъ. Писатель, который заставилъ бы Дмитрія Донского пѣть серенаду подъ балкономъ своей возлюбленной, или актеръ, который, въ роли Пожарскаго, сталъ бы расшаркиваться, держа шапку подъ мышкой, оба провинились бы не передъ русскими началами искусства, а передъ русскими нравами и русской физіогноміей. И странно было бы говорить про нихъ, что они нарушили «своеобычныя условія родовыхъ отличій», или приписывать ихъ нелѣпость тому, что еще не открыта какая-то «струя» или «своеобычная форма русской исторической драмы». Такого рода фразы затемняютъ самыя простыя понятія, и уподобляются ученому, глубокомысленному отыскиванію рукавицъ, торчащихъ за поясомъ.

Итакъ, пусть не смущаются ими наши исполнители, но, оставаясь русскими съ головы до ногъ, тѣмъ не менѣе свято соблюдаютъ общіе законы искусства, обязательные для всѣхъ націй, и не упускаютъ изъ вида главнаго изъ нихъ: *закона идеальной правды*, который есть краеугольный камень всякаго художества.

Въ заключеніе скажу, что какому бы искусству мы себя ни посвятили, оно никогда не дается намъ даромъ, и что если нѣтъ художника безъ вдохновенія, то одно вдохновеніе не составляетъ художника. Какія бы ни были природныя дарованія живописца, зодчаго, ваятеля, музыканта, или поэта, если они не подвергнутъ себя *самой строгой дисциплинѣ*, они не возвысятся надъ посредственностью. Успѣхъ же пріобрѣтаемый ими иногда на счетъ честнаго исполненія дѣла — есть стыдъ, а не торжество.

Первая степень дисциплины драматическаго артиста — это буквальное изученіе своей роли; вторая — присвоеніе себѣ передаваемаго характера въ его малѣйшихъ подробностяхъ, съ отбрасываніемъ всего, что̀ не составляетъ его сущность; третья — согласованіе своей роли съ прочими ролями пьесы, и держаніе себя на подобающемъ градусѣ яркости, ни выше, ни ниже.

Это согласованіе ролей, которое называется у насъ непріятнымъ именемъ: *ансамбль*, и которое можно бы замѣнить словомъ: *дружность*, есть преимущественно дѣло режиссёра. Оно такъ важно, что безъ него никакое художественное исполненіе не мыслимо. Живописецъ, ваятель, зодчій, или поэтъ, зависятъ каждый отъ себя самого; но драматическій артистъ, равно какъ и музыкантъ, участвующій въ симфоніи, зависятъ каждый отъ своихъ товарищей, какъ и эти отъ него зависятъ. Малѣйшее между ними несогласіе производитъ диссонансъ, разладицу,

Digitized by Google

фальшъ, и отвѣтственность за это лежитъ на режиссёрѣ, который есть капельмейстеръ труппы.

Мы удивляемся иногда, что между драматическими художниками, которыхъ общее согласіе единственно упрочиваетъ успѣхъ ихъ общаго дѣла, такъ трудно найти это согласіе; но причина тому въ самомъ существѣ ихъ искусства. Исполнитель живетъ только въ настоящемъ времени; въ немъ одномъ лежатъ его успѣхъ и торжество. Другіе художники, если они не признаны современниками, могутъ надѣяться на одобреніе потомства; исполнитель ожидаетъ его только отъ современниковъ. Отсюда его жажда рукоплесканій; отсюда его уступки вкусу публики, хотя бы этотъ вкусъ противорѣчилъ его артистическимъ убѣжденіямъ; отсюда его желаніе быть замѣченнымъ, во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ піесѣ. Но дѣйствующій такъ — ошибается. Правда окончательно беретъ верхъ надъ неправдой, и хотя у исполнителя короче срокъ, чѣмъ у другого ходожника, чтобы заставить публику его оцѣнить—но жизни его на это достаточно. Вспомнимъ покойнаго Щепкина, который, никогда не спускаясь до уровня толпы, тѣмъ самымъ заставлялъ толпу подыматься до его высоты. Художникъ, жертвующій своею совѣстью минутному торжеству, перестаетъ быть художникомъ, ибо онъ забываетъ, что уже одно служеніе искусству заключаетъ въ себѣ свою награду. Пусть лучше онъ останется непризнаннымъ, пусть лучше вся піеса упадетъ и провалится, чѣмъ допустится посягательство на достоинство искусства! Въ этой области болѣе, чѣмъ во всякой другой, должно царить правило: «Вершися правда, хоть свѣтъ пропадай!» Fiat justitia, pereat mundus!

Гр. А. К. Толстой.

Красный-Рогъ, Черниг. губ.
Сентябрь, 1868.

Digitized by Google

КНЯЗЬ М. Н. ВОЛКОНСКІЙ

И

ЕГО ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ПОЛЬШИ.

(1764 — 1770 гг.).

VIII*).

«Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы сдѣлали» — писала графу Панину императрица Екатерина II — довольная тѣмъ, что избраніе короля совершилось тихо и безъ нарушенія мира какъ въ Европѣ, такъ и въ самомъ польскомъ королевствѣ.

Дѣйствительно, король былъ избранъ, но спокойствіе въ Польшѣ продолжалось весьма не долго. Два вопроса: одинъ о диссидентахъ, а другой — о сеймовыхъ преобразованіяхъ, стояли на очереди и были причиною послѣдующихъ волненій.

Король и Чарторыскіе хлопотали объ уничтоженіи на сеймахъ liberum veto и о замѣнѣ его большинствомъ голосовъ. Испугавшійся такимъ преобразованіемъ, король прусскій просилъ императрицу внушить Понятовскому, чтобы онъ удержался отъ этихъ преобразованій. Екатерина дала знать о томъ польскому королю, который, хотя исполнилъ ея желаніе, но сознавался, что жертва эта весьма тяжела для него. Онъ ссылался на то, что реформы необходимы для предоставленія полныхъ правъ дис-

*) См. т. VI, стр. 83—141.

Digitized by Google

сидентамъ, что они необходимы для вывода Польши изъ того страшнаго безпорядка, который въ ней царствуетъ, и чего нельзя достигнуть — писалъ король — «*безъ исправленія нашихъ сеймиковъ*».

Мы уже видѣли, что, при самомъ заключеніи трактата съ Фридрихомъ II, русское правительство не надѣялось въ дѣлѣ диссидентовъ успѣть настолько, чтобъ сравнять ихъ права вполнѣ съ католическимъ населеніемъ. Впослѣдствіи императрица Екатерина соглашалась даже на исключеніе ихъ изъ сената и «отъ чиновъ внѣ онаго, всю довѣренность республики требующихъ, т. е. гетманскихъ», но съ тѣмъ однако же, чтобы взамѣнъ того диссидентамъ было возвращено право выбирать городовыхъ старостъ, депутатовъ къ трибуналамъ и пословъ на сеймъ, такъ, чтобы къ каждому сейму было два посла католика и одинъ диссидентъ.

Уступчивость русской императрицы не привела къ окончанію дѣла о диссидентахъ; поляки не хотѣли ничего уступить. Диссидентовъ притѣсняли по прежнему; отъ нихъ отнимали церкви, заставляли насильно переходить въ унію и сопротивлявшихся тому били и мучили. Бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій жаловался польскому правительству на притѣсненіе православныхъ, но жалобы его оставались безъ всякаго успѣха и исполненія. Ходатайства по этому князя Репнина не привели ни къ чему. Король, находившійся въ полной власти своихъ дядей, Чарторыскихъ, говорилъ одно, а дѣлалъ другое; былъ храбръ на словахъ въ отсутствіи своихъ дядей и не имѣлъ духа лично противорѣчить имъ. Князь Репнинъ, желая имѣть дѣло съ однимъ королемъ, старался отдѣлить его отъ дядей, отъ которыхъ самъ старался отдалиться.

Чарторыскіе, убѣжденные, что теперь въ Польшѣ ничего не будетъ сдѣлано безъ ихъ желанія, отвѣчали нашему послу точно также холодностію и отдаленіемъ. Репнинъ жаловался въ Петербургъ и приписывалъ холодность ихъ отказу платить впередъ воеводѣ русскому мѣсячную пенсію.

Петербургскій кабинетъ, на основаніи такого донесенія Репнина, заключилъ, что неуспѣхъ въ диссидентскомъ дѣлѣ произошелъ единственно отъ сопротивленія Чарторыскихъ, и потому расположеніе къ этой фамиліи начало ослабѣвать. Сознавая однако же могущество Чарторыскихъ въ Польшѣ и ничтожность короля, графъ Панинъ поручилъ князю Репнину убѣждать и склонять ихъ дѣйствовать согласно съ видами и желаніями русскаго правительства. Между посломъ и Чарторыскими послѣдовали взаимныя любезности. Репнинъ говорилъ, что ему при-

Digitized by Google

казано соглашаться во всѣхъ дѣлахъ съ воеводою русскимъ и канцлеромъ литовскимъ; тѣ отвѣчали увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности императрицѣ, но не обѣщались за успѣхъ диссидентскаго дѣла на предстоящемъ сеймѣ 1766 года. Дальнѣйшіе переговоры привели нашего посла къ убѣжденію, что безъ содѣйствія военной силы нельзя будетъ въ Польшѣ достигнуть до желаемыхъ цѣлей. Репнинъ отправился къ королю и объявилъ ему, что если требованія Россіи относительно диссидентовъ не будутъ исполнены на предстоящемъ сеймѣ, то 40,000 войска, стоящія на границахъ, готовы для подкрѣпленія этихъ требованій. Король поручилъ своему министру въ Петербургѣ представить императрицѣ всю невозможность исполнить требованіе относительно диссидентовъ. Чарторыскіе также отказались содѣйствовать тому, чтобы открыть диссидентамъ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ, равно допустить ихъ къ участію въ правленіи, и къ избранію въ депутаты на сеймы. Они считали это дѣло вреднымъ для Польши.

Получивъ донесенія Репнина, Екатерина приказала ему, что если нельзя будетъ достигнуть «до желаемыхъ резонабельныхъ плодовъ», то чтобы онъ принялъ мѣры къ разрыву предстоящей генеральной конфедераціи и сейма, ибо при посредствѣ первой Чарторыскіе хотѣли произвести преобразованія.

Съ своей стороны, самъ король также хотѣлъ, незамѣтнымъ образомъ, добиться утвержденія сейма въ томъ, чтобы на будущее время вопросы объ увеличеніи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ.

При содѣйствіи Чарторыскихъ, видѣвшихъ невозможность успѣха въ исполненіи желанія короля, Репнинъ успѣлъ достигнуть того, что конфедерація была распущена.

«Чарторыскіе не переставали увиваться около Репнина, выставлять свою преданность Россіи, просить о возвращеніи прежней милости и наговаривать на короля».

Показывая этимъ преданность императрицѣ, Чарторыскіе своимъ поведеніемъ обманули Репнина, который просилъ Панина ободрить ихъ ласкою. Посолъ нашъ готовъ уже былъ вѣрить тому, что «успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ ни короля, ни Чарторыскихъ».

Изъ Петербурга сообщили тогда Репнину, что для движенія впередъ дѣла о диссидентахъ есть средство составить конфедерацію между диссидентами, съ тѣмъ, чтобы они просили помощи Россіи. Чарторыскихъ спросили, будутъ ли они помогать диссидентскому дѣлу? и получивъ уклончивый отвѣтъ, рѣшили поднять противную имъ партію, мнѣніе которой по этому дѣлу ста-

Digitized by Google

рались разузнать черезъ короннаго рефендарія Подосскаго, вполнѣ преданнаго Репнину.

Подосскій доставилъ самые удовлетворительные отвѣты. Противники Чарторыскихъ соглашались просить покровительства императрицы и потомъ подъ протекціею ея образовать католическую конфедерацію.

Для составленія католической конфедераціи пригласили князя Радзивилла, эмигрировавшаго изъ Польши. Ему обѣщано покровительство и дозволеніе возвратиться въ отечество.

Радзивиллъ принялъ это предложеніе съ восторгомъ, обѣщалъ исполнять всѣ приказанія безъ всякаго сопротивленія и содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла, въ такихъ размѣрахъ, которые даны будутъ ему русскимъ дворомъ.

Въ мартѣ 1767 года образовались протестантскія конфедераціи въ Торнѣ подъ маршальствомъ графа фонъ-Гольцъ, въ Слуцкѣ—генерала Грабовскаго. Конфедераціи потребовали, чтобы правительство признало ихъ законными и король принялъ ихъ пословъ. Чарторыскіе возставали противъ такого пріема, хотя въ глаза льстили Репнину, — который настаивалъ на принятіи пословъ конфедераціи. Понятовскій уступилъ требованію нашего посла и 28 апрѣля новаго стиля допустилъ депутатовъ въ рукѣ, что было знакомъ признанія законности диссидентской конфедераціи.

Въ іюнѣ 1767 года, въ Литвѣ образовались 24 конфедераціи, маршалами которыхъ были друзья Радзивилла, а самъ онъ былъ сначала маршаломъ подляшской конфедераціи, а потомъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомѣ.

Образовавшіяся столь быстро католическія конфедераціи не имѣли въ виду окончить диссидентское дѣло, а хлопотали о томъ, чтобы свергнуть короля и сдѣлать съ Чарторыскими тоже, что они сдѣлали съ своими противниками во время своего торжества.

«Начальные люди конфедераціи къ диссидентскому дѣлу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостію какъ и прежде; слѣдовательно, опять Репнинъ, чтобы преодолѣть это тупое сопротивленіе, долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ къ—военной силѣ». Рядомъ, съ предложеніемъ о правахъ диссидентовъ шло предложеніе о томъ, *чтобы все постановленное на будущемъ сеймѣ было гарантировано Россіей.*

Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ во главѣ религіознаго движенія противникомъ диссидентовъ и ярымъ защитникомъ католичества. День и ночь писалъ онъ свои пастырскія посланія,

Digitized by Google

подкрѣпленныя явившимся въ Польшѣ письмомъ папы, противъ правъ диссидентовъ. Многіе изъ руководителей въ составленіи конфедерацій, обѣщавшіе хлопотать объ успѣхѣ диссидентскаго дѣла, перешли теперь на сторону католиковъ, «изволите видѣть— писалъ Репнинъ—съ сколь честными людьми я дѣло имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семъ ремеслѣ съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не сдѣлаться [1]).

Посолъ нашъ предвидѣлъ, что придется арестовать епископа краковскаго Солтыка, иначе на успѣхъ разсчитывать было нечего. Получивъ на это позволеніе изъ Петербурга, Репнинъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ предупредилъ Солтыка, чтобы тотъ остерегался, что его могутъ взять и не выпустить.—«Не стану молчать, когда интересъ религіи требуетъ моей защиты», отвѣчалъ Солтыкъ.

Вполнѣ увѣренный, что только тотъ можетъ утишить бурю, кто поднялъ ее, король скоро согласился на предложеніе Репнина, чтобы конфедерація, въ опроверженіе криковъ противниковъ, объявила своимъ декретомъ русскія войска дружественными и помогающими народной вольности, и «что всѣ присяги, принесенныя на сеймикахъ земскими послами въ противность смысла акта конфедераціи и въ противность точныхъ правъ, уничтожаются».

Конфедераты отвергли оба эти декрета.

Сеймовое засѣданіе 1 (12) октября было весьма шумно. Открывшій рѣчь епископъ кіевскій возставалъ противъ предоставленія правъ диссидентамъ и дошелъ до того, что вольность утвержденную закономъ называлъ діавольскою, а не вольностію правовѣрныхъ. Солтыкъ въ выраженіяхъ еще болѣе рѣзкихъ проводилъ тоже самое. Засѣданіе сейма было отложено на три дня. Репнинъ приказалъ на слѣдующій день арестовать Солтыка, воеводу краковскаго Венцеслава Ржевускаго и епископа кіевскаго Залусскаго, какъ лицъ одного образа мыслей съ Солтыкомъ. Всѣ они и были вслѣдъ затѣмъ отправлены въ Вильну.

Съ арестованіемъ этихъ лицъ поляки успокоились. «Назначена была коммисія для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, и 19 ноября постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтой во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ

[1]) Соловьевъ, 59.

Digitized by Google

дѣтей рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій.

«Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій, и не принадлежащій къ католическому исповѣданію, можетъ пріобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ».

Конфедерація, какъ достигшая своей цѣли, распущена. Русскія войска готовы были выдти изъ Польши, какъ въ мартѣ 1768 года получены были свѣдѣнія о безпокойствахъ въ Подоліи.

Подкоморій розанскій Красинскій вмѣстѣ съ адвокатомъ Іосифомъ Пулавскимъ, захватили городъ Баръ, принадлежавшій князю Любомирскому, и приглашали окрестныхъ жителей къ составленію конфедераціи, *за вѣру и свободу*. Въ Галиціи образовалась другая конфедерація подъ предводительствомъ Іохима Потоцкаго; въ Люблинѣ подъ начальствомъ Ржевскаго. Русскихъ войскъ было не болѣе 16 т. человѣкъ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ легкой кавалеріи, необходимой для преслѣдованія конфедератовъ.

«27 марта (1768 г.) состоялось сенатское рѣшеніе — просить императрицу всероссійскую, какъ ручательницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находившіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Репнинъ двинулъ войска въ разныхъ направленіяхъ, и конфедераты нигдѣ не могли выдержать ихъ напора. Города, занятые конфедератами, Баръ, Бердичевъ, Краковъ, были у нихъ взяты; но трудно было угоняться за мелкими шайками конфедератовъ, которыя разсыпались по странѣ, захватывали казенныя деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовнаго и свѣтскаго человѣка. Награбивши денегъ, шайки эти убѣгали въ Венгрію или Силезію. Страшная смута и рознь господствовали повсюду, братъ не довѣрялъ брату; у каждаго были свои виды, свои интересы, свои интриги, никому не было дѣла до отечества, лишь бы страсть его была удовлетворена, лишь бы частныя его дѣла обдѣлались; одинъ братъ писалъ громоносные манифесты противъ русскихъ и соединялся съ конфедератами, другой заключалъ контракты съ русскими, брался поставлять въ ихъ магазины хлѣбъ и овощи» [1]).

Польша опустошалась мелкими шайками, къ которымъ при-

[1]) Соловьевъ, 77.

Digitized by Google

соединился бунтъ гайдамаковъ, возставшихъ такъ же за вѣру православную. Бунтъ гайдамаковъ повелъ къ разрыву Россіи съ Турціею. Ворвавшись въ мѣстечко Балту, на границѣ Турціи, гайдамаки разграбили ее, перерѣзали жидовъ и многихъ жителей. Порта обвиняла Россію въ нарушеніи границъ и объявила ей войну.

Чарторыскіе, видя затруднительность положенія Россіи, заговорили иначе; они находили нужнымъ посредничество иностранныхъ державъ и измѣненія постановленія о диссидентахъ и гарантіи. Король былъ такого же мнѣнія. Ему показалось, что въ барской конфедераціи высказалась другая сила польской національности, которой онъ и сталъ покланяться. Король и Чарторыскіе полагали теперь возможнымъ предоставить диссидентамъ только свободу вѣроисповѣданія, но отнять доступъ въ судебныя мѣста и законодательство.

Польское правительство ожидало, какой оборотъ приметъ война Россіи съ Турціею. Въ совѣтѣ, бывшемъ у короля, успѣли убѣдить Понятовскаго о необходимости возвращенія отряда графа Браницкаго, направленнаго для дѣйствія противъ конфедератовъ. Они увѣряли, что русскіе подговорятъ его на свою сторону и тогда Порта заключитъ, что Польша дѣйствуетъ за одно съ Россіею.

По предложенію Замойскаго, польское правительство приняло такую систему дѣйствій: «не давать Россіи явныхъ отказовъ, но постоянно находить невозможности въ исполненіи ея требованій, льстить, но ничего не дѣлать; королю нисколько не вмѣшиваться въ настоящія волненія, нейдти противъ націи, не вооружаться противу турокъ, но выжидать, какой оборотъ примутъ дѣла».

— Что, по вашему мнѣнію, для васъ выгоднѣе, спрашивалъ Репнинъ Чарторыскихъ, чтобы Россія или Порта взяла верхъ въ настоящей войнѣ? ибо отъ рѣшенія этого вопроса должно зависѣть все ваше поведеніе.

— Ни то, ни другое, отвѣчали Чарторыскіе. Выгода наша состоитъ въ томъ, чтобы не путаться нисколько въ это дѣло.

— Достоинство вашей короны страдаетъ отъ презрительныхъ отзывовъ Порты на вашъ счетъ.

— Гдѣ нѣтъ бытія, тамъ нѣтъ и достоинства, отвѣчали Чарторыскіе.

— Il vaut mieux ne rien faire, que de faire des riens, прибавилъ литовскій канцлеръ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ іюнѣ 1769 года, князь Репнинъ былъ отозванъ изъ Варшавы, а вмѣсто него назначенъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

Digitized by Google

IX.

Въ маѣ 1769 года, князь Волконскій прибылъ въ Варшаву, гдѣ нашелъ казенныхъ суммъ, назначенныхъ на чрезвычайные расходы, только 5 т. червонныхъ. Онъ просилъ о высылкѣ ему новаго количества денегъ, которыхъ вскорѣ и отпущено ему 99,500 руб. [1]).

Тотчасъ по прибытіи новаго русскаго посла въ столицу Польши, находившійся въ Петербургѣ польскій резидентъ, Псарскій, заявилъ гр. Панину, отъ имени своего двора, что кн. Волконскій, по пріѣздѣ въ Варшаву, не хотѣлъ сдѣлать первый никому визита, и отказался сообщить копію съ кредитивной граматы коронному великому маршалу, какъ первому министру республики.

Дѣйствительно, пріѣхавъ въ Варшаву, князь Михаилъ Никитичъ послалъ, по обыкновенію, извѣстить о своемъ пріѣздѣ короннаго маршала и просилъ назначить день для аудіенціи съ польскимъ королемъ. Посолъ говорилъ, что когда онъ получитъ отвѣтъ о днѣ аудіенціи, тогда сообщитъ маршалу копію съ кредитивной граматы. Маршалъ требовалъ, чтобы Волконскій сдѣлалъ ему сначала визитъ и привезъ лично ту копію. Тотъ послалъ сказать маршалу, что ни графъ Кейзерлингъ, ни кн. Репнинъ, бывшій тогда еще въ Варшавѣ, и даже никто изъ чужестранныхъ пословъ никогда первыми визитовъ маршалу не дѣлали. Послѣдній потребовалъ тогда копію съ кредитивной граматы, и когда Волконскій отправилъ ее, то маршалъ прислалъ сказать, что король польскій согласился, чтобы маршалъ первый сдѣлалъ визитъ послу, но съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы на будущее время подобныхъ недоразумѣній не встрѣчалось [2]). «Ея императорское величество—писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ [3])—изволитъ въ разсужденіи церемоніала между коронованными главами почитать совершенное равенство за непремѣнный базисъ ихъ между собою сношенія, почему съ одной стороны, не уступая никому, намѣрена она съ другой и себѣ ничего сверхъ равенства присвоять. Вслѣдствіе сего генеральнаго и непремѣннаго правила, не отрекается конечно ея императорское величество отъ того, чтобы послы ея въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся, повиновались обыкновенному этикету и общему

[1]) Волконскій Панину, 11 іюня 1769 г. № 8.
[2]) Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 34.
[3]) Волконскому, отъ 7 іюля 1769 г.

Digitized by Google

вездѣ установленію первой отъ посла визиты тому министру, черезъ котораго онъ аудіенціи себѣ требовать долженъ. Ваше сіятельство можете изъ того далѣе заключить, что и вы съ своей стороны не будете уже имѣть причины къ сумнѣнію въ учиненіи великому маршалу коронному первой визиты, яко посреднику между вами и королемъ, въ случаѣ испрошенія себѣ у него аудіенціи, если только правда, что обычаи и церемоніальные обряды республики формально ауторизуютъ его въ томъ посредствѣ, и если еще польскій дворъ, отнынѣ впредь для изъятія самаго корня къ недоразумѣнію, сдѣлаетъ нынѣ же вамъ на письмѣ точную декларацію, что каждый министръ и посолъ посторонней державы имѣетъ по древнему обычаю, какъ нынѣ, такъ и впредь всегда по пріѣздѣ своемъ адресоваться къ великому маршалу, для истребованія себѣ черезъ него аудіенціи, а потому самому сдѣлать ему первую визиту и сообщить на оной копію съ кредитива своего.

«Когда польскій дворъ сдѣлаетъ такую декларацію, въ такомъ случаѣ кончатся уже всѣ споры, и ваше сіятельство въ состояніи не компрометируя ни мало характера вашего отдать желаемую отъ васъ первую визиту».

Волконскій отвѣчалъ, что до него никто не дѣлалъ первымъ визита маршалу; что кн. Репнинъ не дѣлалъ этого бывшему маршалу Огинскому, но что новый маршалъ кн. Любомирскій, по своей гордости, хотѣлъ попытаться, не удастся ли ему «чѣмъ нибудь передъ нами возвыситься». Посолъ сообщалъ гр. Панину, что хотя маршалъ и считается старшимъ министромъ республики, но онъ не имѣетъ никакого дѣла до чужестранныхъ министровъ. Маршалъ никогда не имѣлъ объясненій съ послами, а исполнялъ при первой аудіенціи обязанность вводителя ихъ въ залу аудіенціи. Будучи же полицеймейстеромъ въ резиденціи короля, маршалъ «имѣетъ попеченіе, чтобы для чужестранныхъ министровъ, право народное во всякой строгости было наблюдаемо». О дѣлахъ же съ послами переговоры велись всегда черезъ канцлеровъ [1]).

Неосновательная претензія кн. Любомирскаго повела однако же къ недоразумѣніямъ, происшедшимъ между посломъ и польскимъ правительствомъ. Недоразумѣнія эти, хотя и слѣдуетъ назвать мелочными, но нельзя отрицать и того, чтобы они не отозвались на слѣдующихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, происходившихъ между посломъ и польскимъ правительствомъ.

Первою заботою Волконскаго, по пріѣздѣ въ Варшаву, было

[1]) Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 34.

Digitized by Google

добиться уступки въ наше распоряженіе Каменецъ-Подольской крѣпости. Для успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій Россіи съ Турціею признавалось необходимымъ занять двѣ крѣпости, бывшія во владѣніяхъ Польши: Замосць и Каменецъ-Подольскъ. Воюя съ конфедератами, нашимъ войскамъ весьма опасно было оставлять въ тылу у себя такую значительную крѣпость, какъ Каменецъ-Подольскъ. Сдавъ ее туркамъ, конфедераты могли надѣлать намъ этимъ весьма много хлопотъ. Поэтому еще кн. Репнинъ домогался того, чтобы получить разрѣшеніе короля на уступку этой крѣпости, для временного занятія ея русскими войсками. Исканія кн. Репнина были неуспѣшны, и новый посолъ, по прибытіи въ Варшаву, тотчасъ же поднялъ снова вопросъ объ уступкѣ Каменецъ-Подольска русскимъ войскамъ. Занятіе это было крайне необходимо въ виду того, что французскій посолъ въ Константинополѣ домогался, чтобы турки какъ можно скорѣе овладѣли Каменецъ-Подольскомъ и тѣмъ утвердили себя въ Польшѣ. Петербургскій кабинетъ поручилъ сообщить королю, что если польское правительство не можетъ согласиться отдать эту крѣпость подъ защиту русскаго войска, то правило нейтралитета требуетъ, чтобы русскіе получили точное удостовѣреніе въ томъ, что Каменецъ-Подольскъ не будетъ отданъ въ руки непріятелю, а будетъ защищаемъ всѣми силами, за одно съ русскими войсками. «Теперь главное дѣло—писалъ гр. Панинъ [1])—не въ томъ состоять должно, чтобы намъ имѣть на своей сторонѣ внѣшность польскаго правленія, когда мы до удобнѣйшаго уже времени рѣшительно положили, оставить его утѣшаться мнимымъ своимъ нейтралитетомъ: но чтобы быть надежно увѣреннымъ въ сопротивленіи и оборонѣ каменецкаго гарнизона, еслибъ турки на сію крѣпость покушеніе сдѣлать вознамѣрились, ибо тогда князь Александръ Михайловичъ (Голицынъ) собою бы уже всякое подкрѣпленіе ей дѣлать сталъ, безъ всякаго въ томъ съ республикою предварительнаго соглашенія, по однимъ собственной своей безопасности резонамъ».

Получивъ эти наставленія, Волконскій тотчасъ отправился къ королю. Понятовскій отвѣчалъ, что не имѣетъ вовсе намѣренія отдавать въ руки турокъ Каменецъ-Подольскую крѣпость, а напротивъ того, въ случаѣ нападенія турокъ, крѣпость эта будетъ защищаться. Король дѣйствительно еще въ январѣ этого года отправилъ повелѣніе каменецкому коменданту не впускать въ крѣпость никакихъ войскъ, и даже русскихъ [2]).

---

[1]) Панинъ Волконскому, 7 іюля 1769 г.

[2]) Волконскій Панину, отъ 10-го (21-го) сентября, №763.

Digitized by Google

— Полагаясь на сіи слова, говорилъ Волконскій, я буду требовать отъ васъ и отъ министерства формальнаго въ томъ обнадеженія.

— Можете, отвѣчалъ король.

Волконскій составилъ проектъ ноты и сообщилъ ее великому канцлеру коронному, съ тѣмъ, чтобы, прежде поданія ея, условиться съ нимъ объ ихъ отвѣтѣ. Канцлеръ не соглашался на требованіе Волконскаго, чтобы въ отвѣтной нотѣ польскаго правительства было сказано, что Каменцу будетъ приказано обороняться отъ нападенія турокъ съ помощію нашихъ войскъ.

— Мы опасаемся націи, говорилъ канцлеръ, взять на себя, учинить такое обнадеженіе.

Волконскій писалъ Панину, и жаловался на несговорчивость польскаго правительства [1]).

Въ отвѣтъ на это онъ получилъ приказаніе обмѣняться взаимными нотами и ограничиться обѣщаніемъ, со стороны польскаго министерства, въ томъ, что Каменецъ-Подольская крѣпость будетъ защищаема, хотя бы и безъ содѣйствія русскихъ войскъ. Къ такой уступкѣ со стороны русскаго правительства побудило то обстоятельство, что русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, было весьма незначительное число, такъ что ихъ едва хватало на дѣйствіе противъ конфедератовъ, число которыхъ постепенно возрастало.

X.

Два брата Пулавскіе, скрывавшіеся до сихъ поръ въ Молдавіи, успѣли составить конфедерацію въ Премыслѣ, разоряли тотъ край и покушались напасть на Львовъ, но услыхавъ о приближеніи нашихъ войскъ отправленныхъ изъ отряда подполковника Древица, бѣжали въ разныя стороны. Одна изъ этихъ партій, подъ начальствомъ кіевскаго старосты Потоцкаго, была настигнута самимъ подполковникомъ Древицемъ и разбита подъ Христіанполемъ. Прочія партіи соединились вмѣстѣ, двинулись было къ Варшавѣ, по дорогѣ забрали безъ всякаго сопротивленія полкъ Скоржевскаго и 16-ть польскихъ знаменъ, принадлежавшихъ корпусу регментаря Стемпковскаго, но не дойдя до столицы, поворотили въ Сендомирское воеводство.

Подойдя къ крѣпости Замосцю, конфедераты пытались взять ее, но неуспѣвъ исполнить свои намѣренія, раздѣлились на двѣ части: одна пошла къ мѣстечку Пулавамъ и стала переправ-

[1]) Волконскій Панину, отъ 9-го (20-го) іюня, № 7.

Digitized by Google

ляться черезъ Вислу, съ намѣреніемъ двинуться къ Варшавѣ. Другая же партія, забравъ въ м. Мезеричь часть уланскаго татарскаго полка, вмѣстѣ съ командиромъ его Бѣлякомъ и нѣсколько человѣкъ изъ войскъ Радзивилла, пошла по направленію къ Брестъ-Литовску.

Съ дороги конфедераты отправили, въ м. Бялу, къ князю Радзивиллу требованіе, чтобы онъ приступилъ къ конфедераціи и отдалъ бы свои войска въ распоряженіе конфедератовъ, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, выжечь всѣ его деревни и присоединить къ себѣ его войска силою. Князь Радзивиллъ отвѣчалъ, что войскъ не дастъ, а будетъ драться съ ними какъ съ непріятелями.

Въ Варшавѣ находилось только 700 человѣкъ нашихъ солдатъ. Вблизи города хотя и стояли незначительные наши отряды, но сообщеніе съ ними было прервано, и князь Волконскій, не зная гдѣ они находятся и что дѣлаютъ, отправился къ королю для соглашенія о тѣхъ мѣрахъ, какія можно было принять въ настоящемъ критическомъ положеніи.

Не надѣясь однакоже на польскія войска, по большинству преданныя мятежникамъ, и не ожидая того, какія мѣры приметъ самъ король къ огражденію спокойствія столицы, Волконскій поручилъ генералъ-поручику Веймарну отправить посланнаго въ Торунь и приказать стоявшему тамъ генералъ-маіору Чарторыскому слѣдовать съ его отрядомъ въ Варшаву. Въ это время подполковникъ Древицъ прибылъ въ столицу, присоединивъ къ своему отряду отрядъ маіора Кноринга и два эскадрона пермскаго полка.

Такъ хорошо начавшій князь Радзивиллъ, получившій новыя угрозы конфедератовъ, струсилъ. Къ князю Волконскому явился посланный Радзивилла, спрашивавшаго, что ему дѣлать и какъ поступать съ конфедератами. Волконскій ободрялъ его, просилъ продолжать также какъ началъ и обѣщалъ подать ему помощь русскими войсками [1]). Отвѣтъ этотъ нѣсколько успокоилъ Радзивилла. Съ другой стороны, конфедераты, зная рѣшительный характеръ Радзивилла, и боясь, чтобы онъ не подтвердилъ словъ своихъ дѣломъ, обойдя Бялу направились прямо къ Брестъ-Литовску, предложили тамошнему дворянству приступить къ конфедераціи, но не успѣвъ и тутъ въ своихъ желаніяхъ, потянулись къ Гродно.

Въ окрестностяхъ Варшавы число мятежниковъ увеличивалось. Около Сохачева, въ 6-ти миляхъ отъ Варшавы, появилась шайка

[1]) Волконскій Панину, 3-го іюня 1769 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й.

Digitized by Google

въ тысячу человѣкъ. Король отправилъ противъ нихъ графа Браницкаго съ своими уланами. Разсѣявъ собравшихся конфедератовъ, Браницкій весьма скоро возвратился въ Варшаву.

Волконскій писалъ къ графу Апраксину, чтобы онъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ изъ Познани въ Варшаву, а главнокомандующаго первой арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, князя Голицына, просилъ помочь малочисленности нашихъ войскъ бывшихъ въ Польшѣ и занять своимъ отрядомъ Львовъ. Сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ признавалось существенною необходимостію, для того чтобы, какъ доносилъ Волконскій [1]), «черезъ таковое покушеніе мятежниковъ не упустить изъ рукъ короля и правительство».

Предмѣстникъ Волконскаго князь Репнинъ находился еще въ Варшавѣ. Конфедераты собирались преимущественно по тѣмъ дорогамъ, по которымъ онъ долженъ былъ возвращаться въ Петербургъ. Для сопровожденія его назначенъ конвой въ 400 человѣкъ. Князь Волконскій присоединилъ къ этому конвою отрядъ подполковника Древица и два эскадрона пермскаго полка. Проводивъ Репнина до Луцка, Древицъ долженъ былъ поворотить на Пинскъ, двинуться въ Литву, выгнать оттуда Пулавскаго и не дать распространиться возстанію.

Многіе изъ поляковъ, оставшихся спокойными, были въ сущности также нерасположены къ намъ, но опытнѣе своихъ шумящихъ собратій. Они ожидали какой оборотъ приметъ война наша съ турками. Волконскій писалъ, что видитъ «диспозицію здѣшнихъ духовъ, которыя генерально всѣ заражены фанатизмомъ и притомъ отъ здѣшнихъ пустыхъ головъ всего ожидать можно [2])».

Оставалось принимать мѣры къ тому, чтобы и та часть населенія, которая до времени оставалась спокойною, не присоединилась къ конфедератамъ.

Пулавскіе находились въ Брестъ-Литовскомъ воеводствѣ и старались склонить жителей къ составленію конфедераціи. Они писали универсалы, грабили тотъ край, собирали контрибуцію и особенно притѣсняли диссидентовъ. У великаго канцлера литовскаго, князя Чарторыскаго, въ его деревнѣ Волчижъ взяли 600 червонныхъ, 6-ть пушекъ, много пороху и лошадей; у воеводы Поморскаго, графа Флеминга, въ его мѣстечкѣ Терасполѣ, лежавшемъ на другомъ берегу рѣки противъ Брестъ-Литовска, они

---

[1]) Панину, 11-го (22-го) іюня № 9-й.

[2]) Волконскій Панину, 11-го (22-го) іюня, № 10-й.

Digitized by Google

основали свою главную квартиру «а потому натурально, питаясь въ ономъ и сбирая деньги, совсѣмъ почти его разорили».

Для уничтоженія всѣхъ этихъ безпорядковъ и для разогнанія конфедератовъ, одновременно съ движеніемъ подполковника Древица въ Литву, былъ посланъ туда же изъ Варшавы другой отрядъ, числомъ до 600 человѣкъ, подъ начальствомъ подполковника Вахмейстера. Оба отряда имѣли назначеніе дѣйствовать одновременно и съ двухъ сторонъ.

Отправивъ изъ Варшавы отряды для дѣйствія противъ конфедератовъ, Волконскій получилъ свѣдѣнія о новыхъ волненіяхъ. Воевода виленскій, князь Радзивиллъ, писалъ примасу, что около Слуцка начинается мужицкій бунтъ. Радзивиллъ сообщалъ, что считаетъ необходимымъ свое присутствіе въ Слуцкѣ, какъ для укрощенія бунта, такъ и потому, что, живя въ своемъ имѣніи, подверженъ нападенію возмутителей. Князь Волконскій отправилъ повелѣніе начальнику нашего гарнизона въ Слуцкѣ, чтобы онъ «тѣхъ мужиковъ, кои всѣ греческаго исповѣданія, уговаривалъ и всячески склонялъ въ покоѣ оставаться», но если бы они на то не согласились, то употребилъ бы противъ нихъ силу оружія, но только въ крайнемъ случаѣ.

Между тѣмъ число конфедератовъ постоянно увеличивалось. Одинъ изъ предводителей конфедератовъ Биржинскій, находившійся въ Сендомирскомъ воеводствѣ, прислалъ ко всѣмъ шефамъ полковъ приказаніе, чтобы они къ назначенному числу собрались подъ Ловичь. Воевода русскій, коронный оберъ-камергеръ и графъ Бриль получили такое же приказаніе. Послѣдній находился въ Дрезденѣ, а потому на конвертѣ было написано: *«за отсутствіемъ его, командующему на его мѣстѣ офицеру»*.

Офицеръ спрашивалъ войсковую коммиссію что̀ дѣлать? коммиссія отвѣчала, что она можетъ зависѣть только отъ генеральной конфедераціи, а какъ маршалъ такой конфедераціи еще не избранъ, то и запрещаетъ офицеру исполнять требованіе Биржинскаго.

Такой отвѣтъ ясно указывалъ, что сама коммиссія какъ бы давала совѣтъ и мысль объ избраніи маршала генеральной конфедераціи, и обѣщала ему повиноваться, а между тѣмъ, чтобы не подать повода къ подозрѣніямъ и нареканіямъ, она отвѣчала на запросъ офицера, не письменно, а словесно, чтобы въ случаѣ нужды можно было отказаться отъ своихъ словъ.

— Поздравляю васъ съ новымъ командиромъ, говорилъ въ шутку Волконскій, показывая приказаніе воеводѣ русскому. Что̀ вы намѣрены теперь дѣлать?

Digitized by Google

— Я считаю, отвѣчалъ тотъ, этотъ ордеръ безумнымъ, а самого командира глупымъ.

Безумные ордера и глупые командиры заставили однако же проснуться какъ короля, такъ и польское правительство. Въ Варшавѣ скоро узнали, что, налагаемыми на брестскихъ жителей контрибуціями и поборами, Пулавскіе довели ихъ до того, что тамъ составилась конфедерація. Она усилилась еще уланскимъ полкомъ Корицкаго, захваченнымъ Пулавскими не подалеку отъ Брестъ-Литовска.

Великій канцлеръ литовскій и графъ Флемингъ увѣряли Волконскаго, что брестскіе жители составили конфедерацію по принужденію и готовы разойтись по своимъ домамъ, если не будутъ преслѣдуемы нашими войсками. Волконскій обѣщалъ не преслѣдовать ихъ, если подпишутъ условіе, что останутся въ покоѣ. Для выручки полка Корицкаго изъ рукъ конфедератовъ король отправилъ, 25 іюня (6 іюля), графа Браницкаго съ тремя полками, разрѣшивъ ему, въ случаѣ сопротивленія, употребить оружіе. Передъ отправленіемъ, Понятовскій просилъ Волконскаго, по крайнему недостатку денегъ, дать на экспедицію Браницкаго 3,000 червонныхъ.

«Я не хотѣлъ въ томъ отказать—писалъ Волконскій [1]), — и оные ему далъ, разсуждая, что не безполезно короля втянуть въ явное содѣйствіе съ нами противъ возмутителей, которое симъ отправленіемъ Браницкаго нѣкоторымъ образомъ начинается: ибо онъ, конечно, не деньгами одними, ни ласками, къ себѣ полковниковъ Бѣляка и Корицкаго не переманитъ, хотя они и принужденно, — какъ сказываютъ, — Пулавскими взяты были, а надобно ему напередъ съ возмутителями для того драться».

Волконскій отправилъ также два отряда—одинъ Древица, какъ мы видѣли, на Пинскъ, а другой Вахмейстера прямо на Брестъ-Литовскъ. Соединенныя ихъ дѣйствія должны были очистить Литву отъ Пулавскихъ и ихъ шайки.

Биржинскій двинулся къ Люблину, а оттуда намѣренъ былъ пробраться въ Литву и соединиться съ Пулавскими. По дорогѣ онъ зашелъ въ м. Бялу, лежавшее не подалеку отъ Брестъ-Литовска. Владѣлецъ этого имѣнія князь Радзивиллъ принялъ Биржинскаго весьма ласково. Двое сутокъ они вмѣстѣ кутили и пили. Радзивиллъ передалъ Биржинскому свои войска,—которыхъ насчитывали до 600 человѣкъ, — и пушки, а самъ уѣхалъ въ Пруссію. Гусаръ, составлявшихъ его конвой, Радзивиллъ отправилъ съ границы обратно съ приказаніемъ явиться къ Биржинскому.

---

[1]) Панину, 26 іюня (7 іюля), № 19.

Digitized by Google

Въ Варшавѣ разсказывали, что передъ отъѣздомъ своимъ онъ объявилъ все составленное послѣднею генеральною конфедераціею «подъ его маршальствомъ сочиненнымъ не законно»; что онъ принужденъ былъ къ тому силою и что онъ отрекается отъ прежняго своего поведенія. По полученіи свѣдѣній о поступкахъ Радзивилла, князь Волконскій приказалъ забрать всю его артилерію, находившуюся въ Слуцкѣ и Несвижѣ и распредѣлить ее по нашимъ отрядамъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, для уничтоженія шайки, бывшей подъ начальствомъ Биржинскаго, отправленъ въ Люблинъ отрядъ изъ 800 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Голицына.

Князь Голицынъ не засталъ Биржинскаго въ Люблинѣ, такъ какъ онъ повернулъ къ Брестъ-Литовску. Онъ преслѣдовалъ его, гналъ передъ собою до самаго Бѣлостока и тутъ разбилъ его. На обратномъ пути въ Варшаву князь Голицынъ успѣлъ разбить, при рѣкѣ Бугѣ, партію конфедератовъ числомъ до 150 человѣкъ.

Все шло, повидимому, удовлетворительно, какъ вдругъ король перемѣнилъ свой образъ дѣйствія. Графу Браницкому, отправленному противъ Пулавскихъ и не успѣвшему дойти до Брестъ-Литовска, послано повелѣніе возвратиться обратно. Канцлеръ литовскій князь Чарторыскій и великій маршалъ коронный князь Любомирскій успѣли убѣдить короля, что экспедиція эта ничего не принесетъ ему кромѣ вреда; что она огорчитъ націю, возстановитъ ее противъ короля и докажетъ только, что самъ польскій король дѣйствуетъ съ русскими противъ своего народа. Испуганный Понятовскій послалъ тотчасъ же съ нарочнымъ приказаніе немедленно возвратиться въ Варшаву. Графъ Браницкій отвѣчалъ, что онъ распорядился уже своими дѣйствіями; что онъ согласился дѣйствовать вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ противъ Биржинскаго; что, остановивъ свои дѣйствія, онъ очень легко можетъ быть причиною неудачи князя Голицына. Король не хотѣлъ и слышать возраженій; онъ послалъ Браницкому вторичное приказаніе непремѣнно и немедленно возвратиться въ Варшаву.

Графъ Браницкій возвратился въ столицу Польши и передалъ князю Волконскому 2,400 руб. денегъ, оставшихся неизрасходованными изъ тѣхъ 3,000 руб., которые были ему выданы Волконскимъ.

— Поступокъ этотъ вреденъ для васъ самихъ, говорилъ Волконскій при свиданіи съ королемъ. Онъ ясно доказываетъ, если не полное согласіе ваше съ возмутителями, то, по крайней мѣрѣ, нежеланіе намъ содѣйствовать.

---

[1]) Волконскій Панину, 9 (20) іюля, № 27.

Digitized by Google

Король извинялся, говорилъ, что очень сожалѣетъ о томъ, но иначе поступать не можетъ, и причины тому также не объявитъ.

Поступокъ съ графомъ Браницкимъ хорошо рисовалъ постоянство поведенія польскаго правительства и то, какую надежду «можно полагать на всѣ клятвы и увѣренія, кои какъ вѣтеръ перемѣняются».

Это непостоянство поведенія было болѣе всего пригодно для конфедератовъ. Слабость правительства, его трусость давали средства конфедератамъ увеличить число своихъ послѣдователей. Тѣ изъ поляковъ, которые въ началѣ не хотѣли приступать къ конфедераціи, видя разореніе своихъ имѣній конфедератами и не надѣясь на защиту правительства, рѣшились дѣйствовать за одно съ возмутителями. Въ разныхъ мѣстахъ составлялись мелкія конфедераціи. По выходѣ графа Апраксина съ отрядомъ изъ Познани конфедераты грабили и разоряли жителей собираніемъ контрибуціи.

Они подошли къ Торуну, и окружили его съ цѣлію овладѣть городомъ. При содѣйствіи нашихъ войскъ, городъ рѣшился обороняться и въ первой попыткѣ имѣлъ удачу. Для ободренія жителей и поддержанія ихъ, отправленъ въ Торунъ значительный отрядъ нашихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Чарторыскаго. Конфедераты, собравшіеся въ Великой Польшѣ и польской Пруссіи, узнавъ о сопротивленіи города Торуна, бросились туда, чтобы отомстить жителямъ.

Изъ Ченстохова получено свѣдѣніе, что гарнизонъ вступилъ въ городъ конфедератовъ, которые и были введены туда ксендзами. Въ Ловичѣ собрались разныя мелкія конфедераціи, какъ-то: Сохачевская, Ленчицкая, Гостинская, Куявская, Вышегородская, Плоцкая и Равская. Отсюда многія изъ нихъ потянулись къ Вислѣ. Въ Люблинѣ, Замосцѣ, около Львова, шатались шайки конфедератовъ. Въ оставленной нашими войсками Великой Польшѣ конфедераты вербовали на свободѣ рекрутъ, обмундировывали, обучали ихъ и собирали денежные и рекрутскіе поборы [1]).

Волконскій былъ въ попыхахъ, онъ боялся, чтобы не составилась генеральная конфедерація, и чтобы конфедераты не окружили совсѣмъ Варшавы, что тѣмъ болѣе было возможно, ибо сообщеніе по многимъ направленіямъ было уже прервано. Въ обезпеченіе себя онъ отправилъ повелѣніе Древицу и Вахмейстеру спѣшить въ Варшаву. Не будучи увѣренъ, что приказаніе его дойдетъ по своему назначенію, Волконскій отправилъ другое тре-

[1]) Волконскій Панину, 22 іюля (2 августа) № 35.

Digitized by Google

бованіе въ Минскъ, къ генералъ-поручику Нумерсу, прося его прислать немедленно въ Варшаву одинъ полкъ пѣхоты и четыре эскадрона драгунъ [1]).

Подполковникъ Древицъ получилъ это приказаніе на пути преслѣдованія конфедератовъ. Онъ нагналъ ихъ близъ прусской границы и разбилъ въ старостве Юрбургскомъ. Начальники конфедератовъ: Пацъ, староста Зіоловскій, князь Сапега, крайчій литовскій и воевода брестскій бѣжали за-границу, а прочіе конфедераты разсыпались по разнымъ направленіямъ. Въ началѣ августа Древицъ прибылъ въ Варшаву [2]). Отрядъ его былъ крайне изнуренъ отъ продолжительнаго похода.

Сборище конфедератовъ въ Литвѣ было уничтожено. Соединившіеся вмѣстѣ Пулавскій и Биржинскій, хотя и избѣжали отъ преслѣдованія нашихъ войскъ, но также спѣшили оставить Литву. Остановившись сначала у Остроленки и узнавъ, что Древицъ вызванъ въ Варшаву, они двинулись-было опять къ Брестъ-Литовску, но услыхавъ на пути о прибытіи въ Минскъ генерала Нумерса, повернули къ Люблину и остановились въ м. Хелмѣ.

Получивъ въ Минскѣ просьбу Волконскаго о присылкѣ войскъ въ Варшаву, Нумерсъ отправилъ туда одинъ полкъ пѣхоты подъ начальствомъ бригадира Суворова, впослѣдствіи знаменитаго князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго.

Суворовъ не дошелъ по назначенію. Обстоятельства измѣнились въ Варшавѣ. Съ приходомъ Древица не было надобности въ усиленіи варшавскаго гарнизона, а потому Суворову отправлено приказаніе князя Волконскаго остановиться въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ присутствіе нашихъ войскъ было также необходимо. Оставаясь въ Брестъ-Литовскѣ, Суворовъ связывалъ главныя силы съ отрядомъ, бывшимъ въ Варшавѣ, которому, въ случаѣ нужды, могъ легко подать помощь. Посланный съ приказаніемъ къ Суворову былъ направленъ въ Гродно, куда тотъ долженъ былъ прибыть. Узнавъ, что въ Брестѣ собрались конфедераты, Суворовъ не дошелъ до Гродно, повернулъ къ Бресту, разбилъ конфедератовъ и, не получивъ распоряженія Волконскаго, пришелъ въ Варшаву.

Энергическій бригадиръ узналъ, что ночью 22-го августа конфедераты въ значительномъ числѣ собрались въ Закрочимѣ. Не спрашивая ничьего разрѣшенія, Суворовъ выступилъ туже ночь изъ Варшавы [3]). Слухи оказались ложными, въ Закрочимѣ Су-

---

[1]) Волконскій Панину, отъ того же числа, за № 38.

[2]) Волконскій Панину, 11 (22) августа за № 44.

[3]) Волконскій Панину, 22-го августа (2 сентября) № 51.

Digitized by Google

воровъ не нашелъ никого, возвратился въ Варшаву и былъ отправленъ Волконскимъ сначала въ Брестъ-Литовскъ, а потомъ въ Люблинъ для поддержанія сообщенія съ главною арміею.

Между тѣмъ конфедераты не унимались. Нѣкто Орѣшко составилъ конфедерацію въ Пинскѣ и забралъ бывшій тамъ полкъ литовской арміи Грабовскаго. Въ Краковѣ конфедераты напали на наши войска, но были отражены и нѣкоторые попались въ плѣнъ. «Не худо бы,—писалъ Волконскій [1]),—сихъ злодѣевъ перевѣшать отъ здѣшняго земскаго суда, но никто учинить того теперь не отважится, и ни одинъ дворянинъ, начиная отъ городоваго старосты, на судъ не поѣдетъ ни подъ какимъ видомъ».

Панинъ просилъ Волконскаго пойманныхъ заговорщиковъ, *«засадя въ крѣпкія желѣза»*, отправить съ достаточнымъ конвоемъ, отъ команды до команды, въ ближайшій нашъ пограничный городъ, «дабы сіи изверги рода человѣческаго достойную злодѣйству своему мзду получить могли, въ чемъ передъ поляками на страхъ другимъ никакого секрета дѣлать не надобно».

Въ Ловичѣ собралось до 1500 человѣкъ конфедератовъ, которые впрочемъ тотчасъ же разошлись, какъ только узнали о приближеніи отряда князя Голицына, высланнаго изъ Варшавы.

Пулавскій съ Биржинскимъ были въ Люблинѣ. Противъ нихъ шелъ снова Древицъ съ своимъ отрядомъ. Конфедераты, избѣгая встрѣчи съ преслѣдователями, раздѣлились на двѣ части. Пулавскій пошелъ къ Бресту, а Биржинскій къ Кракову. Первый наткнулся на отрядъ полковника Рена, высланнаго изъ главной арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, и потерпѣлъ пораженіе. Полковникъ Ренъ остановился въ Люблинѣ и ожидалъ прибытія туда отряда бригадира Суворова. Древицъ, не встрѣтя конфедератовъ, возвратился опять въ Варшаву и былъ тотчасъ же посланъ въ подкрѣпленіе отряда генералъ-маіора Чарторыскаго, находившагося въ Торунѣ.

Въ Великой Польшѣ возмутители продолжали разорять обывателей, вербовали людей и имѣли въ рядахъ своихъ много иностранныхъ офицеровъ и рядовыхъ. Аммуницію и ружья конфедераты получали изъ Силезіи.

Противодѣйствовать ихъ собранію Волконскій не находилъ возможнымъ, потому что, за разсылкою отрядовъ въ разныя мѣста, въ самой Варшавѣ осталось не болѣе 1000 человѣкъ, которые, какъ писалъ Волконскій, «расположены частію у меня на дворѣ, а частію на Прагѣ; изъ прочихъ же сдѣлалъ двойной

[1]) Панину, 11 (22) августа № 44.

Digitized by Google

около всей Варшавы кордонъ, который въ респектѣ содержитъ не только самый городъ, но и окружности» [1]).

Не смотря на этотъ страхъ и блокированіе Варшавы нашими войсками, положеніе Волконскаго было весьма затруднительно, потому что, какъ король такъ и правительство поставило себѣ цѣлію полнѣйшую бездѣятельность и, по выраженію Волконскаго, *со всѣмъ въ небытіи находится.* Императрица Екатерина II оставляла—какъ писалъ графъ Панинъ—«слабому польскому правительству утѣшаться мечтою его полнаго нейтралитета», и приказала только Волконскому главнымъ образомъ препятствовать нашимъ противникамъ составить генеральную конфедерацію, «дабы вся власть и сила республики вовсе похищена не была» [2]).

Сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ, которое одобряла Екатерина, по ея мнѣнію, давало Волконскому возможность воспрепятствовать составленію генеральной конфедераціи.

XI.

Природа надѣлила Станислава Понятовскаго многими добрыми качествами, но лишила его характера и силы воли, особенно необходимыхъ въ его тогдашнемъ положеніи. Волконскій нашелъ въ королѣ человѣка самаго слабаго по характеру и нерѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ. «Онъ совсѣмъ зависитъ отъ своихъ дядей Чарторыскихъ и безъ нихъ ничего начать неосмѣливается—писалъ нашъ посолъ—хотя впрочемъ и то правда, что онъ самъ собою ни малѣйшаго кредита не имѣетъ и можно сказать, что предпринять ничего не въ состояніи [3])».

Нельзя отрицать того, что Чарторыскіе были дѣйствительно люди умнѣйшіе изъ всѣхъ тогдашнихъ представителей «и одни только въ Польшѣ съ головами люди [4])».

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Волконскій два раза имѣлъ свиданіе съ королемъ, и оба раза Станиславъ Понятовскій увѣрялъ его въ своей преданности къ императрицѣ. Король говорилъ нашему послу, что преданность эта никогда не измѣнится, но что волненія и безпорядки въ Польшѣ не могутъ быть усмирены безъ уступки въ гарантіи и въ диссидентскомъ дѣлѣ. По-

---

[1]) Волконскій Панину, 9-го (20) сентября № 55.
[2]) Графъ Панинъ Волконскому, 7-го іюля.
[3]) Волконскій Панину 11-го (22) іюня № 10.
[4]) Волконскій Панину, 27-го сентября (8 октября) № 61.

Digitized by Google

нятовскій ссылался на то, что ему необходимо менажировать націю, «которая огорчена и вся въ возмущеніи находится».

— Съ нашей стороны, уступки по первымъ двумъ пунктамъ не будетъ, отвѣчалъ Волконскій, и тщетно ласкали бы себя надеждою когда-либо получить ее. Поэтому и ненадобно полагать сіе за способъ къ успокоенію націи, которая, видя, что правительство остается въ небытіи и не предпринимаетъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію несчастія, въ большую дерзость отъ того приходитъ.

— Я преданъ императрицѣ, отвѣчалъ на это король.

— Чтобы уничтожить замѣшательства, говорилъ король въ другой разъ Волконскому, не лучше ли будетъ, если трактатъ и вся послѣдняя конституція будутъ уничтожены, а взамѣнъ ихъ будутъ составлены новые.....

— Мы никогда отъ трактата не отступимъ, отвѣчалъ Волконскій, ибо гарантія была требована у ея императорскаго величества самою республикою, черезъ торжественное посольство. На основаніи этой просьбы постановленъ и трактатъ.

— Все это было сдѣлано силою, замѣтилъ король.

— Не правда. Столь торжественное посольство не могло быть принужденное [1]).

Понятовскій говорилъ это со словъ воеводы русскаго, который былъ того же мнѣнія, что безъ уступки невозможно успокоить Польшу. Чарторыскіе требовали отмѣны декларації и уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ. Петербургскій кабинетъ не могъ согласиться на это потому, какъ писалъ Панинъ, чтобы *старики* Чарторыскіе не подумали, что съ перемѣною посольства, и съ назначеніемъ Волконскаго, вмѣсто Репнина, перемѣнились политическіе виды и поведеніе нашего двора. «Впереніе такой мысли, по мнѣнію Панина, можетъ легкомысленныхъ поляковъ сдѣлать еще завязчивѣе».

Волконскому поручено объявить Чарторыскимъ, что императрица вовсе не намѣрена разстроивать дѣло собственныхъ своихъ рукъ; что слава и достоинство ея въ постановленіяхъ послѣдняго сейма, а особенно въ диссидентскомъ дѣлѣ, «*столько интересованы*», что она скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ на уступку. Польскому правительству сообщено, что императрица, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не думаетъ стѣснять независимость и самодержавную власть республики; что она готова сократить принятую на себя гарантію въ предѣлахъ одной только пользы республики, а отнюдь не во вредъ ея. Настоящія замѣша-

[1]) Волконскій Панину, 27-го іюля (7-го августа) № 40.

Digitized by Google

тельства въ Польшѣ, по словамъ Панина, не поколебали образа мыслей Екатерины, потому что она весьма хорошо различаетъ корпусъ республики отъ зараженныхъ его членовъ. Будучи поставлена въ необходимость употреблять противу сихъ послѣднихъ силу оружія, императрица, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ къ самому корпусу истинную союзническую дружбу, и не только не желаетъ ему упадка, но напротивъ того готова всевозможными средствами способствовать къ приращенію его. Имѣя такой взглядъ и убѣжденія «при настоящихъ польскихъ несчастливыхъ обстоятельствахъ», императрица рѣшилась ожидать удобнѣйшаго времени, когда дѣла сами собою достигнутъ зрѣлости.

Таковы были наставленія, данныя Панинымъ Волконскому, которому поручено было убѣдить поляковъ, что тѣ изъ нихъ «во всемъ передъ свѣтомъ и потомками не правы останутся, кои имѣя способы въ рукахъ не пекутся о благѣ отечества, и изъ прихоти, не соотвѣтствуютъ человѣколюбивымъ ея императорскаго величества намѣреніямъ, льстясь можетъ быть тщетною надеждою найти въ продолженіи войны, способъ удовлетворить персональному своему честолюбію [1]).»

Чарторыскимъ былъ сдѣланъ намекъ, что русскій дворъ быть можетъ не особенно сопротивлялся бы въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ декларації, согласно ихъ желанія, если бы они съ доброю вѣрою принялись за дѣло не касаясь диссидентовъ, потому что въ послѣднемъ дѣлѣ никакой уступки сдѣлано быть не можетъ [2]).

— Безъ этого я не могу приняться за работу, говорилъ воевода Волконскому, ибо и остальной свой кредитъ совсѣмъ потеряю.

— Кредитъ вашъ ни къ чему не послужитъ, замѣтилъ Волконскій, и истребится, если лишены будете протекціи Россіи, а имѣнія ваши будутъ разорены возмутителями.

— Трудно и почти невозможно теперь ничего начать, отвѣчалъ воевода.

Примасъ Подоскій, какъ приверженецъ саксонскаго дома, открыто говорилъ, что Польша не можетъ быть счастлива подъ управленіемъ національнаго короля, и тѣмъ болѣе нынѣшняго, который ненавидимъ народомъ.

— Нѣтъ способовъ успокоить націю, говорилъ онъ Волконскому, не удовлетворивъ ея желанію въ этомъ случаѣ.

— Къ невозможнымъ способамъ и прибѣгать нечего, отвѣчалъ Волконскій. Мы не позволимъ никогда опровергнуть наше

---

[1]) Панинъ Волконскому, отъ 7-го іюля.

[2]) Ibid.

Digitized by Google

собственное дѣло. Надо поэтому пріискивать другія средства къ прекращенію существующихъ замѣшательствъ, отъ которыхъ вы сами теперь терпите и въ конецъ разоритесь, если будете оставаться въ молчаніи.

— Я высказалъ только чистосердечное мое мнѣніе, отвѣчалъ Подоскій, а впрочемъ, прибавилъ онъ, все то исполню, что мнѣ приказано будетъ отъ ея императорскаго величества.

«Съ епископомъ виленскимъ, доносилъ князь Волконскій, я много разъ уже говорилъ, по поводу его проекта о присмиреніи націи, но онъ подъ разными претекстами отговаривался мнѣ оный показать, а когда услыхалъ отъ меня, что мы отъ трактата, заключеннаго на послѣднемъ сеймѣ не отступимъ, то и совсѣмъ утихъ и не столь уже охотно о сей матеріи говоритъ» [1]).

Вообще польскіе магнаты выказывали нерѣшимость въ дѣйствіяхъ. Они ждали, какой оборотъ примутъ наши дѣйствія въ Турціи. Успѣхъ или неуспѣхъ нашъ долженъ былъ рѣшить: быть ли имъ съ нами или противу насъ. До рѣшенія же этого вопроса, дворъ и министерство чуждалось Волконскаго и старалось показать народу, что никакого сообщенія и согласія съ русскимъ министромъ не имѣетъ. Князю Волконскому они ничего не сообщали, ни о чемъ съ нимъ не сносились. Экспедиція, напримѣръ, графа Браницкаго противу конфедератовъ содержалась въ тщательномъ секретѣ, и Волконскій узналъ о ней стороною.

Переговоры князя Волконскаго съ Чарторыскими, примасомъ и Потоцкими не привели ни къ чему. Чарторыскіе находили возможность успокоенія только въ уступкѣ, а примасъ и Потоцкіе въ сверженіи короля съ престола.

«Съ другой стороны, писалъ Волконскій Панину, могу увѣрить, что какъ скоро случится какое несчастіе надъ арміею нашею отъ турковъ, или по обстоятельствамъ отдалится оная изъ Польши къ нашимъ границамъ, а въ то время или еще прежде корпусъ турковъ или татаръ войдетъ въ Польшу, то тотчасъ сочинена будетъ генеральная конфедерація, къ которой всѣ головой и знатные пристанутъ; одни изъ фанатизма, другіе по недоброжелательству къ намъ, а генерально всѣ для того, чтобы избѣжать неминуемаго въ такомъ случаѣ разоренія деревень; да и за самого короля не осмѣлюсь я отвѣчать, чтобы онъ къ нимъ не присоединился или къ тому не былъ принужденъ» [2]).

На Чарторыскихъ надѣяться теперь было нечего. Видя пе-

---

[1]) Волконскій Панину, 11 (22) іюня № 10.

[2]) Волконскій Панину, 20 іюня (1 іюля) № 16.

Digitized by Google

редъ собою бездну, они оставались спокойными и не старались вовсе отвратить угрожающей имъ опасности. Волконскій хотя и не имѣлъ ясныхъ доказательствъ, но утверждалъ, что Чарторыскіе находятся въ тайныхъ сношеніяхъ съ конфедератами и готовы, если представится къ тому удобный случай, стать нашими противниками.

«Канцлеръ литовскій и великій маршалъ коронный князь Любомирскій, зять воеводы русскаго, люди наполненные неумѣренною амбиціею, положили себѣ за систему, по своему высокомѣрію, привести Польшу въ активитетъ и поставить, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими державами, а къ достиженію сего конца быть инструментами и тѣмъ пріобрѣсть себѣ безсмертную славу.»

Канцлеръ литовскій гораздо упорнѣе прежняго утверждалъ, что безъ уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ и въ гарантіи, никогда и ничего въ Польшѣ сдѣлать нельзя.

— Это совсѣмъ изъ головы выбить надлежитъ, отвѣчалъ ему Волконскій, и не льстить себя ложными надеждами, чтобы когданибудь мы на то согласились.

— Возмутители, говорилъ Волконскій Чарторыскому, собираются въ Ловичѣ и около Варшавы...

— Можетъ быть они сочинятъ генеральную конфедерацію, перебилъ его сухо Чарторыскій.

— Что же вы, Чарторыскіе, станете дѣлать въ этомъ случаѣ? спросилъ его Волконскій. Генеральная конфедерація будетъ противъ короля, слѣдовательно и противъ васъ самихъ, а Польша между тѣмъ черезъ оную разорится.

— Я не знаю, что̀ съ нами будетъ, отвѣчалъ коротко литовскій канцлеръ, но Польша останется всегда Польшею.

— Какое вы сдѣлали распоряженіе съ находящимися здѣсь полками гвардіи? спрашивалъ Волконскій воеводу русскаго, присоединившагося къ разговаривающимъ.

— На наши полки надѣяться нельзя, отвѣтилъ тотъ. Они сами говорятъ, что драться съ возмутителями не станутъ.

Воевода русскій (князь Чарторыскій), хотя самъ по себѣ быть можетъ и готовъ бы былъ дѣйствовать, но боялся приняться за дѣло безъ согласія остальныхъ членовъ той же фамиліи, а имѣя притомъ огромныя богатства, опасался, чтобы ихъ не разорили конфедераты.

— У васъ такъ мало здѣсь войскъ, говорилъ онъ Волконскому, что еслибы дошло до дѣла, то даже нечѣмъ защитить пріятелей вашихъ.

Общая бездѣятельность поляковъ заставила князя Волкон-

Digitized by Google

скаго оставить Чарторыскихъ и искать другихъ лицъ такихъ, которыя бы приняли на себя инициативу успокоенія Польши. Такими лицами были епископъ виленскій Масальскій и воевода поморскій графъ Флемингъ. Послѣдній — человѣкъ твердаго характера, богатый и преданный Россіи, пользовался значительнымъ вліяніемъ въ Литвѣ — былъ передъ симъ великимъ подскарбіемъ литовскимъ.

Частыми свиданіями и совѣщаніями съ этими лицами Волконскій успѣлъ достигнуть того, что епископъ виленскій, съ согласія графа Флеминга, написалъ проектъ благонамѣренной конфедераціи.

Въ основаніе своей работы, Масальскій хотя и положилъ также уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ и гарантіи, но способъ, которымъ онъ предполагалъ достигнуть этой уступки, казался исполнимымъ. Епископъ предполагалъ именемъ всей польской націи просить Екатерину объ этой уступкѣ, просить объ увеличеніи войскъ до 25-т. и ограничить власть короля, которому предполагали оставить только одно право раздавать чины. Волконскій ухватился за этотъ проектъ изъ боязни, что, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій нашихъ съ Турками, составится тотчасъ же генеральная конфедерація. Для воспрепятствованія къ составленію генеральной конфедераціи, онъ находилъ необходимымъ или дѣйствовать силою, или составить реконфедерацію, «а какъ войскъ здѣсь мало — доносилъ онъ — то реконфедерація была бы весьма полезна» [1]).

Ограниченіе власти короля онъ считалъ не вреднымъ для насъ, — «понеже король меньше себѣ въ партію достать можетъ, а кажется съ нашимъ интересомъ сходно, чтобы король не въ согласіи былъ съ своими подданными, а обѣ стороны насъ бы держались, одна другой не довѣряя» [2]).

Императрица не раздѣляла взгляда Волконскаго. Она предвидѣла, что «сей затѣйливый прелатъ (Масальскій)» искалъ того, чтобы при нашей помощи, не рискуя своею особою, имѣть возможность играть роль, и оставаясь свободнымъ, дѣйствовать по усмотрѣнію и обстоятельствамъ. Человѣкъ легкомысленный, виленскій епископъ вмѣстѣ съ передачею своего проекта Волконскому, отправилъ въ Петербургъ двухъ своихъ агентовъ, французскаго аббата Бодо и полковника Сентъ-Ліо. Явившись въ Петербургъ, они хлопотали объ оказаніи виленскому епископу денежной помощи и о дозволеніи ему составить собственно въ Литвѣ особую

[1]) Волконскій Панину, 26 іюля (6 августа) № 39.
[2]) Волконскій Панину, 26 іюня (7 іюля) № 22.

Digitized by Google

конфедерацію, для защиты католическаго закона и вольности. Петербургскій кабинетъ отослалъ Сентъ-Ліо къ князю Волконскому для соглашеній. Оставшійся одинъ аббатъ Бодо сдѣлалъ еще болѣе странное предложеніе, чтобы, при его посредствѣ и посредствѣ виленскаго епископа, войти въ сношеніе съ Франціею и «*распорядить* съ нею всѣ настоящія политическія дѣла и приведеніе ихъ къ возстановленію тишины.»

«Между тремя положеніями, — писалъ Панинъ, — [1]) на которыхъ виленскій епископъ основываетъ конфедерацію къ возстановленію спокойствія, первое и второе положеніе посольствъ къ намъ и къ туркамъ, упоминающихъ испражненіе Польши нашими войсками, отвлекая хотя стороною, но существенно всякое ближайшее Польши соединеніе съ нами въ настоящихъ дѣлахъ, обезпечиваетъ единственно партикулярное бытіе съ собственнымъ имѣніемъ его самого и его адгерентовъ, которыхъ число ласкаетъ онъ себя, безъ сомнѣнія, тогда ежедневно умножать надеждою каждому охраненія отъ обѣихъ въ настоящей войнѣ между собою дѣйствующихъ сторонъ; а черезъ то, повидимому, и можетъ онъ себѣ представлять ласкательную шимеру сдѣлаться наконецъ диктаторомъ своего отечества».

«Но какъ всѣ его легкомысленные замыслы сами по себѣ въ одномъ вѣтрѣ оставаться будутъ и когда онъ не получитъ отъ нашего правительства покровительства и поддержки, въ чемъ можетъ быть удостовѣренъ, то и оставитъ свой проэктъ.»

Панинъ совѣтовалъ Волконскому довести епископа до того, чтобы онъ, по ближайшему соглашенію съ другими преданными намъ патріотами, могъ дѣйствовать въ нашу пользу.

Сотоварищъ его графъ Флемингъ не имѣлъ, конечно, тѣхъ заднихъ мыслей, которыя имѣлъ епископъ. Человѣкъ недалекаго ума, старый, но твердаго характера, онъ былъ чистосердечно преданъ Россіи. Онъ и теперь соединился съ епископомъ изъ чистосердечнаго и простого желанія видѣть спокойствіе въ своемъ отечествѣ. Графъ Флемингъ не принималъ непосредственнаго и фактическаго участія въ составленіи проекта епископа. Онъ хотѣлъ только спокойствія Польшѣ, и съ этимъ желаніемъ готовъ былъ пристать къ какой угодно партіи. Когда Волконскій далъ ему впослѣдствіи прочесть планъ Понинскаго, «*не называя ни автора, ни будущихъ актеровъ*», то графъ Флемингъ нашелъ, что это гораздо лучше проекта виленскаго епископа.

За первыми двумя охотниками, принять на себя дѣло усмиренія Польши и приведенія дѣлъ къ концу, явились два другія

[1]) Кн. Волконскому, отъ 17 сентября 1769 года.

Digitized by Google

лица. Одинъ изъ нихъ, молодой графъ Браницкій, — человѣкъ предпріимчивый и любимый войскомъ, среди котораго могъ быть употребленъ къ составленію конфедераціи. Другой—графъ Понинскій, — человѣкъ тоже молодой, намъ преданный, но не богатый. Они явились съ своими проектами касательно усмиренія Польши и просили содержать въ секретѣ какъ планъ ими представленный, такъ и ихъ самихъ.

Оба они требовали уступки Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, въ томъ случаѣ, если мы завоюемъ ихъ отъ турокъ. Передавая планъ свой Волконскому, графъ Понинскій говорилъ ему, что если планъ этотъ будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ, то успѣхъ въ дѣлѣ будетъ зависѣть отъ двухъ условій, безъ которыхъ они не возьмутся за дѣло: во-первыхъ, чтобы содержать все это въ тайнѣ, а во-вторыхъ, чтобы рѣшительный отвѣтъ былъ данъ не позже, какъ черезъ шесть недѣль, ибо въ этотъ срокъ конфедераты надѣялись составить генеральную конфедерацію, и тогда подобнаго дѣла начинать уже не стоило.

Петербургскій кабинетъ находилъ планъ этотъ болѣе удобнымъ. Оба составители были люди намъ преданные. Поддерживая ихъ въ составленіи благонамѣренной конфедераціи, русское правительство надѣялось обратить ее со временемъ въ настоящій сеймъ. При этомъ относительно диссидентовъ положено умалчивать о тѣхъ уступкахъ, которыя «иногда они сами между собою уступить согласятся для скорѣйшаго успокоенія и примиренія съ своими соотчичами».

«Для полученія тутъ большаго передъ свѣтомъ лица—писалъ Панинъ—надобно, чтобы сами диссиденты добровольно вошли въ точное разсмотрѣніе, стоитъ ли для нихъ собственно сохраненіе всѣхъ, на послѣднемъ сеймѣ пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, того, чтобы покупать оные гражданскою въ отечествѣ войною и партикулярнымъ своимъ въ конецъ разореніемъ, которое, какъ теперь есть, такъ и впредь еще на долго останется цѣною сего полнаго сохраненія, или же не лучше ли и не полезнѣе ли, для всего ихъ общества, жертвовать добровольно частію выгодъ, для возстановленія общей тишины и для обезпеченія другой части тѣхъ самыхъ выгодъ».

Императрица, во избѣжаніе противорѣчія въ своемъ политическомъ поведеніи относительно Польши, не считала однако же нужнымъ самой наводить на эту мысль диссидентовъ, а надобно, говорила она, *чтобы они сами на то напали*, или были самымъ незамѣтнымъ образомъ наведены на то княземъ Волконскимъ.

Такимъ образомъ, чтобы согласить дѣло диссидентовъ съ предполагаемою конфедераціею, русское правительство старалось вести

Digitized by Google

свои дѣла такъ, чтобы диссиденты сами заявили королю и польскому правительству свое собственное и добровольное желаніе принести нѣкоторую часть своихъ преимуществъ въ жертву, для возстановленія въ ихъ отечествѣ внутренняго покоя. — «Такое представленіе—писалъ графъ Панинъ—завело бы мимо насъ новую негоціацію, которая бы однакожъ въ существѣ отъ насъ зависѣла». Волконскому приказано не вмѣшиваться, если бы диссидентамъ пришлось для этого войти въ спошеніе съ королемъ или шефами проектируемой конфедераціи, и даже если бы необходимо было сдѣлать собраніе, но наблюдать только, чтобы собраніе это было «подъ какимъ ни есть пристойнымъ и для католиковъ не огорчительнымъ названіемъ».

По мнѣнію нашего правительства, присоединеніе Молдавіи къ Россіи не могло быть никогда намъ полезнымъ. Молдавія не могла себя защищать ни противъ кого, а отдаленіе ея отъ нашихъ границъ, къ которымъ она непосредственно не прилегала, могло обременить только нашу собственную защиту. Панинъ полагалъ, что возвращеніе ея по прежнему во владѣніе Польши «не только обяжетъ существеннымъ образомъ къ Россіи польскую республику, но и подастъ намъ еще вновь натуральный способъ наипаче утвердить и обезпечить въ пользу нашей инфлюенціи, уже независимо отъ диссидентовъ протестантскаго исповѣданія, одно наше единовѣріе, ибо Молдавія, составляя свой особенный корпусъ дворянства, при присоединеніи къ республикѣ польской, можетъ подъ нашимъ покровительствомъ тогда выговорить исключительно себѣ отъ республики участіе всѣхъ правъ и прерогативъ польскаго дворянства; въ чемъ надежно польскіе католики столько упорствовать не станутъ, какъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, и новое республики пріобрѣтеніе преодолѣетъ несумнѣнно ихъ фанатизмъ, а между тѣмъ сею приманкою, мы въ настоящей войнѣ (турецкой) много Польшею воспользоваться можемъ».

Трудно было однако же предположить, чтобы турки могли уступить Молдавію и Бессарабію безъ крайности, довести ихъ до которой намъ самимъ стоило бы гораздо бо̀льшихъ пожертвованій, чѣмъ та польза для насъ и для самой Польши, которую надѣялись получить съ ихъ пріобрѣтеніемъ. Предоставляя все будущимъ обстоятельствамъ и теченію дѣлъ, петербургскій кабинетъ рѣшилъ однако же довольствоваться теперь этою приманкою для ободренія поляковъ къ составленію генеральной конфедераціи и для вовлеченія Польши въ явныя съ нами обязательства и ополченія противъ турокъ. Хотя и извѣстно было, что силы Польши сами по себѣ весьма незначительны и маловажны; хотя поляки, по обыкновенному неустрой-

Digitized by Google

ству республики, во всѣхъ частяхъ ея правленія, даже и въ самое покойное для нихъ время, были не богаты военными силами, но намъ не столько нужны были военныя силы польской республики для подкрѣпленія нашихъ армій, сколько естественныя выгоды земли, въ числѣ которыхъ—полученіе въ наши руки Каменецкой крѣпости, считалось за первѣйшую необходимость.

Волконскому вмѣнено въ обязанность поддерживать въ полякахъ надежду на возможность въ будущемъ присоединенія къ Польшѣ Молдавіи и Бессарабіи, но объявить, что степень вѣроятности присоединенія будетъ зависѣть отъ тѣснѣйшаго и дѣйствительнаго соединенія поляковъ съ нами противъ общаго непріятеля, турокъ. Преданнымъ намъ полякамъ внушалось, что русское правительство готово гарантировать имъ это присоединеніе, но только тогда, когда сама республика обратитъ къ тому всѣ свои силы и, содѣйствіемъ въ настоящей войнѣ, «захочетъ воспослѣдовать по точному съ нами согласію [1])».

Одновременно съ этимъ Псарскій писалъ къ королю, что русскій дворъ согласится на нѣкоторую уступку въ диссидентскомъ дѣлѣ, если только сами диссиденты будутъ просить объ этомъ. Это извѣстіе обрадовало поляковъ. Литовскій канцлеръ тотчасъ же бросился къ Грабовскимъ, главнѣйшимъ лицамъ диссидентовъ и сталъ уговаривать ихъ составить и подать просьбу.

— Мы вполнѣ зависимъ отъ русскаго двора, отвѣчали Грабовскіе, и безъ него ничего не предпримемъ.

Надѣясь черезъ графа Флеминга имѣть большое вліяніе въ Литвѣ, князь Волконскій обратился теперь къ нему же и черезъ него открылъ переговоры съ диссидентами.

Графъ Браницкій и Понинскій, хотя и были намъ преданы, любили свое отечество и готовы были употребить всѣ средства къ его успокоенію, но не пользовались значеніемъ среди народа. Поэтому, чтобы подвинуть дѣло на сколько-нибудь впередъ, поставить его на твердой ногѣ, необходимо было привлечь на нашу сторону кого-нибудь ихъ предводителей партіи, противной партіи Чарторыскихъ. Волконскій съ Флемингомъ не находили для этого никого способнѣе бывшаго надворнаго маршала графа Мнишка. Въ Великой Польшѣ онъ былъ первый магнатъ по богатству и своему вліянію. Поляки не могли считать его намъ преданнымъ, потому что онъ былъ противникомъ партіи Чарторыскихъ, которая до сихъ поръ считалась еще преданною Россіи. Черезъ кіевскаго воеводу, Мнишекъ владѣлъ всею фамиліею Потоцкихъ. Слѣдовательно, склоненіе на нашу сторону Мнишка,

[1]) Панинъ Волконскому, 7 сентября 1769 г.

Digitized by Google

съ его партіею, было весьма важно, въ томъ отношеніи, что тогда партія преданныхъ намъ дѣлалась гораздо сильнѣе партіи Чарторыскихъ. Мнишекъ ненавидѣлъ короля и желалъ его сверженія въ пользу саксонскаго курфирста, которому былъ преданъ.

Волконскій писалъ ему письмо, звалъ его въ Варшаву и думалъ отвлечь его отъ саксонскаго дома обѣщаніемъ сдѣлать «шефомъ нашей партіи, а когда король съ Чарторыскими разлучится, то онъ Мнишекъ можетъ при немъ ихъ мѣсто занять и слѣдственно столько же силенъ быть, какъ и при саксонскомъ королѣ [1])».

Очевидно, что Мнишекъ могъ согласиться на такія предложенія, только съ совершеннымъ паденіемъ обоихъ стариковъ Чарторыскихъ и маршала короннаго князя Любомирскаго. Послѣдняго Мнишекъ ненавидѣлъ, во-первыхъ, по родству съ Чарторыскими, а во-вторыхъ и потому, что Любомирскій былъ назначенъ великимъ маршаломъ помимо Мнишка, «коему, по всей справедливости, линія была получить его».

Для успѣха въ дѣлѣ составленія конфедераціи въ нашу пользу, Волконскій просилъ прислать ему 300,000 руб., изъ коихъ онъ предназначалъ 100,000 на Литву, 100,000 на корону, а 100,000 оставлялъ для разныхъ расходовъ, безъ которыхъ обойтись было невозможно. Такъ, чтобы сконфедеровать войско, надобно было начать съ того, чтобы выдать ему прежде содержаніе [2]).

Для поддержанія Понинскаго князь Волконскій выдалъ ему единовременно 2 тыс. руб. Графъ Флемингъ получилъ собственноручное письмо императрицы. Графъ Браницкій, Понинскій и Гилзенъ, воевода минскій — письма графа Панина, обѣщающія поддержку и покровительство. Понятовскій, узнавши о полученіи этихъ писемъ, требовалъ отъ графа Браницкаго, чтобы онъ прислалъ ему для прочтенія, обѣщаясь, въ противномъ случаѣ, лишить его своей милости [3]). Браницкій былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Не смѣя отправить письмо, изъ боязни открыть предположенія нашего правительства, и въ тоже время боясь ослушаться короля, Браницкій успѣлъ уговорить Понинскаго отправить королю письмо, полученное послѣднимъ отъ графа Панина, «ибо оно писано только въ генеральныхъ терминахъ, а не такъ ясно и обширно, какъ его собственное».

Старшій братъ короля, оберъ-камергеръ коронный, обратился также съ письмомъ къ императрицѣ, и просилъ помощи въ его

---

[1]) Волконскій Панину, 27 сентября (8 октября) № 62.

[2]) Ibid.

[3]) Волконскій Панину, 29-го октября (10-го ноября) № 73.

Digitized by Google

разоренномъ состояніи. Человѣкъ высокомѣрный, онъ былъ врагомъ Чарторыскихъ, по происканъ которыхъ не допускался ни въ какіе совѣты и лишенъ былъ всякой довѣренности короля. Волконскому поручено обнадежить оберъ-камергера короннаго, въ тѣхъ видахъ, что несмотря на ничтожное вліяніе въ Польшѣ короля, склоненіе на нашу сторону его брата «дастъ нѣкоторую, по крайней мѣрѣ наружную передъ свѣтомъ знатность новымъ нашимъ актерамъ, когда они его въ сообществѣ своемъ имѣть будутъ».

Для усиленія тѣхъ же «актеровъ» произнавалось необходимымъ отдѣлить короля отъ стариковъ Чарторыскихъ и стараться «*обнажать*» послѣднихъ передъ націею.

«Истинныя ихъ намѣренія, писалъ Панинъ, неоспоримо въ томъ состоятъ, чтобы ловя въ мутной водѣ рыбу и дѣлаясь отъ времени до времени мнимою своею твердостію больше важными, сдѣлаться напослѣдокъ въ отечествѣ своемъ сущими диктаторами, хотя бы то было съ самымъ досконалнымъ разореніемъ и разрушеніемъ».

Русское правительство рѣшилось теперь относительно Чарторыскихъ наблюдать только то, чтобы они не очень *владычествовали надъ духомъ короля, ихъ племянника,* и чтобы властолюбіе ихъ, прикрываемое маскою тишины и патріотизма, «не навлекло бы намъ изъ-подъ руки новыхъ и большихъ пакостей.»

Въ самомъ непродолжительномъ времени Чарторыскіе оправдали всѣ заключенія о нихъ графа Панина.

XII.

Великій канцлеръ коронный, Млодзіевскій, привезъ Волконскому проектъ универсала, который король хотѣлъ публиковать отъ своего имени народу.

Содержаніе универсала было совершенно противно нашимъ интересамъ. Король открыто возставалъ противъ русскаго правительства, приписывая начало несчастій Польши 1766 году, т. е. времени сдѣланной нами конфедераціи. Понятовскій писалъ, «что все теченіе правительства пресѣчено оружіемъ (ибо тогда теперешнихъ возмутителей конфедераціи еще не было), такожъ объ вѣрѣ и независимости говоритъ въ такихъ терминахъ, какъ бы оныя были атакованы, а напослѣдокъ заключеніе сего универсала, не что иное значитъ, какъ политическое приступленіе (самого) короля къ конфедераціи» [1]).

[1]) Волконскій Панину, 29 іюня (10 іюля), № 26,

Digitized by Google

Волконскій объявилъ Млодзіевскому, что публикованіе универсала, для успокоенія волнующихся, въ такомъ видѣ онъ не допуститъ; что универсалъ долженъ быть составленъ согласно съ нашими видами и безъ всякихъ двусмысленностей, «которыя могутъ толковаться и противу насъ и противъ возмутителей».

— Универсалъ этотъ ни мало не противенъ Россіи — говорилъ Млодзіевскій совѣтнику посольства Булгакову, посланному къ нему Волконскимъ для объясненій.—Тысяча семьсотъ шестьдесятъ шестой годъ включенъ въ универсалъ потому, что нынѣшнія несчастія Польши суть слѣдствія тогдашнихъ дѣлъ. Пресѣченіе же правительства оружіемъ относится не къ тогдашнему, а къ настоящему состоянію Польши.

Дальнѣйшій разговоръ ясно показывалъ Булгакову, что великій канцлеръ не желаетъ входить въ подробности, изъ опасенія проговориться.

— Я, впрочемъ, обо всемъ этомъ донесу королю, проговорилъ онъ, желая прекратить объясненія.

— Мы вычеркнули годъ въ универсалѣ, говорилъ вслѣдъ за тѣмъ Волконскому великій канцлеръ литовскій, кн. Чарторыскій, съ полною увѣренностью въ томъ, что Волконскій удовольствуется этимъ и не станетъ болѣе сопротивляться.

— Этого недостаточно, отвѣчалъ нашъ посолъ. Весь универсалъ наполненъ неприличными выраженіями, и потому мнѣ кажется лучше бы было совсѣмъ не публиковать его.

Король и великій канцлеръ не возражали, но въ тайнѣ печатали универсалъ. Провѣдавъ объ этомъ, и боясь, чтобы они не распустили въ публикѣ, что универсалъ публикуется съ согласія Волконскаго, послѣдній отправился къ королю. Онъ говорилъ Понятовскому, что выпускъ универсала будетъ имѣть весьма дурное и вредное вліяніе не только на отношенія его съ Россіею, но и со стороны самихъ его непріятелей.

— Непріятели ваши, говорилъ кн. Волконскій, будутъ разсказывать, что, видя приближеніе сраженія русскихъ съ турками, вы струсили и задобривали заранѣе возмутителей. Лучше не выдавайте этого универсала.

Со слезами на глазахъ король увѣрялъ Волконскаго въ своей искренней преданности Россіи.

— Я вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ хочу выдать этотъ универсалъ, говорилъ онъ, какъ вы объясняете, но для того только, чтобы увѣрить націю, что хлопочу о ней и употребляю все возможное къ ея благополучію.

Волконскій снова просилъ короля не выдавать универсалъ...

Digitized by Google

Понятовскій колебался, но не далъ прямого обѣщанія исполнить его просьбу.

— Публика, зная уже о скоромъ выходѣ универсала, говорилъ онъ, сочтетъ за трусость съ моей стороны такую перемѣну.

Боясь своихъ дядей, король не рѣшался обѣщать утвердительно. Волконскій видѣлъ это и, желая облегчить положеніе короля, отправился прямо отъ него къ Чарторыскимъ. Воевода русскій весьма скоро согласился съ доводами нашего посла, но канцлеръ литовскій упирался и былъ противнаго мнѣнія.

Спустя нѣсколько дней, король подослалъ къ Волконскому вице-канцлера литовскаго, Пржездецкаго, которому поручилъ вывѣдать, не перемѣнилъ ли Волконскій своего взгляда на публикованіе универсала. Видя же, что посолъ нашъ упорно возстаетъ противъ него, Понятовскій рѣшился отложить до времени его публикованіе.

— Его величество, говорилъ Пржездецкій, присланный вторично къ Волконскому, намѣреваясь выдать универсалъ, дѣлалъ это съ единственнымъ убѣжденіемъ, что онъ можетъ быть полезенъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, но когда увидѣлъ, что вы на то не соглашаетесь, то и отмѣняетъ его публикованіе.

Король дѣйствительно приказалъ уничтожить напечатанные уже экземпляры универсала. Не смотря, однакоже, на то, партія Чарторыскихъ успѣла напечатать содержаніе универсала въ польскихъ газетахъ, и сдѣлала его такимъ образомъ извѣстнымъ публикѣ. Результатъ публикованія далеко, однакоже, не соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагались на благотворное дѣйствіе универсала, въ пользу короля и его дядей. Вмѣсто расположенія къ королю и одобренія его дѣйствій, публика встрѣтила универсалъ насмѣшками. Въ польскихъ газетахъ появилась статья, какъ бы служащая отвѣтомъ королю отъ имени всего народа. Отвѣтъ этотъ былъ направленъ какъ противъ самого короля, такъ противу императрицы Екатерины II и русскаго правительства. Прочтя статью, Понятовскій могъ бы открыть глаза и видѣть, какъ расположенъ къ нему народъ, не смотря на желаніе его *менажировать* возмутителей, которыхъ онъ назвалъ *оскорбленною нацією*.

Прочтя и эту статью, король не перемѣнилъ своего поведенія, а, напротивъ того, съ каждымъ днемъ отдалялся отъ русскаго правительства, разсчитывая на возможность дѣйствовать самостоятельно, тѣмъ болѣе, что, по внушеніямъ его дядей, обстоятельства благопріятствовали тому какъ нельзя болѣе.

Обратный переходъ черезъ Днѣстръ князя Александра Ми-

Digitized by Google

хайловича Голицына изъ-подъ Хотина, подалъ поводъ ко многимъ толкамъ въ Варшавѣ. Кастеляншa Каминская показывала знакомымъ письма, полученныя ею изъ Замосцья. Письма говорили, что 1 августа, ночью, русская армія перешла обратно черезъ рѣку; что турки, увидавъ на разсвѣтѣ нашъ лагерь пустымъ, погнались за арміею, и какъ мостъ, по несчастію, разорвался, то арріергардъ нашъ, числомъ до 5 т. человѣкъ, былъ весь изрубленъ и забранъ въ плѣнъ, и, наконецъ, что турки успѣли захватить при этомъ 14 пушекъ.

Варшава обманывала сама себя, разсказывая, что значительный непріятельскій корпусъ, состоящій изъ турокъ и татаръ, вступилъ въ Польшу и, будто бы, мѣстечко Станиславовъ, лежащее отъ Львова въ 14, а отъ Варшавы въ 64 миляхъ, уже окружено непріятелемъ. Поляки увѣряли, что въ непріятельскомъ лагерѣ находится и подчашій Потоцкій, который, соединясь съ конфедератами,—коихъ теперь подъ ружьемъ и разсѣянныхъ по всей Польшѣ насчитывали до 12 т. чел.,—пойдетъ съ ними къ Варшавѣ. Магнаты и чернь радовались этимъ извѣстіямъ.

Появленіе турокъ въ Польшѣ было бы какъ нельзя болѣе кстати конфедератамъ. Можно было быть увѣреннымъ, что къ подобному отряду присоединились бы всѣ конфедераты, какъ явно дѣйствовавшіе, такъ и тѣ, «кои въ домахъ своихъ тихо сидятъ». Литва, «гдѣ огонь подъ пепломъ только лежитъ», также приняла бы сторону турокъ.

«Всѣ здѣсь находящіеся знатные, доносилъ Волконскій, одни изъ злого намѣренія, другіе изъ страха, чтобы деревень ихъ не разорили, такожъ народъ и разные польской арміи полки, въ случаѣ приближенія онаго (непріятеля), сюда, вмѣстѣ съ возмутителями были-бъ согласны».

Хотя Волконскій и не вѣрилъ слухамъ, пущеннымъ по Варшавѣ относительно вторженія турокъ въ Польшу, однакоже счелъ необходимымъ имѣть съ королемъ свиданіе.

— Хотя извѣстія эти и невѣроятны — говорилъ онъ Понятовскому—однако благоразуміе требуетъ принять на всякій случай мѣры. Необходимо собрать сенатскій совѣтъ (Senatus Consilium), который долженъ постановить, какой отпоръ сдѣлать возмутителямъ и туркамъ, если бы они сдѣлали покушеніе на Варшаву. Необходимо увѣриться въ вѣрности вашихъ войскъ, находящихся въ Варшавѣ, и назначить имъ командира, которому вмѣстѣ со мною и генераломъ Веймарномъ составить операціонный планъ.

— Я вполнѣ надѣюсь на мои войска, отвѣчалъ король. Впрочемъ, посовѣтуюсь объ этомъ съ моими дядями.

Digitized by Google

Понятовскому нечего было совѣтоваться съ Чарторыскими. Послѣдніе, какъ мы видѣли, гораздо раньше объявили Волконскому, что на польскія войска разсчитывать нечего. Оно было такъ и на самомъ дѣлѣ. Въ Варшавѣ хотя и было національное войско, но оно скорѣе клонилось на сторону конфедератовъ, чѣмъ короля, и мало по малу переходило въ шайки конфедератовъ, «а какъ скоро — писалъ Волконскій — приходитъ терминъ къ платежу тѣмъ войскамъ, а у короля въ скарбовой комисіи нѣтъ денегъ ни полушки, то я и заключаю, что всѣ оныя войска разбѣгутся».

Положеніе это было настолько очевидно для всѣхъ, что самые ярые защитники короля и его совѣтники не скрывали состоянія дѣлъ.

— Я уже сказалъ вамъ, говорилъ воевода русскій кн. Волконскому, что намъ ничего нельзя дѣлать. Я чистосердечно откроюсь вамъ не какъ послу, а какъ моему старому другу, что кто здѣсь будетъ сильнѣе, къ той партіи мы и будемъ принадлежать. Я отсюда изъ Варшавы не уѣду, а королю себя спасать надобно, потому что вы здѣсь не такъ сильны, чтобы могли насъ защитить.

Братъ его, канцлеръ, по выраженію Волконскаго, «*политическій педантъ*», толковалъ только о послѣднемъ трактатѣ, говоря, что онъ заключенъ принужденно.

— На сенатскомъ совѣтѣ — говорилъ онъ — мы хотимъ постановить объ отправленіи къ русскому двору депутата съ прошеніемъ, чтобы трактатъ этотъ, какъ учиненный силою отъ князя Репнина, былъ уничтоженъ.

— Трактатъ заключенъ торжественнымъ образомъ, отвѣчалъ на это Волконскій, и ратификованъ обѣими сторонами. Послѣ того, основываясь на вашихъ словахъ, никакой трактатъ устоять не можетъ, потому что о всякомъ трактатѣ, который захотятъ уничтожить, можно сказать, что онъ заключенъ принужденно. Я не совѣтую вамъ посылать подобной просьбы, потому что она приведетъ только въ гнѣвъ императрицу; лучше подумайте о настоящемъ злѣ, которое грозитъ вамъ отъ турокъ и возмутителей.

Коронный маршалъ Любомирскій, зять воеводы русскаго, поддерживалъ канцлера и говорилъ тоже самое.

— А не будетъ ли король въ опасности, когда придутъ сюда возмутители? спросилъ Волконскій.

— Не думаю, отвѣчалъ сухо Любомирскій.

— Всѣ конфедераціи, составленныя на основаніи барской, направлены вѣдь противъ короля, замѣтилъ Волконскій.

Digitized by Google

Любомирскій молчалъ, не находя словъ для отвѣта.

Человѣкъ высокомѣрный и заносчивый, Любомирскій управлялъ стариками Чарторыскими, и былъ, какъ носились слухи даже и тогда, въ перепискѣ съ конфедератами, и, конечно, не думалъ о томъ, чтобы дѣйствовать противу нихъ. Партія Чарторыскихъ не оставляла своего намѣренія созвать сенатскій совѣтъ для исключительныхъ своихъ видовъ. Англійскій резидентъ сообщилъ князю Волконскому, что знаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, будто бы Любомирскій, вмѣстѣ съ Чарторыскими, намѣрены на сенатскомъ совѣтѣ составить постановленіе объ отправленіи просьбы не только къ русскому правительству, какъ предполагали прежде, но и къ другимъ европейскимъ дворамъ. Такая посылка и просьба могла подать поводъ французскому двору, оставивъ тайныя интриги, явно вмѣшаться въ дѣла Польши, что было съ руки Любомирскому, какъ человѣку преданному Франціи. Послѣдняя же сама искала случая къ подобному вмѣшательству.

При свиданіи съ королемъ, кн. Волконскій старался разъяснить ему вредъ, который можетъ принести подобная посылка. Онъ нашелъ Понятовскаго въ отличномъ расположеніи духа и чрезвычайно бодрымъ. Дяди успѣли убѣдить, что ему нечего бояться возмутителей, и король, какъ человѣкъ слабый, на котораго дѣйствуютъ послѣднія внушенія, который стоитъ упорно за послѣднія навязанныя ему мысли и дѣйствія, объяснялся теперь съ Волконскимъ *«неробко»*.

— Я подумаю объ этомъ, сказалъ король въ заключеніе, не смѣя отвѣчать положительно изъ боязни своихъ дядей-совѣтниковъ.

Получивъ отъ кн. Голицына свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи русской арміи, Волконскій распустилъ ихъ по Варшавѣ, въ опроверженіе ходившихъ слуховъ объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Хотина и обратномъ переходѣ черезъ Днѣстръ. Копія съ письма Голицына была передана и королю. Полякамъ не нравились эти извѣстія.

— Я самъ не вѣрилъ ходившимъ слухамъ, отвѣчалъ король по прочтеніи письма.

Волконскій опять настаивалъ и просилъ короля не созывать сенатскій совѣтъ.

— Обѣщать вамъ не держать сенатскаго совѣта я не могу, отвѣчалъ Понятовскій, но могу отложить собраніе его на нѣсколько времени и соберу тогда, когда обстоятельства будутъ того требовать.

— Я нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи, призна-

Digitized by Google

вался король, не имѣю денегъ ни на свое содержаніе, ни на содержаніе войска, которое хотя и удовольствовано по 1-е октября, но по прошествіи этого срока нечѣмъ будетъ кормить его.

Волконскій подтверждалъ справедливость словъ короля, прибавляя, что «состояніе его столь худо, что ему почти ѣсть нечего»[1]). «Король, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, находится въ такой бѣдности, что не имѣетъ не токмо чѣмъ войска содержать, для охраненія своей персоны, но почти до послѣдняго куска хлѣба доходитъ».

Понятовскій просилъ дать ему въ займы 5 т. червонныхъ. Волконскій далъ эти деньги и взялъ съ короля росписку, хотя самъ признавался, что ссуда эта можетъ принести намъ пользу только на нѣкоторое время, «ибо Польша, оставаясь въ теперешнемъ положеніи и доходы королевскіе не входя въ казну, опять до того придетъ, что онъ принужденъ будетъ распустить войска, ибо намъ дорого бы стоило всегда его содержать»[2]).

Распустивъ войско, король увеличилъ бы число конфедератовъ, тогда какъ оставляя и поддерживая войско Волконскій думалъ употребить въ дѣло при составленіи конфедераціи, поэтому нашъ посолъ и просилъ, чтобы королю была оказана денежная помощь.

Самъ Понятовскій черезъ Псарскаго, своего резидента при петербургскомъ дворѣ, просилъ императрицу о томъ-же. Въ письмѣ, которое было написано Екатеринѣ II, король представлялъ, что «по расхищеніи всѣхъ его доходовъ, не находитъ онъ болѣе способа, ни себя, ни малое число войска своего содержать». Екатерина приказала выдать королю еще 5 т. червонныхъ, сверхъ отпущенныхъ Волконскимъ, съ объявленіемъ, что, при настоящихъ огромныхъ издержкахъ нашего двора, не можетъ оказать большей помощи и надѣется, что 10 т. червонныхъ, до болѣе благопріятнаго времени, будетъ достаточно «для сохраненія войска его отъ совершеннаго разсыпанія»[3]).

Понятовскій взялъ деньги, поблагодарилъ и, положивъ въ карманъ, не перемѣнилъ своего поведенія. Онъ все еще не оставлялъ мысли о созваніи сенатскаго совѣта. Волконскій получилъ наставленіе препятствовать созванію совѣта, на которомъ могли послѣдовать *предосудительныя резолюціи*, «ибо, писалъ гр. Панинъ, для насъ всемѣрно лучше, чтобы Польша вовсе въ безобразіи и въ небытіи оставалась, нежели чтобы бытіе ея сколько ни есть было вопреки интересамъ нашимъ»[4]). Какое

[1]) Волконскій Панину, 22 августа (2 сентября) № 50.
[2]) Волконскій Панину, 9 (20) сентяб. № 57.
[3]) Панинъ Волконскому, 7 сентяб. 1769 г.
[4]) Тамъ-же.

Digitized by Google

поведеніе приметъ польскій дворъ? спрашивалъ Панинъ, получивъ извѣстіе объ объявленіи войны турками Польшѣ. Неужели и теперь не оставитъ мечты о сохраненіи нейтралитета?

«Кажется, писалъ онъ, одинъ здравый разсудокъ долженъ господъ поляковъ убѣдить, что декларація Порты, не что иное есть какъ одно преддверіе общаго ея съ польскими мятежниками согласія отторгнуть себѣ отъ республики Подолію и приготовить себѣ заранѣе нѣкоторую прикрасу или покрывало сему своему беззаконному умыслу». Хотя все это нѣсколько разъ и было объясняемо полякамъ и такъ сказать на пальцахъ показываемо было, тѣмъ не менѣе и на этотъ разъ Панинъ поручилъ Волконскому снова объяснить имъ эту истину.

XIII.

Успѣхи нашего оружія въ Турціи, взятіе Хотина и разбитіе верховнаго визиря, произвели большое впечатлѣніе въ Варшавѣ и были многимъ непріятны. Король и правительство по прежнему намѣрены были собрать сенатскій совѣтъ. Волконскій просилъ свиданія съ королемъ, но получилъ отказъ, подъ предлогомъ недосуга. Въ воскресенье, по обыкновенію, посолъ отправился во дворецъ, успѣлъ объясниться съ королемъ, но не получилъ отъ него никакого опредѣленнаго отвѣта. Пользуясь тѣмъ, что воевода русскій былъ боленъ, Волконскій отправился къ нему подъ предлогомъ навѣстить больного.

— Сенатскій совѣтъ необходимъ для нашего оправданія, говорилъ воевода. Конфедераты, считая насъ вашими адгерентами, разоряютъ наши деревни. Для избѣжанія этого необходимо созвать совѣтъ и на немъ принять мѣры къ успокоенію народа. Впрочемъ, объ этомъ вопросѣ ничего еще не рѣшено положительно.

— Вы раскаетесь, отвѣчалъ Волконскій, если слѣдствія совѣта будутъ намъ противны.

Чарторыскіе не обратили однако вниманія на замѣчанія Волконскаго. На другой день гр. Флемингъ привезъ Волконскому письменное предположеніе совѣта, разосланное ко всѣмъ сенаторамъ, находившимся въ Варшавѣ и направленное противу Россіи.

— Поступокъ этотъ направленъ явно противъ насъ, говорилъ Волконскій воеводѣ русскому, и доказываетъ только ваше согласіе съ возмутителями. Развѣ вы къ нимъ пристали и хотите сдѣлать генеральную конфедерацію?

— Мы дѣлаемъ это съ тою цѣлію, отвѣчалъ Чарторыскій,

Digitized by Google

чтобы оправдать себя передъ націею. Касательно генеральной конфедераціи не только ее не составимъ, но если она и будетъ составлена, то я участвовать въ ней не буду, а уѣду въ Бреславль.

— Если въ совѣтѣ будетъ хотя что малое непріятно нашему двору, замѣтилъ Волконскій, то вы, Чарторыскіе, будете отвѣчать за то всѣмъ своимъ имѣніемъ.

Король находился совершенно во власти Чарторыскихъ и не было никакой возможности «*оттянуть*» его отъ нихъ, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ обезсилены «и такъ сказать кредитъ ихъ въ націи искорененъ не будетъ».

На всѣ представленія нашего посла король держалъ въ запасѣ всегда одинъ отвѣтъ.

— Я полякъ, говорилъ онъ, и долженъ всѣмъ жертвовать для націи.

— Меня ненавидитъ нація, говорилъ онъ при другомъ случаѣ Волконскому, единственно изъ-за васъ. Я открылъ противъ себя злодѣйскій умыселъ, знаю по именамъ заговорщиковъ, но назвать ихъ не хочу.

— Мы можемъ избавить васъ отъ нихъ, отвѣчалъ кн. Волконскій.

— Я оставлю это до удобнѣйшаго времени, замѣтилъ король, но я долженъ однако же показать націи, что все отъ меня возможное въ пользу ея сдѣлано.

— Не только мнимая нація, коею вы называете конфедератовъ, но и никто не удержитъ васъ на престолѣ, если своимъ поведеніемъ принудите насъ оставить васъ.

— Я не надѣюсь этого отъ ея императорскаго величества. Но будучи полякъ, противу отчизны ничего предпринять не могу.

При помощи наговоровъ Чарторыскихъ, король всю вину сваливалъ на нашъ кабинетъ, и желая показать народу, что готовъ дѣйствовать самостоятельно, и даже противъ русскаго правительства, согласился на созваніе сенатскаго совѣта; Чарторыскіе же распустили по Варшавѣ слухъ, что совѣтъ собирается съ согласія Волконскаго, «и какъ всѣ ихъ пріятели, доносилъ тотъ [1]), меня чуждаются, то тѣмъ и были обмануты».

Не смотря на противодѣйствіе примаса, 19-го (30) сентября совѣтъ состоялся. Собраніе его отличалось шумомъ и множествомъ сказанныхъ рѣчей. Чарторыскіе выдвинули впередъ Ходкевича. Человѣкъ весьма ограниченный, но, по своей преданности фамиліи Чарторыскихъ, успѣвшій сдѣлаться старостою и затемъ

[1]) Волконскій Панину, 1-го (12) октября, № 56.

Digitized by Google

находившагося въ Россіи воеводы краковскаго Ржевускаго, Ходкевичъ, выйдя первымъ на ораторскую трибуну, могъ говорить только чужую рѣчь, которая и была составлена прежнимъ канцлеромъ Замойскимъ, наперсникомъ Чарторыскихъ. Ходкевичъ возставалъ противъ дѣйствій русскаго правительства, хотя и не прямо, потому что рѣчь его выдержала предварительную цензуру Чарторыскихъ.

Боясь прямо и открыто возставать противъ дѣйствій русскаго кабинета, все собраніе кричало и возставало противъ поступковъ бывшаго посла князя Репнина, жалуясь, что онъ заключилъ трактатъ насиліемъ.

Постановленія совѣта долгое время содержались въ тайнѣ и состояли въ томъ, что рѣшено было отправить депутата къ нашему двору. Выборъ палъ на литовскаго мечника Огинскаго, человѣка недалекаго, мало значущаго, но приверженнаго Чарторыскимъ. Съ нимъ постановлено было отправить жалобу на дѣйствіе князя Репнина и объяснить, что онъ, при заключеніи трактата, употребилъ силу.

Поступки Чарторыскихъ въ созваніи совѣта не пользовались одобреніемъ ни конфедератовъ, ни народа. Конфедераты поздравили Огинскаго за принятіе на себя званія посланника тѣмъ, что разорили въ конецъ его деревни. Они доказали тѣмъ благодарность сенатскому совѣту, собранному, по словамъ короля, для пользы націи.

— Совѣтъ этотъ дѣлаетъ стыдъ полякамъ, говорилъ Волконскій. Промолчавши столько времени, поляки только теперь вздумали жаловаться на насилія князя Репнина. Отчего же тогда никто ничего не говорилъ, а напротивъ того, тотъ же сенатскій совѣтъ просилъ у насъ помощи на возставшихъ противъ учрежденій послѣдняго сейма и даже для усмиренія ихъ употребляли собственныя войска республики.

Въ понедѣльникъ, 28-го сентября (9 октября), послѣ обѣда король пригласилъ къ себѣ Волконскаго.

— Правда ли, спрашивалъ его король, что вы недовольны сенатскимъ совѣтомъ?

— Безполезно объ этомъ и спрашивать меня, отвѣчалъ тотъ, потому что я прежде о томъ говорилъ. Принимая же искреннее участіе во всемъ томъ, что касается вашего величества, не могу безъ сожалѣнія смотрѣть на поступки, къ которымъ приводятъ васъ князья Чарторыскіе и Любомирскій.

Король просилъ объяснить ему эти слова.

— Ваше величество не можете не признаться въ томъ, сколько вреденъ вамъ самимъ сенатскій совѣтъ, какъ для соб-

Digitized by Google

ственнаго вашего благополучія, такъ и для славы, которую вы теперь затмили, если бы захотѣли разсмотрѣть то безпристрастно своими, а не чужими глазами.

— Всему свѣту извѣстно, продолжалъ Волконскій, что вы короною своею обязаны единственно нашей всемилостивѣйшей государынѣ, которая, доставивъ вамъ ее, доставила и такіе авантажи, которые могутъ сдѣлать царствованіе ваше благополучнымъ. Для удержанія васъ на тронѣ ея императорское величество ведетъ теперь непріязненныя дѣйствія противъ турокъ, которые объявили войну намъ единственно потому только, что вы король. Справедливость этого вы могли видѣть изъ ихъ манифестовъ, и объявленія отъ Порты войны Польшѣ. Турки обѣщали и дали протекцію возмутителямъ, которые стараются о вашемъ низверженіи; разорили часть областей республики, перерубили и побрали въ плѣнъ вашихъ подданныхъ, да и всей бы Польшѣ подобный жребій достался, еслибы оружіе ея императорскаго величества тому не воспротивилось. Съ помощію Божіею турки побиты и приведены въ такое состояніе, въ коемъ, конечно, вредить вамъ не могутъ. Точно такое же стараніе прилагается съ нашей стороны къ усмиренію мятежниковъ и успокоенію Польши. Нѣтъ сомнѣнія, мы успѣли бы и въ этомъ, если бы не препятствовали злонамѣренныя лица, изъ коихъ главнѣйшія составляютъ вашъ совѣтъ, какъ напримѣръ: кромѣ Чарторыскихъ, бывшій канцлеръ Замойскій, вице-канцлеры: коронный Боркъ и литовскій Преждецкій. Цѣлость и благополучіе выше зависитъ отъ Россіи, согласіе съ которою можетъ сдѣлать васъ счастливымъ, а несогласіе, къ которому вы приступаете, лишитъ васъ ея дружбы и слѣдовательно подвергнетъ лишенію короны и всѣмъ послѣдующимъ злополучіямъ. Не смотря на всѣ сіи уваженія, забывъ одолженіе Россіи, и вопреки моимъ представленіямъ, собрали вы совѣтъ, на которомъ опредѣлили послать министровъ въ Англію и Голландію, чтобы такъ сказать черезъ ихъ медіацію (посредство) испросить прощенія у Порты. Что же подумаетъ цѣлая Европа объ этомъ подломъ поступкѣ, и не потерпитъ ли отъ того собственная ваша слава, о пріобрѣтеніи которой вы столько стараетесь?

— Я сдѣлалъ это, отвѣчалъ король, въ пользу націи и въ свое оправданіе о ненарушеніи карловицкаго трактата. Я не могъ болѣе упорствовать противъ тѣхъ лицъ, которыя требовали сенатскаго совѣта и согласился на его созваніе.

— Не стыдно ли вашему величеству приписывать насилію князя Репнина все сдѣланное на послѣднемъ сеймѣ, когда вы знаете, что все это апробовано ея императорскимъ величествомъ.

Digitized by Google

Да и за чѣмъ же вы сами съ сеймомъ ратификовали это дѣло? Пускай частныя лица боялись какого-либо противу себя насилія отъ князя Репнина, который, впрочемъ, не могъ бы на то поступить безъ повелѣнія его двора, но ваше величество чего боялись, вѣдь князь Репнинъ васъ не взялъ бы? Сверхъ того, зачѣмъ вы молчали до сихъ поръ, а теперь, когда должны вы были быть наиболѣе благодарнымъ Россіи, за избавленіе отъ турокъ и отъ своихъ національныхъ злодѣевъ, теперь вы вздумали начинать разрывъ съ Россіею. Жалобы на князя Репнина, я считаю только слабымъ предлогомъ къ разрыву съ нами дружбы, разрыву, къ которому приводятъ васъ совѣтники ваши. Вы идете противъ всего сдѣланнаго Россіею въ пользу вашей націи, требуя вывода войскъ, кои одни удерживаютъ васъ на тронѣ и посылая министровъ къ такимъ дворамъ, какъ напр. французскій, который всячески старается о вашей пагубѣ. Называя до сихъ поръ взволновавшихъ противъ васъ, подъ предлогомъ вѣры и вольности жителей польскихъ—фанатиками, теперь сами тѣхъ же мыслей, и употребляете тѣже мѣры, какъ бы вѣра и вольность ваша были атакованы. Предоставляю разсмотрѣть вашему величеству и рѣшить, какое остается сдѣлать нашему двору заключеніе изъ всего вашего поведенія и какіе могутъ произойти изъ этого слѣдствія? Я скажу только, что тѣ, которые ведутъ васъ въ эту бездну, не будутъ въ состояніи потомъ избавить васъ отъ несчастія, и вы раскаетесь, но раскаяніе можетъ быть уже поздно.

Король былъ крайне озадаченъ этими словами. Остолбенѣвъ, стоялъ онъ передъ Волконскимъ и не зналъ, что̀ сказать.

— Я не думалъ сдѣлать что-либо непріятное ей, проговорилъ онъ послѣ увѣреній въ своей преданности императрицѣ, но, будучи полякъ—долженъ былъ показать націи свое попеченіе о ея благоденствіи.

Волконскій видѣлъ, что всѣ усилія его останутся напрасными и что король «безъ Чарторыскихъ и Любомирскаго дохнуть не смѣетъ».

— Впрочемъ, сказалъ Волконскій Чарторыскимъ, если я найду въ инструкціи вашего посланника хотя одно слово, непріятное нашему правительству, и если вы объ ней не согласитесь со мною, то не только посланникъ не будетъ допущенъ на аудіенцію къ нашему двору, но я и паспорта ему не дамъ [1]).

Постановленія сенатскаго совѣта все еще содержались въ большомъ секретѣ и не были объявлены. Король отговаривался тѣмъ,

[1]) Волконскій Панину, 27 сент. (8 окт.), № 59.

Digitized by Google

что не всѣ члены подписали, и потому не публикуется. На самомъ же дѣлѣ, Чарторыскіе, боясь, что дѣйствительно Огинскаго могутъ не принять въ Петербургѣ, перекраивали постановленіе, и, сохранивъ общій смыслъ, значительно смягчали выраженія, касавшіяся Россіи. Въ такомъ новомъ костюмѣ оно и было впослѣдствіи передано Волконскому. Передѣлка и перекраиваніе не укрыли, однакоже, намѣреній и видовъ Чарторыскихъ, твердо рѣшившихся хлопотать объ уничтоженіи трактата, не укрыли и того, что постановленіе совѣта служитъ первымъ къ тому шагомъ.

2 (13) октября было послѣднее засѣданіе сенатскаго совѣта, на которомъ прочтены и утверждены инструкціи посланникамъ, назначеннымъ для отправленія къ русскому двору, въ Англію и Голландію.

Инструкціи эти, какъ и всѣ тёмныя дѣла Чарторыскихъ, содержались въ секретѣ до такой степени, что запрещено было выдавать съ нихъ копіи даже и сенаторамъ. Волконскій могъ узнать содержаніе ихъ только изъ словъ графа Гуровскаго, который, при чтеніи, записывалъ вкратцѣ ихъ содержаніе.

«Съ Огинскимъ — писалъ Волконскій [1]) — назначенъ дядькой королевскій секретарь Playre, бывшій уже въ Россіи съ графомъ Ржевусскимъ, и вашему сіятельству извѣстный. Огинскій не хотѣлъ его брать прежде, говоря, что онъ не католикъ и Богу не будетъ угодно употреблять еретиковъ для защищенія вѣры, но какъ помянутый Playre есть креатура великаго маршала короннаго и любовникъ его жены, то и Огинскій принужденъ его съ собою взять».

Король не только не унывалъ послѣ всѣхъ этихъ, по его мнѣнію, геройскихъ поступковъ, но былъ веселѣе прежняго и внутренно радъ всему происходившему. Понятовскій видѣлъ въ этомъ свою самостоятельность.

Замѣчаніе Волконскаго, что Чарторыскіе доведутъ его до погибели, что прусскій король совѣтуетъ ему держаться Россіи и, слѣдовательно, не можетъ быть доволенъ теперешнимъ его поведеніемъ, король выслушалъ, промолчалъ и, улыбнувшись, отошелъ отъ Волконскаго; такъ велико было его упоеніе въ геройскомъ поступкѣ.

Чарторыскіе не скрывали того, что они никогда не были на столь твердой ногѣ, какъ теперь.

— Россія не можетъ быть довольна поведеніемъ вашимъ, замѣчали имъ нѣкоторые, и, конечно, вамъ не уступитъ.

— Правда, отвѣчалъ на это воевода русскій, что первый

[1]) Панину, 2 (13) ноября, № 74.

Digitized by Google

ударъ, можетъ быть, очень чувствителенъ будетъ, но время все успокоитъ.

— Ничего не можетъ быть лучше и счастливѣе для Польши, проповѣдывалъ вице-канцлеръ Боркъ, какъ собраніе сенатскаго совѣта, — онъ есть залогъ спокойствія и національнаго благополучія.

Императрицѣ Екатеринѣ было крайне непріятно извѣстіе о созваніи сенатскаго совѣта. Она сожалѣла о «новомъ умноженіи и безъ того уже изъ всѣхъ предѣловъ выходящей конфузіи, а особливо о толь явномъ и безразсудномъ возстаніи самаго короля противу общаго нашего дѣла» [1]).

Прусскій резидентъ получилъ приказаніе отъ берлинскаго двора противиться созванію совѣта, но приказанія эти пришли поздно, и онъ долженъ былъ ограничиться однимъ заявленіемъ и внушеніемъ королю держаться Россіи.

— Я иначе поступать не могу и долженъ жертвовать всѣмъ для націи, проговорилъ ему король свой заученный отвѣтъ.

У короля ежедневно собирался тайный совѣтъ. Совѣтъ этотъ составляли дяди короля князья Чарторыскіе, вице-канцлеры: Боркъ и Преждецкій, и бывшій канцлеръ Замойскій. Предметъ совѣщаній и самые результаты ихъ сохранялись въ большомъ секретѣ. По Варшавѣ распускали слухи, что если Огинскаго не примутъ въ Петербургѣ, то король отправитъ во Францію посломъ краковскаго воеводу Равскаго, «человѣка, хотя и противнаго о сю пору здѣшнему (польскому) двору, но преданнаго Франціи».

«Теперь всѣ ожидаютъ изъ Петербурга отвѣта на сенатскій совѣтъ—доносилъ Волконскій [2])—послѣ коего многіе ко мнѣ ласкаются, видя безобразіе сего поступка и дивясь поведенію короля и Чарторыскихъ, изъ коихъ о первомъ знаютъ, что безъ насъ недѣли не усидитъ на своемъ престолѣ, а о послѣднихъ сумнѣваются, чтобы вышли здоровы изъ сего дѣла».

При всемъ увлеченіи своимъ мнимымъ геройствомъ, Понятовскій понималъ шаткость своего положенія. Рѣшеніе сенатскаго совѣта и самое его созваніе заставили короля принять мѣры къ оправданію себя передъ русскимъ дворомъ. Понятовскій, въ которомъ, по словамъ Панина, «остается только одна тѣнь его собственнаго моральнаго бытія», отправилъ собственноручныя письма къ императрицѣ и къ графу Панину, въ которыхъ, оправдываясь въ своихъ поступкахъ, силился доказать

---

[1]) Панинъ Волконскому, 30 октября.

[2]) Тамъ же.

Digitized by Google

всю необходимость въ созваніи сенатскаго совѣта. Онъ упрашивалъ принять отъ него посольство и признать необходимымъ все то, что постановлено въ сенатскомъ совѣтѣ.

Польскій резидентъ, Псарскій, получилъ также отъ короля длинную депешу, составленную «въ его легкомысленной польской реторикѣ» оправданія своего передъ русскимъ правительствомъ. Псарскій представилъ эту депешу въ оригиналѣ. Графъ Панинъ оставилъ его безъ всякаго вниманія [1]).

— По одному человѣчеству, сказалъ онъ польскому резиденту, надо сожалѣть о томъ, что когда влекутъ вашего короля къ доскональной погибели, онъ самъ еще своимъ краснорѣчіемъ силится затмить погибель передъ собою и передъ другими. Король забываетъ множество прошедшихъ и бывшихъ съ нимъ примѣровъ, что гдѣ только онъ располагалъ собою, по дудкѣ своихъ дядей, тамъ всегда и вездѣ происходили для него оскорбительные обороты.

Псарскій согласился съ мнѣніемъ графа.

— Истину эту чувствую я во всемъ пространствѣ, отвѣчалъ онъ Панину, и иного сдѣлать не могу, какъ только оную оплакивать.

Екатерина II поручила графу Панину отвѣчать отъ своего имени на оба письма короля, не желая лично входить «въ раздробленіе многихъ королю польскому непріятныхъ и чувствительныхъ правдъ».

Панинъ укорялъ короля въ несообразности его поведенія, въ его легкомысліи, непостоянствѣ и безразсудности. Онъ писалъ, что слава короля и польза Польши зависятъ единственно отъ Россіи, что отклоненіе отъ нея вовлечетъ его въ пропасть «*уже растворенную*», и въ которую дяди его стараются втащить всѣми силами.

Изъ Петербурга сообщили, что «*нескладное польское*» посольство принято не будетъ. Волконскому приказано стараться воспрепятствовать отправленію посольствъ къ другимъ державамъ и не обѣщать полякамъ уступки Молдавіи, какъ страны завоеванной русскимъ оружіемъ, безъ ихъ участія.

«Доколѣ не узнаемъ мы чрезъ ваше сіятельство — писалъ графъ Панинъ — какое дѣйствіе произведутъ у короля новыя наши толь сильныя и толь ясныя изъясненія, а наипаче формальной ему отказъ, въ допущеніи сюда опредѣленнаго сенатомъ посольства, о чемъ вы и ко всему министерству республики прямо и наотрѣзъ отозваться можете, до тѣхъ поръ, также

[1]) Панинъ Волконскому, 4 декабря 1769 г.

Digitized by Google

и до полученія отъ васъ плана благонамѣренной конфедераціи, къ подкрѣпленію которой деньги уже готовы, не можемъ мы здѣсь ничего рѣшительнаго на мѣрѣ положить, дабы послѣ въ собственныхъ резолюціяхъ не повстрѣчать прекословія. Но между тѣмъ, на всякій случай долженъ я въ запасъ увѣдомить ваше сіятельство, по высочайшей волѣ, что ея императорское величество, для пользы дѣлъ и службы ея, въ составленіи благонамѣренной конфедераціи, и въ пріобрѣтеніи къ оной и къ намъ опять короля, изволила сама за необходимо нужно признать, дабы старики Чарторыскіе, не только вовсе отъ дѣлъ исключены и удалены, но и чтобъ еще съ освобожденіемъ изъ порабощенія изъ его польскаго величества, весь ихъ кредитъ, въ націи, да и самыя средства къ возвращенію онаго себѣ въ другое время, единожды въ конецъ опровергнуты и истреблены были.

«Ничто къ доставленію сего вида свойственнѣе быть можетъ собственнаго вашего сіятельства принятаго намѣренія присоединить къ составляемой благонамѣренной конфедераціи фамилію графа Мнишка и Потоцкихъ. Ея императорское величество изволитъ потому совершенно апробовать оное: но въ то же время и надѣется она, что вы, руководствуясь обыкновеннымъ вашимъ благоразуміемъ и пріобрѣтеннымъ знаніемъ людей, нравовъ и мыслей ихъ, не оставите сами собою употреблять кстати и ко времени, всѣ нужныя и пристойныя осторожности въ разсужденіи замысловъ и коненсій сихъ фамилій, будучи довольно и предовольно извѣстны, что они желаютъ паче всего низверженія съ престола нынѣшняго короля польскаго, и возведенія на оной владѣтельнаго курфирста саксонскаго, чему напротивъ персональная слава государыни императрицы, достоинство ея короны и существительнѣйшіе интересы имперіи въ высшей степени опорствуютъ.

«Излишне было бы изображать здѣсь тѣ важныя статскія резоны, кои дѣлаютъ для Россіи необходимо нужными, съ одной стороны неустройство въ правленіи польскомъ, а съ другой подъ тѣнію онаго пріобрѣтеніе и сохраненіе превосходной въ ней инфлюенціи. Одно и другое способствуетъ сооруженію независимой нашей сѣверной системы, и находятся, натурально, въ неразрывной связи съ цѣлостію ея, которая одна доставляетъ намъ роль державы перваго класса, вмѣсто того, что Россія, при всемъ своемъ могуществѣ, не выходила изъ второго, до тѣхъ поръ, какъ мудрость и великость духа нынѣ царствующей Екатерины, даровали политикѣ ея новую жизнь и новое познаніе естественныхъ своихъ силъ и выгодъ.

Digitized by Google

«Когда сія истина ничѣмъ оспорена быть не можетъ, то нельзя равномѣрно прекословить и основанному на оной политическому правилу, что въ Польшѣ король Піастъ для насъ способнѣе и полезнѣе, нежели король изъ сильныхъ владѣтельныхъ князей. Піастъ, какой бы фамиліи ни былъ, и сколько бы ни имѣлъ богатства, какъ партикулярный человѣкъ, не будетъ онымъ въ короляхъ богатъ, ни страшенъ націи, а еще менѣе кромѣ насъ однихъ, яко авторовъ возвышенія и цѣлости его, зависимъ отъ постороннихъ дворовъ, въ политикѣ своей, ибо она въ тѣсныхъ предѣлахъ собственной только безопасности ограничиваться должна будетъ, буде мы сами не дозволимъ ей когда пространнѣйшихъ, смотря по обстоятельствамъ и по собственнымъ нашимъ интересамъ.

«Напротивъ того, король изъ владѣтельныхъ принцовъ, имѣя собственныя земли, а съ ними и силы, можетъ скорѣе сдѣлаться властительнымъ, если только умѣть будетъ искусно пользоваться выгодами своими, а по крайней мѣрѣ особливыми своими интересами заводить Польшу въ зависимость другихъ дворовъ.

«По всему тому весьма непремѣнно высочайшее ея императорскаго величества намѣреніе имѣть въ Польшѣ короля Піаста, въ слѣдствіе чего, и въ случаѣ той крайности, когда-бъ нынѣшній король польской легкомысліемъ, непостоянствомъ и безразсудностію своею, довелъ себя напослѣдокъ до потерянія короны, необходимо надобно будетъ, чтобы сіе сдѣлалось не иначе, какъ собственнымъ же нашимъ подвигомъ, и чтобъ новый король, равномѣрно изъ Піастовъ нами же одними возведенъ былъ, дабы Франція, коей заговоръ и ухищренія къ той одной цѣли безпрерывно стремятся, не могла показать свѣту, что первое и въ самомъ существѣ одною Россіею безпосредственно сооруженное дѣло, не могло быть прочно и не могло устоять противу ея коварства, ухищренія и работы, за недостаткомъ внутреннихъ силъ самой Россіи.

«Весьма надобно желать, чтобъ не насталъ случай къ исполненію сего твердаго и непремѣннаго правила всемилостивѣйшей государыни, къ чему ваше сіятельство, конечно, всѣ свои силы неутомленно напрягать будете, а оно само по себѣ тѣмъ меньше можетъ сносить какое-либо изъятіе, что основывается еще 1) на торжественныхъ обязательствахъ съ королемъ прусскимъ, которыя во всей своей силѣ ненарушимо настоятъ и составляютъ самой базисъ взаимнаго нашего союза, также и существительнаго бытія сѣверной независимости, а наипаче 2) на очевидной и въ прошлыя времена испытаніемъ подтвержденной опасности подчиненія инфлюенціи нашей въ Польшѣ, при воз-

Digitized by Google

веденіи на престолъ курфирста Саксонскаго, постороннимъ, разнообразнымъ и часто перемѣняющимся интересамъ наслѣдственныхъ его земель, которыя, по критическому ихъ положенію между владѣніями вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, яко естественныхъ между собою соперниковъ, и по разнымъ еще конненсіямъ между сими и версальскимъ дворами, могутъ весьма часто переходить изъ связи въ связь, таща всегда за собою Польшу, въ ту или другую сторону, что отнюдь не можетъ согласовать съ началомъ и намѣреніемъ принятой ея императорскимъ величествомъ единожды навсегда независимой сѣверной системы, развѣ захотѣть вовсе оную оставить и жертвовать ею мелкимъ временнымъ неудобствомъ и уваженіемъ [1]).»

Письмо графа Панина было передано королю черезъ брата его, оберъ-камергера короннаго. Варшавскій дворъ пришелъ въ безпокойство. Братъ короля поѣхалъ для переговоровъ къ князю Волконскому, а самъ король, захвативъ письма, отправился за тѣмъ же къ дядѣ своему, канцлеру литовскому. Послѣдній успѣлъ настроить короля такъ, что Понятовскій, вскорѣ послѣ того, встрѣтилъ Волконскаго въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Поступокъ мой не можетъ быть противенъ нашей всемилостивѣйшей государынѣ, говорилъ Понятовскій, послѣ обычныхъ привѣтствій и клятвъ въ своей преданности русской императрицѣ.

Волконскій старался втолковать, сколько ослѣпленъ онъ, и сколько близка его погибель, если онъ не перемѣнитъ своего поведенія. Совѣты и убѣжденія оставались однакоже безъ дѣйствія. Король оставался непреклоненъ, будучи наэлектризованъ Чарторыскими.

— Я полякъ, отвѣчалъ онъ на всѣ доводы, и долженъ же доказать націи, что стараюсь объ ея избавленіи.

Волконскій укорялъ Понятовскаго въ исканіи покровительства у Франціи, тогда, когда самъ король хорошо знаетъ нерасположеніе ея и къ Польшѣ и къ Россіи.

— Правда-ли—какъ носятся слухи—что во Францію отправляется посолъ? спросилъ Волконскій.

— Посольство во Францію, отвѣчалъ король, опредѣлено сенатскимъ совѣтомъ, но я не знаю еще, будетъ-ли оно отправлено.

Поведеніе короля не измѣнилось и тогда, когда представитель Пруссіи, именемъ своего короля, совѣтовалъ ему, если хочетъ быть счастливымъ, сохранять согласіе съ Россіею.

---

[1]) Панинъ Волконскому, отъ 30-го октября.

Digitized by Google

— Мнѣ нельзя поступать иначе, какъ теперь, такъ и на будущее время, говорилъ король представителямъ обѣихъ державъ. Мое званіе требовало показать націи попеченіе о ней; да впрочемъ, надобно же и мнѣ нажить хорошее имя въ свѣтѣ.

— Оставьте совѣтниковъ вашихъ, кои причиною всему злу, говорилъ Волконскій.

— Это невозможно: совѣтники мнѣ даны законами, отвѣчалъ король.

— Законы, учредивъ совѣтниковъ, не обязываютъ короля имѣть ихъ конфидентами, и слѣпо позволять имъ себя водить, какъ вы дѣлаете. Надѣетесь-ли вы остаться на тронѣ хотя недѣлю, если ея величество отниметъ отъ васъ свою руку?

Король не отвѣчалъ и только пожалъ плечами.

Тайныя совѣщанія у короля продолжались по прежнему. Понятовскій былъ окончательно усыпленъ своими совѣтниками и «не только не унылъ, но еще противъ прежняго больше храбрится». Совѣтники его съ каждымъ днемъ пріобрѣтали большую надъ королемъ власть и значеніе.

— Король отъ насъ никогда не отстанетъ, говорилъ открыто и во всеуслышаніе Боркъ, и Россіи не видать его въ своихъ рукахъ.

— Мы никогда въ лучшемъ состояніи не были и такою Польшу никогда не видали, говорили канцлеръ литовскій и маршалъ Любомирскій.

— Своимъ поведеніемъ, говорилъ Борку епископъ куявскій, вы губите себя, да и другихъ въ туже погибель влечете, осмѣлясь возстать противу Россіи, отъ которой одной можно ожидать помощи, и въ особенности въ такое время, когда она осталась побѣдительницею турокъ.

— Намъ Россіи бояться нечего, отвѣчалъ Боркъ, ибо хотя она въ сей кампаніи и побѣдила турокъ, но въ будущую, конечно, отъ нихъ побита будетъ. Если бы даже и этого не случилось, то вся Европа, ревнуя возвышенію Россіи, вступится за Польшу, а особенно Австрія, которая вѣрно не будетъ смотрѣть, поджавъ руки, на превосходство Россіи надъ турками. Она вступится за Польшу для того только, чтобы перечить Россіи. Россія, хотя и имѣетъ силу въ рукахъ, но не смѣетъ однако же ни насъ лично, ни имѣній нашихъ тронуть, какъ-то по сю пору и видно. Вамъ и прочимъ совѣтую ничего не бояться.

«Его величество между тѣмъ, доносилъ Волконскій [1]), старается, кого примѣтитъ намъ преданнымъ, отвлекать и къ себѣ привязывать, обѣщая разныя награжденія. Публика здѣшняя, ко-

[1]) Пиншу, 18-го (29-го) ноября, № 76.

Digitized by Google

торая ожидала, что, по крайней мѣрѣ, король отъ насъ оставленъ будетъ и слѣдовательно корону потеряетъ, ждетъ теперь съ нетерпѣніемъ, какъ сіе кончится.»

На всѣ замѣчанія Волконскаго король вообще только отмалчивался и старался какъ можно рѣже видѣться съ представителями двухъ дворовъ, русскаго и прусскаго. При свиданіяхъ же и аудіенціяхъ онъ твердилъ только и повторялъ въ сотый разъ свои увѣренія въ преданности къ русской императрицѣ [1]).

— Я охотно все готовъ дѣлать, повторялъ король, что вы желаете, но совѣтниковъ своихъ по вашему требованію оставить не могу, ибо они мнѣ даны законами.

— Законы, повторялъ въ свою очередь Волконскій, не обязываютъ васъ имѣть конфидентами такихъ людей, кои влекутъ васъ къ погибели. По дѣламъ внутреннимъ, они могутъ отправлять свои должности и быть по онымъ въ вашемъ совѣтѣ, но въ матеріяхъ, касающихся до персональнаго благополучія вашего величества, и до происходящаго отъ того благоденствія республики, можете избрать въ совѣтники добрыхъ патріотовъ и людей безпристрастныхъ, какъ-то напр., графовъ Флеминга и Браницкаго. Они любятъ отечество, преданы вамъ, и фамильныхъ интересовъ не имѣютъ, подобно Чарторыскимъ, которые всѣ сіи замѣшательства имѣютъ причину умножать. Если бы и довели они до того, что ея императорское величество отняла отъ васъ свою руку помощи, и вы бы, слѣдовательно, лишились короны, то повѣрьте, они не мало не остановятся принести васъ въ жертву, въ пользу князя Адама и маршала Любомирскаго, если бы своимъ пронырствомъ имъ удалось найти къ тому дорогу.

— Чарторыскіе мнѣ родня, отвѣчалъ король, и отстать отъ нихъ я не могу, но буду поступать по вашему желанію.

— Вы будете поступать по нашему желанію съ ихъ совѣта? спросилъ Волконскій.

— Да, отвѣчалъ король.

— Ихъ совѣты и несогласія со мною по дѣламъ вамъ вредны; ваше величество не имѣете ни малѣйшей довѣренности ко мнѣ, какъ послу такой монархини, отъ которой одной зависитъ все ваше благоденствіе....

— Неправда, перебилъ его король, не слѣдуетъ вѣрить всѣмъ слухамъ. И до меня доходили слухи, что вы противъ меня пишете своему двору, но я однако же тому не вѣрю.

— Я пишу вообще о всемъ томъ, о чемъ говорю съ вами, и если въ словахъ вашего величества находится что-либо про-

[1]) Волконскій Панину, 27-го ноября (8-го декабря), № 80.

Digitized by Google

тивное дружбѣ ея величества и, слѣдовательно, вашимъ интересамъ, то ни мало не умалчиваю, ибо вѣрность подданнаго того требуетъ, хотя и дѣлаю то съ сожалѣніемъ по личной моей къ вамъ привязанности и по дружбѣ, которую ваши родители, да и сами вы, съ самаго малолѣтства ко мнѣ имѣли.

— Сколько отъ меня зависѣло, продолжалъ Волконскій, я старался отвращать вредные вамъ поступки, о которыхъ могъ провѣдать стороною, какъ напр., о публикаціи универсала и о первомъ намѣреніи собрать сенатскій совѣтъ. Вторично вы приняли столь тайныя мѣры къ его созванію, что я узналъ о томъ въ самый день его публикаціи. На кого же надѣетесь вы, если наша всемилостивѣйшая государыня отъ васъ отступится и повелитъ, согласно собственнаго вашего требованія, вывести отсюда свои войска, находящіяся для личнаго подлержанія вашей особы? Останетесь-ли вы тогда хотя недѣлю на тронѣ?

— Можетъ быть, отвѣчалъ король; но вы сами тогда висѣли на ниткѣ, прибавилъ онъ, какъ бы въ собственное оправданіе. Слава Богу, что война такъ благополучно переворотилась...

— Но спаслись-ли бы вы, перебилъ Волконскій короля, если бы турки одержали верхъ надъ нами, и какую бы пользу вамъ принесъ въ этомъ случаѣ совѣтъ, ибо извѣстно, что нація васъ ненавидитъ, и вы держитесь на престолѣ только одними нашими войсками.

— Польза отъ предпріятій не такъ скоро происходитъ. Предпочитая всему званіе патріота, я обязанъ былъ сдѣлать какой-либо поступокъ въ пользу націи.

— Кого вы подразумѣваете подъ словомъ *нація*? не тѣхъ ли, которые взбунтовались противу васъ подъ предлогомъ защиты вѣры и вольности, отъ которыхъ ея величество васъ защищаетъ, и въ которыхъ ни малой благодарности сей вашъ поступокъ не произвелъ. Да хотя бы то и воспослѣдовало, и та нація, т. е. возмутители, къ вамъ пристала, то неужели бы вы подняли вмѣстѣ съ ними оружіе противъ своей благодѣтельницы?

— Оружія бы не поднялъ, отвѣчалъ король, а старался бы ихъ уговорить и склонить къ успокоенію. Я надѣюсь, что ничего противнаго нашей всемилостивѣйшей государыни не сдѣлалъ, а поступаю по долгу сына, любящаго свое отечество, сказалъ король при окончаніи разговора.

При такомъ упорствѣ короля, нашъ кабинетъ рѣшился на новую, болѣе рѣшительную мѣру, а именно на удаленіе Чарторыскихъ отъ дѣлъ и на составленіе «благонамѣренной конфедераціи.» Такому плану могло много содѣйствовать и то обстоятельство, что въ Польшѣ многіе ненавидѣли Чарторыскихъ, но

Digitized by Google

не только возстать, да и говорить открыто противу нихъ никто не смѣлъ. По мнѣнію многихъ поляковъ, открытіе коронной конфедераціи было единственнымъ путемъ къ спасенію Польши.

«По представленію вашему, писала Екатерина II Волконскому [1]), о потребныхъ деньгахъ на составленіе благонамѣренной конфедераціи, въ пользу нашихъ, руководству вашему ввѣренныхъ дѣлъ въ Польшѣ, повелѣли мы отправить къ вамъ при семъ рескриптѣ разные векселя и кредитивное письмо, на двѣсти тысячь рублей, кои вы по онымъ въ свое время и принять имѣете.

«Мы съ полною довѣренностію поручая дознанной вашей вѣрности, искусству и осмотрительности употребленіе сей суммы кстати и ко времени, отнюдь не сомнѣваемся, что вы, соединяя тутъ пользу и поспѣшествованіе дѣлъ съ благоразумною экономіею, не будете съ одной стороны денегъ напрасно тратить, а съ другой, и сохраненіе ихъ предпочитать существительной нуждѣ, и случающейся по временамъ вѣроятности большихъ успѣховъ.

«Съ равною же довѣренностію даемъ мы вамъ по другому вашему представленію полную свободу открыть благонамѣренную конфедерацію, и до отправленія еще къ намъ на апробацію поставляемаго вами на мѣрѣ плана оной, или же до полученія на него рѣшительныхъ нашихъ резолюцій, въ томъ случаѣ крайности, когда вы достовѣрно усмотрите и спознаете, что лукавые князья Чарторыскіе, проникнувъ намѣреніе наше, начнутъ вопреки онаго явно работать...

«Такимъ образомъ, въ семъ случаѣ крайности имѣетъ оставаться долгомъ собственнаго вашего попеченія, опредѣлить въ обстоятельствахъ тотъ градусъ нужды, гдѣ открытіе благонамѣренной конфедераціи долженствуетъ предшествовать всѣмъ другимъ уваженіямъ; въ чемъ мы на благоразуміе и проницаніе ваше надежно полагаясь, и отъ нихъ всего лучшаго ожидая, пребываемъ вамъ впротчемъ» и проч.

Въ смыслѣ этого рескрипта и началъ дѣйствовать князь М. Н. Волконскій, когда 1769-ый годъ уже приближался совсѣмъ къ концу.

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Въ рескриптѣ, отъ 31-го октября 1769 года.

Digitized by Google

ДАЧА НА РЕИНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I*).

ПОДЗЕМНЫЕ ТОЛКИ.

Красуется душистая земляника на зеленой полянѣ; и на глазъ-то ягода красивая, да и на языкѣ вкусна.

Еслибъ можно было проникнуть въ самую земную утробу и подслушать, что тамъ толкуется у самаго корня растенія—мы навѣрное услыхали бы, какъ аммоніакъ, вещество не особенно пріятнаго вида и запаха, самодовольно улыбаясь, хвалится: «Что бы тутъ было безъ меня?!»

Кали, напротивъ, вещество бѣлое, блестящее, съ пріятнымъ запахомъ, не имѣетъ нужды заявлять о своихъ заслугахъ. Одинъ видъ его уже самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, и онъ можетъ говорить: «За меня весь ученый міръ!»

Кремневая кислота покоится, довольная собой, и восклицаетъ: «Я здѣшняя первобытная обитательница: чего домогаются мои недолговѣчные товарищи?! Творенье вчерашняго дня, они завтра исчезнутъ; но я уже многое пережила: на все мода!»

Личинка майскаго жука съ наслажденіемъ грызетъ корень,

---

*) См. выше, сентябрь, октябрь и ноябрь, 1868.

Digitized by Google

щуритъ свои глазенки и думаетъ: «Они-то тамъ радуются тому, что служатъ другимъ, а я, — я только ѣмъ!» Дождевой червь, сгибая свою спинку, и разгибаясь, пробирается на верхъ и гордится тѣмъ, что прорываетъ каналы и прокладываетъ дороги, съ помощью которыхъ тамъ внизу все движется и питается. Кротъ, гнѣздящійся неподалеку, подстерегаетъ минуту, когда личинка, насытившись, заснетъ, и въ свою очередь пожираетъ ее.

Точь-въ-точь, какъ внизу у корня, такъ и на верху, въ обширной людской на виллѣ Эдемъ, жизнь кипитъ и проявляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Господинъ Зонненкампъ держится въ своемъ хозяйствѣ одного мудраго правила, которое многіе находятъ жестокимъ: въ число его слугъ не допускаются женатые. Онъ вообще хорошо людямъ платитъ, они ни въ чемъ не терпятъ нужды, но на семейную жизнь не должны посягать. Ни одинъ нищій никогда не проникаетъ въ его тщательно содержимый садъ, гдѣ онъ, чего добраго, могъ бы нарушить порядокъ. У входа кастелянъ обыкновенно подаетъ ему милостыню, и старая кухарка не рѣдко ворчитъ на то, что пропадаютъ даромъ остатки кушаньевъ, которые могли бы насытить многихъ и многихъ голодныхъ.

Полдень. Здѣсь обѣдаютъ задолго до того времени, когда наступаетъ пора накрывать столъ для господъ. Два конюха и третій кучеръ, на которыхъ лежитъ обязанность стеречь конюшни, обѣдаютъ отдѣльно и въ глубокомъ молчаніи; затѣмъ они идутъ освобождать отъ ихъ занятій остальныхъ слугъ, и тѣ, въ свою очередь, обѣдаютъ.

Первое лице здѣсь — главный поваръ, для краткости называемый шефомъ. Его высокая, дородная фигура одѣта вся въ бѣлое; лице у него безбородое съ крючковатымъ носомъ, какъ у копчика. Онъ тутъ разыгриваетъ роль маркиза. Говоритъ онъ на какомъ-то необыкновенномъ нарѣчіи, что, однако, вовсе не мѣшаетъ ему ловко справляться съ подчиненными ему кухарками.

Два конюха и кучеръ отобѣдали. На длинномъ столѣ накрываютъ болѣе дюжины приборовъ, и въ комнату начинаютъ собираться слуги.

Прежде всего появляется,— или лучше сказать ему всѣ уступаютъ дорогу, — старшій кучеръ, Бертрамъ, человѣкъ гигантскаго роста и необычайной силы, съ рыжеватой бородой, раздѣленной на двѣ густыя пряди. На немъ длинный, спускающійся ниже бедръ, вязаный жилетъ и бѣлая съ голубымъ полосатая куртка, мало отличающаяся отъ тѣхъ, какія носятъ остальные кучера и конюхи.

Съ поклономъ всѣмъ присутствующимъ, Бертрамъ садится на

Digitized by Google

верхнемъ концѣ стола; по правую его руку помѣщается Іозефъ, а по лѣвую главный садовникъ. Рядомъ съ послѣднимъ занимаетъ мѣсто маленькій человѣкъ съ угловатымъ лицемъ и очень быстрыми глазками: это курьеръ Лутцъ. Остальные слуги размѣщаются сообразно съ отправляемыми ими должностями, а на самомъ концѣ стола сидятъ младшіе конюхи и садовники.

Первая кухарка, любимица фрейленъ Пэрини, строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы предъ обѣдомъ читалась молитва. Рослый кучеръ Бертрамъ, отъявленный вольнодумецъ, при этомъ всегда начинаетъ оправлять и обдергивать свой длинный вязаный жилетъ. Іозефъ складываетъ руки и шевелитъ губами; остальные молятся каждый про себя.

Лишь только сняли со стола супъ, и слуги взялись за вино,— имъ каждый день полагается за обѣдомъ вино, — Бертрамъ началъ разговоръ.

— Я все ожидаю, сказалъ онъ: — узнаетъ ли меня господинъ лейтенантъ Дорнэ? Я служилъ въ его баттареѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? радостно воскликнулъ Іозефъ: — его, конечно, всѣ тамъ любили?

Бертрамъ не счелъ нужнымъ прямо отвѣчать на этотъ вопросъ, но только замѣтилъ, что никакъ не полагалъ, чтобъ господинъ Дорнэ когда-нибудь пошелъ въ услуженіе.

— Въ услуженіе?

— Да, онъ такой же слуга, какъ и мы всѣ. Но онъ коечему научился въ книгахъ, вотъ его и сдѣлали гувернеромъ.

Іозефъ сострадательно улыбнулся и приялся объяснять обществу настоящее положеніе Эриха. Онъ прежде всего осыпалъ похвалами его именитаго отца, у котораго, по его словамъ, было не менѣе двадцати различныхъ орденовъ, а жена принадлежала къ высшей знати. Іозефъ радъ былъ закидать своихъ слушателей мудреными названіями наукъ, въ родѣ антропологіи, зоологіи, астрологіи, археологіи и петрофактологіи. Капитанъ Дорнэ—говорилъ онъ—все это знаетъ, и одинъ заключаетъ въ себѣ цѣлый университетъ. Однако ему не удалось доказать, что Эрихъ не имѣетъ ничего общаго со слугами.

Главный садовникъ сказалъ съ прусскимъ акцентомъ:

— Во всякомъ случаѣ, онъ очень хорошъ собой и молодцомъ сидитъ на лошади, но за то ничего не смыслитъ въ садоводствѣ.

Лутцъ, курьеръ, замѣтилъ, что Эрихъ превосходно говоритъ по-французски и по-англійски. Что же касается до русскаго, турецкаго и польскаго языковъ, то ими господа ученые обыкновенно не занимаются. Онъ же, Лутцъ, въ качествѣ портного

Digitized by Google

подмастерья изъѣздившій весь свѣтъ, понималъ всевозможные языки. Въ послѣднее время, онъ сопровождалъ въ путешествіи бывшую фрейленъ Пранкенъ, нынѣшнюю графиню Вольфсгартенъ, а съ ней и еще двухъ англичанокъ. Теперь онъ служитъ курьеромъ у господина Зонненкампа, то-есть, ѣздитъ съ нимъ, когда тотъ предпринимаетъ поѣздку. Остальное время онъ проводитъ въ праздности: нельзя же назвать работой того, что онъ принимаетъ письма и относитъ ихъ на станцію желѣзной дороги, да играетъ на цитрѣ, сопровождая свою игру свистомъ, — въ послѣднемъ онъ особенно искусенъ. Но у маленькаго человѣка есть, кромѣ того, еще одно таинственное назначеніе.

Между слугами какъ бы существовало соглашеніе никогда не возражать Лутцу на его замѣчанія за столомъ. Такъ и теперь, въ отвѣтъ на его слова только улыбнулась вторая кухарка, съ которой онъ находился въ нѣжныхъ, никому пока неизвѣстныхъ отношеніяхъ.

Мужчина съ сарматскимъ лицемъ, по выговору полякъ, утверждалъ, что вся честь введенія Эриха къ пимъ въ домъ, принадлежитъ Пранкену. Бертрамъ легонько толкнулъ Іозефа въ бокъ и началъ преувеличенно хвалить барона фонъ-Пранкена, а Іозефъ лукаво подмигнулъ, какъ бы желая сказать: Такъ и есть! полякъ опять себя выдалъ. Извѣстное дѣло, что онъ находится въ тайномъ услуженіи господина Пранкена.

Рѣчь зашла о томъ, останется ли Пранкенъ жить на виллѣ Эдемъ послѣ своего брака съ Манной. Слуги уже успѣли какъ-то провѣдать о его сватовствѣ.

Одинъ садовникъ, слегка заикаясь, сказалъ, что недавно слышалъ въ деревенской гостинницѣ толки о томъ, будто Зонненкампъ прежде занимался портняжнымъ ремесломъ. Всѣ засмѣялись и начали подстрекать къ дальнѣйшимъ разсказамъ заику, который служилъ посмѣшищемъ всему кружку слугъ. Бѣдняга, наконецъ, посинѣлъ отъ злобы и усилій говорить не заикаясь. Бертрамъ, ухватясь за обѣ половинки своей длинной бороды, воскликнулъ:

— Посмѣлъ бы мнѣ это кто-нибудь сказать! я живо далъ бы ему закусить собственными его зубами!

— Пусть люди говорятъ, что хотятъ! успокоительно произнесъ главный садовникъ, и самъ улыбнулся своей мудрости, прибавивъ: стоитъ только, чтобъ человѣку повезло, такъ и пойдетъ о немъ злая молва.

Одинъ изъ младшихъ конюховъ при этомъ разсказалъ о дракѣ, происшедшей недавно между слугами «виннаго графа» — и слугами Зонненкампа. Первые подсмѣивались надъ послѣдними, упрекая

Digitized by Google

ихъ, зачѣмъ они служатъ господину, о которомъ не знаютъ ни кто онъ, ни откуда. Одинъ смѣльчакъ даже утверждалъ, будто госпожа Зонненкампъ—купленная невольница.

Затѣмъ пошли не слишкомъ-то назидательные разсказы о тайныхъ дѣлахъ различныхъ семействъ, пока толстая кухарка не положила всему конецъ восклицаніемъ:

— Полно вамъ болтать! не даромъ говорила моя матушка, что во всякомъ домѣ, великъ онъ или малъ, у каждой двери лежитъ по камню.

Второй садовникъ, худощавый мужчина съ остроконечнымъ лицемъ, прозванный бѣлкой и извѣстный своей набожностію, не преминулъ при этомъ удобномъ случаѣ произнести умилительную проповѣдь о злословіи. Онъ былъ сначала садовникомъ, а потомъ полицейскимъ служителемъ въ одномъ изъ главныхъ городовъ сѣверной Германіи. Тамъ встрѣтилъ его Зонненкампъ; возвративъ его къ первоначальнымъ занятіямъ, онъ еще сталъ его употреблять въ дѣлахъ, требовавшихъ особенной обдуманности и осмотрительности.

Старая, престарая судомойка, которая сидѣла на стулѣ бокомъ и держала тарелку съ кушаньемъ на колѣняхъ, вдругъ сказала:

— Говорите, что хотите, а вновь пріѣхавшій баринъ непремѣнно женится на нашей барышнѣ. Когда это случится, вы вспомните мое слово. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили въ одномъ замкѣ принцъ съ принцессой; принцъ переодѣлся слугой.... Смѣйтесь, смѣйтесь, я дѣло говорю!

Іозефъ и Бертрамъ обмѣнялись значительнымъ взглядомъ.

Со всѣхъ сторонъ посыпались шутки, и всѣ по очереди приставали къ Кетте, чтобъ она имъ предсказала ихъ судьбу. Одинъ Лутцъ подсмѣивался надъ суевѣріемъ своихъ товарищей. Однако смѣхъ его сдѣлался очень принужденнымъ, когда Бертрамъ сказалъ:

— Извѣстное дѣло, что всѣ портные люди свѣдущіе и не вѣрятъ въ адъ.

Смѣху не предвидѣлось конца. Вдругъ сверху раздался голосъ.

— Пусть Бертрамъ закладываетъ карету, а Іозефъ идетъ сюда!

Общество немедленно разошлось. Конюхи отправились на конюшни курить трубки, а садовники разбрелись по парку и теплицамъ. Іозефъ поспѣшно передалъ еще двумъ лакеямъ приказаніе накрывать столъ, и въ подземномъ царствѣ возстановилась тишина. Только котлы да кострюли шипѣли на огнѣ, и шефъ

Digitized by Google
52268

съ важнымъ видомъ наблюдалъ за успѣшнымъ ходомъ своихъ занятій.

Часъ спустя, Лутцъ принималъ письма, которыя ему надлежало отнести на станцію желѣзной дороги. Онъ при этомъ вскользь и какъ бы самымъ невиннымъ образомъ объявилъ, что новый учитель уже пріобрѣлъ себѣ въ домѣ двухъ приверженцевъ. Одинъ изъ нихъ Бертрамъ, нѣкогда служившій въ его баттареѣ, а другой Іозефъ, который со времени пребыванія своего въ университетѣ считаетъ себя ему обязаннымъ. Никогда открыто не упоминалось о томъ, что Лутцъ былъ шпіономъ между слугами, но это само собою разумѣлось между нимъ и его господиномъ.

ГЛАВА II.

ВОСКРЕСНЫЙ ОБѢДЪ.

Когда Эрихъ ѣхалъ по лѣсу, гдѣ все пѣло, благоухало и сіяло, онъ собирался писать матери письмо о заколдованной странѣ, въ которой внезапно очутился. Съ тѣхъ поръ прошло всего нѣсколько дней, но ему казалось, что промчались цѣлые годы. Чего онъ только за это время не передумалъ и не испыталъ! Письмо теперь, конечно, будетъ написано совсѣмъ въ другомъ духѣ.

По воскресеньямъ весь порядокъ въ домѣ измѣнялся. Утромъ не было общаго завтрака. Эрихъ встрѣтился съ Зонненкампомъ въ саду, и этотъ у него спросилъ, поѣдетъ-ли онъ съ ними въ церковь. Эрихъ, не колеблясь, отвѣчалъ: нѣтъ, такъ какъ это было бы съ его стороны лицемѣріемъ. Онъ, пожалуй, могъ бы сопровождать ихъ, чтобъ этимъ выразить свое уваженіе къ чуждому для него вѣроисповѣданію, но другіе не замедлили бы объяснить его поступокъ иначе.

Зонненкампъ съ изумленіемъ на него поглядѣлъ, но прямота Эриха, тѣмъ не менѣе, произвела свое дѣйствіе.

— Хорошо, сказалъ Зонненкампъ: — съ вами по крайней мѣрѣ знаешь чего держаться.

Онъ произнесъ эти слова тономъ, который можно было истолковать двояко, но Эрихъ понялъ его въ хорошую сторону.

Когда всѣ ушли въ церковь, Эрихъ сѣлъ за письмо къ матери. Онъ началъ сравненіемъ себя съ Одиссеемъ, котораго волны морскія выбросили на неизвѣстный островъ. Ему, правда, не угрожаютъ опасности, но мысли его въ такомъ хаосѣ, что ему становится страшно за себя....

Онъ вдругъ остановился: не въ этомъ тонѣ слѣдуетъ ему

Digitized by Google

писать матери. Онъ разорвалъ листокъ и началъ другой. Просто и коротко описалъ онъ свою встрѣчу съ Пранкенюмъ, Клодвигомъ и Беллой и затѣмъ прибавилъ:—Герои Гомера находились подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ, — я въ этотъ день оказался еще счастливѣе ихъ: меня всюду сопровождало и охраняло воспоминаніе о незапятнанной репутаціи и о высокихъ заслугахъ моихъ родителей. Говоря о Роландѣ, онъ замѣтилъ, что богатство развиваетъ въ людяхъ самостоятельность и стремленіе прилагать къ дѣлу свои силы, причемъ упомянулъ и о намѣреніи мальчика поселить въ виноградномъ домикѣ близъ себя и мать своего наставника.

Въ деревнѣ гудѣли колокола, а Эрихъ писалъ о своемъ серьёзномъ пониманіи обязанностей, выпадающихъ на долю того, кто берется вести по дорогѣ къ добру юношу, которому выпалъ въ удѣлъ всемогущій даръ богатства. Здѣсь вдругъ ему припомнилось евангельское сказаніе о богатомъ юношѣ. Онъ забылъ точныя выраженія вопроса юноши и отвѣта Христа и, желая освѣжить ихъ въ памяти, сталъ искать въ Роландовой библіотекѣ библію. Но ее тамъ не оказалось. Эрихъ, между тѣмъ, чувствовалъ себя не въ состояніи продолжать письмо, прежде чѣмъ удовлетворитъ своему желанію.

Онъ вышелъ въ садъ, встрѣтилъ тамъ садовника, прозваннаго бѣлкой, и обратился къ нему съ вопросомъ, нѣтъ-ли у него библіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно, живо сбѣгалъ за книгой и вручилъ ее Эриху съ назидательными словами.

Возвратясь въ свою комнату, Эрихъ больше не писалъ, но весь погрузился въ чтеніе, а потомъ долго сидѣлъ, поддерживая голову рукой и смотря вдаль. Между тѣмъ Роландъ вернулся изъ церкви, и зайдя къ нему въ комнату, положилъ на столъ молитвенникъ. Эрихъ взялъ его за руку. Ему сильно хотѣлось спросить Роланда: А ты будешь ли въ состояніи послѣдовать этому ученію, когда со временемъ....

Его мысли были прерваны замѣчаніемъ Роланда:

— Ты себѣ досталъ библію?

И мальчикъ разсказалъ, какъ эта книга проникла въ домъ и распространилась тамъ, благодаря садовнику. Эрихъ съ трудомъ удержался, чтобъ не высказать Роланду своего мнѣнія на счетъ книги, которую онъ глубоко уважалъ и считалъ первою въ мірѣ, хотя и не питалъ къ ней благоговѣйнаго чувства въ смыслѣ предписываемомъ и внушаемомъ церковью.

— Знакомо ли тебѣ это? спросилъ Эрихъ, указывая Роланду на страницу, гдѣ говорилось о богатомъ юношѣ.

Роландъ прочелъ и, на вопросъ Эриха, что онъ объ этомъ

Digitized by Google

думаетъ, съ удивленіемъ на него поглядѣлъ: онъ явно не понялъ смысла прочитаннаго. Эрихъ не хотѣлъ еще ему объяснять значенія притчи, предпочитая нѣсколько выждать. Сѣмя первое время лежитъ въ землѣ неподвижно, пока его не пробудятъ къ дѣятельности направленныя на него силы. Эрихъ зналъ, что такое сѣмя въ эту минуту запало въ сердце мальчика, и рѣшился спокойно ждать времени, когда оно взойдетъ и принесетъ плодъ.

Эрихъ охотно согласился на просьбу Роланда пойдти съ нимъ на встрѣчу къ маіору, который каждое воскресенье у нихъ обѣдалъ. Они долго шли по аллеѣ, окаймленной орѣховыми деревьями, потомъ стали между виноградниками подниматься въ гору. У большого пространства, усаженнаго короткими тычинками, они наконецъ встрѣтили маіора, съ которымъ читатель уже познакомился въ Вольфсгартенѣ. Онъ былъ въ парадной формѣ и въ орденахъ.

Всѣ окрестные жители болѣе или менѣе держались въ сторонѣ отъ дома Зонненкамповъ,—маіоръ являлся въ ихъ домѣ единственнымъ представителемъ тамошняго дворянства. Церера особенно была счастлива тѣмъ, что ей оказывалъ большое вниманіе человѣкъ, имѣвшій такъ много орденовъ. Злые языки утверждали, будто маіоръ получаетъ, за свою любезность и за то, что по воскресеньямъ облекается въ ордена, значительную прибавку къ своей довольно скудной пенсіи. Но это была чистая клевета: маіоръ, или лучше сказать фрейленъ Милькъ, строго придерживались правила ни отъ кого не принимать подарковъ и ни подъ какимъ видомъ не ставить себя въ зависимое положеніе.

Маіоръ былъ очень радъ встрѣчѣ съ молодыми людьми.

— Вы уже здѣсь! сказалъ онъ Эриху. Держите построже этого молодца, не давайте ему выходить изъ повиновенія. А затѣмъ, указывая на гору, продолжалъ: — Черезъ годъ мы получимъ.... то-есть господинъ Зонненкампъ получитъ съ этихъ виноградниковъ первое вино. Пили вы когда-нибудь дѣвственное вино?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно и маіоръ объяснилъ ему, что такъ называется первое вино, добытое изъ вновь разведеннаго виноградника.

Походка маіора состояла изъ постоянныхъ стремленій упасть и усилій удержаться на ногахъ. Сдѣлавъ два шага впередъ, онъ неизмѣнно останавливался съ улыбкой и оглядывался кругомъ. Онъ улыбался всякому, кто попадался ему на встрѣчу. Изъ того, что онъ лишился нѣсколькихъ пальцевъ на ногахъ, еще не слѣдовало, чтобъ другіе люди испытывали его неудовольствіе. Зачѣмъ имъ постоянно видѣть передъ собой печальное лице? Маіоръ

Digitized by Google

пояснилъ Эриху, что во время похода въ Россію онъ отморозилъ на ногахъ пальцы, которые ему и принуждены были отнять.

— Правду гласитъ пословица, сказалъ онъ съ улыбкой: что всякій самъ лучше знаетъ, гдѣ ему жметъ башмакъ.

Онъ одобрительно кивнулъ Эриху головой, когда тотъ замѣтилъ, что эта пословица можетъ быть распространена и на многіе другіе случаи жизни.

Затѣмъ онъ освѣдомился у Роланда, встала ли его мать? Церера приносила съ своей стороны не малую жертву каждому воскресному дню. Она вставала утромъ уже въ девять часовъ и всего только часъ времени посвящала своему туалету, а потомъ со всѣмъ семействомъ шла въ церковь. За то передъ обѣдомъ она снова ложилась въ постель, съ избыткомъ вознаграждала себя за упущенный утромъ сонъ, а затѣмъ уже одѣвалась по праздничному.

Когда они сошли въ долину, къ нимъ присоединился архитекторъ, тоже отправлявшійся обѣдать на виллу. Они раздѣлились на двѣ партіи: Роландъ шелъ съ маіоромъ, а Эрихъ съ архитекторомъ. Прійдя домой, они всѣ посѣтили сначала Роландовыхъ собакъ и потомъ уже отправились въ галлерею, гдѣ нашли самого Зонненкампа съ докторомъ и патеромъ.

Едва успѣли Эриха представить вновь прибывшимъ гостямъ, какъ въ комнату вошла Церера въ великолѣпномъ нарядѣ. Маіоръ тотчасъ подалъ ей руку, слуги захлопнули за ней обѣ половинки дверей, и все общество, черезъ длинную амфиладу комнатъ, направилось въ столовую.

По лѣвую руку Цереры помѣстился маіоръ, по правую—патеръ, а возлѣ него, сѣла фрейленъ Пэрини. Далѣе сидѣли докторъ, самъ Зонненкампъ, архитекторъ, Роландъ и Эрихъ.

Патеръ громко произнесъ молитву.

Разговоръ сначала былъ совершенно непонятенъ Эриху, такъ какъ преимущественно вертѣлся около личностей ему вовсе незнакомыхъ. Между прочимъ много говорилось объ одномъ винномъ торговцѣ, который велъ обширныя дѣла, и съ сыномъ котораго Пранкенъ покупалъ лошадей. Шефъ пріобрѣлъ въ одномъ изъ его погребовъ, лежащихъ вверхъ по теченію рѣки, гдѣ и производилась окончательная распродажа, большой запасъ вина, которое всѣми было признано за отличное. Хозяинъ этого погреба намѣревался совсѣмъ покончить съ дѣлами и переселиться въ столицу, гдѣ, будто бы, надѣялся привлечь на себя вниманіе двора.

— Онъ, пожалуй, чего добраго, еще вздумаетъ и за дворянствомъ погнаться, замѣтилъ докторъ: — отъ него все станется!

Digitized by Google

Зонненкампъ въ эту минуту подносилъ ко́ рту кусокъ рыбы съ тонкой приправой и вдругъ до такой степени раскашлялся, что весь побагровѣлъ и не на шутку всѣхъ перепугалъ. Однако онъ вскорѣ оправился и объяснилъ, что подавился косточкой.

Маіоръ находилъ въ высшей степени неумѣстнымъ, что богатый торговецъ мѣтилъ попасть въ правительственные кандидаты для поступленія въ палату депутатовъ. Это оказывалось тѣмъ неблаговиднѣе съ его стороны, что онъ въ настоящемъ случаѣ являлся соперникомъ такого человѣка, какъ Вейдеманъ. Вниманіе Эриха было возбуждено: всякій разъ, что рѣчь заходила о Вейдеманѣ, имя его произносилось не иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ. «Винный графъ», сказалъ докторъ, явно хочетъ только удовлетворить своему честолюбію и выставить себя въ благопріятномъ свѣтѣ передъ правительствомъ. Не можетъ же онъ не предвидѣть своего пораженія; всѣ его желанія, безъ сомнѣнія, тѣмъ и ограничиваются, чтобъ имя его появилось на столбцахъ газетъ въ числѣ сторонниковъ правительства.

— А вы что́ на это скажете, почтенный патеръ? внезапно спросилъ докторъ. Котораго изъ двухъ кандидатовъ намѣрено поддерживать духовенство?

Патеръ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и совершенно сѣдъ. Отличительную черту его физіономіи составляли чрезвычайно блестящіе глаза, которые наблюдательно, но въ то же время спокойно, выглядывали изъ-подъ густыхъ темнорусыхъ бровей. Въ обращеніи его было много достоинства, которое, однако, не исключало ни живости, ни своего рода развязности. Онъ гораздо охотнѣе оставилъ бы вопросъ доктора безъ отвѣта, но это оказывалось неудобнымъ. Приложивъ большой палецъ лѣвой руки къ указательному, и сдѣлавъ движеніе въ воздухѣ, онъ только замѣтилъ, что противъ гражданскихъ способностей Вейдемана никто ничего не можетъ сказать.

Доктору пришлось удовольствоваться этимъ уклончивымъ отвѣтомъ. Но маіоръ сталъ до небесъ превозносить благородство характера Вейдемана и предсказывать ему побѣду.

Маіоръ изъяснялся съ трудомъ и краснѣлъ до самаго корня своихъ сѣдыхъ волосъ всякій разъ, какъ ему приходилось говорить не съ однимъ только ближайшимъ сосѣдомъ по столу, но и выражать свое мнѣніе во всеуслышаніе.

— Вы говорите точь-въ-точь, какъ братья масоны, поддразнилъ его докторъ.

Маіоръ строго на него взглянулъ, съ упрекомъ покачалъ головой, какъ бы говоря: «такими вещами не шутятъ», и замолчалъ.

Digitized by Google

Зонненкампъ объявилъ, что хотя онъ и считается здѣшнимъ гражданиномъ и платитъ подати, однако не участвуетъ въ выборахъ. Онъ привыкъ къ иного рода, болѣе обширной дѣятельности, да къ тому же смотритъ на свое пребываніе здѣсь, какъ на временное: онъ и домашніе его только гостятъ въ Германіи.

Докторъ и Эрихъ переглянулись, и затѣмъ оба посмотрѣли на Роланда. Чего можно ожидать отъ мальчика, которому говорятъ: твое настоящее положеніе для тебя не годится?

Докторъ, разъ избравъ маіора цѣлью своихъ шутокъ, уже не оставлялъ его въ покоѣ. Извѣстный и всѣми любимый шутникъ, докторъ всегда уже съ утра бывалъ расположенъ посмѣяться и пошутить, какъ человѣкъ сытый и довольный судьбой. Обращеніе его, въ высшей степени живое, какъ нельзя болѣе противорѣчило неуклюжей мѣшковатости маіора, который, впрочемъ, охотно поддавался всякой шуткѣ. Оставаться пассивнымъ, когда его поддразнивали, послѣдній считалъ своей обязанностью. Вся фигура его тогда говорила: «смѣйтесь, дѣти, и забавляйтесь, хотя бы то было и на мой счетъ!»

Патеръ взялъ сторону притѣсняемаго маіора, но, повидимому, только для того, чтобъ давать новую пищу нападкамъ на него доктора. По крайней мѣрѣ маіоръ улыбался своему союзнику еще съ бо̀льшимъ смущеніемъ, чѣмъ противнику. Сначала патеръ говорилъ спокойно, не выходя изъ важнаго, повѣствовательнаго тона, но потомъ, увлекшись потокомъ собственной рѣчи, началъ бросать во всѣ стороны стрѣлы, которыя постоянно метко попадали въ цѣль. Но при этомъ манеры его оставались неизмѣнно утонченными и любезными, и онъ ни на минуту не упускалъ изъ виду достоинства своего священническаго сана. Ему было, между прочимъ, свойственно одно очень пріятное движеніе тонкими, прекрасными руками, которое какъ-то успокоительно на всѣхъ дѣйствовало. Глаза фрейленъ Пэрини особенно широко раскрывались, когда она ихъ устремляла на патера. Она, казалось, не могла на него насмотрѣться и его наслушаться. Однако, она не въ силахъ была скрыть непріятное чувство, которое овладѣло ею, когда патеръ, высморкавшись, по обычаю духовенства, въ синій холщевой платокъ, скомкалъ его и потомъ въ теченіи рѣчи часто имъ помахивалъ. Она вздохнула свободно, только когда ненавистный платокъ снова очутился въ карманѣ.

Въ отношеніи къ личности маленькаго, безцеремоннаго доктора, фрейленъ Пэрини держала себя съ большою важностью, а докторъ нѣкоторымъ образомъ смотрѣлъ на нее, какъ на товарища, потому что она имѣла кое-какія свѣдѣнія въ медицинѣ.

Digitized by Google

Онъ тѣмъ болѣе уважалъ ее, что она никогда не жаловалась ему на нездоровье и не прибѣгала къ нему за пособіемъ.

Она вообще вела очень умѣренный образъ жизни и принимала весьма мало участія, какъ въ большихъ пиршествахъ, такъ и въ ежедневныхъ обильныхъ обѣдахъ. Фрейленъ, повидимому, не ощущала никакихъ нуждъ и существовала единственно для удобства другихъ.

Докторъ Рихардъ, въ качествѣ уважаемаго врача, совѣтовъ котораго всѣ домогались, присвоилъ себѣ право самаго безцеремоннаго обращенія. Онъ былъ избалованнымъ и въ тоже время много-любимымъ тираномъ всей здѣшней мѣстности вообще, а дома Зонненкампа въ особенности. За обѣдомъ онъ бывалъ всегда очень словоохотливъ, чему не мало способствовало то, что онъ много пилъ и мало ѣлъ. Онъ хвалилъ вина, зналъ названіе каждаго изъ нихъ и опредѣлялъ степень его крѣпости и зрѣлости. Онъ попросилъ одного сорта, за приготовленіемъ котораго было много хлопотъ. Зонненкампъ приказалъ подать. Докторъ отвѣдалъ и нашелъ, что вино еще свѣжо, не перебродило и потому непріятно на вкусъ. Съ появленіемъ нѣкоторыхъ блюдъ, Зонненкампъ сомнительно взглядывалъ на доктора, но докторъ, спѣша предупредить словесный вопросъ, говорилъ:

— Кушайте, кушайте, это вамъ не сдѣлаетъ вреда!

— Пить, — вотъ самое пріятное занятіе въ мірѣ! въ шутку сказалъ Зонненкампъ.

— Жаль, замѣтилъ докторъ, что вы не знавали Борша, этого славнаго малаго, который однажды произнесъ слѣдующее мудреное изрѣченіе: «Глупѣе всего на свѣтѣ то, что съѣстного нельзя пить».

Затѣмъ, обратясь къ Эриху, онъ продолжалъ:

— Вашъ другъ Пранкенъ не слишкомъ-то хорошо отзывается о нашихъ при-рейнскихъ странахъ, но это отъ того, что онъ еще не достаточно акклиматизировался. Здѣсь всякій непремѣнно долженъ пройдти черезъ катарръ. Надѣюсь, вы его терпѣливѣе перенесете и скорѣе отъ него отдѣлаетесь. Видите ли вы эту бутылку? Всѣ ощущенія, какія возбуждаютъ въ васъ поэзія, драма и всякаго рода искусства,—всѣ заключаются въ ней. Пьющій изъ нея чувствуетъ, что онъ не просто только вьючное животное, но еще и нѣчто иное. Ему, правда, не всегда понятно, сколько въ ней закупорено прекраснаго; да этого и не надо: достаточно, что онъ сознаетъ себя сильнымъ и счастливымъ.

— Еслибъ только не было поддѣльнаго вина! замѣтилъ архитекторъ.

Digitized by Google

— Да, отвѣчалъ докторъ, въ прежнія времена случаи бѣлой горячки были здѣсь очень рѣдки, теперь же они безпрестанно встрѣчаются, — и это не есть слѣдствіе самаго вина, а спирта, который въ немъ заключается.... Вы знатокъ въ винѣ? обратился онъ опять къ Эриху съ видомъ президента, который даетъ и отнимаетъ право голоса.

— Нѣтъ еще.

— А между тѣмъ вы, безъ сомнѣнія, уже писали въ честь вина стихи. Тамъ всегда восклицаютъ: наполняйте стаканы, будемъ ликовать, мы ликуемъ, мы ликовали. А на дѣлѣ-то, господа поэты послѣ первой же бутылки уже не стоятъ на ногахъ.

Нечаянно взглянувъ на Роланда, докторъ какъ-будто вспомнилъ, что въ присутствіи его не годится смѣяться и шутить надъ Эрихомъ. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и, дружески называя Эриха своимъ «коллегой», вызвалъ его на занимательные разсказы изъ университетской и полковой жизни. Маіоръ былъ очень доволенъ тѣмъ, что его, наконецъ, оставили въ покоѣ, и онъ могъ, вслѣдствіе этого, безъ помѣхи заняться питьемъ и ѣдой. Прикрѣпивъ къ плечамъ салфетку, онъ, подъ ея прикрытіемъ, растегнулъ сюртукъ. «Хорошо, думалъ онъ, что фрейленъ Милькъ приготовила мнѣ сегодня такой красивый, бѣлый жилетъ: не бѣда, если его и увидятъ». Маіоръ находился въ наилучшихъ отношеніяхъ со слугами. Стоило ему только мигнуть Іосифу и тотъ, при каждой перемѣнѣ вина, непремѣнно наполнялъ ему стаканъ его любимымъ бургундскимъ, которое сверкало въ дорогомъ хрустальномъ графинѣ.

Наконецъ и маіоръ пересталъ пить, заинтересованный оборотомъ, какой принялъ разговоръ. Эрихъ случайно упомянулъ о женевской конвенціи для оказанія помощи раненымъ. То былъ весьма любопытный предметъ для патера, доктора и воина, и за столомъ поднялся громкій и оживленный говоръ.

Маіоръ, возвысивъ голосъ, заявилъ, что люди, которые не хотятъ, чтобы ихъ вслухъ называли, были первоначальными основателями этого учрежденія, равно какъ и многихъ другихъ, имѣющихъ въ виду благотворительную цѣль. Докторъ, непривычнымъ для него шопотомъ, замѣтилъ Эриху, что маіоръ все, что дѣлается на свѣтѣ хорошаго, неизмѣнно приписываетъ масонамъ, и потому, если Эрихъ желаетъ остаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, долженъ всегда съ уваженіемъ отзываться объ ихъ братствѣ.

Все общество внимательно слушало Эриха, пока онъ говорилъ о томъ, какъ люди настоящаго вѣка вправѣ гордиться тѣмъ, что имѣютъ такія прекрасныя благотворительныя учрежденія.

Digitized by Google

Христіанство, поселивъ въ мірѣ стремленіе къ самопожертвованію, на первомъ планѣ котораго стоитъ уходъ за больными, пріобрѣло характеръ величія и чистоты, незнакомый предъидущимъ вѣкамъ и поколѣніямъ.

Патеръ одобрительно кивнулъ головой, а Роландъ былъ счастливъ тѣмъ, что слова Эриха произвели на всѣхъ пріятное впечатлѣніе.

Общество встало изъ-за стола въ прекрасномъ расположеніи духа. Патеръ тихо помолился; маіоръ крѣпко пожалъ Эриху руку.

— Смотрите-ка, нѣсколько дерзко замѣтилъ докторъ, волосы маіора стали еще бѣлѣе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно казалось. Лицо маіора, разгоряченнаго виномъ и разговоромъ, сильно раскраснѣлось, и бѣлизна волосъ вслѣдствіе этого особенно рѣзко выдавалась.

— Волосы у маіора стали еще бѣлѣе! повторило все общество, и смущенная улыбка, игравшая на губахъ маіора, разразилась добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

ГЛАВА III.

МІРЪ СНАРУЖИ.

Вскорѣ послѣ обѣда, доктору доложили, что его дожидаются многіе больные, которые, зная о его обыкновеніи по воскресеньямъ обѣдать на виллѣ, приходили къ нему за помощью и совѣтомъ. Живо попросивъ у Зонненкампа сигару, онъ повелительнымъ, не допускающимъ отказа, тономъ сказалъ Эриху, чтобъ тотъ за нимъ слѣдовалъ.

Дорогой докторъ протянулъ Эриху руку и дружески сказалъ:

— Я ученикъ вашего дѣда и въ университетѣ былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Мнѣ очень пріятно это знать, но почему вы до сихъ поръ объ этомъ ни слова не сказали?

Докторъ съ минуту на него пристально посмотрѣлъ, затѣмъ, положивъ ему на плечи руки и качая головой, сказалъ задушевнымъ тономъ:

— Я въ васъ ошибся. Я думалъ, что порода идеалистовъ вымерла; вы ученый, но не мудрецъ. Любезный капитанъ-докторъ, зачѣмъ имъ знать, въ какихъ я съ вами отношеніяхъ? Итакъ, вы намѣрены остаться жить у господина Зонненкампа?

— Почему бы и нѣтъ?

Digitized by Google

— Этотъ человѣкъ не умѣетъ плакать, а вы....

— А я?

— У васъ слёзный мѣшечекъ наполняется при каждомъ движеніи души, говорите ли вы о своемъ отцѣ или объ уходѣ за больными.... У васъ необыкновенная склонность къ ипохондріи.

Эрихъ былъ изумленъ; обращеніе доктора казалось ему страннымъ, но прежде, чѣмъ онъ собрался ему отвѣчать, тотъ закричалъ крестьянамъ, ожидавшимъ его у входа въ домъ кастеляна:

— Иду, иду къ вамъ!... А вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Эриху, подождите меня здѣсь, — я скоро вернусь.

И онъ приблизился къ больнымъ, которые всѣ поснимали шляпы и картузы. Онъ съ каждымъ поговорилъ, кому далъ словесныя наставленія, а кому, вырывая листки изъ памятной книжки, прописалъ рецепты на спинѣ широкоплечаго парня.

Эрихъ издали смотрѣлъ на эту сцену. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ недостатокъ житейской мудрости, но это не мѣшало ему быть счастливымъ мыслью, что заслуги дѣда и отца доставили ему еще одного друга. Точно его всюду сопровождало наслѣдство дружбы и благодарности, оставленное ему дорогими умершими. Съ новымъ чувствомъ взглянулъ онъ на домъ богатаго помѣщика и подумалъ: «нѣтъ, я не бѣденъ!»

Докторъ вернулся и весело сказалъ:

— Ну, теперь я свободенъ. Графъ Клодвигъ мнѣ о васъ говорилъ, но я нахожу, что онъ невѣрно васъ изображаетъ. Старая пѣсня! Всякій, смотря на міръ съ своей точки зрѣнія, видитъ въ немъ только собственное отраженіе. Я, между прочимъ, хотѣлъ сказать тебѣ.... ахъ, извините, сказать вамъ, что все расположеніе, какое вы теперь встрѣчаете въ людяхъ, есть только воздаяніе вамъ за все добро, сдѣланное вашимъ дѣдомъ и отцомъ. Дайте-ка мнѣ еще разъ на васъ хорошенько посмотрѣть. Я васъ много лѣтъ тому назадъ видѣлъ съ принцемъ.

Онъ отступилъ шага на два и продолжалъ:

— Вы происходите отъ двухъ здоровыхъ корней. Отецъ—потомокъ гугенотовъ.... мать истая германка, бѣлокурая и утонченная.... правильное смѣшеніе національностей. Пойдемте сюда, въ бесѣдку. Позволите вы мнѣ подвергнуть васъ краткой діагностикѣ?

Эрихъ улыбнулся. Способъ, какимъ докторъ изучалъ и опредѣлялъ его свойства, былъ въ высшей степени оригиналенъ и невольно привлекалъ къ нему молодого человѣка.

Докторъ о вѣтку дерева стряхнулъ съ сигары пепелъ и спросилъ:

— Можете ли вы находиться въ ежедневныхъ сношеніяхъ

Digitized by Google

съ человѣкомъ, котораго вы не любите, или, по крайней мѣрѣ, не уважаете?

— Я до сихъ поръ еще этого не испыталъ, но думаю, что едва ли могъ бы. Такія столкновенія непремѣнно должны имѣть дурное вліяніе на душу.

— Я ожидалъ подобнаго отвѣта. Что до меня касается, то я придерживаюсь мнѣнія Лессинга: «Лучше жить съ дурными людьми, чѣмъ совсѣмъ безъ людей». Могу я продолжать вопросы?

И не дожидаясь отвѣта, онъ еще спросилъ:

— Не приходилось ли вамъ уже испытывать на себѣ неблагодарность?

— Мнѣ кажется, я еще ничего не сдѣлалъ, что̀ заслуживало бы благодарности. Къ тому же едва ли рѣшенъ вопросъ, имѣемъ ли мы право требовать благодарности, такъ какъ все, что̀ мы дѣлаемъ хорошаго другимъ, служитъ также и къ нашему удовлетворенію.

— Хорошо, хорошо.... я это знаю. Теперь далѣе. Вѣрите ли вы во зло, и если вѣрите, то давно ли?

— Если вы подъ зломъ разумѣете сознательное стремленіе вредить ближнимъ, то я не вѣрю въ него. Я убѣжденъ, что всякое злое дѣло есть явленіе неестественное; на него человѣкъ какъ бы уполномочивается чувствомъ самосохраненія и совершаетъ его всегда подъ вліяніемъ страсти. Да и самая вѣра во зло, можетъ быть, есть не что иное, какъ особый видъ страсти.

Докторъ быстро закивалъ головой и сказалъ:

— Ну, еще одинъ вопросъ. Обидчивы вы? Легко оскорбляетесь?

— Ваше дружеское испытаніе, которому вы подвергаете меня, можетъ служить доказательствомъ противнаго.

Докторъ бросилъ до половины выкуренную сигару и сказалъ:

— Извините, я ошибся: у меня есть для васъ еще одинъ вопросъ, но это уже дѣйствительно послѣдній. Удивляетъ ли васъ, когда вы подъ лоскомъ свѣтскаго образованія находите въ мужчинахъ и женщинахъ отъявленныхъ дуръ и глупцовъ? Думаете ли вы, что эти люди только глупцы и больше ничего, или предполагаете, что въ основаніи ихъ поступковъ и образа мыслей кроется причина дѣйствій другихъ людей?

Вопреки дружескому тону доктора, терпѣніе Эриха истощилось. Онъ не безъ досады замѣтилъ, что уже много странныхъ экзаменовъ выдержалъ въ этомъ домѣ, но настоящій превосходитъ своею оригинальностью всѣ предъидущіе.

— Послѣ вамъ, можетъ быть, многое разъяснится, сказалъ

Digitized by Google

докторъ и тайкомъ пожалъ Эриху руку; къ нимъ на встрѣчу шла фрейленъ Пэрини, и онъ къ ней присоединился.

Все общество снова встрѣтилось у фонтановъ, немного поболтало и разошлось. Патеръ и маіоръ пригласили Эриха ихъ навѣщать. Доктору предстояло еще ѣхать на практику, и онъ спросилъ у Зонненкампа, можетъ ли взять съ собой Роланда и Эриха. Зонненкампа, казалось, непріятно поразило это сближеніе именъ Роланда и Эриха, однако онъ отвѣчалъ утвердительно. Эрихъ сѣлъ съ докторомъ въ коляску, а Роландъ помѣстился на козлахъ близъ кучера, который уступилъ ему возжи.

День былъ необыкновенно хорошъ. Въ воздухѣ, пропитанномъ благоуханіемъ цвѣтовъ, вѣяла прохлада, гудѣли колокола и звучали пѣсни жаворонковъ.

Они въѣхали въ деревню, расположенную довольно далеко отъ рѣки. Изъ одного сада, гдѣ цвѣла сирень, неслись къ нимъ на встрѣчу звуки пѣсни, которую, казалось, пѣли четыре голоса; подъ липами, за оградой мальчики занимались гимнастическими упражненіями.

— О наша чудная Германія! воскликнулъ Эрихъ, не будучи въ состояніи сдержать своего восторга. Вотъ она жизнь, наша германская жизнь! Освѣжая душу звуками пѣсенъ, укрѣпляя тѣло движеніемъ на открытомъ воздухѣ, народъ пріобрѣтаетъ силу и красоту физическую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бодрость духа, которая заставляетъ его стремиться къ чести и свободѣ! Все прекрасное свойственно намъ не менѣе, чѣмъ народамъ классической древности.

Докторъ положилъ къ Эриху на колѣни руку и попросилъ его, въ случаѣ, если онъ здѣсь останется, предоставить ему, доктору, удовольствіе поближе познакомить его съ прирейнской жизнью, въ которой онъ, быть можетъ, найдетъ много и печальныхъ сторонъ.

— И если вамъ удастся.... продолжалъ докторъ, я думаю, вы одинъ въ состояніи это сдѣлать, если-жъ нѣтъ, то намъ уже прійдется отложить всякое попеченіе.... Повторяю: если вамъ удастся дать этому мальчику счастіе, научивъ его наслаждаться не только тѣмъ, что у него есть, но и тѣмъ, чего онъ лишенъ, то-есть жизнью общественной и народной, то вы совершите дѣло достойное васъ, и надъ которымъ стоило потрудиться. Главное, вы должны на это время мужественно отказаться отъ всѣхъ вашихъ личныхъ желаній, — тогда только на васъ и на ваше дѣло снизойдетъ благословеніе неба. Изреченіе: «Заботьтесь только о томъ, чтобъ обрѣсти царствіе Божіе», я понимаю такъ, что человѣку слѣдуетъ искать въ жизни единственно истины и любви, — все остальное

Digitized by Google

прійдетъ само собой.... Роландъ,—внезапно перебилъ себя докторъ — остановись тутъ!

Докторъ вышелъ и направился къ маленькому, но очень опрятному домику. Эрихъ и Роландъ приблизились къ мѣсту, гдѣ происходили гимнастическія игры. Сначала на нихъ смотрѣли робко и съ недовѣріемъ, но когда Эрихъ, сбросивъ пальто, показалъ одному мальчику, какъ слѣдуетъ дѣлать упражненіе, съ которымъ тотъ не могъ справиться, всѣ снова ободрились и повеселѣли. Роландъ тоже захотѣлъ попробовать свою ловкость, но она оказалась не велика. Тогда Эрихъ обѣщался съ нимъ дома позаняться гимнастикой, но пожалѣлъ только, что тамъ у Роланда не будетъ товарищей, которые возбуждали бы его соревнованіе.

Между тѣмъ явился посланный отъ доктора и попросилъ Эриха и Роланда пожаловать назадъ къ экипажу. Въ ту самую минуту, какъ докторъ выходилъ изъ домика, передъ которымъ они остановились, съ церковной башни ударили въ колоколъ. Всѣ бывшіе тутъ сняли шляпы, не исключая и доктора, который сказалъ:

— Сію минуту на глазахъ моихъ скончался семидесятидвухлѣтній старикъ. Вчера, уже чувствуя приближеніе смерти, онъ утѣшался воспоминаніемъ одного добраго дѣла. Въ голодный 1817 годъ, старикъ, тогда юноша, путешествовалъ въ качествѣ бочарнаго подмастерья по Люнебургскимъ лѣсамъ. Въ то время не было правильныхъ дорогъ, и онъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы на удачу, набрелъ на бѣдную хижину, въ которой нашелъ дѣтей, плакавшихъ отъ голода. У бочарнаго подмастерья былъ въ свинцовой банкѣ копченый угорь и краюха хлѣба. Онъ и то и другое отдалъ дѣтямъ, которые не помнили себя отъ радости. Такъ вотъ вчера старикъ и говорилъ мнѣ: «Я до сихъ поръ не могу забыть того, какъ мнѣ удалось накормить голодныхъ дѣтей, а тѣ въ свою очередь съ благодарностью вспоминаютъ о незнакомцѣ, избавившемъ ихъ отъ голодной смерти.» Отрадно видѣть, какимъ утѣшеніемъ служитъ для человѣка въ его предсмертныя минуты мысль, что онъ хоть разъ въ жизни совершилъ доброе дѣло. Старикъ много страдалъ, и смерть была для него настоящимъ избавленіемъ. Да, молодой мой другъ, таковъ свѣтъ: въ одно и тоже время молодость поетъ и веселится, а бѣдный, престарѣлый страдалецъ отживаетъ свой вѣкъ.... Однако, чтожъ это я? внезапно спохватился докторъ: — Не затѣмъ я васъ взялъ съ собой, чтобъ наводить на васъ грусть. Роландъ, поѣзжай черезъ всю деревню къ послѣднему домику. Обратясь къ Эриху онъ прибавилъ:—Я хочу вамъ теперь доставить пріятное

Digitized by Google

впечатлѣніе. Мы ѣдемъ къ людямъ, правда, терпящимъ нужду, но бѣдность которыхъ не вызоветъ въ васъ никакихъ горькихъ ощущеній. Бѣдный виноградарь и его семеро дѣтей, изъ которыхъ четыре сына и три дочери, не смотря на всѣ свои лишенія,—самые веселые люди въ мірѣ. Особенно замѣчателенъ своимъ веселымъ нравомъ старикъ отецъ. Его настоящее имя Труба, но всѣ обыкновенно зовутъ его Семиствольной трубой или для краткости просто Семиствольникомъ, отъ того, что у всѣхъ семерыхъ его дѣтей отличные голоса, и онъ превосходно ихъ учитъ пѣть.

Экипажъ остановился у назначеннаго домика; дочери сидѣли на порогѣ при входѣ; сыновья были въ деревнѣ, гдѣ упражнялись съ другими молодыми людьми въ гимнастикѣ. Семиствольникъ немедленно за ними послалъ и, на вопросъ доктора, какъ онъ поживаетъ, отвѣчалъ:

— Ахъ, господинъ докторъ, все также. У моего младшаго сына по прежнему лучшій голосъ во всемъ околодкѣ. Затѣмъ, обратясь къ Роланду, онъ продолжалъ: — Да, молодой баринъ, мои дѣти тоже богаты; каждый и каждая изъ нихъ получаютъ отъ меня въ приданое по сотнѣ и даже по двѣ пѣсенъ. Если они съ этимъ не съумѣютъ прожить свой вѣкъ, такъ они ни на что не годны.

Между тѣмъ пришли сыновья и началось пѣніе. Докторъ и Роландъ были въ восторгѣ, а Эрихъ, быстро схвативъ мелодію пѣсни, присоединился къ поющимъ. Старикъ одобрительно кивнулъ ему головой и, по окончаніи, сказалъ:

— Вотъ какъ, баринъ, и вы тоже умѣете пѣть!

Докторъ всегда возилъ съ собой въ экипажѣ погребецъ. Онъ велѣлъ его принести, и тогда всеобщему веселью не было границъ. Семиствольникъ объявилъ, преимущественно Роланду, что самый счастливый человѣкъ въ мірѣ тотъ, кто пользуется хорошимъ здоровьемъ и умѣетъ пѣть.

Докторъ между тѣмъ распростился и уѣхалъ. Когда настали сумерки, Эрихъ съ Роландомъ тоже оставили домикъ и, въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей Семиствольника, направились къ рѣкѣ, гдѣ отцѣпили лодку и поплыли къ виллѣ.

Рѣка въ этотъ вечеръ была необыкновенно тиха и прозрачна; вечерняя заря бросала на нее пурпуровый оттѣнокъ. Эрихъ сидѣлъ молча; на его долю выпала одна изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда человѣкъ, ни о чемъ не думая, безотчетно наслаждается всѣмъ его окружающимъ. Роландъ и сыновья Семиствольника мѣрно ударяли веслами по водѣ, а потомъ совсѣмъ перестали грести, и лодка медленно и неслышно скользила по глад-

Digitized by Google

кой поверхности рѣки. Когда они причалили къ виллѣ, на небѣ уже загорались звѣзды.

ГЛАВА IV.

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ СЛОВО О БОГАТОМЪ ЮНОШѢ.

На слѣдующее утро пришелъ архитекторъ и отправился съ Роландомъ къ развалинамъ крѣпости, гдѣ мальчикъ подъ его руководствомъ снималъ планы.

Зонненкампъ напомнилъ Эриху о его обѣщаніи навѣстить патера, и лишь только фрейленъ Пэрини вернулась отъ обѣдни, молодой человѣкъ съ своей стороны вышелъ изъ дому.

Жилище патера находилось въ совершенномъ затишьѣ, и еслибъ не рѣзкій звонъ колокольчика у дверей и не громкій лай двухъ бѣлыхъ шавокъ, можно было бы подумать, что здѣсь, посреди этой опрятной и уютной обстановки, никогда не раздается ни малѣйшаго шороха. Собаки вскорѣ успокоились, на лѣстницѣ показалась ключница и попросила Эриха войти. Его, повидимому, ожидали.

На верху Эрихъ нашелъ патера въ его буквально залитой солнцемъ комнатѣ, которая отличалась чрезвычайно простымъ убранствомъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и держалъ въ лѣвой рукѣ книгу, тогда какъ правая покоилась на глобусѣ, стоявшемъ передъ нимъ на низенькой подставкѣ.

— Вы застаете меня странствующимъ по свѣту, — сказалъ патеръ, ласково привѣтствуя Эриха, и пригласилъ его сѣсть на диванъ, надъ которымъ висѣла плохая раскрашенная литографія съ изображеніемъ св. Варѳоломея. Въ этой комнатѣ царствовали невозмутимыя миръ и тишина; все въ ней говорило о скромныхъ вкусахъ хозяина, который, повидимому, ничего не желалъ, какъ проводить дни въ размышленіи и серьезныхъ занятіяхъ. Двѣ канарейки, каждая въ отдѣльной клѣткѣ, нѣсколько оживляли комнату и, какъ шавки внизу встрѣтили гостя лаемъ, такъ онѣ здѣсь привѣтствовали его звонкимъ пѣніемъ. Патеръ на нихъ махнулъ, онѣ мгновенно замолкли и только съ любопытствомъ поглядывали на Эриха.

Хозяинъ сказалъ, что онъ слѣдилъ на глобусѣ странствіе одного миссіонера, и при этомъ повернулъ глобусъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, не другъ миссіонерства? — спросилъ онъ.

— Я смотрю на него, — отвѣчалъ Эрихъ: — какъ на пер-

Digitized by Google

вую ступень къ цивилизаціи народовъ. Миссіонеры, распространяя всюду письменный языкъ посредствомъ священныхъ книгъ, которыя пользуются такимъ почетомъ въ мірѣ, совершаютъ великое дѣло. Они этимъ самымъ до нѣкоторой степени содѣйствуютъ переходу каждаго національнаго языка отъ его неорганическаго состоянія къ органическому.

Патеръ отодвинулъ лежавшую передъ нимъ раскрытую книгу и скрестилъ руки на груди. Съ особеннаго рода покровительственнымъ видомъ, который совершенно естественно проистекалъ изъ его положенія, какъ лица духовнаго, онъ сказалъ Эриху, что слышалъ о немъ много хорошаго. Съ своей же стороны, онъ не можетъ отказать въ уваженіи человѣку, который по убѣжденію измѣняетъ весь ходъ своей жизни. Конечно, это бываетъ часто слѣдствіемъ легкомыслія и неустойчивости въ характерѣ, которая не допускаетъ находить удовлетворенія ни въ какомъ родѣ дѣятельности, но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, можно безошибочно предполагать въ такомъ человѣкѣ большой запасъ искренности и правдивости.

Эрихъ поблагодарилъ и прибавилъ, что не во внѣшнихъ преимуществахъ того или другого званія заключается его достоинство, а въ тѣхъ чисто человѣческихъ сторонахъ, которыя непремѣнно лежатъ въ основѣ каждаго званія.

— Весьма справедливо, — отвѣчалъ патеръ, дѣлая движеніе рукой, какъ бы онъ собирался благословлять: но въ моихъ глазахъ духовное званіе выше всѣхъ. Оно не представляетъ никакихъ выгодъ, не обѣщаетъ ни наградъ, ни славы, но покоится единственно на началахъ, которыя вы, не знаю почему, назвали общечеловѣческими, но которыя гораздо справедливѣе слѣдуетъ называть божественными.

Эрихомъ внезапно овладѣло чувство непривычнаго смиренія, которое удержало его возражать патеру. Слова послѣдняго дышали неподдѣльной кротостью. Въ комнатѣ опять водворилась тишина; ни малѣйшій звукъ не долеталъ въ нее извнѣ.

Изъ окна растилался видъ на паркъ и на виллу и далѣе на противоположный берегъ рѣки. Замѣтя, что Эрихъ любовался прелестнымъ ландшафтомъ, патеръ сказалъ:

— Да, господинъ Зонненкампъ устроилъ все это для себя, но красота его жилища служитъ и для нашего удовольствія. Признаюсь, я не люблю выходить изъ дому, когда того не требуютъ мои обязанности.

— И вамъ не скучно въ этомъ сельскомъ уединеніи?

— О нѣтъ! Я живу въ Богѣ и въ самомъ себѣ. Я здѣсь

Digitized by Google

имѣю все то, что имѣлъ бы и въ большомъ городѣ: прихожанъ, церковь и домъ; остальное для меня не существуетъ.

Изъ глубины души Эриха поднялось воспоминаніе о его ранней молодости, и онъ разсказалъ патеру, какъ посреди веселой жизни гарнизона, его не рѣдко посѣщало желаніе вступить въ духовное званіе. Но, не чувствуя въ себѣ вѣры въ божественное откровеніе, онъ не рѣшался посвятить себя церкви.

— И вы совершенно правы. Вѣры никто не можетъ самъ себѣ дать, но смиреніе всякій можетъ и долженъ въ себѣ вырабатывать, а съ нимъ вмѣстѣ нисходитъ на человѣка и благодать вѣры.

Патеръ произнесъ эти слова какъ математическую истину; Эрихъ почтительно возразилъ:

— Родной языкъ посредствомъ внѣшнихъ звуковъ вводитъ человѣка въ извѣстный кругъ мыслей и ощущеній. Нельзя ли сказать, что и у души есть тоже своего рода языкъ, и что онъ, даже и безъ внѣшнихъ звуковъ образуетъ въ немъ религіозное настроеніе и привычку, которыхъ никто не долженъ оспаривать и которыя, если искренни, не могутъ быть уничтожены, такъ какъ въ ихъ основной причинѣ почва и корень составляютъ одно.

— Вы изучали мистиковъ? — спросилъ патеръ.

— Отчасти. Я только хотѣлъ изо всего этого вывести то заключеніе, что всѣ честные противники должны, по возможности, приходить къ соглашенію тамъ, гдѣ дѣло идетъ о неприкосновенномъ и недоказанномъ.

Опять настало молчаніе. Эрихъ и патеръ оба, каждый по своему, стремились къ истинѣ и искренно желали ей служить.

— Вы въ возрастѣ, такъ началъ патеръ, когда молодые люди обыкновенно помышляютъ о женитьбѣ. Согласно съ нравами нынѣшняго вѣка они стараются взять за себя дѣвушку съ деньгами... съ большими деньгами... съ очень большими деньгами. У васъ такой честный, открытый взглядъ, что я, если бы и умѣлъ, не сталъ бы хитрить съ вами. Я прямо поставлю вопросъ: правда ли, что вы сватаетесь за фрейленъ Зонненкампъ?

— Я? — въ изумленіи воскликнулъ Эрихъ: — Я!

— Да, вы.

— Благодарю васъ, — сказалъ Эрихъ, когда прошла первая минута удивленія: — благодарю васъ за вашъ прямой вопросъ. Вамъ извѣстно, что я не принадлежу къ вашей церкви...

— А фрейленъ Зонненкампъ принадлежитъ, и было бы трудно...

— Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, — перебилъ его Эрихъ: — странно, право, черезъ сколько испытаній мнѣ привелось здѣсь пройти. Меня по очереди допрашивали гордый наѣздникъ,

Digitized by Google

знатный баринъ, воинъ, докторъ, а теперь хотятъ еще пропустить сквозь духовное рѣшето.

— Я васъ не понимаю.

— Пусть такъ, — продолжалъ Эрихъ: — я согласенъ исповѣдаться въ вашемъ кроткомъ, священномъ присутствіи, и объявляю, что если католичество предписываетъ вамъ безбрачіе, то я нахожу его равно необходимымъ для всякаго, кто хочетъ жить для идеи. Художникъ, ученый, священникъ не должны создавать семьи. Отрекаясь отъ семейныхъ радостей, они могутъ полнѣе отдаваться служенію мысли и тѣмъ самымъ удовлетворительнѣе выполнять свое назначеніе.

— Divisus est! divisus est! — сказалъ ему патеръ.—Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что мысли женатаго не принадлежатъ уже одному Богу, но дѣлятся между нимъ и женой. Онѣ еще болѣе раздѣляются, когда судьба его дѣтей становится его собственной. У священника нѣтъ судьбы.

Улыбка мелькнула на лицѣ патера, когда онъ продолжалъ:

— Представьте себѣ, что я женатъ на сварливой женщинѣ... Конечно, бываютъ и кроткія, самоотверженныя женщины, но нельзя же отрицать, что существуютъ и злыя. Мнѣ, священнику, предстоитъ съ каѳедры проповѣдывать о мирѣ, согласіи и любви, а не далѣе, какъ часъ тому назадъ, я самъ ссорился и бранился...

Вдругъ онъ приложилъ палецъ къ губамъ и остановился, замѣтивъ, что слишкомъ далеко ушелъ отъ цѣли. Фрейленъ Пэрини уже успѣла сообщить ему, что Эрихъ, до пріѣзда своего сюда, былъ въ монастырѣ. Съ удивленіемъ на него взглянувъ, патеръ спрашивалъ теперь самъ себя: случайно или умышленно далъ молодой человѣкъ такой неожиданный оборотъ ихъ разговору? Какъ бы то ни было, онъ все-таки не терялъ надежды, тѣмъ или другимъ способомъ, добиться отъ Эриха прямого отвѣта. Зорко наблюдая за нимъ, онъ, какъ бы невзначай, спросилъ, дѣйствительно ли Эрихъ сознаетъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобъ воспитать сообразно съ своими убѣжденіями юношу, подобнаго Роланду?

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно, и патеръ еще спросилъ:

— Что вы намѣрены ему прежде всего внушить?

— Могу отвѣчать въ двухъ словахъ, я хотѣлъ бы развить въ Роландѣ, — сказалъ Эрихъ: — любовь къ міру и людямъ. Полюбивъ ихъ, онъ совершенно естественно захочетъ дѣлать имъ добро. Если же, напротивъ, я научу его презирать свѣтъ и мало цѣнить жизнь, то онъ, пожалуй, станетъ во зло употреблять дарованныя ему силы.

— Мнѣ очень жаль, — кротко замѣтилъ патеръ: — что

Digitized by Google

вы невѣрующій. Вы на пути ко спасенію, но добровольно съ него сворачиваете. Знаете ли вы, что̀ такое богатство? Я вамъ скажу: богатство — это величайшее испытаніе нашего времени, одна изъ самыхъ необузданныхъ силъ природы, съ которой совладать можетъ одинъ всемогущій Господь. Оно превосходитъ всякую другую матеріальную силу. Животное ищетъ себѣ, и ищетъ только необходимаго; одинъ человѣкъ собираетъ то, чего ни самъ не можетъ съѣсть, ни дѣти его. Тотъ, кто такъ много получаетъ отъ жизни, неизбѣжно подвергаетъ опасности свою душу. Я пробовалъ привести этого мальчика и всѣхъ его домашнихъ къ тому, чтобы они, по крайней мѣрѣ, разъ въ день, передъ каждымъ обѣдомъ, вспоминали, откуда имъ ниспосланы всѣ эти блага, которыми они такъ легкомысленно пользуются. Не думаете ли вы, что возможно въ богатыхъ людяхъ пробудить чувство нравственности иначе, какъ посредствомъ религіи? Молитва, произносимая передъ обѣдомъ, заставляетъ человѣка одумываться: она напоминаетъ ему, что есть кто-то, кого ему слѣдуетъ благодарить за все, чѣмъ онъ владѣетъ. Подобная мысль непремѣнно сбиваетъ съ него часть гордости и самодовольства, и, вмѣстѣ со смиреніемъ, возбуждаетъ въ немъ желаніе дѣлиться съ ближними. Только тамъ, гдѣ есть господень страхъ,—да, именно страхъ,— возможно и успокоительное сознаніе, что пользуешься его всемогущимъ покровительствомъ. На обѣденномъ столѣ этихъ богачей ежедневно красуется роскошный букетъ. За скудной трапезой бѣднѣйшихъ изъ деревенскихъ обывателей благоухаетъ гораздо болѣе роскошный букетъ изъ цвѣтовъ небесной благодати, нисходящей на нихъ вмѣстѣ со словами молитвы. Душа наполняется спокойствіемъ, и пища принимается тѣломъ съ бо̀льшей пользой. Тамъ, на верхнемъ Рейнѣ, они говорятъ: «движимое имущество», движимость. И они правы: всѣ богатства нынѣшняго вѣка, не что иное, какъ движимыя имущества. Они переходятъ изъ рукъ въ руки и исчезаютъ. Вѣрьте мнѣ! — воскликнулъ патеръ и взялъ Эриха за руку: — вѣрьте мнѣ, главное зло нашего времени заключается въ государственныхъ бумагахъ.

— Въ государственныхъ бумагахъ? Какъ такъ? Я не понимаю!

— Да это и не легко понять. Кому можно отдавать въ займы милліоны? Одному государству. Безъ государственныхъ бумагъ не существовала бы и возможность занимать такія большія суммы. Въ прежнія времена не было богачей, подобныхъ нынѣшнимъ; людямъ не куда было помѣщать на проценты свои милліоны. Теперь же, благодаря государственнымъ бумагамъ,

Digitized by Google

весь міръ живетъ на проценты, хотя это и запрещаютъ каноническіе законы. Въ былое время, люди, видите ли, владѣли большими недвижимостями, какъ-то: полями, лѣсами. Они, такимъ образомъ, зависѣли отъ божьяго солнышка. Если жатва ихъ созрѣвала во-время и приносила обильные плоды, они, собирая ихъ въ глазахъ всѣхъ, жертвовали церкви десятую часть своего дохода. Теперь же богатства хранятся въ несгораемыхъ, недоступныхъ для воровъ сундукахъ; ни солнце, ни вѣтеръ, ни дурная погода не имѣютъ на нихъ вліянія; они никому не видимы, и отъ доходовъ съ нихъ никуда не жертвуется десятая часть; развѣ только на долю банкира выпадаетъ небольшой лажъ. Жатва владѣтеля государственныхъ бумагъ заключается въ стрижкѣ купоновъ; изъ нихъ онъ вяжетъ свои снопы. Еслибъ Господь нашъ снова явился на землѣ, ему уже не пришлось бы болѣе выгонять изъ храма мѣнялъ и торговцевъ. Они выстроили теперь свои собственные храмы. Да, нынѣшній градъ Сіонъ, въ который стремятся всѣ богачи и короли нашего времени, подъ защиту котораго всѣ прибѣгаютъ, — это англійскій банкъ! Думали ли вы когда-нибудь о томъ, что станется съ человѣчествомъ, если государственные долги все будутъ расти и умножаться? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Весь міръ будетъ заложенъ и перезаложенъ, а кто станетъ его выкупать? Дающіе въ займы потребуютъ наконецъ себѣ уплаты. Вспыхнетъ всеобщій пожаръ, передъ которымъ не устоятъ и несгораемые сундуки; настанетъ потопъ, который уничтожитъ милліоны и милліоны государственныхъ бумагъ. Въ Америкѣ обыкновенно говорятъ, что тотъ или другой человѣкъ стоитъ столько-то долларовъ, — и только такимъ образомъ оцѣниваютъ людей. Я не радуюсь чужимъ бѣдамъ, но признаюсь вамъ, хотѣлъ бы дожить до банкротства англійскаго банка. Вообразите себѣ: ночью приходитъ извѣстіе, что все погибло! Тысячи мужчинъ и женщинъ, лишенные того, что придавало имъ блескъ, внезапно увидятъ себя на голой землѣ и узнаютъ все свое ничтожество.

Эрихъ улыбнулся. У него мелькнуло въ головѣ, что всякій человѣкъ, поставленный, какъ патеръ, въ одинокое положеніе и имѣющій мало или никакого общенія съ людьми, ему равными по уму и образованію, невольно долженъ впасть въ отвлеченности.

— Конечно, сказалъ Эрихъ, допустивъ возможность существованія покупщика для земли, увидишь, что она обременена долгами, превышающими ея стоимость. За то личное достояніе человѣка, въ свою очередь, далеко превосходитъ ея стоимость, такъ какъ оно, главнымъ образомъ, заключается въ его нравственномъ бытіи и въ рабочей силѣ, Имущество въ прежнія времена состояло все въ

Digitized by Google

глыбахъ земли; на долю нашего вѣка выпала задача возвысить цѣнность нравственнаго и движимаго имущества людей.

Онъ хотѣлъ еще прибавить, что у римлянъ, даже во времена республики, существовало такое же несоразмѣрное распредѣленіе богатствъ между отдѣльными личностями, но патеръ былъ до такой степени занятъ собственными мыслями, что едва его слушалъ. Онъ всталъ, подошелъ къ шкапу съ книгами, взялъ большую библію, раскрылъ ее и, подавая Эриху, сказалъ:

— Возьмите прочтите: вотъ единственный способъ, какимъ Роландъ можетъ быть воспитанъ. Читайте!

Эрихъ повиновался и прочелъ:

«Когда выходилъ Онъ въ путь, подбѣжалъ нѣкто, палъ передъ нимъ на колѣни и спросилъ его: Учитель благій! что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную? Іисусъ сказалъ ему: что ты называешь меня благимъ? Никто не благъ, какъ только одинъ Богъ. Знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, не обижай, почитай отца своего и мать. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: Учитель! все это сохранилъ я отъ юности моей. Іисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его и сказалъ ему: одного тебѣ не достаетъ; пойди, все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, послѣдуй за мною, взявъ крестъ. Онъ же, смутившись отъ сего слова, отошелъ съ печалію; потому что у него было большое имѣніе. И посмотрѣвъ вокругъ, Іисусъ говоритъ ученикамъ своимъ: какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе! Ученики ужаснулись отъ словъ его. Но Іисусъ опять говоритъ имъ въ отвѣтъ: дѣти! какъ трудно надѣющимся на богатство войти въ царствіе Божіе! Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе!»

— А теперь встаньте, сказалъ Эриху патеръ, и скажите,—онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ:—скажите честно, развѣ это не единственный способъ?

— Говоря по чести: нѣтъ! Того, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, я люблю и уважаю можетъ быть болѣе, нежели многіе вѣрующіе. Но самое ученіе возникло въ то время, когда всякое дѣйствительное могущество, государство, богатство, всѣ преходящія блага презирались и отвергались, какъ не имѣющія никакого значенія въ сравненіи съ чистой идеей. Такое ученіе должно было, во времена рабства и иноземнаго владычества, поддерживать въ добрѣ людей съ высокими понятіями о нравственности, и благотворно дѣйствовать на сердца, которыя, видя, какъ исчезаютъ сила и слава сего міра, искали въ новыхъ учрежденіяхъ торжества

Digitized by Google

чистой идеи. Но если всѣ, безъ исключенія, станутъ отрекаться отъ своихъ имуществъ, гдѣ же будутъ тѣ, въ чью пользу станутъ отрекаться? И почему слова, проповѣдующія отреченіе, не были возведены церковью въ законъ?

— Мнѣ нравится, отвѣчалъ патеръ, что вы такъ прямо идете къ цѣли. Наша церковь имѣетъ, кромѣ общихъ законовъ, еще законы частные, которые она предлагаетъ желающимъ достигнуть совершенства. Таковы законы о цѣломудріи и добровольной бѣдности: имъ подчиняются только тѣ, которые стремятся быть совершенными.

— Я спрашиваю себя, снова началъ Эрихъ: ученіе объ откровеніи, которое разсматриваетъ всѣ явленія чисто нравственнаго свойства, распространяется ли оно также и на вопросы мірскіе? Человѣчество развивается, и съ теченіемъ времени не возникаютъ-ли въ мірѣ новыя общественныя условія, подобно тому, какъ въ природѣ выдвигаются новыя силы, въ родѣ пара или электричества?

— Человѣкъ, отвѣчалъ патеръ: съ искони вѣковъ одинъ и тотъ же, измѣняется только гражданинъ. Я не требую... богатый юноша самъ отъ себя не требовалъ совершенства, и потому онъ не подходитъ подъ законъ о добровольной бѣдности. Я только хотѣлъ вамъ доказать, что вы никогда не будете въ состояніи воспитать этого мальчика, если не внушите ему положительныхъ религіозныхъ вѣрованій. Животное смѣетъ все, что можетъ; у него не можетъ быть и рѣчи о воздержаніи. Иное дѣло человѣкъ: онъ не смѣетъ дѣлать всего, что въ его власти. Дѣлать только то, на что у насъ есть силы, или лучше сказать, къ чему мы имѣемъ склонность, и во всѣхъ поступкахъ руководствоваться единственно этой склонностью, не значитъ еще быть человѣкомъ. Человѣческое достоинство начинается тамъ, гдѣ эти склонности попираются ногами, и человѣкъ начинаетъ дѣлать то, что ему предписываетъ законъ божескій. Еслибъ всякій въ своихъ поступкахъ сообразовался только со своими склонностями, то за безопасность человѣчества нельзя бы было поручиться даже въ теченіи одного дня. Его цѣльность обезпечивается, и оно поддерживается въ добрѣ только закономъ Божіимъ, за чертой котораго начинается грѣхопаденіе, но съ этимъ не соглашаются господа естествоиспытатели. Побужденія у животныхъ очень сильны, но человѣкъ можетъ свои побужденія по произволу усиливать, возбуждать и разнообразить: гдѣ тутъ границы, если ихъ не воздвигнетъ законъ Божій? Но во всемъ этомъ я еще не касался вопроса о церкви. Сколько мнѣ извѣстно, вы особенно много занимались изученіемъ исторіи?

Digitized by Google

— Занимался, но не очень много.

— Во всякомъ случаѣ, вамъ извѣстно, что ни одинъ народъ, ни одно государство не могутъ достигнуть свободы, если во главѣ ихъ не стоитъ церковь, учрежденіе неизмѣнное и непоколебимое. Вы хотите, сколько мнѣ кажется, сдѣлать изъ этого мальчика человѣка свободнаго. Мы тоже любимъ людей свободныхъ, желаемъ ихъ побольше, но они не возможны безъ религіи, безъ строгаго повиновенія ея законамъ. Величайшій результатъ, какого можно достигнуть путемъ воспитанія, заключается въ томъ, чтобъ даровать человѣку душевное спокойствіе.... понимаете-ли вы?... душевное спокойствіе. Въ состояніи-ли ваша свѣтская мудрость создать это спокойствіе, это всегда ровное настроеніе духа, эту готовность къ самопожертвованію?... вѣдь вся наша жизнь есть не что иное, какъ рядъ самопожертвованій! Если вы все это можете дать человѣку наравнѣ съ религіей, то права ваши одинаковы съ нашими. Но я сильно въ томъ сомнѣваюсь. Мое мнѣніе подтверждается опытами тысячелѣтій и фактами, ежедневно совершающимися на нашихъ глазахъ, а вамъ еще предстоитъ доказать противное.

— Для насъ, возразилъ Эрихъ, религія составляетъ не все воспитаніе, а только часть его, и этимъ мы отличаемся отъ духовенства. За тѣмъ уже не наша вина, если религія находится въ противорѣчіи съ наукой.

— Наука, сказалъ патеръ, ничего не значитъ въ отношеніи къ вѣчности. Существуютъ или нѣтъ электрическіе телеграфы и швейныя машины, это не касается вѣчной жизни. Она дала намъ только одно откровеніе, содержаніе котораго останется неизмѣннымъ, сколько бы еще новыхъ изобрѣтеній ни сдѣлали люди въ теченіи своего земного существованія.

— А у церкви могутъ быть имущества? не безъ робости спросилъ Эрихъ.

— Церковь ничего не имѣетъ, она только всѣмъ управляетъ, рѣзко отвѣчалъ патеръ.

— Мнѣ кажется, мы слишкомъ далеко зашли въ нашихъ разсужденіяхъ, поспѣшилъ сказать Эрихъ, и прибавилъ:

— Нельзя ожидать, чтобъ господинъ Зонненкампъ и его сынъ отказались отъ своихъ богатствъ, и намъ остается только искать, какой за тѣмъ лучшій способъ вести Роланда къ добру?

— Совершенно справедливо! воскликнулъ патеръ и, внезапно вставъ со своего мѣста, быстро зашагалъ по комнатѣ:—совершенно справедливо! Мы теперь опять на прямой дорогѣ. Выслушайте меня внимательно. Въ мірѣ, видите-ли, появилась новая сила, которая еще не успѣла пріобрѣсти себѣ мѣста въ высшей

Digitized by Google

сферѣ нравственнаго порядка вещей. Это, такъ-называемая *haute finance*. Вы съ удивленіемъ на меня смотрите?

— Не съ удивленіемъ, а съ вопросомъ.

— Такъ. Эта *haute finance* колеблется между высшимъ и низшимъ слоемъ общества: я спрашиваю, къ которому изъ двухъ она примкнетъ? Не долженъ-ли такой богатый, «мѣщанскій» юноша, какъ Роландъ, разъ очутившись въ водоворотѣ жизни, непремѣнно пойдти ко дну.

— Отчего же вы полагаете, спросилъ Эрихъ, что съ нимъ это можетъ случиться легче и скорѣе, чѣмъ съ юношей благороднаго происхожденія, носящаго военный или гражданскій мундиръ? Или вы думаете, что послѣдняго спасетъ религія?

— Нѣтъ, не религія, а другое столь же положительное учрежденіе, а именно дворянство, на долю котораго выпало то преимущество, что для него годы шаловливой юности проходятъ съ наименьшимъ вредомъ для будущаго. Дворянинъ въ зрѣломъ возрастѣ возвращается въ свое помѣстье, дѣлается добрымъ семьяниномъ и съ достоинствомъ поддерживаетъ свое положеніе въ свѣтѣ. Но даже и въ большомъ городѣ, посреди всякаго рода сумасбродствъ, его удерживаетъ въ извѣстныхъ границахъ сознаніе, что онъ членъ высшаго общества и двора. Но что подобнаго имѣетъ богатый юноша изъ мѣщанъ? У него нѣтъ ни сословной чести, ни общественныхъ обязанностей, по крайней мѣрѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Эрихъ, для Роланда, быть можетъ, было бы величайшимъ счастьемъ, еслибъ его отцу удалось получить дворянство?

— Не знаю, отвѣчалъ патеръ, недовольный тѣмъ, что зашла рѣчь о предметѣ, о которомъ онъ недавно имѣлъ интимный разговоръ съ самимъ Зонненкампомъ.

— Не знаю, повторилъ онъ и продолжалъ:—Еслибъ вмѣстѣ съ дворянскимъ дипломомъ можно было получить и семнадцать поколѣній предковъ, это, пожалуй, было бы хорошо, но новое дворянство.... Мы лучше оставимъ это. Я хочу сказать, что у дворянства есть честь, историческія, наслѣдственныя обязанности; оно создало себѣ законы, которые стремится оправдывать на дѣлѣ: *noblesse oblige*, дворянство обязываетъ, говоритъ оно. А богатство, какими законами руководствуется? Самыми грубыми, чисто животными. Знаете-ли вы, что̀ гласитъ главный изъ нихъ?

— Я не вижу, куда вы мѣтите.

— Законъ, ставящій пріобрѣтеніе выше всего въ мірѣ, говоритъ: «самъ себѣ помогай». Но это дѣлаетъ и животное: оно также само себѣ помогаетъ. Итакъ, богатство стоитъ между

Digitized by Google

дворянствомъ и народомъ, и не имѣетъ ни нравственныхъ началъ, ни обязанностей. Подъ словомъ народъ, я здѣсь разумѣю не одно только сословіе, работающее руками, но и всѣхъ людей науки, искусства и даже церкви. У народа есть трудъ; — *haute finance* не имѣетъ чести, а о трудѣ знаетъ не болѣе, какъ сколько нужно для того, чтобъ заставлять трудиться другихъ и извлекать себѣ изъ ихъ труда пользу. Что же у нея есть? Деньги... Чего она отъ нихъ требуетъ? Наслажденія!... Кто доставляетъ ей на это обезпеченіе? Государство!... А что она дѣлаетъ для государства? Вотъ вопросъ! Знаете-ли вы на него отвѣтъ?

Эрихъ, слегка дрожащимъ голосомъ, сказалъ:

— Если дворянство чувствуетъ за собой право и обязанность.... ну, скажемъ хоть для того, чтобы предводительствовать войсками на войнѣ, то пусть богатые юноши возьмутъ на себя обязанность безвозмездно служить въ рядахъ войска мира. Пусть они поставятъ себѣ въ законъ дѣятельность, направленную къ улучшенію общественнаго быта вообще и дойдутъ до полнаго самоотверженія въ дѣлахъ благотворительности.

— Послѣднее принадлежитъ однимъ намъ, перебилъ его патеръ: вы же никогда этого не достигнете безъ религіи. Вы никогда не дойдете до того, чтобъ люди, движимые только состраданіемъ, да своимъ, какъ вы его называете, чисто-человѣческимъ чувствомъ, согласились выходить изъ роскоши и, подобно намъ, посѣщать хижины бѣдныхъ, беззащитныхъ, больныхъ и умирающихъ.

Между тѣмъ, какъ патеръ произносилъ эти слова, явился кистеръ съ извѣстіемъ, что одинъ старый умирающій виноградарь проситъ совершить надъ нимъ таинство соборованія. Патеръ въ туже минуту былъ готовъ за нимъ слѣдовать. Эрихъ удалился.

Когда онъ очутился на улицѣ и вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ, ему на мгновеніе показалось, будто онъ вышелъ изъ атмосферы, пропитанной запахомъ ладана. Но нѣтъ, подумалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ: это нѣчто иное, тутъ чувствуется сила, которая лицемъ къ лицу становится съ великой загадкой человѣческаго существованія. Эрихъ шелъ въ глубокомъ раздумьи. У него опять промелькнуло въ умѣ, насколько болѣе его могутъ давать другимъ тѣ, которые имѣютъ твердыя, догматическія правила, не выработанныя ими самими въ себѣ, а скорѣе ими только прочувствованныя. Что же до него касается, то онъ все долженъ почерпать въ самомъ себѣ, въ собственномъ разумѣ.

— Но можетъ-ли то, что выходитъ изъ моего разума, годиться для разума другого человѣка? внезапно задалъ онъ себѣ вопросъ.

Digitized by Google

Эрихъ остановился. Краска бросилась ему въ лице при мысли, что, воспитывая другого, онъ въ тоже время воспитываетъ и самого себя. Пусть же, думалъ онъ, мальчикъ тоже самъ изъ себя почерпаетъ свое знаніе и пониманіе вещей. Что за воспитаніе, которое предлагаетъ одно готовое? Оно не должно ограничиваться тѣмъ, чтобы постоянно протягивать юношѣ руку и водить его, предоставляя ему самому только передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Эрихъ стоялъ на половинѣ горы, на дорогѣ, которая вела къ маіору. Онъ взглянулъ внизъ на виллу, носившую гордое названіе Эдема, и ему припомнилось библейское слово: въ саду Эдема стоятъ два дерева, дерево жизни и дерево познанія добра и зла; для того, кто вкуситъ плодовъ отъ дерева познанія, настаетъ конецъ блаженной жизни... Неужели это всегда такъ?

Вдругъ онъ точно прозрѣлъ; человѣку даны на землѣ три вещи: наслажденіе, отреченіе отъ земныхъ благъ и знаніе.

Тамъ, Зонненкампъ желаетъ для своего сына наслажденія. Весь міръ въ его глазахъ есть не что иное, какъ накрытый столъ; учиться надо настолько, чтобъ найдти прямой путь къ наслажденію и настоящую его мѣру. Земля есть увеселительное мѣсто; она производитъ растенія для нашего удовольствія. У насъ въ жизни нѣтъ другого назначенія, какъ гулять, ѣсть, пить, спать и опять гулять.... и для этого должно свѣтить солнце?

Чего хочетъ патеръ? Отреченія отъ земныхъ благъ? На семъ свѣтѣ нѣтъ ничего, достойнаго любви; его радости не болѣе какъ обманчивыя мечты, и потому лучше отъ нихъ отвернуться.

А чего хочемъ мы, и чего желаютъ тѣ, на которыхъ стремимся походить? Знанія. Жизнь не раздѣляется только на наслажденіе и на отреченіе: знаніе заключаетъ ихъ обоихъ въ себѣ; оно изъ нихъ двухъ дѣлаетъ одно. Наука, это мать долга и прекрасныхъ дѣлъ.

Въ древнія времена воины получали изъ рукъ боговъ щитъ, который ограждалъ ихъ отъ всякой опасности. Эрихъ ни отъ кого не получилъ щита, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя защищеннымъ и укрытымъ отъ всѣхъ бѣдъ. Онъ былъ такъ счастливъ самъ въ себѣ, что болѣе ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждался; знаніе давало ему все.

Онъ пошелъ далѣе и, успокоенный и довольный, вступилъ въ домъ маіора, жившаго въ ближайшей деревнѣ. Онъ зналъ, что здѣсь не ожидалъ его никакой экзаменъ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

ДОВРЫЙ ТОВАРИЩЪ.

Маіоръ жилъ на горѣ, посреди виноградниковъ, въ домикѣ богатаго виноторговца, который былъ членомъ одного съ нимъ братства. Масонство играло въ жизни маіора важную роль. Около него преимущественно вертѣлись всѣ его мысли; онъ относился къ нему, какъ къ святынѣ, и когда видѣлъ людей, недоумѣвающихъ передъ той или другой жизненной загадкой, на лицѣ его появлялось выраженіе, говорившее: «для меня не существуетъ тайнъ; мнѣ все ясно. Прійдите къ намъ, у насъ есть на все отвѣтъ.»

Одна сторона дома, во флигелѣ котораго жилъ маіоръ, выходила на большую дорогу, а другая смотрѣла окнами на рѣку съ горами на противоположномъ берегу. Маіоръ строго держался въ границахъ своего домика и маленькаго садика съ бесѣдкой, который былъ отведенъ исключительно для его употребленія. Главная часть зданія находилась подъ его надзоромъ, но онъ не жилъ въ ней, и втеченіи многихъ мѣсяцевъ, когда большой домъ и садъ оставались пустыми, онъ ни разу въ нихъ не заглядывалъ.

Эрихъ засталъ маіора въ его собственномъ садикѣ. Онъ читалъ газету и курилъ длинную трубку, а передъ нимъ стояла чашка холоднаго кофе. Противъ него сидѣла пожилая женщина, въ высшей степени опрятно одѣтая, съ большимъ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ. Она штопала чулки, но съ приходомъ Эриха встала, собираясь уйдти. Маіоръ коснулся рукой своей военной фуражки и вынулъ изо рта длинную трубку.

— Фрейленъ Милькъ, сказалъ онъ: — это мой камрадъ, господинъ докторъ Дорнэ, капитанъ въ отставкѣ.

Фрейленъ Милькъ присѣла, взяла корзинку съ чулками и скрылась въ домикѣ.

— Она умна и добра, всегда всѣмъ довольна и весела. Вамъ надо съ ней поближе познакомиться, сказалъ ей вслѣдъ маіоръ. — А какой она знатокъ человѣческаго сердца! Во всемъ мірѣ не найдется другого ей подобнаго. Она видитъ людей насквозь.... Садитесь же, товарищъ, вы пришли въ мой самый лучшій часъ. Вотъ видите: я такъ и живу.... Мнѣ, собственно говоря, нечего дѣлать, но я все-таки рано встаю.... это удлиняетъ жизнь.... къ тому же я этимъ способомъ ежедневно одерживаю побѣду надъ своей лѣнивой натурой. Я встаю, моюсь холодной

Digitized by Google

водой и иду гулять.... часто противъ воли, но иду, потому что долженъ. Возвратясь, я сажусь здѣсь.... передо мной столъ съ бѣлой скатертью, на немъ въ красивомъ приборѣ кофе, густыя сливки, булки.... масла я не употребляю. Я наливаю кофе, обмакиваю въ него булку.... она пріятно хруститъ.... у меня зубы еще цѣлы, благодаря фрейленъ Милькъ, которая содержитъ ихъ въ порядкѣ.... за второй чашкой я беру трубку, курю и думаю.... курю и знакомлюсь съ исторіей въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ ее ежедневно предлагаетъ газета.... Глаза у меня еще крѣпкіе, я читаю безъ очковъ, стрѣляя, попадаю въ цѣль, и слышу хорошо, и спина у меня здоровая.... держусь прямо, какъ рекрутъ.... Не правъ ли я, товарищъ, что со всѣмъ этимъ считаю себя богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ?... За обѣдомъ у меня бываетъ отличный супъ.... никто въ мірѣ не умѣетъ варить такого супа, какъ она.... кусокъ превосходнаго жаркого, кружка вина, кофе.... она изъ четырехъ кофеинокъ сваритъ вамъ такого кофе, какого другая не съумѣетъ приготовить изъ цѣлаго фунта.... И что же, не смотря на все это, мнѣ не разъ приходилось читать наставленія вашему покорному слугѣ. Ты самый неблагодарный человѣкъ въ мірѣ, говорилъ я самъ себѣ, если можешь по временамъ бывать злымъ и желать того, чего не имѣешь. Смотри, какъ около тебя все мило: хорошій хлѣбъ, покойный стулъ, добрая трубка.... вокругъ миръ и тишина.... Развѣ ты не счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, оттого что всѣмъ этимъ владѣешь?... Да, добрый товарищъ! Вы.... вы чертовски учены.... извините.... я хочу сказать вы очень учены.... Я же, видите ли, ничего не знаю, ничему не учился.... Я былъ барабанщикомъ.... ужо я вамъ это разскажу.... Да, товарищъ.... что я хотѣлъ сказать?... а, вспомнилъ! Вы знаете въ тысячу разъ больше моего, но, не смотря на это, все-таки можете кое-чему у меня научиться. Вамъ надо еще приноровиться къ жизни; *настоящее* должно составлять все; въ *настоящемъ* ищите наслажденія и будьте счастливы *настоящимъ*. Настоящій часъ, разъ что онъ пробилъ, уже болѣе не вернется. О завтрашнемъ днѣ никогда не слѣдуетъ думать!... Вздохните поглубже, товарищъ.... Что за чудный воздухъ! Есть ли гдѣнибудь другой, лучшій?... Къ тому же мы имѣемъ теплую, чистую одежду!... Ахъ! станемъ благодарить Творца вселенной!... Да, мой другъ, еслибъ мнѣ въ моей молодости кто-нибудь говорилъ все то, что я вамъ теперь говорю.... Однако, что это я?... Извините, я старый болтунъ.... Какъ мило съ вашей стороны прійдти навѣстить меня!... Ну, что ваши дѣла? Вы дѣйствительно намѣреваетесь воспитывать этого юношу? Мнѣ кажется, вы настоящій для того человѣкъ.... вы сформируете его.... Вамъ, то-

Digitized by Google

варищъ, конечно извѣстно, что̀ такое значитъ сформировать человѣка?... Это можетъ сдѣлать только военный.... Одни военные могутъ воспитывать людей.... строгая дисциплина необходима для этого.... Но я вамъ за мальчика ручаюсь.... изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ.... непремѣнно выйдетъ.... фрейленъ Милькъ говоритъ, что выйдетъ, если только онъ попадетъ въ хорошія руки. Школьные учителя никуда не годятся. Учитель Кнопфъ былъ отличный малый, добрый и дѣльный, но слишкомъ слабъ и не умѣлъ натянуть поводья. Но, благодареніе Творцу вселенной, теперь нашелся настоящій для него человѣкъ.... Спасибо вамъ за то, что ко мнѣ пришли. Если я могу вамъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ, то не забывайте, что мы товарищи. Какое счастье, что вы были военнымъ! Я всегда желалъ для него военнаго.... фрейленъ Милькъ въ томъ свидѣтельница.... я ей сотни разъ повторялъ: только бы намъ добыть военнаго человѣка!... Теперь мы сдѣлаемъ изъ Роланда воина, настоящаго воина; у него много мужества и недостаетъ только выправки.

— Я желалъ бы, началъ Эрихъ: — и если дѣйствительно поступлю на это мѣсто....

— Какъ, если дѣйствительно поступлю? Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,— я вамъ это говорю.... А мы тоже что-нибудь да значимъ! Однако, извините, я больше ни слова не скажу.... Итакъ, товарищъ, вы говорите....

— Я хочу сказать, что намъ не надо готовить Роланда исключительно къ тому или другому званію. Пусть онъ прежде всего будетъ образованнымъ, разсудительнымъ и добрымъ человѣкомъ, а если тогда явится призваніе....

— Совершенно справедливо... въ высшей степени умно сказано... такъ... хорошо... Судьба этого мальчика меня сильно озабочивала! Какъ глупы, однако, люди, желающіе себѣ милліоновъ! Вѣдь больше желудка человѣку нельзя съѣсть; больше восьми часовъ никто не въ состояніи спать. Главное — торжественно произнесъ маіоръ, понизивъ голосъ и поднявъ къ верху руку — главное, онъ долженъ вернуться къ природѣ... въ этомъ все... да, онъ долженъ вернуться къ природѣ!

Къ счастью, Эрихъ не полюбопытствовалъ узнать, что̀ подразумѣваетъ маіоръ подъ словами: «вернуться къ природѣ.» Маіору не легко было бы ему это объяснить, такъ какъ онъ самъ не зналъ, что̀ хотѣлъ этимъ сказать. Тѣмъ не менѣе онъ очень любилъ эту фразу, повторялъ ее при каждомъ удобномъ случаѣ, а затѣмъ предоставлялъ всякому самому доискиваться до ея смысла.

Digitized by Google

— Вернуться къ природѣ — этимъ все сказано, повторилъ онъ минуту спустя и продолжалъ:

— Что я еще хотѣлъ у васъ спросить?... Да! Вѣдь вы не дворянскаго происхожденія, и вамъ, безъ сомнѣнія, тоже пришлось не мало вынести въ военной жизни?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и маіоръ нерѣшительно продолжалъ:

— Такъ... такъ... Вамъ, въ качествѣ образованнаго, ученаго человѣка, привелось меньше моего терпѣть... Я наконецъ принужденъ былъ подать въ отставку. Когда-нибудь ужъ я вамъ это разскажу.

Эрихъ сообщилъ, что онъ только-что былъ у патера, и маіоръ замѣтилъ:

— Онъ честный человѣкъ, но я не имѣю ничего общаго съ духовенствомъ. Вы знаете — я принадлежу къ обществу масоновъ.

Эрихъ кивнулъ головой, а маіоръ продолжалъ:

— Все, что есть во мнѣ хорошаго, все отъ масоновъ. Мы съ вами еще объ этомъ поговоримъ... я хочу быть вашимъ воспріемникомъ. Какъ радъ будетъ съ вами познакомиться Вейдеманъ!

Опять имя Вейдемана было произнесено тономъ, какимъ человѣкъ выражаетъ свой восторгъ, любуясь съ вершины горы прелестнымъ ландшафтомъ.

— Вы упомянули о духовенствѣ... снова началъ маіоръ: видите ли — и онъ придвинулъ свой стулъ поближе къ Эриху: видите ли вся сила барабана внутри... Я, видите ли, былъ барабанщикомъ... нѣтъ, вы не смѣйтесь.... всѣ говорятъ, что барабанъ производитъ только шумъ, а я вамъ скажу, что въ немъ заключается прекраснѣйшая музыка.... Я ни къ кому близко не подхожу.... видите ли, я вамъ скажу... будьте внимательны... Я съ вами не спорю, говорю я, что вы слышите одинъ шумъ, не спорьте же и вы, когда я утверждаю, что слышу тамъ нѣчто иное.... Я, видите ли, много размышлялъ: люди такъ умны, они на все выдумаютъ машины, но подать сигналъ барабаномъ или трубой не въ состояніи никакая машина: для этого необходимы человѣческія руки и человѣческій ротъ.... Я именно былъ барабанщикомъ.... ужъ я вамъ это разскажу.... Такъ, видите ли, когда забьютъ въ барабанъ, я по этому узнаю, какое у кого сердце. Тамъ, гдѣ ты, братецъ мой, слышишь одинъ безсмысленный шумъ, я различаю музыку, исполненную смысла и значенія. И потому, ради Бога, не станемъ спорить о религіи. Спо-

Digitized by Google

ры ни къ чему не ведутъ, они пустые звуки; все дѣло въ томъ, какое сердце сидитъ у человѣка въ груди.

Оригинальное обращеніе и еще болѣе оригинальный разговоръ маіора, въ словахъ котораго, однако, звучала неподдѣльная искренность, и какая-то своеобразная смѣлость, сильно понравились Эриху.

Маіоръ поставилъ трубку около себя и спросилъ:

— Есть ли у васъ такой человѣкъ, котораго вы ненавидите всѣми силами вашей души, при видѣ котораго у васъ сердце поворачивается?

Эрихъ сказалъ, что нѣтъ, и при этомъ упомянулъ о томъ, какъ отецъ его часто говаривалъ ему, что ничто въ мірѣ не набрасываетъ на душу человѣка такую мрачную тѣнь, какъ скрываемая въ немъ ненависть. Уже, ради самого себя, не слѣдуетъ давать воли такому вредному чувству.

— Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ! воскликнулъ маіоръ:— Теперь мы съ вами друзья! Кто имѣлъ такого отца, тотъ самъ долженъ быть хорошимъ человѣкомъ.

И онъ началъ разсказывать, что въ сосѣднемъ городкѣ живетъ одинъ контролеръ сбора податей, котораго онъ, маіоръ, отъ всей души ненавидитъ. Человѣкъ этотъ постоянно носитъ медаль св. Елены, которою новый Наполеонъ награждалъ ветерановъ за геройство, съ какимъ они сражались въ рядахъ притѣснителей своего отечества.

— Представьте себѣ, продолжалъ маіоръ:—онъ велѣлъ сдѣлать свой портретъ съ этой медалью на груди и повѣсилъ его у себя въ парадной комнатѣ на той же самой стѣнкѣ, гдѣ у него уже красовался въ вычурной рамкѣ дипломъ, дарованный ему французскимъ министромъ на ношеніе медали. Я не кланяюсь этому человѣку, не отвѣчаю на его поклоны и никогда не сажусь съ нимъ за одинъ столъ; онъ исповѣдуетъ другую честь, чѣмъ я. Скажите, развѣ мы не вправѣ наказывать дурныхъ людей? А чѣмъ другимъ могу я его наказать, какъ не выказывая ему мое презрѣніе?... Мнѣ это тяжело, но я себя считаю къ тому обязаннымъ.

Эрихъ возразилъ, что этотъ человѣкъ все же заслуживаетъ нѣкотораго снисхожденія. Съ тщеславіемъ трудно бороться, да и къ тому же многія правительства благопріятно смотрятъ на чиновниковъ, имѣющихъ медаль св. Елены. Контролеръ находится на государственной службѣ, и это самое можетъ его до нѣкоторой степени оправдывать.

— Что правда, то правда! воскликнулъ маіоръ и быстро закивалъ головой:—Да вы, какъ я вижу, воспитатель въ полномъ

Digitized by Google

смыслѣ этого слова.... Я дожилъ до семидесяти лѣтъ.... то-есть мнѣ пошелъ уже семьдесятъ третій годъ... я зналъ многихъ людей и ни одного безусловно дурного человѣка. Подъ вліяніемъ страсти и гордости, въ припадкѣ глупости люди часто поступаютъ не хорошо... но, Господи Боже мой! Остается только благодарить небеснаго Отца, за то, что ничего подобнаго не чувствуешь за собой... вѣдь и я могъ бы быть такимъ же.... Я вамъ очень обязанъ.... много, премного обязанъ.... вы у меня сняли врага съ шеи.... именно съ шеи. Онъ у меня всегда тутъ сидѣлъ и давилъ своей тяжестью.... Ахъ, да вотъ онъ самъ идетъ!

Дѣйствительно, контролеръ шелъ мимо садика. Маіоръ поспѣшилъ къ забору, кивая головой и махая рукой. Онъ, можетъ быть, надѣялся, что контролеръ первый ему поклонится, но этого не случилось. Тогда маіоръ закричалъ такъ громко, какъ будто выпалилъ: «Добраго утра, господинъ контролеръ»! Тотъ учтиво отвѣчалъ и прошелъ мимо. Но старый маіоръ былъ несказанно счастливъ. Онъ гладилъ себя рукой по сердцу, какъ бы радуясь, что съ него вдругъ свалился камень.

Фрейленъ Милькъ выглянула изъ окна; маіоръ попросилъ ее сойдти внизъ: онъ имѣлъ ей сообщить нѣчто пріятное. Она повиновалась; видъ у нея былъ чуть ли еще не опрятнѣе прежняго; на завязкахъ ея бѣлаго съ тальей передника ясно виднѣлись слѣды утюга. Маіоръ объявилъ ей, что контролеръ ни въ чемъ не виноватъ, такъ какъ носитъ медаль св. Елены изъ повиновенія правительству.

Затѣмъ они всѣ пошли въ домъ. Маіоръ показалъ своему гостю комнату, гдѣ все было до крайности просто и чисто. Самъ онъ взглянулъ на барометръ и кивнувъ головой, проговорилъ: «Стоитъ на хорошей погодѣ»! Потомъ посмотрѣлъ на привинченный къ окну градусникъ и обтеръ лобъ, какъ бы сейчасъ только замѣтивъ, что на дворѣ было жарко.

Издали донесся выстрѣлъ. Маіоръ, указывая Эриху по направленію, откуда онъ раздался, сказалъ:

— Это ученіе въ крѣпости. Я нахожу, что у гладкоствольныхъ орудій такой же точно звукъ, какъ и у нарѣзныхъ. Товарищъ, вамъ предстоитъ учить меня новому военному искусству. Я въ немъ теперь ничего не смыслю, но когда слышу стрѣльбу, во мнѣ опять воскресаетъ солдатъ.

Маіоръ попросилъ фрейленъ Милькъ подать бутылку лучшаго вина. Она, повидимому этого ожидала и немедленно принесла вино и стаканы, при чемъ бросила на маіора значительный взглядъ. Тотъ понялъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Будьте покойны: я знаю, что мнѣ утромъ не слѣдуетъ много пить. Капитанъ, дайте мнѣ вашъ штопоръ. Я васъ считаю за порядочнаго человѣка, а всякій порядочный человѣкъ непремѣнно носитъ въ карманѣ штопоръ.

Эрихъ со смѣхомъ подалъ ему ножикъ, который былъ снабженъ штопоромъ. Откупоривая бутылку, маіоръ еще сказалъ:

— Кромѣ того, порядочный человѣкъ долженъ умѣть свистать. Товарищъ, будьте такъ добры, посвистите!

Эрихъ отъ смѣху едва могъ сложить губы для свиста. Между тѣмъ бутылка была откупорена, и оба дружески выпили.

— Можетъ быть, сказалъ маіоръ: — намъ съ вами теперь здѣсь гораздо лучше, чѣмъ Зонненкампу на его великолѣпной виллѣ. Но, капитанъ, повторяю: слонъ счастливъ, и муха счастлива; только у слона хоботъ длиннѣе, чѣмъ у мухи.

Маіоръ засмѣялся, обрадованный своимъ удачнымъ сравненіемъ. Эрихъ послѣдовалъ его примѣру, и оба долго и весело смѣялись. Смѣхъ ихъ утихалъ и опять возобновлялся всякій разъ, что они другъ на друга взглядывали.

—Вы мнѣ поясняете пословицу, сказалъ Эрихъ: — что комара можно принять за слона. И дѣйствительно: не объемъ, не мѣра, а организмъ составляютъ жизнь.

— Такъ.... такъ точно! воскликнулъ маіоръ: фрейленъ Милькъ, прійдите пожайлуста сюда!

Фрейленъ Милькъ явилась на призывъ, и маіоръ продолжалъ:

— Прошу васъ, капитанъ, повторите еще разъ, что̀ вы сказали объ организмѣ. Фрейленъ Милькъ очень рада будетъ слышать. Она, видите ли, занимается учеными предметами гораздо больше, чѣмъ это можно предположить. Пожайлуста товарищъ, повторите объ организмѣ, я не съумѣю такъ хорошо передать.

Эрихъ повторилъ, и всѣ опять засмѣялись.

Фрейленъ Милькъ рекомендовала Эриху школьнаго учителя, какъ отличнаго каллиграфа, на что маіоръ со смѣхомъ воскликнулъ:

— Да, товарищъ, фрейленъ Милькъ живая табель о рангахъ. Если вы захотите получить свѣдѣнія о комъ-нибудь изъ здѣшнихъ обывателей, обратитесь только къ ней. Да еще, ради Бога, не пользуйтесь лекарствами отъ графини Вольфсгартенъ... фрейленъ Милькъ все это гораздо лучше знаетъ... А піявки никто въ мірѣ не съумѣетъ поставить такъ ловко, какъ она.

Добрая старушка сконфузилась, и Эрихъ, замѣтя это, поспѣшилъ расхвалить цвѣты и растенія, украшавшія наружную сторону окна. Маіоръ сталъ увѣрять, что она въ садоводствѣ свѣ-

Digitized by Google

дущѣе, можетъ быть, самого Зонненкампа. И еслибъ, прибавилъ онъ, было извѣстно, съ какими ничтожными средствами она садитъ и разводитъ цвѣты, то безъ, сомнѣнія, ей на выставкѣ присудили бы первый призъ преимущественно передъ владѣтелями хорошо устроенныхъ теплицъ.

Желая положить конецъ похваламъ себѣ, фрейленъ Милькъ сказала Эриху, что главное несчастіе Роланда заключается въ томъ, что этотъ богатый юноша не имѣетъ никакого настоящаго удовольствія.

— Не имѣетъ никакого настоящаго удовольствія, повторилъ маіоръ: — Ужъ вы только послушайте ее!

— Да, повторила фрейленъ Милькъ и кивнула головой, при чемъ у ней на головѣ запрыгали банты и оборки отъ чепца:— У него, пожалуй, и много удовольствій, но все это удовольствія, купленныя за деньги и потому самому не настоящія. Кто живетъ на свѣтѣ прогуливаясь, да безъ занятій, тотъ напрасно ищетъ удовольствія.

Эрихъ ласково взглянулъ на добрую старушку, и съ этой минуты между нимъ и фрейленъ Милькъ навсегда установились отношенія, исполненныя взаимнаго довѣрія и полнаго пониманія другъ друга.

Эрихъ, въ сопровожденіи ея и маіора, вышелъ изъ дому. Къ нимъ на встрѣчу бросилась бѣлая съ коричневыми пятнами лягавая собака.

— Откуда ты? воскликнулъ маіоръ, ласково ей выговаривая:— гдѣ ты опять шаталась, безпутная, бродяга! А теперь развѣ ты не видишь, что у насъ гость? Дожила до старости, а все не научилась ни порядочности, ни приличію! Стыдно.... право стыдно!...

Такъ усовѣщевалъ маіоръ свою собаку, хорошо извѣстную въ окрестности подъ именемъ Леди. Онъ держалъ у себя суку, а не кобеля, на томъ основаніи, что будто бы собаки въ деревнѣ обращались съ ней вѣжливѣе и никогда не затѣвали съ ней драки.

Выйдя съ Эрихомъ за садовую калитку, маіоръ сказалъ:

— Видите ли вы эти два подстриженные дуба? Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ я замѣчалъ, что тотъ, который стоитъ на лѣво отъ насъ, постоянно десятью или одиннадцатью днями ранѣе своего товарища начиналъ покрываться листьями. Однажды, совершенно неожиданно, вернулся морозъ. Листья на этомъ деревѣ поблекли, оно все лѣто прохирѣло и съ тѣхъ поръ сдѣлалось осторожнѣе: оно распускается уже послѣ того, какъ появятся листья на противоположномъ ему дубѣ. Поневолѣ до-

Digitized by Google

пустишь, что у деревьевъ есть разсудокъ. Да, любезный товарищъ, въ мірѣ устроено все гораздо лучше, чѣмъ намъ кажется. Вотъ я живу пансіономъ, ничѣмъ не занятъ, а все же часто нахожу, что день коротокъ: такъ много есть надъ чѣмъ наблюдать и о чемъ подумать.... Ну, прощайте и не забывайте, что мы всегда рады будемъ васъ видѣть.

Эрихъ на прощаньи протянулъ руку, и пожимая ее, маіоръ еще сказалъ:

— Благодарю васъ. Теперь у меня еще однимъ человѣкомъ увеличилось число тѣхъ, кого я люблю. Развѣ это не настоящее счастье? Оно поддерживаетъ въ человѣкѣ молодость и здоровье.

Эрихъ уже отошелъ на нѣсколько шаговъ, когда маіоръ окликнулъ его и, подойдя къ нему, сказалъ:

— Еще одно слово о господинѣ Зонненкампѣ.... Вы не заблуждайтесь на его счетъ, товарищъ. Люди, обыкновенно, или дѣлаютъ себѣ идоловъ изъ счастливцевъ и богачей, или разрываютъ ихъ на части. У господина Зонненкампа кожа не много шероховатая, но зерно хорошее. А что касается до его прошлаго, то какой человѣкъ можетъ безусловно похвастаться своимъ прошлымъ? Не я, по крайней мѣрѣ, и никто изъ тѣхъ, кого я знаю. Я не всегда жилъ такъ, какъ могъ бы теперь того пожелать.... Но, довольно, вы гораздо умнѣе меня.

— Мнѣ это вполнѣ понятно, отвѣчалъ Эрихъ. Въ Америкѣ люди безъ отдыха работаютъ и стремятся единственно къ одному — къ пріобрѣтенію. Когда человѣкъ втеченіи многихъ десятковъ лѣтъ ничего, кромѣ этого, не имѣлъ въ виду, его нравственныя способности совершенно естественно притупляются. Онъ твердитъ себѣ, что когда пріобрѣтетъ достаточно денегъ, тогда вернется къ чести и къ добру. Но когда настанетъ это «достаточно»? Да и не будетъ ли тогда ужъ поздно? Признаюсь вамъ, я удивляюсь господину Зонненкампу!

— Такъ.... такъ, подтвердилъ маіоръ: онъ, въ качествѣ золотоискателя, принужденъ былъ сталкиваться съ разнаго рода людьми, пока не составилъ себѣ состоянія.... Да, да, я спокоенъ.... Вы умнѣе меня.... Но я чуть не забылъ главнаго.... Посмотрите мнѣ прямо въ глаза и скажите откровенно: правда ли, что вы были въ монастырѣ у фрейленъ Манны?

— Я былъ въ монастырѣ и видѣлъ фрейленъ Манну, но не зналъ, кто она такая, и не говорилъ съ ней ни слова.

— Такъ вы не затѣмъ пріѣхали сюда и помѣстились къ господину Зонненкампу, чтобъ жениться на его дочери.

Эрихъ съ улыбкой выразилъ удивленіе на счетъ того, что ему со всѣхъ сторонъ дѣлаютъ этотъ вопросъ.

Digitized by Google

— Видите ли, товарищъ, вамъ лучше выкинуть изъ головы эту дѣвушку: она уже почти просватана за барона фонъ-Пранкена. Я охотнѣе бы вамъ ее отдалъ, но тутъ ничего не подѣлаешь.

Наконецъ, Эриху удалось уйдти. У него было легко на душѣ. Онъ видѣлъ, что около Роланда собирались благотворныя силы, достаточныя для того, чтобъ постоянно держать его въ извѣстномъ настроеніи духа, необходимомъ для его будущаго благосостоянія.

Онъ остановился передъ орѣховымъ деревомъ, вѣтви котораго широко раскинулись во всѣ стороны.

— Зонненкампъ правъ, сказалъ онъ: — успѣхъ при разведеніи растеній зависитъ отъ вліянія на нихъ окружныхъ высотъ и отъ теченія воздуха. Есть нѣжныя деревья, которыя погибаютъ на сквозномъ вѣтрѣ,—другія крѣпко пускаютъ въ землю корни только тамъ, гдѣ ихъ сильно колеблетъ вѣтромъ. Человѣческая жизнь не есть ли такое же растеніе, и люди, какими она обставляется, не образуютъ ли вокругъ нея климатъ?

Эриху все болѣе и болѣе уяснялись обстоятельства, которыя до сихъ поръ содѣйствовали или препятствовали развитію его воспитанника.

Какъ міръ разнообразенъ! Тамъ на верху, въ замкѣ, близъ молодой супруги, въ атмосферѣ, созданной собственными мыслями, отдыхаетъ графъ отъ жизни, богатой трудами и событіями,— здѣсь маіоръ доканчиваетъ дни въ обществѣ престарѣлой экономки. Какъ вздернула бы свой носикъ Белла, еслибъ узнала, что ее сравниваютъ съ экономкой, а между тѣмъ....

Вдругъ Эрихъ услышалъ, какъ изъ проѣзжавшей мимо кареты его окликнули два голоса, мужской и женскій.

ГЛАВА VI.

ТРЕТІЙ.

Въ тотъ самый день, какъ Эрихъ оставилъ Вольфсгартенъ, туда явился другой гость въ лицѣ сына богатаго виноторговца, прозваннаго «виннымъ графомъ». Онъ постоянно разъ въ недѣлю посѣщалъ замокъ, чтобъ играть съ Клодвигомъ въ шахматы. То былъ человѣкъ еще молодой, но уже изношенный, который, повидимому, не зналъ, что ему дѣлать съ жизнью. Занятіе отца ему не нравилось; денегъ у него было много; онъ кое-чему учился, зналъ нѣсколько музыку, рисовалъ, обладалъ многими

Digitized by Google

талантами, но ни одного не развилъ въ себѣ основательно. Ему все надоѣло, онъ всѣмъ скучалъ. Избрать себѣ какой-нибудь трудъ и заработывать деньги, онъ считалъ лишнимъ. Членъ совѣта управленія различныхъ желѣзныхъ дорогъ, онъ сначала находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ распоряжаться, отдавать приказанія и получать низкіе, почтительные поклоны отъ подчиненныхъ. Но вскорѣ и это ему опротивѣло. Путешествіе успѣло также утратить для него всю прелесть: куда ни поѣдешь, говорилъ онъ, всюду приходится таскать за собой тяжелый грузъ скуки. Онъ какъ то-вяло и тоскливо смотрѣлъ въ глаза свѣту: ему нечего было въ немъ дѣлать и нечего было отъ него ожидать. Одну только способность къ шахматной игрѣ развилъ онъ въ себѣ съ большой тщательностью. Клодвигъ, съ своей стороны, тоже любилъ иногда провести часъ-другой за шахматами, и молодой человѣкъ неизмѣнно приходилъ въ недѣлю разъ составлять партію графа. Это придавало ему нѣкоторый вѣсъ, какъ въ глазахъ другихъ, такъ и въ своихъ собственныхъ.

Онъ, между прочимъ, втайнѣ пользовался большой популярностью въ средѣ окрестной молодежи, подобно ему, славившейся своей безпорядочной жизнью. У него была весьма богатая и разнообразная коллекція картинъ самаго легкаго, игриваго содержанія, но ее видѣть сполна допускался только тотъ, кто находился съ нимъ въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ глазахъ свѣта «винный графъ», конечно, слылъ человѣкомъ порядочнымъ. Никто никогда не видалъ его пьянымъ. Въ обществѣ не-дворянъ, онъ держалъ себя снисходительно, съ видомъ человѣка скучающаго, который только изъ доброты душевной поддерживаетъ сношенія съ такими пичтожными людьми: онъ дѣлаетъ это ради своего прежняго съ ними товарищества. Матери предостерегали своихъ дочерей на счетъ «виннаго графа», какъ дѣтей, которыхъ пугаютъ волкомъ, рыскающимъ по полямъ. Но это не мѣшало имъ самимъ чувствовать нѣкоторое удовольствіе, когда онъ бросалъ на нихъ томные взгляды и шепотомъ имъ что-нибудь разсказывалъ.

Лина, дочь мирового судьи, была далеко не такая простушка, какъ полагала ея мать. Она утверждала, что «кавалеръ бутылки» есть именно тотъ человѣкъ, который, по словамъ сказки, скитается по свѣту, отыскивая сильныхъ ощущеній, чтобъ испытать какъ это морозъ по кожѣ подираетъ?

Каждый годъ, «кавалеръ бутылки» проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, для того, чтобъ освѣжить свой туалетъ, пополнить запасъ анекдотовъ и вполнѣ просвѣтиться въ требованіяхъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней моды. Онъ не говорилъ, подобно отцу, о своемъ другѣ посланникѣ, министрѣ или герцогѣ такомъ-

Digitized by Google

то, но давалъ понять, что находится въ самой тѣсной связи съ наиболѣе извѣстными членами жокей-клуба.

Онъ еще находилъ маленькое удовольствіе въ томъ, чтобы оказывать добродѣтельной графинѣ Беллѣ самое любезное вниманіе. Но въ этотъ день она его рѣшительно не замѣчала и вовсе не слыхала его рѣчей. Графъ тоже былъ разсѣянъ, быстро проигрывалъ одну партію за другой и, по временамъ, задумчиво поглядывалъ на своего партнёра, сидѣвшаго на любимомъ мѣстѣ Эриха.

«Кавалеру бутылки» вскорѣ явилось подкрѣпленіе, но и оно на этотъ разъ оказалось безсильнымъ. Въ комнату вошелъ полный, весьма тщательно одѣтый мужчина. То былъ въ свое время знаменитый пѣвецъ, женившійся на богатой вдовѣ изъ сосѣдняго торговаго города и поселившійся въ здѣшней красивой мѣстности. Белла всегда его радушно принимала и любила слушать, какъ онъ пѣлъ остатками своего все еще пріятнаго голоса. Замѣтивъ, что его сегодня встрѣтили холоднѣе обыкновеннаго, онъ поспѣшилъ сказать, что заѣхалъ въ Вольфсгартенъ случайно, такъ какъ находился по сосѣдству. Это еще болѣе раздосадовало Беллу: она не хотѣла, чтобъ Вольфсгартенъ посѣщали только мимоѣздомъ. Наконецъ, оба гостя ушли, и Клодвигъ съ Беллой вздохнули свободнѣе.

Клодвигъ удалился въ кабинетъ, гдѣ находилось у него собраніе древностей. Но тамъ все показалось ему измѣнившимся. Различныя урны, чаши, мечи, ожерелья, барельефы, все точно потускнѣло, а половинка лица воина, добытая изъ окаменѣлой лавы, какъ-то особенно угрюмо смотрѣла. На все налегла печать уныніе, и каждая изъ этихъ вещей, выведенныхъ изъ нѣдръ земли на свѣтъ Божій, казалось, говорила: зачѣмъ мы тутъ? У всѣхъ у насъ чего-нибудь да недостаетъ. На сердцѣ у Клодвига было не лучше: тамъ тоже какъ будто остались одни обломки. Со времени отъѣзда Эриха ему все чего-то не доставало.

Съ сжатыми губами и безпокойнымъ взоромъ бродилъ онъ цѣлый день по замку и по саду безъ всякой цѣли. Наконецъ, Беллѣ удалось заставить его разговориться. Онъ сказалъ ей, что видитъ, какъ готовъ осуществиться одинъ изъ его идеаловъ въ жизни, и что онъ, при этомъ, чувствуетъ какую-то странную тревогу. Впервые пожаловался онъ на малодушіе и безсиліе старости. Затѣмъ онъ остановился, въ надеждѣ, что Белла поспѣшитъ уяснить ему, чего онъ желаетъ, и тѣмъ облегчитъ ему признаніе, но та молчала.— Мы окружаемъ себя предметами роскоши, прибавилъ онъ тогда, но это не та роскошь, какой ищетъ наше сердце. Наконецъ, видя, что околичности ни къ чему не

Digitized by Google

ведутъ, Клодвигъ прямо сознался, что упрекаетъ себя въ томъ, зачѣмъ отпустилъ Эриха. Такого именно человѣка онъ всегда желалъ себѣ въ товарищи. И ко всему этому онъ осмѣливался думать, что съ своей стороны могъ бы быть полезенъ молодому ученому, одаренному наружностью Аполлона, тѣмъ, что содѣйствовалъ бы его возвышенію въ свѣтѣ.

Верхняя губа Беллы слегка дрогнула.

— Капитанъ.... начала она, и чуть не сказала: капитанъ изъ «Wahlverwandschaft» Гёте, но запнулась и продолжала:— Капитанъ.... то-есть докторъ, конечно, счелъ бы себя счастливымъ, но.... будемъ говорить откровенно.... Моя репутація оставалась до сихъ поръ незапятнанной.... мы не думаемъ, что̀ скажутъ о насъ....

— Говори смѣлѣе, ободрилъ ее Клодвигъ, а самъ обтеръ себѣ платкомъ лице.

— Не думаешь ли ты, что этотъ молодой человѣкъ.... насъ иногда.... какъ бы это сказать.....

— Будетъ стѣснять? докончилъ Клодвигъ. Белла кивнула головой. Но Клодвигъ уже объ этомъ думалъ и опровергъ ея мнѣніе, сказавъ, что то было бы постыднымъ порабощеніемъ честнаго человѣка, еслибъ онъ сталъ отказываться отъ добраго дѣла потому только, что дурные люди часто, подъ обманчивой наружностью, дѣйствительно скрываютъ дурной поступокъ.

Тогда Белла посовѣтовала мужу поскорѣй отправить къ Эриху посланнаго съ предостереженіемъ, не заключать съ Зонненкампомъ никакихъ окончательныхъ условій. Клодвигъ пожалъ ей руку и бодрыми шагами пошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ сѣлъ за письмо къ Эриху, но вскорѣ оставилъ его и, вернувшись къ Беллѣ, сказалъ, что не можетъ писать.—Не проще ли, прибавилъ онъ, велѣть заложить карету и самимъ съѣздить на виллу Эдемъ?

Клодвигъ обыкновенно избѣгалъ непосредственныхъ сношеній съ Зонненкампомъ и его домомъ, насколько то позволяла дружба, которую велъ съ ними его шуринъ. Но сегодня объ этомъ не могло быть и рѣчи, и вскорѣ онъ весело туда отправился.

Белла то и дѣло опускала и поднимала свой вуаль и вообще была очень безпокойна. Различныя мысли бродили у ней въ головѣ и сердце ея сильно билось. Вдругъ она схватила мужа за руку и воскликнула:

— О, какъ ты добръ и великодушенъ, другъ мой! Мнѣ постоянно приходится открывать въ тебѣ новыя совершенства!

Она этими словами какъ бы хотѣла заглушить въ себѣ что-то, что̀ начинало въ ней говорить, но въ чемъ она не хотѣла

Digitized by Google

даже себѣ самой сознаться. То былъ какой-то непонятный капризъ, игра.... но не страсть, нѣтъ.... могла ли Белла предположить въ себѣ что-либо подобное? Вѣрнѣе всего, то было дьявольское навожденіе. Этотъ молодой человѣкъ долженъ обладать сверхъестественной, чудесной силой. Белла ненавидѣла его; онъ лишилъ покоя ея мужа и встревожилъ ее саму. Ему предстоитъ за это поплатиться. Она ободрилась и гордо выпрямилась: рѣшеніе ея было принято. Она своимъ присутствіемъ разрушитъ нелѣпый планъ мужа. Если-жъ Эрихъ не захочетъ понять ея намековъ, она прямо ему выскажетъ свое неудовольствіе и заставитъ уклониться отъ приглашенія графа.

Она сдѣлалась спокойнѣе и веселѣе. Клодвигъ замѣтилъ это и началъ толковать о томъ, какую комнату отдать Эриху и какія перемѣны съ его переселеніемъ къ нимъ должны произойти въ ихъ домашнемъ быту. У Беллы тоже будетъ новая подруга; ей предстоитъ посѣщеніе матери Эриха, которую они непремѣнно пригласятъ. Какъ пріятно, что Белла уже знаетъ ее и глубоко уважаетъ. Клодвигъ говорилъ, что фамилія Дорнэ принадлежитъ къ старинному дворянскому роду Дорнэ де-Сентъ-Моръ. Члены этой фамиліи, выѣхавъ изъ Франціи во время преслѣдованія гугенотовъ, сами отказались отъ своего званія. Теперь же Клодвигъ постарается возвратить Эриху дворянство посредствомъ выгоднаго брака.... да, онъ сдѣлаетъ для него это и, можетъ быть, еще многое другое.

Белла въ шутку замѣтила, ужъ не намѣренъ ли онъ его совсѣмъ усыновить, и Клодвигъ объявилъ, что онъ вовсе отъ этого не прочь. Повидимому веселая, но въ сущности горькая улыбка мелькнула на губахъ Беллы, когда она сказала, какъ странно ей будетъ имѣть сына, всего не многими годами моложе ея.

Передъ глазами Клодвига запрыгала и завертѣлась его коллекція древностей. Беллѣ опять стало не по себѣ; ее всегда непріятно поражало то, что мужъ ея всякую бездѣлицу такъ горячо принималъ къ сердцу. Она не притворялась, когда въ зиму, предшествовавшую его сватовству, выказывала склонность къ искусствамъ классической древности, къ наукамъ и вообще ко всѣмъ высшимъ стремленіямъ въ жизни. Она была увѣрена, что все это составляетъ только предметъ разговора для людей, когда они сходятся, но что, въ сущности, никто не считаетъ этого чѣмъ-нибудь важнымъ. Въ толкахъ объ исторіи умственнаго развитія народовъ она видѣла только простое препровожденіе времени.

Каково же было ея удивленіе и даже испугъ, когда она сдѣлала открытіе, что наука и вообще высшіе интересы жизни дѣйствительно составляютъ часть существованія Клодвига, что онъ

Digitized by Google

радуется или печалится всякому общественному событію, какъ происшедшему въ собственной семьѣ, и что онъ, наконецъ,—да, Белла могла въ этомъ убѣдиться, — глубоко религіозенъ. Онъ правда, не упоминалъ, подобно ей, безпрестанно о Богѣ, но съ чувствомъ искренняго благоговѣнія относился ко всему, что́ свидѣтельствовало о Его могуществѣ и благости. Кромѣ того онъ былъ до крайности чутокъ къ малѣйшему противорѣчію въ словахъ и поступкахъ, ко всему, что́ отзывалось двусмысленностью.

Белла даже и себѣ самой не сознавалась въ томъ, что все это ей казалось въ высшей степени педантическимъ, натянутымъ и нравоучительнымъ. Она никакъ не ожидала, выходя замужъ за человѣка свѣтскаго, найти въ немъ профессора. Но, сознавайся она въ томъ или нѣтъ, а участіе и стремленіе къ высшимъ интересамъ жизни до крайности ей наскучили. Въ глазахъ ея всякій игралъ въ жизни какую-нибудь роль. Серьезно на нее смотрѣть, пожалуй, могли бѣдняги ученые, но никакъ не люди съ высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. А теперь еще оказывалось, что Клодвигъ хотѣлъ возмутить потокъ ихъ скучной, однообразной, но спокойной и благоустроенной жизни введеніемъ въ нее третьяго лица.

Было бы чистой клеветой обвинять Беллу въ томъ, что она выходила за графа съ надеждой, остаться вскорѣ богатой и красивой вдовой. Престарѣлый оберъ-шталмейстеръ позаботился записать на ея имя порядочный капиталъ и кромѣ того изъ доходовъ съ имѣнія ежегодно откладывалъ значительныя суммы, которыя, по смерти его, могли и не переходить къ наслѣднику маіоратства. Было бы, повторяемъ, клеветой утверждать, что Белла, произнося передъ алтаремъ клятву, питала въ душѣ надежду на скорое освобожденіе, но тѣмъ не менѣе она не безъ тайнаго ужаса слѣдила за измѣненіями, какія производили въ ней года, проводимыя близъ мужа, который, по лѣтамъ, могъ бы быть ея отцомъ.

И кто знаетъ, сколько денегъ способенъ потратить Клодвигъ на этого ненавистнаго Дорнэ, который не могъ удержаться ни въ одномъ званіи, и къ тому же находился въ немилости при дворѣ? А всего хуже то, что онъ совсѣмъ отвлечетъ отъ нея вниманіе мужа. Они будутъ вмѣстѣ заниматься, откапывать древности, а ей, между тѣмъ, прійдется сидѣть одной,—ей, которая съ такимъ самоотверженіемъ, такъ великодушно принесла себя въ жертву старику!

Белла была зла на Эриха за то, что онъ возбуждалъ въ ней дурныя мысли. Взглянувъ нечаянно на мужа, она воскликнула:

— Боже мой, какія у тебя блѣдныя губы! Что съ тобой?

Digitized by Google

Ужъ не оказываютъ ли своего дѣйствія на него ея дурныя мысли?

— Это ничего, отвѣчалъ Клодвигъ. Смотри, вонъ онъ тамъ стоитъ, погруженный въ размышленія. Что за прекрасное у него лице! Какое благородство въ осанкѣ!

Карета быстро подвигалась впередъ. Эрихъ услыхалъ шумъ колесъ и съ удивленіемъ оглянулся на горячія привѣтствія графа и его супруги. Онъ принужденъ былъ сѣсть съ ними въ карету. Взглядъ, брошенный Клодвигомъ на Беллу, ясно выражалъ его восторгъ.

На вопросъ, вступилъ ли онъ окончательно въ свою новую должность, Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, и Клодвигъ, пожимая ему руку, воскликнулъ:

— Очень радъ, очень радъ!

Разговоръ ихъ долженъ былъ на этомъ остановиться, такъ какъ къ нимъ подъѣхалъ Зонненкампъ, верхомъ, на своемъ ворономъ конѣ. Онъ съ радостью привѣтствовалъ дорогихъ гостей и не безъ удивленія замѣтилъ, въ какихъ короткихъ съ ними отношеніяхъ находился Эрихъ. Зонненкампъ поѣхалъ за каретой къ себѣ домой и по пріѣздѣ на виллу принялъ гостей очень радушно.

Едва успѣли они выйти изъ экипажа, какъ на дворъ въѣхала еще карета, а въ ней докторъ.

ГЛАВА VII.

ПЕРВАЯ РОЗА НА ОТКРЫТОМЪ ВОЗДУХѢ.

Посѣщеніе Клодвига и Беллы придало Эриху совершенно новое значеніе. Зонненкампъ при нихъ въ первый разъ назвалъ его: «другъ мой».

Господинъ Зонненкампъ подалъ Беллѣ руку. Та приняла ее неохотно, слегка отвернувшись: пусть-молъ Клодвигъ видитъ, чему она, ради него, подвергается.

Слегка опираясь на руку хозяина дома, Белла вошла въ садъ и вдругъ остановилась въ изумленіи: передъ ней на розовомъ кустѣ сіяла, не смотря на раннее время года, роскошно-распустившаяся роза. Зонненкампъ сорвалъ ее и поднесъ ей съ нѣсколькими любезными словами. Белла милостиво поблагодарила, но сдѣлала видъ, что не замѣтила, когда онъ снова подалъ ей руку. Они пошли далѣе въ оранжереи. Іозефъ, который имѣлъ способность всегда попадаться на глаза именно въ ту минуту, когда въ немъ оказывалась надобность, получилъ отъ Зоннен-

Digitized by Google

кампа приказаніе увѣдомить о пріѣздѣ гостей хозяйку Цереру и фрейленъ Пэрини.

Докторъ, между тѣмъ, былъ позванъ къ госпожѣ Церерѣ, но лишь только послѣдняя узнала о прибытіи графа и графини, какъ немедленно объявила о своемъ намѣреніи быть въ этотъ день здоровой. Однако у ней хватило находчивости сказать доктору, что уже одно его присутствіе вылечиваетъ ее отъ всякой боли. Докторъ Рихардъ понялъ и ушелъ.

Въ это же время Клодвигъ говорилъ Эриху:

— Вы здѣсь не останетесь. Мы васъ съ собой возьмемъ. Я за вами пріѣхалъ.

Онъ произнесъ эти слова отрывисто и поспѣшно, какъ будто они были у него давно заготовлены и теперь вырвались сами собой.

На горѣ показался Роландъ со складнымъ стуломъ и принадлежностями для рисованія въ рукахъ. Едва завидя его, Белла закричала ему дружески: «здравствуйте».

— Какъ онъ прекрасенъ, сказала она окружающимъ:—Дать бы ему въ руки, вмѣсто складного стула и портфѣля, щитъ и копье, и вышла бы прелестная картина изъ греческой жизни.

Белла замѣтила, что похвала ея Роланду была пріятна Эриху.

— Да, господинъ Дорнэ, продолжала она:—Я однажды заказала одному художнику изобразить сцену, въ которой мнѣ случилось видѣть Роланда. На большой дорогѣ, на кучѣ камней сидѣлъ нищій; Роландъ положилъ ему въ шапку монету и бросился отъ него бѣгомъ. Фигура его была до такой степени изящна, а лице его сіяло такой радостью отъ сознанія совершеннаго имъ добраго дѣла, что я до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, какое онъ на меня тогда произвелъ.

Клодвигъ потупился: Белла, безъ сомнѣнія, упустила изъ виду, что собственно не она, а мужъ ея присутствовалъ при описанной ею сценѣ, и что онъ же подалъ художнику мысль изобразить ее въ картинѣ.

Роландъ былъ удивленъ, найдя дома такого рода гостей, а еще болѣе пріему, какой они ему оказали. Белла сказала мужу: «Клодвигъ, поцѣлуй его за меня!» И Клодвигъ обнялъ мальчика, который въ недоумѣніи поглядывалъ на Эриха.

— Когда капитанъ у насъ поселится, вы должны его почаще навѣщать, милый Роландъ, — сказала Белла.

Зонненкампъ не понялъ, что она хотѣла этимъ дать понять, а Роландъ, встревожась при одной мысли, что можетъ лишиться Эриха, съ мольбой поглядѣлъ на него. Теперь только стало

Digitized by Google

Эриху ясно, что̀ хотѣли они ему сказать въ каретѣ, когда подъѣхалъ Зонненкампъ.

Въ оранжереяхъ оставались недолго. Белла объявила, что когда на воздухѣ все зеленѣетъ и цвѣтетъ, теплицы производятъ на нее тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ явилась фрейленъ Пэрини въ качествѣ посланной отъ Цереры, чтобъ объявить гостямъ о намѣреніи послѣдней быть сегодня здоровой.

Белла и фрейленъ Пэрини отдѣлились отъ общества мужчинъ; имъ о многомъ хотѣлось поговорить другъ съ другомъ, и больше всего объ Эрихѣ. Белла не могла достаточно выразить своего удивленія по тому поводу, что фрейленъ Пэрини такъ скоро угадала въ немъ необыкновеннаго человѣка, какимъ онъ дѣйствительно былъ. А между тѣмъ фрейленъ Пэрини ей еще ни слова о немъ не говорила. Но Белла надѣялась этимъ способомъ скорѣй вывѣдать все, что ей хотѣлось знать. Фрейленъ Пэрини сказала, что не можетъ достаточно надивиться на нѣмецкихъ ученыхъ, въ число которыхъ она включаетъ и Беллу.

Графиня отклонила отъ себя этотъ нѣсколько двусмысленный комплиментъ и серьезно замѣтила, что имѣетъ весьма мало общаго съ нынѣшней молодежью, которую она не вполнѣ понимаетъ. Ни одна изъ дамъ не хотѣла первая произнести своего мнѣнія, но каждая, казалось, предполагала въ другой тайную склонность къ Эриху.

— Извѣстно ли вамъ, сказала Белла, разсматривая розу, подаренную ей Зонненкампомъ: — что этотъ молодой человѣкъ съ двойнымъ званіемъ военнаго и ученаго, весьма низкаго мнѣнія о женщинахъ?

— Нѣтъ, я этого не знала, но это, можетъ быть, согласно съ мнѣніемъ барона фонъ-Пранкена, составляетъ часть ереси, которую онъ такъ смѣло и самонадѣянно исповѣдуетъ.

— Но какого вы сами мнѣнія о господинѣ Дорнэ?

— Никакого.

— Почему?

— Потому, что я не могу судить о немъ безпристрастно: онъ не принадлежитъ къ нашей церкви. Какъ станете вы его разсматривать? Самоувѣренность, какую онъ высказываетъ на каждомъ шагу, невозможна въ человѣкѣ, признающемъ надъ собой власть божію. Онъ похожъ на принца крови, путешествующаго инкогнито. А баронъ фонъ-Пранкенъ говоритъ, что онъ разъѣзжаетъ по свѣту на невидимой каѳедрѣ, съ которой постоянно читаетъ проповѣди.

Обѣ дамы засмѣялись. Белла достаточно узнала. Она только

Digitized by Google

еще очень осторожно постаралась укрѣпить фрейленъ Пэрини въ мнѣніи, что не слѣдуетъ допускать въ домъ человѣка, такъ далеко зашедшаго въ невѣріи. Фрейленъ Пэрини, играя крестикомъ отъ четокъ, лукаво поглядывала на Беллу. Итакъ, графиня не желаетъ, чтобъ Эрихъ здѣсь оставался. Ужъ не затѣваетъ ли она интригу противъ мужа, съ цѣлью ввести молодого человѣка въ собственный домъ? Фрейленъ Пэрини, въ отвѣтъ на ея внушенія, колко замѣтила, что господинъ фонъ-Пранкенъ поднялъ всю эту исторію, и ему же предстоитъ теперь привести ее къ удовлетворительному концу. Белла дала понять, что Эриха еще и по другой причинѣ неудобно держать въ домѣ, и здѣсь въ третій разъ онъ былъ названъ опаснымъ человѣкомъ. Этотъ приговоръ произнесла фрейленъ Пэрини, намекая на одну отсутствующую особу и на другую присутствующую. Отъ нея не могло скрыться возбужденное состояніе Беллы.

Затѣмъ, какъ бы желая нѣсколько сгладить рѣзкость своего замѣчанія, она поспѣшила прибавить, что такой человѣкъ, какъ Отто фонъ-Пранкенъ не долженъ опасаться ничьего соперничества. И она съ участіемъ распространилась о путешествіи Пранкена. Оно, пожалуй, говорила она, можетъ быть сочтено за неосторожность, но въ концѣ концевъ все-таки молодое сердце должно быть взято не иначе, какъ приступомъ. Смѣлыя, рѣшительныя мѣры часто оказываются дѣйствительнѣе самыхъ обдуманныхъ и скорѣе приводятъ къ желаемому результату. Фрейленъ Пэрини говорила очень серьезно и не менѣе серьезно возразила ей Белла, что, хотя она и не имѣетъ ничего противъ поступка Пранкена, который на этотъ разъ пошелъ противъ установленныхъ свѣтомъ правилъ, однако же она не можетъ отрицать и того, что болѣе скромныя средства и мѣры тоже не рѣдко помогаютъ достигать цѣли.

Разговоръ снова коснулся Эриха, и теперь Белла отозвалась о немъ гораздо благосклоннѣе. Она изъявила сожалѣніе къ матери молодого человѣка и утверждала, что его самонадѣянный видъ чисто напускной и есть слѣдствіе сознанія своего неловкаго положенія. Онъ гордостью хочетъ прикрыть зависимость, въ какую его поставили обстоятельства. Фрейленъ Пэрини слегка повела глазами въ знакъ того, что чувствуетъ себя обиженной такимъ неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Белла спохватилась и поспѣшила прибавить, что только кроткія, благочестивыя натуры способны легко переносить зависимость. Ихъ благочестіе возвышаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и ставитъ на равную ногу со всѣми.

Фрейленъ Пэрини улыбнулась. Она знала настоящую цѣну

Digitized by Google

милостивому обращенію съ ней Беллы и ея дружескимъ пожатіямъ рукъ.

Между тѣмъ къ нимъ подошелъ слуга и доложилъ, что госпожа Церера желаетъ видѣть графиню и проситъ ее пожаловать въ парадную залу. Сама она не можетъ къ ней придти, потому что докторъ запретилъ ей выходить на воздухъ.

Фрейленъ Пэрини проводила Беллу до крыльца, а тамъ учтиво съ ней простилась. Белла схватила ее за руки и, горячо пожимая ихъ, сказала, какъ счастлива была бы она, еслибъ могла постоянно имѣть при себѣ подругу, подобную фрейленъ Пэрини. Впрочемъ, она надѣялась, что та не замедлитъ оказать ей честь своимъ посѣщеніемъ.

Белла удалилась, шелестя шелковымъ платьемъ, а фрейленъ Пэрини сдѣлала своими миніатюрными ручками движеніе, какое дѣлаютъ кошки, когда имъ удается наконецъ поймать добычу, которую онѣ долго подстерегали. Насмѣшливо сверкнули ея обыкновенно кроткіе глазки и маленькій ротикъ едва слышно произнесъ: — всѣ вы обмануты!

Госпожа Церера жаловалась на свои постоянныя страданія, а Белла утѣшала ее тѣмъ, что у ней ни въ чемъ нѣтъ недостатка, даже въ прелестныхъ дѣтяхъ. Она не знала, чему отдать предпочтеніе, чудной ли красотѣ Роланда или кроткой прелести Манны?

Белла рѣдко посѣщала домъ Зонненкампа, но всякій разъ, что она тамъ бывала, ею овладѣвала страсть, можетъ быть исключительно свойственная женщинамъ. Въ своемъ замкѣ въ Вольфсгартенѣ она жила въ довольствѣ, которое, казалось, ничего не оставляло желать, но лишь только переступала она черезъ порогъ виллы Эдемъ, въ нея вселялся демонъ зависти. Она не могла равнодушно смотрѣть на эту свѣжую, вновь возникшую здѣсь жизнь, въ которой не было ничего дряблаго, ничего сколько-нибудь напоминающаго о разрушеніи. Всякій разъ, что ей приходила на умъ госпожа Церера, у ней рябило въ глазахъ: она являлась ея воображенію не иначе, какъ украшенная великолѣпнымъ брильянтовымъ уборомъ, подобнымъ которому едва ли владѣютъ многія принцессы.

Сегодня она была особенно снисходительна и покровительственна съ госпожей Церерой и радовалась тому, что въ ея власти съ ней такъ обращаться. Эти люди все могутъ купить себѣ, исключая древняго, съ исторической извѣстностью имени. Если бы даже удалось намѣреніе Отто жениться на Маннѣ, то и это не много пользы принесло бы имъ. Фамилія ихъ только покрылась бы легкимъ слоемъ лака, — такимъ легкимъ, что онъ по-

Digitized by Google

стоянно какъ бы говорилъ: — не тронь меня, а не то я исчезну!

Конечно, здѣсь опять главнымъ предметомъ разговора былъ Эрихъ. Белла, приложивъ къ губамъ розу, едва скрыла улыбку, вызванную словами Цереры:

— Я хотѣла бы, — сказала она — имѣть капитана для себя.

— Для себя?

— Да. Только, я думаю, мнѣ ужъ ничему теперь не выучиться, я слишкомъ стара, слишкомъ глупа... А прежде онъ не позволялъ мнѣ учиться!

Белла съ жаромъ начала оспаривать это скромное о себѣ мнѣніе хозяйки дома.—Госпожа Церера, говорила она, еще молода и прекрасна; ее можно принять скорѣе за сестру, нежели за мать Роланда. Кто скажетъ, что она не умна или не умѣетъ себя держать? Госпожа Церера улыбнулась, принимая все это за чистую монету. Затѣмъ Белла изъявила намѣреніе удалиться, боясь болѣе продолжительной бесѣдой утомить госпожу Зонненкампъ, нѣжная и слабая организація которой требовала большихъ предосторожностей.

Церера отвѣчала ей смущеннымъ взглядомъ, не зная, за что принять эти слова: за похвалу или за порицаніе? Белла, прощаясь, поцѣловала Цереру въ лобъ.

Зонненкампъ оставилъ графа съ Эрихомъ, а самъ пошелъ сдѣлать кое-какія распоряженія въ домѣ. Кромѣ того онъ получилъ письмо и депеши, изъ которыхъ многія требовали немедленнаго отвѣта. Онъ послалъ маіору приглашеніе къ обѣду и велѣлъ посланному, если онъ его не застанетъ дома, отправиться за нимъ въ крѣпость.

Клодвигъ, въ сопровожденіи Роланда и Эриха, пошелъ въ комнату послѣдняго. Между учеными вскорѣ завязался интересный для обоихъ разговоръ, и они совсѣмъ забыли о присутствіи Роланда. Мальчикъ сидѣлъ молча и смотрѣлъ то на того, то на другого. Онъ не понималъ всего, о чемъ они говорили, но инстинктивно угадывалъ, какъ пріятна была для нихъ эта бесѣда. Когда Клодвигъ наконецъ удалился въ свою комнату, Роландъ схватилъ Эриха за руку и воскликнулъ:

— Я тоже хочу все знать и буду учиться всему, чему ты прикажешь. Я хочу быть такимъ, какъ ты и Клодвигъ!

Эрихъ ласково на него взглянулъ. Предложеніе Клодвига приходилось ему, какъ нельзя болѣе по сердцу, но тутъ его ожидала серьезная обязанность. Онъ уже разъ рѣшился, и теперь ему не приходилось измѣнять своего рѣшенія.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Я СЛУЖУ!

Маіоръ явился въ то самое время, когда садились за столъ. Онъ былъ очень радъ встрѣтить Клодвига и Беллу. Всякій добрый поступокъ, всякая ласка, оказанная однимъ человѣкомъ другому несказанно радовали маіора. Они подтверждали его высокое мнѣніе о людяхъ и давали ему въ руки новое оружіе противъ шутниковъ и хулителей рода человѣческаго. Онъ былъ благодаренъ Клодвигу и Беллѣ, какъ будто они лично ему оказали услугу. Съ Эрихомъ онъ поздоровался, какъ отецъ съ сыномъ, и при этомъ пожаловался, что испортилъ себѣ аппетитъ. Онъ былъ въ крѣпости и хотѣлъ попробовать, хорошо ли тамъ кормятъ рабочихъ. Кушанья ихъ оказались такъ вкусны, что онъ, самъ того не замѣчая, до-сыта наѣлся. Эрихъ сказалъ ему въ утѣшеніе, что для тонкихъ яствъ, подаваемыхъ за столомъ Зонненкампа, немного понадобится мѣста.

Маіоръ, обратясь къ Іозефу, произнесъ:—Налей! Іозефъ понялъ. На одномъ изъ боковыхъ столовъ стоялъ графинъ, окруженный рюмками, онъ налилъ изъ него и далъ маіору, который залпомъ выпилъ рюмку возбуждающаго аппетитъ напитка.

— Это расчищаетъ дорогу, сказалъ онъ Эриху и засмѣялся.

— Да, духъ приказываетъ разступиться толпѣ, возразилъ тотъ.

Церера не пришла къ столу. Лишь только всѣ заняли свои мѣста, доктора потребовали къ больному. Онъ немедленно всталъ. Зонненкампъ упрашивалъ его остаться, но Клодвигъ посовѣтовалъ лучше его отпустить. Стоитъ только встать на мѣсто тѣхъ, которые теперь ожидаютъ доктора, чтобъ почувствовать, какъ было бы жестоко его здѣсь удержать единственно для своего удовольствія.

— Вотъ истинно добрый человѣкъ! шепнулъ маіоръ Эриху. Слова эти долетѣли до слуха Роланда, и лице его омрачилось. Значитъ, отецъ его, просившій доктора остаться, не добрый человѣкъ.

Эрихъ понялъ, что происходило въ мальчикѣ, и сказалъ маіору такъ, чтобы и Роландъ могъ слышать:

— Господинъ Зонненкампъ хотѣлъ только этимъ выразить свое предположеніе, что деревенскіе жители часто преувеличиваютъ опасность и по-напрасну тревожатъ доктора.

Digitized by Google

— Правда, правда. Я ошибся.... Спасибо, товарищъ!

У Роланда отлегло отъ сердца; онъ весело улыбнулся Эриху и охотно расцѣловалъ бы его.

Пріятное настроеніе духа, въ какомъ до сихъ поръ находилось общество, казалось, было нарушено. Докторъ велъ оживленный разговоръ, который послѣ его ухода тщетно всѣ старались поддержать. Мысль о бѣдныхъ и страждущихъ, къ которымъ онъ былъ отозванъ, невольно омрачила всеобщее веселье.

Эрихъ по справедливости могъ принять визитъ Клодвига и Беллы на свой счетъ. Онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность оживить разговоръ и возвратить обществу хорошее расположеніе духа. Но пока онъ еще раздумывалъ, съ чего начать, къ нему явился на помощь маіоръ, который имѣлъ въ запасѣ новость и выбралъ именно эту минуту, чтобъ ее разсказать.

—Господинъ Зонненкампъ, началъ онъ и, по обыкновенію, весь покраснѣлъ: господинъ Зонненкампъ, въ газетахъ сказано, что къ вамъ скоро будутъ гости... много гостей.

— Ко мнѣ? Въ газетахъ сказано?

— Да. То-есть тамъ не именно такъ сказано, но похоже на это. Газеты, видите ли, объявляютъ, что вслѣдствіе дороговизны жизни въ Америкѣ, предпринимается тамошними жителями новое переселеніе. Многія семейства перебираются изъ Новаго Свѣта къ намъ въ Европу, гдѣ они находятъ жизнь дешевле и пріятнѣе.

Маіоръ, полагая, что очень ловко пополнилъ пробѣлъ, происшедшій въ разговорѣ, поспѣшилъ себя вознаградить за находчивость и залпомъ выпилъ стаканъ своего любимаго бургундскаго.

Зонненкампъ замѣтилъ, что вслѣдствіе этого, противъ американцевъ можетъ возникнуть такое же точно предубѣжденіе, какое существуетъ противъ путешествующихъ англичанъ.

Но никто болѣе не продолжалъ этого разговора. Всѣ оставляли рѣчь за Клодвигомъ, но тотъ молчалъ, сознавая всю неловкость своего положенія. Его тревожила мысль, что онъ явился въ домъ и пользовался гостепріимствомъ хозяевъ, все время замышляя противъ нихъ злое дѣло. Но Эрихъ иначе понялъ его молчаніе и поспѣшилъ дать разговору занимательный для него оборотъ. Воспользовавшись стихотвореніемъ Гёте, въ которомъ тотъ восхваляетъ Америку за то, что въ ней нѣтъ развалинъ крѣпостей и городовъ, онъ упомянулъ о пристрастіи Клодвига къ древностямъ и Зонненкампа къ садоводству и провелъ между ними параллель. Эрихъ говорилъ много и хорошо, зная, что

Digitized by Google

избранная имъ тема должна возбудить въ слушателяхъ живой интересъ. А между тѣмъ тутъ же, рядомъ съ удовольствіемъ, какое онъ при этомъ ощущалъ, вдругъ поднялся какъ бы укоръ совѣсти. До сихъ поръ Эриху случалось говорить не иначе, какъ отвѣчая на вопросы или повѣряя свои задушевныя мысли и стремленія людямъ, съ которыми онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Теперь же онъ впервые говорилъ съ цѣлью, или по крайней мѣрѣ съ желаніемъ, блеснуть, и ни на минуту не упуская изъ виду дѣйствія, какое производятъ его слова на другихъ. Подмѣтя въ себѣ это совершенно новое настроеніе, онъ нѣсколько смутился, но тутъ же нашелъ себѣ и оправданіе въ томъ, что до нѣкоторой степени обязанъ исполнять роль хозяина въ отношеніи гостей, пріѣхавшихъ собственно къ нему. Какъ бы то ни было, оживленіе его оказалось заразительнымъ и расшевелило Зонненкампа и Клодвига.

Графиня Белла всякій разъ, что не она давала главное направленіе разговору, имѣла обыкновеніе выказывать полное равнодушіе, какъ къ тому, кто говорилъ, такъ и къ предмету, о которомъ шла рѣчь. Въ этихъ случаяхъ, она всегда очень ловко завязывала отдѣльный разговоръ съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ или сосѣдкой, не дозволяя имъ, даже еслибъ они того и хотѣли, принять участіе въ общей бесѣдѣ. На этотъ разъ она все свое вниманіе посвятила фрейленъ Пэрини и безъ умолку говорила съ ней по-италіянски.

Равнодушіе Беллы къ его словамъ сначала огорчило Эриха, но потомъ онъ забылся и, въ свою очередь, пересталъ обращать на нее вниманіе.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ своимъ домашнимъ учителемъ. Эрихъ, наведя разговоръ на хорошо знакомый ему предметъ, доставилъ ему возможность съ честью высказать себя передъ гостями. Съ другой стороны, Эрихъ составлялъ какъ бы украшеніе его дома и привлекъ къ его столу первыхъ людей въ странѣ. Клодвигъ попросилъ, чтобъ немедленно доводили до его свѣдѣнія о всякомъ новомъ слѣдѣ древнихъ временъ, на который нападутъ при работахъ, производимыхъ по случаю возстановленія крѣпости. Зонненкампъ любезно обѣщался и замѣтилъ при этомъ, какіе разнообразные толки возбудила эта постройка. Многіе приписывали ему желаніе попасть въ книгу для путешественниковъ, такъ чтобъ имя его произносилось англичанами, которые въ прекрасные лѣтніе дни, плавая по Рейну съ указателемъ въ рукахъ, разсматриваютъ и изучаютъ малѣйшія подробности его береговъ. А между тѣмъ имъ руководило единственно чувство изящнаго и, возстановленіемъ древнихъ разва-

Digitized by Google

линъ, онъ хотѣлъ только пополнить видъ, разстилавшійся изъ оконъ его кабинета. Но онъ очень радъ, что можетъ въ тоже время содѣйствовать украшенію своего германскаго отечества.

Всякій разъ, что Зонненкампъ произносилъ слова: «германское отечество,» тонъ его какъ-то странно звучалъ, не то презрительно, не то жалобно. Зная, что Клодвигъ съ головы до ногъ патріотъ, онъ охотно коснулся этой струны. Эрихъ взглянулъ на Роланда: не поразитъ ли мальчика эта явная лесть? Недалѣе еще какъ въ воскресенье, Зонненкампъ, по поводу выборовъ, очень рѣзко отозвался о Германіи. Но лице Роланда оставалось спокойно. Это юношеское легкомысліе, не допускавшее мальчика замѣчать противорѣчія тамъ, гдѣ оно встрѣчалось, съ одной стороны утѣшало Эриха, но съ другой усложняло его задачу воспитателя, такъ какъ показывало недостатокъ сообразительности. Онъ болѣе всего желалъ развить и укрѣпить въ Роландѣ послѣдовательность въ мысляхъ и поступкахъ.

Зонненкампъ продолжалъ распространяться о странностяхъ, какія ему еще приписывали, — въ сущности же ему ихъ никто не приписывалъ, а онъ самъ, вмѣстѣ съ Пранкеномъ, распускалъ о себѣ разные слухи. Между прочимъ поговаривали о его намѣреніи перевести на себя имя семейства, нѣкогда владѣвшаго возстановленнымъ имъ замкомъ. Родъ этотъ, по имени Рейхенбергъ, весь вымеръ, и о гербѣ его, которымъ намѣревались снова украсить ворота замка, сохранилось весьма неточное воспоминаніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ Зонненкампъ. Но Клодвигъ, который, не смотря на свой либеральный образъ мыслей, нѣсколько тщеславился своими знаніями по части генеалогіи и геральдики, возразилъ, что гербъ Рейхенберговъ очень хорошо извѣстенъ. Онъ раздѣляется на двѣ половины; съ лѣвой стороны на немъ изображена на голубомъ полѣ голова мавра, а на правой вѣсы. Рейхенберги, безъ сомнѣнія, первоначально обратили на себя вниманіе во время крестовыхъ походовъ, а затѣмъ уже заняли важныя должности въ государствѣ.

Зонненкампъ съ любезной, почти заискивающей улыбкой попросилъ графа какъ можно скорѣе доставить ему рисунокъ герба. Разговоръ долго еще вертѣлся около этого предмета. Каждый изъ присутствующихъ по-очереди приводилъ разные девизы извѣстныхъ ему гербовъ, и всѣ при этомъ находили, что они или точно выражаютъ характеръ своихъ владѣтелей, или составляютъ забавную съ нимъ противоположность.

— Какой девизъ избрали бы вы для себя? спросилъ Зонненкампъ Эриха.

— Я служу! отвѣчалъ тотъ.

Digitized by Google

ГЛАВА IX.

ДВОЙНОЕ СПАСЕНІЕ.

Беллѣ, наконецъ, удалось поговорить съ Эрихомъ наединѣ. Они вмѣстѣ прогуливались, и графиня осторожно приступила къ выполненію своего плана. Она прежде всего не могла надивиться тому, какъ хорошо понималъ Эрихъ ея добраго мужа. Это тѣмъ болѣе удивляло ее, что съ Клодвигомъ вообще не такъ легко было ужиться, какъ то казалось съ перваго взгляда. Тонъ ея былъ мягокъ и выражалъ скорѣе похвалу, чѣмъ упрекъ.

Эрихъ отвѣчалъ:

— Тѣмъ болѣе заслуживаете вы благодарности, графиня, за то, что̀ для него сдѣлали: онъ нашелъ въ васъ вторую молодость.

Белла улыбнулась. Начало было хорошо; Эрихъ какъ разъ понялъ то, что̀ она желала ему внушить, и вполнѣ оцѣнилъ ея жертву. Она продолжала съ нѣжностью говорить о Клодвигѣ и о томъ, какъ она счастлива, что можетъ содѣйствовать успокоенію его чистой души. Какое прекрасное назначеніе, говорила она, служить ему безвозмездно и въ тиши и уединеніи приносить себя ему въ жертву! Но совсѣмъ тѣмъ, однако, не легко было справляться съ человѣкомъ, подобнымъ Клодвигу, хотя онъ по наружности и казался такимъ уступчивымъ и невзыскательнымъ. Въ заключеніе, она убѣдительно просила Эриха не оставлять ихъ и помочь ей сдѣлать счастливымъ закатъ жизни престарѣлаго графа. Въ словахъ ея звучала неподдѣльная искренность и теплота.

Эрихъ выразилъ свое сомнѣніе на счетъ того, благоразумно ли третьему лицу возмущать потокъ ихъ тихаго, мирнаго существованія. А вдобавокъ онъ чувствовалъ себя еще такъ мало готовымъ къ жизни: въ немъ еще ничто не установилось и не улеглось.

— При вашей правдивости, скромность совершенно излишня, возразила Белла и пытливо на него поглядѣла. У нея упалъ вѣеръ, и когда Эрихъ его поднялъ, она въ благодарность подала ему руку.

Ловко, почти кокетливо, хотя не безъ чувства, о чемъ свидѣтельствовало ея прерывистое дыханіе, навела она рѣчь на то, какъ счастлива она, имѣя вѣрнаго, благороднаго друга, къ которому можетъ всегда обратиться за совѣтомъ, и который, она знаетъ, ее вполнѣ пойметъ.

Digitized by Google

Эрихъ былъ въ недоумѣніи, къ кому относились эти слова: къ Клодвигу или къ нему.

— Вонъ онъ идетъ! внезапно воскликнула Белла: онъ ни за что не хочетъ ходить съ палкой, а между тѣмъ, вы сами видите, какъ онъ нуждается въ опорѣ.

Она пошла на встрѣчу къ мужу и подала ему руку. Дойдя до роскошнаго кедра, подъ тѣнью котораго были разставлены красивые стулья, Клодвигъ сѣлъ; Эрихъ и Белла остановились передъ нимъ. Тогда графъ изложилъ свой планъ на счетъ переселенія Эриха въ Вольфсгартенъ и говорилъ съ такимъ жаромъ, что вызвалъ краску на лице молодого человѣка. Взволнованнымъ голосомъ высказалъ Эрихъ свою признательность, но въ тоже время и отказъ.

Белла оперлась одной рукой о стулъ, на которомъ сидѣлъ Клодвигъ, а Эрихъ продолжалъ. Съ одной стороны, говорилъ онъ, передъ нимъ заманчивое предложеніе, съ другой—суровая обязанность. Первое несказанно его радуетъ, но долгъ и сердце предписываютъ ему избрать вторую. Въ дѣлѣ воспитанія Роланда онъ видитъ трудную, но привлекательную задачу, которой твердо рѣшился себя посвятить.

Клодвигъ опустилъ глаза въ землю, но когда Эрихъ заговорилъ объ успѣвшей уже возникнуть въ немъ любви къ мальчику и о томъ, какъ все въ немъ, даже самые недостатки имѣли для него неотразимую прелесть, графъ выпрямился и на лицѣ его мелькнула улыбка. Во влеченіи Эриха къ Роланду онъ узнавалъ собственное влеченіе къ молодому ученому. Да, то была непрерывная цѣпь однихъ и тѣхъ же ощущеній. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ отказаться отъ Эриха, не сдѣлавъ еще новой попытки склонить его на свою сторону. Въ дѣлѣ воспитанія Роланда, сказалъ онъ, Эриха не допустятъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и его ожидаетъ борьба съ разнородными элементами, которые врядъ ли ему удастся побѣдить.

— Ахъ, вонъ идетъ докторъ! внезапно перебилъ себя графъ: Изберемъ его въ третейскіе судьи, и пусть онъ рѣшитъ чему быть.

— Здѣсь никто не можетъ рѣшить за меня, возразилъ Эрихъ: впрочемъ, я охотно довѣрюсь нашему другу.

Къ удивленію обоихъ, рѣшеніе доктора не было въ пользу ни того, ни другого. Онъ выразилъ только желаніе, чтобъ кто-нибудь доставилъ Эриху возможность посѣтить Италію и Грецію. Клодвигъ хотѣлъ отвѣчать, но Эрихъ предупредилъ его, объявивъ, что прежде всего хочетъ имѣть занятіе, которое помогло бы ему существовать самому и содержать мать.

Digitized by Google

Медленно приподнимаясь со стула, Клодвигъ сказалъ:

— Молодой другъ мой, дайте мнѣ вашу руку.

И тяжело опираясь на Эриха, онъ пошелъ къ дому.

— Я не узнаю самого себя, сказалъ онъ дорогой. Трудно повѣрить, чтобъ я уже многое испыталъ къ жизни, такъ горекъ показался мнѣ сегодняшній опытъ. Или это уже знакъ старости, что намъ становится такъ трудно отказать себѣ въ исполненіи желаній? А казалось бы, пора мнѣ этому научиться! Видно, мы съ лѣтами впадаемъ въ дѣтство... дѣти ни въ чемъ не умѣютъ себѣ отказывать.

Онъ еще крѣпче оперся на Эриха, который былъ глубоко тронутъ безпомощнымъ состояніемъ добраго старика.

— Не понимаю, что со мной, продолжалъ Клодвигъ. Я не чувствую подъ собой ногъ. Не находите вы, что очень жарко?

— Нѣтъ. Вы бы сѣли отдохнуть.

Съ усиліемъ высвободивъ свою руку изъ руки Эриха, графъ медленно провелъ ею по лицу и сказалъ:

— Молодой другъ мой, когда я буду умирать...

И съ этимъ словомъ онъ тяжело упалъ. Эрихъ едва успѣлъ его поддержать. Сзади раздался крикъ Беллы; докторъ, шедшій возлѣ нея, поспѣшилъ на помощь къ Эриху, но тотъ уже взялъ графа на руки, какъ ребенка, и быстро понесъ его по направленію къ дому.

Клодвига положили на диванъ въ большой залѣ. Белла рыдала, докторъ утѣшалъ ее, говоря, что у него есть средство, которое не замедлитъ привести ея мужа въ чувство. И дѣйствительно, Клодвигъ вскорѣ произнесъ нѣсколько словъ. Тогда докторъ попросилъ всѣхъ удалиться. Лишь только вышли они изъ залы, Белла со слезами бросилась къ Эриху на грудь. Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ молодого человѣка, когда онъ почувствовалъ на себѣ дыханіе молодой женщины.

— Вы нашъ спаситель! воскликнула она внѣ себя:—О другъ мой! другъ мой!

Мимо прошелъ Зонненкампъ; Белла мгновенно оправилась и съ удивительнымъ самообладаніемъ обратилась къ нему:

— Господинъ Зонненкампъ! нашъ общій другъ, капитанъ Дорнэ, оказался спасителемъ моего мужа. Онъ съ изумительной силой поднялъ его и принесъ въ домъ. Поблагодарите его вмѣстѣ со мной.

Эрихъ былъ пораженъ такимъ необыкновеннымъ умѣньемъ владѣть собой.

Въ дверяхъ залы показался докторъ. Зонненкампъ съ участіемъ спросилъ:

Digitized by Google

— Что графъ?

Докторъ объявилъ его внѣ опасности. Съ нимъ былъ легкій ударъ, отъ котораго нечего бояться дурныхъ послѣдствій. А теперь Клодвигъ проситъ къ нему прійдти Эриха.

Молодой человѣкъ вошелъ въ залу и засталъ графа сидящимъ. Тотъ подалъ ему руку и сказалъ улыбаясь:

— Я теперь докончу свою фразу: когда я буду умирать, ты долженъ при мнѣ находиться, мой молодой другъ. Но, успокойся, это еще не скоро будетъ. А теперь садись тутъ, возлѣ меня. Гдѣ моя жена?

Эрихъ пошелъ за Беллой, и она явилась въ сопровожденіи доктора и Зонненкампа. Докторъ не только позволилъ, но настоятельно требовалъ, чтобъ Клодвигъ и Белла немедленно отправились въ Вольфсгартенъ. Зонненкампъ любезно старался ихъ удержать, и твердилъ, что отдаетъ весь свой домъ въ распоряженіе дорогихъ гостей.

— Вы позволите господину Дорнэ съ нами поѣхать? сказалъ Клодвигъ.

Зонненкампъ былъ непріятно пораженъ, однако нашелся и сказалъ:

— Я не имѣю права что-либо позволять или запрещать капитану Дорнэ. Но если вы рѣшились ѣхать, то я, напротивъ, прошу его васъ сопровождать, взявъ съ него однако обѣщаніе, что онъ возвратится къ намъ.

— И вы съ нами поѣдете? спросила Белла доктора. Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

Такимъ образомъ, они отправились въ четверомъ. Дорогой было мало говорено, только разъ Клодвигъ, взявъ Эриха за руку, сказалъ:

— Вы очень сильны.

Эрихъ и докторъ ночевали въ Вольфсгартенѣ. Когда на слѣдующее утро докторъ уже собирался ѣхать, Эрихъ еще спалъ крѣпкимъ сномъ. Докторъ разбудилъ его и сказалъ:

— Капитанъ, сегодняшній день вы еще можете здѣсь остаться, но никакъ не долѣе.

Эрихъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вы меня поняли? спросилъ докторъ.

— Да.

— Ну, такъ прощайте.

Снова Эрихъ провелъ въ Вольфсгартенѣ цѣлый день. Къ Клодвигу вернулось его обычное расположеніе духа, но въ обращеніи Беллы съ Эрихомъ проглядывала какая-то робость.

Вечеромъ пріѣхали Зонненкампъ и Роландъ, и Эрихъ вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ ними возвратился на виллу Эдемъ. Зонненкампъ былъ очень веселъ и на обратномъ пути вдругъ сконфузилъ Эриха неожиданнымъ замѣчаніемъ:

— Графиня Белла будетъ прелестная вдова.

Слова его сопровождались пристальнымъ взглядомъ, отъ котораго вся кровь бросилась въ лице молодому человѣку.

На слѣдующій день, подъ вечеръ, докторъ опять посѣтилъ виллу Эдемъ. Онъ пріѣхалъ туда прямо изъ Вольфсгартена и привезъ хорошія извѣстія.

Немного спустя, онъ отвелъ Эриха въ сторону и сказалъ:

— Вы мнѣ говорили, что еще ожидаете окончательнаго рѣшенія господина Зонненкампа на счетъ вашего вступленія къ нему въ домъ. Мое мнѣніе, что вамъ удобнѣе объясниться съ нимъ письменно: вдали другъ отъ друга вы лучше увидите, что̀ вамъ дѣлать. Итакъ, мой совѣтъ вамъ: немедленно отсюда уѣзжайте. Всякій лишній часъ, что вы остаетесь въ этомъ домѣ, подготовляетъ вашу гибель.

— Мою гибель?

— Да, вашу гибель. Вы здѣсь точно на выставкѣ, и это натянутое положеніе, которое длится вотъ уже скоро недѣлю, имѣетъ на васъ дурное вліяніе.

Эрихъ смутился. Нѣчто подобное онъ уже и самъ себѣ говорилъ.

— Ни одинъ человѣкъ, продолжалъ докторъ, не въ состояніи выдержать такого положенія безъ вреда для себя. Вамъ необходимо уѣхать, иначе вы превратитесь въ актера или въ проповѣдника, а не то, такъ и въ обоихъ вмѣстѣ. Вы говорите съ цѣлью произвести впечатлѣніе, и повторяете заученное... Скорѣй, скорѣй прочь отсюда! вы испытали другихъ и другіе испытали васъ, теперь вамъ ничего болѣе не остается, какъ уѣхать. Я возьму васъ съ собой, вы у меня переночуете, а завтра отправитесь обратно къ вашей матушкѣ, гдѣ спокойно будете ожидать окончанія этого дѣла.

— Но Роландъ! сказалъ Эрихъ. Я не могу оставить мальчика. Я душой и сердцемъ къ нему привязался, и онъ тоже полюбилъ меня.

— Тѣмъ лучше. Пусть онъ ждетъ и стремится къ вамъ. Ему не лишнее узнать, что есть многое, чего нельзя достать за деньги. Ужъ если вамъ суждено съ ними жить, то пусть они этого домогаются. Вы, такимъ образомъ, пріобрѣтете болѣе значенія въ домѣ и упрочите за собой ваше вліяніе надъ мальчикомъ. Предоставьте мнѣ теперь за васъ дѣйствовать. Я сдѣлаю

Digitized by Google

только то, въ благоразуміи чего вы сами убѣдитесь не позже, можетъ быть, какъ завтра.

— Вотъ вамъ моя рука, я ѣду съ вами! воскликнулъ Эрихъ.

Всѣ въ домѣ не могли прійдти въ себя отъ удивленія по случаю внезапнаго отъѣзда Эриха. Не прошло и часа, какъ онъ уже вмѣстѣ съ докторомъ садился въ экипажъ...

Эрихъ былъ радъ, что прощаніе его съ Роландомъ не долго длилось. Мальчикъ былъ пораженъ и не могъ говорить отъ волненія. Уже когда Эрихъ сидѣлъ въ каретѣ, онъ подошелъ къ нему съ щенкомъ въ рукахъ и положилъ щенка ему на колѣни. Но докторъ возвратилъ Роланду собаку, говоря, что она еще слишкомъ молода, и не можетъ обойтись безъ матери. Пусть она подростетъ, и тогда онъ самъ позаботится о томъ, чтобы она досталась Эриху.

Роландъ смотрѣлъ въ слѣдъ экипажу, пока тотъ не скрылся изъ виду. На душѣ у мальчика было тяжело, и мысли его перепутались. Эрихъ ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на него. Съ его удаленіемъ Роландъ вдругъ почувствовалъ себя осиротѣлымъ въ родительскомъ домѣ. Онъ схватилъ собачку и хотѣлъ ее съ досадой отъ себя швырнуть, но та жалобно завизжала, и мальчикъ внезапно прижалъ ее къ груди.

— Будь спокойна, сказалъ онъ ей: я тебѣ не сдѣлаю вреда. Мнѣ тоже больно, но я не собака и не визжу,— замолчи же и ты теперь. Онъ насъ обоихъ бросилъ.

Роландъ возвратилъ щенка матери, которая приняла его съ большой радостью.

— Я тоже пойду къ маменькѣ, сказалъ Роландъ, но прежде послалъ ей о себѣ доложить.

Первымъ его дѣломъ, увидя мать, было пожаловаться на отъѣздъ Эриха.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, отвѣчала она: я сама ему это совѣтовала.

— Ты?... Зачѣмъ?

— Ахъ, отстань пожалуста съ твоими глупыми «зачѣмъ»! Нельзя же тебѣ всегда все объяснять!

Роландъ замолчалъ, но сердце его болѣзненно сжалось, и поцѣлуй матери былъ ему почти непріятенъ.

Онъ хотѣлъ пойдти къ отцу, но тотъ ушелъ съ маіоромъ въ крѣпость. Одинокій и унылый бродилъ мальчикъ по двору, заглянулъ къ собакамъ, заставилъ ихъ продѣлать всѣ штуки, а затѣмъ отправился на конюшню. Охвативъ за шею свою лошадь, онъ долго стоялъ, прислонясь головой. Въ умѣ его мелькнула

Digitized by Google

странная мысль: «Лошадь, собаки — мои, думалось ему: только то, за что̀ заплачены деньги, можно вполнѣ назвать своимъ.»

И въ душѣ Роланда внезапно пробудилось сознаніе, что человѣка съ человѣкомъ прочно связываетъ одна любовь. Онъ не привыкъ къ размышленію, и теперь у него разболѣлась голова отъ этого необыкновеннаго наплыва мыслей. Онъ приказалъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ по той же самой дорогѣ, по которой недавно отправились Эрихъ и докторъ.

ГЛАВА X.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НАТУРА.

Эрихъ молча сидѣлъ въ углу кареты, погруженный въ собственныя мысли. Докторъ, не желая ему мѣшать, тоже молчалъ. Эриху казалось, что онъ носится на бурныхъ волнахъ моря, и что противный вѣтеръ мѣшаетъ ему попасть въ пристань. Онъ, въ теченіи послѣдней недѣли, занялъ важное мѣсто въ существованіи нѣсколькихъ людей и чувствовалъ, что судьба его отнынѣ должна быть тѣсно связана съ ними. Но какъ онъ ни старался заглянуть въ будущее, ему тамъ представлялось одно неизвѣстное.

— Итакъ, вы вѣрите въ воспитаніе? спросилъ наконецъ докторъ.

— Я васъ не понимаю.

— Что до меня касается, то я не придаю воспитанію ровно никакого значенія. Люди получаютъ отъ самой природы то, что̀ называютъ въ нихъ направленіемъ, и оно не измѣняется ни при какихъ условіяхъ. Какимъ человѣка положатъ въ колыбель, такимъ зароютъ его и въ могилу. Способности, конечно, могутъ быть отчасти развиваемы, но это уже второстепенное дѣло, а главное, — то, что̀ составляетъ сущность человѣка, ему даетъ природа.

Эрихъ усталъ и не чувствовалъ себя расположеннымъ вступать въ новыя пренія съ докторомъ, который продолжалъ:

— Сказать правду, меня просто беретъ зависть, смотря на этихъ богачей. Ну, не досадно-ли, что они за деньги хотятъ покупать плоды и ароматъ высшаго образованія! Одно утѣшаетъ меня, это слова Того, кто, стоя въ центрѣ нравственнаго и умственнаго міра, сказалъ: ни одинъ богачъ не войдетъ въ царствіе небесное. У богатыхъ людей грузъ слишкомъ великъ. Живя вдали отъ нужды и отъ горькихъ дѣйствительностей жизни, они, такъ сказать, перехитрили самую природу. Времена года не

Digitized by Google

имѣютъ на нихъ никакого вліянія, всѣ климаты къ ихъ услугамъ, и они, какъ ласточки, перелетая изъ края въ край, вездѣ находятъ себѣ готовыя гнѣзда. Было бы вопіющей несправедливостію со стороны судьбы, еслибъ она даровала имъ еще наслажденіе высшими благами, которыя должны принадлежать исключительно намъ.

— Въ геометріи не существуетъ особенныхъ путей для великихъ міра сего, гласитъ Эвклидова поговорка, сказалъ Эрихъ: знаніе пріобрѣтается только посредствомъ труда; то, что̀ я желаю прежде всего развить въ Роландѣ, можетъ быть выражено однимъ словомъ: самодѣятельность.

— Такъ, такъ,—возразилъ докторъ:—Но вотъ что̀ составляетъ наше преимущество передъ богатыми. Мы принадлежимъ самимъ себѣ. Богачу неизвѣстна благотворная сила уединенія; ему нѣкогда сосредоточиться, уйдти въ себя и жить своей собственной, внутренней жизнью. Слова Библіи: Что̀ въ томъ, если ты весь міръ обрящешь, а душу свою погубишь,—я толкую по своему и говорю: что̀ въ томъ, если ты богатъ, но никогда не можешь быть наединѣ съ самимъ собой? Кому негдѣ головы преклонить, тотъ носитъ ее высоко и свободно. Вы видите, для меня не пропали даромъ два года, которые я посвящалъ изученію богословія, пока не пришелъ къ убѣжденію, что врачуя тѣло, хотя и не многимъ, но все-таки болѣе можно принести пользы, чѣмъ врачуя духъ.

Докторъ засмѣялся и продолжалъ:

— Главный вопросъ теперь въ томъ: на сколько избытокъ житейскихъ благъ оставляетъ въ человѣкѣ способности къ воспріимчивости? И вся ваша задача съ Роландомъ должна ограничиться тѣмъ, чтобы какъ можно болѣе развить въ немъ эту воспріимчивость. А ученіе его вамъ прійдется начать сызнова. По степени знанія свѣта, онъ еще ребенокъ, но по тому, чего онъ требуетъ отъ свѣта,—человѣкъ совершенно взрослый.

Эрихъ многое бы могъ на это возражать, но не хотѣлъ. Докторъ справедливо упрекалъ его за то, что онъ слишкомъ много говоритъ: «пусть же онъ теперь узнаетъ: что я умѣю также и молчать», думалъ про себя молодой человѣкъ.

— Если вы дѣйствительно поступите на это мѣсто, снова началъ докторъ: то я могу вамъ быть полезенъ совѣтами. Къ сожалѣнію, вы не врачъ, а по моему мнѣнію одни врачи могутъ быть хорошими воспитателями. Не знаю, замѣтили-ли вы, что у Роланда желудокъ плохо варитъ? А мальчики его лѣтъ обыкновенно чуть-ли не камни перевариваютъ. Я, впрочемъ, не требую, чтобъ его кормили болѣе простой пищей. Богатые люди ѣдятъ безъ голода и пьютъ безъ жажды. Мальчикъ этотъ все

Digitized by Google

можетъ имѣть, исключая одного — наивныхъ радостей дѣтства. Вотъ вамъ незначительный, но тѣмъ не менѣе поразительный примѣръ: Роланда не радуетъ новое платье. А между тѣмъ, вспомните, какую важную роль играло оно въ вашей собственной юности. Я и по-сю пору всегда съ удовольствіемъ надѣваю новое платье и люблю, чтобъ оно на мнѣ хорошо сидѣло.... Чему вы смѣетесь ? впезапно спросилъ онъ.

— Я вспомнилъ, отвѣчалъ Эрихъ, объ одномъ другѣ, тщательно изучающемъ богословіе. Представляю себѣ теперь его изумленіе, еслибъ ему кто-нибудь сказалъ, что грѣхопаденіе, впервые пробудившее въ человѣкѣ сознаніе наготы, сдѣлалось потомъ источникомъ такихъ великихъ радостей!

Докторъ тоже засмѣялся, но не отступилъ отъ своего предмета.

— Пища и одежда, продолжалъ онъ, занимаютъ чуть ли не важнѣйшее мѣсто въ существованіи человѣка. Къ этому, впрочемъ, надо присоединить еще третье — сонъ. Воздухъ, пища и сонъ составляютъ основныя начала растительной жизни. Я думаю, капитанъ, что за это время успѣлъ васъ нѣсколько узнать, однако, полное мое сужденіе о васъ произнесу не прежде, какъ когда увижу васъ спящимъ. Нашъ девятнадцатый вѣкъ плохо спитъ. Воспитаніе, трудовую и государственную жизнь нашихъ современниковъ слѣдовало бы направить такъ, чтобъ возвратить имъ способность сна. Желалъ бы я обладать достаточными свѣдѣніями для того чтобы написать исторію сна, прослѣдивъ его въ разныя времена у различныхъ народовъ. Это бросило бы совершенно новый свѣтъ на ходъ умственнаго развитія человѣчества.... Но, опять возвращаюсь къ Роланду, онъ представляетъ странное смѣшеніе темпераментовъ своего отца и матери.

И докторъ распространился о богатырскомъ сложеніи Зонненкампа, который находится въ непрерывной борьбѣ съ влеченіями своей натуры. Кротость, проявляемая имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, есть чисто сознательная и служитъ только новымъ доказательствомъ его ничѣмъ несокрушимой силы. Онъ удивительно ловкій кулачный боецъ, и кулакъ его, по собственному признанію, бьетъ какъ желѣзный молотъ. Такой необычайной физической силой должны были обладать древніе германцы, которые безоружными руками давили и ломали закованныхъ въ латы римлянъ.

Докторъ со смѣхомъ разсказалъ, какъ онъ, въ первый разъ увидя Зонненкампа, все искалъ палицы, которую этотъ человѣкъ, по его мнѣнію, непремѣнно долженъ былъ имѣть при себѣ. Когда Зонненкампъ съ кѣмъ-нибудь дружески обращался,

Digitized by Google

то вся его фигура точно говорила: «не бойся, я тебѣ ничего не сдѣлаю!» Но онъ въ то же время страдалъ болѣзнью сердца и долженъ былъ избѣгать всякихъ сильныхъ ощущеній.

Затѣмъ докторъ посовѣтовалъ Эриху не быть слишкомъ сговорчивымъ съ Зонненкампомъ, который иначе вовсе перестанетъ съ нимъ церемониться.

— Патеры, видите ли, сказалъ онъ, служатъ обѣдню, а доктора прописываютъ рецепты по-латыни. Кто изъ моихъ паціентовъ согласился бы глотать сѣрную кислоту, еслибъ увидѣлъ ее прописанную на понятномъ ему языкѣ? Пріймите же къ свѣдѣнію, что вамъ слѣдуетъ держать себя въ отношеніи къ Зонненкампу съ нѣкоторымъ достоинствомъ, а не то онъ васъ скорехонько заткнетъ за поясъ.

Потомъ докторъ перешелъ къ описанію сонливой жизни хозяйки Цереры, которую остроумная, а еще болѣе завистливая графиня Вольфсгартенъ прозвала крокодиломъ. И дѣйствительно, госпожа Зонненкампъ имѣла нѣкоторое сходство съ этимъ чудовищемъ, когда оно выходитъ на берегъ и грѣется на солнцѣ. Если для самого Зонненкампа не существовало никакой слишкомъ утомительной дѣятельности, то Церерѣ, напротивъ того, всякое самомалѣйшее движеніе стоило неимовѣрныхъ усилій. Ей весьма извинительно было переодѣваться три раза въ день, безъ цѣли бродить по комнатамъ, по цѣлымъ часамъ смотрѣться въ зеркало, кормить попугая, раскладывать пасіансъ и чистить ногти. У бѣдняжки не было другого занятія и развлеченія, какъ постоянно любоваться прекрасными видами, а этому не въ состояніи исключительно себя посвятить люди и поумнѣе ея. Церера страдала разслабленіемъ членовъ, была капризна и немного зла.

Эрихъ колебался, не разсказать ли ему доктору о своемъ свиданіи съ Церерой, но тотъ не далъ ему на это времени.

— Съ годъ тому назадъ, сказалъ онъ, у Зонненкамповъ произошло нѣчто въ высшей степени странное. Меня пригласили на виллу, и я, пріѣхавъ, нашелъ дочь Зонненкампа въ положеніи, которое никакъ не могъ себѣ объяснить. Фрейленъ Пэрини разсказала мнѣ, что у молодой дѣвушки были такъ крѣпко сжаты руки, что она едва-едва разняла ихъ съ помощью двухъ лакеевъ. Когда я пріѣхалъ, то еще засталъ руки ея скорченными и какъ бы окоченѣлыми. Только въ высшей степени сильное нравственное потрясеніе могло довести до такихъ физическихъ послѣдствій. На разспросы мои мнѣ не было дано никакого удовлетворительнаго отвѣта. Я только и добился, что господинъ Зонненкампъ отказалъ своей женѣ въ какомъ-то желаніи, а та въ отмщеніе разсказала дочери, страстно любившей отца, какой-то о немъ

Digitized by Google

фактъ, который и повергъ ее въ это ужасное состояніе. Молодая дѣвушка выздоровѣла, но постоянно грустила, пока ее не отправили въ монастырь, гдѣ она, говорятъ, совсѣмъ ожила.

Эрихъ спросилъ, откуда у Зонненкампа столько недоброжелателей, которые распускаютъ о немъ такъ много неблагопріятныхъ слуховъ? Докторъ смотрѣлъ на это очень легко и объяснялъ тѣмъ, что все голодное дворянство радо воспользоваться малѣйшимъ пятнышкомъ на репутаціи человѣка, обладающаго несмѣтными богатствами, и роскошный образъ жизни котораго они считаютъ личнымъ для себя оскорбленіемъ. Одинъ только Пранкенъ былъ хорошо расположенъ къ Зонненкампу, и это не потому только, что собирался жениться на его дочери и взять за ней богатое приданое, но и потому еще, что между нимъ и Зонненкампомъ существовала взаимная склонность. Зонненкампъ сильно интересуется всѣмъ, что̀ касается до него самого, а Пранкенъ одинаково обманываетъ какъ ближнихъ, такъ и самого себя.

— А теперь, другъ мой, сказалъ въ заключеніе докторъ, вы сами можете судить, есть ли какая-нибудь возможность ужиться вамъ въ этомъ домѣ.

— Докторъ, у меня есть до васъ просьба, началъ Эрихъ. Скажите пожалуста, ка̀къ вы, послѣ моего отъѣзда, станете говорить обо мнѣ тому или другому изъ вашихъ друзей?

— Весьма охотно: ваша просьба какъ нельзя болѣе кстати! Вы идеалистъ. Какъ не легко возиться людямъ съ идеалами! Вы, идеалисты, думающіе, трудящіеся и чувствующіе за другихъ, сильно смахиваете на хозяина, построившаго себѣ гостинницу въ живописной мѣстности. Онъ заготовилъ у себя всякой всячины, да и молится Богу: дай, Господи, хорошей погоды! Пошли, Господи, побольше путешественниковъ! Но онъ не можетъ принудить ни путешественниковъ къ себѣ идти, ни погоду быть хорошей. А по моему, не заводи хозяинъ-идеалистъ гостинницъ! Ѣшь самъ себѣ на здоровье, а о другихъ не заботься. Они, если не захотятъ терпѣть голодъ и жажду, сами принесутъ свою порцію съ собой въ дорожномъ мѣшкѣ. Я убѣдился, что въ жизни есть только два рода людей: или недовольные свѣтомъ, или недовольные собой. Но нынѣшняя молодежь умудрилась создать еще третій родъ недовольныхъ, а именно — недовольныхъ и свѣтомъ, и собой.

— Къ сожалѣнію, я принадлежу къ послѣднимъ.

— Вотъ почему, подхватилъ докторъ и, снявъ перчатку, положилъ руку на плечо Эриха, вотъ почему я и желалъ бы, чтобъ вы иначе устроили свою судьбу.... Какимъ образомъ — не знаю и тщетно стараюсь придумать.

Digitized by Google

Къ нимъ навстрѣчу ѣхалъ цѣлый рядъ возовъ, нагруженныхъ буковыми вѣтвями. Докторъ мимоходомъ объяснилъ, что изъ этихъ вѣтвей уже извлечены различныя химическія вещества, и что теперь ихъ везутъ на пороховой заводъ. Эрихъ отвѣчалъ, что это ему извѣстно, такъ какъ онъ одно время, находясь еще въ военной службѣ, состоялъ при пороховыхъ заводахъ въ горахъ.

Докторъ замолчалъ и задумчиво отвѣчалъ на поклоны прохожихъ. Вдали показалась коляска, запряженная парой прекрасныхъ лошадей въ яблокахъ. Въ ней сидѣлъ и самъ правилъ молодой человѣкъ, который, завидѣвъ доктора, уже издали началъ ему кланяться. Поравнявшись, оба экипажа остановились.

— Здравствуйте! закричалъ докторъ молодому человѣку, и они подали одинъ другому руки.

— Что Луиза и дѣти? спросилъ докторъ.

— Всѣ здоровы.

— Вы были у матушки?

— Да.

— А какъ здоровье вашихъ?

— Слава Богу, хорошо.

Докторъ представилъ молодого человѣка Эриху и отрекомендовалъ его своимъ зятемъ, Генрихомъ Вейдеманомъ.

— Вы сынъ того господина Вейдемана, о которомъ я такъ много наслышался?

— Точно такъ.

— А гдѣ теперь вашъ отецъ? спроситъ докторъ.

— Въ деревнѣ, внизу. У нихъ тамъ идутъ толки объ устройствѣ паровой мельницы.

Доктора внезапно поразила какая-то мысль, онъ быстро обернулся къ Эриху, бѣгло на него взглянулъ, но ни слова не сказалъ. Вейдеманъ извинился, что очень торопится на желѣзную дорогу и сталъ прощаться. Онъ, между прочимъ, сказалъ Эриху, что еще надѣется съ нимъ видѣться, и что отецъ его тоже будетъ очень радъ съ нимъ познакомиться.

Кареты тронулись, и каждая поѣхала по своему направленію.

Докторъ объяснилъ Эриху, что зять его занимается практической химіей. «Понадобился козырь и явился козырь!» пробормоталъ онъ вслѣдъ затѣмъ къ недоумѣнію Эриха. Эрихъ только вспомнилъ, какъ Пранкенъ точилъ зубы насчетъ сыновей Вейдемана, и не могъ удержаться отъ улыбки.

Подъѣзжая къ ближайшему мѣстечку, они увидѣли, что туда причаливалъ пароходъ, плывшій съ верхней части Рейна. Докторъ приказалъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы еще застать пароходъ у пристани. Лошади помчались во весь опоръ,

Digitized by Google

а докторъ восклицалъ: «Нашелъ! нашелъ!» и крѣпко сжалъ Эриху руку.

Они поспѣли во-время. Карета подкатила къ пристани въ ту самую минуту, какъ съ парохода перекидывали на берегъ доску. Докторъ быстро выскочилъ изъ экипажа, приказалъ кучеру сказать женѣ, чтобъ она не ждала его ранѣе вечера, и потащилъ Эриха на палубу. Эрихъ спросилъ, куда они ѣдутъ? вѣроятно къ какому-нибудь больному? Докторъ утвердительно кивнулъ головой: онъ и дѣйствительно полагалъ, что имѣетъ дѣло съ больнымъ, котораго намѣревался радикально вылечить.

На пароходѣ докторъ встрѣтилъ много знакомыхъ. Небольшое общество, расположась вокругъ стола, пило майтранкъ и пригласило доктора и Эриха принять участіе въ его угощеніи. Докторъ подсѣлъ къ нему, но объявилъ, что никогда не пьетъ никакихъ искусственныхъ винъ. Общество было очень весело. Находившійся на пароходѣ бѣдный калѣка игралъ на гармоникѣ, нѣкоторые изъ пассажировъ пѣли. Нѣсколько въ сторонѣ, за маленькимъ столикомъ, на которомъ въ вазѣ со льдомъ стояла бутылка шампанскаго, сидѣлъ «кавалеръ бутылки», а противъ него очень красивая молодая женщина, со множествомъ фальшивыхъ волосъ. И тотъ и другая курили сигаретки, и весело болтали по-французски. «Кавалеръ бутылки» избѣгалъ встрѣчаться съ докторомъ взглядами, на что тотъ одобрительно кивнулъ головой и проговорилъ: «Дѣло, въ немъ еще не совсѣмъ пропалъ стыдъ!»

Когда пароходъ очутился въ виду деревни, куда они ѣхали, докторъ объявилъ Эриху, что онъ его везетъ къ Вейдеману; этотъ человѣкъ, сказалъ онъ, съумѣетъ дать хорошій совѣтъ, и Эрихъ можетъ вполнѣ ему довѣриться. Съ минуту Эрихъ былъ въ недоумѣніи, потомъ сообразилъ, что его вѣроятно хотятъ подвергать еще новому испытанію.

Онъ, вмѣстѣ съ докторомъ, сѣлъ въ лодку, которая должна была доставить ихъ на берегъ. Оставшіеся на пароходѣ пассажиры, со стаканами въ рукахъ, еще долго имъ кланялись, пока наконецъ не скрылись изъ виду. Лодочникъ, хорошо знавшій доктора, сказалъ ему:

— Вы найдете господина Вейдемана въ саду.

Они вышли на берегъ. Эрихъ былъ представленъ Вейдеману и увидалъ высокаго, худощаваго мужчину съ умнымъ, спокойнымъ лицемъ, въ глазахъ котораго было еще много жизни и огня. Въ первую минуту, обращеніе Вейдемана поражало своей сухостью. Онъ сидѣлъ за столомъ, гдѣ были разбросаны бумаги и стояло нѣсколько бутылокъ и стакановъ. Дружески кивнувъ головой вновь пришедшимъ, онъ опять обратился къ своимъ собесѣдникамъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XI.

ИЩИ СПОСОБА ДОБЫВАТЬ ДЕНЬГИ.

Разочарованіе непремѣнно овладѣваетъ вами, когда вы наконецъ встрѣчаетесь съ человѣкомъ, о которомъ вамъ до того привелось слышать очень много хорошаго. Такъ и Эрихъ, очутясь лицемъ къ лицу съ Вейдеманомъ, недоумѣвалъ, почему онъ пользовался такой громкой репутаціей, и ему показалось просто невѣроятнымъ, чтобъ этотъ человѣкъ могъ играть роль въ его собственной жизни. Доктора отозвали къ хозяину гостинницы, который наканунѣ захворалъ и считалъ за особенное счастіе его теперешній пріѣздъ. Эрихъ пошелъ къ рѣкѣ и долго ходилъ тамъ взадъ и впередъ. Все въ его судьбѣ принимало такой странный оборотъ: его точно куда-то влекла невѣдомая ему сверхъестественная сила. Какъ недавно еще былъ онъ съ Роландомъ и проѣзжалъ по этой самой деревнѣ, которая тогда не имѣла въ его глазахъ рѣшительно никакого значенія. А теперь въ ней можетъ быть суждено рѣшиться его участи, и имя деревни займетъ важное мѣсто въ его дальнѣйшемъ существованіи.

— Господинъ капитанъ! внезапно окликнулъ его лодочникъ: господинъ Вейдеманъ проситъ васъ пожаловать въ садъ.

Эрихъ пошелъ туда и былъ встрѣченъ Вейдеманомъ, который принялъ его чрезвычайно ласково, говоря, что теперь только настоящимъ образомъ привѣтствуетъ его, потому что прежде былъ слишкомъ поглощенъ своимъ занятіемъ. Вскорѣ пришелъ и докторъ, и они втроемъ усѣлись вокругъ столика въ одномъ изъ уголковъ сада, откуда разстилался обширный видъ на окрестную мѣстность. Вейдеманъ началъ подшучивать надъ докторомъ, забавно упрекая его въ мнимомъ пристрастіи къ слишкомъ сильнымъ средствамъ. Эрихъ присоединился къ Вейдеману, но въ ихъ шутливыхъ нападкахъ на доктора проглядывало искреннее къ нему уваженіе, и оба не замедлили сдѣлаться отличными друзьями.

Эрихъ уже догадывался, что докторъ намѣревается навязать ему управленіе пороховымъ заводомъ. Но Вейдеманъ сказалъ, что дѣло это обставлено слишкомъ большими трудностями. Правительство на каждомъ шагу воздвигаетъ новыя препятствія и они, наконецъ, рѣшились открыть главный сбытъ своего производства въ Новый Свѣтъ. За то, прибавилъ онъ, у нихъ имѣется въ виду нѣчто совершенно новое. Они напали на слои бураго желѣзняка и теперь устроиваютъ общество для разработки

Digitized by Google

его. Человѣкъ, съ нѣкоторымъ навыкомъ къ труду, легко можетъ втянуться въ это дѣло, и онъ, Вейдеманъ, не прочь поручить его Эриху.

Молодой человѣкъ учтиво отклонилъ отъ себя это предложеніе, говоря, что не намѣренъ болѣе измѣнять своего призванія. Докторъ поспѣшилъ вмѣшаться и началъ восхвалять настоящее время, которое дозволяетъ людямъ съ основательнымъ знаніемъ посвящать себя дѣятельности, открывающей имъ путь къ пріобрѣтенію. Они такимъ образомъ создаютъ среднее сословіе, подобнаго которому нельзя встрѣтить ни въ одномъ историческомъ періодѣ.

— Настоящій вѣкъ принадлежитъ исключительно намъ, людямъ средняго сословія, сказалъ докторъ въ заключеніе: согласны вы съ этимъ?

— Вполнѣ.

— Въ такомъ случаѣ идите и дѣлайте тоже. И онъ прибавилъ, что семейство Вейдемановъ, безъ сомнѣнія, охотно приметъ Эриха въ свой кругъ.

Эрихъ отвѣчалъ съ улыбкой, что, къ сожалѣнію своему, долженъ отказаться отъ ихъ дружескаго содѣйствія. Онъ уважаетъ свободу, доставляемую богатствомъ, но считаетъ себя неспособнымъ къ жизни, направленной исключительно къ пріобрѣтенію.

— Вотъ какъ! съ досадой воскликнулъ докторъ:—А знакомъ ли вамъ девизъ нашего времени? Эксплуатировать или быть эксплуатированнымъ: вотъ онъ что гласитъ. Зачѣмъ же вы хотите, чтобъ васъ эксплуатировалъ Зонненкампъ?

— А неужели вы предпочли бы, чтобъ я эксплуатировалъ другихъ и присвоивалъ себѣ плоды чужихъ рабочихъ силъ?

— Не годится, вмѣшался Вейдеманъ, чисто личному вопросу давать такое общее значеніе. Я вижу... я ожидалъ, что различіе между богатыми и бѣдными васъ сильно занимаетъ. Я думаю, и нашъ другъ, докторъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ это, что такъ-называемыя общественныя болѣзни имѣютъ много сходства съ физическими. Мы, въ настоящее время, благодаря успѣхамъ медицины, лучше нашихъ предшественниковъ понимаемъ ту или другую болѣзнь, хотя еще и не нашли способа ее лечить. Обыкновенно надо долго знакомиться съ болѣзнью, пока откроешь для нея лекарство, а до тѣхъ поръ приходится довольствоваться настоящимъ положеніемъ вещей.

— Вы никогда не желали быть богатымъ? спросилъ у Эриха докторъ, который казался раздраженнымъ.

— Нелѣпо было бы съ моей стороны желать того, чего я не въ состояніи себѣ доставить собственными силами.

Digitized by Google

Вейдеманъ пристально поглядѣлъ на Эриха. Тотъ почувствовалъ на себѣ его взглядъ, и ему показалось, что, онъ въ эту минуту, не колеблясь, простымъ движеніемъ руки отвергъ бы всѣ богатства въ мірѣ. Но тутъ же ему пришло на мысль: а какъ хорошо было бы, избавясь отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, посвятить себя исключительно умственной дѣятельности и не имѣть надобности ни въ чемъ отказывать матери и теткѣ.

Но нѣтъ: первое желаніе его матери заключается въ томъ, чтобы онъ остался вѣренъ самому себѣ. И чѣмъ настоятельнѣе его уговоривали — тамъ Клодвигъ, здѣсь докторъ, измѣнить своему призванію, — тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ, не только то, что не долженъ выходить изъ сферы избраннаго имъ труда, но еще и то, что на немъ уже лежитъ нравственная обязанность въ отношеніи къ Роланду.

Вейдеманъ разсказалъ, что недавно получилъ изъ Нью-Іорка письмо отъ своего племянника, доктора Фрица, который увѣдомлялъ его объ отъѣздѣ своей маленькой дочери въ Германію, гдѣ онъ желалъ, чтобъ она получила воспитаніе. Затѣмъ разговоръ перешелъ на личности и на предметы, незнакомые Эриху.

Вскорѣ пришелъ лодочникъ и объявилъ, что вдали на Рейнѣ уже показался послѣдній пароходъ. На прощанье, Вейдеманъ крѣпко пожалъ Эриху руку и просилъ его, въ случаѣ нужды, обратиться къ нему за помощью и за совѣтомъ: онъ всегда радъ будетъ оказать ему услугу.

Докторъ и Эрихъ сѣли въ лодку и поплыли къ пароходу. Въ теченіи всей дороги они ни слова не сказали другъ другу.

Сойдя съ парохода въ городкѣ, гдѣ жилъ докторъ, они встрѣтили въ липовой аллеѣ вдоль берега много мужчинъ и женщинъ. Прибытіе послѣдняго парохода, который здѣсь останавливался на ночь, считалось событіемъ и встрѣчать его обыкновенно выходила бо́льшая часть жителей маленькаго городка. Жена доктора тоже тутъ была, и вмѣстѣ съ мужемъ и Эрихомъ отправилась домой. Она была очень ласкова съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ уже познакомилась въ Вольфсгартенѣ. Эрихъ ее почти совсѣмъ не помнилъ. Она была скромная, молчаливая женщина, и онъ тогда не обратилъ на нее никакого вниманія.

У доктора на дому дожидалось много больныхъ. Эрихъ побывалъ въ своей комнатѣ, а затѣмъ отправился въ библіотеку. Къ удовольствію своему, онъ нашелъ тамъ слѣды ученыхъ занятій доктора и убѣдился, что тотъ внимательно слѣдитъ за всѣми успѣхами медицины. Это было ему тѣмъ пріятнѣе, что онъ надѣялся съ помощью доктора пополнить нѣкоторые пробѣлы въ собственномъ знаніи.

Digitized by Google

Настали сумерки. Эрихъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ и думалъ; вдругъ раздался лошадиный топотъ, и онъ, какъ бы невольно, подошелъ къ окну. Ему показалось, что онъ въ проѣхавшемъ мимо всадникѣ узналъ Роланда, но потомъ приписалъ это дѣйствію воображенія, которое рисовало ему то, что́ наиболѣе занимало его.

Въ докторскомъ домѣ все было въ высшей степени уютно и свидѣтельствовало о довольствѣ. Самого хозяина изъ-за ужина опять позвали къ больному изъ сосѣдней деревни. Эрихъ съ его женой вышли погулять и направились вдоль чистой улицы къ берегу рѣки. Докторша, между прочимъ, замѣтила, что желала бы для своего мужа постояннаго товарища, подобнаго Эриху, образъ мыслей котораго ему сильно приходился по душѣ. Онъ иногда чувствуетъ себя одинокимъ въ городкѣ, гдѣ не имѣетъ почти никого себѣ равнаго по уму и развитію.

Эриху было очень пріятно это слышать. Въ словахъ докторши онъ видѣлъ не только дружескую оцѣнку самого себя, но и выраженіе умной, любящей женщины, которая желала своему мужу разумнаго и прочнаго счастья.

ГЛАВА XII.

ВЪ ВЕСЕЛОМЪ ГОРОДКѢ.

Въ городкѣ господствовали самыя дружескія и простыя отношенія между сосѣдями. Проходящіе по улицамъ и стоящіе у оконъ и на балконахъ весело обмѣнивались поклонами, болтали, шутили и смѣялись. Во многихъ домахъ слышались игра на фортепіано и пѣніе.

Эрихъ съ докторшей встрѣтили судейшу и дочь ея Лину, которыя тоже вышли подышать свѣжимъ воздухомъ. Онѣ изъявили удивленіе по случаю внезапнаго отъѣзда Эриха, такъ какъ вступленіе его въ домъ Зонненкампа считалось дѣломъ уже совершенно оконченнымъ. Отъ нихъ же Эрихъ узналъ, что Роландъ дѣйствительно былъ сегодня въ городкѣ. Онъ нѣсколько разъ проѣзжалъ мимо докторскаго дома и, наконецъ, такъ сильно пришпорилъ лошадь, что та взвилась на дыбы: на него просто было страшно смотрѣть.

Лина сгорала отъ желанія поговорить съ Эрихомъ, и это ей удалось, когда мать ея и докторша, встрѣтясь съ директоромъ училища и его женой, завели съ ними рѣчь о лѣсничихѣ, которая жила съ ними въ одномъ домѣ и только-что родила. Лина

Digitized by Google

пошла съ Эрихомъ впередъ и поспѣшно съ нимъ заговорила.

— Знаете вы, спросила она — что у вашего воспитанника Роланда есть сестра?

— Да, я о ней слышалъ.

— Только слышали? Нѣтъ, вы и видѣли ее. Она та самая дѣвушка, которую мы съ вами встрѣтили въ монастырѣ, на лѣстницѣ, въ сумерки. У ней еще была на лбу звѣзда, а за плечами крылья.

— Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ?

— Вотъ какъ! Въ самомъ дѣлѣ? передразнила его Лина.— Ахъ, какъ несносны эти мужчины! А я думала, что вы....

Она остановилась.

— Что́ я? спросилъ Эрихъ.

— Ахъ, маменька права, когда бранитъ меня за неосторожность и глупость: я болтаю все, что́ мнѣ взбредетъ на умъ. Но, вѣдь вы меня не обманете....

— Конечно, нѣтъ. Говорить неправду вообще грѣхъ, а въ отношеніи къ вамъ двойной.

— Ну, хорошо, сказала она и сняла шляпку:—Сознайтесь, Манна произвела на васъ впечатлѣніе? Только, смотрите, скажите правду, тогда и я вамъ кое-что скажу.

— Если вы полагаете, что я вамъ скажу: нѣтъ, то вы лишите меня возможности быть правдивымъ.

— Ну, такъ слушайте же, я вамъ скажу.... только, пожалуйста, вы никому не говорите. Манна у меня спросила, кто вы такой, а это отъ нея очень много! Ахъ, какая ужасная вещь богатство! Вдругъ являются люди и хотятъ на васъ жениться, потому что у васъ много денегъ.... нѣтъ, я не то хотѣла сказать.... Сдѣлайте такъ, чтобъ Манна не пошла въ монахини.

— Я долженъ этому помѣшать?

— Видѣли вы триповыя сандаліи монахинь? Можетъ ли быть что-нибудь отвратительнѣе? Такія сандаліи и Манна должна будетъ носить, а между тѣмъ у нея самая красивая нога въ мірѣ.

— Но почему же ей не сдѣлаться монахиней, если она того желаетъ.

Лина смутилась: она не ожидала такого отвѣта и къ тому же вспомнила, что сама хорошая католичка.

— Ахъ!... сказала она: — я думала.... вотъ видите ли какой я глупой ребенокъ!... Когда-то, уже давно, въ одинъ замокъ пріѣхалъ рыцарь, переодѣтый оруженосцемъ.... ну, вотъ мнѣ и пришло на умъ, что въ теперешнее время оруженосца долженъ замѣнить домашній учитель.

Digitized by Google

Она не успѣла докончить своей мысли. Къ нимъ подошла мать, которая, увидя дочь разговаривающею съ постороннимъ мужчиной, испугалась, чтобъ та не наговорила глупостей.

— Смѣю спросить, о чемъ вы толкуете? спросила судейша.

Лина тяжело вздохнула и стала кусать резинковую ленточку своей соломенной шляпки. Мать ей это запрещала дѣлать, но она, вѣроятно, забыла. Эрихъ между тѣмъ отвѣчалъ совершенно просто:

— Ваша дочь напомнила мнѣ о нашей первой встрѣчѣ въ монастырѣ. Я тогда былъ не совсѣмъ къ вамъ внимателенъ и сегодня прошу васъ меня за это простить. Возможность передъ вами теперь оправдаться снимаетъ съ моей совѣсти тяжелый упрекъ, и я васъ умоляю передать мои извиненія также и вашему супругу. Въ путешествіи встрѣчаешь столько чванныхъ, непріятныхъ людей, что и самъ подъ-часъ становишься неучтивымъ, чѣмъ и наносишь себѣ вредъ. Еслибъ я не имѣлъ счастія опять съ вами встрѣтиться, вы сохранили бы обо мнѣ, а я о васъ не совсѣмъ пріятное воспоминаніе. Но въ этотъ прекрасный вечеръ, на берегу вашей чудной рѣки, гдѣ люди такъ привѣтливы и веселы, невольно чувствуешь желаніе быть со всѣми ласковымъ, и такъ и хочется всякому встрѣчному сказать: — Радуйся, товарищъ, и давай вмѣстѣ наслаждаться тѣмъ короткимъ временемъ счастья, которое называется жизнью.

Эрихъ говорилъ съ одушевленіемъ и произвелъ на судейшу весьма выгодное впечатлѣніе. Вообще эта вечерняя прогулка всѣмъ показалась очень пріятной. Лина вскорѣ оставила мать одну съ Эрихомъ, а сама пошла рядомъ съ докторшей. Они еще долго такимъ образомъ гуляли. Вдругъ вдали послышался шумъ колесъ, и докторша тотчасъ узнала, что это экипажъ ея мужа.

И дѣйствительно, къ нимъ вскорѣ подъѣхалъ докторъ, къ которому уже успѣло возвратиться веселое расположеніе духа.

— Меня призывали, сказалъ онъ — чтобъ передо мной исповѣдаться. Умеръ одинъ мой должникъ.

И докторъ разсказалъ, что въ сосѣдней деревнѣ жилъ человѣкъ, котораго онъ не могъ равнодушно видѣть. Человѣкъ этотъ произнесъ ложную клятву, съ цѣлью отпереться отъ долга въ сто гульденовъ, которыми ссудилъ его докторъ. Такой поступокъ невольно заставилъ послѣдняго повѣрить низости человѣческой природы. Но вотъ, должникъ передъ смертью раскаялся, возвратилъ долгъ, и докторъ внезапно увидѣлъ себя сотней гульденовъ богаче и однимъ вѣрованіемъ бѣднѣе. Какъ ему теперь смѣяться надъ людьми, которыхъ онъ потерялъ возможность презирать?

Digitized by Google

— Что вы сдѣлаете съ этими деньгами? спросила Лина.

— А ты что сдѣлала бы?

— Не знаю.

— Капитанъ, на что употребили бы вы ихъ? внезапно обратился докторъ къ Эриху: — куда дѣвали бы вы милліонъ, еслибъ онъ у васъ былъ?

— Я? спросилъ озадаченный Эрихъ, не понимая къ чему клонится этотъ вопросъ.

— Да, вы?

— Я объ этомъ никогда не думалъ, но полагаю, что скорѣе всего учредилъ бы во всѣхъ германскихъ университетахъ стипендіи. Богатый человѣкъ обязанъ заботиться объ обезпеченіи людей, посвящающихъ себя наукѣ.

— Хорошо, сказалъ докторъ: всякій думаетъ о томъ, что ему ближе къ сердцу. Вотъ мой маленькій другъ Лина, будь у нея въ распоряженіи милліонъ, накупила бы голубой кисеи и одѣла бы въ нее весь свѣтъ. Не правда ли, Мусселина?

Лина молчала.

— Отвѣть какой-нибудь шуткой, Лина, сказала судейша:— или ты не умѣешь?

Но Лина, казалось, дѣйствительно не умѣла, хотя вообще между ней и докторомъ существовали самыя дружескія отношенія, и они часто другъ съ другомъ шутили и смѣялись.

Распростившись съ судейшей и ея дочерью, докторъ съ Эрихомъ отправились домой.

— Вы здѣсь можете видѣть совершенно новый родъ воспитанія, — сказалъ докторъ дорогой. — Судейша во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ своей дочери бойкую, свѣтскую барышню, но, къ счастію, дѣвочка отъ природы проста, умна, искренна, и когда съ ней говоришь наединѣ, выказываетъ много живости и неподдѣльной веселости, такъ что дѣйствительно заслуживаетъ названіе Мусселины.

Докторъ былъ особенно ласковъ съ Эрихомъ. Онъ сознавалъ, что слишкомъ рѣзко вмѣшался въ судьбу молодого человѣка, и хотѣлъ, не имѣя на то права, произвести въ ней переворотъ. Онъ сожалѣлъ, что первое впечатлѣніе, произведенное на Эриха Вейдеманомъ, было не вполнѣ благопріятно послѣднему. И дѣйствительно, прибавилъ докторъ, сегодня Вейдеманъ былъ какъ-то особенно сдержанъ; съ нимъ, вѣроятно, что-нибудь случилось и потому Эрихъ хорошо сдѣлаетъ, если повременитъ составить себѣ о немъ окончательное мнѣніе. Эрихъ отвѣчалъ, что никакъ не позволитъ себѣ судить о какомъ-нибудь прекрасномъ видѣ на Рейнѣ, по тому, какимъ онъ ему представится въ дожд-

Digitized by Google

ливую или туманную погоду. Докторъ улыбнулся. Онъ явно во время своей поѣздки много думалъ объ Эрихѣ и теперь звалъ его не иначе какъ капитаномъ, чему впрочемъ не замедлилъ высказать причину.

— Вы первый человѣкъ изъ военнаго званія, съ которымъ я чувствую себя привольно. До сихъ поръ, въ сношеніяхъ съ офицерами, я всегда испытывалъ... не то, чтобы страхъ, а какое-то ощущеніе робости, свойственное безоружному, когда возлѣ него находится человѣкъ вооруженный. Въ васъ много воинской смѣлости, но въ тоже время и спокойствія. Я беру назадъ мое слово и говорю, что воинъ въ сущности можетъ быть лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ врачъ. Ну, а теперь, прощайте! Спокойной ночи!

Въ уединеніи своей комнаты Эрихъ забылъ все, что̀ прожилъ и перечувствовалъ въ этотъ день. Роландъ занялъ всѣ его мысли и онъ тщетно старался себѣ представить, что̀ теперь могло происходить въ душѣ мальчика, который поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы еще разъ на него взглянуть. Роландъ негодовалъ на Эриха за то, что тотъ могъ покинуть его, — его, который такъ искренно и съ такой довѣрчивостью полюбилъ своего новаго наставника. Мальчику казалось, будто его ограбили, и онъ съ тоской въ сердцѣ ѣздилъ взадъ и впередъ по улицамъ городка въ надеждѣ встрѣтить Эриха или увидать его въ окнѣ. Но ожиданіе его не сбылось, и онъ со слезами досады отправился въ обратный путь.

Мальчику, котораго ожидало впереди несмѣтное богатство, міръ казался чуждымъ и негостепріимнымъ; — Эриху, все достояніе котораго заключалось въ собственныхъ мысляхъ, онъ являлся исполненнымъ всевозможныхъ благъ и радостей. Онъ въ тишинѣ ночной припоминалъ дружескій пріемъ, оказанный ему въ Вольфсгартенѣ Клодвигомъ, а здѣсь докторомъ, и гостепріимство получало въ его глазахъ размѣры высокой добродѣтели. Въ древнія времена люди принимали у себя боговъ и ангеловъ,— нынѣ человѣкъ, давая пріютъ страннику, о существованіи котораго онъ еще вчера не имѣлъ понятія, проявляетъ въ себѣ туже свою божественную природу.

Тамъ, на верху, въ Вольфсгартенѣ, ему было оказано отеческое расположеніе, возникшее вслѣдствіе сходства во вкусахъ и мнѣніяхъ. Здѣсь у доктора, не смотря на существенное различіе во взглядахъ на вещи, онъ встрѣтилъ не менѣе искреннюю и теплую дружбу. Тамъ онъ видѣлъ Беллу, которая все любитъ обращать въ собственную пользу. Здѣсь онъ нашелъ докторшу, которая для себя лично ничего не желаетъ, но въ простотѣ души

Digitized by Google

хочетъ только, чтобъ мужъ ея могъ имѣть въ Эрихѣ постояннаго товарища для бесѣды объ ученыхъ предметахъ. А кромѣ того, сколько еще другихъ личностей встрѣтилъ онъ... неужели это все только мимолетныя встрѣчи, которыя имѣютъ значеніе обыкновенныхъ путевыхъ впечатлѣній и которыя, разъ исчезнувъ, останутся для него безъ всякихъ послѣдствій?

ГЛАВА XIII.

ОПЯТЬ ОДИНЪ.

— Утромъ я себя всегда чувствую точь-въ-точь какъ вымытый трубочистъ, — говаривалъ про себя докторъ. Онъ обыкновенно, зимой и лѣтомъ, вставалъ въ пять часовъ и принимался за работу, которую прерывалъ только въ случаѣ, если за нимъ присылалъ дѣйствительно опасно больной. Онъ такимъ образомъ работалъ нѣсколько часовъ сряду, и это не только знакомило его съ новѣйшими открытіями въ медицинѣ, но еще, по его собственному выраженію, освѣжало его подобно ключевой водѣ, въ которой онъ каждое утро купался. Что-бы затѣмъ ни случилось въ теченіи дня, онъ неизмѣнно чувствовалъ себя бодрымъ и веселымъ, потому что успѣлъ подкрѣпить себя умственной пищей. Однажды, въ бесѣдѣ съ пріятелемъ, онъ назвалъ эти утренніе часы, посвященные серьезному труду, верблюжьими: онъ, какъ верблюдъ, въ теченіи ихъ запасался живительной влагой, которой снова и снова освѣжалъ себя въ продолженіи дня всякій разъ, что утомлялся, бродя по безотрадной пустынѣ. Нельзя сказать, однако, чтобъ жизнь вообще казалась ему пустыней. Онъ обладалъ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа и большимъ запасомъ веселости, съ помощью которыхъ бодро смотрѣлъ на міръ и побѣждалъ всѣ трудности, какія встрѣчалъ на своемъ пути. Эту веселость и это спокойствіе онъ приписывалъ исключительно своему здоровому желудку.

Когда, на другое утро послѣ своего отъѣзда изъ виллы Эдемъ, Эрихъ проснулся, докторъ, кабинетъ котораго находился противъ его комнаты, послалъ ему сказать, что черезъ часъ времени будетъ ожидать его къ завтраку. Въ столовую докторъ явился такимъ свѣжимъ, какъ будто только-что всталъ. Жена его вскорѣ ушла хлопотать по хозяйству, а вѣрнѣе для того, чтобъ не мѣшать ему говорить съ Эрихомъ объ ученыхъ предметахъ, о которыхъ на этотъ разъ, впрочемъ, не было и помину.

Въ столовой висѣли портреты родителей доктора, а также

Digitized by Google

его дѣда и бабушки. Это послужило ему поводомъ разсказать кое-что изъ своей собственной жизни. Дѣдъ и отецъ доктора были шкиперами. Онъ помнилъ, какъ тотъ и другой праздновали свою золотую свадьбу, и съ своей стороны надѣялся до того же дожить. Затѣмъ докторъ освѣдомился, въ какомъ положеніи находились дѣла матери Эриха, и какія имѣли они средства къ существованію.

Эрихъ откровенно ему все разсказалъ. У матери его были знатные и богатые друзья, на которыхъ она возлагала кое-какія надежды, но онъ рѣшительно ничего отъ нихъ не ожидалъ, да если говорить правду, то и предпочиталъ обойтись безъ ихъ помощи. Докторъ подтвердилъ его въ этомъ мнѣніи и выразилъ при этомъ свой, какъ онъ самъ называлъ, еретическій взглядъ на благотворительность. Онъ особенно возставалъ противъ благодѣяній, разсыпаемыхъ понемножку на всѣ стороны, и находилъ, что гораздо лучше и дѣйствительнѣе оказывать ихъ въ болѣе узкомъ кругу, устроивая вполнѣ судьбу одного человѣка или семейства, которые потомъ, съ своей стороны, могли бы дѣлать добро и оказывать пользу ближнимъ. Докторъ не разъ пытался приложить свою теорію къ практикѣ, но съ Зонненкампомъ ему это не удалось. Тотъ рѣшительно отказывался имѣть что-либо общее съ людьми, которымъ бросалъ милостыню.

Рѣчь такимъ образомъ снова зашла о Зонненкампѣ, и докторъ взялъ съ Эриха слово, что онъ самымъ точнымъ образомъ уговорится съ Зонненкампомъ на счетъ вознагражденія за свои труды по воспитанію его сына.

— А затѣмъ вамъ нечего больше и думать объ этомъ человѣкѣ, — сказалъ докторъ, разбивая яйцо: — Свѣтъ, видите ли, держится на обмѣнѣ веществъ. Мы съ большимъ аппетитомъ ѣдимъ яйца, а курица добываетъ себѣ пищу изъ навозной кучи.

Эриху чувствовалось очень пріятно въ обществѣ этого умнаго, дѣятельнаго человѣка. Онъ выразилъ свое удовольствіе по случаю того, что нашелъ въ такомъ маленькомъ городкѣ столько замѣчательныхъ людей, которые должны придавать особенную прелесть общественной жизни. Докторъ сталъ оспаривать это мнѣніе.—Необходимость, въ какую вы здѣсь поставлены вести знакомство съ вашими сосѣдями, говорилъ онъ, и невозможность, какъ въ большомъ городѣ, самому выбирать своихъ пріятелей, дѣлаютъ васъ мелочнымъ, раздражительнымъ и развиваютъ наклонность къ сплетнямъ. Кругъ вашихъ знакомыхъ въ большомъ городѣ, пожалуй, и не будетъ обширнѣе того, въ которомъ вы здѣсь вращаетесь по необходимости, — но эта необходимость, лишая васъ свободы, дѣлаетъ общественную жизнь натянутой.

Digitized by Google

— Впрочемъ, насъ здѣсь,—сказалъ онъ въ заключеніе,—всего на всего столько, что мы всегда можемъ составить партію виста.

Настало время отъѣзда, и Эрихъ разстался со своими друзьями подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ. Докторъ проводилъ его до первой станціи по желѣзной дорогѣ, а тамъ простился съ нимъ, крѣпко пожимая ему руку и повторяя, что желалъ бы съ нимъ вмѣстѣ жить.

Поѣздъ простоялъ на станціи долѣе обыкновеннаго, поджидая другой, съ нижней части Рейна, который ѣхалъ къ нему на встрѣчу и немного запоздалъ. Толпа молодыхъ людей, въ сопровожденіи нѣсколькихъ пожилыхъ, раскланявшись съ докторомъ, сѣла въ вагонъ, гдѣ находился Эрихъ. Докторъ объяснилъ ему, что они всѣ ѣдутъ на пробу вина, назначенную сегодня по случаю распродажи, въ одномъ изъ погребовъ «виннаго графа». Онъ между прочимъ указалъ на одного человѣка, который имѣлъ репутацію самаго тонкаго знатока вина во всей странѣ. Эрихъ замѣтилъ, что онъ тоже возвращается съ «пробы вина». Онъ отвѣдалъ въ здѣшней мѣстности много различныхъ винъ, хоть это и были вина духовныя.

Докторъ громко засмѣялся.

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ: — графъ Вольфсгартенъ, Пранкенъ, Белла, Зонненкампъ, собачникъ, Семиствольникъ, Мусселина, Вейдеманъ, фрейленъ Пэрини, маіоръ, патеръ, я и Роландъ... какая разнообразная карта винъ! Смотрите, чтобъ вамъ теперь, по выходѣ изъ погреба, не опьянѣть.

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Вы, право, способны довести меня до того, что я еще, пожалуй, возьму, да и напечатаю что-нибудь. Я не раздѣляю того мнѣнія, что будто бы должны существовать такіе потребители, которые въ свою очередь ничего не производятъ. У насъ въ Германіи врядъ ли найдется человѣкъ, получившій ученую степень и не написавшій хоть одной книги; это, я полагаю, облегчаетъ самое ученіе. Когда вы здѣсь поселитесь, я почти увѣренъ, что займусь сочиненіемъ исторіи сна.

Ожидаемый съ Нижняго Рейна поѣздъ пріѣхалъ. Докторъ еще разъ схватилъ Эриха за руку и воскликнулъ:

— Мы друзья, не правда ли? Тотъ изъ насъ, кто первый измѣнитъ другому, обязанъ предупредить его объ этомъ за восемь дней. Прощайте!

Послѣднія слова были заглушены свистомъ локомотива, и Эрихъ помчался домой.

Онъ сидѣлъ потупившись, вдругъ кто-то сказалъ: — Вонъ ѣдетъ молодой Зонненкампъ! — Эрихъ выглянулъ въ окно и еще

Digitized by Google

разъ увидѣлъ Роланда, который вскорѣ скрылся за небольшой насыпью.

Эрихъ не слышалъ ни оживленнаго говора, ни веселаго смѣха своихъ спутниковъ. Погруженный въ самого себя, онъ перебиралъ въ умѣ событія послѣднихъ дней и старался угадать, что̀ ожидаетъ его впереди. Онъ радъ былъ, когда на слѣдующей станціи его спутники вышли, и онъ остался одинъ въ вагонѣ. На мгновеніе имъ овладѣло раскаяніе въ томъ, что онъ ничѣмъ не порѣшилъ съ Зонненкампомъ: честно ли это и разумно ли? — задавалъ онъ себѣ вопросъ. Но мысль эта не долго его тревожила, и онъ опять ободрился.

Физически насъ уноситъ впередъ паровая сила. А нравственно?!.. Насколько можемъ мы сами устраивать свою собственную судьбу?..

На многихъ станціяхъ въ вагонъ къ Эриху садились мальчики съ сумками черезъ плечо. Оказалось, что то были дѣти родителей, жившихъ на отдѣльныхъ дачахъ и въ деревняхъ. Ихъ каждый день посылали въ уѣздный городъ въ школу, откуда они возвращались вечеромъ. Эриху пришло на умъ, какая молодежь выйдетъ изъ этихъ дѣтей, которые съ утра попадаютъ въ суматоху поѣздовъ, собираются для ученія и снова по желѣзной дорогѣ возвращаются домой? Эта юность не будетъ похожа на нынѣшнюю; она съизмала научится охранять свою внутреннюю жизнь отъ натиска безпокойнаго современнаго ей времени. Эрихъ видѣлъ въ будущемъ, какъ большіе города перестанутъ непомѣрно расти. Люди начнутъ селиться среди зелени полей, по берегамъ рѣкъ, на широкомъ пространствѣ, гдѣ на нихъ будетъ привѣтливо смотрѣть голубое небо. И при всемъ этомъ они не будутъ лишены возможности усвоивать себѣ элементы образованія, которымъ пользуются люди тѣсно сбитые въ кучи по большимъ городамъ. А освѣжительный воздухъ полей навѣетъ на душу новыя силы.

Между тѣмъ, какъ Эрихъ съ докторомъ спѣшили на желѣзную дорогу, судейша съ мужемъ и дочерью садились за утренній кофе. Рѣчь, конечно, зашла о вчерашней прогулкѣ, и судейша передала мужу извиненія Эриха.

— Хорошо... хорошо... сказалъ судья: — Этотъ молодой человѣкъ любезенъ и ловокъ, а все-таки не дурно, что онъ убрался: онъ опасный человѣкъ!

Б. Ауэрбахъ.

(Конецъ первой части.)

Digitized by Google

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

Исторія первоначально есть *наука народнаго самопознанія*. Но самый лучшій способъ для народа познать самого себя—это познать другіе народы и сравнить себя съ ними; познать же другіе народы можно только посредствомъ познанія ихъ исторіи. Познаніе это тѣмъ обширнѣе и яснѣе, чѣмъ большее число народовъ становится предметомъ познаванія,—и естественно рождается потребность достигнуть полноты знанія, изучить исторію всѣхъ народовъ, сошедшихъ съ исторической сцены и продолжающихъ на ней дѣйствовать, изучить исторію всего человѣчества, и такимъ образомъ исторія становится наукою самопознанія для цѣлаго человѣчества. Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или такъ-называемой всеобщей исторіи, представляетъ одинакія общія трудности. Внѣшній, окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженные могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море и въ нѣдра земли, посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе, посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно, завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно; мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Вни-

Digitized by Google

мательное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка, на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиваться которою и увлекаться ею опасно для науки. Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница жизни (magistra vitae), человѣкъ однако хлопочетъ часто изо всѣхъ силъ, чтобъ высвободиться изъ-подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочетъ ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только того, что̀ ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная; но когда ему указываютъ на другую сторону дѣла, непріятную для него, онъ начинаетъ всѣми силами отвергать или, по крайней мѣрѣ, ослаблять ее: здѣсь уже искаженіе истины намѣренное. Исторія—это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что̀ намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ самого стремленія искажать исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого наукѣ не легче.

Первый вопросъ въ исторіи каждаго народа: гдѣ живетъ народъ? Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно, но мы уже сказали, что здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то, съ постепеннымъ развитіемъ его духовныхъ силъ замѣчается обратное дѣйствіе, измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста̀ непроходимыя являются проходимыми, пути неудобные удобными, пространства сокращаются, изсушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются новыя растенія, животныя, прежнія исчезаютъ, климатъ измѣняется, природныя условія продолжаютъ дѣйствовать, но это уже другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ. Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усумнились бы разсматривать какъ произведеніе вліянія природныхъ условій, еслибъ имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами; но если бы мы даже предположили не одного, а нѣсколько родоначальниковъ для человѣчества, то и тогда движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ долж-

Digitized by Google

ны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое долженствовало быть и во времена отдаленныя, времена разселенія племенъ и народовъ: не извѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чувствуетъ внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря, и море не оказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря и стремится на открытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ, — для себя. Слѣдовательно, народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ, и отношенія потому измѣняются, являются болѣе свободными.

Но откуда въ народѣ эти внутреннія условія, вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или другой мѣрѣ, ранѣе или позднѣе выходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться и преодолѣвать условія обитаемой имъ страны? Мы отличаемъ племена, мы говоримъ, что извѣстный народъ принадлежитъ къ племени, болѣе даровитому, болѣе способному къ развитію, другой къ менѣе способному; но откуда такое различіе въ племенахъ? Для рѣшенія этого вопроса справимся съ преданіями народовъ о ихъ происхожденіи и первоначальномъ бытѣ, съ преданіями, которыя, кромѣ всякаго другого авторитета, находятъ подтвержденіе въ ежедневномъ опытѣ. У патріарха Исаака двое сыновей; они близнецы, и не смотря на то съ противоположными характерами; между ними возникла борьба, вмѣстѣ они жить не могутъ, расходятся и становятся родоначальниками двухъ разныхъ народовъ. Въ еврейскомъ народѣ, въ его характерѣ, стремленіяхъ, историческомъ значеніи нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Іакова. Народъ похожъ на своего родоначальника не вслѣдствіе одного физическаго происхожденія отъ него: народъ воспитывается въ преданіяхъ, которыя идутъ отъ этого родоначальника и въ которыхъ отразилась его личная природа, его

Digitized by Google

взгляды и отношенія; эти преданія составляютъ святыню, которой вѣрятъ, которую хранить считаютъ главною обязанностью. Такъ составляется народный образъ; природа страны, гдѣ народъ основываетъ свое пребываніе, и многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное участіе при этомъ составленіи; но вліяніе природы, родоначальника и преданія, отъ него идущія и отражающія эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могутъ быть указаны. Что справедливо относительно народовъ, то должно быть справедливо и относительно цѣлыхъ племенъ. При нашей миѳоманіи, при нашей дурной привычкѣ заставлять народы все жить ложью, мы говоримъ, что они создаютъ образъ своего родоначальника по себѣ, приписываютъ ему тѣ качества, которыя сознаютъ въ себѣ; но при этомъ забывается наслѣдственность качествъ, переходъ ихъ отъ предка къ потомству.

Мы сказали, что кромѣ вліянія личной природы родоначальника и природы страны, многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе сильное вліяніе при составленіи народнаго образа. Здѣсь важное мѣсто занимаетъ движеніе народа, начинаетъ ли народъ свою историческую роль послѣ сильнаго движенія, или исторія застаетъ его долго сидящимъ въ извѣстной странѣ, безъ особенныхъ побужденій къ движенію. Движеніе развиваетъ силы народа преодолѣніемъ опасностей и препятствій, вселяетъ отвагу, расширяетъ его горизонтъ, производитъ именно такое же вліяніе, какое производитъ путешествіе на отдѣльнаго человѣка, развивая его умственныя силы знакомствомъ съ разнообразіемъ странъ и народовъ; но, разумѣется, здѣсь надобно обращать вниманіе на причину движенія, потомъ на то, какъ происходитъ оно, въ какія страны направлено, съ какими народами сталкивается извѣстный народъ, и какія слѣдствія этого столкновенія.

Причины движенія народа могутъ быть внѣшнія и внутреннія. Причины внѣшнія — натискъ другого народа, недостатокъ средствъ къ жизни въ извѣстной странѣ могутъ заставить цѣлый народъ или часть его выселиться изъ своей земли и искать другихъ жилищъ. Но иногда причины внутреннія, внутренній разладъ и борьба, вслѣдствіе его происшедшая, заставляютъ часть народа, меньшинство покинуть родину. Въ какой формѣ происходило движеніе, переселеніе — это особенно важно для историческаго наблюденія.

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ именно отъ внимательности этихъ наблюденій, отъ многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ

Digitized by Google

изъ этого разсматриванія вывести наше заключеніе, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполнѣ правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба не отъ того, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а отъ того, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій внѣшней природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

До какой степени, при изученіи исторіи, мы не привыкли къ внимательному, многостороннему наблюденію, показываетъ всего лучше книга Бокля: «Исторія англійской цивилизаціи». Авторъ оплакиваетъ судьбу исторической науки, жалѣетъ, что «исторію писали люди вовсе неспособные къ рѣшенію своей великой задачи, что до сихъ поръ мало собрано нужныхъ матеріаловъ. Вмѣсто того, чтобъ говорить намъ о предметахъ, которые одни имѣютъ значеніе, вмѣсто того, чтобы излагать намъ успѣхи знаній, и путь, на который вступаетъ человѣчество при распространеніи знаній, — вмѣсто этого, большая часть историковъ наполняютъ свои сочиненія самыми пустыми подробностями, анекдотами о государяхъ, о дворахъ, безконечными извѣстіями о томъ, что было сказано однимъ министромъ, что думалъ другой и, что всего хуже, длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе безполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію ихъ. Наши политическіе компиляторы занимаются слишкомъ много отдѣльными лицами и слишкомъ мало характеромъ времени, въ которое эти люди живутъ; эти писатели не понимаютъ, что исторія каждой цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое государи, государственные люди и законодатели болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ, потому что, какъ бы ни было велико ихъ могущество, все же они случайные и не полные представители духа своего времени».

Прежде всего замѣтимъ, что іереміады автора написаны зад-

Digitized by Google

нимъ числомъ, что исторія интеллектуальнаго развитія въ народѣ уже давно занимаетъ достойное ея мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ кстати: Бокль не зналъ, что̀ дѣлалось въ этомъ отношеніи у насъ въ Россіи. Здѣсь очень долго утверждали, что русская исторія начинается только съ Петра Великаго, потому что съ этихъ поръ только начинается исторія русскаго просвѣщенія, исторія интеллектуальнаго развитія, и что исторія до Петра не представляетъ никакого интереса. Эта крайность вызвала, какъ обыкновенно бываетъ, другую крайность; но какъ бы то ни было, вѣрно одно, что очень за-долго до Бокля въ одной странѣ громко проповѣдовались его положенія.

Исторія цивилизованной страны есть исторія интеллектуальнаго развитія, которое правительства болѣе замедляютъ, чѣмъ ускоряютъ: вотъ основное положеніе Бокля. Но прежде, чѣмъ слѣдить за интеллектуальнымъ развитіемъ въ странѣ, надобно уяснить, что̀ сдѣлало эту страну способною къ интеллектуальному развитію? какія условія приготовили извѣстную почву для интеллектуальнаго развитія, вслѣдствіе чего интеллектуальное развитіе приняло то или другое направленіе? Такъ, напримѣръ, у насъ интеллектуальное развитіе начинается съ Петра Великаго; но почему оно начинается такъ поздно и именно съ этого времени? почему оно принимаетъ такія формы при Петрѣ и его преемникахъ? почему Россія теперь находится на извѣстной степени интеллектуальнаго, государственнаго и общественнаго развитія? Все это останется для насъ тайною и поведетъ къ безчисленнымъ ошибкамъ въ теоріи и практикѣ, если мы не изучимъ подробно нашей древней, до-петровской исторіи. Но оставимъ Россію и посмотримъ, какъ Бокль обращается съ исторіею своихъ западныхъ государствъ, съ исторіею своей Англіи, въ цивилизаціи которой видитъ самое правильное развитіе. Въ исторіи Англіи онъ точно также отзывается о времени до XVI вѣка, какъ у насъ еще недавно отзывались о до-петровскомъ времени, именно какъ о времени варварства, мрака, господства слѣпой, безусловной вѣры, какъ о времени, въ которое еще не рождалось сомнѣніе, а пока нѣтъ сомнѣнія — прогрессъ невозможенъ, по мнѣнію Бокля; слѣдовательно, что̀ же такое была исторія Англіи до XVI вѣка? А между тѣмъ, до XVI вѣка здѣсь положено было крѣпкое основаніе тому, что̀ составляетъ отличительную черту англійской исторіи, англійскаго государственнаго и народнаго быта, тому, что̀ условило и развитіе интеллектуальное. Самъ Бокль, желая объяснить застой Испаніи, начинаетъ сначала, съ V-го вѣка. Значитъ, исторія цивилизованнаго народа имѣетъ важное значеніе и тогда, когда интеллектуальное развитіе еще не

Digitized by Google

начиналось, когда еще не рождалось сомнѣніе; значитъ, важное значеніе имѣютъ извѣстныя отношенія и безъ интеллектуальнаго развитія; значитъ и послѣ появленія интеллектуальнаго развитія эти отношенія не могутъ утратить своей важности; интеллектуальное развитіе приходитъ къ нимъ, какъ новая сила, съ могущественнымъ вліяніемъ на всѣ другія отношенія, но, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, и само подчиняется вліянію другихъ отношеній.

Обратимся къ другому вопросу: что̀ такое правительство? Правительство, въ той или другой формѣ своей, есть произведеніе исторической жизни извѣстнаго народа, есть самая лучшая повѣрка этой жизни. Какъ скоро извѣстная форма правительственная не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ народной жизни въ извѣстное время, она измѣняется съ бо̀льшимъ или меньшимъ потрясеніемъ всего организма народнаго. Въ иномъ народѣ, повидимому, возбуждено сильное неудовольствіе противъ правительства, противъ его формы; но если, не смотря на это, правительство держится, то это значитъ, что народъ, въ своей исторіи, выработалъ извѣстныя условія, которыя требуютъ именно такой формы правительственной. Правительство, какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ, въ немъ народъ олицетворяется, и потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Исторія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что̀ движется, видно дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому для исторіи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами, она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народныя массы приходятъ въ движеніе, и тогда на первомъ планѣ являются вожди, направители этого движенія, съ которыми исторія преимущественно и должна имѣть дѣло. Дѣйствія этихъ лицъ, а въ спокойное время распоряженія правильнаго правительства, его удачныя мѣры или ошибки могущественно дѣйствуютъ на народъ, содѣйствуютъ развитію народной жизни или препятствуютъ ему, приносятъ благоденствіе большинству или меньшинству, или навлекаютъ на нихъ бѣдствія. Вотъ почему характеры правительственныхъ лицъ такъ важны для историка, такъ внимательно имъ изучаются, будь то неограниченный монархъ, будь то любимецъ этого монарха, будь то ораторы, вожди партій въ представительныхъ собраніяхъ, министры, поставленные во главѣ управленія перевѣсомъ той или другой партіи въ народномъ представительствѣ, будь то президентъ республики. Вотъ почему подробности, анекдоты о государяхъ, о дворахъ, извѣстія о томъ, что̀ было сказано однимъ министромъ, что̀ ду-

Digitized by Google

малъ другой, сохранятъ навсегда свою важность, потому что отъ этихъ словъ, отъ этихъ мыслей зависитъ судьба цѣлаго народа и очень часто судьба многихъ народовъ. Бокль, провозгласивши, что не должно изучать характеры правительственныхъ лицъ, посвящаетъ большіе отдѣлы своей книги дѣятельности Генриха IV французскаго и кардинала Ришельё, выставляя, какое могущественное вліяніе оказала эта дѣятельность на интеллектуальное развитіе французскаго народа. Но это не единственное противорѣчіе въ книгѣ Бокля, которая представляетъ результатъ отшельнической, замкнутой кабинетной жизни человѣка, отказавшагося отъ всякой общественной дѣятельности, и потому такъ поражаетъ своею односторонностію.

Бокль утверждаетъ, что государи, государственные люди и законодатели суть случайные и недостаточные представители духа своего времени. Историческая наука давно уже признала ихъ недостаточными представителями духа своего времени въ томъ смыслѣ, что они не одни представляютъ этотъ духъ. Что же касается выраженія: «случайные представители», то употреблять его надобно съ большою осторожностью. Всякое явленіе въ жизни народа, какъ бы это явленіе ни было, повидимому, случайно, должно разсматриваться въ исторіи по отношенію къ внутреннимъ условіямъ народной жизни, оно объясняется ими и, въ свою очередь, объясняетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, чего кажется случайнѣе въ исторіи извѣстнаго народа, какъ напоръ другого народа, завоеваніе, вслѣдствіе этого напора происшедшее? А между тѣмъ, историкъ пользуется этимъ явленіемъ для провѣрки внутреннихъ силъ народа завоеваннаго, степени его развитія; рѣшаются вопросы: что условило возможность завоеванія? какой отпоръ оно встрѣтило и гдѣ, въ какихъ частяхъ страны, въ какихъ частяхъ народонаселенія? быстро ли покоренъ народъ, или покореніе требовало продолжительнаго времени? въ какихъ отношеніяхъ нашлись завоеватели къ завоеваннымъ, и что произошло изъ этихъ отношеній? Какія силы народа были сломлены завоеваніемъ, какія сокровенныя силы были вызваны къ дѣятельности? Понятно, что при рѣшеніи этихъ вопросовъ провѣряется, уясняется вся предшествовавшая исторія народа.

Характеры лицъ, выдающихся впередъ, лицъ правительственныхъ, служатъ также для провѣрки внутренняго состоянія народа, степени его развитія. Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ характеръ правительственнаго лица и зависящая отъ этого характера дѣятельность его относится къ народной жизни? Мы очень хорошо знаемъ, что извѣстная дѣятельность, зависящая отъ извѣстнаго характера, обнаруживается такимъ образомъ въ

Digitized by Google

одномъ народѣ, инымъ образомъ въ другомъ, бываетъ совершенно невозможна въ третьемъ; внутреннія условія народной жизни, въ извѣстное время, отливаютъ форму для дѣятельности правительственнаго лица, какъ всякаго историческаго дѣятеля вообще, во всѣхъ сферахъ: слѣдовательно, эта форма служитъ самою лучшею провѣркою народной жизни. Здѣсь уже случайность явленія исчезаетъ. Такимъ образомъ опять выходитъ, что мы должны изучать дѣятельность правительственныхъ лицъ, ибо въ ней находится самый лучшій, самый богатый матеріалъ для изученія народной жизни, и правительственныя лица являются представителями народа вовсе не случайными. Съ другой стороны, дѣятельность правительственныхъ лицъ, условливаясь извѣстнымъ состояніемъ общества, производитъ могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе жизни этого общества, и потому должна обращать на себя особенное вниманіе историка. Какая возможность изучить характеръ времени, не изучивъ дѣятельности лицъ, выдающихся на первый планъ, и прежде всего, лицъ правительственныхъ? Не Цезарь разрушилъ римскую республику; эта республика, во времена Цезаря, заключала въ себѣ такія условія народной жизни, при которыхъ Цезарю возможно было сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. Но какъ мы изучимъ эти условія, какъ поймемъ характеръ времени, не изучивъ дѣятельности Цезаря, его отношеній къ лицамъ, учрежденіямъ, различнымъ частямъ народонаселенія? Какъ мы изучимъ характеръ первыхъ временъ римской имперіи, не изучивъ характера отношеній первыхъ императоровъ къ сенату?

Бокль жалуется на историковъ также за то, что они наполняютъ свои сочиненія длинными извѣстіями о войнахъ, сраженіяхъ, осадахъ, вовсе безполезными для насъ, потому что они не сообщаютъ намъ новыхъ истинъ и не даютъ средствъ къ открытію новыхъ истинъ. Мы думаемъ, что исторія должна открыть намъ истину о жизни одного или нѣсколькихъ народовъ. Впрочемъ, по поводу вопроса о значеніи исторіи войнъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о значеніи такъ-называемой внѣшней исторіи вообще, ибо нѣкоторые унижаютъ это значеніе передъ значеніемъ исторіи внутренней. Въ жизни отдѣльнаго человѣка мы различаемъ жизнь домашнюю и жизнь общественную; мы знаемъ хорошо, что человѣкъ немыслимъ безъ общества, что только при столкновеніи съ другими людьми, въ общей дѣятельности, опредѣляются его понятія, развиваются его умственныя и нравственныя силы. Тоже самое и въ жизни цѣлыхъ народовъ: они также живутъ жизнію домашнею, или внутреннею, и жизнію общественною. Извѣстно, что такое народъ, живущій внѣ

Digitized by Google

общества другихъ народовъ. Застой—удѣлъ народовъ, особо живущихъ; только въ обществѣ другихъ народовъ народъ можетъ развивать свои силы, можетъ познать самого себя. Извѣстно, что европейскіе народы обязаны своимъ великимъ значеніемъ именно тому, что живутъ одною общею жизнію. Но послѣ этого какъ же можно отнимать значеніе у этой общественной жизни народа въ пользу внутренней или домашней жизни, которая подчиняется такому сильному вліянію жизни общественной? И внутренняя жизнь народа, въ свою очередь, обнаруживаетъ сильное вліяніе на степень и характеръ его участія въ общей жизни народовъ, точно такъ, какъ домашній кругъ человѣка, его домашнее воспитаніе имѣетъ важное вліяніе на характеръ, съ какимъ онъ является въ общество, на его общественную дѣятельность: но изъ признанія тѣсной связи между внѣшнею и внутреннею жизнію народа и взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга не слѣдуетъ, что одной надобно отдавать преимущество передъ другою. Историкъ не можетъ не останавливаться долго на дипломатическихъ сношеніяхъ, потому что въ нихъ выражается общественная жизнь народа, въ нихъ народы являются передъ нами каждый съ своими интересами, вынесенными изъ исторіи, съ своими историческими правами, съ своими особенностями; наконецъ, отъ характера веденія ихъ зависитъ усиленіе или упадокъ значенія народа, зависитъ война или миръ. А война? Это мѣрило силъ народныхъ, матеріяльныхъ и нравственныхъ. Вспомнимъ, какое значеніе въ жизни народной имѣетъ та или другая степень внѣшней безопасности. Толкуя о народѣ, не будемъ удаляться отъ него, но вглядимся внимательнѣе, что значитъ для него война или миръ. Толкуя о прошедшемъ, не будемъ забывать настоящаго, которое такъ помогаетъ объясненію прошедшаго, не будемъ забывать, какъ мы теперь волнуемся вопросомъ о войнѣ или мирѣ, какъ важныя внутреннія дѣла останавливаются въ ожиданіи рѣшенія этого страшнаго вопроса внѣшняго. Повторяютъ, что извѣстный ходъ англійской исторіи зависитъ отъ островнаго положенія страны, дающаго ей большую внѣшнюю безопасность, сравнительно съ государствами континентальными. И послѣ этого мы не дадимъ важнаго значенія исторіи войнъ, которыя или истощаютъ, или возбуждаютъ народныя силы, отнимаютъ у народа важное мѣсто, занимаемое имъ въ обществѣ другихъ народовъ, или ему даютъ его, расширяютъ сферу его дѣятельности, поворачиваютъ ходъ его исторіи! Другое дѣло подробности военныхъ дѣйствій: онѣ не должны входить въ общую исторію одного или всѣхъ народовъ, онѣ составляютъ содержаніе спеціальной военной исторіи, и могутъ

Digitized by Google

быть доступны, полезны и занимательны только для спеціалистовъ.

Незаконный разводъ народа съ государствомъ, происшедшій въ головахъ нѣкоторыхъ нашихъ историческихъ писателей и преподавателей, породилъ довольно недоразумѣній. Забывъ, что государство есть необходимая форма для народа, который немыслимъ безъ государства, объявляли, что не станутъ останавливаться на какомъ-нибудь громкомъ государственномъ событіи болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе; что не станутъ преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы; что эти лица будутъ важны единственно потому, что̀ они принесли съ собою изъ массы, и что̀ сообщили массѣ ихъ дарованія; что не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только по приложенію ихъ къ народному быту; что не будутъ останавливаться ни на какомъ литературномъ памятникѣ, если не будутъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ случаѣ, гораздо важнѣе будетъ народная пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи внѣшняго событія; предметомъ первой важности будутъ повѣствованія лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заставлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе явленіяхъ, которыя для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляютъ неважныя черты.

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ видно непониманіе тѣсной связи между государствомъ и народомъ, связи формы съ содержаніемъ. Что̀ значитъ, напримѣръ, разсматривать громкое государственное событіе со стороны воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе? Но почему же это событіе громко? Историкъ, при встрѣчѣ съ такимъ событіемъ, прежде всего долженъ показать, какъ оно возникло въ жизни извѣстнаго народа, разумѣя подъ жизнію народа жизнь внутреннюю и внѣшнюю. Что касается до значенія лицъ, выходящихъ изъ массы, то понятно, что всякій оцѣниваетъ ихъ по степени того добра, какое оказали они своимъ общественнымъ служеніемъ: объ этомъ никто никогда не спорилъ. Но здѣсь должно замѣтить, что историкъ не имѣетъ возможности непосредственно сноситься съ массою, онъ сносится съ нею посредствомъ ея представителей, историческихъ дѣятелей, ибо масса сама ничего о себѣ не скажетъ; и въ то время, когда она движется, волнуется, на первомъ планѣ ея вожди, представители, они говорятъ и дѣйствуютъ, и этимъ самымъ становятся доступны для историка. Если извѣстный законъ или учреж-

Digitized by Google

деніе, каковы бы ни были сами по себѣ, не имѣютъ приложенія къ народному быту, то во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ вниманія: если законъ или учрежденіе дѣйствуютъ и въ тоже время неприложимы къ народному быту, то они причиняютъ вредъ, затрудненія, неудобства въ отправленіяхъ народной жизни; это очень важно, и историкъ обязанъ вникнуть въ причины такого явленія, ибо здѣсь повѣрка народной жизни. Историкъ обязанъ останавливаться на важныхъ литературныхъ памятникахъ, ибо такіе памятники не могутъ пройти безслѣдно для жизни общества. Историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь, ибо отдѣлять ихъ нельзя: народныя бѣдствія не могутъ быть для него неважными чертами уже и потому, что они имѣютъ рѣшительное вліяніе на государственныя отправленія, затрудняютъ ихъ, бываютъ причинами разстройствъ въ государственной машинѣ, что̀ вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на народную жизнь. Но конечно историкъ, уважающій народъ, не поставитъ на ряду съ народными бѣдствіями затмѣній и кометъ, пугавшихъ народное воображеніе, хотя и не оставитъ ихъ безъ вниманія, когда будетъ говорить, какъ народъ, въ извѣстное время, представлялъ себѣ извѣстныя явленія.

Сдѣлавши эти предварительныя замѣчанія, мы приступимъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію народовъ, и для правильности этихъ наблюденій начнемъ съ начала, начнемъ съ того, съ чего обыкновенно начинаютъ.

I.

ВОСТОКЪ.

I.

КИТАЙ.

Передъ нами одна изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, страна чайнаго дерева и шелковаго червя, страна, которая съ незапамятныхъ поръ составляетъ одно государство, самое обильное трудолюбивымъ и промышленнымъ народонаселеніемъ, долго славившимся своими шелковыми, хлопчато-бумажными и фарфоровыми издѣліями, знавшимъ, какъ говорятъ, порохъ, компасъ и книгопечатаніе прежде европейцевъ; но это государство съ незапамятныхъ поръ не имѣетъ исторіи; Китай и неподвижность сдѣлались понятія неразрывно связанными другъ

Digitized by Google

съ другомъ. Съ неподвижностію, страхомъ передъ новымъ соединена замкнутость, страхъ предъ чужимъ. Причины этихъ явленій находятъ, во 1-хъ, въ природныхъ условіяхъ; во 2-хъ, въ характерѣ монгольскаго племени, къ которому принадлежитъ народъ китайскій. Будемъ наблюдать надъ дѣйствіями этихъ условій.

Указываютъ, что замкнутость Китая происходитъ отъ того, что онъ окруженъ высочайшими горами и бурными, туманными, имѣющими много мелей морями; съ другой стороны, указываютъ на необыкновенное плодоносіе и роскошь страны, вполнѣ удовлетворяющей народонаселеніе и отнимающей у него охоту къ движенію, исканію новаго, чужого. Говорятъ также, что свойства монгольскаго племени условили остановку китайцевъ въ развитіи; въ китайской цивилизаціи монгольское племя достигло высшей степени развитія, къ какой только оно могло быть способно.

Мы, разумѣется, не будемъ отвергать вліянія ни одного изъ означенныхъ условій, хотя приговоръ относительно племени намъ кажется слишкомъ рѣзокъ: если мы видимъ, что племя остановилось на извѣстной степени развитія подъ вліяніемъ такихъ-то могущественныхъ условій, то естественно рождается вопросъ: остановилось ли бы оно на этой степени при другихъ условіяхъ? Что же касается до вліянія природы, то имѣемъ право спросить: такіе же ли оказались бы результаты, если бы Китай, бывъ рѣзко отдѣленъ съ сухого пути, представлялъ такую же плодоносную страну, и простирался небольшою узкою полосою по берегу моря? Признавая всю законность этого вопроса, мы считаемъ себя въ правѣ выставить новое условіе, именно обширность страны, въ которой, въ продолженіе многихъ вѣковъ, народонаселеніе могло расширяться и устраиваться безъ столкновенія съ другими народами, безъ внѣшней дѣятельности, безъ подвига, съ одною только внутреннею дѣятельностію. Всѣ силы народа, особенно съ быстрымъ его увеличеніемъ при благопріятныхъ условіяхъ, ушли въ это необычайное трудолюбіе, отличающее китайцевъ; но одно трудолюбіе при однообразной будничной жизни не разовьетъ народа; для развитія необходимъ не трудъ только, но подвигъ, сильное, широкое движеніе, которое условливается внѣшними столкновеніями. Въ Китаѣ всего лучше можно видѣть вліяніе на народъ исключительно внутренней жизни, какъ бы она сильно развита ни была, вліяніе труда безъ подвига, необходимаго для вскрытія и упражненія высшихъ способностей человѣка; въ китайцахъ мы видимъ людей, въ высшей степени способныхъ къ труду и нисколько неспособныхъ къ подвигу, трусливыхъ, легко подлегающихъ внѣшнему натиску.

Digitized by Google

Преобладаніе внутренней жизни ведетъ къ тому, что государство становится похожимъ на муравейникъ или на пчелиный улей: трудолюбія очень много въ муравьяхъ и пчелахъ.

Какъ устроилъ китайскій народъ свое государство? Вопросъ этотъ связанъ съ вопросомъ: какъ устроиваетъ свое государство всякій большой народъ, живущій въ обширной странѣ безъ внѣшнихъ столкновеній? Первоначальный родовой бытъ можетъ держаться во всей чистотѣ только при малочисленности народонаселенія и обширности страны, когда каждый родъ можетъ жить отдѣльно, не сталкиваясь съ другими, когда и усобицы, возникающія въ отдѣльномъ родѣ, легко погасаютъ чрезъ удаленіе недовольныхъ, притѣсненныхъ членовъ рода. Но когда народонаселеніе увеличивается, когда отдѣльные роды необходимо приближаются другъ къ другу, то естественно происходятъ между ними столкновенія, ведущія къ устройству новаго порядка вещей. Или одинъ родъ, благодаря личности своихъ членовъ и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, усиливается на счетъ другихъ, и старшина его дѣлается старшиною ихъ всѣхъ; или когда столкновенія, войны между родами не оканчиваются такимъ образомъ и сильно наскучиваютъ осѣдлому, земледѣльческому народонаселенію, то оно добровольно подчиняется одному человѣку, чтобъ чрезъ это подчиненіе избыть отъ внутреннихъ войнъ; иногда это дѣлается, чтобы получить вождя для дружнаго отбитія внѣшняго непріятеля. Подчиненіе это могло быть временное и пожизненное; пожизненное пользованіе властію легко могло превратиться въ наслѣдственное. Въ Китаѣ первоначально были владѣльцы, или, какъ мы привыкли называть ихъ, богдыханы, пожизненные, а съ императора Ю (2205 до Р. Х.) наслѣдственные (первой династіи Гіа). Власть этихъ первыхъ государей естественно неограниченная, добыта ли она силою или избраніемъ. Ея неограниченность условливается потребностію новаго народа получить крѣпкую связь; новый государь долженъ быть вождемъ на войнѣ противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и судьею верховнымъ: въ томъ и другомъ случаѣ ограниченіе его власти неудобно для народа, создающаго у себя гражданскій порядокъ; мы знаемъ, что и въ послѣдующія времена усиленіе монархической власти является послѣ сильныхъ движеній, которыя истомляютъ народъ и заставляютъ его искать успокоенія въ диктатурѣ. «Гдѣ нѣтъ царя, говорится въ одной древней поэмѣ [1]), тамъ нѣтъ ни у кого собственности, люди пожираютъ другъ друга какъ рыбы, не строятся дома, не воздвигаются храмы, не приносятся

[1]) Въ Рамайянѣ.

Digitized by Google

жертвы, никто не пляшетъ на празднествахъ, никто не слушаетъ пѣвца, земледѣлецъ и пастухъ не могутъ спать при открытыхъ дверяхъ, купцамъ нѣтъ безопасной дороги.» Образца власти нѣтъ никакого другого, кромѣ власти естественной—отца надъ дѣтьми, и потомъ власти господина надъ рабами. Обратимся къ сознанію древнихъ о господствовавшихъ у нихъ формахъ правленія: «Каждый домъ, говоритъ Аристотель, управляется старшимъ: поэтому и народы управляются царями, ибо составились изъ управляемыхъ (т. е. изъ домовъ, семействъ); монархія есть домашняя форма правленія, ибо домъ управляется монархически».

Мы не можемъ не принять объясненія Аристотеля, хотя не можемъ ограничиться имъ, тѣмъ болѣе, что знаменитый философъ, противополагая народъ, составившійся изъ семействъ или домовъ и потому управляемый монархически, — городу, состоящему изъ людей свободныхъ и равныхъ и управляемому политически, не объясняетъ, откуда произошла эта противоположность. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на то, что въ народѣ многочисленномъ, на большомъ пространствѣ живущемъ и преданномъ земледѣлію, мирному труду, не можетъ возникнуть начало, способное ограничивать царскую власть. Собраніе всего многочисленнаго народа, на обширныхъ пространствахъ живущаго, для совѣщанія о дѣлахъ невозможно; посылка избранныхъ представителей дѣло тяжелое и невозможное въ первыя времена безъ другого представительства, образуемаго какой-нибудь выдающеюся частью народонаселенія, имѣющаго особенное положеніе, особыя права; происхожденіе такой части народонаселенія условливается сильнымъ и продолжительнымъ воинственнымъ движеніемъ, и то, какъ увидимъ, въ дружинной формѣ совершающимся; въ народѣ же невоинственномъ, преданномъ мирнымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ занятіямъ, этого быть не можетъ. Народонаселеніе города, гдѣ живетъ владыка народа, можетъ оказывать на него вліяніе, ограничивать его власть своими собраніями, вѣчами; но для этого нужно особенно сильное развитіе торговое въ извѣстномъ мѣстѣ, особенная подвижность народонаселенія вслѣдствіе торговой дѣятельности, развивавшей силы человѣка наравнѣ съ воинскою дѣятельностію, особенно въ первобытныя времена, когда купецъ, по отсутствію безопасности путей, долженъ былъ превращаться въ воина. Если такого условія нѣтъ, если мы имѣемъ дѣло съ народомъ многочисленнымъ, занимающимъ обширное пространство въ странѣ уединенной и своими произведеніями удовлетворяющей народъ, который потому преданъ мирнымъ занятіямъ; если при умноженіи своего числа, ведущемъ къ уничтоженію родовой особности, народъ

Digitized by Google

хочетъ обезпечить свои занятія установленіемъ единой и крѣпкой власти, способной защитить отъ враговъ внѣшнихъ и прекратить усобицы внутреннія, — то въ такомъ народѣ мы имѣемъ право ожидать сильной, неограниченной верховной власти. Пройдутъ вѣка и укоренится привычка, извѣстныя отношенія войдутъ въ народное умоначертаніе, получатъ освященіе свыше и лягутъ такимъ образомъ препятствіемъ къ образованію условій, могущихъ повести къ перемѣнѣ.

Такія отношенія мы видимъ у китайцевъ, которыхъ природа оградила отъ внѣшнихъ вліяній и дала на любопытное и поучительное зрѣлище, какъ улей подъ стекломъ для наблюденій естествоиспытателя. Мы можемъ здѣсь понять, до чего можетъ достигнуть уединенный народъ земледѣльцевъ, работниковъ, поставленный въ выгодныя условія для работы, народъ трудолюбивый, понятливый, разсчетливый, благоразумный, но съ крайне узкимъ горизонтомъ, народъ, весь преданный «злобѣ дня», заботамъ о хлѣбѣ насущномъ, ничѣмъ не развлекаемый въ этихъ заботахъ и не терпящій быть развлекаемымъ. Всѣ отношенія, разумѣется, должны имѣть связь съ этимъ главнымъ стремленіемъ. Китайцы признаютъ надъ собою неограниченную власть своего богдыхана, потому что эта власть обезпечиваетъ имъ ихъ работу; отношеніе основывается на разсчетѣ, никакой другой религіозной, нравственной, исторической связи нѣтъ. Хотя богдыханъ и называется сыномъ неба, но это только титулъ; хотя ему и воздаются божескія почести, но это церемоніи, необходимыя для обозначенія ранга. Богдыханъ долженъ быть хорошій правитель, добродѣтельный человѣкъ, иначе онъ не обезпечиваетъ, для народа, спокойствія и порядка: какъ же быть въ противномъ случаѣ? Другого средства нѣтъ, кромѣ возстанія противъ дурного лица, противъ испортившейся династіи, и китайская исторія не бѣдна такими движеніями, нисколько впрочемъ не уничтожающими ея однообразія. Какъ скоро перемѣна лица произошла и оказалась удовлетворительною, все пошло по прежнему, улей зашумѣлъ въ обычной работѣ.

Чтобъ работа была обезпечена, нуженъ самый строгій порядокъ, нужно, чтобъ все было опредѣлено съ необыкновенною точностію, чтобъ никто не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей перемѣны, чтобъ все происходило одинаково, какъ разъ заведено: китайское законодательство отличается точностію, обстоятельностію опредѣленій всего, относящагося къ поведенію человѣка, къ его нравственнымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ, къ формамъ общественныхъ приличій, къ покрою одежды и стрижкѣ волосъ. Законъ соблюдается строго, произвола

Digitized by Google

нѣтъ. Демократическое начало господствуетъ; всѣ китайцы равны другъ передъ другомъ, наслѣдственныхъ сословій нѣтъ; подняться на высшія мѣста, мѣста надзирателей за рабочими, блюстителей установленнаго порядка на этой громадной фабрикѣ, называемой Китаемъ, можно только посредствомъ испытаннаго знанія, пріобрѣтаемаго тяжелымъ трудомъ. Цѣль управленія сознана ясно: «Хорошее управленіе должно доставить народу необходимыя для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлѣбъ; потомъ должно сдѣлать его добродѣтельнымъ и научить полезному употребленію всѣхъ этихъ вещей, должно остеречь его отъ всего того, что̀ можетъ повредить его здоровью и жизни».

И больше ничего не нужно для китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идетъ вѣка по разъ заведенному порядку, подъ строгимъ надзоромъ знающихъ дѣло людей. Все, что̀ можетъ нарушить этотъ порядокъ, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено: рабочій не развлеченъ ничѣмъ; мысль его съ малолѣтства пріучена вращаться въ тѣсномъ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ и направляться къ одной цѣли — исканію удовлетворенія матеріальнымъ потребностямъ; всякій выходъ отдѣльнаго лица изъ очерченнаго круга, всякое проявленіе личности, личной самостоятельности, новой мысли и взгляда не позволяется, невозможно. Полицейскій порядокъ развитъ былъ въ Китаѣ тысячи лѣтъ назадъ; тысячи лѣтъ назадъ ни одинъ китаецъ не могъ выйти безъ паспорта за городскія ворота. Правительственная система, которая недавно проповѣдывалась въ Европѣ нѣкоторыми государственными людьми, и которая нравилась многимъ, измученнымъ революціонною качкою, — система ограниченія народа заботами о насущномъ хлѣбѣ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ потребностей, съ удаленіемъ отъ него всего, что могло бы развлечь его вниманіе, возбудить мысль, нарушить спокойствіе и порядокъ обычныхъ занятій, эта система, непримѣнимая въ Европѣ, осуществлена съ незапамятныхъ поръ въ Китаѣ, не выдумана здѣсь какимъ-нибудь богдыханомъ или мандариномъ, но вытекла изъ условій жизни народа, принята и усвоена имъ; народъ воспитался, образовался по ней, она вошла въ его существо, и можетъ-ли онъ когда-нибудь жить безъ нея — неизвѣстно.

Мы видѣли, что Китай испытывалъ потрясенія, нарушенія спокойствія и установленнаго порядка вслѣдствіе слабости и недостоинства богдыхановъ. Но эти потрясенія, не могшія, по характеру своему, повести ни къ какимъ живительнымъ преобразованіямъ, не могшія расширить горизонтъ народной жизни, возбуждали только въ народѣ желаніе возвратиться какъ можно ско-

Digitized by Google

рѣе къ спокойной и потому счастливой старинѣ, возстановить все какъ прежде было. Отсюда понятно, что имя человѣка, особенно потрудившагося надъ такимъ возстановленіемъ старины въ области мысли, знанія и самопознанія народа, будетъ особенно популярно. Таково знаменитое имя Конфуція (жившаго отъ 550 — 479 г. до Р. Х.), собравшаго и приведшаго въ порядокъ древнія народныя преданія. «Мое ученіе, говорилъ Конфуцій, есть ученіе, преданное намъ предками; я ничего не прибавилъ и не убавилъ, но передаю ихъ ученіе въ первобытной чистотѣ». Изъ этихъ преданій старины для насъ важны религіозныя представленія по связи ихъ съ религіозными представленіями другихъ языческихъ народовъ. Въ религіозныхъ представленіяхъ языческихъ народовъ, извѣстныхъ въ исторіи, мы замѣчаемъ слѣдующія общія основныя черты: во-первыхъ, дуализмъ, и притомъ двойной, именно, обоготвореніе двухъ началъ — мужескаго и женскаго, и потомъ, обоготвореніе двухъ началъ—добраго и злого; во-вторыхъ, поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Въ различныхъ отношеніяхъ того или другого народа къ этимъ основнымъ представленіямъ выражается характеръ народа и его историческое значеніе. Въ китайской религіи мы находимъ первый дуализмъ, поклоненіе мужескому началу, первоначальной силѣ — небу, и женскому началу, первоначальной матеріи — землѣ. Подлѣ этого поклоненія существуетъ поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Но, говоря о религіозномъ поклоненіи китайцевъ, мы не должны представлять себѣ формъ поклоненія, встрѣчаемыхъ у другихъ народовъ: у китайцевъ нѣтъ ни храмовъ, ни жрецовъ, ни праздничныхъ дней въ недѣлѣ. Китаецъ—работникъ, погруженный весь въ заботы о матеріальномъ существованіи; онъ не чувствуетъ потребности въ освѣженіи, возстановленіи силъ праздникомъ, духовнымъ занятіемъ; праздникъ нарушаетъ порядокъ, и потому неполезенъ. Для китайца, «небо не говоритъ, но заявляетъ свою волю только черезъ народъ или чрезъ людей!» Впрочемъ въ религіозной жизни китайцевъ не обошлось безъ протеста противъ этого пренебреженія духовными потребностями. Самостоятельно, или подъ вліяніемъ ученія, занесеннаго какъ-нибудь съ юга, изъ Индіи—все равно, только протестъ явился въ такъ-называемомъ ученіи Тао, основанномъ Лао-Тзе, который подчинилъ физическій дуализмъ неба и земли высшему началу Тао (разума); протестуя противъ полнаго погруженія въ заботы о матеріальномъ благосостояніи и въ чувственныя наслажденія, господствовавшаго въ Китаѣ, Лао-Тзе требовалъ освобожденія отъ страстей и духовной созерцательной жизни въ удаленіи отъ общества и его волненій, указывая на цѣль такой жизни — воз-

Digitized by Google

вращеніе въ лоно первоначальнаго существа, изъ котораго вышелъ человѣкъ. Мы еще возвратимся къ этимъ представленіямъ, въ которыхъ выказалась реакція чувственнымъ стремленіямъ народовъ въ различныхъ странахъ Востока. Здѣсь же замѣтимъ, что въ Китаѣ ученіе Лао-Тзе явилось сектою и не могло сильно противодѣйствовать господствующему направленію жизни; гораздо сильнѣе распространился искаженный буддизмъ, удовлетворявшій потребности народа во внѣшнемъ богослуженіи.

Трудолюбивѣйшій народъ не могъ предохранить себя отъ рабства. На это важное явленіе, какъ оно существовало въ древнемъ мірѣ, мы должны обратить особенное вниманіе. Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частной зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставить значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь и, въ послѣднемъ случаѣ, побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностію побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію рабства: для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животненную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣкомъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но кромѣ захвата и купли число рабовъ увеличивалось и другимъ способомъ: обѣдненіе отъ голода или другого физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, *безсемейность и безродность*, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощію первоначальнаго кровнаго союза, — всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это—работа, рабство; молодой человѣкъ, для полученія руки дѣвушки, долженъ былъ работать будущему тестю нѣсколько лѣтъ, какъ мы это видимъ въ исторіи патріарха Іакова.

Рабство продолжалось и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храма Духа св., существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности. Въ древности мы видимъ, напримѣръ, такое явленіе: жена даетъ въ наложницы мужу рабу свою, и когда раба родитъ ребенка, то госпожа въ восторгѣ принимаетъ его на колѣни, и говоритъ, что Богъ далъ ей сына. Поймемъ-ли мы теперь это яв-

Digitized by Google

леніе? Оно объясняется только такимъ представленіемъ, что рабъ не имѣетъ совершенно никакой личности, и составляетъ часть господина, имѣетъ съ нимъ совершенно одно существованіе. Знаменитый наблюдатель надъ общественными явленіями древняго міра, Аристотель приходитъ къ намъ на помощь; онъ говоритъ: «Рабъ есть одушевленная собственность и какъ бы органъ. Собственность есть какъ бы часть, ибо часть есть не только часть другого, но имѣетъ съ нимъ одно существованіе. Подобно тому и собственность; поэтому рабъ не только есть рабъ своего господина, но и имѣетъ съ нимъ одно существованіе». Это уясненіе представленія древности о рабѣ поможетъ намъ объяснить и нѣкоторыя другія явленія древней жизни. Если человѣкъ, сдѣлавшійся собственностью, считался частію, имѣвшею одно существованіе съ цѣлымъ, съ господиномъ, то, при отсутствіи правъ личности, дѣти, обязанныя существованіемъ родителямъ, естественно составляли ихъ собственность, часть, не могли имѣть никакихъ правъ, находились къ родителямъ совершенно въ отношеніи рабовъ. Между китайцами, какъ народомъ мирнымъ и земледѣльческимъ, сначала не было рабства, но оно явилось, когда, вслѣдствіе тяжкихъ бѣдствій, родителямъ позволено было продавать дѣтей своихъ.

II.

ЕГИПЕТЪ.

Мы переходимъ въ Африку; здѣсь, на сѣверовостокѣ, по берегамъ большой рѣки Нила находимъ государство, подобное китайскому, такой же пчелиный улей или муравейникъ, но имѣющее нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Египетъ съ двухъ сторонъ окруженъ моремъ, и одно изъ этихъ морей—Средиземное, историческое море древности по преимуществу; не смотря на то, египтяне питаютъ отвращеніе къ морю, страна ихъ долго остается замкнутою, подобно Китаю. Народонаселеніе припало къ своей рѣкѣ Нилу, дающему своимъ разливомъ необыкновенное плодородіе странѣ, припало какъ ребенокъ къ груди матери, и ожирѣло, остановилось въ своемъ развитіи. Нилъ, заботы, съ цѣлію воспользоваться богатыми слѣдствіями его разлива, поглотили все вниманіе народа. Опять, какъ въ Китаѣ, мы имѣемъ дѣло съ народомъ земледѣльческимъ, рабочимъ по преимуществу, народомъ, который славился своею мудростію. Было время, когда и Китай славился въ Европѣ мудростію своихъ учрежденій и ставился въ образецъ; отцамъ-іезуитамъ особенно нравился ки-

Digitized by Google

тайскій бытъ, какъ соотвѣтствующій ихъ общественному идеалу, нравилась огромная фабрика подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, толпа людей, преданныхъ въ тишинѣ матеріальной работѣ, не разсуждающихъ; нравился народъ, похожій на трупъ или на палку въ рукахъ старика, и отцы-іезуиты прославили Китай въ Европѣ. Хотя заблужденіе насчетъ превосходства китайскаго быта и не было продолжительно въ Европѣ, однако и теперь еще есть люди, которымъ нравится кое-что китайское, которые, видя въ китайскихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ условіе отсутствія религіознаго принужденія, восклицаютъ: «сколько времени, сколько фазъ развитія было необходимо, чтобы народъ могъ достигнуть до такого состоянія, до такой терпимости»! Эти господа забываютъ, что для человѣка и народа, живущаго не о единомъ хлѣбѣ, сильно принимающаго къ сердцу нравственные интересы, готоваго на всѣ пожертвованія для проведенія своихъ убѣжденій, надобно долго жить и пройти много фазъ развитія, чтобъ достигнуть убѣжденія въ необходимости свободы для чужихъ убѣжденій; но человѣку, или народу, думающему только о хлѣбѣ, равнодушному къ нравственнымъ интересамъ, можно очень легко и скоро достигнуть религіозной терпимости; да ему и не для чего достигать ее, онъ съ нею родится. Развѣ вы замѣчаете въ ребенкѣ религіозную нетерпимость? но попробуйте не накормить его во время! Народъ, который остановился на этой ступени, и будетъ отличаться религіозною терпимостію.

Но если заблужденіе насчетъ китайской мудрости было непродолжительно въ новой Европѣ; если вмѣсто мудраго старца въ Китаѣ увидали едва лепечущаго ребенка; то что же удивительнаго, что въ древности сохранялось уваженіе къ египетской мудрости. Древность народа, древность его муравьиной или пчелиной цивилизаціи, громадныя постройки, исчерченныя какими-то таинственными, никому непонятными знаками, фокусничество жрецовъ, все это воспламеняло воображеніе, заставляло видѣть и предполагать чудеса.

Чудесъ не было; но все же Египетъ представляетъ любопытное явленіе. Прежде всего мы не видимъ здѣсь китайскаго равенства, не того равенства, котораго достигаетъ живой народъ, прошедшій строгую политическую школу, выдержавшій долгую борьбу, ознаменовавшій себя гражданскими подвигами, но равенства младенческаго, господствующаго въ первоначальномъ обществѣ, не знающемъ движенія, подвига. Въ египетской исторіи мы должны предположить движеніе, подвигъ, поведшій къ выдѣлу изъ массы лучшихъ людей, болѣе способныхъ къ подвигу; иначе мы не можемъ объяснить происхожденія кастъ; притомъ же памят-

Digitized by Google

ники указываютъ намъ на различіе племенъ, господствующаго и подчиненныхъ. Произошло движеніе, произошло развитіе, выдѣлъ различныхъ органовъ изъ сплошной прежде массы, и вотъ уже работа для историка — узнать, въ какомъ отношеніи находились эти органы между собою. Мы упомянули слово: *касты*, подъ которымъ разумѣются части народонаселенія, живущія въ совершенной отчужденности другъ отъ друга, при невозможности перехода для членовъ ихъ изъ одной въ другую. Различіе племенъ и завоеваніе одного другимъ объяснятъ намъ происхожденіе высшихъ и низшихъ кастъ; но не объяснятъ происхожденіе высшихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, принадлежавшихъ къ одному господствующему племени. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на экономическое положеніе частей народонаселенія, являющихся намъ въ видѣ кастъ. Высшія касты, жрецовъ и воиновъ, по самому характеру своему, должны получать содержаніе, обезпечивающее ихъ въ исполненіи ихъ обязанностей. Въ государствѣ первоначальномъ, земледѣльческомъ онѣ должны быть надѣлены земельными участками. И дѣйствительно, въ Египтѣ мы видимъ этотъ надѣлъ для воиновъ и жрецовъ; они были помѣщиками на этихъ участкахъ, которые такимъ образомъ были тѣсно соединены съ исполненіемъ извѣстныхъ обязанностей; переходъ изъ одной землевладѣльческой части народонаселенія въ другую произвелъ бы смуту въ землевладѣніи, и потому не могъ быть допущенъ. Этому содѣйствовало религіозное уваженіе къ разъ установившемуся, къ старинѣ, господствовавшее въ древней жизни; для древняго человѣка идеалъ былъ назади, въ далекомъ прошедшемъ, которое было ближе къ царству боговъ и богоподобныхъ людей; въ Египтѣ сначала царствовали боги: отсюда нарушеніе старыхъ, установившихся отношеній было дѣломъ грѣховнымъ. Такое религіозное освященіе и неподвижность установившихся отношеній, разумѣется, болѣе всего зависѣли отъ жрецовъ, а жрецы находили въ нихъ свою выгоду, потому что въ ихъ рукахъ находилась бо́льшая часть земельной собственности, чѣмъ у воиновъ.

Когда народонаселеніе раздроблено на такія рѣзко-отдѣленныя другъ отъ друга части или касты, то понятно, что для достиженія государственныхъ цѣлей, для общаго направленія дѣятельности оно нуждается въ объединяющей силѣ; такимъ образомъ, касты необходимо уже предполагаютъ большую власть въ рукахъ царя. Дѣйствительно, египетскій царь, или, какъ мы привыкли называть его, фараонъ (фра — солнце), имѣлъ въ рукахъ своихъ обширную власть, которая основывалась на землевладѣніи: ему принадлежала третья часть всей земли; двѣ трети

Digitized by Google

ея были подѣлены въ неровной, какъ мы видѣли, мѣрѣ, между жрецами и воинами. Фараонъ не упускалъ случая усиливать свои средства насчетъ землевладѣльческой касты воиновъ. «Іосифъ собралъ все серебро, какое было въ землѣ египетской, за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ серебро въ домъ фараоновъ. И серебро истощилось въ землѣ египетской, и пригоняли они къ Іосифу скотъ свой. И пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: ничего не осталось у насъ, кромѣ тѣлъ нашихъ: купи насъ и земли наши за хлѣбъ. И купилъ Іосифъ всю землю египетскую для фараона, только земли жрецовъ не купилъ. И сказалъ Іосифъ народу: Я купилъ теперь для фараона васъ и землю вашу; вотъ вамъ сѣмена, и засѣвайте землю. Когда будетъ жатва, давайте пятую часть фараону». Вліяніе касты воиновъ сдерживалось вліяніемъ другой, высшей касты, жреческой; пользуясь соперничествомъ этихъ землевладѣльческихъ кастъ, фараону легко было усиливать свою власть. Жрецы, представители нравственной силы, желая охранить себя и взять перевѣсъ надъ представителями силы матеріальной, воинами, должны были соединить свои интересы съ интересами фараона, давши его власти религіозное значеніе; какъ намѣстникъ боговъ, фараонъ, естественно, сдѣлался охранителемъ интересовъ служителей религіи; изъ ихъ касты назначались правители и судьи. Съ торжествомъ жреческой касты и съ упадкомъ касты воиновъ соединенъ упадокъ внѣшняго блеска и могущества Египта; встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о фараонѣ Сетосѣ изъ касты жрецовъ, который обнаружилъ свою вражду къ воинамъ тѣмъ, что отнялъ у нихъ земельные участки, и когда ассирійскій царь Санхерибъ приблизился къ границамъ Египта съ завоевательными намѣреніями, то воины отказались выступить въ походъ противъ непріятеля, и Сетосъ долженъ былъ набирать войско изъ людей низшихъ кастъ. Встрѣчаемъ также извѣстіе о покореніи Египта эѳіопскими царями, по изгнаніи которыхъ Египетъ является раздѣленнымъ на 12 отдѣльныхъ владѣній. Одинъ изъ 12 государей, Псамметихъ, покоряетъ остальныхъ и возстановляетъ единовластіе, но онъ это дѣлаетъ посредствомъ иностранныхъ наемныхъ войскъ (іонійскихъ и карійскихъ) и возбуждаетъ неудовольствіе въ кастѣ воиновъ, которые въ огромномъ числѣ удаляются въ Эѳіопію. Правнукъ Псамметиха, Гофра лишился престола и жизни вслѣдствіе возстанія воиновъ, заподозрившихъ его въ недоброжелательствѣ къ своей кастѣ и провозгласившихъ царемъ Амазиса. Но и Амазисъ былъ вѣренъ системѣ своихъ предшественниковъ, которая состояла въ недовѣріи и враждѣ къ воинамъ: онъ образовалъ себѣ гвардію изъ

Digitized by Google

іонійскихъ и карійскихъ наемниковъ. При сынѣ Амазиса, Псамменитѣ, Египетъ былъ покоренъ персами.

Такимъ образомъ, не смотря на скудость и мутность источниковъ египетской исторіи, нельзя не усмотрѣть въ ней этого внутренняго движенія, бывшаго слѣдствіемъ столкновенія интересовъ фараона и двухъ высшихъ землевладѣльческихъ кастъ, жрецовъ и воиновъ, при чемъ именно земельное владѣніе, имѣвшее такое важное значеніе въ Египтѣ, играли главную роль. Египетъ, по физическимъ условіямъ, былъ государствомъ земледѣльческимъ по преимуществу; все вниманіе народа было обращено внутрь страны, на своего добраго кормильца, плодоносный Нилъ, къ которому необходимо явилось религіозное отношеніе; обращать вниманіе за предѣлы священной земли Нила было непростительно, грѣховно; отсюда торговля и городская промышленность не могли развиться и не могла подняться часть народонаселенія, которая основывала бы свое значеніе на богатствѣ движимомъ, не говоря уже о томъ, что по характеру племени, къ которому принадлежатъ низшія касты Египта, они и не могли быть способны къ широкой торговой предпріимчивости. Благодаря этимъ условіямъ, произошла замкнутость Египта и ожирѣніе его народонаселенія, привыкшаго хорошо ѣсть и пить и получавшаго возможность къ этому внутри страны. Возможность движенія, подвига, столкновенія съ другими народами лежала въ кастѣ воиновъ, и дѣйствительно, эта каста давала средства фараонамъ предпринимать походы, дѣлать завоеванія; но это явленіе было какою-то случайностію въ исторіи Египта, случайностію, остававшеюся безъ послѣдствій: продолжительные и отдаленные походы фараоновъ въ Азію не доставляли имъ болѣе или менѣе прочныхъ завоеваній, такъ что воинственное движеніе государей осѣдлаго и цивилизованнаго народа совершенно сходно съ опустошительными и безплодными движеніями номадовъ. Можно подумать, что фараоны, охотники занимать и утомлять излишекъ народонаселенія огромными постройками, *египетскими работами*, придумавшіе умерщвлять новорожденныхъ младенцевъ мужескаго пола, въ случаѣ опаснаго размноженія подданныхъ—можно подумать, что фараоны предпринимали походы съ единственною цѣлію занять и утомить касту воиновъ, уменьшить ея опасное число. Но воинственные фараоны — рѣдкое явленіе въ египетской исторіи; кастѣ воиновъ рѣдко дается возможность развить свои силы, пріобрѣсти важное значеніе посредствомъ движенія, подвига. Жреческая каста сдерживаетъ силы опасныхъ воиновъ. Наконецъ, Египетъ, благодаря Псамметиху и послѣдующимъ фараонамъ, выходитъ изъ прежней замкнутости, сближается съ иностран-

Digitized by Google

цами; но здѣсь не происходитъ никакого важнаго переворота въ египетской жизни; прежній порядокъ вещей остается ненарушимымъ, вся новизна направлена противъ касты воиновъ, которые принуждены выселяться, и это обстоятельство, разумѣется, должно было болѣе всего содѣйствовать паденію Египта.

Жреческая каста явно беретъ преимущество передъ кастою воиновъ: воины въ презрѣніи, у воиновъ отнимаютъ земли, воины должны выселиться изъ Египта; относительно жрецовъ не встрѣчается подобныхъ извѣстій, жрецы до конца сохраняютъ свое важное значеніе. Жрецы славились своею мудростію, своими обширными познаніями, но свою мудрость они берегли для себя, своихъ познаній они не распространяли въ народѣ, и не спасли государства отъ паденія. Но какимъ же божествамъ служили жрецы египетскіе! Въ Египтѣ мы встрѣчаемъ множество именъ божествъ; это множество происходитъ отъ того, что одно и тоже божество въ разныхъ мѣстностяхъ чествовалось подъ разными именами. Изъ египетскихъ миѳовъ, наиболѣе извѣстныхъ, оказывается, что и здѣсь было поклоненіе началамъ мужескому и женскому въ Озирисѣ и Изидѣ, и началамъ доброму и злому въ Озирисѣ и Тифонѣ. Мы имѣемъ полное право успокоиться на извѣстіи Геродота, что изъ всѣхъ божествъ только Изида и Озирисъ пользовались одинакимъ поклоненіемъ во всемъ Египтѣ, тогда какъ о другихъ божествахъ сказать этого нельзя. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что существуетъ великое несогласіе въ именахъ египетскихъ божествъ: одно и то же божество называется Изидою, Церерою, Тесмофорою, Луною, Юноною, а нѣкоторые величаютъ ее всѣми этими именами вмѣстѣ. Озирисъ одно и то же, что Сераписъ, Вакхъ, Плутонъ, Аммонъ, Юпитеръ, Панъ. Но изъ словъ самого же Діодора оказывается, что великое несогласіе разрѣшается въ согласіе, когда подъ разными именами является одно и то же божество. Для насъ важно извѣстіе Геродота, что женское божество, Изида, почиталось въ Египтѣ болѣе всѣхъ другихъ божествъ. Въ связи съ этимъ находится извѣстіе, что женщины пользовались въ Египтѣ особенно выгоднымъ положеніемъ, даже преимуществомъ передъ мужчинами.

Не смотря на успѣхи, какіе, повидимому, сдѣланы въ изученіи древняго Египта, мы знаемъ объ немъ немного болѣе прежняго; разногласіе, противоположность во мнѣніяхъ ученыхъ о Египтѣ, о его историческомъ значеніи, всего лучше показываютъ, на какой шаткой почвѣ находимся мы здѣсь. Великіе историческіе народы не проживаютъ молча, тайкомъ отъ другихъ, не оставляютъ въ своихъ памятникахъ загадокъ для потомства

Digitized by Google

и предмета для ученыхъ споровъ. Не смотря на наше убѣжденіе, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, громадность всегда сохраняетъ способность поражать воображеніе; такъ поражаютъ воображеніе рукотворныя горы Египта, пирамиды, переживающія тысячелѣтія, и вселяютъ невольное уваженіе къ цивилизаціи, высказавшейся въ такихъ памятникахъ. Но Египетъ внушалъ уваженіе не одними своими громадными, безсмертными могилами; греки, которые такъ хвастались обыкновенно своею цивилизаціею, преклонялись предъ мудростію жрецовъ египетскихъ. Посмотримъ же, что̀ такое египетскіе жрецы, скрывавшіе свои знанія отъ своего народа, сообщали изъ нихъ чужимъ, грекамъ. Мы не будемъ отвергать преданія о египетскихъ колоніяхъ въ Греціи и о томъ, что эти колонисты сообщили свѣдѣнія о разныхъ полезныхъ вещахъ дикому еще тогда народонаселенію Греціи. Но дѣло идетъ о другого рода заимствованіяхъ, именно о заимствованіяхъ въ области религіи и философіи. Мы не отвергнемъ и этихъ заимствованій, только позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ насчетъ осторожности, какую историкъ долженъ соблюдать въ вопросахъ о заимствованіи. Мы привыкли разсматривать племена и народы въ ихъ отдѣльности, и дѣйствительно мы должны обращать особенное вниманіе на ихъ особенности, различія другъ отъ друга; но при этомъ мы не должны упускать изъ виду общечеловѣческаго, не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который повсюду, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, смотритъ на извѣстныя явленія и дѣйствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинаково, выражаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одинаковыя нравственныя требованія. Отъ этого мы необходимо должны встрѣчать у различныхъ народовъ одинаковыя представленія; должны встрѣчать одинаковые разсказы въ произведеніяхъ фантазіи, одинаковыя извѣстія въ памятникахъ историческихъ. На какомъ же основаніи мы, встрѣтивъ у двухъ различныхъ народовъ два одинаковые разсказа, извѣстія, воззрѣнія, предполагаемъ сейчасъ же заимствованіе, предполагаемъ, слѣдовательно, что самое простое, естественное отношеніе могло разъ произойти только у извѣстнаго народа, и никакъ не могло произойти у другого; если же встрѣчаемъ извѣстіе о немъ у другого, то это будетъ непремѣнно заимствованіе? Но этого мало; если мы встрѣчаемъ у разныхъ народовъ и въ разныя времена извѣстія объ одинаковомъ явленіи, то вмѣсто того, чтобъ увѣриться въ возможности этого явленія, мы немедленно отвергаемъ эту возможность, изъ дѣйствительности переносимъ явленіе въ область вымысловъ, и здѣсь заставляемъ одинъ народъ непремѣнно списывать у другого; та-

Digitized by Google

кимъ образомъ, выходитъ, что если одинъ только свидѣтель говоритъ намъ о явленіи, то мы признаемъ возможность этого явленія; но стоитъ только явиться нѣсколькимъ свидѣтелямъ, которые скажутъ намъ, что явленіе повторилось въ разныя времена, у разныхъ народовъ, какъ мы сейчасъ же начнемъ отрицать возможность явленія и передадимъ его въ область вымысловъ.

Хотятъ, чтобъ греки заимствовали у египтянъ вѣрованіе въ безсмертіе души, потому только, что греческій миѳъ о Миносѣ, судьѣ мертвыхъ, сходенъ съ египетскимъ миѳомъ объ Озирисѣ, исправляющемъ ту же должность! Отнять у грековъ вѣрованіе въ безсмертіе души было бы слишкомъ странно; но какъ скоро допускается вѣрованіе въ безсмертіе души, то естественно рождается представленіе объ отчетѣ, который должны отдать души по разлученіи съ тѣломъ, о судѣ; отъ суда необходимъ переходъ къ судьямъ: почему же такое движеніе мысли, возможное у одного народа, было невозможно у другого? Хотятъ, чтобъ и перевозчикъ душъ, Харонъ, съ его лодкой были заимствованы греками у египтянъ, потому что миѳъ носитъ отпечатокъ мѣстности Египта, изрѣзанной каналами: но извѣстно, что представленіе о рѣкѣ, какъ пути для душъ въ нѣдра земли и обратно, есть представленіе общее, встрѣчающееся у народовъ, не имѣвшихъ никакого соприкосновенія съ египтянами. Геродотъ пустилъ въ ходъ мысль, что все заимствовано у египтянъ. Громадность египетскихъ памятниковъ произвела на воспріимчиваго грека самое сильное впечатлѣніе: «Ни одна страна не заключаетъ въ себѣ столько чудесъ! ни въ одной другой странѣ нельзя найти такихъ удивительныхъ памятниковъ!» Всматриваясь внимательнѣе, онъ находитъ сходное съ своимъ: не можетъ же это сходство быть случайнымъ — разсуждалъ онъ — и такъ какъ египетское государство древнѣе всѣхъ государствъ, слѣдовательно, все заимствовано изъ Египта. Жрецы ловко берутся за дѣло: «Все, все занято у насъ, всѣ ваши поэты и мудрецы были у насъ и у насъ выучились всему». Жрецы ни передъ чѣмъ не останавливались въ развитіи своего основнаго положенія: упомянетъ имъ грекъ о древнемъ аѳинскомъ устройствѣ: «Да это все взято у насъ, говорятъ они: эвпатриды — да это наша каста жрецовъ!» [1]. Геродотъ не уступаетъ жрецамъ и серьёзно утверждаетъ, что египтяне первые установили праздники, религіозныя процессіи и всѣ богослужебные пріемы, и греки все это заимствовали у нихъ.

[1]) Объ этомъ любопытномъ сближеніи, сдѣланномъ жрецами, говоритъ Діодоръ Сицилійскій.

Digitized by Google

Утверждаютъ, что ученіе о переселеніи душъ Пиѳагоръ и Платонъ заимствовали у египетскихъ жрецовъ; но этого предмета мы еще коснемся въ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію грековъ.

III.

АССИРІЯ И ВАВИЛОНЪ.

Въ Китаѣ мы видѣли народъ, тихо, незамѣтно въ продолженіе вѣковъ наполнившій огромное пространство земли, удаленный отъ сообщенія съ другими народами; въ Египтѣ мы видѣли завоеваніе съ поселеніемъ побѣдителей среди побѣжденныхъ, отчего произошло раздѣленіе на касты; но физическія условія страны препятствовали дальнѣйшему воинственному движенію египтянъ: съ одной стороны, все вниманіе народонаселенія было обращено внутрь страны къ кормильцу-Нилу; потомъ съ сѣвера море, съ востока и запада пустыня защищали Египетъ и давали его жителямъ возможность сосредоточивать свое вниманіе внутри страны. Исторія Китая и Египта похожи тѣмъ другъ на друга, что обѣ страны, имѣющія въ сосѣдствѣ пустыни, подвергаются иногда нашествію и даже игу дикихъ жителей пустыни; но это нашествіе, это иго не измѣняетъ ничего въ бытѣ обѣихъ странъ. Теперь съ береговъ Нила перейдемъ на берега Евфрата и Тигра, и здѣсь уже встрѣтимъ другое явленіе. Здѣсь на относительно небольшихъ пространствахъ сталкиваются два сильные народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, развившіеся, благодаря выгоднымъ физическимъ условіямъ, ибо плодоносная область двухъ великихъ рѣкъ рано пригласила народонаселеніе къ дѣятельности. Но жители береговъ Евфрата и Тигра не могли, подобно жителямъ Нильской области, ограничиться одною внутреннею дѣятельностью, ибо, какъ уже было сказано, здѣсь одинъ подлѣ другого жили два сильные народа, не могшіе не вступить въ борьбу другъ съ другомъ. Борьба требовала сосредоточенія силъ народныхъ, требовала вождя, царя съ большою, неограниченною властію, храбраго человѣка, который бы умѣлъ защищаться отъ непріятеля, дать побѣду, и есть извѣстіе, что первый вождь вавилонянъ былъ богатырь-ловецъ Немврод. Борьба у ассиріянъ и вавилонянъ шла съ перемѣннымъ счастіемъ: сперва одно государство брало верхъ, благодаря преимущественно личности своего царя, и подчиняло себѣ другое. Здѣсь было покореніе не народа народомъ, при чемъ побѣдители, оставившіе почему-либо свою сто-

Digitized by Google

рону, селились между побѣжденными; здѣсь было покореніе одного государства другимъ, завоеванное государство превращалось въ провинцію государства покорившаго. Царь направлялъ движеніе, набиралъ войско изъ цѣлаго народа и распускалъ его по миновaніи нужды, здѣсь слѣдовательно не могло образоваться касты воиновъ. Покореніе одного государства другимъ, разумѣется, увеличивало силы царя-покорителя: онъ располагалъ теперь средствами двухъ государствъ, что̀ давало ему возможность покорять другія государства, присоединять ихъ въ видѣ провинцій къ своему.

Но то самое обстоятельство, что покорялся не дикій народъ цивилизованному, а покорялось одно цивилизованное государство другимъ цивилизованнымъ, это самое обстоятельство вело къ тому, что покореніе не могло быть прочно: при первомъ удобномъ случаѣ покоренное государство возвращало себѣ независимость и, усилившись, въ свою очередь подчиняло себѣ государство прежде господствовавшее. Сначала поднимается Ассирія; ея цари подчиняютъ себѣ Вавилонъ и широко распространяютъ свои завоеванія вокругъ, присоединяя къ своимъ владѣніямъ въ видѣ провинцій болѣе или менѣе цивилизованныя государства. По истеченіи извѣстнаго времени, Вавилонъ возвращаетъ себѣ независимость, и снова теряетъ ее; потомъ опять возстаетъ вмѣстѣ съ мидянами и снова принужденъ покориться; наконецъ, Вавилонъ возстаетъ въ третій разъ: Мидія, Вавилонъ и Киликія вступаютъ въ союзъ противъ Ассиріи, это государство падаетъ, великолѣпная столица его Ниневія разрушена. Чередъ усиливаться пришелъ Вавилону, Навуходоносоръ своими завоеваніями основываетъ обширную монархію.

Такимъ образомъ изъ области Евфрата и Тигра произошло движеніе, произведшее сильную историческую жизнь и во всѣхъ окрестныхъ областяхъ къ сѣверу, востоку и западу. Здѣсь нѣсколько государствъ начинаютъ жить общею жизнію, хотя эта жизнь и обнаруживается преимущественно въ борьбѣ; не смотря на покореніе одного государства другимъ, не смотря на образованіе обширныхъ мо́нархій, народности не исчезаютъ, но стремятся, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить себѣ независимость; съ этою цѣлію заключаются союзы между народами, какъ напримѣръ союзъ мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ противъ ассиріянъ; даже привыкшій къ одинокой жизни Египетъ въ послѣднее время втягивается въ эту общую жизнь народовъ: противъ союза мидянъ, вавилонянъ и киликійцевъ ассирійскій царь Сарданапалъ ищетъ союза египетскаго фараона

Digitized by Google

Нехо, но тотъ, задержанный борьбою съ народами, находившимися на дорогѣ, не поспѣлъ во время на защиту Ниневіи.

Свидѣтельства о цивилизаціи Ассиріи и Вавилона, цивилизаціи болѣе живой и человѣчной, чѣмъ цивилизація Египта, остались въ развалинахъ громадныхъ и великолѣпныхъ памятниковъ. Что касается до религіи, то и здѣсь мы видимъ поклоненіе мужескому производящему началу, которое обоготворялось въ Белѣ, господинѣ неба и свѣта, и женскому, воспринимающему и рождающему, которое обоготворялось въ *Милиттѣ*. Извѣстно, что въ Вавилонѣ былъ обычай, по которому каждая женщина, разъ въ жизни, должна была отправиться въ храмъ Милитты, чтобъ тамъ отдать себя иностранцу, который броситъ ей деньги, призывая имя Милитты. Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть средства религіозной пропаганды: вавилонянка, раба Милитты, вступая въ связь съ иностранцемъ, этимъ самымъ дѣлала и его рабомъ своей богини, заставляла его приносить ей жертву; она допускала иностранца не прежде, какъ онъ призоветъ имя Милитты; простымъ стремленіемъ приносить въ жертву богинѣ любви самое драгоцѣнное благо,—цѣломудріе, объяснить явленіе нельзя, потому что именно требовался иностранецъ. Что религіозная пропаганда шла посредствомъ женщинъ, это ясно видно изъ исторіи евреевъ: «И приглашали онѣ (моавитянки) народъ (израильскій) къ жертвамъ боговъ своихъ, и кланялся народъ богамъ ихъ. И вотъ, нѣкто изъ сыновъ израильскихъ пришелъ и привелъ къ братьямъ своимъ мадіанитянку... Финеесъ, сынъ Елеазара, пронзилъ обѣихъ ихъ... Имя убитой мадіанитянки Хазва... И сказалъ Господь Моисею: Враждуйте съ мадіанитянами и поражайте ихъ. Ибо они враждебно поступали съ вами въ коварствѣ своемъ, прельстивъ васъ Фегоромъ (божествомъ) и Хазвою, дочерью начальника мадіамскаго.»

IV.

ФИНИКІЯ.

До сихъ поръ мы видѣли двѣ формы жизни у разсмотрѣнныхъ нами народовъ: или народы живутъ замкнутою жизнію, исключительно, или преимущественно жизнію внутреннею, избѣгая сообщества другихъ народовъ, таковы китайцы и египтяне; или нѣсколько равносильныхъ по физическимъ и нравственнымъ средствамъ народовъ живутъ вмѣстѣ, сталкиваются, вступаютъ въ борьбу, то одинъ, то другой беретъ верхъ, является завоеваніе, образованіе обширныхъ государствъ, возстанія государствъ

Digitized by Google

покоренныхъ, союзы ихъ для освобожденія себя отъ чужой зависимости. Эти явленія представляетъ намъ западная часть Азіи, гдѣ два народа семитическаго племени, ассиріяне и вавилоняне, играютъ главную роль, смѣняя другъ друга въ господствѣ надъ окрестными государствами. Теперь переходимъ мы къ третьей формѣ, представляемой исторіею народа также семитическаго племени, финикіянъ. Загнанные, припертые къ морю, въ странѣ безплодной, рано, не успѣвши еще образовать изъ себя государственнаго тѣла, живя еще отдѣльными родами, финикіяне должны были заняться торговлею и промышленностью. Явились богатые города, изъ которыхъ каждый съ своимъ округомъ составилъ отдѣльное владѣніе. Происходятъ явленія, обыкновенныя во всѣхъ подобныхъ малыхъ владѣніяхъ, состоявшихъ преимущественно изъ одного богатаго торговаго города: сильная торговля и промышленность ведутъ къ рѣзкому различію между богатыми и бѣдными, образуются партіи съ противоположными интересами, аристократическая и демократическая, и вступаютъ въ борьбу другъ съ другомъ. Одинъ изъ богачей - вельможъ усиливается и пріобрѣтаетъ верховную власть, становится царемъ, но власть этого царя не можетъ быть такъ неограниченна, какъ власть царя у большихъ земледѣльческихъ народовъ; здѣсь уже прежде выработалась сильная аристократія, которая и ограничиваетъ власть царя. Борьба между аристократическимъ и демократическимъ элементами въ городахъ вела къ усобицамъ въ царскихъ семействахъ. Такъ, по смерти извѣстнаго тирскаго царя Хирама, современника и друга Соломонова, сынъ его былъ умерщвленъ родственниками, которые овладѣли верховною властью, опираясь на низшіе классы народонаселенія. Подобныя событія, низложеніе той или другой стороны вело къ выселенію побѣжденныхъ въ отдаленныя страны, къ основанію колоній, что было возможно, благодаря обширному мореплаванію финикіянъ, знакомству ихъ съ далекими землями: такъ основана была знаменитая финикійская колонія Карѳагенъ, благодаря усобицѣ и низложенію аристократической партіи въ Тирѣ.

Мы обыкновенно говоримъ, что горы и степи раздѣляютъ народы, а моря соединяютъ ихъ; но къ этому надобно прибавить, что горы и степи не удержатъ народы, движущіеся по сильнымъ побужденіямъ внутреннимъ или внѣшнимъ, равно какъ моря соединяютъ только тѣ народы, которые сами стремятся къ соединенію, и притомъ первоначально только нужда могла заставить народъ пуститься въ море. Финикіяне должны были сдѣлать это, и Средиземное море стало ихъ областью. Благодаря имъ, Средиземное море впервые получило то важное зна-

Digitized by Google

ченіе, какое оно удерживало за собою такъ долго, значеніе историческаго моря по преимуществу. Не смотря однако на важное значеніе дѣятельности финикіянъ, мы видимъ въ ней одностороннее направленіе, направленіе изначала исключительно торговое и промышленное; и здѣсь мы видимъ хотя сильное и широкое движеніе, но безъ подвига, не видимъ движенія, совершающагося по высшимъ побужденіямъ и совершающагося совокупными силами народа или его представителей, лучшихъ людей. Исключительная торговая и промышленная дѣятельность дробна и мелка, а потому не можетъ вести къ высокой степени человѣческаго развитія. Финикія—это Голландія древняго міра.

Религія финикіянъ представляетъ тоже поклоненіе началамъ: во-первыхъ, мужескому и женскому (Ваалъ и Ашера); во вторыхъ, доброму и злому: Ваалу, божеству производящему, зиждительному противополагалось божество злое, разрушительное, Молохъ, имѣвшій соотвѣтствующее ему женское божество, Астарту. Служеніе мужскому и женскому началамъ и здѣсь, какъ вездѣ, по самой сущности своей, отличалось чувственностію, и финикіянки заставляли иностранцевъ служить своей богинѣ тѣми же средствами какъ и вавилонянки. Служеніе противоположному божеству, Астартѣ, божеству разрушительному, должно было, разумѣется, сопровождаться противоположными дѣйствіями: если служеніе одному божеству требовало усиленія жизни, усиленія производительности, то служеніе другому, разрушительному, уничтожающему жизнь, требовало именно уничтоженія средствъ производительности, и Астартѣ служили оскопленіемъ, Молоху человѣческими жертвами. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ чистымъ, полнымъ дуализмомъ: начало или божество злое, разрушительное стоитъ рядомъ съ божествомъ добрымъ, зиждительнымъ, на совершенно равныхъ правахъ; человѣкъ одинаково служитъ имъ обоимъ, и нисколько еще не сознаетъ своей обязанности служить исключительно доброму началу и, подъ его знаменемъ, ратовать противъ злого, какъ мы это увидимъ въ религіозномъ ученіи арійскаго племени, къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію [1]) котораго мы теперь и переходимъ.

С. Соловьевъ.

---

[1]) Наблюденія надъ историческою жизнію евреевъ слѣдуютъ ниже, когда будетъ рѣчь о началѣ христіанства.

Digitized by Google

РОССІЙСКОЕ
БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

IV *).

Личное настроеніе императора Александра. — Дѣйствія Шишкова: новое изданіе книги Станевича; прекращеніе библейскихъ «Извѣстій»; нападенія на Катихизисъ Филарета. — Доносы Шишкова на самое Общество. — Положеніе дѣлъ Общества за это время: прекращеніе работъ; донесенія митр. Серафима о необходимости его закрытія. — Секта «духоносцевъ». — Мѣры противъ вредныхъ книгъ. — Окончательное закрытіе Общества, 12 апрѣля 1826. — Сводъ обвиненій противъ Библейскаго Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи». — Письмо Невзорова къ митрополиту Серафиму.

Время, наступившее съ удаленіемъ кн. Голицына (15 мая 1824), представляетъ собой нѣчто чрезвычайно странное.... Стала господствовать партія, добившаяся пораженія Голицына и того направленія, которое имъ держалось; но мы напрасно стали бы ожидать, что воздухъ очистится. Напротивъ.

Но что же сталось теперь съ настроеніемъ самого императора Александра, именемъ котораго сначала держалось библейское направленіе, а теперь совершался крутой поворотъ въ другую сторону? Библейское Общество несомнѣнно было однимъ изъ любимыхъ дѣлъ императора Александра: мистическія тенденціи Общества соотвѣтствовали его собственнымъ влеченіямъ въ этотъ періодъ его жизни; онъ самъ лично интересовался тѣми людьми, которые содѣйствовали развитію піэтистическихъ стремленій въ русскомъ обществѣ, онъ оказывалъ имъ вниманіе и поддерживалъ

*) См. выше, т. IV, стр. 639—712; т. V, 231—297, и т. VI, стр. 222—285.

Digitized by Google

ихъ,—ему казалось, что распространеніе библейской религіозности будетъ могущественнымъ средствомъ основать то христіанское воспитаніе, на которомъ утверждается спокойствіе и счастіе народовъ.

Что же означалъ этотъ поворотъ, произведенный отъ его имени, и неужели, удаляя Голицына, онъ принималъ тѣ понятія, которыя внушалъ доносъ Фотія или страхи Серафима и Шишкова? На дѣлѣ эти понятія получили, къ сожалѣнію, господство, но лично императоръ едва ли соглашался съ ними. Принятыя, или вѣрнѣе, кажется, позволенныя имъ мѣры были однимъ изъ примѣровъ того нерѣшительнаго колебанія, въ которомъ прошли всѣ послѣдніе годы его жизни, когда прежніе идеалы боролись въ немъ съ опасеніемъ революціи, стремленіе къ просвѣщенію и нравственному освобожденію народа—съ ужасомъ передъ тайными обществами и заговорами. Этимъ послѣднимъ его давно пугали и въ Европѣ и дома, дипломаты меттерниховской школы и доморощенные Фуше[1]); но императоръ Александръ до самаго конца не понималъ настоящаго значенія того, что́ выдавали ему за тайныя общества въ Россіи. Онъ «медлилъ карать», и скорѣе дѣйствительно по внушеніямъ великодушія, а не по сознанію ничтожества дѣла; между тѣмъ, онъ пріобрѣталъ увѣренность въ существованіи опасности, и оставлял въ покоѣ лица, онъ однако допускалъ притѣснительныя мѣры, напр., въ родѣ тѣхъ, какими Голицынъ, а потомъ и Шишковъ преслѣдовали и заподозривали проявленія общественной мысли. Фантомъ какого-то тайнаго громаднаго заговора, охватывающаго всю Европу и проникшаго въ Россію, носился въ его воображеніи и, при мистическомъ настроеніи ума, могъ принимать тѣмъ бо́льшіе размѣры. Но это былъ фантомъ очень туманный: онъ могъ представляться въ весьма различныхъ формахъ. Прежде ему казалось, что это — крайнія политическія теоріи и замыслы, и религіозное невѣріе, которыя онъ, какъ и многіе въ то время, считалъ прямымъ наслѣдіемъ и продолженіемъ французской революціи,—то революціонное «иллюминатство», противъ котораго онъ хотѣлъ поставить Священный Союзъ и противъ котораго направляли свою программу и библейскіе дѣятели. Теперь передъ нимъ стали утверждать, что и сами библейскіе дѣятели — тѣже переодѣтые революціонеры, только болѣе хитрые, тѣже «иллюминаты», закрывающіе свои цѣли медленнымъ под-

[1]) Записки Вигеля III, VII, стр. 5: «Милорадовичъ чуть ли не каждый вечеръ представлялъ государю цѣлыя тетради доносовъ, по большей части неосновательныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлилъ карать, и скоро́ оказывалась безвинность обвиняемыхъ».

Digitized by Google

капываніемъ религіи. Фотій, котораго онъ нѣсколько разъ удостоилъ своего вниманія и бесѣды, утверждалъ это положительно; тоже говорилъ Серафимъ, Шишковъ и, конечно, еще много другихъ людей той же партіи и тѣхъ же мнѣній. Когда люди, составившіе союзъ противъ Голицына, стали одинъ за другимъ дѣлать свои мрачныя открытія и зловѣщія предсказанія, и указывать опасности, грозившія вѣрѣ и престолу, и когда человѣкъ, по своему званію, повидимому компетентный представитель интересовъ православія, подтверждалъ опасное положеніе церкви подъ прежнимъ управленіемъ,—императоръ Александръ могъ наконецъ потеряться въ этой массѣ устрашеній, особенно подъ вліяніемъ Аракчеева, и предоставить дѣйствовать тѣмъ людямъ, которые обѣщали все «поправить».

Есть не мало примѣровъ, показывающихъ, что самъ лично императоръ былъ способенъ мириться съ людьми, въ которыхъ онъ предполагалъ либеральныя тенденціи, казавшіяся ему опасными, и даже оказывать имъ великодушную благосклонность, но у него не доставало энергіи распутать хаосъ противорѣчащихъ элементовъ, и онъ оставилъ управлять ими Аракчееву. И теперь онъ сохранилъ расположеніе къ Голицыну. Однако же усердіе новаго министра очевидно тяготило его; наивный министръ съ огорченіемъ отмѣчалъ въ своихъ запискахъ «холодность» императора, и никакъ не могъ ея постигнуть....

Шишковъ понялъ свою министерскую задачу какъ нѣчто въ родѣ торжества православія. Это, собственно говоря, не могло бы составлять прямыхъ его обязанностей, но онъ стремился именно къ этой цѣли — искоренить ереси и возстановить подкапываемую, по его мнѣнію, религію. Мы упомянемъ вкратцѣ объ этихъ работахъ Шишкова, потому что онѣ тѣснымъ образомъ, прямо или косвенно, связаны съ Библейскимъ Обществомъ.

Уже вскорѣ по назначеніи Шишкова вспомнили о запрещенной книгѣ Станевича. Статсъ-секретарь Кикинъ, въ свое время, какъ мы видѣли, стоявшій за Иннокентія и Станевича, прислалъ Шишкову «Бесѣду на гробѣ младенца», чтобы онъ, по разсмотрѣніи ея, доложилъ о ней государю. Шишковъ, само собою разумѣется, съ жаромъ взялся за это дѣло, потому книга запрещена была именно за ревнованіе противъ мистиковъ. Онъ сдѣлалъ о ней самый похвальный докладъ императору и, объяснивъ ему, что прежде онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно ея содержанія, просилъ разрѣшенія послать ее для новаго разсмотрѣнія къ какому-нибудь духовному лицу или въ Синодъ. Получивъ это разрѣшеніе, Шишковъ обратился къ Серафиму, который поручилъ разборъ книги двумъ «знающимъ» священникамъ. По по-

Digitized by Google

лученіи отъ нихъ разбора, Серафимъ прислалъ Шишкову свой отзывъ — какъ и слѣдовало ожидать, совершенно благопріятный для книги Станевича. Тогда Шишковъ составилъ проектъ указа, который и былъ изданъ (съ нѣкоторыми перемѣнами противъ проекта), 17-го ноября 1824.

Въ указѣ сказано было, что въ послѣдніе годы въ противность прежнимъ указамъ часто печатались безъ всякаго синодскаго разсмотрѣнія книги, содержавшія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о священномъ писаніи толкованія, а напротивъ книги, писанныя въ духѣ православной церкви, подвергались строгому запрещенію. Такъ была запрещена «Бесѣда на гробѣ младенца». Вслѣдствіе того министру повелѣвалось «войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ *изданныхъ*, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось»; министръ обязывался «истреблять и обличать всякія, разсѣянныя въ книгахъ, или ипаче внушаемыя, лжеученія». Самая книга «Бесѣда на гробѣ младенца» дозволялась вновь къ напечатанію [1]).

Въ напечатанной формѣ указа исключены нѣкоторыя фразы и выраженія, которыми Шишкову хотѣлось рѣзче выразить осужденіе правительствомъ прежнихъ тенденцій. Напр., гдѣ говорилось о прежнемъ печатаніи книгъ, противныхъ православію, исключены были фразы, находившіяся въ проектѣ: «*Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на то своего вниманія и умолчалъ о семъ*»; о книгѣ Станевича — что она была запрещена «*по несправедливому о ней донесенію*»; вмѣсто: «*повелѣваемъ вновь на казенный счетъ напечатать*» — въ печатномъ: «повелѣваемъ дозволить печатать и продавать»,—хотя впрочемъ на самой книгѣ было означено, что она печаталась по Высочайшему повелѣнію [2]).

Въ тоже время Шишковъ упорно возсталъ противъ того, что̀

---

[1]) Зап. Шишк., стр. 18—19, 53—59. Самый указъ напечатанъ также въ «Чтеніяхъ», 1861, № 2. Смѣсь, стр. 201—202: «Дозволеніе одной запрещенной книги».

[2]) Изданіе вышло въ слѣдующемъ году, въ такомъ видѣ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви. Сочиненіе Евстафія Станевича. Второе изданіе. По *Высочайшему* повелѣнію». Спб. Печатано въ тип. имп. росс. Академіи. 1825. На оборотѣ дозволеніе цензурнаго комитета на первое изданіе книги, подписанное 3 сентября 1818 ректоромъ семинаріи арх. Иннокентіемъ, и позволеніе на перепечатку, подписанное 5 іюня 1825, ректоромъ семинаріи, арх. Іоанномъ. 313 стр.; на трехъ ненумер. стр. «примѣчанія, сдѣланныя при новомъ изданіи сей книги»,—поэтому текстъ, вѣроятно, остался безъ перемѣнъ.

Digitized by Google

онъ называлъ *перекладкой св. писанія съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе*, что, вмѣстѣ съ собраніями библейскихъ обществъ, онъ считалъ «сильнѣйшимъ орудіемъ революціонныхъ замысловъ». На первый разъ онъ вооружился противъ издававшихся Библ. Обществомъ «Извѣстій» (1824) и особенно противъ Филаретова «Краткаго Катихизиса», гдѣ, «не разсуждая уже о нѣкоторыхъ введенныхъ въ книгу *не совсѣмъ согласныхъ* съ ученіемъ нашей церкви правилахъ», были «переложены на простой языкъ» такія «молитвы» какъ «Отче нашъ», «Вѣрую» и «Заповѣди» [1]). Съ этими соображеніями Шишковъ опять обратился къ графу Алексѣю Андреевичу, который такимъ образомъ оказывался самымъ компетентнымъ человѣкомъ въ этихъ вещахъ. Въ письмѣ къ Аракчееву Шишковъ заявлялъ, что ожидаетъ въ отвѣтѣ или разрѣшенія удалить эти книги изъ училищъ или увольненія отъ должности, потому что иначе видѣлъ бы себя содѣйствующимъ тому, что, по его понятіямъ можетъ принести вредъ благочестію, нравамъ, и слѣдовательно государству и человѣчеству.

Письмо писано было 2 ноября; 4 ноября, по волѣ императора Александра, Шишковъ отправился съ Аракчеевымъ къ митрополиту, чтобы объясниться о библейскихъ «Извѣстіяхъ» и о Катихизисѣ.

«Извѣстія» еще продолжали издаваться и наполнялись обычными свѣдѣніями о библейскомъ дѣлѣ въ Россіи и у другихъ народовъ; этого было довольно, чтобы приводить Шишкова въ крайнее негодованіе. Во внѣшнемъ видѣ «Извѣстій» была теперь та разница противъ прежняго, что, начиная съ іюньской книжки (гдѣ былъ помѣщенъ рескриптъ объ удаленіи Голицына изъ Общества и о назначеніи президентомъ его митр. Серафима), вмѣсто свѣтскаго цензора Бирукова книжки стали подписываться духовнымъ цензоромъ, ректоромъ семинаріи, архим. Поликарпомъ [2]). Ко времени совѣщанія Шишкова и Аракчеева съ митрополитомъ, вышла 10-я книжка, подписанная архим. Поликарпомъ 23 октября. Это была и послѣдняя книжка «Извѣстій».

Прибывши къ митрополиту, Шишковъ началъ говорить, что «хотя никакихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однакожъ съ самой перемѣны министерства

---

[1]) «*Молитвы*, въ которыхъ *каждая буква* должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ *Отче нашъ* и *Вѣрую во единаго Бога*, также и *заповѣди* Господни», и проч. Зап. стр. 50.

[2]) Вѣроятно тотъ же архим. Поликарпъ былъ въ числѣ директоровъ петербургскаго комитета еще съ 1818 года.—Бируковъ тогда судился по дѣлу Госнера.

Digitized by Google

намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать», — между тѣмъ «Извѣстія» продолжаютъ издаваться и превозносить похвалами дѣятельность Общества. Митрополитъ и на этотъ разъ не вдругъ отступился отъ библейскаго дѣла и пробовалъ возражать. На слова Шишкова онъ сказалъ, что такъ какъ подписка на «Извѣстія» уже собрана за годъ, то онъ хотѣлъ довести изданіе до конца года, а съ будущаго января оно прекратится. Шишковъ отвѣчалъ, что о деньгахъ нечего заботиться, когда дѣло идетъ о прекращеніи вреда; между тѣмъ теперь въ продолженіи изданія является торжество для тѣхъ, которые всячески стараются поддержать старое. Относительно Катихизиса, митрополитъ, по словамъ Шишкова, защищалъ въ немъ переводъ *молитвъ* «и вообще всѣ переводы св. писанія съ славенскаго (какъ всѣ незнающіе языка своего *журналисты* говорятъ) на русскій языкъ, утверждая, что многіе славянскаго языка не разумѣютъ»[1]). «Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія, — разсказываетъ Шишковъ. Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто отрекшись отъ отечества своего забылъ и языкъ свой? Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что *вѣрую во единаго Бога* мы не понимаемъ, а *вѣрую въ одного Бога* понимаемъ? Что *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ* есть чуждый намъ славенскій, а *Отче нашъ, сущій на небесахъ* — собственный нашъ русскій языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка церкви съ языкомъ народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность священныхъ писаній, произвесть иное, какъ не ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: да куда жъ дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ? Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ тоже не вытерпѣлъ и сказалъ: не о деньгахъ дѣло идетъ, пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло» [2]). Наконецъ послѣ долгихъ споровъ рѣшено было Библейскія Общества прекратить, переводовъ св. писанія на «простое нарѣчіе» не выпускать и Катихизисъ остановить.

Такимъ образомъ, адмиралъ и генералъ отъ артиллеріи разрѣшали и библейскій вопросъ и вопросъ о Катихизисѣ. Если

---

[1]) Итакъ, митрополитъ, подписавшій переводъ Н. Завѣта и теперь его защищавшій, также попалъ въ число «журналистовъ, не знающихъ языка своего»!!

[2]) Зап., стр. 49—52; также стр. 59—63.

Digitized by Google

Шишковъ жаловался, что достоинство духовной власти было унижаемо въ прежнее управленіе, то самъ онъ унижалъ это достоинство точно также. Мы указывали выше, что Катихизисъ Филарета не только былъ утвержденъ святѣйшимъ синодомъ, но что Филаретъ получилъ и особую награду «за назидательные труды въ поученіе паствы и начертаніе по духу православной Восточной церкви и въ разумѣ Евангельской истины катихизиса». Еще можно было бы извинить ревность Шишкова, если бы въ самомъ дѣлѣ было что̀-нибудь доказательное въ его возраженіяхъ; но его возраженія совершенно ребяческія. Онъ перенесъ сюда свои филологическія фантазіи, и къ библейскому вопросу примѣнялъ теорію стараго слога, «толь неосновательную» и далеко непризнанную въ литературѣ, гдѣ она была только предметомъ глумленія. Это не былъ даже добросовѣстный способъ дѣйствій. Что касается до вмѣшательства въ вѣроученіе, оно также было неудачно. Адмиралъ и здѣсь попалъ въ очень грубую ошибку, на которой его тотчасъ же и поймали.

Филаретъ, услышавъ, что указомъ синода типографской конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу Катихизиса, написалъ митр. Серафиму письмо, въ которомъ напомнилъ ему исторію Катихизиса, разсмотрѣннаго, исправленнаго, утвержденнаго и самимъ Серафимомъ и синодомъ, справедливо указывалъ ему, что такая остановка Катихизиса, только вслѣдствіе мнѣнія министра народнаго просвѣщенія, можетъ послужить соблазномъ для церкви. «Если сомнительно православіе Катихизиса, — говорилъ онъ, — столь торжественно утвержденнаго св. синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого св. синода»? Онъ напоминалъ Серафиму, что судъ надъ дѣяніемъ синода, *по правиламъ церкви*, принадлежитъ только помѣстному или вселенскому собору, и затѣмъ выражаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ въ отношеніи г. *министра народнаго просвѣщенія*, которое прописано въ указѣ св. синода, символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, а *молитвою*. «Не знаю, *кому приписать должно* обнаруженное здѣсь, *столь сбивчивое понятіе* о дѣлахъ церковныхъ?—пишетъ дальше Филаретъ.... И съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ судъ себѣ надъ святѣйшимъ синодомъ»![1])

Въ это же время пошли толки о запрещеніи одной проповѣди Филарета, на день Благовѣщенія, на томъ основаніи, что про-

[1]) См. это письмо (отъ 8 декабря 1824) въ Зап. о жизни Филарета, прилож., стр. 49—51; тоже письмо и самый указъ синода въ московскую синод. типогр. контору отъ 26 ноября въ Журн. Мин. нар. пр. 1868, I, стр. 22—25.

Digitized by Google

повѣдникъ утверждаетъ, что Іосифъ не зналъ о тайнѣ Богородицы до явленія ангела. Доносъ или указаніе на это сдѣланъ былъ тѣмъ же Степаномъ Смирновымъ, о которомъ мы упоминали выше; въ это время, какъ говорятъ, онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ клевретовъ Шишкова. Филаретъ, во второмъ письмѣ къ Серафиму, оправдывая православіе своихъ словъ въ проповѣди, опять напоминаетъ Серафиму, что онъ самъ называлъ эту проповѣдь «лучшей изъ всѣхъ проповѣдей Филарета», и предостерегаетъ его: «должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и довѣренность церковнаго правительства, чтобы возмущали миръ церкви» [1])?

Серафимъ отвѣчалъ Филарету успокоительными увѣреніями, что о православіи его Катихизиса нѣтъ и рѣчи (мы видѣли, однако, что Шишковъ указывалъ въ немъ правила *«не совсѣмъ согласныя* съ ученіемъ нашей церкви», — какія неизвѣстно); но затѣмъ, относительно вопроса: почему русскій языкъ не можетъ имѣть мѣста въ Катихизисѣ, особенно краткомъ, предназначенномъ для дѣтей, вовсе незнакомыхъ съ славянскимъ языкомъ,— Серафимъ просто отказывается говорить: «на сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ вамъ то, что̀ теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ». Въ заключеніе Серафимъ еще разъ увѣрялъ Филарета въ своемъ расположеніи и рекомендовалъ ему терпѣніе: — «терпѣніе не посрамитъ; оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна вамъ будетъ, что я имѣлъ случай и самъ надъ собою дознать» [2]).

Терпѣніе и уклончивость, конечно, въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно полезны.... Время, которое, по мнѣнію Серафима, скоро должно было настать, означало, безъ сомнѣнія, ожиданное имъ окончательное закрытіе Библейскаго Общества. Мы увидимъ дальше, что въ *это самое время* Серафимъ съ большой ревностью самъ устроивалъ это окончательное закрытіе въ угоду Аракчееву и Шишкову.

Нападенія Шишкова на Филарета этимъ не ограничивались. Филаретъ игралъ слишкомъ важную роль въ Библейскомъ Обществѣ, и слѣд. долженъ былъ тѣмъ больше навлекать на себя вражду Шишкова. Конечно, не безъ цѣли лишній разъ кольнуть

---

[1]) Это письмо (отъ 14 дек. 1824) у Сушк., прилож. стр. 51—52; Журн. Мин. ib., стр. 26—28; о Смирновѣ у Сушк., стр. 145.

[2]) Письмо у Сушк., прилож. 52—53.

Digitized by Google

Филарета, Шишковъ сдѣлалъ новый докладъ императору Александру по поводу извѣстной книги «О должностяхъ человѣка и гражданина» (1783), которая въ 1819 г. была отобрана изъ училищъ по предложенію Филарета, бывшаго тогда членомъ главнаго правленія училищъ, — на томъ основаніи, что «изложена по философскимъ началамъ, всегда слабымъ». Шишковъ взялъ здѣсь «философію» подъ свою защиту и просилъ о введеніи вновь этой книги въ народныхъ училищахъ [1]). Считая московскаго архіепископа не совсѣмъ православнымъ, Шишковъ, по всей вѣроятности, раздѣлялъ, относительно его, мнѣнія арх. Фотія: во всѣхъ взглядахъ этихъ дѣятелей на Библейское Общество и его приверженцевъ господствуетъ замѣчательное согласіе, и въ отзывахъ нерѣдко буквальное сходство, — потому въ отзывахъ Фотія о Филаретѣ можно положительно видѣть отголосокъ мнѣній если не всѣхъ, то многихъ людей этой партіи.

Фотій въ своихъ запискахъ объясняетъ, что на Филарета «смотрѣли какъ на друга А. Н. Голицына, соучастника и покровителя тайныхъ обществъ» — это и было главнымъ основаніемъ вражды. Фотій также, какъ Шишковъ, осуждаетъ Филарета, что онъ съ своими учениками «новотворилъ» переводъ св. писанія, и въ Катихизисѣ символъ вѣры и проч. изложилъ на «простонародномъ» языкѣ. Фотій не усумнился сказать, что «книжицу: Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ, Филаретъ написалъ въ духѣ неправославномъ», и наконецъ утверждалъ слѣдующее: «Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ, Филаретъ московскій не сдѣлалъ православной церкви и вѣрѣ никакой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и неправославію и всему, что̀ угодно было тайному обществу [2]), въ коемъ онъ и самъ себя почелъ за нужное имѣть членомъ, и писалъ письмо къ нѣкоему начальнику секты, дабы его включили и считали въ ложѣ его (?). Все сіе достославное лѣто (1824—1825) Филаретъ, будучи въ Москвѣ, не только не обратился въ пользу церкви что нибудь сдѣлать, но и скорбѣлъ весьма, когда дѣло доходило до него и до осужденія его Катихизиса». Фотій зналъ объ упомянутой перепискѣ Филарета съ Серафимомъ, и замѣчаетъ о ней: «Изъ писемъ Филарета не видно, чтобы онъ дорожилъ вѣрою, церковію, православіемъ, но только своею личностію и честію» [3]).

---

[1]) Зап., стр. 85—86.

[2]) Слич. у Сушкова, стр. 106. Голицына они представляли злымъ мартинистомъ.

[3]) Зап. Фотія, ibid., стр. 265. Итакъ, самъ Фотій не считалъ нужнымъ дорожить честью. Содержаніе писемъ Филарета къ митр. Серафиму мы указывали, и читатель могъ видѣть, справедливъ ли отзывъ Фотія; Филаретъ во всякомъ случаѣ не меньше

Digitized by Google

Наконецъ, адмиралъ началъ дѣйствовать противъ самого Библейскаго Общества. Здѣсь онъ опять идетъ рядомъ съ Фотіемъ, до того, что нѣкоторыя обвиненія противъ Общества повторяются у обоихъ буквально. Предполагая, что спасаетъ вѣру и престолъ, Шишковъ сыплетъ озлобленными обвиненіями противъ Общества, взводитъ на него всевозможныя государственныя преступленія, и конечно не беретъ на себя труда внимательно изслѣдовать факты; напротивъ все смѣшивается въ одну нескладную путаницу инкриминацій: цѣлому Обществу приписывается невозможная и небывалая солидарность; отдѣльныя частности ставятся въ укоръ цѣлому, какъ слѣдствіе преднамѣреннаго плана или даже заговора. Словомъ, въ этихъ обвиненіяхъ Шишковъ нисколько не уступаетъ самимъ библейскимъ обскурантамъ прежняго времени (гнуснѣйшій изъ нихъ, Магницкій, былъ теперь его другомъ).

Мы видѣли прежде, что Библейское Общество имѣло, при нѣкоторыхъ хорошихъ намѣреніяхъ, много слабыхъ сторонъ, происходившихъ въ значительной мѣрѣ отъ самой неприготовленности людей къ подобнаго рода общественной дѣятельности: оно дѣйствовало слишкомъ грубо-чиновническими средствами, порождало не мало ханжества и лицемѣрія, привело своихъ коноводовъ къ дикому обскурантизму. Отсутствіе общественной критики, давнишнее свойство русской жизни, усиленное и самими этими коноводами Общества, сдѣлало то, что недостатки Общества, не удержанные никакимъ возраженіемъ, только выростали, и наконецъ дали противъ него такое оружіе, подъ которымъ оно упало. Въ обвиненіяхъ Шишкова, мы, поэтому, иногда встрѣтимъ и замѣчанія нѣсколько справедливыя, потому что онъ попадалъ и на дѣйствительные его недостатки; но, тѣмъ не менѣе, онъ перешелъ въ своихъ обвиненіяхъ всякую мѣру и его филиппики непріятно поражаютъ, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ озлобленіемъ, съ другой—невѣжествомъ. Шишковъ, которому было тогда подъ восемьдесятъ лѣтъ, былъ буквально остаткомъ стараго вѣка, и могъ служить вмѣстѣ наилучшимъ представителемъ ультра-консервативныхъ мнѣній Александровскаго времени, какъ въ другомъ слоѣ общества представлялъ ихъ Фотій. И тотъ и другой имѣли за собою много послѣдователей въ людяхъ того разряда, которые не задаютъ себѣ никакихъ головоломныхъ вопросовъ, жи-

---

здѣсь заботился о чести православнаго синода, особенно чести самого Серафима, чѣмъ о своей.

Digitized by Google

вутъ привычками и преданіями, ненавидятъ всякое вольнодумство, а за вольнодумство считаютъ всякую новую мысль, которая имъ самимъ не приходила никогда въ голову. Въ нашемъ обществѣ такіе люди тѣмъ многочисленнѣе и упорнѣе, что недостатокъ образованія мѣшаетъ имъ понимать самое элементарное критическое отношеніе къ существующей дѣйствительности и мнѣніямъ: кто не принимаетъ чего-нибудь изъ дѣдовскихъ понятій—тотъ, въ ихъ глазахъ, покушается на существующій порядокъ вещей; если нѣсколько разныхъ людей сходятся въ какомъ-нибудь подобномъ мнѣніи — значитъ они составили комплотъ или секту, на нихъ призывается строгость законовъ. Въ царствованіе импер. Александра, пріемы этого рода могли развиться въ особенности. Въ тѣ времена было очень распространено убѣжденіе, что большая французская революція была слѣдствіемъ громаднаго заговора философовъ, якобинцевъ и иллюминатовъ; дважды изданная у насъ книга Баррюэля систематически доказывала это во многихъ томахъ; книги противъ Наполеона постоянно изображали его изчадіемъ этого адскаго общества. Впослѣдствіи, революціонныя событія 20-хъ годовъ, возстанія, вызванныя реставраціей, даже болѣе образованными людьми считались не результатомъ самой же реакціи (чѣмъ они были на дѣлѣ), а только произведеніемъ одной партіи злонамѣренныхъ заговорщиковъ, поставившихъ себѣ цѣлью низверженіе всѣхъ престоловъ. Дѣйствительное существованіе тайныхъ обществъ — стараго масонства, новаго тугендбунда, карбонарства, гетэріи — въ глазахъ многихъ, мало знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ вещей, давало этому понятію убѣдительность факта. Темная молва о «Союзѣ Благоденствія» подтверждала, что громадный заговоръ имѣетъ своихъ агентовъ и въ Россіи. Самъ императоръ Александръ вѣрилъ въ существованіе подобнаго заговора, имѣющаго свои развѣтвленія чуть не во всей Европѣ, и во всякомъ случаѣ въ Россіи; но, какъ говорятъ, свойства характера внушали ему великодушную осторожность, — онъ не преслѣдовалъ людей, которыхъ передъ нимъ обвиняли, думая, что когда они не нарушаютъ закона, они могутъ имѣть какой угодно либеральный образъ мыслей [1]).

Шишковъ эту осторожность считалъ излишней; ему напротивъ ничего не стоило говорить о «*лютѣйшемъ* заговорѣ», «злодѣйскомъ планѣ» и подгонять къ «заговору» и «плану» все, что ему приходило въ голову. Таковы вообще обвиненія его противъ Библейскаго Общества, къ которымъ мы теперь переходимъ.

[1]) La Russie et les Russes. I, 169—170.

Digitized by Google

Закрытіе Общества стало цѣлью Шишкова съ самаго вступленія его въ министерство. Онъ желалъ для этого, чтобы императоръ, при самомъ началѣ, заявилъ особымъ рескриптомъ намѣреніе правительства противодѣйствовать духу безвѣрія и революціи, и даже заготовилъ проектъ такого охранительнаго рескрипта, но «бумага сія—по словамъ его—осталась безъ всякаго употребленія» [1]). Императоръ соглашался на отдѣльныя предлагаемыя имъ мѣры, но Шишковъ все-таки не добился полномочія, какого хотѣлось ему для совершеннаго истребленія безвѣрія и революціи, распространяемыхъ Обществомъ.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1824, онъ опять представлялъ императору Александру нѣсколько бумагъ, съ особенно настойчивыми обличеніями тенденцій Библейскаго Общества, и съ предложеніями объ его закрытіи, хотя покамѣстъ все еще непрямыми.

Во-первыхъ, онъ систематически возсталъ противъ *перевода св. писанія*. Аргументація его состоитъ въ слѣдующемъ [2]). Эти переводы, подъ предлогомъ лучшаго разумѣнія церковныхъ книгъ, придуманы именно для умепьшенія ихъ важности и поколебанія вѣры. Благоговѣніе къ Богу и древность «запечатлѣли въ умѣ и въ сердцѣ нашемъ каждое слово» въ св. писаніяхъ, и если древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ одежды и сосуды, сохраняются неприкосновенными для соблюденія ихъ достоинства, то «какъ дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ изшедшими изъ устъ Божіихъ?» Притомъ, перемѣна и не нужна. Если говорятъ, что многія слова древняго языка вышли изъ употребленія, такъ это неправда: «они употребляются въ св. писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ вѣры, отъ языка и отъ наукъ»: тогда придется и церковную службу перевести на «простонародный» языкъ. «Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи... подумать безъ ужаса?» Наконецъ, славянскій и русскій языкъ одинъ и тотъ же, и различаются только на высокій и простой. «Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, *комедіи*, *романы* и проч.». «Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славянскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ св. писаніи. Не всякъ ли бы по неволѣ разсмѣялся, еслибы въ псалтырѣ вмѣсто: *Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ*, стали говорить: *дуракъ говоритъ—нѣтъ Бога*. Между

[1]) Зап., стр. 17.
[2]) Стр. 59—63.

Digitized by Google

тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же». Какъ странно въ 1-й заповѣди сказать: *я Богъ твой*, также странно сказать: *азъ пду въ гости*, и т. п. Въ переводѣ заповѣдей Шишковъ привязывается къ тому, что слова: «да не будутъ тебѣ бози иніи *разве мене*», переданы: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ *предъ лицемъ моимъ*». «Гордость какого-нибудь *монаха* или хвастуна ученаго скажетъ: такъ по-еврейски,—замѣчаетъ Шишковъ:—да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу еврейскаго *толь мало извѣстнаго* (?) языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало?» и проч. Шишковъ заключалъ свое разсужденіе тѣмъ, что причина этихъ переводовъ «очевидно» состоитъ въ томъ, чтобы «согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Обществъ исказить и привесть въ неуваженіе священныя книги, измѣняя въ нихъ языкъ церкви въ *языкъ театра*». Онъ увѣрялъ, что когда ни случалось ему слушать чтеніе этого перевода, онъ самыхъ набожныхъ людей вмѣсто благоговѣнія «преклонялъ къ смѣху». «Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны вѣрѣ и нравственности.»

Понятно, что съ Шишковымъ безполезно было бы спорить объ этомъ предметѣ: переводъ св. писанія былъ для него немыслимъ.

Въ другой бумагѣ, которую онъ читалъ императору, онъ разбиралъ нѣкоторыя мистическія книги и приходилъ въ ужасъ: «Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! *Если бы* извлечь изъ нихъ всѣ въ разныхъ видахъ и смыслахъ разсѣянныя лжеученія и привесть ихъ въ совокупность, то какой *пагубный* ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, *открылся* бы въ нихъ!» [1]) Онъ отдавалъ справедливость русскому *народу* (почти поголовно безграмотному), что эти книги не могли его поколебать!

Въ третьей бумагѣ онъ докладываетъ императору объ одной открывшейся финской сектѣ, и опять сворачиваетъ на вѣчную свою заботу: «Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или попросту сказать *зажигатели* (!), а особливо англійскіе, стараются всячески ихъ умножить». Упомянувъ при этомъ какого-то шведскаго пастора, неизбѣжнаго Госнера, Попова, Татаринову, онъ продолжаетъ: «Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три или четыре года, *умножили* въ разныхъ губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ *злыхъ раскольни-*

[1]) Стр. 66.

Digitized by Google

ковъ, называемыхъ молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть никакой вѣры, и не признавать никакой власти». По словамъ его, нѣкоторые «весьма добрые» помѣщики, желавшіе остановить своихъ крестьянъ, дѣлавшихся раскольниками, получали отъ нихъ такой отвѣтъ: «баринъ не можетъ намъ запрещать и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы по внушеніямъ правительства собираемся и читаемъ Библію». Нѣкто, по словамъ его, справедливо сказалъ въ письмѣ къ пріятелю: «здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну *толковать криво Библію*». На это необходимо было обратить наконецъ вниманіе, «ибо могущее изъ сего родиться зло *ужаснѣе всякаго пожара и потопа*».

Императоръ отвѣчалъ Шишкову на все это, что переводъ Библіи на русскій языкъ приказалъ сдѣлать онъ самъ [1]).

Шишковъ не успокоился, и ему представился наконецъ случай болѣе рѣшительнымъ образомъ выставить необходимость закрытія Библейскаго Общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ представленія изложенныхъ выше бумагъ, Шишковъ (кажется, 16 ноября) доложилъ императору, что къ нему пріѣхалъ митр. Серафимъ и, послѣ многихъ разговоровъ, нашелъ нужнымъ представить на усмотрѣніе императора слѣдующіе четыре пункта (въ которыхъ Шишковъ совершенно съ нимъ согласился):

1) «Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ однѣ гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе священныхъ книгъ состоитъ въ томъ (sic), чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвесть въ немъ междоусобія и бунты»(!!). «Хитрый и злодѣйскій» планъ этотъ должно разрушить немедленно, иначе нельзя отвѣчать за страшныя послѣдствія. «Всѣ чувствуютъ сію опасность, *ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа*» (опять), но немногіе осмѣливаются объ этомъ говорить, «по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣиное жало прикрыто благовидными цвѣтами»(!!). Поэтому необходимо тотчасъ же закрыть всѣ Библейскія Общества, или подъ другимъ названіемъ масонскія ложи, и всѣ ихъ дѣла запечатать и переслать для храненія въ синодъ.

2) Переводы св. писаній на «простое нарѣчіе» составляютъ одно изъ средствъ, придуманныхъ въ Библейскихъ Обществахъ, для поколебанія вѣры. Поэтому Шишковъ и митр. Серафимъ находили нужнымъ остановить ихъ, и «скромными мѣрами» уменьшить число выпущенныхъ книгъ...

---

[1]) Стр. 68.

Digitized by Google

3) По причинѣ сильнаго распространенія этихъ «заразительныхъ правилъ» и въ свѣтскихъ, и въ духовныхъ училищахъ, нужно «обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ началамъ»; а для этого Серафимъ считалъ нужнымъ, въ помощь себѣ, вызвать кіевскаго митрополита Евгенія.

4) Такъ какъ синодъ большей частью состоитъ изъ лицъ, «участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи», то митр. Серафимъ находилъ нужнымъ замѣнить другими двухъ архіереевъ: тверскаго (Іону) и кишиневскаго (Дмитрія Сулиму) [1]); эти два архіерея «были избраны по совѣту архимандрита Ѳеофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ одесскаго лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ» — (и того самаго, наконецъ, о которомъ мы имѣли случай упоминать по поводу дѣтскаго сотоварищества въ ришельевскомъ лицеѣ).

Митр. Серафимъ желалъ и даже просилъ, чтобы Шишковъ представилъ обо всемъ этомъ императору [2]). Императоръ отклонилъ сущность этого представленія, сказавши, что правительству слѣдуетъ быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости безпрестанной ихъ перемѣной.

Шишковъ возревновалъ еще сильнѣе. Въ отвѣтъ на возраженіе императора, онъ отправилъ ему цѣлое длинное посланіе, посвященное уже вполнѣ и прямо Библейскому Обществу и еще разъ повторявшее: delenda Carthago! Онъ сначала убѣждаетъ императора, что похвальная твердость правительства состоитъ не въ поддержаніи ошибокъ, а въ ихъ исправленіи, когда онѣ замѣчены, и что императору Александру также слѣдуетъ сознать свою *прежнюю ошибку*, и самолюбіемъ пожертвовать народному благу, тѣмъ больше, — говорилъ Шишковъ, — что «всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а потому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо». Онъ указываетъ славные примѣры такого признанія своей ошибки изъ собственныхъ дѣйствій импер. Александра, изъ исторіи Петра Великаго и Генриха IV. Императоръ могъ въ началѣ покровительствовать Библейскимъ Обществамъ, когда могъ видѣть въ нихъ богобоязненность и человѣколюбіе; но теперь уже раскрылись подробности «лютѣйшаго заговора», которыя императору надо наконецъ узнать, потому что прежде никто не осмѣливался сказать ему объ этомъ правды, чтобы не навлечь на себя гоненія. Теперь же, когда дѣло стало обнаруживаться,

---

[1]) Поправка этого мѣста въ Зап. Шишк. сдѣлана въ Р. Арх. 1868, ст. 942.
[2]) Стр. 68—70.

Digitized by Google

то всѣ планы Общества можно прочитать въ напечатанныхъ книгахъ и увидѣть смыслъ его дѣйствій и намѣреній.

Затѣмъ Шишковъ переходитъ къ самому дѣлу. Въ его обращеніи къ императору было, очевидно, искреннее чувство и убѣжденіе, но, къ сожалѣнію, и слишкомъ большая щедрость на уголовныя обвиненія, которыя въ дѣйствительности ему очень трудно или совершенно невозможно было бы доказывать. Въ возраженіяхъ его противъ Общества, приводимыхъ ниже, мы найдемъ не столько справедливаго указанія недостатковъ Общества, сколько ребяческаго старовѣрства, непониманія или непозволительныхъ уголовныхъ извѣтовъ.

«1) Отколѣ сіи Общества водворились къ намъ? — спрашиваетъ Шишковъ. Отъ англійскихъ методистовъ! Могутъ ли сіи люди, не токмо иновѣрцы, но и *никакой вѣры не имѣющіе*, учить насъ христіанству? Развѣ мы какіе нибудь *дикіе народы*, безъ ихъ ученій обойтиться не могущіе? 2) Не странны ли, даже смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе, въ противность апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по названію, но въ самомъ дѣлѣ *не такое*). Гдѣ жъ приличіе, гдѣ важность священнослуженія? гдѣ церковь? 3) Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныя *изображенія любовниковъ*, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, не освященный, гдѣ въ прочіе дни пируютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ? Не похоже ли это на *Содомъ и Гоморъ*?

«При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣятельность Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1) Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую республику (!) и общую религію — мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ (!), масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ обнаруженное (?) укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, порабощаетъ царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣми же бѣдствіями, какія нѣкогда

Digitized by Google

въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2) Въ напечатаніи столько Библій, чтобъ каждый въ государствѣ человѣкъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ отчетахъ). Чтожъ изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило обверткою какихъ-нибудь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3) Въ переводѣ Библій на всѣ языки, на турецкій, татарскій и проч. *На что это?* Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4) Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, *слѣдовательно* (?), отдѣляются отъ прочихъ христіанъ, ибо какая нужда христіанину, который по самому званію сему есть членъ церкви, быть членомъ Библейскаго Общества? Не *знакъ ли* это, что онъ отпадаетъ отъ той церкви, на которой основана вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сіи размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библію по внушеніямъ какого-нибудь еретика или плута, *подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно*, чтобъ, объясняя св. писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ развратъ и неистовства, удобнѣе сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сіи произведенные ими пагубные плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій».

Шишковъ еще на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ всю эту тему. О чемъ заботятся Библейскія Общества—объ утвержденіи православной вѣры или напротивъ? «Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи христіанскихъ ученій, то развѣ церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были христіане? и какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей-иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя христіанству! вмѣстѣ съ Библіями разсылаютъ *воззванія* ко всеобщему бунту!» [1]). Библейскія Общества старались о распространеніи такихъ книгъ, «содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой христіанской вѣрѣ и вся-

[1]) Подъ этимъ послѣднимъ Шишковъ разумѣетъ книгу: «Возваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», перев. И. Ястребцова, Спб., 1820 г., о которой упомянуто въ приложеніи къ нашей предыд. статьѣ.

Digitized by Google

кому правительству»,—и это стараніе издавать подобныя книги вмѣстѣ съ Библіями, обнаруживаетъ «очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Св. Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству». Плоды этого Шишковъ уже указывалъ въ размноженіи раскольниковъ, а теперь въ особенности ссылается на одного *есаула*, особенно отличавшагося еретичествомъ (нѣкоего Котельникова, о которомъ мы упомянемъ дальше). Для отвращенія страшной опасности для вѣры и государства необходимо немедленно закрыть Библейскія Общества, и если хотятъ придать этому нѣкоторую «благовидность», то Шишковъ предлагалъ поступить такъ: «предоставить синоду донесть о ненадобности болѣе оныхъ, или безъ сего донесенія дать указъ, что какъ уже напечатано достаточное количество Библій, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ св. синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библію на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ». (Такъ и было впослѣдствіи сдѣлано.) Тогда вѣра и престолъ опять утвердятся, и императоръ спасетъ народъ свой отъ «адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ вѣру и всѣ добродѣтели» [1]).

Императоръ Александръ не далъ на это Шишкову никакого отвѣта. Онъ могъ не довѣрять тому, что̀ ему говорили теперь о Библейскихъ Обществахъ, въ которыхъ столь многое дѣлалось по его собственной иниціативѣ; ему самому знакомы были мистическія тенденціи, въ которыхъ ему указывали теперь столько губительнаго, не только для вѣры, но и для безопасности государства; однажды онъ уже замѣтилъ Шишкову, что переводъ св. писанія былъ сдѣланъ по его собственной волѣ. Чѣмъ ужаснѣе былъ доносъ, тѣмъ онъ становился невѣроятнѣе: князь Голицынъ, на котораго прежде всего̀ должны были падать всѣ эти ужасныя обвиненія, оставался однимъ изъ ближайшихъ людей къ императору, и все краснорѣчіе Шишкова, убѣждавшаго императора признать свои заблужденія, было пока напрасно.... Шишковъ началъ замѣчать «нѣкоторую холодность и молчаливость» со стороны императора, которыя очень его огорчали. Онъ приписывалъ это дѣйствіямъ противной партіи и не думалъ, что его настоянія могли быть непріятны самымъ отсутствіемъ всякой мѣры и смысла въ обвиненіяхъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, императоръ, при отъѣздѣ въ Варшаву, прощаясь съ Шишковымъ, сказалъ ему: «поступай какъ ты началъ»,—по-

[1]) Зап., стр. 74—83.

Digitized by Google

видимому, не желая давать никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій [1]).

Проволочка госнеровскаго дѣла и неутѣшительный его ходъ вызвали новые доклады и письма Шишкова къ императору. Мы приведемъ изъ нихъ еще одну послѣднюю цитату, гдѣ Шишковъ началъ приписывать Библейскому Обществу даже воровства, грабежи и убійства:

«Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ,—говоритъ онъ,—въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ, есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же дѣянія, таковыя, какъ частыя *воровства* и *грабежи*, даже нерѣдко *смертоубійства*, также *слухи*, распускаемые къ уничиженію священства, о попахъ съ козлиными рогами (!), подающіе, *сверхъ того*, поводъ народу по ночамъ скопляться [2]). Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ полиція больше меня свѣдуща. Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ (!) свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ университетахъ и училищахъ, часто свидѣтельствовали *тѣ же самые замыслы*. Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковые же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неусыпное за симъ наблюденіе, однакожъ я велѣлъ цензорамъ, при малѣйшемъ сомнѣніи, относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ».... [3]).

Это обвиненіе достаточно говоритъ за себя само. Замѣтимъ къ нему только, что, упоминая о «судѣ надъ профессорами», т. е., судѣ надъ профессорами петербургскаго университета, обвиненными въ вольнодумствѣ, Шишковъ страннымъ образомъ приписываетъ Библейскому Обществу тотъ «духъ», противъ ко-

---

[1]) Зап., стр. 88.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Шишковъ разсказываетъ: «Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ покражи и сверхъ того учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ иныя по обстоятельствамъ *казались* такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ человѣкъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распущенъ былъ слухъ, будто бы какой-то попъ, для содѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ *козью съ рогами кожу*, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ поведутъ его почью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дни три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, *что всего страннѣе*, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была» (!!).

[3]) Зап., стр. 104—109.

Digitized by Google

тораго оно именно тогда и свирѣпствовало въ лицѣ извѣстныхъ клевретовъ Магницкаго и Голицына. Теперь на Общество сваливалось и это вольнодумство!

Понятно, что императоръ сталъ *уклоняться* отъ исполненія желаній Шишкова и показывать холодность и молчаливость [1]). Вспомнимъ, что и въ публикѣ дѣйствія этой партіи по дѣлу Госнера производили «изумленіе и негодованіе».

Что же дѣлалось тѣмъ временемъ въ самомъ Библейскомъ Обществѣ?

Въ первомъ засѣданіи библ. комитета, послѣ удаленія кн. Голицына (29 мая), читались, по прежнему, отчеты о текущихъ дѣлахъ Общества [2]), какъ-будто дѣло должно было идти по прежнему. Между тѣмъ, уже начинались явные скандалы. Какъ только Голицынъ былъ удаленъ, и Шишковъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Серафимъ президентомъ Библейскаго Общества, Магницкій велѣлъ *выкинуть портретъ* кн. Голицына изъ конференцъ-залы казанскаго университета [3]), и *отрекся* отъ Библейскаго Общества, во имя котораго онъ такъ недавно совершалъ свои подвиги.

Эту послѣднюю выходку онъ подготовилъ еще заранѣе. Перекинувшись на сторону враговъ кн. Голицына, еще до его удаленія изъ Общества, Магницкій, въ одномъ изъ засѣданій библейскаго комитета, возсталъ противъ посылки въ Персію персидскаго перевода Н. Завѣта, на томъ основаніи, что въ этомъ переводѣ было, по его словамъ, какое-то богохульное выраженіе, и сдѣлалъ сцену, заявивъ, что не хочетъ больше участвовать въ занятіяхъ комитета. Тогда не поняли, что сталось съ этимъ, до тѣхъ поръ ревностнымъ, членомъ Общества. Вскорѣ это объяс-

---

[1]) Шишковъ жалуется, стр. 93, что противная сторона называла его дѣйствія «инквизиціею» (1825 г.). Онъ негодуетъ на это. Но на стр. 121 онъ разсказываетъ, что полиція открыла тайныя сходбища учениковъ Госнера; назначена была комиссія изъ графа Милорадовича, барона Ребиндера, еп. Сигнеуса и его, Шишкова. «При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человѣкъ до *семидесяти* остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего ни чѣмъ непреодолимаго упорства, принуждены мы были осудить ихъ *къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ*».

[2]) Митр. Серафимъ пока заявилъ только свое мнѣніе, чтобы для удобнѣйшаго и успѣшнѣйшаго приведенія въ употребленіе книгъ св. писанія, переведенныхъ для нехристіанъ, были употреблены *мѣстные священники*, и чтобъ они руководимы были при этомъ своими *епархіальными архіереями*. Мнѣніе, конечно, было комитетомъ принято. «Извѣстія» 1824 г., іюнь, стр. 281

[3]) Зап. Папаева, ibid., стр. 107.

Digitized by Google

нилось, потому что онъ вступилъ въ открытый союзъ съ Фотіемъ и сталъ пресмыкаться передъ Аракчеевымъ. Когда Магницкій явился въ первый разъ въ этомъ обществѣ (кажется, у графини Орловой), Фотій, любившій оригинальничать, встрѣтилъ его здѣсь какимъ-то торжественно-юродивымъ способомъ, и съ тѣхъ поръ они стали союзниками [1]). Оказавъ услугу новымъ союзникамъ своими стараніями выкрасть изъ типографіи книгу Госнера, и когда Голицынъ уже не былъ министромъ, Магницкій устроилъ свое отреченіе отъ Общества. Въ бумагѣ къ митр. Серафиму, отъ 24 мая 1824 г., онъ, сославшись на упомянутыя богохульныя выраженія въ *персидскомъ* переводѣ, просилъ митрополита: «принять торжественное мое отреченіе отъ всѣхъ богопротивныхъ, по моему разумѣнію, дѣйствій Библейскаго Общества, и благоволить исходатайствовать мнѣ совершенное отъ онаго увольненіе» [2]).

Но «Извѣстія» Библейскаго Общества еще продолжались пока правильно, и въ газетахъ этого года, по прежнему, помѣщались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества. Такъ, въ августѣ 1824 г., въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана была выписка изъ журнала засѣданія московскаго комитета, гдѣ предсѣдательствовалъ вице-президентъ Общества, Филаретъ. Выписка говорила объ успѣхахъ библейской дѣятельности: корреспонденты московскаго комитета разослали по селеніямъ этой губерніи пятьсотъ книжекъ «воззванія» отъ комитета Общества, и успѣхъ этого воззванія превзошелъ всѣ ожиданія: всѣ книги св. писанія, бывшія въ запасѣ въ тѣхъ мѣстахъ, были раскуплены. Въ этой же выпискѣ находилось и упомянутое нами прежде извѣстіе объ успѣхѣ библейскаго дѣла между *старообрядцами:* Богородскій корреспондентъ увѣдомлялъ, что экземпляры Новаго Завѣта, на русскомъ языкѣ, раскупаются старообрядцами, которые «съ великимъ вниманіемъ и *радостію* читаютъ сію божественную и душеспасительную книгу на *природномъ своемъ языкѣ*». Затѣмъ объявлялось о продажѣ книгъ св. писанія въ книжной лавкѣ Библейскаго Общества [3]).

---

[1]) «Встрѣтилъ его у дверей гостинной Фотій, держа восковыя свѣчи въ рукахъ, и съ нѣмою торжественностію провожалъ его до приготовленныхъ креселъ. Кругомъ сидѣли почетныя дамы, къ томъ числѣ графиня Орлова. Фотій сѣлъ возлѣ Магницкаго и молчалъ нѣсколько минутъ; потомъ ухватился за колокольчикъ, стоявшій на столикѣ и сталъ звонить сколько было у него силы, не проговаривая, впрочемъ, ни одного слова (!?). Видно, Магницкій и онъ помѣнялись взорами въ залогъ взаимнаго согласія, и негласный союзъ между ними былъ заключенъ». Изъ Зап. Современника, А. Стурдзы, 1849 г., въ Р. Арх. 1868 г., ст. 932.

[2]) Чтенія М. Общ. 1861 г., № 4, стр. 162—163.

[3]) «Моск. Вѣд.» 1824 г, № 69, 27 авг. Та же статья явилась потомъ и въ Пе-

Digitized by Google

Шишковъ пришелъ въ негодованіе, прочитавши это извѣстіе, и обратился опять съ письмомъ къ своему прибѣжищу, графу Алексѣю Андреевичу. Эти извѣстія явно доказывали — говорилъ Шишковъ — что зло, которое хотятъ остановить, распространяется по прежнему: извѣстіе о томъ, что старообрядцы читаютъ съ радостію Новый Завѣтъ на русскомъ, ихъ *природномъ*, языкѣ, противно, по словамъ его, всякому понятію о старообрядцахъ, не терпящихъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ, и «таковая, преимущественная предъ настоящими христіанами, похвала *старообрядцамъ*, то есть, раскольникамъ, и увѣреніе, что русскій языкъ имъ особенно природенъ [1]), есть явная и совершенная ложь, *очевидно*, для того только проповѣдываемая, чтобы возвысить расколы и уничижить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе» [2]). Шишковъ жаловался, что не имѣетъ способовъ къ потушенію этого тлѣющаго огня, и выражалъ опасеніе, что можетъ своимъ бездѣйствіемъ лишиться и того добраго имени, какое пріобрѣлъ долговременностью своей службы [3]).

Шишковъ жаловался при этомъ и на московскаго архіепископа, которому нельзя-де было не знать, что въ Петербургѣ уже ничего не упоминается о Библейскихъ Обществахъ, и который не могъ «безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ».

16 сентября (1824), Серафимъ писалъ Филарету (по-латыни), совѣтуя ему быть осторожнымъ въ библейскомъ дѣлѣ и не печатать ничего объ этомъ въ газетахъ, какъ онъ сдѣлалъ недавно [4]). Серафимъ извѣщалъ его, что Библейское Общество обвиняютъ въ поощреніи раскола, и что этого мнѣнія держатся не только люди невѣжественные и суевѣрные, но и многіе «образованные и благочестивые».

19 сентября, корреспондентъ Филарета въ Петербургѣ, Гри-

тербургѣ, въ «Извѣстіяхъ Библ. Общ.», сентябрь, стр. 360—361. (Цензурная помѣтка сентябрьской книжки октября 3; послѣдняя, октябрьская, помѣчена 23 октября).

[1]) Это вздорная придирка: въ самомъ извѣстіи вовсе не говорится, чтобы русскій языкъ былъ имъ *особенно* природенъ, а сказано просто вообще, какъ о природномъ для нихъ вмѣстѣ со всѣми другими русскими.

[2]) Шишковъ опять забылъ, что, по его собственнымъ словамъ, раскольники не терпятъ никакого измѣненія въ библейскихъ текстахъ,—слѣдовательно, какое же «возвышеніе» раскола было въ томъ, что онъ былъ будто бы похваляемъ за измѣну своимъ старымъ раскольничьимъ преданіямъ?

[3]) Письмо къ Аракчееву, отъ 13 сент. 1824 г. Зап., стр. 23—26.

[4]) Серафимъ разумѣлъ статейку въ «Моск. Вѣд.»

Digitized by Google

горій, епископъ ревельскій, передавалъ ему мнѣніе Серафима, что Библейскія Общества крайне вредны, потому что раздача Библій есть самое вѣрное средство къ введенію реформаціи; что онъ не будетъ больше дѣлать собраній, и что Общество не уничтожается теперь только потому, чтобы не сдѣлать шуму, что Шишковъ, кажется, послалъ въ университетскую типографію (въ Москвѣ, печатавшую «Моск. Вѣдомости») приказъ не печатать того, что было бы прислано изъ Библейскаго Общества.

Между тѣмъ, въ сентябрьской книжкѣ «Извѣстій» (вышедшей въ октябрѣ) была опять напечатана та статья, которая была въ августѣ помѣщена въ «Моск. Вѣдомостяхъ». Эта перепечатка едва ли не сдѣлана редакторами «Извѣстій» съ намѣреніемъ, на зло Шишкову.

15 октября, тотъ же Григорій писалъ Филарету, между прочимъ: «Перевода Библіи продолжать не велитъ (т. е. Серафимъ), но мы, однакожъ, *будемъ продолжать*.... У насъ все еще идетъ броженіе, и подозрѣнія не перестаютъ».

7-го ноября онъ же пишетъ: «Перевода Библіи дѣлать не велѣлъ. Не знаю, что будетъ дальше,» — и извѣщаетъ, что Катихизисъ «критикуютъ»...

12 декабря, около того времени, когда дѣло шло о Катихизисѣ, Филаретъ, епископъ калужскій, въ письмѣ къ Филарету московскому, проситъ его «поберечь себя для святой церкви», говоритъ, что прилежная молитва «всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви» дойдетъ до Господа, и Онъ «скоро прогонитъ мракъ и изведетъ истину во свѣтъ». Авторъ письма молилъ Бога дать Филарету силы перенести искушеніе его вѣры и любви къ Богу. «Ибо *не вѣдятъ, что творятъ*» [1]).

Наконецъ самъ президентъ Библейскаго Общества, — который уже съ 1814 года, второго года существованія Общества, когда въ библейскомъ комитетѣ въ первый разъ явились представители православной іерархіи, былъ въ числѣ его вице-президентовъ; котораго имя, вмѣстѣ съ именами митрополита Михаила и архіепископа Филарета, стояло подъ «Возглашеніемъ къ Христолюбивымъ читателямъ» при первомъ изданіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, этомъ лучшемъ дѣлѣ Библейскаго Общества, — митрополитъ Серафимъ въ письмахъ къ императору Александру отъ 11 и 28 декабря 1824 г. просилъ о «скорыхъ мѣрахъ къ огражденію православія и природной намъ преданности къ законному правленію», просилъ прекращенія дѣйствій Общества,

[1]) Эти письма см. въ Ж. Мин. Нар. Пр. 1868, I, 18—20, 25—26.

Digitized by Google

какъ «благодѣянія къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ святой нашей Вѣрѣ» [1]).

Поводомъ къ первому письму была секта *Духоносцевъ*, которую враги Библейскаго Общества выдавали за прямое его произведеніе и изъ которой они дѣлали одно изъ важнѣйшихъ обвиненій противъ Общества: Фотій и Шишковъ говорили объ ней съ благочестивымъ ужасомъ. Къ сожалѣнію, эта секта до сихъ поръ извѣстна очень мало, — и именно только изъ этихъ обвиненій [2]). Изъ сличенія извѣстныхъ данныхъ видно, что основателемъ этой секты былъ донской есаулъ Евлампій Котельниковъ. Онъ училъ, что Антихристъ уже пришелъ, и что въ нашей церкви уже видна мерзость запустѣнія, пророченная прор. Даніиломъ; эта церковь, какъ царство Антихристово, разрушена будетъ Александромъ I, и при немъ распространится религія духоносцевъ, или единовѣріе. Въ императорѣ родился духовно І. Христосъ, и онъ есть мужъ новой церкви. Въ своихъ собраніяхъ духоносцы читали Библію; кромѣ того они читали книжку Лопухина «Черты внутренней церкви» и упомянутое прежде «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», которыя признавали пророческими. Котельниковъ изложилъ наконецъ положенія этой секты въ книгѣ подъ названіемъ «Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ» (?), основанной, какъ говорятъ, на ученіяхъ того же «Воззванія». Мѣстное начальство будто бы много разъ доносило объ этой сектѣ министерству духовныхъ дѣлъ, но «агенты иллюминатства» отвращали вниманіе министерства отъ донесеній донскаго начальства и отъ рукописей Котельникова. Наконецъ (вѣроятно, уже послѣ паденія кн. Голицына), Котельниковъ былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ. Призванный къ Аракчееву, въ присутствіи Серафима и Фотія, онъ держалъ себя дерзко, презиралъ всякія угрозы, и напротивъ угрожалъ самъ, говоря, что радъ погибнуть, потому что знаетъ, что своей погибелью умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Аракчеевъ и Серафимъ хотѣли запереть его въ крѣпость; но Фотій просилъ, чтобъ ему предоставили сдѣлать надъ Котельниковымъ опытъ своихъ увѣщаній. Фотій дѣйствительно довелъ его до раскаянія, и Котельниковъ письменно предалъ свою книгу проклятію. Его велѣно было освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Но тамъ, — разсказываетъ Шишковъ, — онъ «сочинилъ

---

[1]) Письма изданы въ Р. Арх. 1868, ст. 940—944.

[2]) Зап. Шишкова, стр. 80—81, прим. Зап. Фотія (въ Чтеніяхъ), стр. 263—264; Записка о крамолахъ враговъ Россіи, въ Р. Арх. 1868, ст. 1345—1349.

Digitized by Google

еще злѣйшую прежней книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному его обращенію въ православную вѣру и отреченію отъ своей». Онъ продолжалъ распространять свою ересь, и его вторично взяли въ Петербургъ: но Фотій не хотѣлъ уже обращать его, а поручено это было одному монаху, «который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился тою же ересью и объявилъ о томъ письменно». Наконецъ, Котельникова заключили въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ умеръ въ 50-хъ годахъ, какъ говорили, «святымъ человѣкомъ» [1]).

Повидимому, это было нѣчто въ родѣ духоборчества или молоканства, принявшаго нѣкоторые элементы изъ тѣхъ религіозныхъ понятій, какія излагала новая мистика.

Митрополиту Серафиму было, кажется, поручено разсмотрѣніе этой секты, и онъ совершилъ его съ той точки зрѣнія, какую мы уже видѣли у Шишкова. Онъ называетъ секту «важной по обширнымъ своимъ замысламъ и приманчивой по свободѣ дѣйствовать согласно съ желаніями и страстями»; удивляется, до какой степени даже въ простомъ народѣ распространилось «явное противленіе церкви»; не сомнѣвается, что «зловредный расколъ сей, какъ новая отрасль масонства [2]), одолженъ началомъ своимъ не Россіи, но *привезенъ* къ намъ *совсѣмъ обдуманный* и *приноровленный во всѣхъ отношеніяхъ (!)* къ свойствамъ, обычаямъ и понятіямъ народа Русскаго» [3]). Митрополитъ находилъ, что всеобщее обращеніе Библій *«безъ другихъ средствъ къ поспѣшенію въ народѣ благочестія»*, могло содѣйствовать этому расколу [4]). Наконецъ, «Библейскія Общества имѣютъ съ нимъ связь», какъ заключаетъ Серафимъ изъ един-

---

[1]) Въ отрывкахъ изъ Зап. Фотія упоминается еще о какихъ-то письмахъ Котельникова къ вологодскому епископу Онисифору и къ Филарету, но свѣдѣнія слишкомъ кратки и неясны, чтобы извлечь изъ нихъ что-нибудь положительное.

[2]) Припомнимъ, что Серафимъ былъ воспитанникомъ Дружескаго Общества, какъ и Михаилъ Десницкій; но у него не осталось, кажется, потомъ слѣдовъ этого воспитанія.

[3]) Какой же удивительный человѣкъ *не въ Россіи* былъ въ состояніи сдѣлать такую мудреную вещь, когда и самимъ русскимъ, не принадлежащимъ прямо къ самому народу, это бываетъ такъ трудно? Объ этомъ обвинители не помышляли. На все былъ готовый отвѣтъ: «иллюминаты».

[4]) Замѣчательное и очень справедливое признаніе; но на комъ же лежала обязанность позаботиться объ этихъ другихъ средствахъ? Въ этомъ вопросѣ и заключается вся сущность дѣла. Если Библейскія Общества, главнымъ образомъ свѣтскія и неконфессіональныя по принципу, дѣлали свое дѣло, распространяя Библію, кто мѣшалъ тѣмъ, на комъ должна была лежать обязанность позаботиться о «другихъ средствахъ», — исполнять и свое дѣло?

Digitized by Google

ства ихъ основаній всеобщей религіи, и изъ согласія новаго ученія съ содержаніемъ такъ-называемыхъ духовно-нравственныхъ книгъ, которыя явились вмѣстѣ съ Библейскими Обществами,—особенно съ содержаніемъ «Воззванія къ человѣкамъ» etc. — Наконецъ, митрополитъ жалуется, что съ введеніемъ Библейскихъ Обществъ не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ училищахъ появился «духъ своеволія и мистическаго мудрованія»; «какихъ же должно ожидать послѣдствій, *аще соль земли обуяетъ*?» — т. е. тѣмъ же духомъ заразится готовящееся духовенство.

Вслѣдствіе того онъ проситъ «скорыхъ мѣръ», и для успѣшнаго ихъ примѣненія проситъ, чтобы въ помощь ему призванъ былъ кіевскій митрополитъ Евгеній...

Во второмъ письмѣ, митрополитъ Серафимъ говоритъ, что углубившись въ разысканія о Библейскомъ Обществѣ, онъ все больше убѣждался въ невозможности соединить мѣсто первенствующаго члена синода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ Обществѣ. Въ «сокрытомъ направленіи *всѣхъ дѣйствій*» этого Общества онъ увидѣлъ «нарушеніе *самыхъ священныхъ обязанностей* покорности церкви и преданности Государю», и потому просилъ низойти благосклоннымъ вниманіемъ на приносимое имъ «моленіе цѣлой церкви». Императоръ объявилъ ему прежде, что по дѣлу Россійскаго Библейскаго Общества составится комитетъ изъ преданныхъ престолу и церкви людей; и митрополитъ просилъ, чтобы императоръ теперь же велѣлъ прекратить дѣйствія библейскихъ комитетовъ и закрыть ихъ по всей Россіи, и желалъ, чтобы этотъ (1824) годъ, «толико важный для православія», увѣнчался въ своемъ исходѣ этимъ знакомъ промышленія императора о подданныхъ и о вѣрѣ отцовъ.

Эти отзывы о Библейскомъ Обществѣ были, конечно, очень странны отъ человѣка, который съ самаго начала, въ теченіи десяти лѣтъ, былъ однимъ изъ его вице-президентовъ: когда преступленія Общества были такъ чрезвычайны, то какъ было не видѣть ихъ и еще прежде не поднять противъ нихъ своего голоса, если не прямымъ обличеніемъ, которое могло быть по обстоятельствамъ трудно, то по крайней мѣрѣ удаленіемъ отъ зла? И еслибъ началось настоящее разысканіе о *всѣхъ дѣйствіяхъ* Общества, не пришлось ли бы этому разысканію привлечь къ отвѣтственности людей, все время стоявшихъ въ его главѣ?...

Императоръ Александръ согласился на вызовъ митр. Евгенія, но не далъ ожидаемаго повелѣнія о закрытіи Общества...

Такимъ образомъ дѣло Библейскаго Общества долго оставалось въ этомъ неопредѣленномъ положеніи. Но фактически оно

Digitized by Google

конечно уже не существовало. Къ концу 1824 года работы вѣроятно прекратились окончательно: «Извѣстія» остановились,— да имъ и не о чемъ было больше извѣщать, — и остановились на серединѣ—въ послѣдней 10-й книжкѣ ихъ ничего не сказано о прекращеніи изданія. Переводъ Библіи остановился. Изданіе русской Библіи прервалось на книгѣ Руѳь.

Главные виновники этого результата должны были радоваться; вѣроятно, радъ былъ Аракчеевъ и Серафимъ; Фотій еще въ половинѣ 1824 года писалъ торжествующія письма къ своему другу, симоновскому архимандриту Герасиму: «Порадуйся, старче преподобный, — писалъ онъ ему въ своемъ полу-церковномъ, безсвязномъ стилѣ: — нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, якоже адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь І. Христосъ во славу Бога Отца, аминь.... PS. Молися объ А. А. Аракчеевѣ; онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи» [1]).

Въ январѣ 1825 г. Серафимъ просилъ Аракчеева въ уваженіе оказанныхъ архим. Фотіемъ отличныхъ заслугъ исходатайствовать ему панагію, «для полноты торжества православія». Панагія была препровождена къ Серафиму для доставленія Фотію, черезъ нѣсколько же дней [2]).

Но этого было еще мало ревнителямъ, въ особенности Шишкову. Ихъ озлобленіе противъ Библейскаго Общества все еще не было удовлетворено. Закрыть его совсѣмъ имъ неудавалось; въ теченіе 1825 года библейская дѣятельность еще подавала нѣкоторые признаки жизни (потому что оффиціальнаго прекращенія его дѣйствій не было), и Шишковъ заботливо трудился заглушать ихъ. Когда въ Петербургѣ президентъ Общества прекратилъ всякія собранія, здѣшніе члены должны были знать, что дѣлать уже нечего, но комитеты провинціальные еще бывали иногда въ недоумѣніи, и обращались по прежнему въ столицы. Это приводило Шишкова въ крайнее негодованіе.

Около мая 1825, Шишковъ получилъ три бумаги: одна была отъ попечителя московскаго университета, Оболенскаго, который сообщалъ ему отношеніе углицкаго и архангельскаго библейскихъ сотовариществъ о напечатаніи ихъ отчетовъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ; въ другой, комитетъ правленія академіи наукъ относился къ нему о напечатаніи списка членовъ петербургскаго Библейскаго Общества для адресъ-календаря; въ третьей

[1]) Р. Арх. 1868, ст. 946—947.

[2]) Письма Серафима и Аракчеева о панагіи, тамъ же, ст. 947—950.

Digitized by Google

митрополитъ Серафимъ сообщалъ ему письмо о библейскихъ дѣлахъ отъ епископа слободско-украинскаго Павла... Шишковъ возмущался, — все это доказывало, что Библейскія Общества не смотря ни на что «идутъ *смѣлыми* (!) шагами», и въ горѣ обратился опять къ графу Алексѣю Андреевичу. Письмо епископа Павла уже одно, по словамъ его, показываетъ, какое колебаніе происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. «Онъ спрашиваетъ разрѣшенія, *какъ поступать* и *дѣйствовать ли по прежнему?* Повидимому зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, *выхваляя* сіи Общества, признается однакожъ, что *всѣ сословія свѣтскаго состоянія терпѣть ихъ не могутъ*, и что *сборъ денегъ и продажа книгъ* производится по всей епархіи, *по его распоряженію, посредствомъ одного духовенства* и то *по принужденію*. Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явствуетъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ такъ-называемое ими распространеніе слова Божія: благое названіе, данное злому дѣянію» и пр. [1]). Что касается запроса академіи, Шишковъ видѣлъ, что напечатать списокъ Библейскаго Общества значило бы показать, что «перемѣна министерства ничего не значила», но запретить этого не могъ, и потому придумалъ слѣдующее махіавелическое средство: «я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему *прошедшій 1824*, а *не нынѣшній годъ*, дабы сколько-нибудь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ оставленію прежняго буйственнаго духа»... Графъ Аракчеевъ былъ съ этимъ совершенно согласенъ, и совѣтовалъ ни Оболенскому, ни епископу Павлу ничего не отвѣчать: этимъ отмѣнится само собой печатаніе библейскихъ отчетовъ, и Павелъ долженъ будетъ понять, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать [2]).

Такими и подобными мѣрами Библейское Общество, если не по праву, то на дѣлѣ было совершенно подавлено еще въ теченіи 1824 — 25 года.

Въ томъ же 1825 году приняты были наконецъ формальныя мѣры противъ *вредныхъ книгъ*, которыя, какъ мы видѣли, считались однимъ изъ средствъ, употреблявшихся Библейскимъ Обществомъ для низложенія вѣры и престола [3]).

[1]) Если цитата у Шишкова дѣйствительно вѣрна, то авторъ письма, очевидно, былъ очень спутанъ, потому что изображаетъ въ неблаговидномъ свѣтѣ и свои собственныя распоряженія, которымъ могъ бы и не давать формы «принужденія». — Это опять одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ образчиковъ пропаганды, принимавшей свойства «почвы», на какіе мы уже не разъ указывали.

[2]) См. письмо Шишкова отъ 16-го мая 1825, и отвѣтъ Аракчеева, въ Зап., стр. 89 — 92.

[3]) Мы не останавливаемся здѣсь на разборѣ этихъ книгъ отчасти потому, что

Digitized by Google

Въ обличеніи этихъ книгъ усердно трудились и Шишковъ, и Фотій, и Серафимъ. Шишковъ лично представлялъ уже императору Александру свои опыты въ теологіи — разборы нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ: сначала ему порученъ былъ разборъ книги Госнера; потомъ онъ отъ себя взялся за Филаретовъ Катихизисъ и написалъ еще разборъ книгъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться» (1822) и «Божественной философіи» Дютуа (1818); далѣе онъ представлялъ разборъ книги: «Воззваніе къ человѣкамъ» и проч., который сдѣланъ былъ двумя духовными особами, избранными митрополитомъ Серафимомъ.

Фотій говоритъ въ своихъ запискахъ, что, между прочимъ, онъ представлялъ разборъ этого же «Воззванія», которое вообще возбуждало въ защитникахъ вѣры и престола особенное озлобленіе и негодованіе.

Филаретъ черниговскій въ своемъ «Обзорѣ» указываетъ цѣлый рядъ мистическихъ книгъ этого времени, которыя подвергались критикѣ Фотія, и о нѣкоторыхъ приводитъ «краткія замѣтки» Фотія. Для примѣра мы выпишемъ нѣсколько этихъ указаній съ «краткими замѣтками» Фотія.

«Як. Бема: Путь ко Христу, 1815 — *бѣсовская.*

«Письма къ другу объ орденѣ с(вободныхъ) к(аменщиковъ), 1816, — *бѣсовская.*

«Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова, 1820, — *антихристіанская.*

«Эккартсгаузена, Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца, 1803, — *бѣсовская.*

«(Его же) Ключъ къ таинствамъ натуры, 1804, 1810, 1821,— *бѣсовская.*

«(Его же) Наука числъ, 1815,—*худая, масонская.*

«Наставленіе мудраго, 1813, — *худая, масонская.*

«Путешествіе младаго Костиса, 1801, 1815, — *еретическая.*

«Омаровы путешествія, 1819, — *бѣсовская.*

«Юнга Штиллинга, Побѣдная повѣсть, 1815, — *революціонная, злая.*

«(Его же) Тоска по отчизнѣ, 1816, — *бѣсовская.*

«(Его же) Приключенія по смерти, 1817, — *бѣсовская.*

«Нравственныя правила, 1818, — *революціонная»*, и т. д.

Кромѣ того, онъ разбиралъ еще много другихъ книгъ, Сіонскій Вѣстникъ, Лабзина, сочиненія г-жи Гюйонъ, и друг. [1]), —

они имѣютъ только косвенное отношеніе къ исторіи Библейскаго Общества, отчасти потому, что имѣемъ въ виду подробнѣе говорить впослѣдствіи о мистической литературѣ XVIII-го вѣка и александровскаго времени.

[1]) «Обзоръ русской духовной литературы», кн. 2-я. Черниг. 1863, стр. 233—235.

Digitized by Google

не знаемъ, по порученію или по собственной ревности. Какого рода была критика Фотія, можно довольно судить и по «краткимъ замѣткамъ».

Далѣе, нѣсколько книгъ этого рода (именно: Побѣдная повѣсть, Ю. Штиллинга, Избранныя творенія г-жи Гюйонъ, Воззваніе къ человѣкамъ, и пр., Таинство Креста Христова, о Евангеліи отъ Матѳея, Госнера) разсмотрѣно въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», составленной безъ сомнѣнія лицомъ, близкимъ къ дѣлу о Библейскомъ Обществѣ, въ томъ самомъ духѣ, какимъ отличаются мнѣнія Шишкова,—быть можетъ кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, служившимъ тогда у Шишкова, какъ съ вѣроятностью предполагаетъ г. Морошкинъ.

Наконецъ, постановлено было и формальное преслѣдованіе вредныхъ книгъ. Митрополитъ Серафимъ вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ синодъ и предлагалъ отобрать зловредныя книги изъ училищъ духовнаго вѣдомства, какъ это уже было учинено по министерству народнаго просвѣщенія (вслѣдствіе упомянутаго выше указа 17-го ноября 1824 г., по поводу книги Станевича), и въ предупрежденіе дальнѣйшаго вреда отъ книгъ, оказывающихся противными вѣрѣ и правительству, предлагалъ приступить немедленно къ подробному разсмотрѣнію ихъ содержанія. Вслѣдствіе того, послѣдовалъ, 14-го мая 1825, синодскій указъ, предписывавшій всѣмъ духовнымъ властямъ и вѣдомствамъ отбираніе зловредныхъ книгъ, списокъ которыхъ помѣщенъ въ указѣ, и митрополиту Серафиму кромѣ того предоставлено поручить надежнымъ духовнымъ лицамъ разсмотрѣніе вредныхъ книгъ, «заключающихъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія св. писанія, развратныя и возмутительныя лжеученія, противныя гражданскому благоустройству, догматамъ и преданіямъ нашей церкви, и напечатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ безъ разрѣшенія св. синода». Названныя въ указѣ книги были тѣже, какія мы сейчасъ упоминали: Воззваніе, Таинство креста, разныя сочиненія Бема, Ю. Штиллинга, Эккартсгаузена, г-жи Гюйонъ, Дютуа, Сіонскій Вѣстникъ [1]).

Во исполненіе указа, при конференціи духовной академіи учрежденъ былъ временный комитетъ для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ. Комитетъ составился подъ предсѣдательствомъ ректора академіи того же Григорія, епископа ревельскаго (впослѣдствіи митр. новгородскій и с.-петербургскій), изъ довѣреннѣйшихъ лицъ петербургскаго духовенства, избранныхъ академической конференціей и утвержденныхъ митрополитомъ Серафимомъ. Въ руковод-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XL, № 30343.

Digitized by Google

ство членамъ комитета дана была, по словамъ историка академіи, «инструкція, обнимающая всѣ стороны ихъ труда, ограждающая ихъ занятія отъ вторженія любопытства, и устанавливающая правильное и безпрепятственное производство дѣлъ по комитету». Кромѣ этого разбора книгъ, присланныхъ изъ синода, комитету даны были и дальнѣйшія порученія: 1) открывать и доносить о другихъ книгахъ, вредныхъ для православія и благонравія, 2) наблюдать, не вышла-ли какая изъ вышеозначенныхъ книгъ за одною подписью цензора двумя или нѣсколькими изданіями подъ однимъ годомъ, и безъ упоминанія о новомъ изданіи [1]). Наконецъ, «въ видѣ генеральнаго отчета» о всѣхъ дѣлахъ, комитету поручено было — «составить систематическое обозрѣніе того, какимъ образомъ вредное ученіе, содержащееся въ разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, прояснялось въ своемъ изложеніи и какіе принесло плоды» [2]). Дѣйствія комитета продолжались болѣе 15-ти лѣтъ, конечно, съ измѣнявшимся личнымъ составомъ; но какой былъ результатъ его дѣятельности, и была ли составлена имъ въ видѣ генеральнаго отчета систематическая исторія вреднаго ученія, мы не знаемъ, — а эта исторія могла бы быть очень любопытна...

Итакъ, императоръ Александръ, до самаго конца своей жизни и царствованія, не уступилъ назойливымъ настояніямъ враговъ Библейскаго Общества. При его смерти, Общество de jure продолжало существовать.

Наступило новое царствованіе и 14-е декабря.

«Когда императоръ Николай вступилъ на престолъ, — разсказываетъ Пинкертонъ, — ужасные и злонамѣренные планы враговъ общественнаго порядка обнаружились и по благости Провидѣнія были счастливо уничтожены мужествомъ и благоразумными мѣрами молодого императора; тогда стала также очевидной невинность Библейскаго Общества; и когда императоръ возобновилъ въ пользу Общества свое ежегодное пожертвованіе, которое онъ привыкъ дѣлать еще великимъ княземъ, друзья Общества стали надѣяться, что оно выстояло противъ бури. Въ этомъ, впрочемъ, они обманулись» [3])...

Шишковъ не терялъ первыхъ минутъ новаго царствованія. 15-го января 1826 года, онъ уже обращался къ императору Николаю

---

[1]) Такіе случаи бывали; между прочимъ, такъ былъ, кажется, перепечатанъ одинъ томъ Сіонскаго Вѣстника 1806 года.

[2]) Исторія Спб. дух. Академіи, Ил. Чистовича, Спб. 1857, стр. 420—421.

[3]) Russia, стр. 389—390.

Digitized by Google

съ письмомъ, въ которомъ предварялъ его о несчастномъ дѣлѣ Госнера и Попова (оно должно было теперь поступить изъ государственнаго совѣта на высочайшее усмотрѣніе), и при этомъ удобномъ случаѣ началъ свои прежнія іереміады и доносы. «*Вотъ что Госнеръ*»! восклицалъ онъ, изложивъ, что Госнеръ хотѣлъ не иного чего, какъ распространенія безвѣрія и возмущенія, — «ибо всѣ секты къ одной цѣли, т. е. къ низверженію вѣры и престола стремятся» (!). Шишковъ не сомнѣвался, что возмущеніе 14-го декабря въ Петербургѣ и въ южной арміи были прямымъ слѣдствіемъ лжеученій, которыя распространялъ Госнеръ (и Библейское Общество), и смѣло утверждалъ это передъ новымъ императоромъ. «Два бывшія возмущенія — писалъ онъ — и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени распространеніемъ подобныхъ (т. е. мистическихъ) сочиненій потрясена была вѣра! Ибо *всѣ сіи* лжеумствованія о такъ-называемой внутренней церкви, т. е. никакой, — о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага (!), — *всѣ сіи* адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, порождаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога» [1]). Онъ имѣлъ недобросовѣстность мѣшать въ одну кучу и внутреннюю церковь, и литературу, и истребленіе царей, и пролитіе рѣками крови человѣческой. Имя Библейскаго Общества здѣсь не названо, но мы достаточно видѣли взглядъ Шишкова на вещи и, конечно, должны принять, что, по его мнѣнію, Библейское Общество именно и было виной 14-го декабря. Быть можетъ, онъ дѣлалъ и прямо это открытіе.

Въ то же время митрополиты Серафимъ и Евгеній также дѣлали свои представленія, и результатомъ ихъ былъ, наконецъ, именной указъ отъ 12-го апрѣля, на имя митрополита Серафима. Императоръ принималъ во вниманіе представленія митрополитовъ Серафима и Евгенія относительно затрудненій, представляющихся для успѣха дѣлъ Россійскаго Библейскаго Общества, и проистекающихъ отсюда неблагопріятныхъ послѣдствій, для отвращенія которыхъ нужно значительное время, чтобы зрѣло и благоразумно обсудить всѣ обстоятельства, и находя основательнымъ мнѣніе двухъ митрополитовъ, повелѣвалъ Серафиму какъ

[1]) Письмо къ императору Николаю, въ Запискахъ, стр. 118—123. Впослѣдствіи въ другомъ письмѣ, въ концѣ 1826 г., по поводу цензуры, Шишковъ, вспомянувъ опять о 14-мъ декабря, говоритъ: «*все сіе* какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія *мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ*», и проч. Стр. 130.

Digitized by Google

президенту Общества прекратить, до дальнѣйшаго разрѣшенія, всѣ дѣйствія Общества безъ исключенія: Серафимъ получилъ полномочіе распространить это повелѣніе на всѣ библейскіе комитеты, отдѣленія и сотоварищества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, собрать подробныя свѣдѣнія о всемъ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ Общества, какое можетъ оказаться въ домахъ, земляхъ, книгахъ, матеріалахъ и деньгахъ. Впрочемъ, продажа книгъ св. писанія, изданныхъ Обществомъ на славянскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ, разрѣшалась.

Получивъ указъ, митрополитъ Серафимъ прекратилъ дѣйствія всѣхъ 289 частныхъ отдѣловъ Общества, остановилъ печатавшіяся тогда различныя изданія св. писанія и не выпустилъ въ продажу даже нѣкоторыя, уже совершенно готовыя [1]). Не увидѣло свѣта и изданіе, въ 10,000 экземпляровъ, первыхъ восьми книгъ Ветхаго Завѣта на русскомъ языкѣ, также готовое [2]).

Когда въ исполненіе того же указа митр. Серафимъ представилъ императору Николаю собранныя имъ свѣдѣнія, черезъ три мѣсяца, 15-го іюля 1826, вышелъ новый именной указъ, данный на имя митр. Серафима,—послѣдній правительственный актъ, оканчивавшій совершенно существованіе Общества. Императоръ Николай, разсмотрѣвъ свѣдѣнія, представленныя митрополитомъ Серафимомъ о тогдашнемъ наличномъ имуществѣ Россійскаго Библейскаго Общества въ денежныхъ капиталахъ, въ домахъ, въ книгахъ и прочемъ, простиравшемся по оцѣнкѣ до 2,000,000 рублей, и желая облегчить личное попеченіе о немъ митрополита, повелѣвалъ — вѣдѣніе и распоряженіе этимъ имуществомъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что̀ касалось до Россійскаго Библейскаго Общества, возложить на св. синодъ, въ томъ точно видѣ и порядкѣ, въ которомъ его вѣдѣнію и распоряженію принадлежатъ всѣ духовныя дѣла, на основаніи общихъ учрежденій [3]).

Эта ликвидація представляла слѣдующія цифры. Имущество, оцѣненное въ 2,000,000 рублей, заключалось:

а) въ наличныхъ деньгахъ:	асс.	104,381 р.	99 к.
	сер.	1,025 »	» »
б) въ бумагѣ на		57,053 »	50 » асс.
в) въ книгахъ св. писанія на .		612,954 »	53½ » »

[1]) По указаніямъ Пинкертона, Russia, 391, которому мы здѣсь слѣдуемъ, отпечатанный тогда Н. Завѣтъ на сербскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, не смотря на разрѣшеніе указа, не былъ совсѣмъ выпущенъ въ продажу.

[2]) Оно было выпущено въ продажу только въ недавнее время.

[3]) Полн. Собр. Зак.; Второе собр. т. 1, № 475.

Digitized by Google

(Въ томъ числѣ подмоченныхъ въ петербургское наводненіе 1824 г., на 63,441 р. 40 к.).

г) въ матрицахъ, стереотипныхъ доскахъ и книгопечатныхъ станкахъ съ принадлежностями, по цѣнамъ, заплаченнымъ во время пріобрѣтенія ихъ, на 226,407 р. 53 к. асс.

д) въ книгахъ, находившихся въ библіотекѣ Общества, на 4,750 р. асс.

(Эти книги были переданы въ вѣдѣніе петербургской академіи и семинаріи).

е) домѣ въ Петербургѣ, и

ж) домѣ въ Москвѣ [1]).

Впослѣдствіи, Пинкертонъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: «пріятно узнать, что, по заботливости императора Николая, напечатано уже полное собраніе всѣхъ старыхъ и новыхъ законовъ или указовъ имперіи, — *тьми станками и шрифтами*, которые служили прежде для печатанія св. писанія закрытымъ Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ» [2]).

Общую цифру изданій Общества за двѣнадцать лѣтъ его существованія, Пинкертонъ приводитъ въ такомъ видѣ: Общество напечатало на разныхъ языкахъ, —

208,068 экз. Библіи
400,266 Новаго Завѣта, и
267,772 Псалтыри, Четвероевангелія и другихъ частей писанія,

всего: 876,106 экземпл. Библіи и разныхъ ея частей [3]).

Какъ подѣйствовало это закрытіе Общества на русскихъ его членовъ, мы легко можемъ себѣ представить. Истинные, убѣжденные приверженцы библейскаго дѣла должны были скрывать всѣ свои помышленія объ этомъ предметѣ; высказать ихъ было бы преступленіемъ, потому что библейское дѣло стало вещью запрещенною, и слѣд. злонамѣренною. Ревность исполнителей, какъ обыкновенно бываетъ, заходила дальше, чѣмъ требовалось. Въ литературѣ выраженіе сочувствія къ павшему библейскому дѣлу было бы и невозможно: Библейское Общество и дѣйствительно на цѣлые десятки лѣтъ кануло въ неизвѣстность.

Британскіе друзья библейскаго дѣла съ большой печалью говорили объ этомъ исходѣ его въ Россіи. Черезъ семь лѣтъ по

---

[1]) Библіогр. Зап. 1859, стр. 121.
[2]) Russia, стр. 345.
[3]) Ibid., стр. 381 — 384.

Digitized by Google

закрытіи Общества, Пинкертонъ издавалъ свою книгу о Россіи: разсказавъ объ этомъ событіи и упомянувъ объ основаніи въ 1832 г. въ Россіи *нѣмецкаго* Библейскаго Общества, подъ предсѣдательствомъ князя К. А. Ливена, одного изъ вице-президентовъ бывшаго русскаго Общества, а въ то время министра народнаго просвѣщенія, Пинкертонъ спрашиваетъ: «Неужели нельзя ничего сдѣлать для милліоновъ самихъ русскихъ, и дать имъ св. писаніе на ихъ собственномъ языкѣ? Выраженія указа заставляли друзей этого дѣла предполагать, что закрытіе будетъ только временное; но прошло уже почти семь лѣтъ, и о возстановленіи *Россійскаго* Библейскаго Общества нѣтъ и помину».

Любопытно остановиться на мысляхъ, которыя высказываетъ по этому поводу одинъ изъ ревностнѣйшихъ друзей русскаго Библейскаго Общества въ числѣ британскихъ агентовъ, одинъ изъ тѣхъ «миссіонеровъ», которымъ Шишковъ, Фотій и компанія приписывали зажигательскіе умыслы на погибель Россіи. Британскіе приверженцы Библіи, которыхъ представляетъ собой Пинкертонъ, сохранили всю теплоту своего первоначальнаго чувства, принесеннаго ими на дѣятельность въ Россіи. Передъ нимъ носился все тотъ же идеалъ христіанской библейской цивилизаціи: по его мнѣнію, Британія была обязана своимъ величіемъ, Библіи,—*такого же величія*, какъ своей родинѣ, онъ желалъ и Россіи. Его крайне огорчало настоящее плачевное положеніе библейскаго дѣла въ Россіи, но онъ еще питалъ надежду.

«Было ли это по христіански, — по человѣчески, — политически, — отечески, допустить, чтобы 10,000 экземпляровъ первой части Библіи на новомъ русскомъ языкѣ гнили и уничтожались во мракѣ, и покинуть въ пренебреженіи остальной переводъ»? Онъ надѣялся, что настоящій императоръ (Николай) положитъ конецъ этой прискорбной остановкѣ дѣла такой безконечной важности; онъ ожидалъ, что императоръ, сдѣлавшій наставникомъ при своихъ дѣтяхъ достойнаго священника Павскаго, переводчика В. Завѣта съ еврейскаго на русскій, обратитъ свою заботливость и на все юношество въ своей имперіи. Онъ надѣялся, что императоръ «скоро сниметъ свое запрещеніе съ исполненія этого любимѣйшаго, христіанскаго и благороднаго плана, составленнаго его покойнымъ братомъ, чтобы одарить (bless) русскую націю полнымъ кодексомъ божественной истины на родномъ языкѣ, — той книгой, которая, съ такой простотой и священнымъ авторитетомъ, научаетъ подданнаго истинной законности и повиновенію власти, и которая такъ неизбѣжно необходима всякому, князю или поселянину, дѣлая ихъ способными исполнять обязанности этой жизни и вполнѣ уразу-

Digitized by Google

мѣвать путь къ вѣчной жизни въ будущемъ мірѣ; — книгой, которая одна можетъ *обезпечить русскимъ всѣ преимущества* той *цивилизаціи*, къ которой они стремятся такъ быстро, и предохранить ихъ отъ безчисленныхъ бѣдствій, происходящихъ тогда, когда умственные успѣхи отдѣляются отъ подлинныхъ началъ писанія; — книгой, которая лежитъ въ основѣ *величія Британіи*, потому что начала этой книги, прямо или косвенно, проникли въ законы Британіи, въ ея общественныя учрежденія и въ различныя отношенія частной жизни; и которая обезпечиваетъ всѣмъ имъ прочность, даже среди волненій и бурь, какія происходятъ отъ началъ иного рода, чѣмъ начала этой священной книги, и какія въ новѣйшее время низвергли столько другихъ государствъ» [1])!

Здѣсь не мѣсто критиковать нравственно-политическія понятія, принимаемыя авторомъ; мы хотѣли только показать, что и при концѣ Общества, какъ при первомъ его началѣ, иностранные агенты Британскаго Общества, дѣйствовавшіе въ Россіи, были проникнуты однимъ — конечно заслуживающимъ всякаго уваженія — глубокимъ и безкорыстнымъ стремленіемъ служить христіанской цивилизаціи, и въ этомъ стремленіи желали для Россіи тѣхъ же благъ и того же величія, какими гордились за свое собственное отечество. Приведенныя слова Пинкертона, намъ кажется, достаточно указываютъ истинный смыслъ той роли, которую играли въ Россіи дѣятели Британскаго Общества, и дѣлаютъ ненужнымъ какое-нибудь оправданіе этой роли.

Что же поставили теперь на мѣсто Библ. Общества и его дѣятельности Шишковъ, Серафимъ и Фотій? Ровно ничего, кромѣ разосланія людей по крѣпостямъ и кромѣ коммиссіи для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ. Книги, конечно, исчезли изъ обращенія, ттчасти отобранныя отчасти запрятанныя. Для возстановленія вѣры Шишковъ придумалъ еще только перепечатать «Бесѣды» Станевича и рекомендовать императору Александру духовное стихотворство кн. Шихматова. На мѣсто обскурантизма Библейскаго Общества сталъ только другой обскурантизмъ въ архаическомъ стилѣ — заподозриваніе всякой человѣческой мысли, не похожей на канцелярское выраженіе благонамѣренныхъ чувствъ, во вкусѣ шишковско-державинской «Бесѣды», и поощреніе деревянной литературы. По министерству, Шишковъ при Александрѣ попалъ въ руки Магницкаго, которому оказалось очень легко завладѣть

---

[1]) Russia, 392 — 393.

Digitized by Google

этой простотой. Магницкій ни на минуту не затруднился своей ролью въ новыхъ условіяхъ: выкинувши на первый разъ изъ университетской залы портретъ кн. Голицына и отрекшись отъ Библейскаго Общества, онъ дѣйствовалъ такъ и дальше,—прежде онъ былъ приверженцемъ ланкастерскихъ школъ и требовалъ ихъ распространенія до Камчатки, теперь донесъ, что это никуда негодная выдумка и что ихъ слѣдуетъ закрыть; въ казанскомъ университетѣ при Голицынѣ вводилъ іезуитское ханжество, теперь, когда такое ханжество не требовалось, профессора могли пить водку сколько угодно и прежніе затворники-студенты спокойно танцовали на балахъ [1]). Прежнія средства пріобрѣтать себѣ постыдное вліяніе—доносъ и пресмыкательство передъ людьми сильными — остались и теперь его главнымъ оружіемъ. Овладѣвши разъ Шишковымъ и, главное, предполагая покровительство себѣ отъ Аракчеева, которому грубо льстилъ въ извѣстномъ «Снѣ въ Грузинѣ», Магницкій скоро сталъ даже позволять себѣ наглости относительно Шишкова, который, думая, что раскрылъ всѣ ковы противъ вѣры и государства, не разумѣлъ, какіе пошлые ковы Магницкій устроилъ съ нимъ самимъ. Читатель припомнитъ изъ записокъ Панаева, на чемъ наконецъ Магницкій оборвался. На немъ исполнилась пословица о кувшинѣ, повадившемся ходить по воду. Онъ сдѣлалъ доносъ императору Александру, что великій князь Николай Павловичъ поощряетъ «вредныхъ профессоровъ, изгоняемыхъ правительствомъ», давши мѣсто Арсеньеву. Кн. Голицынъ, которому императоръ Николай при вступленіи на престолъ поручилъ разобрать бумаги импер. Александра, представилъ ему этотъ доносъ Магницкаго: Магницкій былъ высланъ тотчасъ же изъ Петербурга [2]), а ревизія казанскаго университета довершила остальное. Ему уже никогда не удалось подняться отъ этого удара.

Для людей сколько-нибудь разсудительныхъ, одно присутствіе Магницкаго при Шишковѣ, мѣшало уважать этого послѣдняго. Да и его собственныя воззрѣнія едва ли внушали это уваженіе. Министръ народнаго просвѣщенія такъ мало понималъ положеніе вещей, что мѣшалъ мистиковъ и приверженцевъ Библіи съ декабристами, такъ что низвергателемъ престоловъ выходилъ кн. Голицынъ, подкапывателемъ алтарей — Филаретъ, однимъ изъ опаснѣйшихъ карбонаровъ — несчастный Поповъ, думавшій только о своихъ хлыстовскихъ радѣніяхъ и ни о чемъ больше, какъ доказала его послѣдующая жизнь. Спасителемъ вѣры во вкусѣ

[1]) См. Зап. Панаева, ibid., стр. 102, 107.
[2]) Зап. Панаева, стр. 102, 112.

Digitized by Google

самого Шишкова являлся очумѣлый отъ фанатизма и невѣжества Фотій!.. Роль и вліяніе литературы Шишковъ понималъ, какъ «книжную заразу», для университетовъ наилучшимъ казалось ему преподаваніе «по *извѣстнымъ книгамъ*, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ профессоры часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ», такъ что собственныхъ мыслей имъ не полагалось вовсе, и т. п. При отсутствіи всякаго серьезнаго пониманія дѣла, Шишковъ не навредилъ просвѣщенію больше только потому, что былъ уже слишкомъ слабъ по старости лѣтъ...

Итакъ, Библейское Общество кончило свое существованіе. Но партія, возставшая противъ него, не могла похвалиться полнымъ успѣхомъ. Не смотря на всѣ ея настоянія и всевозможные доносы, императоръ Александръ въ теченіе почти двухъ лѣтъ передъ концомъ своей жизни не допускалъ закрытія Общества или такого рѣзкаго отреченія отъ дѣятельности Общества, какого отъ него желали. Теперь, хотя Общество было закрыто, но дѣло Госнера, ставшее idée fixe у Шишкова, разрѣшилось оправданіемъ Попова и благоволеніемъ къ его защитнику Муравьеву-Апостолу; кн. А. Н. Голицынъ, въ глазахъ враждебной партіи олицетвореніе всѣхъ злостныхъ плановъ и главный ихъ покровитель, съ самаго начала получилъ особенное довѣріе и милости новаго императора. Когда Шишкову хотѣлось доказать тождество декабристовъ съ библейскими дѣятелями, императоръ назначилъ Голицына членомъ коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ и въ томъ же 1826 г. Голицынъ получилъ ордена Владиміра 1-й степени и Андрея Первозваннаго. Архіепископъ Филаретъ въ томъ же году «за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе» сдѣланъ митрополитомъ московскимъ и получилъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней. И то, и другое должно было конечно крайне огорчить Шишкова и разозлить Фотія. Въ томъ же 1826 г. графъ Ливенъ получилъ, по назначенію императора, мѣсто въ особомъ комитетѣ, который долженъ былъ дѣйствовать въ самомъ министерствѣ Шишкова [1]). Напротивъ, графу Алексѣю Андреевичу, какъ извѣстно, совсѣмъ не посчастливилось въ новое царствованіе.

Въ заключеніе, возвратимся еще разъ къ обвиненіямъ, которыя эта партія взводила на Библейское Общество съ своей точки зрѣнія. Они систематически сведены въ упомянутой выше «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи», которая несомнѣнно была выраженіемъ мнѣній этой партіи, потому что содержаніе ея

---

[1]) Ист.-статист. Обозрѣніе и проч. Воронова, Спб. 1849, стр. 272.

Digitized by Google

отличается тѣмъ же общимъ характеромъ, какой мы видѣли до сихъ поръ въ обвиненіяхъ вожаковъ этой партіи, и отдѣльныя указанія «Записки» положительно повторяются у Шишкова, Фотія и Серафима.

Эта «Записка», написанная или законченная уже при императорѣ Николаѣ, составляетъ цѣлый послѣдовательный трактатъ, въ своемъ родѣ чрезвычайно любопытный. Кто желаетъ знать, какъ смотрѣли на движеніе русскаго общества со временъ Петра В. крайніе консерваторы 1820-хъ годовъ, тотъ найдетъ здѣсь самыя характеристическія данныя. Онъ найдетъ здѣсь и отголоски старой Россіи, возставшей на нововведенія Петра, и предисловіе къ тѣмъ осужденіямъ гніющаго Запада, которыя изрекали нѣсколько позднѣе славянофилы, и начало той системы доноса, которая уже съ этихъ поръ стала представлять всякія попытки умственнаго развитія, появлявшіяся въ обществѣ, какъ участіе въ адскомъ заговорѣ, имѣющемъ свой очагъ въ какомъ-то, неизвѣстномъ до сихъ поръ, мѣстѣ злонамѣренной Европы.

Авторъ «Записки» выставляетъ прежде всего «основаніе могущества Россіи», состоящее въ твердомъ пребываніи въ вѣрѣ православной и въ безпредѣльной покорности своимъ самодержавнымъ государямъ: пока она будетъ соблюдать это основаніе, до тѣхъ поръ она будетъ страхомъ для народовъ Европы, «шаткихъ въ своихъ вѣрованіяхъ въ Бога, буйныхъ и дерзкихъ противъ своихъ государей». Народы Европы замѣтили это и, еще со временъ Петра В., начали свои «покушенія» противъ Россіи, съ цѣлью ослабить ея могущество. Съ Петра до Екатерины II враги Россіи старались распространять въ ней чужевѣріе. Въ царствованіе Екатерины, «народы Европы, постепенно приходя отъ вольномыслія къ безбожію», стремились разрушить до основанія христіанскую церковь, «изгнать самаго Бога изъ вселенной и поставить въ предметъ всеобщаго поклоненія и благоговѣнія *натуру*»; таковы были «адскія» предпріятія Вейсгаупта и его соумышленниковъ, *иллюминатовъ* и *масоновъ*, Вольтера и его единомышленниковъ, «извѣстныхъ подъ именемъ *софистовъ нечестія*». При Екатеринѣ II «Записка» отмѣчаетъ и объясняетъ: «Покушенія масоновъ распространить между русскими свой образъ мыслей» и «Покушенія софистовъ нечестія развратить русскихъ своими книгами». Имп. Екатерина уже принимала мѣры противъ первыхъ; при Павлѣ эти мѣры были особенно строги, и «голосъ нечестія, безбожія и вольнодумства совершенно затихъ». «Коварство враговъ Россіи» заключалось въ *поддержаніи раскольническихъ сектъ* (!): видя ихъ гибельность для Россіи, эти враги «подъ благовиднымъ предлогомъ вѣротерпимости»

Digitized by Google

старались испрашивать имъ свободу вѣроисповѣданія и тѣмъ способствовать ихъ необычайному распространенію; и съ другой стороны, это коварство враговъ Россіи заключалось въ *распространеніи между русскими заблужденій чужеземныхъ:* эти «чужестранныя заблужденія» были тѣмъ больше опасны, что они «прикрыты мнимою духовностію», — къ этому разряду авторъ причисляетъ духоборцевъ, перекрещиванцевъ, молоканъ и пр., и даже скопцовъ (!!). Въ числѣ ужасныхъ плодовъ коварства враговъ Россіи авторъ считаетъ участіе раскольниковъ въ бунтѣ Пугачева!

Но всего ужаснѣе были крамолы враговъ Россіи въ царствованіе Александра: это были — «ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, *на удивленіе самому аду*». Авторъ напоминаетъ, какимъ образомъ послѣ войны 1812 года благочестіе императора Александра спасло Европу и какъ народы, зачумленные прежде вольномысліемъ и безбожіемъ, «перекрестились» и «откинули прочь безумныя произведенія Вольтера, Даламберта и всей ихъ нечестивой шайки», возстановили храмы и «возчувствовали всю важность и пользу правительства». «Враги Россіи воспользовались такими благопріятными обстоятельствами, и съ *адскою* хитростію, съ *сатанинскимъ* лукавствомъ, устроили обширный и многосложный планъ къ погубленію Россіи». Затѣмъ, въ особой рубрикѣ излагается: «Планъ ихъ къ погубленію Россіи».

Планъ состоялъ въ томъ, что враги Россіи, воспользовавшись обращеніемъ народовъ къ религіи, старались распространить между легковѣрными при дворѣ и въ народѣ мысль, что императору Александру, спасшему Европу отъ Наполеона, суждено также спасти народы отъ ига разномыслія въ вѣрѣ и соединить всѣ христіанскія церкви въ одну. «За надежное къ тому средство (?) признано: поддержать, усилить и умножить въ Россіи домашніе ея расколы и секты, ввести и распространить въ ней секты и заблужденія иностранныя, умножить въ ней число масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ; распространить между русскими свѣдѣнія о всѣхъ иностранныхъ вѣроученіяхъ»... Для этого стали печатать книги, заключающія всякія частныя мнѣнія о религіи, толкованія на Библію и проч.; употребили для этого покровительство ослѣпленныхъ людей, сильныхъ и близкихъ къ трону, и издавали книги съ разрѣшенія одной свѣтской цензуры, въ противность указу императрицы Екатерины. «Для той же цѣли» (?) старались распространить въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духъ *нечестія* и *вольномыслія*, а въ народѣ распространить Библію, для чего открыли

Digitized by Google

библейскія общества, въ которыя, кромѣ сильныхъ и богатыхъ людей, старались привлечь и русское духовенство. Этими средствами надѣялись ослабить въ народѣ «отвращеніе къ чужимъ вѣрамъ, убѣдить, что во всякомъ вѣроисповѣданіи есть стороны хорошія» и этимъ охладить къ православію; а распространеніе Библіи должно было уменьшить уваженіе къ ней и открыть путь къ произвольнымъ толкованіямъ вѣры.

Въ доказательство этому приводится упомянутая выше ересь духоносцевъ, основанная есауломъ Котельниковымъ, и проводится солидарность между квакерами (?), поселенными тогда около Петербурга, скопцами, Татариновой, Линдлемъ и Госнеромъ.

Далѣе, особая рубрика: «Умноженіе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ», — которыя приписаны той же крамолѣ враговъ Россіи. «Эти ужасныя мины подъ фундаментъ русской крѣпости стали подводить враги Россіи, которые къ погибели ея употребляли всѣ мѣры. Здѣсь дерзкіе умы стали замышлять о преобразованіи Россіи во всемъ ея составѣ»...

Далѣе: «Распространеніе вредныхъ книгъ». Въ доказательство вредности и ядовитости ихъ дѣлается подробный разборъ нѣсколькихъ книгъ изъ числа наиболѣе тогда обвиняемыхъ.

Новая рубрика: «Преподаваніе вольномыслія въ университетахъ». «Самыми лучшими проповѣдниками и распространителями разврата (!!), нечестія и вольнодумства по Россіи были, въ это время (?), россійскіе университеты и другія высшія заведенія, состоящія подъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія». Профессора часто выписывались изъ-за границы; «но большею частію для приготовленія наставниковъ на всѣ высшія каѳедры, *лучшіе* изъ воспитанниковъ педагогическаго института были посылаемы за границу, особенно въ Германію, для слушанія уроковъ у *знаменитѣйшихъ* германскихъ ученыхъ. *Ирепапитанные* ядомъ германскаго вольномыслія и надменной учености, они.... чѣмъ были сами заражены, тѣмъ же заражали своихъ слушателей.... Они тѣмъ смѣлѣе проповѣдывали свои заблужденія, что не боялись никакого взысканія». Въ примѣръ вольномыслія приводится Куницынъ, — а затѣмъ подразумѣваются конечно Арсеньевъ, Германъ, Галичъ и другіе. Одинъ только членъ главнаго правленія училищъ (т. е. Магницкій) глубоко понималъ это гибельное направленіе умовъ и всѣми силами старался искоренить его: «этотъ членъ *умолялъ* министерство народнаго просвѣщенія всѣмъ, что̀ есть свято, рѣшительно поразить сіе страшное чудовище, спокойно подрывающее у насъ алтарь и тронъ открытымъ проповѣдываніемъ иллюминатскихъ началъ»,—но ми-

Digitized by Google

нистерство не только не обращало на это вниманія, но давало этимъ профессорамъ награды [1]).

Подъ рубрикой: «Библейскія Общества», авторъ возвращается къ болѣе подробному изображенію этого злоумышленія враговъ Россіи. Библейскія общества распространились по всей Россіи и имѣли членовъ изъ высшихъ чиновниковъ, почетнаго купечества, «даже архіереи и чиновныя духовныя лица за честь себѣ вмѣняли принять названіе члена Библейскаго Общества». «Конечно,— замѣчаетъ однако «Записка»,—ни изъ свѣтскихъ, ни изъ духовныхъ членовъ сихъ обществъ *никто* не проникалъ въ тайныя злонамѣренія оныхъ» (!!). А злонамѣреній было два — уничижить священную книгу и ввести въ Россіи реформацію. Первое доказывается слѣдующимъ образомъ: «Экземпляры Библіи вскорѣ начали продаваться по самой дешевой цѣнѣ, Библію можно было видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и на прилавкахъ, и въ корзинахъ, и въ мѣшкахъ букинистовъ, и въ переднихъ боярскихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы, и подъ сальными подсвѣчниками. Божественная книга уничижена до послѣдней степени. Врагамъ вѣры *этого-то и хотѣлось*» (!). Второе доказывается рѣчью нѣкоего Ричарда Ватсона [2]), методиста, говоренной въ собраніи Общества въ 1817, «въ домѣ Франкъ-масоновъ [3])». Ричардъ Ватсонъ

---

[1]) Мы видѣли выше, что и Шишковъ точно также навязываетъ самому Библейскому Обществу то вольнодумство, которое преслѣдовали въ петербургскомъ университетѣ обскуранты Библ. Общества, Магницкій, Руничъ и проч. На какомъ основаніи дѣлался еще этотъ странный подлогъ въ обвиненіяхъ на Общество, мы не совсѣмъ понимаемъ.

[2]) Записка совершенно вздорнымъ образомъ называетъ его «президентомъ» Брит. и иностраннаго Библейскаго Общества, чѣмъ онъ вовсе не былъ, и «главой методистовъ», чѣмъ онъ также не былъ. Фотій въ Запискахъ (стр. 263) называетъ его «Министромъ секты методистовъ». Въ Зап. Шишкова эта рѣчь приведена во французскомъ текстѣ (стр. 98—99, прим.), и Ватсонъ названъ здѣсь: «ministre de la secte methodiste» т. е. духовное лицо или священникъ методистской секты,—не больше. Рѣчь онъ произнесъ, какъ сказано въ извѣстіи, «après différentes lectures et quelques discours, sur les progrès et l'utilité de la Société Biblique»—и однимъ словомъ это была одна изъ тѣхъ рѣчей, которыхъ множество произносилось библейскими ревнителями въ собраніяхъ англійскаго Общества, и которыя были выраженіемъ личныхъ мнѣній и вовсе не могутъ считаться прямымъ заявленіемъ мнѣній и намѣреній самого Общества. Наши несчастные невѣжды, не имѣя понятія объ этихъ порядкахъ, приняли Ватсона за президента, за министра, рѣчь его за настоящую программу дѣйствій Британскаго Общества въ Россіи! — Ничего другого о Брит. Обществѣ они кажется и не знали.

[3]) Англійское Общество собиралось на общія собранія въ залѣ масоновъ, Freemasons-hall, потому, что не имѣло своей большой залы. Наши политики извлекли изъ этого новое доказательство тождества масонства съ библейской дѣятельностью въ самой Англіи. У насъ связь такого рода до извѣстной степени была, но это конечно

Digitized by Google

говорилъ въ этой рѣчи, что успѣхъ библейскаго дѣла въ Россіи подаетъ надежду, что въ Россіи «возстановится религія во всей ея чистотѣ» и что всеобщее обращеніе Библіи можетъ «возстановить греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится». Онъ вспоминаетъ, что распространеніе св. писанія дало имъ, англичанамъ, «достославное преобразованіе» (т. е. реформацію) и протестантизмъ; и тогда какъ въ Европѣ это преобразованіе стоило великихъ раздоровъ и бѣдствій,—въ Россіи, напротивъ, можно ожидать, что «столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія». «*Предполагаемая въ сей имперіи реформація* уподобится восходящему солнцу [1]), озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ».

Наконецъ, подъ рубрикой: «Мѣры враговъ къ совершенію плана ихъ на пагубу Россіи», перечисляются еще разъ средства, употребленныя для того, чтобы «истребить въ Россіи всякое благоговѣніе къ святынѣ, твердость въ православной вѣрѣ отцевъ своихъ и въ безпредѣльномъ уваженіи къ предержащей власти», и называются между прочимъ самые враги;—это «*совѣтъ иллюминатовъ*». Гдѣ и какъ придумалъ все это совѣтъ иллюминатовъ, изъ кого наконецъ онъ состоялъ, — конечно нечего и спрашивать: это—мнѣ, на которомъ упорно стояли эти ревнители, и въ которомъ ихъ не было, конечно, возможности разувѣрить. Этотъ-то «совѣтъ иллюминатовъ» рѣшалъ употребить для исполненія своихъ упомянутыхъ плановъ слѣдующія средства: «1) Дозволеніе безпредѣльной свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, способствующей умноженію сектъ и расколовъ; 2) Распространеніе въ Россіи книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства; 3) Преподаваніе зловреднаго ученія въ университетахъ и во всѣхъ высшихъ училищахъ; и наконецъ, 4) Умноженіе библейскихъ обществъ и чрезъ нихъ умноженіе экземпляровъ Библіи, свободное оной чтеніе и самопроизвольное оной толкованіе, способствующее умноженію расколовъ и сектъ». Все это было устроено «съ непостижимою хитростію» (!). Эта хитрость, между прочимъ, обна-

---

совсѣмъ не зависѣло отъ того, что Британское Общество брало для своихъ большихъ собраній Freemasons-hall. Наши библейскіе дѣятели, приводя рѣчи, читанныя въ Брит. Обществѣ, избѣгали называть эту залу,—какъ намъ случилось замѣтить въ «Отчетахъ». Они конечно опасались лишней инкриминаціи,—которая здѣсь именно и дѣлается.

[1]) Въ подлинникѣ: La réformation pour cet *Empire predestiné* sera semblable au beau soleil levant, etc.

Digitized by Google

ружилась въ выборѣ «главы, покровителя и споспѣшника всѣхъ этихъ мѣръ»,—потому что выборъ кн. Голицына сдѣланъ былъ именно совѣтомъ иллюминатовъ. Авторъ не рѣшается сказать, по внушенію ли иллюминатовъ онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ Синода; «по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что чрезъ ихъ происки онъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, министромъ духовныхъ дѣлъ, президентомъ библейскихъ обществъ, и ему же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ.» Кн. Голицынъ описывается какъ «тонкій царедворецъ, ближайшій наперсникъ и другъ юности императора, — человѣкъ мягкій по сердцу, добрый по душѣ, легкій по духу, гибкій по характеру, человѣкъ, который былъ способенъ увлекаться всякою мечтою хитросоставленною, котораго въ злоумышленіяхъ противъ церкви и отечества никто и подозрѣвать не могъ.» Описавъ затѣмъ обширное вліяніе и господство кн. Голицына по его указаннымъ отношеніямъ, авторъ заключаетъ: «Пользуясь такими благопріятными со всѣхъ сторонъ обстоятельствами, враги Россіи руками своихъ споспѣшниковъ ископали *глубокій ровъ* между алтаремъ и тономъ Россіи; уже только ожидали благопріятнаго времени, чтобы *вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія и тронъ самодержавія*» (*!!*).

Но этому помѣшали: «Орудія промысла Божія ко спасенію Россіи отъ козней вражіихъ», т. е. Серафимъ и Шишковъ. «Записка о крамолахъ» оканчивается восхваленіемъ ихъ подвига въ уничтоженіи этихъ козней.

Излишне было бы, конечно, разбирать много всѣ эти обвиненія: они любопытны только, какъ образчикъ мнѣній консервативной массы общества Александровскихъ временъ. Мы не имѣемъ никакого основанія считать изложенную сейчасъ «Записку» какимъ-нибудь намѣреннымъ извращеніемъ фактовъ и понятій; напротивъ, она очевидно написана искренно, какъ писаны были и подобныя обвиненія Шишковымъ: поэтому мы и имѣемъ возможность принимать ее за характеристическій образчикъ мнѣній извѣстнаго круга людей того времени. Ступень развитія, на которой возможны были такія фантастическія обвиненія, такое странное пониманіе вещей, была очевидно весьма невысокая, и это была безъ сомнѣнія ступень, на которой стояло огромное большинство общества.

Но въ параллель къ этимъ обвиненіямъ, мы считаемъ однако не лишнимъ прибавить нѣсколько другихъ подробностей; онѣ отчасти дополнятъ представленіе о дѣлѣ, котораго не могли въ свое время разъяснить сами обвиненные, не имѣвшіе возможности отвѣчать на эти обвиненія.

Digitized by Google

До какой степени нелѣпо было приписывать *иностранцамъ* (вообще) спеціальные планы губить Россію тѣми способами, какіе указываются въ обвиненіи, — объ этомъ нечего говорить. Насколько иностранныя вліянія обнаруживались въ этомъ религіозномъ движеніи и въ учрежденіи Библейскаго Общества, — мы достаточно указывали выше. Мистическіе писатели, которыхъ у насъ переводили, писали, разумѣется, не для Россіи: не для нея же въ самомъ дѣлѣ писалъ Бёмъ, Дютуа, Юнгъ-Штиллингъ и проч.; имъ, конечно, не было никакого дѣла до Россіи, — съ нихъ довольно было и своей непосредственной публики. Основаніе Библейскаго Общества въ Англіи конечно устроено было опять не для Россіи... Вообразить противное могло только очень дикое невѣжество. Это невѣжество очень ясно и обнаружилось въ тѣхъ понятіяхъ, какія имѣли обвинители объ англійскомъ Библейскомъ Обществѣ: мы видѣли, какимъ образомъ одну изъ случайныхъ постороннихъ рѣчей, которыхъ массы произносились обыкновенно въ собраніяхъ Британскаго Общества, именно рѣчь какого-то методиста, они приняли за программу и планъ дѣйствій самого Общества, а этого посторонняго методиста приняли за какого-то министра или даже президента общества. Съ какимъ чувствомъ относились къ Россіи британскіе агенты, дѣйствовавшіе у насъ, объ этомъ мы также довольно говорили. Прибавимъ еще, что они вовсе не имѣли въ русскомъ Библейскомъ Обществѣ никакой силы, кромѣ своего личнаго достоинства, и конечно не вмѣшивались самовольно въ дѣйствія русскаго комитета. Изъ оставленныхъ ими книгъ о Россіи видно, что они относились къ ней съ великимъ сочувствіемъ, интересовались ей какъ любознательные и образованные путешественники: въ этомъ смыслѣ они вступали въ бесѣды съ духовенствомъ, о которыхъ и записали въ своихъ мемуарахъ. У нихъ не только не было никакихъ злокозненныхъ плановъ «къ погубленію Россіи», но они (какъ бы удивительно это не показалось Шишкову) даже старались предостерегать своихъ русскихъ друзей отъ вліяній, которыя могли бы быть неблагопріятны для православія. Въ книгѣ Пинкертона мы находимъ, въ этомъ отношеніи, очень любопытную замѣтку; — говоря о духовныхъ училищахъ въ Россіи, академіяхъ и семинаріяхъ, онъ замѣчаетъ:

«Профессора ихъ, вышедшіе изъ Невской академіи, когда она была подъ управленіемъ Филарета, очень склонны къ библейскому критицизму (are fond of biblical criticism), и хорошо знакомы съ лучшими писателями этого рода. Я часто *предостерегалъ* ихъ отъ сочиненій новѣйшихъ нѣмецкихъ *неологистовъ*, съ которыми иные изъ нихъ уже знакомы. Какъ было

Digitized by Google

бы жаль, если бы эти семинаріи, которыя должны доставлять священниковъ и діаконовъ больше чѣмъ для 26,000 церквей — и которыя теперь, мы надѣемся, отряхаютъ съ себя невѣжество и суевѣрія, покрывавшія ихъ столько вѣковъ — впадутъ въ противоположную крайность раціонализма и невѣрія» [1]).

Обвиненіе общества въ *умноженіи расколовъ* опять очень странно, особливо въ той формѣ, какъ оно дѣлается въ «Запискѣ о крамолахъ», гдѣ вліяніямъ Общества навязывается даже скопчество. Правда, что библейскіе дѣятели, посѣщавшіе Татаринову, и въ томъ числѣ кн. Голицынъ, давали достаточный поводъ къ обвиненію въ раскольничьихъ наклонностяхъ, — но обвиненіе этимъ бы и должно было ограничиться, потому что посѣщенія Татариновскихъ сходбищъ и плясокъ были только ихъ личнымъ вкусомъ. Что же касается до болѣе мирнаго отношенія къ расколу, — отношенія, которое дѣйствительно было въ это время и въ которомъ обвинители именно и видѣли желаніе поощрить расколъ, — то до сихъ поръ неизвѣстно данныхъ, которыя бы могли оправдать подобное перетолкованіе. Было бы очень странно въ самомъ дѣлѣ думать, что Общество, т. е. большинство его сознательно поступавшихъ членовъ, желали *поощрять* или *распространять* старовѣрство, духоборчество и т. п., какъ напр. Шишкову хотѣлось обвинить въ этомъ Филарета, по поводу приведенной выше статьи въ «Моск. Вѣдомостяхъ» 1824 г. Въ дѣйствительности, это мнимое поощреніе ограничивалось тѣмъ, что въ понятіяхъ библейскихъ дѣятелей начинало впервые появляться сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія, мысль о терпимости, и вѣроятно ожиданіе, что въ отношеніи къ расколу больше можно сдѣлать снисходительностью, чѣмъ уголовной строгостью. Въ этомъ именно смыслѣ московскій библейскій комитетъ съ интересомъ смотрѣлъ на тотъ фактъ, что переводъ Н. Завѣта привлекалъ между прочимъ вниманіе старообрядцевъ.

Обвинители, вѣроятно, оказались бы въ большомъ затрудненіи, если бы отъ нихъ потребовали какого-нибудь *фактическаго* доказательства, что Общество, какъ Общество, поощряетъ и распространяетъ расколы. Они могли бы сослаться только развѣ на то, что самое распространеніе Библіи (независимо отъ какихъ-нибудь намѣреній Общества) способствуетъ расколамъ, вслѣдствіе неправильныхъ толкованій, — слѣдовательно, должны бы были оставить въ сторонѣ Общество и говорить прямо противъ

[1]) Russia, стр. 253.

Digitized by Google

чтенія Библіи. Они дѣйствительно говорили и это, — они считали прямо вреднымъ распространеніе Библіи, и, вѣроятно, сами не подозрѣвали, что проповѣдуютъ этимъ католическо-іезуитское правило: не давать Библіи народу вообще, а на языкѣ народномъ въ особенности. — Случай былъ обоюдуострый.

Затрудненія этого рода оказывались уже и раньше. Представлялись случаи, что дѣйствительно обращеніе Библіи въ невѣжественныхъ массахъ (не находившихъ достаточнаго наставленія отъ тѣхъ, кто бы долженъ былъ здѣсь исполнять обязанность наставника) вовлекало иныхъ въ печальныя заблужденія; но тогда еще не было нужно «спасать православія», и тѣ самые люди, которые дѣлали теперь изъ подобныхъ заблужденій уголовное обвиненіе противъ Общества, смотрѣли на дѣло гораздо проще и естественнѣе. Въ книгѣ Пинкертона мы опять находимъ любопытное свидѣтельство. Описывая свое посѣщеніе тюрьмы въ Орлѣ, гдѣ онъ видѣлъ, между прочимъ, скопца, Пинкертонъ разсказываетъ:

«Я помню, что незадолго передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ 1823 году, митрополитъ Серафимъ разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ изъ полковъ, получившихъ экземпляры русскаго Н. Завѣта, семнадцать человѣкъ солдатъ оскопились, приводя въ основаніе Матѳ. XIX, 12, и что генералъ, въ своемъ донесеніи императору объ этомъ случаѣ, предлагалъ отобрать у нихъ всѣ экземпляры. Его величество передалъ дѣло митрополиту; и его преосвященство говорилъ мнѣ, что какъ онъ ни сожалѣлъ о томъ, что произошло отъ невѣжества этихъ людей и, вѣроятно, отъ зараженія скопческой ересью, или отъ желанія солдатъ избавиться отъ службы, искалѣчивъ себя (обыкновеніе, нерѣдкое между ними), но онъ *никакъ не соглашался* (could on no account agree) съ этимъ предложеніемъ генерала. «Если они не поняли мысли Спасителя, то Н. Завѣтъ нуженъ имъ теперь больше чѣмъ прежде, чтобы привести ихъ къ лучшему пониманію: и вообще, наша обязанность — дѣлать благое дѣло, предоставляя послѣдствія Богу; за нихъ мы *отвѣчать не можемъ*» [1]).

Такимъ образомъ, на обвиненія противъ Общества въ умноженіи расколовъ, можно было бы отвѣтить собственными, еще недавно сказанными словами самого митр. Серафима. Что у миссіонеровъ иностранныхъ, которыхъ Шишковъ честилъ ни больше, ни меньше, какъ зажигателями, не было и не могло быть иного отношенія къ нашему расколу, кромѣ любопытства, объ этомъ не-

[1]) Russia, стр. 264.

Digitized by Google

чего и говорить. Кромѣ того, обвинители и здѣсь опять забывали, что первые примѣры терпимости были показаны самимъ императоромъ Александромъ, еще при самомъ началѣ его царствованія, когда не было никакихъ иностранныхъ вліяній, и когда Библейскаго Общества не существовало и въ самой Англіи [1]), по тому только основанію, что суровыя принудительныя мѣры, въ дѣлахъ вѣры, не могутъ соотвѣтствовать «просвѣщенному христіанскому правительству».

Эти обвиненія вообще характеристично отражали обычное понятіе о расколѣ. Людямъ тѣхъ мнѣній, какихъ держались обвинители Библейскаго Общества, всегда представлялось и представляется, что расколъ, или вообще какое бы то ни было движеніе мнѣній въ обществѣ, бываютъ только слѣдствіемъ произвольнаго злонамѣренія какого-нибудь отдѣльнаго лица, которое въ одно прекрасное утро выдумываетъ зловредную вещь и собираетъ себѣ прозелитовъ. Имъ никогда не приходитъ въ голову подумать, что появленіе новыхъ мнѣній бываетъ слѣдствіемъ общаго настроенія умовъ, что онѣ вообще выражаютъ только то, къ чему масса уже приготовлена всѣми условіями внѣшней жизни и своего умственнаго развитія. Такіе люди никогда не видятъ и не понимаютъ этихъ *общихъ* причинъ, въ числѣ которыхъ, относительно раскола, очень важное мѣсто занималъ издавна именно недостатокъ въ здравомъ религіозномъ, и всякомъ другомъ образованіи народной массы, которое прежде всего должно бы быть обязанностью самихъ обвинителей. Теперь, они придумали найти виновниковъ раскола въ Библейскомъ Обществѣ, какъ будто бы старообрядцы, молокане, скопцы и все неизчислимое количество русскихъ сектъ, не были собственнымъ, и главное, очень давнишнимъ произведеніемъ русской жизни: Библейское Общество было здѣсь совершенно не при чемъ.

Обвинители забывали съ другой стороны, что тотъ же недостатокъ религіознаго образованія, и въ самой православной массѣ,—поддерживавшій много столь же прискорбныхъ суевѣрій, предразсудковъ и заблужденій,—и наконецъ недостатки самого духовенства, какъ религіознаго руководителя, могли вызвать въ другой, образованной сферѣ общества, потребность въ иныхъ удовлетвореніяхъ религіознаго чувства, чѣмъ какія давала обычная жизнь, и производить напр. тѣ увлеченія мистицизмомъ, въ которыхъ обвиняли съ такимъ озлобленіемъ библейскихъ дѣятелей. Обвинители замѣчали, что мистики какъ будто не любятъ духовенства, и хотя этого нельзя было сказать вообще,

[1]) Напримѣръ, терпимость къ тѣмъ же духоборцамъ, начиная съ 1802 г.

Digitized by Google

потому что мистики поддерживали съ духовенствомъ очень тѣсныя связи, но дѣйствительно они больше симпатизировали съ той частью его, въ которой встрѣчали интересъ къ новому религіозному движенію, мистицизму и раціонализму, и менѣе дружелюбно, или враждебно относились къ той, которая представляла собой чистую неподвижность.

Наконецъ, едва ли надо еще говорить, что обвиненія Библейскаго Общества въ томъ, что оно, черезъ министерство просвѣщенія, распространяло вольнодумство въ университетахъ, совершенно ложны. Преслѣдованіе профессоровъ петербургскаго университета, планъ «разрушить» казанскій университетъ — слишкомъ знаменитые подвиги голицынскаго министерства, чтобы противъ него можно было выставить обвиненіе въ поощреніи вольнодумства. То преподаваніе, на которое здѣсь опрокинулось министерство Голицына, было не его дѣломъ,—это былъ результатъ общественнаго настроенія и правительственныхъ мѣръ первой половины царствованія императора Александра.

Мы замѣтили выше, что сами обвиненные не имѣли возможности отвѣчать на обвиненія: какъ прежде противники библейскаго мистицизма должны были молчать, потому что власть была въ рукахъ кн. Голицына, такъ теперь приверженцы Библейскаго Общества должны были молчать, потому что власть была у Шишкова и митр. Серафима. Они и не сказали ничего открыто,—но митр. Серафимъ встрѣтилъ однако довольно сильное возраженіе на свои дѣйствія изъ этого лагеря. Это возраженіе заключалось въ письмѣ стараго питомца Новиковской школы, извѣстнаго Максима Невзорова, издателя «Друга Юношества». Этимъ возраженіемъ мы можемъ закончить разсказъ о борьбѣ и полемикѣ по поводу библейскаго дѣла.

Начавъ письмо съ приличныхъ обстоятельствамъ времени ветхозавѣтныхъ пророчествъ, Невзоровъ обращается къ упомянутымъ выше указамъ, осуждавшимъ мистическія книги, «подъ видомъ таинственнаго толкованія искажающія святость книгъ божественныхъ откровеній», и — «движимъ будучи ревностію къ разспространенію евангельскаго просвѣщенія и снѣдаемъ жалостію дома Божія», онъ представляетъ митр. Серафиму свои мысли объ этомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, его крайне соблазняло то, что митр. Серафимъ не дѣлалъ противъ этихъ книгъ никакихъ представленій тогда, *когда онѣ выходили изъ печати* въ началѣ: если эти книги дѣйствительно таковы, какъ ихъ теперь описываютъ, то подобный вредъ лучше было бы остановить при самомъ началѣ: «Ваше высокопреосвященство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, ко-

Digitized by Google

торый, соединяя съ ревностію, *нынѣ вами обнаруженною*, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ.» Во-вторыхъ, замѣтивъ, что «цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ» ея, онъ напоминаетъ митр. Серафиму о членахъ «бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества»: «Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими съ помощію ихъ пріобрѣтенными познаніями». Члены этого Дружескаго Общества были въ особенности издателями подобныхъ книгъ, и авторъ письма проситъ митр. Серафима припомнить, не учили ли они своихъ воспитанниковъ быть истинными гражданами, истинными христіанами и приверженными къ церкви,—и указываетъ примѣръ ихъ воспитанія въ «Свѣтильникѣ церкви», его предмѣстникѣ, митр. Михаилѣ. Въ-третьихъ, авторъ письма останавливается на самыхъ книгахъ, запрещенныхъ упомянутыми указами по представленіямъ Шишкова и митр. Серафима, и оправдываетъ ихъ содержаніе отъ обвиненій, на нихъ взведенныхъ, сообщая при этомъ не мало подробностей, весьма рисующихъ столкновеніе понятій, объ этихъ и другихъ сложныхъ предметахъ. Можно думать, что митр. Серафимъ затруднился бы отвѣчать на нѣкоторые пункты этого письма, написаннаго съ упрямой увѣренностью и не безъ желчи. Мы предоставляемъ читателю самому познакомиться съ этими частностями письма Невзорова, которое мы приводимъ въ приложеніи какъ историческій документъ, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ. Въ этомъ документѣ читатель увидитъ вообще образчикъ мнѣній мистической школы, на которыя мы имѣли случай указывать: вмѣстѣ съ тѣмъ это отчасти и апологія мистической школы съ ея точки зрѣнія [1]).

Такъ окончилось существованіе Россійскаго Библейскаго Общества.

Исторія его оставляетъ по себѣ обоюдное впечатлѣніе, въ которомъ, конечно, отражается и его дѣйствительный характеръ, столь же обоюдный. Представляя собой—въ большой степени—осуществленіе личныхъ идей императора Александра, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ и стремленія значительной части общества. Теперь, когда мы для этой исторіи имѣли еще слишкомъ скудные матеріалы, трудно рѣшать положительно, между кѣмъ и въ какой мѣрѣ должны быть раздѣлены его достоинства и недостатки, — но читатель, вѣроятно, замѣтилъ свойства европей-

[1]) См. ниже, Приложенія.

Digitized by Google

скихъ вліяній, шедшихъ отъ Британскаго Общества, характеръ ихъ примѣненія на русской почвѣ и наконецъ, свойства ультра-консервативной оппозиціи, уничтожившей русское Общество [1]).

Въ судьбѣ русскаго Общества, его быстромъ распространеніи и потомъ его паденіи выказалось столько различныхъ свойствъ русской общественной жизни, что его исторія является чрезвычайно характеристическимъ выраженіемъ своего времени. При всѣхъ своихъ непривлекательныхъ недостаткахъ и многихъ постыдныхъ и жалкихъ воспоминаніяхъ, Общество имѣло свои сочувственныя и прогрессивныя стороны, когда поднимало религіозно-общественный вопросъ. Его закрытіе, прекративъ его вредныя вліянія, имѣло свой, въ сущности гораздо бо́льшій вредъ: оно не уничтожало обскурантизма, а только произвело его въ новой формѣ, и совпадая съ другими событіями того времени, наносило ударъ само́й общественной иниціативѣ и больше прежняго усилило лѣнивый индифферентизмъ русской общественной жизни.

А. Пыпинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

(Стр. 757)

I.

ПИСЬМО МАКС. ИВ. НЕВЗОРОВА, КЪ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

(Съ современной копіи).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!
Милостивѣйшій Архипастырь!

Третіей книги Эздры, главы 13-й въ стихахъ: 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, пишется слѣдующее: «Се дніе грядутъ, егда Вышній начнетъ избавляти сихъ, иже на земли суть, и пріидетъ ужасъ ума на тѣхъ, иже обитаютъ на земли. И ніи иныхъ помыслятъ воевати, градъ на градъ, и мѣсто на мѣсто, и языкъ на языкъ, и царство на царство. И будетъ, егда будутъ сія, и случатся знаменія, яже прежде показахъ ти, и тогда откроется Сынъ мой, Его же видѣлъ еси, яко Мужа восходяща. И будетъ, егда услышатъ вси языцы гласъ Его, и оставитъ единъ кійждо въ странѣ своей брань свою, юже имутъ другъ на друга, и соберется во едино собраніе множество безчисленно, якоже хотяще пріити, и

[1]) Филаретъ Черниговскій, въ «Ист. русской церкви», говоритъ о Библ. Обществѣ: «Сему благому дѣлу *всего болѣе* повредило и остановило его то, что тогда въ изданіи слова Божія и распространеніи его принимали живое участіе члены англійскаго библейскаго общества». (Періодъ пятый. М. 1859, стр. 46). Мы, кажется, достаточно видѣли, что безъ нихъ русское Общество едва ли бы даже существовало.

Digitized by Google

ополчитися на него, тойже станетъ на верху горы Сіона, Сіонъ же пріидетъ, и явится всѣмъ уготованъ и созданъ, якоже видѣлъ еси гору изваяну безъ рукъ. Той же Сынъ мой обличитъ, яже обрѣтоша языцы, нечестія ихъ та, яже къ бури приближишася ради лукавыхъ помышленій ихъ и мученій, ими же начнутъ мучитися, яже подобна суть пламени, и погубитъ ихъ безъ трудности, по закону, иже огню подобенъ есть». Знаменія, о которыхъ здѣсь упоминается, описаны той же Книги, въ главѣ пятой, въ стихахъ 1, 2, 3, 4, и такъ далѣе, суть слѣдующія: «Се дніе грядутъ, въ нихъ же живущіи на земли обременены будутъ даньми многими, и скрыется путь правды и будетъ вселенна неплодна отъ вѣры, и умножится неправда паче сія, юже ты видиши, и паче тоя, о нейже слышалъ еси издревле. И будетъ земля, въ нюже вшедъ нынѣ видиши царствующую и узрятъ ю опустену: аще же тебѣ дастъ Великій живу быти, узриши по третіей трубѣ, и возсіяетъ внезапу солнце въ нощи, и луна трижды въ день; и воскаплетъ кровь отъ древа, и камень дастъ гласъ свой и поколеблются людіе; и Той будетъ царствовать, Его же не надѣются живущіи на земли, и прейдутъ птицы отъ мѣста своего, и море Содомское изринетъ рыбы, и дастъ гласъ нощію, его же мнози не знаша: и вси услышатъ гласъ его, и смятеніе будетъ на мѣстѣхъ мнозѣхъ, и огнь часто низпустится; и звѣріи польстіи преселятся, и жены боязливыя породятъ чуда, и въ сладкихъ водахъ сланы обрящутся, и друзіи вси сами на ся ополчатся, и скрыется тогда умъ, и разумъ отлучится въ хранилище свое; и взыщется отъ многихъ, и не обрящется: неправда же и невоздержаніе умножится на земли и вопроситъ страна ближнюю свою, и речетъ: Не прейде ли ко тебѣ правда Праведнаго творящая? и сего отречется. И будетъ въ то время, и уповати будутъ человѣцы и не воспріимутъ. Трудитися будутъ и не управятся путіе ихъ». Нѣмецкіе богословы, а имъ послѣдуя, и наши, по какимъ-то ученымъ и никакого основанія неимѣющимъ разсчетамъ и догадкамъ Книгу сію Эздры почитаютъ подложною: но умъ и сердце, озаренныя свыше, во всей книгѣ сей видятъ помазаніе и откровеніе Духа Святаго, который не можетъ быть подложенъ. Большимъ же доказательствомъ справедливости приведенныхъ выше мѣстъ изъ Эздры служитъ подобное предсказаніе о томъ же пророка Іереміи, описанное имъ, главы 1-й, въ стихахъ 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, и которые суть слѣдующіе: «Бысть Слово Господне вторицею ко мнѣ (и т. д., сокращаемъ текстъ). Нынѣ сбываются сіи пророчества.

Въ Имянномъ Высочайшемъ Указѣ, послѣдовавшемъ на имя Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 17 день ноября протекшаго 1824 г., между прочимъ пишется слѣдующее: Государь Императоръ, изъ донесенія Вашего Высокопреосвященства, усмотрѣлъ, что многія и до Вѣры относящіяся книги, содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ, безъ всякаго Сѵнодскаго разсмотрѣнія. Къ числу таковыхъ книгъ принадлежащими названы означенныя въ приложенномъ спискѣ, какъ при Указѣ—въ силу предложенія Вашего Высокопреосвященства, разосланнымъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода по подвѣдомнымъ ему мѣстамъ, такъ и въ циркулярномъ предложеніи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія сказано, что въ оныхъ книгахъ, подъ видомъ таинственнаго толкованія Священнаго писанія и примѣненія разныхъ мѣстъ содержанія онаго къ нравственному ученію, искажена святость книгъ Божественныхъ откровеній и разсѣяны явныя и лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ, и потому мѣстамъ, подвѣдомнымъ Сѵноду и Министерству Народнаго Просвѣщенія, предписано, чтобы оныя книги изъяты были изъ книгохранилища, отобраны отъ всякаго употребленія и хранились, запечатанныя, до особливаго о нихъ повелѣнія.

Движимъ будучи ревностію къ распространенію Евангельскаго просвѣщенія

Digitized by Google

и снѣдаемъ жалостію дома Божія, я осмѣливаюсь, по примѣру всегда бывшихъ ревнителей истинной Церкви, представить разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства слѣдующія истины:

Первое. Меня крайне соблазняетъ то, что Ваше Высокопреосвященство не дѣлали никакихъ представленій противъ сихъ книгъ, когда онѣ выходили изъ печати при началѣ; ежели онѣ въ самомъ дѣлѣ таковы, что въ нихъ искажена святость Божественнаго откровенія и разсѣяны явныя и лже-учительныя ученія, совершенно противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ: то лучше останавливать такой вредъ при первомъ его появленіи, нежели дать ему распространяться чрезъ многіе годы, и Ваше Высокопреосвященство могли сіе дѣлать при началѣ, имѣя по духовнымъ дѣламъ всегда сильный голосъ, который соединяя съ ревностію, нынѣ вами обнаруженною, всегда могъ имѣть свою цѣну и вѣсъ.

Второе. Цѣна вещи познается по плодамъ и слѣдствіямъ, отъ употребленія ея происходящимъ. Я сколько, по своимъ опытамъ, ни вижу людей, любящихъ читать книги, о которыхъ здѣсь дѣло идетъ, всегда нахожу ихъ лучшими и болѣе приверженными къ Церкви Христовой, нежели тѣхъ, которые возстаютъ противъ сихъ книгъ. Я осмѣливаюсь теперь напомнить Вашему Высокопреосвященству о членахъ бывшаго нѣкогда въ Москвѣ ученаго Дружескаго Общества. Вы, конечно, не почтете за стыдъ признаться, что вы много имъ одолжены и нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ, и многими, съ помощію ихъ, пріобрѣтенными познаніями. Они были любители и, большею частію, издатели таковыхъ книгъ. Пусть внутренній голосъ вашей совѣсти скажетъ Вашему Высокопреосвященству: когда вы у нихъ учились,—то учили-ль они васъ искажать святость книгъ Божественнаго откровенія и преподавали-ль вамъ явныя и возмутительныя лже-ученія, противныя церковнымъ и гражданскимъ постановленіямъ? Напротивъ того, не всегда ли они учили воспитанниковъ своихъ быть честными гражданами Общества, добрыми сынами Отечества, вѣрными подданными Высочайшей власти, истинными Христіанами и приверженными къ Церкви? Не они ли произвели Свѣтильника церкви, предмѣстника вашего, преосвященнѣйшаго Михаила; покойнаго добродѣтельнаго прото-пресвитера Андрея Николаевича Колоколова, котораго память городъ Осташковъ съ благодарностію воспоминаетъ, и другихъ подобныхъ имъ? Не они ли поставили крѣпкую преграду разливающемуся лже-вредному Вольтеровскому просвѣщенію, распространивши, съ пожертвованіемъ собственности, истинный свѣтъ Евангельскаго ученія изданіемъ Богодухновенныхъ книгъ, которыми о сію пору съ чувствомъ внутренней признательности пользуются ищущіи единаго на потребу.

Третіе. Я долгомъ поставляю взойти въ краткое разсмотрѣніе книгъ, означенныхъ въ спискѣ приложенномъ при Указѣ Святѣйшаго Сѵнода и предложеніи Министра Народнаго Просвѣщенія.

1) *Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.* Одно названіе книги сей должно заставить любить сію книгу; ибо какая должна быть въ сей нашей жизни, какъ не искать духа Христова? Книга сія сильно возстаетъ противъ наружныхъ и буквальныхъ школьныхъ Богослововъ. Но не говоритъ-ли Апостолъ Павелъ, что *письмя убиваетъ, а духъ животворитъ?* По моему мнѣнію Буквалисты, читая сію книгу, должны послѣдовать Пророку Давиду, когда пришелъ къ нему Пророкъ Нафанъ съ обличеніемъ, и пасть на землю предъ Богомъ съ поклоненіемъ и просить его, чтобъ онъ изгналъ изъ умовъ и сердецъ ихъ школьную дрянь и просвѣтилъ ихъ внутреннимъ сіяніемъ Духа Святаго Христова. Говорятъ, что книгу сію писалъ Парацельсъ. Не зная въ точности, правда-ли это, скажу, что Парацельсъ былъ великій духовный человѣкъ; онъ есть первый Ангелъ, излившій фіалъ свой на землю.

Digitized by Google

Описываемые, Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихѣ 2-мъ, Ангелы, изліявшіе фіалы свои, описываемые въ сей 16-й главѣ, были посланники Божіи, обличавшіе злыхъ людей всякаго состоянія и угрожавшіе имъ гнѣвомъ Божіимъ. Парацельсъ былъ великій обличитель, особливо, рано называющихъ себя учителями Церкви и приверженныхъ къ земнымъ благамъ, а о Небесныхъ невѣдущихъ и не радящихъ.

2) *Таинство Креста.* Книга сія есть истинное золото для христіанина, послѣдователя Христа распятаго. Я долгомъ почитаю Вашему Высокопреосвященству здѣсь разсказать бывшее со мною, относительно сей книги, происшествіе. Будучи въ чужихъ краяхъ, въ Гетингенѣ сдѣлался я болѣнъ, и болѣе духовно, нежели тѣлесно. Ибо угодно было Богу, поискавши меня, на безпутномъ бѣгу свѣтской моей жизни, подвергнуть тайному своему внутреннему суду, которому суду рано или поздно, въ сей или будущей жизни будетъ всякъ подверженъ. Свѣтскія книги всѣхъ факультетовъ мнѣ тогда не помогали: но большимъ лѣкарствомъ мнѣ послужила книга, бывшая у меня тогда на французскомъ языкѣ: *Таинство Креста;* особливо 6-я глава о внутреннихъ крестахъ, которую я совѣтую всякому прилѣжнѣйше читать во время боренія съ собою. Во время внутренняго сего крестнаго страданія перевелъ я нѣсколько главъ изъ сей книги, начавши съ шестой главы о внутреннихъ крестахъ; переводу сего было у меня восемь тетрадей двухъ-листовыхъ. По пріѣздѣ въ Россію съ покойнымъ товарищемъ моимъ Василіемъ Яковлевичемъ Колокольниковымъ, въ Ригѣ мы были остановлены въ февралѣ мѣсяцѣ 1792 года. Бумаги у меня всѣ были отобраны, и мы въ мартѣ мѣсяцѣ привезены были въ Петербургъ. Означенный переводъ мой отданъ былъ въ цензуру покойному преосвященнѣйшему, Митрополиту Гавріилу. Покойный Степанъ Ивановичъ Шишковскій, между прочими допросами, допрашивалъ меня и о семъ переводѣ, что у меня найдена какая-то книга, противная Религіи, о крестахъ. Я отвѣчалъ ему на сіе, что я дѣлалъ переводъ сей для внутренняго утѣшенія своего въ болѣзни; что я не почитаю книгу сію противною Христіанской Религіи и готовъ въ томъ спорить съ цѣлымъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Степанъ Ивановичъ Шишковскій мнѣ возразилъ на сіе, что преосвященнѣйшій Гавріилъ читалъ ее и находитъ ее противною Религіи. Преосвященный Гавріилъ, говорилъ я, какъ угодно, такъ и судитъ; а я не почитаю ее таковою. Но преосвященнѣйшій Гавріилъ, возразилъ мнѣ Степанъ Ивановичъ, эти дѣла лучше тебя знаетъ? Когда такъ, отвѣтствовалъ я, то я осмѣлюсь доложить слѣдующее: Ежели на томъ свѣтѣ доведется мнѣ посылану быть въ Адъ, а преосвященнѣйшій Гавріилъ отъ этого меня избавитъ и вмѣсто меня пойдетъ во Адъ самъ: тогда можетъ быть соглашусь думать такъ, какъ думаетъ Его Преосвященство. Но ежели во Адъ мнѣ должно будетъ самому итти, а преосвященнѣйшій Гавріилъ итти за меня туда откажется: въ такомъ случаѣ, чтобъ мнѣ позволено было думать по своему! Степанъ Ивановичъ Шишковскій замолчалъ [1]). И подлинно, я не могу вообразить, что худаго находятъ въ книгѣ сей,— особливо тѣ, которые еще хотятъ учить Христіанству? Сочинитель сей книги есть истинный седмый Ангелъ, изліявшій фіалъ свой на воздухъ, описываемый Апокалипсиса, главы 16-й, въ стихахъ 17, 18, 19, 20, 21. Ибо все, что провозглашено въ означенныхъ стихахъ симъ Ангеломъ, въ книгѣ «Таинство Креста» описывается въ 12-й главѣ. Въ началѣ сей главы не выгодно сочинитель отзывается о Духовенствѣ, о Сѵнодахъ и Соборахъ: но онъ отзывается о нехорошемъ Духовенствѣ, о нехорошихъ Сѵнодахъ и о нехорошихъ Соборахъ, каковы, напримѣръ, были: Флорентинской, Константской и подобные имъ. Ежели книгу вредною называть потому, что въ ней дурное духовенство не называется хорошимъ:

[1]) Эта исторія разсказана также въ письмѣ Невзорова къ О. И. Поздѣеву, напечатанномъ въ Библіогр. Запискахъ, 1858, № 17.

Digitized by Google

то и Евангеліе Христово должно быть не хорошо; потому что въ 23-й главѣ Матѳея, Христосъ духовныхъ учителей дурныхъ крайне порицаетъ. Впрочемъ, я осмѣливаюсь Вашему Высокопреосвященству объяснить, что Апостолъ Павелъ сказалъ: ежели кто проповѣдуетъ другое, а не то, что Апостолъ проповѣдывалъ, то да будетъ анаѳема. Сіе относится къ мѣстамъ и лицамъ, проповѣдующимъ противное Евангелію Христову.

3) *Путь ко Христу, Бема.* Бемъ есть истинный Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 14-й, въ стихахъ 6-мъ, 7-мъ. Онъ точно парилъ посреди Церкви Христовой и проповѣдывалъ Евангеліе вѣчное и общее всѣмъ истиннымъ всякаго племени и колѣна поклонникамъ Бога и Христа; во всѣхъ сочиненіяхъ внушалъ страхъ Божій, угрожая судомъ Божіимъ, училъ истинному поклоненію Творцу неба и земли, и Путь его ко Христу есть истинный путь христіанина. Онъ точно все писалъ по одному вдохновенію Духа Святаго; ибо онъ никогда ничему не учился, кромѣ какъ писать и читать и изъ бѣднаго сапожника сдѣлался великимъ орудіемъ Евангелія Христова и истинной Церкви Его.

4) *Побѣдная повѣсть Вѣры Христіанской, Штиллинга.* Книга сія есть великаго послѣдняго нѣмецкаго проповѣдника; много свѣта открываетъ ищущимъ истины. Въ Апокалипсисѣ открывается исторія Христіанства отъ временъ Апостольскихъ до послѣдней епохи его. Штиллингъ, будучи вдохновенъ Богомъ, много открылъ, относительно къ сему, новыхъ понятій, за которыя благодарить его должно. Всѣ его сочиненія, какъ напримѣръ: Угрозъ Свѣтовостоковъ, Приключенія по смерти, Тоска по отчизнѣ и другія, дышатъ одною любовію къ человѣчеству и ведутъ къ познанію Искупителя. Онъ имѣлъ великій даръ пророческій, что особенно видно изъ толкованія его въ Побѣдной Повѣсти на 15 и 16 стихахъ главы 16-й Апокалипсиса, на страницѣ въ русскомъ переводѣ 236, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Когда мы услышимъ о всеобщемъ союзѣ Царей, въ собраніи войскъ ихъ въ Армагеддонѣ: то бы стояли на стражѣ, бдѣли и молились, и не совлекали бы съ себя ризъ оправданія Христова; ибо бѣдные лохмоты добродѣтелей нашихъ не закроютъ наготы нашей и срамоты ея; ея же столь долго ожидаемый Великій Гость пріидетъ внезапу, яко тать, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща. Для видящихъ открытыми глазами смыслъ Штиллингова текста сего буквально сбывается. Когда Государи Европейскіе собрались на Вѣнскій Конгрессъ: тогда Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы, и отъ того крови много пролилось! Когда собрались на Ахенскій Конгрессъ: тогда взбунтовалась Испанская Америка, а послѣ уже сама Испанія, Неаполь и Португалія. Когда собрались въ Верону: тогда Грецію взбунтовалась! Еврейское слово Армагеддонъ значитъ посѣченіе, убіеніе; пророчески же, по толкованію, находящемуся въ Каталогѣ Библейскихъ словъ, при концѣ Библіи, большаго формата въ листъ, называется мѣсто, на которомъ имѣетъ быть событіе брани, плачевное Царямъ, на Церковь Христову возставшимъ. Толкованіе Штиллинга и на 18 и 19 стихахъ той же главы Апокалипсиса, русскаго перевода, на страницѣ 238-й, также удивительно. Онъ пишетъ въ ней слѣдующее: Никогда неслыханное землетрясеніе разумѣть должно слѣдующимъ образомъ: по изліянію седьмой чаши, яростный революціонный духъ войдетъ вездѣ на крайнюю степень буйства, всѣ узы гражданскаго союза расторгнутся; никто не будетъ безопасенъ ни въ чести, ни въ имѣніи, ни въ жизни своей, и нигдѣ не найдетъ пребывающаго себѣ града. Земля, т. е., государственныя постановленія вездѣ потрясутся; и какъ человѣки нигдѣ покойны не будутъ: то отъ горести и отчаянія станутъ скрежетать зубами и не будутъ знать, что дѣлать. Образчикъ сего потрясенія показала намъ Революція во Франціи. Какъ вѣрно сіе толкованіе Штиллингово и подтверждается многими опытами! Толкованіе его въ 8-й и 9-й книжкѣ «Угрозъ Свѣтовостоковъ», видѣнія, во снѣ Навуходоносору показаннаго и во 2-й главѣ

Digitized by Google

Даніила описаннаго, заслуживаетъ тоже всякаго вниманія. Чрезъ двѣ ночи статуи, видѣнныя Навуходоносоромъ, по толкованію святыхъ мужей, разумѣются двѣ Имперіи, на которыя раздѣлилась Римская Имперія, то есть, Восточная и Западная, изъ которыхъ нынѣ первую составляетъ Турція, а вторую Европа. Камень, въ сновидѣніи Навуходоносора, отвалившійся (оторвавшійся) отъ невидимой горы, точно ударилъ нынѣ въ ноги оной статуи; чему служатъ доказательствомъ на Западѣ французская и другія послѣдовавшія за нею въ Европѣ, и на Востокѣ—греческая Революція. Штиллингъ точно есть Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 21, 22, 23 и 24. Вотъ что говорится въ Апокалипсисѣ о семъ Ангелѣ: «*И взятъ единъ Ангелъ* крѣпокъ камень, великъ якоже жерновъ, и верже въ море глаголя: Тако стремленіемъ верженъ будетъ Вавилонъ, градъ великій, не имать *обрѣстися къ тому и гласъ чуденъ* и искателей и мусикіи не имать слышатися къ тому въ тебѣ, и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обрящется къ тому въ тебѣ, и свѣтъ свѣтильника не имать свѣтлости въ тебѣ къ тому, и голосъ жениха и невѣсты не имать слышанъ быти въ тебѣ къ тому; яко купцы твои быша вельможи земстіи; яко волхованіи твоими прельщени быша вси языцы, и въ немъ кровь пророческа и святыхъ обрѣтеся и всѣхъ избіенныхъ на земли». Штиллингъ, въ 18-й книжкѣ «Свѣтовостоковъ», содержащейся въ пятой части русскаго перевода, на страницахъ 132 и 133, пишетъ тоже самое слѣдующимъ образомъ: «Замѣть, любезный другъ, что я тебѣ скажу и, еще повторяю, замѣть! дабы къ чести имени Божія объявить всѣмъ твоимъ читателямъ, что настанетъ время и оно уже недалеко, что мальчики и дѣвочки и юноши и дѣвицы перестанутъ помышлять о романахъ, театрахъ и балахъ, и будутъ думать о хлѣбѣ и водѣ, будутъ воздыхать о пристанищѣ и покровѣ: война, мечь и голодъ и язва вездѣ преслѣдовать ихъ будутъ; севодни скажетъ невѣста: завтра я буду женою любезнаго: но завтра женихъ ея очутится подъ ружьемъ, чтобы быть иногда убійцею и своихъ соотчичей! Храмы Божіи запустѣютъ и не будетъ въ нихъ проповѣдующаго: напасти погонятъ въ оныя жаждущихъ слова Божія: но совы въ оныхъ возглашать будутъ казни Божія, и филины возвѣщать близкую смерть; враны повьютъ гнѣзда на стѣнахъ храмовъ; и духъ проповѣдниковъ, коихъ проповѣди гонятъ нынѣ слушателей вонъ изъ церкви, бѣгая къ олтарямъ и взмѣщиваясь на каѳедры, будутъ искать себѣ покоя и отрады тамъ, гдѣ грѣшили, а не найдутъ въ нихъ! Отецъ и сынъ изыдутъ искать куска хлѣба и проходя мимо развалинъ разрушеннаго зданія, сынъ вопроситъ отца, что за развалины это? Это былъ театръ, скажетъ отецъ, и сынъ, не разумѣя, вопроситъ еще: а что то былъ за домъ? Все сіе ты объяви читателямъ твоимъ! Многіе изъ нихъ станутъ надъ тобою смѣяться, браниться и ругать тебя: но ты не устрашишься сего. Такова была издревле участь свидѣтелей истинны, равно какъ участь наказуемыхъ гнѣвомъ Божіимъ равно всегда была та, что они при ожесточенныхъ сердцахъ не внимали никакимъ увѣщаніямъ и въ бѣшенствѣ нападали на свидѣтелей истинны, проповѣдовавшихъ имъ покаліе».

5) *Письмо къ другу объ Орденѣ свободныхъ Каменьщиковъ*. Я держу неутралитетъ относительно къ сей книгѣ: при всемъ томъ однако удивляюсь, чѣмъ заслужила сія книга такую строгость. Въ книгѣ сей отецъ даетъ наставленіе сыну, чтобы онъ избѣгалъ ложныхъ, тайныхъ и часто соблазнительныхъ обществъ, а держался бы правилъ искать добродѣтели и быть исполнителемъ ея. При множествѣ появившихся въ послѣднія времена подъ разными именами тайныхъ обществъ, часто разными вздорами занимающихся, кажется Правительство съ своей стороны въ предостереженіе неопытныхъ людей должно бы сію книгу рекомендовать. Къ стати я нахожу здѣсь замѣтить, что истинно-свободный каменьщикъ есть тоже, что истинный Христіанинъ, и камень, котораго онъ ищетъ,

Digitized by Google

есть Христосъ. Въ книгѣ подъ названіемъ: «Наставленіе ищущимъ премудрости или Пастырское посланіе къ свободнымъ Каменьщикамъ», весьма ясно и убѣдительно сіе изложено. Книга сія должна цѣниться дорого и служить карманною книгою не только для свободныхъ каменьщиковъ, но и для всѣхъ вообще ищущихъ истинной христіанской мудрости.

6) *Сіонскій Вѣстникъ.* Издатель Сіонскаго Вѣстника, какъ изданіемъ сего журнала, такъ и другихъ многихъ преполезныхъ и богодухновенныхъ книгъ заслужилъ всеобщую отъ добрыхъ людей всякаго состоянія благодарность. Государь Императоръ, признавая, и чувствуя цѣну его заслугъ и пользу, отъ книгъ его проистекающую, не только удостоилъ включить себя въ число пронумераторовъ на сей журналъ: но и издателя его пожаловалъ кавалеромъ ордена св. и равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста, и въ грамотѣ на сей орденъ именно сказалъ, что онъ дается за изданіе полезныхъ духовныхъ книгъ. Многіе боголюбивые Христіане желали бы.... [1]) продолженіе сего журнала.

7) *Краткое разсужденіе о важнѣйшихъ предметахъ жизни Христіанской.* Признаюсь, что я не могу надивиться, почему таковыя книги почитаются вредными. Въ сей книгѣ нѣтъ ничего больше, какъ о внутренней жизни Христіанской и о возрожденіи духовномъ, которое всегда было и будетъ предметомъ истинныхъ служителей Божіихъ и послѣдователей Христовыхъ. У насъ нынѣ смѣются и гонятъ Мистицизмъ или Таинственность! Но что такое значатъ церковныя пѣсни: Иже херувимы тайно образующе; Святымъ духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣется троическимъ единствомъ священнотайнѣ,—и подобныя имъ? Для чего онѣ поются?—Въ Сіонскомъ Вѣстникѣ въ разсужденіи о Мистикѣ говорится, что Мистика состоитъ въ переработываніи, при содѣйствіи Духа Святаго, чувственнаго и плотскаго человѣка въ духовнаго. Кажется тутъ нѣтъ ничего худаго, и Мистику порицать нѣтъ причины!

8) *Сочиненія г-жи Гіонъ.* Чѣмъ заслужила порицаніе сія великая въ женахъ, которая ничего не проповѣдывала, кромѣ истиннаго Христіанства? Что есть Христіанство? Оно есть послѣдованіе Христу. Въ чемъ состоитъ послѣдованіе Христу? Христосъ самъ сіе объяснилъ — сказавши: «Иже хощетъ по мнѣ итти, да отвержется себе и возметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ». Великая Гіонъ въ сочиненіяхъ своихъ ничего болѣе не проповѣдывала, какъ токмо самоотверженіе. За что же мы, называющіеся Христіанами, будемъ не любить и гнать сію великую жену? Да она женщина, говорятъ многіе! а женщина не должна будто бы учить и проповѣдывать! Мудреное мужчины приписываютъ себѣ единоторжіе! Апостолъ Павелъ говоритъ, что жены должны молчать въ церквахъ, то есть въ собраніяхъ церковныхъ; а чтобъ имъ нигдѣ не проповѣдывать слова Божія, этого нигдѣ нѣтъ! Мы сами прославляемъ въ церквахъ святую равноапостольную Ѳеклу, св. великомученицъ Екатерину, Варвару и другихъ, которыя за то и пострадали, что проповѣдывали Христіанство! Въ Грузіи съ благоговѣніемъ почитаютъ святую Нину, которую почитаютъ насадительницею тамъ Христіанской вѣры. Неужели Грузію должно обратить опять въ язычество за то, что она обращена въ Христіанство женщиною? О бѣдность ума нашего! Духъ, идеже хощетъ, дышетъ!.. Государь Императоръ, чувствуя пользу отъ сочиненій г-жи Гіонъ, издателю ихъ на печатаніе пожаловалъ 15 тысячъ рублей. Госпожа Гіонъ есть истинный Ангелъ, описываемый Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 1, 2, 3.

9) *Краткій и легчайшій способъ молиться.* Г-жа Гіонъ за первую сію книгу пострадала во Франціи. За что? За то, что она учитъ поклоняться Богу Духу ду-

[1]) Въ текстѣ описка.

Digitized by Google

хомъ и истинною. Стало быть внутреннее поклоненіе не годится, а оно состоитъ только въ наружныхъ крестахъ и поклонахъ, да въ большихъ кружкахъ? Прости насъ, Господи! не вѣдаемъ, что творимъ!

10) *Божественная философія.* Сочиненіе Дютуа. Книга сія заключаетъ въ себѣ много новыхъ понятій: но такихъ, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ вдохновеніе. Она есть подлинно Божественная философія; ибо школьная философія не можетъ достигнуть такихъ понятій, которыя открываются младенцамъ, а отъ премудрыхъ міра утаеваются. Я имѣлъ случай знать людей, имѣвшихъ связь съ сочинителемъ сей книги, и они разсказывали объ немъ, что онъ одною Христіанскою любовію жилъ и дышалъ: но онъ не былъ внѣшній школьникъ, — въ томъ-то видно вся и бѣда его!

Вотъ десять наименованій книгъ, которыя Ваше Преосвященство почитаете вредными для Христіанства! Напротивъ того, вы къ подкрѣпленію православія служащею почитаете книгу подъ названіемъ: *Бесѣда на гробъ младенца*, какъ видно изъ Высочайшаго Указа, даннаго на имя г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 17-й день ноября 1824 года. Я не читалъ сей книги, но видѣлъ маленькій отрывокъ изъ нея, къ которомъ сочинитель крайне ругаетъ Христіанскую философію. Для меня уже крайне худая рекомендація сей книги, и я заключаю изъ того, что сочинитель не только не можетъ быть защитникомъ Христіанства, но не имѣетъ никакого понятія о Христіанствѣ.

Не будетъ-ли мнѣ причтено въ вину, что я многихъ изъ сочинителей выше означенныхъ книгъ, почитаю и называю Апокалипсическими Ангелами; а они не принадлежатъ къ наружной церкви?—Я осмѣливаюсь на сіе представить Вашему Высокопреосвященству, что Богъ, представляя въ видѣніяхъ Іоанну Богослову будущія приключенія церкви Христіанской, показывалъ ему людей въ образѣ Ангеловъ, имѣющихъ прославиться заслугами церкви, не въ одеждѣ наружной разнообразной состоящими, но въ истинномъ житіи и добродѣтеляхъ внутреннихъ, въ проповѣди истиннаго Евангельскаго просвѣщенія и любленіи Христа распятаго во всѣхъ наружныхъ исповѣданіяхъ Христіанства. Эта язва у насъ преподается и много дѣлаетъ вреда и поношенія истинной церкви Христовой, что будто бы никто изъ не принадлежащихъ къ наружной греческой церкви, не можетъ быть спасенъ, и не можетъ ни хорошо разсуждать, ни писать о духовныхъ матеріяхъ, ни имѣть откровенія и вдохновенія! А между тѣмъ по какому-то странному и непонятному противорѣчію большею частью наши богословы пользуются въ преподаваніи книгами нѣмецкихъ школьныхъ богослововъ. Я самъ учился въ Рязанской семинаріи по нѣмецкому автору Карповію; да и Ваше Высокопреосвященство въ Московской Академіи, помнится мнѣ, учились по нѣмецкому автору Миллеру. Я не вѣрю, чтобы Ваше Высокопреосвященство поставляли сущность Христіанства въ наружныхъ обрядахъ, что доказали вы будучи въ Москвѣ архипастыремъ; ибо вы освящали тогда старо-обрядческую церковь по ихъ книгамъ и съ употребленіемъ ихъ крестовъ, кажденій и поклоновъ, которые въ господствующей греко-россійской церкви неупотребительны. Церковь сія благословенною названа потому, что въ ней священниковъ принимаютъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и ихъ въ служеніи поминаютъ; а заблужденія раскольническія у нихъ остались тѣже, безъ чего они считались отпадшими еретиками. Павелъ Апостолъ не велитъ Христіанамъ называться ни Аполлосовыми, ни Петровыми, ни Павловыми: но только Христовыми.

Въ Евангеліи Христосъ говоритъ, что истинной Его церкви врата адовы не одолѣютъ. Конечно, здѣсь не та церковь разумѣется, которая хвалится огромными зданіями и мраморами, жемчугами и золотомъ; ибо сей церкви возвѣщается горе и гибель, Апокалипсиса, главы 18-й, въ стихахъ 4, 5, 6 и до 20. Но

Digitized by Google

здѣсь разумѣется та церковь, которая основана на камени истиннаго исповѣданія Христа, Сына Бога живаго, которой основаніе положилъ верховный Начальникъ съ 12-ю бѣдняками своими въ чужой заемной горницѣ, на горѣ Елеонской и на Голгоѳѣ, и которой члены разсѣяны по всему шару земному, и вездѣ въ темницахъ, въ вертепахъ, въ ущелинахъ и подземельяхъ и подъ разными формами и разными языками покланяются и служатъ единому Іисусу, любятъ единаго Іисуса, крестомъ его хвалятся и признаютъ его Искупителемъ.

Одно внутреннее поклоненіе Богу непремѣнно; а наружность премѣняется, что мы видимъ въ различіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ. Одною наружностію хвалящіеся вводятъ въ нее многія злоупотребленія и Самимъ Спасителемъ нашимъ порицаемую торговлю. Въ Исторіи церковной и гражданской Георгія Кедрина, печатанной на россійскомъ языкѣ въ сунодальной типографіи, описывается нѣкоторая любопытная повѣсть о нѣкоторой церковной наружности. Нѣкто Апокватъ въ Константинополѣ въ послѣднія времена греческихъ царей [1]) захватилъ себѣ въ руки насильственнымъ образомъ, по подобію Годунова или Отрепьева, верховную власть въ предосужденіе законныхъ наслѣдниковъ. На сей разъ былъ съ нимъ въ союзѣ греческій патріархъ, который однакожъ въ теченіе времени началъ охладѣвать къ нему. Апокватъ, замѣтивъ сіе, всѣхъ родственниковъ его произвелъ въ чины и набогатилъ съ избыткомъ. Для патріарха же установилъ новаго рода отличія, состоящія въ наружныхъ украшеніяхъ, по примѣру царской одежды, который имѣлъ слабость ихъ принять, обѣщаясь быть вѣчно благодаренъ. Георгія Кедр. часть 3, листъ 91, 92. Не саккосъ-ли это архіерейской? Ибо древніе архіереи имѣли ризы священническія, а отличіемъ ихъ былъ только омофоръ. Это у насъ называется благолѣпіемъ церкви! Неужели мы должны имѣть больше уваженія къ сему Апокватовскому подарку, нежели къ Богодухновеннымъ прозведеніямъ Ѳомы Кемпійскаго, Іоанна Арндта и другихъ подобныхъ имъ свѣтильниковъ архіерейства?. . . . . .
. . . . . [2]).

Разсмотримъ еще нѣкоторые соблазны, царствующіе въ нашей наружной церкви и—для примѣра—посмотримъ на нашн монастыри! Что такое есть монастырь? Монастыри завелися такимъ образомъ: нѣкоторые избранные мужи, по внутреннему внушенію Духа Божія, всего отрекшись, уходили въ пустыни для внутренней молитвы и богомыслія и умерщвленія плоти своей разными трудами и подвигами. Въ теченіе времени Богу угодно было ихъ прославить и къ нимъ многіе приходили учиться и оставались при нихъ жить, чтобъ слѣдовать ихъ примѣру, и они вмѣстѣ жили своими трудами, не обременяя ничѣмъ общества. Изъ Церковной Исторіи мы видимъ, что въ древнія времена, когда придутъ посѣтители въ какой особливо прославленный монастырь: тогда имъ сказываютъ, что у нихъ такой-то затворникъ трудится столько-то лѣтъ; такой-то отецъ изнуряетъ себя постомъ и воздержаніемъ до такого-то степени; такой-то послушникъ удивляетъ всѣхъ многіе годы молчаніемъ своимъ и другіе другими подвигами. Чтожъ дѣлаютъ нынѣ, когда придутъ посѣтители въ монастырь? Имъ показываютъ богатыя и огромныя зданія, множество серебра и золота, парчей, жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней! А монахи всѣ выглажены, выряжены, съ кудрявыми длинными волосами, съ искусствомъ по плечамъ разположенными, сыты, статны, молоды, дородны, однимъ словомъ: прелесть на вкусъ многихъ! Но если надобно смотрѣть золото, серебро и драгоцѣнности: то

---

[1]) Въ рукоп. «церквей».

[2]) Невзоровъ продолжаетъ говорить подобнымъ образомъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Digitized by Google

можно для сего итти въ серебряный рядъ, къ богатымъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ, кущамъ и ювелирамъ,—и чтобъ видѣть наряженную, выглаженную и распрысканную человѣческую фигуру: то можно итти на Кузнецкой мостъ въ Москвѣ и тамъ смотрѣть разряженныхъ французскихъ мадамъ и мамзелей, чѣмъ въ какую-нибудь лавру смотрѣть разряженныхъ монаховъ? А что дѣлается въ женскихъ монастыряхъ? Я еще помню, что монахини имѣли скромные клобуки, подобные мужескимъ съ крыльями; а нынѣ все сіе забыто, и монахини вмѣсто клобуковъ распускаютъ длинный флёръ до самыхъ пятъ. Многія изъ нихъ шнуруются; мантіи начали носить съ широкими воротниками и бархатными перелинками, чего прежде никогда не бывало. Послушницы же и клирошанки прежде сего ходили въ черныхъ рясахъ съ широкими рукавами и въ черныхъ скромныхъ повязкахъ; а нынѣ онѣ одѣваются въ женскіе черные капоты съ модными лифами, узкими рукавчиками и прелестными на грудяхъ выкройками. И такъ и монастыри щеголяютъ модами! Игуменья лишь только придетъ въ церковь: то все служеніе пройдетъ въ томъ, что всѣ монастырки подходятъ къ ней, пренизко кланяются и цѣлуютъ у нея руку. Неужели это служитъ къ какому назиданію, а не къ гордости относится? Для меня это крайній соблазнъ! Изъ исторіи монастырской видно, что настоятели становились позади всѣхъ на нѣкоторыя возвышенныя мѣста не для того, чтобъ къ нимъ подходили кланяться и руки цѣловать; а для того, чтобъ имъ видны были въ церкви всѣ братія и они смотрѣли за ихъ благочиніемъ; впрочемъ они первые всегда показывали примѣръ кротости и смиренія, а не чванства и отвратительнаго властолюбія.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Кто имѣетъ ревность и силу къ соблюденію чистоты церкви Христовой: то лучше не допускать быть таковымъ злоупотребленіямъ и соблазнамъ и вкравшіяся истреблять, нежели останавливать источникъ воды живыя, льющейся изъ книгъ богодухновенныхъ, каковы суть напримѣръ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова; Таинство Креста; Путь ко Христу, и подобныя имъ. Что сказать о внѣшнемъ служеніи въ большей части церквей, о чтеніи въ два или три голоса и еще съ пропускомъ многаго, о служеніи молебновъ скорѣе, чѣмъ эстафетъ ѣдетъ, и подобныхъ соблазнахъ?

Теперь остается разсмотрѣть, что означенныя книги печатались безъ синодскаго разсмотрѣнія. Извѣстно однако же, что онѣ печатались съ вѣдѣнія и Высочайшей воли Государя Императора, что доказывается пожалованіемъ издателю Сіонскаго Вѣстника ордена второй степени св. равноапостольнаго князя Владиміра, издателю сочиненій г-жи Гіонъ на печатаніе 15 тысячъ руб. А имѣетъ ли право пекущійся о благѣ своихъ подданныхъ Государь Императоръ дозволить сіе и повелѣть, зная особливо и видя пользу отъ сихъ книгъ проистекающую; и въ то время, когда обязанные сіе дѣлать не только не дѣлаютъ сего: но еще препятствуютъ и не даютъ выходить въ свѣтъ даже восточнымъ отцамъ, каковъ, напримѣръ, Исаакъ Сиринъ [1]):—то пусть благоволитъ рѣшить сіе Ваше Высокопреосвященство. А я съ своей стороны осмѣлюсь только Вашему Высокопреосвященству донести, что насталъ нынѣ день горящій, яко пещь, описываемый Малахіи пророка въ главѣ 1-й, и что всадникъ на бѣломъ конѣ, описываемый главы 19-й въ стихахъ 11, 12, 13, 14, 15, 16, перетъ нынѣ точило вина ярости и гнѣва Божія Вседержителева.—Богъ для пророка Иліи свелъ трижды съ небеси огнь и рукою сильною своею праведно погубилъ Вааловыхъ и дубравныхъ жре-

[1]) Исаакъ Сиринъ въ нѣкоторыхъ возбуждалъ тогда недовѣріе своимъ мистическимъ характеромъ. Ср. то, что говорится объ этомъ предметѣ въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ», 1817 г., ч. VI, стр. 7—8.

Digitized by Google

ковъ, какъ пишется въ Книгѣ Царствъ. А я смѣю увѣрить, что Богъ, бывшій во дни Иліи, есть и нынѣ, и есть тотъ же и таковъ же, и Онъ, по пророчеству Штиллинга, не попуститъ Антихристу укоренить въ Россіи царство свое. Представляя все сіе въ духѣ вѣры Христовой безпристрастному разсмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства, съ должнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Ваше высокопреосвященство!
Милостивый архипастырь!
Вашего высокопреосвященства
Покорнѣйшій слуга...

Іюня 23-го дня 1825 года.
Москва.

II.

ПИСЬМО ЕГО ЖЕ КЪ КН. АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГОЛИЦЫНУ.

Сіятельнѣйшій Князь!
Милостивый Государь!

Имѣю честь приложить при семъ копію съ посланнаго мною на нынѣшней же почтѣ письма къ преосвященнѣйшему митрополиту Серафиму. Богу угодно было двигнуть душею моею, и умомъ и сердцемъ; и я написалъ сіе письмо. Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ! Трудно было вообразить, чтобъ въ наши времена случились въ Россіи два такія противныя Богу дѣйствія. *Первое*, что Дубовицкій и Гаганъ (?) посланы въ монастыри на заточеніе за то токмо, что они, будучи свѣтскіе люди, бесѣдовали съ собратіями своими о Христѣ и христіанствѣ. *Второе*, что начали гнать Христа правительственнымъ образомъ, истребленіемъ книгъ, проповѣдующихъ Евангеліе Его. Но видно сіе Богъ попустилъ для того, чтобы мы, при изліяніи Его гнѣва на насъ, не могли сказать никакого оправданія предъ Нимъ. Покойный преосвященный рязанскій Сергій гораздо лучше рѣшилъ дѣло Дубовицкаго и точно такъ, какъ должно христіанскому архипастырю. Когда священникъ Конюшенной волости села Горлова, гдѣ случилось сіе произшествіе, пріѣхалъ доносить къ нему, что подполковникъ Дубовицкій проѣздомъ чрезъ его приходъ имѣетъ бесѣды съ его прихожанами о вещахъ духовныхъ: то преосвященный спросилъ его: что же, не дѣлаются ли хуже отъ того твои прихожане? Нѣтъ! отвѣчалъ священникъ. Не перестали-ль они ходить въ церковь? спросилъ пастырь. Напротивъ того, отвѣчалъ священникъ, они прежде рѣдко ходили, а теперь гораздо чаще. Не перестали-ли пріобщаться, спросилъ опять преосвященный. Нѣтъ! говорилъ священникъ, прежде они мало пріобщались, а теперь по нѣскольку разъ въ годъ. Такъ стало быть, сказалъ пастырь, и доносить не о чемъ, тутъ нѣтъ ничего худаго; и такимъ образомъ окончилъ сіе дѣло. Но Богъ свидѣтелей истинны повергаетъ въ горнило искушенія, чтобъ послѣ удостоить ихъ своихъ радостей! Не будемъ гасить свѣтильниковъ своихъ, чтобы изыти въ срѣтеніе Ей, грядущему нынѣ, если уже не пришедшему именно къ намъ жениху.

Желая Вашему Сіятельству всякой милости Божіей и помощи, съ должнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть,—и проч.

Digitized by Google

ПОКИНУТЫЙ ДОМЪ.

Домъ стоитъ близъ Мойки, — вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ.
Въ домѣ роскошь — мраморъ, — хоры на колонкахъ —
Расписной плафонъ.

Шумно было въ домѣ: гости пріѣзжали —
Вечера, — балы, —
Вдругъ все стало тихо — даже перестали
Натирать полы.

Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязь — швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ —
Судороги, жаръ...

Вотъ, передъ кіотой огонекъ лампадки....
И хозяйка-мать
Приложила ухо къ пологу кроватки —
Стоновъ не слыхать.

— «Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышетъ...»
Но, на этотъ разъ,
Мнимое дыханье только сердце слышитъ —
Сынъ ея погасъ.

Digitized by Google

— «Боже милосердый! Я ли не молилась
«За родную кровь!
«Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
«Мнѣ моя любовь!

«Боже! страшный Боже! Гдѣ-жъ твои щедроты?
«Коли отнялъ ты
«У отца — надежду, у моей заботы
«Лучшія мечты!»

И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы, —
Жалобы напѣвъ
Перешелъ въ упреки, въ дикія угрозы,
Въ богохульный гнѣвъ.

Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
Крестится, глядитъ:
Видитъ — промелькнула бѣлая рубаха,
Что́-то шелеститъ.

И мужикъ косматый, точно изъ берлоги
Вылѣзъ на просторъ,
Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
Свѣсилъ на коверъ.

И вздохнулъ, и молвилъ: «Ты ужъ за ребенка
«Лучше помолись;
«Это я, голубка, глупый мужичёнко —
«На меня гнѣвись...»

Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
«Да воскреснетъ Богъ!»
«Няня, няня! Люди! — Кто ты? вопрошаетъ:
«Какъ войти ты могъ»?

— «А сквозь щель, голубка! вѣдь твое жилище
«На моихъ костяхъ,
«Новый домъ твой давитъ старое кладбище —
«Нашъ отпѣтый прахъ.

Digitized by Google

«Помнишь — это было при Петрѣ Великомъ —
«Къ намъ пришелъ указъ:
«Взвыли наши бабы и ребята крикомъ
«Проводили насъ —

«И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься
«Жалко было тожъ —
«Подрастали дѣтки, да и колоситься
«Начинала рожь...

«За спиной-то пилы, топоры несли мы:
«Шелъ не я одинъ —
«Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,
«А сюда въ Ильинъ.

«Истопталъ я лапти, началась работа,
«Почали спѣшить:
«Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,
«Сваи колотить —

«Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
«Выросъ городокъ!
«Прихватила осень, — я шубенку гдѣ-то
«Заложилъ въ шинокъ.

«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
«А я слегъ въ шалашъ;
«Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
«Умеръ и — шабашъ!

«Вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли,—
«Барыня, повѣрь,
«Въ тѣ поры тутъ ночью только волки выли —
То ли, что теперь!

«Поглазѣть на Питеръ долго на свободу
«Выйдти я не могъ:
«Изъ подвальной ямы выкачали воду —
«И — прошелъ мой вздохъ.

Digitized by Google

«Ты меня не бойся — что́ я? мужичёнко!
«Грязенъ, бѣденъ, сгнилъ,
«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
Словно придушилъ...»

Онъ исчезъ — хозяйку около кроватки
На полу нашли;
Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.

Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живётъ;
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ....
Домъ свой продаётъ —

И пустой стоитъ онъ, — только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ.
Да въ окошкахъ темныхъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Я. П. Полонскій.

Digitized by Google

ТУРЕЦКІЯ РЕФОРМЫ

и

БЮРОКРАТІЯ.

I.

La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz (1862—1867), par *Frederick Millingen* (Osman-Seify-Bey). Paris, 1868.

Военно-Статистическій Сборникъ на 1868 годъ. Выпускъ II. Составленъ подъ редакціею Гл. Шт. ген.-маіора *Н. Н. Обручева*. Спб. 1868.

Въ 1861 году, странныя извѣстія изъ Константинополя распространились въ Европѣ. Прошелъ слухъ, что новый султанъ, Абд-улъ-Азизъ, младшій сынъ Махмуда, затѣваетъ нѣчто въ родѣ полнаго преобразованія Оттоманской имперіи. Султанъ Абд-улъ-Азизъ — говорили — не похожъ на своего предшественника, изнѣженнаго, ничтожнаго Меджида. Абд-улъ-Азизъ, при жизни брата, по обычаю азіатскихъ правительствъ, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ не открытая борьба мнѣній, а личныя интриги, борьба между личными интересами придворныхъ, жилъ въ уединеніи, почти въ изгнаніи, и умъ его озлобленъ противъ всѣхъ стоящихъ на высшихъ степеняхъ управленія въ Турціи и противъ всего порядка этого управленія; онъ не похожъ на брата: дѣятеленъ, практиченъ, и рѣшителенъ. Онъ изъявилъ твердую рѣшимость править страною самъ, произвесть большія сбереженія, и уже началъ съ того, что распустилъ свой гаремъ.

По всѣмъ подобнымъ слухамъ, европейская публика стала ожидать, что въ Турціи произойдетъ вскорѣ въ своемъ родѣ

Digitized by Google

петровская реформа. Австрійскіе, французскіе и, въ особенности, англійскіе журналы, въ силу того страннаго логическаго пріема, который состоитъ въ прославленіи возрожденія Турціи для того именно, чтобъ поддержать въ ней statu quo, — провозгласили, на этотъ разъ съ особенною увѣренностью и торжественностью, что новая эра для Оттоманской имперіи положительно наступила.

Но недолго продержались эти ожиданія, не оправдалась увѣренность оптимистовъ. Мало-по-малу, энергія Абд-улъ-Азиза ослабла, сокращенія въ бюджетѣ уступили мѣсто иностраннымъ займамъ; вновь возникъ гаремъ, начались и перестройки дворцовъ, и недоплата войску жалованья.

Какимъ образомъ произошла такая перемѣна? Сколько есть правды въ турецкихъ реформахъ, и каковою, за ними, является въ дѣйствительности нынѣшняя организація Оттоманской имперіи? Неуспѣхъ Абд-улъ-Азиза въ его реформистскихъ планахъ на широкую ногу было ли это явленіе только случайное, зависѣвшее отъ причинъ личныхъ и временныхъ, такъ что обновленіе Турціи все еще можно считать не безусловно невозможнымъ въ будущности, или же въ этомъ неуспѣхѣ отразились коренныя, неустранимыя причины, и неуспѣхъ этотъ слѣдуетъ понимать какъ свидѣтельство въ «неизлечимости больного»?

Вопросы эти интересны и для историка-физіолога государственныхъ организмовъ, и для политика, ищущаго вѣрныхъ данныхъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ на юго-востокѣ. По этимъ вопросамъ было немало писано и пишется ежедневно въ противоположныхъ смыслахъ, оптимистскомъ и пессимистскомъ, и нельзя не признать, что факты, слѣдующіе одинъ за другимъ, склоняются болѣе на сторону пессимистовъ.

Особенную цѣну для рѣшенія этого вопроса можетъ имѣть свидѣтельство такого человѣка, который самъ началъ съ убѣжденія въ возможности и даже несомнѣнности возрожденія Турціи при нынѣшнемъ султанѣ, явился самъ, хотя и скромнымъ, работникомъ этого возрожденія,—и, наконецъ, неотразимымъ краснорѣчіемъ фактовъ былъ доведенъ до полнаго разочарованія. Такой человѣкъ, на самомъ себѣ испытавшій характеръ новой турецкой эры и нынѣшнія условія внутренней жизни этой имперіи, во всякомъ случаѣ — компетентный свидѣтель. Хотя показанія его, именно, по личнымъ его отношеніямъ къ предмету, могутъ быть не вполнѣ безпристрастны, но они имѣютъ большое значеніе.

Въ такихъ условіяхъ является авторъ книги, на которой мы хотимъ остановить вниманіе читателя въ настоящей статьѣ.

Авторъ этой книги г. Миллингенъ (Османъ-Сейфи-бей) ан-

Digitized by Google

гличанинъ по происхожденію, но родившійся въ Константинополѣ и связанный родствомъ съ одною знатною турецкою фамиліей, служилъ въ турецкомъ войскѣ, въ крымскую кампанію въ Малой Азіи, и въ нѣсколькихъ походахъ противъ черногорцевъ. Въ турецкую службу онъ вступилъ именно съ полнымъ убѣжденіемъ, что Турція, наконецъ, обновляется, что ей нужны дѣятели молодые и образованные для содѣйствія этому обновленію, на всѣхъ степеняхъ администраціи, и что она съумѣетъ оцѣнить ихъ. Невозможность реформы прежде всего въ самыхъ нравахъ турецкой администраціи сказалась на самомъ авторѣ. Преслѣдованія взяточниковъ, направленныя противъ него, заставили его искать защиты у высшаго правительства, но и тамъ онъ не нашелъ ее и потому оставилъ турецкую службу. Такъ какъ администрація, вообще, имѣетъ обыкновеніе возражать на взводимыя на нее обвиненія выставляя въ черномъ видѣ личность обвинителя, то Миллингенъ, съ чисто-англійскою практичностью, приложилъ къ своему сочиненію рекомендаціи, данныя ему отъ начальника французской военной миссіи и отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Соединенныхъ-Штатовъ въ Константинополѣ. Миллингенъ намѣревался поступить въ американскую армію; успѣлъ-ли онъ въ томъ — изъ книги не видно.

Абд-улъ-Азизу было всего десять лѣтъ, когда старшій братъ его, Абд-улъ-Меджидъ вступилъ на престолъ, по смерти отца ихъ, султана Махмуда, въ 1839 году. Онъ выросъ въ уединеніи и вдали отъ той разслабляющей атмосферы, которую высокіе сановники Порты умышленно поддерживаютъ въ Стамбулѣ, вокругъ султана. Уединеніемъ этимъ Абд-улъ-Азизъ воспользовался если не для образованія ума, то для укрѣпленія тѣла. Умственное образованіе его не пошло дальше изученія арабской грамматики. Но онъ сдѣлался отличнымъ всадникомъ и стрѣлкомъ, неутомимымъ охотникомъ. Когда онъ не былъ въ полѣ, то находился на фермѣ въ Курбали-дере, на которой онъ разводилъ овецъ.

То, что доходило до него изъ фактовъ стамбульской придворной жизни, вызывало въ немъ ненависть и презрѣніе къ ея участникамъ. Въ Абд-улъ-Азизѣ готовился наслѣдникъ престола дѣятельный, смѣлый и энергическій, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне-недовѣрчивый, ревнивый къ независимости своей власти, упрямый и довольно ограниченный. Когда онъ наслѣдовалъ брату, ему было 32 года.

Судьба брата его была незавидная, способная внушить на-

Digitized by Google

слѣднику престола самую твердую рѣшимость — во что бы то ни стало не подчиняться никому.

Власть султана, обыкновенно, представляютъ себѣ всесильною. Но власть, которая совершенно отчуждена отъ народа, совершенно разобщена съ нимъ, не можетъ все-таки быть безусловною. Ее стѣсняютъ также, только не народныя потребности и стремленія, а тѣ непроницаемыя паутины, которыя успѣваетъ развѣсить между народомъ и верховной властью въ дѣйствительности — всесильная бюрократія. Султанъ, конечно, можетъ, по временамъ, взмахомъ своей сабли разрубить существующую въ данный моментъ ткань этой паутины; но онъ не можетъ предупредить, чтобы она не образовалась вновь. Въ личныхъ попыткахъ султановъ разорвать эту цѣпь, надо видѣть борьбу, которой общій исходъ непремѣнно въ рукахъ бюрократіи, а не султановъ; попытки султановъ не что иное, какъ усилія отдѣльныхъ людей, вспышки личной страсти; между тѣмъ, какъ дѣло бюрократіи есть неизбѣжный результатъ разобщенности власти, и какъ неизбѣжный результатъ появится вновь, сколько бы разъ его ни уничтожали. Сабля, наконецъ, заржавѣетъ, рука, державшая ее, устанетъ; а паутина возобновится и протянется прежнимъ непроницаемымъ слоемъ, даже безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны пауковъ, просто силою вещей.

Въ прежнее время, въ Турціи вліяніе бюрократіи не такъ было сильно, какъ вліяніе улемы и янычаръ. Но, со времени истребленія орды янычаръ, и по мѣрѣ усложненія всей внутренней организаціи, все усиливалось и усиливалось вліяніе такъ-называемой «Порты».

Высокая Порта — выраженіе, которымъ обозначаютъ обыкновенно турецкое правительство, а иногда и Турцію, какъ державу. Но выраженіе это имѣетъ еще иной смыслъ, и означаетъ именно всю совокупность министерствъ, все сосредоточенное въ Константинополѣ высшее управленіе, со всѣми присутственными мѣстами, его составляющими, и со всѣми «*кіатибами*» (слово кіатибъ значитъ собственно писарь, но примѣняется вообще къ чиновникамъ, въ нихъ засѣдающимъ). Улема — духовное сословіе, сильное нѣкогда и своимъ вліяніемъ на народъ, и обладаніемъ судебной властью,—и та должна была подчиниться въ послѣднія два царствованія кіатибамъ. Эта бюрократія приставляетъ своихъ членовъ и къ войсковымъ штабамъ и къ судебнымъ мѣстамъ. Кіатибы, впродолженіи двухъ послѣднихъ царствованій, рѣшительно покорили себѣ Турцію.

Мы настаиваемъ на этой части свидѣтельствъ Миллингена, потому что у него доселѣ существуетъ убѣжденіе, что господ-

Digitized by Google

ствующая сила въ Турціи — сословіе улемовъ, и что тамъ невозможно искреннее исполненіе обѣщаній, даваемыхъ христіанамъ потому именно, что это противно корану, а коранъ, въ лицѣ своихъ представителей—членовъ улемы, управляетъ государствомъ. Такая мысль проводится даже въ новѣйшемъ сочиненіи о Турціи, явившемся въ нашей литературѣ, именно въ статьѣ, помѣщенной въ Военно-статистическомъ сборникѣ (вып. II). Мы возвратимся еще къ этому вопросу, а теперь констатируемъ только, что свидѣтельство Миллингена согласно съ самою природою вещей.

По мѣрѣ того, какъ управленіе усложнялось возраставшимъ вмѣшательствомъ европейскихъ державъ въ дѣла Турціи, разными хартіями, которыя были результатомъ этого вліянія и самостоятельностью нѣкоторыхъ христіанскихъ областей имперіи, и сверхъ того разными экономическими потребностями, какъ-то: заключеніемъ займовъ, постройкою желѣзныхъ дорогъ, наконецъ, реформами всего управленія въ смыслѣ однообразія (преобразованіе арміи, организація вилаетовъ), — власть законниковъ, писцовъ, агентовъ администраціи, разумѣется должна была усилиться, и улема съ ея кораномъ скорѣе стала въ положеніе оппозиціонное, чѣмъ сохранила положеніе господствующей въ государствѣ силы. Вотъ почему и самое неисполненіе обѣщаній, данныхъ христіанамъ, слѣдуетъ приписывать вовсе не несовмѣстности ихъ гражданской равноправности съ противорѣчивыми текстами корана, а именно причинамъ политическимъ. Турецкое государство въ Европѣ основано на эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. Дѣйствительное осуществленіе равноправности христіанъ противорѣчитъ не корану, а основному политическому принципу государства.

Султана Абд-улъ-Меджида Порта, т. е. бюрократія совершенно подчинила себѣ; ему очень скоро самому надоѣли собственныя реформы, тѣмъ болѣе, что окружающая бюрократія не упускала случая чернить ихъ. Высшіе кіатибы, главы Порты употребили для подчиненія себѣ султана два могущественныя оружія: развратъ придворной обстановки и вліяніе иностранныхъ державъ. Султанъ могъ льстить себя надеждою одержать верхъ надъ своею бюрократіею, но никакъ не могъ надѣяться на освобожденіе изъ - подъ вліянія иностранныхъ посольствъ, особенно англійскаго. На каждомъ шагу, онъ долженъ былъ встрѣчаться съ этою силой и не могъ не подчиниться наконецъ разочарованію; здѣсь-то его и ожидало другое оружіе Порты — развратъ. Такъ, Абд-улъ-Меджидъ и зачахъ, въ совершенномъ безсиліи, въ полномъ ничтожествѣ.

Digitized by Google

Преемникъ его, какъ мы сказали, былъ человѣкъ энергическій и заранѣе предупрежденный противъ вліянія Порты. Одолѣть его было, поэтому, труднѣе чѣмъ одолѣть его брата. Поучительна исторія этой борьбы, какъ ее излагаетъ Миллингенъ.

Съ самаго своего вступленія на престолъ, Абд-улъ-Азисъ заявилъ безусловность своей власти именно тѣми перемѣнами, которыя въ Европѣ были привѣтствованы, какъ наступленіе для Турціи новой эры. Первые два великіе визиря, бывшіе при новомъ султанѣ, именно: Кибрисли-Мегемедъ-паша и Али-паша положительно несмогли прибрать его къ рукамъ. Первый изъ нихъ былъ неспособенъ, второй былъ робокъ. Высшіе кіатибы видѣли, что власть въ самомъ дѣлѣ ускользаетъ изъ рукъ Порты, а между тѣмъ, они уже такъ привыкли къ ея всемогуществу, что отмѣна такого порядка представлялась имъ какою-то анархіею, чѣмъ-то чудовищнымъ.

Люди, стоящіе вокругъ власти и привыкшіе пользоваться ею для себя, признаютъ ея священное значеніе только до тѣхъ поръ, пока она не нарушаетъ ихъ интересовъ. Какъ только власть становится въ разрѣзъ съ ихъ выгодами, они первые «кощунствуютъ». Константинопольскіе кіатибы открыто чернили характеръ новаго султана и выражали даже сомнѣнія въ его здравомысліи. «Неужели никто не съумѣетъ возвратить его величество къ благоразумію»? говорили они.

Кіатибы, наконецъ, нашли такого человѣка, который былъ способенъ возвратить султана «къ благоразумію». Для исполненія этой задачи, нуженъ былъ человѣкъ прежде всего тонкій, который шолъ бы не на проломъ, а окольными, но вѣрными путями. Такой человѣкъ былъ на лицо; это былъ — Фуадъ-паша, нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ. Среди Порты составился заговоръ съ цѣлью всячески превозносить способности и успѣхи Фуада, чтобы навязать его султану путемъ «общественнаго мнѣнія». Въ то время, на первомъ планѣ стоялъ вопросъ сирійскій; вопросъ объ устройствѣ участи маронитовъ и о выведеніи французскаго войска. Малѣйшіе успѣхи Фуада по этому дѣлу были выставляемы въ Стамбулѣ обширнымъ заговоромъ, какъ дѣянія истинно-геніяльныя. Заговоръ употребилъ въ дѣло и печать. Это было счастливое примѣненіе къ политикѣ системы театральныхъ хлопальщиковъ, клакёровъ. Непосредственной цѣлью, какая при этомъ имѣлась въ виду, было назначеніе Фуада-паши великимъ визиремъ (великому визирю подчинено все управленіе, онъ носитъ титулъ высочества и получаетъ жалованье 100 т. піястровъ въ мѣсяцъ).

Но султанъ инстинктивно предугадывалъ опасность и рѣши-

Digitized by Google

тельно упорствовалъ. Тогда фуадисты вступили въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ, обѣщая, взамѣнъ назначенія Фуада великимъ визиремъ, полную покорность Порты исключительно британской политикѣ. Англійское правительство пошло на эту сдѣлку тѣмъ охотнѣе, что удаленіе французовъ изъ Сиріи соотвѣтствовало его видамъ, и султанъ, увидѣвъ въ назначеніи Фуада великимъ визиремъ самое вѣрное средство достигнуть этого результата, подписалъ назначеніе.

Но Фуадъ въ первый разъ недолго продержался на мѣстѣ, потому именно, что ошибся въ оцѣнкѣ факта своего назначенія: онъ счелъ его за окончательную побѣду Порты надъ султаномъ и сталъ, не очень церемонно, предписывать побѣжденному свои законы. А когда онъ встрѣтилъ со стороны Абд-улъ-Азиза отпоръ, то прибѣгнулъ къ очень употребительному въ такихъ случаяхъ пріему, именно подалъ, со всѣми министрами, въ отставку, полагая испугать султана. Но Абд-улъ-Азизъ принялъ прошеніе визиря и его товарищей и попробовалъ образовать кабинетъ изъ преданныхъ себѣ придворныхъ, подъ предводительствомъ Невреза-паши.

Партія бюрократіи успѣла поселить раздоры между кандидатами въ министры, склонила нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону, и кабинетъ Невреза-паши состояться не могъ, а между тѣмъ, нашелся подставной человѣкъ, въ лицѣ Кіамиля-паши, который, разыгрывая роль сторонника двора, былъ въ дѣйствительности приверженцемъ Порты. Султанъ, одержавъ, повидимому, верхъ въ главномъ пунктѣ, согласился на вступленіе въ новый кабинетъ Фуада-паши, въ качествѣ военнаго министра. Фуадъ вовсе не военный, но Порта имѣла свои цѣли при доставленіи ему этого мѣста: если Фуадъ не могъ быть главою кабинета, то пусть же онъ подчинитъ вліянію Порты армію и вмѣстѣ съ тѣмъ остается вблизи верховной власти, такъ, чтобы при первомъ случаѣ, схватить ее. Кіамиль-паша, человѣкъ богатый и лѣнивый, видѣлъ въ должности визиря не власть, а почетное мѣсто, которое ему желательно было занимать хоть разъ въ жизни. Достигнувъ своей цѣли, онъ, разумѣется, не особенно крѣпко держался за это мѣсто, а между тѣмъ партія бюрократовъ придумывала вѣрный способъ къ достиженію своей собственной цѣли.

Султану подали мысль посѣтить Египетъ. Ему объяснили, что населеніе Египта, не видя своего верховнаго владыки, утратило надлежащее сознаніе его надъ собою господства и видитъ въ вице-королѣ полновластнаго своего повелителя; что, поэтому, появленіе въ Египтѣ самого главы правовѣрныхъ принесетъ существенную пользу въ смыслѣ укрѣпленія связи Египта съ импе-

Digitized by Google

ріею. Между тѣмъ, истинная цѣль, какая тутъ имѣлась въ виду, состояла въ томъ, чтобы отдалить султана на время отъ его фаворитовъ, отъ близкихъ къ нему людей, отъ придворной партіи и воспользоваться этимъ, смотря по обстоятельствамъ.

Извѣстно, что Абд-улъ-Азизъ охотникъ до путешествій; онъ съ восторгомъ усвоилъ себѣ внушенную ему мысль, отправился въ Египетъ, въ сопровожденіи Фуада, какъ военнаго министра, присутствіе котораго было необходимо при осмотрѣ войскъ, и такимъ образомъ Фуаду представился широкій просторъ, чтобы гибкостью своею разубѣдить султана на счетъ его подозрѣній, а личными услугами втереться въ его милость.

Маневръ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: по возвращеніи изъ поѣздки, султанъ, плѣненный Фуадомъ, уволилъ Кіамиля-пашу и назначилъ на его мѣсто великимъ визиремъ Фуада, который, съ того времени, а именно съ 10 мая 1862 года, цѣлые четыре года властвовалъ въ Турціи почти неограниченно, будучи вмѣстѣ и великимъ визиремъ, и военнымъ министромъ.

Турція, въ извѣстномъ смыслѣ, — демократическая страна. Дѣло въ томъ, что даже высшія достоинства имперіи тамъ не составляютъ достоянія привилегированной наслѣдственной касты. Что демократизмъ такого рода не имѣетъ ничего общаго съ истинною демократіею, которая немыслима безъ свободы—едва ли стоитъ доказывать. Вѣдь и папами бывали пастухи, но изъ этого едва ли слѣдуетъ, что папство — демократическое учрежденіе.

Въ Турціи, во всѣ періоды, было не малое число государственныхъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества. О Фуадѣ нельзя сказать этого. Правда, онъ не изъ знатнаго рода, но отецъ его, Иззетъ-Молла, пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ при Махмудѣ и, какъ духовное лицо, былъ участникомъ клерикальной оппозиціи противъ реформъ этого султана. Онъ умеръ въ изгнаніи, почти въ бѣдности, прославившись какъ поэтъ. Фуадъ, единственный сынъ его (фамилія его, по отцу: Кіечеджи-Задэ), родился въ 1808 году и воспитывался въ медицинскомъ училищѣ. Онъ вышелъ оттуда только фельдшеромъ, но для дальнѣйшей карьеры его было важно то, что онъ изучилъ турецкую литературу и пріобрѣлъ знакомство съ англійскимъ и французскимъ языками.

На службу онъ поступилъ сперва въ качествѣ фельдшера, но впослѣдствіи ему удалось, какъ знающему языки, попасть въ отдѣленіе переводчиковъ, существующее при высокой Портѣ. Онъ съумѣлъ понравиться могущественному Решиду-пашѣ, министру иностранныхъ дѣлъ при Махмудѣ. Решидъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ бралъ его два раза

Digitized by Google

за-границу, когда отправлялся, какъ посолъ, въ Парижъ и въ Лондонъ.

Гибкость характера Фуада понравилась Решиду и была причиною возвышенія молодого переводчика. Но она же вскорѣ повредила ему: приблизивъ его къ себѣ, Решидъ-паша открылъ, что въ гибкости Фуада заключалась и неблагонадежность. Онъ было совсѣмъ устранилъ Фуада, но вслѣдствіе всякихъ завѣреній Фуада въ преданности и, благодаря какой-то протекціи, оставилъ Фуада на прежнемъ мѣстѣ. Но Фуадъ никогда не забылъ этой минуты униженія, и впослѣдствіи, ставъ самъ могущественнымъ, постоянно преслѣдовалъ своего благодѣтеля [1]).

Дебютомъ Фуада на дипломатическомъ поприщѣ было посольство его въ Испанію, для принесенія поздравленій бывшей королевѣ Изабеллѣ, по случаю восшествія ея на престолъ. Фуаду-эффенди было поручено произвесть раздѣлъ между сыновьями египетскаго вице-короля, Ибрагима-паши. Здѣсь искусный дипломатъ примѣнилъ во всей полнотѣ политическое правило Порты: поселить раздоръ между вассалами и въ собственномъ ихъ семействѣ. Трое сыновей Ибрагима: Ахмедъ, Измаилъ (нынѣ царствующій) и Мустафа, перессорились между собою на-смерть при этомъ случаѣ. Впослѣдствіи, Ахмедъ былъ утопленъ въ Нилѣ, а Мустафа поднималъ бунтъ противъ Измаила. Фуадъ-паша и лично остался не въ проигрышѣ отъ такого соперничества братьевъ, такъ какъ каждый изъ нихъ, само собою разумѣется, старался перетянуть его на свою сторону.

Въ 1848 году, когда на Дунаѣ произошла революція, Фуадъ былъ посланъ въ княжества, какъ коммиссаръ Порты, чтобы условиться съ представителемъ покровительствующей державы, Россіи, барономъ Будбергомъ, насчетъ возникшихъ вопросовъ. Само собою разумѣется, что усилія Россіи клонились къ дарованію княжествамъ большей степени самостоятельности, а усилія Порты были направлены къ цѣли противоположной. Здѣсь Фуадъ-эффенди, если вѣрить Миллингену, «сыгралъ штуку» нашему дипломату: выказалъ ему готовность уступить, *подъ извѣстными условіями*, а когда условія эти, по отношенію къ нему, были исполнены, то онъ вдругъ сбросилъ маску и положительно отрекся отъ бывшаго соглашенія [2]).

---

[1]) Миллингенъ говоритъ, что смерть Решида сопровождалась таинственными обстоятельствами: онъ умеръ внезапно, врачъ, пользовавшій его, черезъ три мѣсяца умеръ самъ, отъ колотья, а около того же времени могущественнѣйшій изъ сыновей Решида, зять султана «утонулъ» въ Босфорѣ. Впрочемъ, намекъ Миллингена не слѣдуетъ принимать на вѣру, по личнымъ отношеніямъ его къ Фуаду-пашѣ.

[2]) Миллингенъ говоритъ, что въ это время Фуадъ купилъ свое имѣніе Конлиджу.

Digitized by Google

Дѣло это оставалось тайною до событій, предшествовавшихъ восточной войнѣ. Тогда оно открылось такимъ образомъ: князь Меншиковъ, пріѣхавъ въ Константинополь, отправился къ Портѣ и пожелалъ видѣть прямо великаго визиря, между тѣмъ, какъ этикетъ требуетъ, чтобы иностранные послы обращались сперва къ министру иностранныхъ дѣлъ, который вводитъ ихъ къ визирю. Когда же чиновники Порты думали остановить князя, на его пути къ визирю, вѣжливымъ напоминаніемъ этикета, и совѣтовали ему обратиться къ Фуаду, министру иностранныхъ дѣлъ, то, по словамъ Миллингена, князь отвѣчалъ: «Вы, къ сожалѣнію, заставляете меня сказать, что ни достоинство моего государя, ни личное мое достоинство, не дозволяютъ мнѣ имѣть дѣло съ министромъ-обманщикомъ» (un ministre fallacieux). Это заявленіе русскаго посла имѣло два послѣдствія: во-первыхъ, Фуадъ былъ смѣщенъ, и портфель иностранныхъ дѣлъ порученъ Рифаату-пашѣ, который и началъ переговоры съ кн. Меншиковымъ; во-вторыхъ, въ константинопольскомъ свѣтѣ сдѣлалась извѣстною продѣлка Фуада, во время переговоровъ съ бар. Будбергомъ. Порта дала Фуаду, въ вознагражденіе за эту смѣну, порученіе усмирить возстаніе въ Θессаліи, и такъ какъ приливъ греческихъ волонтеровъ въ Θессалію былъ остановленъ занятіемъ греческаго королевства союзными войсками, Фуаду легко было исполнить данное ему порученіе. Такъ разсказываетъ Миллингенъ.

Фуадъ-паша, какъ извѣстно, участвовалъ въ парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Въ 1860 году, онъ же былъ посланъ, въ качествѣ чрезвычайнаго коммиссара, на Ливанъ и принялъ тамъ мѣры очень энергическія. Вотъ во что, по словамъ Миллингена, обошлось Турціи ливанское дѣло: казнено 166 мусульманъ, въ томъ числѣ полный генералъ, Ахмедъ-паша, который былъ разстрѣлянъ; издержано на вознагражденіе пострадавшихъ до 200 милліоновъ піастровъ (около 40 милл. рублей), сумма, которая была отдана въ безконтрольное распоряженіе Фуада.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній о томъ человѣкѣ, посредствомъ котораго Порта побѣдила султана-реформатора, разскажемъ, по Миллингену, какимъ образомъ осуществилась самая эта побѣда; читатели будутъ имѣть, такимъ образомъ, очеркъ царствованія Абд-улъ-Азиза.

Первое правило политики Порты состоитъ въ томъ, чтобы принцевъ царствующаго дома держать въ полномъ незнаніи

Миллингенъ, повторяемъ, озлобленъ противъ Фуада, и показаніе его надо принимать съ осторожностью; но отвергать безусловно подобныя показанія человѣка, жившаго въ турецкомъ «большомъ свѣтѣ», оставлять ихъ безъ вниманія—нельзя.

Digitized by Google

всего, что происходитъ въ государствѣ. Это состояніе невольной праздности и уединенія, на которое обречены принцы, имѣетъ даже особое названіе на турецкомъ языкѣ; оно называется «кафэссъ» (буквально — клѣтка). Принцы «Шахзадегьянъ-джеахнбахты» (т. е. «князья—блаженство вселенной») сидятъ въ клѣткѣ. Въ послѣднее время, Порта, внявъ представленію западныхъ державъ, согласилась давать этимъ принцамъ нѣкоторое образованіе. Но это дѣлается только для виду, и главное руководство воспитаніемъ принцевъ поручено нарочно Сулейману-бею, бывшему рабу, а нынѣ полковнику генеральнаго штаба, человѣку, который самъ не имѣетъ никакого образованія. По той же причинѣ, Порта очень неблагосклонно смотритъ на всякія попытки къ отлучкѣ принцевъ и самого султана изъ Константинополя, развѣ когда имѣетъ притомъ какую-нибудь особенную цѣль. Такъ и путешествіе Абд-улъ-Азиза въ Парижъ и Лондонъ встрѣтило сильное сопротивленіе и осуществилось только подъ сильнымъ давленіемъ императора Наполеона и, сверхъ того, финансовыхъ затрудненій.

Абд-улъ-Азизъ воспитывался такъ, какъ воспитываются всѣ принцы Османова рода, то-есть въ полномъ отчужденіи отъ свѣта и его дѣлъ. Въ силу своего личнаго характера, султанъ могъ желать реформъ и сдѣлать даже нѣкоторыя попытки въ этомъ смыслѣ, но незнакомый съ положеніемъ имперіи, не зная, какъ эти реформы могутъ осуществиться, онъ не могъ долго настаивать на пути реформатора. Фуадъ скоро убѣдилъ его, что уже все сдѣлано, что положеніе Турціи вовсе не такъ дурно, какъ утверждаютъ ея недоброжелатели, и что, во всякомъ случаѣ, у нея есть такая опора, которая не допуститъ ее до упадка ни въ какомъ отношеніи, именно — западныя державы, которыя уже принесли столько жертвъ въ ея пользу, и которыхъ интересъ заставитъ вѣчно продолжать свою помощь ей во всѣхъ отношеніяхъ.

Но главное было, конечно, войти въ милость у султана, отстранить его предубѣжденія противъ навязаннаго ему министра. Какъ скоро Фуаду удалось это, остальное сдѣлать было не трудно. Не трудно было убѣдить человѣка, совершенно-разобщеннаго съ дѣйствительностью, что предпринятыя имъ реформы уже осчастливили государство, что за Абд-улъ-Азизомъ останется слава величайшаго реформатора Турціи, что послѣ великихъ дѣлъ, совершенныхъ имъ, онъ имѣетъ право и отдохнуть, и что, вводя улучшенія на манеръ европейскій — улучшенія, которыхъ Фуадъ, разумѣется, прикинулся жаркимъ сторонникомъ — султанъ не долженъ забывать и особенностей своего положенія,

Digitized by Google

преданій калифовъ и султановъ, которые величіе своей власти поддерживали въ глазахъ народа необходимымъ блескомъ.

Все это не трудно было сдѣлать Фуаду послѣ того, какъ ему удалось войти въ милость. Прикидываясь сторонникомъ преобразованій, онъ старался направить реформистскія стремленія султана преимущественно на армію; здѣсь онѣ не могли такъ существенно касаться всего зданія Порты, какъ на полѣ гражданскомъ. Фуадъ льстилъ военнымъ вкусамъ султана, самъ надѣлъ подъ старость сапоги со шпорами, исходатайствовалъ себѣ званіе адъютанта и сталъ придумывать вмѣстѣ съ султаномъ по возможности красивые и даже театральные мундиры для его гвардіи. На этомъ пунктѣ и сосредоточилась реформаторская дѣятельность Абд-улъ-Азиза.

Для «необходимаго реформатору» отдыха, мало-по-малу возстановилась прежняя роскошь. Миллингенъ знакомитъ насъ съ интересными подробностями султанскаго хозяйства.

При началѣ своего царствованія, Абд-улъ-Азизъ заявилъ намѣреніе имѣть только одну жену и обойтись безъ гарема. Но послѣ совершенія своихъ великихъ дѣлъ, онъ взялъ еще двухъ женъ [1]) и завелъ себѣ гаремъ изъ 900 женщинъ.

Въ трехъ императорскихъ сераляхъ и въ кіоскахъ, сервируется каждый день около *пятисотъ* столовъ, а такъ какъ на каждый столъ подается по 12 блюдъ, то число блюдъ ежедневно сервируемыхъ при султанскомъ дворѣ, доходитъ до *шести тысячъ!*

При началѣ своего царствованія султанъ отказался, въ пользу государственнаго казначейства, отъ 10 тысячъ кошельковъ изъ своего придворнаго бюджета. Но когда возстановленіе роскоши потребовало новыхъ расходовъ, то онъ отнесъ на государственное казначейство уплату всѣхъ пенсій, обязательствъ и жалованій, которыя прежде удовлетворялись изъ придворнаго бюджета, что̀ составляетъ, по словамъ Миллингена, громадную сумму 275 тысячъ рублей *въ мѣсяцъ*.

Новый исходъ реформаторской дѣятельности султана былъ данъ въ постройкѣ и перестройкѣ дворцовъ и кіосковъ. Вступивъ на престолъ, Абд-улъ-Азизъ захотѣлъ поставить маленькій кіоскъ вблизи садовъ, расположенныхъ по берегу Босфора; дворца онъ строить не хотѣлъ потому именно, что принималъ во вниманіе плохое положеніе финансовъ. Кіоскъ рѣшено было построить на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ дворецъ Чера-

[1]) Вотъ имена женъ султана: Дурневъ («новый перлъ»), Хайрани-Диль («чудо сердца») и Эда-Диль («изящность сердца»).

Digitized by Google

ганъ. Кіоскъ уже былъ на половину построенъ, когда архитекторъ, подученный Фуадомъ, поднесъ султану планъ великолѣпнаго дворца. Султанъ отклонилъ эту мысль; тогда Фуадъ выступилъ на сцену, какъ будто мысль шла не отъ него, и убѣдилъ Абд-улъ-Азиза, что султанское достоинство требуетъ постройки новаго дворца, такъ какъ дворъ и зиму и лѣто живетъ въ одномъ. Кіоскъ сломали и стали строить новый чераганскій дворецъ.

Это не помѣшало построить еще пять кіосковъ, изъ которыхъ одинъ, бейлербейскій, стоитъ дворца. Этотъ кіоскъ былъ отдѣланъ съ необыкновенной роскошью; обои, выписанные изъ Ліона, обошлись казнѣ въ 250 франковъ за футъ (!). И вотъ, этотъ-то кіоскъ султанъ, въ прошломъ году, по возвращеніи своемъ изъ путешествія въ Европу, приказалъ сломать; на мѣстѣ его строится теперь новый дворецъ!

Такія постройки и вездѣ обошлись бы не дешево, но можно себѣ представить, что онѣ стоютъ при тѣхъ порядкахъ придворнаго управленія, какіе существуютъ въ Турціи. Поставщики, разумѣется, дѣлятся съ кѣмъ слѣдуетъ. Миллингенъ указываетъ, для примѣра, какъ на извѣстный фактъ, что левантскій торговый домъ Экзерджи предоставляетъ, кому слѣдуетъ, 30% съ подрядовъ. Вдобавокъ къ постройкамъ придворнымъ возведено много зданій для помѣщенія разныхъ управленій. Однѣ эти постройки обошлись въ 33 милліона франковъ.

Не безъ колебаній, конечно, или по крайней мѣрѣ не безъ раздумья, пошелъ Абд-улъ-Азизъ по тому пути, на который увлекъ его Фуадъ-паша. Но визирь принялъ свои мѣры: онъ обставилъ султана исключительно преданными себѣ людьми. Однажды, именно зимою 1864 года, Абд-улъ-Азизъ, разговаривая съ главнымъ придворнымъ имамомъ, свелъ рѣчь на постройки и высказалъ ему открыто свои опасенія, что онѣ обременятъ казну. Имамъ, разумѣется, поспѣшилъ увѣрить повелителя правовѣрныхъ, что опасаться нечего, пока у него будетъ визиремъ преданный ему рабъ Фуадъ, столь искусный въ открытіи средствъ, что «онъ кажется и изъ камня можетъ извлечь деньги, а если изъ камня не сможетъ, то достанетъ, навѣрное, отъ европейцовъ». Между тѣмъ, свой разговоръ съ султаномъ имамъ не преминулъ передать Фуаду-пашѣ, и черезъ три дня получилъ табакерку украшенную алмазами, цѣнностью въ 17 тысячъ франковъ.

Чтобы легче управлять султаномъ, Фуадъ-паша поссорилъ его съ зятемъ — Мегеметомъ-Али-пашею, который былъ очень близокъ къ Абд-улъ-Азизу и постоянно поддерживалъ его въ

Digitized by Google

борьбѣ противъ Порты. Поссорить ихъ было тѣмъ легче, что Мегеметъ-Али—человѣкъ столь же вспыльчивый, какъ и султанъ. Мегеметъ-Али былъ смѣненъ съ должности морского министра и ему было запрещено выходить изъ дому. Впослѣдствіи, однако, опала была снята съ него.

Фуаду удалось также удалить отъ султана Мегемета-Рушди-пашу, который былъ военнымъ министромъ, потому что это былъ человѣкъ независимый, выслужившійся изъ солдатъ. Фуадъ сохранилъ надолго въ своихъ собственныхъ рукахъ важный портфель военнаго управленія, а въ помощники себѣ избралъ Гуссейна-пашу. Этотъ Гуссейнъ-паша — фаворитъ Фуада. Какую власть Фуадъ успѣлъ пріобрѣсть надъ султаномъ, лучше всего видно изъ одного случая, бывшаго съ Гуссейномъ-пашею. Этотъ человѣкъ, который сдѣлалъ быструю карьеру благодаря Фуаду, до того ослѣпился своимъ успѣхомъ, что позволилъ себѣ свободное обращеніе съ одной изъ дамъ султанскаго гарема и только потому не былъ умерщвленъ черною стражею, что въ немъ узнали фаворита всемогущаго Фуада. Однако, дѣло это открылось, благодаря одной изъ тѣхъ интригъ, которыя составляютъ сущность всей высшей политической жизни въ Турціи. Муширъ Дервишъ-паша, командиръ 4-го корпуса, пріѣхалъ въ Константинополь съ тайнымъ намѣреніемъ сдѣлаться военнымъ министромъ. Узнавъ объ исторіи съ Гуссейномъ, онъ склонилъ одного изъ камергеровъ султана разсказать ее своему повелителю [1]). Султанъ, когда ему разсказали о дерзости Гуссейна, вышелъ изъ себя. Онъ призвалъ Фуада, упрекнулъ его за покровительство «такимъ людямъ», приказалъ ему немедленно «выгнать» Гуссейна изъ министерства, и объявилъ, въ припадкѣ независимости, что назначаетъ военнымъ министромъ Дервиша-пашу, тѣмъ болѣе, что онъ тутъ же на лицо, въ Константинополѣ.

Бываютъ случаи, когда сила состоитъ въ томъ, чтобы уступить. Фуадъ-паша преклонился передъ слишкомъ ясной волею государя, и Гуссейнъ былъ уволенъ даже безъ пенсіи. Но, оставляя на жертву своего любимца, Фуадъ тутъ же оговорился насчетъ Дервиша-паши, такъ какъ понялъ откуда вышла буря: Дервишъ такой-де опытный генералъ, что его нельзя удовлетворительно замѣнить въ арміи, тѣмъ болѣе, что корпусъ его стоялъ въ Сиріи, которая все еще не была спокойна. Поэтому, визирь осмѣливается предложить въ управляющіе военнымъ ми-

[1]) Миллингенъ прямо говоритъ, что это стоило 3,000 лиръ. Замѣтимъ одну изъ особенностей константинопольской жизни: тамъ все узнается.

Digitized by Google

нистерствомъ Галиля-пашу. Султанъ, которому хотѣлось только наказать Гуссейна, согласился, и такимъ образомъ Дервишъ-паша остался ни причемъ. А Гуссейну Фуадъ скоро исходатайствовалъ пенсію въ 2,500 фр., къ которымъ прибавилъ отъ себя 1,250 фр. Но этого мало: въ февралѣ нынѣшняго года, Фуадъ достигъ-таки того, что Гуссейну было дано командованіе войсками на Кандіи! Это тотъ самый Гуссейнъ, который отличался тамъ, послѣ отъѣзда Омера-паши. На пути Фуада къ единовластію встрѣтился однажды противникъ: это былъ Мустафа-Фазли-паша, братъ Измаила египетскаго и законный наслѣдникъ его престола. Политика Фуада относительно Египта и то употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ египетскаго вопроса, представляютъ едва ли не самую интересную страницу въ новѣйшей исторіи Турціи. Постоянные читатели газетъ должны имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ; но свѣдѣнія являлись въ газетахъ отрывочно и всегда были довольно-смутны, что̀ объясняется отчасти вліяніемъ Фуада и на европейскую печать. Тѣ свѣдѣнія по этому предмету, какія намъ удавалось найти въ газетахъ, мы дополнимъ болѣе опредѣленными данными, которыя сообщаетъ Миллингенъ, и представимъ все въ связномъ разсказѣ.

Мы упоминали выше о томъ, какъ Фуадъ-паша, при раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями Ибрагима-паши (сына знаменитаго Мегемета-Али) успѣлъ перессорить ихъ и извлечь изъ этого выгоду для себя. Но на этомъ дѣло не окончилось. Одинъ изъ братьевъ, какъ мы уже сказали, погибъ въ Нилѣ, другой—Мустафа-Фазли спасся въ Константинополь, гдѣ султанъ, конечно, изъ политическихъ разсчетовъ, обласкалъ его и далъ ему постъ въ управленіе, именно поручилъ ему предсѣдательство въ совѣтѣ финансовъ. Мустафа-Фазли, понятно, не могъ быть расположенъ въ пользу Фуада уже по прежнимъ къ нему отношеніямъ, а сверхъ того, и потому, что, будучи принцомъ, наслѣдникомъ царствующаго владѣтеля, не хотѣлъ преклониться предъ визиремъ падишаха. Гибкій Фуадъ попробовалъ перетащить его на свою сторону, но это ему не удалось, и вотъ онъ поставилъ Мустафу-Фазли въ непріятное положеніе правительственнаго лица, котораго проекты постоянно отвергаются.

Мустафа-Фазли подалъ въ отставку, но, вслѣдъ затѣмъ, представилъ султану правдивый отчетъ о финансовомъ положеніи Турціи, отчетъ, далеко не согласный съ видами Фуада. Это, однакоже, не подѣйствовало. Султанъ слишкомъ былъ увѣренъ въ своемъ визирѣ, и Мустафа-Фазли уѣхалъ за-границу и поселился въ Парижѣ. Но Фуадъ не былъ доволенъ такимъ паде-

Digitized by Google

ніемъ своего противника. Съ одной стороны, ему близки были интересы Измаила-паши египетскаго, съ другой — ему хотѣлось отмстить болѣе существеннымъ образомъ тому, кто смѣлъ стать ему поперегъ дороги. Предсѣдателемъ совѣта финансовъ, между тѣмъ, былъ назначенъ Кіани-паша, орудіе Фуада.

Со времени своей поѣздки въ Египетъ, въ 1862 году, султанъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ своему вассалу. Измаилъ-паша славится богатствомъ, Турція постоянно нуждается въ деньгахъ. Измаилъ-паша, частью изъ ненависти къ брату, частью изъ семейнаго эгоизма измѣнилъ законъ о престолонаслѣдіи въ Египтѣ. Извѣстно, что въ Египтѣ, какъ и въ Турціи, престолъ переходитъ по праву первородства, а не въ нисходящей линіи. Наслѣдникъ престола — старшій въ родѣ. Такъ Абд-улъ-Азизъ наслѣдовалъ своему брату, такъ наслѣдовалъ Измаилъ-паша своему дядѣ Саиду-пашѣ, и такъ ему долженъ былъ наслѣдовать Мустафа.

Но и Измаилу и самому Абд-улъ-Азизу не могла не нравиться мысль объ измѣненіи такого порядка престолонаслѣдія въ томъ смыслѣ, чтобы престолъ оставался въ семействѣ нынѣшняго владѣтеля, переходя къ старшему сыну.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, Фуадъ-паша соткалъ грандіозную интригу. Онъ задумалъ держать и султана, и вице-короля въ своей власти проектомъ объ измѣненіи престолонаслѣдія и въ Египтѣ, и въ Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, извлечь для себя огромныя выгоды за содѣйствіе богатому вице-королю, да еще отмстить, мимоходомъ, своему врагу — Мустафѣ, лишивъ его надежды на египетскій престолъ. Для этого, онъ внушилъ султану мысль, что утвержденіе прямого наслѣдованія въ Египтѣ — совершенно въ интересахъ султана; во-первыхъ, за это можно было взять съ Измаила богатый выкупъ, во-вторыхъ, послѣ измѣненія порядка престолонаслѣдія въ Египтѣ легко будетъ сдѣлать тоже самое и въ Турціи; нарушеніе мусульманскаго принципа наслѣдованія уже не будетъ такъ удивительно послѣ перваго примѣра. Въ жертву при этомъ приносился Мустафа-Фазли. Измаилъ, уже во время поѣздки султана въ Египетъ, въ переговорахъ съ Фуадомъ, принялъ всѣ тягостныя денежныя условія, какія ему были предложены.

Но султанъ, повидимому, колебался. Надо было пріискать удобный случай, чтобы подвинуть его на первый шагъ. Для этого лучше всего было раздражить его противъ Мустафы-Фазли, и тогда вдругъ подсунуть ему проектъ измѣненія порядка наслѣдованія престола въ Египтѣ. Отъѣздъ Мустафы за границу устранялъ возможность такого случая. Вотъ почему Фуадъ упо-

Digitized by Google

требилъ всѣ усилія, чтобы привлечь его назадъ въ Константинополь. Онъ увѣрилъ Мустафу, что убѣдился въ справедливости его финансовыхъ предложеній и вообще его либеральной программы, и только ждетъ его возвращенія въ Константинополь, чтобы приняться за ея осуществленіе; онъ доказывалъ ему, что безъ человѣка, которому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, ничего нельзя сдѣлать. Въ тоже время, Фуадъ старался и чрезъ тюльерійскій кабинетъ выжить Мустафу изъ Парижа, для возстановленія «дипломатическаго приличія», которое страдало оттого, что принцъ, подчиненный султану, жилъ какъ бы эмигрантомъ у союзника султана, императора французовъ. Увѣщеваемый такимъ образомъ съ двухъ сторонъ, да еще обязанный французскому правительству тѣмъ, что былъ остановленъ секвестръ его имущества, котораго домогался вице-король, Мустафа-Фазиль не могъ отказаться, и поѣхалъ въ Константинополь.

Здѣсь онъ тотчасъ попался въ сѣти, разставленныя Фуадомъ. Его назначили предсѣдателемъ особой коммисіи государственнаго контроля, подъ названіемъ Хазаинъ-Меджлисси. На эту коммиссію было возложено трудное и щекотливое дѣло сокращенія бюджета. Само собою разумѣется, что коммиссія не достигла той цѣли, съ которою, повидимому, была учреждена. Но та цѣль, которую имѣлъ въ виду Фуадъ, не могла не быть достигнута, какъ бы остороженъ ни былъ Мустафа. Дѣло въ томъ, что во время своего «эмигрантства» Мустафа-Фазли прослылъ вождемъ партіи «молодой Турціи». Великій визирь не преминулъ и по возвращеніи принца въ Константинополь выставлять его передъ султаномъ какъ вождя этой партіи, и тѣмъ раздражать противъ него Абд-улъ-Азиза. Понятно, что теперь, въ случаѣ, если бы принцу опять пришлось, въ отчаяніи отъ встрѣчаемыхъ имъ препятствій, отказаться отъ должности и явиться передъ султаномъ обличителемъ всей системы управленія, то слова его уже были бы приняты не какъ мнѣніе недовольнаго человѣка, а какъ протестъ вождя партіи, какъ демонстрація опаснаго «коновода» революціонеровъ, желающаго выставить себя на счетъ правительства. Разсчетъ былъ совершенно вѣренъ, и онъ удался.

Когда Мустафа-Фазли убѣдился, что онъ ничего сдѣлать не можетъ, то явился снова къ султану съ откровеніями относительно положенія дѣлъ Турціи. Но султанъ, на этотъ разъ, принялъ такое заявленіе уже какъ дерзкую выходку, какъ покушеніе на свою власть, и приказалъ принцу въ 24 часа выѣхать изъ Константинополя.

Этого только и ждалъ Фуадъ: онъ тотчасъ явился къ султану съ напоминаніемъ, что этотъ опасный человѣкъ со време-

Digitized by Google

немъ возсядетъ на египетскій престолъ, если не будутъ приняты «надлежащія мѣры». Результатомъ этого доклада было приглашеніе Измаилу-пашѣ немедленно пріѣхать въ Константинополь для переговоровъ объ окончательномъ рѣшеніи «вопроса» о престолонаслѣдіи.

Переговоры эти скоро привели къ соглашенію. Вице-король получилъ фирманъ, которымъ Мустафа-паша и всѣ члены боковыхъ линій устраняются отъ наслѣдованія, въ пользу Измаилапаши и его потомства, въ прямой, нисходящей линіи. Сверхъ того, султанъ уступилъ вице-королю нѣкоторыя свои непосредственныя владѣнія на африканскомъ берегу Чермнаго моря. Вотъ что̀, по показанію Миллингена, сдѣлка эта между сюзереномъ, визиремъ и вассаломъ стоила самому Египту: 1) единовременная уплата султану милліона турецкихъ лиръ, т. е. около 23 милл. франковъ; 2) возвышеніе ежегодной дани, платимой Египтомъ султану на 10 милл. франковъ, то-есть удвоеніе дани; 3) единовременное пожертвованіе 10 милл. франковъ въ пользу *составителей* и переписчиковъ (!) фирмана; 4) отправленіе и содержаніе на войнѣ египетскаго войска въ 12 т. человѣкъ, посланныхъ на Кандію.

Устроивъ это дѣло и опираясь на поддержку британскаго правительства, Фуадъ думалъ, что навсегда упрочилъ свою власть. Ему оставалось только, по примѣру Египта, измѣнить порядокъ престолонаслѣдія и въ Турціи. Абд-улъ-Азизъ до такой степени былъ покоренъ имъ, что далъ ему почетный титулъ «отца», и въ Константинополѣ ожидали, что Фуадъ будетъ назначенъ пожизненнымъ великимъ визиремъ.

Но мраморъ этихъ восточныхъ придворныхъ половъ еще болѣе скользокъ, чѣмъ дипломатическій паркетъ въ Европѣ. Гдѣ все зависитъ отъ произвола, тамъ достаточно одной минуты, чтобы разрушить зданіе, возведенное годами усилій.

И Фуадъ палъ. Главная причина его паденія заключалась въ потерѣ той помощи, которая подала ему руку для достиженія всемогущества — помощи Англіи. Уже Пальмерстонъ предвидѣлъ необходимость подвергнуть нѣкоторому измѣненію политику Англіи на юговостокѣ Европы. По смерти Пальмерстона, какъ извѣстно, вся политика Англіи на континентѣ подчинилась коренной идеѣ — невмѣшательства. Но пока британскимъ посломъ въ Константинополѣ былъ сэръ Генри Бульверъ, Фуадъ имѣлъ надежную опору, къ которой могъ прибѣгать въ крайнихъ случаяхъ. Сэръ Генри былъ отозванъ, и на его мѣсто былъ посланъ лордъ Лайонсъ, которому была дана иная программа.

Digitized by Google

Тогда противъ Фуада составилась сильная партія, изъ близкихъ къ султану людей, какъ напр. Мехметъ-Али-паша, Рушди-паша, и др. Опираясь на фабрикованное «общественное мнѣніе», они представили султану ошибку Фуада въ истинномъ, и все положеніе дѣлъ, особенно финансовъ, въ самомъ черномъ свѣтѣ — и этого было достаточно. Фуада постигла опала. Враги его постарались, чтобы опала эта была для него сюрпризомъ. Мехметъ-Али, зять султана, котораго, какъ разсказано выше, Фуадъ поссорилъ съ Абд-улъ-Азизомъ, пригласилъ визиря къ себѣ въ гости. Во дворецъ Мехмета-Али собрались участники уже удавшагося заговора, который для визиря все еще былъ тайною. Вдругъ, въ компанію является султанскій камергеръ и, подойдя къ Фуаду, вручаетъ ему рескриптъ, которымъ онъ увольняется отъ должности, и государственная печать требуется отъ него обратно. Фуадъ поспѣшно удалился, среди общаго наслажденія его удивленіемъ. Онъ заперся въ своемъ имѣніи, Конлиджѣ, и не показывался никому. Въ довершеніе его униженія, къ нему было послано требованіе возвратить разныя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія казнѣ.

Это случилось лѣтомъ 1866 года. Великимъ визиремъ былъ назначенъ глава заговора — Рушди-паша. Онъ составилъ новый кабинетъ. Впрочемъ, вотъ какъ Миллингенъ описываетъ измѣненія состава министерствъ въ Турціи: «Охота за портфелями — говоритъ онъ — производится исключительно какими-нибудь пятью, шестью человѣками. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ въ рукахъ этихъ немногихъ акціонеровъ остается монополія правленія. Когда общественное мнѣніе взволнуется какимъ-нибудь вопросомъ, или просто сочтется нужнымъ перемѣнить министерство, вотъ и составляютъ новый кабинетъ, съ Мехеметомъ во главѣ и съ Али на хвостѣ; затѣмъ, когда оказывается, что этотъ кабинетъ не годится, Али сажаютъ во главу, а Мехмета переводятъ на хвостъ».

Такъ какъ новый кабинетъ возникъ именно вслѣдствіе того, что Англія отказывалась отъ системы постояннаго вмѣшательства, то, разумѣется, кабинетъ этотъ составился подъ вліяніемъ французскимъ. Прежде всего надо было устранить самыя вопіющія финансовыя затрудненія. Рушди-паша обезпечилъ уплату въ сроки по купонамъ государственныхъ займовъ чрезъ посредство оттоманскаго банка, предоставивъ банку въ видѣ залога доходы съ нѣсколькихъ областей.

Французская дипломатія внушила программу, которой Порта слѣдовала при визирствѣ Рушди по отношенію къ вассальнымъ христіанскимъ княжествамъ. Программа эта состояла въ томъ,

Digitized by Google

чтобы постепенно дѣлать христіанамъ уступки, но всею силою подавлять всякія попытки къ возстанію. Эта программа, съ одной стороны, вызвала признаніе Портою Карла Гогенцоллерна румынскимъ княземъ, выведеніе турецкихъ войскъ изъ Бѣлграда и нѣкоторые уступки черногорцамъ, а съ другой — привела къ кризису на Кандіи. Если бы Порта, въ самомъ началѣ безпокойства на островѣ, сдѣлала уступки (какъ то бывало прежде) дѣло, навѣрное, не дошло бы до столь важнаго кризиса. Но, уступая съ одной стороны добровольно, на сѣверѣ, Порта рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобы подавить тѣ требованія, которыя на югѣ представлялись мятежомъ.

Возстаніе въ Кандіи было вызвано тяжестью налоговъ, умноженныхъ при Фуадѣ. Миллингенъ отзывается съ величайшею похвалою о качествахъ кандіотовъ, которые, по его словамъ, отличаются образованностью, патріотизмомъ, храбростью и умѣньемъ дѣйствовать дружно. Этими качествами кандіотовъ, а сверхъ того особенностями географическаго положенія Кандіи, онъ объясняетъ тотъ фактъ, что имъ удалось сдѣлать такое возстаніе, «которое потрясаетъ турецкую имперію въ самыхъ ея основаніяхъ.»

Возстаніе началось сходками и отправленіемъ адреса къ султану съ жалобами на тогдашняго губернатора Кандіи Измаила-пашу. На прошеніе послѣдовала резолюція, что тѣ, кто впредь «не будетъ нарушать спокойствія» прощаются, а тѣ, кто будетъ продолжать участвовать въ сходкахъ, будутъ сочтены за бунтовщиковъ. Между тѣмъ, на островъ прибывали турецкія подкрѣпленія. Порядокъ не былъ нарушаемъ, только въ долинѣ Омало держались народные митинги. Когда на островъ прибыли 6,000 египетскихъ солдатъ, такъ что турецкія силы на Кандіи дошли до цифры 22 тысячъ человѣкъ, тогда, именно 1 августа 1866 года, обнародовано было отвѣтное извѣщеніе на адресъ, посланный къ султану. Этотъ отвѣтъ былъ письмо великаго визиря, въ которомъ заключались увѣщанія и вмѣстѣ неопредѣленныя обѣщанія улучшеній.

Тогда народное собраніе, провозгласивъ себя представительствомъ критскаго народа, 2 сентября приняло постановленіе о низверженіи власти султана надъ островомъ и о присоединеніи Кандіи къ греческому королевству.

Первыя схватки были успѣшны для инсургентовъ; они оттѣснили туземныхъ мусульманъ къ городамъ Канеѣ и Кандіи; они одержали верхъ даже надъ турецкими регулярными войсками; разсыпавшись на мелкіе отряды, они прервали всѣ сообщенія между отдѣльными частями войскъ, и одна колонна, подъ

Digitized by Google

предводительствомъ самого Измаила-паши, была окружена при Апокоронѣ и принуждена сдаться, чтобы избѣгнуть рѣшительнаго истребленія. Другая колонна, окруженная при Селино, успѣла пробиться подъ защиту укрѣпленія Кандіи, но послѣ значительныхъ потерь.

Порта приведена была въ сильное раздраженіе такимъ оборотомъ дѣлъ. Со всѣхъ сторонъ войска были направлены въ Кандію, такъ что, къ 15 сентября, тамъ было подъ ружьемъ уже 40 т. чел. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по совѣту Франціи и Англіи, Порта рѣшилась, наконецъ, послать на островъ полномочнаго коммиссара. Порученіе это было возложено на Киритли-Мустафа-пашу, который прежде былъ губернаторомъ на Кандіи. Выборъ палъ на него потому, что онъ былъ знакомъ съ мѣстными обстоятельствами, но выборъ былъ неудаченъ потому, что и кандіоты, съ своей стороны, слишкомъ хорошо были знакомы съ личностью этого человѣка, который, на ихъ счетъ, составилъ себѣ огромное богатство, скупилъ почти треть всей территоріи острова.

Киритли, пріѣхавъ въ Канею 17 сентября, издалъ прокламацію, въ которой опять содержались обѣщанія и угрозы. Прокламація осталась безъ успѣха. Въ періодъ кровопролитной войны, который послѣдовалъ затѣмъ, и ознаменовался, между иными подвигами, геройскимъ паденіемъ монастыря Аркадіона, турки, въ двухъ походахъ, лишились цѣлой половины своихъ войскъ, и Киритли-Мустафа убѣдился въ совершенной невозможности примиренія. Онъ былъ отозванъ.

Тогда на островъ былъ посланъ Омеръ-паша, прославившійся покореніемъ Черногоріи и участіемъ въ крымской войнѣ. Съ нимъ были посланы новыя подкрѣпленія.

Между тѣмъ, эти событія тяжело отзывались въ Константинополѣ. Министерство Рушди, какъ мы видѣли, приняло власть среди величайшихъ финансовыхъ затрудненій, а тутъ вдругъ потребовались непредвидѣнные, очень большіе расходы на войну въ Кандіи. Сверхъ того, по характеру своихъ дипломатическихъ отношеній къ Россіи, Порта признавала нужнымъ еще сосредоточить войска на сѣверной границѣ; наконецъ, въ Эпирѣ и Македоніи необходимо было тоже усилить постоянное число войскъ, чтобы тамъ не вздумали послѣдовать примѣру Кандіи. Правительство сдѣлало попытки заключить заемъ въ Парижѣ или Лондонѣ, но безъ успѣха. Правительство принуждено было возвратиться къ старой турецкой системѣ—занимать деньги на наиболѣе неотложные расходы небольшими суммами и на краткіе сроки у банкировъ живущихъ въ Галатѣ, хотя это и нарушало

Digitized by Google

обязательства, принятыя на себя правительствомъ по отношенію къ оттоманскому банку.

Что было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Обратиться къ Фуаду, просить его спасти Турцію? Но султанъ не хотѣлъ и слышать о немъ. Однако, кабинетъ Рушди, 11 февраля 1867 года, весь подалъ въ отставку. Тогда партія бюрократіи принудила-таки султана согласиться на назначеніе Фуада министромъ. Но чтобы прикрыть это «возстановленіе» Фуада, великимъ визиремъ сдѣлали Али-пашу, а Фуада — министромъ иностранныхъ дѣлъ. Оба они были назначены не на тѣ мѣста, которыя имъ нравились. Честолюбивый Фуадъ считалъ своимъ законнымъ достояніемъ мѣсто великаго визиря, а Али, наоборотъ, не хотѣлъ быть визиремъ, находя болѣе «существенною» власть министра иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ Турція находится въ полной зависимости отъ иностранныхъ державъ, то понятно, что посредникъ между ними и правительствомъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, даже въ глазахъ самихъ турокъ—главный членъ кабинета. Али постоянно предпочиталъ этотъ постъ, держался на немъ всякими ухищреніями и визиремъ его сдѣлали насильно. Принимая это званіе, онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы должность министра иностранныхъ дѣлъ была поручена Фуаду. Новый кабинетъ вступилъ въ управленіе въ мартѣ 1867 года.

Война на Кандіи продолжалась. Омеръ-паша придумалъ новую систему, чтобы одолѣть возстаніе: заключить его въ тѣсные предѣлы, заставлять инсургентовъ группироваться въ большіе отряды и окружать ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы задушить возстаніе, если не оружіемъ, то голодомъ. Но отчаянный патріотизмъ кандіотовъ сдѣлалъ исполненіе этого плана затруднительнымъ, такъ какъ они рѣшились разстаться со своими семействами, и съ тѣхъ поръ началась перевозка женщинъ и дѣтей съ Кандіи въ Грецію на военныхъ судахъ разныхъ націй.

Извѣстно, что во время поѣздки нашего государя въ Крымъ, Фуадъ-паша былъ посланъ въ Ялту, съ привѣтствіемъ отъ султана. Извѣстно также, что тѣ переговоры, какіе могли быть при этомъ, не измѣнили образа дѣйствій турецкаго правительства по отношенію къ кандіотамъ. Но Миллингенъ полагаетъ, что исходъ этихъ переговоровъ побудилъ Порту согласиться на поѣздку султана въ Европу, не смотря на все естественное нерасположеніе Порты выпускать султана изъ-подъ ея опеки, въ особенности для ознакомленія съ иными порядками.

Поѣздка султана въ Европу осталась безъ вліянія на политику французскаго правительства (которая, впрочемъ, какъ из-

Digitized by Google

вѣстно, измѣнилась вслѣдствіе поѣздки императора Наполеона въ Вѣну); но въ Англіи султанъ былъ принятъ съ большимъ сочувствіемъ, и торійское министерство обѣщало ему возможную помощь противъ кандіотовъ, вслѣдствіе чего англійскій капитанъ Гоббартъ былъ посланъ командовать турецкимъ флотомъ. Денежныя дѣла тоже поправились на время, вслѣдствіе путешествія султана. Французскій «Движимый кредитъ» далъ Турціи въ долгъ 53 милліона франковъ.

По возвращеніи султана въ Константинополь, Порта признала нужнымъ представить Европѣ свидѣтельство, что путешествіе оказало на него благое вліяніе, только укрѣпивъ султана въ его реформаторскихъ предпріятіяхъ. Съ этой цѣлью, учрежденъ былъ государственный совѣтъ, состоящій на половину изъ мусульманъ и изъ христіанъ. Такъ какъ нѣкоторые западно-европейскіе публицисты отнеслись къ этому «новому шагу Турціи на пути прогресса» столь сочувственно, что выставляли его даже какъ начало введенія въ Турціи представительнаго правленія, то необходимо остановиться нѣсколько на этомъ предметѣ и объяснить подробнѣе, что̀ такое новый государственный совѣтъ, учрежденный 1-го мая 1868 года.

Государственый совѣтъ существовалъ въ Турціи и до того времени и занимался приготовленіемъ законодательныхъ мѣръ, обсужденіемъ реформъ. Но онъ былъ соединенъ съ совѣтомъ юстиціи, такъ что былъ не только законодательнымъ, но и высшимъ судебнымъ мѣстомъ, которому спеціяльно подлежали преступленія государственныя, злоупотребленія высшихъ правительственныхъ лицъ и разсмотрѣніе смертныхъ приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ всякаго рода. Членами его были бывшіе министры.

Новое учрежденіе государственнаго совѣта отдѣлило его отъ верховнаго суда, который получилъ отдѣльное образованіе, и дало государственному совѣту иное распредѣленіе и иной составъ. Государственный совѣтъ, въ его новомъ видѣ, называется Хевре-Девлетъ и имѣетъ слѣдующія обязанности: приготовленіе и обсужденіе всѣхъ законодательныхъ проектовъ, рѣшеніе споровъ, возникающихъ между разными управленіями и недоразумѣній между властями административною и судебною (contentieux), разсмотрѣніе представленій, поступающихъ отъ генеральныхъ совѣтовъ виляетовъ (генералъ-губернаторствъ), наконецъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, которые вносятся въ государственный совѣтъ, по особымъ султанскимъ указамъ.

Государственный совѣтъ раздѣляется на пять отдѣленій: 1) внутреннее и военное, 2) финансовое и духовныхъ имѣній,

Digitized by Google

3) гражданскаго, уголовнаго и торговаго законодательства; оно же рѣшаетъ и недоразумѣнія между администраціею и судами, 4) общественныхъ работъ, торговли и земледѣлія; оно рѣшаетъ и дѣла по коммиссіямъ; 5) народнаго просвѣщенія. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ предсѣдателя, 5—10 государственныхъ совѣтниковъ.

До какой степени этотъ новый государственный совѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ какимъ-нибудь парламентомъ, видно уже изъ того, что онъ относится къ великому визирю не иначе, какъ рапортами. Главное право всякаго парламента — право опредѣлять бюджетъ—не принадлежитъ Хевре-Девлету. Для участія въ разсмотрѣніи бюджета только приглашаютъ президентовъ отдѣленій государственнаго совѣта и по одному члену изъ каждаго отдѣленія.

Итакъ, новый государственный совѣтъ въ Турціи не есть парламентъ. Но въ какой мѣрѣ можно признать его за представительство населеній турецкой имперіи? Отвѣтъ на это даетъ самый составъ совѣта: на 40—50 государственныхъ членовъ совѣта, назначено только 13 не-мусульманъ, именно: 4 армянъ-католиковъ, 4 грека, 1 армянинъ-григоріанецъ, 1 маронитъ, 1 болгаринъ и 2 еврея. Разумѣется и эти «не-мусульмане» избраны преимущественно изъ банкировъ и подрядчиковъ, служащихъ Портѣ [1]).

Учрежденіе государственнаго совѣта, въ который допущены христіане, должно было засвидѣтельствовать передъ Европою, что нравственное возрожденіе Турціи продолжается. Выдача нѣсколькихъ концессій желѣзныхъ дорогъ, должна была засвидѣтельствовать, что Турція вступила также и на путь экономическаго возрожденія.

Между тѣмъ, дѣла на Кандіи не поправлялись. Сердарь Омеръ-паша одержалъ нѣсколько дорого-стоившихъ успѣховъ, но такъ какъ блокада продолжала быть неуспѣшною, то инсургенты по прежнему держались малыми отрядами. Когда четыре державы сдѣлали Портѣ коллективное представленіе, Порта все-таки отклонила мысль о назначеніи международной коммиссіи для изслѣдованія положенія дѣлъ на Кандіи и послала туда, въ качествѣ чрезвычайнаго коммиссара, самого визиря Али-пашу.

Миллингенъ высказываетъ догадку, что въ то время, какъ по наружности Али-паша готовилъ реформы и совѣщался съ почетными лицами острова, существенная сторона его дѣятельности состояла въ попыткахъ избавиться отъ вождей возстанія,

---

[1]) Воен. Стат. сборн. Вып. II. Турція, стр. 244.

Digitized by Google

въ особенности отъ Хаджи-Михали посредствомъ подкуповъ, причемъ сдѣланы были даже попытки устранить ихъ не только изъ возстанія, но и изъ списка живыхъ. Какъ бы то ни было, извѣстно, что попытки эти не удались. Поѣздка Али-паши на Кандію только увеличила затрудненія Порты. Видя свой неуспѣхъ, и вовсе не желая слишкомъ долго оставаться вдали отъ Константинополя, Али-паша высказалъ свое убѣжденіе въ невозможности достигнуть какого-либо результата примирительными мѣрами, и часть неуспѣха всей своей миссіи взвалилъ на Омера. — Сердарь, писалъ онъ, невѣрно доносилъ Портѣ о положеніи дѣлъ на островѣ; его донесенія представляли это положеніе въ успокоительномъ видѣ, а въ дѣйствительности оно было таково, что о примиреніи не могло быть и рѣчи.

Зато Омеръ-паша былъ очень доволенъ пріѣздомъ Али, который давалъ ему возможность, въ свою очередь, часть своей отвѣтственности возложить на визиря. — Все уже было готово, писалъ онъ, чтобы нанесть возстанію послѣдній ударъ, инсургенты были разбиты, окружены и изнурены, какъ вдругъ было предписано шестинедѣльное прекращеніе военныхъ дѣйствій, которое потомъ было еще продолжено, и явился Али-паша съ предложеніями уступокъ, которыя только ободрили инсургентовъ, показавъ имъ, что ихъ боятся.

Кто былъ правъ — Али или Омеръ? Нѣтъ сомнѣнія, что были правы они оба, по крайней мѣрѣ во взаимной критикѣ своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось отозваніемъ обоихъ. Предлогомъ къ этому послужили «опасности», будто бы возникшія на Дунаѣ. Сперва былъ отозванъ Омеръ; на его мѣсто былъ посланъ Гуссейнъ-паша, и Фуаду, такимъ образомъ, удалось создать опять «положеніе» своему любимцу. За нимъ, въ началѣ текущаго года, возвратился въ Константинополь и великій визирь.

Извѣстно, что кандіотское возстаніе, предоставленное самому себѣ, послѣ того, какъ французское правительство, сблизившись съ Австріею, отказалось отъ дальнѣйшихъ представленій совмѣстно съ Россіею, Пруссіею и Италіею, и даже само обнадежило Порту не опасаться вмѣшательства, — мало-по-малу заглохло отъ изнуренія инсургентовъ, особенно послѣ того, какъ туркамъ удалось уничтожить знаменитый пароходъ «Аркадіонъ», и волонтеры изъ Греціи перестали прибывать на островъ. Трагическая судьба Кандіи, покрытая развалинами, облитой кровью, съ населеніемъ, разореннымъ на долгое время, такъ какъ турки выжгли виноградники и множество селеній — останется чернымъ пятномъ на нашемъ историческомъ періодѣ. Въ то время, когда для одного изгнанія датскаго языка изъ голштин-

Digitized by Google

скихъ и шлезвигскихъ школъ предпринята была кровопролитная война, въ то время, когда для прославленія принципа національности, и въ сущности просто для усиленія Пруссіи ведена была въ центрѣ Европы война громадная, наконецъ, въ то время, когда сама Великобританія издержала нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей для освобожденія, будто бы, нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, — Кандія, на почвѣ которой самымъ вопіющимъ образомъ были нарушены не только «принципъ національности», но самыя элементарныя понятія человѣчности, Кандія осталась въ цѣпяхъ, только омочивъ ихъ еще лишній разъ своею кровью. Примѣръ Кандіи, сопоставленный съ другими указанными примѣрами, въ которыхъ провозглашался принципъ національности, не доказываетъ-ли, что Европа говоритъ неправду, что недалеко ушло впередъ ея политическое сознаніе, что судьбою ея управляютъ и нынѣ вовсе не новые принципы — какъ она льститъ себѣ — а все тѣже правила политическаго ветхаго завѣта?

Въ виду такого многозначительнаго факта есть-ли возможность истинно упрекать саму Турцію въ томъ, что возрожденіе ея—пустое слово? Турція еще не есть вполнѣ анормальный фактъ среди европейскаго комплекса, такъ какъ онъ существуетъ до сихъ поръ. Нужна большая доля самохвальства со стороны Европы или преднамѣренная, безстыдная «подогрѣтость», чтобы возмущаться существованіемъ Турціи среди тѣхъ нравовъ, какіе еще преобладаютъ въ европейской политикѣ. Пока рѣшеніе вопросовъ о судьбѣ человѣчества предоставлено результату столкновенія Дрейзе съ Минье, и Крупна съ Армстронгомъ, почему же можетъ быть такъ удивительна турецкая процедура рѣшенія всякихъ вопросовъ?

Возмущаться «спеціально» по турецкому вопросу мы рѣшительно не можемъ. Но мы предполагаемъ разницу въ будущемъ: мы вѣримъ или хотимъ вѣрить, что политическая Европа можетъ обновить свои нравы, возродиться къ новой, раціональной и гуманной жизни, и въ тоже время убѣждены, что Турція *не можетъ* имѣть никакой будущности. Эта невозможность, какъ мы покажемъ далѣе, зависитъ вовсе не отъ корана, какъ обыкновенно утверждаютъ именно публицисты съ «подогрѣтымъ», «спеціальнымъ» негодованіемъ на-зло въ одной Турціи. Но прежде мы хотимъ представить читателю краткій обзоръ составныхъ элементовъ мнимаго турецкаго «возрожденія», то-есть новѣйшихъ турецкихъ реформъ.

Права христіанскихъ населеній Турціи обезпечиваются гатишерифомъ 1839 года (такъ-называемымъ гюльханскимъ) и гатигумаюномъ 1856 года. Происхожденіе и содержаніе этихъ ак-

Digitized by Google

товъ слишкомъ извѣстны, и мы не станемъ говорить о нихъ. Едва-ли нужно также доказывать, что обѣщанія эти или не были исполнены или, если и были исполнены частію, то подали скорѣе поводъ къ обремененію христіанъ новыми поборами, чѣмъ къ дѣйствительному улучшенію ихъ быта. Предметъ этотъ слишкомъ извѣстенъ.

О важнѣйшей и новѣйшей реформѣ въ организаціи высшаго управленія, именно учрежденіи государственнаго совѣта мы уже говорили. Теперь вотъ въ какомъ видѣ представляется, послѣ этого учрежденія, все высшее или центральное управленіе турецкой имперіи. Во главѣ его стоитъ великій визирь. Это не только первый министръ, но и намѣстникъ, alter ego султана. Наравнѣ съ нимъ, по закону, стоитъ шейх-уль-исламъ, глава улемы, высшее духовное лицо. Не надо, впрочемъ, забывать, что такъ какъ султанъ самъ—намѣстникъ пророка, то шейх-уль-исламъ не можетъ имѣть полной независимости, не можетъ громить самого султана во имя религіи. Шейх-уль-исламъ носитъ также, какъ великій визирь, титулъ высочества, но Фуадъ-паша, будучи великимъ визиремъ, показалъ, что въ странѣ, гдѣ въ рукахъ главы государства сосредоточивается всякая власть, никто не можетъ имѣть притязаніе на равное положеніе съ довѣреннымъ лицомъ властелина: онъ смѣнилъ шейха-уль-ислама, которому имѣлъ причины не довѣрять, и замѣнилъ его своею креатурою.

Высшая административная власть сосредоточена въ диванѣ или тайномъ совѣтѣ; онъ составленъ изъ всѣхъ министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія; сверхъ того, въ немъ засѣдаютъ нѣкоторые члены безъ портфелей. Визирь—предсѣдатель его; шейх-уль-исламъ — членъ. Распредѣленіе министерствъ въ Турціи не совсѣмъ согласно съ обще-европейскимъ. Такъ, рядомъ съ министерствомъ финансовъ есть независимыя управленія таможенныхъ сборовъ, прямыхъ налоговъ и государственнаго долга (они сосредоточены теперь въ однѣхъ рукахъ). Рядомъ съ министерствомъ султанскаго двора, есть еще независимое управленіе секретной казны султана и монетнаго двора; есть главное управленіе духовныхъ земель. Министерство военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, полиціи, внутреннихъ дѣлъ и проч., существуютъ въ томъ же смыслѣ какъ въ Европѣ, но отношенія между ними не такъ ясно и прочно опредѣлены.

Названіе «дивана» и «Порты» слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: диванъ есть собственно совокупность всѣхъ лицъ, которымъ поручены министерства или главныя управленія; такъ какъ эти-то именно лица и составляютъ тайный совѣтъ, то тайному совѣту дается названіе дивана. Его называютъ также и Портой,

Digitized by Google

въ смыслѣ высшаго управленія, но Порта — тамъ, гдѣ великій визирь; Порта означаетъ высшее правительство, а такъ какъ великій визирь предсѣдательствуетъ въ тайномъ совѣтѣ, то это смѣшеніе понятій естественно.

Въ каждомъ министерствѣ есть свой совѣтъ, кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Военно-медицинское управленіе (санитарная коллегія и медицинскій совѣтъ) подчинены военному министру.

За диваномъ слѣдуетъ государственный совѣтъ. Мы уже видѣли, что онъ ничего общаго съ парламентомъ не имѣетъ. По положенію же своему, въ ряду другихъ центральныхъ учрежденій, онъ равенъ министерствамъ; онъ также подчиненъ великому визирю, и предсѣдатель его—членъ тайнаго совѣта, какъ всѣ министры.

Власть шейха-уль-ислама не ограничивается управленіемъ духовнымъ вѣдомствомъ; онъ въ тоже время — глава мусульманскаго суда. Въ Турціи есть двоякая судебная власть: мусульманская, основанная на коранѣ и обычаяхъ (шаріатъ), и свѣтская, основанная на смѣшанномъ законодательствѣ. Глава первой—шейх-уль-исламъ. Мусульманская судебная часть (которой вѣдѣнію подлежатъ и дѣла семейныя мусульманъ) заключаетъ въ себѣ высшее судилище Арз-Одассы, областные суды мехкемэ, и низшіе суды, наибовъ и кадіевъ. Свѣтская или смѣшанная судебная часть состоитъ изъ высшаго суда Ахкіами-Адліе и низшихъ судовъ торговыхъ и полицейскихъ. Это свѣтское судопроизводство руководствуется французскими кодексами. Въ высшемъ свѣтскомъ судѣ засѣдаютъ сверхъ мусульманскихъ членовъ и 5 не-мусульманъ.

Прежде, чѣмъ говорить о новомъ областномъ устройствѣ Турціи, упомянемъ о положеніи ея финансовъ и ея арміи. Основою намъ будутъ служить цифры «Военно-Статистическаго Сборника», а разсказы Миллингена дадутъ къ нимъ иллюстраціи.

Доходы Турціи на 1866 — 67 годъ были исчислены въ 88 милл. рублей, съ небольшимъ; расходы—около 93½ милл. рублей. Итакъ, есть дефицитъ, но только 5½ милл. съ небольшимъ. Но, съ того времени, чрезвычайныя издержки, какихъ потребовала война на Кандіи, должны были значительно увеличить этотъ дефицитъ. Къ суммѣ дефицитовъ, разумѣется, слѣдуетъ причислять займы, которые правительство дѣлаетъ по мѣрѣ возможности, то-есть, какъ только можетъ заключить заемъ, такъ и заключаетъ.

При сравненіи цифръ доходовъ и расходовъ оказывается, что дефициты въ прежніе года бывали и бо́льшіе, чѣмъ какой былъ исчисленъ на 1866—1867. Такъ въ 1861—1862 дефицитъ былъ почти въ 11 милл. руб. Это, конечно, зависѣло отъ войны съ

Digitized by Google

черногорцами, и это даетъ намъ право думать, что война на Кандіи — на которую потребовались гораздо бо̀льшія издержки, чѣмъ на черногорскую, сдѣлали дефицитъ за 1866—67 совсѣмъ не похожимъ на тотъ, какой былъ исчисленъ. Но бывали и такіе годы, въ которые былъ значительный излишекъ доходовъ передъ расходами. Такъ, 1862—1863 годъ далъ болѣе $9^1/_2$ милл. рублей излишка.

Главные источники дохода въ Турціи: аширъ, верги и таможенный сборъ. Аширъ есть сборъ десятины съ произведеній земли и скотоводства. Замѣчательно, что опредѣляется онъ *до* жатвы, такъ что исчисленіе его зависитъ отъ произвола. Верги, это—подоходный налогъ, который за отсутствіемъ кадастра разлагается просто на дворы или семьи, при чемъ, конечно, не соблюдается справедливое отношеніе къ дѣйствительнымъ средствамъ мусульманъ и райевъ. Аширъ (по подробному бюджету, который имѣется послѣдній за 1864—65 годъ) доставилъ 24 милл. 797 тыс. рублей; верги—17 милл. $153^1/_2$ тыс. рублей; таможенный сборъ — 12 милл. $52^1/_2$ тыс. рублей. Прежняя поголовная подать съ не-мусульманъ, хараджъ, какъ извѣстно, отмѣнена, но на дѣлѣ она только перемѣнила названіе, именно называется нынѣ «бедель» и взимается съ не-мусульманъ поголовно. Хараджъ, какъ «дань невѣрныхъ правовѣрнымъ за оставленную имъ изъ милости жизнь», былъ наконецъ признанъ унизительнымъ, и отмѣненъ. Въ то же время провозглашено было (въ гати-гумаюнѣ) обѣщаніе допустить не-мусульманъ къ военной службѣ. Но здѣсь-то, между прочимъ, прямо отозвалась главная причина невозможности возрожденія Турціи вообще: правительство, не смотря на всѣ свои обѣщанія, очевидно, не можетъ допустить, чтобы бо̀льшая часть или хоть половина турецкой арміи состояла изъ христіанъ. Введеніе истиннаго начала уравненія въ то зданіе, которое построено на коренной лжи: на преобладаніи меньшинства мусульманъ надъ христіанскимъ большинствомъ въ Европѣ, было бы равносильно самоуничтоженію Оттоманской имперіи.

Вотъ почему, на практикѣ, турецкое правительство не могло не признать, что «христіане выказываютъ нерасположеніе къ военной службѣ» [1]). А потому прежній хараджъ продолжалъ взиматься въ видѣ выкупа отъ военной повинности, подъ именемъ беделя. Замѣняя хараджъ беделемъ, правительство опредѣлило, что послѣдній будетъ взимаемъ со всѣхъ не-мусульманъ въ возрастѣ 14—60-ти лѣтъ, и это уже очевидно указывало, что бе-

[1]) Это «признаніе», будто бы извлеченное изъ опыта, выражено въ меморандумѣ Фуада-паши 15-го мая 1867 года.

Digitized by Google

дель есть не что иное, какъ та же поголовная подать, потому что можно-ли серьезно говорить о военной повинности съ 14-ти или 60-ти-лѣтнихъ? Но впослѣдствіи бедель сбросилъ съ себя всякую маску, сталъ взиматься даже съ дѣтей, начиная съ трехмѣсячнаго возраста, и такимъ образомъ, отмѣна хараджа осталась только на бумагѣ.

Замѣчательно, что государственный доходъ съ крѣпкихъ напитковъ въ Турціи составляетъ всего около $1^1/_2\%$ общей суммы дохода, именно съ небольшимъ милліонъ рублей.

Главные расходы Турціи (по бюджету 1864 — 65), платежи по внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ—болѣе 26-ти милл. рублей; по военному министерству — $18^1/_2$ милл. руб.

Но эти цифры, взятыя изъ частныхъ бюджетовъ, болѣе или менѣе случайны. Въ общемъ же выводѣ, по свидѣтельству англійскаго посольства, итогъ дохода Турціи составляетъ до 88-ми милл. рублей. Изъ этой суммы 33 милл. рублей идутъ на уплату по займамъ; 34 милл. руб., собираемые въ провинціяхъ, тамъ же и расходуются, на мѣстное управленіе и мѣстныя нужды; за тѣмъ на всѣ общія государственныя потребности остается только 21 милл. рублей, да и тѣ поступаютъ неисправно, тѣмъ болѣе, что всѣ важные источники дохода заложены и имѣютъ спеціальное назначеніе [1]).

Реформы послѣдняго времени по части финансовъ заключались въ выкупѣ части «каиме» (ассигнацій), и конверсія 6-типроцентныхъ бумагъ въ 5%-ныя. Каиме въ 1862 году находилось въ обращеніи на сумму 998,800,000 піастровъ или 57,144,000 рублей. При помощи внѣшняго займа эти каиме были выкуплены, то-есть въ дѣйствительности заплачено по нимъ только 40% металломъ, а на остальныя 60% выданы новыя бумаги.

Конверсія, то-есть обращеніе 6% бумагъ въ 5%, повидимому, не нарушала интересовъ государственныхъ кредиторовъ, такъ какъ при этомъ уменьшеніи процентовъ былъ соотвѣтственно увеличенъ номинальный капиталъ бумагъ; но на дѣлѣ кредиторы потеряли въ томъ, что прежнія бумаги подлежали погашенію въ опредѣленные сроки, между тѣмъ, какъ по новымъ бумагамъ погашеніе только обѣщано неопредѣленнымъ образомъ, впослѣдствіи. Конверсія, сверхъ того, представила печальную иллюстрацію къ турецкимъ правительственнымъ нравамъ: въ силу конверсіи, 22,185,675 турецкихъ лиръ въ 6% облигаціяхъ обращались въ 29,000,000 т. р. 5%. Но капиталъ владѣльцевъ облигацій не былъ увеличенъ на всю разницу первой суммы со второю: Фуадъ-паша

[1]) Воен. Ст. Сб. В. II, стр. 301.

Digitized by Google

ввернулъ еще новый заемъ въ 4 милл. лиръ. Вся эта операція ознаменовалась разными неблаговидными продѣлками, которыя сильно повредили кредиту Турціи за границею.

Вотъ какъ опредѣляетъ Миллингенъ результатъ реформъ, произведенныхъ по финансамъ въ управленіи Фуада-паши:—«выкуплено каиме на сумму 10 милл. турецкихъ лиръ, для того, чтобы втеченіи пяти лѣтъ обременить государство новыми долгами на сумму 35,000,000 лиръ» [1]). Обнародованіе бюджетовъ—реформа, исходящая отъ Фуада.

Собственно говоря, вся сумма государственнаго долга Турціи сама по себѣ не чрезмѣрно велика: она составляетъ 93 милл. тур. лиръ, или 535 милл. рублей; но упадокъ всей производительности и относительная бѣдность страны дѣлаютъ эту сумму крайне-тяжелою, а условія, при какихъ заключено большинство займовъ, еще увеличиваютъ эту тяжесть. Вспомнимъ, что по суммѣ 535 милл. р. долга, Турція должна уплачивать ежегодно 33—35 милл. рублей.

Мы уже говорили выше, что иногда Порта затрудняется покрыть какой-либо предстоящій самый неизбѣжный расходъ: просто нѣтъ денегъ; въ такомъ случаѣ, она обращается за помощью къ галатскимъ банкирамъ и занимаетъ у нихъ небольшія суммы; эти займы дѣлаются по *20—25*% въ годъ. Въ бюджетѣ они не показываются; не показывается въ бюджетѣ и послѣдній заемъ въ 2 милл. фунтовъ стерл. (12½ милл. р.), сдѣланный въ 1867 году на поѣздку султана въ Европу. Эти, такъ сказать неоффиціальные, долги приняты въ соображеніе при составленіи приведеннаго итога 535 милл. рублей.

Все это носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ азіятскаго хозяйства. Безпорядочность финансоваго управленія такова, что неполученіе жалованья войскомъ и чиновниками — періодически повторяющійся фактъ. Такъ, въ 1865—1866 годахъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ чиновники и войско ожидали жалованья за 25, даже за 36 мѣсяцевъ. Чтобы раздѣлаться съ этой недоплатою, правительство, въ 1866 году, уплатило имъ половину наличными деньгами, а половину 10% облигаціями, но вслѣдъ за тѣмъ, вычло у нихъ же мѣсячное жалованье, въ видѣ подарка султану; а съ 1867 года, этотъ вычетъ обращенъ въ нормальную мѣру: служащимъ объявлено, что «впредь до поправленія финансовъ» у нихъ ежегодно будетъ удерживаться 16% жалованья.

При такомъ финансовомъ порядкѣ, понятно, какой можетъ быть порядокъ и въ довольствіи арміи по коммиссаріатской, про-

[1]) Millingen, p. 329.

Digitized by Google

віантской и госпитальной частямъ. Миллингенъ представляетъ ужасающую картину системы безтолковости и взяточничества, которой жертвою служитъ турецкій солдатъ.

По цифрамъ «Военно-Статистическаго Сборника», общая численность турецкой арміи, по штатамъ военнаго времени, положена въ 311 тысячъ человѣкъ (съ нестроевыми), а по мирному времени въ 100—120 т. Въ настоящее же время, когда турецкая армія находится на положеніи полу-военномъ, численность ея (къ 1 января 1868 года) составляла около 195 т. человѣкъ.

Силы эти, повидимому, — довольно почтенныя. Но когда познакомишься съ характеромъ турецкаго военнаго управленія, какъ его описываетъ Миллингенъ, который самъ былъ баталіоннымъ командиромъ, то нельзя не понять, почему Портѣ такъ трудно управляться даже съ частными возстаніями. Здѣсь всего умѣстнѣе будетъ вкратцѣ разсказать все то, что случилось съ самимъ Миллингеномъ въ Турціи. Въ 1862 году, онъ со своимъ баталіономъ былъ посланъ въ Котуръ, въ Курдистанѣ, близъ персидской границы, и неудачи его начались съ того, что начальство его, подкупленное мудиромъ одного селенія, въ которомъ онъ поставилъ роту, приказало, не смотря на всевозможныя представленія баталіоннаго начальника, перевесть эту роту въ другое селеніе, въ нездоровой мѣстности. Здѣсь большая часть солдатъ погибла отъ тифа. Въ лазаретѣ баталіона было только нѣсколько лѣкарствъ, и врачемъ былъ цирюльникъ, выслужившійся во время крымской кампаніи, которому вдобавокъ начальникъ Миллингена, Азми-паша, далъ, конечно, по неудовольствію на Миллингена, отпускъ въ то самое время, когда въ одной изъ ротъ баталіона свирѣпствовалъ тифъ. Затѣмъ, ни генералъ Азми-паша, ни подполковникъ Мустафа-бей, который былъ посланъ инспектировать солдатъ Миллингена, не подали ему никакой помощи до тѣхъ поръ, когда уже было поздно.

Другой случай, поссорившій Миллингена съ высшею военною администраціей, состоялъ въ томъ, что Миллингенъ открылъ и формально доказалъ виновность мудира Гаш-кальскаго въ наймѣ убійцъ, которые умертвили еврея Мушо, оставившаго у этого мудира деньги на сохраненіе. За это, генералъ Азми-паша отрѣшилъ Миллингена отъ должности и подвергъ его слѣдствію. Миллингенъ, видя, что дѣло затянется на долго, просилъ позволенія ѣхать въ главную квартиру, въ Эрзерумъ, но не получивъ дозволенія, и опасаясь, что Азми-паша приговоромъ своихъ клевретовъ припишетъ ему всякія злодѣянія, не давъ ему никакой возможности оправдаться, онъ тайно выѣхалъ изъ города Вана верхомъ и, услышавъ за собою погоню, въ двадцать

Digitized by Google

семь часовъ проскакалъ 34 лиги, и переправился чрезъ Евфратъ. Эрзерумскій генералъ-губернаторъ (муширъ) Мелеменли-Мустафа-паша не захотѣлъ поддержать жалобъ Миллингена на Азми-пашу. Бѣгство Миллингена изъ Вана подало поводъ всѣмъ турецкимъ властямъ, впослѣдствіи, относиться къ нему просто какъ къ дезертиру, останавливаться на одномъ фактѣ его ослушанія начальнику, отказываясь затѣмъ выслушивать всѣ его претензіи. Такъ отнесся къ Миллингену и Фуадъ-паша, въ Константинополѣ. Миллингенъ, потерявъ наконецъ терпѣніе, подалъ Фуаду прошеніе объ отставкѣ.

Копію съ этого прошенія, а также съ разныхъ актовъ относящихся къ его дѣлу съ турецкими властями, онъ помѣстилъ въ своей книгѣ. Мы не будемъ останавливаться далѣе на этой, лично касающейся сторонѣ книги Миллингена.

Чтобы окончить очеркъ нынѣшняго положенія Турціи, намъ остается разсказать устройство ея провинціальныхъ учрежденій, систему «виляетовъ», новаго административнаго дѣленія Оттоманской имперіи, введеннаго въ 1864 году.

До того времени, она раздѣлялась на эйялеты (губернаторства), ливы или санджаки (уѣзды) и казы или нахіи (станы или волости). При новомъ раздѣленіи, на *виляеты* (генералъ-губернаторства), нѣкоторые изъ нихъ совпали съ прежними эйялетами, а нѣкоторыя изъ частей разныхъ эйялетовъ. Назовемъ здѣсь только виляеты, находящіеся въ Европейской Турціи: виляетъ Эдрне, включающій и столицу; виляетъ Туна, т. е. дунайскій, въ которомъ заключается географическая Болгарія съ Добруджею; виляетъ Босна (Боснія и Герцеговина); виляетъ Искюбъ (Искюбъ и Скодра); виляетъ Янія (Эпиръ и Ѳессалія); виляетъ Селоникъ (Селоникъ и Битолія); виляетъ Джезаиръ (Архипелагъ) и виляетъ Киридъ (Кандія). Цифры населенія Оттоманской имперіи, по сомнительности, или отсутствію статистическихъ данныхъ, болѣе или менѣе произвольны. Изъ оффиціальнаго счисленія сороковыхъ годовъ, дополненнаго и измѣненнаго послѣдними показаніями оффиціальной статистики, европейскіе этнографы выводятъ среднія цифры: для европейской Турціи $10^1/_2$ милл., для азіятской 16 милл. душъ. Раздѣленіе этой цифры по вѣроисповѣданіямъ совершенно произвольно.

Виляеты подраздѣляются на санджаки (губерніи) и казы (уѣзды), состоящіе изъ нѣсколькихъ общинъ. Начальнику виляета, который называется *вали*, поручены всѣ отрасли мѣстной власти: собственно административная, финансовая, полицейская и приведеніе въ исполненіе рѣшеній судовъ. При вали состоитъ административный совѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ главными

Digitized by Google

чиновниками генералъ-губернаторства и президента судовъ, засѣдаютъ еще 6 членовъ изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей, именно 3-ое мусульманъ и 3-ое не-мусульманъ.

Въ санджакахъ, на которые дѣлится виляетъ, администрація устроена по тому же образцу: начальникъ санджака, губернаторъ, называется теперь *мутессарифъ* (прежде назывался каймакамъ); теперь этотъ послѣдній титулъ перешелъ къ начальникамъ казъ, которые прежде назывались мудирами). При мутессарифѣ также состоитъ совѣтъ управленія, въ которомъ засѣдаютъ главные чиновники, а также мусульманскія и немусульманскія высшія духовныя лица, и 4 члена *выборные*, изъ которыхъ двое мусульманъ и двое не-мусульманъ. Судебною частью въ санджакѣ завѣдуетъ кади. Въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ санджака — 6 членовъ, также на половину мусульманъ и не-мусульманъ.

Начальникъ казы или уѣзда называется *каймакамъ*. При немъ есть совѣтъ управленія изъ 3-хъ выборныхъ членовъ, въ число которыхъ допускаются не-мусульмане.

Наконецъ, общиною управляютъ *мухтары*. Въ каждой общинѣ ихъ избирается по два, отъ каждаго религіознаго общества имѣющаго не менѣе 20 дворовъ и по одному отъ обществъ имѣющихъ менѣе этого числа дворовъ. Мухтары утверждаются начальникомъ казы. Они обязаны собирать налоги и исполнять требованія начальства. Наконецъ, въ каждомъ религіозномъ обществѣ есть еще свой совѣтъ старшинъ. Цензъ избирателей въ общинѣ 50 піастровъ прямыхъ налоговъ; для избираемыхъ — 100 піастровъ; въ казахъ — 150 піастровъ. Въ виляетѣ цензъ — не менѣе 500 піастровъ.

Таково образованіе областныхъ управленій въ Турціи и несомнѣнная его внѣшняя либеральность — фактъ, прямо ведущій насъ къ выводу изъ всего предшествующаго очерка современной исторіи и нынѣшняго положенія Оттоманской имперіи. Организація мѣстныхъ учрежденій Турціи несомнѣнно-либеральна: въ ней допущено на разныхъ степеняхъ выборное начало и проведено равенство между мусульманами и не-мусульманами относительно выборныхъ должностей. И однакожъ, самые достовѣрныя показанія всѣ свидѣтельствуютъ, что отъ этого рѣшительно нѣтъ проку. Донесенія самихъ англійскихъ консуловъ, наименѣе пристрастныхъ къ христіанамъ, свидѣтельствуютъ, что злоупотребленія встрѣчаются на каждомъ шагу, и что терпятъ отъ нихъ именно христіане. Мѣстная администрація либерально устроена на бумагѣ, но не-мусульманскіе члены сидятъ въ совѣтахъ управленія безъ всякаго голоса; уважаемые люди изъ

Digitized by Google

христіанъ даже нейдутъ въ эти должности, потому что христіанскихъ совѣтниковъ члены-мусульмане употребляютъ на послуги. Списки избираемыхъ проходятъ чрезъ нѣсколько инстанцій, изъ которыхъ каждая исключаетъ часть представляемыхъ; въ результатѣ, въ совѣтъ санджака или вилаета попадаютъ только тѣ, кого тамъ угодно видѣть турецкимъ начальникамъ. У Миллингена есть примѣръ, что мусульманскій начальникъ беретъ у членовъ-христіанъ ихъ печати и прикладываетъ ихъ къ протоколу, невыгодному для христіанъ. Распредѣленіе податей продолжаетъ быть не ровно, въ ущербъ христіанамъ, и обѣщанія гати-гумаюна не исполняются.

Все это доказываетъ сомнительность дѣйствительнаго возрожденія Турціи. Мы видимъ, что, не смотря на всѣ объявленныя реформы, злоупотребленія продолжаютъ преобладать какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ управленія.

Но виною этому не одинъ фанатизмъ мусульманъ, не оппозиція духовенства реформамъ — какъ многіе думаютъ. Вина въ такомъ неисправимомъ положеніи лежитъ въ самомъ корнѣ той системы, которая состоитъ въ дикомъ господствѣ одной турецкой расы надъ всѣми народностями населяющими имперію, и въ преобладаніи надъ всѣмъ этимъ того султанскаго произвола, который ограничивается только уродливою, неестественною силою высшихъ чиновниковъ, а сами они не что иное, какъ представители и слуги того же произвола.

Въ коранѣ, правда, можно найти оправданіе преслѣдованій противъ «невѣрныхъ», но можно также найти въ немъ и опору для вѣротерпимости. Напримѣръ:

«О правовѣрные! Не берите себѣ въ друзья ни іудеевъ, ни христіанъ; всякъ берущій себѣ друга изъ нихъ сдѣлается подобенъ имъ!»

«Война съ невѣрными есть долгъ вашъ. Я поражу страхомъ сердца невѣрныхъ; отсѣкайте имъ головы и концы перстовъ ихъ».

«Бейте невѣрныхъ, пока не истребится соблазнъ и не останется вѣры только въ единаго Бога» [1]).

Но надо замѣтить, что хотя въ разныхъ мѣстахъ корана христіане и евреи называются невѣрными, а затѣмъ въ другихъ мѣстахъ невѣрныхъ предписывается истреблять, однако нигдѣ не сказано прямо: истребляйте *христіанъ* или *евреевъ*, такъ что очень легко истолковать угрозы корана, какъ относящіяся только къ идолопоклонникамъ, многобожникамъ.

---

[1]) Выписываемъ изъ Воен. Ст. Сборника, В. II, стр. 222.

Digitized by Google

Сверхъ того, въ коранѣ есть и предписанія вѣротерпимости. Напримѣръ:

«Воистину вѣрующіе по іудейской вѣрѣ и слѣдующіе ей, и христіане и сабеяне, однимъ словомъ всякъ, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день, и совершающій добрыя дѣла, получитъ награду отъ своего Господа; страхъ не поразитъ ихъ и не найдетъ на нихъ печаль».

«Говорите: Мы вѣруемъ въ Бога и во что было ниспослано свыше намъ, Аврааму и Измаилу, Іакову, двѣнадцати колѣнамъ. Мы вѣримъ книгамъ, даннымъ Моисею и Іисусу, книгамъ дарованнымъ пророкамъ Господнимъ; мы не полагаемъ разницы между ними и полагаемся на Бога.

«Въ вѣрѣ не нужно принужденія. Истинный путь довольно различается отъ заблужденія.

«Повѣдай: Всякъ поступаетъ по своему; но Богу извѣстно, чей путь прямѣе» [1]).

Итакъ, напрасно однимъ кораномъ, или вообще мусульманскою религіею объясняютъ невозможность вѣротерпимости или реформъ благопріятныхъ христіанамъ, откровеннаго, дѣйствительнаго исполненія хотя бы обѣщаній гати-гумаюна. И если бы коранъ служилъ безусловнымъ препятствіемъ, то прежде всего признаніе правъ христіанъ не могло бы быть провозглашаемо оффиціально главою правовѣрныхъ; не могъ бы султанъ Магометъ II, первымъ дѣломъ по взятіи Константинополя, признать неприкосновенность греческаго патріарха, греческихъ церквей и обрядовъ; точно такъ черезъ четыре столѣтія не могъ бы султанъ Абд-улъ-Меджидъ издать гати-гумаюна.

Вина въ турецкомъ хаосѣ, какъ вездѣ и въ Европѣ въ прежнія времена, лежитъ на произволѣ. Неисправимость же этого хаоса — а съ нимъ и всего положенія Оттоманской имперіи — зависитъ отъ уродливаго склада самаго государства. Орда, которая покорила высшіе народы по культурѣ и утратила силу какъ военное племя, не хочетъ уступить своего господства какъ каста, какъ народность, какъ привилегированное сословіе. Здѣсь исправленіе только и возможно крайнимъ средствомъ, употребляемымъ противъ безусловно-неуступчивыхъ кастъ — революціею, послѣднимъ примѣромъ которой было возстаніе Кандіи.

Л. А — въ.

[1]) Тексты въ смыслѣ вѣротерпимости корана мы выписываемъ изъ La Turquie en 1861, par M. B. C. Colas. pp. 28 et 29.

Digitized by Google

МОЛОКАНЕ и ДУХОБОРЦЫ

ВЪ

УКРАИНѢ и НОВОРОССІИ.

(XVIII-й вѣкъ).

IV*).

Нравы и обычаи молоканъ. — Особенности ихъ брачнаго обряда.—Необыкновенная торжественность и мѣсто совершенія его. — Отрывокъ изъ текста обрядника молоканскаго. — Праздничные дни молоканъ. — Ихъ духовныя пѣсни.

Общественная и домашняя жизнь молоканъ сложилась иначе, сравнительно съ образомъ жизни православнаго русскаго крестьянина вообще... У молоканъ все своеобразно, начиная съ воспитанія дѣтей и кончая самыми обыденными привычками. О винѣ, напр., у нихъ нѣтъ и помину, и самое высшее лакомство составляетъ для нихъ медъ сотовый, отъ котораго и не хмѣльно и не убыточно... Обряды религіозные совершенно отличны отъ нашихъ православныхъ обрядовъ, начиная съ крещенія младенцевъ и кончая свадьбою и погребеніемъ умершихъ. Обряды эти до того любопытны и до того еще мало извѣстны, что мы приведемъ здѣсь подробности одного изъ такихъ обрядовъ, имѣющіяся у насъ подъ рукою, именно: обряды молоканскаго брака въ томъ видѣ, какъ онъ совершался у тамбовскихъ молоканъ въ концѣ XVIII вѣка, какъ совершался въ Украинѣ и Новороссіи, и какъ

*) См. выше: октябрь, 1868, стр. 673—701.

Digitized by Google

повторялся въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, куда онъ перенесенъ былъ къ молоканамъ изъ Тамбовской губерніи. Въ поѣздкѣ своей по Симбирской, Саратовской и Самарской губерніямъ для знакомства съ расколомъ и, въ частности, съ молоканскою сектою на мѣстѣ, мы имѣли случай провѣрить этотъ обрядникъ молоканскій въ бесѣдахъ съ молоканскими старѣйшинами (по нашему, попами) и убѣдиться, что этотъ обрядникъ — тамбовскаго происхожденія, но распространенъ былъ по Украинѣ и Новороссіи еще въ XVIII вѣкѣ. Всего замѣчательнѣе въ молоканскомъ бракѣ вообще торжественное совершеніе его, иногда въ полѣ, въ домѣ, а чаще всего среди двора подъ открытымъ небомъ, при огромномъ стеченіи народа (обыкновенно цѣлаго села, или околотка молоканскаго), причемъ для благословенія брака выбирается самый старѣйшій человѣкъ изъ всего села, убѣленный сѣдинами. Картина бываетъ замѣчательно торжественная и патріархальная, когда какой-нибудь столѣтній старецъ, бѣлый какъ лунь, то возлагаетъ свои дрожащія руки на главу новобрачныхъ, то поднимаетъ ихъ къ небу, призывая благословеніе небесъ на чету среди колѣнопреклоненнаго народа, обращающагося взорами своими къ тому же открытому небу.... Въ бракѣ молоканскомъ замѣчательно и то обстоятельство, что въ немъ принимаютъ участіе, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, наравнѣ съ совершающимъ бракъ старѣйшиною, родители новобрачныхъ, возлагая руки на чету, молясь о ней, и изрѣкая публичныя наставленія и заклинанія.

Когда всѣ соберутся на мѣсто, назначенное для совершенія извѣстнаго брака, то старѣйшина (заступающій мѣсто нашего священника) совершающій бракъ, произноситъ громко: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь»! Потомъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ молятся Богу, а старѣйшина читаетъ далѣе молитву: Отче нашъ.... и другія молитвы короткія, какія изберетъ самъ. Затѣмъ отецъ и мать жениха благословляютъ своего сына и подводятъ его къ невѣстѣ, такъ же и невѣсту благословляютъ родители ея, приглашая тутъ же жениха и невѣсту стать на колѣни и просить благословенія слѣдующими словами: «Простите меня и благословите родители благословеніемъ вѣчнымъ отъ Бога во вѣки нерушимымъ и подайте мнѣ миръ и благословеніе! Се нынѣ и всегда приношу вамъ сердечное покореніе и тѣлесное поклоненіе»! Послѣ этого отецъ и мать возлагаютъ руки свои на главу четы и, благословляя, произносятъ слѣдующую рѣчь:

«Буди чадо наше благословенно Богомъ небеснымъ, и да благословитъ тя Господь отъ росы небесной свыше и отъ тука земнаго, и да благословитъ тя Господь отъ Сіона, узриши бла-

Digitized by Google

гая отъ Іерусалима и узриши сыны сыновъ твоихъ, миръ на Израиля, и вѣнецъ благодати Божіей да почіетъ на главахъ вашихъ. Чадо! помяни сотворшаго тя во днѣхъ юности твоея и вся дни живота Господа Бога нашего, да не похощеши согрѣшати и преступати заповѣди Господни; правду твори во вся дни живота твоего. Вступивъ вы во святое и Богомъ благословенное супружество, почтите оное исполненіемъ, и сохраните между собою любовь и согласіе. Да благословитъ тя Богъ и узриши чадъ своихъ и плодъ чрева своего. Привлеките на себя благословеніе Божіе и мирное житіе. Сего ради и благословеніе наше на васъ да пребудетъ; да благословитъ васъ Богъ небесный пріять супружество и сохранить оное въ чистотѣ! Сего усердно желаемъ и буди благословеніе наше на васъ и призываемъ имя Бога милосердаго; буди на васъ благословеніе Господне всегда и нынѣ во вѣки. Аминь».

Потомъ, когда прійдетъ женихъ къ невѣстѣ въ домъ и когда невѣсту введутъ въ собраніе людей, молокане молятся. Такъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. «Отче нашъ, иже еси на небѣсѣхъ» и живый въ помощи....»

Потомъ читается молитва:

«Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленія людемъ своимъ и воздвиже рогъ спасенія намъ. Господи Боже мой! услыши молитву рабовъ Твоихъ, молящихся о рабѣхъ Твоихъ и не лиши ихъ Господи милости Твоея, предвари ихъ Господи благословеніемъ благостыннымъ, положи имъ Господи на главы ихъ вѣнцы отъ камени честна, велія слава его спасеніемъ Твоимъ, славу и велелѣпіе возложиши на нихъ, яко Ты Господи даждь имъ благословеніе во вѣкъ вѣка», и т. д.

Потомъ беретъ отецъ за руку дочь свою и отдаетъ ее жениху съ словами:

«Се даю дщерь мою тебѣ въ жену по закону Моусееву. Пойми ю и отведи ю къ отцу твоему, да благопоспѣшитъ вамъ Богъ милостію Своею во благая, миръ съ вами, и да благословитъ васъ Господь до вѣка. Аминь».

Затѣмъ совершающій бракъ беретъ жениха и невѣсту, соединяетъ обоихъ предъ людьми въ собраніи и допрашиваетъ ихъ обоихъ въ купномъ (какъ выражено въ молоканскомъ обрядникѣ) ихъ желаніи:

«И ты, женише, желаешь-ли принять себѣ въ супружество (имярекъ) и быть ея мужемъ съ не принужденною волею, своею волею»?

Отвѣтъ, какой послѣдуетъ отъ вопрошаемыхъ, засвидѣтель-

Digitized by Google

ствывается предъ всею братіею, и послѣ сего совершающій бракъ говоритъ невѣстѣ:

«И ты, невѣста: желаешь-ли посягнуть за-мужъ за (имярекъ) и быть ему женою, не принужденною волею, но своею»?

Отвѣтъ снова засвидѣтельствывается предъ всею братіею, и самъ женихъ говоритъ:

«Се не пойму иныя жены, ю же азъ поемлю жену сію по закону Божію безъ нарушенія, сохранитися отъ блуда и прелюбодѣйства и не лишати себя другъ друга, съ тѣмъ даю обѣщанія. Аминь».

Невѣста же говоритъ:

«Се не пойму инаго мужа, за него же посягаю по закону Божію, безъ нарушенія сохранити себя отъ блуда и прелюбодѣйства и не оставлять мужа своего до вѣка. Аминь»!

Потомъ, совершающій бракъ прочитываетъ обоимъ брачущимся законъ и заповѣди и клятвенное обѣщаніе, которое они скрѣпляютъ словомъ: Аминь! и въ слѣдъ за нимъ говорятъ оба:

Мы ниже наименованные рабы Бога живаго, обѣщаемся предъ всемогущимъ Богомъ и предъ Его святымъ Евангеліемъ и предъ Его церковію въ томъ, что по закону Божію и по благословенію насъ родителей нашихъ, и по собственному нашему желанію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, съ тѣмъ, чтобы, безъ нарушенія божіихъ заповѣдей и нашего обѣщанія, между нами соблюдена была вѣрность и ложе нескверно; удаляться отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни, и во вѣкъ полагаемъ вѣрность. Аминь»!

За симъ слѣдуетъ длинный рядъ молитвъ и назиданій, и обрядъ брака оканчивается пѣніемъ всѣхъ присутствующихъ 127-го псалма пророка Давида: «Блажени вси», и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что эти торжественныя и публичныя клятвы брачущихся предъ народомъ, короткія, назидательныя и глубоко западающія въ душу, при торжественной обстановкѣ, наставленія родителей также публичныя и, наконецъ, трогательные совѣты и наставленія публичныя же старѣйшины, производя сильное и глубокое впечатлѣніе на брачущихся, заставляютъ ихъ сохранять вѣрность супружескую до гроба, и дѣлаютъ семейный бытъ молоканъ вообще замѣчательно устойчивымъ [1]) и крѣпкимъ, не смотря на то, что онъ не освящается санкціею таинства. Любовь и уваженіе другъ къ другу, завѣщеваемыя старѣйшиною и родителями новобрачущихся, вѣрность до гроба, завѣщаніе трудолюбія, страха Божія,

[1]) Разводы у молоканъ хотя и допускаются, какъ необходимость, но бываютъ чрезвычайно рѣдки.

Digitized by Google

честности въ жизни и любви къ труду, воспитанія дѣтей въ страхѣ Божіемъ, послушаніи и почитаніи новыхъ родителей по бракѣ и проч., дѣлаютъ бракъ молоканъ во всякомъ случаѣ актомъ непротивохристіанскимъ.

При изученіи быта молоканъ, обращаютъ на себя вниманіе наблюдателя, между прочимъ, и особенности препровожденія ими воскресныхъ дней. Эти дни они буквально посвящаютъ Богу, начиная его общимъ моленіемъ (по нашему, обѣдня), которое продолжается обыкновенно съ 8 часовъ утра и до 1, или 2 часовъ по полудни, и оканчивая въ домѣ, послѣ обѣда, чтеніемъ библіи и толкованіемъ ея, а также и пѣніемъ пѣсенъ духовнаго содержанія, въ родѣ нашихъ древнихъ кантовъ. Мы имѣемъ подъ рукою нѣкоторыя изъ этихъ молоканскихъ пѣсенъ, происхожденія тамбовскаго, которыя и приводимъ здѣсь въ подлинномъ текстѣ, считая долгомъ пояснить при этомъ, что пѣсни эти, сколько удалось намъ ихъ слышать лично, поются большею частію на напѣвъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, но необыкновенно протяжно и заунывно... Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ:

I.

Нынѣ избранные пріидите,
Хвалу Богу небесному воздадите
Всѣмъ сердцемъ вашимъ ко Господу Богу обратитеся,
Въ заповѣдѣхъ его крѣпко утвердитеся.
Во всѣхъ путяхъ его ходите,
Грѣховныя дѣла побѣдите;
Помяните послѣднюю кончину,
Преклоните души ваши къ небесному чину,
Тому будетъ слава велія
И много очистится грѣховъ прелестныхъ;
Возведетъ васъ Господь Богъ въ свѣтлость небесную,
Тамъ же вы узрите великія чудеса,
Какъ Ангелы поютъ на разны голоса,
Они поютъ, никогда конца не чаютъ,
Всегда Бога величаютъ;
Потомъ будутъ жить,
Праведный же вѣчно Богу служить.
А грѣшные и нечестивые
Не послушались Божія гласа,
Во грѣхахъ своихъ ходятъ, скончатся,
Тамо же ожидаетъ ихъ тьма вѣчная
И мука безконечная,
Во вѣкъ вѣка.

Digitized by Google

II.

Потопъ страшный умножался,
Народъ, видѣвъ, испугался,
Гнѣвъ идетъ.
Видѣвъ воды многи люты
Побѣжали въ горы круты,
Тамъ спастись.
Водой дебри наполнялись,
Всѣ животны собирались,
На верхъ горъ.
Крѣпость, лютость премѣнили
Одинъ другаго не вредили,
Левъ съ овцой.
Всѣ смотрѣли очевидно,
Какъ земли стало не видно
Пользы нѣтъ.
Всѣ ихъ силы прекратились,
Сами въ воду повалились
Въ тотъ потокъ.
Кои плавали водами,
Покрывало ихъ волнами,
Водой той.
Другъ со другомъ обнимались,
Въ часъ послѣдній разлучались
Мужъ съ женой.
Братъ съ сестрою, отецъ съ сыномъ
Мать со дщерію распрощались
Въ горькій часъ.
Ной въ ковчегѣ сохранялся,
Пока потопъ продолжался,
Земли жъ нѣтъ.
Враны птицы выпускались,
Голубицы разлеталисъ
Пользы нѣтъ.
Голубица день летала
И гулянье продолжала,
Извѣстья нѣтъ.
День на вечеръ преклонился,
Голубица возвратилась
Съ радостью.
Сучецъ съ деревъ принесла
Потомъ назадъ ужъ не была
Къ радости.
На землѣ суша явилась,
Дверь въ ковчегѣ отворилась,
Вышелъ Ной.
И молился съ сыновьями,
Хвалу всѣ Богу воздавали,
Кто какъ могъ.
Всѣ изъ ковчега выбирались
По всей землѣ разселялись
И всѣмъ родъ.

Молокане отличные знатоки библіи (у нихъ многія женщины знаютъ библію настолько, что могутъ цитовать какіе угодно тексты), хорошіе богословы (разумѣется, по своему), плохіе, однако, версификаторы и писатели [1]). У нихъ почти нѣтъ своей литературы, не то, что у раскольниковъ нашихъ, которые имѣютъ цѣлыя сотни томовъ, даже часто однимъ писателемъ написанныхъ. Первая изъ приведенныхъ нами пѣсенъ молоканъ есть произведеніе молоканской поэзіи и, какъ видитъ читатель, довольно плохого качества.

Впрочемъ, о томъ, насколько молокане знакомы съ нашею литературою и какъ на нее вообще смотрятъ, мы будемъ имѣть случай говорить особо.

---

[1]) Мистическія сочиненія русскія конца XVIII вѣка особенно въ уваженіи у молоканъ, и подобныя книги у нихъ доселѣ хранятся въ цѣлости.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Состояніе молоканства и духоборчества въ XVIII вѣкѣ въ Таврической губерніи. — Происхожденіе таврическихъ духоборцевъ. — Историко-географическое состояніе Таврической губерніи, въ XVIII вѣкѣ.—Перекопскій уѣздъ.—Духоборческія поселенія въ XVIII в. въ Перекопскомъ уѣздѣ.—Сужденіе 34-хъ перекопскихъ духоборцевъ. — Отношеніе правительства къ духоборцамъ въ XVIII вѣкѣ и положеніе ихъ въ обществѣ.

Явленіе духоборчества въ Таврической губерніи принадлежитъ къ немного позднему времени, послѣ того, какъ оно началось въ Екатеринославской губерніи, именно: къ 80-мъ годамъ XVIII столѣтія. Мѣстныя власти [1]) происхожденіе духоборцевъ приписываютъ ученію менонитовъ, занесенному сюда возвратившимися изъ Пруссіи послѣ Семилѣтней войны солдатами. Въ Пруссію же предъ тѣмъ дѣйствительно переселены были менониты изъ Голландіи, гдѣ они не могли оставаться, чуждаясь, согласно ученію своему, натуральной военной повинности. Не защищая и не опровергая такого мнѣнія о происхожденіи духоборцевъ таврическихъ, мы съ своей стороны полагаемъ, что явленію и распространенію въ Таврической губерніи духоборчества если не положило основаніе, то способствовало сосѣдство екатеринославскихъ духоборцевъ, явившихся въ этой послѣдней губерніи еще съ 1740 — 1750 годовъ [2]). Какъ бы то ни было, но въ концѣ 80-хъ годовъ въ селѣ «Васильевкѣ» были уже духоборцы изъ крестьянъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова [3]).

Перекопскій уѣздъ былъ одною изъ мѣстностей, въ коихъ преимущественно развилось, въ концѣ XVIII вѣка, духоборчество. Уѣздъ этотъ открытъ былъ въ 1784 году [4]), и Перекопъ считался уѣзднымъ городомъ Таврической области до 1797 года, когда съ упраздненіемъ Таврической области присоединенъ былъ въ качествѣ уѣзднаго же къ Новороссійской губерніи [5]). Заселеніе его было совершено религіозными диссидентами. Еще въ 1785 году, 13-го августа, состоялся на имя генералъ-фельдмаршала князя Потемкина высочайшій рескриптъ, съ повелѣніемъ (въ 9 пунктѣ) для поселенія старообрядцевъ назначить мѣста, лежащія между Днѣпромъ и Перекопомъ, съ тѣмъ, что они будутъ получать по-

[1]) Донес. мин. внутр. дѣлъ, тавр. губернат. въ 1804 г. Записка Тарасевича.

[2]) Соч. Новицкаго о Духоб., стр. 7. — Истор. русск. цер. Филар. Черниговск. V, стр. 64.

[3]) Донес. мин. внут. дѣлъ въ 1804 г. Записка Тарасевича.

[4]) Перв. Полн. Собр. Зак. т. XXII, №№ 15,624, 15,989.

[5]) Тамъ же т. XIV, № 18, 117.

Digitized by Google

повъ своихъ отъ архіерея въ Таврической области опредѣляемаго, приписавъ къ епархіи его и слободы ихъ въ Черниговскомъ и Новгородско-Сѣверскомъ намѣстничествахъ лежащія, и дозволяя всѣмъ имъ отправлять служеніе по старопечатнымъ книгамъ; а дабы, сказано было въ рескриптѣ, разсѣянныхъ внѣ границъ имперіи, старообрядцевъ вызвать въ Россію, вы можете (относилось къ Потемкину) опубликовать сіи свободы имъ дозволенныя [1]). Быть можетъ, изъ поселившихся въ Таврическомъ краѣ возвратившихся изъ-за границы раскольниковъ, особливо безпоповцевъ, были уже многіе, предрасположенные къ религіозному раціонализму, явившемуся тогда въ Таврической губерніи въ формѣ духоборцевъ, и сдѣлались прозелитами духоборцевъ. Какъ бы то ни было, но въ Перекопскомъ уѣздѣ духоборцы такъ усилились въ 90-хъ годахъ, что обратили на себя вниманіе правительства.

Изъ показаній преданныхъ суду перекопскихъ духоборцевъ мы узнаемъ отчасти о той вѣрѣ, за которую они судились. На допросахъ суда они показали, 1) что въ церковь они не ходятъ; 2) у исповѣди священниковъ не бываютъ; 3) святыхъ таинъ не принимаютъ; 4) рукою креста на себя не возлагаютъ; 5) кресту и иконамъ, дѣланнымъ подобными имъ человѣками не поклоняются, ибо осѣненіе рукою себя крестомъ, равно и хожденіе къ молебнію въ церковь, созиженную человѣкомъ, запрещаетъ Богъ; 6) крещаются они словомъ Божіимъ, произнося слова: во имя Отца, Сына и св. Духа, аминь!; 7) молятся чрезъ чтеніе и пѣніе псалмовъ Давидовыхъ изъ псалтири; 8) исповѣди не дѣлаютъ, но исповѣдуются словомъ Господнимъ, читая псаломъ изъ псалтири: «Исповѣмся Господеви яко благъ, яко во вѣкъ милость Его»; 9) не пріобщаются потому, что хлѣбъ дѣлается изъ пшеницы, а вино изъ винограда, и то и другое не преобразуются въ настоящую плоть и кровь Спасителя; посему они признаютъ, что, вѣруя истинно Богу, они пріобщаются отъ него словами: «Ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ, и Азъ пребуду въ немъ», «Слово бысть плоть»; 10) церковь почитаютъ мысленно соборную и апостольскую небесную, каковое мнѣніе имѣютъ отъ просвѣщенія разума по благодати Божіей, отъ котораго отстать никогда не желаютъ; 11) почтенія къ власти самодержавной и установленной отъ оной имѣть не отрицаются, ежели въ дѣлѣ семъ, за которое взяты подъ стражу, милость имъ окажутъ; 12) къ праздничнымъ днямъ почтенія не имѣютъ;

[1]) Высоч. рескриптъ 13-го августа 1785 г.—См. Собр. Постан. почасти раскола. Спб. 1855 г. стр. 4.

Digitized by Google

13) постовъ не соблюдаютъ; 14) святымъ не поклоняются; и 15) моленіе совершаютъ, собираясь въ одно мѣсто по своему обряду, изъ псалмовъ Давидовыхъ [1]).

Правительство тогдашняго времени, явно покровительствуя другимъ расколамъ, въ тоже время было жестоко къ духоборцамъ. Въ свою очередь раскольники и православные, среди коихъ жили духоборцы, относились къ симъ послѣднимъ самымъ презрительнымъ образомъ, особливо зная ихъ караніе закономъ, тогда какъ раскольники, напр., считали себя привилегированными предъ властію въ силу указовъ Екатерины. Какъ жестоко было правительство къ духоборцамъ таврическимъ, мы можемъ судить по рѣшенію дѣла о 34 духоборцахъ Перекопскаго уѣзда. Въ 90-хъ г. XVIII столѣтія, послѣ длиннаго производства слѣдствія перекопскій уѣздный судъ, наконецъ, заключилъ по дѣлу о 34 судимыхъ духоборцахъ такъ: «Какъ вышепоименованные подсудимые за внушеніемъ и увѣщаніемъ (всемѣрно) отъ уѣзднаго суда и протопоповъ остались непреклонными, то дабы отвратить впредь у людей, имъ подобныхъ, суевѣріе и самимъ имъ воздать за отверженіе *отъ церкви*, ея таинствъ и *святыхъ мощей*, сихъ преступниковъ, именно: алешковскихъ, лагерскихъ, чалбурскихъ и днѣпровскихъ, въ Днѣпровкѣ наказать публично мущинъ кнутомъ по тридцати, а женщинъ плетьми по сорока ударовъ, дочерей же духоборцевъ Якова Лактева—Катерину, и Ивана Шалаева — Настасью, какъ несовершеннолѣтнихъ, по силѣ указа 1765 г. мая 2-го дня, высѣчь первую въ Алешкахъ, а послѣднюю въ Днѣпровкѣ розгами, и по наказаніи всѣхъ сихъ преступниковъ отправить въ Сибирь на поселеніе, имѣніе же ихъ описанное и оцѣненное,—а въ коихъ еще не описано, описать, съ публичнаго торга продать, и вырученныя деньги для записки въ казенный доходъ отправить въ перекопское уѣздное казначейство; исполненіе чего возложить на перекопскій земскій судъ». Уголовная новороссійская палата была снисходительнѣе нѣсколько къ духоборцамъ; она опредѣлила: «Подсудимыхъ, обличенныхъ въ духоборческой ереси, сослать закованныхъ въ желѣза, безъ наказанія, въ Екатеринбургѣ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей, о воспитаніи дѣтей ихъ ниже десяти лѣтъ коихъ въ православной вѣрѣ въ городѣ—градскому, а въ уѣздахъ—волостному головамъ обще съ духовенствомъ имѣть попеченіе, а имѣніе судимыхъ отдать родственникамъ, буде имѣются, православной вѣры, тоже для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, и въ пользу ихъ употребить имъ принадлежащее: а когда родственниковъ не ока-

[1]) Тамъ же.

Digitized by Google

жется и малолѣтнимъ оное не принадлежитъ, то продать оное съ публичнаго торга и вырученныя деньги отослать въ приказъ общественнаго призрѣнія». Это рѣшеніе представлено было новороссійскому губернатору на утвержденіе, который и утвердилъ его.

ГЛАВА VIII.

Мелитопольскіе молокане и духоборцы. — Молочныя-воды. — Нравственная и обрядовая сторона таврическихъ духоборцевъ. — Домашняя и общественная жизнь. — Воспитаніе дѣтей.

Уѣздъ Мелитопольскій въ Таврической губерніи есть одна изъ тѣхъ мѣстностей, куда суждено было въ XIX вѣкѣ собраться духоборцамъ и молоканамъ со всей Россіи. Правительство нашло, что съ переселеніемъ духоборцевъ и молоканъ въ одно мѣсто изъ всей Россіи, именно: въ Мелитопольскій уѣздъ на р. «Молочныя-воды», могутъ быть, наконецъ, отняты поводы къ раздорамъ, постоянно возникавшимъ между ими и поселянами православными въ разныхъ губерніяхъ Россіи, и что по водвореніи ихъ въ одномъ мѣстѣ и самый надзоръ надъ ними сдѣлается дѣятельнѣе. Со времени высочайшихъ указовъ о семъ, въ началѣ нынѣшняго XIX вѣка, Мелитопольскій уѣздъ и его рѣка «Молочныя-воды» сдѣлались, такимъ образомъ, знаменитостію... Что же касается до положенія самаго уѣзда въ XVIII вѣкѣ, то мѣстность эта была малонаселенная. Впрочемъ, Мелитопольскій уѣздъ явился уже съ 1783 г., со времени открытія Таврической области, но съ 1802 г. управленіе перенесено было въ Орѣховъ [1]), и откуда только въ 1841 г. снова перешло въ Мелитополь. Въ мѣстности нынѣшняго Мелитопольскаго уѣзда, въ половинѣ XVIII в., были запорожскіе зимовники [2]), но русскіе познакомились съ этимъ краемъ несравненно ранѣе. Еще со времени утвержденія здѣсь крымской орды, сюда ѣздили, кромѣ гонцовъ и пословъ, люди торговые и сторожевые; разъѣзды простирались тогда до р. Молочной [3]). Духоборцы въ XVIII в. были также въ этомъ уѣздѣ, какъ и въ Перекопскомъ и, соединившись потомъ въ XIX вѣкѣ съ переселенцами, составили изъ себя огромныя селенія.

До насъ дошло описаніе таврическихъ духоборцевъ, которое,

---

[1]) Втор. Пол. Собр. Зак., т. XVII, № 15,193.

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., т. VII, прим. 301. Т. IX, стр. 124, прим. 406.

[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

разумѣется, болѣе или менѣе относится къ духоборцамъ конца XVIII вѣка, такъ какъ четыре года не могли измѣнить духоборцевъ настолько, чтобы это описаніе не относилось къ духоборцамъ конца XVIII в. столько же, сколько и духоборцамъ 1805 года. Вотъ въ какомъ состояніи находилось духоборчество въ Таврической губерніи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, по этому описанію [1]).

Главнѣйшій догматъ исповѣданія духоборцевъ — есть служеніе и поклоненіе Богу духомъ и истиною. «Всякую наружность, яко ненужную въ дѣлѣ спасенія», отвергаютъ.

Они не знаютъ никакого символа вѣры, но говорятъ только о себѣ, что они—закона Божія, вѣры Іисусовой. Извѣстный въ нашей церкви символъ вѣры они читаютъ и все содержащееся въ немъ признаютъ за истину, но полагаютъ его въ числѣ обыкновенныхъ своихъ псалмовъ.

Бога признаютъ въ трехъ лицахъ единаго, неисповѣдимаго. Вѣруютъ, что памятію мы уподобляемся Богу-Отцу, разумомъ Богу-Сыну, волею Богу-Духу святому, также: первое лице, свѣтъ—Отецъ Богъ нашъ; второе лице, животъ — Сынъ-Богъ нашъ, и третье лице, упокой-Святъ Духъ Богъ нашъ; изображеніе Тріипостаснаго Бога въ натурѣ: Отецъ высота, Сынъ широта, Духъ святый глубина. Это же берутъ и въ нравственномъ смыслѣ: Отецъ высокъ и никто не можетъ выше его возглаголать; Сынъ широкъ разумомъ, глубины его никто не можетъ испроповѣдать.

Понятіе, которое они имѣютъ о Христѣ, основано, по ихъ убѣжденію, на евангельскомъ ученіи; они признаютъ пришествіе Его во плоти, дѣянія, ученіе и страданія; но болѣе все то берутъ въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что все, что̀ ни содержится въ евангеліи, должно совершиться въ насъ. Такимъ образомъ, Христосъ долженъ въ насъ зачаться, родиться, возрастать, учить, страдать, умереть, воскреспуть и вознестись; и въ этомъ-то полагаютъ они процессъ новаго рожденія или обновленія человѣка. Они говорятъ, что самъ Іисусъ былъ и есть евангеліе вѣчное, живое и посылалъ оное словомъ проповѣдывать. Онъ Самъ есть Слово и пишется токмо въ сердцахъ.

Вѣруютъ, что, кромѣ Бога и Христа Его, нигдѣ нѣтъ спасенія; но если Богъ не призывается отъ чистаго сердца, то и Онъ Самъ спасти человѣка не можетъ.

Ко спасенію человѣка нужна несомнѣнная вѣра во Христа;

---

[1]) Лѣтопись русской литературы и древности. Изд. Тихонравова, т. IV, 1862 г., стр. 4—16, въ стат. о духоборцахъ.

Digitized by Google

но вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ какъ и дѣла безъ вѣры; вѣра живая одна и есть сердечное принятіе евангелія.

Въ разсужденіи крещенія говорятъ, что они крестятся словомъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, сказавъ: Шедше научите вся языки крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Крещеніе сіе совершается тогда, когда человѣкъ покается чистымъ, желаннымъ сердцемъ и взываетъ къ Богу: тогда оставляются ему грѣхи его, и онъ уже думаетъ только о Богѣ, а не о мірѣ. Сіе едино крещеніе исповѣдуютъ они во оставленіе грѣховъ.

Новое рожденіе и крещеніе духовное, по ихъ разумѣнію, есть одно и то же. Средство къ достиженію новаго рожденія есть живая вѣра въ Бога и молитва. Знаки рожденнаго или крещеннаго свыше суть дѣла новаго человѣка.

Впрочемъ, крещеніе имѣетъ, по ихъ мнѣнію, 7 состояній или степеней: *первое* крещеніе есть оставленіе грѣховъ; *второе* — помазаніе мура, т. е. познаніе міра или разумѣніе пути Господня; *третіе* — рѣченіе слова Господня или глаголъ Божій; *четвертое* — елеосвященіе или освященіе молитвы; *пятое* — исповѣданіе духовное; *шестое* — причащеніе духовное, *седьмое*. кровемученіе или смиреніе. Кровь означаетъ покрываніе слова Божія. Эта же седьмая степень означаетъ еще у нихъ и соединеніе съ Богомъ.

Если кто достигъ до соединенія съ Богомъ, въ чемъ они полагаютъ седьмую степень духовнаго крещенія или новаго рожденія, тотъ живетъ уже въ Богѣ, и таковой духовными очами можетъ зрѣть и ангеловъ.

Наружное крещеніе водою почитаютъ безполезнымъ, и говорятъ, что вода смываетъ только нечистоту наружнаго тѣла.

Духоборцы полагаютъ, что каждому истинному христіанину даются два имени: одно плотское, при плотскомъ рожденіи отъ родителей его даваемое, а другое духовное, которое нарицаетъ ему Небесный Отецъ при духовномъ его рожденіи, соотвѣтственно его дѣламъ. Это послѣднее имя никому здѣсь неизвѣстно, а познано будетъ въ вѣчности.

Исповѣдуются въ своихъ грѣхахъ Богу небесному, благому и милосердому, оставляющему всѣ наши согрѣшенія молитвами. Въ грѣхахъ противу своихъ собратій исповѣдуются предъ всѣми и просятъ у нихъ прощенія. Запираться въ грѣхахъ, когда другіе ихъ узнаютъ, почитается у духоборцевъ великимъ преступленіемъ: если по троекратномъ увѣщаніи таковой не усовѣстится, то они его отвергаютъ изъ общества.

Они сильно охуждаютъ то, когда человѣкъ называетъ себя

Digitized by Google

грѣшникомъ, дѣлаетъ изъ того родъ похвальбы и ложнаго смиренія и какъ бы извиняя себя тѣмъ, но притомъ не старается исправить себя отъ своихъ грѣховъ. Когда человѣкъ палъ, то тотчасъ долженъ возстать, просить у Бога прощенія съ сокрушеннымъ сердцемъ и всѣми силами остерегаться, чтобъ снова не впасть въ подобный грѣхъ.

Что касается до причащенія, то духоборцы причащаются во всякое время святымъ и животворящимъ, безсмертнымъ и страшнымъ Христовымъ тайнамъ, во оставленіе грѣховъ, духовно, внутренно воспріятіемъ въ себя слова Божія, которое есть Христосъ, и таковое причащеніе, какъ говорятъ они, проницаетъ человѣческій разумъ сквозь костей и мозговъ; таинство причащенія тѣла и крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, не пріемлютъ,—говоря, что хлѣбъ и вино входятъ въ уста—какъ обыкновенная пища, и ничего души нашей не пользуютъ.

Постъ полагаютъ они не въ качествѣ пищи, но въ воздержаніи отъ объяденія и другихъ пороковъ, въ чистотѣ, въ кротости и смиреніи духа. Воздержаніе отъ мясъ, по словамъ ихъ, не приноситъ душѣ никакой пользы.

Святыхъ почитаютъ, но не призываютъ на помощь, говоря, что они угодили Богу собственно для себя; мы должны только имъ подражать, что и называютъ они «призывать ихъ дѣло»; впрочемъ, они не почитаютъ дѣла угодившихъ Богу праведниковъ всѣ безъ разбора святыми.

Бракъ у нихъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы. Такъ какъ нѣтъ между духоборцами никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамиліи, то родители вовсе не мѣшаются у нихъ въ браки дѣтей. Церемоній и обрядовъ притомъ православныхъ не бываетъ никакихъ, довольно для сего одного согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда объявляютъ они родителямъ и братіи, и живутъ вмѣстѣ. Иногда однакожъ случается, что бракъ ихъ не прежде дѣлается явнымъ, какъ когда уже супруга понесетъ младенца. Впрочемъ, какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, то онъ не можетъ уже отказаться имѣть ее и своею женою, въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общества. Сему же наказанію неминуемо подвергнутся и прелюбодѣи, если бы случились такіе.

Развода, въ намѣреніи вступить въ бракъ съ другими лицами, у нихъ никогда не бываетъ; ибо это было бы также прелюбодѣйство. Но, если бы обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для сохраненія чистоты, то конечно, зависитъ то отъ нихъ самихъ. Мужъ по смерти жены, и жена по смерти мужа, мо-

Digitized by Google

гутъ снова вступать въ бракъ даже до трехъ разъ, чему однакожъ почти не бываетъ примѣровъ, они говорятъ: «христіанинъ обязанъ укрощать плоть свою, а не похотствовать».

Усопшихъ поминаютъ духоборцы добрыми дѣлами, и никакого уже другого поминовенія по нимъ не творятъ: праведныхъ самъ Господь помянетъ въ царствіи своемъ. Такимъ образомъ, они и не молятся уже за умершихъ, почитая то для нихъ послѣ смерти безполезнымъ. Впрочемъ, кончину христіанина не называютъ они смертію, но измѣненіемъ; а потому и не говорятъ, что братъ нашъ умеръ, но братъ нашъ измѣнился.

При погребеніи усопшихъ, обрядовъ у нихъ не бываетъ никакихъ; также никто объ нихъ и не плачетъ, кромѣ дѣтей, но и въ тѣхъ почитается это одною слабостію. Когда духоборцы жили скрытно, то тѣла умершихъ ихъ собратій погребались обыкновеннымъ образомъ на общемъ кладбищѣ; но когда сдѣлались они явны, то хоронили своихъ умершихъ въ особенныхъ мѣстахъ.

Сотвореніе перваго человѣка исповѣдаютъ они такимъ же образомъ, какъ говорится о томъ въ священномъ писаніи, т. е. что тѣло его взято отъ земли, и что Богъ вдунулъ въ него дыханіе жизни. По душѣ до паденія онъ былъ чистъ и непорочень и тѣло имѣлъ лучшаго и совершеннѣйшаго сложенія, или, по ихъ выраженію, онъ былъ въ смиренномъ (видѣ) тѣлѣ. Паденіе перваго человѣка полагаютъ они въ преступленіи заповѣди божеской. Они говорятъ, что тѣло въ человѣкѣ отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корени, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Это объясняется извѣстнымъ мнѣніемъ, что человѣкъ есть малый міръ.

О душѣ человѣческой говорятъ, что она есть сила, — сила въ Богѣ, — а Богъ въ человѣкѣ.

Разсуждая о грѣхѣ наслѣдственномъ, они согласны, что отъ злыхъ родителей большею частію родятся и злыя дѣти; но притомъ утверждаютъ, что грѣхи родителей не препятствуютъ спасенію дѣтей, и что въ дѣлѣ спасенія каждый самъ за себя долженъ будетъ дать Богу отвѣтъ.

Въ разсужденіи блаженнаго состоянія праведныхъ и рая, говорятъ, что царство въ силѣ, а рай въ словеси, и что души праведныхъ въ рукѣ божіей, а потому не прикоснется къ нимъ мука; въ разсужденіи же мученія грѣшныхъ и ада,—что грѣшныя души во тьмѣ ходятъ, чающе себѣ скорой погибели, и что адъ стоитъ на злобѣ. О переселеніи душъ послѣ смерти разсуждаютъ, что человѣкъ дѣломъ оправдается и дѣломъ погибнетъ,

Digitized by Google

что дѣло каждаго приводитъ въ свои мѣста, и что послѣ смерти нѣтъ уже покаянія.

Что же касается до общаго воскресенія праведныхъ и грѣшныхъ на судъ съ ихъ тѣлами, то духоборцы въ сужденія о томъ не входятъ, предоставляя то единому Богу.

Вообще духоборцы неохотно или вовсе не входятъ въ изъясненіе таинственныхъ вещей съ людьми мало имъ извѣстными, основываясь въ томъ на изрѣченіи Спасителя, сказавшаго: Не мечите бисера предъ свиньями... Они говорятъ, что теперь еще не время открывать такія вещи, и что оныя скоро всѣмъ извѣстны будутъ. Равнымъ образомъ и на вопросъ: какъ скоро ожидаютъ они пришествія Христова,—отвѣчали, что судя по дѣламъ въ мірѣ творящимся, надобно ему быть скоро.

Дабы человѣку спасти душу свою, для того не полагаютъ они нужнымъ быть въ ихъ обществѣ; они говорятъ, что дѣло приводитъ ко спасенію, и для того нужно только уразумѣть путь Господень и исполнять его.

Театръ, по мнѣнію ихъ, есть школа не-христіанская, гдѣ ангелы, спутники наши, не присутствуютъ. Плясуны, какъ въ театрахъ, такъ и на прочихъ увеселеніяхъ уподобляются гусямъ, которые весною съ маткою выходятъ на траву, скачутъ и прыгаютъ, но все остаются гусями и познанія о Богѣ не имѣютъ; когда же приходитъ морозъ, то они садятся и прячутъ свои ноги.

Въ убранствѣ покоевъ духоборцы не поставляютъ никакого грѣха; напротивъ того, говорятъ еще, что человѣку христіанину прилично жить чисто и опрятно, чѣмъ они и сами, по ихъ увѣренію, отличались всегда отъ прочихъ крестьянъ въ ихъ селеніяхъ, нужно только смотрѣть, чтобъ духъ не былъ привязанъ къ такимъ убранствамъ... Тоже думаютъ они о картинахъ въ покояхъ, о портретахъ извѣстныхъ людей и даже изображеніяхъ святыхъ. Они говорятъ, что таковыя картины и образа служатъ украшеніемъ дома и пріятны для глазъ, но покланяться имъ отнюдь не должно и есть грѣхъ смертный.

О бритьѣ бородъ и употребленіи табаку они говорятъ, что поелику ни борода, ни воздержаніе отъ табаку не составляютъ еще христіанина, то ни въ томъ, ни въ другомъ не полагаютъ они ни малѣйшей важности. Если бы имъ, какъ крестьянамъ, прилично было ходить безъ бородъ, то они бы безъ всякаго затрудненія согласились себѣ ихъ выбрить.

Когда духоборцы жили въ Россіи скрытнымъ образомъ, то необходимость, конечно, заставляла и ихъ исполнять тогда для виду наружные обряды и установленія грекороссійской церкви; но такъ какъ внутренно они ихъ ни мало не уважали, то, чтобы

Digitized by Google

не обнаружить образа своихъ мыслей, всякому обряду, всякой вещи, принадлежащей къ наружному богослуженію, давали они особыя свои назначенія и истолкованія въ духовномъ смыслѣ; напримѣръ, разсуждая о просфорахъ, они говорятъ, что первая просфора — есть согласіе православной вѣры, вторая — любовь нелицемѣрная, третія — поученіе въ правомъ достоинствѣ, четвертая — принятіе святыхъ таинъ, пятая — просвѣтитель.

Пріобыкнувъ къ такому гіероглифическому выраженію мыслей, духоборцы придаютъ нравственное значеніе и многимъ другимъ предметамъ. Такъ напримѣръ: каждому дню седьмицы приданы у нихъ слѣдующія значенія, въ родѣ краткихъ нравоучительныхъ наставленій. *Понедѣльникъ* — вся дѣла Господня повѣдай. *Вторникъ* — второе рожденіе человѣка. *Среда* — зоветъ Господь людей ко спасенію. *Четвергъ* — чтите Господа во Святыхъ Его. *Пятница* — пой, прославляй Имя Его. *Суббота* — бойся суда Господня, дабы не погубить душу свою въ неправдѣ. *Воскресенье* — воскресни отъ мертвыхъ дѣлъ и пріиди къ царствію небесному.

Седмь небесъ означаютъ у нихъ седмь евангельскихъ добродѣтелей такимъ образомъ: первое небо есть смиреніе, второе — разумѣніе, третье — воздержаніе, четвертое — братолюбіе, пятое — милосердіе, шестое — совѣтъ, седьмое — любовь, тамъ живетъ и Богъ [1]).

Подобно тому, двѣнадцать христіанскихъ добродѣтелей изображаются у духоборцевъ въ видѣ двѣнадцати друзей. Эти друзья суть: 1) *Правда* — она человѣка отъ смерти избавляетъ. 2) *Чистота* — она человѣка къ Богу приводитъ. 3) *Любовь* — тѣлу честь и душѣ вспоможеніе. 5) *Послушаніе* — скорый путь ко спасенію. 6) *Неосужденіе* — безъ труда человѣку спасеніе. 7) *Разсужденіе* — всей добродѣтели свыше. 8) *Милосердіе* — отъ того человѣка самъ сатана трепещетъ. 9) *Покореніе* — самого Христа Бога нашего дѣла. 10) *Молитва съ постомъ* — они человѣка съ Богомъ соединяютъ. 11) *Покаяніе* — нѣтъ такого закона и заповѣди свыше. 12) *Благодареніе* — радостно Богу и Ангеламъ Его.

Не менѣе любопытно, по тому же источнику, описаніе нравственной и обрядовой стороны таврическихъ духоборцевъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ оффиціальныхъ источникахъ, коими мы преимущественно руководствуемся при написаніи настоящаго своего изслѣдованія о молоканахъ и духоборцахъ, эта сторона большею частію не существуетъ и неуловима изслѣдова-

[1]) Замѣчательно, что это же толкованіе добродѣтелей извѣстно въ употребленіи и у молоканъ подъ именемъ 12 друзей.

Digitized by Google

телямъ въ этихъ письменныхъ памятникахъ. Поэтому мы тѣмъ съ большею необходимостію не должны упускать изъ виду и вышесказаннаго описанія духоборцевъ, тѣмъ болѣе, что это описаніе можетъ относиться къ духоборцамъ таврическимъ XVIII вѣка и начала XIX-го столько же, сколько болѣе или менѣе и ко всѣмъ вообще духоборцамъ южной Россіи, жившимъ въ разныхъ губерніяхъ Украины и Новороссіи до начала XIX вѣка и въ 1801 году начавшимъ переселяться, по волѣ правительства, въ Таврическую губернію. Сколько извѣстно по нашимъ источникамъ, духоборцы, явившіеся съ 1801 г. изъ разныхъ губерній Россіи въ Таврическую губернію на жительство, узнали другъ друга какъ по ученію догматическому, такъ и по образцовой и нравственной сторонѣ и не сошлись только съ одними молоканами, отъ которыхъ неминуемо и отдѣлились. Вотъ въ какомъ видѣ представляется нравственная и обрядовая сторона у духоборцевъ по вышесказанному описанію.

Если не касаться правилъ исповѣданія вѣры, то духоборцы могутъ служить образцомъ въ домашней и общественной жизни. Мѣстныя власти таврической Украины въ донесеніяхъ своихъ къ бывшему въ 1792 г. генералъ-прокурору Вяземскому между прочимъ представляли, что послѣдователи духоборческой ереси ведутъ жизнь примѣрно хорошую и, уклоняясь отъ пьянства и праздности, пекутся неусыпно о своемъ домостроительствѣ и суть благонравны. Государственныя подати и другія общественныя повинности они всегда несли исправно, даже часто въ излишествѣ противу прочихъ крестьянъ, по причинѣ всегда чинимыхъ имъ отъ сельскаго начальства притѣсненій всякаго рода. Лѣность и пьянство нетерпимы у нихъ до того, что зараженныхъ этими пороками исключаютъ они изъ своего общества.

Для молитвы они дѣлаютъ между собою частыя собранія изъ своихъ собратій, однако же не имѣютъ для того особо назначеннаго какого-либо въ родѣ церкви мѣста, такъ какъ въ мѣстѣ не находятъ никакой святости, но собираются другъ къ другу безъ всякаго различія. Они не назначаютъ также для того и особыхъ какихъ-либо дней, почитая ихъ всѣ равными и не имѣя никакихъ праздниковъ: всякій день свободный бываетъ днемъ ихъ собранія.

Впрочемъ, собранія эти большею частію бываютъ въ обыкновенные церковные и царскіе праздники, когда прочіе мірскіе люди не работаютъ, потому что, если бы стали они работать во время такихъ праздниковъ, то тѣмъ навлекли бы на себя ругательства мірянъ и могли бы подвергнуться истязанію въ пренебреженіи государственныхъ установленій.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, всякій изъ нихъ можетъ сдѣлать у себя собраніе когда захочетъ, приглася къ себѣ свою собратію.

Если же таковое собраніе дѣлаетъ недостаточный, который не имѣетъ чѣмъ накормить собравшихся къ нему, то прочіе доставляютъ ему и нужную къ ужину пищу или иногда приносятъ ее съ собою, ибо въ собраніяхъ они и ужинаютъ.

Пришедши въ собраніе, они привѣтствуютъ другъ друга, мужчины—мужчинъ, а женщины—женщинъ, взявшись другъ съ другомъ правыми руками, дѣлая другъ другу три поклона и цѣлуясь троекратно, причемъ каждый читаетъ свою молитву. Три поклона и троекратное цѣлованіе дѣлаютъ они во имя Тріипостаснаго Бога, въ очищеніе плоти и для отогнанія гордости: рука за руку берутъ въ знакъ союза любви, благовѣщанія, познанія разума, познанія тайнаго Бога внутри себя.

Въ продолженіи собранія читаютъ молитвы одинъ послѣ другого, какія кто знаетъ, поютъ всѣ вмѣстѣ псалмы и поучаются слову Божію. А какъ не всѣ изъ нихъ умѣютъ читать, а потому и не имѣютъ у себя и книгъ, то все это производится въ собраніяхъ изустно. Священниковъ обыкновенныхъ у нихъ нѣтъ; они признаютъ священника единаго, праведнаго, не лживаго, не сквернаго, отлученнаго отъ грѣшниковъ и превознесеннаго превыше небесъ. Опъ же единъ и учитель ихъ. И такъ въ собраніяхъ поучаются они слову Божію другъ отъ друга. Всякой можетъ говорить, что̀ знаетъ къ назиданію своей собратіи: даже самыя женщины изъ того не исключаются; ибо, говорятъ они, и женщины имѣютъ разумъ,—а свѣтъ въ разумѣ. Молятся стоя, или сидя, какъ случится.

По окончаніи собранія также бываетъ у нихъ троекратное цѣлованіе, какъ и при началѣ, и послѣ того вся братія расходится по своимъ домамъ.

Наиболѣе уважаемая въ обществѣ духоборцевъ добродѣтель есть братолюбіе. У нихъ нѣтъ между собою собственности, но каждый имѣніе свое почитаетъ общимъ.

Страннопріимство также не послѣдняя между ними добродѣтель, ибо съ проѣзжающихъ чрезъ ихъ селенія не берутъ они ничего ни за постой, ни за пищу.

Къ ближнему духоборцы сострадательны: мѣстныя начальства при всѣхъ взводимыхъ на нихъ православными клеветахъ, не одинъ разъ засвидѣтельствовали предъ правительствомъ, что они въ нуждахъ оказываютъ ближнимъ пособіе и великія благотворенія; они жалостливы даже къ домашнему скоту, ибо никогда почти не бьютъ его.

Строго также наблюдается между ними почтеніе дѣтей къ

Digitized by Google

плотскимъ родителямъ и вообще младшихъ лѣтами къ старшимъ, хотя старшіе и даже родители не присвоиваютъ себѣ надъ ними никакой власти, почитая себя духовно имъ равными.

Наказаній между духоборцами нѣтъ никакихъ, кромѣ исключенія изъ общества, и это исключеніе бываетъ за такіе только поступки, изъ коихъ общество ясно видитъ, что въ исключенномъ потерянъ духъ христіанства, и кои могутъ подать соблазнъ и другимъ братіямъ. Но прежде такого исключенія, каждый изъ братіи, какъ скоро замѣтитъ въ комъ подобный поступокъ, по точному смыслу священнаго писанія, напоминаетъ ему, что онъ дѣлаетъ худо; если проступившійся отъ того не усовѣстится, то увѣщеваетъ при двухъ, или трехъ братіяхъ; если не послушается трехъ, то обличается въ цѣломъ собраніи, но если и тогда останется упорнымъ, то рѣшительно уже исключается изъ общества.

Бываютъ однакоже примѣры, хотя весьма рѣдкіе, что нѣкоторые изъ ихъ братіи, не сдѣлавъ явно никакого поступка, по которому бы могли подлежать исключенію изъ общества, сами собою оставляютъ его, безъ сомнѣнія для того, чтобъ пожить по своей волѣ безъ всякаго принужденія: случалось даже, что жены оставляли своихъ мужей. Таковыхъ они не удерживаютъ, но даютъ имъ свободу, надѣливъ притомъ по возможности и имуществомъ. Впрочемъ, исключенные изъ общества и сами собою отдѣлившіеся могутъ и опять приняты быть въ него, если совершенно раскаются предъ нимъ въ своихъ проступкахъ и оставятъ развратную жизнь, чему также не рѣдко бываютъ примѣры.

Упражненія ихъ обыкновенныя, смотря по званію, кто въ какомъ изъ нихъ находится. Такимъ образомъ: купецъ занимается купечествомъ, а земледѣлецъ земледѣліемъ, но какъ бо́льшая часть изъ нихъ земледѣльцы, то и обыкновеннѣйшее ихъ упражненіе есть земледѣліе; нѣкоторымъ образомъ, они предпочитаютъ это благородное упражненіе всѣмъ прочимъ.

Въ обществѣ духоборцевъ совершенно нѣтъ никакихъ, такъ-называемыхъ чиновныхъ людей, кои бы управляли и распоряжались обществомъ; но общество управляетъ всѣми и каждымъ; письменныхъ постановленій и правилъ также нѣтъ у нихъ никакихъ. Судя по обыкновенному духу простого народа, въ обществѣ духоборцевъ должно бы кажется быть разногласіе и безпорядокъ; однакожъ такого безпорядка никогда еще у нихъ не замѣчено.

Что касается до управленія семействъ въ частности взятыхъ, то слабость и нужды женскаго пола, неопытность юношей и воспитаніе не пришедшихъ еще въ возрастъ дѣтей, конечно, требуютъ уже другого порядка. Въ каждомъ семействѣ натурально

Digitized by Google

долженъ быть старшій, и этотъ старшій есть родитель по плоти. Долгъ его промышлять о нуждахъ своего семейства, смотрѣть за поступками дѣтей, исправлять ихъ недостатки и научать закону Божію. Когда умираетъ родитель, то мѣсто его заступаетъ старшій изъ братьевъ, а въ случаѣ неспособности его въ управленіе семейства вступаетъ другой способнѣйшій.

Образъ воспитанія дѣтей у духоборцевъ самый простой и единственный. Какъ скоро дитя начинаетъ говорить и понимать, то родители начинаютъ изустно обучать ихъ краткимъ молитвамъ и псалмамъ: пересказываютъ имъ что-нибудь изъ священнаго писанія и такимъ образомъ всегда продолжаютъ наставлять ихъ изустно въ христіанскомъ законѣ; когда же дѣти выучатъ уже нѣсколько молитвъ и псалмовъ, то вмѣстѣ съ другими ходятъ въ собранія, читаютъ въ свою очередь выученныя ими молитвы и поютъ съ прочими псалмы.

Впрочемъ, и кромѣ родителей каждый изъ духоборцевъ за долгъ считаетъ научить чему-нибудь полезному всякое дитя своей собратіи, какъ скоро имѣетъ къ тому случай, и удержать отъ зла, если то въ немъ замѣтитъ.

При такомъ воспитаніи духъ родителей мало по малу переходитъ и въ ихъ дѣтей; образъ мыслей глубже въ нихъ вкореняется, и ихъ склонность къ добру сильнѣе утверждается добрыми примѣрами. Увѣряютъ, и очень естественно, что между множествомъ дѣтей каждый безошибочно отличить можетъ духоборческихъ дѣтей отъ всѣхъ прочихъ, такъ, какъ колосья пшеницы между овсомъ.

ГЛАВА IX.

Молокане и духоборцы въ XVIII вѣкѣ въ Астраханской губерніи. — Явленіе Семена Уклеина въ Астраханскомъ краѣ. — Начало молоканства въ Царевскомъ уѣздѣ. — «Село Пришибъ». — Молокане селъ: Вязовки, Солодникова и Свѣтлаго-Яра. — Черноярскій уѣздъ. — Молокане г. Астрахани.

Указомъ Екатерины II, 14-го декабря 1762, дозволено было бѣжавшимъ за границу и внутри Россіи находящимся диссидентамъ всякаго рода, селиться въ Сибирской губерніи близъ Тобольска, на Карабинской степи, въ вѣдомствѣ Усть-Каменогорской крѣпости [1]), по рѣкамъ Убѣ, Эльбѣ, Березовкѣ, Глубокой

[1]) Пер. полн. собр. Зак. Томъ XVI, № 111, 725.—Дѣло Арх. 1828 года.—Собран. постанов. по части раскола. С.-Петербургъ 1858 года, стр. 2.

Digitized by Google

и по прочимъ притокамъ Иртыша, и въ нѣкоторыхъ частяхъ въ Астраханской губерніи.

Имѣя въ виду этотъ указъ, нѣкто Уклеинъ, предпринявъ путешествіе въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія по Саратовской и Астраханской губерніи, съ пропагандою своего ученія соединялъ и цѣль осмотрѣть мѣста этихъ губерній, особенно Астраханской, какъ самой удаленной отъ центра Россіи, и слѣдовательно, обѣщавшей нетревожное житіе желающимъ переселиться туда, гонимымъ, во внутреннихъ губерніяхъ, молоканамъ. Прибывъ въ Астраханскую губернію, вотъ какія удобства нашелъ онъ въ ней для переселенія и водворенія здѣсь молоканъ.

Губернія Астраханская прежде всего заселена была и заселялась самыми пестрыми племенами: армянами, татарами, киргизами, калмыками, туркменами, каракалпаками, мордвою, чувашею, персіянами, грузинами, греками, поляками, евреями, нѣмцами и только незначительною частію малороссіянъ русскихъ [1]), что уже само собою обѣщало спокойное отправленіе среди сихъ народовъ вѣры молоканской, подвергавшейся часто насмѣшкамъ православныхъ во внутреннихъ губерніяхъ и преслѣдованію духовенства и даже мѣстнаго сельскаго начальства. Рѣка Ахтуба, вдоль которой проѣзжалъ Уклеинъ, въ параллельномъ теченіи своемъ съ Волгою, постоянно развѣтвлявшеюся въ Астраханской губерніи на многіе притоки, орошала обширныя плодоносныя долины, расширявшіяся часто на 50 верстъ и усѣянныя озерами, притоками и рѣками, въ кои упиралось вдобавокъ множество балокъ съ водой. Здѣсь стучали уже колеса мукомольныхъ мельницъ (издавна любимое занятіе молоканъ) и собирался хлѣбъ въ невиданно счастливомъ изобиліи; обширныя дубовыя дубравы, окаймляя берега Ахтубы, сулили прекрасную постройку поселенцамъ; осокорь, осина, тутовникъ и тальникъ, раскинутые всюду между озеръ и по долинамъ, необыкновенно рослыя травы, рѣдко кѣмъ косившіяся, огромныя рыбныя ловли, тучныя степи, все это, выказывая щедрость природы, обѣщало самое богатое существованіе переселенцамъ, которые переселившись могли называть собственностію все то, что свободно рука можетъ взять и употреблять на свою пользу. При Ахтубѣ въ Царевскомъ уѣздѣ въ прекрасной низменной долинѣ красовался шелковичный садъ въ 10 десятинъ земли, посаженный волжскими болгарами и процвѣтшій особенно во времена могущества Золотой орды. Петромъ I-мъ, въ 1720 году, здѣсь устроенъ былъ шелковичный заводъ и для шелковичнаго производства основаны селенія изъ людей безрод-

[1]) Списки насел. мѣст. росс. импер. томъ II, стр. XII.

Digitized by Google

ныхъ, бѣглыхъ и ссыльныхъ, «Верхне-Ахтубинское» (Безродное) и «Средне-Ахтубинское»; молокане, выселившіеся сюда впослѣдствіи, были одними изъ лучшихъ шелководовъ. По обширнымъ долинамъ между Ахтубою и Волгою росъ въ изобиліи самородный тутовникъ, зрѣлые плоды коего, оставляемые безъ всякаго употребленія, падая на землю и разносимыя весенними водами вмѣстѣ съ иломъ, порождали новыя деревья. Посреди Царевскаго уѣзда по направленію къ Елтонскому озеру, по такъ-называемому «Солевозному тракту», виднѣлись одинокіе уметы, или хутора малороссіянъ, мордвы и чувашей, приписанныхъ къ разряду солеломщиковъ, и представлявшихъ, особенно послѣдніе, заманчивую перспективу, при отсутствіи православныхъ церквей и духовенства, для обращенія ихъ въ молоканство, чего впослѣдствіи переселившіеся сюда молокане дѣйствительно и достигли. Уѣзды Красноярскій и Астраханскій состояли болѣе изъ одинокихъ поселковъ, жители коихъ мало знали и видѣли властей и духовенство, проживая среди озеръ, поросшихъ камышами, подъ тѣнью зеленыхъ тѣнистыхъ рощей, совершенно свободными людьми. Все это подѣйствовало заманчиво на Уклеина, который, возвратившись въ Тамбовскую губернію, самыми привлекательными красками описалъ молоканамъ Астраханскій край, особливо мѣстности, орошенныя р. Ахтубою, и совѣтывалъ переселяться сюда на безмятежное жительство. Молокане послѣдовали его совѣту, и съ этого времени молоканскія поселенія ахтубинскія стали считаться для нихъ завѣтнымъ эльдорадо, куда стремились они усиленно и впослѣдствіи, а время безмятежнаго житія въ сихъ мѣстахъ считается и доселѣ молоканами золотымъ вѣкомъ.

Въ какихъ мѣстахъ Астраханской губерніи и сколько лицъ обратилъ Уклеинъ въ молоканство во время своего путешествія, за недостаткомъ источниковъ, мы точныхъ указаній сдѣлать не можемъ, но достовѣрно то, что въ селѣ, напр., Пришибѣ [1]) Царевскаго уѣзда онъ имѣлъ не малый успѣхъ [2]). Конечно, Царевскаго уѣзда, какъ уѣзда, въ это время, т. е. при путешествіи Уклеина по Астраханской губерніи, не существовало еще; онъ открытъ только въ 1835 году [3]) и составлялъ уѣздъ Саратовской

---

[1]) Село «Пришибъ» стоитъ на большой дорогѣ въ г. Царевъ недалеко отъ сего города, близъ рѣки Ахтубы. На спеціальной картѣ Шуберта 1844 года, оно помѣщено между селомъ Заплавнымъ и г. Царевомъ. По спискамъ населенныхъ мѣстностей росс. имперіи. Томъ II стр. 20, въ 1861 году въ селѣ Пришибѣ считалось жителей 7444 души обоего пола.

[2]) Слѣдств. дѣло 1819, № 278, стр. 50—60.

[3]) Пол. Собр. Зак. Томъ X, № 8684.

Digitized by Google

губерніи до 1850 года, когда наконецъ при образованіи Самарской губерніи отчисленъ къ Астраханской губерніи [1]). Самое основаніе слободы Царевской, переименованной потомъ въ городъ, относится ко времени позднѣйшему послѣ Уклеина, именно къ 1805 году, когда выходцы изъ Павловскаго уѣзда Воронежской губерніи, поселенные первоначально въ Волгскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, перешли на Ахтубу и зачисленные въ возчики елтонской соли, водворились на этомъ мѣстѣ [2]). Но мѣстность, на которой основалась эта слобода, принадлежитъ къ важнѣйшимъ историческимъ. Здѣсь была столица хановъ Золотой Орды, Сарай, основанный Батыемъ въ первой половинѣ XIII столѣтія, о существованіи коего свидѣтельствуютъ и доселѣ курганы, разсѣянные вокругъ Царева верстъ на 20 отъ села Пришибъ до деревни Растягаевки, или Колобовщины [3]).

Что же касается села Пришибъ, то оно состояло во время прибытія туда Уклеина изъ казаковъ и бѣглыхъ людей разныхъ губерній, кои и были первыми слушателями новаго ученія Уклеина. По переселеніи на Ахтубу молоканъ тамбовскихъ, село Пришибъ сдѣлалось корнемъ молоканства ахтубинскаго и уважаемою мѣстностью по воспоминанію о личномъ пребываніи здѣсь Уклеина и насажденіи тамъ первыхъ сѣменъ молоканства... Съ того времени пришибенскіе молокане играли важную роль среди молоканъ астраханскихъ до позднѣйшихъ временъ и подавали правительству за всѣхъ молоканъ астраханскихъ одно за другимъ исповѣданіе молоканской вѣры.

Въ 80-хъ годахъ, когда привлекательныя и выгодныя для молоканъ мѣста Астраханской губерніи сдѣлались извѣстными чрезъ Уклеина въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Рязанской, то молокане этихъ губерній, съ позволенія и безъ позволенія начальства стали переселяться на р. Ахтубу и Алтату и образовывать хуторскія поселенія среди поросшихъ глухими кустарниками озеръ, соединявшихся между собою узкими и неглубокими проливами, на мелкихъ возвышеніяхъ, образуемыхъ р. Волгою и Ахтубою, и представляющихъ обширную дельту безчисленныхъ острововъ [4]), поросшихъ камышемъ, и др. плодоносныхъ, но уединенныхъ мѣстахъ, такъ что въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія по берегамъ рѣки Ахтубы и Алтаты виднѣлись уже многія по-

[1]) Тамъ же, томъ XXV № 24,708.

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1845 г. Ч. X, стр. 173.

[3]) Никон. лѣтоп. VII, 210.—Книга бол. чертежа изд. Спасскаго стр. 153.—Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1845. Кн IX и X.

[4]) Матер. для Стат. Росс. Импер. 1839 г., стр. 84—123.—Списки насел. мѣст. Росс. Импер. Томъ II, стр. IX.

Digitized by Google

селенія молоканскія [1]). Въ тоже время по Узенямъ и Иргизу нынѣшней Самарской губерніи селились раскольники, возвращавшіеся изъ Польши; въ губернію же Астраханскую на казенный счетъ переселились и казенные крестьяне изъ губерній Воронежской, Тамбовской, Рязанской и другихъ, при чемъ многіе участки земли и морскихъ водъ раздавались безденежно въ собственность [2]). Въ 1785 году указомъ 9-го мая повелѣно было генералъ-губернатору саратовскому и кавказскому Потемкину нарочито и особенно усилить заселеніе степей между Царицынымъ, Черкасскомъ и Кавказскою линіею [3]). Такимъ образомъ, при столь усиленномъ спросѣ на поселенцевъ, здѣсь не разбирали уже строго выходцевъ изъ другихъ губерній и не спрашивали о томъ: съ позволенія или безъ позволенія явившіеся для заселенія края выходили изъ прежнихъ своихъ мѣстъ, отъ того край заселялся и разными служилыми людьми, ссыльными и бродягами безродными и безпутными [4]), бѣглыми раскольниками и недававшими о себѣ никому знать молоканами... Послѣдніе, поселившись въ разныхъ мѣстахъ губерніи, скоро оказали уже и свое вліяніе на многія села, обращеніемъ жителей въ молоканство. Въ 90-хъ годахъ, какъ видно изъ донесенія астраханскаго губернатора [5]), министру внутреннихъ дѣлъ, молоканство было уже, между прочимъ, въ слѣдующихъ селахъ Астраханской губерніи: Солодниковѣ, Свѣтломъ-Ярѣ, Вязовкѣ, и др., изъ коихъ въ Солодниковѣ оффиціально объявилось въ 1792 году, въ Свѣтломъ-Ярѣ въ 1796, а въ Вязовкѣ въ 1797 годахъ, неоффиціально же гораздо раньше. Такимъ образомъ, независимо отъ Царевскаго, и Черноярскій уѣздъ въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія имѣлъ уже молоканъ и не въ одномъ мѣстѣ.

ГЛАВА X.

Астраханское духоборство. — Гавріилъ Сорокинъ. — Исповѣданіе вѣры молоканъ села «Пришибъ». — Правительственный отзывъ о молоканахъ астраханскихъ.

Молокане распространяли въ концѣ XVIII вѣка по Астраханскому краю свое ученіе тайно, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе удачно и успѣшно. Съ Библіею въ рукахъ являлись они то на

[1]) Донес. Министр. Внутр. Дѣлъ.
[2]) Списк. насел. мѣстн. Росс. Импер. Спб. 1861 г. Томъ II, стр. IX.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же. Стр. VIII обор.
[5]) Слѣдств. дѣло, 1811 № 18.

Digitized by Google

хуторъ, то на ватагу рыболовную и заводили разговоръ о вѣрѣ, при чемъ начинали читать Библію и толковать мѣста, на коихъ утверждалось ихъ ученіе [1]). Подумайте, говорили и донынѣ говорятъ [2]) обыкновенно молокане при совращеніи православныхъ, кѣмъ и для чего выдуманы у васъ обряды и уставы церковные? ихъ придумали ваши попы для своей поживы. Родится у васъ младенецъ, вы платите попу деньги за крещеніе; а мы сами читаемъ молитвы, нарекаемъ имена и деньги остаются въ карманѣ. За вѣнчаніе, за похороны, за молебны вы платите попамъ деньги, а мы это дѣлаемъ сами и безъ всякихъ расходовъ. Къ одному изъ крестьянъ Астраханской губерніи, Садовскому [3]), какъ онъ самъ объявилъ начальству, пришли однажды, когда онъ находился на ватагѣ, молокане съ книгами, начали прочитывать ихъ и толковать Библію. Садовскій выслушалъ чтенія и толкованія, но объявилъ о приходящихъ начальству [4]).

Какъ велико было количество молоканъ въ Астраханскомъ краѣ въ прошедшемъ XVIII столѣтіи—мы не имѣемъ точныхъ указаній, но полагать надобно, что количество ихъ съ переселившимися изъ внутреннихъ губерній было довольно значительно, что можно заключать, между прочимъ, по тому факту, что въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго XIX столѣтія, по донесеніи губернатора, въ одномъ селѣ Пришибѣ [5]), значилось молоканъ 772 души обоего пола [6]). Слѣдовательно, если мы предположимъ, что одна только третья часть изъ этого количества существовала въ концѣ XVIII вѣка въ селѣ Пришибѣ, а двѣ части явились въ первомъ десятилѣтіи XIX в., то и тогда въ одномъ этомъ мѣстечкѣ должно было, до 1800 года, находиться молоканъ болѣе 200 душъ.

---

[1]) Слѣд. дѣло 1805, № 1.

[2]) Слѣд. дѣло 1819, стр. 53—86.

[3]) Слѣд. дѣло 1805 г., № 1.

[4]) Тамъ же.

[5]) С. Пришибъ до 1850 г. считалось принадлежащимъ къ Саратовской губерніи, потому отзывы о состояніи молоканъ сего села до 1850 г. дѣлало постоянно саратовское начальство; тѣмъ не менѣе, мы позволяемъ себѣ о пришибскихъ молоканахъ говорить какъ о молоканахъ астраханскихъ, по принятому нами плану считать принадлежностію извѣстной губерніи въ данный моментъ все то, что было въ ней въ какое бы то ни было время, когда или вся губернія, или часть ея принадлежала къ другимъ губерніямъ. Въ выборѣ этого плана мы руководствовались желаніемъ округлить свѣдѣнія каждой губерніи такъ, чтобы будущіе составители отдѣльной исторіи молоканъ и духоборцевъ по каждой губерніи, не собирали факты развитія молоканства и духоборчества извѣстной губерніи изъ другихъ губерній, потому только, что эти губерніи были прежде или не открыты, или входили поперемѣнно въ составъ разныхъ губерній.

[6]) Слѣд. дѣло 1811 г., № 18.

Digitized by Google

Было ли духоборчество въ XVIII в. въ Астраханской губерніи—мы сказать опредѣлительно не можемъ по тому обстоятельству, что молоканство и духоборчество смѣшивались здѣсь и правительствомъ и народомъ въ одну секту [1]). Впрочемъ, мы имѣемъ одно указаніе на существованіе духоборчества въ Ставропольскомъ уѣздѣ, входившемъ тогда въ составъ Астраханской губерніи. Здѣсь, въ концѣ XVIII в., былъ тайнымъ духоборцемъ нѣкто Гавріилъ Сорокинъ, объявившій себя, наконецъ, и правительству [2]).

Этотъ Сорокинъ былъ купцомъ и ратманомъ въ г. Александровѣ, и долго поддерживая, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, духоборцевъ, наконецъ объявилъ себя гласно духоборцемъ, за что, по высочайшему указу, и сосланъ былъ на «Молочныя-воды» [3]), въ пресѣченіе, какъ сказано было въ указѣ, соблазна отъ поступка столь гласнаго произойти могущаго къ вольностямъ духоборческимъ [4]), и съ причисленіемъ въ крестьянскій окладъ вмѣстѣ съ прочими водворенными на «Молочныхъ водахъ» духоборцами, безъ участія, впрочемъ, при водвореніи въ казенномъ пособіи, коего, по словамъ указа, Сорокинъ по своему поведенію не заслуживалъ [5]). Этотъ Гавріилъ Сорокинъ — личность, игравшая и впослѣдствіи большую роль въ духоборчествѣ.

Характеристикою ученія молоканъ Астраханскаго края конца XVIII в. можетъ служить, между прочимъ, исповѣданіе вѣры, поданное правительству молоканами села «Пришибъ» [6]), хотя это исповѣданіе далеко не исчерпываетъ всего ученія молоканскаго [7]). Вотъ это исповѣданіе:

«§ 1. Взирающе мы на начальника вѣры и совершителя Іисуса, имѣемъ себѣ священника и архіерея единаго, иже сѣдитъ одесную Бога.

«§ 2. Знаменуемся обѣтованіемъ Духомъ Святымъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь!

---

[1]) Самые молокане Вязовки, Солодовникова и Свѣтлаго-Яра названы были въ донесеніи астраханскаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ духоборцами. Слѣд. дѣло, 1811 г., № 18. Пришибскіе молокане тоже нерѣдко величались саратов. губернаторомъ, въ его донесеніяхъ, духоборцами, тогда какъ изъ исповѣданія вѣры, поданнаго ими, ясно видно, что они молокане.

[2]) Слѣд. дѣло, 1807 г., № 9.

[3]) Высоч. указъ 1806 г., 28 ноября.

[4]) Слѣд. Дѣло 1816 г., № 20.

[5]) Высоч. указъ генералъ-губерн. Миклашевскому, 28 ноября 1802 г.—Слѣд. дѣло 1816 г., № 20, стр. 84.

[6]) Хотя исповѣданіе это попало въ М. В. Д. въ 1805 году, но тѣмъ не менѣе на него нельзя не смотрѣть какъ на результатъ догматическаго мышленія молоканъ послѣднихъ годовъ XVIII в.

[7]) Слѣд. Дѣло 1816 г., № 20, стр. 10.

Digitized by Google

«§ 3. Крещеніе имѣемъ духовное, по слову св. писанія: *Азъ убо крестихъ вы водою*, сказалъ Іоаннъ Креститель, *гредетъ же крѣпкій мене въ слѣдъ мене, ему же нѣсмь достоинъ разрѣшите ремень сапогъ его: той крестить вы Духомъ Святымъ* (Мар., 1 гл. 7—8 стих.).

«§ 4. О моленіи, Христосъ показалъ ученикамъ своимъ молиться такъ: *егда молитеся, глаголите: Отче нашъ, иже еси на небесахъ* (Лук., 11 гл., ст. 2), и апостолъ писалъ къ Ефесеямъ: *всякою молитвою и моленіемъ молитеся на всякое время духомъ*. (Ефес., 6 гл., 18 стих.).

«§ 5. Храмъ имѣемъ, по описанію Моисея въ 5-й книгѣ: *призри съ небесе отъ храма святаго своего;* и у пророка Исаія, въ 63 гл., ст. 5, говорится: *обратися, Господи, отъ небесе, и виждь отъ Дому святаго Твоего и славы Твоея.* Пророкъ Варухъ, во 2-й гл., 16 ст. написалъ: *Господи, призри изъ дому святаго Твоего на насъ.* Въ 19 псалмѣ, ст. 15, говорится: *Боже силъ, обратися убо и призри съ небесе и виждь;* и въ 32 псалмѣ, ст. 13-й: *съ небесе призрѣ, Господь, видѣ вся сыны человѣческія;* въ 1-мъ соборномъ посланіи Петровомъ, гл. 2, ст. 5, пишется: *и сами яко каменіе живо зиждитеся, въ храмъ духовенъ, святительство свято;* 1. Коринѳянамъ въ 3-й гл. 16 ст.: *не вѣсте ли яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ,* и въ 7-й гл. 19 ст.: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ святаго Духа суть;* и въ 6-й гл. 2 Коринѳ., ст. 16: *вы бо есте церкви Бога жива;* въ Дѣяніи въ 7-й гл., 48 ст.: *вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ;* и въ 17-й гл. ст. 24: *сей небесе и земли Господь, сый не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ: ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ.*

«§ 6. Образа имѣемъ во Христѣ: *иже есть образъ Бога невидимаго, первороженъ всея твари.* Колос. 1 гл. 15 ст. Апостолъ написалъ: *ихъ же бо предувѣдѣ; (тѣхъ) и предустави сообразныхъ быти образу сына своего;* Рим. 28 гл. 29 ст.: *за не и Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ его: иже грѣха не сотвори.* 1 Петр. 2 гл. 21 ст. и къ Филипписеямъ въ 3 гл. 17 ст. написано: *яко же имате образъ насъ;* также и къ Тимоѳею во 2 посл. гл. 1 ст. 3, написано: *образъ имѣй здравыхъ словесъ».*

«Для чего прибѣгнули изъявить о своей сектѣ единогласно, пишется далѣе въ семъ исповѣданіи, что великороссійскаго священства не пріемлемъ, и требъ отъ духовенства принять не желаемъ, равно-жъ и въ домы въ наши, для служенія молебновъ, не входить нижайше просимъ [1].»

Астраханскій губернаторъ [2] сдѣлалъ, въ 1805 году, слѣдующій отзывъ о молоканахъ астраханскихъ конца XVIII стол., что молокане сами себя называютъ христіанами и признаютъ высочайшее существо въ трехъ лицахъ, Отца, Сына и Святаго Духа, коему и поклоняются духомъ, не дѣлая крестнаго знаменія.

Священникомъ и архіереемъ разумѣютъ Сына Божія, а потому не могутъ принимать духовенство.

---

[1]) Слѣд. дѣло, 1816 г., № 20.

[2]) Дѣло Архив. 1811 г., № 18.

Digitized by Google

Таинство крещенія полагаютъ въ покаяніи и оставленіи грѣховъ и потому не пріемлютъ крещенія водою.

Таинство исповѣданія производятъ въ собраніи своемъ, предъ старцами честнаго и добраго поведенія, разумѣя ходатаями за себя Сына Божія

Таинство причащенія, по ихъ разумѣнію, есть доброе поведеніе и храненіе заповѣдей Господнихъ.

Церковью называютъ собраніе свое въ одно мѣсто, гдѣ бы то ни было, гдѣ занимаются разсужденіемъ и толкованіемъ закона Божія, поютъ псалмы Давидовы и, ставъ на колѣни одинъ противъ другого, покланяются высочайшему существу. Читаютъ молитву «Отче нашъ» и др.

Образомъ разумѣютъ созданіе свое по образу и по подобію Божію и чистоту душевную, а потому рукотворнымъ образамъ не поклоняются; угодниковъ же по христіанскому обряду почитаютъ, не дѣлая имъ, однакожъ, поклоненія.

Новорожденнымъ младенцамъ даютъ имена отцы, по имени святыхъ того числа, когда младенецъ родился.

Бракъ имѣютъ не принужденный; женихъ и невѣста, по любви между собою, на сходбищѣ ихъ клянутся въ вѣчной чистотѣ, и послѣ того до смерти не разлучаются.

Царскія особы и всѣ установленія власти признаютъ и почитаютъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Посты содержатъ только упоминаемые въ священныхъ книгахъ, по недѣли и по двѣ ничего не ѣдятъ и провожаютъ время сіе въ духовномъ моленіи, установленныхъ же грекороссійскихъ постовъ вовсе не хранятъ, и какъ въ постные дни употребляютъ въ пищу молоко, то всѣ они по просторѣчію и называются «молоканами».

Наконецъ, — заключаетъ отзывъ, — молокане жили и живутъ тихо и поползновеній къ соблазнамъ какимъ-либо не примѣтно.

Ѳ. Ливановъ.

Digitized by Google

МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ *).

Судя по количеству жалобъ отъ частныхъ лицъ и доходящихъ путемъ печати свѣдѣній о казенныхъ недоимкахъ, можно было бы прійти къ заключенію, что вообще недоимки въ крестьянскихъ платежахъ дошли до огромныхъ, небывалыхъ размѣровъ; говорятъ, что крестьяне у насъ обѣднѣли сравнительно съ прежнимъ; отсюда недалеко къ заключенію, что въ Россіи освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею, то есть мѣра, по законамъ политической экономіи и здраваго смысла, помимо всякихъ требованій человѣколюбія и правды, наиболѣе способствующая и развитію благосостоянія населенія и улучшенію сельскаго хозяйства, дала результатъ совершенно противоположный выводамъ науки. Или наука ошибается, или выводы господъ, полагающихъ, что крестьяне бѣднѣютъ, не вѣрны, и въ послѣднемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Что большинство крестьянъ не обѣднѣло послѣ 1861 года, показываетъ и увеличеніе сравнительно съ прежнимъ торговли товарами, употребляемыми въ крестьянскомъ быту; и при томъ всякій безпри-

---

*) Настоящая статья, писанная лицемъ, постоянно живущимъ среди сельскаго населенія и близко знакомымъ съ должностью мирового посредника, обращаетъ на себя тѣмъ болѣе вниманія, что многіе, возвратясь въ послѣднее время изъ путешествій во внутреннія губерніи, видя только мимоходомъ крестьянскій бытъ, и смотря на предметъ не безъ заднихъ мыслей, пришли къ страннымъ результатамъ во взглядахъ на значеніе крестьянской и судебной реформы, твердя при этомъ одно: la légalité nous tue! Вопросъ весь въ томъ, кто эти «мы», которыхъ убиваетъ «законность». Лучшая часть общества всегда будетъ думать, что насъ можетъ убить только одно: недостатокъ законности. — *Ред.*

Digitized by Google

страстный наблюдатель долженъ признать, что постройки у крестьянъ вообще улучшились и является болѣе щегольства въ одеждѣ, что̀ служитъ, конечно, признакомъ не обѣдненія, а напротивъ бо́льшаго, сравнительно съ прежнимъ, довольства.

Конечно, возвышеніе въ послѣдніе годы податей могло и должно имѣть вліяніе на накопленіе недоимокъ, независимо отъ мѣстныхъ причинъ, неурожаевъ, падежей и проч. Надо помнить, что на бывшихъ крѣпостныхъ, кромѣ оброчныхъ и выкупныхъ платежей, въ настоящее время лежатъ подушныя подати, возвышенныя противъ прежняго въ такихъ размѣрахъ, что превышаютъ лишніе поборы, взимаемые съ нихъ прежде на частныя дворянскія повинности. Кромѣ того, на нихъ лежатъ сборы на земскія повинности, въ составъ коихъ входитъ содержаніе губернскихъ присутствій и мировыхъ посредниковъ и, съ введеніемъ земскихъ учрежденій, содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ управъ и мировыхъ судей; кромѣ земскихъ сборовъ, они платятъ еще жалованье лицамъ крестьянскаго управленія. Такъ что, вообще, повинности съ крестьянъ дошли, въ настоящее время, до такой точки, что о повышеніи ихъ вообще нечего и думать, а напротивъ, надо стараться о возможномъ пониженіи на время, въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ хотя бы отъ временныхъ причинъ. И вообще, только благодаря освобожденію труда, уничтоженію откуповъ и развивающейся промышленности, вслѣдствіе улучшенія путей сообщенія, еще и возможно крестьянамъ, хотя и съ усиленнымъ трудомъ, выносить лежащія на нихъ повинности, но все же при непремѣнномъ условіи раціональныхъ мѣръ взысканія съ нихъ этихъ повинностей.

Для того, чтобы обсудить на сколько лежащія въ настоящее время на крестьянахъ повинности, съ принимаемыми мѣрами взысканія, имѣютъ вліяніе на накопленіе недоимокъ, разсмотримъ въ общихъ чертахъ положеніе крестьянъ относительно повинностей до 19 февраля 1861 года и въ настоящее время.

До 19 февраля 1861 года, крѣпостные крестьяне иногда платили помѣщикамъ денежный оброкъ, иногда были на смѣшанной повинности, иногда несли одну издѣльную повинность. Хотя оброки крестьянъ во многихъ имѣніяхъ были и выше нынѣшнихъ платежей, но, во-первыхъ: часто крестьяне владѣли и значительнымъ количествомъ угодій, которыя отошли отъ нихъ съ утвержденіемъ уставныхъ грамотъ; во-вторыхъ, и самое важное, что высокіе оброки платили крестьяне небогатыхъ или иногда средняго состоянія помѣщиковъ, въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ была на издѣльи и небольшая сравнительно часть *наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ* платила оброкъ въ видѣ откупа отъ барщины. — Въ крупныхъ же оброчныхъ имѣніяхъ, оброки были часто не выше, или незначительно выше однихъ теперешнихъ выкупныхъ платежей.

Digitized by Google

Крестьяне удѣльные и государственные были въ положеніи близкомъ къ положенію крестьянъ крупныхъ помѣщиковъ; то есть управляющіе удѣльными конторами и окружные начальники соотвѣтствовали управляющимъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣній, хотя они по закону и находились въ иныхъ отношеніяхъ, но не на практикѣ.—На практикѣ головы и старосты государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были такіе же полновластные распорядители въ волостяхъ, какъ и помѣщичьи бурмистры и старосты, и отвѣтственными были *вполнѣ* только передъ своимъ начальствомъ. Размѣры повинностей близко подходили къ повинностямъ крестьянъ крупныхъ помѣщиковъ, и мѣры взысканія были тѣже.

Теперь посмотримъ, какіе органы замѣнили полноправныхъ помѣщиковъ или ихъ уполномоченныхъ для взысканія платежей съ крестьянъ.

Посмотримъ, какія измѣненія произошли въ управленіи государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, вслѣдствіе соединенія управленія, такъ какъ, повидимому, эта перемѣна не могла имѣть большого вліянія на ихъ отношенія.

Повидимому, рѣзкихъ перемѣнъ никакихъ не произошло: головы переименованы въ старшины; какъ тѣ такъ и другіе назначаются по выбору общества, старосты выборные какъ и прежде; судъ сельскихъ засѣдателей и добросовѣстныхъ замѣненъ волостнымъ судомъ; дѣла, подвѣдомственныя прежде окружнымъ начальникамъ, палатамъ и удѣльнымъ конторамъ, перешли частью въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, частью предоставлены рѣшенію самихъ обществъ и выбранныхъ ими начальниковъ. То-есть, повидимому, расширенъ нѣсколько кругъ самоуправленія общества, которымъ они пользовались и прежде, и перемѣнены только названія начальствующихъ инстанцій; — но это только повидимому, въ сущности перемѣна огромная.

Чтобы яснѣе видѣть разницу въ крестьянскомъ управленіи до 19-го февраля 1861 года и соединенія крестьянъ казенныхъ и удѣльныхъ въ общее управленіе съ теперешнимъ, посмотримъ, какъ они собираются теперь.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ, преимущественно въ бывшихъ удѣльныхъ и помѣщичьихъ, которыя были уже давно на оброкѣ а теперь на выкупѣ, частью и въ болѣе богатыхъ деревняхъ госуд. имущ., гдѣ большинство крестьянъ настолько благоразумно, что сами сознаютъ невыгоду недоимокъ, которыя все-таки когда-нибудь соберутъ, они выбираютъ и старостъ и старшинъ строгихъ, которые не запускаютъ недоимокъ; тамъ и въ волостные судьи попадаютъ только исправные и строгіе крестьяне. Въ тѣхъ обществахъ, если бы крестьянинъ и вздумалъ запустить недоимку, то староста его и въ работу поставитъ къ сосѣду мужику или и помѣщику; въ случаѣ нужды, принудитъ

Digitized by Google

продать и лишнюю скотину или постройку; старосты, а иногда и старшины, берутъ подряды у сосѣдей, помѣщиковъ и купцовъ, на цѣлыя деревни, при чемъ въ работу ставятся и одинокіе крестьяне, которые не могутъ далеко отлучаться на промыслы, и недоимщики; или вообще крестьяне, на которыхъ староста и старшина не надѣются въ исправномъ взносѣ податей.

Помѣщики и купцы охотно заключаютъ условія на работы со старостою за цѣлыя общества или, еще лучше, со старшиною; потому что они обезпечены, въ этомъ случаѣ, въ исправности работъ и не надо особаго присмотра за рабочими, такъ какъ староста самъ часто въ числѣ рабочихъ, а иногда и старшина, и въ такихъ случаяхъ даже даютъ лишнюю плату. Но и помѣщики и купцы весьма неохотно берутъ и, если берутъ, то за очень низкую плату, недоимщиковъ, которыхъ иногда просятъ взять старосты, старшины или и посредники; потому что за такими одиночками, ненадежными работниками, нуженъ бдительный присмотръ.

Если бы кто изъ крестьянъ въ такихъ обществахъ вздумалъ не слушать старосту, и мѣры, принятыя старостою или старшиною на основаніи 64 ст. Общ. Пол., оказались бы недостаточными, то они ослушниковъ представляютъ на волостной судъ, въ которомъ судьи, выбранные изъ исправныхъ крестьянъ, не дадутъ потачки ослушнику и безъ всякихъ косвенныхъ вліяній старшины.

Въ волости, гдѣ большинство волостного схода, состоящаго изъ исправныхъ домохозяевъ, поддерживаетъ строгаго старшину, онъ легко можетъ замѣнить и неудачно выбраннаго гдѣ либо старосту, убѣдивъ плохого старосту сказаться больнымъ и добровольно оставить должность, чтобъ не нажить себѣ больше хлопотъ, и представивъ посреднику, что не стоитъ свидѣтельствовать Сидорку, дѣйствительно ли онъ боленъ, благо за добра ума самъ убирается; а мы на его мѣсто выберемъ мужика стоющаго. Посредникъ заинтересованный, чтобъ все было въ порядкѣ и дорожащій хорошимъ старшиною, конечно, соглашается, и смѣна старосты дѣлается домашнимъ образомъ, безъ дальнихъ проволочекъ. Умный и дѣльный старшина имѣетъ сильное нравственное вліяніе на всю волость и потому всегда можетъ повліять на выборъ старосты. Иные крестьяне на него и ропщутъ, что крутенекъ иногда и по шеѣ дастъ (незаконность этого отлично извѣстна всѣмъ крестьянамъ и сносится ими только до извѣстной мѣры), да за то тѣмъ хорошъ, что до начальства не доводитъ, чѣмъ особенно дорожатъ вообще крестьяне; и за такимъ старшиною, посредникъ, какъ говорится, «какъ у Христа за пазухой».

Теперь посмотримъ, что происходитъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ большинство волостного схода выбрало слабаго старшину, потатчика недоимщиковъ, и гдѣ потому плохо и порядочнымъ старостамъ, не имѣю-

Digitized by Google

щимъ поддержки ни у старшины, ни въ волостномъ судѣ, куда выбраны такіе судьи, что за водку и осудятъ и оправдаютъ, и на которыхъ потому и старшина и писарь имѣютъ огромное вліяніе, потому что и судятъ-то они часто подъ хмѣлькомъ и прикладываютъ руки къ приговорамъ составленнымъ писаремъ, которыхъ они и не прочитали какъ слѣдуетъ. Въ такихъ волостяхъ вся тяжесть сбора податей и оброковъ лежитъ на посредникѣ и полиціи, и недоимки взыскиваются слѣдующимъ образомъ.

Расторопный посредникъ, получивъ мѣсячную вѣдомость о недоимкахъ, вызываетъ старшину, старостъ, бранитъ ихъ, иногда сажаетъ подъ арестъ, назначаетъ новые сроки, къ коимъ обязываетъ очистить недоимку, стращаетъ всѣми мѣрами. Старшина, возвратясь домой, упрашиваетъ старостъ постараться хоть мало-мальски «заткнуть глотку собакѣ—посреднику» и внесть хоть часть недоимки, а старосты упрашиваютъ старшину «постоять за міръ», на то-молъ ты, Евсеичъ, отъ насъ и жалованье получаешь. Придя въ свои деревни, старосты соберутъ міръ, погалдятъ, староста проситъ мірянъ, что ему уже тошно стало отъ посредника, міряне просятъ старосту послужить міру; тотъ ихъ упрекаетъ, что онъ и то ужъ сидѣлъ за нихъ два раза въ кутузкѣ, что у него еще навозъ не вывезенъ. Общество соглашается вывезти ему навозъ съ міру, а недоимку-молъ, соберемъ, когда деньги будутъ; при этомъ ругаютъ главныхъ недоимщиковъ и даже иной разъ и штрафуютъ ихъ на четвертную или и на полъ-ведра, при чемъ «первый стаканъ, извѣстно, начальству».

Когда недоимка, къ сроку, назначенному посредникомъ, не внесена, а между тѣмъ, наступаетъ уже срокъ другихъ взносовъ, посредникъ дѣлаетъ распоряженіе о примѣненіи 4 п. ст. 262 мѣстн. пол. и ст. 129 пол. о вык. Опись имущества дѣлается полиціей иногда черезъ значительный промежутокъ времени послѣ полученія предложенія о томъ посредника, и, когда полиція приступитъ къ описи, крестьяне, зная объ этомъ заблаговременно, успѣваютъ продать или убрать и хлѣбъ и часть скота и имущества; такъ что въ опись попадаетъ преимущественно имущество крестьянъ трудолюбивыхъ, простыхъ, честныхъ; а всѣ, которые поплутоватѣе, успѣваютъ скрыть наиболѣе цѣнное имущество.

Наконецъ, опись составлена, представлена посреднику, онъ, по своему усмотрѣнію, исключаетъ то, что считаетъ необходимымъ для хозяйства крестьянъ и назначаетъ срокъ продажи, къ которому иногда недоимка возросла уже до такой степени, что описаннаго имущества недостаточно для покрытія ея. Полиція даетъ знать въ ближайшія волости о продажѣ. Въ назначенный день пріѣзжаетъ волостное правленіе, чиновникъ полиціи, пріѣзжаютъ торговцы, и оказывается, что не все имущество доставлено, потому что часть домохозяевъ въ отлучкѣ,

Digitized by Google

другіе принесли деньги. Чиновникъ полиціи, посреди гама, шума, рева бабъ, разбираетъ дѣло, составляетъ актъ о непредставленномъ имуществѣ, принимаетъ деньги, наконецъ приступаетъ къ продажѣ. Всякій покупщикъ осыпается бранью и проклятіями бабъ, если не въ самомъ кругу, гдѣ производится продажа въ присутствіи полиціи, то тотчасъ по выходѣ съ глазъ чиновника; такъ что надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобъ рѣшиться идти на подобный торгъ; да при томъ, когда вмѣсто объявленныхъ 100 коровъ, въ продажу поступаютъ какихъ-нибудь десять еле-живыхъ коровенокъ, а иногда продажа и совсѣмъ не состоится, то настоящіе торговцы и не суются на подобные торги, оставляя поле дѣйствія кулакамъ самаго низкаго разряда. Такимъ образомъ взыскана рѣдко вся недоимка, за которую назначена продажа; а между тѣмъ наступилъ уже срокъ другого платежа и образовалась новая недоимка. Послѣ уже продажи оказывается, что нѣкоторые крестьяне, часто наиболѣе трудолюбивые, разорены, да при томъ изъ опыта узнали, что честность разорительна; «а вотъ Ванька, мошенникъ, съумѣлъ спрятать да раздать по людямъ во время свое имущество и подсмѣивается надъ нами дураками».

Такимъ образомъ крестьяне научаются, «что честность есть глупость», что можно и не очень старательно платить повинности, для этого надо выбирать старосту помоложе съ крѣпкими ногами, чтобъ умѣлъ скоро бѣгать къ посреднику да въ контору, и чтобъ не гнался за тѣмъ, что посидитъ иной разъ въ кутузкѣ за міръ. А въ случаѣ крайности, при продажѣ «за міръ» (за круговою порукою) можно и внести часть повинности, да пустить на продажу скотъ и имущество такія, которыя и по вольной цѣнѣ дороже не пойдутъ, да и покупщиковъ можно подговорить подходящихъ. Вотъ картина взысканія недоимокъ въ настоящее время у расторопнаго посредника.

У посредника небрежнаго, повинности платятъ тѣ крестьяне, которые настолько благоразумны, что понимаютъ, что надо платить, и что когда-нибудь да взыщутъ недоимку; а продажи дѣлаются уже когда посредника сильно понуждаютъ губернское присутствіе или помѣщики; и тогда онъ разражается какъ туча, на какой-нибудь деревнѣ, не на той, на которой наиболѣе недоимокъ, а на той, о которой ему болѣе надоѣдаютъ начальство или сосѣдъ-помѣщикъ. И въ сущности, лѣнивый посредникъ ближе въ своихъ дѣйствіяхъ къ духу законодательства, чѣмъ расторопный; потому что у него продажа крестьянскаго имущества за круговою порукою не вошла въ обычную мѣру взысканія недоимокъ, а дѣйствительно является крайнею карательною мѣрою, какою она и поставлена въ положеніи 19-го февраля 1861 года уже послѣ смѣны выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ; и потому у такого посредника, крестьяне не такъ скоро разоряются и развращаются.

Digitized by Google

Скажутъ: «легко писать карикатуры на посредниковъ, а надо влѣзть въ ихъ кожу»; на это отвѣчу: что не для праздпаго глумленія надъ дѣятельностью мировыхъ посредниковъ, которые вообще, вмѣсто благодарности общества за ихъ подъ-часъ очень тяжелую службу, слышали скорѣе осужденія, чѣмъ поощрительные отзывы и отъ общества и въ печати; а напротивъ, представивъ почти съ натуры списанную картину взысканія недоимокъ двумя посредниками, дѣйствующими въ противоположномъ одинъ отъ другого направленіи, я желалъ указать, что мѣры обоихъ не очень удачны, и даже лѣнивый оказывается какъ будто полезнѣе усерднаго.

Сила въ томъ, что если посредникъ не имѣетъ способности удачно выбирать людей и не умѣетъ внушить къ себѣ такого довѣрія, чтобы имѣть такое сильное нравственное вліяніе на крестьянъ, чтобъ лица имъ намѣчаемыя были непремѣнно и выбраны въ должности крестьянами, то онъ окончательно безсиленъ взыскивать недоимки иначе, какъ крайними карательными мѣрами, вредъ которыхъ можетъ быть онъ и самъ хорошо сознаетъ.

Разсмотримъ по порядку мѣры означенныя въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ пунктахъ ст. 129 о выкупѣ и ст. 262 мѣстн. пол., насколько удобно ихъ примѣненіе.

Не увольнять крестьянъ на заработки, иначе какъ по личному усмотрѣнію посредника, въ управленіи коего находится иногда отъ 15 до 20 тысячъ душъ, мѣра весьма сложная, которая примѣнима для старосты, для старшины лично знающихъ каждаго крестьянина; иногда примѣнима и для посредника въ тѣхъ обществахъ, гдѣ онъ приблизительно знаетъ хоть нѣкоторыхъ крестьянъ, на мнѣнія коихъ онъ можетъ положиться (т. е. тутъ посредникъ для выбора—кого уволить кого нѣтъ, долженъ руководствоваться чужимъ мнѣніемъ); но положительно непримѣнимая тамъ, гдѣ посредникъ или мало знаетъ крестьянъ или знаетъ ихъ настолько, что никому изъ нихъ не можетъ довѣрять. Запретить же совсѣмъ давать паспорты, значитъ лишить всѣхъ крестьянъ возможности заработковъ и потому возможности исправно вносить повинности.

Смѣнить выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ съ замѣною ихъ лицами по своему выбору: смѣнить старшину нельзя иначе, какъ по постановленію мирового съѣзда и съ утвержденія начальника губерніи; процедура довольно сложная, и при томъ, если старшина человѣкъ ловкій, показывающій на бумагѣ, что всѣ мѣры, зависящія отъ него, приняты, хотя посредникъ на дѣлѣ и убѣжденъ, что всѣ донесенія старшины только отписки и что главное зло отъ старшины, но не имѣетъ достаточныхъ фактическихъ доказательствъ потворства старшины, то не всегда еще представленіе посредника о его смѣнѣ будетъ уважено. До судей, имѣющихъ косвенное вліяніе на недоимку,

Digitized by Google

право смѣны посредника не относится. Старосту нѣсколько легче и скорѣе можно смѣнить нежели старшину, но все же надо фактическія доказательства его виновности.

При томъ и добившись смѣны, взять посреднику на себя назначеніе старшины и старостъ, вещь довольно рискованная. Въ случаѣ неудачи выбора посредника, онъ скомпрометированъ и въ глазахъ крестьянъ и въ глазахъ мирового съѣзда и губернскаго присутствія; а умѣть удачно выбирать—способность не обыденная. Смѣна же должностныхъ лицъ съ назначеніемъ новыхъ выборовъ, не представляетъ гарантіи, чтобы вновь выбранныя лица были лучше прежнихъ.

Ставить недоимщиковъ въ заработки по контрактамъ, посредникъ безъ дѣятельнаго содѣйствія старостъ и старшинъ, почти никогда не можетъ; потому что и подрядчики бѣгаютъ такихъ рабочихъ или, если работа крайне проста, какъ напр. тяга судовъ или простѣйшая изъ земляныхъ работъ (промыслы мѣстные или случайные), то поставка такихъ рабочихъ за дешевую плату сбиваетъ цѣны для трудолюбивыхъ рабочихъ не недоимщиковъ.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что безъ содѣйствія лицъ выборнаго крестьянскаго управленія, мировой посредникъ, для сбора недоимокъ можетъ принимать или карательныя мѣры противъ отдѣльныхъ лицъ, на основаніи 91 ст. мир. учрежд., которыя въ сущности ни къ чему не ведутъ, или къ продажѣ крестьянскаго имущества черезъ полицію.

Изъ всего этого мы видимъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права и слияніемъ крестьянъ въ общее управленіе, сильная, почти безконтрольная власть помѣщиковъ и отдѣльныхъ управленій, державшая въ своихъ рукахъ все крестьянское сословіе, уничтожена и замѣнена началомъ самоуправленія самихъ обществъ, подъ контролемъ учрежденій соединяющихъ въ себѣ съ частью ограниченной административной власти и судебный характеръ.

Но это ограниченіе самоуправленія крестьянскихъ обществъ властью, имѣющею не точно-опредѣленный, смѣшанный характеръ, повело къ тому, что на практикѣ выборныя лица крестьянскаго управленія избѣгаютъ серьезной отвѣтственности за свои проступки по должности, прикрываясь какъ бы попечительскою властью мировыхъ учрежденій; т. е. крестьянское управленіе, вышедши изъ полной опеки и поставленное подъ попечительство мировыхъ учрежденій, имѣетъ возможность не платить долговъ, прикрываясь несовершеннолѣтіемъ. И лица крестьянскаго управленія, на которыхъ въ сущности лежатъ всѣ обязанности административной власти по управленію крестьянскими обществами, имѣютъ возможность избѣгать серьезной отвѣтственности, сопряженной съ неисполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, если

Digitized by Google

только они нечувствительны къ сравнительно слабой отвѣтственности передъ своими попечителями, мировыми посредниками.

Въ настоящее время никому не секретъ, что должности мировыхъ посредниковъ, по различнымъ причинамъ, ищутъ немногіе изъ способныхъ къ общественной дѣятельности людей, какъ то было при началѣ. Разсмотримъ это дѣло съ практической, матеріяльной стороны.

Мировой посредникъ на расходы по должности получаетъ до 1,500 руб. Если онъ будетъ исполнять свою обязанность добросовѣстно, то вотъ приблизительный его расходъ по должности.

Писарю жалованье съ содержаніемъ до 20 руб. въ мѣсяцъ, да еще ему помощникъ при временныхъ усиленныхъ занятіяхъ, хоть изъ волостной конторы, до 5 руб. въ мѣсяцъ, итого въ годъ 300 руб.

Разсыльный по 10 р. въ мѣсяцъ, а въ годъ 120 р.

Содержаніе 3-хъ лошадей съ кучеромъ, для разъѣздовъ, въ годъ не менѣе 300 р.

Пріѣзды въ городъ на мировые съѣзды, самое умѣренное по 2 р. въ сутки на посредника, писаря и кучера съ 3 лошадьми, итого на 3 дня 6 р. въ мѣсяцъ на мировые съѣзды, а въ годъ 72 р.

На канцелярскіе расходы, самое умѣренное 50 р. въ годъ.

Итого расходовъ по должности 842 р., самое умѣренное, кромѣ расходовъ при разъѣздѣ по волостямъ. Если же въ управленіи посредника 7 волостей, и на каждую изъ нихъ онъ употребляетъ по 1 дню въ мѣсяцъ, то полагая въ сутки по 2 р., слѣдуетъ положить еще на объѣздъ волостей 14 р. въ мѣсяцъ, а въ годъ 168 р., такъ что всего посредникъ имѣетъ по должности болѣе 1,000 р. расходу.

Членъ уѣздной земской управы получаетъ отъ 600 до 800 и болѣе рублей, не имѣя никакихъ расходовъ по должности и разъѣзжая на земскихъ лошадяхъ.

Мировой судья тратитъ на письмоводителя, канцелярію и разсыльнаго не болѣе мирового посредника; но не имѣя нужды въ разъѣздахъ по волостямъ, не долженъ держать лишней тройки лошадей; ѣздитъ на мировые съѣзды или на своихъ лошадяхъ, или нанимаетъ; полагая въ этомъ случаѣ всякую его поѣздку на мировой съѣздъ въ 10 р., оказывается, что мировой судья, получая равное содержаніе съ мировымъ посредникомъ, имѣетъ расходовъ по должности до 600 р., слѣдовательно, значительно менѣе мирового посредника.

При одинаковой степени добросовѣстности въ исполненіи, обязанности мирового судьи и члена земской управы значительно легче обязанностей мирового посредника, требуютъ и менѣе физическаго труда и сопряжены съ меньшими непріятностями по службѣ. Въ сущности, должность мирового судьи требуетъ преимущественно юридическихъ познаній, должность члена управы хозяйственно-экономическая въ окон-

Digitized by Google

чательномъ результатѣ и проще къ добросовѣстному исполненію должности мирового посредника, который, имѣя нужду и въ юридическихъ и экономическихъ свѣдѣніяхъ, долженъ еще быть хорошій практическій психологъ, чтобы умѣть выбирать людей и имѣть на нихъ вліяніе. Вообще, чтобъ быть хорошимъ мировымъ посредникомъ, требуются такія способности, что человѣкъ, хотя отчасти обладающій ими, въ настоящее время всегда найдетъ себѣ мѣсто, представляющее болѣе и матеріальныхъ и соціальныхъ выгодъ, чѣмъ должность мирового посредника.

Поэтому должности мировыхъ посредниковъ заняты въ настоящее время преимущественно людьми, не нашедшими для своихъ способностей лучшаго помѣщенія.

Притомъ, бросивъ погоню за идеаломъ, котораго навѣрно не догонишь, и обратившись на мудрую почву житейской практики, посреднику можно соблюсти и значительныя матеріяльныя выгоды. Напримѣръ: вмѣсто того, чтобъ держать своего писаря, можно принанимать писаря изъ ближайшей волостной конторы, рублей за 5 въ мѣсяцъ, смотря нѣсколько снисходительно на упущенія по конторѣ, которыя и при строгости все-таки будутъ. Въ помощь ему можно держать неважнаго писарька, подъ названіемъ «строчилы», который, притомъ, будетъ и платье чистить, и исправлять другую должность по хозяйству, и обойдется жалованьемъ не болѣе 5 руб. въ мѣсяцъ, а содержаніе его не надо класть въ счетъ, потому что онъ занимаетъ должность лакея.

Разсыльнаго держать — роскошь, можно всѣ бумаги отправлять и получать черезъ волостныя правленія. Разъѣзжать по волостямъ—тоже пустая фанаберія, кому нужда до посредника тотъ самъ до него дойдетъ; и лучше же для дѣлъ вызывать старшинъ и писарей къ себѣ, чѣмъ ѣздить по волостямъ, расходоваться и безпокоиться; настоящаго порядка въ волостныхъ правленіяхъ все-таки не заведешь, только напрасно будешь себѣ кровь портить. На съѣзды тоже нечего таскаться каждый мѣсяцъ, можно ѣздить и черезъ разъ; и то тамъ дѣлать нечего; ѣздить можно и не на своихъ лошадяхъ, а нанимать въ волости черезъ старшину; конечно, крестьяне съ начальства лишняго не посмѣютъ взять.

Такимъ образомъ, вмѣсто 1,000 р. расходовъ по должности, можно вогнать ихъ рублей въ 300, а себѣ останется 1,200 р. чистоганомъ; и выгоднѣе, и покойнѣе, и непріятностей по службѣ меньше, потому что меньше столкновеній.

Какъ же быть? Возвратъ къ прежнему порядку — утопія; оставаться при теперешнемъ порядкѣ крайне невыгодно. Слѣдовательно, единственный исходъ изъ этого положенія, — сдѣлать еще шагъ

Digitized by Google

впередъ, т. е. привести крестьянское самоуправленіе въ прямое непосредственное соприкосновеніе съ закономъ, упразднивъ попечительство надъ нимъ мировыхъ учрежденій и тѣмъ поставивъ крестьянскія общества въ положеніе полноправныхъ и потому вполнѣ отвѣтственныхъ членовъ государства.

Для этого необходимо, изъявъ крестьянскія общественныя управленія изъ вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, и предоставивъ волостнымъ старшинамъ часть власти, предоставленной по закону мировымъ посредникамъ, т. е. усиливъ нѣсколько власть выборныхъ обществами лицъ, подчинить всѣхъ лицъ общественнаго крестьянскаго управленія отвѣтственности за преступленія по должности, прямо вѣдѣнію мировыхъ судей и окружныхъ судовъ; уничтоживъ такимъ образомъ для нихъ дисциплинарныя взысканія, которыя, вслѣдствіе особенностей въ бытѣ крестьянъ, весьма мало, а иногда и совсѣмъ не достигаютъ цѣли.

Усиленіе власти волостныхъ старшинъ должно заключаться въ томъ, что имъ должно быть предоставлено право подвергать крестьянъ взысканіямъ, указаннымъ во 2-мъ п. 32 ст. мир. учреж. съ правомъ апелляціи мировому судьѣ. Исключеніе должно быть сдѣлано для старостъ, волостныхъ судей, гласныхъ земскихъ собраній и присяжныхъ засѣдателей, на упущенія по службѣ или на неповиновеніе законнымъ требованіямъ старшины коихъ онъ обязанъ приносить жалобы волостному суду или мировому судьѣ. Такимъ образомъ крестьяне, за неповиновеніе старостамъ, могутъ быть подвергаемы взысканіямъ старшиною съ правомъ апелляціи или предаваемы волостному суду. Принятіе того или другого пути преслѣдованія должно быть предоставлено усмотрѣнію старостъ и старшинъ.

Это усиленіе власти старшины не принесетъ никакого вреда и не дастъ повода къ злоупотребленіямъ, если всѣ лица крестьянскаго управленія будутъ подлежать суду непосредственно по жалобамъ должностныхъ и частныхъ лицъ, безъ всякихъ предварительныхъ изслѣдованій ихъ непосредственнаго начальства за неимѣніемъ его.

Для возможности быстраго преслѣдованія всѣхъ упущеній по должности лицъ крестьянскаго управленія, всѣ жалобы на нихъ, какъ казенныхъ управленій, такъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и крестьянъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и по довѣренностямъ отъ обществъ, должны быть приносимы мировымъ судьямъ.

Преданіе лицъ крестьянскаго управленія суду окружного суда за преступленія по должности, имѣетъ ту невыгоду, что окружной судъ, имѣя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ періодически, не имѣетъ возможности такъ быстро преслѣдовать всѣхъ мелкихъ нарушеній по обязанностямъ службы какъ бы слѣдовало; и притомъ судебные слѣдователи и окружные суды въ такомъ случаѣ завалены были бы дѣ-

Digitized by Google

лами такого рода, что сущность преслѣдованія ихъ заключается преимущественно не въ строгости наказанія, а въ быстротѣ преслѣдованія, такъ чтобъ наказаніе слѣдовало почти непосредственно за проступкомъ.

Въ случаѣ, если мировой судья усмотритъ изъ принесенной ему жалобы, что преступленіе должностного лица сопряжено съ наказаніемъ превышающимъ мѣру указанную въ 33 ст. уст. угол. суд., то онъ обязанъ самъ сообщить жалобу прокурорскому надзору, принявъ мѣры къ пресѣченію обвиняемому средствъ уклониться отъ суда. Это особенно важно для предупрежденія возможности скрыть слѣды преступленія по растратѣ общественныхъ суммъ, потому что въ этомъ случаѣ, во-первыхъ: подсудность зависитъ отъ суммы растраченнаго, которую иногда въ первое время трудно опредѣлить съ точностью, и во-вторыхъ, мировой судья гораздо скорѣе можетъ сдѣлать распоряженіе о задержаніи обвиняемыхъ, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ города, чѣмъ судебный слѣдователь или полиція.

Взысканіе съ крестьянъ слѣдующихъ съ нихъ платежей всякаго рода должно лежать, какъ и теперь, на обязанности и подъ отвѣтственностью старостъ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ старостами своихъ обязанностей лежитъ и теперь на обязанности волостного старосты. Но для того, чтобъ ими дѣйствительно исполнялись въ точности ихъ обязанности и для того, чтобъ казенныя управленія и частныя лица могли скорѣе получить удовлетвореніе по взысканіямъ съ крестьянъ, должно постановить, что всѣ казенныя управленія и частныя лица, со взысканіями съ крестьянъ должны обращаться къ волостному старшинѣ, который и отвѣтственъ по суду за всѣ мѣры принятыя имъ по взысканіямъ. И всѣ жалобы казенныхъ управленій и частныхъ лицъ по неполученію своевременно слѣдующихъ съ крестьянъ платежей, должны приноситься мировому судьѣ на волостного старшину того общества, въ вѣдѣніи коего они находятся, а не на общество и не не старосту.

Волостной старшина, слѣдя за тѣмъ, чтобы сельскіе старосты своевременно принимали узаконенныя мѣры къ взысканію съ крестьянъ, и въ случаѣ неисполненія старостою какого-либо общества, положимъ, по взысканію выкупныхъ платежей за круговою порукою, одного изъ пунктовъ указанныхъ въ ст. 127 пол. о вык., приноситъ на такого старосту жалобу мировому судьѣ, за неисполненіе имъ служебныхъ обязанностей.

Въ случаѣ неуспѣшности мѣръ взысканія, указанныхъ въ ст. 127 пол. о вык. и 261 мѣст. пол., волостной старшина обязанъ принять мѣры указанныя въ ст. 129 пол. о вык. и 262 мѣст. пол., производя для этого *въ случаѣ нужды* съ содѣйствіемъ мѣстной полиціи, а не черезъ полицію, опись и продажу крестьянскаго имущества за круго-

Digitized by Google

вою порукою. Послѣдняя мѣра, какъ одна изъ крайнихъ, должна быть принимаема старшиною не иначе, какъ съ разрѣшенія земской управы или, по крайней мѣрѣ, исправника.

Всѣ приговоры мировыхъ судей по жалобамъ на должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, должны подлежать апелляціи и отвѣтчика и истца, не смотря на мѣру наказанія; потому что ошибочный взглядъ мирового судьи на мѣру упущенія, сдѣланнаго старостой, можетъ вести къ серьезной отвѣтственности старшину.

Такой порядокъ представляетъ ту выгоду сравнительно съ теперешнимъ, что въ случаѣ дѣйствительной невозможности взысканія недоимокъ вслѣдствіе неурожая, падежа и проч., эти факты будутъ строго провѣрены судебными слѣдствіями у мировыхъ судей, а въ болѣе важныхъ случахъ, по апелляціямъ подвергнутся вторичной повѣркѣ съѣздовъ мировыхъ судей; и такимъ образомъ можно будетъ вѣрно судить о необходимости разсрочекъ платежей или о размѣрахъ помощи для лицъ пострадавшихъ отъ мѣстныхъ бѣдствій.

Такимъ способомъ можетъ быть достигнутъ и вообще лучшій порядокъ въ управленіи сельскихъ обществъ; потому что тогда старосты и старшины могутъ быть подвергаемы серьезной отвѣтственности по суду и за неисполненіе обязанностей, возложенныхъ на нихъ ст. 58, 60 и 84 общ. пол., напримѣръ, за неисправное содержаніе моста въ деревнѣ, вмѣсто выговора или, самое большее, денежнаго штрафа въ пять рублей или кратковременнаго ареста по теперешнему порядку, сельскій староста можетъ быть подвергнутъ взысканію до 25-ти руб. на основаніи 69 ст. уст. о нак., нал. мир. судьею.

Если въ первое время при подчиненіи лицъ сельскаго управленія суду мировыхъ судей, у нихъ и прибавится значительно новыхъ дѣлъ, за то въ скоромъ времени за тѣмъ у нихъ убавилось бы дѣлъ по лѣснымъ порубкамъ и потравамъ, вслѣдствіе лучшаго управленія крестьянскихъ обществъ. И вообще нечего бояться слишкомъ большого накопленія дѣлъ у уѣздныхъ мировыхъ судей; въ настоящее время у нихъ въ производствѣ вообще значительно менѣе дѣлъ, чѣмъ у городскихъ (не говоря уже о столичныхъ), потому что большая часть мелкихъ дѣлъ, разбираемыхъ въ городахъ мировыми судьями, въ уѣздахъ подсудны волостнымъ судамъ. А два-три случая строгаго взысканія съ лицъ крестьянскаго управленія заставятъ остальныхъ быть осторожнѣе настолько, что особенно большого количества дѣлъ подобнаго рода ожидать нечего. Разборъ апелляціонныхъ жалобъ крестьянъ на волостныхъ старшинъ, полагаю, можетъ быть возложенъ на почетныхъ мировыхъ судей для облегченія участковыхъ.

Обвиненіе волостныхъ старшинъ и вообще преслѣдованіе ихъ за неисполненіе обязанностей по взысканію казенныхъ и земскихъ повинностей, должно возложить на членовъ полиціи, для которыхъ эта

Digitized by Google

обязанность въ сущности несравненно легче теперь лежащей на нихъ обязанности прямого, непосредственнаго взысканія повинностей съ крестьянъ, хотя не по закону, но на дѣлѣ.

Въ постановленіяхъ мировыхъ судей по взысканіямъ съ лицъ крестьянскаго управленія за упущенія по должности, отнюдь не должно быть указаній, что староста или старшина обязанъ принять ту или другую мѣру; потому что такія указанія весьма легко могутъ обратиться въ направленіе дѣятельности лицъ крестьянскаго управленія и опять дадутъ имъ возможность укрываться отъ прямой, непосредственной отвѣтственности приказаніями мировыхъ судей, какъ теперь укрываются за мировыми посредниками. Въ постановленіи судьи должно быть только указано, что староста или старшина N, за непринятіе имъ такихъ-то указанныхъ въ законѣ мѣръ, присуждается къ такому-то взысканію. Т. е. старшины и старосты *должны* быть самостоятельны въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, иначе они должны быть подвергаемы судебному преслѣдованію.

Для огражденія обществъ отъ произвола старостъ и старшинъ и для того, чтобы не нарушить правъ, предоставленныхъ сельскимъ сходамъ пунктомъ 15 ст. 51 Общ. Пол., сельскіе сходы должны имѣть право дѣлать постановленія о мѣрахъ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ, и если эти постановленія не противны законамъ, то они обязательны для сельскаго старосты. Если же въ постановленіи схода указаны мѣры, несогласныя съ закономъ или вообще если сельскій сходъ не постановилъ никакихъ мѣръ на этотъ случай, то староста обязанъ принимать тѣ изъ указанныхъ въ законѣ мѣръ, которыя найдетъ удобнѣе, ничѣмъ не стѣсняясь. И потому слѣдовало бы сдѣлать 2-е примѣчаніе объ этомъ, въ дополненіе и разъясненіе статей 261 мѣстн. пол. и 127 пол. о выкупѣ.

За изъятіемъ крестьянскаго управленія изъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ, на ихъ обязанности остаются только повѣрка выкупныхъ сдѣлокъ, актовъ и владѣнныхъ записей крестьянъ государственныхъ имуществъ и иногда неоконченныхъ еще кое-гдѣ разверстаній угодій.

Для производства всѣхъ этихъ дѣлъ, достаточно по одному мировому посреднику на цѣлый уѣздъ; но придется можетъ быть увеличить его содержаніе; такъ какъ ему придется по повѣркѣ актовъ разъѣзжать по всему уѣзду и надо будетъ увеличить канцелярію. Если же должность мирового посредника соединить съ должностью посредника полюбовнаго размежеванія съ назначеніемъ ему содержанія до 2,000 руб., то и посредникъ будетъ доволенъ, и земство останется въ выгодѣ. А это соединеніе представитъ еще и ту выгоду, что не придется, какъ часто случается теперь, мировому посреднику откладывать

Digitized by Google

дѣла по выкупнымъ сдѣлкамъ и разверстанію угодій за неокончаніемъ дѣла посредникомъ полюбовнаго размежеванія.

Если же введеніемъ крѣпостныхъ нотаріусовъ предоставить самимъ владѣльцамъ, при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ, представлять мировому посреднику свидѣтельства за скрѣпою нотаріусовъ и казенныхъ палатъ о лежащихъ на имѣніяхъ запрещеніяхъ и взысканіяхъ; и если при томъ предоставить лицамъ недовольнымъ рѣшеніями посредника по спорамъ, возникающимъ при разверстаніи угодій или введеніи владѣнныхъ записей, апеллировать на рѣшенія посредника въ общія судебныя мѣста, то окажется, что и мировые съѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія можно будетъ закрыть, чѣмъ сдѣлается значительная экономія для земства, вообще не имѣющаго возможности удѣлить значительныхъ средствъ ни на медицинскую, ни на ветеринарную части, ни на народныя школы. Переложенію натуральныхъ повинностей въ денежныя препятствуетъ преимущественно неимѣніе средствъ. А не надо забывать, что вездѣ, гдѣ натуральная повинность обращена въ деньги, дается лишній мѣстный заработокъ крестьянамъ и потому увеличиваются ихъ платежныя средства.

Апелляціи на рѣшенія мировыхъ посредниковъ не очень затруднятъ окружные суды, потому что для веденія дѣлъ въ окружныхъ судахъ необходимы денежные расходы, и потому на апелляцію будутъ поступать только серьезныя дѣла и не будутъ встрѣчаться такія пустыя и неосновательныя жалобы, какія нынѣ иногда порядочно затрудняютъ губернскія присутствія.

Лежащія на губернскихъ присутствіяхъ обязанности по повѣркѣ выкупныхъ сдѣлокъ, только нѣсколько облегчаютъ работу главнаго выкупного учрежденія; но какъ теперь выкупныя сдѣлки уже поступаютъ не въ такомъ большомъ количествѣ, то, полагаю, возможно, чтобы мировые посредники, собравъ всѣ данныя и справки о запрещеніяхъ и взысканіяхъ, прямо отправляли выкупныя сдѣлки въ главное выкупное учрежденіе, за что всѣ помѣщики, представляющіе свои имѣнія на выкупъ, сказали бы большое спасибо. Нѣкоторыя же другія дѣла, лежащія на губернскихъ присутствіяхъ, могутъ быть переданы частью въ вѣдѣніе губернскихъ правленій и казенныхъ палатъ, частью, съ изъятіемъ крестьянскихъ управленій изъ ихъ вѣдомства, сами собою уничтожатся.

Н. Х—въ.

Digitized by Google

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го декабря, 1868.

Внутреннее обозрѣніе.

Отношеніе народа у насъ къ дѣлу образованія. — Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія. — Статистика народнаго образованія. — Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія. — Примѣръ Пруссіи. — Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати. — Проектъ о замѣнѣ ея подворною и поземельною. — Оффиціальная печать и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ».

«Бѣдно матеріальное положеніе громадной массы русскаго народа, скудна ея умственная жизнь», вотъ слова, которыя на языкѣ у всѣхъ. *Воля* и *школа* — сказали мы въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній, разсматривая упреки, которые такъ легко бросаютъ въ массу нашего рабочаго населенія—могутъ исправить умственное и матеріальное положеніе народныхъ громадъ. Воля—начало самодѣятельное; какова бы ни была обстановка, какія бы ни встрѣчались случайныя, частныя условія, воля приведетъ народъ къ общимъ, великимъ результатамъ. Пусть только не трогаютъ, не тормозятъ ее самое: ни возбужденія, ни поощренія, ни направленія или попечительства она не требуетъ.

Въ прошлый разъ мы занялись именно этою стороной вопроса и старались доказать, что чѣмъ меньше будутъ касаться воли, тѣмъ меньше будутъ мечтать нѣкоторые органы нашей литературы о какой бы то ни было «подправкѣ» и «подчисткѣ» великаго дѣла освобожденія, о какомъ бы то ни было новомъ законодательномъ регулированіи быта народа въ настоящее время—тѣмъ лучше.

Но въ такомъ ли видѣ представляется другой элементъ успѣха народной жизни, другая наша основная надежда лучшаго въ будущемъ—школа? О ней, о народной школѣ мы хотимъ поговорить теперь, и начнемъ съ неоспоримаго положенія, что школа, какъ средство развитія, какъ рычагъ всякаго успѣха, имѣетъ совсѣмъ иную природу,

Digitized by Google

чѣмъ воля. Природа воли—отрицательная; для того, чтобы человѣкъ, народъ, дышалъ, нужно только *не* стѣснять его дыханіе. Въ школѣ мы встрѣчаемся съ принципомъ положительнымъ; здѣсь у мѣста и частная, и земская, и государственная забота; здѣсь необходимо возбужденіе, здѣсь безъ пособія и безъ руководства дѣло пойти не можетъ.

Въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ много появляется свѣдѣній, относящихся къ народнымъ училищамъ: факты учрежденія училищъ, отчеты училищныхъ совѣтовъ (къ сожалѣнію, не всѣ), нерѣдко даже наблюденія надъ педагогическими результатами проникаютъ въ гласность. Но какъ разнохарактерны наблюдаемые факты, какъ противорѣчивы показанія! То хвалятъ крестьянъ такой-то волости или деревни за выражаемое ими сочувствіе къ школѣ и приводятъ нѣсколько-идиллическіе отзывы «мужичковъ» объ ея благодѣяніяхъ (идиллія въ патріотическомъ родѣ у насъ еще процвѣтаетъ). То сѣтуютъ на глубокое невѣжество простолюдиновъ такой-то мѣстности, которые на-отрѣзъ отказались дать мѣстному отцу-пастырю требуемые имъ 100 рублей за два урока въ недѣлю. То народъ представляется сознательно и ревностно стремящимся къ просвѣщенію, то онъ является какою-то темною массою, излюбившею мракъ, и на картинѣ изображается какой-нибудь просвѣщенный корреспондентъ рядомъ съ помѣщикомъ или батюшкою въ ореолахъ сѣтующаго гуманизма, а на фонѣ—толпа, покрытая тѣнью, удаляющаяся съ ропотомъ: «Дѣды и отцы наши жили безъ грамоты и прожили; Богъ дастъ, проживемъ и мы!»

Между тѣмъ все это—одинъ и тотъ же народъ; великоруссъ ли, малороссъ или татаринъ—всѣхъ ихъ уподобляетъ нужда. И противорѣчіе часто—только кажущееся; нерѣдко несочувствіе къ школѣ, проявляющееся въ одной мѣстности вполнѣ однопричинно и однозначуще съ сочувствіемъ, проявленнымъ другою, къ другой школѣ, при иныхъ условіяхъ.

Постараемся указать общія черты картины.

Прежде всего, учрежденію и содержанію школъ крестьянами препятствуетъ бѣдность. Построить для училища самый неприхотливый домъ, въ которомъ была бы, сверхъ школьной комнаты, квартира для учителя, стоитъ не дешевле 200 рублей, будь онъ изъ дерева или, на югѣ, изъ необожженныхъ кирпичей. На содержаніе учителя и школы тамъ, гдѣ этотъ вопросъ рѣшило земство, найдено нужнымъ 200—300 р. въ годъ, предполагая, что законоучителемъ не будетъ самъ учитель. Такой бюджетъ далеко не для всякой волости, не только одного селенія, легокъ. Есть примѣры, что крестьяне такъ проникаются сознаніемъ необходимости ученья, что дѣлаютъ его обязательнымъ. Такъ, недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» было извѣстіе, что обязательное обученіе введено въ нѣкоторыхъ селахъ въ Кіевской губерніи, и обязательность примѣняется тамъ такъ строго, что мальчиковъ берутъ

Digitized by Google

силою, если родители не шлютъ ихъ учиться. Значитъ, твердое убѣжденіе въ пользѣ ученья явилось тутъ у крестьянъ; а между тѣмъ, изъ извѣстія не видно, чтобы сами села основывали и содержали школы; учатъ же дѣтей преимущественно дьячки и отставные солдаты и учатъ читать только по церковному, при чемъ берутъ «за грамотку 75 коп. и двѣ мѣры пшеницы», «за часословъ 1 р. и три мѣры.»

А къ чему ведетъ умѣнье складывать по часослову, кому оно и дается? Стоитъ ли гнать ребятъ въ осеннее, непроходимо-грязное или суровое зимнее время въ школу, верстъ за пять, когда у нихъ зачастую и кожуха-то нѣтъ, гонять нѣсколько зимъ, для пріобрѣтенія такого проблематическаго знанія? А лѣтомъ и нельзя, мальчикъ нуженъ для работы, и курсъ ученія въ иныхъ училищахъ продолжается всего мѣсяцевъ шесть.

Итакъ — вотъ два важныя препятствія развитію народнаго образованія: бѣдность, недозволяющая большинству крестьянскихъ обществъ учреждать и содержать собственными средствами порядочныя школы, и безполезность «ученья» на дому, у дьячковъ и солдатъ. На помощь крестьянскимъ обществамъ является земство, но и оно невсегда можетъ оказать достаточное содѣйствіе. Напримѣръ, тамбовское уѣздное земство ассигновало на школы въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, въ 1868 году—1187 рублей. Но изъ отчета мѣстнаго училищнаго совѣта мы видимъ, что эта сумма для начала дѣла, для перваго его устройства рѣшительно недостаточна, такъ что совѣтъ признаетъ необходимымъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ со стороны «крестьянскихъ обществъ». Изъ того же отчета оказывается, что крестьянскія общества и тамъ очень хорошо сознаютъ пользу ученія, такъ что платили даже по 50 коп. *въ мѣсяцъ*, за обученіе мальчика, грамотнымъ людямъ, которые учатъ у себя на дому. А школы все-таки не могли завесть, да и при помощи, оказанной земствомъ, не заведутъ безъ особенныхъ, быть можетъ и тяжелыхъ пожертвованій. Когда читаешь разглагольствія о «безучастіи» крестьянъ къ учрежденію школы, надо всегда помнить, что на школу требуется отъ крестьянина его *послѣдній рубль*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, учителей сколько-нибудь способныхъ чрезвычайно мало, и они очень дороги. Малочисленность ихъ сама по себѣ обусловливала бы дороговизну, не говоря уже объ обстановкѣ. Въ Пруссіи учитель сельской школы, отъ котораго требуется несравненно больше познаній, чѣмъ было бы достаточно у насъ, получаетъ среднимъ числомъ 185 талеровъ въ годъ; у насъ за 185 рублей невозможно заставить сколько-нибудь образованнаго человѣка, при нормальныхъ обстоятельствахъ, жить въ деревнѣ учителемъ. Въ весьма интересномъ отчетѣ члена александровскаго уѣзднаго учлищнаго совѣта, барона Н. А. Корфа, мы находимъ текстъ контракта заключеннаго сельскимъ

Digitized by Google

обществомъ съ учителемъ; контрактъ этотъ баронъ Корфъ предлагаетъ въ видѣ образца для прочихъ сельскихъ обществъ. Въ немъ учитель обезпечивается на три года жалованьемъ по 260 рублей, сверхъ квартиры, отопленія и еще 8 четвертей ржи; и вмѣсто квартиры, онъ можетъ брать еще 40 р. Въ приводимомъ случаѣ, учитель былъ хорошій, положимъ не хуже прусскаго. Вотъ, стало быть, у насъ приходится платить 300 р., между тѣмъ какъ въ Пруссіи платятъ 185 талеровъ. А вѣдь нашему селенію, въ среднемъ размѣрѣ, безъ всякаго сравненія труднѣе уплатить хотя бы и 185 рублей, чѣмъ селенію прусскому. Прежде, чѣмъ обвинять крестьянъ, необходимо принять все это въ соображеніе.

Конечно, учителя, знающаго грамоту, можно приманять гораздо дешевле, но результатомъ при этомъ будетъ очень часто полное разочарованіе. Въ отчетѣ бар. Корфа приведено много примѣровъ, что мальчики учатся года, и все-таки не умѣютъ читать. А тѣ учителя въ Кіевской губерніи, которые берутъ рубль за часословъ, какъ вы думаете, много ли они приносятъ пользы? А такихъ учителей и въ казенныхъ школахъ не мало.

Вотъ этимъ-то и объясняется такое, съ перваго раза непонятное явленіе, какъ отказъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ имуществъ, продолжать внесеніе платы на школы, заведенныя у нихъ прежнимъ ихъ начальствомъ. Въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ съ 1830 года вводились волостныя школы, которыя содержались на счетъ обществъ, посредствомъ обязательнаго налога. По инструкціи, изданной въ 1843 году, обученіе въ нихъ было ввѣрено сельскому духовенству, подъ наблюденіемъ духовныхъ властей и министерства народнаго просвѣщенія. Учителю здѣсь опредѣлено было всего 85 рублей, а такъ какъ учителями были священники, обезпеченные другими доходами, то они могли жить. И что же? Послѣ перехода крестьянъ государственныхъ имуществъ на общее положеніе и отмѣны обязательнаго налога, крестьяне стали отказываться содержать эти училища, и ихъ приходится закрывать. Важность такого неблагопріятнаго явленія уясняется цифрами: въ этихъ школахъ, по отчету за 1853 годъ, находилось слишкомъ 153 тысячи учениковъ и учениць.

Чѣмъ объяснить такое важное и неутѣшительное явленіе? Членъ костромского уѣзднаго земства, г. Щепетильниковъ, осматривавшій эти школы въ своемъ уѣздѣ, говоритъ прямо, что несочувствіе крестьянъ къ нимъ объясняется полною ихъ безуспѣшностью. Г. Вессель, изъ статьи котораго, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за прошлый сентябрь, мы извлекаемъ нѣкоторыя важныя для насъ данныя о народныхъ школахъ, выражается такъ:

«Могло ли случиться такое печальное явленіе, еслибъ обученіе въ бывшихъ сельскихъ государственныхъ и удѣльныхъ училищахъ приносило *пользу* кресть-

Digitized by Google

нямъ? Времени же, чтобы убѣдить крестьянъ въ пользѣ хорошаго ученія, было достаточно,—эти училища существовали болѣе 30 лѣтъ. Но помимо всѣхъ злоупотребленій, которыя могли существовать въ управленіи училищами, помимо невѣрности оффиціальныхъ отчетовъ, и ученіе не могло идти хорошо въ сельскихъ училищахъ, потому что въ дѣйствительности не было *сколько-нибудь порядочныхъ учителей.*»

Обученіе въ этихъ школахъ, какъ мы уже сказали, было ввѣрено сельскому духовенству; священники заняты требами, да и обезпечены иначе; они не могутъ смотрѣть на дѣятельность въ школѣ, какъ на главную свою цѣль. Въ отчетѣ бар. Корфа указаны случаи, что священники, при наступленіи весенняго времени и праздниковъ, оставляли школы на продолжительное время. Это вполнѣ естественно: праздники обезпечиваютъ священника доходомъ по его прямой профессіи, а сверхъ того для него важно и полевое хозяйство. Какой же онъ учитель? Тутъ нуженъ человѣкъ, который бы посвящалъ себя школѣ, а не занимался ею между прочимъ; послушаемъ, что говоритъ объ этомъ баронъ Корфъ, въ своемъ отчетѣ:

«Мы могли бы привесть немало *письменныхъ* доказательствъ, что обязанности священника по сану лишаютъ его возможности посвятить себя школѣ, и мы слышали отъ священниковъ, что имъ нужно бы положить около 800 руб. сер. жалованья, для того, чтобы потребности семьи были настолько удовлетворены, чтобы»... и т. д.

И вотъ, преподаваніе остается въ рукахъ дьякона, гдѣ онъ есть, а то дьячка, и происходитъ убійственная, безплодная трата времени надъ церковными складами. Да и самъ сельскій священникъ, въ большинствѣ случаевъ, едва ли можетъ быть способнымъ учителемъ, если школа, кромѣ церковно-славянской грамоты, должна еще давать какое-нибудь умственное развитіе. Вспомнимъ, что по оффиціальному признанію высшаго духовнаго вѣдомства, выраженному недавно въ циркулярѣ, въ самыхъ семинаріяхъ методъ обученія все еще основанъ на механическомъ затверживаньи уроковъ. Лица духовнаго званія не могутъ не дѣлать этого метода краеугольнымъ камнемъ преподаванія, въ особенности въ начальной, народной школѣ, гдѣ именно требуется уже значительная степень развитія учителя, чтобы онъ не поставилъ всего преподаванія на такъ-называемой «зубристикѣ.»

Когда въ 1824 году, послѣ того кризиса въ правительственномъ взглядѣ на народное просвѣщеніе, который былъ недавно разсказанъ въ «Вѣстникѣ Европы,» въ статьѣ «Русское библейское общество», вступилъ въ управленіе этимъ вѣдомствомъ адмиралъ Шишковъ, то въ указаніяхъ своихъ комитетамъ, учрежденнымъ для пересмотра системы преподаванія, онъ писалъ: «излишніе предметы уничтожить...; кромѣ того, *очистить всѣ науки* отъ непринадлежащихъ къ нимъ гибельныхъ умствованій.» По убѣжденію извѣстнаго рода педагоговъ

Digitized by Google

и нашего времени, умствованіе вообще *не принадлежитъ къ наукѣ* и едвали вообще не гибельно.

Поучительно справиться съ цифрами. «Статистическій Временникъ» даетъ относительно народныхъ школъ во всей имперіи такія данныя:

Народныхъ школъ . .	33.638; въ нихъ учащихся	778.709 душ. муж. п. 149.307 — жен. — 928.016 д. об. п.
Училищъ всѣхъ родовъ и разрядовъ (со включеніемъ и народныхъ школъ) . .	36.343; — — —	957.161 душ. муж. п. 108.612 д. ж. п. 1.065.773 д. об. п.

Между тѣмъ въ «Памятной книжкѣ» министерства народнаго просвѣщенія на 1865 годъ (которой цифры были въ виду у составителей «Ст. Временника», какъ они объясняютъ), мы находимъ слѣдующія данныя объ училищахъ и учащихся, состоявшихъ *въ этомъ вѣдомствѣ:*

Приходскихъ и начальныхъ училищъ	1124; въ нихъ учащихся	49.320 душ. муж. п. 7.319 — ж. —
Народныхъ училищъ въ западныхъ губерніяхъ . .	431; — — —	14.325 — м. п. 1.179 — ж. п.
Частныхъ училищъ на степени приходскихъ и элементарныхъ	846; — — —	7.213 — м. п. 6.608 — ж. п.
Всего начальныхъ училищъ и учащихся, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія .	2401; — — —	85.964
Общее же число всякаго разряда заведеній подвѣдомственныхъ министерству и учащихся въ нихъ (со включеніемъ и начальныхъ)	3531; въ нихъ учащихся	151.571 душ. муж. п. 42.762 — жен. п. 194.333 душ. об. п.

Мы не имѣемъ основанія не вѣрить въ равной степени обоимъ нашимъ источникамъ, которые оба оффиціальны. Но вотъ что́ оказывается изъ сопоставленія этихъ цифръ. Во-первыхъ—министерству народнаго просвѣщенія подвѣдомственна *одна четырнадцатая часть* народныхъ школъ въ имперіи, такъ что справедливѣе было бы называть его министерствомъ одной четырнадцатой части народнаго

Digitized by Google

просвѣщенія. Во-вторыхъ, изъ всего числа учащихся во всякаго рода училищахъ въ имперіи, министерству народнаго просвѣщенія подвѣдомственно менѣе одной *пятой* части. А потому, тѣ положенія и предположенія, которыя пишетъ министерство, далеко еще не обусловливаютъ всего хода образованія въ государствѣ. Необходимо было бы приходскія духовныя и уѣздныя училища подчинить министерству, введя въ нихъ общую систему преподаванія. *Спеціальное* духовное образованіе не можетъ начинаться съ начальныхъ училищъ; мы боимся требовать слишкомъ многаго, предлагая замѣнить духовныя академіи богословскими факультетами при университетахъ, хотя убѣждены, что только этимъ путемъ и можетъ быть уничтожено отчужденность духовенства отъ общества и обезпечено всестороннее умственное развитіе самого духовенства. Пусть академіи и семинаріи — если иначе нельзя, останутся въ духовномъ вѣдомствѣ; но почему ему должны быть подчинены напр. уѣздныя духовныя училища? Теперь уже необходимость *общаго* начальнаго воспитанія, независимо отъ того, какую спеціяльность изберутъ ученики впослѣдствіи, кажется, достаточно сознана. Но у насъ часто не достаетъ мужества примѣнить логически начало сознанное, а еще чаще это зависитъ отъ того, что *некому* требовать такого примѣненія. Отъ министра народнаго просвѣщенія, иногда по самому положенію его, нельзя ожидать, чтобы онъ смотрѣлъ на школу не спеціяльно-духовную, какъ на учрежденіе свѣтское, главная цѣль котораго есть—умственное развитіе. Можно ли было ожидать этого во время, напр., управленія кн. Голицына, который былъ вмѣстѣ и министромъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія?

Мы видѣли выше, что у насъ на 70 милліоновъ душъ считается съ небольшимъ 900 тысячъ учащихся въ народныхъ училищахъ. Въ Пруссіи же, въ 1864 году, на 19.226.270 жителей было 3.457.300 дѣтей обязанныхъ первоначальному обученію, и изъ нихъ 3.026.253 дѣйствительно посѣщали элементарныя школы. Изъ остальныхъ обязанныхъ обученіемъ, часть находилась въ высшихъ школахъ, часть неуспѣла еще поступить въ школу по недостиженію возраста ко времени установленному для пріема въ школы, часть была освобождена отъ школы по законнымъ причинамъ. Затѣмъ изъ всего слишкомъ 19-ти-милліоннаго населенія Пруссіи въ 1864 году, только о 15½ *тысячахъ* дѣтей не было свѣдѣній, получаютъ ли они образованіе.

Дѣло въ томъ, что въ Пруссіи обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей 6—14-лѣтняго возраста. И если мы сравнимъ даже удовлетворительныя изъ нашихъ народныхъ школъ съ прусскою элементарною школою, какую громадную разницу увидимъ мы! У насъ слава Богу, если дѣти научаются хоть грамотѣ, закону Божію и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики. Это да церковное пѣніе — вотъ весь

Digitized by Google

курсъ, какъ онъ опредѣленъ 3 ст. «Положенія о народныхъ начальныхъ училищахъ». Между тѣмъ, въ программу прусской элементарной школы входятъ и ознакомленіе съ географіею, и изложеніе мыслей письменно на нѣмецкомъ и, сверхъ того, на родномъ языкѣ (для инородцевъ), и гимнастика, и наглядное ознакомленіе съ простѣйшими началами естествовѣдѣнія и рисованіе. Прусская элементарная школа признается образцовою въ Европѣ и основанія ея вводятся и во Франціи, и въ Англіи.

Намъ далеко еще до прусской школы, далеко въ особенности потому, что у насъ почти нѣтъ учительскихъ семинарій, которыхъ въ Пруссіи 55, съ 3,409 учениками. Но мы должны стремиться къ тому, чтобы постепенно слѣдовать хоть издалека за этимъ блестящимъ образцомъ. Для этого нужно сосредоточить первоначальное образованіе въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія и усилить средства, отпускаемыя на этотъ предметъ государствомъ. Полутора милліона р. (теперь, впрочемъ 1 м. 800 т. р.), отпускаемаго по бюджету на начальныя училища *вмѣстѣ съ уѣздными*, слишкомъ мало. Въ самой Англіи, гдѣ казна не щедра на помощь обществу, она даетъ почти половину этой суммы на однѣ учительскія семинаріи!

Дѣйствующее у насъ «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ», 14-го іюля 1864 года, составленное при А. В. Головнинѣ, въ свое время было немаловажною заслугой этого министра. Этимъ положеніемъ учреждены губернскіе и уѣздные совѣты, въ которыхъ есть члены отъ министерства, отъ духовнаго вѣдомства и отъ земства, и этимъ-то *смѣшаннымъ* учрежденіямъ поручено наблюденіе за всѣми вообще народными школами. Это уже была попытка къ сосредоточенію дѣла народнаго образованія и достаточно пробѣжать отчеты, печатаемые въ вѣдомостяхъ, чтобы убѣдиться въ большой пользѣ, какую приносятъ эти совѣты, въ особенности уѣздные, ближе стоящіе къ дѣлу. Но не трудно понять, что въ такихъ смѣшанныхъ учрежденіяхъ единодушіе и равная заботливость собственно объ умственномъ развитіи учениковъ не могутъ быть непреложнымъ правиломъ. Успѣхъ всего дѣла былъ бы гораздо болѣе обезпеченъ, если бы ст. 2 положенія 1864 года, исчисляющая подраздѣленіе училищъ по вѣдомствамъ, была замѣнена такою, которая просто подчиняла бы всѣ народныя училища, какимъ бы вѣдомствомъ они основаны ни были, непосредственному управленію министерства, съ участіемъ представителей земства.

Денежное пожертвованіе со стороны государства въ особенности необходимо для учрежденія учительскихъ семинарій. Это—корень всего дѣла, а между тѣмъ ожидать отъ общества основанія учительскихъ семинарій нѣтъ возможности. Даже въ Англіи, этой родинѣ общественной инціативы, правительство издерживаетъ ежегодно около 700 т.

Digitized by Google

рублей на 35 такихъ семинарій. У насъ же ихъ совсѣмъ нѣтъ, за исключеніемъ молодечнянской и дерптской, которая, на казенныя деньги, приготовляетъ нѣмцевъ въ учителя латышамъ. Недавно-основанный историко-филологическій институтъ, конечно, не будетъ разсадникомъ учителей для начальныхъ школъ. Съ 1786 года, когда началось у насъ устройство народнаго образованія, мы еще не успѣли сдѣлать ничего болѣе. За то мы въ это время раза три перемѣняли въ разныхъ «духахъ» весь планъ преподаванія.

Гораздо успѣшнѣе школъ принялись на нашей почвѣ желѣзныя дороги. Сѣть ихъ, за какіе-нибудь 18-ть лѣтъ, охватила около 7 тысячъ верстъ, и теперь говорятъ уже о распространеніи ея до 12 тысячъ верстъ, что́ на первое время, конечно, будетъ достаточно. Торопиться въ этомъ дѣлѣ было необходимо до созданія главныхъ линій; онѣ должны были устранить ту внутреннюю нашу слабость, которая обусловливается громаднымъ пространствомъ; но отношенія численности населенія къ пространству желѣзныя дороги измѣнить не могутъ, а это отношеніе, то-есть, выражаясь иными словами, рѣдкость населенія обусловливаетъ недоходность второстепенныхъ линій. Недоходность ихъ легко предвидѣть, но это обстоятельство само по себѣ не всегда ограничиваетъ желѣзно-дорожную предпріимчивость такъ, какъ оно ограничиваетъ предпріимчивость всякаго иного рода. Въ желѣзно-дорожной предпріимчивости есть средство обойти естественную недоходность, именно—гарантія правительства или земства. Но въ предоставленіи гарантій того и другого рода нужна осторожность тѣмъ болѣе, что у насъ еще нѣтъ данныхъ, чтобы судить съ нѣкоторою достовѣрностью о результатахъ такого смѣшаннаго образа желѣзно-дорожнаго строительства. Иначе слово «гарантія», можетъ сдѣлаться синонимомъ растраты казенныхъ или общественныхъ денегъ, а въ результатѣ окажется набиваніе кармановъ спекулянтами, польза чего не превыситъ пользы покойной откупной системы, т. е. явятся тѣже невѣжественные капиталисты, проживутъ въ свое удовольствіе безъ труда добытыя деньги, и male parta male dilabuntur! Однимъ словомъ, современные намъ концессіонисты могутъ скоро заставить забыть прежнихъ откупщиковъ, и откупщики, потирая руки, заговорятъ: «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»! Мы знаемъ до сихъ поръ только то, что единственное желѣзно-дорожное предпріятіе съ такими условіями дѣйствующее уже нѣкоторое время, именно Главное Общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, умѣло задолжать казнѣ 80 милл. рублей.

Вопросъ о гарантіи желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ со стороны земства не рѣшенъ даже въ юридическомъ смыслѣ; *кто́* имѣетъ право обязывать всѣхъ членовъ земства такою отвѣтственностью и *что́* можетъ служить ея обезпеченіемъ: одни ли земскіе сборы или и все иму-

Digitized by Google

щество членовъ земства? Послѣднее едва ли можно допустить безъ всякаго согласія и обязательства собственниковъ; первое же на практикѣ едва ли не окажется эфемернымъ, такъ какъ большая часть земскихъ сборовъ имѣетъ свое прямое и непремѣнное назначеніе. Мосальское уѣздное земское собраніе имѣло право протестовать противъ обязательности для мосальскаго земства гарантіи на калужско-брянскую дорогу, предоставленную калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, протестовать на томъ основаніи, что этотъ вопросъ долженъ быть обусловленъ предварительнымъ согласіемъ уѣздныхъ собраній. Но если обезпеченіемъ гарантіи частнаго предпріятія должно служить и имущество всѣхъ членовъ земства, то едва ли и каждому изъ этихъ членовъ не принадлежало бы право такого же протеста, какой заявило мосальское уѣздное собраніе. Вопросъ этотъ не рѣшенъ, хотя гарантія отъ земства фактически допущена правительствомъ, чему въ минувшемъ мѣсяцѣ былъ новый примѣръ: выдача концессіи на постройку тамбовско-саратовской дороги съ гарантіею губернскаго саратовскаго и уѣзднаго кирсановскаго земствъ. Впрочемъ, по поводу этой концессіи былъ именно слухъ, что правительство не намѣрено болѣе утверждать концессій подъ условіемъ гарантіи отъ земства. Это понятно, такъ какъ утвержденіе концессіи съ подобнымъ условіемъ правительствомъ косвенно какъ бы налагаетъ на него же отвѣтственность въ состоятельности выполненія земствомъ условія, утвержденнаго законодательною властью.

Что касается собственно правительственной гарантіи по желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, то главныя линіи желѣзныхъ дорогъ до такой степени настоятельно необходимы Россіи, что нельзя было останавливаться и передъ этимъ неизбѣжнымъ условіемъ скорѣйшей ихъ постройки. Но относительно линій второстепенныхъ необходима величайшая осторо́жность, чтобы излишне не обременить и безъ того несильнаго государственнаго кредита массою новыхъ обязательствъ. Надо помнить, что на казнѣ лежитъ уже громадная гарантія выкупной крестьянской операціи въ видѣ рентъ по выкупнымъ свидѣтельствамъ. Желѣзно-дорожная предпріимчивость—такое дѣло, въ которомъ легче всего можетъ появиться искусственная, лихорадочная дѣятельность; устоять противъ такой лихорадки, повлекшей за собой кризисы въ Англіи и Франціи, должно быть задачею нашего правительства. Осмотрительность въ выдачѣ гарантій и раціональная, твердая классификація предположенныхъ линій по степени обѣщаемой ими пользы и вѣроятной ихъ доходности — совершенно необходимы.

Эти соображенія вызвали въ минувшемъ же мѣсяцѣ другой замѣтный фактъ по нашему желѣзно-дорожному дѣлу вообще, именно назначеніе новаго высшаго комитета желѣзныхъ дорогъ, для установленія на твердыхъ началахъ нашей желѣзно-дорожной политики. Цѣль

Digitized by Google

комитета окончательно опредѣлить сѣть желѣзныхъ дорогъ и установить порядокъ, въ которомъ должна быть направляема или благопріятствуема частная предпріимчивость въ этомъ дѣлѣ; при этомъ, какъ слышно, будетъ опредѣлено и нормальное число верстъ, на которое будетъ разрѣшаться ежегодно постройка желѣзныхъ дорогъ.

Въ учрежденіи этого комитета, повторимъ, высказалась и необходимость сознательной желѣзно-дорожной политики, и финансовая забота. И то и другое вполнѣ естественны. Финансовыя соображенія должны обусловливать и, въ извѣстномъ смыслѣ, ограничивать это дѣло, но едва ли они одни должны *руководить* имъ. Въ установленіи желѣзно-дорожной политики на первомъ планѣ должно стоять взаимное согласованіе всѣхъ путей въ государствѣ. Желѣзныя дороги имѣютъ, какъ извѣстно, и стратегическое значеніе; въ первыхъ построенныхъ у насъ линіяхъ едва ли даже не отразилась преимущественно именно стратегическая мысль. Однакоже руководство желѣзно-дорожнымъ дѣломъ не было передано, на этомъ основаніи, военному министерству; сколько извѣстно, оно даже и не подавало подобной мысли. Трудно потому допустить, чтобы и министерство финансовъ въ настоящее время взяло на себя утверждать, будто въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ «рѣшающій голосъ подобаетъ министру финансовъ», и будто такое соображеніе вошло даже въ докладъ, составленный г. министромъ финансовъ по возвращеніи его изъ-за границы, — какъ то недавно сообщилъ одинъ корреспондентъ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

Возвращаясь къ общему ходу желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, упомянемъ о томъ утѣшительномъ фактѣ, что доходность нашихъ желѣзныхъ дорогъ быстро возрастаетъ. Такъ, за первую половину текущаго года, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, валовой сборъ съ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ первою половиною прошлаго года, доставилъ 2 милліона 123 слишкомъ тысячи рублей. Особенно замѣчательно возрастаніе сбора по николаевской дорогѣ (1 м. 143 т. р. за тотъ же періодъ), которое вѣроятно не остановится на цифрѣ 15 милліоновъ. Возрастаніе валового сбора должно быть явленіе общее дорогамъ частнымъ съ правительственными, и вотъ фактъ, дающій нѣкоторое основаніе надеждѣ, что въ будущемъ, правда, еще далекомъ, частныя дороги у насъ устоятъ и безъ правительственной гарантіи. Но какое бы развитіе ни получили наши желѣзныя дороги, и какъ бы ни оказалось велико ихъ вліяніе на экономическое положеніе государства, никто, конечно, не можетъ ожидать отъ нихъ однихъ полной реформы въ нашемъ хозяйствѣ. Средства государства требуютъ болѣе всего — самоограниченія, сбереженій; экономическій бытъ народа нуждается въ облегченіи лежащей на народѣ тягости нынѣшней финансовой системы.

Digitized by Google

Одна изъ сторонъ нашей финансовой системы, наиболѣе требующая реформы, это—податная система. Прямые налоги въ нашемъ государственномъ бюджетѣ (безъ налоговъ на право торговли) представляются крупною цифрою, почти 80½ милл. р. Они составляютъ второй, по значительности, источникъ всего государственнаго дохода. Въ общей суммѣ нашихъ налоговъ, 266½ милл., прямыя подати составляютъ около трети. Такое значительное участіе прямыхъ податей въ государственныхъ доходахъ представляетъ одну изъ особенностей нашего бюджета.

Въ иностранныхъ языкахъ существуетъ терминъ: «*предметъ*, на который падаетъ подать» (la matière imposable, Besteuerungs-Material); у насъ даже нѣтъ такого выраженія; за то у насъ есть своеобразный терминъ: «податныя *сословія*». Различіе финансовыхъ системъ сказывается и въ языкѣ. Дѣйствительно, почти вся тяжесть налоговъ у насъ лежитъ на этихъ сословіяхъ; «харачъ», который платили христіане въ Турціи за право существованія, казался намъ возмутительною и несправедливою тягостью. Но нѣчто весьма похожее на харачъ представляетъ наша податная система. Харачъ, какъ извѣстно, былъ десятина съ сельскаго хозяйства и промысловъ райи; но, по крайней мѣрѣ, онъ освобождалъ райю отъ военной службы. А если у насъ крестьянину въ сложности приходится платить за свою собственную душу 15 рублей въ годъ, то можно ли утверждать, что въ среднемъ размѣрѣ это представляетъ менѣе той же десятины? Мѣстами это, навѣрное, представляетъ болѣе и, сверхъ того, крестьянинъ подлежитъ и рекрутчинѣ.

«Податныя сословія» у насъ оплачиваютъ почти весь питейный сборъ—119½ милл. р.; прямыя подати: подушную и государственный земскій сборъ—80½ милл. р.,—несутъ свою часть земскаго сбора общественнаго, платятъ выкупные платежи и оброкъ, содержатъ свое волостное управленіе и, сверхъ того, отбываютъ натуральныя повинности, въ томъ числѣ тяжкую постойную и еще болѣе тяжкую—рекрутскую. А что значитъ отбываніе рекрутской повинности? значитъ, что каждая крестьянская семья должна или лишиться, по меньшей мѣрѣ, одного работника, или уплатить единовременно, по меньшей мѣрѣ, 570 рублей.

Всю тяжесть своей финансовой системы мы сосредоточили въ самомъ основаніи населенія, которымъ содержится государство. Устойчивость финансоваго зданія отъ этого, быть можетъ, выиграла въ извѣстномъ смыслѣ: фабрикантъ, землевладѣлецъ, если вы обложите ихъ чрезмѣрными податями, будутъ громко жаловаться, а наконецъ, одинъ сократитъ свое производство, а другой откажется, въ крайнемъ случаѣ, отъ своей земли. Но ни того, ни другого не дѣлаютъ наши «податныя сословія»; ни сократить производства, ни отказаться отъ земли

Digitized by Google

для избѣжанія налога они не могутъ, потому что налогъ падаетъ на ихъ личность, и взносъ его обезпечивается круговою порукой, падаетъ не на излишекъ ихъ дохода, который можно исчислить и сообразовать съ налогомъ, а на удовлетвореніе ихъ первыхъ, необходимыхъ потребностей.

Подушная подать не соотвѣтствуетъ, такимъ образомъ, одному изъ коренныхъ условій правильности налоговъ, которое Ад. Смитъ, а за нимъ и Милль опредѣляютъ слѣдующимъ образомъ:

«Всякій налогъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, уплата его обходилась плательщику только незначительно-дороже того, что этотъ налогъ дѣйствительно доставляетъ казнѣ».

А въ числѣ условій, которыя нарушаютъ это начало, Ад. Смитъ ставитъ:

1) «Когда наказанія за неплатежъ налога часто приводятъ податныхъ къ разоренію, и такимъ образомъ лишаютъ общество всѣхъ выгодъ, какія оно могло бы получить отъ ихъ капиталовъ или труда. 2) Когда вслѣдствіе существованія извѣстнаго налога, частныя лица бываютъ подвержены частому и нестерпимому наблюденію взимателей надъ обложеннымъ имѣніемъ или дѣятельностью, и когда налогъ влечетъ за собою лишнія стѣсненія и непріятности для плательщиковъ.»

Всѣ эти условія неправильности налога осуществляются нашею круговою порукою и нашею паспортною системою для податныхъ, — которыя такъ тѣсно связаны съ налогомъ, падающимъ не на имѣніе, не на строенія или землю, а на личность, на самое право заработка.

Недоимки въ сборѣ подушной подати—явленіе нормальное. Общая цифра поступленія нашихъ прямыхъ налоговъ за послѣдніе годы, правда, возрасла, но это зависѣло отъ новаго положенія о пошлинахъ за право торговли. Изъ отчета же государственнаго контроля, по дѣйствительному исполненію смѣты 1866 года, видно, что главный недоборъ — по податямъ подушной и оброчной съ государственныхъ крестьянъ.

Въ печати не разъ уже высказывалось ожиданіе, что преобразованіе коснется, наконецъ, нашей податной системы уже потому, что эта старая система не соотвѣтствуетъ другимъ, вошедшимъ уже въ русскую жизнь, реформамъ. Такъ, подушная подать, съ нынѣшними ея условіями, несогласима съ тѣмъ частнымъ правомъ отказа отъ земли, которое вступитъ въ силу съ 1870 года, и на которое недавно указывалъ въ нашемъ журналѣ Н. П. Колюпановъ. Такъ, уставъ о земскихъ повинностяхъ не приведенъ въ соглашеніе съ введеніемъ земскихъ учрежденій.

Вотъ уже девять лѣтъ, какъ работаетъ спеціальная коммиссія, которой порученъ пересмотръ нашей податной системы. Плодами тру-

Digitized by Google

довъ этой коммиссіи за послѣдніе два года былъ пересмотръ горнаго устава, проектъ новаго устройства постойной повинности, и обсужденіе разныхъ проектовъ, имѣющихъ отношеніе къ финансовымъ вопросамъ. По нѣкоторымъ вопросамъ, и именно по вопросу о преобразованіи земскихъ сборовъ, коммиссія только собирала матеріялы. Но, какъ теперь оказывается, относительно подушной подати коммиссія составила проектъ, котораго главныя основанія были выработаны ею еще въ 1863 году.

Какъ слышно, коммиссія предположила замѣнить подушную подать и ту часть государственнаго сбора, которая взимается подушно, — *подворною податью* и *поземельнымъ налогомъ*. Изъ появившихся въ газетахъ извѣстій о предположеніяхъ коммиссіи, мы остановимся на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ «Московскими Вѣдом.», свѣдѣніями, очевидно, исходящими изъ среды, близкой самой коммиссіи. Сумма подушной подати и душевого оклада государственнаго земскаго сбора составляетъ 63 милл. р. Подушную подать, которая составляетъ около $^2/_3$ этой суммы, предполагается замѣнить подворною; душевой окладъ государственнаго земскаго сбора предположено замѣнить налогомъ поземельнымъ.

Подворная подать будетъ взимаема со двора, а поземельный налогъ падетъ на угодья. Предполагается установить разные размѣры того и другого вида податей, сообразно съ условіями мѣстностей, такъ, чтобы поземельный налогъ былъ выше тамъ, гдѣ главный доходъ крестьянина получается отъ земли, а подворная подать выше тамъ, гдѣ земля ниже качествомъ. Средніе же оклады составили бы, по предположеніямъ коммисіи: 5 р. 50 к. со двора, и 18 к. съ десятины; впрочемъ, эти цифры имѣютъ только тотъ смыслъ, что будучи помножены на число крестьянскихъ дворовъ и десятинъ земельнаго надѣла крестьянъ, составляютъ сумму, которая приближалась бы къ суммѣ нынѣшняго дохода казны отъ подушной подати и душевого земскаго сбора.

Сумма подворнаго налога будетъ распредѣлена между губерніями, сообразно мѣстнымъ экономическимъ условіямъ, разъ навсегда, а сумма поземельнаго налога на шесть лѣтъ: при этомъ разверстка суммы обоихъ налоговъ, слѣдующей съ губерніи, будетъ предоставлена земскимъ учрежденіямъ, а за отсутствіемъ ихъ—губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ и особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіямъ, и затѣмъ утверждаема въ законодательномъ порядкѣ. Наконецъ, въ каждомъ обществѣ разверстка будетъ предоставлена ему самому, при чемъ предполагается установить максимумъ для одной усадьбы и одного надѣла.

Что въ реформѣ, о которой мы говоримъ, на первомъ планѣ долж-

Digitized by Google

на стоять именно замѣна *лица*, или рабочей силы *предметомъ*, т. е. строеніемъ или землею—это очевидно; въ этомъ сущность вопроса.

Относительно оставленія круговой поруки въ уплатѣ государственныхъ податей надъ селеніями, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, слѣдуетъ замѣтить, что круговая порука вовсе не есть органическое условіе самой общины. Что общинное устройство можетъ быть выгоднѣе при существованіи круговой поруки, это такъ, и это доказывается указываемыми коммиссіею примѣрами перехода крестьянъ съ участковаго хозяйства на общинное, подъ гнетомъ круговой поруки. Но общинное устройство еще не предполагаетъ непремѣнно круговой поруки въ уплатѣ податей; круговая порука у насъ, правда, была связана съ общиной, но все-таки сама она была не *общиной*, а *закрѣпощеніемъ общины*, это была община въ кабалѣ.

Въ заключеніе повторимъ то, что̀ вытекаетъ изъ фактовъ, съ которыхъ мы начали, повторимъ, что надъ всѣмъ этимъ вопросомъ о видахъ преобразованія податной системы у насъ преобладаетъ необходимость распредѣленія податного бремени, съ большей равномѣрностью, на всѣ сословія государства. Какъ ни преобразуйте подати съ мелкихъ землевладѣльцовъ, то-есть крестьянъ, если вы оставите почти все бремя податей на нихъ, то въ сущности ваша податная система будетъ все-таки падать на личный трудъ, на рабочую силу, а не равномѣрно на производительность и капиталъ всей страны.

Труды податной коммиссіи напечатаны, труды коммиссіи составившей новый тарифъ также опубликованы. Вообще, можно сказать, что у нашей администраціи уже установился обычай до нѣкоторой степени знакомить публику съ составленіемъ законодательныхъ проектовъ и даже вызывать иногда, путемъ гласности, общественное мнѣніе о нѣкоторыхъ законодательныхъ предположеніяхъ.

Но и самое примѣненіе законоположеній, результаты, оказываемые административною практикою, естественно, очень интересуютъ общество, и для администраціи могло бы быть только выгодно почаще ознакомлять съ ними публику, давая ей такія практическія объясненія, которыя указывали бы необходимость той или другой, предпринимаемой мѣры. Общество, съ своей стороны, зная въ общихъ чертахъ ходъ того или другого дѣла, могло бы предъявлять самой администраціи указанія, которыхъ полезность не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вѣдь и администрація не вездѣсуща и не всезнающа, и предъявлять эти указанія *во время*, когда мѣра еще непринята окончательно; потомъ она публикуется только для исполненія, такъ что взгляды, заявляемые о ней обществомъ, уже не могутъ принесть пользы. Невыгодность этого послѣдняго положенія всего лучше выразилась.

Digitized by Google

недавно на измѣненіи въ почтовой таксѣ на пересылку газетъ и журналовъ: ошибочная сторона этой мѣры выяснена теперь до очевидности печатью, но это случилось уже тогда, когда мѣра состоялась законодательнымъ порядкомъ и можетъ быть измѣнена не иначе, какъ посредствомъ дополненій.

Вообще, едвали можно сомнѣваться, что чѣмъ болѣе связи между администраціею и обществомъ, тѣмъ болѣе обезпечены обоюдные интересы, и разныя управленія не безъ основанія сочли нужнымъ имѣть органы для ознакомленія публики со своими предположеніями и распоряженіями. Теперь такое раздробленіе «правительственной мысли» на разные органы признано неудобнымъ, и съ новаго года, какъ извѣстно, у насъ будетъ выходить единственная оффиціяльная газета: «Правительственный Вѣстникъ», въ которомъ сосредоточатся всѣ правительственныя извѣстія, сообщенія, опроверженія и разъясненія. Такимъ образомъ, въ числѣ оффиціальныхъ изданій, существовавшихъ донынѣ, прекращается и оффиціяльный «Инвалидъ», дѣятельность котораго была такъ сочувственна внутреннимъ великимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, что за границею, какъ мы замѣтили въ послѣдній разъ, враги этихъ реформъ обзывали «Русскій Инвалидъ» демократическимъ органомъ, желая, вѣроятно, внушить тѣмъ нашему правительству недовѣріе къ этому почтенному изданію.

Признаётъ ли правительство удобнѣе для себя, для самого дѣла администраціи, существованіе нѣсколькихъ оффиціяльныхъ органовъ, или одного общаго—это вопросъ, по которому посторонніе совѣты ему не нужны. Мы думаемъ только, что мѣра эта едва ли вполнѣ осуществится; строго примѣненная, она конечно повела бы къ уничтоженію и къ закрытію разныхъ оффиціяльныхъ журналовъ, представителей какой-то «оффиціальной литературы», какъ напр. «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. д. Строго говоря, едва ли «Русскій Инвалидъ» не былъ полезнѣе «Военнаго Сборника», и «Указатель распоряженій по министерству финансовъ» (которыя съ такою полнотою не могутъ быть печатаемы въ общемъ «Правительственномъ Вѣстникѣ») едва ли не былъ болѣе нуженъ, чѣмъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», который дорого стóитъ и обременяетъ своею *обязательною* подпискою слишкомъ невеликія средства нашихъ учебныхъ заведеній; такъ что, въ концѣ концовъ, существованіе такого журнала равняется обращенію части денегъ, назначенныхъ непосредственно на народное образованіе, — на содержаніе редакціи и увеличеніе доходовъ типографіи. Безъ сомнѣнія, въ исторіи каждаго министра народнаго просвѣщенія будутъ считать число школъ, основанныхъ въ его управленіе, а не число книгъ журнала, изданныхъ имъ въ годъ. Вообще, существованіе отдѣльныхъ органовъ для оффиціяльныхъ сообщеній еще понятно, но суще-

Digitized by Google

ствованіе органовъ для какой-то «оффиціяльной литературы» нуждается еще въ доводахъ своей полезности. Если же новая мѣра не будетъ строго приведена въ исполненіе, то разногласіе между органами правительства все-таки останется возможнымъ, и «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.», можетъ быть, не согласится во многомъ съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ». Впрочемъ, важнѣе всего въ этомъ дѣлѣ, чтобы не ослаблялась та связь между предположеніями администраціи и содѣйствіемъ общества, которая должна быть главной цѣлью и заботою оффиціяльной печати, могущей приносить пользу болѣе всего именно въ этомъ смыслѣ.

Возвращаемся собственно къ «Правительственному Вѣстнику». Какъ Вѣстникъ Правительства, онъ не можетъ быть изданіемъ того или другого министерства, потому что ни одно министерство, отдѣльно взятое, не есть правительство. Въ такомъ случаѣ, является вопросъ: если прежнее разногласіе, на которое указываютъ, происходитъ отъ того, что у каждаго министра былъ свой органъ, то исчезнетъ ли это разногласіе, только оттого, что различныя распоряженія и соображенія будутъ помѣщаться на одной страницѣ. Министры не находятся въ такомъ отношеніи къ Главному правленію по дѣламъ печати, чтобы ему поручить соглашенія между собою. Изданіе «Прав. Вѣст.» при какомъ-нибудь высшемъ государственномъ учрежденіи могло бы еще пожалуй объяснить возможность нѣкотораго сосредоточенія правительственной мысли; но во всякомъ случаѣ, единство правительственной мысли нельзя не признать предметомъ величайшей необходимости, и вопросъ состоитъ только въ томъ: можетъ ли учрежденіе какого-нибудь органа произвести это единство тамъ, гдѣ его не было бы на самомъ дѣлѣ, или необходимо прежде установить единство въ самомъ государственномъ механизмѣ, и тогда подобный органъ явится самъ собою; другими словами: можно ли видѣть причину въ томъ, что должно быть разсматриваемо только какъ слѣдствіе? На это отвѣтитъ намъ время.

Иностранное обозрѣніе.

Положеніе партій и временное правительство въ Испаніи.—Открытіе парламентовъ и внутреннія заботы государствъ.—Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія.—Книга Тено и дѣло Бодена.—Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители.—Австрійскій рейхсратъ.—Прусскій парламентъ и рѣчь короля.—Италія и ея вѣчный кошмаръ.—Вопросъ о министерствѣ въ Англіи.—Грантъ.

Едва ли когда-нибудь коренной переворотъ въ политической судьбѣ цѣлаго народа, такъ быстро отходилъ на второй планъ въ глазахъ европейскаго общества, какъ это случилось съ испанской ре-

Digitized by Google

волюціей. Нѣтъ еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ раздался на Пиренейскомъ полуостровѣ первый крикъ созрѣвшей революціи, а уже со всѣхъ сторонъ стали подыматься голоса пессимистовъ, изъ которыхъ одни упрекаютъ Испанію, что сдѣлано слишкомъ мало, другіе, что слишкомъ много. Всѣ хотѣли бы видѣть ея дѣла окончательно устроенными и порѣшенными, не принимая вовсе въ соображеніе ни той массы затрудненій, которыя оставлены были въ наслѣдство рушившимся «безпорядкомъ», ни того въ высшей степени важнаго вопроса, требующаго сознательнаго рѣшенія, предъ которымъ и остановился въ эту минуту испанскій народъ—какая форма правленія должна замѣнить католическую монархію Бурбоновъ? Переворотъ въ Испаніи еще не окончился, и этому можно скорѣе радоваться, такъ какъ быстрота въ рѣшеніи, касающемся будущности страны, всегда служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что оно не есть результатъ выраженной народной воли, а только исходъ, навязанный тою или другою партіею. Примѣръ французскихъ революцій, и въ особенности послѣдній 48-го года, провозглашеніе республики, быстрая замѣна ее имперіей не остался безъ результатовъ для испанской революціи. Временное правительство въ Испаніи не спѣшитъ рѣшеніемъ; оно предоставило полную свободу всѣмъ партіямъ совѣщаться, собираться и разсуждать о томъ, что́ должно закончить переворотъ, и такая свобода до сихъ поръ дала одни хорошіе результаты. Лучшій результатъ, какого можно только достигнуть—это полное соглашеніе всѣхъ партій, и если такое нѣсколько идеальное желаніе не осуществилось еще вполнѣ въ Испаніи, то все-таки оно скорѣе въ это послѣднее время сдѣлало нѣсколько шаговъ впередъ, чѣмъ назадъ. Партія монархистовъ-либераловъ, имѣющая во главѣ Олозагу, оказалась едва ли не самою дѣятельною. Благодаря энергіи ея предводителя, она добилась нѣкотораго соглашенія съ партіею умѣренныхъ демократовъ-республиканцевъ, и они издали манифестъ, торжественно объявившій, что «часть демократіи отказывается отъ республиканской формы правленія и присоединяется къ монархической, болѣе способной, при настоящихъ обстоятельствахъ, осуществить и утвердить принципы, провозглашенные революціей.» Разумѣется, монархія, которую они желаютъ, мало похожа на только-что свергнутую монархію Бурбоновъ, и они спѣшатъ добавить, что ихъ монархія не будетъ «монархіею божественнаго права! Что она не будетъ имѣть другой законности, какъ та которая вытекаетъ изъ верховной власти народа, выраженной посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, и что она должна представлять всѣ существенныя условія такого рода правительства». Какъ ни либеральна эта программа, она все-таки не могла удовлетворить истинныхъ республиканцевъ, которые въ народномъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Кастеляра, выставили свою собственную программу —

Digitized by Google

женіе монархіи, въ какой бы формѣ она ни представлялась, немедленное провозглашеніе республики, децентрализацію, распущеніе постоянной арміи и полную свободу и равенство всѣхъ вѣроисповѣданій. Которая изъ этихъ двухъ программъ одержитъ верхъ—на это отвѣтятъ учредительные кортесы, которые должны собраться въ началѣ 1869 г.; во всякомъ случаѣ, ихъ рѣшеніе будетъ рѣшеніемъ большинства страны и большинства свободнаго, а не созданнаго насиліемъ и притѣсненіемъ. Избирательный законъ уже обнародованъ временнымъ правительствомъ; не нужно прибавлять, что основаніе его—всеобщая подача голосовъ, съ однимъ только ограниченіемъ: въ другихъ странахъ требуется для избирателя всего 21 годъ, здѣсь же постановленъ для права голоса двадцатипятилѣтній возрастъ.

Лишь только движеніе, вызванное въ европейской политикѣ испанскою революціею улеглось, и толки о ней затихли, какъ въ ту же минуту прежній кошмаръ сталъ снова безпокоить общественное мнѣніе. Боязнь и опасеніе войны, страхъ зимней кампаніи, планъ, который такъ настойчиво приписывали маршалу Ніелю, стали снова грезиться тревожнымъ умамъ, и нужно сказать, не совсѣмъ безъ основанія. Государственные люди Европы наперерывъ другъ передъ другомъ стараются поддерживать воинственное настроеніе, и точно сговорившись, поочереди размахиваютъ по воздуху знаменемъ, на которомъ ослѣпляетъ глаза цифра, то восьми-сотъ-тысячной арміи, то милліонъ двѣсти тысячъ, то еще что-нибудь болѣе страшное. Наполеонъ, Ніель, прусскій король, Менабреа, Бейстъ—всѣ выходили на арену, и всѣ показывали самую мрачную перспективу.

Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не удивляться этой всеобщей европейской военноманіи, когда ближе присматриваешься къ внутреннимъ дѣламъ каждаго изъ государствъ западной Европы. Ни одно не можетъ похвастаться полнымъ спокойствіемъ, ни одно не можетъ похвастаться передъ другимъ, чтобы внутри его не шевелились тѣ или другіе неулаживающіеся вопросы, чтобы его не точили осязаемые признаки всегда готовой разразиться бури. Наступленіе зимы, во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, сопровождающееся большею частью созваніемъ народныхъ представителей, дѣлаетъ настоящую минуту крайне любопытною; одинъ парламентъ открывается за другимъ, всюду представляются странѣ отчеты объ общемъ состояніи внѣшней и внутренней политики, о положеніи финансовъ, совершается часто тяжелая исповѣдь правительства по поводу того или другого вопроса; однимъ словомъ, политическая жизнь выступаетъ на первый планъ, народы повѣряютъ прошедшее и болѣе или менѣе опредѣляютъ будущее. У однихъ чувство самодовольства замѣняется чувствомъ разочарованія, у другихъ свѣтлыя надежды—печальными опасеніями; у всѣхъ смутное понятіе о положеніи своей страны замѣняется болѣе или менѣе яс-

Digitized by Google

нымъ сознаніемъ того, на что можно разсчитывать и чего нужно ожидать, чего желать и чего опасаться. Бо́льшая ясность и опредѣленность общаго положенія Европы должны быть непремѣннымъ результатомъ повсемѣстнаго открытія парламентовъ: выясненіе внутреннихъ дѣлъ болѣе всего поможетъ тому, что разсѣются слухи и пропадутъ опасныя пророчества о войнѣ. Правительства воинственныхъ государствъ еще разъ убѣдятся, что дома есть слишкомъ много дѣла, слишкомъ много затруднительныхъ обстоятельствъ, чтобы начинать еще вражду съ сосѣдомъ.

Во Франціи, хотя законодательный корпусъ еще не собранъ, тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ правительство должно все болѣе и болѣе утверждаться въ томъ мнѣніи, что всякое усложненіе въ его внѣшней политикѣ было бы пагубно для внутренней, что все вниманіе его должно быть исключительно сосредоточено на домашнихъ дѣлахъ, которыя запутываются все болѣе и болѣе. Внутренняя борьба между правительствомъ и враждебною ему партіею, которая увеличивается съ каждымъ часомъ, достигла уже до той степени, когда довольно самаго малаго, незначущаго на видъ факта, чтобы онъ тотчасъ превратился въ событіе, способное взволновать все общество на нѣсколько дней и даже недѣль. Такъ случилось съ небольшимъ происшествіемъ, которое было раздуто имъ самимъ въ огромные размѣры, и получило значеніе крупной, враждебной правительству демонстраціи. Мы говоримъ о дѣлѣ Бодена. Фактическая сторона этого дѣла какъ нельзя болѣе невинна. Во Франціи, впрочемъ, и во всѣхъ католическихъ странахъ, существуетъ обычай 2 ноября отправляться на кладбище, куда каждый годъ собирается масса народа съ вѣнками и букетами, которыми въ этотъ день покрываются могилы. Уже нѣсколько лѣтъ къ ряду въ этотъ день около могилы Годфроа Каваньяка, брата извѣстнаго генерала Евгенія Каваньяка, бывшаго диктатора 1848 года, собирается небольшой кружокъ политическихъ друзей этого крѣпкаго бойца за свободу. Правительству, разумѣется, никогда не нравилась эта овація мертвому, которая служила ему живымъ упрекомъ, но оно не имѣло повода начать преслѣдованія. Честь, отдаваемая Годфроа Каваньяку, не касалась прямо его, такъ какъ Каваньякъ умеръ еще въ 45 или 46 году, когда, слѣдовательно, и рѣчи не было о возможности Наполеона III, — посѣщеніе могилы Каваньяка пока говорило только объ одномъ, что духъ свободы не вымеръ еще, что традиція его свято хранится. Въ первый разъ посѣщеніе могилы Каваньяка подверглось судебному преслѣдованію въ прошедшемъ году, такъ какъ враждебная правительству партія стала прямо высказывать въ прессѣ свое демонстраціонное намѣреніе; она хотѣла сдѣлать протестъ на могилѣ Каваньяка и на могилѣ еще одного чужестранца, покоившагося также на кладбищѣ Montmartre,—Даніэля Манина, противъ только-что тогда

Digitized by Google

совершенной второй римской экспедиціи. Протестъ противъ римской экспедиціи, не нужно ошибаться, означалъ не только сочувствіе къ Италіи, но гораздо болѣе, негодованіе либеральной партіи при видѣ торжества партіи клерикаловъ, на которыхъ съ прошлаго года правительство стало опираться все болѣе и болѣе. Съ ноября 1867 по ноябрь 1868 года либеральною Франціею пройдено большое пространство. Окрѣпнувшей оппозиціи мало было протестовать противъ того или другого факта, противъ того или другого событія, ей мало сдѣлалось простого заявленія ея существованія на могилѣ Каваньяка, ей хотѣлось попробовать свою силу на болѣе скользкой почвѣ, на причинѣ всѣхъ золъ, на самомъ авторѣ второй имперіи и на ея происхожденіи. Правительство поняло это очень хорошо, слова императорскаго прокурора вполнѣ это доказываютъ:—«Могила Каваньяка, говорилъ онъ, болѣе не казалась довольно знаменательною для политическихъ страстей, ушедшихъ впередъ и пріобрѣвшихъ больше смѣлости. Имъ нужно было имя болѣе рѣзкое, нежели патріота, умершаго въ 1845 году, имъ нужно было взять за лозунгъ лицо, болѣе близкое къ настоящему, болѣе живое, болѣе раздражающее». Гдѣ же нашли они это лицо, болѣе раздражающее, это имя, болѣе выражающее собою смыслъ протеста, чѣмъ имя Каваньяка? Недостатка въ такомъ имени у оппозиціи не могло быть,—ей нужна была только рѣшимость обратиться къ фатальному дню въ исторіи Франціи—ко второму декабрю 1851 года.

Никогда, съ самаго дня установленія второй имперіи, такъ много не говорили, такъ не волновали событія, уничтожившія вторую республику, какъ въ эту минуту. Судя по той страсти, которая сказывается въ спорѣ между двумя лагерями, по тѣмъ жаркимъ выходкамъ, которыя встрѣчаешь какъ въ оппозиціонной, такъ и въ правительственной прессѣ, можно было бы подумать, что 2-е декабря 1851 г. отдѣлено отъ насъ не 17-ю годами, но только 17-ю днями. Причина оживленія спора и самаго ожесточеннаго раздраженія понятна — 17 лѣтъ 2-е декабря не принадлежало суду современниковъ, оно изъято было правительствомъ изъ области исторіи. Какъ бы ни были неудовлетворительны для Франціи законы о печати, вышедшіе изъ реформы 19 января 1866 года, тѣмъ не менѣе они способствовали крайнему оживленію прессы, а вслѣдствіе этого и оживленію самого общества. Вмѣстѣ съ этимъ, цѣлый рядъ ошибокъ и самыхъ жестокихъ неудачъ поколебалъ вѣру въ «судьбу» Наполеона III даже въ тѣхъ, которые были его горячими защитниками. Разочарованіе распространялось съ каждымъ днемъ сильнѣе, и все, что теряло въ своей силѣ правительство Наполеона III, выигрывало въ ней вліяніе партіи орлеанистовъ и республиканцевъ. Но изъ всѣхъ ошибокъ настоящаго правительства самою сильною оставалось все-таки преступленіе 2 декабря, и по-

Digitized by Google

тому ясно, что всѣ партіи, лишь только явилась возможность, набросились на прошедшее, чтобы подорвать настоящее. До настоящаго года во Франціи было нѣсколько сочиненій о переворотѣ 1851 года, но всѣ они написаны были въ одномъ духѣ — не нужно говорить въ какомъ. 2-е декабря представлялось поступкомъ геройскимъ, мудрымъ, благодѣтельнымъ, результатомъ идеальнаго благородства, и всѣ тѣ, которые были противъ него—какими-то извергами и уродливыми сынами родины. Правда, за-границей было напечатано нѣсколько брошюръ и сочиненій въ духѣ совершенно противоположномъ, какъ «Napoléon le Petit» Виктора Гюго, нѣсколько правдивыхъ главъ о переворотѣ 1851 года въ книгѣ Кинглека: «l'Invasion de la Crimée», но сочиненія эти не проникали во Францію, и дѣло глохло, никто не имѣлъ права отвѣтить на «гнусныя обвиненія»,—въ убійствахъ, грабежахъ, насиліяхъ и пожарахъ, которыми старались клеймить республиканцевъ, сопротивлявшихся и въ Парижѣ и въ провинціи, съ оружіемъ въ рукахъ противъ переворота 2 декабря, — республиканцевъ, которыхъ тысячами ссылали въ Африку и въ Кайенну. Первое правдивое и честное сочиненіе, которое появилось во Франціи о 1851 годѣ, принадлежало молодому автору, Евгенію Тено, который года два тому назадъ издалъ сочиненіе «la Province en décembre 1851», но оно не имѣло шумнаго успѣха — пресса не была еще настолько свободна, чтобы безнаказанно и не стѣсняясь говорить о происхожденіи второй имперіи. Только въ этомъ году, два-три мѣсяца назадъ, когда Тено выпустилъ другую книгу, какъ бы продолженіе первой, «Paris en décembre 1851», вся оппозиціонная пресса ухватилась за это сочиненіе, чтобы прогнать сквозь строй и самый coup d'Etat и его главнаго виновника со всѣми его клевретами. «Paris en décembre 1851» играетъ такую роль въ общественномъ броженіи, сказавшемся какъ въ прессѣ, такъ и въ демонстраціи 2 ноября, вызвавшей печальный для правительства процессъ, въ которомъ настоящими обвинителями сдѣлались обвиненные и настоящими обвиненными сами обвинители, что нельзя говорить объ этомъ любопытномъ процессѣ, не сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что́ главнымъ образомъ послужило къ нему поводомъ. Книга Тено, хотя и принадлежитъ исключительно области политики, вовсе не имѣетъ, однако, характера памфлета, который можно было бы предполагать по тѣмъ ожесточеннымъ схваткамъ между либеральною и правительственною Франціею, для которыхъ она послужила поводомъ. Съ искусственнымъ безпристрастіемъ и съ искусственнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ слышится и еще болѣе чувствуется горячая любовь къ побѣжденнымъ и негодованіе, граничащее съ преврѣніемъ къ побѣдителю въ этомъ печальномъ для исторіи Франціи поединкѣ, дѣлаетъ Тено правдивый разсказъ, безъ прикрасъ и безъ преувеличеній всѣхъ тѣхъ событій,

Digitized by Google

которыя подкопали республику и вмѣсто нея поставили деспотическую имперію. При томъ не-республиканскомъ большинствѣ, которое наполняло собою національное собраніе, въ самомъ дѣлѣ, трудно было ожидать, чтобы всѣ партіи отказались отъ своихъ идеаловъ и искренно пристали къ той формѣ, которая была имъ наименѣе симпатична; трудно было предполагать, что духъ честности и вѣрность разъ данной клятвѣ были настолько сильны, чтобы не нашлось ни одного честолюбца, который не пожелалъ бы обратить въ свою собственную пользу вражду, существовавшую между различными партіями, между которыми раздѣлена была Франція. Исторія революціи 1848 года должна навести всякаго на самыя грустныя размышленія, когда вспомнишь только, какъ быстро произошла замѣна всеобщаго воодушевленія и единства раздоромъ и ненавистью различныхъ партій. Надгробный камень, подъ которымъ покоились жертвы іюньскихъ дней, сдавилъ подъ собою и самую республику. Конституція, выработанная учредительнымъ собраніемъ и вотированная 4 ноября 48 года, была уже только компромиссомъ между демократическими стремленіями и монархическими традиціями. Она сохранила весь деспотическій аппаратъ, который былъ придуманъ Наполеономъ I послѣ coup d'état 18 брюмера. Была тутъ и абсолютная централизація, удушливо дѣйствующая на народное развитіе, была тутъ и постоянная 500-тысячная армія, поглощающая лучшія силы страны, послушное орудіе исполнительной власти, былъ тутъ и римскій конкордатъ, обезпечивающій за католичествомъ колоссальное вліяніе, была тутъ... однимъ словомъ, было все что нужно, чтобы держать народъ подъ строгой опекой. Власть президента — почти безгранична, власть національнаго собранія — близка къ иллюзіи. Подъ рукою президента были двѣ силы, двѣ громадныя арміи: военная и административная. Нужно было только найти для такого выродка конституціи, созданнаго духомъ крайняго недовѣрія и вражды между партіями — властолюбиваго, хитраго и умнаго человѣка, чтобы слово республика замѣнено было другимъ: королевство или имперія. Такого человѣка Франція нашла въ принцѣ Людовикѣ-Наполеонѣ, который еще ребенкомъ былъ объявленъ Наполеономъ I-мъ его наслѣдникомъ. Императорскій санъ грезился ему и днемъ и ночью, онъ доводилъ его почти до сумасшествія, онъ бросался въ самыя дикія похожденія и два раза могъ заплатить своею жизнію за безумныя попытки для достиженія власти. Первый разъ, пытаясь произвести военную революцію въ Страсбургѣ, въ 1836 году, другой разъ высадившись въ Булони въ 1840, гдѣ онъ хотѣлъ поднять знамя бунта. Два раза Луи-Филиппъ подарилъ ему жизнь, замѣняя тюремнымъ заключеніемъ въ Гамѣ смертную казнь. Опытъ научилъ его не дѣйствовать открыто, и когда вспыхнула революція 1848 года, вмѣсто того, чтобы немедленно стараться поднять за себя Францію, онъ при-

Digitized by Google

кинулся самымъ ревностнымъ республиканцемъ и просилъ только временное правительство, чтобы ему дозволено было вернуться во Францію и служить своей родинѣ. Онъ вернулся, былъ избранъ въ народные представители и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался президентомъ. Зная его прошедшее, его стремленія и грезы, въ ту самую минуту можно было уже сказать то, что Тьеръ сказалъ только черезъ полтора года: «Имперія готова». Тено, передавая событія, которыя слѣдовали за избраніемъ президента, какъ нельзя яснѣе показываетъ, какую фатальную и вмѣстѣ жалкую роль играли и легитимистская и орлеанская партіи въ концѣ республики. И та и другая возились съ своими сокровенными планами о возстановленіи старшей и младшей линіи Бурбоновъ, и съ непонятною слѣпотою грызли республиканцевъ, не замѣчая, что они оказываютъ неоцѣненную услугу принцу-президенту. Онъ съ умысломъ травилъ партіи другъ на друга, чтобы легче справиться со всѣми ими. Президентъ скоро показалъ свое безцеремонное отношеніе къ національному собранію, наперекоръ ему отправивъ войска въ Римъ для уничтоженія тамъ республики. Большая клерикальная партія, числившая въ своихъ рядахъ и легитимистовъ и орлеанистовъ, дала свое полное одобреніе рѣшенію президента, и съ этой минуты, говоритъ Тено, «началось неслыханное зрѣлище республики, для которой качество республиканца было основаніемъ для подозрѣнія и преслѣдованія.» Партіи легитимистовъ и орлеанистовъ торжествовали при видѣ, какъ душили истинныхъ защитниковъ свободы. Праздникъ не долго былъ на ихъ сторонѣ. Президентъ добился отъ нихъ всего, что̀ ему было нужно, для того, чтобы погубить въ мнѣніи народа національное собраніе, а они, какъ дѣти, съ радостными криками прыгали въ разставленныя сѣти, въ которыхъ должны были найти свою гибель. Смертельнымъ ударомъ для національнаго собранія было наложеніе руки на лучшее, почти единственное пріобрѣтеніе февральской революціи—на всеобщую подачу голосовъ. Однимъ почеркомъ пера, выражается Тено, были вычеркнуты три милліона рабочаго населенія изъ списка избирателей. Вотируя этотъ законъ, отъ котораго Наполеонъ очень ловко открещивался, возлагая всю отвѣтственность за него на большинство, слѣпая реакція думала уничтожить партію республиканцевъ, которыхъ она называла анархистами, исключая изъ числа избирателей тѣхъ, кого Тьеръ называлъ «презрѣнною толпою». Беррье, Монталанберъ, Тьеръ, герцогъ Брольи, Леонъ Фоше — всѣ апплодировали новому закону, который искусною рукою Наполеона былъ направленъ противъ нихъ самихъ. Дикая ненависть къ демократіи затемнила ихъ умъ. Законъ 31 мая 1850 года былъ началомъ конца. Съ этой минуты замыслы президента рисуются все болѣе и болѣе ясно, кажется, что онъ даже не желалъ ихъ болѣе скрывать, и только минутами снова прикидывался пламеннымъ

Digitized by Google

защитникомъ «права и закона.» На одномъ изъ парадовъ, который слѣдовалъ скоро за закономъ 31 мая, онъ услышалъ давно желанный крикъ: «да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ императоръ!» Вмѣсто того, чтобы наказать за такой крикъ, нарушившій конституцію, онъ смѣнилъ начальника инфантеріи только за то, что эта часть войска не приняла участія въ императорской демонстраціи, а офицеры, которые своимъ крикомъ открыто нарушали конституцію, «становились предметами самыхъ скандалезныхъ милостей». Самые беззаконные поступки совершались надъ членами республиканскаго меньшинства безъ того, чтобы вызвать малѣйшій ропотъ въ рядахъ реакціонернаго большинства. Ему не было никакого дѣла до нарушенія конституціи, ему было все равно, что республиканцевъ, которые были неприкосновенны какъ народные представители, бросали въ тюрьмы, отправляли въ ссылку, онъ даже громко радовался такимъ фактамъ. А между тѣмъ слухи о готовившемся переворотѣ утверждались все болѣе и болѣе, слова и рѣчи президента становились все знаменательнѣе. Политическая безтактность реакціонерной партіи дошла до своего предѣла, когда она не поняла, что нужно, во что бы то ни стало, согласиться на предложеніе президента относительно возстановленія закона объ общей подачѣ голосовъ и отмѣнѣ закона 31 мая. Она не поняла, что, отказавшись утвердить старый законъ, она даетъ орудіе президенту очернить національное собраніе въ глазахъ народа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждая противъ себя весь народъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ популярность президента. Напрасно потомъ большинство, испуганное слухами о намѣреніи президента, хотѣло поставить въ прямую зависимость отъ національнаго собранія военную силу—было уже поздно, она обезсилила національное собраніе своею враждою, дикою, безсмысленною, съ единственной остававшейся все время вѣрной конституціи партіи республиканской. Послѣ іюньскихъ дней, послѣ закона 31 мая, послѣ преслѣдованія республиканской партіи въ національномъ собраніи, что̀ бы ни случилось съ этимъ послѣднимъ, народъ не могъ принять горячаго участія въ его судьбѣ, онъ зналъ, что среди его онъ имѣетъ болѣе враговъ, нежели друзей, онъ сознавалъ, что на него смотрятъ тамъ, какъ на «презрѣнную чернь». Нужно ли удивляться послѣ этого, читая безпристрастное описаніе событій несчастнаго для Франціи года, что народъ остается холоденъ къ извѣстію о томъ, что національное собраніе разогнано, и что онъ не понялъ въ первую минуту всего значенія совершеннаго coup d'état. Онъ видѣлъ въ прокламаціи президента только возстановленіе всеобщей подачи голосовъ, паденіе легитимистскаго большинства и сохраненіе республики. «Разсматриваемые, какъ враги — говоритъ Тено — большинствомъ законодательнаго собранія, лишенные тысячами своего права голоса, привыкшіе видѣть свои

Digitized by Google

идеи, свои стремленія, — пожалуй, свои утопіи — оплеванными съ трибуны парламентскими руководителями правой стороны; убѣжденные, кромѣ того, что большинство злоумышляло реставрацію монархіи, работники оставались равнодушными при видѣ большинства разогнаннаго президентомъ. Питая, кромѣ того, со времени іюньскихъ дней, глубокую злобу противъ буржуазіи, которая выказала себя безжалостною по отношенію къ нимъ, они не считали себя обязанными заботиться о томъ, что̀ имъ казалось на первый взглядъ простою ссорою между Луи-Наполеономъ и средними классами. Можно сказать, что первое впечатлѣніе народныхъ массъ все заключается въ одномъ мѣткомъ словѣ, дѣйствительномъ или апокрифномъ, приписанномъ представителю Лагранжу: «это хорошо съиграно.» Помимо этого чувства работниковъ, не только въ Парижѣ, но и въ цѣлой Франціи было другое чувство, вызывавшее хладнокровіе: очень многіе были увѣрены, что все это разразится какимъ-нибудь фарсомъ; недовѣріе къ силѣ Наполеона было крайне распространено. Событіе 2-го декабря, утверждаетъ Кинглекъ, не вдругъ заставило измѣнить чувство презрѣнія къ мнимой ничтожности Наполеона, на другое чувство—ожесточенія. Только ужасъ избіенія 4 декабря показалъ, на что̀ способенъ былъ человѣкъ, такъ недавно клявшійся въ вѣрности Республикѣ. 2-го декабря, когда на стѣнахъ Парижа появились декреты о распущеніи національнаго собранія, объ осадномъ положеніи, прокламаціи президента, въ которыхъ онъ требовалъ себѣ средствъ для выполненія священной миссіи—уничтоженія республики, и наконецъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, для которыхъ онъ нашелъ хорошій образецъ въ программѣ 18-го брюмера, многіе еще думали, что 2-ое декабря будетъ только смѣшною пародіею coup d'état Наполеона I-го. Утромъ народъ узналъ объ арестѣ только тѣхъ лицъ, которыхъ онъ считалъ своими врагами, Тьера, Ламорисьера, Шангарнье, Каваньяка, и только гораздо позже, онъ убѣдился, что преданная ему республиканская партія потерпѣла еще бо̀льшія потери. Тено подробно разсказываетъ, вызывая своимъ разсказомъ чувство глубокаго отвращенія, о всѣхъ приготовленіяхъ ко 2 декабрю, о тѣхъ наглыхъ, возмутительныхъ поступкахъ, которыми не постыдились опозорить себя такіе люди какъ Морни, Персиньи, Флери и Маньяны. Среди глубокой ночи полиція врывалась къ тѣмъ, кого ей нужно было арестовать, хватала прямо съ постели и бросала въ кареты, которыя развозили «преступниковъ» по тюрьмамъ и крѣпостямъ. Многіе изъ арестованныхъ выказали при этомъ необыкновенную энергію и силу характера, и иногда встрѣчались такія восклицанія, которыя характеризуютъ и лицо и данный моментъ. Такъ, напр., когда полиція вторгнулась въ спальню одного изъ лучшихъ представителей республиканской партіи, полковника Шарраса, и когда полицейскій коммиссаръ набросился на пистолетъ, лежавшій около его по-

Digitized by Google

стели, Шаррасъ спокойно отвѣчалъ: «Онъ разряженъ; я болѣе не вѣрилъ въ coup d'état; для васъ очень счастливо, что вы не пришли нѣсколько дней раньше, а то я разбилъ бы вамъ голову.» Въ самомъ дѣлѣ, многіе ожидали coup d'état нѣсколькими недѣлями ранѣе, когда слухи о немъ были до-нельзя упорны, но въ ту минуту, когда онъ былъ совершенъ, многіе уже перестали о немъ думать и даже вѣрить въ его возможность.

Утро 2-го декабря прошло спокойно, т. е. не раздалось еще ни одного выстрѣла, всѣ были какъ-то поражены, и рѣшались на какія-то законныя мѣры въ то время, когда беззаконіе у сторонниковъ президента достигло до высочайшихъ размѣровъ. Разладъ между двумя лагерями народнаго собранія былъ до того великъ, что даже въ эту фатальную минуту у нихъ, если и явилась, то не могла осуществиться мысль о совокупномъ дѣйствіи: правый лагерь пошелъ въ одну сторону, лѣвый въ другую. Нѣсколько народныхъ представителей лѣвой стороны соединились вмѣстѣ, и всѣ они были одного мнѣнія, что нужно всевозможными средствами оказать сопротивленіе совершенному перевороту; послали даже къ нѣкоторымъ членамъ большинства для того, чтобы согласиться дѣйствовать вмѣстѣ. Попытка соединенія не привела ни къ чему. Когда нѣкоторые депутаты, успѣвшіе пробраться въ залу національнаго собранія, были разогнаны военною силою, тогда большинство рѣшилось собраться для совѣщаній въ зданіи одной изъ мерій. Результатомъ этого собранія, на которомъ представители правой стороны заботились главнымъ образомъ о томъ, чтобы не выйти изъ «законности», было довольно наивное постановленіе о томъ, что президентъ Луи-Наполеонъ объявляется «лишеннымъ своей должности», и что съ этой минуты исполнительная власть принадлежитъ національному собранію. Болѣе жалкой насмѣшки правая сторона не могла выдумать для своей законности и разогнаннаго національнаго собранія. Лѣвая сторона не принимала участія въ этомъ собраніи, но, тѣмъ не менѣе, она не оставалась въ бездѣйствіи. Она очень хорошо поняла, что всякая попытка «законнаго» сопротивленія будетъ безсильна, и что было одно только средство спасти республику: «призвать народъ къ оружію» и начать борьбу на баррикадахъ. Нѣсколько представителей республиканской партіи собрались вмѣстѣ, чтобы рѣшить, какія слѣдуетъ принять мѣры, и если предложеніе Виктора Гюго немедленно начать сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ было отклонено въ виду того, что народъ, не видѣвшій покамѣстъ въ совершенномъ переворотѣ ничего, кромѣ возвращенія ему права всеобщей подачи голосовъ и распущенія враждебнаго ему народнаго собранія, не окажетъ сильной поддержки защитникамъ республики, то тѣмъ не менѣе они опредѣлили планъ своихъ дѣйствій. День 2-го декабря и ночь съ 2-го на 3-е они рѣшили употребить на

Digitized by Google

то, чтобы объяснить народу настоящій смыслъ переворота и возбудить его такимъ образомъ къ возстанію. Викторъ Гюго сочинилъ немедленно прокламацію къ народу, которая и была распространена въ огромномъ числѣ экземпляровъ. «Луи Наполеонъ обманщикъ, говорилось въ этой прокламаціи. Онъ нарушилъ конституцію! Онъ самъ поставилъ себя внѣ закона»! и тутъ же напоминалась народу 68 статья конституціи, которая объявляетъ фактъ распущенія народнаго собранія преступленіемъ государственной измѣны, которое лишало само собою президента его должности. Прокламація эта была подписана Викторомъ Гюго, Жюль Фавромъ, Эмануелемъ Араго, Евгеніемъ Сю и многими другими представителями республиканской партіи. Въ тотъ же день вечеромъ былъ избранъ изъ нихъ «комитетъ сопротивленія» (Comité de résistance), членами котораго были народные представители: Викторъ Гюго, Карно, Жюль Фавръ, Мишель (de Bourges) Мадье-Монжо, Шельхеръ, де-Флотъ. Было рѣшено, что на другой день рано утромъ народные представители отправятся въ рабочіе кварталы и первые начнутъ строить баррикады. Но сколько ни подготовляли депутаты «горы» народъ къ возстанію, «успѣхъ этихъ усилій, говоритъ Рохау, авторъ «Исторіи Франціи», былъ весьма ограниченъ.» Утромъ 3-го декабря, разсказываетъ Тено, Парижъ какъ-то долго не просыпался, лавки едва открывались, на улицахъ было мало движенія, «время стояло мрачное и дождливое», народные представители республиканской партіи разошлись по рабочимъ кварталамъ, и главнымъ образомъ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, призывая къ оружію всѣхъ и каждаго. Работники находились точно въ какомъ-то ожиданіи, ничего между тѣмъ не предпринимая.—«Что же, спрашивали представители народа, вы ничего не дѣлаете? Чего вы ждете? Неужели вы желаете имперіи? — Нѣтъ, нѣтъ отвѣчала большая часть работниковъ, но изъ-за чего же намъ драться. Намъ возвратили всеобщую подачу голосовъ!.... А кромѣ того, что же мы можемъ дѣлать? Со времени іюньскихъ дней у насъ отняли оружіе, въ цѣломъ предмѣстьи нѣтъ ни одного ружья». Все способствовало тому, чтобы вселять въ рабочемъ классѣ равнодушіе. Тено передаетъ любопытный фактъ, что когда утромъ 3-го декабря по предмѣстью перевозили въ нѣсколькихъ омнибусахъ народныхъ представителей правой стороны, арестованныхъ наканунѣ въ то время, когда они разсуждали, какія «законныя мѣры» слѣдовало принять, нѣкоторые депутаты «горы» вмѣстѣ съ рабочими бросились освобождать своихъ враговъ «національнаго собранія. Представители же правой стороны, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ, освободиться и начать дѣйствовать вмѣстѣ съ народомъ, стали умолять, чтобы ихъ не освобождали. Возмущенная толпа отошла отъ нихъ съ презрѣніемъ.—«Вы видите, сказалъ одинъ изъ рабочихъ, что съ этими людьми нечего дѣлать». Народнымъ представителямъ республиканской партіи тоже

Digitized by Google

больше ничего не оставалось дѣлать какъ, подавая примѣръ народу, умирать за свободу. На это они и рѣшились. Около девяти часовъ утра, съ криками: «къ оружію, баррикады, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ конституція!» нѣсколько народныхъ представителей съ помощію какой-нибудь сотни рабочихъ стали строить первую баррикаду. Среди этой небольшой группы людей, стоявшихъ почти безъ всякого оружія на маленькой, ничтожной баррикадѣ, окруженный бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Бастидомъ, авторомъ «Les crimes du deux decembre», Шельхеромъ, талантливымъ писателемъ Альфонсомъ Эскиросомъ и многими другими, находился также и народный представитель, республиканецъ Боденъ. Противъ этой-то маленькой баррикады на углу улицы св. Маргариты и выступилъ цѣлый баталіонъ. При этомъ произошла одна сцена, которую Кинглекъ и Тено передаютъ почти одинаково. Кинглекъ говоритъ, что когда баталіонъ подошелъ на разстояніе нѣсколькихъ метровъ отъ баррикады, въ нѣсколько секундъ въ обоихъ враждебныхъ лагеряхъ водворилась мертвая тишина. «Законъ и насиліе стояли другъ противъ друга». Шарль Боденъ, держа въ рукахъ книгу конституціи, обратился къ солдатамъ и сталъ говорить объ ихъ истинныхъ обязанностяхъ, но офицеръ, начальствовавшій надъ баталіономъ, выразилъ знакъ нетерпѣнія, солдаты спустили курки, и пули залетали и засвистѣли по воздуху среди небольшой группы честныхъ патріотовъ. Боденъ упалъ, голова его была разбита. Около него свалился въ туже минуту молодой работникъ, также какъ и Боденъ убитый на повалъ. Надъ трупомъ Бодена, прибавляетъ Кинглекъ, произошла гомерическая борьба. Солдаты овладѣли имъ и скрыли его отъ сражавшихся за свободу. Тено, не упоминая о книгѣ конституціи, прибавляетъ однако къ разсказу Кинглека одну подробность, которая удивительно рисуетъ высокій характеръ Бодена. За нѣсколько секундъ до прибытія войскъ, онъ обращался къ группѣ рабочихъ и убѣждалъ ихъ не оставаться хладнокровными зрителями насилія и измѣны республикѣ. Одинъ изъ нихъ, говоритъ Тено, произнесъ: «Вы воображаете, что мы желаемъ быть убитыми, лишь бы сохранить вамъ ваши двадцать пять франковъ въ день?—Подождите одну минуту, мой другъ, возразилъ Боденъ, и вы увидите, какъ умираютъ за 25 франковъ.» Таковъ былъ человѣкъ, имя котораго только теперь, семнадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, получило такую громкую и почетную извѣстность, что нѣтъ во Франціи уголка, куда бы ни проникъ разсказъ объ этомъ мученикѣ свободы. И сколько было еще такихъ же героевъ, которые точно также жертвовали своею жизнію, и которыхъ никто не знаетъ и никто никогда не узнаетъ! Мы не станемъ далѣе слѣдить за Тено, скажемъ только, что онъ съ большою силою, съ большимъ спокойствіемъ, которое еще болѣе возмутительный характеръ придаетъ ужасамъ декабрьскихъ дней, разсказываетъ о

Digitized by Google

той бойнѣ, которая совершалась нѣсколько дней, но главнымъ образомъ 4-го декабря. Сотни тысячъ обезоруженныхъ людей всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій сдѣлались жертвами того града пуль и картечей, которыя усыпали бульвары. 4-го декабря, начиная съ двухъ часовъ дня; это повальное истребленіе, эта безпримѣрная людская бойня обезпечили успѣхъ преступленія 2-го декабря, которое 4-го числа утромъ начало уже нѣсколько расшатываться. «Комитетъ сопротивленія» обнаружилъ крайнюю дѣятельность, къ нему пристали множество лицъ, сомнительныхъ республиканцевъ въ собраніяхъ, которыя имѣли цѣлію во чтóбы то ни стало не допустить исполненіе смѣлаго и преступнаго замысла Луи-Наполеона. Въ этихъ собраніяхъ принимали участіе, кромѣ республиканцевъ, которые съ самой первой минуты рѣшились дѣйствовать, такіе люди какъ Гарнье Пажесъ, Мари, Эмиль-де-Жирарденъ и..... двоюродный братъ президента—принцъ Наполеонъ. На горячую прокламацію, которая носила также подпись принца Наполеона, заговорщики отвѣчали приказомъ военнаго министра: «Всякій, кто будетъ схваченъ строющимъ или защищающимъ баррикаду, или съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ.» Этотъ драконовскій приказъ ея былъ исполненъ—разстрѣливали кого попало по малѣйшему подозрѣнію, на баррикадахъ и не на баррикадахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и безъ оружія. Дѣти и женщины не могли избѣгнуть общаго террора, и падали жертвами, свидѣтельствуютъ Тено и Кинглекъ, упивавшихся и виномъ и кровію солдатъ. Груды труповъ на другой день покрывали блестящіе бульвары элегантнаго Парижа и грязныя улицы нищихъ работниковъ. Вотъ почва, на которой зиждется вторая имперія, вотъ событія, которыя предшествовали ея утвержденію; на эти событія могло быть надернуто покрывало по требованію сильной власти, но они не могли быть изглажены изъ памяти людей. Если бы даже деморализація была на столько сильна, чтобы могла заставить людей позабыть эти фатальные дни 1851 года, то мертвые возстали бы изъ забытыхъ могилъ и напомнили бы людямъ, что они все еще дожидаются мести. Но память о павшихъ жертвахъ не погибла, она также свѣжа, какъ будто бы вся эта драма разыгралась только вчера. Возставшая фигура Бодена показала, какъ чувствительна вся Франція, когда дѣло касается этой семнадцатилѣтней придавленной страницы новѣйшей исторіи страны. Нужно было только, чтобы власть, тяготѣвшая надъ Франціей съ 1851 года, нѣсколько ослабѣла, какъ вслѣдствіе внѣшнихъ неудачъ, такъ и внутренняго оживленія, чтобы немедленно люди отошли назадъ и начали вспоминать то мѣсто исторіи, на которомъ они остановились; для прошедшаго, которое почему-нибудь имъ было недоступно, они готовы забыть настоящее, прошедшее ихъ также волнуетъ, какъ самое современное событіе, разумѣется, только когда это прошедшее находится

Digitized by Google

въ тѣсной связи съ настоящимъ и когда оно сказывается на немъ каждый часъ, каждую минуту. Вотъ чѣмъ объясняется очень большой успѣхъ простого, правдиваго разсказа Тено, который имѣетъ еще и ту заслугу, что безъ него быть можетъ могила Бодена еще долго бы оставалась въ неизвѣстности. Безъ него существующее броженіе во французскомъ обществѣ сказалось бы на какомъ-нибудь другомъ фактѣ, другомъ событіи, оно искало бы для себя другого случая, чтобы выйти наружу, въ то время, какъ образъ Бодена кажется точно нарочно созданъ, чтобы соединились на немъ всѣ искренніе и честные люди всѣхъ партій, всѣхъ убѣжденій. 2-го ноября могила Бодена была отыскана, и толпа народа покрыла до сихъ поръ голую землю массою цвѣтовъ и вѣнковъ. Что́ было говорено на этой могилѣ—въ точности привести нельзя, потому что рѣчи эти нигдѣ не появились въ печати. Мы знаемъ только, что нѣсколько человѣкъ сказали по теплому слову, которое до того встревожило правительство, что оно начало судебное преслѣдованіе. Результатъ преслѣдованій былъ тотъ, что во всѣхъ либеральныхъ органахъ открыта была подписка на памятникъ Бодена, и каждый день стали появляться длинные списки лицъ, спѣшившихъ заявить своимъ именемъ, своимъ взносомъ, что они ничего не забыли, ничего не простили основателю второй имперіи, начавшейся 2-го декабря. Мы уже сказали, что правительство не ошиблось въ смыслѣ этой подписки, оно доказало это и преслѣдованіемъ журналовъ, открывшихъ подписку, и самою рѣчью императорскаго прокурора. Но, если бы даже оно и не поняло, съ умысломъ или безъ умысла, того, что выражается въ этой подпискѣ, слѣдовавшей за демонстраціею на могилѣ Бодена, то письма такихъ лицъ, какъ Луи Бланъ, Эдгаръ Кине, Викторъ Гюго, къ которымъ пристали и люди другой партіи, какъ Одилонъ Баро, умирающій Беррье и многіе другіе, заставили бы его скоро понять то движеніе, тотъ протестъ противъ 2-го декабря, для котораго тѣло Бодена только служило предлогомъ. Еще болѣе сдѣлался бы ему ясенъ этотъ протестъ послѣ консультаціи по дѣлу Бодена, которая написана была Кремье, Эмануелемъ Араго и Лорье, къ которой пристали всѣ лучшіе адвокаты, и послѣ рѣчей, произнесенныхъ въ защиту обвиненныхъ ихъ адвокатами. Въ этихъ рѣчахъ, въ которыхъ презрѣніе слышалось въ каждомъ словѣ, въ первый разъ люди либеральной партіи съ такою силою публично обвиняли правительство за его происхожденіе, они спросили его, кого слѣдуетъ считать мятежникомъ: того ли, кто умеръ защищая законъ, или того, кто нарушилъ его и измѣнилъ своей клятвѣ?—«Существуетъ ли, спрашивалъ одинъ изъ адвокатовъ, такая минута для націи, когда подъ предлогомъ спасенія общества, кто-нибудь можетъ свергнуть законъ и дѣйствовать какъ съ преступниками, съ тѣми, которые защищаютъ его съ опасностію своей жизни?»—«Вы, которые здѣсь су-

Digitized by Google

дите, вы должны намъ помогать и покровительствовать, воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ, когда мы чтимъ память тѣхъ, которые отдали свою жизнь для защиты закона. Скажите сами, правду или ложь говорили тѣ, которые утверждаютъ, что они (2-го декабря) спасали Францію. За насъ свидѣтельствовали Мишель (de Bourges), Charras, которые умерли, отсутствующій Ледрю-Ролленъ и умирающій Беррье...» «Вы утверждаете, говорилось въ судѣ во всеуслышаніе цѣлой Франціи, что васъ оправдали; все это ложь, вы обманули и Парижъ и провинціи; вы кричали: «Парижъ спокоенъ»! въ то время, когда Парижъ былъ разгромленъ, разстрѣлянъ, зарѣзанъ. И вы смѣете говорить, что народъ утвердилъ то, что вы сдѣлали, когда вы теперь еще семнадцать лѣтъ спустя хотѣли бы заставить молчать о вашихъ дѣлахъ.»—«Вездѣ будутъ судить процессъ 2 декабря и вездѣ общественная совѣсть произнесетъ тотъ же приговоръ. И то, что̀ осуждаетъ васъ, это то, что семнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ, что вы сдѣлались властителями Франціи, вы никогда не посмѣли сказать: мы празднуемъ 2 декабря, какъ національный праздникъ.... тѣмъ лучше, ту годовщину, которую вы не желаете, мы беремъ ее.... мы не боимся ни вашихъ угрозъ, ни вашего презрѣнія; вы можете наносить намъ удары, но вы не способны ни обезчестить насъ, ни достигнуть до насъ». Еще сильнѣе, если это только возможно, говорилъ можетъ быть другой адвокатъ, Лорье.—«Мы виновны, спрашивалъ онъ, въ чемъ же? Въ томъ, что мы хотѣли воздвигнуть памятникъ закону, потому что Боденъ умеръ за законъ; это не онъ, это законъ, это величественная республика, которая была умерщвлена въ его лицѣ». «Вы обвиняете, говорилъ онъ дальше, насъ въ заговорѣ; знайте же онъ существуетъ, заговоръ общественнаго мнѣнія, которое хочетъ возвратить себѣ свободу, и если вы хотите его остановить, я васъ предупреждаю — вы безсильны. Выше физической матеріальной силы есть еще сила нравственная». Не только мы, но ваша собственная совѣсть, говорилъ Лорье, должна всегда упрекать васъ за 2 декабря. «Вспомните, произнесъ онъ, восхитительную сцену англійскаго трагика, когда леди Макбетъ вскрикиваетъ: «эта рука, цѣлое море не смоетъ съ нее крови»; да, 2-е декабря, цѣлое море не замоетъ его». Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели на французское общество эти сильныя слова, и можетъ быть, если бы кому-нибудь удалось заглянуть въ стѣны тюльерійскаго или компьенскаго дворца, можетъ быть тотъ увидѣлъ бы бывшаго президента французской республики, глядящаго на свои руки, и повторяющаго вмѣстѣ съ Шекспиромъ: what, will these hands ne'er be clean»?

Переворотъ 1851 года, получившій въ настоящую минуту всю силу живого современнаго событія, взволновавшій всѣ умы, все общество—не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ справедливости словъ одного изъ защитниковъ, что во Франціи существуетъ дѣйствительно заго-

Digitized by Google

воръ, заговоръ общественнаго мнѣнія, громко требующаго возвращенія той свободы, которая попрана была 2 декабря? Во Франціи болѣе чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ нужно зорко слѣдить за явленіями внутренней жизни, потому что мы предупреждены уже исторіею: тамъ самыя незначительныя, на первый взглядъ, событія не разъ уже были причинами очень крупныхъ переворотовъ.

Въ то время, когда во Франціи общество и правительство роются въ прошедшемъ, за которое отвѣтитъ можетъ быть близкое будущее, правительства и общества другихъ странъ волнуются вопросами самыми современными, вытекшими изъ событій недавно случившихся. Всѣ эти вопросы подняты уже открывшимися или приготовляющимися къ открытію парламентскими сессіями, которыя должны дать новую силу политической жизни Европы, и безъ того не пользующейся особеннымъ покоемъ. Слѣдуя порядку открытія парламентовъ въ большихъ европейскихъ государствахъ, мы должны начать съ Австріи, которая предупредила другихъ въ созваніи своего рейхстага. Въ этомъ году ему предстояло много работы, и въ короткое время онъ порѣшилъ уже нѣсколько крупныхъ вопросовъ, внеся такимъ образомъ спокойствіе и надежду въ самое сердце австрійскаго кабинета. Судя по тѣмъ тревожнымъ засѣданіямъ, которыми были ознаменованы въ этомъ году провинціальные сеймы, главнымъ образомъ Праги и Львова, можно было опасаться, что тоже самое волненіе скажется и въ общемъ парламентѣ. Но этого не случилось. Первый вопросъ, который былъ предложенъ рейхсрату, былъ вопросъ крайне деликатный — ему предстояло одобрить или произнести свое порицаніе тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты австрійскимъ правительствомъ вслѣдствіе возникнувшихъ волненій въ Богеміи. Прага и ея окрестности были объявлены на военномъ положеніи. Какъ ни прискорбно вообще, когда предпринимаются подобныя мѣры въ какой-нибудь странѣ, нельзя не сказать, что большимъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ служитъ то, когда правительство по закону обязано просить утвержденія подобнымъ исключительнымъ мѣрамъ у народныхъ представителей всего государства. Только въ этомъ случаѣ можетъ существовать полная увѣренность, что осадное положеніе не поведетъ за собою тысячи злоупотребленій, что оно не будетъ объявлено или продолжено вслѣдствіе произвола такого или другого лица. Принятыя мѣры для прекращенія волненія въ Прагѣ хотя получили одобреніе въ рейхсратѣ, но тутъ же были приняты нѣкоторыя измѣненія въ законѣ, которыя еще болѣе ставятъ правительство въ этомъ вопросѣ въ прямую зависимость отъ парламента.

Въ то время, когда въ рейхсратѣ занимались положеніемъ въ Богеміи, въ коммиссіи депутатовъ, назначенной для подготовки военнаго закона шли крайне горячіе споры о численности австро-венгерской ар-

Digitized by Google

міи. Споры эти, изъ которыхъ особенно выдалась, никому въ точности неизвѣстная, рѣчь министра Бейста, встревожили не на одинъ день цѣлую Европу. Чѣмъ болѣе было загадочнаго въ рѣчи перваго министра, тѣмъ болѣе склонялось европейское общество видѣть въ ней что-то зловѣщее, можетъ быть, предвозвѣстницу колоссальной войны. Въ какихъ бы выраженіяхъ ни выразился баронъ Бейстъ относительно положенія австро-венгерской монархіи къ другимъ европейскимъ государствамъ, увѣрялъ ли онъ или нѣтъ, что программа его политики, по отношенію въ Пруссіи, не измѣнилась, что она осталась таже, какою была и въ первый день его вступленія въ австрійское министерство, т. е. полное забвеніе всего того, что̀ предшествовало заключенію пражскаго мира; говорилъ онъ или нѣтъ, что онъ старается поддерживать съ Россіею самыя дружественныя отношенія; утверждалъ онъ или нѣтъ неизбѣжность столкновенія между Пруссіею и Франціею, мы знаемъ только одно, что его послѣднее слово было требованіе 800-тысячной арміи. «Какъ, 800 тысячъ войска»? завопила вся европейская пресса. Что же тутъ удивительнаго, могъ бы возразить баронъ Бейстъ, что онъ считаетъ необходимымъ для Австріи содержаніе 800-тысячной арміи тогда, когда Пруссія, Франція и Россія могутъ располагать милліонными арміями. И баронъ Бейстъ былъ бы, говоря такъ, не совсѣмъ не правъ. При современномъ состояніи Европы, когда колоссальныя арміи стоятъ въ большой части государствъ въ прямой зависимости отъ воли того или другого лица, когда война можетъ быть начата по личному произволу монарха, всегда всякая страна должна быть на готовѣ, и въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь. Австрія горькимъ опытомъ узнала, что во время общей войны крайне невыгодно сохранять нейтралитетъ и притомъ еще слабый нейтралитетъ. Противники, погрызшись между собою, сговариваются потомъ, какъ бы вознаградить себя на счетъ нейтральнаго государства. Вотъ почему, когда проектъ закона 800-тысячной арміи былъ внесенъ въ рейхсратъ, всѣ министры явились туда и сдѣлали изъ принятія этого закона громадной важности вопросъ кабинета. Какъ ни смѣшно кажется слышать, когда люди утверждаютъ вамъ, что для сохраненія нейтралитета сильнаго и который бы уважался другими державами, нужно 800 тысячъ войска, тѣмъ не менѣе въ словахъ министра Бергера есть очень много правды. «Die Allianz-Politik das ist die Kriegspolitik»—сказалъ онъ. Если Австрія будетъ или сама искать союза или только поддастся на него, тогда нѣтъ сомнѣнія, утверждалъ австрійскій министръ, что война разразится; если же австро-венгерская имперія будетъ держаться умной, осторожной, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердой политики нейтралитета, тогда болѣе шансовъ для сохраненія мира. Нейтральную же политику тогда только правительство въ состояніи будетъ поддерживать, когда страна будетъ достаточно сильна, чтобы съ успѣхомъ могла защищать свой

Digitized by Google

нейтралитетъ, чтобы она была настолько могуча, чтобы никто не смѣлъ думать, что она можетъ быть предметомъ дѣлежа и вознагражденія послѣ войны. Аргументы австрійскаго министерства въ пользу новаго военнаго закона подѣйствовали такъ сильно на рейхсратъ, что законъ прошелъ громаднымъ большинствомъ. Если министерство австро-венгерской монархіи можетъ быть довольно своимъ блистательнымъ успѣхомъ въ цислейтанскомъ парламентѣ, то оно можетъ не менѣе радоваться успѣшному ходу дѣлъ по ту сторону Лейты. Одно время, угрожавшая распря въ венгерскомъ сеймѣ между мадьярами и славянами окончилась благополучно, и если еще неокончательно уложенъ вопросъ объ одномъ городѣ — Фіуме, то нѣтъ сомнѣнія, что и это послѣднее затрудненіе будетъ скоро устранено. Венгрія можетъ быть совершенно довольна въ эту минуту; въ стѣнахъ Пешта происходятъ засѣданія австро-венгерскихъ делегацій.

Вслѣдъ за австрійскимъ рейхсратомъ произошло и открытіе прусскихъ палатъ. Рѣчь прусскаго короля при открытіи палатъ можетъ навести не на одно размышленіе, которыя далеко не склоняются къ выгодѣ милитарной политики Пруссіи. Какъ все ни кажется ясно на политическомъ горизонтѣ Пруссіи королю Вильгельму, тѣмъ не менѣе, при болѣе внимательномъ чтеніи его рѣчи, даже и въ ней не трудно видѣть, что дѣла этой новой великой державы вовсе не такъ цвѣтущи, какъ это многіе думаютъ. Даже самые отъявленные друзья Пруссіи, такіе органы, какъ «National Zeitung», и тѣ дѣлаютъ недовольную мину, когда сравниваютъ рѣчь прошедшаго года съ настоящею. Тамъ все дышало побѣдой и счастіемъ, въ каждомъ словѣ слышались самоувѣренность и самодовольство, все процвѣтало, нигдѣ не было темныхъ пятенъ. Въ этотъ разъ не совсѣмъ такъ. Если и теперь прусскій король, какъ это впрочемъ обыкновенно водится, поздравляетъ себя съ тѣмъ, что все обстоитъ благополучно, то въ дѣйствительности онъ могъ себя поздравить только съ испанскою революціею, которая связала руки новымъ узломъ главному противнику пруссификаціи Германіи — именно французскому правительству. Но рядомъ съ этимъ счастливымъ для Пруссіи событіемъ, рѣчь упоминаетъ объ одномъ, почти-что небываломъ въ этомъ государствѣ, фактѣ, именно объ оказавшемся дефицитѣ. Подобный фактъ неминуемо долженъ опечалить каждаго поклонника новой Пруссіи, потому что до сихъ поръ главная слава, то, чѣмъ она отличалась такъ отъ всѣхъ другихъ странъ—это цвѣтущее положеніе ея финансовъ, превышеніе доходовъ надъ расходами. Обстоятельства измѣнились, величіе Пруссіи не споспѣшествовало, какъ это утверждали, благосостоянію Пруссіи, а напротивъ, не смотря на всѣ присоединенія, поставило ее въ болѣе затруднительное финансовое положеніе. Правда, правительство не очень заботится объ этомъ дефицитѣ, потому что оно нашло вѣрное средство покрыть хоть часть

Digitized by Google

его безъ всякаго для себя матеріяльнаго ущерба. Оно опредѣлило взять нужную ему сумму изъ фонда, принадлежащаго присоединеннымъ провинціямъ. Но если подобная мѣра не причинитъ ему матеріяльнаго ущерба, то въ нравственномъ отношеніи ущербъ, безъ сомнѣнія, очень великъ, и во всякомъ случаѣ не подобными мѣрами правительство, поглотившее нѣсколько провинцій, способно будетъ примирить ихъ съ собою. Какъ бы въ оправданіе милитаризма, прусскій король выразилъ сожалѣніе, что враги порядка и мира поддерживаютъ опасенія войны. Но кто же, можно спросить, болѣе въ этомъ виновенъ, какъ не тѣ, которые подали примѣръ содержаніемъ громадныхъ армій? Если можно еще о чемъ-нибудь пожалѣть въ рѣчи нынѣшняго года, такъ это о томъ, что правительство не сочло своею обязанностью сказать что-нибудь о томъ, намѣрено ли оно выполнить пятую статью пражскаго мира, по которому въ Шлезвигѣ должна была быть совершена всеобщая подача голосовъ для того, чтобы узнать, отойдетъ ли часть Шлезвига къ Даніи или нѣтъ.

Надняхъ открылся еще одинъ парламентъ, которому предстоитъ, по всей вѣроятности, очень бурная дѣятельность. Глядя на переворотъ, который произошелъ въ Испаніи, и сознавая, какое сильное вліяніе онъ можетъ имѣть и на ихъ дѣла, италіянцы всѣхъ партій начинаютъ болѣе упорно требовать отъ правительства скорѣйшаго разрѣшенія злополучнаго римскаго вопроса. Если что-нибудь способно успокоить жаръ населенія, то можетъ быть то, что само правительство въ послѣднее время стало болѣе рѣшительно относиться къ этому вопросу, и недавно еще двое министровъ имѣли случай высказать публично, что правительство никакимъ образомъ не думаетъ отказываться отъ народныхъ стремленій, и что Римъ скоро будетъ присоединенъ къ Италіи. Можетъ быть, это именно заявленіе министерства произвело то, что при выборѣ президента палаты депутатовъ, министерство получило значительное большинство. Римскій вопросъ еще болѣе оживится въ эту минуту, когда по Италіи пронеслась вѣсть о смерти Маццини, который игралъ такую роль въ исторіи ея стремленій къ единству.

Въ декабрѣ произойдетъ еще одно открытіе парламента, къ которому происходятъ въ эту минуту самыя жаркія приготовленія. Англія присутствуетъ при ожесточенномъ спорѣ между двумя партіями, во главѣ которыхъ, съ одной стороны, стоитъ настоящій первый министръ, Дизраэли, съ другой—будущій первый министръ, Гладстонъ. Важность побѣды той или другой стороны слишкомъ очевидна, чтобы говорить о ней. Будущій парламентъ, если, не смотря на частныя неудачи Гладстона и Милля, большинство станетъ на сторону Гладстона, составитъ эпоху въ англійской исторіи, такъ какъ ему суждено будетъ уничтожить одну изъ величайшихъ несправедливостей и притѣсненій

Digitized by Google

англійскаго народа—государственную церковь въ католической Ирландіи. Какъ ни вѣрно кажется торжество либеральной партіи, торійское министерство Дизраэли не унываетъ и не оставляетъ надежды удержаться во главѣ страны. Однимъ изъ ея главныхъ средствъ служитъ восхваленіе своей иностранной политики, которая лежитъ на лордѣ Станлей. Дѣйствительно, этотъ государственный человѣкъ выказалъ большую способность какъ въ дѣлахъ, касающихся европейской политики, такъ еще болѣе въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представляла англійская политика въ Америкѣ со времени ихъ большой гражданской войны. Затрудненія эти въ эту минуту улажены, частью благодаря лорду Станлею, частью американскому министру при англійскомъ кабинетѣ, Джонсону, который приложилъ всѣ свои старанія, чтобы стушевать то натянутое положеніе, которое существовало между двумя народами. Нужно надѣяться, что эти дружественныя отношенія укрѣпятся еще болѣе теперь, когда во главѣ англійскаго правительства станетъ либеральная партія, съ Гладстономъ во главѣ, какъ въ Америкѣ, благодаря побѣдѣ, одержанной на выборахъ 4 ноября, явится президентомъ республики точно также человѣкъ либеральной партіи — Улиссъ Грантъ.

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Le mot du jour—«желѣзно-дорожная лихорадка». Она у насъ свирѣпствуетъ, ее у насъ изучаютъ, ею ищутъ заболѣть. Наши моралисты сѣтуютъ на появленіе этой могучей эпидеміи. Но что же дѣлать—всѣ европейскія, наиболѣе развитыя общества прошли чрезъ нее. Что дѣлать: мы участвуемъ въ великомъ между-народномъ «steeple chase», и должны подвергаться всѣмъ условіямъ turf'a. Заболѣть болѣзнью развитыхъ націй даже и лестно. Пьянство въ зрѣломъ возрастѣ не составляетъ украшенія. Но мальчики, подъ предлогомъ двухъ выпитыхъ рюмокъ вина, любятъ пошатываться и сознаваться, что-молъ «пьяны, но что же дѣлать». Вотъ нѣсколько въ этомъ родѣ и моралисты сѣтуютъ иногда на обуявшую насъ, наконецъ, желѣзно-дорожную лихорадку.

Говоря искренне, мы чихаемъ какъ-то театрально, и во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ больше, чѣмъ на сколько простудились. Акціи рыбинско-осѣченской дороги продавались съ преміею при выпускѣ и были предметомъ игры. Недавно, при подпискѣ на 48 тысячъ акцій тамбовско-саратовской дороги оказалось требованій на два милліона этихъ акцій. Ужасно; куда приведетъ насъ такая горячка; не къ кризису ли какому нибудь, громадному? Когда желѣзно-дорожная лихорадка потрясала Францію, то тамъ представлялся этотъ грозный вопросъ, и моралисты провозглашали:—«Францію задавятъ эти бумажныя лавины, все обратится въ бумажку, бумажка убьетъ все; мы идемъ къ системѣ Лоу, въ которой одинъ исходъ—банкротство».

Хотя и лестно—повторяемъ—подвергаться великимъ болѣзнямъ современности, и въ этомъ смыслѣ можно даже радоваться тому припадку дрожи, который возбуждаетъ у насъ нѣсколько горделивыя опасенія, заставляетъ насъ сознаваться, with proud humility, по выраженію Байрона, въ нашей слабости, которая въ сущности знаменуетъ нашу силу, нашъ прогресъ, однако..... Однако, читатель, едва ли тутъ не преобладаетъ до нѣкоторой степени элементъ собственно маскарадный.

Желѣзно-дорожная лихорадка имѣла дѣйствительно характеръ эпидиміи въ Англіи, Америкѣ, Франціи. Но тамъ биржа—всенародный храмъ, у насъ оно просто зданіе съ колоннами на Васильевскомъ острову, весьма эффектное при иллюминаціи. Оно видно, когда смотришь зимою на рысистые бѣга; оно бросается въ глаза, когда съ открытіемъ навигаціи, ѣдешь покупать новаго попугая, зелененькаго на этотъ разъ, а то чтоже—все сѣренькій, да сѣренькій! Но въ остальное время, для огромнаго большинства даже петербургскаго общества биржа какъ бы не существуетъ.

«Лихорадочная спекуляція, грозящій впереди кризисъ отъ бумаги, которая задавитъ рынокъ»..... Но согласитесь, что настоящая-то агитація происходитъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ не наканунѣ подписки на акціи тамбовско-рыбинской или другой дороги, а все же около 1 января, 1 марта, 1 іюля, 1 сентября, однимъ словомъ, въ тѣ дни, одинъ изъ коихъ въ будущемъ году принесетъ кому нибудь двѣсти тысячъ. А что касается обремененія рынка бумагою, то слыхано ли, чтобы бумага могла обременить рынокъ бумажный? Или выражаясь иными словами, вѣроятно ли, чтобы опьянѣлъ, отъ двухъ рюмокъ вина, человѣкъ, который привыкъ къ полуштофу водки? Едва ли.

Нѣтъ, это просто лестно, болѣе лестно, чѣмъ опасно. Такой выводъ освобождаетъ насъ отъ нелюбимой нами обязанности предостерегать соотечественниковъ, пророчать о грядущихъ карахъ и показывать видъ, будто перомъ нашимъ руководитъ рука валтазарова пира. А выводъ, къ которому мы пришли дозволяетъ намъ ограничиться въ этомъ предметѣ замѣтками свойства болѣе нравоописательнаго, и слѣдовательно, самаго невиннаго.

Digitized by Google

Замѣчательно, что періодъ желѣзно-дорожной агитаціи совпадаетъ вообще съ періодомъ застоя, даже упадка въ литературахъ. Желѣзныхъ дорогъ больше всего въ Америкѣ, за то тамъ меньше всего литературы. Во Франціи, періодъ разгара для желѣзно-дорожныхъ предпріятій былъ періодомъ оцѣпенѣнія для литературы, это было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ Австріи, желѣзно-дорожное дѣло крайне развилось въ то время, когда преобладала баховская система. У насъ желѣзно-дорожная агитація также совпадаетъ съ такимъ періодомъ въ литературѣ, который нельзя назвать блистательнымъ. Само по себѣ желѣзно-дорожное дѣло не вноситъ въ литературу новаго содержанія, хотя впрочемъ ведетъ къ развитію только одной изъ литературныхъ формъ, именно формы риторической.

Какое содержаніе, въ самомъ дѣлѣ, могла бы внесть желѣзно-дорожная предпріимчивость въ литературу, какой именно элементъ? Элементъ, наиболѣе выдавшійся въ этой предпріимчивости—элементъ такъ сказать фальстафовскій, а онъ давно имѣетъ представителя во всемірной литературѣ, представителя полнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ какъ извѣстно, тоже занимался спекуляціею на дорогахъ и отличался способностью ѣсть и пить торжественно при всякомъ торжественномъ случаѣ, и безъ всякаго торжественнаго случая. Сэръ Джонъ Фальстафъ набиралъ солдатъ точно такимъ образомъ, какъ иные предприниматели желѣзныхъ дорогъ набираютъ акціонерныя компаніи, а содержалъ своихъ солдатъ точно такъ, какъ баронъ Унгенштернбергъ своихъ. Замѣчательно, что солдаты Фальстафа были тоже изъ категоріи «нравственно-испорченныхъ», или «сорвавшихся съ висѣлицы», какъ типично выражается онъ самъ.

Мудрено ли, что послѣ этого воспрещено высшимъ лицамъ администраціи, а также всѣмъ вообще членамъ администраціи финансовъ и публичныхъ работъ, участіе въ концессіяхъ на желѣзныя дороги. Сэръ Джонъ Фальстафъ самъ, правда, былъ баронетъ, но лордамъ все-таки было неприлично водить съ такимъ героемъ компанію, и дѣлиться съ нимъ добычею. Оттого они и брали всю добычу себѣ, а его били, дабы никакого сходства между ихъ и его участіемъ въ дорожномъ дѣлѣ не было. Примѣръ итальянскаго депутата Сузани и итальянскаго министра Бастоджи также еще въ памяти у читающей публикѣ. Конечно, не непремѣнно же всякаго должна постигнуть плачевная участь Бастоджи, Сузани, Теста и Кюбіера. Надо также сообразить, что ни Бастоджи, ни Тестъ не восходили на крыши, собственно съ цѣлью закричать міру: «А мы-де—вотъ участвуемъ въ желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ.»

Однако, истина лежитъ хотя и на днѣ колодца, а все таки лежитъ гдѣ нибудь и можетъ оказаться со-временемъ. «Кай есть смертенъ»—и вотъ, представьте себѣ когда колодезь жизни, такъ сказать, изсяк-

Digitized by Google

ветъ, и на днѣ его вдругъ оказывается пачка желѣзно-дорожныхъ акцій.

Фальстафовскій характеръ проявляется у насъ далеко не въ одномъ только образованіи дорожныхъ предпріятій. Самый вѣнецъ ихъ, то есть открытіе линій, неизбѣжно бываетъ украшенъ тѣми лаврами, которые у сэръ-Джона вѣнчали ветчину. Ѣсть, пить и говорить Фальстафъ былъ большой искусникъ, и безъ этого искусства не можетъ обойтись ни закладка, ни открытіе желѣзной дороги, такъ что современный этюдъ напрашивается самъ собою.

Желѣзныя дороги у насъ еще не удешевили ни муки, ни картофеля, но уже создали парламентъ, маленькій переносный парламентъ, котораго назначеніе поговорить на дорогѣ. Еслибъ открытіе дороги совершалось безъ рѣчей, еслибы оно состояло въ томъ только, что начнутъ по ней ѣздить,—ну и ѣздили бы, и ничего бы тутъ удивительнаго не было. Но всякому гораздо лестнѣе ѣхать и въ тоже время, за тѣже деньги, сознавать, что не только ѣдешь, но и прокладываешь, такъ сказать, пути, совершаешь безъ всякой добавочной платы подвигъ, что ѣду я, положимъ, по своей надобности, а за мною ѣдетъ будущность моего отечества.

Все это и достигается посредствомъ особаго, переноснаго парламента, столь же необходимаго всякой желѣзной дорогѣ, которая себя уважаетъ, какъ и другіе снаряды. Парламентъ созывается пригласительными билетами. Прибываютъ въ извѣстный пунктъ члены администраціи и непремѣнные члены парламента: наши «народные трибуны»— г. Кокоревъ, г. Шиповъ, г. Полетика и т. д. Дожидаются. Пріѣзжаетъ мѣстный духовный пастырь. Происходитъ освященіе первой станціи, потомъ ѣдутъ, ѣдятъ и пьютъ. Вторая станція освящается: ѣдятъ, пьютъ и ѣдутъ. Третья, четвертая — тоже самое. Понятно, что чѣмъ дальше ѣдутъ, тѣмъ менѣе остается ѣхать; чѣмъ меньше ѣсть остается, тѣмъ остается больше пить. Но когда пріѣхали, тогда начинаютъ ѣсть съизнова, и тогда-то наступаетъ долгъ говорить. Достоинство винъ обратно-пропорціонально близости бутылокъ къ центру. Наступаетъ, наконецъ, моментъ тостовъ. Провозглашается, между прочимъ, тостъ за г. министра финансовъ. Мотивируется онъ всегда развитіемъ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла, что совершенно правильно. Только разъ, одинъ ораторъ вставилъ фразу: «за то, что такъ легко даются концессіи», чѣмъ обнаружилъ избытокъ ревности. На этотъ тостъ отвѣчаетъ обыкновенно извѣстное лицо, человѣкъ весьма почтенный, небольшого роста, и обладающій очень тихимъ голосомъ. Такъ что благодарность министерства финансовъ остается не слышна.

Тостъ за г. министра путей сообщенія, «который»..... и т. д. Тогда встаетъ также извѣстное лицо, талантливый ораторъ, носящій одно

Digitized by Google

изъ литературныхъ именъ пушкинскаго періода. Онъ говоритъ, какъ техникъ, на ту тему, что вотъ, господа, вамъ по дорогѣ ѣхать никакого труда не стоитъ, все готово, машина дѣйствуетъ, свистокъ свиститъ, колеса вертятся сами собою; а сколько нужно было соображеній, труда, чтобы сдѣлать, построить, поставить все это; каждый штифтикъ нужно было подогнать къ каждой дырочкѣ, обсудивъ его предварительно въ совѣтѣ министерства. Тогда слушатели ощущаютъ необходимость и съ своей стороны посодѣйствовать, поработать, сообразить, пригнать хоть какой нибудь штифтикъ, и—начинаютъ ѣсть съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Мы опускаемъ краснорѣчіе нашихъ «народныхъ трибуновъ»: гг. Кокоревъ, Шиповъ, Полетика сказали свои рѣчи, и теперь уже всякій можетъ ѣхать безопасно по новой дорогѣ, даже безъ пригласительнаго билета. Въ заключеніе, М. П. Погодинъ разсказываетъ, въ видѣ actualité, анекдотъ о Соловьѣ-Разбойникѣ или Ермакѣ. Извѣстно, что первая профессія самого Ермака была.... Отчего это нашъ маститый историкъ разсказываетъ непремѣнно такія притчи, и по поводу частныхъ желѣзныхъ дорогъ?

Замѣчательно одно, что насъ постоянно кто-нибудь обижаетъ; не герои древности, такъ откупщики, не откупщики, такъ концессіонисты. Беззащитность наша противъ золъ, среди насъ самихъ возникающихъ, поистинѣ трогательна. На что уже мышь — кажется, звѣрь небольшой, отъ всякаго шороху бѣжитъ, а на русское государство дерзаетъ. Встарину мышь вступала въ союзъ съ провіантскимъ вѣдомствомъ, и на твердыхъ казенныхъ сухаряхъ такъ навострила зубы, что стала ѣсть даже желѣзо и входить съ этой цѣлью въ соглашеніе съ другими вѣдомствами. Зубы ея, наконецъ, достигли крѣпости англійской стали, такъ что она, говорятъ, стала перегрызать даже хирургическіе инструменты.

Мышами мы продолжаемъ страдать. Органъ Бессарабскаго края извѣстилъ, что эта окраина едва ли не будетъ совсѣмъ съѣдена мышами. Онъ разсказываетъ, что если на столъ поставить блюдо, въ 15-ти верстахъ отъ Кишинева, то около блюда тотчасъ являются мыши, «которыхъ приходится отгонять». Утѣшительно хоть то обстоятельство, что, по словамъ вышеупомянутаго органа, «мыши эти обыкновенно мышинаго цвѣта». А то можно было подумать, что онѣ бѣгаютъ во фракахъ, съ концессіями въ карманахъ. «Предполагаютъ—продолжаетъ органъ печати — что эти мыши откуда-нибудь нашли». Откуда-нибудь?—это очень вѣроятно. Но повѣрьте, этотъ печальный фактъ не безъ связи съ улучшеніемъ быта царанъ. Судьбою опредѣлено человѣчеству извѣстное количество зла. Улучшите вы бытъ народа, непремѣнно появится какой-нибудь новый видъ зла и возстано-

Digitized by Google

вить фатальное равновѣсіе. Вотъ, полагаютъ, напримѣръ, что улучшеніе быта нашихъ крестьянъ вызвало неурожаи; въ Бессарабіи, улучшеніе быта царанъ вызвало легіоны мышей. Факты эти слишкомъ осязательны и «не требуютъ комментаріевъ»,—какъ выражаются публицисты, когда именно хотятъ распространиться.

Органъ, представитель нуждъ и потребностей Бессарабіи, заключаетъ: «Потребовалось много кошекъ, ихъ не оказалось въ нужномъ количествѣ, вслѣдствіе чего онѣ вздорожали сильно, и за ними пріѣзжали въ Кишиневъ». Кошки котируются на кишиневской биржѣ; если кошка скоро окотится, то котируется выше. Съ однолѣтками твердо. Съ котами сдѣлано съ преміей. Собаки, говорятъ, изъ самолюбія поголовно эмигрировали въ Молдавію, избравъ изъ среды своей казакабаши, съ условіемъ, чтобы онъ взятокъ не бралъ, и на обычай въ этомъ случаѣ не ссылался, по примѣру нѣкоторыхъ товарищей.

Какъ хотите, а биржевая игра на кошекъ, кажется мнѣ, несравненно родственнѣе, чѣмъ игра на желѣзно-дорожныя акціи.

Кто-то изъ адвокатовъ недавно, въ одной изъ своихъ рѣчей, напомнилъ историческое изрѣченіе: «придите володѣть и править нами».

Отчего это въ самомъ дѣлѣ ильменскіе славяне оказались такими отчаянными западниками? Неужели не было способныхъ правителей между своими? Другое дѣло, если бы они тяготились господствомъ какой-нибудь касты, еслибы народъ предпочелъ иноземнаго правителя сословному порабощенію. Но ничего такого не было. Они имѣли демократическое устройство и вдругъ.... Естественная гордость не дозволяетъ намъ думать, чтобы предки наши звали варяговъ съ цѣлью поучиться отъ нихъ мудрости или воспользоваться ихъ храбростью. Стали бы наши предки заимствоваться мудростью и храбростью отъ иноземныхъ витязей!

Нѣтъ, не съ тѣмъ ихъ звали. Судя по дальнѣйшему, едва ли не вѣрнѣе предположить, что предки наши ощутили надобность въ иноземцахъ собственно по части распоряженія общественными суммами. Но нельзя не сознаться, что призваніемъ варяговъ предки наши, однако, не достигли своей спеціальной цѣли. Нельзя сказать, чтобы весь учрежденный иноземцами варяжскій порядокъ благопріятствовалъ во всѣ времена, какъ точности въ веденіи государственной бухгалтеріи, такъ и благоразумной экономіи въ расходованіи общественныхъ суммъ.

«*Однако* (и замѣтьте это «однако», оно весьма важно), говорятъ приверженцы и оплакиватели варяжскаго періода, прикидываясь, вопреки собственному убѣжденію, будто они отъ самоуправленія и равноправности ожидали немедленнаго воцаренія голубиной непорочности. Оказался же недочетъ суммъ въ такой-то земской управѣ—«вотъ вамъ и земство!» соболѣзнуютъ они.

Digitized by Google

Позвольте, однако, господа; сидѣло земство въ инвалидномъ комитетѣ, когда тамъ случился знаменитый сюрпризъ? Нѣтъ, не сидѣло, да и теперь не сидитъ. Играло земство въ карты съ г. Политковскимъ, по прозванію Монте-Кристо? Нѣтъ, не играло. Провіантскій хлѣбъ въ Крыму и нижегородскую соль земство ли кушало? Нѣтъ, къ этому хлѣбосольству оно допущено не было. Ну, такъ что же, спрашиваю я, и отвѣчаю самъ за своихъ собесѣдниковъ.

Равноправность и самоуправленіе сами по себѣ не могутъ вдругъ переродить людей — это одна изъ тѣхъ истинъ, которые приходится доказывать только потому, что онѣ слишкомъ очевидны и на нѣкоторыхъ дѣйствуютъ болѣзненно. Возьмемъ примѣръ не изъ земства, а изъ чисто-общественной жизни, съ самаго ея дна.

Въ Петербургѣ существуетъ, какъ извѣстно «Русское купеческое общество для взаимнаго вспоможенія», болѣе извѣстное подъ названіемъ «прикащичьяго клуба», и еще болѣе подъ названіемъ клуба «молодцовскаго». Послѣднее названіе окончательно утвердилось за этимъ учрежденіемъ послѣ того, какъ нѣкоторые директора его оказались «молодцами» по распорядительности. Клубъ этотъ — замѣтимъ мимоходомъ — замѣчателенъ между прочимъ тѣмъ, что въ немъ, за картами, употребителенъ самый — самый простой разговорный языкъ. Да и вообще, знаете, безъ стѣсненія. Взаимность часто рождается среди танцовъ, а въ буфетѣ вспоможеніе идетъ безостановочно.

Все это было очень мило до послѣдней германской войны. Кажется, какое бы соотношеніе? Но законъ соотношеній — самый таинственный изъ всѣхъ законовъ природы. Вѣрно только то, что когда и прусскіе генералы оказались «молодцами», то въ клубъ этого имени проникъ духъ воинственный. Возникла борьба, борьба эта привела къ процессу, который имѣлъ мѣсто въ прошломъ мѣсяцѣ, въ окружномъ судѣ.

Общество предъявило искъ на 20 своихъ членовъ, бывшихъ членами конторы и членами комитета, за злоупотребленіе и допущеніе злоупотребленій. Между тѣмъ, въ чемъ же состояли эти злоупотребленія? Контора, въ противность уставу, взяла на себя кухню и буфетъ. Контора находила, что хозяйство экономичнѣе безъ экономa, и вотъ члены ея сами стали «завѣдывать» кухнею и буфетомъ, то есть говоря просто — торговать котлетами и виномъ. Дѣйствительно, ну могли ли люди торговые стерпѣть, чтобы наживался экономъ? Результатомъ этой экономической общины былъ чистый убытокъ для клуба, за пять мѣсяцовъ слишкомъ въ $5\frac{1}{2}$ тысячъ рублей. И за это-то усердіе, положимъ неудачное, но все-таки усердіе,—контору потащили въ судъ?

Не за одно это. Говорятъ, зачѣмъ члены конторы съѣли и выпили въ клубѣ на 1,269 рублей 54 копѣйки, которыя и записали въ расходъ, когда ни одинъ параграфъ устава не говоритъ объ ѣдѣ или

Digitized by Google

питьѣ для нихъ, а упоминается только о разъѣздахъ. Но вѣдь нельзя же все только разъѣзжать, и чѣмъ больше разъѣзжать, тѣмъ лучше апетитъ. Est modus in rebus, что значитъ по-русски: необходимо иногда выпить рюмку водки. Да наконецъ, самая эта цифра 1,269 р. 54 к. — какъ она краснорѣчива! Она свидѣтельствуетъ, что члены конторы не вносили въ счетъ «на-водку» служителямъ, иначе вышла бы круглая сумма. Но быть щедрыми на чужой счетъ — нѣтъ; это было не въ правилахъ директоровъ. Гдѣ же благодарность?

Мало того, упрекаютъ членовъ конторы за то, что они «безъ согласія общества и не будучи уполномочены ни уставомъ, ни контрактомъ, выдавали музыкантамъ оркестра Рейнбольда деньги на пиво, и выдали таковыхъ денегъ 2,130 р. 20 к.» Не уполномочены уставомъ?! Хорошо-съ; ну и почемъ вы знаете, что музыканты не употребили этихъ денегъ добросовѣстно на то, чтобы вы прытче плясали?

Скорѣе удивительно, что двадцать нѣмцовъ выпили, въ 17 мѣсяцовъ, пива на 2,130 р. 20 копѣекъ. Но это особенность ихъ націи. Нападать на это значило бы посягать на индивидуальность народа, какъ она выработалась исторіею.

Да, да; трудись, старайся на пользу общую; умѣй побѣждать себя такъ, чтобы не издержать 55 коп., если можно остановиться на 54-хъ, и вотъ благодарность современниковъ! Послѣ этого, удивляться ли примѣру Діоклеціана, который отказался править римлянами и предпочелъ поставлять имъ капусту?

Нѣкоторые изъ доводовъ защитника бывшей конторы, г. Буйимистрова, интересны. Такъ, онъ оспаривалъ справедливость иска о взысканіи со своихъ кліентовъ убытковъ, въ пользу клуба, тѣмъ, что если бы члены конторы знали, что они могутъ подвергнуться *денежной* отвѣтственности (нравственная еще туда-сюда), то «ни за что» не рѣшились бы принять на себя званіе членовъ конторы. Я буду годъ обѣдать на вашъ счетъ, а когда вы предъявите на меня искъ, скажу, что если бы зналъ, что могу подвергнуться денежной отвѣтственности, то «ни за что» не сталъ бы и знакомиться съ вами.

О, Гостомыслъ! Насчетъ распоряженія общественными суммами мы все еще также слабы, какъ были вы, когда выписывали знатоковъ этого дѣла изъ-за моря. Но теперь нѣтъ уже и прежняго ресурса, а именно, обратиться къ варягамъ, такъ какъ и въ нѣмецкомъ танцовальномъ обществѣ также идетъ кутерьма: русская булка отказывается носить на себѣ вестфальскую ветчину, и буттербротъ—эта эмблема сліянія элементовъ, дѣлается вслѣдствіи того невозможнымъ.

Одна Москва, какъ извѣстно, усильно еще старается о подобномъ сліяніи. Между тѣмъ — и это странно — выходитъ, что нигдѣ національныя антипатіи такъ сильно не разжигаются, какъ именно въ

Digitized by Google

Москвѣ. Московскія дамы не разъ заказывались покупать французскія матеріи, хотя говорить на томъ, что онѣ называютъ французскимъ языкомъ, продолжали (впрочемъ, ломать языкъ врага тоже своего рода мщеніе). Купецъ Хлудовъ со сподвижниками побивалъ нѣмцовъ въ заставныхъ трактирахъ. Въ настоящее время, въ московской итальянской оперѣ приходится производить маневры цѣлою арміею жандармовъ: фланкировать, оцѣплять, отрѣзать отступленіе и т. д. — чтобы охранить отъ московской публики итальянцовъ. До чего дошло: нѣмецъ съ евреемъ поссорились на смерть и подняли на ноги не только мѣстныя власти, гг. квартальныхъ надзирателей, г. оберъ-полицеймейстера, — но и главный штабъ, засѣдающій въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ живутъ два Бараша, оба переплетчики. Казалось бы, тождество именъ и занятій должно было располагать къ согласію. Но таковъ московскій воздухъ, что Бараши сколько ни переплетали, но узами дружбы не сплелись. Напротивъ, свѣтъ не могъ вмѣстить Цезаря и Помпея; для двухъ Барашей оказалась слишкомъ тѣсною Москва. Купецъ Барашъ, *извѣстный* переплетчикъ (какъ удостовѣряетъ полиція), показалъ, что унтеръ-офицеръ Барашъ, тоже переплетчикъ, долженъ называться въ дѣйствительности Барахомъ, а Барашемъ называется только по злости. Купецъ Барашъ пріобрѣлъ славу, переплелъ лаврами каждую букву своего имени, и вдругъ, является другой Барашъ, который ничего не переплеталъ, кромѣ книгъ. Пусть онъ называется какъ нибудь иначе; пусть назовется Барахомъ или хоть Барашкомъ; но Барашемъ, — нѣтъ, «пусть изсохнетъ мой клейстеръ, прежде чѣмъ я допущу это»!

Администрація, поставленная въ затруднительное положеніе между двумя клейстерами, приняла сторону болѣе «извѣстнаго». Отъ унтеръ-офицера Бараша потребовали, чтобы онъ перемѣнилъ фамилію, предоставляя ему называться какъ угодно, хоть Сафьяномъ, только не Барашемъ. А какъ Барашъ II упорствовалъ, то получено было оффиціяльное извѣщеніе, что «начальникъ главнаго штаба *приказалъ* унтеръ-офицеру Петру Яковлеву именоваться не Барашемъ, какъ тотъ дѣлалъ до сего времени, а Барахомъ.» Сообразно этому, г. московскій оберъ-полицеймейстеръ предписалъ мѣстному приставу сдѣлать «законное» распоряженіе относительно вывѣски Бараша II.

Но Барашъ II находилъ, что такъ какъ онъ уже однажды перемѣнилъ свои имена «Хаскель Мордуховичъ» на имена «Петръ Яковлевъ,» то этого совершенно достаточно, и перемѣнить еще свое третье имя на четвертое упорно непожелалъ. Онъ объявилъ, что не сниметъ вывѣски съ «Барашемъ» до разрѣшенія вопроса о перемѣнѣ фамиліи судебнымъ порядкомъ, и былъ совершенно правъ.

Но представьте себѣ положеніе, въ это время, Бараша I и положеніе полиціи!

Digitized by Google

Нельзя не замѣтить, что г. начальникъ главнаго штаба, настаивая, вслѣдствіе многократныхъ просьбъ Бараша I, чтобы Барашъ II назывался Барахомъ, снисходительно принималъ во вниманіе и положеніе этого послѣдняго.

Цитируемъ буквально: «Такъ какъ эта фамилія (Бараха) могла напомнить, по мнѣнію начальника штаба, *еврейское происхожденіе* Бараха (что же тутъ худого или преступнаго?), то начальникъ штаба и предоставилъ ему право ходатайствовать объ измѣненіи фамиліи Бараха на какую либо другую фамилію, но только не на фамилію Бараша.» Въ самомъ дѣлѣ, надоѣдать человѣку, заставлять его перемѣнять имя, перемѣнять вывѣску, лишиться быть можетъ на нѣкоторое время практики — чтожъ дѣлать когда это неизбѣжно; но выставлять его въ качествѣ еврея напоказъ всей русской имперіи — въ которой впрочемъ евреи состоятъ подъ покровительствомъ законовъ — это было бы ужъ слишкомъ жестоко.

Когда сдѣланы были «законныя» распоряженія, и Барашъ I восторжествовалъ надъ Барашемъ II, то московскому оберъ-полицеймейстеру представлена была «въ проектѣ» новая вывѣска для Бараша II. На одной сторонѣ значилось «П. Барахъ, переплетное и футлярное заведеніе.» На другой сторонѣ красовалась надпись: P. Barach.

Послѣдовала резолюція: «Бараху вывѣску повѣсить разрѣшаю.» Хорошо еще, что только вывѣску!

Но на проектѣ же начальство собственноручно зачеркнуло, въ имени P. Barach, буквы *h* и *c*, и переправило ихъ на букву *g*: Barag. Чтобы совсѣмъ, значитъ, сходства не было. Смѣемъ замѣтить, что измѣненіе *ch* въ *g* неизвѣстно въ корнесловіи, и что для такихъ дѣлъ не мѣшало бы приглашать въ полицію спеціалистовъ, хоть бы изъ вновь учрежденнаго въ Москвѣ лицея.

Судъ (мировой съѣздъ) не призналъ дѣйствій полиціи правильными, и освободилъ Бараша II отъ штрафа, о наложеніи котораго ходатайствовала полиція.

Пустяки, пустяки, все это дѣло! Оно такъ-то, такъ: но едва ли это мнѣніе раздѣляется бывшимъ Барашемъ II, и нынѣ Барахомъ. Да и вообще, пустяки — весьма относительное понятіе.

Отъ комедіи жизни нѣтъ ничего легче какъ перейти къ дѣйствительной комедіи, и нынѣшній разъ переходъ намъ будетъ пріятенъ, потому что мы можемъ перейти къ комедіи А. Н. Островскаго, и въ ней остановиться на той превосходной сценѣ, гдѣ дѣлатель карьеры Глумовъ ищетъ понравиться либеральными фразами важному либералу Городулину, а на того производитъ впечатлѣніе вовсе не либерализмъ оратора, но талантъ его складно врать. Эта сцена по мѣткости сатиры, по глубоко-реальному смыслу комизма, принадлежитъ къ лучшимъ, какія когда либо написалъ Островскій.

Digitized by Google

Типы доброй, старой Москвы, какъ родственны вы, какъ трогательно самое ваше безобразіе! Здѣсь всѣ типы московскіе и любопытно видѣть, какъ на нихъ отразились нововведенія общія для всей Россіи. Генералъ Крутицкій, глупый консерваторъ — лицо московское. Въ Петербургѣ Крутицкіе во-первыхъ умнѣе, во-вторыхъ не всегда въ отставкѣ, и потому способны писать не такіе безвредные «прожекты», какіе писалъ почтенный генералъ, а настоящіе «проекты» или «проэкты» (нѣкоторые начальники предпочитаютъ послѣднее правописаніе); и не «о вредѣ реформъ вообще», а напротивъ о пользѣ новыхъ изданій реформъ, изданій исправленныхъ и дополненныхъ. Политическія убѣжденія московскаго Крутицкаго ограничиваются тѣмъ, что стола, который стоитъ на ножкахъ, не слѣдуетъ ставить ножками кверху. Но еслибы столъ искони стоялъ кверху ногами, то этотъ почтенный консерваторъ точно также возмущался бы, когда столъ поставили бы на ноги. Московскій Крутицкій допускаетъ по отношенію къ столу только одну умственную категорію: какъ стоялъ, такъ пусть и стоитъ!

Добродушный милый старикъ! Да будь я редакторомъ, я сейчасъ бы предалъ тисненію его невинный «прожектъ» и еще заказалъ бы для него золоченный заглавный листъ. Но въ Петербургѣ такихъ Крутицкихъ нѣтъ. Тутъ можно найти только такихъ Крутицкихъ, которые по отношеніи къ столу признаютъ необходимость трехъ моментовъ: 1) стоитъ столъ; 2) столъ опрокидывается, а такъ какъ при этомъ случаѣ онъ *не можетъ* не подвергнуться поврежденію, то 3) изъ стола дѣлается стулъ, на который сажается Крутицкій съ приличнымъ содержаніемъ. «И прямолинейно, и граціозно», говоритъ Глумовъ въ Москвѣ. «И либерально и комфортабельно», отзывается эхо въ Петербургѣ.

Глумовъ — типъ тоже московскій. Правда, и въ Петербургѣ дѣлаютъ карьеру чрезъ женщинъ, но устройство карьеры собственно посредствомъ женитьбы, да еще при помощи взятокъ гадальщицамъ это—чисто-московская особенность.

Турусина, къ которой для спасенія приходятъ то «странный человѣкъ», то блаженный человѣкъ», то «уродливый человѣкъ» — типъ московскій. У насъ въ Петербургѣ тоже спасаются, сохрани Богъ думать иначе. Но путь ко спасенію у насъ благовиденъ и тѣсно соединенъ съ стремленіями къ народному просвѣщенію.

Мамаевъ, совѣтчикъ и искатель квартиръ, Манефа прорицательница—типы московскіе же. Но Городулинъ—типъ петербургскій. Онъ дорогъ намъ, онъ намъ необходимъ, мы его не уступимъ. Москва угловата, Городулинъ круглъ; Москва грубовата, Городулинъ мягокъ; наконецъ, въ Москвѣ онъ не можетъ принесть столько пользы, какъ въ Петербургѣ! Правда, у насъ-то именно много Городулиныхъ, этимъ

Digitized by Google

добромъ мы богаты; но «увеличить количество добра» никогда не мѣшаетъ.

Замѣтили-ли вы, что когда на александринской сценѣ является гусаръ, то у этого гусара все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ быть у гусара; всѣ шнурочки — до тонкости, кепи, даже сабля есть; но нѣтъ одной принадлежности.

Кажется, вотъ гусаръ на славу, сейчасъ вскочитъ на коня и понесется лихо, маршъ-маршемъ. Публика довольна, что пьеса украшена настоящимъ гусаромъ, и даже не прочь видѣть въ этомъ фактѣ утѣшительный прогрессъ (вѣдь вотъ у насъ и гусары выводятся-молъ на сцену).

Но приглядитесь поближе: у этого гусара — пѣхотные панталоны. Когда вы это замѣтите, то поймете, что это—гусаръ только для виду; что если у него нѣтъ даже рейтузъ, то подавно нѣтъ ни малѣйшаго коня, и никуда онъ не ускачетъ, а будетъ представлять; потомъ, когда режиссеръ махнетъ — онъ и уйдетъ.

Не пускать же на сцену истиннаго либерала.... виноваты: гусара, гусара pour de bon. Этотъ, пожалуй, придерется къ дѣйствующимъ лицамъ, а суффлера захлопнетъ внизъ собственнымъ его павильономъ. Нѣтъ лучше этакой гусаръ, въ пѣхотныхъ панталонахъ,—этотъ смирнѣе. Онъ смиренъ, ибо самъ внутренно сознаетъ, что онъ гусаръ процензурованный. Усы его крутятся по гусарски — украшеніе; но ноги его состоятъ по пѣхотѣ—предусмотрительность.

Вотъ точь въ точь такіе либералы нужны Петербургу и могутъ навѣрняка разсчитывать здѣсь на хорошую карьеру. А потому, Москва возврати намъ Городулина, и бери за него что хочешь: хоть Маріо.

И такъ, А. Н. Островскій выступилъ опять въ комедіи, и на этотъ разъ взялъ предметомъ ея не совсѣмъ обычную сферу для своихъ комедій. Мы вовсе не принадлежимъ къ числу тѣхъ судей, которые обрекаютъ Островскаго на комедію à perpetuité; вы начали-де съ комедіи, значитъ ваше дѣло комедія, и ничего другого вамъ писать не слѣдуетъ. Напротивъ, мы думаемъ даже, что тотъ комическій матерьялъ, который послужилъ для прежнихъ произведеній даровитаго сатирика, исчерпанъ. Вотъ почему когда говорятъ, что бытъ московскаго купечества извѣстенъ г. Островскому болѣе, чѣмъ бытъ отдаленныхъ предковъ, а потому пусть онъ ограничивается купеческимъ бытомъ и не пускается въ исторію, то мы къ этакому приговору не пристаемъ. Прежній матерьялъ исчерпанъ сильною рукою, и Иванъ Грозный является въ одной изъ трагедій г. Островскаго гораздо новѣе, чѣмъ могъ бы явиться Титъ Титычъ въ новой комедіи.

Но теперь г. Островскій завоевалъ своей комедіи новую область и надо желать, чтобы онъ не остановился на этомъ новомъ успѣхѣ, а простеръ свои завоеванія дальше и дальше. Сфера нашей коме-

Digitized by Google

діи черезчуръ ограничена, и самая существенная часть того комическаго матерьяла, который даетъ наша жизнь остается недоступною комедіи. Но это — другой вопросъ — и замѣтимъ — вопросъ, который начнетъ разрѣшаться не ранѣе, какъ по отмѣнѣ привилегіи казенныхъ театровъ въ столицахъ. Конечно, частные театры не останутся безъ контроля, но тамъ контрольный, ограничительный элементъ будетъ только внѣшнею силою, а не будетъ вліять на самый выборъ пьесъ. Старая предварительная цензура всегда стѣсняла литературу всякаго рода, но никогда не направляла ея. Представьте же, что-бы было, еслибъ единственными издателями были цензора, какъ теперь являются единственными издателями казенные театры.

Мнѣ случилось слышать, будто типъ Манеевы и почтеніе, которымъ ее окружаютъ — утрированы въ комедіи Островскаго. Въ Москвѣ-то? Помилуйте! Вмѣсто простого увѣренія въ противномъ, я лучше напомню очень свѣжій фактъ.

Въ Сергіевскій посадъ пріѣхалъ уланскій юнкеръ, князь, съ письмомъ отъ высокопоставленнаго лица къ отцу Антонію, намѣстнику Лавры, о принятіи этого князя въ монахи. Новый послушникъ живетъ и живетъ въ монастырской гостинницѣ. Онъ проходу не даетъ женщинамъ, не показываетъ никакого паспорта, и его все-таки держатъ на счетъ монастыря, какъ кандидата въ монахи; его даже переводятъ въ монастырь, въ келью. Когда отъ него стали требовать бумагъ, то онъ, въ свою очередь, потребовалъ денегъ на проѣздъ въ Москву, и ему дали денегъ. На желѣзной дорогѣ онъ попался съ фальшивою ассигнаціею. По освидѣтельствованіи, у него оказалось нѣсколько фальшивыхъ печатей и фальшивыхъ документовъ. Между разными документами открылось свидѣтельство о крещеніи въ православную вѣру и о крещеніи впослѣдствіи въ армяно-грегоріанскую вѣру.

Между тѣмъ, этотъ человѣкъ, разыгрывая роль святого, былъ принятъ въ Москвѣ въ «хорошемъ обществѣ», и, какъ сказано выше, получилъ даже высокую рекомендацію.

А Иванъ Яковлевичъ? И сколько такихъ людей было и есть въ Москвѣ, и чѣмъ нелѣпѣе они, тѣмъ обильнѣе пожертвованія несетъ имъ Москва. Скорѣе можно обвинить г. Островскаго, что, въ этомъ случаѣ, его воображеніе осталось ниже дѣйствительности.

Digitized by Google

ТЕАТРЫ.

Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты".

Въ бенефисъ г. Бурдина шла недавно новая пятиактная комедія: «На всякого мудреца довольно простоты». Она написана авторомъ «Грозы», «Свои люди сочтемся», «Бѣдная невѣста» и многихъ другихъ, лучшихъ пьесъ нашего репертуара; этого одного было бы уже достаточно, чтобы отнестись къ новому произведенію г. Островскаго безъ того глумленія, которое такъ любятъ иные, и что́ большею частью вообще бываетъ совершенно безплодно и для читателей, и для авторовъ, а тутъ и подавно. Имя г. Островскаго можетъ вызвать только серьезное отношеніе къ его перу, особенно, когда дѣло идетъ объ одной изъ его бытовыхъ комедій, которые представляютъ всегда такой обильный матеріалъ, такую богатую жатву для трезвой критики, что трудно становится даже понять, какъ можетъ кто-нибудь, кому дорого развитіе русской жизни, кого печалитъ такъ или иначе изображаемая грубость, дикость и невѣжество русскаго общества, предаваться легкому глумленію надъ тѣмъ, что способно расположить къ самымъ тяжелымъ размышленіямъ. Новая комедія г. Островскаго не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Она можетъ быть выше или ниже другихъ его же произведеній, въ ней могутъ быть недостатки, болѣе или менѣе неудачныя сцены, на которыя критика должна указать; но даже къ этимъ недостаткамъ и неудачнымъ сценамъ, она обязана отнестись дѣльно, потому что рядомъ съ ними тутъ встрѣчаются многіе изъ обычныхъ достоинствъ автора «Грозы». Мы не станемъ ни разсказывать содержанія ни разбирать подробностей новой комедіи г. Островскаго и ограничимся исключительно ея исполненіемъ на сценѣ Александринскаго театра*). Исполненіе пьесы г. Островскаго на этотъ разъ представляло собою особенный интересъ, такъ какъ главную роль, роль современнаго героя-мудреца взялся выполнить молодой актеръ, съ именемъ столь извѣстнымъ на русской сценѣ. Г-нъ Н. Самойловъ для перваго своего дебюта въ Петербургѣ выбралъ трудную роль Глумова. Задача артиста была тѣмъ труднѣе, что ему случилось быть окруженнымъ лучшими силами нашей трупы. Рядомъ съ г. Н. Самойловымъ

*) Мы надѣемся помѣстить критику новой комедіи А. Н. Островскаго въ ближайшей книгѣ журнала. — *Ред.*

Digitized by Google

мы видѣли его отца, г. Самойлова, г. Васильева 2-го, г-жу Линскую и Читау, и даже второстепенные актеры были всѣ весьма удовлетворительны.

Г. Самойловъ 1-й принадлежитъ къ тому разряду замѣчательныхъ артистовъ, для которыхъ, кажется, нѣтъ трудностей, разъ что они рѣшаются взять на себя извѣстную роль: до такой степени они входятъ въ характеръ тѣхъ лицъ, которыя изображаютъ; невольно думается, что вотъ для этой-то роли именно и созданъ былъ ихъ талантъ. Г. Самойлову стоитъ только пожелать, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, достигнетъ до той высокой степени сценическаго искусства, которое именно заключается въ олицетвореніи созданнаго драматургомъ типа, или характера. Олицетворить, осуществить созданный авторомъ типъ можно до крайности различно, и нужно обладать весьма богатыми и нравственными и матеріальными средствами, какъ разнообразіемъ голоса, живою подвижною физіономіею, чтобы созданіе типа одной комедіи не напоминало собою лицо другой пьесы. Это разнообразіе, это богатство средствъ, позволяющія создавать совершенно различныя роли, принадлежитъ вполнѣ таланту г. Самойлова, и часто, очень часто, живая игра его обманываетъ и заставляетъ принимать его личное созданіе типа за типъ, будто бы созданный авторомъ самой пьесы. Для обыкновеннаго репертуара, въ которомъ мы видимъ этого талантливаго артиста, онъ если можно такъ выразиться, слишкомъ хорошъ, онъ стоитъ выше большей части играемыхъ имъ ролей, и потому нельзя не жалѣть, что намъ такъ рѣдко приходится видѣть его въ болѣе сильныхъ роляхъ, въ которыхъ ему пришлось бы бороться съ дѣйствительными трудностями. Мы жалѣемъ объ этомъ, потому что убѣждены, что съ любовію и стараніемъ онъ всегда выйдетъ болѣе или менѣе побѣдителемъ изъ ролей, требующихъ истиннаго и серьезнаго таланта. Разумѣется, роль Городулина, въ которой явился г. Самойловъ въ новомъ произведеніи г. Островскаго, не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя требовали напряженія и усилій для его таланта, но тѣмъ не менѣе тутъ была канва для созданія извѣстнаго типа, и г. Самойловъ какъ нельзя болѣе достигъ этого. Роль Городулина — пустого чиновника-либерала, игранная дюжиннымъ актеромъ, безъ сомнѣнія, вовсе пропала бы, потому что она занимаетъ въ пьесѣ весьма незначительное вводное мѣсто. Г. Самойловъ заставилъ его выдаться впередъ и сдѣлалъ это лицо однимъ изъ самыхъ типичныхъ во всей пьесѣ. Онъ очень живо изобразилъ ту новую породу администраторовъ, для которыхъ всякое дѣло трынъ-трава, которые, сидя на тепленькомъ мѣстечкѣ, умѣютъ наслаждаться всѣми благами жизни, которые рѣшаютъ всѣ важныя дѣла полушутя, полусмѣясь, которые либеральничаютъ, когда либеральничать мода, и которые успѣваютъ засѣдать въ какомъ-нибудь высшемъ учрежденіи, не смотря на «вѣтеръ, который у нихъ въ

Digitized by Google

головѣ, и бурю, которая у нихъ въ сердцѣ». Г. Самойловъ былъ до того хорошъ, когда онъ прикидывался Донъ-Жуаномъ въ разговорѣ съ свѣтскою женщиною и въ либеральномъ разговорѣ съ притворнымъ либераломъ Глумовымъ, что можно было подумать, будто онъ копировалъ какое-нибудь дѣйствительное лицо. Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловымъ изображаемому имъ типу, сдѣлали то, что по нѣсколькимъ словамъ г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее.

Лице, выведенное г. Островскимъ въ противоположность Городулину, именно фигура консерватора Крутицкаго была изображена г. Васильевымъ 2-мъ. Мы очень уважаемъ талантъ этого почтеннаго артиста, и тѣмъ болѣе непріятно дѣлать ему упрекъ въ его существенномъ недостаткѣ, что отъ недостатка этого онъ не воленъ исправиться, и не въ силахъ его побѣдить никакими стараніями, никакими усиліями. Мы говоримъ о томъ однообразіи его, которое является результатомъ его неудовлетворительнаго голоса, и заставляетъ видѣть въ любомъ изображаемомъ г. Васильевымъ лицѣ, не то или другое лице, а всегда одного и того же г. Васильева. Мы не виним г. Васильева, мы всегда готовы отдать ему должное, но не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не сожалѣть, что природа отказала ему въ разнообразномъ, богатомъ органѣ, составляющемъ такое важное условіе для драматическаго актера. Этотъ природный недостатокъ мѣшаетъ своеобразности создаваемыхъ г. Васильевымъ типовъ, и дѣлаетъ то, что всегда кажется какъ будто бы то или другое лицо намъ уже знакомо, какъ будто мы уже видѣли его на сценѣ. Вотъ почему и Крутицкій г. Островскаго, разыгранный г. Васильевымъ, пострадалъ отъ его однообразнаго голоса, и если въ самомъ дѣлѣ типъ Крутицкаго не представляется совершенно новымъ во всѣхъ своихъ чертахъ, то г. Васильевъ, повторяемъ, по мимо своей воли, помогъ тому, что знакомыя, старыя черты характера Крутицкаго показались намъ еще болѣе знакомыми, еще болѣе старыми. Не смотря однако на это, въ нѣкоторыхъ сценахъ г. Васильевъ былъ превосходенъ и крайне типиченъ, какъ напр. въ сценѣ, когда онъ является къ своей старинной пріятельницѣ Турусиной. Съ большимъ пониманьемъ, съ большею тонкостью и вкусомъ сдѣлалъ онъ переходъ отъ важнаго чиновника всѣмъ и всѣми недовольнаго, презирающаго и еще больше негодующаго на новые порядки, къ этому сластолюбивому старику, къ этому красящему свои волосы селадону, у котораго слюнки текутъ по губамъ при одномъ воспоминаніи о томъ времени, когда онъ былъ молодъ и когда.... а теперь, онъ смотритъ на свою «старую знакомую»—и только. Какъ обидно и какъ не ожесточиться ему на весь свѣтъ. Въ этой небольшой сценѣ, на каждомъ словѣ, каждомъ жестѣ, движеніи, хихиканьи лежитъ печать солиднаго таланта.

Хороша была въ роли Глумовой и г-жа Линская; она какъ нельзя

Digitized by Google

болѣе вѣрно передала написанную г. Островскимъ роль этой матери—орудія, служащаго «благороднымъ» цѣлямъ ея достойнаго сына. Въ г-жѣ Линской нѣтъ особеннаго разнообразія, но нельзя не сказать для ея защиты и того, что самыя роли, въ которыхъ она является, сами по себѣ однообразны, и въ сходныхъ между собою типахъ ей трудно создавать совершенно различные характеры. Она превосходно поняла, чѣмъ должна быть Глумова, и въ первомъ дѣйствіи съ первыхъ словъ обрисовала своею игрою роль подчиненной сыну, но идущей съ нимъ рука объ руку матери. Однимъ словомъ, все, что могла дать эта роль, г-жа Линская все исполнила такъ, какъ этого только можно желать.

Болѣе благодарная и болѣе интересная роль досталась на долю г-жи Читау, изображавшей свѣтскую, неглупую, большую охотницу до «красивыхъ и молодыхъ мужчинъ», Мамаеву, которая влюблена въ «красиваго и молодого» племянника своего, Глумова. Г-жа Читау, лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, считалась, и далеко не безъ основанія, звѣздою петербургской драматической труппы. Послѣ такого большого промежутка времени, она снова явилась на петербургской сценѣ нѣсколько недѣль тому назадъ, и уже успѣла сыграть въ трехъ пьесахъ, въ «Паутинѣ», г. Манна, въ «Василисѣ Мелентьевой» А. Н. Островскаго, и въ послѣдней его комедіи «На всякаго мудреца довольно простоты». Намъ удалось ее видѣть только въ двухъ послѣднихъ роляхъ, крайне противоположныхъ одна другой. Въ драматической ролѣ Василисы Мелентьевой, мы не станемъ скрывать этого, г-жа Читау произвела на насъ далеко не полное впечатлѣніе. Только въ одной сценѣ, именно послѣдней, когда Василиса достигла уже своей цѣли и сдѣлалась царицей, когда совѣсть мучитъ ее, и она выбѣгаетъ на сцену съ крикомъ, что ее преслѣдуетъ отравленная жена Іоанна Грознаго, только въ этой сценѣ г-жа Читау показала, что она обладаетъ дѣйствительнымъ талантомъ. Въ эту минуту она была истинно драматична, она сыграла эту сцену безъ той театральной крикливости, безъ той аффектаціи и безъ той искусственности, на которую такъ легко было бы поддаться въ этой сценѣ неопытной и неталантливой артисткѣ. Но одна сцена на цѣлую роль,—какая бѣдность! Во всемъ остальномъ она хорошо, просто, чтобы не сказать черезчуръ просто, читала стихи г. Островскаго; но игры, живого типа, который можетъ быть не удался и автору, но который артистка, съ бо́льшимъ талантомъ, могла бы дополнить, досоздать, — этого и тѣни не было въ выполненіи г-жи Читау. Она не выходила тутъ изъ ряда обыкновенныхъ актрисъ, которыя играли или будутъ еще играть эту роль, а мы именно и надѣялись, думая о ея прошедшей репутаціи, встрѣтить въ ея игрѣ, если не что-нибудь особенное, то, по крайней мѣрѣ, больше жизни и правдивости характера. Роль Мамаевой, въ которой г-жа Читау яви-

Digitized by Google

лась въ третій разъ, оставила болѣе полное впечатлѣніе, но мы все-таки желаемъ еще надѣяться, что эта заслуженная артистка въ концѣ концовъ одержитъ впослѣдствіи болѣе рѣшительную побѣду. Можетъ быть, г-жа Читау не напала еще на роль, которая соотвѣтствовала бы вполнѣ настоящему развитію ея таланта, и потому мы можемъ только радоваться, что она пробуетъ себя въ столь различныхъ по характеру пьесахъ. Во всѣхъ сценахъ, гдѣ Мамаева должна была быть просто свѣтской женщиной, кокеткой, любящей «молодыхъ и красивыхъ мужчинъ», г-жа Читау была положительно хороша; но тамъ, гдѣ отъ нея требовалась не то что любовь, нѣтъ, любовь не въ характерѣ Мамаевой, а нѣкоторая сладострастность, чувственность, — въ этихъ мѣстахъ г-жа Читау производила на насъ не совсѣмъ удовлетворительное впечатлѣніе своею холодностью и фальшивою сдержанностью. Точно также въ той сценѣ, гдѣ Мамаева узнаетъ отъ Крутицкаго, что Глумовъ женится, что, слѣдовательно, онъ намѣревается бросить ее, въ г-жѣ Читау далеко не съ достаточною силою отразилось то чувство досады, озлобленія, недовѣрія, всѣ тѣ ощущенія, которыя быстро охватили все ея существо. Недостаточно рельефна вышла у ней и та сцена, когда она вдругъ находитъ дневникъ своего «милаго» и узнаётъ, что онъ ее не любитъ, а просто-на-просто обманываетъ, и дѣйствительно женится на другой. Та злоба, которая вызвала у Мамаевой даже слезы, почти пропала въ игрѣ г-жи Читау. Но за то послѣдующая сцена, когда она объясняется съ Глумовымъ, соображая свою месть, и какъ лучше воспользоваться украденнымъ у него дневникомъ, и во многихъ другихъ, какъ, напр., въ сценѣ ея посѣщенія Крутицкаго, въ ея входѣ, въ первыхъ словахъ въ сценѣ съ матерью Глумова, въ сценѣ съ самимъ Глумовымъ, когда она допытывается отъ него, женится онъ или нѣтъ, и когда она доводитъ его до сознанія,—г-жа Читау была очень хороша; и разумѣется, роль эта никѣмъ другимъ не могла бы быть сыграна такъ, какъ она была сыграна г-жею Читау, которая для русской сцены, при замѣчательномъ отсутствіи хорошихъ актрисъ, играющихъ эти роли, положительно необходима.

Всѣ второстепенныя роли, за исключеніемъ развѣ роли Курчаева, исполненной г. Пронскимъ, обладающимъ непріятною способностью портить своею игрою общее впечатлѣніе всякой пьесы, были исполнены крайне-добросовѣстно, а г. Бурдинъ и г-жа Жулева заслужили даже нѣсколько апплодисментовъ.

Обратимся, въ заключеніи, къ дебютанту, который, какъ мы уже сказали, явился въ первый разъ на петербургской сценѣ, въ очень трудной ролѣ героя новой комедіи г. Островскаго—въ роли Глумова. Легко догадаться, изъ какой школы вышелъ г. Н. Самойловъ, и подъ какимъ вліяніемъ сложился его сценическій талантъ. Имя его отвѣчаетъ на этотъ вопросъ вполнѣ ясно. Школою и вліяніемъ могла быть для

Digitized by Google

него—игра г. Самойлова 1-го. Въ театральной школѣ г. Н. Самойловъ не бывалъ, но это обстоятельство, мы надѣемся, не будетъ ему вмѣнено въ преступленіе театральною дирекціею. За то кромѣ школы, которую г. Самойловъ имѣлъ въ своемъ отцѣ, онъ прошелъ еще другого рода школу, школу провинціальнаго театра, гдѣ онъ игралъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, и игралъ, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ: въ публикѣ Нижняго-Новгорода онъ оставилъ по себѣ особенно-добрую память. Вліянія этихъ двухъ школъ сказались тотчасъ же, какъ только вышелъ на петербургскую сцену г. Н. Самойловъ. Съ одной стороны, трудно было не замѣтить въ немъ большой привычки къ театральнымъ подмосткамъ, которая съ первой же минуты сдѣлала его игру вполнѣ развязною, съ другой — всякій узналъ бы въ немъ, не зная даже имени, по его манерамъ, пріемамъ, жестамъ и голосу, сына г. Самойлова 1-го. Разумѣется, крайне трудно, чтобы не сказать невозможно, оцѣнить съ полною справедливостью общую игру артиста послѣ одной только роли. Къ сожалѣнію, мы не видѣли г. Н. Самойлова въ другой игранной имъ уже ролѣ, и также въ пьесѣ г. Островскаго — «Пучинѣ», но мы надѣемся, во-первыхъ, что онъ будетъ дебютировать, по крайней мѣрѣ, еще разъ, а во-вторыхъ, что дирекція императорскихъ театровъ не останется совершенно глуха къ голосу публики, которая три раза уже произнесла свое мнѣніе надъ игрою г. Самойлова, покрывая ее горячими рукоплесканіями. Первое, что́ поражаетъ въ игрѣ г. Самойлова 2-го—это большая простота и полное отсутствіе того, что́ называется «бить на эффектъ». Онъ не дѣлаетъ никакой натяжки своему голосу, онъ не разсчитываетъ вызвать аплодисменты, поднимая его тонъ, въ немъ нѣтъ ни аффектаціи, ни еще болѣе ужасной крикливости. Голосъ его всегда, по крайней мѣрѣ, въ роли Глумова, остается спокоенъ, ровенъ и даже мѣстами, можетъ быть, слишкомъ ровенъ. Обладая органомъ своего отца, онъ конечно далеко еще не умѣетъ такъ владѣть имъ, онъ недостаточно оттѣняетъ его, недостаточно варьируетъ, что можно было бы замѣтить въ первомъ же дѣйствіи во время той сцены, когда Глумовъ бесѣдуетъ съ своимъ дядей и произноситъ: «Я глупъ». Тутъ, такъ по крайней мѣрѣ намъ показалось, простота г. Самойлова перешла границы возможной на театрѣ простоты, и въ ней звучала какъ будто бы заученная нота. Во всѣхъ остальныхъ сценахъ перваго дѣйствія, г. Самойловъ былъ очень хорошъ, и мы не станемъ отыскивать недостатковъ тамъ, гдѣ они сами не бросаются въ глаза. Во второмъ дѣйствіи г. Самойловъ былъ одинаково хорошъ, какъ и въ первомъ; но тутъ въ двухъ, трехъ сценахъ роль представляла необычайныя трудности, побѣдить которыя могъ только крайне опытный и необычайно талантливый, актеръ. Н. Самойловъ въ двухъ сценахъ 2-го дѣйствія, въ объясненіи съ Городулинымъ и въ сценѣ объясненія въ

Digitized by Google

любви съ Мамаевой, сдѣлалъ все, что требовала роль Глумова, написанная г. Островскимъ, и для первыхъ дебютовъ никто не можетъ требовать больше даже отъ весьма опытнаго артиста. Эти обѣ сцены, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удались г. Островскому, и насъ особенно непріятно поразилъ тотъ быстрый, совершенно неприготовленный переходъ, который совершается въ раболѣпномъ къ высшимъ міра сего Глумовѣ при его встрѣчѣ съ важнымъ чиновникомъ Городулинымъ. Глумовъ могъ замѣтить либерализмъ Городулина, онъ могъ даже прежде знать о немъ, или слышать, но при первой встрѣчѣ Глумовъ, какъ умный человѣкъ, обязанъ былъ своимъ умомъ провѣрить либерализмъ Городулина и потомъ уже обращаться съ нимъ за панибрата. Въ самой ролѣ тутъ есть недодѣланность, и эту недодѣланность обнаружилъ и г. Н. Самойловъ, оставаясь слишкомъ вѣрнымъ автору новой комедіи. Но сценическое искусство потому-то и есть искусство, что оно требуетъ отъ артиста не только выполненія извѣстной роли, но даже и «досозданія» ея тогда, когда въ ролѣ существуетъ неполнота, неровность. Г. Самойловъ вѣрно передалъ Глумова г. Островскаго, и это уже заслуживаетъ полной похвалы, но къ этому Глумову онъ не прибавилъ ничего своего, онъ не дополнилъ его своимъ творчествомъ, онъ не сгушевалъ его неровность, не сдѣлалъ въ этихъ мѣстахъ болѣе цѣльнымъ характеръ Глумова, какъ можетъ быть сдѣлалъ бы г. Самойловъ, если бы въ эту минуту талантъ его уже достигъ той степени развитія, на которой напр. стоитъ г. Самойловъ 1-й. Точно также въ той сценѣ, когда онъ, Глумовъ, ничтожный человѣкъ передъ тѣми, которые выше его, рѣшается сдѣлать Мамаевой признаніе въ любви, и произноситъ: «Васъ люблю»,—мы бы желали, чтобы въ этомъ признаніи Глумова обнаружилось болѣе страсти, необходимой и для того, чтобы объяснить его рѣшительность, и еще болѣе для того, чтобы неглупая Мамаева въ самомъ дѣлѣ повѣрила ему. Во всей остальной ролѣ мы сдѣлаемъ ему только еще одинъ упрекъ, именно за тотъ небольшой монологъ, за ту минутную сцену, когда Глумовъ замѣчаетъ, что у него украли дневникъ. Въ этомъ мѣстѣ игра г. Самойлова показалась намъ нѣсколько сухою, въ ней не было достаточно жизни, но и тутъ вина падаетъ только вполовину на г. Самойлова, другую же половину долженъ принять на себя г. Островскій, написавшій и въ психологическомъ и въ сценическомъ отношеніи не совсѣмъ удачный монологъ. Все остальное въ четвертомъ актѣ, сцена съ Крутицкимъ, всѣ сцены съ Мамаевой, съ продажнымъ писакой Голутвиновымъ были исполнены г. Самойловымъ какъ нельзя болѣе удачно. Но что болѣе всего заслуживаетъ похвалы—это исполненіе пятаго акта, который могъ превратиться для г. Самойлова въ настоящій подводный камень, и отъ котораго онъ спасся съ такимъ полнымъ успѣхомъ, который не позволяетъ сомнѣваться въ талантѣ молодого дебютанта. Эта длинная тирада, обращенная поочереди по-

Digitized by Google

чти ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, давала такой отличный поводъ г. Самойлову скатиться въ общую яму рутины, такъ легко ему было броситься въ вызывающіе рукоплесканія крики, въ самое отчаянное размахиванье руками, и такимъ образомъ испортить вполнѣ хорошо сыгранную роль, что мы еще болѣе оцѣнили ту простоту и естественность, которая лежитъ краеугольнымъ камнемъ въ его игрѣ, и при помощи которой такъ легко таланту двигаться впередъ и впередъ на пути сценическаго искусства.

Подводя общій итогъ игрѣ г. Н. Самойлова, мы можемъ сказать, что игра его очень умна и доказываетъ въ молодомъ артистѣ дѣйствительно художественное пониманіе. Роль Глумова должна была убѣдить всякого, кто только далъ себѣ трудъ отправиться на одинъ изъ дебютовъ г. Самойлова 2-го, что онъ обладаетъ положительнымъ талантомъ, степень котораго мы, разумѣется, послѣ одной нами видѣнной роли, еще не беремся точно опредѣлить, но въ настоящемъ случаѣ важно то, что для публики, присутствовавшей на дебютѣ, талантъ въ Самойловѣ-сынѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Мы надѣемся потому, что тѣ, отъ которыхъ зависитъ пріемъ на сцену г. Н. Самойлова, видѣвъ его въ двухъ, столь противоположныхъ роляхъ, убѣдились, что не нужно выйти изъ нѣдръ Театральнаго Училища, чтобы быть хорошимъ артистомъ; можетъ быть, при этомъ допущена будетъ и та мысль, что гораздо лучше расходовать деньги, собираемыя съ публики, на тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ мотутъ принести пользу русскому театру, нежели на ту массу патентованныхъ актеровъ, которые поставляются Театральнымъ Училищемъ.

В. Т.

Digitized by Google

КРИТИКА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Iwan Turgenjew, von Julian Schmidt. Preussiche Jahrbücher Band XXII. 1868.

Мнѣніе критика объ иностранномъ писателѣ, языка котораго онъ не знаетъ, съ которымъ знакомъ только по эстампу перевода, лишенному, конечно, колорита подлинника, не можетъ быть основано на вполнѣ вѣрномъ анализѣ. Въ условіяхъ, опредѣляющихъ національный духъ есть много такого, что совершенно ускользаетъ отъ заочнаго свидѣтеля, то-есть отъ человѣка, знакомаго съ бытомъ народа только по описаніямъ. Едва ли нужно доказывать, что бытъ русскаго народа, духъ русскаго общества, такъ сказать, мысль русскаго ландшафта менѣе доступны изученію иностранца, чѣмъ мѣстныя условія какой либо другой европейской страны. На это есть историческія, слишкомъ хорошо извѣстныя причины. Исторія воспитала насъ иначе, чѣмъ западную Европу; географическія условія также совсѣмъ оригинальны, и вліяніе ихъ можетъ быть понятно скорѣе жителю западныхъ территорій Сѣвероамериканскаго Союза, чѣмъ европейцу.

Но, если анализъ, на которомъ европейскій критикъ можетъ опирать свое мнѣніе о русскихъ дѣлахъ и людяхъ и картинахъ русскаго быта, не можетъ быть столь точенъ, какъ анализъ критики отечественной, за то логическая операція, которая состоитъ именно въ выводѣ изъ фактовъ общей идеи, едва ли не будетъ благонадежнѣе у критика иностраннаго, чѣмъ у отечественнаго критика, по отношенію къ произведеніямъ русской мысли, русскаго искусства. Русскій критикъ, стоя вблизи фактовъ изображенныхъ художникомъ, непремѣнно относится къ нему субъективно, съ личнымъ сочувствіемъ или несочувствіемъ, смотря по тому, совпадаютъ ли или несовпадаютъ углы воззрѣнія критика и писателя. Эта субъективность неизбѣжна, и объ истекающемъ отсюда пристрастіи едва ли слѣдуетъ сожалѣть. Дѣло въ томъ, что критика отечественная имѣетъ обязанность выше одной безусловной справедливости къ писателю; скажемъ также, что безусловная справедливость совершенно невозможна тамъ, гдѣ цѣль критики прежде всего—общественное воспитаніе.

Иностранный критикъ не имѣетъ въ виду такой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не подчиняетъ ей своего приговора надъ достоинствами

Digitized by Google

писателя, насколько могъ узнать ихъ. Анализъ его не такъ точенъ, но на синтетическое отправленіе его ума можно гораздо болѣе положиться; а вѣдь и это обстоятельство очень важно, когда хочешь провѣрить собственный свой взглядъ на безусловныя достоинства того или другого писателя, дать себѣ отчетъ, какое мѣсто можетъ онъ занять современемъ въ общности литературы, когда уже свершается давность надъ временными условіями, «преходящими», «облегчающими» и «отягощающими» обстоятельствами. Иностранный критикъ—это для писателя первый представитель потомства. Вѣдь и послѣдній будетъ произносить приговоръ гораздо съ большею холодностью и съ меньшимъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ того времени, среди котораго работалъ писатель.

Русскимъ читателямъ интересно будетъ знать мнѣніе наиболѣе популярнаго изъ современныхъ нѣмецкихъ критиковъ, Юліана Шмидта объ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей современной Россіи, а именно о томъ, котораго произведенія вызывали въ критикѣ отечественной наиболѣе разногласія—о И. С. Тургеневѣ.

Юліанъ Шмидтъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, господствуетъ въ нѣмецкой критикѣ, и хотя это господство, конечно, подвергалось не разъ опасности ниспроверженія, однако удержалось до сихъ поръ настолько, что за нимъ остается въ нѣмецкой критикѣ первенствующее мѣсто. Онъ не только критикъ, но и историкъ литературы. Его «Исторія романтики во времена революціи и реставраціи» (1847 г.), «Исторія нѣмецкой національной литературы въ XIX столѣтіи» (1853 г.), которая впослѣдствіи была дополнена и вышла подъ названіемъ «Исторія нѣмецкой національной литературы послѣ смерти Лессинга», «Исторія французской литературы и времени революціи» (1857 г.), «Шиллеръ и его современники» (1859 г.), хотя и не могутъ быть признаны монументальными критическими твореніями, такими, которыя открываютъ въ литературѣ новый періодъ, и не всѣ даже въ равной степени примѣчательны въ ученомъ отношеніи—отличаются трезвостью взгляда и большою, если можно такъ выразиться «діагностическою» способностью. Шмидтъ отлично видитъ именно природу писателя и искусно раскрываетъ главныя его слабости.

Что политическій кругозоръ его не обширенъ, что онъ, какъ общественный дѣятель, далеко не всегда согласенъ самъ съ собою, всѣ эти свойства, которыя объясняютъ именно, почему онъ самъ на ходъ литературы большого вліянія не имѣлъ—для насъ неважны. Намъ важна именно его наблюдательность и трезвость мысли, потому что мы беремъ у него оцѣнку безотносительныхъ достоинствъ замѣчательной русской литературной личности.

Въ характеристикѣ писателей Ю. Шмидтъ необыкновенно-искусенъ. Извѣстный французскій критикъ «Revue des deux Mondes», Сен-Ренѣ-

Digitized by Google

Талландьѐ, который много сдѣлалъ для ознакомленія французовъ съ современнымъ теченіемъ умственной жизни Германіи—дѣлалъ свои фотографическіе снимки прямо съ тѣхъ портретовъ, которые нарисовалъ Ю. Шмидтъ, причемъ, довольно безцеремонно, большею частью не упоминая объ оригиналѣ.

Изъ того, что мы сказали о діагностической способности нѣмецкаго критика, слѣдуетъ, что отзывъ Ю. Шмидта можетъ имѣть значеніе для оцѣнки именно безотносительнаго достоинства нашего писателя-художника.

Свѣдѣнія о самомъ Шмидтѣ мы должны дополнить еще указаніемъ на то опредѣленное направленіе, котораго онъ держится. Это направленіе — *реализмъ*, но не реализмъ въ новѣйшемъ смыслѣ слова, представляющемъ извѣстную цѣльность философскаго міровоззрѣнія и политическихъ стремленій, а реализмъ собственно литературный, отрицаніе въ литературѣ преувеличеній, искусственности, фальши. Въ такомъ видѣ появился реализмъ въ тридцатыхъ годахъ, какъ реакція противъ романтизма. И вотъ Ю. Шмидтъ — одинъ изъ дѣятельныхъ представителей этого отрицательнаго реализма, хотя и явился по времени уже только продолжателемъ этого направленія, возникшаго ранѣе начала его литературной дѣятельности.

Изъ писателей современной Германіи, рядомъ съ Ю. Шмидтомъ,— критикомъ, мы поставимъ Густава Фрейтага, — романиста. Одинъ въ критикѣ, другой въ творчествѣ они—представители такъ-называемаго средняго сословія, des deutschen Bürgerthums, съ его хорошими качествами: трезвостью мысли, уваженіемъ къ труду, глубокимъ чувствомъ долга, и недостатками — узкостью политическаго взгляда, миніатюрностью идеаловъ, склонностью къ самодовольству, исключительностью.

Представивъ характеристику самого критика, изложимъ теперь его отзывъ о нашемъ писателѣ; само собою разумѣется, что тутъ наша оцѣнка безусловно кончается, такъ какъ цѣль этой замѣтки не дать *наше* мнѣніе о творчествѣ Тургенева, а познакомить со взглядомъ на нее наиболѣе авторитетнаго современнаго нѣмецкаго критика.

Говорить объ одномъ изъ народныхъ современныхъ писателей нельзя, не касаясь, по крайней мѣрѣ, самаго крупнаго изъ современныхъ явленій въ жизни этого народа. Ю. Шмидтъ касается освобожденія крестьянъ, и главную заслугу литературной дѣятельности Тургенева видитъ въ томъ, что онъ изобразилъ, что́ такое была у насъ неволя. «Плачевную судьбу невольниковъ-негровъ — говоритъ онъ — всѣ знали уже вѣка, изъ сильно-набросанныхъ разсказовъ, о Россіи же знали мало. Повѣсть передъ современностью и передъ потомствомъ о томъ, что́ называется крѣпостнымъ правомъ — вотъ историческая заслуга Ивана Тургенева». — «Сѣверо-американскіе аболиціонисты изображали съ большою полнотою тѣ муки, которымъ подвергали рабовъ

Digitized by Google

злобные плантаторы; они старались указать услугу своему дѣлу, облекая жертвы сіяніемъ чистѣйшей добродѣтели. Въ книгѣ, которую много читали въ послѣдніе 10 лѣтъ, «Дядя Томъ», негръ-невольникъ былъ поставленъ на такую высоту благородства, что..... Ничего въ родѣ этихъ иллюзій нѣтъ у Тургенева. Онъ просто показываетъ, но показываетъ съ страшною правдою, какъ рабство развращаетъ всѣхъ, и господъ и подвластныхъ имъ людей. И прирожденное добродушіе не предохраняетъ отъ самыхъ дурныхъ дѣйствій въ этомъ состояніи безправія, и природная энергія парализуется при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлаютъ все безцѣльнымъ».

О личномъ отношеніи Тургенева къ картинамъ, которыя онъ рисуетъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ:—«Совершенно непонятно, какъ могъ одинъ французскій критикъ утверждать, что самъ Тургеневъ остается нейтральнымъ въ этомъ дѣлѣ, ограничивается объективнымъ, безпристрастнымъ изображеніемъ его. Тургеневъ, правда, не пускается въ риторство; выраженіе его остается трезво даже тогда, когда онъ разсказываетъ самыя ужасныя вещи; но именно въ этомъ трезвомъ выставленіи фактовъ во всей ихъ наготѣ и чувствуется, что у повѣствователя кипитъ кровь».

Изъ картинъ русскаго быта, при существованіи крѣпостного права, Ю. Шмидтъ по природѣ своей вѣрно схватилъ двѣ главныя черты тогдашняго положенія: громадную, безплодную трату силъ и отупѣніе, какъ необходимое послѣдствіе крѣпостного права, и безвыходность этого положенія, требовавшаго толчка извнѣ. «Изъ картинъ этихъ уясняется, что освобожденіе могло быть осуществлено только государственною волею, силою. Изнутри не были возможны ни реформы, ни насильственный переворотъ».

Приведемъ еще нѣсколько словъ нѣмецкаго критика о томъ же предметѣ. «Освобожденіе крѣпостныхъ—говоритъ онъ—не только требовалось закономъ нравственности, но и было необходимостью экономическою. Въ крѣпостномъ состояніи заключалась такая трата силъ, хуже которой нельзя себѣ представить. Конечно, обстоятельства не поправятся вдругъ: грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ». Взглядъ нѣмецкаго публициста чрезвычайно вѣренъ; не мѣшало бы и намъ помнить, что если крестьянское самоуправленіе и свобода доставляютъ поводъ къ сѣтованіямъ, то не по неспособности крестьянъ къ свободѣ, а потому что «грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ».

Переходя къ оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ нашего писателя, Ю. Шмидтъ прежде всего дѣлаетъ такое замѣчаніе:

«Затруднительность вѣрной оцѣнки иностраннаго писателя въ настоящемъ случаѣ отчасти уменьшается тѣмъ, что талантъ Тургенева выражается очень рельефно, и что связи его съ новѣйшей нѣмецкой и французской литературою, повидимому, почти тѣснѣе, чѣмъ съ чисто-русскою,

Digitized by Google

хотя матеріалъ его повѣстей заимствованъ почти исключительно изъ русской жизни. Впрочемъ, объ эти стороны присущи русской литературѣ вообще. Пушкинъ, первый значительный поэтъ новѣйшей Россіи, въ настроеніи своемъ, во всемъ идеальномъ процессѣ своихъ мыслей и ощущеній слѣдовалъ по дорогѣ Байрона; между тѣмъ изложеніе его основывалось на внимательномъ и усиленномъ наблюденіи русской жизни. Вся русская литература сохранила этотъ характеръ реализма. Почти безъ исключеній, вся она, рядомъ съ цѣлью идеальною, ставитъ себѣ цѣль практическую, хочетъ содѣйствовать къ улучшенію положенія дѣлъ, и для этого начать съ изображенія ихъ именно такими, какъ они есть. Наблюдательность глазъ для подробностей дѣйствительной жизни въ русскихъ писателяхъ развита, какъ кажется, сильнѣе, чѣмъ у нашихъ нувеллистовъ.

«Въ поэтической силѣ Тургеневъ не уступаетъ никому изъ живущихъ нынѣ писателей всей Европы. Впрочемъ великая поэтическая сила еще не дѣлаетъ великаго поэта. Современникамъ трудно рѣшить, какое значеніе будетъ имѣть такой-то поэтъ въ всесвѣтной литературѣ; здѣсь много зависитъ отъ качества того матеріала, который былъ данъ ему въ нравственномъ и умственномъ воспитаніи его народа. Но собственно сила таланта подлежитъ измѣренію, и о Тургеневѣ надо сказать, что чѣмъ болѣе вчитываешься въ его произведенія, тѣмъ болѣе чувствуешь удивленія къ его художественной индивидуальности и къ его техникѣ, при чемъ, разумѣется, видишь ярко и предѣлы его силъ».

Ю. Шмидтъ говоритъ затѣмъ, что Тургеневъ, по самому характеру,—принадлежитъ къ писателямъ *новаго времени*. Особенность этого времени заключается въ томъ, что онъ недовольствуется простымъ интересомъ разсказа, а ищетъ въ разсказѣ въ томъ или другомъ видѣ постановки вопроса объ отношеніи идеальнаго къ природѣ. «Въ малѣйшей повѣсти непремѣнно есть задача; авторъ старается для даннаго случая открыть общій законъ природы, законъ душевныхъ движеній. Древнимъ не была извѣстна обусловленность индивидуальнаго духа природою, а ихъ поэты отбрасывали это отношеніе въ сторону, и только великое философское движеніе обоихъ послѣднихъ столѣтій принудило художника такъ или иначе раздѣлываться съ рѣшеніемъ этой задачи.... Въ прежнія времена на природу смотрѣли какъ на нѣчто чуждое, но дружились съ ней: она иногда являлась неблагосклонною, но человѣкъ останавливался на ея хорошихъ сторонахъ и наслаждался ими. Теперь мы сознаемъ, что составляемъ съ ней одно цѣлое, мы проникаемся ею, но за то теперь чуждое начало какъ будто закралось въ собственную нашу грудь, точно какой-то демонъ овладѣлъ нами; и вотъ намъ интимнѣйшая наша собственная жизнь пред-

Digitized by Google

ставляется какъ нѣчто непонятное, и, какъ все безусловно непонятное, заключаетъ въ себѣ элементъ ужаса.

«Такою мы ощущаемъ природу у Тургенева, самаго современнаго изъ всѣхъ поэтовъ; такъ ощущаетъ ее Шопенгауэръ, самый современный изъ философовъ. И для него природа не есть то, чѣмъ она представлялась Шеллингу—не есть идея; у него крѣпко сознаніе дѣйствительной жизни природы, животныхъ, растеній, минераловъ; но эта жизнь природы въ душѣ его отзывается такими волнами звуковъ, что онъ теряетъ свою личную цѣльность; и вотъ ему жизнь высшая, свобода личная представляются какъ аномалія посреди природы, представляется ему чѣмъ-то такъ неподходящимъ къ общимъ законамъ міра, что онъ торопится сбросить съ себя это нѣчто, чтобы найти покой.]

«Даже въ тѣхъ повѣстяхъ Тургенева, въ которыхъ легко разсказано какое-нибудь чудесно-странное происшествіе, въ гоффмановомъ родѣ, а отысканіе связи и рѣшеніе загадки предоставляются самому читателю, — разсказъ служитъ только нитью для изображенія какого-нибудь *природнаго настроенія*». Но, не смотря на такое преобладаніе «настроенія», нашъ художникъ никогда не теряетъ здраваго смысла, и сравнивая его съ Тикомъ и Жан-Полемъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ, что они тоже ощущали общее могущество природы, сознавали его на себѣ, но природы не знали: они «среди природы гуляли, Тургеневъ охотился». Это очень удачное замѣчаніе критикъ развиваетъ, описывая съ большимъ увлеченіемъ и полною вѣрностью, какъ у Тургенева проявляется знакомство съ природою, съ каждымъ шумомъ, звукомъ, который возникаетъ въ лѣсу, съ птицами и звѣрями, его умѣнье рисовать полуживотныя, получеловѣчныя фигуры, вызывать эффекты громадности простымъ троекратнымъ ослабленіемъ перекликовъ, и т. п. Ссылки на отдѣльныя сочиненія, при общей характеристикѣ Тургенева, мы конечно пропускаемъ. «Субъективное, какъ бы миѳологическое настроеніе — говоритъ Шмидтъ — отличаетъ ландшафты Тургенева отъ ландшафтовъ Вальтеръ-Скотта, который въ своемъ родѣ тоже великій художникъ». О «Запискахъ охотника» нѣмецкій критикъ замѣчаетъ, что они также характеризуютъ талантъ Тургенева, какъ «Лондонскіе эскизы» характеризуютъ Диккенса.

Напомнимъ, что въ старину въ бельлетристикѣ не существовало типовъ личныхъ, а только формы или образцы, въ которые вливались избранныя личности, и что Вальтеръ-Скоттъ первый занялся старательнымъ описаніемъ своихъ фигуръ, но дѣлалъ это больше механически, и что Бальзакъ первый сталъ писать красками портреты своихъ дѣйствующихъ лицъ. — Ю. Шмидтъ относитъ въ этомъ смыслѣ и Тургенева къ французской школѣ, къ школѣ Бальзака, съ слѣдующею, однако, оговоркою: «Ошибка Бальзака, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ старается; онъ растираетъ свои

Digitized by Google

краски на глазахъ у читателя и ослабляетъ впечатлѣніе такою механическою работой. Сверхъ того, у него подъ оттѣнками портретовъ почти исчезаетъ рисунокъ, твердое очертаніе. Тургеневъ отличается отъ своего образца тѣмъ, что, какъ истинный художникъ, употребляетъ матеріальныя средства очень бережливо. Онъ выбираетъ одинъ рѣшительный шагъ, когда лицо выказывается въ истинномъ своемъ значеніи и на этотъ-то моментъ онъ и бросаетъ ясный, отвѣсный свѣтъ. Такъ рисовалъ свои портреты живописецъ англійской аристократіи, сэръ Джонъ Лоуренсъ. Тургеневъ отличается отъ Бальзака тѣмъ, что не обращается къ микроскопу, а смотритъ на предметы въ естественномъ разстояніи; живыя картины онъ не прикрѣпляетъ искусственно, для удобнѣйшаго наблюденія».

Ю. Шмидтъ указываетъ на увлекательность женскихъ типовъ у Тургенева, и не малую долю этого дѣйствія ихъ видитъ въ ихъ загадочности. Въ числѣ примѣровъ, онъ ссылается на Ирину (въ «Дымѣ»), которая, по его мнѣнію, быть можетъ самый прелестный изъ этихъ типовъ. Ея стремленіе насладиться и благами свѣта и чувствомъ истинной любви и ея колебаніе въ выборѣ—онъ находитъ естественными. Ему кажется естественно и то, что она, не смотря на нравственный недостатокъ, успѣваетъ покорить себѣ и лучшихъ людей. «Вымыселъ—говоритъ онъ—часто кажется слишкомъ страннымъ, а между тѣмъ дѣйствительность иногда идетъ дальше его; стоитъ прочесть послѣднее извѣстіе о Лассалѣ». Здѣсь Ю. Шмидтъ намекаетъ на то, что Ферд. Лассаль палъ жертвою любви къ женщинѣ его недостойной. Что Ю. Шмидтъ, такимъ образомъ, указываетъ на Лассаля, какъ на одного изъ лучшихъ людей, дѣлаетъ большую честь самому Шмидту, котораго Лассаль жестоко казнилъ какъ публициста. Видно, литературные нравы не *вездѣ* одинаковы.

Что Тургеневъ въ любви не находитъ взаимнаго равенства, а почти всегда деспота и угнетеннаго, что онъ относится съ недовѣріемъ къ той юстиціи, которая сказывается въ возмездіи представляемомъ жизнью, это Ю. Шмидтъ, разумѣется, называетъ пессимизмомъ.

Разбирая отдѣльныя произведенія нашего бельлетриста, Ю. Шмидтъ заключаетъ по нимъ о нашей жизни такъ: «Основнымъ зломъ въ современной русской жизни оказывается то, что стремленіе отдѣльныхъ лицъ къ нравственной выработкѣ не совпадаетъ съ дѣйствительною жизнью всего русскаго общества».

Замѣчательно, что типъ Базарова вовсе не внушаетъ нѣмецкому критику тѣхъ чувствъ, которыя онъ, правда, подъ вліяніемъ мѣстныхъ, временныхъ обстоятельствъ, вызвалъ въ части нашей печати. Онъ отзывается о характерѣ Базарова, такъ какъ онъ представленъ, съ полнымъ уваженіемъ и не видитъ въ немъ никакого карикатурнаго намѣренія. Онъ говоритъ, что истинные нигилисты — романтики и меч-

Digitized by Google

татели, а въ Базаровѣ видитъ человѣка трезваго, очищающаго поле. «Когда онъ является грубымъ, и не боится доходить до абсурда—говоритъ Ю. Шмидтъ—то надо оказать ему помощь и стараться вникнуть въ его настоящую мысль. *На все есть свое время.* Когда тамъ, гдѣ нужно точное наблюденіе, люди засматриваются на луну, то вполнѣ естественно, что не только лунная мечтательность, но и сама луна подвергнутся осмѣянію. Придетъ еще время и для романтики, и для луны; но когда надо браться за работу, то они не у мѣста».

Вотъ еще одинъ отзывъ Шмидта о той сторонѣ «Дыма», которая у насъ возбудила вопли людей, полагающихъ, что служеніе своему отечеству состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы постоянно носить патріотическій мундиръ и держать его застегнутымъ на всѣ крючки:—«Изъза самыхъ жесткихъ приговоровъ, произносимыхъ Тургеневымъ о его отечествѣ, видна тайная любовь. Что положеніе худо—это онъ видитъ ясно; но когда онъ говоритъ, что не откуда взяться помощи, то разумѣетъ въ сущности только, что самъ помочь не можетъ, не можетъ содѣйствовать къ поправленію дѣла. Онъ самъ не захотѣлъ оставаться въ Россіи, какъ она есть до сихъ поръ; но, не смотря на привлекательность кружка, въ которомъ онъ живетъ теперь, ему не избѣгнуть по временамъ чувства, что все-таки не тутъ его родина. И, разумѣется, чувство это соединяется со злобою, съ тою злобою, какую мы такъ часто встрѣчали въ честнѣйшихъ сердцахъ и лучшихъ головахъ нашихъ, германскихъ переселенцахъ».

Вслѣдъ за тѣмъ, Ю. Шмидтъ замѣчаетъ, впрочемъ, что трудно сознавать и оцѣнивать по достоинству въ ея цѣлости ту несознательную самой себѣ, но существенную жизнь націи, которая, при какомъ-нибудь сильномъ возбужденіи, можетъ вдругъ проявить силу, находившуюся дотолѣ въ усыпленіи. «Такая, усыпленная, сила Россіи однажды уже проявилась внезапно въ размѣрахъ великаго образа Петра».

П. Л.

Digitized by Google

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія *проф. Роммеля* о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1868.

Эта небольшая книжка представляетъ интересное и отрадное явленіе въ нашей заглохшей провинціальной литературѣ. Исторія Харьковскаго университета до сихъ поръ была почти не разработана. Относящіяся сюда оффиціальныя изданія чрезвычайно скудны матеріалами и непривлекательны для чтенія. Никто изъ первыхъ студентовъ, бывшихъ свидѣтелями основанія университета, не оставилъ по себѣ записокъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть достовѣрныя свѣдѣнія о первыхъ дѣятеляхъ русскаго просвѣщенія на Украинѣ. Заслуги этихъ людей извѣстны только по преданію. Къ счастію, одному изъ нѣмецкихъ ученыхъ, вызванныхъ въ Харьковъ въ 1807 году, профессору классической филологіи Роммелю, пришло въ голову напечатать за границею свои воспоминанія о Россіи. Они появились первоначально въ историческомъ сборникѣ Бюлау (Geheime Geschichten, etc.), за 1854 г., потомъ были переведены на русскій языкъ Я. О. Балясныимъ, библіотекаремъ Харьковскаго университета, и наконецъ вышли отдѣльною книгою. Г. Балясный прибавилъ къ тексту Роммеля нѣсколько замѣтокъ и дополненій, а въ предисловіи вѣрно опредѣлилъ характеръ его воспоминаній. «Въ этихъ запискахъ, говоритъ переводчикъ, представленъ замѣчательный, хотя небольшой, періодъ изъ жизни Харьковскаго университета. Какъ дѣятель, сильно сочувствующій всѣмъ интересамъ своего времени и своего круга, Роммель возстановляетъ передъ нами живой образъ прошлаго. Изъ его простого и откровеннаго разсказа видно, что онъ не увлеченъ ни духомъ партіи, ни личнымъ пристрастіемъ. Онъ глубоко правдивъ. Рѣзко, но безъ желчи выставляетъ онъ дурныя стороны людей и отдаетъ полную справедливость, даже тѣмъ лицамъ, которыя ему несовсѣмъ по сердцу». Изъ семи главъ воспоминаній, три (стр. 48—98), самыя любопытныя, посвящены описанію харьковскаго общества и университета (1811 — 1814); двѣ — путешествію по Россіи,

Digitized by Google

остальныя двѣ, переданныя переводчикомъ вкратцѣ, касаются жизни автора въ Германіи.

Роммель принадлежитъ къ числу иностранныхъ профессоровъ *перваго вызова*; между ними было много людей, извѣстныхъ на западѣ своими учеными трудами. Они составили въ Россіи какъ бы привилегированную колонію и, слѣдовательно, возбудили противъ себя недоброжелательство, такъ-называемой, русской партіи. Къ сожалѣнію, эта партія, при своемъ наружномъ и словесномъ патріотизмѣ, не отличалась безкорыстіемъ. По крайней мѣрѣ, представители ея въ университетѣ охотно обкрадывали казну и брали взятки. Между ними особенно дурная слава ходила про Успенскаго, профессора русской исторіи изъ семинаристовъ, автора сочиненія о древностяхъ русскихъ. Роммель изображаетъ его крючкомъ. —«По должности синдика онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось, и подъ маскою угодливости скрывалъ огромное честолюбіе». «Всѣ эти господа—прибавляетъ Роммель—отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, невсегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ, безразсчетнымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ-подъячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: въ протоколъ записать! довести до свѣдѣнія начальства! Всегдашнею ихъ тактикою было—представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и отечества. И это называли они—служить вѣрою и правдою».

Впрочемъ, до отъѣзда Роммеля изъ Харькова, эти происки не имѣли успѣха. Большинство въ совѣтѣ находилось на сторонѣ людей, нерасположенныхъ къ доносамъ; казначейская должность, въ видахъ общей безопасности, поручалась нѣмцу. Преслѣдованія профессоровъ за вредный образъ мыслей начались послѣ, во вторую половину царствованія Александра I. Тогда же обнаружилось во всей силѣ взяточничество *благонамѣренной* партіи. Первою жертвою клеветы былъ извѣстный преподаватель философіи *Шадъ*. Товарищи особенно его ненавидѣли: «держа оппозицію противъ старыхъ русскихъ, онъ давалъ слишкомъ много воли своему языку и однажды до того забылся в совѣтѣ, что сказалъ: «вы всѣ холопы!» Къ нем придрались за книгу о естественномъ прав нашли въ ней атеизмъ, хотя на самомъ дѣ она была написана подъ вліяніемъ Шелли Несчастный Шадъ былъ схваченъ, высланъ границу (1817) и кончилъ жизнь свою въ гор кой нищетѣ.

Вообще, съ выходомъ въ отставку перв попечителя Северина-Потоцкаго (1804—181 Харьковскій университетъ лишился не тол внѣшней защиты, но и внутренняго споко ствія. Жаль, что Роммель сообщаетъ мало св дѣній объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ: е безкорыстная дѣятельность на пользу русск просвѣщенія заслуживаетъ вѣчной памяти признательности. Преданіе говоритъ о не какъ объ истинномъ основателѣ и благодѣте университета. Такіе попечители во всѣ в мена рѣдки. Ему не приходило въ голову вм шиваться во внутреннія распоряженія совѣ стѣснять независимость выборнаго ректора и показывать свою силу надъ студентами. Нах дясь большею частью въ Петербургѣ, при Гл номъ правленіи училищъ, онъ не былъ докуч ливымъ жильцомъ университета, а пріѣзжа въ Харьковъ желаннымъ гостемъ, чтобы пр диться безъ шума надъ устройствомъ кабин товъ и библіотеки, посѣтить гимназіи и уч лища, познакомиться съ нуждами края—и м мочь просвѣщенію сильнымъ словомъ или д рымъ дѣломъ. Потоцкій не переставалъ зан ться объ университетѣ и во время своих поѣздокъ за границу. Черезъ него именно и отъ министерства приглашенія иностранны ученыхъ въ Россію. Нужно согласиться, ч сдѣланный имъ выборъ рѣдко былъ неудач Если ему и приходилось иногда раскаяться ошибкѣ, то развѣ въ невольной: ошибки н кого рода свойственны людямъ, дѣйствующ по самымъ чистымъ и высокимъ побужденія Такъ однажды въ Вѣнѣ ему удалось встрѣт ученаго славянина (Стойковича), которому стрійское правительство дѣлало самыя лест предложенія. Потоцкій не замедлилъ вступ съ нимъ въ разговоръ и объяснилъ ему, ка было бы желательно видѣть соплеменнико Россіи ревнителями ея просвѣщенія. Стой вичъ уступилъ его просьбамъ и тутъ же н писалъ условія своего перемѣщенія въ Хар ковскій университетъ. Счастіе скоро повел

Digitized by Google

трому сербу на плодородной почвѣ Украины: о сдѣлали ректоромъ. Къ сожалѣнію, благо-дныя чувства, одушевлявшія просвѣщеннаго опечителя, были мало доступны новому рек-ору: онъ больше всего заботился о томъ, какъ нажить деньги; «по немногу, говоритъ Ром-ель, открылись его торговыя спекуляціи: онѣ стояли въ безпошлинномъ ввозѣ иностран-ыхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. ачалось скандальное слѣдствіе; онъ лишился лжности».

Еще больше старался Потоцкій о замѣщеніи каѳедръ природными русскими. Но въ то вре-я у насъ трудно было найти людей, приго-овленныхъ къ этимъ должностямъ. Старожи-ы Харькова говорятъ, что на первыхъ по-ахъ даже не явилось другихъ охотниковъ по-упать въ студенты университета, кромѣ не-оторыхъ семинаристовъ. Самъ попечитель, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ министру Ра-мовскому, горько жалуется на равнодушіе ѣстныхъ дворянъ къ образованію. «Не чув-твуя благотворнаго вліянія наукъ, или имѣя нихъ весьма темное понятіе, не радѣютъ они воспитаніи дѣтей своихъ. Будучи лишены ѣхъ нужныхъ къ тому средствъ, они лучше оглашаются записать ихъ въ службу, оставя авсегда необразованными, нежели усовершать ихъ знанія, и не хотятъ дозволить дѣтямъ сво-имъ выше четырнадцатилѣтняго возраста по-ѣщать гимназій». При такомъ состояніи об-ества, поиски Потоцкаго за профессорами не огли имѣть на мѣстѣ большого успѣха. Прав-ъ, онъ выдвинулъ на эту дорогу нѣкоторыхъ пособныхъ учителей семинаріи, но и между ими очень часто попадались люди въ родѣ тойковича, или еще съ худшими наклонно-тями, какъ наприм. Успенскій. Намъ непо-ятно, почему г. Сухомлиновъ (изъ статьи ко-ораго, помѣщенной въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., за 1865 г., мы заимствовали разныя вѣдѣнія о Потоцкомъ) такъ восхищается до-оинствами этого профессора. Даже на каѳе-ру богословія Потоцкій долго не зналъ, кого ригласить, и вышелъ изъ затрудненія только агодаря счастливому случаю. Однажды, обо-рѣвая округъ, заѣхалъ онъ въ г. Валки и во-ѣлъ, по обыкновенію, безъ шума, просто, какъ астный человѣкъ, въ тамошнее народное учи-ище, на лекцію закона Божьяго. О преподава-елѣ этого предмета ходила добрая слава. Что-бы убѣдиться въ его достоинствахъ, попечи-тель остался въ городѣ до другого дня, долго бесѣдовалъ съ священникомъ, послушалъ, какъ онъ объясняетъ Евангеліе, и наконецъ предло-жилъ ему вакантное мѣсто въ университетѣ.

Просвѣтительная дѣятельность Потоцкаго на Украинѣ, вѣроятно, была бы давно извѣ-стна цѣлой Россіи, если бы онъ больше думалъ и хлопоталъ о своей славѣ. Но люди такого разряда скромны и не требуютъ признатель-ности даже отъ потомства. Они служатъ наукѣ по долгу и убѣжденію, повинуясь внутреннему голосу души своей. Эту высокую душу можно читать на портретѣ достойнаго попечителя, къ счастію, уцѣлѣвшемъ въ Харьковѣ и поме-щенномъ въ университетской картинной гале-реѣ. Онъ писанъ, говорятъ, рукою Лампи. Художникъ мастерски передалъ нѣжный, де-ликатный бюстъ, кроткое выраженіе лица и прекрасные, полные любви, глаза старика-вель-можи. Такъ и видишь передъ собою сподвиж-ника тѣхъ славныхъ временъ, когда «люди всѣхъ сословій, соревнуя своему государю, на-перерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и на-родному образованію» (см. статью Богдановича въ «Вѣстникѣ Европы» за 1866 годъ, іюнь, стр. 146).

Мы не намѣрены продолжать нашихъ вы-писокъ въ надеждѣ, что разбираемая книга прочтется русскою публикою. Воспоминанія Роммеля, повидимому, должны возбудить осо-бенное сочувствіе на Украинѣ, до которой они ближайшимъ образомъ касаются. Желательно, чтобы обнародованіе фактовъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго университета, на этомъ не остановилось. Темныя времена, слѣдовав-шія за Потоцкимъ, хотя и не утѣшительны, но столько же, если не болѣе, любопытны. Для ихъ описанія, вѣроятно, найдутся разнообраз-ные матеріалы.

Свидѣтели попечительскаго управленія обо-ихъ Карнѣевыхъ и Филатова, еще живы и, вѣ-роятно, помнятъ то, что они видѣли въ моло-дости. Харьковскій университетъ не избѣжалъ, какъ извѣстно, душегубительнаго наѣзда еди-номышленниковъ Магницкаго. Одинъ изъ луч-шихъ профессоровъ математики въ тогдашнее время Осиповскій, по словамъ старожиловъ, былъ лишенъ мѣста за то, что улыбнулся или усумнился, когда попечитель на экзаменѣ изъ богословія предложилъ вопросъ, чѣмъ питаются

Digitized by Google

ангелы. Справедливо ли это? Обязанность собрать полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о прошедшей жизни Харьковскаго университета лежитъ преимущественно на его воспитанникахъ. Дай Богъ, чтобы этимъ занялись не оффиціальные панегиристы, не брюзгливые порицатели, которыми такъ изобилуетъ наша земля, а люди правдивые и безпристрастные.

Во всякомъ случаѣ, первый шагъ сдѣланъ. Роммелю, безспорно, принадлежитъ честь почина, а его переводчику—благодарность за полезный трудъ и добрый примѣръ. Книга, о которой мы дали отчетъ читателямъ нашего журнала, открываетъ передъ нами эпоху, богатую начинаніями и незабвенную въ исторіи русскаго образованія. Мы видимъ передъ собою молодой университетъ, только что основанный въ украинской глуши, и переносимся мыслію въ ту сферу, въ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Сколько трудностей пришлось одолѣть ему, чтобы наполнить свой составъ, найти студентовъ, способныхъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ и возбудить къ себѣ вниманіе невѣжественнаго общества! Тогдашніе нравы не могли не имѣть дурного вліянія на ученую корпорацію: въ ней обнаружились злоупотребленія. Но лучшіе ея представители трудились и боролись съ надеждою на успѣхъ подъ защитою коллегіальныхъ началъ. Самоуправленіе было обезпечено; на свободу преподаванія долго никто не смѣлъ посягнуть. У колыбели университета стоялъ юный человѣколюбивый Государь съ своими просвѣщенными сподвижниками. К—ія.

Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса, *М. Н. Галкина.* Спб. 1868 г. Стр. 174. Цѣна 1 р. 50 к.

Возбужденіе вопроса о лучшемъ устройствѣ тюремъ и первыя попытки къ установленію пенитенціарныхъ системъ на раціональныхъ основаніяхъ принадлежатъ къ заслугѣ англосаксонскаго племени. Въ Филадельфіи составилось въ 1776 году частное общество для улучшенія положенія заключенныхъ, существующее до настоящаго времени, и создавшее такъ-называемую «пенсильванскую», одиночную или келейную систему заключенія. Въ Англіи вниманіе общественнаго мнѣнія было обращено на тюремный вопросъ трудами извѣстнаго филантропа Джона Говарда, который, будучи взятъ въ плѣнъ французами на корабль въ 1756 году, испыталъ на себѣ тягости тогдашняго анархическаго положенія тюрем и посвятилъ себя изслѣдованію состоянія ихъ въ разныхъ странахъ. Подъ вліяніемъ его пропаганды, англійскія тюрьмы улучшились в крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ былъ введенъ бо́льшій порядокъ; вмѣстѣ с тѣмъ, возникли и въ Англіи частныя общества для попеченія объ арестантахъ.

Пенсильванская система одиночнаго заключенія была выработана квакерами и основана на коренной мысли «общества друзей», о сп сительности религіознаго созерцанія. Лучш средство исправить преступника квакеры о крыли въ томъ, чтобы уединить его, лиши всякихъ развлеченій, «запереть его съ самим собою, Богомъ и библіею». Въ концѣ двадц тыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, квакеры, поученію законодательнаго собранія Пенсил ваніи, построили уже двѣ тюрьмы, по сво системѣ: въ Питсбургѣ и Черри-Галлѣ, бл Филадельфіи. Но противъ системы квакеро скоро возникла оппозиція въ другихъ штатах Въ Нью-Іоркѣ и Бостонѣ образовались об щества, которыя, принимая изъ квакерской с стемы идею исправленія преступниковъ, отр цали пользу одиночнаго заключенія безъ р боты. По этой, новой системѣ, получив названіе оборнской отъ имени мѣстности, которой была построена первая тюрьма, осн ванная на ея началахъ—тюрьма должна бы рабочимъ домомъ. Работы должны произ диться сообща, но посреди молчанія, а уе неніе по кельямъ ограничивается ночью сверхъ того, употребляется еще въ видѣ н казанія.

Извѣстно, что жестокая система безусл наго келейнаго заключенія дала результа неутѣшительные; заключенные не рѣдко ли лишались разсудка. Поэтому, система о ночнаго заключенія, мало-по-малу, теряла практикѣ свою безусловность. Точно так въ оборнской системѣ допущены были, вс пенно, разныя облегченія, въ особенности о посительно обязательности молчанія, котор оказалось неудобоисполнимымъ или обре няющимъ арестантовъ массою наказаній.

Въ Англіи полное преобразованіе тюр пой системы явилось вслѣдствіе оказанн въ 1828 году затруднительности продолж

Digitized by Google

истему ссылки преступниковъ въ колоніи, въ прежнихъ размѣрахъ. Англійское правительство послало инспекторовъ Крауферта и Россела въ сѣверную Америку для изслѣдованія введенныхъ тамъ системъ, и вотъ къ какимъ выводамъ пришли эти спеціалисты, по исполненіи своего порученія: 1) одиночное заключеніе можетъ быть допускаемо только на извѣстный срокъ, для того, чтобы изучить личный характеръ преступника; 2) одиночное заключеніе и въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ допустить только для тѣхъ преступниковъ, которые приговорены къ ссылкѣ. Сверхъ того, Крауфертъ и Россель потребовали, чтобы на мѣстахъ ссылки преступники не оставлялись на произволъ судьбы (въ прежнія времена ихъ просто продавали въ колоніяхъ частнымъ лицамъ), а состояли подъ вѣдѣніемъ особой администраціи.

На этихъ основаніяхъ, въ 1839 году, была построена въ Лондонѣ, въ Пентонвильскомъ участкѣ, тюрьма на 500 чел. Она состоитъ изъ флигелей, для одиночнаго заключенія, которые идутъ лучами отъ центра. Работы—общія, но ночью и даже на прогулкѣ арестантъ уединенъ (для прогулки есть отдѣльные дворики, въ которые впускаютъ арестантовъ). Здѣсь содержали преступниковъ приговоренныхъ къ ссылкѣ 18 мѣсяцевъ, потомъ посылали ихъ въ Австралію. Впослѣдствіи, сосланнымъ дозволялось, при хорошемъ поведеніи, брать такъ-называемые «отпускные билеты» (tickets of leave) и возвращаться въ Англію гораздо ранѣе срока для пріисканія работы. Такимъ образомъ, въ 1855 и 1856 годахъ около 3000 чел., приговоренныхъ въ Англіи и Шотландіи къ ссылкѣ, воспользовались этимъ правомъ и возвратились на родину, несмотря на то, что въ ихъ числѣ болѣе 200 судились за убійства, а 179 были даже ресидивисты. Впродолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ, дѣйствіе закона о tickets of leave, такое условное освобожденіе получили 7000 чел. Но результаты этой мѣры были неблагопріятны; ей приписывали быстрое возвышеніе цифры преступленій въ Англіи, которая дошла до того, что въ 1861 году было произнесено 1300 обвинительныхъ приговоровъ.

Появленіе извѣстныхъ «гарротеровъ» на улицахъ Лондона, въ 1862 году, возбудило общественное мнѣніе противъ условнаго освобожденія ссыльныхъ. Оно было ограничено, а вмѣстѣ съ тѣмъ, введены спеціально для гарротеровъ тяжкія тѣлесныя наказанія (распространенныя и на преступниковъ нѣкоторыхъ другихъ категорій). Главною причиною того, что возвращавшіеся изъ ссылки совершали новыя преступленія, едва ли не была именно затруднительность для нихъ найти работу, при недовѣріи къ нимъ фабрикантовъ и при завистисвободныхъ рабочихъ. Доказательствомъ такому мнѣнію служитъ фактъ, что когда образовалось общество для пріисканія возвращеннымъ преступникамъ мѣстъ, то, на число людей, поступившихъ подъ покровительство этого общества, случаевъ новыхъ преступленій оказалось гораздо менѣе, чѣмъ приходилось бы по нормальному разсчёту уголовной статистики.

Необходимость имѣть въ виду и тѣ обстоятельства, которыя представляются при освобожденіи арестанта, вызвала въ Ирландіи особую пенитенціярную систему, которой основателемъ былъ Крафтонъ. Она получила названіе purgatory of prisoners (чистилище для преступниковъ) и оказала на практикѣ блистательные результаты, именно сократила число случаевъ новыхъ преступленій (récidives) въ Ирландіи, сравнительно съ Англіею, на *двѣ трети*. Въ ирландской системѣ арестантъ подвергается сперва одиночному заключенію на время до 9 мѣсяцевъ, но при хорошемъ поведеніи это время можетъ быть сокращено на 1 мѣсяцъ. Такъ какъ одиночное заключеніе употребляется собственно какъ средство пробудить въ преступникѣ нравственное самосознаніе, то въ это время онъ не занимается такими работами, которыя могли бы развлекать его, и пользуется бесѣдами съ духовными лицами.

Когда срокъ одиночнаго заключенія истекаетъ, то арестантъ поступаетъ на общее содержаніе и проходитъ чрезъ пять разрядовъ, которые отличаются разными преимуществами въ содержаніи и въ вознагражденіи за трудъ; арестанты разныхъ разрядовъ носятъ отличительные знаки. Работы, которыми арестанты занимаются сообща—преимущественно внѣшнія, то-есть исполняемыя на открытомъ воздухѣ, работы строительныя и земледѣльческія. Одиночное заключеніе при этомъ остается постоянною угрозою. По истеченіи извѣстнаго срока, а для осужденныхъ на пожизненное заключеніе—по

Digitized by Google

истеченіи 12 лѣтъ, арестанта переводятъ въ «переходное заведеніе», въ которомъ и заключается высшая степень «чистилища». Здѣсь внѣшній надзоръ ослабляется, и преступнику предоставляется на дѣлѣ доказывать свое исправленіе: его отпускаютъ на работы, даютъ деньги для закупокъ вещей, которыя могутъ быть ему нужны впослѣдствіи, на свободѣ, даютъ ему въ руки часть заработка и т. д., и при этомъ слѣдятъ за наклонностями, какія въ немъ проявляются и, сообразно съ тѣмъ, или возвращаютъ его снова въ разряды заключенныхъ, или же даютъ условную и даже безусловную свободу раньше срока назначеннаго судебнымъ приговоромъ. Такимъ образомъ, «переходныя заведенія» ирландскихъ тюремъ сближены властью карательною, судебною.

Понятно, какой степени развитія и справедливости требуетъ примѣненіе этой системы отъ тюремныхъ инспекторовъ.

Система одиночнаго заключенія вездѣ, болѣе или менѣе, подверглась отступленію противъ первоначальной своей мысли. Во Франціи, ей слѣдовали послѣдовательно и перестраивали тюрьмы согласно съ ея требованіями, но въ 1853 году правительство отказалось отъ дальнѣйшаго ея примѣненія, ссылаясь на его дороговизну. Вслѣдствіе того, прекратилась перестройка тюремъ, да и въ уже устроенныхъ на принципѣ келейнаго содержанія тюрьмахъ, напр. въ Мазасѣ, допущены были послабленія.

Въ настоящее время одиночное заключеніе на все время наказанія существуетъ только въ Пруссіи, Баденѣ и Бельгіи. Въ Англіи, отчасти въ Бельгіи и Швейцаріи одиночное заключеніе употребляется только какъ переходное, а также для людей находящихся еще подъ слѣдствіемъ и судомъ. Во Франціи, Италіи, Швейцаріи и Германіи господствуетъ система общаго содержанія арестантовъ, слѣдующаго за одиночнымъ, съ общими спальнями и мастерскими, или съ общими мастерскими, но съ разъединеніемъ арестантовъ на ночь и на прогулки днемъ. Ирландская система также нашла нѣкоторыя подражанія, именно въ примѣненіи къ арестантамъ осужденнымъ на долгіе сроки. Въ Англіи и Франціи существуетъ также и въ настоящее время ссылка, послѣ предварительнаго заключенія и принудительныхъ работъ. Наконецъ, система сокращенія сроковъ заключенія за хорошее поведеніе, а также условное освобожденіе, съ помощью частн обществъ покровительства арестантамъ, суще ствуетъ преимущественно въ Англіи и Бель Вотъ каково современное положеніе пенит ціарнаго дѣла на практикѣ.

Книга г. Галкина, по которой мы сдѣл этотъ краткій очеркъ, заключаетъ много ин тересныхъ фактовъ. Авторъ самъ наблюдалъ тройство тюремъ за границею, какъ видно порученію правительства, которымъ напеч тана и самая книга г. Галкина. Съ обычн пассивностью оффиціальныхъ собирателей м теріаловъ, г. Галкинъ воздерживается слишко строго отъ произнесенія всякаго личн сужденія по своему предмету, а всѣ аргумен при сравненіи разныхъ пенитенціарныхъ си темъ, выдаетъ за чужіе, хотя навѣрное нѣкот рые принадлежатъ и ему. Но такой «докладны способъ изложенія имѣетъ ту невыгоду, ч въ немъ сопоставляются нѣкоторые довод взаимно уничтожающіе одинъ другой. Мы п нимаемъ, что изслѣдователь можетъ устран себя, сопоставивъ аргументы, освѣщающіе в просъ съ разныхъ сторонъ и хотя, конеч несогласные между собой, именно по этой пр чинѣ, но не взаимно-противорѣчивые, т. е. кіе, изъ которыхъ одинъ утверждаетъ фак а другой — тотъ же самый фактъ отрицает Тутъ уже докладчику не слѣдуетъ устранят безъ объясненія и съ своей стороны.

Возьмемъ примѣръ. Въ числѣ аргум товъ, представляемыхъ защитниками безусл наго одиночнаго заключенія, Бомономъ, Ге виллемъ, Дюкпетіо, Юліусомъ и др., авто приводитъ слѣдующій: «При примѣненіи о ночнаго заключенія, дѣйствуютъ вмѣстѣ ис шеніе и исправленіе, а слѣдовательно дост гаются двѣ наиглавнѣйшія цѣли тюремн содержанія.» Въ числѣ же аргументовъ, пр ставляемыхъ противъ одиночнаго заключ Миттермайеромъ и др. публицистами, авт приводитъ такой: «Одиночное содержаніе щe подавляетъ всѣ физическія и умстве способности заключеннаго, доводитъ е апатіи, отучаетъ отъ труда и возвращаетъ общество мало способнымъ къ дѣятельн Если въ этомъ послѣднемъ аргументѣ сколько-нибудь правды, то о какомъ же правленіи» можетъ быть рѣчь? Если же исправленіи рѣчи быть не можетъ, то и аргументъ, значитъ, — не серьёзный, а

Digitized by Google

ющъ случаѣ зачѣмъ же приводить его? Во всякомъ же случаѣ подобныхъ взаимно одно другое исключающихъ положеній докладчикъ не долженъ приводить безъ оговорки.

Между тѣмъ г. Галкинъ, изложивъ противоположныя мнѣнія, прибавляетъ отъ себя только то, что практикою они въ значительной степени примиряются.

Г. Пассекъ, котораго мысли о преобразованіи нашей тюремной системы приведены въ книгѣ, полагалъ ввесть одиночное заключеніе только какъ «приготовительное» къ дальнѣйшему содержанію, ввесть условное освобожденіе, подготовленіе заключеннаго къ свободѣ, наблюденіе за условно-освобожденнымъ, учрежденіе спеціальнаго тюремнаго вѣдомства, наконецъ разсчитывалъ на попеченіе со стороны *частныхъ обществъ* объ освобожденныхъ.

Однимъ словомъ, г. Пассекъ полагалъ возможнымъ ввесть у насъ всѣ главныя основанія ирландской системы. Не трудно согласиться съ г. Галкинымъ, который тутъ выступаетъ уже самъ по себѣ и замѣчаетъ, что «для иной, предуказываемой имъ (тюремнымъ комитетамъ и попечительнымъ совѣтамъ) врядъ ли выработались у насъ повсемѣстно всѣ необходимыя для нея условія».

Тюремное дѣло, говоря вообще, находится у насъ еще въ такомъ положеніи, что первый и наиболѣе настоятельный «вопросъ» здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы имѣть достаточное число тюремныхъ помѣщеній, теплыхъ, сухихъ и свѣтлыхъ. Извѣстно, что остроги у насъ переполнены, что этапныя тюремныя помѣщенія, выражаясь коротко — ни на что не похожи, что за исключеніемъ нѣсколькихъ новыхъ тюремъ—и то пока онѣ, въ свою очередь, не переполнятся — наши мѣста заключенія тѣсны, грязны, некрѣпки, такъ-что изъ рѣдкаго изъ нихъ не бываетъ каждый годъ побѣговъ, обставлены всѣми условіями для всякаго рода злоупотребленій. Только тогда, когда этихъ помѣщеній будетъ въ самомъ дѣлѣ достаточно для ежегодно возрастающей массы нашихъ арестантовъ, можно будетъ удовлетворить самымъ первоначальнымъ требованіямъ пенитенціарнаго дѣла, именно, чтобы состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, неосужденные не сидѣли вмѣстѣ съ осужденными, чтобы краткосрочные не содержались съ долгосрочными и т. д.

Но одновременно съ этимъ видомъ тюремнаго вопроса, онъ представляется еще и въ видѣ болѣе радикальнаго требованія, именно необходимости пересмотра нашего устава о наказаніяхъ. Ежегодное возрастаніе массы арестантовъ у насъ — неоспоримый фактъ. При немъ, сколько ни стройте тюремъ, все будетъ мало.

Нельзя отнестись иначе какъ сочувственно къ предложенной г. Пассекомъ и принимаемой г. Галкинымъ мысли о введеніи въ тюремныя комитеты лицъ отъ земства. Что же касается надежды на содѣйствіе частныхъ обществъ, то едва ли она не тщетна; содѣйствіе это едва ли можетъ пока быть[иное, какъ присылка муки, раздача саекъ и т. п. для замалиданія арестантами грѣховъ подаятелей.

Въ книгѣ г. Галкина есть еще описаніе образцовой тюрьмы, устроенной въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, въ зданіи бывшаго Виннаго городка. Оно не такъ давно было напечатано въ газетахъ. Къ книгѣ приложено шесть плановъ разныхъ тюремныхъ помѣщеній.

Окраины Россіи. Серія первая: Русское Балтійское поморье. Выпускъ I. Изданіе Ю. Самарина. Прага. Типографія д-ра Ф. Скрейшовскаго. 1868.

Въ Ежемѣсячной Хроникѣ ноябрьской книги, мы познакомили читателей съ ходомъ крестьянскаго вопроса въ прибалтійскихъ губерніяхъ, по даннымъ книги г. Самарина. Но указанныя нами при этомъ данныя далеко не исчерпываютъ всего интереса этой книги.

Здѣсь мы преимущественно намѣрены опредѣлить ея характеръ. Этотъ характеръ полемическій. Одну изъ цѣлей, которыя, какъ говоритъ авторъ, онъ имѣлъ въ виду, именно: открытіе «канцелярскихъ тайнъ», изъ которыхъ многія считаются тайнами только въ предѣлахъ имперіи — онъ, конечно, не могъ исполнить такъ, чтобы очеркъ его былъ сколько-нибудь полная, даже связная исторія русской администраціи на «Окраинахъ». То, что онъ «открылъ» въ этомъ отношеніи, даетъ только примѣры, но никакъ не сколько-нибудь полную картину.

Впрочемъ, другая и болѣе прямая задача, занимавшая автора предлежащихъ выпусковъ, дѣлала уже сама по себѣ едва ли возможнымъ связное, историческое, документальное изложеніе. Эта задача была:

Digitized by Google

«Противодѣйствовать антирусской пропагандѣ и знакомить славянскую публику съ призваніемъ и дѣйствіями нашего правительства въ предѣлахъ тѣхъ же нашихъ окраинъ. При этомъ, я претендую на право защищать за границею государственные и народные интересы Россіи противъ балтійскаго и польскаго провинціализма также свободно, какъ напримѣръ гг. фонъ-Бокъ, фонъ-Сиверсъ и другіе, ихъ же имя легіонъ, защищаютъ передъ западною Европою свои провинціальные интересы противъ Россіи».

Г. фонъ-Боккъ, о которомъ упоминаетъ здѣсь авторъ, издаетъ въ Берлинѣ сборникъ подъ именемъ Lievländische Beiträge, совершенно враждебный Россіи; г. Сиверсъ издалъ въ 1865 году брошюру Appel an die Europäische Oeffentlichkeit.

Г. Самаринъ преимущественно полемизируетъ съ г. Боккомъ. Весь первый, важнѣйшій выпускъ его сочиненія, какъ бы порожденъ потребностью высказаться по поводу обвиненій, бросаемыхъ г. Боккомъ на Россію. Потребность эта естественна, такъ какъ въ обвиненіяхъ г. Бокка есть много возмутительнаго. Особенно возмутительна у него манера представлять нѣмцевъ у насъ преслѣдуемыми, и защита германизаціи латышей и эстовъ, въ то самое время, когда даже введеніе русскаго языка въ мѣстную администрацію выставляется въ видѣ неслыханнаго посягательства на нѣмецкую національность.

Но преобладаніе полемической мысли и притомъ полемики спеціально съ такими-то и такими-то положеніями г. Бокка, помѣшало г. Самарину заняться серьезнымъ, всестороннимъ и спокойнымъ изложеніемъ административной исторіи и общественнаго быта въ прибалтійскихъ провинціяхъ; полемическія условія придали его книгѣ характеръ отрывочнаго и недостаточно продуманнаго, однимъ словомъ, газетнаго изложенія.

Кромѣ того, достоинство сочиненія г. Самарина не мало уменьшается пріемомъ, къ сожалѣнію, столь свойственнымъ нашей газетной публицистикѣ: взять слова эмигранта, открытаго врага Россіи, обставить ихъ всякаго рода усиливающими комментаріями, обратиться къ чувству національнаго самолюбія, національной обидчивости и затѣмъ воскликнуть: ab uno disce omnes! Какъ этотъ нѣмецъ пишетъ, такъ всѣ нѣмцы-молъ думаютъ; какъ онъ совѣтуетъ дѣйствовать, такъ они втайнѣ дѣйствуютъ; ка онъ оскорбляетъ наше отечество, такъ они душѣ предаютъ его проклятію; какъ онъ м таетъ только о соединеніи съ Германіею, т и они готовятъ измѣну.

Этотъ не строго-добросовѣстный методъ личенія, этотъ полицейскій пріемъ «загл ванья въ душу» изобрѣтенъ въ Москвѣ, н въ Петербургѣ нашелъ усердныхъ подража лей. Этотъ пріемъ употребленъ и г. Самарини Объяснимся примѣромъ.

Сказавъ, что г. Боккъ—

«выставляетъ передъ Германіею безсиліе р ской народной стихіи, ея дряблость, вялость, устойчивость, неспособность къ какой-либо ин ціативѣ, непослѣдовательность въ предпріятія неумѣніе постоять за себя, всегдашнюю уступ вость передъ напоромъ нѣмецкаго элемента, с вершенное отсутствіе всякой притягательной сил die geistige und sittliche Impotenz der Russen Russengenossen» —

прибавивъ отзывъ г. Бокка, что «даже дьявольскомъ искусствѣ подкупать и обма вать, русскіе такіе же неучи, какъ и во всемъ авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду только р дражить національное самолюбіе своего чи теля. Иначе, стоитъ ли заниматься чьим то ни было ругательствами, серьезно ли защ щать Россію противъ такой безсмыслен брани? Но г. Самарину это нужно для пріема. Итакъ, онъ раздражилъ самолю читателя. Теперь посмотримъ, что онъ и этого сдѣлаетъ:

«Иными словами—продолжаетъ онъ—и д держиваясь сравненія употребленнаго авторо выходитъ слѣдующее: *его земляки* (вотъ что происходитъ подтасовка, вмѣсто такого-то с вятся *всѣ*, и притомъ не эмигранты, а живу въ Россіи, подъ дѣйствіемъ русскихъ законо его земляки надѣваютъ русскій мундиръ, им имѣть возможность, въ угоду Германіи, разли ливать русское вино какою-то своею нѣме подливкою; потомъ, они же отвѣдываютъ эту м морщатся, отплевываются передъ лицемъ Ев и говорятъ ей: дрянь русское вино, ни крѣп ни вкуса, ни игривости, ничего въ немъ н Еще бы!»

Тутъ произошелъ легко узнаваемый эск тажъ: вмѣсто г. Бокка, которому угодно р Россію, подставлена совокупность нѣмцо

Digitized by Google

русскихъ гражданъ, и вина г. Боккa приписана имъ всѣмъ. Но авторъ, употребляющій такой пріемъ, надѣется, что эскамотажъ читателемъ замѣченъ не будетъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ-то именно моментъ въ читателя бросаютъ и «русское вино», и «дрянь», и «жижь», однимъ словомъ, г. Самаринъ заставляетъ нѣмцевъ поголовно ругаться и не безъ основанія ожидаетъ, что читатель, выведенный изъ себя, не помнитъ уже съ чего началась рѣчь, а съ раздраженіемъ скажетъ про себя: «а, такъ вотъ они какъ!» А этого г. Самарину только и нужно. Тутъ онъ сейчасъ подойдетъ съ заключительной фразой, и воткнутый фокусомъ гвоздь пришибетъ молоткомъ прямого обличенія: «Эти слова, произнесенныя *корифеемъ современной балтійской интеллигенціи*, подвизающейся за границею, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія.» Значитъ, противъ русскаго народа отчаянно враждуетъ уже не одинъ нѣмецъ, и даже не толпа какихъ-нибудь нѣмцевъ, а именно все, что̀ есть образованнаго въ балтійскомъ краѣ; иначе балтійскіе нѣмцы непремѣнно отреклись бы; они не отреклись—значитъ они по меньшей мѣрѣ—«пристанодержатели враждебнаго Россіи направленія. Эти слова не требуютъ комментарія».

Не требуютъ комментарія?! А зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы, г. Самаринъ, спросимъ мы, комментируете ихъ, и именно въ самомъ обширномъ смыслѣ, толкуете пустую брань озлобленнаго эмигранта, какъ манифестъ вражды прибалтійскихъ нѣмцевъ къ русскому народу? Зачѣмъ они не отреклись, говорите вы; но кто же долженъ отрекаться? Серьезно, ожидали ли вы, что за каждымъ браннымъ словомъ, которое будетъ произнесено какимъ-нибудь нѣмцемъ заграницею, послѣдуютъ протесты ландтаговъ курляндскаго, лифляндскаго и эстляндскаго; потомъ—протесты городовъ: Риги, Митавы, Ревеля, Дерпта, Газенпота и т. д. И тогда, послѣ всѣхъ этихъ протестовъ, вы бы сказали: вотъ однако городъ Нарва не протестовалъ противъ словъ «корифея балтійской интеллигенціи», стало быть...

Стало быть что̀? А вотъ что: «Имѣяй уши слышати да слышитъ» восклицаетъ г. Самаринъ. Ну, положимъ и услышатъ, и Нарва будетъ сильно скомпрометтирована, потому что не отреклась. Знаете ли что? Вѣдь если бы пріемъ, выработанный въ Москвѣ и вами употребленный въ пражскомъ изданіи, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлался, какъ не могутъ не желать того авторы, могущественнымъ въ Россіи, если бы этотъ пріемъ заглядыванья въ души для открытія зловредности и обвиненія въ пристанодержательствѣ всѣхъ, кто торжественно не отрекся и не донесъ, не былъ бы въ свою очередь обличаемъ, какъ фальшивый и недобросовѣстный,—то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, могла бы наступить такая пора, что города дрожали бы да поминутно отрекались, да снова дрожали, не сказалъ ли опять кто-нибудь, гдѣ-нибудь, чего-нибудь!

«Имѣяй уши да слышитъ» послѣ обвиненія цѣлаго края за то, что онъ не отрекся, это тоже «слово и дѣло». Эта система вела бы къ терроризму, если бы... Но она только выведетъ самихъ авторовъ ея, въ концѣ концовъ, на свѣжую воду. Надо надѣяться такъ, полагаясь на здравый смыслъ русскаго народа, который не позволитъ, водить себя на привязи, и не послушаетъ ни чьихъ угрозъ, и ни чьего подстрекательства. Въ характеристикѣ книги г. Самарина мы не могли не выяснить того пріема, который такъ въѣлся въ наши публицистическіе нравы, и которымъ г. Самаринъ увлекся положительно въ ущербъ серьезнымъ сторонамъ своего изслѣдованія. Серьезно можно признать не болѣе (даже менѣе) половины перваго выпуска; другая половина, наполненная полемикою съ г. Боккомъ, а въ лицѣ его съ мнимыми «сокровенными» мыслями всѣхъ нашихъ нѣмцевъ—не составляетъ никакой заслуги въ томъ преувеличенномъ видѣ, какъ она является.

Серьезна, но, къ сожалѣнію, слишкомъ неполна та сторона описанія, которая показываетъ, какъ въ балтійскихъ губерніяхъ, подъ русскимъ управленіемъ, подвигалось дѣло болѣе или менѣе насильственной германизаціи латышей и эстовъ и дѣло закрѣпощенія крестьянъ, подъ видомъ улучшенія ихъ быта. Этой послѣднею частью книги г. Самарина, частью наиболѣе полною и поучительною, мы воспользовались въ предшествующей книгѣ «Вѣстника Европы».

Намъ остается поговорить о томъ, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ явленіи, которое состоитъ въ практической необязательности общихъ законовъ для балтійскихъ провинцій и о томъ чисто-германскомъ искусствѣ добиваться во

Digitized by Google

всемъ для себя изъятій, доставлять нѣмцу привилегированное положеніе, благодаря которымъ произошли два несомнѣнные факта: 1) нелюбовь русскихъ къ нѣмцамъ именно за эту исключительность и привилегированность всего нѣмецкаго, и 2) германизація латышей и эстовъ въ силу привилегированности германскаго элемента въ балтійскомъ краѣ и безправности тамъ элементовъ, какъ мѣстнаго народнаго, такъ и русскаго.

Г. Самаринъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ оффиціальныхъ документовъ, которые служатъ доказательствомъ полной побѣды, доставшейся всегда на долю многочисленной и высокопосягающей нѣмецкой camaraderie, какъ надъ стремленіями туземцевъ къ эманципаціи, такъ даже надъ открыто заявляемыми правительствомъ намѣреніями. Не безъ интереса, конечно, читаются сообщенія г. Самарина, что большая часть мѣръ, относящихся къ важнѣйшимъ дѣламъ балтійскаго края проходила мимо государственнаго совѣта, чрезъ особый Остзейскій комитетъ въ Петербургѣ; что лютеранскія школы въ балтійскомъ краѣ находятся внѣ всякаго серьезнаго контроля со стороны министерства народнаго просвѣщенія; что законъ объ обязательности православнаго исповѣданія для дѣтей происходящихъ отъ смѣшанныхъ (между лицомъ православнымъ и неправославнымъ) браковъ отмѣненъ *собственно* для Лифляндіи; что законъ объ употребленіи русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ балтійскаго края, несмотря на торжественное подтвержденіе — не исполняется и исполняться не будетъ; что въ циркулярѣ прибалтійскаго генералъ-губернатора по этому предмету, разосланномъ подчиненнымъ ему губернаторамъ, 26 октября 1867 года, допущены такія широкія толкованія, такія оговорки, которыя будто бы совсѣмъ устранятъ на неопредѣленное время исполненіе закона; что стремленіе къ обращенію въ православіе, обнаружившееся въ народѣ въ сороковыхъ годахъ, подъ предлогомъ нейтральности властей, будто бы было остановлено очень дѣйствительными мѣрами; что крестьяне, подъ видомъ свободы покупки земель, лишились всякаго права на землю и поступили съ недавняго времени въ полную зависимость отъ произвола владѣльцевъ земли и т. д. и т. д.

Мы нарочно не прерывали этого длиннаго періода: онъ представляетъ набросанную г. Самаринымъ картину той исключительности, той привилегированности, какую съумѣли добыть себѣ германскій элементъ въ Россіи. Картина эта, по истинѣ, изумительна; нѣкоторыя части ея г. Самаринъ подкрѣпилъ документами, а другія представляются очень вѣроятными въ виду несомнѣннаго факта, что нѣмцы умѣютъ устраивать себѣ у насъ такія, никому недоступныя, крѣпостцы. На устройство этихъ исключительныхъ, привилегированныхъ башенокъ они испрашиваютъ сперва разрѣшеніе въ видѣ награды за свою вѣрность властямъ, а потомъ, когда башенка устроена, они запираютъ ее на крѣпкій замокъ и самую власть туда уже не пускаютъ.

Всѣ эти башенки приведены въ одну общую правильную оборонительную систему и результаты показываютъ, что при всей Loyalität (кстати, г. Самаринъ, безпрестанно употребляя слово loyal, не понимаетъ его значенія на языкѣ нѣмецкомъ; онъ переводитъ loyal — „честный“, „благородный“, между тѣмъ какъ по-нѣмецки оно значитъ собственно вѣрный, вѣрноподданный), которую любятъ выставлять на видъ наши нѣмцы, эта система организованнаго отпора дѣйствуетъ очень исправно.

Вотъ, по словамъ г. Самарина, все, что удалось сдѣлать по иниціативѣ русскаго правительства дѣйствительно полезнаго въ балтійскомъ краѣ, въ двадцатилѣтній періодъ: 1) въ Ригѣ отмѣнено стапельное право, въ силу котораго русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ иностраннымъ торговцамъ, а обязаны были сбывать ихъ гражданамъ города Риги; 2) въ Ригѣ отмѣнена обязательная браковка льна, и 3) отмѣнено средневѣковое право мѣстныхъ цеховъ на исключительное производство ремеслъ. Между тѣмъ, свобода занятія ремеслами въ Ригѣ для русскихъ была выговорена еще при сдачѣ этого города, въ 1710 году. Понадобилось 156 лѣтъ, чтобы русскіе могли, въ краѣ принадлежащемъ Россіи, воспользоваться этимъ правомъ.

Вотъ эта-то исключительность нѣмцевъ, эта твердыня, въ которой они замыкаются, предварительно устроивъ ее внутри самымъ комфортабельнымъ образомъ для развитія и преобладанія германскаго элемента, эта привилегированность и вмѣстѣ исключительность нѣмцевъ и есть главная причина того нерасполо-

Digitized by Google

женія, какое они неразъ уже вызывали къ себѣ среди русскаго общества. Когда дѣло идетъ о выгодахъ слыть русскими, нѣмцы охотно являются въ качествѣ русскихъ. При покупкѣ на выгодныхъ условіяхъ, съ разными пособіями, имѣній въ западно-русскомъ краѣ, нѣмцы выхлопотали себѣ даже оффиціальное причисленіе ихъ къ «лицамъ русскаго происхожденія». Между тѣмъ эти же «лица русскаго происхожденія» всѣми силами отрицаютъ и обязательность для себя знать русскій языкъ, и примѣненіе къ себѣ великихъ реформъ — лучшаго достоянія русской мысли, потому только, что эти реформы поколебали бы германизацію латышей и эстовъ. Въ такомъ положеніи много фальши, очень мало истиннаго достоинства, и рѣшительно нѣтъ поводовъ къ сочувствію.

Отношеніе прибалтійскихъ нѣмцовъ къ нашимъ реформамъ — вопросъ очень важный и въ настоящемъ и въ будущемъ. Что нибудь изъ двухъ—или прибалтійскій край признается самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Россіею только въ особѣ общаго монарха; въ такомъ случаѣ пусть онъ имѣетъ независимое законодательство, но такое, въ которомъ большинству населенія, т. е. эстамъ и латышамъ предоставлено было законное участіе, какъ то мы видимъ въ Финляндіи; или — прибалтійскій край самостоятельнымъ государствомъ не признается потому, что въ дѣйствительности нѣтъ къ тому ни малѣйшаго основанія; въ такомъ случаѣ, онъ только часть имперіи, а части должны быть равноправны и законодательство въ нихъ не можетъ быть построено на противорѣчивыхъ принципахъ. Нельзя, напр., чтобы за одно и тоже дѣло въ одномъ мѣстѣ наказывали, а въ другомъ хвалили, чтобы судебное дѣло, перенесенное изъ русскаго суда въ судъ балтійскій, рѣшалось тамъ на совсѣмъ иныхъ основаніяхъ.

Напрасно г. Самаринъ не поставилъ именно этой дилеммы, потому что вся сила тактики нѣмцевъ заключается именно въ томъ, чтобы не доходить до яснаго, опредѣленнаго положенія, чтобы отстаивать права самостоятельности, но собственно для себя, а не для большинства населенія, чтобы, пользуясь правами русскаго гражданства, не нести его обязанностей. Остзейскій комитетъ, конечно, гораздо выгоднѣе для нѣмцевъ, чѣмъ могъ бы быть даже самостоятельный балтійскій сеймъ, какъ въ Финляндіи, въ которомъ большинство могло бы перейти на сторону латышей и эстовъ.

Вопросъ о примѣненіи къ балтійскому краю судебной реформы, сколько извѣстно изъ нѣмецкихъ заграничныхъ публикацій, вызвалъ только формальный протестъ со стороны коммиссіи избранной въ балтійскомъ краѣ по этому поводу, протестъ именно противъ принятія нашей судебной реформы за исходную точку. Съ тѣхъ поръ, этотъ вопросъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, такъ и заглохъ. Между тѣмъ, реформа судоустройства и судопроизводства въ балтійскомъ краѣ тѣмъ болѣе нужна, что тамъ классы общества находятся въ національномъ антагонизмѣ, и что предоставленіе высшей судебной власти, а также надзора за волостною полиціею въ рукахъ одного класса есть не только подчиненіе низшаго класса высшему, но и выдача одной національности головою другой, той самой, которая силится ее уничтожить всѣми мѣрами, о чемъ и заявляетъ открыто.

Возраженіе автора одного отвѣта на книгу г. Самарина, появившагося также за границею, что «русскія судебныя учрежденія нехороши своимъ личнымъ составомъ», есть только дерзость, лишенная въ настоящемъ случаѣ всякаго смысла. Развѣ присяжными въ Ревелѣ были бы русскіе?

Нежеланіе прибалтійскихъ нѣмцевъ участвовать въ развитіи учрежденій Россіи, представляется дѣломъ очень важнымъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Противодѣйствіе съ ихъ стороны можетъ внушить русскому обществу весьма серьезныя опасенія въ этомъ отношеніи.

Въ заключеніе, пожалѣемъ еще разъ, что работа г. Самарина была слишкомъ спѣшна и обусловлена тѣсно-полемическимъ назначеніемъ. Такъ, при изложеніи всего хода того или другого вопроса, онъ пользуется, главнымъ образомъ, только тѣми фактами, какіе находитъ у г. Бокка, конечно, извлекая изъ нихъ иные выводы. Но это лишаетъ первый выпускъ въ значительной мѣрѣ самостоятельнаго значенія. Что касается второго выпуска, который заключаетъ записки православнаго латыша, то эта часть совершенно самостоятельна и очень интересна, не столько по фактамъ, сколько какъ бытовая картина положенія несчастнаго, загнаннаго племени. Если бы, въ послѣ-

Digitized by Google

дующихъ выпускахъ, г. Самаринъ могъ воздержаться отъ употребленія того спеціальнаго пріема обличенія, о которомъ мы говорили выше, и давалъ болѣе самостоятельныя, менѣе полемическія изслѣдованія, то нельзя было бы оспаривать заслуги предпринятаго имъ дѣла.

Кстати, по поводу русскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время за границею, упомянемъ о выходѣ въ свѣтъ богословскихъ сочиненій А. С. Хомякова.

Въ одной нѣмецкой газетѣ, посвященной литературнымъ новостямъ славянской литературы: «Centralblatt für slawische Literatur und Bibliographie» (1868, № 38, 19 September), мы встрѣтили библіографическое извѣстіе о второй части этихъ сочиненій (о 1-й намъ не случилось встрѣтить указаній), изданной подъ редакціею Юрія Самарина.

Этой книги мы не находимъ въ здѣшней книжной торговлѣ и, не видѣвъ самаго изданія, можемъ сообщить читателю только оглавленіе, переводимое нами съ нѣмецкаго и потому (легко можетъ быть) не въ точности соотвѣтствующее подлиннику русской книги. Это оглавленіе слѣдующее: «Предисловіе. — Опытъ катехизическаго объясненія ученія о церкви.— Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ исповѣданіяхъ, по поводу брошюры Лавренци, 1853. — Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. по поводу посланія архіепископа парижскаго, 1855. — Еще нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу различныхъ латинскихъ (католическихъ?) и протестантскихъ сочиненій о вѣрѣ. 1858. — О библейскихъ трудахъ Бунзена. — Письмо къ Лоосу (янсенистскому) епископу въ Утрехтѣ. — Письмо къ редактору «Union Chrétienne» о значеніи слова «каѳолическій» и «соборный», по поводу рѣчи іезуитскаго патера Гагарина. — Письмо къ И. С. Аксакову о значеніи страданія и молитвы. — Письмо къ И. С. Аксакову о молитвѣ и о чудесахъ. — Десять писемъ къ В. Пальмеру.— Письмо къ г. Вильямсу. — Переводъ Посланія къ Галатамъ.— Переводъ Посланія къ Эфессянамъ. — Замѣчаніе къ тексту Посланія къ Филиппійцамъ. — Образъ жизни Спасителя. — Замѣчанія къ изслѣдованію достовѣрности (Zur Untersuchung der Authenticität) Евангелія отъ Матѳея. — О свободѣ и необходимости, по поводу ученія Спинозы, Канта и другихъ философовъ.»

Нѣкоторыя изъ этихъ статей были напечатаны уже давно французскими брошюрами (также заграницей); но какъ эти брошюры, такъ — если не ошибаемся — и всѣ остальныя статьи этого сборника были бы новостью для русскаго читателя. Нельзя не пожалѣть, что изданію суждено было выйти за границей, въ особенности, если оно не получитъ права гражданства и въ Россіи. Мы сами не склонны раздѣлять взгляды Хомякова, но не можемъ, конечно, не питать большого интереса къ его трудамъ, какъ одному изъ главныхъ выраженій славянофильской доктрины. Богословскіе взгляды Хомякова, отчасти извѣстные уже и изъ другихъ его сочиненій, составляютъ, конечно, весьма крупную долю въ цѣлой системѣ славянофильскихъ идей, и нельзя не желать, чтобы они могли подвергнуться сколько-нибудь откровенной критикѣ въ нашей домашней, не заграничной литературѣ. Мы съ интересомъ ожидаемъ, какъ будетъ поставлено въ нашей литературѣ новое пражское изданіе.

Галичина и Молдавія. Путевыя письма *Васили Кельсіева*. Спб. 1868 г. 351 стр.

Корреспондентъ газеты „Голосъ“, В. Кельсіевъ признанъ свои корреспонденціи изъ Галиціи и Молдавіи заслуживающими отпечатанія книгою. Газетамъ слѣдовало бы удерживать иныхъ своихъ корреспондентовъ отъ подобныхъ предпріятій. Мало ли что было напечатано на одномъ изъ 360 листовъ, выходящихъ въ теченіе года, и сошло съ рукъ, благополучно забылось. А тутъ опять все это является вторично на свѣтъ, обличая и всѣ тѣ „потребности“, какія имѣлись въ виду въ данный моментъ, и всѣ тѣ недосмотры и ошибки, какія могутъ быть въ разсужденіяхъ о предметахъ возвышенныхъ—людей, неприготовленныхъ, случайныхъ.

Любопытно было бы увидѣть отпечатанными отдѣльною книгою письма другого корреспондента газеты „Голосъ“ изъ Италіи, который зналъ всѣ тайны гарибальдійскихъ движеній и передалъ своей редакціи свидѣтельство итальянцовъ, что il Golos есть именно foglio serio e principale della presse russa—свидѣтельство, которое было конечно подлинно, за исключеніемъ впрочемъ слова *presse*, совсѣмъ несуществующаго въ итальянскомъ языкѣ.

Digitized by Google

Въ ожиданіи, пока появятся книги всѣхъ этихъ смѣлыхъ публицистовъ или кто-нибудь возьметъ на себя трудъ сдѣлать маленькій, поучительный этюдъ надъ ихъ показаніями изъ разныхъ странъ, надъ ихъ знаніями и нравами, можно довольствоваться книжкою одного изъ нихъ, г. Кельсіева.

Г. Кельсіевъ это — Грушницкій русской печати. Онъ также носится со страданіями „наложившими на чело неизгладимые слѣды», также оттопыриваетъ эполеты крылышками, повѣствуя о страхѣ, какой онъ наводилъ на австрійскія власти, также запускаетъ себѣ за галстухъ полбутылки духовъ, провозглашая, что это ему позволяли его средства, такъ какъ онъ получалъ отъ редакціи до четырехъ тысячъ рублей въ годъ.

Но Грушницкій былъ далеко не такъ смѣлъ, какъ г. Кельсіевъ, который больше всего любитъ говорить о томъ, что всего меньше знаетъ. Потомъ, Грушницкій, правда, любилъ эффектъ, мечталъ только объ эффектѣ, точно также какъ г. Кельсіевъ, но не былъ до такой степени жаденъ къ захвату всѣхъ родовъ эффекта, какъ послѣдній. Г. Кельсіеву мало того, что онъ васъ удивляетъ; нѣтъ, ему хочется поразить васъ, совсѣмъ ошеломить васъ даровитостью и силою своей личности. Для этого онъ подбѣгаетъ къ вамъ спереди и сзади, всякій разъ въ новомъ костюмѣ, подскакиваетъ выше своей головы, то становится въ позу Гамлета, берущаго взятки въ Тульчѣ, то съеживается въ страшную фигуру какого-то революціонернаго Яго, съ краснымъ перомъ, то вдругъ поплываетъ на лодкѣ и своею могучею рукою придавитъ пріятеля ко дну ея и держитъ его такъ, столь же долго, какъ въ циркѣ клоунъ можетъ продержать на зубѣ бревно; наконецъ, неожиданно мѣняетъ красное перо на красную рубаху и въ порывѣ патріотизма, несоразмѣрнаго ни съ пространствомъ, ни со временемъ, начинаетъ присоединять разныя земли къ тому отечеству, въ которое вернулся, таща ихъ за собою въ видѣ богатаго улова. Это не простой рыбакъ: это — Мазаніелло возвращающійся съ полною сѣтью, но въ то же время съ «печатью рока на челѣ».

Это уже не Грушницкій, а нѣкій могучій престидижитаторъ, ученый, публицистъ, атлетъ, революціонеръ, патріотъ, рыболовъ, однимъ словомъ настолько выше Грушницкаго, что уже недалекъ и до Мюнхгаузена. Нѣтъ въ человѣческой впечатлительности той дырки, куда бы не залѣзъ г. Кельсіевъ, и откуда бы онъ неожиданно не выскочилъ, чтобы удивить васъ.

«На меня — говоритъ г. Кельсіевъ въ своей книгѣ — на меня нападаютъ за мою будто бы (!) страсть рисоваться своей личностью передъ публикою, выставлять себя при каждомъ случаѣ какимъ-то героемъ и какъ бы осью, вокругъ которой вращается все разсказываемое мною. У каждаго своя манера, каждый работаетъ по источникамъ, которыми онъ располагалъ». Совсѣмъ напротивъ; находятъ, что разсказываемое г. Кельсіевымъ совсѣмъ не интересно, что изъ богатыхъ сюжетовъ, которыхъ онъ касается, онъ ничего несъумѣлъ извлечь дѣльнаго, а относительно «оси» и личнаго геройства самого автора всѣ согласны, что въ этомъ-то и заключается весь интересъ его повѣствованія, потому именно, что оно есть не изслѣдованіе, а «представленіе». Недостатокъ же г. Кельсіева заключается, какъ мы уже сказали, въ жадности забрать уже всѣ эффекты; Грушницкій, когда стоялъ передъ зеркаломъ съ эполетами, оттопыренными въ видѣ крылышекъ, былъ, вѣроятно, очень милъ; но если бы онъ такіе же эполеты навязалъ себѣ еще на спину, привѣсилъ къ колѣнямъ и пожалуй къ носу — то едва ли бы онъ могъ губить сердца.

Чтобы ошеломить своего читателя сразу, как можно сильнѣе, г. Кельсіевъ начинаетъ свою книгу такъ: «Нѣтъ ничего въ мірѣ гаже и презрѣннѣе ренегата». Мы, признаться, до сихъ поръ остаемся подъ дѣйствіемъ изумленія, которое желалъ произвесть авторъ и не понимаемъ, что тутъ именно означаетъ такое начало? Для чего потребовалось слѣдующее затѣмъ оправданіе апостола Павла? Какъ будто кому-нибудь могло прійти въ голову по движничество апостола назвать ренегатствомъ! Да и наконецъ, съ какой стати въ предисловіи, посвященномъ собственной персонѣ, г. Кельсіевъ ссылается на апостола Павла? При разборѣ первой книжки, изданной г. Кельсіевымъ, критика обращала вниманіе на хвастливость и пустоту автора ея, но намъ не случилось видѣть ни одной статьи, въ которой г. Кельсіева упрекали бы за перемѣну, происшедшую въ его мнѣніяхъ. Напротивъ, всякъ, конечно, одобрилъ бы г. Кельсіева за то, что

Digitized by Google

онъ оставилъ свои прежнія смѣшныя затѣи, еслибы только онъ не сопоставлялъ такого простого сознанія своей нелѣпости съ великимъ подвигомъ апостола Павла.

Но г. Кельсіевъ именно простого-то и не любитъ; потому-то онъ и не удовольствовался дарованною ему амнистіею, а непремѣнно хочетъ, чтобы на него смотрѣли какъ на Прометея, хотя никакой коршунъ не клевалъ его, а сороки ему даже сочувствовали.

Ошеломивъ читателя своею странною вступительною фразой, г. Кельсіевъ тотчасъ начинаетъ свое удивительное «представленіе». Онъ увѣряетъ, что всегда есть и былъ «отрицателемъ», сообщаетъ, что нѣкоторые почитаютъ его консерваторомъ, упоминаетъ, что онъ былъ искреннимъ украинофиломъ, и тутъ же божится, что ему въ Вѣнѣ была сдѣлана «ампутація дикаго мяса». Вотъ сколько эффектовъ на первыхъ же двухъ страницахъ!

Не знаемъ, кто такой въ заключеніе г. Кельсіевъ—отрицатель-ли или консерваторъ, но что касается его книги «Галичина и Молдавія», то сверхъ существеннаго ея содержанія — прославленія собственной персоны всякаго рода штуками, всякимъ ряженьемъ, — она есть не что иное, какъ сборъ самыхъ дюжинныхъ анекдотовъ о поѣздкѣ автора въ два названные края и самыхъ непростительно-поверхностныхъ, анекдотически-поверхностныхъ отзывовъ о людяхъ и дѣлахъ, имъ видѣнныхъ.

Въ примѣръ анекдотовъ, которые авторъ повидимому, считаетъ забавными, укажемъ на разговоръ его съ евреемъ въ Лембергѣ, который предлагаетъ ему самую низкую трактирную услугу. Испуганный величавымъ выраженіемъ лица г. Кельсіева, онъ удаляется. Неправда ли какъ это забавно? И какъ это характеризуетъ край! Само собою разумѣется, что г. Кельсіевъ воспользовался этимъ фактомъ для выводовъ относительно мѣстной цивилизаціи вообще и еврейской въ особенности.

„Я смыслю кой-что въ славянской филологіи“, съ гордою скромностью признается г. Кельсіевъ, а на дѣлѣ оказывается, что въ малороссійскомъ языкѣ онъ слабъ, а польскій совсѣмъ плохо знаетъ. Онъ самъ сознается, что не понималъ языка южно-русской „Меты“, онъ сообщаетъ за новость, что въ южно-русскомъ языкѣ есть полонизмы, и даже считаетъ нужнымъ выписывать примѣры: „муръ“ (каменная стѣна) „каменица“ (каменный дом „раптемъ“ (вдругъ, а не „силою“ какъ пер водитъ нашъ филологъ) и т. д.

Вотъ примѣръ отношенія автора къ ли ратурнымъ и политическимъ партіямъ: „Укра нофилами явились здѣсь (въ Галиціи) студен и весь ихъ антимосковскій патріотизмъ вы зился въ пѣніи народныхъ пѣсенъ и въ яз *ствѣ* (курсивъ въ подлинникѣ)“. Далѣе, отр цатель (онъ же консерваторъ), неизвѣстно какой стати, вдругъ восклицаетъ: „будь я си и власть въ Россіи, я *перехватилъ* бы завт всѣхъ нашихъ украинофиловъ и сослалъ их въ Галичину мѣсяца на два, на три; пус потолкуютъ тамъ съ своими земляками, ученными, которые даже и *по-москальски* (кур сивъ подлинника) не знаютъ, а говорятъ: кой-то *украинською мовой* (тоже)“. Хорошо что г. Кельсіевъ не сила и не власть въ Ро сіи; хватать и ссылать людей—это единств ная поза, въ которую еще не удалось ст г. Кельсіеву, но онъ мечтаетъ о ней, и вѣ ятно уже рѣшилъ вопросъ, какой мундир для этой позы былъ бы эффектнѣе: военн или статскій?

Евреевъ г. Кельсіевъ, если бы онъ бы „власть и сила въ Россіи“, навѣрно бы похвал и сослалъ бы куда-нибудь всѣхъ до един такъ убѣжденъ онъ, что евреи — народъ вр ный, совершенно неспособный ни къ как полезной дѣятельности. По его мнѣнію, евр не можетъ быть ни хорошимъ ремесленник ни хорошимъ солдатомъ, ни хорошимъ р чемъ. „Гейне, Мейерберъ, Спиноза — говор авторъ—то и дѣло приводятся намъ въ пр мѣръ даровитости еврейской расы; но отчего такъ мало производитъ она подобныхъ лич стей? Kein Geschäft!“ Видите-ли, евреи виновн потому что г. Кельсіеву, всезнающему, извѣст ны только три имени прославившихся евре Но остановимся хоть на этихъ трехъ, и п думаемъ, много ли мы найдемъ именъ ра равныхъ въ другихъ расахъ.

Подкрѣпивъ нѣсколькими фразами нес собность евреевъ къ какой либо полезной дѣ тельности и вредность ихъ для государств г. Кельсіевъ переходитъ къ единственной до тупной ему системѣ аргументаціи—къ разск пошловатыхъ анекдотцевъ. То, что казал уже давно рѣшеннымъ вопросомъ, то, что, в видимому, сдѣлалось умственнымъ достояни

Digitized by Google

массы сколько нибудь образованныхъ людей, именно убѣжденіе что еврей — такой же человѣкъ, какъ всѣ, и долженъ быть полноправенъ, попятнется отъ разсказа г. Кельсіева, что у одного знакомаго ему еврея лежала какая-то тряпка въ гостинной, или что входъ въ его квартиру былъ чрезъ уборную его жены!

Что касается до массы непросвѣщенной, то она по крайней мѣрѣ, считала еврея набожнымъ; такое мнѣніе едва ли не заслужено вѣковымъ страданіемъ за вѣру; самъ Гейне упрекалъ евреевъ за ихъ непоколебимую твердость въ той миссіи, какую они считаютъ своимъ удѣломъ. „Отрицатель-консерваторовъ“ и этого качества не признаетъ за евреями и увѣряетъ, что они совершенно неспособны даже къ религіозной медитаціи.

О своемъ арестѣ или лучше сказать задержаніи, такъ какъ заключенію его не подвергли, г. Кельсіевъ весьма распространился; по этому случаю онъ „накаталъ“ въ „Голосъ“ цѣлыхъ пять писемъ, являющихся теперь главами. Въ предисловіи онъ придаетъ этому разсказу большое значеніе, и выражаетъ увѣренность, что его помянетъ добромъ „какой нибудь русскій путешественникъ или изслѣдователь, если забравшись въ подобные края, очутится“ въ такомъ положеніи. „Вспомнивъ мой подробный разсказъ, доказывающій, que le diable n'est pas si noir qu'on le fait (г. Кельсіевъ любитъ приводить фразы на разныхъ языкахъ, причемъ почти всегда дѣлаетъ ошибку), онъ ободрится, не потеряетъ присутствія духа, — а въ этомъ половина спасенья.“ Самъ г. Кельсіевъ до такой степени не потерялъ присутствія духа (ничего страшнаго нѣтъ, правду сказать, и не было, такъ какъ съ нашимъ героемъ обращались, какъ онъ самъ удостовѣряетъ, очень мягко), что нагородилъ невѣсть какихъ небылицъ австрійскому чиновнику. И тутъ онъ не удержался, чтобы не прихвастнуть, что у него есть 100 тысячъ капиталу. Другому бы никакъ это не пришло въ голову; другой вздумалъ бы пожалуй умилостивлять власти объявленіемъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что фотографическія принадлежности онъ возитъ съ собою просто потому, что онъ фотографъ по ремеслу. Но характеръ человѣка выражается во всемъ; даже въ выдумкахъ сказывается правда, если не о положеніи человѣка, то о свойствахъ его.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что австрійскія власти, которыхъ подозрѣніе г. Кельсіева возбудилъ быть можетъ тѣми неправдоподобностями, какія поразсказалъ о себѣ, выслали его за границу, написавъ на его паспортѣ, что онъ разъѣзжаетъ „безъ цѣли“ и „безъ визы“. Но г. Кельсіевъ представляетъ свою выдумку въ такомъ страшномъ видѣ, какъ будто за нимъ гналась цѣлая австрійская армія: „страхъ, что во Львовѣ или въ Черневцахъ догадаются *кто такой* Vassilij Iovanoff, долго еще не давалъ мнѣ покоя.“ Страхъ едва ли не напрасный, замѣтимъ мы. Ну что бы произошло, если бы тамъ и узнали, что это *самъ* г. Кельсіевъ? Вѣдь разсказываетъ же онъ, что когда онъ явился къ русскимъ властямъ и торжественно назвался своимъ настоящимъ именемъ, прибавивъ: подавайте оковы! то сами русскія власти удивились и недоумѣвали, кто же такой самъ г. Кельсіевъ, — а насчетъ оковъ просили его не пускаться въ преувеличенія: совѣтъ весьма пригодный для г. Кельсіева.

Въ заключеніе, скажемъ, что книжка г. Кельсіева, въ которой одинаково легко говорится и объ исторической судьбѣ евреевъ и о театральныхъ представленіяхъ, и о всевозможныхъ политическихъ вопросахъ, и о вопросѣ: что было дѣлать автору, когда какой-то молдованъ толкнулъ его колѣномъ въ спину — принадлежитъ къ разряду тѣхъ „путевыхъ замѣтокъ“, какія вели встарину армейскіе офицеры на походахъ: „Сегодня я прескверно пообѣдалъ. Городъ N весьма древенъ. Какіе, однако, плуты эти жиды! Объѣлся и не могъ выйти на ученье. Замѣчательно, какъ горы могутъ быть высоки! Здѣсь они очень высоки. Какая невѣдомая сила выдвинула ихъ? Алексѣй Михайловичъ царствовалъ въ XV столѣтіи; запомнить это. Интересно бы рѣшить вопросъ, продавался ли уже въ то время жуковскій табакъ, и былъ ли также скверенъ? Мошенникъ Степка обыгралъ. Правду говоритъ Шмуль: изъ хама не будетъ пана. Я произведенъ въ подпоручики. Напечатано въ приказѣ; приказъ прочтетъ вся Россія. Какъ хорошо, что приказы печатаются не церковнымъ шрифтомъ. Теперь во всей славянщинѣ узнаютъ, что прапорщикъ Кельсіевъ произведенъ въ подпоручики!“

Вотъ, въ такомъ родѣ мудрствуетъ и г. Кельсіевъ, забавляя читателей, на свой же собственный счетъ. д.

Digitized by Google

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

The invasion of Crimea, by Al. W. Kinglake. Vol. 5—6. Tauchnitz edition. 1868.

Journal humoristique du siége de Sébastopol, par un artilleur. T. I. 403 стр. T. II. 588 стр. 8°. Libr. centrale. 1868.

Не смотря на цѣлыя тринадцать лѣтъ, прошедшія со времени Восточной войны, крымская экспедиція союзныхъ англо-французско-турецко-сардинскихъ войскъ, — точно также какъ и упорная 11-ти мѣсячная защита Севастополя русской арміей и флотомъ—нисколько не утратила своего живого интереса. Напротивъ, и особенно въ данный моментъ, когда на омраченномъ горизонтѣ европейской политики снова выдвигается съ одной стороны вѣковой восточный вопросъ, съ другой стороны, щекотливый вопросъ о значеніи французскаго преобладанія въ Европѣ и о роли бонапартистскаго господства не только извнѣ, но и внутри самой Франціи, — въ высшей степени представляется полнымъ интереса разъясненіе, какими побужденіями была вызвана кровопролитная борьба? гдѣ крылись ея причины? къ какимъ послѣдствіямъ — благотворнымъ или пагубнымъ для общаго состоянія — повелъ исходъ борьбы, и на сколько притязанія той или другой стороны, ложныя или основательныя — искупали громадное число павшихъ жертвъ и страшную долю страданій и лишеній, выпавшихъ на долю, какъ защитникамъ Севастоля такъ и осаждавшимъ его? Отвѣты на подобные вопросы представляются весьма легкими для французскихъ публицистовъ и историковъ. Рутинная формалистика французскаго шовинизма, конечно, всегда выставляла на видъ роль Франціи въ Европѣ, необходимость ея вліянія на Востокѣ, ея призваніе свыше къ вмѣшательству и защитѣ угнетенныхъ европейскихъ державъ, и наконецъ — болѣе спеціализируя поводъ войны, — дерзкое обращеніе русскаго посла съ турецкимъ визиремъ — и притязаніе русскаго правительства на священные ключи Іерусалима, о которыхъ, на дѣлѣ, при концѣ войны, французское правительство забыло и думать [1]). Иначе смотрятъ на указанные вопросы писатели, способные и силу своей серьезности и добросовѣстности отрѣшиться отъ узкаго, такъ сказать, мѣстнаго воззрѣнія. Среди такихъ писателей, первое мѣсто безспорно принадлежитъ англійскому историку крымскаго вторженія, Кинглеку. Его приверженность къ отсталой торійской партіи въ Англіи ничуть не мѣшаетъ ему быть осмотрительнѣе и трезвѣе въ сужденіяхъ нежели либеральныхъ французскихъ авторовъ. Это происходитъ отъ того, что политическое воспитаніе среди наиболѣе свободныхъ представительныхъ учрежденій, при которыхъ каждый вопросъ на сколько либо касающійся страны, — подвергается ничѣмъ и никѣмъ не стѣсненному общему гласному обсужденію, — воспитаніе въ такой средѣ пріучило мыслителя къ свободному, безстрастному и не подкупному вниканію во всѣ стороны вопроса и къ здравому исканію причинности того или другого явленія не въ мимолетномъ капризѣ одного лица, а въ самомъ положеніи вещей. Такимъ образомъ, за Кинглекомъ остается важная заслуга объясненія крымской войны самимъ ея нормальнымъ и мрачнымъ положеніемъ Франціи. Безъ сомнѣнія, какъ партизанъ представительной системы, онъ не прочь попрекнуть русское устройство отсутствіемъ подобной системы и невыгодами, происходящими отъ того по его личному мнѣнію; и въ тоже время, какъ приверженецъ торійской партіи, онъ всегда готовъ обличить вигское министерство Палмерстона, стоявшее въ то время во главѣ управленія, и поэтому обязанное принять на себя всю отвѣтственность за союзную войну с Франціей противъ Россіи. Но все же главная

[1]) Разумѣется, мы говоримъ о большинствѣ французскихъ историковъ, но есть и исключенія, принадлежащія оппозиціонной и преимущественно эмиграціонной литературѣ. Такъ на послѣднее обстоятельство о ключахъ Іерусалима указываетъ извѣстный Ch. Dunoyer, въ книгѣ изданной въ Лондонѣ въ 1864 г. «Le second empire et une nouvelle restauration»: «Il y a bien des preuves du peu d'importance qu'on attachait en effet à cette question (вопросъ о святыхъ мѣстахъ); dans les négociations pour la paix qui ont suivi la guerre dont elle avait été le premier prétexte, il n'a pas été dit un seul mot des Lieux Saints». (T. I, стр. 247).

Digitized by Google

мою историческаго разоблаченія, предпри-
таго Кинглекомъ, служитъ Франція, ея пра-
тельство, захватившее власть вѣроломной ка-
строфой 2-го декабря 1851 года. Въ этой ка-
строфѣ видитъ Кинглекъ главную причину
рымской войны. Разъ захвативши престолъ,
аполеонъ III, наслѣдникъ бонапартистской
радиціи, врядъ ли могъ удержаться въ взвол-
ованной странѣ иначе какъ отвлеченіемъ и
еренесеніемъ ея вниманія съ внутренняго
утнаго состоянія на внѣшній блескъ побѣ-
оноснаго оружія. Ввергнувъ Францію въ ги-
нтскую борьбу, новый узурпаторъ укрѣп-
лъ свое господство навязаннымъ признаніемъ
о необходимости для спасенія страны: по-
тно, что французы должны были держаться
его, какъ за единаго руководителя глав-
ыхъ судебъ французскихъ войскъ, особенно
ри извѣстномъ паническомъ страхѣ франду-
овъ — предъ нашествіемъ варваровъ на ихъ
ечество, — при первыхъ внутреннихъ смя-
ахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣда и слава, на ко-
орую Наполеонъ III разсчитывалъ, приковы-
ая къ нему армію и возбуждая популярность,
рочивала за нимъ шаткій престолъ. Вотъ
обужденія, въ которыхъ Кинглекъ видитъ
авную, существенную причину разгара крым-
кой войны. Отправляясь отъ такой точки зрѣ-
ія, изложивъ темное происхожденіе и крова-
ое воцареніе второго бонапартистскаго ре-
има (Т. I. гл XIV), Кинглекъ съ невозмути-
ымъ спокойствіемъ англичанина разбираетъ
сѣ невыгоды и всю потерю, весь вредъ и всѣ
лабыя стороны союзниковъ въ продолженіе
кспедиціи. Въ этомъ то разборѣ и заключается
собая любопытная сторона англійскаго изслѣ-
ованія. Разсказъ о военныхъ событіяхъ часто
бивается и переходитъ въ строгій процессъ
ежду двумя партіями, но это процессъ уже
е между союзниками и русскими, а страннымъ
образомъ — самихъ союзниковъ между
обой, процессъ между англичанами и фран-
узами изъ-за взаимныхъ и очень крупныхъ
прековъ другъ другу и обвиненій за ту или
ругую неудачу. Кинглекъ, конечно, является
дѣсь адвокатомъ англичанъ, точно также какъ
второъ французской книги, — не щадитъ ни-
акихъ рѣзкихъ выраженій для обличенія ан-
личанъ и для высмѣянія ихъ неловкости и
еумѣлости. Внимательное наблюденіе при чте-
іи за указаннымъ процессомъ, можетъ навес-
сти на разныя соображенія и между прочимъ
на то, что воинскій союзъ двухъ народовъ
былъ явленіемъ крайне ненормальнымъ, искус-
ственно натянутымъ, и на столько рискован-
нымъ, что вмѣсто скрѣпленія братскихъ узъ
между вѣковыми врагами, — могъ только по-
вести къ новой распрѣ или, во всякомъ случаѣ
къ обоюдной, затаенной злобѣ. Гораздо вѣрнѣе
и прочнѣе оказывается сближеніе, производи-
мое не приказами главнокомандующихъ, а дѣй-
ствительными потребностями двухъ народовъ —
сближеніе, происходящее въ послѣдніе годы и
основанное на взаимности и солидарности тор-
говыхъ и промышленныхъ интересовъ и на
идущемъ рядомъ съ ними обмѣнѣ мыслей.

Если таково отношеніе Кинглека къ фран-
цузамъ, то, опять таки страннымъ, хоть и по-
нятнымъ для насъ образомъ, — совершенно
искренне и даже радушно отношеніе историка
къ русскимъ, къ ихъ воинскимъ подвигамъ,
успѣхамъ и пораженіямъ. «Я надѣюсь — го-
ворилъ онъ еще въ январѣ 63 года, — въ пре-
дисловіи къ своему сочиненію — я особенно
надѣюсь получить свѣдѣнія и сообщенія отъ
русскихъ. Защита ими Севастополя занимаетъ
почетное мѣсто въ лѣтописяхъ войны; и я по-
лагаю, что чѣмъ болѣе будетъ извѣстна истина,
тѣмъ болѣе чести будетъ русскому оружію».
И дѣйствительно, Кинглекъ нашелъ возмож-
нымъ получить много свѣдѣній и отъ русскихъ.
Особенно дорого цѣнитъ онъ замѣчанія Жан-
дра[1]), точно также какъ и указанія почерпну-
тыя имъ изъ книги и еще болѣе изъ плановъ,
приложенныхъ къ книгѣ, изданной генераломъ
Тотлебеномъ, въ 1864 г. Наконецъ, Кинглеку
посчастливилось, среди множества другихъ важ-
ныхъ для него знакомствъ, лично видѣться съ
генераломъ Тотлебеномъ. Съ именемъ гене-
рала Тотлебена неразрывно связано, при на-
чалѣ осады, имя другого воина, — адмирала
Корнилова. Эти два человѣка, говоритъ Кин-
глекъ—были «головою и сердцемъ» отчаянной
защиты, и имъ принадлежитъ вся слава и вся
честь ея смѣлаго начала. Корниловъ дѣйство-
валъ неотступно по совѣтамъ Тотлебена; и
если инженерному таланту послѣдняго Сева-
стополь обязанъ былъ своимъ 11-ти мѣсячнымъ

[1]) ... «admirable work, which I have followed, the work of Gendre (Matériaux pour servir etc)». Kinglake, т. V, стр. 42.

Digitized by Google

упорствомъ, то мужеству и отвагѣ перваго обязанъ былъ Севастополь воодушевленіемъ и ободреніемъ своего смущеннаго гарнизона. Простое, избавленное отъ всякихъ фразъ и восклицаній описаніе Кинглека производитъ впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее, чѣмъ всякія описанія, приправленныя риторическими фигурами. Разсказъ о совѣщаніи севастопольскихъ моряковъ и о горѣ ихъ при извѣстіи о приказѣ кн. Меньшикова — потопить корабли въ гавани — этотъ разсказъ представляетъ собою одну изъ художественныхъ страницъ исторіи Кинглека, точно также какъ и тѣ страницы, гдѣ разсказывается гибель Корнилова 21/9 сентября 1854 г. Корниловъ собралъ совѣтъ адмираловъ и капитановъ для разсужденія о томъ, что слѣдовало предпринять теперь, вслѣдствіе потери битвы при Альмѣ. Самъ онъ предлагалъ двинуться съ черноморскимъ флотомъ впередъ и ворваться въ ряды непріятельскихъ флотовъ. Собраніе «встрѣтило предложеніе Корнилова гробовымъ молчаніемъ». Вслѣдъ за Корниловымъ, капитанъ Зоринъ представилъ совершенно противуположное предложеніе: оно заключалось въ потопленіи нѣсколькихъ кораблей въ устьѣ рейда, и въ употребленіи ихъ орудій и экипажей для усиленія гарнизона. «Когда это предложеніе было сдѣлано, то у многихъ, повидимому знавшихъ, что оно исходило отъ главнокомандующаго (князя Меньшикова), а потому, конечно, будетъ принято— полились слезы. И раздался громкій говоръ. Человѣкъ, разсказывающій что тамъ происходило (капитанъ Жандръ), не пытается передать намъ слова или даже содержаніе всего говореннаго тамъ, но онъ самъ въ своей рѣчи,— онъ былъ офицеръ черноморскаго флота—онъ самъ за себя высказываетъ горе тѣхъ воиновъ, къ которымъ обращались съ такимъ предложеніемъ: «Какъ было рѣшиться на такую жестокую мѣру?... Развѣ она не равнялась торжественному признанію нашей неспособности сражаться на морѣ? Развѣ то не было бы отрѣченіемъ отъ самаго имени моряковъ столь дорогого людямъ черноморскаго флота?... Мы должны были топить наши корабли собственными руками въ волнахъ роднаго порта?

«Вопросъ не шелъ о принесеніи на алтарь отечества нашихъ богатствъ, нашихъ матеріальныхъ интересовъ? Нѣтъ, жертва была гораздо болѣе высокаго свойства. Мы должны были погубить безпощадной рукою все на чемъ мы такъ долго сосредоточивали всѣ наши нравственныя стремленія, все въ чемъ мы привыкли видѣть наше призваніе и нашу будущность»[1]. Корниловъ, несогласный съ предложеніемъ Зорина, и видя, что на время большинство склонится за одобреніе проекта потопленія, распустилъ совѣтъ съ словами: «Готовьтесь къ выходу въ море, будетъ данъ сигналъ, который скажетъ каждому, что онъ долженъ дѣлать». Въ этихъ словахъ, однако, слышалось тяжелое сомнѣніе; Корниловъ сомнѣвался, чтобъ князь Меньшиковъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Дѣйствительно, при свиданіи, на которое отправился Корниловъ, князь Меньшиковъ повторилъ свой приказъ о потопленіи кораблей. Корниловъ отвѣчалъ, что никогда не сдѣлаетъ подобной вещи. «Хорошо, — возразилъ князь Меньшиковъ, — въ такомъ случаѣ вы можете возвратиться на вашъ постъ въ Николаевъ, пошлите за адмираломъ Станкевичемъ, чтобъ передать ему надлежащіе инструкціи. — Постойте, отвѣчалъ въ свою очередь Корниловъ вы заставляете меня совершить самоубійство, но теперь оставить Севастополь, окруженный врагами—невозможно. Я готовъ повиноваться». Такъ было приступлено къ потопленію кораблей. Позже, какъ извѣстно, этой мѣрѣ приписывалось огромное значеніе въ продолжительности защиты Севастополя; такъ что, французскій писатель-артиллеристъ, слышавшій о вліяніи и ролѣ Корнилова, прямо приписываетъ ему же грустную славу удачной мѣры потопленія. Военной диктатурѣ Корнилова, какъ опредѣляетъ его роль Кинглекъ—суждено было длиться только 26 дней; напрасно приближенные хотѣли уберечь его еще въ послѣдній день при посѣщеніи Малахова кургана; «нельзя убѣжать отъ выстрѣла», — говорилъ онъ улыбаясь, и дѣйствительно не убѣжалъ. Говорятъ старались скрыть смерть любимаго адмирала насколько было можно хоть до конца дня, для того, чтобъ гарнизонъ не упалъ совершенно духомъ[2]. Послѣдними словами умиравшаго было завѣщаніе: «Защищайте Севастополь» и кликъ *ура!* при извѣстіи объ отбитіи одного изъ частныхъ нападеній союзниковъ. Такъ зовя на защиту, Корниловъ умиралъ съ ли-

[1]) Kinglake, т. 5, стр. 151—158.

[2]) Kinglake, т. 6, стр. 135.

Digitized by Google

ѣждою на возможность отбитія и изгнанія врага. Упрекнуть его за то было бы нельзя. Положеніе противниковъ въ то время было крайне неопредѣленное и измѣнчивое.

Съ одной стороны, русскому главнокомандующему ставилось въ пагубную ошибку—допущеніе высадки союзниковъ: въ этомъ видѣлись, компетентными судьями дѣла, неосновательная самонадѣянность и отсутствіе стратегическаго разсчета, — въ такихъ же недостаткахъ упрекаютъ русскаго главнокомандующаго и по поводу пораженія русскихъ при Альмѣ. Но здѣсь же начинаютъ сами иностранцы обвиненія союзныхъ главнокомандующихъ въ тѣхъ же отрицательныхъ качествахъ, и та худо скрытая враждебность двухъ союзныхъ націй, о которой мы говорили выше, обнаруживается здѣсь въ полномъ блескѣ. Кинглекъ прямо обвиняетъ маршала С. Арно за его медлительность, нерѣшимость, неспособность или нехотѣніе понять необходимость безотлагательнаго марша впередъ для преслѣдованія пораженнаго и застигнутаго въ расплохъ непріятеля. Французскій артиллеристъ-историкъ обвиняетъ не менѣе прямо лорда Раглана за флегматическое замедленіе англійскими войсками побѣдоноснаго движенія впередъ французской арміи. И любопытно при этомъ то, что, съ одной стороны, Кинглека поддерживаетъ прямое показаніе лорда Раглана; съ другой стороны, французскій писатель находитъ себѣ подтвержденіе въ извѣстной жалобѣ С. Арно Наполеону III на медленность англичанъ.

Но то, въ чемъ готовы согласно сойтись оба писателя—это въ признаніи за предпріятіемъ легкомыслія и громаднаго, страшнаго риска. Десятки разъ попадаются въ томъ и другомъ сочиненіи—описанія бѣдственнаго положенія союзной арміи. Въ этомъ отношеніи читатель еще болѣе найдетъ интереса во французской книгѣ. Мы, конечно, не хотѣли бы оскорбить англійскаго сочиненія серьезнымъ сравненіемъ съ французскою книгою, оно невозможно. Одно—англійское сочиненіе составляетъ почтенный, монументальный вкладъ въ литературу, другое—французское, носитъ на себѣ отпечатокъ болѣе преходящаго свойства. Первое—составляетъ плодъ долгихъ изысканій и добросовѣстныхъ изслѣдованій по громадному запасу всесторонннихъ матеріаловъ; второе—вовсе не имѣя подобныхъ притязаній, представляетъ собою личныя наблюденія, памятную книжку, дневникъ одного изъ молодыхъ участниковъ въ 11-ти мѣсячной осадѣ Севастополя. Именно поэтому-то, — именно потому, что предъ нами разсказъ очевидца—французская книга заключаетъ въ себѣ большую привлекательность такъ сказать, для общаго, легкаго чтенія. Дѣйствительно, она читается какъ интересная повѣсть, только съ тою разницею, что на бѣду здѣсь не вымышленные герои, и здѣсь жертвы не воображенія художника, а свинца и пороха. Очевидецъ описываетъ почти день за днемъ свое 11-ти мѣсячное пребываніе подъ стѣнами Севастополя, и понятна мрачная, трагичная сторона этого пребыванія, если мы упомянемъ, что очевидцу на долю выпадалъ по крайней мѣрѣ одинъ день изъ трехъ, когда онъ долженъ былъ отправляться на батарею, гдѣ грозила ежеминутно вѣрная смерть... И несмотря на нѣкоторыя уродливости, на совершенно стереотипныя и опошленныя фразы о западной цивилизаціи и русскомъ варварствѣ, о преславной роли знаменитаго демократа Наполеона III, и о пресловутомъ вторженіи казацкихъ ордъ чрезъ Константинополь чуть ли не прямо въ самое сердце цивилизаціи—Парижъ,—несмотря на иныя излишества довольно часто разъигрывающейся авторской фантазіи — все же книга французскаго артиллериста живо переноситъ въ союзный лагерь того времени, въ тѣ траншеи и подкопы, которыя встрѣчались на разстояніи такъ сказать нѣсколькихъ шаговъ съ русскими траншеями и аванпостами. Разсказъ артиллериста наполненъ страницами, которыя заставляютъ читателя какъ бы присутствовать то при страшной, отчаянной свалкѣ въ ночной тьмѣ, когда русскіе нападутъ на французовъ и завяжутъ безпощадную рѣзню, которая нерѣдко переходила въ рѣзню братоубійственную между самими французами, какъ и между самыми русскими, вслѣдствіе ночной мглы, и которая не разъ кончалась только тогда, когда ужъ некому было драться; то на другой день послѣ рѣзни, при часовомъ перемиріи, подъ сѣнью бѣлаго флага — когда собирали окровавленные, изуродованные трупы, и когда смертельные враги за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ ласково обмѣнивались полупонятными словами на особомъ изобрѣтавшемся врагами нарѣчіи. Странныя объясненія шли иногда между врагами при подбираніи труповъ:

Digitized by Google

«Когда же это все кончится? спрашиваетъ русскій офицеръ.—Не знаю, лаконически отвѣчалъ французъ.—Вѣдь это начинаетъ утомлять—продолжалъ русскій—и потомъ какъ намъ нетерпится увидѣть снова Парижъ.—А намъто, возражалъ французъ». (Т. II, стр. 173). Подобный разговоръ вѣроятно вымышленъ, ибо съ какой стати русскій офицеръ простеръ бы свою галантность до того, чтобы увѣрять француза въ желаніи увидѣть Парижъ? Другой разговоръ гораздо логичнѣе. «Это скучно и тоскливо—говоритъ одинъ парламентеръ.—Очень скучно, отвѣчаетъ другой.—Это тѣмъ болѣе скучно для насъ, замѣчаетъ русскій, что васъ хоть поддерживаетъ надежда, что вы возьмете Севастополь; а у насъ не можетъ быть и того, ибо мы знаемъ, что вы никогда не возьмете Севастополя!»—И дѣйствительно, сами французы не разъ сомнѣвались въ успѣхѣ; на помощь русскимъ гранатамъ и бомбамъ являлся „генералъ Декабрь и маршалъ Январь“ [1]);—ураганы и скудость съѣстныхъ и горючихъ припасовъ не разъ наводили французовъ на воспоминанія о 1812 г. Юный артиллеристъ, проведя 11 мѣсяцевъ въ философствованіи о бренности людской при акомпаниментѣ вѣчной музыки русскихъ бастіоновъ,—этого монотоннаго марша безчисленныхъ бомбъ, хоронившихъ тысячи людей своимъ послѣднимъ аккордомъ,—юный артиллеристъ ни чуть не стыдится сознаться въ своей слабости, и не разъ вырывается у него поучительное разсужденіе о варварской безполезности человѣческой бойни, о ничтожествѣ диллетантскихъ мечтаній о славѣ у людей,близко не видавшихъ ни одной батареи.—„О, восклицаетъ онъ, еслибъ дипломаты, собравшіеся въ Вѣнѣ, держали свои совѣщанія между нашими батареями и русскими бастіонами, еслибъ они провели хоть одну изъ нашихъ ночей—они стали бы сговорчивѣе“...

Было бы неумѣстно приводить цѣлыя мѣста описаній очевидцемъ мелкихъ и крупныхъ сраженій и битвъ; да и выборъ былъ бы слишкомъ затруднителенъ,—мы ограничиваемся сдѣланнымъ читателю указаніемъ на данное сочиненіе. Моральный выводъ изъ сочиненія влагается въ голову каждаго самимъ авторомъ: легко разсуждать въ покойномъ креслѣ и сидя въ немъ грозиться своимъ національнымъ могуществомъ; легко предаваться комфортабельному патріотизму; но благородные патріоты всѣхъ странъ были бы посдержаннѣе на языкъ и умѣреннѣе въ своемъ воинственномъ азартѣ, еслибъ могли хоть на одну ночь въ своемъ воображеніи перенестись на траншею подъ градъ бомбъ, на ту одну ночь, которая старила и заставляла сѣдѣть тѣхъ немногихъ отважныхъ бойцовъ, которые уцѣлѣли среди гигантскаго годоваго побоища.

Политическій же выводъ изъ того и другого сочиненія болѣе спеціаленъ и даже можетъ быть ограниченъ здѣсь одною стороною, т. е. касательно Франціи. Осада кончилась торжествомъ французскаго войска; но была ли она въ то же время торжествомъ французскаго народа и вообще даже всей Европы или нѣтъ? Отвѣтъ на это далъ намъ 13-тилѣтній идущій съ того времени періодъ непрестанныхъ войнъ и тревогъ, періодъ бонапартистскихъ интригъ и честолюбивыхъ замысловъ,—разыгрывающійся только теперь полнымъ разоблаченіемъ и пораженіемъ французскаго военнаго господства. Мы должны еще разъ помянуть Кинглека, чтобъ сказать, что ему принадлежитъ заслуга пониманія зловредности наполеоновской роли, ранѣе нежели то стало ясно и Европѣ и самой Франціи, ранѣе нежели мексиканское пораженіе и Садовская гегемонія Пруссіи явились, чтобъ ускорить разраженіе внутренняго недовольства самой Франціи. И. Н.

[1]) Выраженія, приписываемыя авторомъ императору Николаю I.

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОТЕКА

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1868 ГОДЪ.

А.: Императоръ Максимиліанъ и Латинольство (янв. 419).

А—въ. Л.: Гугеноты внѣ Франціи (май, 298).—ши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ (іюнь,). — Турецкія реформы и бюрократія (дек. 3).

Анненковъ, П. В.: Историческіе и эстетичеіе вопросы въ романѣ гр. А. Н Толстаго: Ойна и Миръ» (февр. 774).

Арсеньевъ, К. К.: Королева Елисавета и реормація (февр. 796).—Новый законъ о печати Франціи (апр. 901). — Янъ Гусъ и чешская ціональность (сент. 360).

Ауэрбахъ, Б.: Дача на Рейнѣ. Перев. съ руописи (сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595).

Б., Н.: Первый епархіальный съѣздъ въ Новгородѣ (май, 374).

Богдановичъ, М. И.: Паденіе Сперанскаго ек. 495).

Буренинъ, В. П.: Грѣшница, изъ Альфр. иньи. Перев. (сент. 146).—Собачій пиръ. Ямбы арбье. Перев. (нояб. 286).

В., В.: Новый таможенный тарифъ по европейской торговлѣ (сент. 383).

Гильфердингъ, А. Ѳ.: Древнѣйшій періодъ сторіи славянъ (іюль, 223; сент. 153).

Гротъ, Я. К.: Сатира Крылова и его «Почта уховъ» (мар. 203).

Дубровинъ, Н. Ѳ.: Тысяча-восемьсотъ-втоой годъ въ Грузіи (мар. 9; апр. 537; май 13). — Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши (нояб. 83; дек. 543).

И., В.: Новые суды въ Россіи (янв. 345). — Преобразованіе суда на Кавказѣ и въ Закавказьи (февр. 841). — Подсудимые и преступленія (мар. 365). — Судъ и Полиція (апр. 824).

К.: Прусская конституція и Сѣверо-германскій Союзъ (янв. 401). — Внѣшняя политика Пруссіи и ея парламентская жизнь (мар. 434).— Голодъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи (мар. 462). — Промышленный и рабочій вопросъ въ Пруссіи (іюнь, 830). — Самоуправленіе, церковь и школа въ Пруссіи (авг. 862).— Прусская бюрократія (нояб. 418).

Кавелинъ, К. Д.: Нѣмецкая современная психологія (янв. 307).

Кеневичъ, В. Ѳ.: Иванъ Андреевичъ Крыловъ (фев. 709).

Клаусъ, А. А.: Сектаторы-колонисты въ Россіи (янв. 258; мар. 277; іюнь, 665; авг. 713).

Ковалевскій, Ег. П.: Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ (мар. 123).

Колюпановъ, Н. П.: Три года Новгородскаго земства (фев. 826). — Самарское земство (іюль, 385; авг. 815).—Девятнадцатое февраля 1870-го года (окт. 735).

Корфъ, бар. Н. А.: Земство на югѣ Россіи, и борьба его съ сусликами (мар. 349; см. сообщенное въ отвѣтъ бар. Н. А. Корфу: авг. 288). — Вопросъ о народномъ образованіи въ Московскомъ земскомъ собраніи 1868 года (май, 352). — Письмо въ редакцію (сент. 466).

Костомаровъ, Н. И.: Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей (янв. 120; фев. 591). — Гетманство Юрія Хмельницкаго (апр. 485; май, 150).

Кретовичъ, И. И.: Донъ, Кавказъ и Крымъ (апр. 699; іюнь, 723).

Digitized by Google

Крыловъ, В. А.: Натанъ Мудрый, драм. стихотв. Лессинга. Перев. (окт. 493; нояб. 5).

Ливановъ, Ѳ.: Молокане и духоборцы (окт. 674; дек. 809).

М., В.: Карлъ Гопфъ, историкъ средневѣковой Греціи (іюнь, 869).

Максимовъ, С. М.: Несчастные (іюнь, 480; іюль, 121; авг. 539; сент. 55).

Н., И.: Послѣдніе монтаньяры во Франціи (янв. 301).—Папскій Римъ и французская палата (фев. 873).—Габсбургская семейная переписка въ XVIII-мъ вѣкѣ. (апр. 763; май, 271).—Графъ Мирабо и его отношеніе ко двору (нояб. 290).

П—въ, А.: Позитивная школа философіи, исторіи и новая книга Литтре (май, 330).—Современные вопросы (іюль, 361).

—о— Наблюденія и Замѣтки. Хроника общественной жизни (окт. 880: нояб. 446; дек. 888).

О., В.: Политическая сатира во Франціи (фев. 753; апр. 788).

О., Е.: Ожье и реализмъ современной драмы (апр. 932).

Островскій, А. Н.: Василиса Мелентьева (фев. 431).

П., Л.: Ирландія предъ судомъ общественнаго мнѣнія въ Англіи (апр. 870). — Критика русскихъ писателей въ Германіи: «Иванъ Тургеневъ», Юл. Шмидта (дек. 909).

Павлова, К. К.: Смерть Валленштейна, траг. Шиллера. Переводъ (іюль, 5; авг. 463).

Погодинъ, М. П.: Школьныя воспоминанія (авг. 605).

Полонскій, Л. А.: Стефанъ Баторій подъ Псковомъ (февр. 725).—Гейнрихъ Гейне и его жизнь (сент. 298).

Полонскій, Я. П.: Ночь въ Лѣтнемъ-Саду (іюнь, 457). — Покинутый домъ (дек. 769).

Поповъ, А. Н.: Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи (янв. 23; февр. 522; мар. 52).—Дѣло Новикова и его товарищей (апр. 617).

Прыжовъ, И.: Русскія Кликуши (окт. 641).

Пыпинъ, А. Н.: Крыловъ и Радищевъ (май, 419). — Русское масонство до Новикова (іюнь, 546; іюль, 167).—Россійское Библейское Общество (авг. 639; сент. 231; нояб, 222; дек. 708).

Р.: Новая русская драма и старая русская сцена (фев. 808).—Моцартъ на Петербургской сценѣ (мар. 327).

Ровинскій, П. А.: Два мѣсяца въ Сербіи (нояб. 364).

С., А.: Три Боннскіе историка (май, 410).

С., М.: Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Некрологъ (окт. 894).

Середа, Н. А.: Позднѣйшія волненія въ Оренбургскомъ краѣ (апр. 585; авг. 631).

Соловьевъ, С. М.: Петръ Великій на Каспійскомъ морѣ (мар. 163). — Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ (дек. 676).

Стасовъ, В. В. Происхожденіе русскихъ былинъ (янв. 168; февр. 637; мар. 225; апр. 65[illegible] іюнь, 590; іюль, 292).—Древнѣйшая повѣсть о мірѣ (окт. 702).

Т., В.: Начало театральнаго сезона въ Петербургѣ (нояб. 467). — Бенефисъ г. Бурдина. Новая комедія А. Н. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты» (дек. 901).

Толстой, гр. А. К.: Былина (февр. 425).—Коринѳская Невѣста, изъ Гете. Перев. (мар. 1)—Царь Ѳедоръ Іоанновичъ (май, 5). — Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ» (дек. 506).

Тургеневъ, И. С.: Бригадиръ (янв. 1).—Предисловіе къ роману Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ» (сент. 5).

Утинъ, Б. И.: Книга герцога Аргайля: «Царство закона» (апр. 511). — Свѣтское законодательство и церковь съ XVII-го вѣка (іюль. 346).

Утинъ, Е. И: Драматическое искусство во Франціи (янв. 316; окт. 806; нояб. 324).

Х-въ, Н.: Мировые посредники и крестьянское управленіе (дек. 837).

Цвѣтъ, С.: Съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ (фев. 893).

Энгеля, А. М.: Записки о Россіи XVII-го и XVIII-го вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ. Перев. съ голланд. рукоп. (янв. 222; апр. 718; авг. 767).

При каждой книгѣ, помѣщены, какъ постоянный отдѣлъ: 1) Ежемѣсячная хроника политики, исторіи, литературы; и 2) Критика и Литературныя Извѣстія — за предыдущій мѣсяцъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1868.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

стр.

Натанъ Мудрый. — Драматическое стихотвореніе ЛЕССИНГА, въ пяти дѣйствіяхъ.—Четвертое и пятое дѣйствія. — В. А. КРЫЛОВА 5

Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши. — 1764—70 гг. — I-VII. — Н. Ѳ. ДУБРОВИНА 88

Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга вторая. — I-XIV 142

Россійское Библійское Общество—1812—1826.—III. Отношеніе образованныхъ людей и литературы къ библейской мистикѣ и обскурантизму; мнѣнія Уварова, Паррота, Карамзина.—Отношеніе духовенства къ библейскому дѣлу.—Интрига противъ кн. Голицына, и союзъ противъ Библейскаго Общества.—Разсказы о паденіи кн. Голицына.—Гр. Аракчеевъ, Шишковъ, митр. Серафимъ и архим. Фотій. — Госпоровское дѣло 222

Совачій пиръ. — Ямбы Барбье. — В. П. БУРЕНИНА 286

Графъ Мираво и его отношеніе ко двору. — По новымъ извѣстіямъ. — И. Н. . 290

Драматическое искусство во Франціи.—Статья вторая. — III. Октавъ Фелье — IV. Александръ Дюма. — ЕВГ. УТИНА 324

Два мѣсяца въ Сербіи. — Изъ путевыхъ воспоминаній. — I. — П. А. РОВИНСКАГО 364

Ежемѣсячная Хроника исторіи, политики, литературы. —

Внутреннее Обозрѣніе: Реакціонныя похоти по крестьянскому дѣлу. «Своеволіе, пьянство» народа и стремленіе къ переселенію. — Общій результатъ хода освобожденія.—Двоякая мѣрка при оцѣнкѣ народныхъ движеній.—Переселеніе и крѣпостное право. — Мѣры, предлагаемыя Н. П. Колюпановымъ. — Положеніе о земельномъ надѣлѣ бессарабскихъ царанъ.—За кѣмъ теперь очередь?—Крестьянскій вопросъ въ остзейскомъ краѣ, и «Окраины Россіи» г. Самарина. — Исторія правительственныхъ мѣръ и нынѣшніе ихъ результаты.—Обезземеленіе крестьянъ. 387

Иностранное Обозрѣніе: Послѣднія 60 лѣтъ испанской исторіи и 45 ея революцій. — Сравненіе аранжуецкаго pronunciamento 1808 г. съ настоящимъ. — Кортесы 1812 года и Фердинандъ VII, отецъ Изабеллы. — Возстаніе 1820 года и Ріэго.—Прагматическая санкція и Донъ-Карлосъ.—Регенство Маріи Кристины. — Pronunciamento Эспартеро и его регенство.—Изабелла II и революція 1854 г.—18-е сентября, и три его дѣйствующія лица: Примъ, Серрано и Олозаго. — Трудности временнаго правительства. — Прогресъ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, и международная политика въ испанскихъ дѣлахъ 403

Корреспонденція изъ Берлина. — Прусская бюрократія. — К. 418

Наблюденія и Замѣтки. — Хроника общественной жизни. —О— 446

Digitized by Google

Новая почтовая такса пересылки журналовъ 462
Театры. — Начало театральнаго сезона въ Петербургѣ.—Новыя пьесы: «Воробушки», «Самодуръ», Перемелется — мука будетъ», «Сельская школа».— В. Т. 467
Критика и Литературныя Извѣстія.— Октябрь. — Русская литература: Русскіе на Босфорѣ. — Записки Н. Н. Муравьева. — Общественное воспитаніе въ Россіи. Ѳ. Уманца.—Сочиненія Е. А. Баратынскаго 475

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Паденіе Сперанскаго. — М. И. БОГДАНОВИЧА 495
Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ». — Гр. А. К. ТОЛСТАГО 506
Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши. — 1764 — 1770 гг. — VIII-XIII. — Н. Ѳ. ДУБРОВИНА 543
Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ. — Часть первая, книга третья.—I-XIII. (Конецъ первой части) 595
Наблюденія надъ историческою жизнію народовъ. — I. Востокъ: I. Китай. II. Египетъ. III. Ассирія и Вавилонъ. IV. Финикія.—С. М. СОЛОВЬЕВА . 676
Россійское Библейское Общество.—1812—1826.—IV. Личное настроеніе импер. Александра.—Дѣйствія Шишкова.—Положеніе дѣлъ Общества за послѣднее время и окончательное его закрытіе, 12 апрѣля 1826 г.—Обвиненія противъ Общества: «Записка о крамолахъ враговъ Россіи».—Приложенія. — (Окончаніе). А. Н. ПЫПИНА 708
Покинутый домъ. — Стих. Я. П. ПОЛОНСКАГО 769
Турецкія реформы и бюрократія. — Л. А—въ 773
Молокане и Духоборцы въ Украинѣ и Новороссіи. (XVIII-й в.).—VI-X. Нравы и обычаи молоканъ; молоканство въ Таврической губерніи; Молочныя-воды; молокане Астраханской губерніи; астраханское духоборство; исповѣданіе вѣры молоканъ села «Пришибъ»; правительственный отзывъ о молоканахъ астраханскихъ. (Окончаніе). — Ѳ. ЛИВАНОВА 809
Мировые посредники и крестьянское управленіе. — Н. Х—ВЪ 837
Ежемѣсячная Хроника исторіи, политики литературы. —
Внутреннее Обозрѣніе: Отношеніе народа у насъ къ дѣлу образованія.—Народная школа и встрѣчаемыя ею препятствія. — Статистика народнаго образованія.—Начальныя школы и министерство народнаго просвѣщенія.—Примѣръ Пруссіи.—Новѣйшіе факты въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. — Вопросъ о гарантіи и руководствѣ концессіями. — Наша податная система и характеръ подушной подати.—Новый проектъ податей. — Оффиціальная печать и новый ея органъ: «Правительственный Вѣстникъ» 852
Иностранное Обозрѣніе: Положеніе партій и временнаго правительства въ Испаніи. — Повсемѣстное открытіе парламентовъ, и внутреннія заботы государствъ. — Франція и ея мрачныя историческія воспоминанія. — Книга Тенó и дѣло Бодена. — Обвинители-обвиненные и обвиненные-обвинители.—Австрійскій рейхсратъ.—Прусскій парламентъ и рѣчь короля.—Италія и ея кошмаръ.—Вопросъ о министерствѣ въ Англіи.—Грантъ 868
Наблюденія и Замѣтки.—Хроника общественной жизни. —о— 888
Театры. — Бенефисъ г. Бурдина: Новая комедія А. Н. Островскаго: «На всякаго мудреца довольно простоты». — В. Т. 901
Критика русскихъ писателей въ Германіи.—«Иванъ Тургеневъ», Юл. Шмидта.— Л. П. 909
Критика и Литературныя Извѣстія.—Ноябрь.—I. Русская литература: Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія профессора Роммеля. К-ій.—Матеріалы для изученія тюремнаго вопроса. М. И. Галкина. — Окраины Россіи. Юр. Самарина. — Богословскія сочиненія А. С. Хомякова. — Галичина и Молдавія. В. Кельсіева. Д. — II. Иностранная литература: The invasion of Crimea, by Kinglake.—Journal humoristique ou siége de Sébastopol, par un artilleur.—И. Н. 917
Алфавитный Указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», за 1868 годъ 957

Digitized by Google

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіе ноября вновь поступили слѣдующія книги:

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ. Пещеры и подземелья. Соч. Адольфа Бадена. Пер. съ французскаго, съ 55-ю виньетками. Спб. 1869. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ. Т. 12: Сочиненія *М. В. Авдѣева*. Изд. Ѳ. Стелловскаго. Спб. 1868. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.

УГОЛОВНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Процессы всѣхъ странъ. Т. 2, книжка 1-я. Дрезденъ. 1868. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 60 к.

ОЧЕРКИ СРЕДНЕЙ АЗІИ. Дополненіе къ путешествію по Средней Азіи. А. Вамбери. М. 1868. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 60 к.

ИСТОРІЯ РОССІИ съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *Сергѣя Соловьева*. Т. 18. М. 1868. Ц. 2 р. съ перес 2 р. 40 к.

ИСТОРІЯ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И СУДОУСТРОЙСТВА Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, принаровленная къ университетскому курсу. Н. Гартунгъ. Спб. 1868. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ПИСЬМА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА къ Гавріилу Архіепископу Рязанскому и Зарайскому. М. 1868. Ц. 75 к., съ перес. 1 рубль.

САМОПОМОЩЬ, какъ средство къ удешевленію книгъ и устраненію невыгодныхъ условій умственнаго труда, П. А. Мясоѣдова. Спб. 1868. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

ВОЙНА И МИРЪ 1805—1812 г., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника, по поводу сочиненія графа Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ» А. С. Норова. Спб. 1868. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

СУДЕБНЫЕ ПРИСТАВЫ и правила исполнительнаго производства, (по Суд. Уст. 20 ноября 1864 г.). Съ приложеніемъ формъ: повѣстокъ, книгъ, вѣдомостей, описей, журналовъ и проч. Спб. 1868. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

ОБЗОРЪ КОМПАНІЙ 1812—1813 годовъ, военно-математическія задачи, и о желѣзныхъ дорогахъ. Соч. кн. С. С. Урусова. М. 1868. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 80 к.

ПОВѢСТИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. Разоренный городъ. Соч. А. Разина. Спб. 1868. Ц. 40 к. съ пер. 60 к.

ГЕТМАНЪ СТЕПАНЪ ОСТРАНИЦА. А. Разина. Спб. 1868. Ц. 40 к. съ пер. 60 к.

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЪ. А. Разина. Спб. 1868. Ц. 50 к. съ пер. 70 к.

ДОИСТОРИЧЕСКІЙ БЫТЪ ЧЕЛОВѢКА и начало цивилизаціи. Соч. Е. Б. Тайлора. М. 1868. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ въ примѣненіи къ различнымъ отраслямъ промышленной дѣятельности. Очерки 600 ремеслъ и занятій. Сост. А. Дауль, перев. подъ редакц. П. Н. Ткачева. Съ приложеніемъ статьи П. Н. Ткачева: «Женскій вопросъ» Ч. 1. Спб. 1869. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

Digitized by Google

СОЧИНЕНІЯ ГЕНРИХА ГЕИНЕ, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціею Петра Вейнберга. Т. 10. Спб. 1868. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЩЕЛКАЛОВЪ, осударственный дьякъ и печатникъ. Историческая комедія въ 4-хъ дѣйств. Соч. П. Сухонина. Спб. 1868. Ц. 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

УЧЕНІЕ ОБЪ УДОБРЕНІИ. Учебникъ для употребленія при лекціяхъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія. Д-ра Эдуарда Гейдена (въ 2 частяхъ). Ч. 1 теоретическая. М. 1869. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 2 р. 85 к.

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу:

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Соч. *М. И. Богдановича.* Первые четыре тома заключаютъ въ себѣ изложеніе событій и административныхъ распоряженій въ Россіи, съ 1806 по 1815 г. Вторая часть этого труда, въ двухъ томахъ, содержащая въ себѣ исторію Александра I и Россіи, съ 1815 по 1825 г., будетъ издана въ концѣ 1870 года.

Собраніе общепонятныхъ естественныхъ научныхъ, гигіеническихъ и медицинскихъ сочиненій. Выпускъ 1-й, перев. съ нѣмецкаго, подъ редакціей д-ра медицины С. Ловцова.

Каталогъ русскихъ книгъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, — будетъ заключать въ себѣ отъ 45 до 50 печатныхъ листовъ. Въ составъ этого изданія войдутъ до 12,000 заглавій книгъ, обращающихся нынѣ въ продажѣ, съ указаніями критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ, помѣщавшихся во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: журналахъ, газетахъ, губернскихъ вѣдомостяхъ, сборникахъ, съ 1825 г. до 1869. Сверхъ того, войдутъ указанія на переводы русскихъ книгъ на иностранные языки. Въ концѣ каталога прилагаются алфавитные указатели. Изданіемъ завѣдуетъ *В. И. Межовъ.*

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

тія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *ргія Соловьева*. Томъ XVIII. Москва, 1868. тр. 362 и XV. Ц. 2 руб.

семнадцатый томъ „Исторіи Россіи съ древнихъ временъ“ составляетъ томъ шестой и адцій „Исторіи Россіи въ эпоху преобразо-“. С. М. Соловьевъ окончилъ теперь исторію ніи Петра Великаго. Прошло полтораста со смерти преобразователя, и только въ ій разъ мы получаемъ полную и всесторон-картину, достойную той эпохи, откуда ве-начало современнаго порядка вещей. О сте-интереса, который долженъ возбудиться по-нимъ томомъ почтеннаго труда С. М. Соло-, можно судить уже и потому, что значи-ая часть его посвящена внутренней дѣятель-правительства въ послѣдніе годы царство-Петра Великаго. Авторъ заключаетъ свой общею оцѣнкою дѣятельности Петра Вели-и значенія времени, протекшаго отъ его ти до вступленія на престолъ Екатерины II. точка зрѣнія автора на характеръ дѣятель-Петра, съ которою нельзя не согласиться: дѣло историка безусловно восхищаться всѣми ніями этой эпохи....; но изображая дѣятель-человѣческую съ необходимою въ ней тем-о, историкъ имѣетъ право изображать дѣя-ость Петра, какъ дѣятельность великаго че-ка, послужившаго болѣе другихъ для своего да и для человѣчества“. Нельзя не поздра-нашу науку съ такимъ колоссальнымъ при-теніемъ, какое представляетъ намъ трудъ С. М. ьева; его дальнѣйшія работы отъ смерти а, приближаясь къ нашему времени, будутъ вать, безъ сомнѣнія, самыя нетерпѣливыя анія нашей публики.

Ѳедоръ Іоанновичъ. Трагедія въ пяти дѣй-віяхъ. *Гр. А. К. Толстаго*. Спб. 1869. Стр. 5. Ц. 1 руб.

шимъ читателямъ хорошо знакомо это по-ее произведеніе гр. А. К. Толстаго. Теперь выходитъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ. Въ шней книгѣ мы помѣщаемъ проэктъ автора ительно постановки на сцену этой трагедіи; слухѣ о неудобствахъ такой постановки, про-автора обращаетъ на себя все вниманіе, по-того, что въ немъ найдутся, быть можетъ, а полезныя общія указанія и взгляды для хъ сценическихъ артистовъ.

ръ кампаній 1812 и 1813 гг., военно-матема-ческія задачи, и о желѣзныхъ дорогахъ. *Кн. С. Урусова*. Москва, 1868. Стр. 193. Ц. 2 р. 0 к.

нача автора состоитъ въ примѣненіи мате-матики къ исторіи, такъ какъ, по его мнѣнію, „надо позволить математикѣ вторгнуться въ предѣлы исторіи“. Въ этомъ смыслѣ составленъ имъ обзоръ кампаній 1812 и 1813 гг., „по поводу появленія въ печати извѣстнаго творенія гр. Л. Н. Толстаго: „Война и Миръ“. „Въ результатѣ оказывается у автора, что „изъ всѣхъ народныхъ бѣдствій наименьшимъ необходимо признать войну, потому что война есть сила гораздо болѣе уравнительная (!), чѣмъ разрушительная“. Относительно стратегіи, статья автора „обнаруживаетъ, сколь необычайное сходство и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тождество, существуетъ между вопросами о передвиженіи войскъ и задачами шахматными“. Предоставляемъ оцѣнить справедливость этого послѣдняго положенія спеціалистамъ.

Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго, до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы, *Ф. К. Шлоссера*. Перев. съ четверт. изд. Изд. второе. Т. I, II, III и IV. Спб. 1868. Всего будетъ 8 томовъ. Ц. 10 руб.

Шлоссеръ и его классическое сочиненіе вошли въ нашу литературу, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и притомъ въ переводѣ, какъ нельзя болѣе удовлетворительномъ и добросовѣстномъ. Текстъ перваго изданія сохраненъ и въ новомъ безъ перемѣнъ; но мѣста, переданныя прежде не совсѣмъ полно, теперь вставлены по нѣмецкому подлиннику, конечно, къ выгодѣ и самого сочиненія и читателей его перевода.

Сборникъ земскихъ извѣстій по Тамбовской губерніи. Вып. 1. Тамбовъ, 1868. Стр. 242. Ц. 40 коп.

Обращаемъ особенное вниманіе людей, интересующихся нашимъ народнымъ хозяйствомъ, на этотъ сборникъ, издаваемый Тамбовской губернской управой для распространенія точныхъ свѣдѣній о своемъ краѣ. Нельзя не пожелать, чтобы и другія управы послѣдовали примѣру Тамбовской, и тогда мы будемъ имѣть въ рукахъ несомнѣнныя данныя къ ознакомленію съ дѣйствительными силами своего хозяйства. Хотя „Сборникъ“ издается губернскою управою, но выходитъ подъ цензурою; впрочемъ, главное значеніе сборника составляютъ цифры.

Настольный Календарь на 1869 годъ. Изданіе *М. О. Вольфа*. Спб. и Москва, 1868. Ц. 1 р. 25 к.

Этотъ календарь принадлежитъ къ числу весьма богатыхъ по количеству свѣдѣній, но и въ немъ, какъ и въ другихъ, продолжаютъ игнорироваться желѣзныя дороги, которыя заслуживали бы для себя особаго отдѣла.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ИНОГОРОДНЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Редакція „Вѣстника Европы“ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ подписчиковъ, что ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ, а потому проситъ желающихъ возобновить подписку въ 1869 году высылать подписную сумму, а именно: 17 рублей за годъ и 9 рублей за полгода (подписная цѣна увеличена на одинъ рубль вслѣдствіе увеличенія Почтамтомъ платы за пересылку отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 80 к.), не иначе, какъ по слѣдующему адресу: Въ редакцію „Вѣстника Европы“, въ С.-Петербургѣ, Галерная 20. — Только отъ тѣхъ подписчиковъ, которые адресовались прямо въ Редакцію, будутъ принимаемы письменныя жалобы и удовлетворяемы высылкою новыхъ экземпляровъ, въ случаѣ потери Почтамтомъ, если мѣстная Почтовая Контора засвидѣтельствуетъ на жалобѣ, что требуемый нумеръ не былъ ею полученъ изъ Газетной Экспедиціи на имя лица, предъявляющаго жалобу.

Примѣчаніе. Главная Контора журнала, при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова (на Невскомъ проспектѣ) открыта для городскихъ подписчиковъ, для желающихъ получать журналъ безъ доставки въ самомъ магазинѣ, и для тѣхъ иногородныхъ подписчиковъ, которые имѣютъ случай подписаться лично, а не по почтѣ. — Книжные магазины, обращаясь въ Главную Контору журнала пользуются обыкновенною уступкою.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

НА 1869 ГОДЪ.

	Годъ.	Полгода.
Безъ доставки	14 руб.	— 7 руб. 50 коп.
Съ доставкою на домъ въ Спб. и Москвѣ.	15 „	— 8 „
Съ пересылкою въ губерніи	17 „	— 9 „

За-границу, — только на годъ, съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія*, *Швеція*, *Испанія* и *Португалія* — 21 руб. *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 руб.

Примѣчаніе.—Книжные магазины для помѣщенія своихъ объявленій, обращаются прямо въ редакцію, и для ближайшаго срока, доставляютъ оригиналы не позже 20-го числа.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google